

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

А П Р Ъ Л Ъ

1903 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

Дозволено цензурою. Київ, 12 марта 1903 года.

Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія ¹⁾.

Экономическія отношенія.

Въ 1888—89 г.г. я помѣщаль въ «Кіевской Старинѣ» мои письма объ украинскомъ народномъ міровоззрѣніи. Я говорилъ о религіозномъ міровоззрѣніи и о семейныхъ отношеніяхъ. Теперь я хочу поговорить о народномъ взглядѣ на правовыя нормы экономической жизни. Такъ какъ мои письма печатались довольно давно, то мнѣ приходится здѣсь повторить, что я далеко отъ притязанія на исчерпывающее освѣщеніе предмета. Это не болѣе, какъ попутныя наблюденія человѣка, поставленнаго условіями личной жизни въ довольно близкое соприкосновеніе съ сельскимъ людемъ. Къ тому же и районъ наблюденій довольно ограниченъ: въ молодости я жилъ въ кіевскомъ уѣздѣ, потомъ поселился въ сквирскомъ (кіевской губ.) и дѣлалъ иногда болѣе или менѣе от-

---

¹⁾ Настоящая статья, служащая продолженіемъ печатавшихся въ «Кіев. Старинѣ» (1888 г. № 11; 1889 г. № 9—11) очерковъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ, найдена была между бумагами О. Р. Рыльского послѣ его смерти. Нашъ дорогой сотрудникъ готовилъ эту часть статьи тоже для нашего журнала, но продолжительная болѣзнь не позволила ему окончательно обработать ее до конца, такъ что только начало статьи помѣщается теперь въ окончательной отдѣлкѣ, а остальная часть, тоже почти совсѣмъ выправленная, печатается по черновымъ листамъ. *Ред.*

даленныя экскурсіи по Украинѣ. Этимъ матеріаломъ личныхъ наблюденій я и хочу главнымъ образомъ воспользоваться въ настоящемъ письмѣ.

Около тридцати лѣтъ тому назадъ ко мнѣ обращался за разными совѣтами одинъ зажиточный крестьянинъ сквирскаго у., имѣвшій въ виду купить у сосѣдняго помѣщика около 30 десятинъ земли. Онъ ее и купилъ, но во время разныхъ совѣщаній о цѣнѣ, условіяхъ продажи и т. п. онъ мнѣ сказалъ, что, можетъ быть, стремясь къ покупкѣ даннаго куска земли, онъ поступаетъ неблагоразумно, такъ какъ говорятъ, что всѣ земли будутъ надѣлять на души и что въ такомъ случаѣ данная покупка будетъ для него бесполезною (ему придется получить и такъ достаточное количество земли). Этотъ крестьянинъ принадлежалъ къ числу зажиточныхъ, что видно уже и изъ размѣровъ покупаемаго (безъ содѣйствія какого-нибудь кредитнаго учрежденія) участка. Въ виду этого его взглядъ на данный вопросъ былъ результатомъ спокойнаго размышленія, выросшаго на общемъ фонѣ крестьянскаго міровоззрѣнія, а не продуктомъ страстной мечтательности. «Тымъ часомъ докы що буде, треба купыть».

Глухіе, неопредѣленные толки о вѣроятныхъ болѣе или менѣе радикальныхъ аграрныхъ преобразованіяхъ, зарождаются, какъ извѣстно, отъ времени до времени среди селянъ той или иной мѣстности. Вѣсти о подобныхъ толкахъ вызываютъ часто преувеличенную тревогу и служатъ матеріаломъ для обличенія крестьянъ въ грубой жадности, невѣжествѣ и т. п., и благо еще, если этимъ только и ограничивается обличительное направленіе. Необходимо, однако, констатировать, что болѣе оживленіе подобяныхъ толковъ въ извѣстные моменты не вызываетъ обыкповенно насильственныхъ дѣйствій со стороны крестьянъ. Причину этого я постараюсь объяснить дальше, теперь же хочу указать на одно явленіе, довольно часто повторяющееся и находящееся въ связи съ даннымъ общимъ направленіемъ народной мысли.

Когда случается, что какой-нибудь болѣе значительный участокъ земли или все помѣщицье имѣніе продается, и имѣніе это

покупаеть другой помѣщикъ или вообще чужой человѣкъ, то крестьяне даннаго села обыкновенно говорятъ: «мы жъ ближнійши», особенно если имѣніе торговали и они. На основаніи этого аргумента («мы жъ ближнійши») они довольно часто обращаются къ властямъ съ просьбой уничтожить данную сдѣлку и предоставить мѣстнымъ крестьянамъ преимущественное право купить землю за цѣну, условленную покупателемъ. Надежды и оживленіе въ подобныхъ случаяхъ бываютъ обыкновенно довольно значительны. Случается, разумѣется, что нечистые дѣльцы своекорыстно возбуждаютъ эти надежды общаніями цѣлесообразной юридической акціи, тѣмъ не менѣе, когда хлопоты въ данномъ направленіи оказываются тщетными, население, не безъ чувства горечи, конечно, примиряется съ фактомъ, вытекающимъ изъ положительнаго закона. Отмѣченное въ указанныхъ случаяхъ отсутствіе склонности къ насильственнымъ дѣйствіямъ, наряду со смѣлостью теоретическихъ предположеній, неправильно было бы объяснить пассивностью народнаго темперамента и тому подобными соображеніями.

Какъ извѣстно бываютъ у насъ случаи такъ-называемыхъ аграрныхъ столкновеній, сопряженные съ дѣяніями, которыя юридическая терминологія подводитъ подъ понятіе самоуправства, насилія и т. п., но эти столкновенія имѣютъ мѣсто тогда только, когда (основательно или ошибочно) крестьяне предполагаютъ, что положительный законъ на ихъ сторонѣ, и что онъ самоуправно нарушается другими лицами во вредъ имъ, и потому считаютъ дозволенной бѣольшую рѣшительность дѣйствія при осуществленіи своего права.

Въ случаѣ, когда крестьяне рассчитываютъ на преобразованіе въ желательномъ для нихъ направленіи положительнаго закона, они не оставляютъ легальной почвы, обращаются къ оффиціальнымъ лицамъ и учрежденіямъ, компетентнымъ по ихъ мнѣнію въ данномъ отношеніи, не предпринимая отдѣльныхъ дѣяній, запрещаемыхъ существующимъ положительнымъ закономъ.

Если мы захотимъ разобратъся въ основахъ народнаго міровоззрѣнія по данному вопросу, то, отвлекаясь отъ своеобразныхъ формулъ народной стилизаціи, мы можемъ, мнѣ кажется, такъ ихъ формулировать: данный аграрный строй не есть окончательное звено сюда относящейся эволюціи общественныхъ явленій; будущее развитіе расширить земельныя права лицъ, обрабатывающихъ своимъ непосредственнымъ трудомъ землю, при чемъ безвозмездность этого преобразованія не есть необходимое его условіе («теперь нема бесплатной земли»), законодатель имѣеть очень широкія полномочія по данному вопросу и потому съ положительными его требованіями въ каждый отдѣльный моментъ нужно серьезно считаться.

Выраженное въ этомъ болѣе обычномъ для насъ стилѣ народное міровоззрѣніе не производитъ уже впечатлѣнія фантастической мечтательности, диктуемой грубой жадностью. Не входя въ оцѣнку даннаго міровоззрѣнія по существу, мы должны признать, что взгляды многихъ серьезныхъ мыслителей и практическихъ общественныхъ дѣятелей довольно близко съ нимъ сходятся, отличаясь только болѣе строгой аргументаціей, болѣе послѣдовательнымъ ходомъ мысли и болѣе уравновѣшенными соображеніями о степени общей и технической культурности общества.

Но если въ программу настоящаго очерка не входитъ разборъ даннаго міровоззрѣнія по существу, то сюда, конечно, относится все, что можетъ уяснить генезисы направленія народнои мысли.

Въ скромныхъ, намѣченныхъ уже раньше, рамкахъ настоящихъ замѣтокъ, я постараюсь это сдѣлать. Но общія разсужденія я предпочитаю замѣнить фактическими наблюденіями. Я начну съ экскурсіи въ край архаическихъ (до недавняго по крайней мѣрѣ времени) аграрныхъ отношеній. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ (19-го столѣтія) я проѣзжалъ по землѣ бывшаго войска черноморскаго. Изъ Ейска въ Екатеринодаръ я ѣхалъ на одноконной подводѣ съ возницей, уроженцемъ полтавской губ., по прожившимъ уже нѣсколько лѣтъ въ Черноморіи. Мы ѣхали не спѣша, пасли лошадь по мѣрѣ надобности въ степи, не справ-

ляясь ни съ какими разрѣшеніями. Меня это не удивляло, такъ какъ изъ болѣе давней экскурсіи въ Новороссійскій край я былъ знакомъ съ такой свободой отношенія къ подножному корму. Но я удивился, когда въ одномъ мѣстѣ мой возница остановилъ лошадей среди дороги, досталъ изъ воза косу и началъ косить прекрасную степную траву. На мой вопросъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣтилъ, что намъ придется почевать въ балкѣ, въ которой нѣтъ хорошей травы, и потому нужно здѣсь запастись. Я ему замѣтилъ, что не въ томъ дѣло, но что такимъ безцеремоннымъ отношеніемъ къ сѣнокосу мы можемъ нажить непріятности.—«Ни, ще тутъ—хвалить Бога—цѣго немає». Въ другомъ мѣстѣ мы проѣзжали около хаты, въ которой хозяйка козачка угощала пришлыхъ рабочихъ косарей «чаркою и вечерею». Мѣстное населеніе не могло справиться съ уборкой сѣна и хлѣба тѣмъ болѣе, что мужское населеніе было отвлекаемо продолжавшеюся еще борьбою съ горцами. Пришлые рабочіе были желанными и сравнительно хорошо оплачиваемыми помощниками въ козацкомъ хозяйствѣ. Въ данномъ случаѣ исполненіе хозяйскихъ обязанностей по отношенію къ харчеванію смѣшивалось, подъ вліяніемъ удачной косовицы, съ гостепріимнымъ радушіемъ. Хозяйка была радостно возбуждена, косари начинали уже пѣть, мы чуть было не попали, по приглашенію хозяйки, въ оживленную компанію. Проѣзжая дальше, я сказалъ моему возницѣ, что хозяйка, угощавшая косарей, имѣла видно много земли, такъ какъ косарей у нея работаетъ много. Мой возница объяснилъ мнѣ, что не въ землѣ тутъ сила, а въ деньгахъ; всякій можетъ покосить сколько имѣетъ силы, «скільки може, стільки и накосять».

Изъ Екатеринодара въ Тамань я пріѣхалъ уже съ другимъ возницей, имѣя въ виду переѣхать оттуда въ Керчь и Одессу. Мой возница «впросывся» почевать въ одну изъ станичныхъ хатъ. Пароходъ, сообщавшій Тамань съ Керчью, ходилъ въ то время, помнится, одинъ разъ въ недѣлю, и такъ какъ я не успѣлъ ко времени его отхода, то мнѣ пришлось прожить въ Тамани нѣсколько дней. Съ разрѣшенія хозяйки и старухи-матери я остался въ той же хатѣ; хозяинъ находился на военной

службѣ. Во время моего пребыванія прїѣхалъ на одинъ день и онъ. Разъ хозяйка заявила ему: «а що—пора вже нашъ ячминь жать».

— «А де жъ нашъ ячминь?»—спросилъ хозяинъ. Жена сказала ему, называя разныя урочища. Меня удивило такое незнаніе со стороны хозяина мѣста его ярового посѣва. Но дѣло объяснялось просто. Всякая козацкая семья засѣвала тотъ или иной хлѣбъ въ томъ мѣстѣ, которое она считала удобнымъ, оставляя послѣ одного или нѣсколькихъ сборовъ пидъ «перелигъ», которымъ могъ воспользоваться тотъ или иной изъ хозяевъ. На другой день хозяйка съ наймытомъ собрались ѣхать собирать ячмень. Такъ какъ я видѣлъ, что съ моего возницы не взяли платы за прокормъ его съ конемъ, то, предполагая (какъ оказалось, основательно), что и со мною это можетъ случиться, я предложилъ свое участіе въ сборѣ ячменя. Жнецъ то я былъ неважный, но все-таки жалъ кое-какъ. Мы и отправились вмѣстѣ. Ячмень, дѣйствительно, удался прекрасно и потому его жали, а не косили. Мѣсто, гдѣ онъ былъ посѣянъ, было порядочно таки удалено отъ станицы, такъ что мы и ночевали въ полѣ, несмотря на то, что съ нами были лошади. Смотри на этотъ прекрасный ячмень и припоминая значительное разстояніе, которое мы проѣхали въ степи, я думалъ, что недаромъ же хозяйка потрудила свою умную «головку» и свои «били нижкы», выбирая мѣсто для посѣва.

Вотъ аграрныя условія, при которыхъ для мѣстнаго населенія «степы-поля» была, дѣйствительно, «роскишь моя». Встрѣчались они на мѣстахъ наиболѣе поздняго поселенія малорусскаго племени. Здѣсь исторія аграрныхъ отношеній находилась въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ фазисовъ своего развитія, и потому въ этой новой землѣ можно было замѣчать черты, свойственныя очень давнему періоду развитія давнонаселенныхъ мѣстностей, не оставившему послѣ себя даже достаточныхъ документальныхъ данныхъ. Правда, и въ то уже время въ теоріи, значащейся въ официальныхъ документахъ, право пользованія землею было болѣе точно регламентировано (30 десятинъ, кажется, на

простого козака), но регламентація эта существовала только на бумагѣ. Тѣмъ не менѣе и въ краѣ этого земельного приволья встрѣчались уже—по словамъ мѣстныхъ жителей--и земельные споры. Споры эти относились къ усадебнымъ землямъ. Большая ограниченность земель удобныхъ для усадьбы, большая интенсивность ихъ культуры достаточно объясняютъ это явленіе. Оно же служитъ и указаніемъ на ограниченную пригодность архаическихъ формъ землепользованія. Увеличивающійся натискъ на землю возрастающаго населенія, большая интенсивность культуры, вызываемая имъ, составляютъ естественныя непреодолимые препятствія для ихъ существованія. Но изъ этого далеко не слѣдуетъ, что исторически онѣ разбивались объ этотъ именно камень преткновенія. За исчезающими по своей мелочности, спорадичности и неполнотѣ исключеніями, европейскій землевладѣлецъ почувствовалъ относительную земельную тѣсноту далеко раньше естественнаго ея наступленія подъ вліяніемъ причинъ совсѣмъ иного порядка. Такъ было и на Украинѣ. Этотъ дѣйствительный историческій ходъ событій выразился естественно и въ формулахъ положительнаго закона относительно правъ землевладѣнія и въ критическомъ возрѣніи на него со стороны слоевъ населенія, считавшихъ себя обойденными историческимъ ходомъ событій. Еще въ старой козацкой думѣ звучитъ нареканіе на «ляхивъ-дукивъ», которые «забрали все наши луги й луки». Такой именно взглядъ на аграрныя отношенія, какъ на результатъ насилія, доминировалъ въ народномъ міровозрѣніи временъ крѣпостныхъ. Подвергаясь подъ вліяніемъ измѣняющихся обстоятельствъ разнымъ модификаціямъ, взглядъ этотъ не могъ, конечно, исчезнуть, не оставляя слѣдовъ въ современномъ народномъ міровозрѣніи. Это и побуждаетъ меня нѣсколько остановиться на народномъ міровозрѣніи временъ крѣпостной зависимости. Суровый отрицательный взглядъ на крѣпостной строй нигдѣ, мнѣ кажется, такъ ярко не выражался, какъ на территоріи бывшихъ вольностей войска запорожскаго, гдѣ и традиція свободнаго доступа къ землямъ, и относительное обиліе ихъ, и болѣе позднее появленіе фактическаго «пидданства»—придавало особенно живую окраску народной мысли и чувству.

Къ концу 50-хъ годовъ (прошл. стол.) нѣсколько насъ товарищей студентовъ провели значительную часть каникулъ въ «мандривкѣ» по Новороссіи. Мы держались преимущественно мѣстъ болѣе близкихъ къ Днѣпру, проѣзжая по правому его берегу. Это были мѣста, давнѣе населенныя или смежныя съ ними, и здѣсь на всякомъ почти шагу мы встрѣчались съ живымъ воспоминаніемъ о Запорожьи.

Воспоминаніе это для крестьянскаго населенія имѣло значеніе воспоминанія о свободномъ доступѣ къ землѣ и личной волѣ. Этотъ порядокъ противопоставлялся крѣпостному, панскому. «За запорожцевъ добре було жыть, а теперъ де ярюкъ—тамъ панюкъ, а де яръ—тамъ панъ». Это была ходячая стереотипная фраза, съ которою мы встрѣчались на каждомъ шагу. Это противопоставленіе запорожскихъ и крѣпостныхъ порядковъ было такъ живо, что при разговорѣ объ ожидаемомъ и приготавливавшемся освобожденіи крестьянъ случалось слышать разсужденіе: «чы не запорожець пиднявся». Я помню сильное впечатлѣніе, произведенное на насъ бесѣдою старика «рыбалки» въ с. Покровскомъ на мѣстѣ одной изъ сѣчей запорожскихъ. Впечатлительность нашу оживляла историческая почва, матеріальные слѣды прошлаго (каменные кресты на могилахъ товарища того или иного куреня, памятникъ Сирка), благодушіе всей семьи, да наши молодые годы. Мѣсяць освѣщаль бѣлую, обвѣшанную «нызками» рыбы, хату и всю семью, вечерявшую передъ хатой. Насъ также пригласили на вечерю. За вечерею старикъ разговаривался, побуждаемый нашими вопросами. Онъ разсказывалъ о бытовыхъ чертахъ козацкой жизни, разсказалъ, между прочимъ, въ прозаической формѣ одинъ изъ вариантовъ думы о Ганжѣ Андыберѣ, но рѣчь его звучала особенно краснорѣчиво, когда онъ перешелъ къ разсказамъ о разореніи Сѣчи, когда передавалъ легенду о церкви, которая провалилась въ землю, не желая быть свидѣтельницей совершающихся фактовъ. Но факты совершились, «народъ и земли» были легкомысленно, капризно розданы. Здѣсь такъ и слышался тотъ тонъ, который звучитъ у Шевченка, когда онъ говоритъ о разныхъ невзгодахъ, которыя на Украину «сараноу силы».

Въ давно населенной «городовой» Украинѣ *подданскія* отношенія были давнимъ фактомъ. и если во второй половинѣ 18 ст. встрѣчались еще массовые протесты противъ него, то неудачный ихъ исходъ, съ одной стороны, и болѣе сильныя руки, взявшіяся за охрану даднаго общественнаго строя съ конца 18 ст.—съ другой, подсказывали какъ будто мысль о стихійной ихъ непреоборимости. Потому въ давно населенной Украинѣ (я говорю о болѣе мною знаемой—правобережной) тонъ протестующаго негодованія, болѣе рельефно обрисовывавшійся въ Новороссіи, уступалъ иногда мѣсто безнадежному унынію. Когда-то, давнымъ давно, я слышалъ въ кievскомъ уѣздѣ сказку, детали которой ускользнули, къ сожалѣнію, изъ моей памяти. Но сущность ея такова. «Заможній» хозяинъ широко оповѣстилъ о томъ, что онъ устраниваетъ обѣдъ, но за столъ онъ посадить только *правду*. Къ нему явились люди разныхъ общественныхъ положеній, претендуя на мѣсто за столомъ, но онъ устраивалъ ихъ всѣхъ, указывая на разныя ихъ дѣянія, несогласныя съ идеей правды. Пришелъ и Богъ. Хозяинъ сталъ говорить о томъ, что Богъ даетъ однимъ всѣ блага жизни, оставляя на долю другихъ только ея тягости, и отказалъ и Богу въ мѣстѣ за столомъ. Тогда пришла смерть. Да, сказалъ хозяинъ, для тебя нѣтъ худшихъ и лучшихъ, ты относишься ко всѣмъ одинаково—твое мѣсто за столомъ.

Вотъ въ какомъ суровомъ, неприглядномъ видѣ представлялась иногда воображенію народа правда. Въ дѣйствительномъ, окружающемъ его мірѣ нѣтъ ея. «Нема въ свити правды, правды не зискати, що теперъ неправда стала напувати»—говорится въ известной лирической пѣснѣ. Такая нота безнадежнаго пессимизма звучала иногда въ разговорѣ крѣпостного люда. Въ дни очень ранней молодости моей мнѣ случалось слышать среди крестьянъ безнадежные разговоры о непоколебимости крѣпостного строя, хотя это и было накануне его упадка. Такой же смыслъ имѣеть и пословица: «мужыкъ мужыкомъ, на вики викомъ» (sic.). Такой же характеръ унылаго и какъ будто безнадежнаго протеста звучить и въ пѣснѣ, записанной мною въ крѣпостное время въ д. Маковицахъ, кievскаго уѣзда. Тѣ или иные ея варианты попадали

уже въ печать, но мнѣ она кажется настолько выразительной для освѣщенія затронутого вопроса, что я рѣшаюсь привести здѣсь ее цѣликомъ.

Ой Содома, пане брате,
Содома, Содома—
Нема въ мене снопка жыта
Ни въ поли, ни дома.

Було въ мене, куме, жыто
Зелене, зелене,
Зайихалы вражи паны,
Забралы одъ мене.

Було въ мене, куме, жыто
Гей скризь по-пидь ричку,
Зайихалы вражи паны
Забралы на сичку.

Ой пишовъ я, пане брате,
Платы помынаты,
А винъ мене выбывъ добре.
Ще й выгнавъ изъ хаты.

А щожъ майемъ, пане брате,
Тепера робыты,
Йде колія на панщыну
Ввесь тыждень ходыты.

Ой пишовъ я въ понедилокъ,
Пишовъ у вивторокъ,
Ажъ выйихавъ панъ комысаръ,
Давъ нагайивъ сорокъ.

Ой ходывъ я увесь тыждень,
Ходывъ до суботы,
Ажъ выйихавъ самъ панъ-дидычъ:
«Чортъ-ма зъ васъ роботы».

А въ недилю дуже рано
Уси дзвоны дзвонять,
Осаулы зъ козакамы
До выпысу гонять.

Ой думавъ я, пане брате,
Богу помолюся,
Осаула бере за лобъ
Бѣе кіємъ по ушахъ.

А наши осаулы
Мають въ пана ласку,
Зъ чоловіка деруть штаны,
А зъ жинки зацаску.
Въ Колонщыни дзвонь дзвонять
Въ Маковыщахъ тыхо,
Въ Колонщыни чортъ-ма добра
Въ Маковыщахъ лыхо.

Ой ходимо, пане-брате,
По за крути горы,
Нехай тута выводятся
Круки та вороны.

И никакого, кажется, луча надежды... Проклятіемъ родному мѣсту заканчивается пѣснь. Да, это было время, вызвавшее и у Шевченка вопль сомнѣнія: «чы Богъ бачить изъ-за хмары наши слѣзы й горе?»

Но если гнеть жизненныхъ условій вызываетъ иногда у отдѣльныхъ единицъ чувство полной безнадежности, то съ нимъ не мирится постоянно возобновляющаяся притокомъ новыхъ силъ коллективная единица. Для коллективной психологіи острое горькое сознание тяжелыхъ условій жизни служить обыкновенно точкой отправленія для мышленія, направленнаго на противодѣйствіе имъ. Если съ чувствомъ безвыходнаго отчаянія не мирится вообще мысль коллективнаго чловѣка, то въ данномъ случаѣ—меньше всего мысль украинскаго народа съ его традиціей двухвѣковой борьбы съ панскимъ общественнымъ строемъ, предшествовавшей времени, о которомъ была рѣчь. Вѣрный и чуткій сынъ этого народа—Шевченко вслѣдъ за цитированнымъ пессимистическимъ вопросомъ говоритъ: «пошлемъ думку ажъ до Бога, ёго запытаты: чы довго ще на цимъ свити катамъ пануваты?» И въ

данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, онъ былъ вѣрнымъ выразителемъ направленія народной мысли, переходящей отъ сознанія жизненныхъ условій къ протесту противъ нихъ.

Въ волынскомъ вариантѣ только что цитированной пѣсни о панцинѣ, записанномъ Вл. Б. Антоновичемъ, послѣдняя строфа гласить:

Ой ходимо, пане брате,
Въ степь, та въ гайдамакы,
Може колысь вражымъ панамъ
Дамося у знакы.

Исхода въ своемъ горѣ народъ ищетъ здѣсь въ обращеніи къ исторической традиціи. Такое ободряющее ея значеніе сохраняли для народа уцѣлѣвшія историческія пѣсни. На правобережьи не сохранилось бандуристовъ съ ихъ историческими думами. Историческую пѣснь сопровождалъ здѣсь жалобный аккомпаниментъ лиры или же она пѣлась хоромъ непрофессиональных сельскихъ пѣвцовъ. Не трудно понять, какой эффектъ производили среди крѣпостного люда пѣсни о борьбѣ съ «ляхами—мостивыми панамы», такъ какъ извѣстно, что подъ вліяніемъ хода историческихъ событій въ словѣ *ляхъ* почти исчезло его національное значеніе и оно стало синонимомъ слова—пань.

Значительною популярностью пользовалась пѣснь о сподвижникѣ Хмельницкаго, Нечай. Его не легко тревожатъ вѣсти объ идущихъ на него войной «ляшкахъ—панкахъ». «Козакъ Нечай, козакъ Нечай на те не вповайе, зъ кумасею Хмельныцького медь, выно кружайе», многократно повторяетъ пѣснь. Но когда этотъ беззаботный козакъ вскочилъ на коня, «за козакомъ, за Нечаемъ кровь ричкою тече», какъ снопы ложатся «ляшкы-панкы» и послѣ нѣкотораго времени «не выскочыть кинь козацькій зъ-пидь панського трупу». Въ окрестностяхъ Макарова (кіевск. уѣзда) пѣли о Бондаренкѣ, который «пишовъ до Бышева ляшкывь-панкывь быты», на югѣ кіевской губ. въ Субботовѣ былъ записанъ П. А. Кулишемъ извѣстный торжественный гимнь: «Ой не дывуйте, добрыи люде, що на Украина настало». Въ другихъ мѣ-

стахъ пѣлись другія аналогичныя пѣсни. Пѣсни эти пѣлись, оглядываясь на то, что «пичь у хати», почти по секрету, избѣгая слушателей изъ пановъ или полиціи. Это сообщало имъ тѣмъ болѣе эффе́ктивности; онѣ, также какъ и уцѣлѣвшіе остатки исторической традиціи, дѣйствовали ободряюще, напоминая о томъ, что какъ ни важенъ панъ—и съ нимъ всякое бывало. «Якъ кынувся ляхъ до шабли, бурлака до друка—оце жъ тобі, вражый сыну, зъ душею розлука». Конечно, историческія традиціи съ теченіемъ времени ослабѣвали, да кромѣ того ими неохотно дѣлились съ людьми, стоящими внѣ народной среды, такъ какъ онѣ по общему своему направленію представлялись въ крѣпостное время запрещеннымъ, такъ сказать, плодомъ. Направленіе это было то же, которое было присуще разсказамъ Тарасоваго *дида*, когда у него «столитніи очи, якъ зори сіялы».

Маленькой иллюстраціей народнаго угла зрѣнія на событія прошлаго можетъ служить слѣдующій эпизодъ изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Во время нѣшей студенческой каникулярной экскурсіи въ концѣ 50-хъ годовъ мы остановились въ Трипольѣ (кіевской губ.). Старикъ, *рыбалка*, угощалъ подъ корчмою надъ Днѣпромъ *молодыць*, помогавшихъ ему въ рыбной ловлѣ. Такъ какъ онъ видѣлъ меня водившимъ лошадей къ водопою, то считалъ меня дворовымъ какихъ-нибудь проѣзжихъ пановъ и потому не стѣснялся въ разговорахъ со мною; къ тому же онъ нѣсколько подвыпилъ. Я старался съ нимъ завязать разговоръ о преданіяхъ старины. Богатый могильникъ Триполья послужилъ точкой отправления разговора. Конечно, курганы онъ считалъ, по обыкновенію, козацкими, но хотя и говорилъ кое-что о козачествѣ, представленія его въ этомъ отношеніи были довольно смутны. «А чы не памятаете чога, диду, про гайдамакивъ»?—«Про гайдамакивъ? я й самъ, щобъ тобі не збрехать, зъ симдесять панивъ заколовъ». По сопоставленію его наружности и годовъ событій,—дидь, кажется, напрасно, употреблялъ оговорку: «щобъ тобі не збрехать», но по оживленію разсказа, детальности картинъ можно было съ увѣренностью заключить, что даншыя преданія онъ слышалъ въ ранней молодости отъ живыхъ участниковъ событій. Я

не берусь уже теперь за восстановление его живого, складнаго разсказа; я постараюсь восстановить только нѣкоторые его моменты, глубоко врѣзавшіеся въ мою память. Героемъ его разсказа былъ Швачка. Онъ со своими «хлопцями» сурово расправлялся съ «панамы и жыдамы»; въ добытыхъ панскихъ дворахъ устраивалъ пиршества, орошаемыя напитками изъ бывшихъ панскихъ погребовъ. Разъ какъ то евреи спрятались въ погребъ и на вопросъ: «кто вы такіе?» отвѣчали: «ченци». — «Щожъ вы робыте?» — «За батька Хмельницького Богу молимось». Я спросилъ дида: кто такой Хмельницкій. — «Хмельницькій — Швачка все йидно». Мнимымъ «ченциамъ», конечно, плохо пришлось отъ гайдамакъ. Но Швачку, наконецъ, поймали и закованного въ кандалы увезли. На прощаніе, обращаясь къ товарищамъ, онъ сказалъ имъ: «вы на те не вважайте, пийте, гуляйте, вражыхъ панивъ розбывайте».

Во всемъ этомъ разсказѣ до самохвальнаго утвержденія дида о его личныхъ дѣйствіяхъ включительно — ясно выступаетъ точка зрѣнія народной массы на событія прошлаго, а за ней и критерій оцѣнки крѣпостнаго строя. Разумѣется, подобные разсказы не были единственными, варьируясь по мѣсту и темпераменту разсказчика. Утверждать, что они очень часто встрѣчались, было бы рискованно, но и предполагать полную ихъ исключительность на томъ только основаніи, что съ ними рѣдко встрѣчались наблюдатели народной жизни изъ интеллигенціи — было бы другою крайностью. Нужно помнить о томъ недоувѣрїи къ людямъ, стоящимъ внѣ крестьянской среды со стороны народа, съ которымъ въ значительной мѣрѣ мы и теперь встрѣчаемся и которое въ крѣпостное время было, конечно, значительно сильнѣе.

Я уже упоминалъ о рѣзкомъ критическомъ отношеніи къ крѣпостному строю, встрѣчаемомъ въ Новороссїи, при чемъ воспоминанія о болѣе недавнемъ земельномъ довольствѣ и личной свободѣ придавало здѣсь міровоззрѣнію народному по данному вопросу особенную живость. Этотъ отгѣнокъ народнаго міровоззрѣнія не оставался безъ вліянія и на болѣе давно закрѣпощенное населеніе болѣе сѣверной Украины. Довольно часто повторявшіеся временные побѣги изъ давно населенныхъ мѣстъ въ Ново-

россію служили орудіемъ этого воздѣйствія. Какъ ни рѣшительно крѣпостное право признавалось законнымъ порядкомъ и въ Новороссіи, однако сравнительная скудость населенія и обиліе земель не позволяли здѣсь построить всей системы хозяйства на мѣстномъ крѣпостномъ трудѣ. Пришлецы изъ сосѣднихъ губерній были крайне желательны, и въ виду этого никто не допытывался особенно тщательно о томъ: была ли у появившагося наймита «бумага». Одинъ мой знакомый, бѣглый крѣпостной изъ кievскаго уѣзда, служилъ нѣсколько лѣтъ у станового пристава въ херсонской губ. Нѣкоторые изъ *заробитчанъ* въ Новороссіи могли имѣть и законные виды (напр. старики, имѣвшіе болѣе 50 лѣтъ и не подлежашіе панцинѣ по инвентарнымъ правиламъ, а то, такъ называемые вольные люди, чиншевики и др.) но преобладали, кажется, «безбилетни»: Нѣкоторые изъ нихъ возвращались въ родныя села при измѣняющихся обстоятельствахъ, при переходѣ, напр., имѣнія въ другія руки, иные возвращались и поневолѣ. Тѣ и другіе дѣлились, конечно, съ мѣстнымъ населеніемъ впечатлѣніями, вынесенными изъ мѣстъ ихъ временнаго пребыванія. Уже самый фактъ сравнительно хорошихъ заработковъ по вольному найму имѣлъ оживляющее значеніе для крѣпостной массы. Разказы и пѣсни о бурлакахъ, ходившихъ на степной югъ и на взморье, встрѣчались въ отдѣльныхъ мѣстахъ сѣверной Украины. Правда, и на степномъ югѣ давали себя чувствовать иногда знакомые суровые порядки.

Якъ були мы на мори,
 То гулялы доволи—
 Теперъ же мы не на мори,
 Безбилетнымъ жыть намъ горе
 Въ чужій сторопи».

Непосредственно преслѣдовалъ «безбилетныхъ» «війть» или «соцькій» (ото жъ сыпъ пребисовскій), тотъ или другой «суду не розбере, тилькы зъ бурлакъ гроши бере», но они были только орудіями панскихъ стараній. Бѣжали отъ панскихъ порядковъ

иногда и подальше, куда нибудь за Дунай, но и здѣсь подчасъ встрѣчались препятствія.

Та Дунай ричка не глыбока
 Ще ѿ на перевози не шырока,
 Береги зъ берегама,
 А лугы изъ лугама,
 Де проходить корабыма».

Корабли эти возили бурлакъ въ новые края, на вольные заработки,

«А теперъ не проходятъ
 И бурлакъ не провозятъ
 За превражымы панамы».

Бывало, значить, и въ тѣхъ далекихъ мѣстахъ плохо, но бывало и лучше. Въ Новороссіи не разъ весело и довольно «збиралася бидна голота у трахтыръ гулять», и не какой-нибудь панскій «осаула» гналъ ее на панщину, а конкурирующіе приказчики ухаживали за ними, зазывая на вольную работу къ тому или иному хозяину. Воображенію крѣпостного люда и эти уже отношенія говорили много; къ этому присоединялись рассказы о большемъ земельномъ довольствѣ въ Новороссіи и большей зажиточности, связанной съ нимъ. Не безъ того, что побывавшіе тамъ иной разъ приукрашивали дѣйствительность, можетъ быть, не преднамѣренно, а подъ вліяніемъ той иллюзіи, которая часто окружаетъ личныя воспоминанія на нѣкоторомъ протяженіи мѣста и времени при значительно измѣнившихся обстоятельствахъ. Изъ воспоминаній очень ранней молодости я помню эти рассказы и впечатлѣніе, испытываемое мною. Оно не было критически провѣряемо и несомнѣнно значительно скрашивало дѣйствительность. Но мнѣ кажется, что именно потому оно было тѣмъ ближе къ впечатлѣнію, выносимому изъ данныхъ рассказовъ средой, сопоставлявшей ихъ съ своей панщинной жизнью: «Жыве винъ у землянци (новороссійскій крестьянинъ), а зайды до ёго: скильки тамъ всякого добра, а скильки того степену!» Какъ будто слышится

мнѣ разсказъ моего знакомаго Данила въ д. Маковищахъ (кіевскаго уѣзда).

Кромѣ разсказовъ изъ современной жизни, люди, побывавшіе на территоріи бывшихъ «запорожскихъ вольностей», принесли и пѣсни, касавшіяся послѣднихъ временъ существованія Запорожья. Этимъ, вѣроятно, объясняется, сравнительно значительная распространенность историческихъ пѣсенъ, касающихся того времени, въ тѣхъ мѣстахъ кіевкой губ., съ которыми мнѣ удавалось ближе познакомиться. Воспѣванія въ разныхъ вариантахъ старанія запорожцевъ о томъ, чтобы имъ были возвращаемы «стены-поля» («*планьски*» — значащіяся на планѣ земли — по другому варианту) «по прежню границу», естественнымъ образомъ переносились пѣвцами и слушателями на ихъ текущіе житейскіе интересы.

Всѣ ои и, конечно, много другихъ, упущенныхъ здѣсь мною изъ виду обстоятельствъ, поддерживали духъ критики по отношенію къ данному, существовавшему въ то время строю. На ея почвѣ выростали иногда и проявленія болѣе активнаго протеста.

Одною изъ его формъ были побѣги крѣпостныхъ на степной югъ, а то и въ кіевскія «цегельни» и вообще въ тѣ мѣста, гдѣ былъ спросъ на вольнонаемный трудъ. Сколько-нибудь благополучный исходъ этихъ побѣговъ (собственно — извѣстной ихъ части) былъ возможенъ только при томъ сознаніи солидарности интересовъ сельскаго люда, которое вызывало повсемѣстное благоклонное участіе селянъ къ судьбамъ бѣглецовъ. Во время нашихъ студенческихъ экскурсій случалось иногда, что насъ принимали за тѣхъ «безбилетныхъ», которымъ «жыты горе». Въ такихъ случаяхъ мы могли лично замѣтить то благорасположеніе, которое по отношенію къ дѣйствительно въ немъ нуждавшимся принимало, конечно, болѣе активныя формы, несмотря на тотъ рискъ, съ которымъ оно было связано.

Значительно болѣе рѣзкою формою протеста были такъ называемые «бунты» крѣпостныхъ.

Я не имѣю матеріала для сколько-нибудь детальной ихъ исторіи, да въ данномъ случаѣ это не представляется необхо-

димымъ. Достаточно извѣстно, что эти «бунты» спорадически появлялись въ разныхъ мѣстахъ, несмотря на суровость репрессіи, которой въ наше время уже «вѣрится съ трудомъ». Они такъ естественно-неизбѣжно выросли въ краѣ, гдѣ, — по словамъ Шевченка, — «козакъ тяжко шляхту покарали за те, що не вмили въ добри пануваты», что несмотря на логическія построенія доктринеровъ крѣпостного права, и въ средѣ, пользующейся имъ, часто зарождались инстинктивныя сомнѣнія въ его устойчивости; чаще — у менѣе богатыхъ, поставленныхъ условіями хозяйственной жизни въ болѣе близкое, хотя и далеко не пріятельское, соприкосновеніе съ народомъ: у посессоровъ, экономовъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Я помню изъ впечатлѣній моего дѣтства тѣ разговоры полушопотомъ, отъ слушанія которыхъ устраняются дѣти и которые все-таки, такъ или иначе, доходятъ до ихъ ушей. Заинтересованные сообщали другъ другу то о заготовленіи въ какой-нибудь кузницѣ ножей и «списъ» (пикъ), традиціонныхъ оружій гайдамаковъ, то о какой-нибудь картинѣ, изображающей эпизодъ борьбы съ шляхтой и т. п. Оставшіеся еще въ живыхъ люди моихъ лѣтъ, имѣвшіе соприкосновеніе съ шляхетскою средой, помнятъ, конечно, изъ временъ нашей молодости зарождавшіяся отъ времени до времени среди шляхты опасенія повторенія коліивщины, пріурочиваемые обыкновенно — не знаю почему — къ все-нощной наканунѣ Пасхи.

Ходили ли параллельно съ подобными слухами въ шляхетскою средѣ аналогичные и въ крестьянскою — не знаю, думаю скорѣе, что нѣтъ; но тѣмъ не менѣе они мнѣ кажутся характеристичными, какъ продуктъ исторической почвы края. Это историческое прошлое, внушавшее болѣе или менѣе сильный паническій страхъ въ шляхетскою средѣ, оставалось, конечно, не безъ вліянія и на крестьянскую среду, несмотря на слабое ея ознакомленіе съ нимъ. Но формы активнаго протеста приспособлялись поневолѣ къ измѣнившимся обстоятельствамъ. Иногда онъ выражался въ дѣяніяхъ, напоминающихъ сюжеты, охотно воспѣвавшіеся романтическою поэзіей.

Такой характеръ имѣють дѣянія Кармелюка, очень извѣстнаго въ свое время въ Подоліи и Кіевщинѣ—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли въ преданіе. Дѣйствительной, фактической исторіи Кармелюка я, къ сожалѣнію, не знаю; мнѣ тоже неизвѣстно, была ли она кѣмъ-нибудь изслѣдована, но не подлежатъ сомнѣнію популярность его въ свое время и ея мотивы. Они формулированы въ пѣснѣ, сложной, кажется, внѣ народной среды, но усвоенной и варьируемой народомъ. По преданіямъ и по пѣснѣ Кармелюкъ съ внѣшней стороны не былъ въ согласіи съ закономъ; это его и завело въ Сибирь. Изъ Сибири, правда, онъ вернулся, но и на родинѣ не нашелъ *доми*, «хочъ здається не въ кайданахъ, а все жъ не на воли». Онъ собралъ «славныхъ хлопцівъ—що жъ кому до того?—засидаємъ по дорогамъ ждаты подорожнёго». Его за это преслѣдуютъ «ассесоры исправныкы», но въ сущности они грѣшнѣ его, такъ какъ «былыше воны людей былы, ніжъ я грихивъ маю». Эта его безгрѣшность объясняется просто:

«Зъ багатого хочъ я визьму,
Убогому даю,
А такъ грошы роздильшы,
Гриха я не маю».

Такимъ представляется Кармелюкъ по преданію; дѣянія его снискали всеобщія симпатіи среди народа въ виду данной ихъ мотивировки. Вотъ почему Костомаровъ, въ полемикѣ съ Падалицею (въ Основѣ), не колеблясь поставилъ имя Кармелюка на ряду съ извѣстными дѣятелями борьбы украинскаго народа съ шляхтою. Здѣсь нельзя не упомянуть объ одномъ весьма характерномъ, хотя и весьма мало изслѣдованномъ явленіи изъ недавняго прошлаго Кіевщины. Я говорю о народномъ движеніи 1855 г., охватившемъ, на сколько мнѣ извѣстно, въ большей или меньшей мѣрѣ уѣзды каневскій, васильковскій и сквирскій кіевской губ. Удовлетворительнаго изслѣдованія исторіи этого движенія, насколько мнѣ извѣстно, не имѣется: воспоминанія о немъ протоіерея Лебединцева (въ Кіевской Старинѣ) далеко не исчер-

пывають затронутого вопроса. Не имѣя достаточнаго матеріала, я не берусь за сколько-нибудь систематическій разсказъ о данномъ движеніи, тѣмъ не менѣ самая общія, очень ясныя и характерныя черты его не трудно установить людямъ, близкимъ по времени и мѣсту къ событіямъ. Сущность ихъ состояла въ слѣдующемъ. Во время восточной войны въ 1855 г. между крестьянами названныхъ мѣстностей распространился слухъ о томъ, что есть царскій указъ, которымъ они причисляются къ козакамъ и вслѣдствіе этого освобождаются отъ панцины и вообще зависимости отъ пановъ, получая въ свое пользованіе, взамѣнъ за козацкую службу, всѣ земли, принадлежащія къ даннымъ селамъ. Этотъ мнимый указъ былъ яко-бы присланъ для обнародованія приходскимъ священникамъ, но они, подкупленные панами, сохраняютъ его въ тайнѣ. Оплачиваемая полиція помогаетъ имъ въ этомъ и преслѣдуетъ крестьянъ, стоящихъ въ данномъ случаѣ на легальной яко-бы почвѣ. Здѣсь повторилось часто встрѣчавшееся въ разныхъ случаяхъ предположеніе объ антагонизмѣ между верховной властью и исполнительными ея органами. Между прочимъ въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни о разореніи Сѣчи Екатерина II отвѣчаетъ на просьбы запорожцевъ: «ой рада бы я, запорожци, вамъ добро чыныты, та не могу за сынодчыкамы въ Сынодь (sic) прыступыты».

Движимые упомянутыми слухами, крестьяне обращались къ мѣстнымъ священникамъ съ просьбою объявить имъ предполагаемый манифестъ о козачествѣ, чего тѣ, конечно, за его отсутствіемъ, не могли сдѣлать. Это вызывало рядъ непріятностей, устраиваемыхъ крестьянами священникамъ. Независимо отъ этого, вполне убѣжденные въ вѣрности слуха, крестьяне обращались къ сельскимъ грамотѣямъ, которые составляли по ихъ желанію «регистры козаковъ». Я зналъ лично одного изъ такихъ составителей козацкихъ регистровъ, занимавшаго во время знакомства со мной скромную должность «кухара». Исполненіе панцины прекратилось; въ селахъ была установлена «козацька стража» для наблюденія за порядкомъ и въ огражденіе отъ пріѣзда злонамѣренныхъ людей; шинки въ иныхъ мѣстахъ закрывались. Осо-

бенно рѣзкихъ насилій крестьяне, убѣжденные въ правотѣ и легальности своего дѣла, не совершали. Но нарушеніе даннымъ движеніемъ всего крѣпостного строя вызвало, конечно, репрессию и неизбѣжную въ то время суровость расправы. Ружейные выстрѣлы мало тутъ работали,—холостые выстрѣлы вызывали панику среди крестьянъ, не ожидавшихъ такого поворота дѣла, и кое-гдѣ только было убито нѣсколько человекъ острыми зарядами—напр. въ с. Березнѣ (сквирск. уѣзда). За то ужъ розги, конечно, работали исправно. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ данныхъ событій мнѣ случалось слышать рассказы людей, побывавшихъ въ этой расправѣ, хотя и не принадлежавшихъ къ числу болѣе видныхъ дѣятелей. Одинъ изъ этихъ рассказчиковъ изъ с. Велико-Половецкой (васильков. уѣзда) называлъ эти событія съ нѣкоторой ироніей «мужыцкою войною». Но какъ ни рѣшительна и сурова была расправа съ участниками этой «мужыцкою войной», внушая страхъ, она не внушала, однако, мнѣнія о полной несостоятельности легальныхъ яко-бы мотивовъ движенія или по крайней мѣрѣ внушала не совсѣмъ полно. Года черезъ четыре послѣ упоминаемыхъ событій, въ бесѣдѣ, коснувшейся случайно ихъ, одна крестьянка въ с. Сотникахъ (вблизи Корсуни), указывала мнѣ на смерть нѣсколькихъ священниковъ, отказавшихся въ свое время отъ объявленія мпимаго манифеста, какъ на кару провидѣнія за это дѣяніе.

Вспоминая эти событія, нельзя въ данномъ мѣстѣ не обратить вниманія на двѣ его характерныя черты. Съ одной стороны аспираціи къ лучшему будущему представляются какъ бы продолженіемъ аналогичныхъ аспирацій прошлаго, и воля представляется въ козацкой формѣ, а съ другой—въ движеніи видна глубокая вѣра въ необходимость законодательнаго вмѣшательства въ существующія общественныя отношенія, вмѣшательства въ интересахъ обиженныхъ, въ данномъ случаѣ крестьянъ.

Моментъ этого вмѣшательства дѣйствительно приближался. Во время упомянутой уже здѣсь нашей студенческой экскурсіи или уже пригготовительныя работы къ великому акту 19 февраля. Въ дорогѣ при всякомъ случаѣ завязывались разговоры на дан-

ную тему. Мы, конечно, сообщали то, что намъ было извѣстно о ходѣ подготовительныхъ работъ, а такъ какъ въ то время сельскіе интеллигенты считали нужнымъ секретничать по данному вопросу передъ крестьянами, то наша откровенность цѣнилась значительно выше нашей заслуги. Я думаю—оставшіеся въ живыхъ товарищи мои по данной экскурсіи хорошо помнятъ эти оживленные разспросы; имъ памятна, вѣроятно, фраза: «колы буде добро?»; они не забыли того радушія, которое мы встрѣтили напр. въ с. Македонахъ (каневского уѣзда) въ отвѣтъ на наши скромныя и осторожныя сообщенія. «Колы буде добро?»—живо и горячо спрашивали насъ какъ мужчины такъ и женщины, а пока, кормили нашихъ лошадей и насъ хлѣбомъ, орошеннымъ «крово-вымъ потомъ и слѣзамы» панщинной жизни, собираемымъ въ короткіе промежутки, достававшіеся въ лѣтнюю страду на долю сбора хлѣба на своей пивѣ.

Самая повсемѣстность и интенсивность данныхъ разспросовъ указывала на то, что, несмотря на скрываніе ожидавшагося законодательнаго акта отъ крестьянъ людьми инословными, слухи о немъ широко распространились въ народной средѣ, вызывая надежды и предположенія, часто въ значительной мѣрѣ отклонившіеся отъ реальной почвы. Самое секретничаніе по данному вопросу подготавливало почву для этихъ предположеній. У меня нѣтъ матеріала для того, чтобы болѣе или менѣе точно опредѣлить общій типъ этихъ предположеній, и потому я ограничусь сообщеніемъ только нѣкоторыхъ отрывочныхъ данныхъ. Крестьянамъ, не чуввшимъ еще надвигавшихся осложненій капиталистическаго хозяйства, представлялось въ будущемъ положеніе ихъ болѣе доминирующимъ, чѣмъ оно оказалось въ дѣйствительности, положеніе пановъ болѣе безвыходнымъ. Это послѣднее согласно пословицѣ: «колыбѣ панъ за плуга взявся, то бѣ и свиту одцурався». Этотъ тонъ звучитъ и въ народныхъ пѣсняхъ о волѣ, гдѣ разговоры пановъ о безвыходности ихъ положенія пересказываются съ веселою насмѣшкою. Одна изъ такихъ пѣсенъ была не такъ давно помѣщена въ «Кіевской Старинѣ». Эти же соображенія просвѣчивали и въ разговорѣ со мною профъзжихъ крестьянъ,

остановившихся было для отдыха около корчмы въ д. Маковицахъ (кіевского уѣзда). Они завязали разговоръ на тему объ ожидавшейся реформѣ. Я имъ сообщалъ все извѣстное мнѣ. Мои собесѣдники были очень тронуты моею откровенностью и въ заключеніе обратились ко мнѣ со словами: «хочъ мужыкивъ одберуть одъ панивъ, вы межъ нами не пропадете: мы зробымо васъ головою або старшымъ пысаремъ».

Конечно, болѣе, или менѣе значительный радикализмъ предположений, сюда относящихся, былъ различенъ: самую радикальную ихъ формулу мы слышали на Подоліи во время студенческой экскурсіи отъ «дида-шынькаря». Подобно другимъ, онъ спрашивалъ насъ объ ожидавшейся реформѣ, объ основаніяхъ земельного надѣла и т. п. Очевидно, все сообщаемое нами казалось ему слишкомъ сложнымъ, и онъ закончилъ бесѣду своимъ упрощеннымъ проектомъ: «зигнать бы всіхъ панивъ въ йидну слободу, а мужыкамъ отдать земли, нехай всякъ на себе робить». Не всѣ, конечно, такъ далеко заходили, но въ общемъ живыя надежды, связывавшіяся съ такъ долго ожидаемымъ «добромъ», питаемая къ тому же незнаніемъ фактическаго хода подготовительныхъ работъ, вызывали предположенія слишкомъ оптимистическія, которыя и были причиною затрудненій при введеніи уставныхъ грамотъ. Ими объясняется между прочимъ и общее нежеланіе входить въ добровольныя соглашенія, формулируемая словами: «нехай и у насъ буде, якъ у людей», или же: «почекаймо до слушного часу».

Ф. Рыльскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повість.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

Т а й н а — н е в т а й н а.

Добре Чипкови у дида підпасачемъ. Робота не важка, саме прыпала ёму до вподобы—я по ёго литахъ, и по ёго души. Та не те, щобъ и безъ корысти. Дидъ бравъ за лито по пятаку одъ вивци. Шага дававъ на Чипка та Грыцька, та ще хлиба мишкивъ пнять, та ягнать двое або трое на рикъ. Чого ще? На харчъ винъ соби зароблявъ. гроши йшли на одѣжу: ягнята—на прыбутокъ.

— Слава тобі, Господы, що ты зглянувся на наше безталання!—дякуе Мотря Богови.—А я вже не думала, щобъ зъ ёго вийшли люде.

— Ставъ розуму доходуыты.—одказуе Орышка,—самъ побачывъ, що треба робыты. И мени. довелося ёго хлиба зйисты... спасыби Богу!

Отакъ радіють, та Богови не надякуются, що хочъ трохи втекли одъ тыхъ важкыхъ злыднівъ, нужды та горя. И въ хати въ нихъ стало чепурнійше, яснійше; и хлибъ не такой чорный та сухой; и каша до борщу не вряды-годы; а часомъ и сыръ на

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1903, № 3.

Чинко мовчавъ. Мотря перехрестылась, та й знову заплакала. Тыхо носывся той плачь по хати пидъ темный вечеръ; тыхо слався по доливици, по стели, по билыхъ стинахъ,—та давывъ, якъ обценькамы, серце у матери, и у сына.

Винъ сыдивъ зажуреный, нимый, якъ стина. Въ ёго думци, передь ёго очыма, носывся чорнымъ ворономъ батько.

— Бидный мій тату!—думаъ винъ. Не знавъ ты доли видъ самого малку й до самого останку. Ганяла вона тебе зъ одного краю свита на другой—одъ панського двору до Дону, одъ Дону до прыёму. Де жъ теперь ты? Що теперь зъ тобою? Чы тліе пидъ землею твое наболilee тило? чы порвала ёго московська нагайка на шмаття? чы пронызала тебе вража куля на вийни? И загребли твои кости зъ кинськымы кисткамы въ одну домовыну, въ одну высокую могылу?! И никому вона не скаже, не поvida, що пидъ нею лежить твоя мучена душа безъ одплаты. А може тебе доля занесла куды въ далеку чужыну, на инчий край свита;—ты думаешъ-гадаешъ, не досыпаючи почей, про матирь: якъ вона тутъ, бидолашна, повертается, що зъ нею виробляють люде... Ой, Боже нашъ, Боже! Ты—всесвитній царю: ты все бачышь, все знаешъ. Ты одынъ наглядаетъ надъ землею—и маєшь волю надъ нею. Чому жъ ты не скараешъ злого—хай не карае доброго?! Чому ты не вдарышь на злочынца своимъ гнивомъ праведнымъ? Ни,—ты мовчышь,—мовчышь, якъ глуха ничь... До тебе не доходить плачь нашъ, наши слёзы. Ихъ заступылы одъ тебе ворогы наши. Ты не скараешъ ихъ?.. Ни?!

Знемигся Чинко. Якъ колода, повалывся на лаву, та тилькы стогнавъ. Сыду ёго пидйыхала ваякка, песнодивана туга: думкы помутылыся,—куёвдылысь у голови безъ порядку, якъ заверюха зимою. Не памьятавъ винъ, що думаъ; не почувавъ,—якъ тяжко стогнавъ.

— Чого ты стогнешь, сыну?—пытае журлыво Мотря.

Мовчыть Чинко.

— Чы ты нездужаешъ?

Мовчыть.

— Ты спышь, сыну?

Томъ 81.—Апрѣль, 1903.

Мовчуть.

Доць давно вже переставъ; хмари розійшлися; виплывъ ясний місяць, заглядавъ у вікна, а на доливці и по стінахъ розмалёвувавъ чудни якись виводы—узори. Мотря тыхенько підвелася, підійшла крадькома до лавы, де спавъ Чипко, заглядає въ ёго біле лице. Очи ёму видъ знемогы закрылыся; зубы сциплени; видъ—страшний, гризний. У матери ажъ серце боляче повернулося одъ того выду страшного.

— Хай тебе крме маты Божа видъ усёго лыхого!—шепче вона.—Спы, сыну,—може переспышь.—Та прокынувши на полу рядныну, лягла й сама хочъ задриматы.

Теперь на Чипка не папала пропасныця, тилькы помарнивъ на выду трохы. За те сумъ обнявъ ёго голову. Такой сумъ та журба, що ажъ дивно: якъ такы такой молодой парубокъ, та такой сумный!

Сякъ-такъ добувъ Чипко підпасачемъ до осени. Въ осени почалы зъ дида правыты гроши. Дидъ не дававъ, бо десяти карбованцивъ не було, а пяты не прійнялы. Потяглы дида, якъ до ризныци вола, до пана Польського въ двирь. На Чипка налягла ще гирша журба, ще мицнише сповывавъ ёго смутокъ. То було, хочъ зъ дицомъ одведе душу, розважытся, а теперь—дида нема, и въ двирь не пускають!

VI.

Д о з н а в с я .

Лягла зима. Выйшовъ Чипко на царыпу; ходыть коло землянки. голову повисывшы. Дидова оселя спигомъ прыкрыта; морозъ мали виконця позамуровувавъ; двери замело, забыло. Розгрибъ Чипко ногамы спигъ, одкынувъ трохы, одхыльвъ двери, увійшовъ у землянку. Пусто та холодно! «Нема дида—думає Чипко—и землянка, така ще недавно прывитна, тепла, стала холодною та неодрадною. Отъ що робыть слышьый зъ немочнымъ, Дидо и зъ моимъ батькомъ таке выро-

блялы, — одибралы и ёго видь мене; я й ёго не знаю, не бачывь; покрылы мою голову соромомъ, докорамы. Прокляти!»

Вертае Чинко въ село. Иде улыцею мымо шынку; роздывляется, прислухается. Тамъ люде сповыкгають; тамъ чоловікы бидкаются своимъ убожествомъ та лютымы морозамы; тамъ молодыцы сварятся черезъ тынч. Коло шынку крепакивь цила юрба, позбывалысь у куну. Крыкь, гукъ, сушеречкы, змаганя.

Одни выкрыкують:—Що воны насъ дурять? Що воны надъ нами знуцаются? Ще якись два рока выдумалы,—ще трохы?

— А видно, що трохы,—одказують други. Такъ воны, бачь, намовылысь, щобъ не сразу панськы руки цокаляты.

— Катъ ихъ беры, зъ ихъ рукамы!—озываються трети:—воны звыклы чужымы жарь загрибаты.

— Эге жь. А теперь прыйшлося своимы, — такъ воны хочъ ще два рока!

— Такъ-то, видно, имъ наши руки подобалысь,—ришае сывоголовый дидь.

— Ну, стривай!—крычыть знову хтось зъ горячишыхъ:—тылькы дйде до царя чутка, що воны и ёго, и насъ дурять, — знатымутъ воны! Випь ихъ заразы у крепаки поверне, а насъ панамы поробить.

— Це тоди буде, якъ на долони волосся выросте,—охоложуе неймовирный.

— Чого волосся выросте!—крычыть.—Скаже царь: будьте пацамы.—цу, и будемо!

— Отъ-тоди то буде!—глузуе неймовирный.

— А вже жь,—не те, що теперь!

— Я бь своего заразы, якъ бовкуна, запригъ у санчата—та по дрова,—а то теперь у хати така холоднеча, що ажь вовкы вылють.—каже хтось зъ гурту.

— Ну, вже и морозы! Ше такыхъ сю зиму не було,—загомонивъ гурть.

— То чы не пидемо гритьсь до Галькы?

— Ходимъ.—ходимъ!—одказало разомъ килька голосивъ.

Юрба посунула въ шынокъ. Чипко пишовъ додому, пови-
сившы голову,—про все, що чувъ, роздумуючы.

На весну радятся Чипко зъ матирю:—Що, мамо, робыты!—
дидь у неволи, чы не взятысь мени зъ кымъ овецъ пасты?

— Знаешъ, сыну, яка моя рада?—каже маты.—Ось покынь
ты свои вивци,—не вкь же ихъ тоби пасты.—Прыймайся краце
коло земли. Не все жъ чужымъ та чужымъ ии робыты. Може
якъ-небудь розгорюемось на скотынку: свій хлибъ буде. Самъ ха-
зьяномъ станешъ. А на осинь, якъ Богъ приведе джидаты, треба
и обь чому иншому подуматы. Я вже стара, никчемна стала.—
хто въ хати порядокъ дасть? Слава тоби Господы, и ты вже не
малый... Други твоихъ литъ дитей мають.

Та не слуха Чипко матерыной рады. Стенъ, привилля,—отъ
що ёму snyтся! «Я зрись, выкохався коло овецъ,—коло пыхъ и
посывію»,—дума винъ.

На другый день пишовъ радытысь зъ громадою.

Не прыйняла ёго послугы громада. «Молодый ще, ненадеж-
ный. Намъ треба вивчаря старого, щобъ овецъ не порозгублю-
вавъ». Такъ одказали Чипкови хазяйськи головы и наставылы
вивчаремъ якого-сь дида зъ другого села.

Тяжко образыла Чипка громадська неправда. «Чы я не слу-
жывъ? чы я не годывъ? чы за мене яка пропажа сталася?.. И де
правда? де воца? И громада, бачу, живе кривдою. Скрызь одна-
ково».

Вернувся винъ додому, трохи не плачучы. Хочь-не хочь—
треба за плугъ братыся.

Закыпила въ Чипка въ рукахъ работа. Найнявъ плугъ во-
ливъ; зоравъ поле; засіявъ, заборонивъ; зійшло—якъ щитка! У
косовыцю ставъ за косаря,—выкосывъ двадцять копыць сина. Йе
чымъ овечокъ у зиму годуваты. Насталы жпыва,—мисячної ночи
жпе. Розгорювався десь на десять рубливъ, купывъ у зайизжого
цыгана стару кобылу; звозывъ хлибъ, поставывъ у току: оттаки

скрыты понавертавь! Дывуюцца люде, що Чипко до хазяйства такый удатный! А Чипко—дывысь—уже й хлибь вымолотыць—сама солома стоить; завалыць увесь городь ожередамы. Скоту нема. Продавь Чипко бильшу половины соломы, килька мишкывь хлиба, та вь осены купывь корову на ярмарку.

Радіе Мотря. Коло тией коровы, якъ коло дытыны, ходыць. Ось и телятко знайшлося. И молоко свое, и сыр, и маслечко. Чого ще? И для себе йе, и для людей.—Продае Мотря молоко глечечокъ по глеченку, склада копійку до копійкы. Настягалося рубливь на килька грошей,—та къ Риздву справыла Чипкови парубоцьку одежу: купыла добру сыву шапку, червоного пояса, чоботы добри юхтови. Дякуе Богови, що зь Чипка выйшлы люде.

Ось знову весна-красна. Чипко такъ и прыпадае до хазяйства. Рано встает, пизно лягае,—та все вь поли, та вь поли. Хочь не дуже радіе, та й не журыцца: за роботою никола. Самъ на себе, на свою працю всю надію покладае. Прыпадае до того поля, наче закохався вь ёго. Не тилькы вь будень—и вь свято.

— Чого се ты, сыну, такъ унадывся вь те поле, що и у неділю не посыдышь дома?—пытае Мотря.—Чы ты, бува, не нагледивь чого тамъ?

— Эге жъ, нагледивь...—сміется Чипко:—тамъ така перепельчыка!

— Ты бь соби пошукавь, сыну, хазяйкы, а мени—помочи.

Чипко ничого не одказавь: узявь шапку, выйшовь зь хаты.

Неділя. День выпавь якыйсь хмурный. Дощу не було,—тилькы десь сонце заховалося, пебо сиремы хмарама обмазалось. Сталы благовистыты до церкви. Чипко убрався, пишовь зь матирью. Вернулись зь церкви, пообидалы. Напоивь Чипко корову, кобылу. Рано ще. Ходыть винь по двору, нудыцца.—Хиба питы?—дума.—Пиду... Ин не побачу—на поле налюбуюся».

Знявся й пишовь. Перехопывсь черезь мистокъ, доходыть до луки. Колы чуеть—зноу той самый голось. Винь увесь затрусывся, а сердце—отакъ заходыло!

— «Ни, пострывай... теперь не такь!—прошепотивъ винъ: теперь не счуешся звидкиля и лыхо складется!» Постоаявъ ще —трохы, послухавъ, та прысивъ у борозну, й тыхо, якъ той злодій, порачкувавъ на голосъ.

Дивчына сыдила на обнижку, на зеленій трави, та плела винокъ зъ ромену, сокырокъ, травянокъ и другыхъ полёвыхъ квитокъ, що тутъ же недалеко на луци розстылалась чудовнымъ цвитнымъ кылымомъ, напувалы пахощамы повитря. Вона сыдила спыною до того мисця, звидкиля пидкрався Чипко. Кругомъ пени обсыпано було квиткамы, патрушено травою; цовна хвартушына того полёвого добра розстылалась на колинахъ. Дивчына знай опу-скала туды то одну, то другу руку, вытягала квиточку по квиточци, пидбирала одынъ колиръ до другого, силитала до купы, перевязуючы гнучкымы петровымы батогамы. Олначе робота ця забрала не вси їи думкы: дивчына стыха спивала. Тыхенькый подыхавъ витерь, ворущывъ їи певельчкы чорни кучери, що новы-бывалысь на выскахъ зъ товстои та довгон косы, маявъ червоною шырокою стёжкою, заплетеною въ косу, и розносывъ по полю журльву писню. По сумному голосу, по задуманому лычку можна було помытыты, що дивчына не жыла безъ лыха.

— Здорова була!—гукнувъ їй на саме ухо Чипко, закравшысь зъ-за спыны.

Дивчына кынулася, затряслася: схопылася, щобъ утикаты, та высыпавшы на землю квиткы зъ хвартушыны, похопылася, знову опустылася на траву й стала обома руками гарбаты й кыдаты пазадъ у хвартушыну полёве добро.

— А куды ты теперенькы втечешъ видъ мене?—пыта їи Чипко.

— Я й тикаты не буду!—перевившы духъ, одмовыла вона та й пидвела на ёго свои оксамытны очи.—О-охъ... та й злякавъ же ты мене... хай тоби!

Одъ искрыстого погляду, одъ їи голосу, свиждого та дзвинкого, такъ и звывся Чипко!—«А хороша жъ яка! а люба та мыла!—промайнуло въ ёго въ думци.—Винъ стоявъ передъ нею

мовчкы та мылувався такою вродливою красою. Мовчала й вона, підбирала квіткы. Винъ осмилывся—сивъ поручъ зъ нею.

— Що це буде?—обизвався винъ першый, показуючы на недоплетеный винокъ.

— Хйба не бачышь?—винокъ!—ажъ скрыкнула вона.

Знову замовклы обое. Винъ схылывся бияя пеп трохи на ликоть, та скоса поглядавъ на йи лычко, що видъ такой несподиваной тривоги зашарылось, здається—нашыло полумьямъ. Вона підбирала квіткы, та звязувала въ невелички пучечкы одномастныхъ колёривъ. Навкругы тыхо, гарно, зелено; тилькы буйни жыта стыха шурчали довгымы колоскамы, мовъ розмовляли зт собою; одъ квитокъ пахощи разомъ зъ повитрямъ втягались грудымы: й легко, и мыло було дыхаты.

— Се твое поле?—трохи згодомъ, якосъ боязко, спытала вона Чипка, не одрываючы очей одъ випка.

— Мое.

— И хлибъ твій?

— Мій.

— И то, нидъ гаемъ, твое?

— Мое.

— А я ту мисцynu найдужче люблю. Бачъ, яки на йи гарни квіткы ростуть. Чипко не потрапывъ, що йи одмовыты, та замисть того уставывсь на ней очыма. Розмова перервалася. Хвылына... дви... Чипко не спускае зъ ней очей.

— Чого ты дывышся на мене?—обизвалася вона, скынувши на ёго поглядъ.—Дывысь—яку моду выгадавъ... мовъ зйисты хоче!

Чипко не одрывае очей. Такъ ёму мыло дывытыся на ней.

— Не дывысь!—скрыкнула вона, та й затулыла ёму очи своею рукою.

Чипко—самъ не свій: такъ ёму любо, що вона доторкнудася до ёго выду своею биленькою, пухленькою рукою. Здається, якъ бы можна, такъ бы гамкнувъ за мызынчыкъ-пальчыкъ, що свитывся навпроты свита, якъ рожсва квітка. Вона въ одну мыть прыпяла руку. Винъ знову, осмихаючысь, упывавъ свои очп.

— Не дывись! чуюшгь?.. а то повернуся!—Та взяла справди повернулася до ёго спыною.

Чипко, якъ мала дытына, перелизъ на другый бикъ, та все такы заглядае въ вичи.

— А-а-а, осоружный! прычепя! не дывись, кажу! не дывись!—Та давай ёго винкомъ по голови й по выду быты.

«Бый—дума Чипко—бый дужче... бый хочъ цилый вить такъ,— тилькы не прогонь видъ себе... мени такъ любо та мыло зъ тобою».

Вона трипала объ ёго винокъ, а винъ тилькы осмихався. Винокъ швидко розсыпався; головки одъ квитокъ поодлиталы; бадзеля вона кынула геть у траву—й зацокотала:

— Бачъ, що ты наробывъ? бачъ, що? бачъ?!—та згорнувшы по-пидъ ликтыма свои били руки, сама вже посылала ёму бисыкы очыма

Чипко не выдержавъ. Якъ кить на мышу, такъ винъ кынувся до неи; мицно-мицно здавывъ ии цупкымы рукамы, влипывшы въ щочку такый поцидунокъ, що ажъ выляскы роздалыся, паче хто ударывъ долонею зъ усїей сылы.

— Ну-у-сты... ну-у-сты-ы!—закрычала дивчына, пручаючысь. Винъ ии ще мицинице прыгортавъ, покы вона, выпручавшы руку, не мазнула ёго по выду. Тоди винъ выпустывъ.

— Ну, та й ударыла якъ.—ажъ закрутыло въ носи!—каже вингъ, скрывывшысь.

— А чого жъ ты лизешъ, безсоромныку?.. Радъ, що саму дивчыну застукавъ на поли, то вже й лизе!—каже вона. А въ самой очи такъ и сміются, такъ и грають!

— Дурна ты... хйба що?

— Якъ що? Огъ, послынывъ... ве-е!—Та й стала вытыраты рукавомъ щоку.

— Не одкусывъ же!—сміється Чипко.

— Ото бъ добре, якъ бы одкусывъ. Тоди бъ я тоби й очи выдрала!

— Якъ бы подужала.

— Тоди бъ побачывъ.

Розмова зновъ унышла. Вона кудысь геть-геть дывылася, а винть—на неи. Повинувъ витрець, розирвавъ дымчасту хмарку, що заступала сонце; воно зъ-пидъ неи выплыло въ свой пышній краси и обдало ихъ хвильямы блискучого свиту, наче гарячымъ золотымъ дощемъ обсыпало. Жыта зашамотили, пиднимаючи до горы свои похылени колоскы.

Дивчына прямо глянула Чипкови въ вичи: якъ разъ стрилася зъ ёго очыма, та, спустывши внизъ довги й густы вѣи, запытала:

— Де ты бувъ, що такъ довго тебе не видно було? чому ты сюды не ирходывъ?

— Николы було,—не признается Чипко, а самъ соби подумавъ:—чому я ии не зустрічавъ тутъ?

— Що жъ ты робывъ?—вона ёму.

— Коло хазяйства...

— А въ тебе земля ще де йе?

— Ни, цема.

— А хата йе?

— Йе.

— А батько та маты? браты та сестры?

— Одна маты.

— Де жъ ты жывешъ?

— У Пискахъ. А ты де?

— Тоби навищо?

— А ты же мене пытала?

— На що жъ ты розказувавъ?

— Скажы хочъ, якъ тебе звать?

— Такъ, якъ хлибъ жують...

— Чыя ты?

— Батькова та матерына...

— Чудна ты!

Винъ прылигъ грудымы на землю, пидперъ свое лице обома руками пидъ щокы, та пыльно-пыльно задывывся на неи.

— Чы ты справди налагодывся мене зйисты? Чого ты вытрищывъ очи?

— Бо хороша дуже..

Вона всмихнулася, навела на ёго свои чорни очи—гладыла ными, вабыла...

— Иды жъ соби до-дому. Чого ты прыйшовъ? Ковтнуть хоче, не давъ винка доплесты!..

— На що жъ ты побыла?

— Чого жъ ты лизъ, безсоромныку? Геть соби!—Та якъ пыхоне ёго руки своїмы, такъ Чипко клонувъ носомъ у зелену траву. Вона зареготалася молодымъ та дзвинкымъ смихомъ, мовъ хто срибло роскотывъ по золотій тарильци.

Не вспивъ Чипко пидняты голову, колы чуе—щось гукае: —Галю!.. Галю!.. Галю!..—Дивчына кыпулася, стрепенулася. Чипко дывытся то на нею, то въ той бикъ, звидкиля вчувся голосъ.

— Хто то?—пытае винъ.

— Не знаю!—промовыла вона, та якъ сполохнута перепелка, разомъ зирвавшысь зъ гниздечка, прожогомъ пурхае въ гору,—такъ вона одскочыла видъ ёго, и—тыльки окомъ моргну-ты—майнула подовжъ жыта.

Чипко пидвився, вставъ, выпрямився, не спускавъ ии зъ очей. Вона, якъ вихоръ, майнула густымъ жытомъ: воно тыльки розлягалася за цюю, якъ розлягаются хвѣли пидъ патыскомъ дужои руки, що керуе човномъ. Дали та дали—пролынувшы черезъ квиточу луку, вона пиднялася на гору, стала зъ очей зыкаты. Чипко пидтупцемъ побигъ соби въ догонку за нею. Вона скрылася за горою. Винъ папружывъ ноги, паче доганявъ злодія. Мыттю выскочывъ на гору, перевивъ духъ; глянувъ на долыну—и ёму въ вичи кынулось ось що. Коло хутора, гонъ може за двое видъ гребеню того самого згирка, на котримъ стоявъ винъ, пидъ дворомъ, стояла товста, пидстаркувата жинка, наставывшы руку надъ очыма видъ сонця, та на всю околыцю гукала Галю. Дивчына бигла прямо до жинки, та ще здалека озывалася:—«Чого вы? Я—ось! Ось-осё—заразъ! заразъ!». Незабаромъ вона опынылася коло жинки, та разомъ обыдвѣ й пишылы въ двирѣ.

— Ну теперь же я знаю, чья ты!—промовывъ голосно Чипко и весело повернувъ назадъ.

Писля того винъ ажъ мовъ прояснѣвся трохы: зъ льня спала давня туга, зъ очей не выглядавъ давній смутокъ: ставъ винъ веселійшый, прывитнійшый: яноди можна було и писню почуты видъ ёго... Щастя ёго манить до себе, пестыть, голубыть доброю надією; свить ёму любо всмихається: дывытся на ёго Чипко не злымъ окомъ, прыслухається чуткымъ сердцемъ: хочется ёму увесъ мыръ обняты, втерты ёму слёзы, втыхомырыты горе...

Повернется винъ до себе думкою.—чуе, якъ у голови бо-рюкается острахъ зъ надією: то надія подужае острахъ, то острахъ надію... Отже надія все-таки зверху! «А може... всёго на свити буває! Часомъ убогый покохае багачку, а багачка убо-гого, та и поберутся»... А страхъ знову сподохне надію: «Може москаль и панови судовому кохае... не попусты, Боже! завьяне, помарніе свижкый квитъ пидъ холоднымъ, жовтымъ поглядомъ не-люба... погаснуть ясни очи, поблекнуть рожеви уста... захляне душа... Не доведы, Господы! не одна душа згыне, а разомъ ажъ два! А може...—прорывається на верхъ такы надія:—счастя, якъ трястя». И очи въ ёго засяють радистю; сердце затрипоче въ гру-дахъ вильнище.

Зъ того часу поле якъ прычарувало ёго: перебуде день два,—та и иде. «Може хочъ здалека побачу, голы не доведется побалакаты». Ходыть по полю, зъ нывы на ныву, видъ шляху до горы, видъ горы до шляху; вельды ныкае, до всёго додывляється. «Отуть ии вперше зобачывъ... осьдечкы винокъ шлепа... ось та мисцыпа, де сыдила... сюды тикала... А це—видно—недавно хо-дыла, бо свижкый следъ»... Дывысь—не стямывся ии звидкы выхоны-лась, та ии почемчыкувала жытамы,—тільки одежа матнається... Чипко помитывъ,—берегтыся стала.

— Ачь, уткнула!—мовыть винъ голосно.—Гень-гень уже... за горою. Ну, та ии дивчына жь!!

И вергае винъ назадъ у Пискы, радый та веселый, що хочъ здалека побачывъ.

VII.

Х а з я н н ь.

Ну, а Грыцько що?

Грыцько—не промахъ. Якъ тилькы почувъ, що дида въ двирь берутъ: «Э-э, колы такъ,—мабуть годи на баранахъ йиздыть, годи за вивцями ганяты, бо невелыка зъ ныхъ корысть. Ось, служывъ-служывъ, то тилькы й того, що на мени. Чась, мабуть, про хлибъ подуматы. Подумавъ—та тїеи жъ такы весны й покынувъ дида. Выходылы на заробиткы пищане,—потягъ и Грыцько зъ нымы; скинувъ черезъ плече косу, а за спыну—торбыну зъ су-харямы, лыхеньку свытыну та не краци й чоботы.

Невидоми мисця, котри довелось Грыцькови вперше переходыты, люде, якыхъ ёму лучылося стричаты,—все це мало незвычайный впливъ на парубка. На все те винъ дывывся, рота роззявившы.

— Ачь, якъ люде жыуть! Ачь, якъ будовы помуровалы! яки двери, викна повставлялы!.. всёго тебе, якъ у води выдио! И що то воно коштуе? Аджь, якъ бы взявъ цеглыну та пошпурывъ у шыбку—мабуть бы й за рикъ не одслужывъ за неи! Таке багатство, таки роскоши!—думавъ винъ, проходячы шыроку улыцю велычезныхъ магазыншвъ.

Улыци—справди надывовыжу. По обыдва боки цылымъ муромъ вытягзысь у струнку высочезни палацы—били, якъ снигъ, и зелени, якъ рута, и блакытни, якъ кытайка. Пистрота кыдалась въ вичи. Парубокъ не знавъ, на чому зупышытыся, навичо подывуватысь: чы на блыскучи проты сонця, якъ крышталь, двери, надъ котрымы высила, або стояла по бокахъ здоровенна червона або блакытна дошка зъ золотою наковкою, або зъ гарнымъ малюнкомъ усякои всячыны—машынерїи, окуляривъ, хлиба, ковбасъ, свынячыхъ окость; чы на дзеркални въ чоловичый зрїсть викна, зъ котрыхъ вызыралы на вулицю, до ладу розставлени ризни золоти й срибни выробкы, пистрилы всякымы колирамы сытци, шовкови саеты блыщалы, мянки оксамыты сызылы, червопылы, цїле море робленыхъ квитокъ, якъ жыви, вабылы носа

понюхаты. По улицы, зъ одного и зъ другого боку, проходили лавамы люде; по середыни, бытій каминемъ, гуркоталы кареты, калыаскы, хваетоны; дзеренчалы звозчыцьки дробжы.

Заробитчане проходили мымо магазына зъ дытчымы цяцькамы.

— Дядьку Остапе!—обернувь Грыцько до одного зъ своихъ:—що то?

— Лялькы.

— Навищо?

— Панама на играшкы...

— А дывится, што то за звирь—роззявывь такъ страшенно рота, немовъ тебе зйисты хоче? Гляньте, якъ у роти червоно! А зубы яки?! Отъ, якъ-бы такого выпустыты, та шймавь винь кого на зубы!..

— Хиба, ты думаешъ, винь живой? То зроблено зъ чого-сь.

— Невже? Де жъ такы?! Вы гляньте: онъ якъ у ёго очи блыщать!

— То що, што блыщать? И очи ёму шкляни повставлялы.

— А чого жъ винь такый страшный? И навищо робыты таку страшну играшку?—допытувавсь Грыцько, прыглядаючысь кризь шкло до неи.

— Та хай ёму цурь! Ходимо... а то ще тутъ по гамалыку заробымо.

Пишлы. Одначе въ Грыцька зъ ума не сходыла та страшна лялька. «И що воно за звирюка?—думавъ винь.—Грыва тоби—якъ у коня; а саме—Богъ ёго знае, навищо зхоже! А люте мабуть? Лютице вовка!.. Не даромъ рота роззявыло, зубы выщырыло... А чы воно то можна такого чоловикови зловыты? Наврядъ чы зловышь! Воно, мабуть, дужче видъ найдужчого чоловика. А чы я бъ то ёго подужавъ? Ни, мабуть. И Чышко бъ, мабуть, не подужавъ,—а вовка винь разъ самъ на самъ одигнавъ видъ овецъ. Цёго наврядъ чы оджененъ. И де воно заведется таке! Господы ты мй мылый!..

— Дядьку Остапе!

— Чого?

— Що воно таке за звірюка ото?—пытае знову Грыцько, якъ перейшлы воны вулицю зъ магазынамы, та йшлы трохы глухишою.

— Та я й знавъ, якъ ёго зваты, та забуду!

— Кого тамъ зваты?—пытае третій чоловикъ.

— Звірюку. Тамъ мы бачылы вѣ викни одного: грыва била, саме руде, голе, рота роззявыло, немовъ тебе проковтнуты збирается!—одмовляе Грыцько.

— А хвистъ довгый?.. на кици зъ кытыцею?

— Эге-ге!

— То—левъ.

— Левъ?!—вымовывъ здывованый Грыцько.—Що жъ то воно за левъ?

— Звиръ такый. Царь надъ звирямы...

— Царь?! Такъ ото той царь! А пестеменный тоби царь! Уже, мабуть, що тилькы винъ не скаже, то коженъ послухае. Бо де ёго, такого страховыща, не послухаты?

— А звисно. На те винъ и царь,—одмовляе чоловикъ.

— Та мабуть же винъ и здоровый дуже, сыльный?

— А вже жъ—сыльный: сыльніше видъ усякого звира.

— Якъ же ёго ловлять такого?—пыта Грыцько.

— Якъ? Звисно,—якось ловлять... прырозумилы якось, колы, кажешъ, держать у хаги.

— Ёго, мабуть, одынъ нашъ царь тилькы и зможе пійматы; а нашому братови—не сикайся!—каже Грыцько.

— Такъ! царь тоби ловытyme!—уверлувъ дядько Остапъ.
—Пошле такыхъ, якъ ты... отъ и ловы!

— А що жъ у насъ нигде такого не чутно, щобъ ловылося?

— Та воно у насъ не водытся.

— А де-жъ?

— Десь за моремъ.

— А хиба за моремъ йе земля?

— Богъ ёго знае. Выдно йе, колы цей звиръ зъ-за моря.

— А чого жъ стари люде кажуть, що за моремъ уже земли немае, а тилькы тры кыты... на нихъ и земля держытся...

— То, може, воно тамъ, мижъ тымы кытамы, й водытсья!—
одказавъ третій чоловікъ. Розмова на цимъ обирвалася.

Йшли вже заробитчане мовчки, нога за ногою, коженъ
самъ—зъ своєю думкою.

Выйшли зъ миста въ поле на бытый шляхъ. Тутъ уже
пни речи клоночуть Грыцькову голову, пни думкы захоплюють
ёго сердце. Середь широкого й просторого степу, ривного якъ
долоня, надъ котрымъ посився тилькы буйный витерь, та чор-
ный ворошь колы-не-колы скрыкувавъ надъ головою, проризуючы
звонко повитря своимъ дужымъ крыломъ, або стенова чайка кы-
гыкала, зъ купыны на купыну злитаючы—мовъ за диткамы пла-
кала маты,—тутъ ёму думка розмалёувала картыну за картоною.
То передъ его очыма выводыла обставы городського жыття, буч-
ного, шумного, клопотливого: усе те ревло та клекотило, якъ
вода въ прырви, й лякало ёго своимы роскошамы, биганыною,
выгукамы, та выкрыкамы. Заквылыла чайка—и разомъ перенесла
ёго думку на село, въ тыху сільську хатыну, нагадала про
жинку, про дитокъ. Жиночка така маленька, ченуренька, швы-
денька,—усе въ неи до-ладу якось не тилькы въ хати, а и у
работи: швыдко вона повертается, дило горыть въ неи въ ру-
кахъ—чысто, гладко. Дывытсья вниъ на їи роботу, а самого жаль
бере, що вона такъ працое. Винъ ажъ розрывается, щобъ
наибильше зачепыты, найважче самому зробыты, а жинци щобъ
менче зосталося, щобъ вона не патрудыла своихъ бильхъ рукъ.
Хай колы й робыть, то-такъ, непарокомъ, мовъ для играшки,
а не видъ пужды.—А прыйде свято, неделя, пидуть воны у пари
до церкви, зъ церкви—обидаты: пнесья обида—полягають сно-
чыты. А тутъ—дывысь: Ивась або Васылько прылизе, стае дыбки
коло матери, спыняется на їи руку—не дае задриматы.

— Пиды. Ивасю, пиды гратсья—каже маты, покы тато за-
дримае...

— Ди-ма-е... ма...—лепече дытына.

— А тато чую це, дывытсья на дытыну кризь віи и серцемъ
радіе. Сынь одступывъ одъ матери; дыбае малымы ногамы до
ёго. Винъ повернувъ на бикъ голову—скоса поглядае на дытыну.

— Бачь, бачь!—збудывь батька,—каже маты:— не давь спочыты...

— Бу-дывь... цы-ты,—одно лепече дытына.

— А батько визьме прута, та-ажь-ажь-ажь-а!

Дытына стоить, пыльно дывытся то на батька, то на матирь.

— Жа-жа!.. жа-жа!—промовыло й соби за матирю, замалу хуючы малою ручкою коло батькового выду.

— Ой, ты, сучый сыну! за що ты бьешь батька? Ось постій: я тебе закыну,—обизвався винь; пидвисся, бере на руки дытыну—гойдае. Дытына лежить—усмихається. Жинка любо, прыязно поглядае то на дытыну, то на чоловика...

— Ничого бь я вь свити не хотивь,—шептавь Грыцько середь такихь думокь,—тилькы бь хату теплу, жинку люблю, та малу дытынку! А то бь—усе мавь: хлеба бь мы заробылы за лито, та й зажылы бь цилу зиму!

Голублячы таку думку вь серци, непримтно переходывь винь безкраи степы безь утомы, безвидни довги пляхы безь некучой згагы;—тилькы й бажавь, щобь швидче статы на мисце, заробыты грошей, вернутысь у село, купыты дворыще, одружытыся, та й зажыты сильськымь громадяныномь.

У мисти дуже багато крыку та галасу, а вь сели найкраще— й тыхо. й вильно... Прыйшлы воны на мисце, Грыцько не кыдався своихь. Цялою громадою статы воны на косовыцю до сина, а потимь до хлеба.

Легка тому робота й сама найважча, сама найбазарнійша, хто ии робыть по свой воли, за-любкы, хто нестыть у серци надю, що не марно вона йде, що черезь ту роботу винь засягне свого счастья, котре ще й не выдне, ще не чутно ёго й шелесту, котре десь далеко-далеко, ще за скилькома рокамы працы, нужды, всякого горя, малое ёго думка рожевымы квиткамы цадіи. Легко тому за всячыну браться,—робыть винь, якь вигль, безь утомы: працюе, якь хазяинь, завжды веселый, покойный.

Такъ робывъ Грыцько весну й те лито. За цилый день выпускавъ косу зъ рукъ тилькы тоди, колы треба було попойисты та выспатысь. И спавъ винъ ту коротеньку литню ничку мертвымъ сномъ, якимъ тилькы спыть чоловікъ, вымореный важкою роботою. А тилькы що свитова зоря займалася, почыпавъ жевриты схиць сонця,— знову въ Грыцьковыхъ рукахъ зывалася коса, якъ та гадюка, по ровному степу. Хазяинъ зглянувся на ёго шыру працю, похвалывъ ёго й набавывъ трохы плату.

— Лыбонь ты, Грыцьку, маешъ думку города та села закупыты, що такъ налягаешъ на роботу?—казалы ёму землякы-селяне.

— А що?—усмихаючысь казавъ Грыцько —Чого тутъ дываться. Узывъ косу—чешы!

— Гляды лышенъ, щобъ очкуръ не урвался,—хто-небудь щыпне.

— Не бійсь: не твоеи вдачи!—одкаже Грыцько, та й знову за косу.

Одначе, якъ не шыро налягавъ Грыцько, якъ зъ мочи не урвался, а прыйшлося пидъ осень личыты заробиткы,— тилькы сотню и наличывъ!

— Воно й добре, дума самъ соби, адже все-таки трохы. Що ты зъ сотнею вдіешъ? Поганенькый грунтъ можна купыты,— такъ же до грунту ще багато треба. Де ты, объ вищо руки зачешышь?... Хйба на зиму зостатысь? И справди Грыцько зостався. Селяне пишлы назадъ до-дому, а винъ потягъ дали до Ростову. На дорози винъ зустривъ такихъ, якъ и самъ.

— А куды?—завжде пыталы ёго подорожни.

— До Ростову.

— Не ходы до Ростову,—ходимъ до Херсону!—раивъ ёму одынь зъ ныхъ.

-- Чому?

— Тамъ малый заробитокъ, а въ Херсони на корабляхъ луже добрый.

— За те жъ дали.

— На пивтыжня... То що? Ходимъ!

— Та чы ходимо, то й ходимо,—подумавшы, одказавъ Грыцько, та й пишовъ зъ людьмы.

Прыйшлы вони въ Херсонъ ще зарани, обійшлы городъ; роздывылася; пишлы на пристань.

Лыманъ передь ихъ очыма—скильки засягнуты—леливъ; по ёму, мовъ велики палацы, ходылы судна, берлыны, баркасы, плоты, а мижъ нымы и пароходы снувалы. А люде на пристани, якъ черва ворушылысь, бигалы, всяку всячыну выносилы, крычалы, гвалтувалы.

— По полтыннику одъ сотни дощокъ!—крычавъ хазяинъ зъ плоту. Народъ бигъ туды.

— По тры семыгрывенныкы!—крычавъ зъ другого, и народъ, якъ хвыля, кыдавъ цей плотъ, перебигавъ до другого.

— По карбованцю день!—крычалы зъ судна.

— По карбованцю зъ четвертакомъ! По пивтора!—

Усякъ выкрыкувавъ свою цину, усякъ бигавъ, якъ несамовытый, одъ одного судна до другого, де бильше давалы,—одъ плоту до плоту. Сторгувавшысь въ цини, робитныкы залазылы на плотъ, або на берлыну, выймалы звидты усячыну; и перидко по поясъ у води—выносилы на головахъ дошки, бочонкы, качалы на верёвкахъ сорокови бочки.

Ставь и Грыцько до одного плоту. За день—мало не тры карбованци заробывъ.

— Эге!—подумавъ винъ,—та це мисяць отакои роботы. то й багатыремъ станешъ! Отъ же-ба! Разъ—така работа не що дня й трапляется, а въ друге—зъ кожнымъ днемъ мишається й плата за роботу; то бильшае, якъ багато товару прысуне; то менчае, колы дви, чы тры берлыны. Одначе плата за день николы не падала видъ карбованця; за те бильшала иноди и до пьаты. Все-таки далеко корыстнише косовыци!

Грыцько радивъ, дякувавъ у души порадыкивъ. А робывъ—якъ той виль, цилый день; спавъ на голій земли, або на колоддяхъ; устававъ, тилькы що па свить благословылося, та знову за роботу брався; навить мало що йивъ, та й то все на ходу пыльнувавъ, надолужавъ, якъ бы бильше заробыты!

Пизнѣи осени, якъ уже плоты перестали прыгонныты, а баркы та судна колы-не-колы прыходьлы, роботы треба було дожыдаты днямы, а не часамы.—Грыцько поличывъ свои барыши: дві сотні зъ лышкою лежало въ кишени! Грыцько радывъ, якъ мала дытына. Теперь ёго надія, що, якъ выходывъ на заробиткы, ще тилькы мрилася,—стала выразнише выступаты передь очыма: и огородъ зъ садкомъ, и нова тѣпла хата мовъ уже лежалы въ ёго кишени... Воно бъ таке, що й до-дому—жинкы пошукаты, та зима застукала.

— Яки тутъ у васъ заробиткы зимою?—пытавъ винъ знаёмыхъ херсонщывъ.

— Очереты косыты,—раилы ти.

Пишовъ Грыцько очереты косыты.

— Все жъ такы, хочъ на ти грошы прожыву та одягнуся, а весна настане—заразъ и потягну въ Пискы!

Мынула зима; наступыла весна. Знову закъпила робота то на пристани, то въ поли.

Залышывъ Грыцько думку вернутысь по весни до-дому: одиклавъ на осипь. «А, може, тымъ часомъ надійде хто зъ своихъ, то тоди вже разомъ!» Грыцько не помылывся: прыйшлы весною пищане; роспытують—якъ, що, до чого; розказують за Пискы—хто оженився, хто замижъ пишовъ, хто вмеръ; розказують, якъ трохы крепакамъ позначылося неволи, яки податкы...

— А Чипко,—якъ заживъ, колы бъ ты знавъ, Грыцьку!—хвалятыся ёму.

— А ще не одружывся?

— Ще. Та дурный буде, якъ не оженитыся. Маты що-дня грызе голову; такъ усе одкладае, та й одкладае: не мае каже по мени пары!

Грыцько и тому радый.

— Мы зъ нымъ паслы вивци. Винъ парень добрый, та чудный соби. А теперь, кажете, заживъ? Отъ и добре!

Вытрудывъ Грыцько руки ту весну й те лито; а въ осени—вернувся зъ своимы въ Пискы.

Якъ тилькы прыйшовъ, заразь кынувся вышукуваты группу. Тоди ихъ не труднація була купыты: козаки, почувшы за Кубаньски пустоши, що казна отдавала выселенцямъ, шарахнули на Кубань. Грыцько швыдко купывъ вельчезный огородъ зъ новою хатою, зъ повитками, погребомъ, колодяземъ. За те все—щось пивторы сотни, чы що.

Купывшы грунтъ, почувъ себе Грыцько заразь инчымя,—немовъ на аршынь вырись, немовъ потовщавъ. И люде заговорылы въ сели: «Отъ парубокъ! отъ хазяинъ!» Батькы та матери гострылы на ёго зубы, якъ на корыстного жениха,—особливо убогши. Та Грыцько теперь зовсимъ инчымы очыма дывывся на людей: до багачивъ горнувся, а на голоту дывывся зъ горда.

Мижъ парубками винъ поводывся зъ-высока. Якъ же лучалоя ёму выйти на вулышо, або питы куды на вечерныци,—винъ заразь пускавъ имъ ману въ вичи. Де, мовлявъ, вы бувалы? що выдалы? Що вы знаете?.. Ось, якъ я бувъ,—отамъ и тамъ! Та иноди почне верзты таке, якъ той москаль, що вернувся въ ридне село по билету. Хлопци слушають, уха розвишавшы, роты порозвивлявшы. А винъ—таке плете, що й на голову не нализе! Правда, дивчата, постеригшы видразу таки балясы, по свойй жартовлывій натури, часомъ и геть-то сміялыся зъ ёго, прышивалы квиткы ёму прылюдно, а про те на самоти кожна думала:

— Отъ бы за Грыцькомъ буты! Хата йе, огородъ йе, та й грошенята, мабутъ, водятся.—не треба бъ на першый разъ дуже й працоваты. Отъ бы добре!

Отже Грыцько, хвастаючи своею бувалостю, пышаючысь своимы достатками, самъ теперь думавъ не про убожество. Ему бажалоя до своего добра прыточыты ще й жинчыне, щобъ выйшло одно, та вельке! Отакъ помиркувавшы самъ зъ собою, засылае винъ старостивъ до найбогатшого козака Лозы, котрый що року посылае въ дорогу паровыць по десять за силлю та за рыбою. Такъ же й Лоза Грыцьковой натуры. Винъ думавъ маты зятемъ не простого козака, не такоого, що колысь у драныхъ штанянытахъ за вивцями бигавъ.

— Ще моя дочка не багато хлиба перейила, сыдячы дома,— одказавъ Лоза старостамъ.

Це трохи збыло пыху Грыцькови, осадыло ёго на нызъ. Винъ прытыхъ, прысмыривъ, навить зайшовъ якось до Чипка, котрымъ почавъ бувъ гордуваты,—та не заставъ дома.

Оселився Грыцько на зиму въ чужій симби, въ котрой купывъ городъ зъ уговоромъ, що вони жытымуть до весны у проданій хати. Прыставъ у сусиды, хочъ и въ свой хати, та й почавъ роздумуваты: яку соби жинку браты. Хочется й багачкы: хочется, щобъ була и вродлива. Довго винъ миркувавъ соби, перебравъ у думци всихъ дивчатъ на сели,—та самъ не счувся, якъ и колы закохався въ сусидчыну наймычку—веселу, моторцу й робочу дивчыну, хочъ и невельку красулю.

Хрыстя—такъ їй звалы—зосталася малою пился батька-матери. Родычи, що можна було, рознесли,—осталося тилькы днивъ на пять поля, та й тымъ орудувавъ дядько, у котрого спершу вона й жыла. Якъ пиднялася на ноги,—бачыть: скилькы не роботы на дядька, ничого соби не прыдбаешъ. Такъ вона кынула дядька, а сама пилла въ наймы. Перепелыха, заможня козачка вдова, що жыла недалеко одъ Грыцьковой хаты, пайняла Хрыстю. Зажыла вона въ Перепелыхы, якъ у себе дома. Перепелыха була вже стара людына, добра, жалистна. Вона жыла велькою симбєю,— зъ дочкамы, сыротама—внукама, за котрымы треба було прыглянуты, нагодуваты, напоиты. Хрыстя—молода, весела, щебетуха, працёвыта дивчына: дядына ще змалку не давала ногамъ та рукамы їй одпочынку, прызвычайла до роботы. Хазяйка вподобала наймычку; наймычка—хазяйку. Зъ боку дывлячысь, Хрыстя не наймычка, а дочка ридна.

Такъ оця то Хрыстя, пызенька, чорнявенька, не дуже хорошой вроды дивчына, якось пенарокомъ запала Грыцькови въ сердце. Забувъ Грыцько про велькый посагъ, якый думавъ засягты за жинкою; годи думаты про якусь незвычайну красу,—давай лыцятыся та женихатыся зъ Хрыстею... Не довго тяглыся ихъ любощи: пился водохрестя заславъ Грыцько старостивъ до Хрысти, а черезъ тыждень молоди й побралыся. На весну оди-

бравъ Грыцько въ дядька Хрыстыныну землю; купывъ парку воливъ та коривчыну за остатни гроши, яки заробывъ, плоты розбираючы, очереты быючы, та й ставъ тую землю ораты, спрягшысь зъ такимъ же, якъ и винъ, не багатымъ козакомъ—сусидомъ. Зажывъ Грыцько тихымъ жыттямъ,—хочъ не такимъ, яке ёму за парубоцтва думка висповувала, а все-таки гараздъ,—такъ, якъ и люде. Зъ жинкою Грыцько жывъ мырно, любязно: ни лайки, ни сваркы не чула ихъ просторна, весела хата. Въ будни—обоє вони працювали; въ свято—ходылы вкупи до церкви; по обиди—спочывали, або куды въ гостыну ходылы, або въ себе гостей прыймалы... И стали вони мижъ людьмы, поважnymi хазяинамы, чесными, робочымы людьмы, добрымы сусидамы, на вдовывожу парюю...

— Отъ зъ кого берить, диткы, прымиръ, якъ у мыри жыты!—не одна, не дви матиркы радылы своимъ дочкамъ зъ зятямы, або сынамъ зъ невесткамы:—зъ Грыцька та Хрысти... Винъ zostався сыротою й вона сыротою.—А що зъ нихъ выйшло? Чесною працею онъ-скильки надбалы! Чесно вони й поживуть ёго,—у мыру, та въ ладу, якъ братъ зъ сестрою,—нихто зъ нихъ и не замутыть... Одна въ нихъ думка, одна рада. Отакъ, диткы, треба на свити жыты!

Панасъ Мырный та Иванъ Вилыкъ.

(Конецъ 1-ой частыны).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

(Продолженіе ¹).

Письма П. П. Сокальскаго ²).

1.

Одесса. Декабря 27. 1858 г.

Милостивый Государь, многоуважаемый Григорій Петрович!

Узнавъ по письмамъ изъ Харькова, что Вы проживаете зиму въ этомъ градѣ, и утѣшаясь мыслью, что, можетъ быть, изъ памяти Вашей не совсѣмъ еще изгладилось имя нѣкоего Петра Сокальскаго, я рѣшился обратиться къ Вамъ съ этими строками. До слуха Вашего, можетъ быть, дошло извѣстіе о томъ, что съ 1859 года редакція Одесскаго Вѣстника (газета) передана въ руки брата, Николая Сокальскаго, и что въ связи съ этой газетой имѣеть выходить ежемѣсячный журналъ: «Южный Сборникъ» также подъ нашей редакціей.—(Хотя поминально издаваемый про-

---

¹) См. Киев. Ст. 1903 г., № 2.

²) Петръ Петровичъ—музыкантъ и публицистъ, проживавшій преимущественно въ Одессѣ.

фессоромъ Ришельевскаго лица Н. Максимовымъ, по это дѣло общее насъ всѣхъ). Замѣчательнѣе всего здѣсь то, что это— суть единственныя изданія на югѣ Россіи, исключая «Кавказа», коего поле дѣйствія совсѣмъ иное; были охотники, которые просили разрѣшенія издавать и другіе журналы, вѣстники и газеты въ Одессѣ, но всѣмъ отказано. Такимъ образомъ, волею судебъ, мы остались какъ бы на правахъ монополіи. Остается воспользоваться сими благопріятными условіями: «Одесскій Вѣстникъ», по своей зависимости отъ города, поневолѣ будетъ болѣе или менѣе оффиціаленъ, предоставляя лишь *фельетону* быть поразвязнѣе. Однакожь, по своей специальности,—преслѣдованіемъ экономическихъ интересовъ Новороссійскаго края, даже событій на Востокѣ, для чего вездѣ есть у насъ корреспонденты,—онъ долженъ пріобрѣсти значеніе и занять принадлежащее ему мѣсто между газетами. Но большую часть нашей души, теплоту нашу мы отдаемъ журналу «Южный Сборникъ», въ которомъ надѣмся выразить прогрессивное и либеральное направленіе. Запасъ статей на первое время есть достаточный. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ по заглавіямъ: «Удовлетворяютъ ли акціонерныя компаніи экономическимъ потребностямъ Россіи?»—«О значеніи конкуренціи въ Новороссійскомъ краѣ»,—«Вліяніе откупной системы на государственныя бытъ»,—«Византійскія женщины» (замѣчательная статья!),—«Похожденія провинціала въ столицѣ»,—«О татарскомъ элементѣ въ нашемъ общественномъ мнѣніи»—(сіе заглавіе имѣеть быть смягчено),—«Ватиканъ»,—«Стихотворенія»,—«О юридическомъ образованіи въ Россіи» и т. д.—Журналъ нашъ независимъ ни отъ какого начальства, и потому можетъ принести свою долю пользы въ прогрессивномъ развитіи Россіи.

Извѣщая Васъ обо всемъ этомъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, просимъ и Васъ, какъ *литератора* и какъ *сына юга*, принять участіе въ нашихъ изданіяхъ, какъ прекраснымъ талантомъ Вашимъ, такъ и содѣйствіемъ къ распространенію ихъ въ обширномъ кругѣ Вашихъ знакомыхъ. Для полности присовокупляю здѣсь слѣд. факты: 1) съ 1859 г. «Одесскій Вѣстникъ» улучшенъ въ форматѣ, виѣшнемъ видѣ и величинѣ. 2) Имѣются

телеграфическія сообщенія съ Питеромъ—чего прежде здѣсь никогда не бывало. 3) Имѣются корреспонденты въ Парижѣ, Нью-Йоркѣ, Аѣинахъ, Марсели, Константинополѣ, во всемъ Левантѣ, а также Болгаріи, Петербургѣ, Бессарабіи, и въ губернскихъ городахъ Новороссіи, также и въ Харьковѣ. 4) Имѣется постоянный фельетонъ.—«Одесскій Вѣстникъ» выходитъ 3 раза въ недѣлю. Цѣна для иногороднихъ въ годъ—12 руб. сер., въ полгода—7 руб. Годовые подписчики, приложившіе сверхъ 12 руб. сер.—еще 1 р. 50 к. сер. всего (13 р. 50 к.), получаютъ бесплатно всѣ №№ журнала «Южный Сборникъ». Отдѣльная же подписка на «Южный Сборникъ» (ежемесячно листовъ въ 3—4, до 5) для иногороднихъ въ годъ—4 р. сер.

Надѣясь, что Вы не откажете въ Вашемъ благосклонномъ вниманіи къ нашей просьбѣ, Редакція можетъ увѣрить, что, какъ Ваши статьи, такъ и содѣйствіе Ваше къ успѣху изданій, будутъ приняты нами съ чувствомъ живѣйшей благодарности.— При этомъ случаѣ позвольте узнать Ваше мнѣніе на счетъ слѣдующаго: съ теченіемъ времени мы хотимъ просить Высочайшаго разрѣшенія на открытіе въ *Од. Вѣст.* подписки для сооруже- нія памятника *Богдану Хмельницкому*. Что Вы объ этомъ думаете? Будетъ ли это принято въ Питерѣ, какъ подобаешь великой памяти этого геніальнаго мужа? Будетъ ли это популярно тамъ? Не откажите въ Вашемъ мнѣніи. Вы отлично знаете Петербургскую публику.—Что случилось съ Малороссійскими пѣснями Вашими? Публика ждетъ. Грѣхъ скрывать это золото подъ спудомъ.—На досугѣ, въ Америкѣ, я написать цѣлую оперу «Мазена» съ стихами изъ Пушкина «Полтава». Отдѣльные сцены думаю попробовать поставить и въ Одессѣ, въ переводѣ на итальянскій языкъ. Но по приѣздѣ въ Питеръ, постараюсь вполнѣ приготовить и для русской сцены. Къ тому же времени надѣюсь и отдѣлать другую оперу, которая вчернѣ и готова уже, это— «*Майская ночь*», либретто изъ Гоголя вечеровъ на Диканькѣ. До тѣхъ поръ въ Одессѣ, изучаю трудную науку оркестровки.— А съ пѣснями Вашими, Григорій Петровичъ, что-нибудь сдѣлайте. Право, это—золото, настоящее золото! Позвольте, при

этомъ случаѣ, принести мое поздравленіе съ вступленіемъ въ брачныя узы; многоуважаемой Юліи Егоровнѣ, а также почтеннѣйшей Катеринѣ Адамовнѣ—прошу передать мое отличное уваженіе и желанія всякаго счастья и благополучія.—Льстя себя надеждою, что Вы не оставите этихъ строкъ безъ отвѣта, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ неизмѣнно преданный Вамъ П. Сокальскій.

Р. S. Адресъ мой: Его В-дію П. Петровичу Сокальскому, въ д. Попудова, на Преображенской улицѣ, Одесса.

Подписка на изданіе: («Од. Вѣстн. и «Южн. Сб.»)—прямо въ *Контору Редакціи Одесскаго Вѣстника, въ Одессѣ.*

NB. Не знаете ли, что стало съ Алисовымъ, М. И.?

2.

Любезнѣйшій Григорій Петровичь!

Много, много виновать передъ Вами за долгое молчаніе; и особенно еще мнѣ стало совѣстно, когда Вы предупредили меня своимъ недавнимъ письмомъ. Но такъ какъ это все совершившіеся факты, то я Вамъ скажу только нѣсколько словъ въ ихъ разъясненіе. Я лѣнился отвѣчать по украинской натурѣ своей, а второе — по англійской привычкѣ—писать тогда только, когда это неизбѣжно. При редакціонныхъ занятіяхъ, отписки и отвѣты составляютъ весьма важную статью, отъ которой бѣгаешь, по возможности. Чаще всего пишу къ брату, но и это составляетъ 2 — 3 раза въ годъ. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ казалось, что я уже отвѣчалъ на Ваше письмо тѣмъ, что исполнилъ все, что Вы тамъ поручали мнѣ; несмотря на то, я имѣлъ намѣреніе писать и Вамъ объ этомъ, для чего отложилъ Ваше письмецо отдѣльно на столъ, и только ждалъ случая узнать: все ли за границей Вы, или ужъ вернулись домой, и въ такомъ случаѣ, куда, въ деревню, или въ Харьковъ. О Вашемъ возвращеніи въ Россію я узналъ только въ августѣ (назадъ тому недѣли 4) отъ Д. Е. Замятина, который былъ въ Одессѣ. Онъ же можетъ сообщить

Вамъ, что я чувствовалъ за собою долгъ—написать Вамъ письмо, и собирался сдѣлать это вскорѣ.—Вотъ Вамъ, добрѣйшій Григорій Петровичъ, хоть нѣсколько слабыхъ оправданій, которыя Вы вѣроятно примете по-дружески. Повторяю Вамъ, я потому только оправдывалось передъ Вами, что люблю и уважаю Васъ. Теперь факты. 1) Письмо, которое Вы прислали изъ Ниццы, съ просьбою *напечатать его, если оно прійдетъ ранѣе 15-го марта, а въ противномъ случаѣ послать его г. Антонову вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему письмомъ*, пришло именно 15-го марта, вслѣдствіе чего, придерживаясь всегда строго и буквально желаній авторовъ,—мы препроводили и статью Вашу: «Голосъ за родину» и письмо къ г. Антонову—по *Вашему же желанію*—къ г. Антонову въ изюмск. уѣздъ. Стало быть, въ Од. В. письмо Ваше изъ Ниццы не было напечатано. 2) *Бюджетъ одного взяточника*—очень милъ и занимателенъ, и будетъ вскорѣ напечатанъ, при чемъ будутъ исполнены всѣ Ваши желанія, именно: 10 оттисковъ и корректурный листъ, въ случаѣ придирки цензуры, будутъ Вамъ высланы въ Чугуевъ. Я думаю, что со стороны цензуры, можетъ быть, будетъ затрудненіе въ пропускѣ слова: *министръ* (гдѣ част. приставъ разсуждалъ объ откупщикѣ, и т. д.). Впрочемъ, увидимъ. 3) Если будете проживать нѣкоторое время въ Харьковѣ, опишите какую-нибудь гадость, одну изъ тысячи, какими изобилуетъ этотъ грязный, болотистый городъ (въ переносномъ смыслѣ). Я думаю, нѣтъ въ Россіи города, который слѣдовало бы больше казнить и бичевать, какъ Харьковъ. Это сознательный подлецъ! О Вашей литературной дѣятельности скажу, что Вы съ каждымъ годомъ подвигаетесь впередъ. Ваши повѣсти за прошлый годъ я прочелъ съ удовольствіемъ,—и начало новой, въ этомъ году (въ библіотекѣ—*не вытанцовалось*) началъ и незамѣтно прочелъ всю до конца,—противъ обыкновенія своего не читать неоконченныхъ повѣстей, пока они не явились вполне въ печати. Въ послѣдней повѣсти есть очень милыя личности, и очерчены живо. Хвалятъ также Вашу «Феничка» въ Свѣточи, которую я еще не читалъ, но прочту. Во всякомъ случаѣ, Вы идете постоянно впередъ. Одного только не могу

Вамъ простить: Вашихъ передѣлокъ сказокъ въ стихи. Это не эстетично.—Въ Свѣточи объ Васъ былъ очень лестный разборъ. Въ Современникѣ Чернышевскій, — о чемъ Вы также пишете, — въ обращеніи къ Вамъ оказался именно безчестнымъ. Онъ, во первыхъ, не правъ, а во вторыхъ — грубъ. Чтобы произносить подобные рѣшительные приговоры, слѣдовало бы ихъ подтвердить. — Намѣренія Вашего протестовать однакожь не могу одобрить, по множеству причинъ. Конечно, это зависитъ отъ *формъ* протеста, но все-таки авторы никогда не защищаются передъ критикою сами отъ себя. Вы можете этимъ привлечь на себя остроты юмористическихъ изданій и уронить свое достоинство. Впрочемъ, повторяю, все зависитъ отъ формы, въ какой Вы напишете этотъ протестъ (который, конечно, Вы не назовете въ печати *протестомъ*)...—Въ заключеніе скажу Вамъ нѣсколько словъ и о себѣ. Я переселяюсь снова въ С.-Петербургъ. Переселеніе сіе совершится или въ будущемъ сентябрѣ 1861 года, или же въ нынѣшнемъ декабрѣ, т. е. черезъ три мѣсяца, что вѣрнѣе. Весьма вѣроятно, что къ Новому году я буду въ Харьковѣ. Мнѣ весьма хотѣлось бы встрѣтиться съ Вами при проѣздѣ и поговорить о разныхъ вещахъ. Если когда-нибудь Вы будете у брата, сообщите ему, — будете ли Вы жить зимою въ Харьковѣ, или въ деревнѣ. Онъ отпишетъ мнѣ о томъ. Заранѣе заявляю Вамъ, что я имѣю виды на Ваше собраніе малоросс. пѣсенъ. Конечно, если Вы будете скряжничать съ ними, то все это окажется безплоднымъ, но такъ какъ я, наконецъ, спеціально перешелъ въ область *музыкальнаго композиторства* (въ подготовленіяхъ къ которому прошло все то время, въ продолженіе котораго мы не видѣлись, послѣ встрѣчъ въ С.-Петербургѣ), то думаю серьезно заняться участіемъ малоросс. пѣсенъ и въ С.-Петербургѣ хлопотать объ изданіи ихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, везу въ Питеръ оперу: «Майскую ночь», успѣху которой могутъ помѣшать развѣ интриги, или внѣшнія обстоятельства, но не достоинства ея, въ которыя я вѣрю всей душой. Есть у меня музыка на «Мазепу», но ею я недоволенъ, и отложилъ на послѣ. А между тѣмъ, хлопочу заранѣе о *либреттахъ*. Знаете ли, что это такая трудная вещь, —

составить либретто для малоросс. оперы, какой Вы себѣ и не воображаете! На чистомъ малоросс. языкѣ—нельзя; нѣкому будетъ играть; на чистомъ русскомъ тоже нельзя; я остановился на слогѣ Гоголя (русская рѣчь, на малоросс. оборотѣ, конструкціи и *запахъ*)... Изъ малороссійскихъ сюжетовъ меня занимаетъ еще два: «Тарасъ Бульба» и «Черная рада». Изъ сюжетовъ, болѣе русскихъ, но безъ сильныхъ элементовъ національности (что мнѣ нужно для отдыха, ибо утомляетъ національный стиль) я остановился на «Дубровскомъ» Пушкина. У меня есть даже готовые мотивы,—но либретто, либретто нѣтъ,—а самъ я не могу писать ихъ по 2 пр. 1) не владѣю стихомъ, 2) утомляюсь достаточно и музыкальною частью;—О, еслибъ Вы могли мнѣ помочь когда-нибудь по части либретто!

Весь Вашъ П. Собальскій.

3.

С.-Петербургъ, 7 мая. 1863 г.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ.

Ужъ Вы не сѣуйте на меня за долгое молчаніе—долгое, конечно, не въ смыслѣ Петербургскомъ, а Изюмско-Харьковскомъ—ибо я, по обыкновенію, имѣлъ намѣреніе соединить письмо вмѣстѣ съ отвѣтомъ на кое-какія дѣла и комиссіи, какъ подобаешь дѣловому питеру. На сей разъ, къ сожалѣнію, я пишу къ Вамъ подъ спѣшную пору: совершенно неожиданно завтра мнѣ приходится ѣхать въ Москву. Потому, вмѣсто длиннаго письма, какъ я располагалъ вначалѣ, пишу коротенькое. Во 1-хъ порученіе Ваше по дѣлу съ Вольфомъ исполнено. И хоть я 3 раза нарочно заходилъ въ его магазинъ, тѣмъ не менѣе его самого лично не могъ увидѣть: онъ цѣлые дни пронадалъ гдѣ то, такъ какъ теперь переводится его типографія и заведеніе изъ одного мѣста въ другое. Тѣмъ не менѣе я написалъ подробно все, что Вы хотите, и почтенный прикащикъ обѣщалъ непременно все пере-

дать, и лично еще прибавить все, что нужно. Но прїѣздѣ изъ Москвы я немедленно опять навѣдаюсь туда. Во 2-хъ, адресъ мой перемѣнился съ 1 мая. Отнынѣ онъ гласить такъ: П. П. Сок. Сбургъ, по Демидову переулку, близъ банковскаго моста, домъ Карчевскаго, въ квартиру Бакмана, № 23. Это тотъ самый домъ, гдѣ я жилъ прежде, только теперь въ другомъ концѣ дома, живу на дворѣ. Квартиру старую сдалъ по контракту, ибо дороговато обходилась. Мною приняты, впрочемъ, всѣ мѣры, чтобы все дошло до меня, по какому бы адресу ни писалось. На время отсутствія моего изъ Питера отъ 9 мая до 9 іюня, ровно мѣсяць въ Москвѣ, будутъ мнѣ пересылаться всѣ письма. Въ 3-хъ, благодарю Васъ за адресъ и статью Вашу. Скажу однакожь откровенно, что редакція адреса не совсѣмъ удачна: можно было бы лучше и выразительнѣе. Вотъ старообрядцы то лучше всѣхъ отписались: истинно въ эническомъ стилѣ! За ними костромичи, за ними рязанцы. Толки и опасенія войны усиливаются, хотя съ другой стороны говорятъ, что царь готовъ на всякія уступки въ пользу Польши.—Когда въ Вашемъ письмѣ дошелъ я до того, гдѣ Вы охотитесь за куликами и бекасами—слюпки у меня потекли. Чувствуете ли Вы все блаженство свое? Я думаю, что нѣтъ.—но я за Васъ чувствую. Новаго въ напихъ кружкахъ немного. Были у насъ послѣ того еще многія засѣданія и митинги: Times послана куда слѣдуетъ. Концертъ въ пользу книгъ на малорусскомъ языкѣ отлично удался: около 500 руб. чистыхъ выручено. Костомарову страшно аплодировали Тамъ пѣли и изъ моихъ сочиненій Никольскій и Леонова, и съ успѣхомъ. Затѣвалась потомъ кампанія: не подать ли отъ лица литераторовъ адресъ Государю? Имѣлось въ виду просить о созваніи земскаго собора. Но засѣданіе, бывшее у Краевскаго на дому, разбило эту идею, и нашло ее нецѣбною. Сухомлиновъ уѣхалъ. Мы положили съ Костомаровымъ и Сухомлиновымъ ежегодно устраивать такой концертъ въ пользу малороссійскихъ книгъ. Но если я останусь въ Москвѣ, то, конечно, я не буду участвовать въ этомъ. Буду я въ Москву на мѣсяць, послѣ 3-хъ писемъ отъ Георгіевскаго къ Каткову, писали и Щербина, и Майковъ обо мнѣ, и очень хорошо

писали. Предубѣжденіе разсѣяно. По моему предложенію—пріѣхать для пробы на мѣсяцъ въ Москву, чтобы намъ ознакомиться другъ съ дружкойю, и узнать дѣло, распредѣлить занятія,—они согласились. За это я попросилъ 200 рублей, ибо я бросаю всѣ дѣла свои и занятія въ Питерѣ и къ тому же издержки путевыя и мѣсяцъ жизни. Они согласились, и очень просили поскорѣе. Я, признаться, не ожидалъ такого быстрого соглашенія и оно за-стало меня врасплохъ. Послѣ мѣсяца житья, я опять вернусь въ Питеръ,—поживу въ Оренбургѣ лѣто, и если поѣду обратно въ Москву, то не ранѣе осени. Такой примѣрно планъ мой.—Прошу передать мой искренній поклонъ и привѣтъ Юліи Григорьевнѣ.—Во «Времени» въ апрѣлѣ началась моя статья: «Наши главные спорные пункты», гдѣ дѣло идетъ о національномъ началѣ. Для того же «Времени» написалъ я «Польскій вопросъ предъ судомъ нашихъ партій» и ее не пропустили. Такъ и пропали даромъ дни работы: если бы зналъ, то отдалъ бы оперѣ, которая у меня теперь очень подвинулась. За то я сдѣлалъ вмѣсто 3-хъ четыре дѣйствія. Иначе мнѣ всунули бы, по уставу театровъ, еще и балетъ, или водевилъ; въ дополненіе 3-хъ актовъ оперы, и испортили бы впечатлѣніе. Я хочу, чтобы весь вечеръ *былъ мой*, и для сего 2-ое дѣйствіе разбилъ на два. Теперь ужъ не всунуть водевиля, этой ложки дегтя въ бочку меда. Артемовскаго оперетта «Запорожець за Дунаемъ» оказалась слаба и безцвѣтна до крайности. Пишите въ Пчелу, чтоли. Если будетъ время, изъ Москвы отпишу что-нибудь. А Вы то пишите почаще: вѣдь есть же время за куликами ходить. А мнѣ очень пріятно читать Ваши письма. Отвѣчать только часто не могу.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

4.

С.-Петербургъ. 10 іюня 1863 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Письмо Ваше изъ Харькова отъ 22-го мая я получилъ, или вѣрнѣе прочелъ по возвращеніи моемъ изъ Москвы, что случи-

лось въ первыхъ числахъ іюня. Благодарю Васъ за память и спѣшу отвѣтить Вамъ тѣмъ же. Много можно бы написать въ отвѣтъ на разные вопросы въ Вашемъ письмѣ, но я ограничусь, по обыкновенію, краткостью. Во первыхъ, адресъ мой съ 1-го іюня таковъ: *Въ Средней Мѣщанской, домъ Пойтелина, № 5, кв. № 6*. Не удивляйтесь частой перемѣнѣ моихъ адресовъ (это уже третій за май мѣсяцъ); это происходитъ отъ независящихъ отъ меня причинъ. У меня отвращеніе къ перевозкамъ, и каждый разъ я переживаю точно лихорадку при перевозкѣ. Я столько на вѣку ѣздилъ, что одинъ видъ чемодана возбуждаетъ мои нервы: у меня теперь просто страсть къ своему *уилу*, и если бы не опасенія войны, то я бы въ это же лѣто купилъ себѣ уголь гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ Питера. Во вторыхъ, на счетъ заглавій Вашихъ романовъ я не успѣлъ еще справиться у Вольфа, но буду тамъ на дняхъ. Изъ всѣхъ Вашихъ заглавій мнѣ кажется только одно подходящимъ, именно: «На зарѣ», и при нихъ внизу: «Два романа изъ быта бѣглыхъ». Остальныя названія все вычурныя и неточныя. Еще кое-какъ можно помириться съ: «Послѣдніе аккорды крѣпостной жизни»; но въ такомъ случаѣ не надо уже ставить: «Два романа изъ быта бѣглыхъ».—И такъ, если позволите быть крестнымъ папашей Вашихъ романовъ, то я предлагаю: «На зарѣ». За симъ, что дѣлать,—отпишите: по возможности, все исполню. На счетъ московскихъ похожденій скажу слѣдующее: по уговору, я на мѣсяцъ прибылъ въ Москву, чтобы поработать при редакціи. Я проработалъ всего 3 недѣли,—послѣ чего мы успѣли придти къ опредѣленнымъ результатамъ: въ настоящую минуту я отказался вступить въ редакцію, по разнымъ неудобствамъ,—но сохранилъ за собою и за ними готовность вступить *впоследствии* въ соглашенія. Они увидѣли, что я точно могу быть полезнымъ имъ; я увидѣлъ, что тамъ точно есть надъ чѣмъ работать—вотъ и все. Нуждаются они въ пополненіи состава сотрудниковъ по политическому отдѣлу въ Моск. Вѣдом., гдѣ работаетъ Георгіевскій, Капустинъ и нѣсколько переводчиковъ. Имѣлось въ виду отпустить на мою долю—слѣдить за Америкой и Франціей; Англію, Испанію и Италію и часть передовыхъ статей—Капустину;

Германію, Турцію, Грецію, Скапдинавію и часть передовыхъ статей—Георгіевскому. При семь 2, 3 переводчика,—и все подь главною отвѣтственностью Георгіевскаго, какъ завѣдующаго политическимъ отдѣломъ. При нуждѣ я бы согласился,—и, можетъ быть, когда-нибудь соглашусь. Но теперъ отказался до времени. Работать подь рукою—не совсѣмъ мнѣ по душѣ. Да и вся обстановка этого труда—грязновата, по-московски. Входь въ контору есть въ то же время черный ходъ К^о М^о; въ редакціи, гдѣ каждый день отъ 10, 11 часовъ до 4, 5 работать приходится, нѣтъ ни одного цѣлаго стула, темно, никакого комфорта. Наконецъ отношенія выходятъ неопредѣленные, и время указало бы, что изъ насъ 3-хъ одинъ лишній, если два работаютъ какъ слѣдуетъ. И искать то они стали потому, что Капустинъ немного легко работаетъ, а разстаться съ нимъ не могутъ, по старымъ связямъ. Что касается до лицъ, то Капустинъ—премильнй человѣкъ; Георгіевскій—работящій и съ большими познаніями. Леонтьевъ—практикъ, я съ нимъ имѣлъ длинный разговоръ, и мнѣ онъ понравился; Каткова лицезрѣль только единожды; голова крѣпкая, и на твердой почвѣ стоитъ. Только со всѣми этими господами трудно сойтись человѣку, пропитанному петербургскимъ ядомъ. Они не понимаютъ оппозиціи Питера и издѣваются надъ нею. И хотя они тоже, съ своей стороны, правы, защищая свою точку зрѣнія, но они удалены отъ мерзостей источника, и не живутъ ежедневно ненавистью, какъ приходится *блѣдному* Питеру. Они также не понимаютъ Малороссіи. Потому внутренно съ ними я не могу сойтись, да и никогда не сойдуся. У насъ все-таки есть своя отчизна—Украина, а Питеръ тѣмъ хорошъ, что онъ космополитъ. Тутъ всѣмъ можно жить.¹ Въ Москвѣ надо быть москвичемъ. Ну, а переродиться въ наши лѣта—невозможно. Я сію минуту получилъ письмо отъ брата Nicolas изъ Одессы. Онъ всячески меня отстраняетъ отъ всякаго завербованія моей личности и тянетъ въ Одессу. Готовъ даже гарантировать мнѣ 2000 р. годового жалованья, если его планы удадутся. Онъ затѣваетъ сдѣлать кое-что пошире изъ Одесск. Вѣст. Скажу Вамъ откровенно, туда, *на югъ*, и душа тянетъ. И очень можетъ быть,

что я къ 1864 г. буду въ Одессѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ братъ увѣдомить меня обстоятельно.—Я же теперь принялся оркестровать оперу. Хочу къ октябрю кончить, такъ чтобы, кончивъ ее. ѣхать въ Одессу. Это тѣмъ болѣе важно, что на сюжетъ «Майской ночи»,—какъ сообщили мнѣ пока по секрету—пишетъ гр. Соллогубъ либретто для Леви (музыканта). Надо опередить и скорѣе кончить. Передайте мой душевный поклонъ Юліи Григорьевнѣ. Желая удачнаго разрѣшенія, и въ особенноти *сынка*. Дай же Боже! Съ малороссами нашими давно не вижусь, да и всѣ почти разѣхались. Я рѣшительно *противъ* поляковъ, á tout prix. Войны ждуть, скоро ли, поздно ли; Питерь укрѣпляется, и острова.

Преданный Вамъ П. Сокальскій.

5.

1863 г. С.-Петербургъ. 26 августа.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Счастливая звѣзда вновь тянетъ меня на югъ. Съ 1-го сентября, если вздумаете писать ко мнѣ, то вотъ адресъ: П. П. Сокальскому, въ Одессу, въ редакцію Одесскаго Вѣстника. Я выѣзжаю отсюда 3-го сентября, и надѣюсь быть 15-го въ Одессѣ. Ёду бѣлорусскимъ трактомъ на Островъ, Черниговъ, Кіевъ, etc. Вещи свои уже отправилъ и самъ бы поѣхалъ сейчасъ, еслибы не любопытство увидѣть «Юдию» Сѣрова, которая назначена на 1-е сентября. (Ее давали въ маѣ, но я былъ тогда въ Москвѣ). Я не писалъ Вамъ до сихъ поръ, потому что, въ сущности, по Вашему дѣлу нечего было писать. Сообразно Вашему желанію, я былъ нѣсколько разъ у Вольфа и наконецъ достигъ того, что лицезрѣлъ его лично. Онъ мнѣ съ свойственнымъ ему остроуміемъ замѣтилъ, что Данилевскому тутъ нечего хлопотать; денежки взялъ себѣ и кончено. А ужъ мой интересъ заставить меня прибрать эффектное заглавіе его романамъ. «Золотую волю» цензура запретила. Посему, если Данилевскій захочетъ, пусть при-

шлетъ мнѣ дюжину, другую названій (заглавій), и я уже выберу на досугѣ. За симъ мы разстались. Вольфъ, кажется, не спѣшитъ печатать, и по всему видно, что онъ считаетъ ваши заботы совершенно излишними, предоставляя самому себѣ выбрать и время, и мѣсто, и заглавіе, и шрифтъ, и т. д. Благодарю Васъ за посвященіе мнѣ разказа «Бѣглый лакей» въ Одесск. Вѣстн. Это съ Вашей стороны большая любезность. Свою оперу, которую я сначала твердо рѣшился ставить въ этотъ зимній сезонъ (1863/64), я вновь отложилъ до слѣдующаго сезона (1864/65), когда для этого нарочно приѣду изъ Одессы въ Питеръ. Главное—отставка *Леоновой*, дѣлала невозможною постановку въ этотъ сезонъ, ибо у меня партія *Prima donn'ы* для контральто. А второе, что при самомъ ускоренномъ трудѣ, она бы—по справкамъ это оказалось—не явилась бы готовою на сценѣ ранѣе апрѣля или мая 1864.—Въ Одессу я переселяюсь на 5 лѣтъ, а можетъ быть и навсегда сдѣлаю ее центромъ своего пребыванія. Въ Питеръ не буду дѣлать экскурсіи. Украинскій вопросъ, какъ Вы уже конечно знаете, наткнулся на двухъ враговъ: Валуева и Каткова. Пока они въ силѣ, вопросъ будетъ стоять. Теперь запрещены изданія учебныхъ и священныхъ книгъ на малоросс. языкѣ. Остаются только пѣсни, да думки позволенными. Костомарова предполагають (министръ Н. П. Головинъ) послать въ почетное изгнаніе—въ поѣздку по Славянскимъ землямъ. Головинъ, впрочемъ, сильно стоялъ за Украину и украинцевъ, но не въ силахъ одолѣть мѣдноголовыхъ. Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Остаюсь весь Вашъ П. Сокальскій.

Предъ отъѣздомъ у меня тьма заботъ, хлопотъ и посѣщеній. По сему за краткость не сътуйте!

6.

Павловскъ. 1862 г. Іюль 10.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Я имѣлъ удовольствіе получить Ваше письмо отъ 16 іюня, вмѣстѣ съ приложеніемъ Харьковскихъ вѣдомостей и извѣстіемъ

о скоромъ окончаніи либретто. За все это премного благодарю Васъ.—За симъ постараюсь дать Вамъ по пунктамъ кое-какія объясненія.

1) Когда кончите либретто и будете высылать его, то до 1-го сентября (и даже до 15 сентября) мой адресъ таковъ: П. П. С—ому, *въ г. Павловскъ, царскосельскаго уѣзда, домикъ Хованскаго, № 10, противъ вокзала*. Въ сентябрѣ опять перебираюсь въ Питеръ. Я очень буду жалѣть, если Яковлевъ, о коемъ Вы пишете, не найдетъ меня въ Питерѣ.—На счетъ либретто я уже терялъ всякія надежды и принялся за новое. Но Ваше письмо дало мнѣ кое-какія надежды увидѣть, наконецъ, давно жданное либретто. Жду съ нетерпѣніемъ.

2) *Былые*. На счетъ бѣглыхъ, т. е. рецензій о нихъ, не могу Вамъ сказать ничего опредѣленнаго. Какъ Вы знаете, Совр. и Рус. Слово закрыты на 7 мѣсяцевъ; остаются только Свѣточъ, Отеч. Зап. и Библ. для чтенія. Изъ нихъ я мало вхожъ въ редакціи: немного только съ старцемъ Андреемъ знакомъ,—но въ О. Зап. Дудышкинъ главное лицо. У нихъ всѣ отдѣлы, особенно критическіе, на откупъ, такъ сказать. Все проводятъ какіе то взгляды, и все *свои* люди пишутъ.—Я полагаю, что слѣдуетъ напереть на С. П. Вѣдомости, которыя съ 1863 г. поступаютъ къ Коршу. Въ первыхъ №№ этой газеты въ 1863 г. появится литературное обозрѣніе за минувшій годъ. Писать его будетъ Аппенковъ. Если Вы знакомы съ нимъ, то по приѣздѣ Вашемъ въ Питеръ, можетъ быть Вы напомните ему и о «Бѣглыхъ». Если же мнѣ представится таковой случай напомнить, то Вы можете быть увѣрены, что я не пропущу его. Съ Коршемъ я познакомился недавно, и онъ имѣетъ даже меня въ виду для музыкальнаго отдѣла въ С. П. Вѣдомостяхъ въ 1863 г., о чемъ у насъ былъ краткій разговоръ. Въ августѣ Коршъ переселяется въ Питеръ, и вѣроятно я съ нимъ встрѣчусь.—Я Вамъ скажу прямо: что всей душею желаю Вамъ быть полезнымъ по журналистикѣ: но Вы знаете, она вся состоитъ изъ *дряни*. Поэтому мое мнѣніе таково: надо обождать. Это потому необходимо, что самая *соль* рецензій на вашихъ Бѣглыхъ можетъ быть основана только на

либеральныхъ, политическихъ и національныхъ основахъ. А теперь—реакція. Надо выждать время. Я думаю, что по приѣздѣ Вашемъ въ Питеръ мы потолкуемъ объ этомъ основательно. Вы должны также знать, что *напередъ намъ надо обезпечить приемъ* нашей рецензіи гдѣ-бы то ни было. Ибо если писать для того, чтобъ ее нигдѣ не приняли, то игра свѣчъ не стоитъ. Вапъ приѣздъ будетъ еще тѣмъ хорошъ, что мы вмѣстѣ обсудимъ, на что болѣе напереть.—Странно, что въ *Основѣ* ничего не говорится о Бѣглыхъ. Я замѣтилъ это когда то Бѣлозерскому. Да кто жъ напишетъ?—спросилъ онъ; у меня никого нѣтъ въ редакціи, знающаго этотъ край... Разговоръ замолкъ на томъ.—Но какъ *Основа* не платитъ за статьи (о чемъ самъ редакторъ жаловался скудостью средствъ), то я и не предложилъ своего содѣйствія.—Во всякомъ случаѣ, рецензію на Бѣглыхъ надо чѣмъ-нибудь *мотивировать*. Присяжный критикъ въ журналахъ, конечно, могъ бы между прочимъ сказать и о нихъ; но *не присяжный* не можетъ. Такими мотивами могутъ быть: обзорѣніе литературы за цѣлый годъ, выходъ вашего романа отдѣльной книжкой, какой-нибудь особенный новый взглядъ, и т. п.—Итакъ, Вы видите, что я смотрю серьезно на это дѣло, и рецензію на «Бѣглыхъ» считаю необходимымъ сдѣлать не *слега*, а основательно. Иначе, никакого интереса и эффекта не будетъ.—Теперь лѣто; все въ затишьѣ. Съ осени опять зашевелится все, и *тогда*, вѣроятно, на что-нибудь рѣшимся. Я очень буду радъ, когда Вы приѣдете. Фортепьянишка, о которомъ Вы вспоминаете, у меня ужъ нѣтъ: я купилъ себѣ порядочное роялино.—Недавно копчилъ комедію въ 5 дѣйств., сюжетомъ которой—наша мачеха и ея пансіонъ. Это въ нѣкоторомъ родѣ мщеніе за все полности ея семейныя. Думаю ее пустить осенью куда-нибудь; всего вѣроятнѣй—во Время.—О. Достоевскій уѣхалъ за границу лѣчиться. М. Достоевскій былъ у меня однажды на дачѣ, въ Павловскѣ. Кстати, Вы ничего не упоминаете, получили ли Вы письмо мое изъ Петербурга мѣсяца два или три тому назадъ. Вашимъ поѣздамъ завидую. Когда будете слышать пѣсни, то примѣчайте кое-какія подробности (для меня): напр., какъ вступаетъ хоръ,—разомъ, или

постепенно? если поетъ запѣвало (solo), то то ли самое, что и хоръ потомъ, или свой собственный мотивъ? Не случается ли гармонія, или больше все одногласіе? Меня очень полюбилъ Костомаровъ. Все убѣждаетъ, на малороссійскомъ языкѣ либретто чтобы было, и предлагаетъ выхлопотать содѣйствіе Кулиша. Но я отказываюсь. Я составилъ между тѣмъ планъ оперы: *Богданъ Хмельницкій*. Когда кончу, прочту Костомарову, чтобы съ его благословенія и писать. Я его чрезвычайно люблю. А какъ онъ музыку любить! Вообразите, справлялся у меня объ «исторіи музыки» и «теоріи музыки», хочетъ почитать и познакомиться теоретически.—Въ моихъ дѣлахъ музыкальныхъ у меня большею частью неудачи. Недавно написалъ маршъ на «Тысячелѣтіе Россіи»,—исполнить негдѣ. Затѣялъ общество любителей музыки,—и уже дѣло пошло въ ходъ, но пожаръ 28 мая вмѣстѣ съ прочими бумагами М-ва Внутр. Дѣлъ спалилъ и мой проектъ и прошеніе. Надо возобновлять и опять всю процедуру съ начала проходить. Что касается до рекламъ въ Харьк. Губ. Вѣд., то они, конечно, для мѣстныхъ жителей имѣютъ свое значеніе; но я не совсѣмъ радъ, что туда попало извѣстіе объ оперѣ, которая еще Богъ знаетъ когда осуществится. Я до такой степени раздраженъ различными препятствіями въ музыкальныхъ дѣлахъ своихъ, что даже сталъ избѣгать всякихъ разговоровъ о нихъ; затѣй много, а ничто не удается. Да и вообще я все болѣе и болѣе перехожу къ мизантропству: кругомъ все такъ гадко, и въ литературѣ и въ искусствахъ (музыкѣ), что я всегда очень радъ, когда могу забыть всю эту мерзость въ своемъ теплому углу у рося.

Мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

7.

Павловскъ. 2 августа. 1862 г.

Я только что получилъ Ваше письмо отъ 22 іюля, и обрадованный истинною радостью, сейчасъ же взялся за перо. *Сто*

тысячъ благодарностей Вамъ, добрыйиий Григорій Петровичъ, за либретто! Я заранѣе надѣюсь изъ Вашего описанія, что будетъ хорошо и что я буду доволенъ. Что касается до либретто на украинскомъ языкѣ, то я надолго (если не навсегда) отказался отъ него, и не знаю, съ чего Вы взяли, будто я хочу *Богдана* на украинскомъ языкѣ писать. Напротивъ, и онъ будетъ на русскомъ. Нѣкоторыя сцены уже приведены въ стихъ; весь сценаріумъ (т. е. планъ сценъ) разбитъ. Даже на музыку положилъ татарскую пѣсню и финаль, гдѣ Богданъ подымаетъ къ войнѣ козаковъ. Такъ какъ дѣло о либретто, въ ожиданіи близкаго его прибытія ко мнѣ, считаю оконченнымъ (Богданомъ я занялся на досугѣ, въ ожиданіи Майской почты), то я поговорю съ Вами о другомъ. Не отчаивайтесь, о Бѣглыхъ я не могъ Вамъ написать ничего утѣшительнаго потому, что въ журналистикѣ мой кругъ дѣйствій очень малъ пока, да можетъ и надолго. Онъ ограниченъ Од. В., Земледѣльч. газетою и Временемъ. Съ другими редакціями я не близокъ и притомъ два изъ нихъ: Совр. и Русс. Слово (закрытые шитѣ) по принципу не дали бы мѣста разбору Бѣглыхъ. Но это еще ничего не значитъ. Я считаю нравственнымъ долгомъ—непремѣнно замолвить въ Петерб. журналистикѣ доброе слово о Бѣглыхъ. И Вы можете быть увѣрены, что рано или поздно я это выполню. Меня это занимаетъ еще потому, что когда нибудь я соберусь съ силами и поговорю о холопствѣ въ нашей литературѣ. Это холопство причиною того, что такъ мало цѣнили и говорили о Меѣ, Полонскомъ и теперь о Васѣ. Вы никому не ходили на поклонъ, не лизали подножія алтарей нашихъ гнусныхъ критиковъ и редакцій—и на Васъ гоненіе. И повѣрьте, пока честный голосъ не раздастся въ критикѣ, до тѣхъ поръ кумовство будетъ главной мѣркой таланта автора. Напр. о Козьмѣ Мининѣ Островскаго всюду болтали, а о Меѣ «Псковитянкѣ» почти нигдѣ. —Но при семь замѣчу Вамъ, что, вдаваясь все болѣе и болѣе въ музыку, я слабѣю въ литературѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы Вы приняли къ сердцу такую мысль: когда Вы пріѣдете въ Питеръ, то общими силами можно написать или обдумать громоздную статью о холопствѣ въ ли-

тературѣ: тогда можно будетъ выставить Вашихъ «Бѣглыхъ» въ яркомъ свѣтѣ. Напр. о Добролюбовѣ кричали много, а потому, что былъ кумъ у него въ редакціи, Островскаго вывезъ Мартыновъ, тотъ же кумъ въ своемъ родѣ. Мея никто не вывозилъ, Вася никто. Соврем. и Русск. Слово запрещены не за какую либо статью, а вообще за направленіе социалистическое и коммунистическое. Изъ статей послѣдняго времени, впрочемъ, обратили на себя вниманіе начальства въ Рус. Сл.—стихи В. Крестовскаго съ какимъ то царемъ іудейскимъ (я уже забылъ ихъ заглавіе) а въ Соврем. статья Гербышевскаго: «Научились ли?». Связи между пожарами и литературой не открыто никакой да и нѣтъ. Въ распространеніи воззваній также дѣйствуютъ отдѣльныя лица, безъ всякаго общенія между собою, изъ общества. До такихъ результатовъ, говорятъ, достигли всѣ розыски по сіе время, болѣе ничего не извѣстно въ официальномъ мірѣ. Теперь очень разъярились на эти воззванія: множество арестовъ и въ Питерѣ и въ Москвѣ сдѣлано. Въ Питерѣ арестованы между прочимъ, какъ Вамъ вѣроятно уже извѣстно, Чернышевскій и Серно-Соловьевичъ. Первый за то, что состоялъ, какъ говорятъ, въ перепискѣ съ Герценомъ. Новостей въ Питерѣ много, но большая часть ихъ неутѣшительна или неудобна въ писаніи. Реакція—замѣтная въ правительствѣ. Костомаровъ недавно написалъ статью о пожарахъ, гдѣ доказывалъ, что пожаръ на Руси никогда не имѣлъ политическаго значенія. Статью сію запретила цензура. За гдѣто я не видался почти ни съ кѣмъ изъ литературныхъ целкоперовъ и потому новостей кружковъ никакихъ не имѣю для передачи Вамъ. Прошу передать мой нижайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ, Въ ожиданіи увидѣться съ Вами въ Питерѣ остаюсь преданный Вамъ П. Сокальскій. Съ 1-го сентября мой адресъ: Его Высочородію Сергѣю Павловичу Щепкину въ С.-Пб. въ Спасскомъ переулкѣ (возлѣ Сѣнной), домъ Буха. Съ передачею П. П. Сокальскому.

8.

Виновать предъ Вами, добрѣйшій Григорій Петровичъ, что до сихъ поръ не написалъ Вамъ ни строчки въ отвѣтъ на по-

слѣдїя два письма Ваши, за которыя очень благодарю Васъ. Вы знаете, что такое жизнь въ Питерѣ, что такое постоянная работа срочная, среди вихря разныхъ необходимыхъ встрѣчъ и посѣщеній. И теперь я вырвался отъ спѣшной работы только на пару словъ, надѣясь лично, при встрѣчѣ съ Вами, послушать Васъ и поговорить поподробнѣе. Во 1-хъ, адресъ мой таковъ: П. П. Сок. близъ Вознесенскаго моста, домъ № 80, Струкъ, кв. 13. С.-Пб. Это адресъ для почты. Дальнѣйшія подробности его: по Екатериненскому каналу, между Вознесенскимъ переулкомъ и Подъяческой, входъ съ канавы по парадной лѣстницѣ на самый верхъ. Это—на случай, когда Вы прїѣдете въ Питеръ и захотите меня навѣстить. Вамъ кланяется М. М. Достоевскій и проситъ черезъ меня извинить его въ томъ, что доселѣ не отвѣчалъ Вамъ; говоритъ, корректуры и цензура заѣдаютъ его. Онъ ждетъ Вашего «Сельскій агитаторъ» и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Если можно, то даже въ пылѣннїй годъ желалъ бы имѣть его. Мой искреннїй поклонъ» супругѣ Вашей Юліи Григорьевнѣ и желаніе здравствовать сто лѣтъ отъ нынѣшняго числа. Такое же желаніе и Вамъ; добрѣйшїй Григорій Петровичъ. Въ литературѣ реакція и тишина. *Либреттомъ весьма доволенъ и благодарю воченно за него.* Передѣлки, однако же, потребуются кое-гдѣ. Пономѣну пишу музыку къ нему.

Въ ожиданїи встрѣчи остаюсь весь Вашъ П. Сокальскій.

9.

С.-Пб. 25 окт. 1862.

Добрѣйшїй Григорій Петровичъ!

Ваше послѣднее письмо надѣлало много шума въ моемъ дворцѣ (сирѣчь—головѣ). Я былъ очень, очень радъ за Васъ и бранилъ себя, потому что точно я виноватъ предъ Вами; я Васъ понялъ—и Вы правы. Это главное дѣло. Остальное зависитъ не отъ насъ, а отчасти и отъ насъ. Во всякомъ случаѣ всякія объясненія и пренія я отлагаю до прїѣзда и личнаго свиданія съ

Вами. А теперь позвольте позабавиться немного. Мнѣ кажется, что при нашемъ расположеніи другъ къ другу мы можемъ позволить себѣ иногда вольность, даже медвѣжьи шутки (до извѣстныхъ границъ) надъ собою. Я, напримѣръ, все какъ будто считаю своимъ правомъ иногда залрать Васъ или сказать Вамъ жесткое, рѣзкое слово, что ли,—и все потому, что мнѣ кажется, что я люблю Васъ. Вы не давали мнѣ этого права; но признакъ, что я незамѣтно присвоилъ его себѣ, не можетъ обмануть меня насчетъ Вашихъ отношеній. Я помню и знаю, что тѣхъ, кого я больше любилъ, съ тѣми то я болѣе всего и ссорился и говорилъ имъ много жесткаго, полагая, что любовь уполномочиваетъ на все. Да это и понятно: все хочется, чтобъ любимое существо было еще лучше, и хочется его исправить. Идеаловъ ищется. Вы видите, куда повернуло: мы, конечно, не влюблены другъ въ друга, но, вѣроятно, цѣнимъ обоюдно наши лучшія стороны и симпатизируемъ общимъ вещамъ въ искусствѣ. Сталкиваясь съ разными личностями и слыша иногда отзывы, между прочимъ, и о Васъ и про Бѣглыхъ, я всегда радовался за успѣхъ послѣднихъ въ публикѣ. Успѣхъ, точно большой. Но холопство читающей публики до такой степени сильно, далай-ламство «присяжныхъ» до того налегло на нее, что бояться даже прямо сказать, что зачитывались Вашихъ Бѣглыхъ. А это видишь между строкъ изъ похвалъ, высказываемыхъ съ какой-то робостью. Даже литературные враги ваши, какъ напр. Аѳанас. Чужбинскій, на мой вопросъ: «какъ понравились ему «Бѣгле»» — замѣтили съ важностью, гмъ да! читаются съ интересомъ! Словомъ, Вы закали ротъ Вашимъ критикамъ и они не знаютъ теперь, какъ пачать, съ какого тона. Все это такъ. Но меня всегда раздражали непочтительные отзывы и шутки надъ Вами иѣкторыхъ «сапожниковъ слова». Вездѣ, гдѣ случалось мнѣ слышать что либо подобное, всегда горой стоялъ за Васъ. Къ несчастію, иногда шутки попадали отчасти въ цѣль, и Вы точно невольно сами подавали къ нимъ поводъ. Это рождало и рождаетъ во мнѣ желаніе снабжать иногда Васъ тѣмъ невыносимымъ хламомъ, который въ просторѣчьи и въ дружбѣ прозывается «совѣтомъ». Мерзвѣйшая это вещь, а искушеніе велико. Во первыхъ, плюньте на

Питерь, пока онъ самъ не подастъ Вамъ руки. Въ немъ теперь въ литературѣ происходитъ реакція, а пока все выяснится, плюньте на него. Критика, преслѣдовавшая Васъ, теперь въ загонѣ, покрѣпостямъ, въ опалѣ. Бранятся съ нею теперь не у мѣста, ибо она не можетъ отвѣчать. Если прѣжде она давала тонъ критикѣ, то теперь никто его не дастъ. Когда же критика снова заговорить, то это уже будетъ не тотъ тонъ. За періодъ реакціи выросла и публика и критика. Итакъ, понимаеіс вполне Ваше страстное желаніе видѣть оцѣнку Вашего добросовѣстнаго, отличнаго труда,—понимая, насколько Вы оскорблены (повѣрьте, что я понимаю это вполне и сочувствую Вамъ) равнодушіемъ критики, признавая вполне, что Вы правы, правы, правы, я все таки посоветую Вамъ терпѣніе. А между тѣмъ, съ своей стороны, я рѣшился написать, *quand mѣme*, рецензію на Вашихъ «Бѣглыхъ». Но не теперь, а къ 1863 г. т. е. въ концѣ 62 г. Досуга положительно нѣтъ. Но я пошелъ въ сторону... Дѣло въ томъ: съ чего это Вы такъ наэлектризовались?.. Начиная съ того, что Вы въ каждомъ письмѣ прибавляете—«пишите съ первой же (!)» почтой и проч., точно мы влюбленные или новобрачные, которыхъ разлучили сейчасъ же послѣ перваго акта отождествленія, точно въ самомъ дѣлѣ у насъ съ Вами дѣла, не терпяція отлагательства (*affaires argentes*). Далѣе, я вижу точно, что Вы досужій человекъ и чрезвычайно этому радъ, потому что это даетъ Вамъ возможность мило писать (и пишете таки), а мнѣ читать хоть изрѣдка Ваши живыя письма. За все, за все благодарю, за то, и то, и проч. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что я досужій человекъ. У меня $\frac{3}{4}$ времени уходитъ на пріобрѣтеніе средствъ къ «сей брэнной жизни», а $\frac{1}{4}$ на музыку. Итакъ, не вините и не приравнивайте къ мерзлымъ панычамъ Невскаго. Знайте, что я всегда радъ, когда получаю отъ Васъ письмо, и сейчасъ же отвѣчаю на него въ душѣ; а на бумагѣ—откладываю. Изъ прежнихъ порученій Вашихъ я нѣкоторыя не исполнилъ. Напр., хотя Вы и предписали мнѣ сдѣлать копію съ либретта и выслать немедленно какъ оригиналъ, такъ и копію обратно къ владѣльцу оныхъ, но я отложилъ это, потому что въ томъ же письмѣ, въ

которомъ получено было предписаніе, сказано было также, что Вы уѣзжаете скоро, стало быть адресъ Вашъ перемѣнится, чтобъ еще не пропали такія драгоценности; это *primo*, а *secundo*: къ чему это? оригиналъ я сохранилъ и передамъ Вамъ при свиданіи съ великою благодарностью. Изъ за чего такая спѣшность, суета, срочность? Передѣлки кое-гдѣ потребуются. Кое-что я уже написалъ на Ваше либретто. Если же первое (т. е. предпоследнее) письмо мое было слишкомъ кратко, то потому, что я имѣлъ въ виду лишь сообщить Вамъ *во время* свой адресъ. Остальное все было—только... Но не скрою, что вслѣдствіе работъ, я получилъ полную отвычку писать письма: только дѣловыя вызываютъ меня теперь изъ этой отвычки и тѣ, слава Богу, рѣдки. Великъ Аллахъ и его пророкъ! Мой ближайшій поклонъ Юліи Григорьевнѣ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

10.

Одесса 26 ноября 1863 г.

Письмо Ваше, отъ 15 ноября, почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, я получилъ, благодарю Васъ за опое и спѣшу отвѣтить на кое-какіе вопросы. Во первыхъ, присланная Вами «исторія» оказывается неудобною для напечатанія въ газетѣ вообще и въ Од. В.—въ частностяхъ. Отрывочность этой «исторіи» и изолированность ея въ средѣ матеріаловъ Од. В. сдѣлали бы изъ нея странное *непереваренное* явленіе. Но она имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства. И съ полнымъ правомъ должна занять мѣсто въ какомъ-нибудь археологическомъ или народно-этнографическомъ сборникѣ. Вы это сами, конечно, понимаете, и остается только жалѣть, если ужъ Вы себя считаете въ долгу предъ Од. В., что Вы не выбрали чего-нибудь болѣе живого и менѣе «архивнаго». Хоть бы нѣсколько словечекъ отписали, что дѣлается въ вашемъ околоткѣ или въ Харьковѣ, или нѣтъ ли сплетень какихъ, которыя всегда инстинктивно прилипаютъ къ Вамъ, какъ къ своему естественному меценату. Я говорю это, имѣя въ виду Вашъ во-

ображаемый долгъ и Ваше непонятное для меня стремленіе исполнить какую то формальность. Вѣдь послѣ этого я готовъ подозрѣвать въ Васъ скрывающагося чиповника: по моему откровенному мнѣнію, дѣлать—такъ дѣлать какъ стѣдуетъ, или вовсе ничего не дѣлать. Вотъ Вамъ мой дружескій выговоръ. *Secundo*. На Вашу поэтическую тираду о херсонскомъ піонерѣ я думаю сдѣлать маленьку замѣтку въ Од. В., которую Вы, вѣроятно, встрѣтите въ скоромъ времени, если почитываете наше послѣднее изданіе. Вѣра—отличная вещь и благо тому, кто вѣруетъ. Но я, признаюсь, въ этомъ отношеніи скептикъ, вѣрую только въ неминуемый кризисъ въ будущемъ. Послѣ него дѣло пойдетъ на ладъ. А такъ какъ дѣла идутъ теперь, въ своемъ видѣ,—то мы придемъ только къ экономическому нигилизму. Многое крутится у меня въ головѣ по поводу разныхъ разностей, а пунце всего по поводу нашей Украины. Но въ письмѣ этого не передать. Я благославляю свою судьбу, что бросилъ во время Питеръ. Тамъ бы я окопалъ скоро, какъ мнѣ объяснилъ докториссимумъ. Я не выходилъ, по пріѣздѣ въ Одессу, почти цѣлый мѣсяцъ; оказался застуженный кашель, пріобрѣтенный по Каменнымъ, Васильевскимъ островамъ, разнымъ проспектамъ и Мѣщанскимъ. Сей кашель оказалъ свое раздражающее вліяніе на сердце и оно участило свое бѣненіе. Теперь я ужъ поправился, а весною надѣюсь, съ помощью купаній, войти совершенно въ норму. Я очень радъ, что Вы не ѣдете этой зимою въ Питеръ. Пріѣзжайте лучше въ будущую зиму, тогда мы вновь встрѣтимся. Я рассчитываю пріѣхать въ Питеръ въ началѣ 1865 г. и пробыть тамъ до мая, что ли, для постановки оперы. Въ этомъ году я не успѣлъ бы ее воиолнѣ окончить и потому, ради здоровья, я убѣжалъ изъ Питера, ибо серьезно начиналъ тамъ хворать. Что за чудный воздухъ на Украинѣ! Проѣзжая теперь бѣлорусскимъ трактомъ на Черниговъ и Кіевъ, я упивался просто видомъ и родного неба, и родного парода, и родного языка и благодатнаго воздуха... Пребываніе мое въ Одессѣ имѣеть еще тотъ интересъ, что я имѣю пять лѣтъ обезпеченнаго существованія, ибо на пять лѣтъ съ 1864 г. переданъ Од. В. въ управленіе брата, который пригласилъ меня

раздѣлить съ нимъ труды и выгоды по редакціи. Очень радъ, также, что «Время» возобновляется и что оно просить у Васъ романа или эпопеи. Пишите и отдавайте на вѣсь золота. Но только я заранѣе предсказываю теперь «Времени» другія неудачи, оно не удержится, ибо братъ Θεодоръ, кажется, очень ужъ хворааетъ, а Михайлъ—на что онъ годенъ? Григорьева теперь у нихъ нѣтъ, онъ—на якорѣ. Страховъ слишкомъ наивный и благонаправный публицистъ, а затѣмъ кто же у нихъ останется въ редакціонномъ мѣшкѣ?.. Вѣдь съ польскимъ вопросомъ Россія въ 5-тъ мѣсяцевъ выросла гигантомъ; теперь уже..... на тему «почва» будетъ не эффектной, когда не поймутъ, куда именно преть человѣкъ. А чтобы дѣльно поговорить о почвѣ, надо много учености, таланта и знанія Россіи. Вѣдь почва—народъ. Ну, а куда вы дѣнете имперію? А если почва—народъ, то кто такое Москва; кто Бѣлоруссія, кто Латыши, чего они хотятъ и какъ нужно съ ними обойтись? И что такое имперія? Чего она хочетъ? Мишенькѣ ли съ такими вопросами возиться! ему бы только сигары пробовать, да защищать разницу между Бафра и Мариландъ. Словомъ, въ будущность «Времени», я болѣе не вѣрую. За то я болѣе чѣмъ когда-нибудь сталъ вѣровать въ будущность Украины: сознание своего я видимо пробудилось повсюду, и я убѣдился въ этомъ во время своего переѣзда по Украинѣ. Спѣшить нечего, жертвъ теперь не надо еще, надобно только обращать въ новую вѣру язычниковъ, дремлющихъ въ невѣдѣніи, умножать прозелитовъ. Такъ порѣшили мы и на послѣдней сходкѣ въ Питерѣ, гдѣ Костомаровъ устроилъ, по случаю отъѣзда моего, прелестную вечеринку у Артемовскаго.—Опера Юдиѣ Сѣрова—вещь толковая, по пѣмецкая. За то какъ онъ заважничалъ послѣ нея. Елена Павловна подарила ему 1.000 р. за оперу, въ качествѣ мецената; онъ ужъ на Лжедмитрія хочетъ писать оперу. Передайте мой поклонъ брату и Юліи Григорьевнѣ. Занятій у насъ теперь тѣмъ по случаю кризисныхъ мѣсяцевъ въ подпискѣ: декабрь, январь и февраль утѣшаютъ судьбу издателей. Весь Вашъ П. Сокальскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Тимоеей Бордулякъ. ¹⁾

Сынъ крестьянина, Тимоеей Бордулякъ, извѣстный въ украинской литературѣ подъ псевдонимами Т. Бондарышынъ и Т. Ветлына, родился 2 февраля 1863 года въ селѣ Бордулякахъ, Бродскаго уѣзда. въ Галиціи. Село Бордуляки расположено надъ рѣкою Стыромъ, среди зеленыхъ луговъ и дремучихъ сосновыхъ лѣсовъ. Здѣсь-то, среди красотъ сельской природы, подъ родительской кровлей и протекло дѣтство писателя. Начальное образованіе Бордулякъ получилъ въ народной школѣ мѣстечка Станиславчика. Отъ села Бордуляковъ оно расположено въ разстояніи трехъ четвертей мили, и маленькій Бордулякъ раннимъ утромъ отправлялся такъ далеко въ школу, а домой возвращался уже довольно поздно ночью. Среднее образованіе онъ получилъ въ украинской львовской гимназіи. Отецъ Бордуляка не настолько былъ богатъ, чтобы онъ могъ дать своему сыну всѣ средства, нужныя для жизни въ городѣ, вдали отъ родного села, и потому, во Львовѣ, Бордулякъ, какъ и большая часть крестьянскихъ дѣтей, жилъ въ бѣдности и самъ долженъ былъ для себя добывать средства къ жизни, занимаясь уроками. Несмотря на это, въ гимназіи онъ учился хорошо: основательно изучилъ нѣмецкій и французскій языки, прочелъ много разныхъ книгъ, особенно любилъ читать

---

¹⁾ Источн.—«Осип Маковей. Тимотей Бордулякъ (Т. Ветлина)». Л.-Н. Вістник, 1898 р. т. III (кн. VIII—IX).

Шевченка, Федьковича, Гейне, Ленау и Гельти... Изъ гимназическихъ учителей большое вліяніе на Бордуляка имѣлъ покойный профессоръ Дамянь Гладилевичъ, памяти котораго авторъ посвятилъ въ послѣдствіи свой сборникъ разсказовъ: «Ближні».

Послѣ окончанія гимназіи Бордулякъ хотѣлъ было поступить на философскій факультетъ Львовскаго университета, но отсутствіе всякихъ средствъ къ жизни заставило его поступить въ духовную семинарію, богословскій факультетъ университета. Четыре года университетской жизни Бордулякъ употребилъ не только на изученіе богословія, но и на общее свое образованіе. Въ это время онъ изучалъ языки и литературы: русскую, польскую и французскую, читалъ солидныя изслѣдованія по эстетикѣ и критикѣ; два года слушалъ лекціи украинскаго языка и литературы извѣстнаго профессора Омелияна Огоновскаго; кромѣ этого изучилъ еще итальянскій языкъ. Вообще, будучи въ университетѣ, Бордулякъ серьезно поработалъ надъ своимъ литературнымъ развитіемъ... Послѣ посвященія во священники въ 1889 году Бордулякъ былъ «сотрудникомъ» (викаріемъ) сначала въ с. Утиховичахъ Перемышльскаго уѣзда, потомъ, съ весны 1890 г., въ с. Голгичъ Подгаецкаго уѣзда. Весною 1893 г. онъ былъ назначенъ «самостійнымъ парохомъ» въ с. Городыщу, Тернопольскаго уѣзда, гдѣ пребываетъ и до настоящаго времени.

Писать Бордулякъ началъ еще будучи въ гимназіи, за что товарищи считали его «великимъ» поэтомъ, хотя онъ тщательно скрывалъ отъ нихъ свои литературные опыты. Въ гимназіи имъ было написано множество стихотвореній и одна большая поэма изъ исторіи Украины подъ заглавіемъ: «Свята могила». Изъ всѣхъ этихъ опытовъ лишь переводъ изъ Гейне «Русалка» былъ напечатанъ («Зоря», 1887 р. ст. 60); остальное, какъ очень слабое, не могло появиться въ печати и это такъ повліяло на автора, что онъ изорвалъ всѣ свои гимназическія стихотворенія. Въ бытность свою въ университетѣ Бордулякъ ничего не писалъ: онъ хорошо видѣлъ, что съ тѣмъ запасомъ знаній, какимъ онъ тогда обладалъ, нельзя выступать на литературное поприще, и поэтому все свое свободное отъ занятій время посвящалъ литературному

образованію, откладывая свою литературную работу на то время, когда онъ отправится въ село, гдѣ онъ, какъ ему казалось, будетъ имѣть много свободнаго времени. Но предположенія его не оправдались. Будучи, «сотрудникомъ» въ с. Утиховичахъ, Бордулякъ имѣлъ такъ много служебныхъ обязанностей—три села, три церкви, множество прихожанъ были на его попеченіи,—что писать было некогда; въ это время онъ перевелъ одинъ только рассказъ Тургенева: «Часы» («Годинникъ»). Хотя въ с. Голгичъ онъ и имѣлъ уже больше свободнаго времени, но за перо не брался, и только послѣ убѣжденій профессора Гладилевича, онъ прислалъ въ журналъ «Зоря» одно стихотвореніе, а въ газету «Діло» два небольшихъ рассказа: «Дай Боже здоровья корові!» и «Мати». Оба эти рассказа были напечатаны въ фельетонахъ «Діла» за 1891 годъ. Послѣ этого Бордулякъ почти ежегодно помѣщаетъ тамъ-же по нѣсколько своихъ большихъ или меньшихъ рассказовъ. Въ 1899 году рассказы его вышли во Львовѣ отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ: «Ближні» ¹⁾

Къ сожалѣнію, послѣ изданія «Ближнихъ» Бордулякъ почти ничего не печатаетъ: обстоятельства жизни автора въ селѣ не благоприятствуютъ его литературной дѣятельности, какъ онъ самъ

---

¹⁾ «Ближні» Бордуляка составили собою LXII томъ «Бібліотеки найзнаменитшихъ повістей», издаваемой во Львовѣ подъ редакціей Ивана Белея. Въ этотъ сборникъ вошли слѣдующіе рассказы автора: «Дай, Боже, здоровья корові!» «Мати», «Савета Себі», «Дід Макар», «Рішучий крок», «Самітна нивка», «Дядько Федюсь», «Ось, куди ми підемо, небого»... «Бузьки», «Галилеївський вїйт», «Дяк Гриць», «Діти», «Для хорого Федя», «Перший раз», «Жебрачка», «Нічний привид», «Право патронату», «Михалкові радощі», «Бідний жидок Ратиця», «Гаврило Чорній», «Іван Бразилієць»—Изъ нихъ первый разъ были напечатаны въ календаряхъ «Просвѣти»: «Рішучий крок» (на 1895 р.) и «Самітна нивка» (на 1896 р.), а остальные рассказы—въ фельетонахъ «Діла» (1891—1899 р.р.). Кромѣ рассказовъ, составившихъ собой сборникъ «Ближні», Бордулякомъ были написаны еще: «Страшний сонъ» и «О зозулю»; оба эти рассказы были напечатаны въ бібліотекѣ «Батьківщини» 1893 р., ч. II.

писавъ въ 1898 г. Осышу Маковейо: «Я не літерат з професіи, бо маю инші обовязки; я пишу лише прихачцем, щоб так сказати, для рекреаціи, для заспокоєня вродженої, чи може тільки виробленої потреби. Ви не думайте собі, що священик на селі спочиває на рожах та розпоряджає часом до впадоби. Праці багато. Ось я маю дві церкви, дві школи, котрих пильную, як ока в голові, есьм кожної хвилі до розпорядимости парохіян, навіть в ночі,—ну, а про щоденні господарські клопоти хиба вам і не буду згадувати, бо може-б ви і не хотіли повірити, як мало чоловік, паш брат на селі, має спокою і вільного часу»... ¹⁾

Оригинальныхъ своихъ стихотвореній Бордулякъ напечаталъ немного и самъ онъ не придаєть имъ большого значенія; за то рассказы его имѣють большую литературную цѣнность. Уже первый его рассказъ: «Дай, Боже, здоровья корові!» сразу обратилъ на себя вниманіе читателей и своимъ содержаніемъ, и художественностью изложенія, обнаруживая у автора настоящій талантъ; появившееся потомъ свидѣтельствовало о дальнѣйшемъ развитіи писателя.

Крестьянинъ по своему происхожденію и постоянный житель деревни, Бордулякъ всесторонне изучилъ жизнь галицкаго села, знаєть его радости и горе,—естественно поэтому, что и любимыми героями его рассказовъ являются крестьяне и крестьянки на фонѣ сельской природы. Жизни интеллигенціи онъ касается лишь въ видѣ исключенія.

Однимъ изъ такихъ исключеній является небольшой рассказъ «Жебрачка». На художественной выставкѣ господишъ съ двумя дамами любитъся изображеніемъ нищей: оно такъ вѣрно дѣйствительности, въ немъ столько жизни, что у зрителей является жалость къ нищей, желаніе помочь ей: «Ах!—закликала панночка.—Чоловік хвилями забуває, що се полотно, и ось-ось готов сягнути до калитки, щоби втиснути в руку милостиню»... (162). Но когда они встрѣчаютъ дорогой нищую, послужившую

¹⁾ Осип Маковей Т. Бордуляк (Т. Ветлина). Л.-Н. Вістник, 1898, т. III, 82.

художнику моделью для картины,—этотъ живой страдающій человекъ не можетъ у нихъ вызвать никакого состраданія къ себѣ.

Только два коротенькихъ разсказа: «Нічний привид» и «Право патронату» посвящено нашимъ авторомъ жизни сельской интеллигенціи,—въ обоихъ онъ касается неблагопріятнаго положенія галицкаго сельскаго священника. Въ другихъ разсказахъ Бордуляка если и выводится священникъ или учитель, то лишь какъ наблюдатели народной жизни, а не какъ главныя дѣйствующія лица. За то сельская жизнь представлена авторомъ въ остальныхъ его разсказахъ съ полнотою и обстоятельностью, съ очень небольшою дозою идеализаціи. Лучшими изъ этихъ разсказовъ можно считать слѣдующіе: «Дай, Боже, здоровья корові!», «Мати», «Дід Макар», «Самітна нивка», «Дядько Федось», «Бузьки», «Діти», «Для хорого Федя», «Перший раз», «Михалкові радости», «Бідний жидок Ратиця», «Гаврило Чорній» и «Іван Бразилієць».

Содержаніемъ всѣхъ разсказовъ Бордуляка изъ сельской жизни служитъ изображеніе тяжелой экономической нужды галицкаго села и указаніе факторовъ, служащихъ причиною развитія этой нужды. Малоземелье, отсутствіе побочныхъ заработковъ, эксплуатація народа евреями, главными работодателями,—все это способствуетъ тому, что лишь съ огромнымъ трудомъ и къ тому же только болѣе счастливыя семьи способны противостоять всѣмъ этимъ невгодамъ и пополамъ съ бѣдой перебиваются изъ года въ годъ, не видя лучшаго будущаго. Но какъ непрочно существованіе и этихъ семействъ, авторъ показываетъ въ разсказахъ: «Мати» и «Дід Макар». Умираетъ глава семьи, единственный ея кормилецъ, или сына, главную поддержку семьи, берутъ въ солдаты, и все хозяйство этой, оставшейся безъ всякой опоры семьи разстраивается и жизнь остальныхъ членовъ ея нерѣдко доходитъ до трагическаго конца. Такой, именно, конецъ постигъ, «стару Клициху» («Мати») послѣ того, какъ забрали въ солдаты ея любимаго младшаго сына Якова. Ни отъ кого не получая помощи, даже отъ своего старшаго сына, живущаго въ одномъ домѣ съ матерью, и не будучи въ силахъ на старости лѣтъ тяжелымъ тру-

домъ добывать себѣ все нужное для жизни, она умираетъ въ страшной бѣдности.

Такъ же трагически чуть было не окончилась и жизнь семьи вдовы Катерины Груцыхы («Дід Макар»), оставшейся послѣ внезапной смерти своего мужа Семена съ пятью маленькими дѣтьми почти безъ всякихъ средствъ. И здѣсь уже нужда дошла до крайности: «осталось було трохи припасів хліба, муки, пшона, картофель,—все се поволи минулось, бо діти живі, хочуть їсти. Все вийшло, остався лише голий борщъ, а до борщу хліба ни пшачка» (51). Наконецъ, приходитъ помощь. Но откуда? Это нищій, живущій подаваніемъ «дід Макар», выпрошенными у людей кусками хлѣба спасаетъ семью отъ голодной смерти...

Такова, по изображенію Бордуляка, бѣдственная жизнь крестьянской семьи, которая вдругъ почему либо лишается своего единственного кормильца; но и въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ они есть, жизнь не многимъ лучше, такъ какъ существуетъ много причинъ, дѣлающихъ жизнь крестьянъ въ Галиціи почти невозможной. Одною изъ такихъ главныхъ причинъ нашъ авторъ считаетъ большія государственныя подати, которыя въ Галиціи тяжелымъ бременемъ ложатся главнымъ образомъ на крестьянъ, отнимая у нихъ иногда весь заработокъ, нужный имъ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей. Въ рассказѣ «Для хорого Федя» представлена имъ жизнь семьи Марка Бураго, несчастнаго бѣднаго крестьянина, у котораго боленъ сынъ Федя, а онъ не имѣетъ даже чѣмъ протопить въ избѣ, чтобы согрѣть больного. Правда, тяжелымъ трудомъ Марко заработалъ немного денегъ и на нихъ надѣется купить себѣ дровъ; но какъ разъ подоспѣла пора платить подати, и его вмѣстѣ съ другими такими же бѣдняками зовутъ «до громадської канцелярії платити податокъ». Дорогой Марко Бурый утѣшаетъ себя надеждой, что «може ще випроситься, може йому ще почекають до другого разу та не будуть грабити» (139), но лишь только онъ вошелъ въ канцелярію, какъ надежды его разлетѣлись прахомъ: здѣсь онъ услышалъ, какъ «здекуцникъ» закричалъ на одного крестьянина, который «просився і плакав, що не має чимъ заплатити податокъ, бо мусити купити дітям хліба»:—

«Податок перший, як твоя губа, мудю еден! давай гроші!» (139). Послѣ этихъ словъ у Марка пропадаетъ всякая охота просить отсрочки съ уплатой податей, потому что, думаетъ онъ, «коли податок перший від губи, то певно, що податок перший також від дров, від голих плечей, від босих ніг, від хорої дитини, від його Федя»... (139)—и онъ отдаетъ всѣ свои деньги «здекуцнику», а самъ остается безъ дровъ. Дома онъ рубить на дрова большую, еще совершенно здоровую грушу,—свою «корову», какъ онъ ее называлъ: вѣдь она приносила ему не только небольшой доходъ нѣсколькими проданными гарнцами овощей, а еще давала полуголодной семьѣ и пищу, и единственное ея лакомство. Но она должна теперь сгорѣть, чтобы спасти семью отъ холода, спасти отъ смерти больного ребенка...

Здѣсь, хотя семья и осталась безъ всякихъ средствъ, ей удалось избѣжать «здекуціи», ее не грабили. Но въ селѣ всегда много бываетъ такихъ бѣдняковъ, которымъ, нечѣмъ уплатить подати: такихъ «недбалыхъ». «Війть зи здекуцникомъ и зъ присяжнимъ» ходять «по хатахъ грабыты». Какъ происходитъ эта «здекуція»—«грабежъ», изображено нашимъ авторомъ въ разсказѣ: «Михалкові радощі». Во время этой «работы» забирается все, имѣющее какую нибудь цѣнность, даже предметы первой необходимости: у больного «пропасныцею» Мыколы «війть» хотѣлъ было взять единственный «кожухъ, котрымъ бувъ Мыкола накрытый», такъ какъ больше нечего было взять; только доброта! «присяжного Мыхалка», который закладываетъ за Мыколу «свій батькивський, синій жупанъ», спасаетъ его отъ «грабежа». Исполненіе «здекуціи» вызываетъ у крестьянъ столько возмущеннаго чувства, всевозможныхъ «благань, насмишокъ, проклѣнивъ», что доброму «присяжному Мыхалкови» вечеромъ, уже по окончаніи этой «работы» «все в упором лізла до голови тая його пинішня работа... Ось він тягне старій вдові Химі Пукасисі брудну верету з постелі... Пукасиха не дає, а він тягне... вкінці Пукасиха пускає з рук верету та ще й клене... «Бери—каже вона—бодай ви нею вдалилися, дериверетники нечестиві!» А ось, у Гренджолів, халупників у хаті голо, як в турецькій церкві, в куті стоїть порохнява скриня...

«Заглянь—каже віт—що там є в скрині?»—Він підніс віко, перехелився до скрині, а там повно різного лахмітя... «Шукай!»—каже віт—і він став нишпорити та на самім дні знайшов кавалок полотна. «Ось полотно»!..—«Бери!»—каже віт.—Він за полотно, а Гренджолиха в крик: «Не руш!—каже—то чоловікові на штани!»—«Бери!»—каже віт.—Михалко бере... «А бодай ви собі на смерть сорочки з того полотна пошили!»—клене Гренджолиха». (207). Мы привели эту нѣсколько длинную выписку, чтобы словами автора показать, какія чувства вызываетъ «здекуція» даже у исполнителей ея... Нѣтъ ничего удивительнаго, что мучимый такими тяжелыми воспоминаніями Михалко отказывается отъ «гонору и славы» быть «присяжнымъ», говоря: «Ні, не хочу я бути присяжним, ані поліцаєм! Ось що! Нехай хто другий дивиться з так близька на людську біду, а я не маю до того серця... нехай хто другий стягає на себе людські проклѣни, а я не хочу!»... (208).

Въ связи со всѣмъ этимъ убожествомъ и нуждой галицкаго села авторъ выводитъ новое народное бѣдствіе: эксплуатацію темнаго, прибитаго нуждой и горемъ народа евреями и пьянствующими сельскими властями—«війтомъ и радою громадською». Особенно даютъ себя знать темному селу евреи, которые, захвативъ въ свои руки всю торговлю, всѣ фабрики, заводы, лѣса и минеральныя богатства, имѣють въ своихъ рукахъ всѣ нужныя средства для эксплуатаціи народа; они помимо того, что назначаютъ слишкомъ низкую, «занадто нужденну» плату своимъ работникамъ, и ту еще не хотятъ имъ выплачивать деньгами, а заставляютъ забирать у нихъ въ лавкахъ негодные къ употребленію продукты по очень высокой цѣнѣ и спаиваютъ народъ водкой. Народъ самъ чувствуетъ этотъ гнетъ, сознаетъ всю тяжесть его, но не имѣетъ силъ, чтобы освободиться отъ него. Нужно много силы воли, нужно очень любить свою семью, нужно быть просто героемъ, чтобы твердо «стояти о жидівську ласку, щоби песій жидовин не пхав чоловікові замість грошей горілки» (3). Въ разсказѣ «Страшный сон» авторъ изобразилъ крестьянина, которому кажется во снѣ, что онъ карась, а жидъ Хуна поймалъ

его и потрошить (намекъ на экономическую «руину», которую задумываетъ Хуна противъ села).

Не менѣ зла, если не болѣе, чѣмъ евреи, причиняють селу и свои же братья «війтъ и рада громадська»,—пьянствующее сельское начальство, которое съ утра до вечера «сыдытъ въ коршми и залагоджуе тамъ вси sprawy громадски», какъ это мы видимъ въ разказѣ Бордуляка: «Галилеївський війт». Понятно, что у такого начальства нѣтъ мѣста справедливости: «все іде на міру килішка: хто спойтъ війта, а з ним і раду громадську, того буде й верхъ, а кого не стати на почастунок, то той пропавъ, якъ песь на ярмарку»... (105) При такомъ управленіи нечего и думать о заведеніи въ селѣ какихъ бы то ни было порядковъ: всѣмъ попыткамъ въ этомъ направленіи «війтъ и рада громадська» будутъ противостоять, видя въ нихъ «бунтъ противъ начальства»: «Кількох нас,—разказываеъ крестьянинъ,— завело разъ бесіду, чи би не було добре для волосної користи завести въ громаді касу позичкову, а війт в крик: «То бунт!» каже. То може би шпихлір громадський привести до ладу... бо громадський шпихлір у насъ бувъ давнійше, але коли нашого війта вибрали вдруге війтом, то з тої пори і шпихлір заснітився. Війт і на тее каже: бунт, а йому вторують радні: бунт... (105). Положеніе дѣла ухуждается еще тѣмъ, что такой «війтъ» въ селѣ всегда желателенъ для высшаго начальства, потому что «на виборах він голосуе на того, на кого йому вже скажуть голосувати... на того, що горілкою, пивом і дреглями купуе собі голоси...» (108), и начальство горой стоитъ за такого «війта», называя всѣхъ недовольныхъ имъ крестьянъ «бунтівниками і ще якимись *вархололами*» (108)...

Къ пьянству, какъ такому народному бѣдствию, которое часто помимо другихъ причинъ окончательно губить экономическое благосостояніе села, особенно часто обращается Бордулякъ въ своихъ разказахъ. Въ нихъ онъ показываетъ, какъ нерѣдко и довольно зажиточныя крестьянскія семьи обращаются въ «жебракивъ», сельскихъ пролетаріевъ, благодаря пьянству; о немъ всегда упоминаетъ авторъ, лишь только начнетъ говорить о причинахъ бѣд-

ственного экономического состоянія села. Болѣе же глубоко затронуть авторомъ этотъ видъ народнаго бѣдствія въ его разсказѣ: «Гаврило Чорній». Гаврыло Чорній—типичнѣйшій представитель людей, преданныхъ пьянству. Когда то зажиточный крестьянинъ, онъ своимъ пьянствомъ вгоняетъ въ гробъ жену, прекрасную хозяйку, и продолжаетъ растрчивать имущество вдвоемъ со второю женою, извлекающею изъ этого свои выгоды. Подъ вліяніемъ пьянства и этой жены онъ доходитъ до того, что хочетъ продать свою дочь Татьяну «панычеви въ двирь», надѣясь, что послѣ этого никто не захочетъ на ней жениться, и онъ будетъ имѣть возможность по своему распорядиться ея хатой и землей, оставшимися ей отъ матери..

Послѣ всего этого становится понятнымъ появленіе смѣльчаковъ, рѣшающихся бросать родное село, домъ, ниву и отправляться въ поиски лучшей доли въ далекіе неизвѣстные края Америки—«до Бразыліи». Эта тема послужила автору для двухъ коротенькихъ разсказовъ, гдѣ представленъ несчастный обѣднѣвшій крестьянинъ-эмигрантъ, который, не видя никакого исхода изъ своего положенія, задумываетъ ѣхать въ Бразилію искать счастья и этимъ утѣшаетъ свою любимую жену («Ось куди ми підемо, небого...»),—на оставленной имъ избѣ поселятся прилетѣвшіе съ юга, давно уже живущіе здѣсь «бузьки» и будутъ удивляться, куда дѣвались хозяева, что ихъ нигдѣ не видно («Бузьки»).

Болѣе глубоко эта тема затронута авторомъ въ большемъ его разсказѣ: «Иван Бразиліецъ», въ которомъ изображены бѣдствія крестьянской семьи, увлеченной такъ называемой, «бразылійскою гарячкою», которая съ особенной силой разыгралась въ Галиціи лѣтомъ 1895 года. Тяжелая жизнь, нужда, эксплуатація крестьянъ,—все это создаетъ среди нихъ большой классъ недовольныхъ своимъ положеніемъ. Этимъ настроеніемъ бѣдняковъ стараются воспользоваться нечестные люди, подсылаютъ къ нимъ своихъ агентовъ, убѣждающихъ оставить свою родину и эмигрировать въ Бразилію, которая, по ихъ словамъ, является обѣтованной землей. Горе тѣмъ несчастнымъ, которые поддадутся на лъстивыя рѣчи этихъ агентовъ! Лишь только эмигранты выйдутъ

за предѣлы своей родины, какъ сейчасъ же и начнутся ихъ страданія, достигающія наивысшей степени по приѣздѣ ихъ въ Бразилію. Невообразимая эксплуатація труда эмигрантовъ, за которыми присматриваютъ съ револьверами въ рукахъ, убійственный климатъ, голодъ, желтая лихорадка,—все это способствуетъ страшному вымиранію эмигрантовъ: изъ большихъ семействъ остаются въ живыхъ одинъ-два болѣе выносливыхъ члена. Смерть дорогихъ существъ, разочарованіе въ своихъ надеждахъ такъ удручающе дѣйствуютъ на оставшихся въ живыхъ, что они при первой же возможности стараются оставить эту негостепріимную страну и возвратиться домой, въ свое родное село, чтобы увеличить собою и такъ не малое число сельскихъ «жебракивъ». Немудрено, что Иванъ Загуменный, прозванный послѣ своей неудачной эмиграціи въ Бразилію—Бразылійцемъ, перенесшій всѣ невзгоды эмиграціи, потерявшій горячо любимыхъ дѣтей и жену, начинаетъ въ водкѣ топить свое горе вмѣстѣ съ другими бѣдняками-односельчанами, приглашая ихъ: «ходите, братья, напьёмось, але так, щоби-сьмо всю нашу бѣду втопили в горілиці, щоби-сьмо потім аж співали з великої утіхи!» (412). Страшно становится за такого человѣка и его боятся сами товарищи по бѣдѣ, но все-таки идутъ съ нимъ «до коршмы» топить свое горе, не видя для себя никакого выхода изъ настоящаго своего положенія...

Такъ изображена въ разсказахъ Бордуляка жизнь галицкаго села,—въ такомъ селѣ самъ авторъ жилъ въ дѣтствѣ и теперь живетъ. Авторъ съ любовію и сочувствіемъ относится къ этому селу и его обитателямъ и у читателей возбуждаетъ тѣ же чувства.

Какъ велико вліяніе Бордуляка на читателей, это видно по тому впечатлѣнію, которое производитъ на нихъ его разсказъ: «Дай Боже, здоровля корови!» «Халупныкъ»... Матвій Басъ на заработанныя тяжелымъ трудомъ въ лѣсу 50 «рыньськихъ» купилъ для своей семьи корову, вотъ и все, о чемъ говорится въ этомъ разсказѣ. Но это обыденное событіе изображено съ такою правдивостію, съ такими симпатіями автора къ этой семьѣ, что чи-

татель не может не переживать съ нею этой ея великой радости, и разсказъ навсегда остается въ его памяти.

«Діти, як заздріли батька, (который «непостережно зьявився під ворітьми з коровою»), так і кинулись прожогом до воріт, лиш одно маленьке зісталось у матері на руках.

— Тато! тато! Корова!—кричало одно то друге.

Четверо малих люда вчепились за ворота і въ одну мить отворили навстиж. Отворили: і корова з триумфом вступила на подвіре, а діти обступили її і стали оглядати з цікавостію.

Матвііха перехрестила хребет корови і поцілувала її в лоб межі рогами.

— Ах, моя голубонько! ах, моя маленька ти певно хочеш істочки, ти певно хочеш питоньки!—лебеділа вона, примілюючись до корови і гладячи її по боках (5)».

Читателю становаються понятними и чувства Матвія, который «стояв з боку і гордо дивився на ту сцену. Його очі так і промовляли: «Дивись, стара, який з мене господар! який з мене батько! Шануй же мене, небого»!.. (5). Всякій, прочитавший этотъ разсказъ, скажетъ вмѣстѣ съ семьей Матвія: «Дай, Боже, здоровля корові» за ту радость, которую она принесла собою этой семьѣ!..

Въ каждомъ словѣ автора такъ и пробивается любовь автора къ его героямъ; отъ всякаго разсказа такъ и вѣетъ на читателя какое-то теплое чувство, съ которымъ авторъ относится къ этимъ несчастнымъ, изнуреннымъ чрезмѣрными трудами и заботами людямъ. Любовь къ людямъ труда и уваженіе къ труду,— вотъ постоянныя чувства нашего автора: «Женці в поли при роботі—се для мене красний, зворушаючий вид. На той вид огортає мене якесь неописане, боговіине почуване, я клоню чоло перед тою величною працею і видаю честь рукам, що тої праці піднялись» (153). Съ глубокимъ сочувствіемъ къ народному горю и его тяжелой участи авторъ спрашиваєть далѣе: «Та чы скоро прыйде для ныхъ лучша доля, видрадіиша будучність для тыхъ холодныхъ, захлялыхъ робитныківъ—хлиборобивъ? Гей,

Господы Боже, зглянься, допоможи та прискори той чась!.. (153). Весь вообще эготъ разсказъ («Першій разъ»), изъ котораго мы привели эти слова, есть не что иное, какъ гимнъ труду, гимнъ неизвѣстнымъ работникамъ-крестьянамъ. Много темныхъ пятенъ въ жизни галицкихъ крестьянъ и все-же этихъ тружениковъ въ изображеніи Бордуляка, нельзя не уважать!

Но не къ одному только своему народу относится нашъ авторъ съ такой любовью,—нѣтъ, каждый терпящій, страдающій имѣеть право на его сочувствіе. Несмотря на все зло, которое причиняють евреи галицкому селу своей эксплуатаціей парода, Бордулякъ могъ написать свой художественный разсказъ: «Бідний жидок Ратиця», въ которомъ изображены бѣдствія еврейской семьи. Еврей Ратыця, настоящее имя котораго было Кыва, честно жилъ со своими односельчанами-крестьянами, за что они любили его и даже иногда помогали ему кое чѣмъ. Когда наступили для села «злі часи», Ратыця отправляется въ лѣсъ въ надеждѣ хоть что-нибудь заработать при рубкѣ лѣса для прокормленія своей многочисленной семьи. Но плата за работу слишкомъ ничтожна, къ тому же крестьяне, сами очень нуждаясь, даже за деньги не хотятъ дать ему съѣстныхъ припасовъ,—и это заставляетъ его отправиться въ ближайшее мѣстечко просить у знающихъ его людей помощи. Съ тяжелымъ сердцемъ шелъ онъ въ мѣстечко за прошенымъ хлѣбомъ, но здѣсь счастье улыбнулось ему: еще онъ не обошелъ всѣхъ домовъ, гдѣ надѣялся получить помощь, а «мав уже повний міх всякого добра, він чув, що його кишенья тяжка від дрібняків і тішився в душі» (250),—и онъ веселый спѣшитъ домой, гдѣ его ожидаетъ голодная семья... Образъ Ратыци, въ изображеніи Бордуляка такъ симпатиченъ, что у всякаго возбуждаетъ къ себѣ сочувствіе и состраданіе: пускай расовая ненависть къ евреямъ приметъ еще болѣе ужасающіе размѣры, чѣмъ теперь, «бідного жидка Ратицю» никто не будетъ ненавидѣть!

Съ особенною любовью Бордулякъ останавливается въ своихъ разсказахъ надъ людьми павшими, пьяницами; и у нихъ онъ находитъ свѣтлыя проявленія добрыхъ порывовъ, лучшихъ способ-

ностей человеческой души. При изображении таких людей автор не довольствуется описанием одних только внешних черт их характера, а старается заглянуть и понять самую душу их. Он не сглаживает, не замалчивает их недостатков и пороков, но и не останавливается только на этом; и у таких, на первый взгляд кажущихся совершенно потерянными людей, он находит нередко цѣлыя сокровища, скрытыя от взоровъ всего міра: любовь отца, матери къ дѣтямъ, самопожертвованіе для родственниковъ и пріятелей, возвращеніе на путь истины послѣ многихъ лѣтъ лѣни и пьянства, охоту послужить обществу и др. Бордулякъ фактами показываетъ, что и въ самыхъ испорченныхъ натурахъ нередко свѣтлыя проявленія человеческой души. Глубоко было паденіе Гаврыла Чорнія, но и у него гдѣ-то въ глубинѣ души еще тлѣетъ искра родительской любви къ своей дочери Татьянѣ, хотя онъ, подъ влиянемъ пьянства, и хотѣлъ было продать ее «паничеви в двір». И эта искра, воспламенившись въ опасный моментъ, когда онъ собирается зарубить топоромъ своего зятя Федорка, мужа Татьяны, спасаетъ его отъ убійства и разгорается въ такую любовь къ дочери, что, какъ онъ говорилъ впоследствии, «сліди її цілував, коли-б пізнав їх де на дорозі» (312). Эта родительская любовь къ дочери уже никогда не угасала въ сердцѣ Гаврыла Чорнія и вмѣстѣ съ другими причинами довела его, хотя и послѣ многихъ новыхъ паденій, до исправленія, которое такъ психологически вѣрно изображено авторомъ, что у читателя не является никакого повода къ сомнѣніямъ въ его возможности... Эта же родительская любовь къ своимъ дѣтямъ останавливаетъ крестьянина Мырона въ разсказѣ «Діти», когда онъ послѣ смерти горячо любимой жены въ отчаяніи рѣшилъ было «взяти пояс, пійти до стодільчини, зробити петлю, привязати до платви, закинути собі на шию і—кінець»... (134). Мысль о дѣтяхъ спасаетъ его отъ самоубійства: «Бідні діти!—думав він,—матері не мають, а щоби з ними сталося, коли-б ім і батька не стало?.. (135). «Дякую вам, мої сердечні, та обіцюю і присягаю вам, що від тепер буду для вас виключно жити і працювати»... (136).

Изображеніе силы родительской любви къ своимъ дѣтямъ особенно часто встрѣчается въ разсказахъ нашего автора, въ нѣкоторыхъ случаяхъ любовь эта граничитъ съ настоящимъ самопожертвованіемъ. Для примѣра можно указать на «стару Кліщуху (въ разсказѣ: «Мати»), которая, сама очень нуждаясь, посылаетъ любимому сыну Якову, солдату, свои послѣдніе «три ринськихъ; и когда ей говорятъ, что Яковъ пишетъ неправду, прося у нея денегъ, она отвѣчаетъ: «Правда, чи неправда, що він там пише, але я таки гроші пошлю. Знайшлося ще три ринських, ось вони»... (26).

Проявленіе такихъ свѣтлыхъ сторонъ характера среди несчастныхъ людей обнаруживаетъ героевъ тамъ, гдѣ всего меньше можно было ихъ ожидать. Всѣ такія душевныя движенія человеческой души нашъ авторъ представляетъ въ своихъ разсказахъ съ особенной любовью и старательностью, принуждая и насъ смотрѣть на всѣхъ его героевъ съ сожалѣніемъ и благорасположеніемъ. Этотъ теплый, сердечный тонъ, съ какимъ описываетъ Бордулякъ поступки и дѣянія своихъ героевъ—его специальность, его отличительная характеристическая особенность, какъ писателя, черта, которою онъ глубоко трогаетъ и возбуждаетъ душу читателя (достаточно вспомнить разсказы его: «Іван Бразиліецъ», «Відний жидок Ратиця», «Дай, Боже, здоровля корові!» «Для хорого Федя» и др.). «Бордулякъ—реалист,—говорить о немъ Осыпъ Маковей,—але в нього тиха, спокійна, зрівноважена, поетична душа, охоча добачувати радше кращі сторони людського життя, як його лихі сторони. Він у своїх оповіданях оптиміст—і як оптимістичний погляд на жите все приеднує собі душу читача, так і оптимізм Бордуляка є розрадою для його читачів» ¹⁾. И дѣйствительно, въ его разсказахъ мы находимъ болѣе добрыхъ людей,—положительные типы, преобладаютъ въ нихъ надъ отрицательными; авторъ и у наиболѣе убогаго крестьянина находитъ въ жизни немногія тихія минуты радости, которыя укра-

---

¹⁾ Осип Маковей. Тимотей Бордуляк (Т. Ветлина). Л.-Н. Вістник, 1898, т. III, 80.

шаютъ его жизнь. Герои разсказовъ Бордуляка видятъ много зла и несправедливости вокругъ себя, испытываютъ горе и разочарованіе въ жизни, въ близкихъ людяхъ, но преодолеваютъ всё эти бѣдствія и испытанія, посылаемыя имъ судьбой. Отъ разсказовъ нашего автора въ душѣ читателей остается свѣтлое впечатлѣніе, потому что онъ вѣритъ въ торжество добра, въ побѣду нравственной силы надъ внѣшними обстоятельствами жизни. Этотъ оптимизмъ, исходящій не изъ романтической идеализаціи дѣйствительности, а изъ серьезнаго и вдумчиваго отношенія къ смыслу человѣческихъ страданій составляетъ идейное значеніе разсказовъ Бордуляка.

Разсказы Бордуляка чужды тенденціозности, авторъ даетъ въ нихъ реальный образъ сельской жизни; изображенія людей не выходятъ у него односторонними, а совершенно полными, жизненными: никто не можетъ сказать, что такихъ людей, какихъ мы встрѣчаемъ въ его разсказахъ, нѣтъ и не можетъ быть. Этому много способствуетъ самый способъ изображенія авторомъ своихъ героевъ. Онъ выводитъ людей въ ихъ обыденной, не праздничной обстановкѣ, нисколько не приукрашивая ни ихъ, ни тѣхъ обстоятельствъ, среди которыхъ имъ приходится жить и дѣйствовать. Нѣтъ у него эффектныхъ сценъ, какія нерѣдко можно встрѣтить у писателей съ романтично-этнографическимъ направленіемъ, онъ обращаетъ больше вниманія на будничныя, хотя не менѣе сильныя проявленія человѣческой души; идейный замыселъ автора состоитъ въ томъ, чтобы въ своихъ разсказахъ показать духовное содержаніе самой обыденной жизни галицкаго села...

Читатель самъ такъ проникается оптимистическимъ взглядомъ Бордуляка на сельскую жизнь, что тѣ немногіе разсказы, въ которыхъ авторъ изображаетъ однѣ только отрицательныя стороны сельскаго быта (пьянство, судебная волокита, непредпріимчивость и др.); кажутся ему нѣсколько тенденціозными, написанными съ исключительно морализаторскими цѣлями. И дѣйствительно, одинъ, изъ критиковъ (Осыпъ Маковей) называетъ эти разсказы «*морализаторскими*», «що не дорівнюють иньшим, хоч не раз також

повні поезіі, як н. пр. «Самітна нивка» ¹⁾). На самому дѣлѣ и въ этихъ разсказахъ Бордуляка нѣтъ морализаціи, въ нихъ онъ не поучаетъ, а просто, ярко и правдиво изображаетъ дѣйствительность, грустную и тяжелую жизнь въ той средѣ, которую описываетъ...

Тонъ разсказовъ Бордуляка вездѣ ровный, спокойный, безъ аффектацій; онъ не рассказываетъ, а скорѣе рисуеъ сцену за сценой спокойно, широко, со многими характерными подробностями, съ большимъ поэтическимъ чувствомъ. Несмотря на этотъ ровный и спокойный тонъ, какимъ авторъ рассказываетъ о своихъ герояхъ, разсказы его отличаются большимъ драматизмомъ изложенія, изобилуютъ многими высокодраматическими сценами, которыя производятъ глубокое впечатлѣніе на душу читателей (здѣсь достаточно будетъ указать на сцену прощанія Гаврыла Чорнія со своей семьей, когда онъ собирается навсегда оставить ее и уйти «до Львова», въ разсказѣ: «Гаврило Чорній»). Превосходное изображеніе народнаго быта, интересныхъ характеровъ и типовъ, легкій, симпатичный юморъ, любовь и сочувствіе къ низшему брату,—составляютъ главное художественное значеніе разсказовъ Бордуляка. Въ большинствѣ случаевъ эти разсказы невелики, но композиція ихъ вполне безупречна: нѣкоторые изъ нихъ («Самітна нивка», «Бузьки», «Перший разъ» и др.) производятъ впечатлѣніе, какъ настоящая поэзія въ прозѣ, и пересказать ихъ нельзя, можно скорѣе почувствовать ихъ. Слогъ разсказовъ Бордуляка живъ и изобразителенъ, хотя и встрѣчаются довольно часто непріятные для слуха галицизмы и руссизмы ²⁾.

Нельзя не пожалѣть, что обстоятельства жизни Бордуляка не даютъ ему возможности больше удѣлять времени для занятій ли-

---

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Вотъ нѣсколько на удачу выписанныхъ руссизмовъ: *біле, лучі сонця, впрочім, віддільно, взаімно, осторожно, вольнодумний, рівнодушний*, я був в немилім положеню, з матерних обнятъ, сказав з жаром и др.

тературой; тѣмъ болѣе приходится жалѣть, что и его литературный талантъ и напечатанные уже имъ рассказы, давшіе ему право на почетное мѣсто среди младшей генераціи украинскихъ писателей, служатъ залогомъ, что онъ могъ бы подарить нашей небогатой литературѣ еще не одно цѣнное произведеніе...

Е. К.

Историческій очеркъ жѣтности, составлявшей Полтавскій полкъ.

(Неоконченная рукопись А. М. Лазаревскаго).

Отъ редакціи. Въ годовщину смерти незабвеннаго историка Малороссіи Александра Матвѣевича Лазаревскаго (31 марта) признаемъ благовременнымъ помѣстить его «последнее сказаніе» — начальные листы новаго историческаго труда, отъ котораго оторвалъ его тяжкій недугъ, столь неожиданно разрѣшившійся смертнымъ исходомъ. Другьямъ покойнаго, собравшимся на первую по немъ панихиду, памятны эти недописанные листки, оставшіеся на его рабочемъ столѣ и краснорѣчиво говорившіе о томъ, какими думами и помыслами былъ занятъ почившій историкъ въ послѣдніе дни своей жизни. Это были все тѣ же благородныя думы и высокіе помыслы, которые занимали его умъ и сердце съ юныхъ лѣтъ и составляли высшее содержаніе его жизни: думы о прошломъ родного края, помыслы о наиболѣе полномъ и вѣрномъ его воспроизведеніи. Еще въ концѣ 1880-хъ годовъ А. М. Лазаревскій задумалъ издать рядъ капитальныхъ сочиненій по исторіи Малороссіи, въ которыхъ онъ могъ бы сдѣлать сводъ тому безмѣрно-громадному фактическому матеріалу, какой имъ былъ собранъ въ теченіе всей жизни путемъ неустаннаго кропотливаго изученія неизданныхъ документовъ. Это было его драгоцѣнное «Описаніе старой Малороссіи», имѣвшее составить десять томовъ, по числу козацкихъ полковъ, на которые дѣлилась старая Малороссія. Первый томъ этого «Описанія», обнимающій Стародубскій

полкъ, вышелъ въ свѣтъ еще въ 1889 году; второй, посвященный Нѣжинскому полку,—въ 1893 г.; третій—Прилуцкому полку—въ концѣ 1901 г. Дальше на очереди былъ Полтавскій полкъ, для описанія котораго А. М-чъ собралъ уже сполна матеріаль и приступилъ къ его обработкѣ. Соответственно принятому имъ плану, каждый томъ «Описанія» начинается историческимъ очеркомъ мѣстности, составлявшей территорію даннаго полка; такой именно очеркъ для Полтавскаго полка и началъ было составлять А. М-чъ, но тяжкій недугъ заставилъ его положить перо на 5-мъ листкѣ.

Помимо того значенія, какое могутъ представлять эти недописанные листки для почитателей почившаго историка, мы рѣшили напечатать эту неоконченную статью еще и потому, что она сама по себѣ, независимо отъ имени автора, представляетъ большой интересъ. Въ ней рѣчь идетъ о началѣ заселенія территоріи бывшаго Полтавскаго полка, именно средняго Поворскля. Извѣстно, какая путаница господствуетъ въ исторической литературѣ хотя бы по вопросу о времени поселенія г. Полтавы. Даже такой осторожный и критическій изслѣдователь, какъ М. А. Максимовичъ, ничто же сумняся признавалъ существованіе этого города въ XII ст., неоднократно титуловалъ мифическаго Лексу (XIV в.) «первымъ Полтавскимъ помѣщикомъ», допускалъ существованіе Полтавскаго полка въ 1576 г. и т. под. ¹⁾; историки-компиляторы прямо уже фантазируютъ, въ родѣ того, напр., будто Батый въ 1243 г. расположилъ часть своихъ войскъ въ Полтавѣ на зимнія квартиры ²⁾ и т. под. Давно уже чувствовалась потребность въ строгой критической провѣркѣ данныхъ, на которыхъ основывались эти легендарныя свѣдѣнія, и такую именно провѣрку представляетъ послѣдняя работа Ал. М-ча. Съ своимъ собственнымъ ему талантомъ и знаніемъ дѣла, онъ подвергъ анализу лѣтописныя извѣстія о пресловутой «Лтавѣ», въ которой прежніе

---

¹⁾ Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. I, стр. 658 и 724—25, т. II, стр. 358—361.

²⁾ Грановскій, «Полт. Епархія, 116.

историки видѣли городъ Полтаву, а также родословіе князей Глинскихъ, якобы владѣвшихъ этимъ городомъ въ XIV—XV в.в., и сопоставивъ эти свѣдѣнія съ цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ, представилъ точную картину состоянія Поворскля въ XV—XVI в.в., при чемъ оказалось, что въ тѣ времена вся эта мѣстность представляла пустыню, въ которой лишь съ половины XVI ст. изрѣдка появляются такъ называемые «уходники», промышлявшіе ловлею рыбы и бобровъ, а поселеніе Полтавы возникло лишь около 1630 года. Къ сожалѣнію, на этомъ годѣ и прерывается посмертная рукопись нашего историка, но въ ней онъ успѣлъ вполне разсѣять легендарный туманъ, до сихъ поръ окутывавшій начальную исторію Полтавщины, а для изложенія дальнѣйшаго ея періода уже нѣтъ недостатка въ точныхъ фактахъ.

Историческій очеркъ мѣстности, составляющей Полтавскій полкъ.

Полтавскій полкъ занималъ междурѣчье двухъ Днѣпровскихъ притоковъ, Ворсклы и Орели, распространяясь частью и на правый берегъ первой. О Ворсклѣ упоминаетъ древняя лѣтопись подъ 1174 годомъ, при описаніи похода Игоря, князя Ноегородъ-Сѣверскаго, противъ половцевъ: «Игорь Святославичъ, совокупивъ полки свои, и ѣха въ поле за Ворьсколь и срѣте Половцѣ, иже ту ловять языка». Черезъ нѣсколько строкъ ниже: «Игорь же поѣха противу половцемъ и переѣха Вьрсколь у Лтавы» и т. д. ¹⁾ Изъ этого описанія можно видѣть, что Поворсклье было окраиною древней Руси, на которой уже свободно бродили Половцы. Едва-ли оно было населено въ то время, а упомянутая въ лѣтописи Лтава, вѣроятно, была какимъ-нибудь урочищемъ, обозначавшимъ скорѣе перевозъ или бродъ черезъ Ворсклу, чѣмъ городъ. Слѣдующее за симъ упоминаніе о Ворсклѣ относится къ 1399 году, когда здѣсь былъ разбитъ Витовтъ татарами. И при этомъ упоминаніи Поворсклье представляется

¹⁾ Ипатская Лѣтопись, 387.

пустынею, на которой бродили татары, тутъ и встрѣтившіе Витовта. Упомяная о походѣ Витовта къ Ворсклѣ, родословіе князей Глинскихъ говоритъ, что «послѣ Донского побоища, Мамаевъ сынъ Мансуръ зарубилъ три города: Глинскъ, да Глинницу, да Полтаву», при чемъ эти города достались младшему сыну Мансура Алексѣ (въ крещеніи Александру), отъ котораго и пошли князья Глинскіе. Эта же легенда добавляетъ, что, послѣ пораженія Витовта у Ворсклы, его вывелъ изъ южнорусскихъ степей сынъ Алексы, Иванъ ¹⁾. При спорѣ между Москвою и поляками за «Путивльскій рубежъ» (въ 1638 г.), послѣдніе показывали «грамоту дѣловую, какъ князья Глинскіе, братья Богданъ и Григорій Федоровичи, дѣлили межъ собою вотчину свою: Глинскъ, Бѣльскъ, Ворсклѣ и иныя сѣверныя вотчины», при чемъ Григорію, меньшему, досталась «Сѣверъ-Глинщина и въ (на?) Ворсклѣ и Мерла рѣчка съ верху до устья» ²⁾. Представленная при этомъ поляками грамота относилась къ самому концу XV в. Какъ видимъ, въ этой грамотѣ о Полтавѣ не упоминается, изъ чего можно заключить, что упоминаніе о ней въ родословіи Глинскихъ основано на позднѣйшей легендѣ ³⁾. Названныя въ грамотѣ Глинскихъ поселенія Глинскъ и Бѣльскъ и теперь существуютъ и находятся—первый на Ворсклѣ, а второй верстахъ въ пяти отъ него (въ зѣньковск. у.).

Слѣдующее затѣмъ упоминаніе о Поворсклѣ находимъ въ описаніи Черкаскаго замка 1552 года, при чемъ перечисляются и принадлежавшіе къ этому замку «уходы» («або станы»), расположенные по Днѣпру и его притокамъ; въ числѣ ихъ упоминаются «уходы» и по рѣчкамъ Ворсклѣ и Орели ⁴⁾. На этихъ

¹⁾ Временникъ Моск. Общ. Исторіи и древн., X, 84.

²⁾ Дворцовые Разряды, II, 900.

³⁾ У Максимовича (I, 725) говорится, что Лекса, родоначальникъ князей Глинскихъ, получилъ отъ Витовта Глинскъ, Глинницу и *Полтаву*; но о Полтавѣ мы знаемъ только легенду объ основаніи ея будто-бы Мансуромъ.

⁴⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 84.

уходахъ, или «станахъ», разные находіе люди занимались главнымъ образомъ рыбною ловлею, а отчасти и ловлею бобровъ. Поворсклянскіе и поорельскіе уходы принадлежали почти исключительно черкасскимъ боярамъ и мѣщанамъ; но промысламъ этихъ черкашанъ очень мѣшали тамошніе старосты, требовавшіе отъ уходниковъ большихъ себѣ даней и всячески ихъ притѣснявшіе ради захвата уходовъ въ свое личное распоряженіе. Напр., изъ грамоты короля Сигизмунда-Августа 1546 г. видимъ, что «войтъ и мѣщане и все посполство мѣста Черкасского» жаловались королю на своего старосту князя Андрея Пронскаго, что онъ имъ «въ тѣхъ ихъ уходахъ, которые суть по Днѣпру и по Орели, новины чинить, не дозволяетъ «городцовъ» въ тѣхъ уходахъ ставить и со всей ихъ добычи забираетъ себѣ половину, противно старому обычаю» ¹⁾. Въ люстраціи Черкаскаго замка (1552 г.) перечислены и жившіе въ немъ «земяне»; къ числу послѣднихъ принадлежали, повидимому, мѣстные землевладѣльцы, имѣвшіе у себя нѣкоторое подобіе если не крестьянъ, то какъ-бы позднѣйшихъ «подсосѣдковъ» ²⁾. Главнымъ земляниномъ въ Черкассахъ былъ князь Василій Домонтъ, во владѣніи котораго находились: селище Мошны, на правомъ берегу Днѣпра, а на лѣвомъ—селище Лебединъ и «селище и городище у Сивере, на рецѣ Ворскле, на имя Глинско» ³⁾. Отсюда мы видимъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ раздѣла князьями Глинскими своихъ поворсклянскихъ вотчинъ, Глинскъ имъ болѣе не принадлежитъ, и кромѣ того, этотъ городокъ называется уже «селищемъ», т. е. запустѣвшимъ поселеніемъ. Вѣроятно, такой же участи подвергся и Бѣльскъ, такъ какъ и удаленный отъ Глинска Лебединъ (харьковскій) называется тоже *селищемъ*. Очевидно, запустѣніе Глинска, случившееся въ

¹⁾ Тамъ же, часть VП, т. 2, стр. 372.

²⁾ При перечисленіи Черкасскихъ мѣщанъ встрѣчаемъ между ними такихъ, которые «позадавались» землянамъ: Ермакъ Севрюкъ «задался ново Михаилу Грибуновичу, землянину, Семень Покиданъ заложился за земенина Яна Келбовского» и т. д.

³⁾ Архивъ Югозап. Россіи, ч. VП, т. 1, стр. 90.

концѣ XV или въ началѣ XVI ст., какъ равно и запустѣніе всего верхняго Поворскля, должно быть отнесено къ тому же разоренію южной Руси Менгли-Гиреємъ, на которое мы уже раньше указывали (Описаніе старой Малороссіи, т. III, предисл. стр. VIII).

Въ той же люстраціи Черкаскаго замка 1552 г. мы находимъ указаніе, что селище Глинскъ «у Сивере, на Ворсклѣ» князь Домонтъ отдалъ въ приданое за дочерью зятю своему Михайлу Грибуновичу. Такимъ образомъ, вмѣсто князей Глинскихъ, на среднемъ Поворсклѣ явился новый владѣлецъ въ лицѣ пана Байбузы, какъ назывался въ актахъ Михайлъ Грибуновичъ. Но этотъ владѣлецъ Поворскля, несмотря на свою энергичную колонизаторскую дѣятельность, этими мѣстами видимо мало интересовался,—конечно, по причинѣ ихъ пустынности, и стремился захватывать въ свое обладаніе, какъ увидимъ ниже, земли болѣе близкія къ Днѣпровскимъ замкамъ. Въ то же время на Поворсклѣ, сосѣднее съ землями Байбузы, нашелся охотникъ въ лицѣ тоже одного изъ «украинскихъ» землянъ, какой-то Омелянъ Ивановичъ. Въ грамотѣ 1571 г. значится, что король пожаловалъ «земенину Омеляну Ивановичу за службу его на той Украинѣ (гдѣ жъ и на сесь часъ вязневъ непріятельскихъ, татарина, самъ отъ себе и отъ всихъ товаришовъ своихъ, козаковъ, намъ отдалъ) землю входную (т. е. способную для промысловъ) Северу, за Черкасы, у 20-ти миляхъ,, то ест почавши отъ Санчаровскаго перевозу на реце Ворскли, шляху татарскаго, на низъ тою рекою Ворскломъ къ устью речки Полузоры, которая съ поля, зъ Московское стороны, съ правое руки приходитъ и въ Ворскло впадываетъ, а оттоль Ворскломъ до речки Кустови (теперь Кустовая), которая тежъ съ поля, отъ Орды, зълева, тамъ же впадаетъ, и зась Ворскломъ ажъ до рубежа Степана Жарковича, Артемковыхъ песковъ, по обудву сторонахъ тое речки Ворскля, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север зъдавна в себе маеть» ¹⁾. Изъ приведеннаго описанія видно, что по этой грамотѣ была отдана «шляхетному козаку» Омеляну

¹⁾ Чтенія въ Общ. Нестора-лѣтоп., VIII, отд. 3, стр. 12.

Ивановичу незначительная часть Поворскля, начиная отъ нынѣшняго Старога - Санжарова вверхъ по рѣкѣ, нѣсколько выше теперешней Полтавы, такъ какъ с. Ивончинцы расположено при долинѣ рѣчки Полузорья, теперь уже исчезнувшей ¹⁾. Можно догадываться, что этимъ королевскимъ «наданьемъ» Омелянъ Ивановичъ имѣлъ въ виду только закрѣпить за собою Поворсклянскіе «уходы», чтобы быть свободнымъ отъ притѣсненій Черкасскихъ старость. Другого значенія это «наданье» имѣть не могло, такъ какъ пожалованная земля представляла собою «неосѣдную пустыню», какъ называли Поворсклье польскіе люстраторы еще и въ началѣ XVII ст. На такую пустынность только что описаннаго Поворскля указываетъ запись Литовской Метрики о томъ, что турецкіе и крымскіе купцы, торговавшіе съ Москвой въ XVI в., ходили туда двумя путями: «съ Перекопа на Таванъ и на замки: на Черкасы, на Каневъ и на Кіевъ»; когда же они, уклоняясь отъ платежа пошлинъ, мѣняли «ту звѣчную дорогу, хотячи пройти полями, а не дорогою», то шли «съ Перекопа чрезъ поля яловые, на врочище Санъчарово ²⁾, которое врочище отъ тыхъ замковъ въ 60-ти миляхъ» ³⁾. Слѣдовательно, изъ Крыма въ Москву обычная дорога шла по правому берегу Днѣпра, а лѣвобережье, включавшее и Поворсклье, представляло собою только «поля яловыя», т. е. пустынную степь.

¹⁾ При всемъ уваженіи къ мнѣніямъ почившаго историка, не можемъ согласиться съ его топографическимъ объясненіемъ данной грамоты. Въ ней прямо сказано, что земля, пожалованная Омеляновичу, простиралась отъ Санчаровскаго перевоза *внизъ*, а не вверхъ по теченію Ворсклы, съ правой ея стороны до устья рч. Полузеры, а съ лѣвой—до устья Кустови. Рѣчка *Полузерье* и нынѣ существуетъ и впадаетъ въ Ворсклу, съ правой стороны, у м. Новыхъ-Санжаръ, верстахъ въ 12-ти ниже Старога Санжарова, а подъ именемъ рч. Кустови несомнѣнно разумѣется нынѣшній *Кустоловъ*, лѣвый притокъ Ворсклы, впадающій ниже м. Бѣликъ. *Ред.*

²⁾ Здѣсь былъ перевозъ, или вѣрнѣе, бродъ черезъ Ворсклу, какъ видно изъ приведенной выше грамоты Омеляну Ивановичу.

³⁾ Книга Посольской Метрики вел. княж. Литовскаго, т. I, стр. 30.

Мы уже видѣли, что, при указаніи границъ «наданья» Омельяну Ивановичу, королевская грамота упоминаетъ, что рч. Полужорье впадаетъ въ Ворсклу «съ поля, зъ Московское стороны», т. е. указываетъ, что тутъ гдѣ-то. къ сѣверу отъ средняго Поворскля, земли считались уже Московскими, а не королевскими. Какія именно земли считались тутъ «московскою стороною», объ этомъ имѣется указаніе при перечисленіи тѣхъ мѣстностей, которыя находились въ кругѣ вѣдѣнія «сторожевой службы» Путивльскихъ и Рыльскихъ станичниковъ. Изъ росписи 1571 года тѣхъ мѣстъ, къ югу отъ Путивля, какія должны были посѣтить сторожевые разъѣзды, мы видимъ, что они обязаны были направиться «къ верхъ Самари» (лѣвый притокъ Днѣпра, южиѣ Орели) такимъ путемъ: черезъ рч. Бобрикъ къ Сулѣ, потомъ къ Псла, а потомъ, «Ворсколь перелѣзши», на устьѣ Буймира, къ Мерлу, а «Мерль перелѣзши», къ Коломаку и т. д. ¹⁾ Такимъ образомъ отсюда видно, что Московское правительство считало своими землями верховья Сулы, Псла, Ворсклы, Коломака... Для насъ, впрочемъ, свѣдѣніе это важно лишь тѣмъ, что и оно указываетъ на пустынную верховьевъ Ворсклы и Коломака и такимъ образомъ подтверждаетъ сдѣланное раньше указаніе, что все между рѣчьѣ Ворсклы и Орели и въ концѣ XVI ст. представляло собою одни «поля яловыя», чрезъ которыя татары, кроясь отъ московской сторожи по ярамъ и лѣсамъ, пробирались къ населеннымъ мѣстамъ съ цѣлью ихъ грабежа ²⁾.

1) Акты Московскаго Государства, изд. Академією Наукъ, т. I, стр. 13.

2) Тамъ же, стр. 15. Насколько «усторожливо» должна была «сторожа» относиться къ своимъ обязанностямъ—беречь «украины» отъ „крымской и отъ ногайской стороны, чтобы воинскіе люди на государевы украины безвѣстно не приходили“,—объ этомъ говоритъ наказъ имъ: „а стояти сторожемъ на сторожахъ съ конь не слѣзая, перемѣняясь, и ѣздити по урочищамъ перемѣняясь же направо и на лѣво по два человекъ и по наказомъ, каковы имъ наказы дадутъ воеводы. А становъ имъ (сторожамъ) не дѣлати, а огни класти не въ одномъ мѣстѣ; коли каша сварити, и тогда огня въ однимъ мѣстѣ

Въ началѣ XVII ст. положеніе дѣлъ въ Поворсклѣхъ измѣняется. Здѣсь появляются новые владѣльцы, которые, повидимому, измѣняютъ прежній порядокъ хозяйства. При люстраціи Кіевскаго воеводства въ 1616 г. нѣсколько такихъ владѣльцевъ: Федоръ Суцанскій-Проскура, Федоръ и Евстафій Байбузы (сыновья Михайла Грибуновича?), Иванъ Лучкевичъ и Василій Добрянскій заявили люстраторамъ, что у нихъ имѣнія наслѣдственныя, люстраціи не подлежащія, и при этомъ указали «*na pewne Sywieru abo grunty na rzece Worskle, także sewruki albo danniki swe, w Czerkasiech mieszkające* ¹⁾), при чемъ черкасскіе обыватели люстраторамъ подтвердили, что тѣ имѣнія (*dobra*) принадлежали указаннымъ лицамъ по наслѣдству, «*a тѣхъ севруковъ они сами судятъ (sądzą)*». Изъ той же люстраціи видимъ, что полученное въ Поворсклѣхъ въ 1571 г. Омеляномъ Ивановичемъ имѣніе («*ziemia wchodna Siewera, Worskła z rzeczką Połuzorą у Kustowem*») въ 1616 г. принадлежало шляхетному Василю Мѣленину, при чемъ поясняется, что это имѣніе дано предкамъ послѣдняго королемъ Сигизмундомъ-Августомъ (1548—1572 гг.), а потомъ подтверждено кор. Генрихомъ ²⁾. Отсюда съ нѣкоторою достовѣрностью можно заключить, что Мѣленинъ былъ сынъ Ивана Омеляновича, усвоившій себѣ прозвище, взятое отъ имени дѣда «Омеляна».

По свѣдѣніямъ 1618 года, владѣнія Проскуръ-Суцанскихъ (Федора и Юрія) на Ворсклянскои пустынѣ (*puszczyzna*), близъ

не класти дважды; а въ коемъ мѣстѣ кто полдничалъ, а въ томъ мѣстѣ не ночевать“... и т. д. Тамъ же, стр. 2.

¹⁾ Это мѣсто приводимъ въ подлинникѣ, боясь ошибки въ переводѣ, но понимаемъ такъ, что здѣсь говорится объ имѣніяхъ «у Сивере, на Ворсклѣ», при чемъ подъ именемъ „севруковъ“ слѣдуетъ разумѣть, какъ кажется, тотъ людъ, который промышлялъ въ Поворсклянскихъ уходахъ за извѣстную дань, какую онъ долженъ былъ отдавать собственникамъ ухода за пользованіе послѣднимъ. Эти севруки, какъ видно, жили въ Черкасахъ и состояли подъ юрисдикціей владѣльцевъ тѣхъ уходовъ, въ которыхъ они промышляли.

²⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 315—316.

могилы Скороборъ, оспаривали наслѣдники черкаскаго старосты князя Михаила Вишневецкаго ¹⁾).

Послѣ люстраціи 1616 года, мы имѣемъ тарифы подымной подати Кіевскаго воеводства 1628 и 1631 годовъ. Въ первой показанъ уходъ Ворсклы, «пустыни неосѣдлой», съ однимъ уходникомъ, принадлежавшій Ѳедору Пашкевичу, и одна третья часть Орельскаго ухода, тоже съ однимъ уходникомъ, принадлежавшая Станиславу Янковскому ²⁾. Во второй тарифѣ, 1631 года, часть Поворскля показывается во владѣніи Ивана Лучкевича, Естафія Байбузы и дѣтей его брата Ѳедора Байбузы, т. е. тѣхъ самыхъ владѣльцевъ, которыхъ мы видѣли за пятнадцать лѣтъ передъ этимъ ³⁾; умеръ только Ѳедоръ Байбуза и ему наслѣдовали его дѣти. А относительно Поорелья въ тарифѣ 1631 г. указываются два владѣльца: панъ Юрій Чеховичъ, у котораго въ его «маетности Орлей (Orłey) числился всего одинъ уходникъ, и какая-то пани Олена Якова Драбовичева (жена?), которой принадлежала третья часть Орельской маетности, всего съ однимъ «огородникомъ» (уходникомъ? ⁴⁾).

Изъ всѣхъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что въ первой четверти XVII ст. Поворсклье находится во владѣніи нѣсколькихъ лицъ, при чемъ старѣйшими тутъ являются Байбузы и Мѣленины, основавшіеся здѣсь съ 70-хъ годовъ XVI ст., а затѣмъ Проскуры-Суцанскіе, Лучкевичи, Добрянскіе и Пашкевичи. Владѣнія ихъ были неособенно пространны и не были точно опредѣлены. Такъ можно думать потому, что, по грамотѣ Сигизмунда-Августа 1571 г., Омеляну Ивановичу была пожалована часть Поворскля, въ предѣлы котораго, судя по указанію на Санчаровскій перевозъ и на рѣчку Полузорье, несомнѣнно входила мѣстность теперешней Полтавы ⁵⁾. Владѣльцемъ этой мѣстности, слѣдовательно,

¹⁾ Zródła dziejowe, XXI, отд. II, стр. 252.

²⁾ Тамъ же, отд. I, стр. 85.

³⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 398.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 392 и 399.

⁵⁾ По нашему толкованію грамоты 1571 г., этого нельзя допустить. См. выше примѣч. на стр. 103. *Ред.*

долженъ былъ быть Мѣленинъ, который значится въ люстраціи 1616 г. А между тѣмъ въ грамотѣ короля Сигизмунда III 1630 года вотъ что читаемъ: «Имѣя милостивый взглядъ на заслуги Вареолеома Обалковскаго, секретаря нашего, жалуемъ ему слободу пустую, въ нашемъ распоряженіи находящуюся, Полтавою называемую, надъ рѣкою Ворсклою, на шляху Муравскомъ, въ воеводствѣ Кіевскомъ, со всѣми принадлежащими къ ней угодыми, а равно и другія пустыя мѣста, годныя для заселенія, съ правомъ селить села и мѣстечки и оными владѣть до воли нашей, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы въ пущахъ и лѣсахъ тамошнихъ поташу, клепки и никакихъ товаровъ лѣсныхъ, а также селитры и соли не выдѣлывалъ безъ нашего на то особливаго королевскаго позволенія» ¹⁾.

Объ этомъ Обалковскомъ см. Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 375, гдѣ онъ, въ 1631 г., именуется администраторомъ королевскихъ имѣній (*dobr*), т. е. завѣдывавшимъ въ Полтавщинѣ «королевщицнами»... *(на этомъ рукопись прерывается)*.

---

¹⁾ Записки Наукового Товариства імени Шевченка, кн 2, Miscellanea, 11.

СВЯТЫЙ ГОРОДЪ.

(Присвячуется вичній пам'яті любого мого дядька Хведора Хведоровича Лащинського).

Праведная душе! прыймы мою мову,
Не мудру, та щиру,—прыймы, привитай...

Т. Шевченко.

I.

Нызенько спустывся вже волосожаръ; не разъ и не два прошелестивъ по тополяхъ холодный витрець, шо налитá передь схидь-сонця, и давно вже все село спало; а у хати въ старого Якыма ще свитылося та чуты було гоминь.

Ще передь вечеромъ вернувся винъ зъ проци, зъ далекого города, та якъ почавъ розказуваты про ти дывовыжи, що тамъ бачывъ, то й балакавъ до самого свиту.

Сорокъ рокивъ проживъ дидъ Якымъ крепакомъ, ще за панивъ, та тридцять просыдивъ у пасици писля воли, а це вперше бувъ такъ далеко видъ своего села. Хотилося ёму хочъ передь смертью помолытыся коло угодныкивъ Божыхъ. Дочка ёго Хымка,—уже й сама не дуже молода удова,—слухала, слухала про той городъ, а потимъ схылылася на стилъ та й задримала.

Старшый онукъ Якымивъ Степанъ,—уже здоровый парубокъ,—тежъ разъ-у-разъ позихавъ та чухався. Одна тилькы онучка Прися, гарненька, трохи меньша за Степана дивчына, слухала дида не здвигаючысь зъ миста.

На ничь вона почала розчисуватись, та такъ и не дочесалася, а сыдила зъ гребинкою у руци. Довге, наче золоте їи волосся розсыпалося однією частыною по плечахъ, а другою розислалося край столу. Тыхо пиднималыся и опускалыся молоди груды, а блыскучи розумни очи не зводылыся зъ дидовыхъ сывыхъ вусивъ, що колыхалыся видъ розмовы.

А старый гомонивъ та й гомонивъ:

— У насъ черезъ ричку треба переправлятыся човномъ або порономъ, а тамъ черезъ Днипро залізныи мистъ изроблено такый, що по ёму сто чумацкыхъ возивъ йихатыме, а винъ и не сколыхнется.

— Ото у насъ у сели дзвиниця, кажуть, девьять чы десять сажнивъ заввышкы; а тамъ йе дзвиниця, такъ наша, мабуть, и до першыхъ їи дзвонивъ хрестомъ чы й досягне...

Отсе у нашого пана у викнахъ яки вельки шибкы, а тамъ скризъ по лавкахъ таки шыбкы, якъ наши ворота, о!

У насъ такый дивчыни, якъ отъ-це ты, у наймахъ дають десять чы пятнадцать карбованцивъ на рикъ, а тамъ на мисяць,— ось якои, о!..

А якъ бы ты побачыла оту машину, що людей по вулицяхъ возе, такъ мабуть, излякалась бы, що нема ни дыму, ни вогню, и не свыстыть и не пыхка, а бижыть такъ, якъ и парова. Дасы пятака, такъ верстовъ дви або й тры и йидешъ. И попы, и жыды, и паны, и селяне, и охвыцеры—уси вмисти сыдять.

Бачивъ я ще, якъ на билыхъ коняхъ москали йихалы, а дали якъ заграють у мидни трубы, ажъ земля дрижыть.

А у собори пивча якъ заспива, такъ наче янголы зъ неба...

Такъ, такъ! Сыды жъ, мое сердце, а я пйду воды напыюся, а то вже у горли наче сукнына стырчыть. Ой Боже жъ мій мылый, пересыдивъ я ногу!.. Ой лышенъко, наче деревьяна зробылася...

Дидъ такы вылизъ зъ-за столу и пошкытыльгавъ у сини; тамъ трохы не впавъ и довгенько ляпавъ кухлемъ, покы на-

пывся воды. Дали выйшовъ на двирь, постоявъ и зновъ вернувся до хаты.

— Отсе досыдилысь мы зъ тобою, онучко!.. И маты, й хлопецъ уже сплять, та й сонечко незабаромъ сходытyme; небо вже почервонило. Чуты, якъ пидъ Трохымовою хатою перепель у решети пидьпидёмка, а я усе балакаю та балакаю.—це тымъ, що дома дуже давно не бувъ. Гасить же каганецъ та лягайте спаты, а я ляжу у хыжи... Звыкъ у дорози ночуваты на двори; воно якъ кожухомъ накрыешся, то не холодно.

Дидь пишовъ у хыжу. Прися наче прокынулася, збудыла матирь та брата и почала слатысь на полу. Дали заплела косу, прочытала «отченашу», и молючысь усе держала на думци той городъ, шо про ёго розказувавъ дидь; писля ще трычи перехрыстылась и дмухнула на каганецъ.

П.

Зоряна, ясна та тыха ничъ у Петривку. Дивчата сыдятъ на колодкахъ, пидъ цырыною, и спивають:

Ой котылася та ясная зоря,
Гей та й не впала до-долу...
Просылася молода дивчына
Гей зъ юлыци до до-о-о-му..

А Прися не спива та дума: «Отъ-же жъ добре дивчата спивають, а дидь казалы, що у городи пивча краще спива; а вони жъ николы неправды не скажуть».

Попрыходылы зъ другого кутка парубкы, посадалы коло дивчатъ. Засвитылыся цыгаркы, запахло тютюномъ. Гоминъ дужчий ставъ, регить покотывся, а дали змовкы та зновъ заспывалы уси разомъ ще дужче, ще голоснише.

Высокий та тошкый парубокъ, у сынёму картузи, Иванъ Ложка чогысь одразу змовкъ и зновъ почавъ робыты зъ газетного паперу цыгарку, потимъ пидйшовъ до Приси и спытавъ:

— А ты, дурне козеня, чого мовчышь?

— Якъ дурне, то пиды пошукай соби розумнѣйшого.

— О, я пошуткувавъ, а вона вже й сердытся!

— Такъ чого жъ ты: «дурне, дурне!» Не хочу, то й не спиваю. Адже жъ и ты мовчышь!

— Такъ мени безъ тебе не хочется спиваты.

— А мени яке дило, чы хочеться тобі, чы не хочеться?

— Ось якои, о!.. Постій же жъ!..

— А устану, такъ и постóю.

— Дывитесь, дывитесь!—забелькотала Одарка Вивчаренкова: Иванъ зъ Присью завелысь лаятысь. Це, мабуть, у лиси щось вельке здохло!

— Такъ хйба жъ то я лаюсь? То жъ винъ почавъ: «дурне» та «чого не спиваешъ».

— А й справди, чомъ ты, Присю, не спиваешъ?—обизвалася їй подруга Наталка: на тимъ тыжни вже Пётра-Павла, а дали й жныва. Якъ попогнешъ спыну у поли, то тоди у вечери й справди не схочеться спиваты.

— Чого бо вы до мене уси присикалысь? Не хочу, то й не спиваю.

— Ну, якъ ты не хочешъ, то я заспиваю,—одмовыла Наталка, пидморгнула на Ивана Ложку и почала:

На Петра-а-а
Хлибъ пекла-а,
А на Ивана
Вы-би-ра-ла-а-а...

Гулялы парубкы та дивчата до самого свиту. Иванъ Ложка мовчки сивъ била Приси. Бильшь воны не сварылыся и не розмовлялы, тилькы до-дому йшлы умисти. Пидъ Ложчыною клунею зновъ спынылысь. Иванъ узявъ Присю за руку та й спытавъ:

— Чого бо ты, справди, наче смутна? Може, кого иншого полюбыла?

— Кого тамъ?...

— Ну, такъ чого жъ?

— Та такъ. Маты сёгодня у поли булы, такъ казалы, що жыта наврядъ чы й по девять кипъ на десятыни буде, то й до Риздвяныхъ святъ хлиба вже не стане. Адже ты знаешъ, що у насъ теперъ усихъ пивторы десятыны зосталося, та пивъ-десятыны городу. Маты журятся, такъ и я журюся...

— А хиба въ дида нема грошей? Адже жъ винъ зимою разъ-у-разъ на панський двиръ лазывъ, то й заробывъ.

— Казалы, що було двадцять карбованцивъ, такъ отсе жъ на прощу ходылы. Дуже стратылыся. Дви корогвы у церкву купылы, та намъ де-чого.

— Ну, а Степанъ хиба не заробе?

— Степанъ заробе! Тамъ такой, що цилый день лежыть на левади та на сопилку гра. Винъ и косыты гараздъ не вміе. Торикъ грабки на ячменю побывъ, такъ и доси не наладнавъ, такъ коса й лежыть несправна; а дидъ не здужають усе.

— Пидожды, може такы й доживемо, що старостивъ зашлю.

— Коны то воно ще буде! Адже-жъ тоби сю осинь на призовъ, а якъ и не пидешъ у москали, то памьятаешъ, що тоби батько казалы: «якъ оженышся на такой, що немае земли, то й зъ хаты выжену», а наша жъ земля упада не мени, а Степанови.

— Заробымо...

— То жъ бо то воно и йе!..

— Ну, годи про це.

Иванъ узявъ Присю однією рукою за плече и хтивъ обняты ще й другою.

— Що це бо ты? Дывысь, уже свить; люде побачать, то бо-зна що казатымуть.

Прися потыхеньку выкрутылася зъ ёго рукъ и побигла до своей хаты.

Иванъ постоявъ ще, подывывся ій у слідъ, потимъ знявъ картузь и кынувъ нымъ объ землю такъ, що ажъ пылъ закуривъ.

— Щось воно та йе!—сказавъ винъ самъ собі, піднявъ картузь, покрутивъ головою и пишовъ до-дому тихою ходою.

III.

Черезъ два дни писля «Петра» стали на жныва. Зъ самого ранку сонце наче вогнемъ пекло. Вода у барыльци зробылася тепла, ажъ наче кысла. Посылала Хымка до крыныци Степана, такъ не схотивъ иты, а налаять добре никому було. Прися жала, изигнувши спыну. Болила въ ней и голова, та не такъ видъ сонця, якъ видъ думокъ.

— Господы мылосерднѣй! Оце жъ и на себе и на людей працюешъ зъ усіей сылы, а писля Риздва прыйдется позычаты борошна. Дидь пійдуть собі у економію до пана, то ихъ тамъ и нагодують и напоять, а намъ зъ матирью ништо дурно й шматка хлиба не дасть. Степанъ десь у молотныкы найметя, що заробе, те на досвиткахъ пропье. А я де зароблю? Понесу до жыда пидъ заставу плахты та свое добре намысто, дасть винъ тры карбованци, купымо борошна, а дали—знову беда... Зберутся на «Кузьмы-Демьяна» на досвиткы парубкы та дивчата, почнуть складатысь на горилку та на млынці, а я що дамъ? Иванъ позыче коповычку, а потимъ тією коповычкою цилый тыждень очи дратыме, скаже: «гроши берешъ, а до другихъ зальцянешя»... И чого-то воны отти парубкы таки,—якъ справди любе, то наче здуріе, а якъ тилькы граетя, то такъ и дывытця, щобъ покриткою зробыты! Нема у ихъ правды, нема и справжнѣй ласкы. Отъ хочъ бы й Иванъ: каже, що любе, а що-вечора грызе та й грызе: «ты кого-сь иншого кохаешъ»... Кого я тамъ кохаю? Наче й не баче, що мени изъ тымъ коханнямъ свить за очи ставъ... А якъ оженытця, то й, быты буде. Адже торикъ Домаха зъ Косенковымъ Хведоромъ якъ цилувалыся та любылыся, а побралыся, то черезъ тры тыжши винъ ій коромысломъ голову проломывъ. Чы ёго покынуть усе та пійты на заробиткы у той городъ, де дидь бувъ? Адже казалы дидъ, що тамъ у-наймахъ по десять карбованцивъ на мисяць платять»...

Передь вечеромъ змучылася Прися зовсимъ. Руки трусятъ и поперекъ наче одпалкувавъ хто. Вернулись до-дому, посадылы нидь хатою вечерять. И дидь, и маты, и Степанъ йидять ложкамы юшку, а Прися й ни.

— Чомъ ты, доню, не вечеряешь?—пытають маты.

— Такъ,—не хочется.

— То тымъ, що затомилася. Я сама якъ була молодою, то отсе якъ першый день станешъ на жныва, такъ у вечери здается, що завтра й серпа въ рукахъ не вдержу, а на другой день и ничого. А же якъ йихаты у далеку дорогу, то кони томляты тилькы зразу, а дали убижатся, то йидуть тюпки безъ-перестану. Такъ же воно и люде. Сёгодня мы не багато й нажалы, ще тричи стилькы на пни стоить. Отъ-же жъ завтра Богъ недиленьку дае,—одпочынешъ. Йижъ бо, доню, юшечку.

— Та не хочется жъ мени,—одмовыла Прися, а потимъ спытала:

— Диду!

— Га.

— А чы й у городи йидять такый хлибъ, якъ отсе у насъ?

— Ни, сердце, тамъ усе булкы та бублыкы зъ макомъ йидять. Ну, а по монастырахъ, то правда, йидять такый хлибъ, якъ и въ насъ, тилькы наче солодкий якыйсь. Дурно й дають ёго.

— Дурно?

— Дурно. А на Велькдень такъ и паску дурно давалы.

— Годи вже вамъ, тату, все про той городъ розсказуваты,—обизвалася Хымка: де жъ такы, щобъ усимъ людямъ та дурно хлибъ давалы!

— Йй-Богу, дають; отъ не дурно забожывся. Звисно, якъ ты сыдитынешъ тамъ у монастыри мисяць, то вже й не даватымутъ, а зразу такъ дають.

— Та годи вже...

Прися глянула скоса на матирь, устала и пишла у садокъ. Тамъ вона обиперлася на лису та й задумалась зновъ. Важко

чогось на серци було, и здавалося їй, що вона не молода дивчына, а вже стара баба.

— И сонечко зайшло, а такъ душно, наче й дыхаты ничымъ,—думала Прися,—чы то мени такъ здається. Зъ матирью и балакаты не хочется, а Иванъ наче божевильный якыйсь зробився, одно грызе: «ты про кого-сь думаешь». Хиба про те, що десь воно есть таки мисця, де люде лучше одъ нашего жы-вуть»...

Вона й не чулася, якъ до лисы й справди пидійшовъ Иванъ.

— Присько!..

— Це ты? Ой Боже жъ мій, якъ я злякалася!

— Чого?

— Не знаю.

— Не знаешь? Такъ. А на вулицю у вечери выйдешь?

— Хиба жъ теперь гуляють на вулицы? Саме жныва почалыся.

— Такъ завтра жъ неделя.

— Такъ що?

— Якъ «такъ що»? Спатынешъ хочъ и до-обидь. Такъ не выйдешь?

— Ни.

— Ну, гляды жъ!..

Иванъ плонувъ и не оглядаючысь пишовъ вулицею.

Хочъ и затомлена була Прися, а не скоро заснула ціей ночи. Усе наче душно їй показувалося. Вона прислухалася до писень, що чуты було зъ вулицы. Вже на думци було одягнутысь самій, та йты до гурту, а дали наче хто-сь извеливъ: «не ходы», вона й не пишла.

IV.

Якъ ишли люде до церкви, такъ небо було сыне, а якъ служба одійшла, то зъ пивночи насунула велька, наче ольвяна хмара зъ жовтымы краямы. Душно такъ стало, ще гиршь нижъ

у суботу. Куры соби ямки у писку повыкопувалы. Горобци десь пидь стрихамы поховалыся. Зирвався разъ и другый витерь; зачавь накрапаты дощъ, зразу ридкый, а дали наче квасолею запырщывь. Диты повтикалы зъ улыци. Де-котра баба, напнувшысь спидныцею, що-духу бигла до-дому, ляпаючы босымы ногамы по грязи.

Загуркотивь гримь и палетивь ще дужчый витерь. Хряснула и зигнулася велька горипшына у саду, а дали видно було, якъ одмоыло крыло на тому млыни, що стоявь билия выгона, а потимь поставыло сторчъ и увесь млынъ.

Зновъ наче зъ десяты гармать ударыло, и тїей жъ хвыли лынувъ дощъ помижъ изъ градомъ. Заторохтило по викнахъ, и вылетила одна шыбка. Побилило въ садочку и на двори наче зимою. У комини гуде та гуде.

Хымка кынулася свитыть страсну свичку. Руки въ неи трусылыся, тры сирныкы збавыла, цокы засвитыла, а дали почала голосыть:

— Ой пропалы жъ мы, несчастнї! ой выбыло жъ и вымолотыло послїдне наше жытечко, высыпалося, мабутъ, воно чысто!.. А Боже жъ мїй мылый, за що Ты такъ тяжко насъ покаравъ!.. Прися мовчкы сыдила на лави, зморщывшы чоло, а потимь лягла на пиль и укрылася зъ головою велькою хусткою...

Дидъ вычытувавъ «Да воскреснетъ»... и вусы ёго трусылыся.

Торохнуло знову наче у самїй хати, ажъ кырпычына выпала зъ комину... Черезъ году олывяна хмара посунулась геть-кудысь далеко, тремтило на деревьяхъ листячко зъ блыскучымы крапелькамы воды, а зъ сынёго неба дывылось та смїялось надъ людськымъ горемъ сонечко.

Хымка и Прися понадивалы чоботы и побиглы у поле. Тяжко дыхаты було имъ на бигу, у кожнои важко былося сердце, наче отъ-отъ розирвется. Знали обыдвї, що тамъ побачать, але не хотилося йняты виры...

Мокри локосы не лежалы рядамы, а позбывалыся у купы. Жыто, що було на нїи, полягло наче сковаными крыгою хвылямы. Высоко десь щебетавъ жайворонокъ.

Хымка плакала, втыраючысь рукавомъ. Прися тилькы побилла, и бривкы ии ныжче спустылысь надъ блыскучымы очыма. Мовчкы вернулыся дочка та матирь до-дому.

На другый день поле высохло, а до суботы на Хымчыній пыви стояло вже симнадцять кипъ зъ порожними колоскамы. Богъ давъ погоду зновъ. Дни булы ясни, ночи теплы та душны. Парубкы изновъ почалы збиратысь на вулыци, и песни розлягалыся далеко за село.

Стари люды сумувалы. Хымка наче постарила. Прися нигды не ходыла, а все думала та иноди у вечери гомонила зъ дидомъ пидъ хатою.

V.

На Иллю Хымка зъ Присею та зъ дидомъ посидалы пидъ хатою обидаты. Степанъ десь забарывся на панському дворѣ. Прися зйила двѣ чы тры ложкы борщу, та й каже:

— Мамо!

— Чого?

— Я пйду у городъ.

— У якый?

— Ажъ у той, що дидъ ходылы на прощу.

— Такъ хйба жъ тецерь на прощу ходять? То жъ ходять на весни або на Пречысту.

— Такъ я пйду не на прощу, а у наймы.

— Богъ зъ тобою, що це ты мелешъ?

— Чого жъ тамъ «Богъ зъ тобою»? Адже жъ вы сами казалы, що въ насъ не стане борошна, мабуть, и до Покровы. А я стану у наймы на всю зиму, зароблю грошей, то й вамъ поштою подамъ.

— Де жъ ты наймешся?

— А де-небудь, адже тамъ панивъ багато.

— Э, ни, доню, ничего ты тамъ сама не вдіешъ.

— Чому? Хйба я дытына?

— Изъ кымъ же ты пійдешъ? Ты жъ сама й дороги не знайдешъ.

— А зъ бабою Ковалыхою, вопы ось на цимъ тыжни збираются туды говить иты.

— Мени таке наче й чудно слухаты; краще нехай уже Степанъ иде у наймы.

— Винъ такый, що й зъ голоду опухне, а никуды не пійде...

— Ни, моя доню, не йды ты никуды. Хиба вже до Шмуля наймыся, усе жъ такы у своему сели.

— Нехай вамъ той Шмуль сказытся, щобъ я за карбованецъ у мисяць жыденять няньчыла.

— Ой, страшно жъ мени: якъ такы ты сама пидешъ!

— Та кажу жъ бо, що не сама, а зъ Ковалыхою.

Дидь слухавъ, слухавъ, а дали обиззався:

— Нехай иде, може й справди долю свою тамъ знайде. Вона дивка розумна. Хиба тилькы й свиту що у нашому сели?

Балакалы та спорылыся, покы й борць прохоловъ.

Ще й сонечко не сходило, якъ Прися устала, убралася и оглядаючысь на матирь, шо ще спала, выйшла за ворота. Вернулася вона тилькы передь вечоромъ.

Хымка дуже розсердылася и цилый день ходыла наче не-самовыта. Кого не пытала вона, то нихто не бачывъ Приси и не знавъ, куды вона ходыла. Побачывшы дочку, Хымка узяла ко-ромысло и пидступыла до неи.

— Ты де була?

— У волости, ажъ у Самбури.

— Чого жъ тебе туды носыло?

— Хотила билетъ узять, бо по чужыхъ городахъ, кажутъ, неможна безъ билета жыть.

— А ты матери сытала?

Прися уся затремтила.

— А матинко жъ моя любая, быйте мене, лайте, тилькы пустить. Занудылася я. Пустить мене... Ось побачыте, я грошей

зараблю и старистъ вашу заспокою... А, пустить же мене у той городъ!..

Хымка покынула коромысло и тяжко зитхнула.

— Я ще такихъ дивокъ и зроду не бачыла. Адже глянь, твой подругы ще бидниши одъ насъ, та й весели жъ, и спивають и никуды йты не збираются. А въ-осены де-котри до шлюбу стануть; може бъ, и тоби судылося. Хиба въ насъ на сели вже й гарныхъ парубкивъ нема? Ты не криворота, не ряба, не калика, чорнобрыва та зъ лыця била, якъ намалёвана; неже жъ тебе не свататымутъ?..

— Ой мамочко, ой огыдлы жъ мени вони уси: здаются таки якъ звиры.

-- Чого жъ такы люде та на звиривъ схожи будуть?

До самой глыбокои ночи балакалы маты зъ дочкою. Слухавъ и дидъ и де-колы свое слово вставлявъ.

Выйшло такы на Присыне,—пустылы ии.

У субботу вранци попрощалася вона зъ матирью, зъ дидомъ и зъ братомъ, узяла ципокъ у руки, перехрестылася та й пишла изъ бабою Ковалыхою шляхомъ.

Прися усе оглядалася: довгенько такы ий здавалося, що Иванъ Ложка за нею буде гнатысь.

А Иванъ не гнався, тилькы у вечери, не зависно зъ якои речи, напився пьяный и не зависно за що повывывавъ вигна въ хати у Шмуля.

VI.

Двадцать верстовъ увійшлы Прися зъ Ковалыхою за першый день. Хотилы йты й ще, та потомылыся дуже. Почувалы на зайиздному двори у невеличкому повитовому городи.

Ще й зиркы зъ неба не походилилы, якъ стара Ковалыха почала вже зновъ збиратысь у дорогу. Знову йдутъ шляхомъ. Хытають шырокымы гильямы вербы, и здається Приси, що то ти самі вербы, котри й учора вона бачыла,—наче увійшлы одъ ридного села зъ верству, не бильшь. Ковалыха, баба не бала-

куча, иде мовчки, сопе та ципкомъ землю доббае Жерстяный чайнычокъ за іи плечыма виль кожного ступня злегенька брязчыть.

На другый день увійшлы трыдцять верстовъ, ще й пидвезлысь на вози въ якогось дядька. Чоловикъ бувалый трапывся, доводилося ёму жыты й по велькыхъ городахъ. Прися трохи налякалася, якъ винъ почавъ розказуваты, що тамъ выробляють зъ дивчатамы панычи та москали. Ну, та увечори Ковалыха іи заспокоїла, що то усе видъ самой дивкы выходе,—котра схоче пустытысь, то й пустытсь, а котра не схоче, то ниhto ій ничего не вдіе.

Сама тяжка дорога була на третій день. Дуже сонце пекло и грунтъ ставъ писчаный. Люде ще скрызъ працювалы по пывахъ, а Приси наче соромъ було на ихъ дывытысь черезъ те, що вона не працюе.

На неби жадной хмарочки не выдно. Видъ спеки показуется, наче далеко-далеко овечкы бижать, а ще дали буцимъ то дерева стовбурамы догоры ростуть и помижь нымы блыщты водою ставокъ.

Пройихавъ у полотняній кыреи становый на рыжыхъ конихъ, и за брычкою наче чортяка пидхватывъ и закрутывъ цилый стовпъ писку.

У Ковалыхы репнула пята, набылося земли у щилыну, и стара зачала шкытыльгаты, де дали то дужче, а потимъ и зовсимъ сила. Одпочыла зъ годину, посунулы дали ще тыхше; люде на волахъ ихъ обганялы. Тяжко показувалося Приси йты, а усе жъ такы вертатысь до-дому не хотилося.

Надъ вечиръ прыйшлы у Володькову-Дивыцю, що пидъ городомъ Нижыномъ. Тамъ заночувалы въ якогось мищанына. Хотилы вранци зновъ збиратысь, такъ у Ковалыхы нога дуже спухла; зъ верству, може, й прошла бь, а въ далеку дорогу й не подужа.

Мищанынъ той нараявъ иты у Нижинъ, а тамъ до вокзалу просытысь, щобъ дурно пидвезлы на машины.

Такъ и зробылы. Покры дойшлы до Нижына, Ковалыха ще дужче натрудыла ногу. Сила стара на платхворми на вокзали

та й плаче, а Прися скривъ по станціи ходе,—проха кондухторивъ, щобъ пидвезлы ихъ на машыни, а ти сміются.

Знайшовся одынъ молоденькый, обещався въ-ночи посадыты ихъ у вагонъ, тилькы не у людськый, а у той, що звется товарнымъ, де крамъ та скоть возять. И за те сказалы спасыби.

Поночи прыйшовъ той молоденькый и повивъ Присю изъ бабою до вагона. Ледви улизлы вони обыдвы. У вагони темно, вапноу понатрушувано, ни на чому ни систы, ни лягты. Пойихалы. Гуде та трусе, ще гиршъ нижъ на вози. Ковалыха крекче та одно каже: «Мабуть, не дойду—вмру»... На якійсь станціи улизъ до ихъ й кондухторъ Тилькы рушылы, а винъ заразъ почавъ лизты до Приси. Налякалась вона ще дужче, наробыла крыку. Кондухторъ давъ їй двичи по потылицы, такъ що ажъ хустка злетила, а потимъ вже й не займавъ; якъ машына спынылась, винъ кудысь утикъ.

Стало розвезднятыся. Пойихалы лисамы. Хочь и не спала Прися, а трошкы їй легше зробылося, якъ изійшло сонце. Затыхла й Ковалыха.

Трохы згодомъ вылетивъ пойиздъ зъ лису, и далеко показався на гори городъ, наче сынїй увесь, золоти бани на церквахъ тилькы блыщать. Глянула й Ковалыха, зачала хрестытыся та молытыся: «отсе, каже, той самый святый городъ».

Якъ перейизжалы черезъ мистъ, то Прися ажъ трусылася зъ переляку: унызу вода жовта та шырока, здаетсы, якъ бы впала туды, то живою не долетила бъ и до воды.

За мостомъ спынылася машына. Прибигъ знову молоденькый кондухторъ:

— Ну, бабы, давайте по рублю, та й ступайте къ чортовїи матери!

— Ще жъ не зовсямъ дойихалы,—каже Ковалыха.

— Нечего тутъ разговаривать: давайте деньги и убивайтесь.

— А вы жъ казалы, що дурно йихатымемъ,—обизвалася Прися.

— Если бъ ты не была дурой, то и ѣхали бы дурно,— одповивъ кондукторъ и засміявся такъ гыдко; дали узявъ гроши, выйнявъ свыстокъ и затюрчавъ у ёго. Машына рушыла, а Прися зъ Ковалыхою пишлы помаленьку край реёкъ.

VII.

Чудно жъ показувалося Приси у городи! Быржовыкъ пройиде, то вона заразъ дывытся, якъ у ёго кинь запряженный. Ударе десь у дзвинь,—вона прыслушается. Чоловикъ изъ дижкой на голови иде та щось крычыть не своимъ голосомъ,—зновъ ий чудно показуется.

Довго ишлы вони городомъ, може верстовъ изъ пять, покы дійшлы до манастыря. Занедужала Ковалыха зовсимъ, опухла въ неи уся нога, ажъ сыня стала. Гукнувъ якийсь монахъ хвершала, той подывывся на стару, полапавъ ии за ногу та й каже:

— Нужно положить въ больницу.

Прися пидбигла до старои:

— Бабусю, голубочко, а я жъ де динусь?

А Ковалыха мовчыть, тилькы очыма луна,—наче зомлила.

Розказали ченци Приси, що у манастырську больницу покладуть бабу и якъ и колы можна ии буде одвидаты, а дали пытають:

— А въ тебе жъ билетъ есть?

— Йе,—каже Прися, и выйняла ёго зъ-за пазухы и показуе.

— Ну и хорошо. Боже тебя благослови. Съ билетомъ вездѣ можно жить. Хочешъ, у насъ молись; хочешъ, по другимъ монастырямъ походи, посмотри...

Напойилы й нагодувалы Присю и грошей не узялы, такъ якъ и дидъ казавъ.

На другой день пишла вона скрызъ по городу, та трохи не заблудыла. Пытала, пытала того манастыря, де вони зъ бабою

зостановылысь,—такъ допыталась. Ажъ туманъ у неи въ голови стоявъ, якъ увиходыла вона у-вечери у манастырськи ворота. Їй увыжалася то машына, що людей безъ пары и безъ коней возе, то той козакъ, що зъ булавою на кони сыдыть середъ улыци на камьянй гори. Дзеленчалы у вухахъ дзвинкы и нибы торохтылы быржовыкы.

Лягла вона спаты на двори, помижъ другымы жинкамы та дивкамы, що попрыходылы на прощу зъ далекихъ сторинъ, и крипко, крипко заснула.

Прокрынулася на другый день раненько, пишла до утрени и молылася дуже, и за матирь, и за дида. Потимъ издумалося їй постановыты свичку. Торкнула Прися за кышеню, щобъ чересокъ выйняты, а кышеня порожня. Ажъ руки въ неи затрусылыся..

— Мабуть, я учора, якъ лягала спаты, за пазуху ёго сховала,—подумала. Нема череска й за пазухою,—самъ билетъ. Злякалася Прися, трохы не упала, ледви зъ церкви выйшла.

По двори, швиденько, махаючы однёю рукою, бигъ чернець. Прися до ёго.

— Батюшко, батюшко, ой лышечко жъ зо мною скоилося!

Чернець спынывся.

— Что такое?

— Ой обикрадено жъ мене у noci... Було у мене чотыри карбованци у череску, такъ изъ черескомъ узято. Що мени теперь у свити Божому робыты? Пропала я, несчастна!..

— Что жъ? это случается,—каже чернець: злыхъ людей много, нужно остерегаться.

— Такъ якъ же я теперь зостанусь?

— А вотъ посмотримъ, я отцу эконому скажу, чтобы полициі заявилъ.

— Такъ и найдутся гроши?

— Ну, это неизвѣстно.

Чернець здвигнувъ плечемъ и побигъ дали. Кынулася Прися у больницю, щобъ изъ Ковалыхою порадытысь. Сказалы: «шидожды». Сыдила вона, ждала у колидори годынъ зо тры, а може й бильшь. Нудно на серци такъ стало. Округы чужи люде

ходять и не дивляться. Чимъ-сь вонючимъ душыть. Вода десь булька.

Диждалася такы. Повела їи мылосердна сестра у велику кимнату, усю кроватямы позаставлювану. Трохы темно тутъ було и дүхъ наче ще тяжчый, нижъ у колидори.

Ледви пизнала Прися Ковалыху: жовта, наче мертва лежить стара, у билу кошту одягнена. Одна нога замотана такъ товсто, ще й билою стѣжкою перевязана. Поздоровкалася Прися, сила билу кровати, посыдила, а дали про свою биду стала розсказуваты. Выслухала їи Ковалыха та насылу прошепотила:

— Не въ добрый часъ, моя донечко, выйшли мы зъ тобою... И я учора не сподивалася, що жива зостанусь...

Отдыхала стара зъ хвылыночку и знову поманеньку загомопила:

— Крыкомъ крычала я усю ничъ, рвало у мене усю ногу, а у вечори якъ гній пишовъ, то наче тропкы легше изробылося... Казавъ дохторъ, що якъ бы не пишовъ гній, то ризалы бъ. Ой не далась бы я имъ ризаты, лучше бъ умерла...

Ковалыха замовкла. Тыхо. Чуты тилькы, якъ на другому кинци кимнаты хтось важко такъ стогне.

— Бабусю,—каже Прися, чы не позычылы бъ вы мени тропкы грошей.

— Чому бъ и не позычыла, якъ бы ихъ у мене бильше було, а то усихъ пишь карбованцивъ, а казавъ дохторъ, щобъ до-дому не йшла пишки, а безпреминно йихала машыною... Хиба полтынника можу тилькы даты.

— Дайте хочъ полтынника.

Зновь тыхо, и зновь чуты, якъ хтось стогне.

— Бабусю!

— Чого, доню?

— Що жъ мени теперь робыты?

— Не знаю, сердце, не знаю. Абы жъ я одужала, то може бъ удвохъ кого-небудъ роспыталы, чы не найшлося бъ якого мисця для тебе, а такъ я й сама ничего не знаю..

Прися ажъ похолола. Здавалося їй, паче вона у якусь глыбоку яму упала и нихто не хоче їи видтиля вызволыты.

— Бабусю, такъ куды жъ мени иты шукаты мисця?

— Попытай, доню, у ченцивъ...

Прыбигъ дохторъ и прогнавъ Присю, сказавъ—що теперь ажъ у середу тилькы можна прыйти одвидаты бабу.

Вернулася Прися до монастыра, знайшла того ченця, що уранци розказувала ёму про свою биду, и зновъ почала роспытуваты, чы не знайшлысь гроши.

— Нѣтъ, — каже манахъ, — теперь уже трудно найти.

Подывывся винъ на Присии заплакани оченята и параявъ їй такъ, якъ и баба Ковалыха, —щобъ шукала якогось мисця. До першой Пречыстои, мовлявъ, можна бъ було заробыть хочъ грошкы грошей, а на празныкъ прыйти у монастыръ, то тутъ зъ ихъ села певно хтось та буде, ну а свои люде вже не покынуть: тоди схоче—до-дому вернется зъ нымы, а не схоче—служить зостанется. Писля розмовы зъ монахомъ наче повеселїшало трохи на серци у Приси.

Щыро помолылася вона Богу и знову лягла спаты на двори. Хочъ и затомлена вона була, а нескоро заснула, усе дывылася на зиркы та думала про свою долю.

VIII.

Прокынулася Прися саме якъ сонечко устало. Жваво умылася вона, помолылася, потимъ почала роспытуваты у иныхъ прочанъ, куды їй иты и въ кого просыты мисця. Такъ ти й сами не знаютъ, да ще й балакають такъ чудно, нерозбирно.

Звернула Прися за ворытмы правсручъ та й пишла по камьянїй дорижци, куды очи. Десь на вулыци купыла за конїйку бублыка та выпыла кружку квасу, отъ-то такъ и пополу-днувала. Сонечко пече. Торохтятъ быржовыкы.

Побачыла Прися великый садъ и ворота у ёму одчыняни. Пишла туды. Опынылася на гори; внызу Днипро, а за водою та за островами сыни лиса мріють. «Черезъ отъ-ти лиса, мабутъ,

на нашу сторону машина йде», подумала Прися и знову на серци въ ней важко, наче ажъ душно збылося.

Дійшла вона до кинця саду, глянула, ажъ стоить такой будынокъ, що вона ще й зроду не бачыла. Наче церква изъ срібными банями, такъ на ихъ хрестивъ нема, сами шпыли, а округы балконы пороблени таки, якъ у пана коло дому. На тяхъ балконахъ столы стоять, билымы скатертямы понакрывани, и якись панычи у билыхъ хвартухахъ коло тяхъ столивъ похожають.

Спынылася Прися. Чуе, колы одынь чорнявий панычъ на ней гука:

— Дивчыно, а йды сюды.

Вона подумала та й пидійшла, бо панычъ такой прывитный ий показався, на Ивана Ложку трохи схожий.

— А чого тобі тутъ треба?—пыта.

Прися уклонилася.

— Та отсе, панычу, мисця якого шукаю, чы не узялы бъ вы мене у наймы.

Той усмихнувся, подобалося ёму, що вона ёго панычемъ назвала.

— Пидожды,—зновъ каже,—я хазяина спытаю, намъ судомойку треба було.

— Що жъ то за судомойка?—миркуе соби Прися. Мабуть, то посуду мыть; я бъ на такую роботу согласна.

Вернувся зновъ чорнявий.

— Иды, каже, до хазяина.

Пшла Прися за нымъ. Хазяинъ тежъ на пана здае, товстый та червоный, шыя якъ у кнура, и пиво пье. Подывывся на ней.

— Паспортъ у тебя есть?—пыта.

— Есть.

Выйняла билетъ, оддала. Винъ прочытавъ, знову пиднявъ голову, та й каже:

— Больше семи рублей въ мѣсяць я дать не могу.

«И за те слава Богу!»—подумала Прися и спытала:

— А харчи жъ ваши будуть?

— Наши,—одвича. Ну, такъ остаешься?

— Та зостанусь.

— Ну, хорошо, паспортъ у меня будетъ... А дали каже на чорнявого:

— Иванъ, проводи ее на кухню и объясни, что слѣдуетъ.

«О! й Ивановъ звать!»—подумала Прися. Одвивъ ии чорпявый Иванъ на кухню и почавъ розказуваты, якъ и що робыты.

Такъ несподивано знайшла соби Прися мисце у ресторани. Того жъ дня узнала вона, що Иванъ и ёго товариши не паньчи, а таки жъ якъ и вона наймыты и лакеямы звутся.

У ресторани работа не тяжка, одно мый тарилки, та й годи. У саду що-вечора музыка грае и Приси подобалось ии слухаты. Досада тилькы брала черезъ те, що найбильшь робыты прыходылося у ночи, а зранку и вона и лакеи булы вильни до пивдня.

Друга досада була, що лакеи разъ-у-разъ до неи чиплялыся. Хтила вона одного вдарыть по пыци, та побоялася. Спала Прися у особій кимнати изъ старою клюшныцею. На балачку клюшныця наче була прыятна, а на лыце така, якъ сова, и очыма вона наче николаы й не лупала. Тилькы вдосвита бувъ Приси покій, а то цилу ничъ клюшныця ходе та дверыма грюка. Прывыкла Прися и до цёго, натомытся та й спыть якъ заризана.

Прослужыла вона тыждень, а у вивторокъ, саме на Спаса, побигла вранци до манастыря одвидаты Ковалыху. Въ больныци Ковалыхы не було вже: сказала мылосердна сестра, що баба одужала и вже два дни, якъ выпысалася.

Выйшла Прися у двиръ, колы дывытся, ажъ Ковалыха вже шкытыльгае мижъ другымы людмы, зъ торбынкою и зъ чайныкомъ на плечахъ, до ворить. Наздогнала вона ии. Поздоровкалася. Зрадили обыдви. Розказала ий стара, що стратылася дуже, двичи молебствія правыла и де-чого для подарунку ридни свой купыла и хотилося бъ ще по церквахъ походыты, такъ тилькы три карбованци й зосталося.

— И за тебе усе думала: ну що я казатыму Хымци, якъ вернуся до-дому?.. Хочь бы ты одвидаты прыйшла, я тебе ще у середу дожыдала...

Прися й соби усе чысто розказала, що зъ нею скоилося и якъ вона мисце знайшла.

— А бабуню, риднесенька, якъ то мени кортило васъ одвидаты. такъ боялася жъ; така думка, щобъ хазяинъ або клюшниця не розсердылыся. Тилькы що на мисто поступыла, та вже й гуляты пиду... Перекажить матери, що якъ мисяця добуду, то заразы и грошей подамъ, а якъ обрыдне дуже, то, може, й сама вернуся... Отсе якъ я знатыму, що васъ у городи вже нема, то мени наче страшно показуватимется.

Хотила Прися проведыты Ковалыху до вакзалу, такъ побо-ялася, щобъ не забарытысь.

Попрощалася вона зъ старою, уклонылася їй та й побигла до свого ресторану.

ІХ.

Найбільше чиплявся до Приси Иванъ чорнявий.

— Я тебѣ мѣсто даль, можетъ счастье твое устроилъ, а ты, пручаешся,—каже.

Не втерпила вона: сунула ёго разъ у груди, такъ, що трохи не покотывся. Думала, що Иванъ пиде жалитысь до хазяина колы ни,—ще писля цѣго наче й посмырнійшавъ.

Стала Прися трохи прывыкаты у новому мисти...

На першу Пречысту у-вечери въ садъ назбиралося дуже багато панивъ. Лакеи позатомлювалыся, подаючы напытки й найидкы. Не прыйшлося Приси цѣи ночи й хвылыны заснуты. Уже й сонечко зійшло, а лакеи усе носылы тарилкы. Ажъ руки у неи порепалысь одъ окропу. Скипчыла Прися свою роботу, то вже й спаты їй перехотилося, важко тилькы на серци було и голова болила.

Пишла вона на край саду, лягла бия самой кручи, пидперла голову руками, та й дывытся на Днипро та на зелени

лисы. Трохы блыжче выдно їй остривъ, скрїзь винъ порїсь лозою и лоза та одбывается у тыхїй води.

И згадалося Прїси, якъ вона йшла изъ старою Ковалыхою шляхомъ и отдали тежъ здавалыся дерева, и наче у води ввыжалыся.

Ливоручъ, якъ сына стѣжка, простягся Днипро, а на ёму параходъ колесамы меле та пыхка, и наче дорога по небу, лигъ за имъ дымъ.

«Оттакий же дымъ йшовъ зъ машины, якъ мы зъ бабою сюды йихалы,—дума соби Прїси. И здалося їй, наче не дуже дуже давно було. И не схотилося Прїси—тяжко стало дывытись на ту роскишь свїту Божого, що була передъ нею. Такъ не хочется дывытись голодному на ти найдкы та напыткы, що не для ёго повыставлювани на викни у багатїй лавци.

Наче якось охляла Прїси и видъ думокъ, и видъ того, що не спала ничъ. Схотилося пїты до своей кимнаты, лягты, укритись зъ головою та трохы подримать, але не прїйшлося. У кимнати сїдили: клюшныця, Иванъ чорнявий, та ще одынъ молоденькїй лакей Пылыпъ. що дуже смїшно перекривлявъ селянь. Вони гралы у карты, пылы горилку та выно и закусувалы якоюсь рыбою.

Прїси хтила повернутись назадъ та зновъ иты до кручи, такъ клюшныця не пустыла, ухватила їи за руку та й почала прохать сидаты до гурту, бо казала, шо справля сёгодня свои мыныны, чы шо. Лакеи тежъ давай прохаты и соби и карты поклалы.

— Да погуляйте, намъ очень даже прїятно, что прїйшла такая красивая баришня.

— Хїба я барышня?—усмїхнулася на ихъ речи Прїси.

— А хотя и нѣтъ, то лучше отъ всякой барышни,—оби-зався Пылыпъ.

— Ни вже, я лучше пїду у садъ.

— Та сядъ дурная; ну што тебѣ издѣлается, какъ посидишь, злыняешь што ли?—вмишталась клюшныця.

«А справди, посыжу зъ имы. може тугу свою розважу»,—подумала Прися, та й сила. Иванъ заразъ наливъ чарку горилкы и зачавъ їи частуваты. Прися горилкы не схотила. Тоди сама клюшныця налыла у маленьку чарочку чогось чырвоного та густого, якъ запикапка, и почала прохаты, щобъ выпыла за їи здоровья, «невже я упьюся видъ такой маленькой чарочки? Адже на досвиткахъ доводилося и бильшь горилкы пыты, тай ничего», подумала Прися та й покоштувала того червоного. Крипке щось та солодке показалося.

Почалы прохаты щобъ вона выпыла ище одну чарочку.

— Ну, глядять же—последню.

Выпыла вона й другуу Посыдила, погомонила, наче й не довго, колы голова чогось завернулася и ноги помлилы, наче вона ихъ пересыдила, або що. Хотила встаты, такъ наче извязана. Ублагалы їи лакеи, щобъ вона выпыла ще стаканъ вына.

Чы пыла, чы не пыла Прися те выно, уже й не памьятала. Памьятала тилькы, що и клюшныця и лакеи повыходылы зъ кимнаты, а вона зосталася сама та й лягла на свой кривати.

Писля зновъ вериувся Иванъ чорнявий и зачынувъ двери на замокъ... Ключъ тилькы дзенькнувъ... И скоилося зъ Присею вельке лыхо...

У-вечери дуже лаявся та крычавъ на їи хазяинъ за те, що вже не мала сылы й тарилкы въ рукахъ держаты. Наименувавъ їи пьяныцею та ще такъ, що якъ бы ридна маты почувла, то може бъ и вмерла видъ такого сорому. А музыка въ саду града якоись веселой.

Хочъ и змучена и затомлена була Прися, а зновъ не спала и другу ничъ, усе плакала та думала, чы вертатысь їй до-дому, чы ни. И думкы не йшлы ривно, а наче переверталыся та горилы въ їи налытій кровью головы. Роспатлалося волосся, росхрысталася сорочка. Порвала и покыдала до-долу Прися намысто, що було на шыи.

Писля схидъ-сонця тилькы заснула вона, а прокынулася видъ тяжкого горячого дыхання Ивана, котрый знову опынывся била неи.

Прися вже не крычала и не прогнала ёго; нею опанувала якась незвычайна байдужисть, та вона навить мало тямыла, що зъ нею робылося...

Мынувся тыждень и другый,—Прися служыла у ресторани. Схудла тильки на лыци та пожовкла и одягнута була вже инакше. Справывъ ий Иванъ кохту и спидныцю шерстяну, та черевыкы изъ резиною. Здавалося ий иноди що вона ёго любе.

Одного дня Ивапъ напывся пьяный и незвисно зъ якои реча вылаявъ хазяина. Заразъ ёму и рочотъ дали.

Збираючысь уходыты, винъ страшенно крычавъ та лаявъ, и хазяина, и клюшныцю и Присяю.

Гукнулы полыцейського и забравъ винъ Ивана.

Бильше й не бачыла ёго Прися. Хоть и не дуже вона ёго любила, а теперь стало наче ще страшнише жыты вь свити.

Послаты до-дому грошей такъ вона и не здумала, та й не було ихъ, бо якъ получыла такъ Иванъ позычывъ та й не вид-давъ.

Наступала осинь.

Ничъ подовшала, а ранкомъ дуже холодно бувало и шыбкы на викнахъ потилы. Вода у Днипри наче не така сыня стала, а далеки лисы, що такъ подобалося Приси на ихъ дывытысь, наче пожовклы. Менше вже збиралося у вечери панивъ до саду.

Черезъ тыждень хазяинъ перебрався зъ усимъ своимъ рестораномъ и зъ лакеямы у городъ.

Перейхала зъ нымы й Прися и зновъ такъ же мыла тарилкы до самого ранку, а натомывшысь ишла до своей кимнаты, тильки спала тамъ уже не зъ Иваномъ, а съ Пылыпомъ.

Ворысь Лазаревський.

Севастополь, 22 декабря 1902 г.

Украинскія колядки.¹⁾

II.

Колядка-легенда.

Безъ сомнѣнія, какъ всякое эволюціонное движеніе, въ какой бы области явленій оно ни наблюдалось, эволюція идей, представленій и образовъ въ интеллектуальной жизни и словесномъ творчествѣ даннаго народа слишкомъ многообразна, слишкомъ переплетена въ отдѣльныхъ элементахъ, чертахъ и черточкахъ стараго и болѣе новаго; поэтому весь матеріаль, котораго она касается, нельзя подѣлить рѣзкими гранями на извѣстныя, вполне опредѣленныя и обособленныя части. Съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя и колядки наши, на всемъ пути, который онѣ прошли въ своемъ развитіи, подѣлить на рѣзко обособленныя группы; но всё-же можно намѣтить, какъ предположено было мною, выдающіеся типы, носящіе особенно характерныя черты, опредѣляющія собою состояніе мысли и чувства, создававшихъ пѣсню.

Вторая намѣчаемая мною группа *колядокъ-легендъ* представляетъ собою такія, въ которыхъ появляется уже христіанскій элементъ. Этотъ элементъ не является сразу въ видѣ пѣсенъ-гимновъ, или хотя бы и пѣсенъ эпическаго характера, но болѣе или менѣе близко передающихъ евангельскій текстъ разсказа о рож-

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1903, № 2.

дествѣ Христовомъ и связанныхъ съ нимъ событіяхъ; христіанскій элементъ является вначалѣ въ колядкахъ даже не въ видѣ народной передачи апокрифовъ, а въ совершенно своеобразномъ видѣ: онъ воплощаетъ въ себѣ черты культа языческаго, со всею его непосредственностью представленій, образовъ и выраженія въ словѣ.

Для того, чтобы видѣть это яснѣе, приведемъ прежде образцы колядокъ, въ которыхъ выражено съ полной наивностью поклоненіе видимымъ силамъ природы, а именно—возвеличиваются солнце, мѣсяцъ и дождь.

№ 1.

Ой тамъ на гори свитлонька стоить.

Ой дай Боже!

А въ тій свитлоньци трое виконцивъ:

Въ першимъ виконци—яснее сонце,

Въ другимъ виконци—ясенькій мисяць,

Въ третимъ виконци—дрибненькій дощыкъ.

Чымъ ся похвалыть яснее сонце?

— Ой якъ я зійду рано на зори,

То врадуются горы, долины,

Горы, долины й весь мыръ на земли.—

Чымъ ся похвалыть ясенькій мисяць?

— Ой якъ я зійду темной ночи,

То врадуется весь звирь у лиси,

Весь звирь у лиси и гисть въ дорози,

Гисть у дорози и рыба въ мори.—

Чымъ ся похвалыть дрибненькій дощыкъ?

— Ой якъ я впаду тры разы на ярь,

То врадуется жыто, пшениця,

Жыто пшениця, всяка пашныця.—

Ой дай Боже!

(Новоградволынскій уѣздъ).

Въ слѣдующемъ варіантѣ (тоже волынской колядки) тѣ-же персонажи, олицетворенные въ видѣ гостей, являются въ домъ пана-господаря:

№ 2.

Чи дома есы, господареньку?
 Якъ дома есы, на зустрічь иды:
 Иде до тебе трое гостонькивъ,
 Трое гостонькивъ, трое свитленькихъ;
 Первый гостонько—ясне сонечко,
 Другый гостонько—ясный мисячыкъ,
 Третій гостонько—дрибный дощыкъ.

Всѣ трое обѣщаютъ выказывать тѣ-же благодѣтельныя свойства, о которыхъ говорилось въ первой колядкѣ (радовать міръ, свѣтитъ, растить).

Далѣе одно изъ этихъ лицъ, небесныхъ посѣтителей, замѣняется уже именемъ Господа. Вотъ вариантъ, въ которомъ этимъ именемъ замѣняется солнце:

№ 3.

..У поли, поли церковця стоить,
 Зъ трѣма верхами, зъ двома викнами.
 Въ першому викни—ясный мисячыкъ,
 Въ другому викни—ясная зоря,
 А на дверечкахъ—самъ Господь стоить,
 Самъ Господь стоить, мыръ благословить.
 Или: Самъ Господь стоить, службоньку править,
 Службоньку править, за господаря.
 Здоровья въ твій димъ, на челядоньку,
 Щастя у твій двиръ, на худибоньку.
 На челядоньку, на домовую,
 На худибоньку, на роговую.
 (Ковельскій уѣздъ, много вариантовъ).

Въ слѣдующей колядкѣ замѣняется «товарышъ»-дождь.

№ 4.

У господаря добре діється,
 Въ ёго свитлонька чысто метена,

Тисови столы позастылани,
 Що на тыхъ столахъ, та все обрусы,
 А ти обрусы все шовковии.
 На тыхъ обрусахъ калачи лежать,
 Калачи лежать—все пшенишнии,
 По пры ихъ стоять злоти кубочки ¹⁾;
 Въ однимъ кубочку—червоне вино,
 Въ другимъ кубочку—кудряве пиво,
 Въ третимъ кубочку—медокъ-солодокъ.
 За столомъ сыдять три товариши:
 Першый товаришъ—яснее сонце;
 Другый товаришъ—ясный мисячыкъ,
 Третій товаришъ—самъ Господь зъ неба.
 Выхвалается першый товаришъ,
 Першый товаришъ,—ясный мисячыкъ:
 — Ой якъ я зйду низнимъ вечеромъ,
 То я освичу горы й долины,
 Горы й долины, й гостямъ дороги;
 Выхвалается другый товаришъ,
 Другый товаришъ,—яснее сонце:
 — Ой якъ я зйду ранымъ раненько,
 То обигрю горы, долины,
 Горы, долины, поля дибровы:
 Выхвалается третій товаришъ,
 Третій товаришъ, самъ Господь зъ неба:
 — Ой якъ я спущу дрибною дощу,
 То я звеселю горы й долины,
 Горы й долины, поля ярыны,
 Жыта, пшеници, всяки пашныци,
 Всяки пашныци, всяки сивбыци.—

Есть колядки, въ которыхъ всё три «товариша», какъ небесныя могучія силы, называются именами святыхъ. Но прежде

¹⁾ Или: «На столи стоять повни шкляночки».

я приведу колядку, въ которой дѣйствія трёхъ товаришивъ выставляются не всегда благодѣтельными; такъ, о нихъ поётся:

№ 5.

...Мисяць хвалытся *заморозыты*
 Горы, долины, потоки-рички;
 Сонце хвалытся *розморозыты*
 Горы, долины, потоки-рички;
 Дощыкъ хвалытся *зазеленыты*
 Горы, долины, поля—ярыны.

Въ параллель этому и служить, съ указанной выше замѣной, колядка слѣдующая, почти буквально повторяющая слова о дѣйствіяхъ стихійныхъ товаришивъ, лишь съ замѣною ихъ именами святыхъ.

№ 6.

Ой тамъ на гори древо рубають,
 Древо рубають, церкву будують.
 У тій церковци престолы стоять,
 А на престолахъ три святці сидять:
 Першее святце—святый Мыкола,
 Другее святце—свiate Юрія,
 Третее святце—самъ Богъ небесный.
 Що першый казавъ—святый Мыкола:
 Ой якъ я схочу, то й поморожу
 Горы, долины, поля, дибровы;
 Що другый казавъ—свiate Юрія:
 Ой якъ я схочу, то й зазеленю
 Горы, долины, поля, дибровы;
 А третій казавъ—самъ Богъ небесный:
 Ой якъ я схочу, все розморозу,
 Все розморозу и обигрію,—
 Горы, долины, поля-ярыци,
 Поля-ярыци, жыта-пшеници.

(С. Скулинъ, ков. уѣзда).

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ называются только святые, съ перемѣною имёнъ:

Що святой Юрій поля окропля,
А святой Петро жыта зажина,
А святой Илля копонькы збира.

Такая-же замѣна лицъ происходитъ и въ колядкахъ того же типа съ другимъ мотивомъ,—гдѣ выводится мифологическій *играющий пастухъ*. Привожу прежде, какъ мнѣ кажется, первообразный вариантъ:

№ 7.

Ой изъ за горы, выйшли туманы;
То жъ не туманы, не темна хмара,
Не темна хмара,—овець отара.
За ными иде гречный молодець,
Злотымъ поясомъ пидперезався,
Трема трубы та й обтыкався:
Що одна труба та роговая,
А друга труба та мидяная,
А третя труба та золотая,
Ой якъ заграє у роговую,
То радується весь звирь у поли,
А якъ заграє у мидяную,
То радується рыба у мори,
А якъ заграє у золотую,
То радується весь мырь на земли.

Въ слѣдующей колядкѣ играющими пастухами являются святые:

Захмарылася висока гора ¹⁾;
Чы хмара-туманъ, чы били вивци?

---

1) Какъ и въ предыдущей колядкѣ гора—символическое изображение неба.

Не хмара-туманъ, а били вивци.
 За нмы ходять тры вивчарыкы,
 Тры вивчарыкы, а все святыи:
 Ой воны ходять и трубы носять,
 А все разніи, все голосніи:
 Ой якъ заграе святой Мыколай
 У свою трубу, у мидяную,
 Пидуть голоса въ темныи лиса,
 Горы-долыны та й побиліють;
 А якъ заграе та святой Юрій
 У свою трубу, у роговую,—
 Горы, долины зазеленіють;
 А якъ заграе самъ Богъ небесный
 У свою трубу, у золотую,
 Пидуть голоса по-пидь небеса,
 Райскіи двери одчынылыся,
 Ясныи свичкы засвтылыся.

Къ этимъ колядкамъ, записаннымъ мною въ новоградв. уѣздѣ, относится также одиць небольшой отрывокъ изъ ковельскаго уѣзда потворяющій начало предыдущей колядки, съ добавкою, что на пастухъ—«сывый жупанецъ»¹⁾. При всей кажущейся исключительности содержанія этихъ колядокъ, говорящихъ о стихійныхъ «товарышахъ» и небесныхъ пастухахъ, есть много вариантовъ ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ малорусскихъ²⁾. Я думаю, что хотя въ нихъ и упоминаются имена христіанскихъ святыхъ, но колядки эти—до-христіанскаго происхожденія; мнѣ кажется, на приведенныхъ параллеляхъ совершенно ясно видно, какъ новыя имена были только приложены къ представленіямъ и олицетвореніямъ очень древняго мѣа. Это мнѣніе согласуется съ объясненіями глубокаго знатока нашей народной пѣсенности г-на Потемни, образцовъ стараго мѣа и противорѣчитъ мнѣнію г. А. Веселов-

1) Приемется съ словами «стадойко овецъ».

2) Они есть во всѣхъ малор. этногр. сборникахъ.

скаго, который думаетъ иначе;—говоря слѣдующее: «Нельзя сомнѣваться, что тишъ колядки о посѣщеніи дома святыми и Богородицей или тремя товарищами сложился подѣ влияніемъ рождественскихъ обходовъ, въ коихъ являлись Богородица и Риздво (Берта) и 3 царя волхва».

Конечно, это мнѣніе дѣлается понятнымъ, разъ мы знаемъ, какое большое значеніе придаетъ г. Веселовскій влиянію христіанской легенды и связанныхъ съ нею обычаевъ на наши духовные стихи, въ томъ числѣ и на колядки, но въ данномъ случаѣ текстъ вышеприведенныхъ колядокъ совершенно не даетъ основанія для такого сближенія, тѣмъ болѣе въ такой категорической формѣ. Я уже не говорю, что странно ставить «Риздво» синонимомъ Берты, но и «рождественскіе обходы» съ тремя волхвами ¹⁾ никакъ не могли обусловить созданіе колядокъ того типа, къ которому относятся колядки о «трѣхъ товарищахъ». У насъ есть колядки, обусловленныя влияніемъ христіанскихъ «дѣйствъ», въ томъ числѣ и «вертепныхъ» представленій, въ которыхъ три волхва играютъ извѣстную роль, но такія колядки имѣютъ совсѣмъ другой характеръ. Я возвращусь къ нимъ въ главѣ о колядкѣ-виршѣ, теперь же скажу, что, по моему мнѣнію, колядки о трѣхъ товарищахъ и играющемъ пастухѣ, или трѣхъ пастухахъ, несмотря на упоминаніе въ нихъ именъ христіанскихъ святыхъ, должны были сложиться внѣ всякаго влиянія «рождественскихъ обходовъ трехъ царей волхвовъ»; слишкомъ очевиденъ ихъ гораздо болѣе древній, космогоническій характеръ, не говоря о томъ, что въ приведенныхъ колядкахъ безъ всякаго даже маскированія являются дѣйствующими лицами «ясне сопецко», «свитлый мисячокъ» и «дрибный дощыкъ», самые «святи овчари» слишкомъ напоминаютъ и небесныхъ пастуховъ ведъ, и Аполлона, «гоняющаго стада» - облака, этого Бога-музыканта, и гремящаго Тора, и меньшихъ боговъ съ тѣми же свойствами. Все это божественные герои того-же небеснаго міа, — міа солнечнаго, облачнаго и громового (съ его свѣтомъ, огнемъ, звукомъ и благодѣтельною влагою).

1) Если они когда-либо у насъ были?

Мнѣ кажется, что тотъ же образъ «небеснаго музыканта» виднѣется и въ слѣдующемъ отрывкѣ колядки, находящейся въ сб. Чуб. (III т. стр. 429):

У поли, поли
 Плужокъ ходить,
 А за тымъ плужкомъ
 Самъ Богъ изъ рожкомъ.
 А Божа Маты...
 Оддай, Господы, рогъ...

Конечно, для объясненія отрывочныхъ пѣсенъ, притомъ для объясненія въ нихъ образовъ, уже утратившихъ для поющихъ свое прежнее символическое значеніе и потому приводящихся сбивчиво¹⁾, требуется большая осторожность. Несоблюденіе этой осторожности послужило причиной тому, что г. Ящуржинскій, объясняя²⁾ мифологическое значеніе вожденія «kozy», цитировалъ этотъ же отрывокъ, видя въ немъ отраженіе образа «Волоса—скотьяго бога»; очевидно, г. Ящ-скій принялъ рожокъ не за инструментъ, а за рогъ растущій... Между тѣмъ какъ, принимая во вниманіе колядки, гдѣ говорится о трубящихъ святыхъ, слѣдуетъ думать, что здѣсь говорится—объ инструментѣ. (Да и слова, хотя отрывочныя, «оддай, Господы, рогъ», показываютъ, что рѣчь идетъ о вещи, которую можно отдавать, или не отдавать, о вещи движимой)...

Изображенія же Бога въ видѣ пастуха именно съ рожкомъ или другимъ инструментомъ (свирѣлью), находило себѣ мѣсто даже въ представленіяхъ первыхъ христіанъ, уже отвергнувшихъ отъ языческой религіи, фанатическихъ приверженцевъ религіи отвлеченной,—но не оторвавшихся отъ языческихъ образовъ божества.

---

¹⁾ Съ «рожомъ» выведенъ въ пѣснѣ не богъ-пастухъ, а богъ-плугатарь, который въ лучше сохранившихся вариантахъ изображается съ «пугою».

²⁾ Въ Кіев Ст. за 1889 г. февр. («Бѣлор. колядки»).

Въ римскихъ катакомбахъ,—мнѣ лично приходилось этому удивляться лѣтъ 20 назадъ,—можно видѣть изображенія Христа въ видѣ Апполлона, Орфея, а Дѣву Марію въ видѣ Діаны и другихъ языческихъ богинь. Мнѣ это многое объяснило и часто вспоминалось въ послѣдствіи, при мысляхъ объ аналогичныхъ явленіяхъ въ мірѣ искусства и идей.

Но возвратимся къ тексту волинскихъ колядокъ, въ которыхъ главныя дѣйствующія лица называются святыми и низводятся уже на землю. Къ какому культу могутъ относиться слѣдующія колядки?

№ 8.

Ой ты спышъ, чи ни, господареньку?

Святой вечерь!

Пидведы свою та головоньку.

Подывыся ты у виконечко,

Уже билый день, зійшло сонечко;

По твоимъ двори самъ Господь ходыть,

Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:

Ставыть волюкы та у тры плугы,

А за рикъ, за два буде въ чотыри.

—

Ой ты спышъ, чи ни, господареньку?

(Повторяются слѣдующіе три стиха).

По твоій стайни самъ Господь ходыть.

Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:

Ставыть ковыкы у тры табуны,

А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...По твоихъ хливцяхъ самъ Господь ходыть,

Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:

Ставыть коривкы на тры черидкы,

А за рикъ, за два буде чотыри.

—

...По твоимъ току самъ Господь ходыть,
 Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
 Ставыть стиночки¹⁾ у тры рядочки,
 А за рикъ, за два буде чотыри.

...Въ тебе въ комори самъ Господь ходыть.
 Ой ходыть, ходыть, та все лагодыть:
 Кладе золоті, у тры боднонькы²⁾,
 А за рикъ, за два буде чотыри.

...Въ тебе въ пасици самъ Господь ходыть,
 Ходыть винъ, ходыть, та все лагодыть:
 Рои, па-рои ставыть въ тры ряды,
 А за рикъ, за два буде чотыри.

№ 9.

Ой ишло, ишло тры пахолыкы,
 Святый вечеръ, тры пахолыкы!
 А стрицае ихъ Божая маты:
 — Чи не бачылы сына моего,
 Сына моего, Бога вашего?
 Ой одынь каже:—я-жъ бо й не бачывъ,
 А другый каже:—я мовъ забачывъ,
 А третій каже:—я й добре бачывъ:
 У господаря за столомъ сыдыть,
 За столомъ сыдыть, тры суды судыть:
 Одынь судъ судыть—у поли вроджай.
 Другый судъ судыть—животынци плідъ,
 Третій судъ судыть—пчилци яры,
 Пчилци яры,—меды густыи,

1) Стинкою называется на полѣсьи плотный рядъ сноповъ въ клунѣ.

2) Круглая деревянная утварь съ крышкою, служить какъ сундукъ.

Меды густыи,—гости свитлыи.

А за тымъ словомъ та й бувай здоровъ,

Ой самъ собою, зъ своею жоною,

Зъ своею жоною, изъ дитойкамы,

Ще й изъ близькымы сусидойкамы.

(Ковельскій уѣздъ, с. Запрудье).

№ 10.

Ой рано, рано куры запилы,

А господня ще раній встала.

Господынейко, одчыняй двери,

Маешъ гостойкы въ своѣму двори;

Одчыняй двери вси тисовыи,

Стелы килымы та все новыи,—

Маешъ гостойкы вельмы свитлыи:

До тебе иде свята П'ятюнка,

Даруе тебе отъ якъ матюнка:

Въ коморы иде замыканыи,

Одчыня скрыни малёваныи:

У одну кладе—тонке прядево,

У другу кладе—биле полотно,

У третю кладе—добрее сукно—

Свята П'ятныця дары давала,

Бо господня мудрая була:

Що у п'ятныцю кужиль не пряла,

Свичъ не сукала, хустя не прала,

Хустя не прала, въ золу не клала.

А за цымъ словомъ бувай здорова,

Сама собою и зъ дитойкамы,

И зъ кумойкамы, зъ сусидойкамы!

(Луцкій уѣздъ, с. Незвирь).

Таковы въ колядкахъ этого типа божества, сходяція на землю. Несмотря на христіанскія имена, онѣ совершенно не имѣють отвлеченнаго христіанскаго характера, напротивъ, являются

въ совершенно языческомъ олицетвореніи, съ чѣмъ согласуются и ихъ дѣйствія, на пользу хозяевъ (къ которымъ онѣ какъ бы призываются),—среди самой реальной обстановки. Въ этомъ отношеніи Пятница ничѣмъ не отличается отъ другихъ божествъ,—она одинаково языческая по представленію о ней и одинаково христіанская по имени. (Св. Парасковея,—замѣняющая Пятницу потому, что *Παρασκευή* по гречески значитъ пятница). Пятница играетъ большую роль въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и представленіяхъ; во всѣхъ нашихъ этнограф. сборникахъ, старыхъ и новыхъ (последнее собраніе—г. В. Милорадовича) ¹⁾ есть записанныя въ разныхъ мѣстахъ сообщенія о ней, прозаическія, отчасти и стихотворныя (изъ послѣднихъ напомнимъ извѣстный «стихъ о пятницѣ», имѣющей значеніе амулета). Народъ нашъ представляетъ себѣ Пятницу въ совершенно реальномъ видѣ,—въ образѣ женщины, съ исколотыми пальцами и пораненными ногами, причиною чему служить то, что не всѣ чтятъ ея день, а прядутъ и рубятъ дерево въ пятницу. «Св. Пятница»—божество, могущее карать и миловать.

На волынскомъ полѣсьи мнѣ не разъ приходилось слышать рассказы о томъ, что Пятница приходитъ въ хату и можетъ спутать, вообще испортить пряжу тѣмъ, кто «не шануе» ея дня, и, наоборотъ, невидимо напрясть, прибавить на веретенахъ пряжи тѣмъ, кто въ пятницу не прядетъ.

Пятницу сближаютъ съ нѣсколькими женскими божествами, въ мифологіи разныхъ народовъ (съ Фреей, Венерой, Бертой) и несомнѣнно, что *общія* черты есть. Но, скажемъ и здѣсь,—сходство не есть заимствованіе; въ особенности-же нѣтъ оснований утверждать, что вѣрованія въ пятницу сложились подъ вліяніемъ христіанскихъ апокрифическихъ жизнеописаній святыхъ ²⁾ и церковнаго поученія соблюдать постъ въ пятницу. Скорѣе могло быть наоборотъ...

¹⁾ Изданіе 1902 г. Малор. нар. повѣрья о Пятницѣ.

²⁾ См наведенія этого рода (въ Опыт. разв христ. легенды Веселовскаго), по поводу средневѣковыхъ жизнеописаній.

По тѣмъ даннымъ, которыя имѣются въ нашей этнографіи, «Пятница» божество несомнѣнно происхожденія языческаго и очень древняго. Это божество домашняго, такъ сказать, женскаго обихода, поэтому у нея есть общія черты съ «Покровою», «св. Недилею», а такъ какъ въ народныхъ обращеніяхъ къ Пятницѣ¹⁾ есть эпитеты «Пятинка-матинка», «святая Пятница наша пречыстая матинка»,—«небесна царица», то, пожалуй, можно предположить, что въ послѣдней приведенной колядкѣ, на ряду съ приходомъ Господа, Пятница (гостя «вельмы свитлая», «отъ, якъ матюнка»), является какъ бы синонимомъ Дѣвы Маріи, отождествляется съ нею; но вполнѣ утвердительно сказать этого нельзя. Справедливо замѣчаетъ покойный Потебня, что «сомнѣніе полезнѣе утвержденія»... какъ-бы то ни было, если, по имени, то есть по эпитетамъ, «Пятинка-матинка» и сходится съ «Маты-Божюю» то все-таки по существу она является въ приведенной колядкѣ въ совершенно языческомъ представленіи, т. е. такъ, какъ она является и во всѣхъ прозаическихъ народныхъ разсказахъ о ней.

Но въ какихъ же чертахъ является въ колядкахъ даннаго типа и сама Дѣва Марія? Въ приведенныхъ мною образцахъ, въ колядкѣ № 9, она является впервые, какъ ищущая сына. Этотъ мотивъ сближаетъ колядку № 9 съ тѣми колядками (имѣющимися въ нѣсколькихъ вариантахъ въ сборникахъ Головацкого и Чуб.), гдѣ Христа ищетъ, или видитъ—(у господара, или въ другомъ мѣстѣ)—зоря, «мисяцева сестрычка». Также точно колядка-легенда и далѣе связываетъ съ Дѣвою Маріею ту символику, которая вообще въ народной пѣснѣ связывается съ зарей, утренней зарей, близкой къ солнцу, являющимся въ народной фантазіи то ея милымъ, то ея сыномъ. Зарю же наша пѣсня постоянно олицетворяетъ въ дѣвушкѣ, чистой и прекрасной. И замѣчательно, какъ запѣвы колядокъ-веснянокъ, гдѣ говорится о дѣвушкѣ, сходны съ запѣвами колядокъ о Дѣвѣ Маріи: «Дивка Ганнуся—биль бильла... хустя прала» и «Дива Марія—рызы

¹⁾ См. молитвы въ сборникѣ Драгоманова «Малор. преданія».

прала»; «дивчына саду стерегла. мицно заснула»,—въ такой-же ситуаціи изображается и Дѣва Марія,—«Божее дытя заколыхала, твердо уснула». Но пусть говорятъ сами тексты колядокъ, болѣе полно.

1, а).

Була въ батенька нова свитлонька,
А коло неи садокъ саджений,
Садокъ саджений, злотомъ ряшений ¹⁾,
Стерегла жъ ёго дивка Ганнуса и т. д.

Въ параллель къ этому:

1, б).

Пане господару, твій двирь осаженъ,
Твій двирь осаженъ все виноградомъ,
А въ виногради свитлонька стоить,
А въ тій свитлоньци Дива Марія.

2, а).

Тамъ у бережку, на тихій води,
Прала дивчына (имя) шовкове хусте,—
Вишала ёго на срибнимъ шнурку;
Десь узялыся буйныи витры,
Понесли хусте по тихій води.

(Хусте находить милый).

2, б).

Ой на ричци на Ордани
Тамъ Пречыста рызы прала,
Повисыла на ялыни;
Прылетили два ангелы,
Взялы рызы на крылечка,

¹⁾ Рясá, роса—постоянная спутница, зари.

Та понесли на небеса,
А небеса розтворылись,
Вси святыи поклонились:

Или конецъ такой:

...Сами дзвоны задзвонились,
Сами свичи запалились,
Царськи врата отворились.

(Господь надѣваетъ ризы).

Очень любимымъ мотивомъ въ колядкахъ-легендахъ, гдѣ говорится о Дѣвѣ Маріи и рожденномъ Христѣ, является—«рожевый садъ», «квитка зъ рожи» и просто «рожа», которая есть однимъ изъ любимыхъ въ нашихъ обрядовыхъ пѣсняхъ (купальск, весп. и свад.) символомъ дѣвичьей красоты и вообще дѣвчества. Да и не только въ обрядовыхъ: всякому, сколько ни будь знакомому съ малор. пѣснями, должны придти на память отрывки въ родѣ. —

— Ой колы мы поберемся, *дивчыненько-роже*,
У осены, козаченьку, якъ Богъ намъ поможе».

Вслѣдъ за полнымъ уподобленіемъ, синонимомъ, какъ это вообще бываетъ въ пѣспѣ и миеѣ, та-же «рожа»—*синонимъ* является уже *атрибутомъ*: дѣвушка «рожою» заквитчуется, даетъ её милому, посылаетъ своему роду:

— Ой зирву я зъ рожи квитку,
Та й пуцу на воду,
Плывы,плывы, зъ рожи квитко,
Ажъ до мого роду...

Сочетаніе рожевого цвиту съ водою считается, съ полнымъ основаніемъ, отраженіемъ представленія о зарѣ (какъ «розоперстой» $\psi\omega\varsigma$), что «росыцею умывается, у крыницю выдывается».

Но возвратимся къ тексту колядокъ:

А. (колядка дивчинѣ).

Ой чого ты, роженъко, сама въ горѣди,
Рожо моя повна, червона, багорова?
Та чого ты, Марьечко, сама у батенька?

(Не сама,—есть браты и мыльи).

В).

У нана господаря двирь у горожи,
Двирь у горожи, у червоній рожи,
А туды збиралысь та уси святіи,
Та уси святіи, до Дивы Маріи,
Щобъ Хрыста назваты, имья ёму даты.

А вотъ цѣльная колядка, съ тѣмъ же символомъ, относящимся къ Маріи и переходящимъ къ Христу.

№ 11.

Ой на ричци тихая вода стояла,
Тамъ Панна Марія билого сына купала,
А укупавшы, въ тонки рубочки вповыла,
А уповывшы, на престоли положила,
Рожеву квитку ёму у ручку дала.
Ой квито, квито, рожева квито ясна́я,
Усёму свиту, усёму миру дывная!
(Ковельск. уѣздъ, с. Обланы).

Любопытна колядка, говорящая о самомъ рожденіи Христа изъ «рожи».

№ 12.

Ой тамъ на гори церковця стоять,
Зъ трѣма викнамы, зъ трѣма дверямы,
А у церковци престолаы стоять,
За престоламы святыи сидять:

За першымъ столомъ сыдыть Сусь Хрыстось,
 За другимъ сыдыть святе Ілія,
 За третимъ столомъ Дива Марія.
 Надъ Сусомъ Хрыстомъ янголь спивае,
 Надъ святымъ Иллемъ свичка палае,
 Надъ Марією *рожа процвіта*,
 А зъ теи рожи та вылетивъ птахъ,
 Полетивъ же винъ по-пидъ небеса,
 Ёму небеса ростворитесь,
 Уси янголы уклопитесь.
 (Ковельскій уѣздъ во многихъ варіантахъ).

Повидимому, «рожа» прикрѣпилась въ колядкахъ еще и по созвучію съ словомъ «Рожество»; по крайней мѣрѣ, это символическое слово «рожа», является иногда и безъ непосредственного отношенія въ Дѣвѣ Маріи, а какъ символъ самого «Рожества», о чемъ прямо говорится въ слѣдующей колядкѣ; да и нѣтъ ничего страннаго въ народной символизаци Рождества Христа цвѣткомъ: вѣдь даже сама богословская псалма говорить о Рождествѣ Христовомъ—«днесь солнце возсія міру», а однимъ изъ символовъ солнца, по народнымъ представленіямъ, есть также цвѣтокъ; поэтому если даже богословская, завѣдомо книжная, псалма поетъ о Рождествѣ—«Цвѣтъ мыслѣнный днесь ся родить», или же—«Цвѣтъ красній произниче», то тѣмъ болѣе можетъ бѣть наивная, простонародная колядка такъ:

№ 13.

На Орлани тыха вода стояла,
 Тамъ Пречыста своего сына купала;
 А скупавшы, въ пелюшечкы вповыла,
 А сповывшы въ васылечкы вложила.
 Надъ нымъ воли своимъ духомъ дыхалы,
 А янголы надъ нымъ песни спивалы.
 Туды ишло та три цари на зори,
 А прынесли Ёму три дары дороги:

Що першій царь Ёго злото́мъ дарувавъ,
 А другій царь святы́мъ Рожество́мъ назвавъ,
 А третій царь золотую *квитку* давъ.
 Тожъ *не квитка тожъ святе Рожество*
 Всѣму миру воно радисть прынесло.
 (Звягель, — г. Новоградволинскъ).

Слова Іордань и «цари» служатъ отголоскомъ уже евангельскаго преданія; но эти отголоски совершенно поглощены старымъ содержаниемъ и складомъ колядки. Любопытно сравнить эту колядку съ предпоследнимъ номеромъ 11-мъ, — тогда явственно выступить болѣе старая основа, т. е. представляемая колядкою № 11. Не говоря о томъ, что «тыхая вода» была въ пѣсняхъ, конечно, раньше, чѣмъ «Іордань», но и сами цари, называющіе Христа «Рожествомъ», дающіе ему *квитку* — по существу выходятъ иными, чѣмъ евангельскіе волхвы... Кажется, они по происхожденію древнѣе евангельскихъ, во всякомъ случаѣ они сошлись съ мотивами болѣе старыми, чѣмъ въ то время, когда къ нашему народу могла проникнуть книжная христіанская традиція.

Говоря о рожденіи Христа, но сильно отступая при этомъ отъ евангельской передачи этого событія, наша народная колядка-легенда подъ словомъ «Рожество» какъ бы представляетъ себѣ не событіе, рожденіе, — а особое мифическое олицетвореніе: — въ иныхъ вариантахъ, среди именъ святыхъ, (св. Петра, св. Іліи ¹⁾), упоминается какъ лицо — «святе Рожество» св. Риздво». Среди этихъ вариантовъ особенно странною является въ сборникѣ Чубинскаго, (стр. 351, т. III), слѣдующая колядка (записанная въ подольской губ., въ ушицкомъ уѣздѣ):

а.

А вси святи ослономъ силы
 Тилькы нема святого Риздва.

¹⁾ Являющихся на небѣ, или на землѣ.

Рече Господь святому Петру:
 Петре, Петре, послуго моя,
 Пиды, прынесы святе Риздво!
 Не ввійшовъ Петро, якъ пивъ дороги,
 Здыбало Петра чудо чудное,
 Чудо чудное, вогнемъ страшное.
 Петро жажнувся, назадь вернувся.
 Рече Господь до святого Петра:
 — Ой Петре, Петре, послуго моя,
 Чомъ ты не прынишь святе Риздво?
 — Ой здыбало мене чудо-чудное,
 Вогнемъ страшное,
 А я жажнувся, назадь вернувся.
 Ой не есть-то, Петре, ніяке чудо,
 А то есть святе Риздво;
 Було ёго взяты, Петре, на руки,
 Сюды прышесты, на стиль покласты.
 Зрадовалы бы ся вси святии,
 Що передь нымы Риздво сило.
 Ой дай Боже!

Слѣдующій варіантъ, начинающійся на той же страницѣ того же сборн. Чуб., даетъ ключъ къ пониманію этого образа, на первый разъ такого страннаго.

в.

До пана господаря самъ Богъ завитавъ,
 Господь зо своимы свитымы.
 А вси святи ослономъ силы,
 Тилькы нема святого Риздва.
 Сталы судъ судить, на що врожай буде.
 А Господь каже: Петре, Петре, послуго моя,
 Послужы мени бардзо-немного,
 Въ далеку дорогу.
 Ой вже Петрови, ой пивъ дорogy,

Здыбаецца зь святымъ Іліемъ,

Здыбаецца, та й пытаецца:

— Святы Ілія, чомъ на судъ не ідешъ?

— Я на судъ не іду, часу не маю,

Часу не маю, пшеницю стережу,

Видь буйного вистра;

Щобъ колосочка не хылыло...

(Помѣтка, что записано тамъ же, въ ушицкомъ уѣздѣ).

Варіантъ этотъ, очевидно, прерванный,—въ концѣ какъ-будто не достаецъ чего-то (обыкновенно, въ законченныхъ варіантахъ послѣдняя строка съ чѣмъ-нибудь рѣмуется, хоть отдаленно), да и записывавшій поставилъ въ концѣ многоточіе. Но даже и при томъ, что въ этомъ варіантѣ есть, видна тождественность «вогнемъ страшного» Риздва,—ужаснувшаго св. Петра,—съ Іліею, на котораго народныя представленія перенесли свойства громовника, гремящаго по небу колесницею и палящаго небеснымъ огнемъ копы («вогнемъ страшного»).... Такъ какъ божество упоминается въ благожелательной колядкѣ,—(святые «завитали во дворъ до господаря»),—то на этотъ разъ оно милостиво: не палить, а стережетъ копы.

Такъ во всѣхъ колядкахъ, названныхъ мною *колядки-легенды*, проступаютъ черты стараго языческаго типа, сливающагося съ именами христіанскими.

Предлагаемыя ниже колядки говорятъ о событіяхъ евангельскихъ, лишь касаясь ихъ, или же берутъ только имена лицъ священной исторіи, привязывая къ нимъ событія, въ евангельской передачѣ не находящіяся вовсе.

№ 14.

Панна Марья мандрувала,

Мандруючы заплакала;

Мандрувала въ чысте поле,

Ажъ тамъ хлопко плужкомъ оре.

— Помагай-бигъ тоби, хлопку,

Що ты робышь?—Сію пшонку ¹⁾.
 — Тенерь сіешъ, завтра зажнешъ,
 Господь тоби допоможе.—
 Биглы жыды у погоню,
 Надыбалы хлопка въ полю.
 — Помагай-бигъ тоби, хлонку.
 Що ты робышь?—Сію пшонку.
 — Чы не бачывъ Панны Марьи,
 Якъ тутенька мандрувала?
 — Въ той часъ бачывъ, въ той часъ выдивъ,
 Якъ сію пшонку въ полю сіявъ.—
 Тіи жыды полякалысь,
 Каменямы поставалы.
 Ой гоните, не гоните,
 Панны Марьи не зловите.
 Панна Марья мандрувала,
 Мандруючы заплакала.
 Мандрувала цилу ничку
 До славного чоловичка.
 — Ой ты славный чоловичку,
 Переночуй ²⁾ хоть сію ничку!
 — Есть у мене шопа ³⁾ въ полю,
 Панны Марьи для спокою.
 Панна Марья ночувала,
 Тая шопа злотомъ стала;
 Тая шопа злотомъ стала,
 На цилый свить засяяла.

(С. Запрудье, Ков. у).

№ 15.

Въ Почаеви, въ монастыри,
 Божа Маты сына мала (2)

¹⁾ Пшеницю.

²⁾ Переночуй мене—частый оборотъ въ укр. пѣснѣ. (Ой ты переночуй мене молодого).

³⁾ Сарай (по большей части для сѣна).

У педюшкы вповывала;
 У пелюшкы уповыла,
 На престоли положила;
 Одъ престола одступыла.
 А янголы книги брали
 И всіхъ святыхъ пытали:
 Яке ёму менне дати?
 — Даймо ёму святыи Пётро.—
 Божа Маты не вхвалыла (2)
 Уси книги зачыныла,
 Одъ престола одступыла.

—
 Въ Почаеви въ монастыри...

(повторяется все то же, что вначалѣ, до слѣдующихъ словъ):

— Даймо ёму святыи Павло.
 Божа Маты не вхвалыла (и т. д.)
 Въ Почаеви у монастыри
 Божа Маты сына мала

(опять повторяется все то же, до слѣдующаго стиха):

— Даймо ёму самъ Сусъ-Хрыстось!
 Божа Маты ухвалыла,
 Божа Маты ухвалыла,
 До престола прыступыла,
 Уси книги одчыныла,
 Усе свитло засвитыла;
 На ручейкы сына брала,
 У лычейко цилувала!

(С. Запрудье, Ков. уѣзда 1).

№ 16.

Пане Господарю, выйды-но на двирь!
 Святыи вечеръ, выйды-но на на двирь! 2)

1) Та же колядка была записана мною и въ Звягль.

2) Послѣ каждого стиха—«святыи вечеръ» и вторая половина стиха.

Выйды-но на двирь,—щось тоби давъ Бигъ:
 Ой давъ тоби Бигъ нову крыныцю,
 А въ тій крыныци—Пресвятая Дива,
 Пресвята Дива сына купала.
 Прийшло до иі *трое жыдове*:
 — Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
 — Занесла ёго въ вельки лиса.—
 Пишли жыдове лисы рубаты,
 Лисы рубаты, Хрыста шукаты;
 Лисы зрубалы, Хрыста не знайшлы.
 — Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
 — Занесла жъ ёго въ густыи гаи.—
 Пишли жыдове гаю рубаты.
 Гаю рубаты, Хрыста шукаты.
 Гаи зрубалы, Хрыста не знайшлы.
 — Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
 — Занесла его въ шовкову траву.—
 Пишли жыдове траву косыты;
 Траву скосылы, Хрыста не знайшты.
 Пресвята Дива Хрыста купала.
 Прийшло до неи *трое жыдове*:
 — Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
 — Занесла жъ ёго на сыне море.—
 Море вылылы, Хрыста не знайшлы.
 — Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
 — Занесла жъ ёго на круту гору.—
 Гору скопалы, Хрыста не знайшлы.
 — Пресвята Диво, де Хрыста дила?—
 — Занесла жъ Хрыста по-пидь небеса.
 Вы—те, небеса, рoстворитeся,
 Янголы Хрысту уклонитeся!

(С. Запрудье, Ковельск. у.)

№ 17.

Ой сивъ Хрыстось та вечеряты,
 Щедрый вечерь, добрый вечерь!

Прійшла до ёго та Божая Маты.

Щедрый вечерь, добрый вечерь! ¹⁾

— Ой сыну мій, сыну мылый!

Прошу жъ тебе ключи даты.—

— На що, Маты, ключи даты?—

— Гришни души выпускаю,

На свить биый погуляю.

Тильки жъ тея не пустыю,

Що тяженько зогришыла

И покуты не зложыла:

Що батенька не слухала,

Ридну неньку зневажала

И простыты не вблагала,

Що пьяныци не глядила,

Що сыроту окривдыла.—

(Звягель,—г. Новоградволинскъ.)

Въ такихъ колядкахъ, какъ приведенныя, нѣкоторые видятъ отраженіе апокрифической литературы, считаютъ даже, что именно она и создала ихъ. Но что такое самыя апокрифы?.. Развѣ они, эти произведенія непризнанныхъ книжниковъ, не содержатъ въ себѣ элементовъ бродячихъ народныхъ вымысловъ, знакомыхъ подробностей, привычныхъ образовъ, подходящихъ къ извѣстной ситуаціи?

Такимъ образомъ и въ приведенныхъ колядкахъ развѣ подробности, при которыхъ Дѣвѣ Маріи удастся уйти отъ преслѣдующихъ жидовъ и спрятать сына, не напоминаютъ подробностей нашихъ сказокъ,—ухода доброй царевны или царевича отъ змія, или злой мачехи?

Таковы колядки-легенды. Онѣ, какъ мы видѣли, имѣютъ глубокіе корни въ до-христіанскихъ миѳическихъ представленіяхъ: христіанское книжное вліяніе не породило ихъ, а легло добавочными красками на ихъ старую основу, которая довольно прозрачно сквозь нихъ просвѣчиваетъ.

¹⁾ Послѣ каждого стиха.

Съ точки зрѣнія, такъ сказать, психологической, христіанское вліяніе все же внесло элементъ морализующій. Въ то время какъ колядка-веснянка болѣе жизнерадостна, эта болѣе вдумчива,—въ ней нерѣдко выдвигается вопросъ о грѣхѣ и покаяніи. Правда, и въ этомъ направленіи можно находить старыя прототипы: такъ, есть у насъ богатая вариантами древняя колядка-легенда о томъ, какъ мѣсяць звалъ съ собою «сестрыцю зорю», она же отказалась, пошла на землю—посмотрѣть, такъ ли живутъ люди, какъ должно, какъ было «въ передь-вику», и находить, что не такъ: «братъ на брата мечъ пидіймае», «сестра на сестру чары готуе» и т. д. Правда, интересъ къ этимъ этическимъ вопросамъ выражается въ очень наивной формѣ: такъ, зорю прежде всего интересуетъ,—«чы сытять меды, чы варять пыво» къ «роковымъ» праздникамъ?..

Въ колядкахъ, затронутыхъ элементомъ христіанскимъ, эти вопросы опущены, берутся только вопросы болѣе важныя; затѣмъ относительно «гришной души» выдвигается играющее такую большую роль въ кругу христіанскихъ идей—покаяніе (напр., въ послѣдней колядкѣ: «которая зогришыла и покуты не зробыла»... «ридну неньку зневажала и простыты не вблагала»...)

Относительно музыкальныхъ мотивовъ, на которые поются колядки этого типа, можно сказать, что многія изъ нихъ поются на мотивы прежніе; но въ нѣкоторыхъ мелодіяхъ слышатся уже минорныя ноты. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія, по задушевности минорной мелодіи, послѣдняя колядка («Ой, сивъ Христось та вечераты»), довольно распространенная, исполняемая, съ незначительными вариациями, «по всіхъ Украинахъ».

Не могу не привести здѣсь одной сценки, связанной въ моемъ воспоминаніи съ этой колядкой

Это было очень давно, еще въ дни моего «невозвратнаго дѣтства»,—въ полтавской губ., въ г. Гадячѣ. Былъ одинъ изъ рождественскихъ вечеровъ; старшіе куда-то уѣхали, оставивъ насъ, дѣтей, на вѣрномъ попеченіи разныхъ Улянъ и Марынъ (тогдашнихъ нашихъ крѣпостныхъ),—съ которыми-то мы и сидѣли въ

дальней комнатѣ, гдѣ помѣщались ближайшія дворовыя женщины. Какъ мы, такъ и всѣ остальные были довольно свободны въ своемъ времяпрепровожденіи; хорошо помню, что мы, въ сообществѣ нашего друга дѣтства, «Параскы малою», занимались перетапливаніемъ въ серебряной ложкѣ, на свѣчкѣ, кусочковъ сахара,—для того чтобы вылить этотъ сплавъ въ чашку съ водой и получить леденецъ (въ то далекое время конфеты, даже для наискыхъ дѣтей, не были такимъ банально доступнымъ благомъ, какъ теперь). Во время нашихъ кондиторскихъ занятій, пришли колядники, взрослые хлопцы,—тоже «паши», изъ нашего ближайшаго хутора. Ихъ было всего двое; вѣроятно первые дни они колядовали у себя, теперь же, попавши въ городъ, зашли и къ намъ, «до своихъ папивъ». Ихъ позвали въ комнаты, и мы даже оставили для нихъ свое занятіе. Надо полагать, что, по обычаю, они пропѣли вначалѣ кому-нибудь изъ насъ,—на то время представлявшихъ хозяевъ,—соотвѣтствующую величальную колядку. Можетъ быть, это было что-нибудь въ родѣ «Ой ягідочко, красна панночко, N!».. Эта колядка также памятна мнѣ еще съ тѣхъ временъ; но почему то вызываетъ всегда въ моей памяти цѣлую гурьбу колядующихъ, стоящихъ подъ окномъ нашего отцовскаго дома и потомъ призываемыхъ «у горницы»; въ этотъ же разъ колядовавшихъ было всего двое и изъ пѣнія этихъ случайныхъ колядниковъ у меня осталась въ памяти не эта, или подобная ей свѣтло-веселая колядка, а именно эта -- «Ой сивъ Хрыстось та вечеряты!...» Былъ ли у главнаго пѣвца особенно хорошій голосъ, или же сами слова и трогательная мелодія колядки могли на насъ,—(составлявшихъ эту наивную аудиторію, не слыхавшую ни концертовъ, ни оперъ)—произвести такое впечатлѣніе, но только я и теперь, черезъ многіе годы, какъ будто вижу передъ собою стоящихъ у двери колядниковъ, какъ будто слышу: «...Прыйшла до Ёго та Божая Маты, щедрыи вечеръ»!.. Можетъ быть, пѣніе было особенно проникновеннымъ, но только я хорошо помню, что наша главная пѣстунья, баба Марына, заплакала, а за нею и мы, дѣти... Такую роль играютъ колядки среди непосредственной аудиторіи...

Съ тою же колядкою я встрѣтилась опять, спустя значительное время,—на Волыни, гдѣ я жила уже своимъ домомъ, въ Звягль (такъ мѣстные люди зовутъ этотъ уѣздный городокъ, перекрещенный официально въ Новоградволыщскъ). Признаюсь, что въ первое же Рождество, которое я тамъ проводила, я, въ своей полтавской самомнительности, происходившей отъ певѣжества, была очень удивлена, что «и на Волыни» колядуютъ,—да еще такъ похоже, какъ «у насъ въ Гадячѣ!..» Пришелъ къ намъ и лирникъ (ихъ на Волыни и теперѣ довольно много); онъ былъ уже знакомъ съ нашимъ домомъ, такъ какъ я даже записывала отъ него нѣкоторыя псалмы и пѣсни; по случаю Рождественскихъ праздниковъ онъ зашелъ тоже къ намъ, поколядовать. Онъ спѣлъ, подъ аккомпаниментъ своей лиры, нѣсколько «божественныхъ» колядокъ, потомъ одну-двѣ попроще. И какая странная игра случая: въ числѣ ихъ оказалась, съ незначительными вариациями, та жъ самая колядка:—«Ой сивъ Христось та вечеряты»!.. Собственно говоря, страннаго ничего не было въ этомъ совпаденіи: вѣроятно, многія изъ приводимыхъ мною въ этихъ двухъ главахъ волынскихъ колядокъ покажутся моимъ лѣвобережнымъ землякамъ въ общемъ похожими на давно знакомыя имъ колядки, которыя они слышали далеко отъ Волыни... Но, понавши, между прочимъ, на ту колядку, которая оставила такой глубокой слѣдъ въ моей душѣ, печальная лира волынскаго лирника особенно меня тронула. Снова поднималось умиленное чувство, снова хотѣлось заплакать, какъ въ тѣ далекіе дѣтскіе годы...

Здѣсь мы опять пришли къ тому вопросу, о которомъ я уже упоминала въ первой главѣ,—къ вопросу о языкѣ, которымъ поетъ и говоритъ народъ на Волыни. Напоминая о предубѣжденіи противъ этого языка со стороны моихъ земляковъ, возражая на это предубѣжденіе, которое, можетъ быть, основано лишь на незнакомствѣ съ предметомъ, а слѣдовательно могло бы исчезнуть при большемъ знакомствѣ съ нимъ (какъ это и показалъ мой личный опытъ),—я спрошу въ заключеніе: гдѣ въ этихъ 27 объемахъ народныхъ волынскихъ пѣсень, приводимыхъ въ этихъ

двухъ главахъ, можетъ быть усмотрѣнъ «испорченный языкъ», «смѣсь польскаго съ жидовскимъ?» Кто не признаетъ въ этихъ волынскихъ пѣсняхъ чисто малорусскій языкъ,—быть можетъ даже лучше сохранившійся, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ?

О. Пчилка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 гг. Въ архивѣ покойнаго А. М. Лазаревскаго имѣется подлинное дѣло гродскаго Нѣжинскаго суда 1777 года подъ заглавіемъ: «Дѣло по репортамъ полку Нѣжинскаго сотенныхъ канцелярій о проискваніи въ техъ сотняхъ розъездною и обходною командами волшебниковъ, составляющихъ вреднія питія, и о притвержденіи обывателямъ в обереженіи себе от того». Несмотря на многообъщающее заглавіе, здѣсь, собственно говоря, нѣтъ никакого дѣла, а есть лишь пустая канцелярская переписка, возникшая по такому необычайному поводу. Въ концѣ 1776 или въ самомъ началѣ 1777 г. въ Почепской волости, въ селѣ Витовкѣ, былъ обнаруженъ маловѣроятный случай, будто какіе-то „злодѣи волшебники наповали вреднимъ зеліемъ посполитыхъ онога села Василія Кормаченка с товарищи и протчихъ жителей“. Подробности этого страннаго происшествія остались невыясненными, виновники преступленія не были задержаны, и это обстоятельство побудило Нѣжинскій гродскій судъ разослать въ сотенныя канцеляріи указы (отъ 27 марта 1767 г.) съ предписаніемъ разыскивать «оныхъ злодѣевъ волшебниковъ по ихъ примѣтамъ, тако жъ и другихъ такихъ же злочинцовъ между шатающимися безпашпортными и проезжающими по какимъ-либо пашпортамъ прилѣжно присматривать, не будетъ ли кто гдѣ зелія и вреднаго питія составлять, и всѣ мѣры к поимки таковыхъ употреблять и за поимкою тотъ же часъ представлять на уряды», при чемъ въ указахъ было обѣщано 20 рублей «награжденія тому, кто таковаго злодѣя или таковія зелія составляющаго объявит и зобличить; и кто би къ тому приличной

оказался и пойманъ былъ, и какого онъ званія и куда отправленъ»; равно и вообще объ успѣхѣ этихъ розысковъ ежемѣсячно рапортовать городскому суду, «а обывателямъ в обереженіи себе от оныхъ волшебниковъ притверждать».

Такъ какъ Почепская волость, гдѣ были обнаружены преступныя дѣйствія отравителей, въ Стародубскомъ полку, а указы объ ихъ поимкѣ разсылаетъ Нѣжинскій городскій судъ, то слѣдуетъ предполагать, что подобныя распоряженія быди сдѣланы по всѣмъ малороссійскимъ полкамъ или, по крайней мѣрѣ, сосѣднимъ съ Стародубскимъ; но въ лежащемъ передъ нами «дѣлѣ» мы имѣемъ лишь донесенія сотенныхъ канцелярій Нѣжинскаго полка, и при томъ не всѣхъ, а лишь пяти: Батуринской, Кролевецкой, Шаповаловской Веркѣвской и Бахмачской. Всѣ онѣ, изъ года въ годъ, ежемѣсячно рапортовали городскому суду, что «во исполненіе Е. И. В. указу, таковыя волшебники розѣздною и обходною командами проискиваются и обывателямъ в обереженіи себе от того притверждается, токмо въ истекшемъ мѣсяцѣ нѣкого с таковыхъ злочинцовъ не сискано и о составлѣваніи кымъ-либо таковаго вреднаго зѣлля нѣ отъ кого не представлѣвано». А сотникъ батуриискій неизмѣнно рапортовалъ, что въ его сотнѣ «какъ чародѣевъ и чародѣйницъ, такъ волшебныковъ и волшебницы в семь мѣсяцѣ не сискалось».

Напомнимъ, что связка рапортовъ, которой мы пользуемся, относится къ 1777 году, значить рапортованіе продолжалось уже 11 лѣтъ, послѣ вызвавшаго его событія. Долго ли еще тянулись эти безцѣльные розыски и канцелярскіе рапорты—не извѣстно.

О. Л.

Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы. Время основанія Полтавы—въ точности неизвѣстно. Есть свѣдѣніе, что она была основана въ 1608 году ¹⁾, но свѣдѣніе это врядъ ли можно считать вполне достовѣрнымъ ²⁾. Вопросъ о времени основанія Полтавы, равно какъ и о происхожденіи ея названія былъ очень внимательно обследованъ Л. В. Падалкой ³⁾, но Л. В. Падалка не рѣшилъ вопроса,

¹⁾ Кіев. Ст. 1900 г. т. 69. Отд. II, стр. 161.

²⁾ Кіев. Ст. 1891 г. т. 34. Стр. 359.

³⁾ Чтенія въ Общ. лѣт. Нестора, кн. X. Отд. II, стр. 15 и слѣд.

а высказалъ только рядъ болѣе или менѣе основательныхъ и интересныхъ соображеній, которыя могутъ быть еще очень оспариваемы. Съ этой точки зрѣнія является не лишеннымъ интереса и мнѣніе по этому вопросу, высказанное извѣстнымъ славистомъ О. М. Бодянскимъ въ одной изъ его раннихъ критическихъ статей. Мнѣніе это помѣщено въ примѣчаніи къ разбору «Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, собранныхъ В. Н. С.»¹⁾.

«Замѣчательнѣе случай, подавшій поводъ къ названію Полтавы—говоритъ О. М. Бодянской. Въ 1608 году, по словамъ одной малороссійской лѣтописи (издан. Рубаномъ), козакъ миргородскаго полка *Масло* вышелъ съ шестью семьями изъ *Олтавы* (Олты и Голты), бывшей тогда малороссійскимъ городомъ, поселился на мѣстѣ нынѣшней Полтавы, которую, вѣроятно, и назвалъ по имени прежняго своего жительства *По-Олтавою* (о-оо) *Полтавою*, (оо-у) Пултавою, *По-Олтвою*, т. е. *дрною*, *новою Олтавою*. Самая же *Олтава*, безъ сомнѣнія, названа по рѣкѣ Олтавѣ, при которой и рѣкѣ Пслѣ она находится, и въ которую впадаютъ еще двѣ маленькія рѣчки одна *Олтава—Олшана*, а другая *суха Олтва* (см. карту Украины Боплана). Но откуда сіи рѣчки получили свое названіе? Для рѣшенія сего нужно сообразить такое же имя одной изъ рѣкъ, при которой стоитъ Переяславъ (Переяславъ малороссійскій, или, какъ говоритъ Никоновская лѣтопись, *Переяславъ Русскій, иже въ Києвъ*, именно рѣки *Алты*, по Нестору *Олты*, *Олуты* (по малоросс. *Илты*, уменьш. *Ильтыци* (а-о-и); припомнить объ одной провинціи Руссовъ Черноморскихъ и столичномъ ихъ городѣ, названныхъ по словамъ арабскихъ писателей: *Иби-ел-Варди* (около 1232) и *Касвини* (въ первой полов. XIV стол.), Атлава (Отлава, Олтава, а-о-т переставлено), Глава (Отлава, Лтава, Олтава); далѣе въ Валахіи есть рѣка *Алута* и еще, не помню гдѣ, другая какая то *Алута*. Многія украинскія рѣки имѣютъ названія совершенно непонятныя для самихъ украинцевъ, напр. *Ворьсколь*, нынѣ *Ворскла*, *Супой*, *Псѣль*; подобныя встрѣчаются и на Кавказѣ: *Субай*, *Пса*, *Псѣ*; также въ степяхъ кавказскихъ и за-уральскихъ находится и озеро *Ильмень*». (Телескопъ, 1834 г. кн. XXI. Критика, стр. 345—346).

Н. В-го.

¹⁾ Телескопъ, 1834 г., кн. XXI. Критика, стр. 345.

Къ біографіи Кіевскаго митрополита Серапіона Александровскаго. Письмо м. Серапіона къ сенатору тайному совѣтнику С. С. Кушникову, предсѣдателю Дивановъ Молдавіи и Валахіи—1809 г.

Превосходительный Господиный,
Милостивый Государь!

Въ уваженіе особы Вашей, по почтеннѣйшему Вашему писанію и по отношенію ко мнѣ Высокопреосвященнаго Гавріила митрополита и Экзарха, уволилъ я изъ Кіевской епархіи въ молдо-влахійскую митрополию регента, коллежскаго регистратора Петра Гетопанова. Что же увольненіе его мною было замедлѣно,—хотя съ моею непріятностію, а объяснить я долженъ, что виною тому самовольная его, безъ всякаго моего вѣдома, изъ моей въ другія епархіи отлучка, а затѣмъ послѣдующіе не только непріятные, но и оскорбительные для меня и для всего дому моего его поступки, кои въ послужномъ о немъ, посланномъ изъ Кіевской дикастеріи въ молдо-влахскую, спискѣ всѣ означены; однако, во всемъ, такъ какъ и въ причиненномъ имъ чрезъ то мнѣ личномъ оскорбленіи, ояъ совершенно мною прощенъ, а по-сему и отъ законнаго за все сужденія освобожденъ. Въ прочемъ, я съ истиннымъ моимъ къ особѣ Вашей почитаніемъ честь имѣю пребыть навсегда Вашего Превосходительства, милостиваго государя покорнѣйшій слуга и богомолецъ Серапіонъ митрополитъ Кіевскій.

№ 29-й.

Марта 3 дня 1809 г. Кіевъ.

Примѣч. Приведенное письмо будетъ не безъинтересно для характеристики Кіевскаго митрополита *Серапіона Александровскаго* (1803—1822 г.г.), еще ожидающаго своей полной біографіи.—Мы помнимъ еще его ставленниковъ, священниковъ Кіевской епархіи, въ домахъ которыхъ, рядомъ съ рукоположительной грамотой, надписанной извѣстнымъ его четкимъ, стариннымъ, весьма красивымъ почеркомъ, висѣлъ и портретъ его. Памятно намъ, какъ впечатлѣніе дѣтства, это лицо его на рисункѣ—съ большою окладистою бородою, при чемъ на усахъ и подъ нижнею губою совсѣмъ не было волосъ¹⁾.

¹⁾ Кстати—о портретѣ м. Серапіона. Существуетъ очень искусно сдѣланный *силуэтъ его*—въ альбомѣ извѣстнаго въ Петербургѣ и Москвѣ послѣднихъ временъ Екатерины II и Павла I силуетиста *Фридриха Антинга*—снятый въ бытность Серапіона въ Москвѣ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ Московск. митрополита *Платона Левшина*.

Тихость нрава, миролюбіе, аккуратность и точность въ служебной и домашней жизни были, какъ это видно изъ разсказовъ о немъ лично знавшихъ его и изъ документовъ, отличительными чертами этого кievскаго архипастыря. Онъ ежедневно велъ записи въ своемъ *домашнемъ журналѣ*, гдѣ отмѣчалъ кратко, но рельефно—съ примѣсью лагынн— всѣ переживаемыя имъ впечатлѣнія жизни—и крупныя и мелкія... Извлеченія изъ этого Серапіоновскаго дневника напечатаны покойнымъ проф. Кіевской Академіи и университета св. Владімира *Фил. Ал. Терновскимъ* († 1884 г.) отчасти въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи“ 1880-хъ г.г., а отчасти въ «Кіевской Старинѣ». О регентѣ Серапіона *Петръ Гетопановъ*, котораго онъ уступилъ молдо-влахійскому экзарху Гавріилу, и о дальнѣйшей судьбѣ этого, повидимому, безпкойнаго челоуѣка мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.—Любопытенъ фактъ послѣдняго времени жизни м. Серапіона. Тогда какъ другіе архипастыри, несмотря на свою старость и дряхлость, рѣдко желали добровольно оставлять службу, а считали для себя лучшимъ, какъ говорится, *in cathedra mori*,—а если и отказывались по необходимости отъ власти, то обыкновенно пристраивались или были пристраиваемы при какомъ-либо монастырѣ,—митр. Серапіонъ самъ добровольно уволился отъ службы и доживалъ послѣдніе свои годы въ Кіевѣ—въ *частномъ* домѣ, купленномъ имъ вблизи Кіево-Софійскаго собора, пользуясь уходомъ и услугами своихъ ближайшихъ родственниковъ—именно родной сестры и племянницъ¹⁾. Здѣсь онъ и скончался въ 1824 г. Сколько намъ извѣстно, бумаги его домашнія съ теченіемъ времени перешли къ проф. Кіевской дух. Академіи протоіерею *Александрю Мих. Воскресенскому*, который, по женѣ своей—кіевлянкѣ,—приходился родственникомъ м. Серапіону. Онъ-то, т. е. Ал. М. Воскре-

---

Подъ силуэтомъ есть и собственноручная подпись Серапіона—на латинскомъ языкѣ—слѣдующая:

„Vivos exanguis imago refert vultus
Efficat hoc docti artificis manus.

Serapion, Dei gratia episcopus Dnitrovensis“.

(Смотр. *Русскій Архивъ*—1899 г. № 5, стр. 136-я въ статейкѣ: „Замѣтка объ Альбомѣ Антинга“.

¹⁾ Одна изъ его племянницъ вышла замужъ за *Тимофея Сухобрусова*, который былъ сначала священникомъ въ Троицкой церкви и жилъ у тещи своей въ домѣ, купленномъ Серапіономъ; послѣ онъ былъ ключаремъ Кіево-Софійскаго собора и скончался въ 50-хъ годахъ XIX в.

сенскій и передалъ вышеупомянутый *дневникъ* Серапіона Ф. А. Терновскому.

Выше помѣщенное письмо м. Серапіона къ Кушникову списано нами еще въ 1880 г. съ подлинника, хранившагося въ Архивѣ Бессарабскаго Губернскаго Правленія—въ отдѣлѣ его такъ называемомъ: «Архивъ господъ сенаторовъ» (1809 г. № 492: «дѣло о присылкѣ изъ Кіева къ его высокопреосвященству митрополиту и экзарху Гавріилу регента, коллежскаго регистратора Гетопанова). Во время турецкой войны 1808—1812 г.г., кончившейся присоединеніемъ къ Россіи Бессарабіи,—русскія войска заняли княжества Молдавію и Валахію и утвердили въ нихъ русское управленіе—и гражданское и церковное. Первымъ представителемъ русскаго гражданскаго управленія въ княжествахъ былъ сенаторъ, тайный совѣтникъ *Сергій Сергѣевичъ Кушниковъ* (1808—1810 г.г.), а послѣ него—сенаторъ *Вас. Ив. Красно-Милашевичъ*. Они носили титулъ «Предсѣдательствующій въ Диванахъ Молдавіи и Валахіи». Представителемъ же русскаго церковнаго управленія—во весь означенный періодъ—съ титуломъ экзарха св. Синода былъ митропол. *Гавріиль Банулеско-Бодони*, предшественникъ по кіевской митрополіи Серапіона. Уволенный въ 1803 г. отъ управленія кіевской митрополіей (*причины этого увольненія еще досель не разъяснены*), м. Гавріиль Банулеско проживалъ нѣкоторое время *на покое*—начала въ Одессѣ, а потомъ въ Дубоссарахъ; но затѣмъ, по занятіи Россіей Молдавіи и Валахіи, найденъ былъ наиболее подходящимъ лицомъ для занятія поста представителя власти русскаго св. Синода въ этихъ княжествахъ. Когда же, по заключеніи мира съ Турціей,—къ Россіи отошла только Бессарабія,—тогда всѣ письменныя *дѣла*,—какъ по гражданскому, такъ и по церковному управленію княжествъ—въ періодъ оккупациі ихъ Россіей—переведены были изъ Яссъ въ Кишиневъ, и первыя—подъ именемъ «Архива господъ сенаторовъ»—легли въ основу нынѣшняго Бессарабскаго Губернскаго (прежде—областного) архива, а вторыя—т. е. по управленію экзарха Гавріила—составили начало нынѣшняго Архива Кишиневской духовной консисторіи. Оба эти Архива заключаютъ въ себѣ богатѣйшій матеріалъ вообще для исторіи русской, въ частности—для исторіи бытовыхъ отношеній Малороссіи къ Молдавіи и Валахіи, существовавшихъ между этими народностями споконъ вѣка; въ особенности же для исторіи заселенія Бессарабіи, послѣ присоединенія къ Россіи, бывшими *запорожскими выходцами*, возвращавшимися изъ-за границы, а

также выходцами—бѣглыми крестьянами изъ Кіевщины, Подоліи и Волыни ¹⁾... Къ сожалѣнію, архивы эти доселѣ не обращали на себя должнаго вниманія изслѣдователей. Только въ послѣднее время, съ учрежденіемъ Бессарабской губернской ученой архивной комиссіи, сокровища этихъ архивовъ начали выступать на свѣтъ Божій... Комиссія эта пріобрѣла себѣ замѣчательнаго дѣятеля—въ лицѣ нынѣшняго правителя ея дѣлъ, кандидата Кіевской д. академіи Ивана Николаевича Халиппы... Подъ его редакцію вышло уже два тома «Трудовъ Бессарабской ученой Архивной Комиссіи», наполненныхъ, въ существенныхъ своихъ частяхъ, работами самого Ив. Ник. Халиппы, который, по своей талантливости, по своей горячей любви къ изысканіямъ въ области Бессарабской старины и по рѣдкому трудолюбію, составляетъ просто кладъ для Бессарабіи... Въ вышедшихъ двухъ томахъ «Трудовъ Бессарабской Архивной Комиссіи» И. Н. Халиппа уже началъ помѣщать и свое подробное описаніе «Архива гг. сенато-

---

¹⁾ Въ хронологическомъ порядкѣ—за Архивомъ сенаторовъ— слѣдуетъ „Архивъ канцеляріи г. полномочнаго намѣстника Бессарабской области“. Въ 70-хъ годахъ и мы имѣли возможность нѣсколько познакомиться съ этими архивами, коимъ есть предметно-хронологическая и алфавитная опись. Вотъ заглавіе нѣкоторыхъ изъ дѣлъ, намѣченныхъ нами тогда для разсмотрѣнія: 1) на букву Г: „Гуменный Степанъ“ выходець, 1882 г., „Грищенко Андрей“—выходецъ; „Губа Петръ и Чарминдеръ Кузьма“—выходцы, 1823 г.; „Гусь Иванъ Запорожець“, 1825 г.; „Гоголь-Яновскій и Воскобойниковъ штабсъ-капитанъ“, 1821 г.; 2) На букву Л: „Люди разнаго званія, населяющіе Бессарабію“, 1817 г.; „Ляшенко Запорожець“, 1822 г.; „Левченко Запорожець“, 1824 г.; „Люди изъ-за границы“, 1825 г.; 3) На букву Н: „Навроцкій Иванъ, турецкій запорожець“, 1824 г.; „Неводченко-выходецъ; Никитенко-Потай, турецкій выходець; Негода Петръ, турецкій запорожець“, 1824 г.; 4) На букву С: „Скарбекъ графъ военно-плѣнный - 1816 г.; Суботный Иванъ—выходецъ, 1818 г.; Сербиновичъ Леонтій (онъ же уніатскій священникъ), 1819; Степуринъ Ѳ., Стирный, Скоробогатенко,—запорожцы; Иванъ Сидоровъ запорожець; Смерть отъ голода въ селѣ Градештахъ, 1823 г.; Старгоусъ—выходецъ“; 5) разныя буквы: „Ефименко, некрасовець, 1826 г.; Нерубаенко и бѣжавшіе съ нимъ великороссійскіе народы (sic!)—1826 г.; Запорожцы Стаси—1226; Запорожець Перхогубъ—1821 г.; Петровъ Иванъ—малороссъ—1823 г., Нечай—выходецъ—1821 г., Щербакъ запорожець, 1825 г. и проч.. Въ 1885 г. полныя выписки изъ этихъ и другихъ подобныхъ „дѣлъ“ сдѣлалъ, по нашей просьбѣ, Кириллъ Тимофеевичъ М-чъ, бывшій тогда преподавателемъ Кишиневскаго духовнаго училища. Но теперь нѣтъ у насъ подъ руками этой любопытной рукописи...

ровъ» и во 2-мъ томѣ довелъ его уже до № 300 (а всѣхъ №№—4415, въ 95 связкахъ).—Отъ всей души желаемъ ему успѣха въ добровольно взятомъ имъ на себя великомъ подвигѣ. «Боже помози!»...

Сообщ. Л. М.

9

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. *Заботы генерал-губернатора Анненкова о строеніи въ юго-западномъ краѣ православныхъ храмовъ и снабженіи ихъ утварью.* 10 апрѣля 1864 г. генерал-губернаторъ Анненковъ обратился къ супругѣ кіевскаго уѣзднаго предводителя дворянства Бутовича, Софьѣ Васильевнѣ, съ письмомъ, въ коемъ сообщалъ, что, по всеподданнѣйшему его докладу, государь императоръ высочайше соизволилъ на отпускъ до 400 тыс. р. изъ казны на строеніе православныхъ храмовъ въ губерніяхъ юго-западнаго края, съ приглашеніемъ благотворителей по всей имперіи къ добровольнымъ приношеніямъ. «Зная усердіе Ваше къ святой вѣрѣ и благотворенію, а также что подъ руководствомъ Вашимъ вышиваются разныя вещи, приносимыя въ жертву церквамъ, я счелъ долгомъ довести о сказанной выше Монаршей волѣ до Вашего свѣдѣнія, на тотъ конецъ, не изволите ли признать возможнымъ церковныя приношенія Ваши и Вашихъ сотрудницъ распространить и на здѣшній край»... писалъ между прочимъ Анненковъ. 17 мая полученъ отвѣтъ: «движимая усердіемъ къ святой вѣрѣ, я нѣсколько лѣтъ уже занимаюсь работами въ пользу православной церкви и поставленіемъ церковной утвари въ болѣе нуждающіеся храмы. Учредивъ въ зимніе мѣсяцы, по пятницамъ, вечера для работъ, я, по благодати Божіей и при содѣйствіи моихъ сотрудницъ, успѣла пріобрѣсти церковной утвари и облаченій 800 предметовъ. Предметы эти были разсылаемы мною въ разныя епархіи Россійской имперіи, а также на Востокъ. Кромѣ отпращенныхъ вещей, находится у меня въ остаткѣ до 150 разнородныхъ предметовъ, которые нынѣ же, по назначенію Вашего Высокопревосходительства, могли быть распредѣлены въ болѣе нуждающіеся приходы въ краѣ, ввѣренномъ управленію Вашему». Далѣе она писала: «Я бы полагала необходимымъ открыть общество святой Ольги, на подобіе существующихъ уже въ столицѣ и другихъ городахъ Имперіи»... Прилагался проектъ устава. Общество поставляло себѣ ближайшею цѣлью снабженіе приличною утварью церковей въ предѣлахъ ге-

нераль-губернаторства (облаченія, покровы, плащаницы, священные сосуды, иконы, книги и т. п.). Часть предметовъ предполагалось приобрѣтать, а что возможно, изготовлять руками членовъ. Въ цѣляхъ выполненія заказовъ и принятія на себя посредничества—имѣлось въ виду учрежденіе собственной мастерской. Предсѣдательство предлагалось супругѣ генераль-адъютанта Анненкова. Попечителемъ имѣлъ быть митрополитъ кievскій. Членами распорядителями назывались: предсѣдательница, ея помощница; непремѣнный членъ изъ состава православнаго духовенства, казначей, секретарь и его помощникъ. Общество составлялось изъ трехъ категорій членовъ: почетныхъ, жертвующихъ не менѣе 50 р. ежегодно; дѣйствительныхъ—жертвующихъ не менѣе 12 р., и сотрудниковъ—содѣйствующихъ цѣлямъ общества личнымъ трудомъ, или сборомъ пожертвованій. Въ маѣ 1864 г. Уставъ представленъ въ С.-Петербургъ, но, полагать можно, утвержденъ не былъ, ибо въ іюль уже, при Софійскомъ соборѣ, открыло дѣйствія Свято-Владимірское братство, и, на запросъ генераль-губернатора о судьбѣ Ольгинскаго Общества, въ дѣлѣ не содержится отвѣта.

Къ исторіи нѣмецкихъ колонистовъ на Волынѣ. Во время проѣзда императора Николая I 15 сент. 1847 года въ г. Дубно была подана ему жалоба уполномоченными незадолго поселившихся тамъ будто бы до 200 семействъ нѣмцевъ.

По ихъ заявленію, владѣлецъ города, князь Любомирскій весною 1845 г. пригласилъ ихъ къ себѣ изъ Царства Польскаго, гдѣ заработки стали слишкомъ скудны. Владѣлецъ продолжаетъ быть милостивымъ, но полиція ихъ притѣсняетъ, не дозволяя пришельцамъ учредить отдѣльный, собственный нѣмецкій судъ, стѣсняя въ работѣ, произвольно лишая свободы и взимая за освобожденіе изъ-подъ стражи плату.

Колонисты не желали присоединяться ни къ городскому обществу, ни къ цехамъ, а просили Государя даровать имъ къ руководству *особый статутъ*, необходимый имъ въ виду незнакомства съ русскимъ языкомъ.

Дознавіемъ обнаружено, что нѣмцами открыты, безъ надлежащаго разрѣшенія, ткацкія фабрики, а въ многочисленныхъ пивныхъ и шинкахъ по ночамъ безобразничаетъ нѣмецкая молодежь.

Губернаторъ, доставляя свѣдѣнія главному начальнику края, высказывается за сохраненіе дѣйствующей у колонистовъ собственной

расправы съ подчиненіемъ таковой, однако же, Дубенскому ремесленному головѣ, избираемому всѣми ремесленными управами района.

Ближайшія распоряженія администраціи изъ переписки не видны.

Къ исторіи учрежденія графомъ Потоцкимъ крестьянскихъ пріютовъ. 26 мая 1847 года графъ Болеславъ Станиславовичъ Потоцкій просилъ генераль-губернатора разрѣшить ему „учредить собственнымъ коштомъ въ вотчинныхъ имѣніяхъ, подольской губерніи, брацлавскаго уѣзда, въ мѣстечкѣ Немировѣ пріютный, а въ с. Коваліовкѣ крестьянскій сиротскій, на 25 мужеска и 25 женска пола дѣтей дома“. Капиталь для содержанія крестьянскаго пріюта опредѣленъ въ 3000 р. сер. Учителя Немировской гимназіи изъявили согласіе давать уроки безденежно. Пріютъ въ Немировѣ на 46 чел. открытъ 21 апрѣля 1848 г.; въ томъ же мѣсяцѣ учрежденъ и Ковалевскій домъ, на что въ январѣ 1849 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Немировскіе евреи воспользовались сочувствіемъ графа Потоцкаго дѣлу народнаго образованія и выпросили у вотчинника, въ томъ же 1847 году, передачу имъ дома, въ которомъ пріютилось еврейское училище, обслуживавшее цѣлыхъ три уѣзда..

Сообщ. Алексѣй Мѣрдеръ.

Къ біографіи украинскаго философа Григорія Савича Сковороды. На XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ мною прочитанъ былъ рефератъ о первомъ (малороссійскомъ) періодѣ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды¹⁾, имѣвшій въ виду установить хронологическую канву жизни украинскаго философа въ этомъ періодѣ его жизни и намѣтить, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ вліянія, подъ которыми складывались философскія воззрѣнія Сковороды. Рефератъ этотъ, уже по напечатаніи его, вызвалъ нѣсколько важныхъ сообщеній, которыя существенно измѣняютъ нѣкоторыя сдѣланныя нами заключенія о разныхъ событіяхъ въ жизни Сковороды или восполняютъ пробѣлы въ его біографіи. Мы имѣемъ въ виду 1) списки студентовъ Кіевской духовной Академіи за 9 лѣтъ, съ 1736—7 по 1744—5 учебные годы, и 2) нѣсколько доку-

¹⁾ Напечатанъ въ Трудахъ Кіевской Дух. Академіи за декабрь, 1902 года.

ментовъ, объ учительствѣ Сквороды въ „прибавочныхъ классахъ“ при Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1768—9 учебномъ году.

I.

По словамъ біографа Сквороды, Мих. Ковалинскаго, Скворода родился въ 1722 г. въ селѣ Чернухахъ, Лубенской округи; послѣ домашняго обученія отданъ былъ отцомъ въ кievскую Академію, при вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны выбранъ былъ ко двору въ пѣвческую капеллу, но въ 1744 году, при возвращеніи императрицы изъ Кіева въ Петербургъ, «остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться». На этотъ разъ его сотоварищемъ по Академіи будто бы былъ Самуилъ Миславскій, впоследствии митрополитъ Кіевскій ¹⁾, что, повидимому, подтверждалось и спискомъ студентовъ Кіевской Академіи, переписывавшихъ для Кіевского митрополита Тимоѳея Щербацкаго полемическій трактатъ Адама Зерникова «Объ искожденіи Св. Духа»: въ этомъ спискѣ значатся и Скворода, и Миславскій ²⁾. О Самуилѣ же Миславскомъ извѣстно, что онъ окончилъ полный курсъ ученія въ Кіевской Академіи въ 1754 году, и слѣдов. въ 1744—5 году, въ которомъ Скворода вторично поступилъ въ Кіевскую Академію, учился въ классѣ грамматики ³⁾. А между тѣмъ означенные списки студентовъ Академіи за 1736—1745 годы совершенно опровергаютъ собою этотъ выводъ.

Списки эти хранятся въ архивѣ Св. Синода ⁴⁾. За первые два года въ нихъ обозначены ученики не только духовнаго, но и свѣтскаго происхожденія, тогда какъ въ спискахъ за остальные семь лѣтъ поименовываются только студенты духовнаго происхожденія. Ни въ тѣхъ, ни въ другихъ спискахъ нѣтъ имени Сквороды: въ первыхъ двухъ, конечно, потому, что Скворода въ 1736—7 и 1737—8 учебныхъ годахъ еще не учился въ Кіевской Академіи, а въ остальныхъ потому, что онъ былъ не духовнаго происхожденія. Но за то въ этихъ послѣднихъ спискахъ мы встрѣчаемъ имена школьныхъ товарищей Сквороды духовнаго происхожденія, вмѣстѣ съ которыми онъ переписывалъ впоследствии трактатъ Зерникова. Въ 1744 году, когда Ско-

¹⁾ „Сочиненія Гр. С. Сквороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалъемъ“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 2 и 3.

²⁾ Рукопись бібліотеки Кіево-Софійскаго собора, № 312.

³⁾ „Труды Кіевской Дух. Академіи“, декабрь, 1902 г., стр. 591.

⁴⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло 1737 г., № 380 въ пяти томахъ.

ворода вторично поступилъ въ Кіевскую Академію, они перенли въ классъ піитики. Между ними есть и Миславскій, но не Семень, какъ звали въ мірѣ Самуила Миславскаго, а Тимофей, тогда какъ Семень Миславскій въ этомъ году только-что поступилъ въ самый низшій классъ Академіи—аналогію или фару, и слѣдов. по ученію былъ мо- ложе Сковороды на 4 года¹⁾).

Если же Г. С. Сковорода, возвратившись въ 1744 году въ Кіев-скую Академію поступилъ въ классъ піитики, а съ другой стороны, его нѣтъ въ спискахъ за 1736—7 и 1737—8 годы, то слѣдуетъ за-ключить, что первый разъ онъ поступилъ въ Кіевскую Академію въ 1738—9 учебномъ году, четыре года учился здѣсь въ фарѣ или ана-логіи, инфимѣ, грамматикѣ и синтаксимѣ и въ 1742 году выбылъ въ придворную капеллу, пробывъ въ ней около двухъ лѣтъ.

Съ 1744—5 учебнаго года Сковорода уже не покидалъ Академіи вплоть до 1750 года, послѣдовательно проходя классы піитики, рето-рики, философіи и богословія. Въ 1744—5 году онъ былъ въ піи-тикѣ въ 1745—6 году въ реторикѣ, въ 1746—7 и 1747—8 годахъ въ философіи и въ 1748—9 и 1749—50 г.г. въ богословіи. Будучи въ богословскомъ классѣ, Г. С. Сковорода и участвовалъ въ пере-пискѣ трактата Адама Зерникова для кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербачкаго, посвященнаго въ этотъ санъ лишь весною 1748 года²⁾).

Опредѣливши точно годы ученія Г. С. Сковороды въ Кіевской Академіи, мы можемъ съ такою же точностію указать и непосред-ственныхъ учителей Сковороды по Кіевской Академіи и отчасти даже оставшіеся отъ нихъ учебники и учебные курсы. Въ фарѣ или ана-логіи, въ инфимѣ и грамматикѣ учителемъ Сковороды былъ іеродіа-конъ Сильвестръ Добрына, въ синтаксимѣ—Варлаамъ Иваницкій³⁾; въ піитикѣ—іеромонахъ Гедеонъ Слонимскій⁴⁾; въ реторикѣ—іеро-

¹⁾ Тамъ же, т. V, л. 360 и 376.

²⁾ „Труды Кіевской Дух. Академіи“, декабрь, 1902 г., стр. 591.

³⁾ Объ этихъ учителяхъ см. тамъ же, за май 1902 г., въ статьѣ Д. К. Вишневскаго „Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія“.

⁴⁾ Объ учителяхъ піитики и реторики см. тамъ же, за октябрь того же года. Экземпляръ рукописнаго учебника іеромонаха Гедеона Слонимскаго по піитикѣ, 1744—5 года имѣется въ распоряженіи про-фессора университета Св. Владиміра. Н. П. Дашкевича.

монахъ Тихонъ Александровичъ¹⁾ и Досиѳеѣй Галяховскій²⁾. Философію первый годъ слушалъ онъ у іеромонаха Гедеона Сломинскаго³⁾, а второй—у іеромонаха Георгія Конисскаго⁴⁾; богословіе же, около двухъ лѣтъ, слушалъ у ректора и профессора, архимандрита Сильвестра Ляскоронскаго⁵⁾. Въ учебникахъ и курсахъ этихъ профессоровъ, начиная съ піитики и по богословіе включительно, и нужно искать ключа къ разъясненію литературныхъ пріемовъ и религіозно-нравственныхъ воззрѣній Сквороды, начинавшихъ слагаться или сложившихся у него еще въ бытность студентомъ Кіевской Академіи. Особенное значеніе должны были имѣть для него философскія лекціи Гедеона Сломинскаго и Георгія Конисскаго и богословскія—Сильвестра Ляскоронскаго.

О дальнѣйшихъ похиженіяхъ Г. С. Сквороды, по выходѣ его изъ академіи и до 1766 года, въ настоящее время мы не можемъ прибавить ничего новаго. Въ 1750 году, прослушавъ около половины богословскаго курса, Г. С. Скворода отправился съ полковникомъ Гавриломъ Вишневымъ въ Токайскую миссію, въ Венгрію, пробылъ тамъ около 2½ лѣтъ и возвратился въ Малороссію уже въ первой половинѣ 1753 года. Въ этомъ же году онъ поступилъ въ учителя поэзіи въ Переяславскую семинарію, но вскорѣ былъ изгнанъ изъ нея переяславскимъ епископомъ Іоанномъ Козловичемъ и осѣнью того же года нанялся въ домашніе учителя къ малорусскому помѣщику Стефану Томарѣ. Въ 1754 году онъ оставилъ это мѣсто и въ концѣ этого года или въ началѣ слѣдующаго 1755 года отправился съ іеромонахомъ Владиміромъ Каллиграфомъ въ Москву и посѣтилъ Троице-Сергіеву Лавру и Троицкую семинарію, гдѣ свелъ знакомство и дружбу съ намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Кирилломъ Ляшевецкимъ. Но въ томъ же 1755 году Г. С. Скворода возвратился въ Переяс-

¹⁾ Начало учебника Тихона Александровича по реторикѣ, 1746 г., см. въ библиотѣ Кіево-Соф. собора, № 487.

²⁾ Учебникъ Галяховскаго по реторикѣ, 1746—7 г., подъ заглавіемъ *Institutiones Rhetoricae*, см. въ „Описаніи рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи“, Н Петрова, № 427, стр. 391.

³⁾ Объ его философскомъ курсѣ см. въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, октябрь, 1892 г., стр. 311 и 312.

⁴⁾ См. „Описаніе рукописей церковно-археологич. музея при Кіев. Дух. Академіи“, Н. Петрова, № 51, стр. 25, и № 565, стр. 548.

⁵⁾ Тамъ же, №№ 88 и 89, стр. 38 и 39.

славъ и снова поступилъ въ домашніе учителя къ тому же помѣщику Томарѣ и на этотъ разъ прожилъ у него около 4 лѣтъ. Въ 1759 году, по рекомендаціи архимандрита Гервасія Якубовича, Г. С. Сковорода приглашенъ былъ въ Харьковъ и, по волѣ мѣстнаго епископа Іоасафа Миткевича, занялъ должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ коллегіумѣ. Черезъ годъ онъ оставилъ эту должность, но въ 1762 году снова приглашенъ былъ въ учителя въ Харьковскій коллегіумъ и два года преподавалъ здѣсь синтаксису и греческій языкъ. Эту должность онъ оставилъ въ 1774 году, при новомъ Бѣлгородскомъ епископѣ Порфиріѣ Крайскомъ¹⁾. Но послѣдній эпизодъ изъ служебной дѣятельности Сковороды въ «прибавочныхъ классахъ» при Харьковскомъ коллегіумѣ мы имѣемъ возможность освѣтить нѣкоторыми новыми данными.

II.

«Прибавочные классы» при Харьковскомъ коллегіумѣ для дворянскихъ дѣтей проектированы были еще въ 1765 году. Предполагалось къ преподававшимся въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ «прибавить еще классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи». Но тогдашнему Бѣлгородскому епископу Порфирію Крайскому очень не понравился этотъ инородный придатокъ къ коллегіуму, и преосвященный употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы отклонить учрежденіе этихъ классовъ при коллегіумѣ. Они открыты были уже по смерти преосвященнаго Порфирія Крайскаго²⁾, скончавшагося 7 іюля 1768 года³⁾. Къ этому времени и относится послѣдняя попытка привлечь Г. С. Сковороду къ преподавательской дѣятельности.

Замѣчательно, что въ самый день смерти преосвященнаго Порфирія Крайскаго Г. С. Сковорода подалъ губернатору Щербинину прошеніе о назначеніи его преподавателемъ катехизиса въ «прибавочныхъ классахъ». Прошеніе это, писанное какимъ-то канцеляристомъ довольно безграмотно, только подписано собственноручно Г. С.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. въ моей статьѣ о Г. С. Сковородѣ, въ „Трудахъ Кіевской Дух. Академіи“, декабрь, 1902 года.

²⁾ „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“, А. С. Лебедева, Харьковъ, 1902 г., стр. 146—149.

³⁾ „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви“, Павла Строева, С.-Петербургъ, 1877 г., стр. 634.

Сковорода и, очевидно, подсунуто было ему для подписи уже въ готовомъ видѣ. Вѣроятно, позаботился объ этомъ самъ губернаторъ Щербининъ. Приводимъ самое прошеніе:

«Его Превосходительству опредѣленному в слободскую украинскую губернію с властію губернаторскою господину генераль-маиору лейб-гвардіи примеръ маиору и квалеру евдокиму алексеевичу Щербинину

Доношеніе.

Я предсимъ находился въ здѣшнемъ коллегіумскомъ монастыре учителемъ школы пѣтики, нынѣ же осведомился что надобность есть во вновь прибавочныхъ здѣсь классахъ в учителя для толкованія вступившимъ во оныя классы ученикамъ катахизиса, то к симъ трудамъ желаніе имею быть того катахизиса учителемъ; чего ради вашего превосходительства прошу об опредѣленіи меня в те классы в учителя, и о произведеніи жалованья в годъ пятидесяти рублевъ зъ свободною квартирою учинить разсмотрѣніе.

Къ сему доношенію учитель Григорій Сковорода руку приложилъ.

Іюля 7 дня 1768 году ¹⁾.

На слѣдующій день, 8 іюля, губернаторъ Щербининъ далъ такой приказъ по поводу приведеннаго прошенія Сковороды:

«1768 года іюля 8 дня.

Опредѣленный въ слободскую украинскую губернію съ властію губернаторскою, генераль-маиоръ лейбъ-гвардіи премьеръ-маиоръ и квалеръ Щербининъ по доношенію учителя Григорья Сковороды, которымъ объявляетъ, что онъ предъ симъ находился въ здѣшнемъ коллегіумскомъ монастырѣ учителемъ школы пѣтики, нынѣ же осведомился, что надобность есть во вновь прибавочныхъ здѣсь классахъ въ учителѣ для толкованія вступившимъ въ оныя классы ученикамъ катахизиса, то къ симъ трудамъ желаніе имѣеть онъ Сковорода быть того катахизиса учителемъ и тѣмъ доношеніемъ просить объ опредѣленіи его въ тѣ классы въ учителя и о произведеніи жалованья въ годъ пятидесяти рублевъ, съ свободною квартирою, *приказалъ*: оною

¹⁾ Архив. Харьков. Губерн. Правленія, дѣло 1768 г. „о прибавочныхъ классахъ“, л. 1. Копія любезно сообщена мнѣ архиваріусомъ Историческаго Архива при Харьковскомъ университетѣ Евг. Мих. Ивановымъ.

Сковороду причисля въ учителя, жалованья производить ему съ числа сего опредѣленія по пятидесяти рублевъ въ годъ, по опредѣленіямъ губернской канцеляріи, съ запискою въ расходную книгу, съ росписками, изъ входящихъ на содержаніе оныхъ прибавочныхъ классовъ получаемыхъ съ вступающихъ въ тѣ классы для наукъ вольныхъ дворянскихъ и прочихъ дѣтей, противъ учиненнаго и въ правительствующій Сенатъ представленнаго прожекту штата, 16 пункта, денегъ, о чемъ въ Слободскую Губернскую Канцелярію предложить и къ имѣющему въ дирекціи тѣ классы коллежскому ассессору господину Выродову ордеръ дать, съ тѣмъ, чтобы распоряженіе времени, въ которое ему Сковородѣ въ толкованіи ономъ катехизиса, упражняться, учинилъ онъ господинъ Выродовъ отъ себя, не повреждая нынѣшняго въ прочихъ наукахъ тамо теченія, и о томъ генераль-маіору и кавалеру репортовать бы.

Въ подлинномъ подписано такъ: Евдокимъ Щербининъ
протоколистъ Максимъ Павловъ¹⁾.

Въ «прибавочныхъ классахъ» Г. С. Сковорода преподавалъ свой предметъ и въ слѣдующемъ 1769 году. Объ этомъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая выписка изъ вѣдомости 13 апрѣля 1769 года о расходахъ на содержаніе «новоприбавочныхъ классовъ», представленной Щербинину директоромъ классовъ Николаемъ Выродовымъ: «учителю катахизиса Григорію Сковородѣ заслуженнаго жалованя двадцать три рубли»²⁾.

Но и въ «прибавочныхъ классахъ» Г. С. Сковорода былъ учителемъ недолго, не болѣе года, если не менѣе. Для своихъ учениковъ онъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодаго шляхетства харьковской губерніи». «Сочиненіе сіе,—говоритъ біографъ Сковороды Ковалинскій,—содержало въ себѣ простыя истины, краткія коренныя познанія должностей, относительныхъ до общежитія. Всѣ просвѣщенные люди признавали въ ономъ чистыя понятія, справедливыя мысли, основательныя разсужденія, чувствительныя побужденія, благородныя правила, движущія сердце къ подобному себѣ концу высокому; но какъ все то основывалось на познаніи Бога и достойномъ почтеніи онаго, то епископъ Бѣлградскій, бывший тогда епархіальнымъ, почитая такое раз-

¹⁾ Тамъ же, л. 2. Сообщено тѣмъ же Евг. Мих. Ивановымъ.

²⁾ Архивъ Харьков. Губерн. Правл., „связка о классахъ 1769, № 39. Сообщено Евг. Мих. Ивановымъ.

сужденіе въ устахъ свѣтскаго человѣка за похищеніе власти и преимуществъ своихъ, вознегодовалъ на него съ гоненіемъ: требовалъ книжицу на разсмотрѣніе; нашель нѣкоторыя неясности для него и сомнѣнія въ рѣчахъ и образъ ученія несоотвѣтствующій обыкновенному правилу; почему и препоручилъ своимъ спросить Сковороду, для чего онъ преподавалъ наставленіе христіанскаго благонравія различнымъ образомъ отъ обыкновеннаго. Сковорода отвѣтствовалъ: «дворянство различествуетъ знаніемъ и одѣяніемъ отъ черни народной и монаховъ: для чего же не имѣтъ оному и понятій различныхъ о томъ, что нужно знать ему въ жизни? Такъ ли, — продолжалъ онъ въ отвѣтъ, — государи разумѣеть и почитаетъ пастухъ и земледѣлецъ, какъ министръ его, военачальникъ, градоначальникъ? Подобно и дворянству такія ли прилично мысли имѣтъ о верховномъ существѣ, какія въ монастырскихъ уставахъ и школьныхъ урокахъ?—По семь отвѣтъ все замолчало»¹⁾).

Этотъ Бѣлгородскій архіерей, котораго біографъ Сковороды выставилъ передъ читателями въ невыгодномъ для него освѣщеніи, былъ не кто иной, какъ Самуиль Миславскій, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, котораго Сковорода, повидимому, считалъ своимъ школьнымъ товарищемъ по Кіевской Академіи и поставлялъ ниже себя по умственному развитію. Самуиль Миславскій хиротонисанъ былъ въ епископа Бѣлгородскаго 28 декабря 1768 года²⁾ и могъ вступить въ управленіе своей епархіи въ началѣ слѣдующаго 1769 года. Въ «прибавочныхъ классахъ», къ которымъ преосвященный Порфирій Крайскій отвесся такъ неблагосклонно, преемникъ его Самуиль Миславскій призналъ полезное дополненіе коллегіумской программы, почему и расписаніе учебныхъ часовъ въ коллегіумѣ и прибавочныхъ классахъ приказалъ составить такъ, чтобы для учениковъ коллегіума не было никакого препятствія къ хожденію въ эти классы³⁾. Весьма вѣроятно, что преосвященный Самуиль Миславскій обратилъ вниманіе и на Г. С. Сковороду, какъ преподавателя катехизиса въ «прибавочныхъ классахъ», и указалъ на несоотвѣтствіе его книжки съ катехизическою программой; но, во всякомъ случаѣ, замѣчанія пре-

¹⁾ „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 24.

²⁾ „Списки іерарховъ“ П. Строева, 1877 г., стр. 634.

³⁾ „Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“. А. С. Лебедева. Харьковъ, 1902 г., стр. 165.

освященнаго Самуила не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій, неблагоприятныхъ для Сковороды. «По семь отвѣтъ,—говоритъ биографъ Сковороды М. Ковалинскій,—все замолчало». Но Сковорода все-таки оставилъ учительскую должность въ прибавочныхъ классахъ, едва ли даже закончивъ учебный 1768—9 годъ.

Послѣ этого, Сковорода не дѣлалъ уже никакихъ попытокъ занять какую либо общественную или,—точнѣе, официальную учительскую должность и въ теченіе послѣднихъ 28 лѣтъ своей жизни постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, рѣдко останавливаясь гдѣ-либо на болѣе продолжительное время, и всюду проповѣдывалъ словомъ, писаніемъ и самою жизнію то религіозно-нравственное ученіе свое, которые выработывалъ доселѣ путемъ науки, созерцаніемъ природы и богатымъ жизненнымъ опытомъ. Съ этого времени собственно появляются и болѣе капитальныя произведенія его, какъ напр. «Наркизъ», «Книга Асханъ», и др., тогда какъ доселѣ онъ писалъ только малыя отрывочныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Умеръ онъ, какъ извѣстно, 29 октября 1794 года, въ селѣ Ивановкѣ, принадлежавшемъ помѣщику Ковалевскому¹⁾.

Н. Петровъ.

Текуція извѣстія.

Итоги занятій Комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности. *По кievской губерніи.* Наиболѣе важныя постановленія комитетовъ кievской губерніи сводятся, конечно, къ заявленіямъ о настоятельной необходимости скорѣйшаго введенія у насъ выборнаго земства въ полномъ его объемѣ, мелкой земской единицы и всеобщаго образованія съ объединеніемъ дѣла завѣдыванія народнымъ образованіемъ въ рукахъ одного вѣдомства—министерства народнаго просвѣщенія, въ виду единогласно признанной всѣми комитетами полной несостоятельности церковно-приходскихъ школъ. Пожеланія эти, такъ же, какъ и постановленіе о необходимости уравниванія правъ крестьянъ съ другими сословіями (и въ томъ числѣ объ освобожденіи ихъ отъ тѣлеснаго наказанія), не только составили въ ко-

¹⁾ „Сочиненія Гр. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., стр. 24—40.

митетахъ предметъ самостоятельнаго обсужденія каждаго изъ этихъ вопросовъ въ отдѣльности, но кромѣ того неоднократно выражались комитетами и при обсужденіи другихъ вопросовъ, правильное разрѣшеніе которыхъ представлялось для комитетовъ невысказаннымъ безъ осуществленія этихъ главнѣйшихъ пожеланій. Безъ введенія выборнаго земства, всеобщаго образованія, мелкой земской единицы и уравненія правъ, признавалось невозможнымъ ни широкое распространеніе въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній, ни сельскохозяйственнаго опытнаго дѣла, ни борьбы съ врагами сельскаго хозяйства, ни охраны земельной собственности, ни хорошаго устройства содержанія мѣстныхъ дорогъ общаго пользованія и пр и пр.;—словомъ, при разсмотрѣніи всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ программы то тотъ, то другой комитетъ, а иногда единодушно и всѣ комитеты вспоминали либо о земствѣ, либо о всеобщемъ образованіи, или объ уравненіи правъ, о мелкой земской единицѣ,—или обо всѣхъ ихъ разомъ, какъ объ основныхъ требованіяхъ, безъ осуществленія которыхъ невозможно ожидать дѣйствительнаго улучшенія сельскохозяйственной промышленности въ краѣ и повышенія уровня экономическаго благосостоянія его населенія. Всѣ постановленія по этимъ кардинальнымъ вопросамъ прошли въ комитетахъ единогласно, или за малыми исключеніями—почти единогласно, въ то время какъ нѣкоторые другіе вопросы возбудили оживленные, а иногда даже и довольно жестокіе споры. Таковы вопросы о разселеніи крестьянъ на хутора, неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ и установленіи у крестьянъ личной собственности на надѣльные земли, а также вопросъ о разверстаніи и сервитутахъ. Ставя весьма широко вопросъ объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями и находя, что наивысшая степень сельскохозяйственной культуры возможна только при полной собственности на землю, многіе настаивали на установленіи у крестьянъ права личной,—а не семейной только (какъ теперь)—собственности на землю. Другіе же, не отрицая необходимости уравненія въ правахъ, настаивали только на одномъ ограниченіи—ограниченіи въ правахъ распоряженія надѣльною землею, опасаясь, что въ настоящее время крестьянинъ не подготовленъ еще къ исполнѣнью самостоятельной жизни достаточнымъ образованіемъ (которое теперь только признано необходимымъ ввести въ возможно ближайшемъ будущемъ) и что поэтому предоставленіе ему полныхъ правъ распоряженія надѣлами можетъ повести къ ускоренію и безъ того замѣчаемаго уже процесса обезземленія крестьянства. Разница въ этихъ взглядахъ членовъ комитетовъ

на вопросъ о личной собственности на надѣльные земли и на неотчуждаемость таковыхъ и обусловила ту оживленность споровъ по этимъ вопросамъ, которая съ особенною силою сказалась въ засѣданіяхъ губернскаго комитета. Собственно говоря, засѣданія послѣдняго отразили какъ въ фокусѣ всю сушность засѣданій уѣздныхъ комитетовъ по этимъ вопросамъ и, говоря о первомъ, можно уже не говорить объ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что губернский комитетъ обладалъ при обсужденіи ихъ и наибольшою массою данныхъ, да и пренія въ немъ отличались, повидимому, большею обстоятельностью и подробностію. «Въ оправданіе своего стремленія уничтожить неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ—сообщается въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1903, № 45) о засѣданіяхъ кіевскаго губернскаго комитета—большинство доказывало, что выдѣленіе въ средѣ крестьянъ и безземельныхъ все равно неизбѣжно при всякихъ условіяхъ и, что съ теченіемъ времени уже и при наличныхъ ограниченіяхъ надѣльной собственности, вся масса населенія все равно превратится въ безземельный и малоземельный пролетаріатъ. Государство же и общество, по мнѣнію большинства, прямо заинтересованы въ томъ, чтобы земля принадлежала тѣмъ, кто въ состояніи наилучше ее использовать, а такой подборъ наиболѣе умѣлыхъ, энергичныхъ владѣльцевъ возможенъ лишь при свободномъ передвиженіи собственности». Въ виду всего этого большинство и высказалось за личную (а не семейную) собственность. Надо сказать, что пренія по этому вопросу были, такъ сказать, предверіемъ къ рѣшенію вопроса о расселеніи крестьянъ по хуторамъ, такъ какъ отъ рѣшенія перваго вопроса зависѣло и рѣшеніе втораго. Разъ большинство высказалось за отчуждаемость, полную свободу распоряженія землей, личную собственность и пр., то уже этимъ самымъ предрѣшено было и постановленіе о желательности предоставленія отдѣльнымъ крестьянамъ права, вопреки даже согласію крестьянскаго міра, выселяться по хуторамъ, заставляя такимъ образомъ всѣхъ крестьянъ общества по единичному желанію одного выселяющагося на хуторъ, перемѣрять каждый разъ между собою всѣ земли, чтобы отвести разбросанныя въ разныхъ частяхъ надѣла полосы этого домохозяина къ одному мѣсту. Такимъ образомъ, какъ совершенно вѣрно замѣтили по этому поводу «Р. Вѣд.», «большинство, во имя полнаго уравненія правъ и полной свободы распоряженія, далеко въ то же время не чуждо было и мѣръ принужденія; обезземеленіе же большинства считало даже благомъ для государства. Немудрено, что при такихъ взглядахъ большинства, ко-

митетъ высказался и противъ допущенія крестьянскихъ переселеній изъ кievской губ., несмотря на то, что, по показаніямъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ комитетовъ, около 90% крестьянскихъ хозяйствъ находятся въ упадкѣ, такъ какъ не обладаютъ живымъ инвентаремъ, хуже обрабатываютъ землю и получаютъ все худшіе урожаи. Основаніемъ же къ такому взгляду на вопросъ о переселеніи выставлялось то соображеніе, что «для прироста своего населенія губернія даетъ еще достаточно средствъ и заработковъ по свекловичному производству и вообще въ интенсивныхъ хозяйствахъ, и что улучшенія экономическаго положенія крестьянъ легче и лучше можно достигнуть выселеніемъ ихъ на хутора съ дарованіемъ правъ личной собственности на надѣлы».

По вопросу о разверстаніи и сервитутахъ два уѣздныхъ комитета, Кіевскій и Бердичевскій, высказались—за добровольное разверстаніе, Каневскій, Уманскій и Звенигородскій, за обязательное, при условіи требованія одной изъ сторонъ, Липовецкій, Радомысльскій, Васильковскій, Черкасскій и Чигиринскій—за общее обязательное разверстаніе. Въ губернскомъ комитетѣ первенство осталось за первымъ мнѣніемъ, отчасти можетъ быть потому, что много членовъ самаго многочисленнаго изъ уѣздныхъ комитетовъ—Кіевского—вошли и въ составъ губернскаго комитета. Большинство высказалось въ губернскомъ комитетѣ за добровольное разверстаніе, какъ это видно изъ печатныхъ матеріаловъ о засѣданіяхъ комитета, потому, что выдача крестьянамъ земельного вознагражденія за утрачиваемые при разверстаніи сервитуты была бы безусловно обязательна при обязательномъ разверстаніи, но такая выдача въ то же время была бы безусловно непосильною для помѣщиковъ, особенно въ виду высокой задолженности ихъ имѣній. Поэтому такая мѣра была бы или разорительна для землевладѣльцевъ, или же убыточна для крестьянъ—въ томъ случаѣ, еслибы вознагражденіе было выдано имъ только въ томъ размѣрѣ, который выгоденъ помѣщикамъ. При такихъ условіяхъ, по мнѣнію большинства, оставался одинъ выходъ—оставить дѣло такъ, какъ оно есть, предостаив въ то же время заинтересованнымъ сторонамъ вступать въ тѣ добровольныя соглашенія о разверстаніи ихъ имѣній, которыя, по показанію меньшинства, за 40 лѣтъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы облегчить все-таки помѣщикамъ освобожденіе отъ тяготы пастбищныхъ сервитутовъ, большинство высказалось за предоставленіе имъ полнаго права измѣненія

общаго съ крестьянами сѣвооборота, наличность котораго только и удерживаетъ еще существованіе начинающаго уже исчезать и весьма важнаго для крестьянъ толочнаго сервитута. Этою мѣрою, а также и поощреніемъ крестьянъ къ (невозможному безъ добровольнаго разверстанія и неминуемо ведущему къ уничтоженію всѣхъ сервитутовъ) расселенію крестьянъ по хуторамъ имѣлось въ виду устранить всякую необходимость обязательнаго разверстанія и возможно болѣе ускорить быстро идущій процессъ исчезновенія сервитутовъ. Тогда ни въ какихъ разверстаніяхъ не было бы надобности и сервитуты исчезли бы сами собой безъ всякаго за нихъ вознагражденія. Постановка дѣла—весьма хитроумная и предусмотрительная, и для крестьянъ, конечно, невыгодная и едва ли бы они высказались за нее, еслибы находились въ числѣ членовъ комитета.

По подольской губерніи. Наибольшее вниманіе удѣлено было комитетами подольской губ. вопросамъ: о расселеніи крестьянъ на хутора, о переселеніяхъ, объ отхожихъ сельско-хозяйственныхъ работахъ, объ уничтоженіи пастбищныхъ сервитутовъ, охранѣ частной земельной собственности, а также вопросу о распространеніи въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній. Вопросъ этотъ, какъ и въ комитетахъ другихъ двухъ губерній юго-западнаго края, въ виду общепризнанной некультурности населенія и полной неподготовленности его къ воспріятію сельскохозяйственныхъ знаній выдвинулъ на очередь общее пожеланіе о скорѣйшемъ введеніи всеобщаго обязательнаго обученія, о полной несостоятельности церковно-приходскихъ школъ и объединеніи всѣхъ школъ подъ руководствомъ министерства народнаго просвѣщенія въ виду желательности прекращенія существующей розни между школами разныхъ вѣдомствъ. Вопросъ о необходимости поднятія уровня умственнаго развитія населенія путемъ введенія всеобщаго образованія возникъ и при обсужденіи вопроса объ охранѣ частной земельной собственности отъ захватовъ ея крестьянами, какъ явленія, зависящаго въ значительной мѣрѣ отъ неразвитости крестьянъ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи. При обсужденіи этого же вопроса объ охранѣ земельной собственности, возникъ впервые, возбуждавшійся затѣмъ и при обсужденіи вопроса объ урегулированіи отношеній между нанимателями и работниками и вопросъ о необходимости всеобщей волости, какъ органа мѣстнаго управленія, дающаго возможность «мѣстной сельской интеллигенціи» принять въ

немъ личное участіе и обезпечивающаго возможность твердаго и разумнаго вліянія на неразумныя массы, нуждающіяся въ твердой власти, которая совершенно отсутствуетъ въ существующемъ крестьянскомъ самоуправленіи. Рядомъ съ всесловной властью, комитетами выдвинутъ былъ вопросъ о необходимости скорѣйшаго введенія въ губерніи выборнаго земства въ полномъ объемѣ на началахъ положенія 1864 года.

При обсужденіи вопросовъ о переселеніи и отхожихъ промыслахъ комитетамъ пришлось коснуться выясненія вопроса объ экономическомъ положеніи мѣстнаго крестьянскаго населенія и въ нѣсколькихъ прочтенныхъ по этому поводу докладахъ отдѣльныхъ членовъ приведены были весьма интересныя и далеко не утѣшительныя въ этомъ отношеніи данныя. Такъ, въ Винницкомъ комитетѣ констатирована была необходимость мѣръ къ «прекращенію дальнѣйшаго роста малоземелья въ уѣздѣ», въ ямпольскомъ—указано было на необезпеченность сельскохозяйственныхъ рабочихъ и на малоземелье крестьянъ, какъ на явленія, «особенно тягостно отражающіяся на состояніи крестьянскаго хозяйства, въ гайсинскомъ комитетѣ, съ чѣмъ согласился губернской комитетъ, было признано, что главнымъ источникомъ средствъ существованія являются для крестьянъ сельскохозяйственные заработки въ крупныхъ экономіяхъ, а совѣмъ не надѣльная земля, вслѣдствіе чего «большую часть населенія надо считать сельскимъ рабочимъ классомъ, а не исключительно хлѣбопашцами», при чемъ однимъ изъ докладчиковъ отмѣчено было также, что, при существующемъ малоземельи, крестьянинъ является у насъ рабочимъ, прикрѣпленнымъ къ данному району своимъ клочкомъ земли и «принужденнымъ за безцѣнокъ продавать свой трудъ, чѣмъ пользуются крупныя хозяйства, платя крестьянамъ нищенское вознагражденіе»—и т. д.

Любопытно, что губернской комитетъ, обсуждавшій вопросъ уже при наличности всѣхъ данныхъ, имѣвшихся въ распоряженіи уѣздныхъ комитетовъ, пришелъ по вопросу о переселеніи къ такому заключенію, что такъ какъ губернія имѣетъ весьма плодородную почву, дающую населенію достаточное пропитаніе и такъ какъ то же населеніе находитъ обильныя заработки на многочисленныхъ заводахъ, перерабатывающихъ сельскохозяйственныя продукты (т. е. на сахарныхъ заводахъ), то и нѣтъ надобности въ поощреніи переселеній. По вопросу же объ отхожихъ заработкахъ губернской комитетъ призналъ желательнымъ учрежденіе обязательной общегосударственной эмеритальной

кассы по германскому образцу, отмѣтивъ при этомъ, что всестороннее упорядоченіе рабочаго вопроса въ интересахъ обѣихъ сторонъ находится въ тѣснѣйшей связи съ подъемомъ умственнаго развитія населенія путемъ широкаго школьнаго образованія.

По вопросу о разселеніи крестьянъ на хутора комитеты подольской губерніи единогласно высказались за разселеніе. Постановленія уѣздныхъ комитетовъ по этому вопросу получили наиболѣе полное выраженіе въ резолюціи губернскаго комитета, признавшаго переходъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству «важнѣйшимъ вопросомъ, на разрѣшеніи котораго зиждется подъемъ сельскохозяйственной культуры и экономическаго благосостоянія, урегулированіе аграрныхъ отношеній и укрѣпленіе правового сознанія населенія». Въ виду этого комитетъ призналъ необходимымъ «поощрять хуторское разселеніе и коммассацію (уничтоженіе крестьянской чрезполосицы и выдѣлъ каждому двору земли въ одномъ отрубѣ)». Ради осуществленія этого разселенія комитетъ предложилъ, чтобы вопросъ объ общемъ разселеніи рѣшался не $\frac{2}{3}$ голосовъ крестьянъ, а простымъ большинствомъ для полученія же разрѣшенія на выдѣлъ отдѣльныхъ хозяевъ достаточно было желанія $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{3}$ части состава схода, но не иначе какъ при согласіи мѣстнаго владѣльца чрезполоснаго имѣнія,—и чтобы выселяющимся выдавались ссуды, съ нихъ слагались бы выкупныя платежи и уменьшались страховыя преміи съ возведенныхъ ими хуторскихъ построекъ. Признано, кромѣ того, необходимымъ, чтобы крестьянскій банкъ выдавалъ ссуды на покупку земли только тѣмъ крестьянамъ, которые обязуются селиться хуторами.

По вопросу о правѣ выпаса крестьянскаго скота и на чрезполосныхъ земляхъ, находящихся въ общемъ—крестьянъ и помѣщиковъ—сѣвооборотѣ (особый видъ пастбищнаго сервитута), губернскій комитетъ высказалъ, что нѣтъ никакого основанія выдавать крестьянамъ вознагражденіе за этотъ сервитутъ въ случаѣ его принудительнаго уничтоженія, такъ какъ это право (выпасы) обоюдное; но имѣя въ виду мнѣнія комитета министровъ 1875 г., постановленія государственнаго совѣта 1886 г. и 1889 г. и особаго совѣщанія по сервитутному вопросу въ 1889 г. о необходимости выдачи этого вознагражденія, рѣшили «принять это къ руководству». При обсужденіи этого вопроса констатировано было, что названный видъ сервитута постепенно самъ собою исчезаетъ съ развитіемъ культуры края и, что есть надежда, что съ теченіемъ времени онъ пропадетъ безъ слѣда, такъ что данный вопросъ «разрѣшается естественнымъ путемъ безъ всякихъ

потрясеній, подчиняясь общему порядку культурнаго развитія страны» и безъ необходимости для помѣщиковъ выдавать крестьянамъ вознагражденіе за безслѣдно утрачиваемыя ими права. Поэтому комитетъ высказался противъ принудительнаго уничтоженія этого сервитута, при которомъ выдача такого вознагражденія была бы неизбѣжною и призналъ только желательнымъ изданіе закона о правѣ землевладѣльцевъ измѣнять по своему усмотрѣнію общій сѣвооборотъ, какъ стѣсняющій возможность улучшеній въ хозяйствѣ, чтобы тѣмъ самымъ содѣйствовать вѣдшему ускоренію уже совершающагося процесса исчезновенія этого сервитута.

Разсмотрѣвъ возбужденный нѣкоторыми уѣздными комитетами вопросъ о необходимости ограничить срокъ аренды крестьянскихъ земель въ видахъ охраны крестьянства отъ разоренія со стороны кулаковъ, для которыхъ право долгосрочной аренды крестьянскихъ надѣловъ является одною изъ формъ эксплуатаціи, губернской комитетъ не призналъ желательнымъ вводить такое ограниченіе, мотивируя его тѣмъ, что для защиты крестьянъ отъ кулаковъ необходимы другія мѣры, а именно рациональная организація крестьянскаго кредита и вообще мѣры, непосредственно направленные къ поднятію экономическаго благосостоянія населенія; но каковы должны быть мѣры этого рода, комитетъ не указалъ и вообще вопроса объ этихъ мѣрахъ не обсуждалъ.

Въ заключеніе необходимо отмѣтить еще одинъ вопросъ, привлечшій особое вниманіе многихъ уѣздныхъ и самого губернскаго комитета, это—вопросъ о народныхъ праздникахъ. Комитетами заслушано было нѣсколько докладовъ разныхъ лицъ (нѣсколькихъ помѣщиковъ и мировыхъ посредниковъ) относительно чрезмѣрнаго изобилія у народа праздниковъ, не установленныхъ закономъ и упадающихъ главнымъ образомъ на лѣтнее рабочее время, что ставитъ крупныя хозяйства въ тяжелое положеніе вслѣдствіе невозможности своевременно имѣть достаточное число рабочихъ. Нѣкоторыми докладчиками указано было при этомъ, что изобиліе такихъ излишнихъ праздниковъ находить поддержку у сельскаго духовенства, такъ какъ крестьяне, считая грѣхомъ работать въ такіе дни «на себя», охотно работаютъ даромъ на церковныхъ земляхъ. Въ виду всего этого комитеты высказались за необходимость строгаго и законодательнаго установленія дней, въ которые народъ можетъ не работать съ тѣмъ, чтобы и всѣ табельные отнесены были къ числу дней рабочихъ. Нельзя не отмѣтить по этому

случаю, что тѣ же комитеты подольской губ. высказались также и за «уравненіе правъ», т. е. за предоставленіе крестьянамъ тѣхъ же правъ, которыя имѣютъ другія сословія, что какъ будто стоитъ въ противорѣчій съ ходатайствомъ о законодательномъ установленіи для крестьянъ числа рабочихъ дней. Впрочемъ, такое распоряженіе объясняется самымъ составомъ комитетовъ, большинство членовъ которыхъ принадлежало къ числу людей, сильно заинтересованныхъ въ данномъ вопросѣ.

По волынской губерніи. На первомъ же вопросѣ, подлежавшемъ обсужденію комитетовъ—на вопросѣ о распространеніи въ народѣ сельскохозяйственныхъ знаній и умѣній—и уѣздные, и губернский комитетъ высказались за необходимость введенія всеобщаго обязательнаго обученія въ виду полной неподготовленности мѣстнаго населенія къ воспріятію даже элементарныхъ сельскохозяйственныхъ знаній: „сельскохозяйственныя знанія немислимы—говорится въ постановленіи губернскаго комитета—и недѣйствительны безъ общаго развитія крестьянской массы, почему и первой заботой въ этомъ направленіи должно быть поднятіе общей культуры крестьянъ. Необходимо всеобщее обязательное обученіе, которое должно быть признано такимъ же государственнымъ дѣломъ первѣйшей важности, какъ и другія государственныя нужды и потребности, для которыхъ находятся и колоссальныя средства». По поводу средствъ на народное образованіе указано было, что нынѣ казна на всѣ школы всѣхъ вѣдомствъ тратитъ въ губерніи всего 150 т. руб., получая съ одной только продажи питей свыше 7¹/₂ миллионovъ дохода. Коснувшись при этомъ вопроса о завѣдываніи дѣломъ народнаго образованія, «въ виду доказанной опытомъ несостоятельности церковно-приходскихъ школъ», комитетъ высказался за объединеніе всѣхъ народныхъ школъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. Обсужденіе даннаго вопроса о поднятіи уровня умственнаго развитія народа привело комитеты также и къ мысли о необходимости введенія земства. Указавъ на эту необходимость при обсужденіи перваго же вопроса, подлежавшаго ихъ обсужденію, комитеты волынск. губ. возвращаются затѣмъ къ нему не разъ при обсужденіи то тѣхъ, то другихъ вопросовъ программы, каждый разъ указывая на необходимость введенія земства и въ концѣ концовъ, выдѣливъ этотъ вопросъ въ предметъ особаго обсужденія

виѣ указанной программы, высказываются за введеніе земства въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало по положенію 1864 г.

Въ житомирскомъ губернскомъ комитетѣ возникъ кромѣ того и вопросъ объ уравниніи правъ крестьянъ съ другими сословіями, но возникъ онъ не изъ принципиальныхъ, а изъ чисто практическихъ соображеній такого рода. Члены комитета, обсуждая программный вопросъ объ охранѣ земельной собственности, высказали, что, по ихъ наблюденіямъ, склонность крестьянъ къ земельнымъ захватамъ все болѣе увеличивается, нанося иногда немалый ущербъ частному землевладѣнію. Указавъ при этомъ на то обстоятельство, что нарушенія земельныхъ владѣній значительно облегчаются чрезвычайной черезполосицею и неразверстанностью многихъ имѣній, вслѣдствіе чего является настоятельная необходимость въ производствѣ обязательнаго разверстанія имѣній, они высказали, что главная причина захватовъ заключается «въ неуваженіи крестьянина къ правамъ другого». Поэтому, въ устраненіи даннаго явленія, «прежде всего нужны общія мѣры для поднятія личности селянина, такъ какъ отсутствіе у крестьянина всѣхъ правъ свободной личности» и составляетъ «главную причину того, почему нашъ крестьянинъ не можетъ относиться съ уваженіемъ къ правамъ другого».

Но не остановившись на одномъ этомъ, комитетъ указалъ еще на необходимость «точной законодательной регламентаціи имущественныхъ отношеній крестьянъ и подчиненія ихъ общимъ гражданскимъ законамъ», а въ видахъ этого предложилъ «упразднить въ крестьянскомъ быту въ отношеніи судебныхъ дѣлъ примѣненіе обычнаго права, являющагося нынѣ анахронизмомъ и уничтоживъ волостной судъ подчинить крестьянъ общимъ гражданскимъ законамъ» и сверхъ того предоставить крестьянамъ право личной, а не семейной собственности на землю.

Интересно, что тотъ же мотивъ, т. е. стремленіе къ охранѣ земельной собственности, на почвѣ котораго «помѣстными землевладѣльцами ведется съ крестьянами крупная экономическая борьба за потравы, порубки и прочія правонарушенія», послужилъ для всѣхъ уѣздныхъ комитетовъ волынской губерніи, а также и для комитета губернскаго главнымъ основаніемъ къ тому, чтобы высказаться за скорѣйшій переходъ крестьянъ къ хуторскому хозяйству (такъ какъ съ этимъ переходомъ захваты крестьянами помѣщичьихъ земель должны значительно сократиться).

При разсмотрѣніи вопроса объ упорядоченіи сельскохозяйственныхъ отхожихъ промысловъ членами комитетовъ, по преимуществу состоявшихъ изъ мѣстныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, было высказано почти единодушное мнѣніе, что при многоземельности губернія не длетъ излишка въ рабочихъ, нуждающихся въ отхожихъ промыслахъ, и этотъ вопросъ наиболѣе интересуеть ее, наоборотъ, въ смыслѣ привлеченія большого количества рукъ извнѣ, такъ какъ существующія въ губерніи свекловичныя, картофельныя и хмѣлевая плантаціи, нуждающіяся въ срочной и массовой обработкѣ, не могутъ довольствоваться мѣстными рабочими». На самомъ дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Совершенно вѣрно, конечно, что въ періоды спѣшныхъ работъ болѣе или менѣе крупныя плантаціи нуждаются въ настолько значительномъ контингентѣ рабочихъ, что, не ограничиваясь крестьянами ближайшихъ деревень, имъ приходится производить наемку со стороны. Но въ то же время «нельзя не имѣть въ виду, что «многоземелье» крестьянъ волынской губерніи, т. е. сравнительно болѣе крупная величина наръзанныхъ имъ надѣловъ, обусловлена плохимъ качествомъ и слабой производительностью ихъ земель (болота и пески Полѣсья и мѣстности прилегающей къ нему), что вызываетъ, напр., широкое развитіе такихъ промысловъ, какъ рубка и сплавъ лѣса, смолокурение и т. п., значеніе которыхъ все болѣе падаетъ съ сокращеніемъ площади лѣсовъ, заставляя крестьянъ искать себѣ какихъ-нибудь новыхъ заработковъ.

Обсуждая данный вопросъ въ подробностяхъ, губернской комитетъ остановился, между прочимъ, на ходатайствѣ нѣкоторыхъ изъ уѣздныхъ комитетовъ «объ оставленіи и на будущее время вольныхъ работъ войскъ» въ имѣніяхъ. Чрезвычайно интересно отмѣтить, что такія работы войскъ «вопросъ щекотливый, такъ какъ, преслѣдуя выгоды помѣщиковъ, онѣ нарушаютъ интересы крестьянъ въ смыслѣ пониженія рабочей платы, низкій уровень которой, и незначительные будто бы земельные надѣлы, въ связи съ обостренными часто взаимными отношеніями крестьянъ и помѣщиковъ и служатъ причиною трудности найма крестьянъ и вызова припльхъ рабочихъ со стороны». Однако, возраженіе это не было принято во вниманіе и большинство комитета высказалось не только за «упорядоченіе» даннаго вопроса—главнымъ образомъ съ точки зрѣнія облегченія, удешевленія и ускоренія передвиженія сельскохозяйственныхъ рабочихъ по желѣзнымъ

дорогамъ, но и «за сохраненіе на будущее время вольныхъ работъ войскъ».

Наибольшій интересъ среди членовъ и уѣздныхъ и губернскаго комитетовъ возбудилъ вопросъ о необходимости уничтоженія пастбищныхъ сервитутовъ, т. е. права крестьянъ пасты скотъ въ лѣсахъ помѣщика и права пасты его на «толокъ» (парахъ и пожнивѣ въ поляхъ общаго—помѣщика и крестьянъ—сѣвооборота). При значительной чрезполосицѣ земельныхъ владѣній въ губерніи и значительномъ же поэтому развитіи сервитутныхъ отношеній вопросъ объ уничтоженіи сервитутовъ имѣетъ здѣсь дѣйствительно весьма важное значеніе, какъ для помѣщиковъ, такъ и для крестьянъ. Наличие «права толоки» стѣсняетъ помѣщиковъ въ установленіи новыхъ сѣвооборотовъ «на чрезполосныхъ земляхъ общаго сѣвооборота», слѣдовательно, препятствуетъ улучшенію хозяйства. Право пастбы по лѣсу стѣсняетъ помѣщиковъ въ пользованіи послѣднимъ, а волынская губернія и отличается изобиліемъ лѣсныхъ пространствъ отъ остальныхъ губерній юго-западнаго края. Съ другой стороны, уничтоженіе этихъ сервитутовъ увеличитъ весьма значительно доходность помѣщицкихъ имѣній именно тѣмъ, что липенные выпасовъ крестьяне вынуждены будутъ нанимать ихъ за дорогую цѣну. Но именно, въ виду важности пастбищныхъ сервитутовъ для крестьянъ, послѣдніе всецѣло за сохраненіе послѣднихъ и обыкновенно не идутъ въ этомъ отношеніи ни на какія соглашенія съ помѣщиками. Для волынскихъ крестьянъ пастбищные сервитуты имѣютъ тѣмъ больше значеніе, сравнительно съ крестьянами другихъ губерній края, что благодаря меньшей производительности земли и большей обширности надѣловъ у нихъ значительно болѣе развито скотоводство. При этомъ сѣверные уѣзды губерніи отличаются большимъ развитіемъ чрезполосицы, большимъ развитіемъ скотоводства у крестьянъ и большою распространенностью сервитутовъ, въ особенности лѣсныхъ, чѣмъ южные, болѣе въ этомъ отношеніи сходные съ подольской и большею частью кievской губерніи, гдѣ наиболѣе развиты сервитуты, заключающіеся въ правѣ общей толоки. Соотвѣтственно этой разницѣ мѣстныхъ условій опредѣлилась и разниа въ мѣніяхъ комитетовъ. Меньшинство (главнымъ образомъ острожскій комитетъ, принадлежацій къ южнымъ уѣздамъ), признало возможнымъ не настаивать на введеніи обязательнаго разверстанія земель съ уничтоженіемъ сервитутовъ, а предоставить рѣшеніе вопроса добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ, но съ тѣмъ, чтобы изданъ былъ

законъ, предоставляющій помѣщикамъ право «свободно распоряжаться сѣвооборотомъ», т. е. измѣнять его по своему усмотрѣнію даже и такъ, что для крестьянъ устранится всякая возможность осуществить свое право выпаса на чрезполосныхъ земляхъ, которыя такимъ образомъ перестанутъ уже стоять и въ общемъ съ крестьянами сѣвооборотъ. Также рѣшеніе вопроса имѣло еще ту несомнѣнную выгоду для помѣщиковъ, что съ замѣчаемымъ нынѣ постепеннымъ фактическимъ исчезновеніемъ сервитутовъ, устраняло для нихъ непріятную и даже тяжелую необходимость вознаграждать крестьянъ за теряемые сервитуты, что было бы неизбѣжно при введеніи принудительнаго разверстанія. вмѣстѣ съ тѣмъ введеніе проектируемаго закона только облегчило бы и ускорило уже происходящій на нашихъ глазахъ процессъ исчезновенія сервитутовъ.

Но большинство комитетовъ губерніи (главнымъ образомъ комитеты сѣверныхъ уѣздовъ) и въ томъ числѣ комитетъ губернской, высказалось за разверстаніе принудительное и за желательность его скорѣйшаго осуществленія, такъ какъ, при полной противоположности интересовъ входящихъ въ это дѣло сторонъ, на рѣшеніе его путемъ добровольныхъ разверстаній нѣтъ никакой надежды, а между тѣмъ въ скорѣйшемъ уничтоженіи сервитутовъ для помѣщичьихъ имѣній ощущается настоятельная надобность. Но, высказавшись всецѣло за скорѣйшее обязательное разверстаніе, комитетъ предусмотрительно умолчалъ о вознагражденіи за нихъ со стороны помѣщиковъ.

На случай же, если скорѣйшее введеніе обязательнаго разверстанія будетъ почему либо признано неосуществимымъ, большинство предложило, чтобы дѣла о добровольныхъ разверстаніяхъ крестьянъ съ помѣщиками рѣшались на сельскихъ сходахъ не двумя третями крестьянскихъ голосовъ, а простымъ большинствомъ, и чтобы законъ предоставилъ помѣщикамъ право измѣнять общій съ крестьянами сѣвооборотъ безъ ихъ согласія по собственному усмотрѣнію, какъ это предложилъ острожскій комитетъ. вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду того, что въ сенатской практикѣ по сервитутнымъ дѣламъ есть нѣсколько рѣшеній, изъ которыхъ одни толкуютъ сервитутный вопросъ въ ограниченительномъ, а другіе разъясняютъ его въ распространительномъ для крестьянъ порядкѣ, рѣшено ходатайствовать «объ изданіи закона, чтобы судебныя установленія, при возбужденіи исковъ объ убыткахъ, не дѣлали распространительнаго толкованія сервитутныхъ правъ».

Такимъ образомъ исключительный составъ нашихъ комитетовъ далеко не гарантировалъ справедливаго рѣшенія вопросовъ и по большинству наиболѣе серьезныхъ изъ нихъ далъ лишь возможность представителямъ крупнаго заводо- и землевладѣнія, подъ видомъ радѣнія сельскаго хозяйства въ губерніи, постоять за свои интересы.

Комитеты высказались также за желательность введенія всесловной волости, мотивируя это главнымъ образомъ особенностью крестьянскаго міра и управления, увеличивающею существующую рознь интересовъ и отсутствіемъ въ нынѣшней волости разумной и твердой руководящей власти.

И. С. Л.

Преобразование кievскаго центрального архива. Состоящій при университетѣ св. Владиміра центральный архивъ для древнихъ актовъ 3-хъ губ. ю.-зап. края—кievской, подольской и волинской—съ января наступающаго 1903 г. получилъ новую организацію, въ которой давно уже ощущалась настоятельная потребность. Вводимые новые штаты значительно увеличиваютъ служебный персоналъ архива; этимъ дается возможность болѣе плодотворной работы надъ изслѣдованіемъ цѣннаго архивнаго матеріала.

Архивъ учрежденъ 2-го апр. 1852 г. одновременно съ Виленскимъ и Витебскимъ (для губ. сѣв.-зап. края). Въ эти архивы повелѣно было сосредоточить всѣ древнія актовыя книги различныхъ присутственныхъ мѣстъ до 1799 г. включительно. Кievск. центр. архивъ явился и учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ при университетѣ, въ зданіи котораго и былъ помѣщенъ. Библиотекаръ университета получилъ и завѣдываніе архивомъ; учреждены были должности: одного штатнаго помощника завѣдующаго, двухъ помощниковъ по вольному найму и одного штатнаго писаря. При такомъ бѣдномъ штатѣ скорое изданіе описей архива, конечно, было невозможно. Въ архивѣ находится 6.000 актовыхъ книгъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе 1000 документовъ. Кромѣ книгъ, хранится около 500.000 актовъ и разныхъ документовъ въ связкахъ, около 100.000 дѣлъ и др. документовъ. Въ общемъ въ архивѣ имѣется около 4.000.000 документовъ—XVI, XVII, XVIII и отч. XIX в.в. По языку большинство документовъ—польскіе, затѣмъ слѣдуютъ документы на латинскомъ, русскомъ, французскомъ, греческомъ, еврейскомъ языкахъ. Весь этотъ матеріалъ весьма цѣненъ для исторіи ю.-з.

края. Изученіемъ его занимались многіе выдающіеся ученые, написавшіе впоследствии изслѣдованія на основаніи изученныхъ актовъ. Труды такихъ крупныхъ ученыхъ, какъ проф. В. Б. Антоновичъ, М. Ф. Владимірскій-Будановъ, И. М. Каманинъ—написаны главнымъ образомъ на основаніи матеріаловъ, хранящихся въ кіевскомъ архивѣ.

Годовое собраніе общества имени Т. Г. Шевченка. 23 февраля, подъ предсѣдательствомъ Д. И. Эварницкаго, состоялось годовое собраніе общества имени Т. Г. Шевченка для вспомошествованія нуждающимся уроженцамъ южной Россіи, учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербурга. Какъ видно изъ прочтеннаго на собраніи отчета общества за 1902 годъ, въ общество вступило вновь 131 членъ; всего въ настоящее время въ обществѣ состоитъ 410 членовъ. Сумма прихода за годъ является 4,862 руб., расходъ равнялся 4,047 руб. Неприкосновенный капиталъ общества составилъ къ 1 января 1903 года 2,176 руб. На пособіе было выдано въ теченіе года 3,864 руб., наименьшій размѣръ единовременнаго пособія былъ въ 20 руб., а наибольшій—въ 100. Большинство лицъ, получившихъ стипендіи—слушательницы женскаго медицинскаго института и студенты технологическаго института и университета. Самое большее число пособій пришлось на уроженцевъ полтавской и черниговской губерній. Отказано въ пособіяхъ было въ теченіе года 15 лицамъ.

Желая установить ресурсы общества на болѣе твердыхъ основаніяхъ, правленіе обратилось за помощью къ общественнымъ учрежденіямъ южной Россіи и съ печатными обращеніями во всѣ городскія управы, а также земскія управы, губернскія и уѣздныя, но получило неутѣшительные результаты, такъ какъ только семь учреждений отозвалось на нужды общества.

Индифферентное отношеніе нѣкоторыхъ общественныхъ учреждений южной Россіи, тѣмъ болѣе неутѣшительно, что общество имени Т. Г. Шевченка удовлетворяетъ пособіями учащихся изъ южной Россіи всѣхъ ея предѣловъ.

Въ виду этого правленіе пришло къ заключенію, что наиболѣе вѣрнымъ источникомъ пріобрѣтенія благотворительныхъ средствъ должны быть признаны членскіе взносы. Съ ростомъ личнаго состава общества будутъ возрастать и постоянныя его средства, и обезпечиваться будущее.

Затѣмъ правленіемъ была высказана весьма симпатичныя идея, а именно: чтобы выдавать въ исключительныхъ случаяхъ лицамъ не ссуды, а пособія (безъ возврата). Собраніе единогласно присоединилось къ мнѣнію правленія. Далѣе, на ежегодныя панихиды по Т. Г. Шевченку рѣшено ассигновать сумму изъ средствъ общества, а не производить ежегоднаго сбора.

Къ изученію кобзарнаго искусства. 7 марта, въ 8 ч. вечера, въ засѣданіи *Екатеринодарскаго общества любителей изученія Кубанской области* кобзаремъ Михаиломъ Кравченкомъ было исполнено нѣсколько малороссійскихъ пьесъ, а также г. Петлюрой былъ прочитанъ докладъ «Кобзари, ихъ положеніе и значеніе». Докладчикъ въ своемъ обстоятельномъ и интересно написанномъ рефератѣ нарисовалъ слушателямъ исторію развитія «кобзарничества» и современнаго его состоянія.

Причину упадка «кобзарнаго искусства» онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ притѣсненіяхъ, чинимыхъ кобзарямъ полиціей, которая относится къ нимъ чрезвычайно строго. Въ заключеніе доклада авторъ его высказалъ пожеланіе, чтобы общество любителей изученія Кубанской области взяло на себя инициативу собиранія думъ и сказаній, такъ или иначе относящихся къ прошлому Малороссіи и ея исторіи, еще можетъ быть сохранившихся въ Кубанской области, которая населена потомками бывшихъ запорожцевъ, что нашло сочувственное отношеніе среди членовъ общества.

Изъ числа исполненныхъ Михаиломъ Кравченкомъ пьесъ особенно удачной по исполненію и содержанію была дума «Про Морозенка». («Кубанскія Обл. Вѣд.», № 55).

Удовлетворенное и отклоненное ходатайства. Предсѣдательница императорскаго московскаго археологическаго общества, графиня П. С. Уварова, сообщила Полтавской губернской земской управѣ копию полученнаго ею отношенія министра внутреннихъ дѣлъ, по поводу возбужденныхъ ею ходатайствъ объ оказаніи покровительства кобзарямъ и лирникамъ и объ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губ. По отношенію къ первому изъ этихъ ходатайствъ г. министръ, признавая значеніе лирниковъ и кобзарей для русской литературы, изъявляетъ готовность итти на встрѣчу пожеланію
Томъ 81.—Апрѣль, 1903.

нію, выраженному XII археологическимъ съѣздомъ, и сдѣлать распоряженіе объ оказаніи имъ возможной поддержки, для чего просить доставить данныя относительно этихъ лицъ и обычнаго района ихъ передвиженія. Что же касается ходатайства о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губ., то г. министръ сообщилъ, что бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, Горемыкинымъ, ходатайство объ этомъ отклонено въ 1899 г. и что основаній къ пересмотру этого распоряженія не имѣется, тѣмъ болѣе, что на очередь выдвинуть вопросъ объ открытіи въ Полтавѣ губернской ученой архивной комиссіи, разрѣшенію которой будутъ подлежать большинство задачъ, намѣченныхъ уставомъ общества любителей изученія полтавской губерніи. («Полтавскій Вѣстникъ», № 80).

Лѣкарственныя растенія въ лубенскомъ уѣздѣ. Въ лубенскомъ уѣздѣ съ давнихъ поръ водятся лѣкарственныя растенія. Петръ I устроилъ тамъ казенную аптеку для собиранія и разведенія лѣкарственныхъ травъ. Съ теченіемъ времени все это уничтожилось. Но и нынѣшніе случайные и жалкіе сборы травы составляютъ предметъ значительной торговли въ Лубнахъ. Травы эти большими партіями отправляются за границу, оттуда же возвращаются въ наши аптеки, въ видѣ дорогихъ эфирныхъ маслъ и экстрактовъ.

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ было прислано въ Лубны для культивировки изъ Министерства нѣсколько образцовъ знаменитой англійской мяты, дающей мятное масло. Мѣстный помѣщикъ-любитель М. И. Исаевичъ раздобылъ нѣсколько корешковъ этой травы, развелъ ее у себя около десятины и началъ добывать изъ нея мятное масло, которое ничѣмъ не уступаетъ знаменитому англійскому митгамскому маслу. Интереснѣе всего, что, по нѣкоторымъ археологическимъ даннымъ ¹⁾—англійская мята, несомнѣнно, произрастала когда-то въ Лубнахъ во времена гетманщины, и тутъ же добывалось мятное масло. Послѣ полтавской битвы, когда палъ Мазепа, зять его Войнаровский, убѣгая въ Лондонъ, захватилъ, между прочимъ, съ собой и образчики тогда энциклопедически цѣлительной травки мяты. Въ Англии эту траву культивировали и превратили въ драгоцѣнное эфир-

¹⁾ Смотр. Очерки лубенской старины К. Бочкарева.

ное масло. А у насъ растеніе, предоставленное самому себѣ, постепенно вырождалось и превратилось почти въ сорную траву.

Понадобилось три столѣтія, чтобы это полезное растеніе подъ англійскимъ клеймомъ вновь водворилось на своей прежней почвѣ.

Что станется съ травкой—неизвѣстно. Можетъ понадобится еще триста лѣтъ, чтобы она вновь попала въ отечество подъ иностраннымъ флагомъ («Южный Край», № 7651).

Предполагаемый даръ г. Кіева С.-Петербургу. Между кievскою городской управой и ювелирно-гравернымъ ателье Л. В. Шифрина ведутся переговоры объ изготовленіи художественно-исторической группы, которую предполагается поднести отъ Кіева г. С.-Петербургу въ день его 200-лѣтняго юбилея. По идеѣ Л. В. Шифрина, группа эта изъ 4 фигуръ и барельефовъ должна будетъ связать въ себѣ важнѣйшія историческія событія постепеннаго перемѣщенія древнѣйшей столицы государства російскаго изъ Кіева въ С.-Петербургъ, указывая, такимъ образомъ, на тѣсную связь между этими городами. («С.-Петербургскія Вѣдомости», № 47).

Симпатичное пожеланіе. «Полтавскій Вѣстникъ» (№ 80) высказываетъ заслуживающее горячей поддержки пожеланіе, чтобы Полтавское городское общественное управленіе пригласило Н. В. Лисенка на торжество открытія памятника И. П. Котляревскому, и вошло въ соглашеніе съ мѣстнымъ отдѣленіемъ музыкальнаго Общества, дабы кантата «Бють пороги» и «Слава нашимъ козаченькамъ» были исполнены подъ управленіемъ композитора Н. В. Лисенка, въ память заслугъ его народной музыкѣ, въ виду истекающаго осенью этого года 35-лѣтія дѣятельности его на поприщѣ народнаго композитора.

Лекціи по исторіи Украины въ Парижѣ. Свободный Русскій Университетъ въ Парижѣ прислалъ приглашеніе профессору украинской исторіи во Львовѣ Михаилу Грушевскому прочесть рядъ лекцій по исторіи Украины. («Літерат.-Науковий Вістникъ», кн. 3).

Интересная лекція. Марія Конопницкая въ первыхъ числахъ марта прочтетъ во Львовѣ двѣ публичныя лекціи, посвященныя памяти знаменитаго польскаго поэта „украинской школы“ Богдана Залѣскаго. («Волянь», 46).

Лекціи изъ украинской исторіи въ г. Полтавѣ. Въ непродолжительномъ времени, профессоромъ Московскаго университета Д. И. Эварницкимъ будутъ прочитаны въ г. Полтавѣ двѣ лекціи: 1) На тему по запорожскимъ урочищамъ, 2)—Гетманъ Петръ Конашевичь-Сагайдачный. („Полтавскій Вѣстникъ“, № 79).

Премія за новыя малорусскія пьесы. Артисты украинскаго театра гг. Карпенко-Карый, Садовскій и Саксаганскій обращаются къ украинскимъ драматургамъ съ просьбой доставлять имъ новыя, еще не появлявшіяся на сценѣ, но дозволенныя къ представленію пьесы. За каждую изъ представленныхъ пьесъ, удовлетворяющую литературнымъ и сценическимъ требованіямъ и признанную годной къ постановкѣ лицами, объявляющими преміи, выдается при первомъ представленіи, сверхъ обыкновенной поспектакльной платы, премія въ 150 руб. Необходимыи условіями для присужденія преміи признаны слѣдующія: а) пьеса должна быть написана на украинскомъ языкѣ, б) имѣть не менѣе 4-хъ актовъ и в) разрабатывать содержаніе, взятое изъ современной жизни. Каждая удостоенная преміи пьеса представляется въ собственность и распоряженіе гг. Садовскаго и Саксаганскаго на одинъ годъ.

Рефератъ о Галичинѣ. 3 марта въ собраніи церковно-историческаго и археологическаго общества при Киевск. духовн. академіи былъ предложенъ рефератъ о современномъ состояніи Галицкой Руси проф. академіи, священника Ѳ. И. Титова, по личнымъ его наблюденіямъ во время 4-мѣсячнаго пребыванія его во Львовѣ, Краковѣ и др. городахъ Галичины. Въ рефератѣ были, между прочимъ, отмѣчены цѣнныя архивныя сокровища въ городахъ Галичины (Львовѣ, Перемышлѣ, Станиславовѣ, Краковѣ), обиліе историческихъ памятниковъ и изображено современное состояніе галицко-русской униатской церкви и народа.

Портретъ работы Т. Г. Шевченка. Недалеко отъ Седнева было мѣстечко Бѣгачь, гдѣ жило семейство князя Кекуатова, у котораго Шевченко писалъ въ 1847 г. портретъ красавицы-жены князя. Писанъ портретъ вѣроятно въ февралѣ—мартѣ 1847 г.

Портретъ этотъ находится на выставкѣ кievскаго музея, выставлень г. Шлейферомъ, къ коллекціи картинъ котораго принадлежитъ.

Рисунки могилы Т. Г. Шевченка. На весенней выставкѣ картинъ въ Академіи художествъ находится интересное и хорошо исполненное произведеніе В. К. Развадовскаго „Могилы Т. Г. Шевченка“. («Биржевыя вѣдомости»).

Украинскій театр въ селѣ. Въ м. Ковалевкѣ, полт. г., по инициативѣ мѣстнаго помощника учителя основанъ кружокъ любителей драматическаго искусства изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно селянъ; пока поставлено было двѣ пьесы. Для перваго раза было поставлено „Сватанья на Гончаривци“. Хотя эта пьеса особеннаго успѣха въ смыслѣ денежномъ и не имѣла (сборъ былъ около 45 руб.), но зато была встрѣчена очень сочувственно и вызвала горячія симпатіи къ родному искусству. Когда для втораго спектакля была поставлена «Бондаривна», то она прошла съ необыкновеннымъ успѣхомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Сборъ былъ около 105 руб. Сумма для села очень солидная! Всѣ посѣтители остались весьма довольны спектаклями и съ нетерпѣніемъ ждутъ постановки новыхъ пьесъ.

Нельзя не пожалѣть, что у названнаго кружка крайне ограниченны запасъ пьесъ и что онъ стоитъ внѣ всякой связи съ подобными себѣ кружками въ другихъ мѣстахъ, не имѣя съ ними никакихъ сношеній. Сношенія эти были-бы полезны во-первыхъ потому, что можно было-бы мѣняться книгами пьесъ, а во-вторыхъ—наиболѣе способные любители могли гастролировать изъ одного мѣста въ другое и тѣмъ увеличивать интересъ къ родному искусству.

Фондъ для изданія обще-полезныхъ и дешевыхъ книгъ на малорус. языкѣ. Въ память сорокалѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости служащими въ Полтавскомъ губернскомъ земствѣ собранъ былъ капиталъ въ 335 рублей, который

предположено было употребить на просвѣтительныя цѣли, предоставивъ его въ распоряженіе Благотворительнаго «Общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ» на извѣстныхъ условіяхъ. Въ настоящее время отъ правленія этого общества, предсѣдателемъ котораго состоитъ извѣстный писатель Д. Мордовцевъ, получено извѣщеніе о присоединеніи капитала къ средствамъ общества и о принятіи имъ условій пользования капиталомъ. Условія эти таковы: 1) деньги 335 р. составляютъ особый фондъ для изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, по мѣрѣ расходованія пополняемый доходами отъ продажи изданій; 2) фондъ этотъ будетъ носить наименованіе «капитала, собраннаго служащими въ Полтавской губернской земской управѣ въ память сорокалѣтія освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости»; 3) на книжкахъ, издаваемыхъ на средства фонда, печатается его названіе и 4) въ случаѣ изданія книгъ по сельскому хозяйству, содержаніе ихъ должно быть приноровлено къ хозяйственнымъ условіямъ полтавской губ. и ея быту. Сообщая о принятіи этихъ условій Правленіе общества выражаетъ свою искреннюю признательность за предоставленіе этого капитала въ распоряженіе Общества.

Шевченковскій вечеръ въ Петербургѣ. 27-го февраля петербургскіе малороссы праздновали память своего родного поэта Т. Г. Шевченка. Красивый залъ «Новаго театра» г-жи Яворской былъ буквально переполненъ собравшеюся публикой. Съ лѣвой стороны сцены на возвышеніи былъ поставленъ бюстъ покойнаго поэта, очень красиво задрапированный малорусскими «кылымами» и тропическими растеніями. Вѣнки украшали подножіе бюста, а надъ головой его возвышалась громадная цвѣточная лира. Поэтъ съ опущенной головой, казалось, прислушивался къ звукамъ родной рѣчи, внезапно огласившей большое помѣщеніе театра. Вечеръ начался рѣчью маститаго писателя Д. Л. Мордовцева. «Старый, сытый дидъ», подъ руки взведенный на сцену, трижды поклонился бюсту Тараса.—«Шановна громадо!» пронеслось по залу, и все сразу смолкло. Говорилъ старый ветеранъ, много видѣвшій и испытывшій на долгомъ пути своей рабочей жизни, и чутко внимала ему горячая молодость, и сосредоточенно молчала богатая воспоминаніями старость. Рѣчь его, печально начатая воспоминаньями прошлаго, постепенно, чѣмъ ближе ораторъ подходилъ къ нашему времени, становилась радостнѣе, и слова его, полныя надеждъ

и вѣры въ будущее, глубоко западали въ душу притаившихъ дыханіе слушателей. Не зачѣмъ плакать по исчезнувшей козаччинѣ, говорилъ Д. Л.; она исчезла безвозвратно, но «стара маты»—Украина живетъ. У нея есть еще дѣти, ея внуки, а у тѣхъ дѣтей и внуковъ—свои дѣти и внуки. «Я слышый, я ихъ не бачу», жаловался дидь: «але я серцемъ чую, що вони ось тутъ»,—и дрожащей рукою онъ указывалъ на внимавшую ему залу. Перенесшись затѣмъ мыслью на далекую родину и указавши на Амуръ, Уссури и далекую Америку, гдѣ теперь тоже «лунае наша мова и писня», ораторъ перешелъ къ петербургскому обществу имени Т. Г. Шевченка, раздавшему въ минувшемъ году около 4000 рубл. нуждающимся студентамъ—малороссамъ.

Свою рѣчь «дидь Мордовець» закончилъ «славой» Т. Г. Шевченку. Занавѣсъ опустился при долгихъ и шумныхъ аплодисментахъ. Когда онъ опять поднялся, зрителямъ представился цѣлый цвѣтникъ—смѣшанный хоръ, одѣтый въ малорусскіе народные костюмы. Дирижеръ, г. Томашевскій, взмахнулъ своей палочкой и залъ наполнился чудными звуками финальнаго хора изъ оп. «Чорноморци»—«Слава нашимъ козаченькамъ».

Было бы излишне перечислять всѣ номера удачно составленной программы. Ихъ всего предполагалось 15, но можно съ увѣренностью сказать, что исполнено было, по меньшей мѣрѣ, втрое больше. Публика, жадно внимавшая роднымъ звукамъ, послѣ каждого номера приходила въ экстазъ, требуя повторенія, и ея желанья удовлетворялись. Изъ пѣсенъ, исполненныхъ хоромъ,—пѣвшимъ, надо сказать, очень стройно и воодушевленно, особенно понравились публикѣ граціозно-шутливыя «Кучерява Катерына» и «На бережку у ставка», а также начальный хоръ изъ оп. «Утоплена» Н. В. Лисенка «Туманъ хвылямы лягае». Мечтательная мелодія послѣдняго, полная невыразимой поэтической прелести лѣтняго малороссійскаго вечера, придавала меланхолическій оттѣнокъ настроенію публики. Но задорные, блестящіе молодостью и весельемъ звуки «Добрый вечеръ, дивчаточка», быстро прогнали тѣнь грусти съ лицъ слушающихъ.

Изъ отдѣльныхъ исполнителей восторженнѣе другихъ были приняты г-жа Слатина, съ большимъ чувствомъ спѣвавшая «Садокъ вышне-вый коло хаты» Н. Лисенка и на bis «Тамъ за тыхимъ за Дунаемъ» изъ оп. «Запорожець за Дунаемъ». Съ большимъ успѣхомъ выступила и г-жа Зарницкая, участвующая въ труппѣ г. Суслова, находящейся теперь въ Петербургѣ. Спѣтыя ею «Витре буйный», «Гандзя» и «Ой

гопъ гопака, полюбыла козака» привели публику въ полный восторгъ. Не менѣ горячо принимали и г-жу Орель, блеснувшую своимъ колоратурнымъ сопрано въ «Ой, у саду на вышенци соловейко щебетавъ» и затѣмъ съ замѣчательнымъ выраженіемъ спѣвшую извѣстную пѣсню: «Ой, казала мени маты». Много аплодисментовъ вызвалъ и г. Манько своей декламацией.

Но гвоздемъ вечера былъ поставленный въ заключеніе 3-й актъ изъ драмы Кропивницкаго «Невольникъ». Роль Ярыны была исполнена М. К. Заньковецкою. Вѣчно юный, могучій талантъ артистки сдѣлалъ чудо: въ нѣсколько минутъ онъ заставилъ развеселившуюся публику забыть все и пережить всю драму, происходящую въ душѣ бѣдной Ярыны. У многихъ на глазахъ, только что блестящихъ весельемъ и смѣхомъ, теперь блестяли слѣзы. Послѣ литературно-музыкальной части вечера начались танцы. («Полтавскій Вѣстникъ», № 73).

Въ 42-ую годовщину смерти Т. Г. Шевченка были отслужены панихиды: 3-го марта въ Киевскомъ Софійскомъ кафедральномъ соборѣ, 26-го февраля въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ и въ г. Черниговѣ—при большомъ стеченіи почитателей поэта.

Литературно-музыкальные вечера въ память Т. Гр. Шевченка состоялись: въ *Киевѣ*—27-го февраля въ Народной аудиторіи, и 26 марта въ залѣ купеческаго собранія; въ *С.-Петербурѣ*—27 февраля въ новомъ театрѣ, 16-го марта—въ аудиторіи народныхъ чтеній.

Чествованіе памяти Т. Г. Шевченка въ Краковѣ. Краковская украинская интеллигенція торжественно чествовала годовщину смерти Тараса Шевченка. Въ чествованіи этомъ приняли также участіе и представители мѣстной польской интеллигенціи. («Волянь», № 60).

Юбилей В. Г. Короленка. 15 іюля н. года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія Влад. Галакт. Короленка. Въ думу г. Житомира—родины писателя—внесено предложеніе о чествованіи этого дня, между прочимъ, открытіемъ школы им. В. Г. Короленка и народными чтеніями.

Юбилей академика А. Н. Пыпина. Лѣтомъ истекаетъ 50 лѣтъ научной и литературной дѣятельности академика А. Н. Пыпина. Среди почитателей таланта историка русской литературы возникла мысль отмѣтить этотъ день жизни писателя. 25 марта въ день 70-лѣтней годовщины жизни А. Н. Пыпина, академія наукъ чествовала своего сочлена. («Русскія Вѣдом.», № 66).

Юбилей П. П. Пелехина. Бывшій ординарный профессоръ Императорской военно-медицинской академіи, нынѣ вице-предсѣдатель «благотворительнаго общества изданія полезныхъ и дешевыхъ книгъ», докторъ медицины и хирургіи, тайн. сов. П. П. Пелехинъ закончилъ 10-го марта сорокалѣтіе своей врачебной и учебно-литературной дѣятельности. Профессоръ-юбиляръ состоитъ въ числѣ учредителей общества имени Т. Г. Шевченка въ С.-Петербургѣ. («С.-Петербургскія Вѣд.», № 62).

Юбилей проф. В. С. Иконникова. Главный редакторъ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстій» и членъ-корреспондентъ Императорской академіи наукъ по 3-му отдѣленію ея, заслуженный ординарный профессоръ кіевского университета, докторъ русской исторіи В. С. Иконниковъ закончилъ 23-го февраля тридцатипятилѣтіе своей профессорской службы въ кіевскомъ университетѣ, что совпадаетъ съ сорокалѣтіемъ его учено-литературной дѣятельности вообще. Въ наукѣ В. С. навсегда увѣковѣчилъ свое имя извѣстнымъ трудомъ «Очерки русской исторіографіи», въ двухъ томахъ, болѣе 2½ тысячъ страницъ; третій томъ «Очерковъ» уже составленъ профессоромъ и вскорѣ появится въ свѣтъ.

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ нашу редакцію присланы отъ нѣкоторыхъ лицъ деньги на поднесеніе подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-тилѣтняго юбилея, а именно: отъ Е. Х. Чикаленка—1000 р.; отъ В. Н. Леонтовича—25 р.; отъ В. Б.—10 р.; отъ В. Н.—10 р.; отъ К. Солухи—10 р.; отъ П. Проспав—5 р.; отъ П. П.—5 р.; отъ А. Ч.—5 р.; а всего—1070 р.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ И ВУКОВИНЫ.

Годовой отчетъ „Наукового Товариства імени Т. Г. Шевченка“. — «Товариство ім. Шевченка» въ Львовѣ издало свой отчетъ за 1902 г. Оно израсходовало въ отчетномъ году на всѣ свои изданія 40,840 кр. Доходы общества состояли изъ пособія галицкаго сейма въ 10,000 кр., изъ пособія государства въ 8,000 кр. Остальные доходы давала типографія «Товариства», печатающая школьные учебники для народныхъ школъ и гимназій съ украинскимъ языкомъ преподаванія. Правленіе «Товариства» пыталось развить продажу своихъ научныхъ изданій, но успѣха не имѣло. Комиссіонеръ, занятый распространеніемъ по краю и польскихъ, и нѣмецкихъ книгъ, возвратилъ обществу его изданія, такъ какъ ихъ никто не покупаетъ. Въ виду этого общество вновь серьезно озабочено вопросомъ о сбытѣ своихъ изданій. Въ виду недостатка матеріальныхъ средствъ, бібліотека общества пополнялась только обмѣномъ и пожертвованіями (наиболѣе значительныя пожертвованія сдѣланы проф. кіевского университета Антоновичемъ и Житецкимъ). Общество владѣетъ еще своимъ домомъ, приобрѣтенымъ на пожертвованіе изъ Россіи отъ лица, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ; но домъ пока не приноситъ дохода, такъ какъ заложенъ. Общество въ истекшемъ году занято было обсужденіемъ вопроса объ открытіи частнаго украинскаго университета во Львовѣ; но эта мысль была оставлена: университетъ стоилъ бы непосильно дорого; кромѣ того, австрійское правительство не признало бы дипломъ этого университета и т. о. лишило бы его слушателей. Изъ изданій общества слѣдуетъ отмѣтить: 1) Записки (вышло уже 50 томовъ), 2) сборники различныхъ секцій, 3) изданія этнографической комиссіи (очень цѣнныя) и юридической, 4) бібліотеки историческую и украинско-русскую, наконецъ 5) Літературно Науковий Вістник. Въ 1902 году расходъ на эти изданія поглощалъ почти весь доходъ. Душой общества является его предсѣдатель проф. львовскаго университета по исторіи Руси-Украины (бывшій кіевскій доцентъ) Михайло Грушевскій. Помощниками проф. Грушевскаго являются извѣстные гг. Барвинскій и Студинскій. Мечта этихъ дѣятелей направлена къ созданію изъ общества «Українско-рускої академіи наукъ». («С.-Петербургск. Вѣд.» 71).

Къ вопросу объ украинско-русскомъ университетѣ во Львовѣ. На собраніи славянскихъ студентовъ въ Грацскомъ университетѣ между другими принята слѣдующая резолюція, предложенная Е. Косевичемъ: «Славянское студенчество, собранное на вѣче 11 марта 1903 г., требуетъ основанія украинскаго университета во Львовѣ и чешскаго въ Прагѣ». Участвовало въ вѣчѣ свыше 300 человекъ («Діло», 49).

Публичныя лекціи во Львовѣ. Стараніями т-ва «Кружокъ украинськихъ дѣвчат» въ мартѣ мѣс. устроены рядъ публичныхъ лекцій: 1) д-ръ Франко—«Данте Алигьери і його Божественна Комедія»; 2) д-ръ Студинський—«Старинна руска повість»; 3) проф. Боберскій—«Ваймар тепер а передше»; 4) проф. Колесса «Українська література XIX в. до Шевченка». («Діло», № 41).

«Кружокъ украинськихъ дѣвчат в Чернівцях». 22 февр. состоялось общее собраніе «Кружка украинськихъ дѣвчат в Чернівцях» подъ предсѣдательствомъ г-жи Ольги Кобылянской. Изъ отчета видно, что въ теченіе годичнаго своего существованія означенный «кружокъ» имѣлъ 8 собраній, на которыхъ читались рефераты, и новѣйшія беллетристическія и научныя произведенія. Членовъ всѣхъ кружокъ имѣетъ 27, въ томъ числѣ на провинціи 11. Библіотека состоитъ изъ 225 томовъ; большая часть ея куплена на средства «Кружка», часть получена въ даръ. На общемъ собраніи принято рѣшеніе всяческими способами подвинуть вопросъ объ основаніи «дѣвчой бурси», а кромѣ того, по предложенію г-жи Кобылянской,—чтобы члены, живущіе на провинціи, собирали народныя сказки и пѣсни, которыя могутъ быть изданы на средства «Кружка». («Буковина», ч. 19)

Перемѣна президента Буковины. Бр. Бурбінъонъ палъ жертвой своей антирусинской политики. Пока онъ шелъ рука объ руку съ русинами, чувствовалъ себя сильнымъ на своемъ посту. Послѣднія его антирусинскія дѣйствія въ Буковинѣ убѣдили центральное правительство, что нельзя управлять Буковиной не только противъ, но и безъ русиновъ. На мѣсто Бурбінъона назначенъ кн. Гогенлоэ Шиллингефиртъ («Діло», 37—38).

Къ колонизаціи мазуровъ въ восточной Галичинѣ. «Польскій парцеляціонный банкъ» въ Галичинѣ напечаталъ отчетъ о своей

дѣятельности, обратившій на себя вниманіе русинской печати Галичины («Діло»). Сначала банкъ занимался распродажей земельныхъ участковъ по порученію владѣльцевъ. Когда же разгорѣлась польско-русинская борьба въ вост. Галичинѣ, то банкъ сталъ на собственный рискъ покупать земли и распродавать ихъ. Съ основанія банка до конца 1902 года было предложено для распродажи 272 земельныхъ имущества, въ 63 повѣтахъ, площадью въ 200,000 морговъ. Банкъ же принялъ на парцелляцію 24 имущества площадью въ 9200 морговъ, изъ которыхъ распродалъ—8,368 морговъ за 3.458,375 кр., въ томъ числѣ въ послѣдній, 1902 годъ, за 2.112,519 кр., 12 имущества уже окончательно распроданы по частямъ, 12 же еще не совсѣмъ. «Діло» утверждаетъ, что польскія газеты намѣренно умалчиваютъ названія мѣстностей, гдѣ находятся распроданныя банкомъ земли, даже утверждаютъ, что дѣятельность банка, главнымъ образомъ, распространялась не на восточную, русинскую, а на западную, польскую Галицію. Въ вост. Галичинѣ распроданы участки мазурамъ (полякамъ) только-де въ 2 повѣтахъ—львовскомъ и ярославскомъ; остальное будто бы продано мѣстному, русинскому населенію. «Діло» называетъ это неправдой, утверждая, что цѣль банка—колонизовать вост. Галичину мазурами, а русиновъ побудить къ переселенію въ Америку. («С.-Петербургск. Вѣд.», 67).

Ограниченіе ухода на заработки въ Галичинѣ. Отсутствие заработка и невозможно низкая заработная плата—вынуждаютъ русиновъ уходить на работы «за Бескид», въ Сѣверную Америку, и въ послѣднія 10 лѣтъ—въ Германію, даже оч. далеко на сѣверъ ея. Казалось бы ничто въ Австріи не должно препятствовать этимъ поискамъ работы и лучшей платы. 4-я статья основного закона (21/xii—1867) обезпечиваетъ каждому австрійскому гражданину не только неограниченную свободу переселенія въ предѣлахъ государства, но и свободу выселенія (ограниченную, только обязанностью воинской службы). И все-таки въ восточной Галиціи всевозможныя препятствія въ этомъ отношеніи, какъ затрудненія въ выдачѣ паспортовъ и т. п.—обычное явленіе. Особенно теперь, послѣ прошлогоднихъ «страйківъ», Галицкіе верховоды рѣшили показать русинскому рабочему народу свою силу и наказать его непокорность; русинскій народъ, по ихъ планамъ, долженъ гибнуть отъ голода или работать на панскихъ ланяхъ

за плату, какую ему великодушно дадутъ изъ милости. Вотъ послѣднія извѣстія. 18 февр. на «війтівській» сессіи въ бережанскомъ староствѣ секретарь староства запретилъ эмиграцію и выходъ на заработки въ Пруссію, заявилъ, что никому не дастъ паспорта и приказалъ, чтобы війты немедленно доносили староству, если кто будетъ записывать людей на работы въ Пруссію. Или вотъ офіціальная бумага рады Перемышлянскоі волостному начальству въ Барычахъ запрещаетъ эмиграцію въ Америку безъ предъявленія 2.000 кор. наличными и безъ предварительнаго увольненія отъ Австрійскаго подданства. («Діло» 33). Или вотъ фактъ изъ Брідщини. Въ с. Топорові нѣмецкая фирма наняла 50 человекъ русиновъ на лѣсныя работы въ Баваріи. Секретарь староства въ Бродахъ—отказалъ выдать имъ паспорта. Отправившіеся съ служебными книжками рабочіе были задержаны на Львовскомъ вокзалѣ и возвращены. Фирма имѣетъ обжаловать это беззаконіе передъ вѣнскимъ правительствомъ. («Діло», 37—38).

Воззваніе къ галицкому духовенству. Въ № 35 «Діло» свящ. О. Д. Таячкѣвичъ обращается съ просьбой ко всему Галицкому русинскому духовенству—присылать извѣстія о фактахъ безправія, обидъ и оскорбленій, какія причиняетъ латинскій клиръ, латинская церковь въ Галичинѣ «руско-католицькой» православної церкви. Эти факты, какъ иллюстрація положенія «руско-католицькой» церкви, должны быть занесены въ церковно-историческій актъ—меморіаль, который будетъ преподнесенъ Апостольскому Престолу (согласно постановленія народнаго собранія во Львовѣ 8 сент. 1902). Гакатистическое направленіе польской политики и ея слуги—латинской церкви дѣлаетъ особенно необходимымъ такое собраніе фактовъ притѣсненій. Цѣли этой политики—не допустить исполненія самостоятельной миссіи «руско-католицькой» церкви, унижить ея обрядъ, подорвать авторитетъ и вліяніе ея духовенства. («Діло», 35).

Откуда берутся „латинники“ въ Галичинѣ? Д-ръ Голомбинскій насчиталъ въ восточной Галичинѣ 1½ милліона поляковъ; д-ръ Козловскій, созвавшій уже тридцать слишкомъ «повітових з'їздів», всюду провозгласилъ, что Галицкая Русь—отъ созданія міра—польская земля, что поляки здѣсь—автохтоны, что «обрушенныє» латин-

ники—это остатки прежняго польскаго населенія, а русины—чуждые пришельцы. Многіе въ западной Галиціи дѣйствительно вѣрятъ, что латинники восточной Галичины—это обрушенные польскіе колонисты. Въ дѣйствительности эти поляки—только перетянутые въ латинство, въ этомъ поколѣніи или два-три поколѣнія назадъ, коренные русины «З діда-прадіда», русины по крови и расѣ, по языку, по вѣрѣ и обычаямъ. Польскіе колонисты составляютъ между ними едва десятую часть, и до нынѣ остаются поляками.—Подъ предлогомъ «одпольщеня зруцоних влосцян на Русі»—идеть усиленная латинизаціино-полонизаторская работа, ежедневное перетягиванье «греко-католиків» русиновъ въ латинскій обрядъ, на «польске». Глубоко интересныя данныя о такихъ массовыхъ перетягиваньяхъ находимъ въ брошюрѣ о. Прислопского (изъ Дубецка) «Примір латинизаторської гакати». Въ 1874—1876 гг. приведена въ латинство большая половина русиновъ въ Дубецкѣ и захвачены приходскія земли. А было тамъ нѣсколько «русскихъ» церквей. Въ 1875 г. олатинено цѣлое село Сільниця надъ Сяномъ. Въ 1878—80 гг. перешла въ латинство большая часть прихожанъ с. Динова. Въ 1880 г. олатинено почти все село Кремінка надъ Сяномъ. Въ 1892—цѣлое село Умяниця надъ Сяномъ. Въ послѣднее 10-лѣтіе олатинена большая половина села Бахорця. Всѣ эти села были прежде—самостоятельными «русскими» приходами. А теперь въ нихъ говорятъ по-польски и считаютъ себя поляками. Остатки русиновъ-православныхъ тоже ополичиваются: вѣдь въ школахъ не преподается украинскій языкъ, даже не празднуютъ «руски» праздники. О. Прислопскій даетъ также много мелкихъ фактовъ систематическаго обращенія въ латинство единицъ. Такъ польскіе ксѣнды (напр., въ Бахори, Бахорци, Делягови) систематично вѣнчаютъ тайно русиновъ съ поляками и особенно русинокъ съ поляками, иногда близкихъ родственниковъ (вопреки каноническимъ правиламъ), не увѣдомляя русинскихъ священниковъ, и даже не дѣлая оглашеній въ церкви. Такія смѣшанныя семьи дѣлзются, конечно, цѣликомъ польскими. Не шадятъ ксѣнды и дѣтей. Въ школахъ они высмѣиваютъ «руски» молитвы и богослуженіе (какимъ способомъ, о. Прислопскій не рѣшается пересказать, ожидая конфискаціи за униженіе вѣры). Даже не рожденныя, только ожидаемыя дѣти заблаговременно приводятся въ латинство; на исповѣди отцы-поляки обязываются крестить новорожденныхъ въ костелѣ. Не останавливаются, конечно, ксѣнды и передъ разрушеніемъ семейной жизни, давая инструкціи мужьямъ-полякамъ обра-

пять въ латинство своихъ женъ-русинокъ, и разстраивая иногда еще не заключенные смѣшанные браки.—При постройкѣ новой русской церкви ксѣнды всевозможными доносами властямъ и агитаціей въ приходѣ стараются помѣшать, прекратить возку матеріаловъ для церкви. Надъ всѣми жалобами и протестами русиновъ ксѣнды только по-смѣиваются: латинская консисторія всегда ихъ оправдываетъ. (Такъ за богохульство въ школѣ кс. Дучка получилъ отъ консисторіи аттестацію «vir gravis et probus»).—Брошюра о. Прислопского касается лишь нѣсколькихъ селъ; въ скоромъ времени онъ обѣщаетъ издать другую о всемъ руско-польскомъ пограничѣ. («Діло» 37—38).

Русины въ западной Галиціи. По статистическому изданію «Szematyzm królestwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1903», въ 33 селахъ и мѣстечкахъ западной Галиціи насчитывается русиновъ «греко-католиковъ» 1165. Эта цифра гораздо ниже дѣйствительной, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ. Въ 9 мѣстечкахъ совсѣмъ не указано греко-католиків, не упоминается и о солдатахъ-русинахъ, отбывающихъ службу въ зап. Галиціи. Большую часть этихъ заброшенныхъ на чужбину русиновъ составляетъ интеллигенція и полуинтеллигенція, во всякомъ случаѣ, люди болѣе состоятельные. На родитѣ они поддерживали бы свои институціи, свои общества, свою промышленность а въ мазурскомъ морѣ—волей-неволей—свои средства и трудъ отдають на чужое дѣло. Для восточной Галичины, столь бѣдной интеллигентными и матеріальными силами, такая массовая потеря слишкомъ вредна. прямо страшна. «Заточники на мазурахъ» силой обстоятельствъ ополячиваются: женятся на полькахъ, дѣтей крестятъ въ католичество. На требованія выслать метрики русскому священнику ксѣнды отвѣчаютъ: «Tu ziemia polska, znamy tylko cerzest polski!» Дѣти изъ этихъ ополяченныхъ семействъ зачастую становятся въ ряды польскхъ гакатистовъ и командируются въ восточную Галичину для „odbudowania Polski“. А въ самой западной Галиціи жандармерія состоитъ почти исключительно изъ русиновъ (въ статистикѣ, они показаны, конечно, рим.-католиками).—По оч. значительному числу русиновъ западная Галиція является фактически смѣшаннымъ краемъ, а не Польшею. Слѣдовательно, русины имѣютъ право добиваться признанія правъ своего языка въ управленіи и школѣ. А пока необходимо принять мѣры, чтобы вывести этихъ заточниковъ изъ національной дремоты и

омертвѣнія, и, прежде всего,—дать имъ возможность слушать православное богослуженіе и принимать таинства у православныхъ священниковъ. («Дѣло», 46).

Русинско-польское дѣло въ австрійскомъ парламентѣ. Во время бюджетныхъ преній въ австрійскомъ рейхсратѣ, русинскій депутатъ Романчукъ произнесъ рѣчь, посвященную національнымъ антагонизмамъ въ Австріи. Нѣмцы, по его словамъ, желаютъ играть въ государствѣ первенствующую роль, и на это имъ даетъ право ихъ численность, высокая культура, расселеніе по всему государству, матеріальная сила и, наконецъ, историческое развитіе государства. Имъ не слѣдуетъ, однако, заходить въ своихъ притязаніяхъ слишкомъ далеко, напр., требовать признанія нѣмецкаго языка исключительнымъ оффиціальнымъ языкомъ государства и парламента. Но введеніе общаго языка для сношеній между общественными учрежденіями разныхъ націй не только желательно, но и необходимо. Такимъ языкомъ можетъ быть лишь нѣмецкій. Въ до-конституціонной Галиціи нѣмецкій языкъ неограниченно господствовалъ въ судахъ, правительственныхъ установленіяхъ и школахъ. Неожиданно произошла перемѣна, и поляки получили всѣ права, а у русиновъ осталось лишь то, что у нихъ было въ эпоху централизма, но и эти остатки свободы пытаются отнять у нихъ поляки. Въ то время какъ нѣмцы относились къ полякамъ и русинамъ одинаково, теперешніе хозяева страны стремятся лишить русинъ всяческихъ правъ. Результатомъ такого положенія дѣль является совершенный матеріальный и политическій упадокъ русинскаго народа. Въ рейхсратѣ у русинъ лишь 8 представителей, а у поляковъ—70. Въ Галиціи строятъ сильныя крѣпости, но о сооруженіи могущественнѣйшей крѣпости—въ сердцахъ народа, о пробужденіи чувствъ вѣрности и привязанности не заботится никто. Заправила австрійскаго правительства идутъ по стопамъ руководителей б. польскаго государства. Во главѣ государства часто стоятъ потомки тѣхъ людей, которые не умѣли устроить собственныхъ дѣль.

„Я просилъ бы—отвѣтилъ Керберъ—представителей вост. Галиціи нѣсколько измѣнить свою тактику. Краснорѣчивыя жалобы, которыя мы слышали и сегодня, успѣли составить особую литературу. Намъ очень хорошо извѣстно положеніе дѣль на востокѣ Галиціи, и потому-то я совѣтовалъ бы русинскому населенію заявить, наконецъ,

свои требованія открыто, смѣло и лояльно, но освободившись отъ чувства ненависти, *галиційскому сейму*. Вѣроятно, мѣстные власти удовлетворятъ всѣ справедливыя требованія. Такъ какъ національный антагонизмъ въ вашей провинціи носить яркую социальную окраску, то я рѣшительно рекомендую вамъ бросить опасную агитацію и начать болѣе осмотрительную работу. Правительство имѣетъ въ виду возможное возобновленіе аграрной стачки. Политическая агитація, сопровождающая забастовку, заставляетъ насъ внимательно слѣдить за нею и готовиться къ самой энергичной защитѣ, если агитація прибѣгнетъ къ недозволеннымъ средствамъ. Мы не нуждаемся въ чрезвычайныхъ полномочіяхъ и удовлетворимся тѣми, которыя предоставляетъ намъ конституція, но порядокъ долженъ быть сохраненъ—во что бы то ни стало“.

„Діло“ справедливо замѣчаетъ. „Пусть знаетъ д-ръ Керберъ, что руководящая польская партія не хочетъ вообще дѣлать никакихъ уступокъ, а вліянія и напора г. Кербера, какъ и всего центрального правительства, она совсѣмъ не боится. Русины не откажутся отъ социальной борьбы, ибо, при теперешнемъ положеніи дѣлъ, политическое и экономическое освобожденіе крестьянства является единственнымъ путемъ къ приобрѣтенію въ краѣ силы и національно политическихъ правъ (№ 43).

Надо быть послѣдовательными!.. Съѣздъ довѣренныхъ мужей старорусской партіи въ Галичинѣ, состоявшійся во Львовѣ 2 февраля, принялъ слѣдующее рѣшеніе: „съѣздъ призываетъ всѣхъ дѣятелей и членовъ русско-народной партіи къ всестороннему распространенію во всѣхъ слояхъ русскаго населенія Галичины знанія русскаго литературнаго языка, русскаго исторіи и словесности, единственно способныхъ (*sic!*) обезпечить культурное развитіе и успѣваніе русскаго народа въ Австро-Угорщинѣ и къ *всеобщему употребленію русскаго литературнаго языка въ сношеніяхъ съ властями*“. Казалось бы, постановленія съѣзда, не мѣшало бы исполнять по крайней мѣрѣ самимъ инициаторамъ „новой эры“, но оказывается, (см. № 6 худосочнаго и малокровнаго журнальца „Живая Мысль“, стр. 185), что даже „секретаріатъ съѣзда напечаталъ оффиціальныя отчеты о съѣздѣ *язычьемъ*, а не по русски; какъ рѣшено употреблять русскій языкъ „всеобщее“ и „всестороннее“. Собственныя рѣшенія слѣдуетъ исполнять. „Это первое

и непремѣнное условіе разумной и цѣлесообразной политики“,—замѣчаетъ редакція „Живой Мысли“.

Не можемъ не присоединиться къ вполне здравому дезидерату редакціи „Живой Мысли“ или, что то же, создателей и благотворителей „новой эры“ въ Галичинѣ. Польза отъ сего можетъ быть двоякая: во-первыхъ, писанія стороруссовъ дѣйствительно будутъ (если будутъ!) на настоящемъ русскомъ литературномъ языкѣ, а не на томъ „языческомъ“ quasi-языкѣ, на которомъ напр. слѣдующимъ образомъ изображается ранній приходъ весны: „Весною пахнетъ уже отъ нѣсколькихъ дней“ (какая благодать имѣть пахучіе дни!). Хорошій полъ (не комнатный, а „прекрасный полъ“!), тѣ, *раньше чѣмъ ласточки* (sic!) предвѣстники весны, гуляютъ по улицамъ въ весняныхъ (!) нарядахъ; на *плантахъ добывается изъ земли* травица (вѣроятно, какъ у насъ каменный уголь!)... Не рано ли еще? Вѣдь мѣс. мартъ рѣдко когда *резинуетъ (!) изъ своихъ каприсовъ...* („Галичанинъ“, № 40). Упраздненіе этой тарабарщины, осужденной, какъ видимъ и самими ея творцами въ лицѣ молодого поколѣнія (или новаго направления?), только лишь крайне желательно. Во-вторыхъ, употребляя въ своихъ изданіяхъ чистый литературный русскій языкъ представители русской партіи откроютъ глаза какъ читателямъ изъ народа, такъ и правящимъ сферамъ, которыя уже во-очію убѣдятся, что имѣютъ дѣло съ волками даже не въ овечьей шкурѣ. Если еще въ средѣ первыхъ они могли бы встрѣтить нѣкоторую поддержку, то въ лицѣ послѣднихъ, мы увѣрены, не найдутъ ни малѣйшаго сочувствія, которое не можетъ быть компенсировано даже матеріальнымъ и идеальнымъ сочувствіемъ извнѣ.

Дѣятельность Историческаго Общества въ Черновцахъ. „Историчне Товариство“ въ Черновцахъ въ началѣ марта открыло двѣ серіи популярно-научныхъ лекцій: I. *Про славянську старину*—читаетъ проф. университета д-ръ См. Смаль-Стоцкій. II. *Про фільозофію*—преподаватель гимназіи Юліанъ Кобылянскій. Въ каждой серіи предположено по нѣскольку лекцій. Лекціи читаются въ „Народнім домі“ („Буковина“, № 15).

Українсько-Руске драматичне Товариство імени Івана Котляревського. 22 февраля происходило общее собраніе членовъ «Укра-

інсько-русского драматичного Товариства імени Котляревского» во Львовѣ. Предсѣдатель (Іл. Огоновскій) въ своей рѣчи отмѣтилъ, что въ минувшемъ году Общество не могло развить своей дѣятельности такъ, какъ этого можно было требовагь, причиной чему послужила сецессія студенческой молодежи изъ Львовскаго уиверситета и затѣмъ сельско-хозяйственная стачка. Вслѣдствіе этихъ причинъ драматическая напр. секція, лишенная наиболѣе энергичныхъ членовъ, должна была прекратить свою дѣятельность болѣе чѣмъ на полгода. Въ теченіе года Общество имѣло десять засѣданій, предметомъ обсуждения на которыхъ были: изданіе драматической библіотеки, устройство лекцій, проектъ основанія театра и т. п. Въ качествѣ перваго выпуска драматической библіотеки Общество приобрѣло право на изданіе и представленіе драмы Цеплинскаго «Ворожбитъ»; а также отъ «Рускої Бесіди» все изданіе «Наталки-Полтавки» съ партитурой. Лекціи были прочитаны др-омъ Студинскимъ (три) о началѣ драматургіи на Руси «Щуратомъ—о 3 національныхъ гимнахъ на Руси. Членовъ общества имѣеть 411, имущества на 4912 коронъ. («Діло», ч. 44).

Общество «для розвою рускої штуки». 14 февраля состоялось общее собраніе «Товариства для розвою рускої штуки». Изъ прочитаннаго на собраніи отчета видно, что въ минувшемъ (4-мъ отъ основанія) году Общество насчитывало 131 члена. Общество имѣло въ теченіе 1902 года 19 заказовъ (преимущественно отъ церквей), на сумму 18013 кор. Въ концѣ прошлаго года устроена была выставка изъ области нецерковной живописи, которая прошла весьма удачно и большинство картинъ было куплено. Въ настоящемъ году Общество также предполагаетъ устроить обширную выставку работъ украинскихъ художниковъ («Діло», ч. 39).

Грандіозная церковь. Огромныхъ размѣровъ церковь въ не-продолжительномъ времени начинаетъ строить г. Богородчаны (въ Галичинѣ) по плану архитектора В. Нагирного. За образецъ взятъ Владимірскій соборъ въ Кіевѣ, церковь будетъ украшена прекраснымъ иконостасомъ изъ скита Манявскаго, весьма цѣннымъ и художественнымъ памятникомъ искусства XVII вѣка. Безъ сомнѣнія, Богородчанская церковь будетъ единственная въ своемъ родѣ во всей Галичинѣ.

Какъ сообщаютъ, художественный оттискъ плана В. Нагирного заказанъ для выставки въ Петербургъ. («Діло», ч. 20).

Какъ пишуть иногда рецензиі. Въ настоящее время во Львовѣ играетъ извѣстная читателямъ «Кіевской Старины» украинская труппа подъ управленіемъ М. Губчака. По поводу водевиля М. Старицкаго «Якъ ковбаса та чарка, то мынется й сварка» газета «Руслан» (№ 36) помѣстила слѣдующую любопытную рецензію, заслуживающую того, чтобы значительную часть ея передать въ оригиналѣ. Замѣтимъ, между прочимъ (для дальнѣйшаго изложенія), что «Руслан»—органъ посла Барвинскаго. «Якъ ковбаса та чарка»—се дуже сьмішна заковика (!). Підстаркуватий п. Рубчакъ (рецензентъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы замѣняетъ исполнителями) зі своїмъ наймитомъ п. Захарчукомъ ідять дуже сьмішно борщ, випивши по пів чарочки горівчанихъ зливків, відтакъ позалицявшись до гарної пані Рубчакової, ніби то шинкарки, відіздять, а до шинку заїздить п. Гембицький. Сего розперізує дуже сьмішно п. Юрчакъ та урвавши пояс, дуже сьмішно перевертався на землю, відтакъ страшно комічно стягає бацькори, суваючи пана з лавою по цілій хаті. У високихъ шкарниткахъ по коліна бігає п. Гембицький по шинку, та нарікає, що посварився з п. Барвінськимъ (не посломъ, а акторомъ!) і не має що випити, бо на спільне полвоване звикли они були брати до складкового сніданя один ковбасу з чосникомъ, а другий горівку з вишнякомъ. Шукає по полиці, чи нема де горівки, виливає всі фляшки, чи нема де хоть каплянки, але — годі! На те надіздить п. Барвінський (але не той з Відня, а з України) завязаний дуже сьмішно в хустці, яку знов розв'язує ему его наймит і роздягає з кожуха. Але щоби не повторятися, се роздягане виходить меньше сьмішно, тільки знов п. Барвінський (якъ звісно, посол не курить зовсім) витягає забитий цибух і такъ дує в него, що мало не лопне. Теперъ зачинаєся чудасія. П. Барвінський (якъ звісно, посол належить до елевтериків¹⁾) витягає фляшку і чарку..... Наразъ оба незгідні сусіди п. Гембицький і п. Барвінський (пригадуємо ще разъ, що се не посол), починають дальшу сварку.. П. Барвінський (чей же не треба повторяти, котрий се), вертає, а ту чарка порожня»... и т. д..

¹⁾ Общество трезвости во Львовѣ.

Быть может, известной части публики подобныя «дуже смѣшні» рецензіи и по вкусу, но во всякомъ случаѣ редакціи «Руслана» не пристало выставять себя же въ смѣшномъ видѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Галицкія газеты (какъ украинскія, такъ и польскія, не стѣсняются и прибѣгаютъ къ такого рода литературнымъ приемамъ, которые кажутся по меньшей мѣрѣ странными для нашего, привыкшаго къ известной корректности въ прессѣ глаза. Въ Галицкихъ газетахъ, напримѣръ, не трудно встрѣтить такія милыя выраженія: «два наші півправительственні цуцики: «Руслан» і черновецька «Буковина», «отсі стрічки, що їх пишу, най будуть добнею на кацапску недо-тепну макітру «наблювателя» (статья «Наблювателя» въ «Галичинѣ»)...

Народная школа въ Буковинѣ. «Шематизмъ буковинскихъ народныхъ школ і учителей», изд. учителемъ Фурманомъ, показываетъ значительные успѣхи школьнаго дѣла послѣ 1894 года. Число школъ увеличилось на 19% (вм. 381—401), число учительскихъ силъ на 93.55% (вм. 653—1264), процентъ учащихся на 24.31% (въ 1894 г. 57.4%, въ 1902 г. 71.71%). («Діло», 36).

Народный домъ въ Чернивцяхъ является самой важной культурной институціей въ Буковинѣ; задача его—нести матеріальную и нравственную помощь русинскому народу. Къ сожалѣнію, число членовъ и финансовыя средства его весьма незначительны. Въ прошломъ году всѣхъ членовъ-основателей было 245, полную вкладку дали лишь 124 изъ нихъ. На содержаніе бursы для русиновъ учениковъ (55 чело-вѣкъ, преимущественно гимназистовъ) и на пособія ученикамъ Тов-вар-о «Народнаго Дома» израсходовало 10.639 кор. (На этотъ предметъ Тов-о получило отъ «религійного фонду» 5.000 к.) «Народный Домъ» имѣетъ читальню (изъ 3-хъ комнатъ), гдѣ происходятъ также засѣданія разныхъ обществъ, и библіотеку. Для вечеринокъ и любительскихъ спектаклей онъ уступаетъ русинскимъ обществамъ большую залу за пониженную плату. Всѣмъ этимъ «Нар. Домъ» содѣйствуетъ пробужденію общественной жизни въ самыхъ широкихъ кругахъ Буковинскаго народа. Тов-о «Нар. Дома» имѣетъ также собственную типографію.—Къ началу 1903 г. у Тов-а—7.330 кор. дефицита. «Діло»

призываетъ русинское общество—поступленіемъ въ члены и вкладками поддерживать «Нар. Домъ».

Конкурсъ. Львовское товариство «Просьвіта» опубликовало еще 27 сент. 1902 года конкурсъ *Михайловыхъ премій* за драматическое или повѣствовательное произведеніе изъ историческаго прошлаго Украины-Руси. Напоминаемъ авторамъ нашей Украины, что, согласно условіямъ конкурса, которыя приводимъ ниже, срокъ представленія сочиненій истекаетъ 27 сентября 1903 года.

§ 1. а) *Премія 1100 (тысяча и сто) коронъ*, зложена на руки Товариства «Просьвіта» у Львови, назначена за оригинальную драму або трагедію зъ историчного жита Украины-Руси;

б) *Премія 700 (семсотъ) коронъ*, назначена за оригинальную повесть зъ историчного жытя Украины-Руси.

§ 2. Конкурсомъ править товариство «Просьвита»; оно оголосить отси правыла по усихъ народно-руськыхъ часопысахъ и у двоухъ польскыхъ: одной у Львови, другой у Варшави або Петербурзи.

§ 3. Речынецъ конкурсу *одноричный* зъ того дня, якъ буде оголошена перна оловистка. Колы бѣ въ часи одного року не приславе видповідныхъ творивъ, тогда оголосить ся новый конкурсъ на дальшій одынъ рикъ и такъ дальше, докы не наспіють творы достойни преміи.

§ 4. За для суду надъ присланными на конкурсъ творами и для прысуду премій товариство «Просьвита» зложить Раду, до якои поклыче: голову товариства «Просьвита» зглядно его заступника, фондатора преміи, двоухъ професоривъ руськой мовы и пысьменства на львовскому университети, професора руськой мовы на черновецькому университети и двоухъ членивъ товариства «Просьвита». Въ рази, колы-бѣ котрый небудь зъ членивъ, запрошенныхъ до суду, выбору не прыйнявъ або зрикъ ся, товариству «Просьвита» прыслугуе право, поклыкаты на ёго місце кого иншого. Судъ обовязанный оголосыты выслидъ конкурсу *найтизнійше въ нивъ року* по речинци, назначенимъ для прысылкы творивъ.

§ 5. До конкурсу належить прыйматы оригинални, ще недруковани и не давани на сцени твори Русинивъ зъ цилого обширу украинсько-руськыхъ земель.

§ 6. Авторъ не підписыуе на твори имени и призывца, лише подае девизу. Свое имя и призывце присылае авторъ въ замкненій конверти, яку конкурсowy судъ витворить лише тогди, колы творови буде присуждена премія.

§ 7. Змистъ драмы чы трагедіи чы повисти повиненъ быты исторычный, взятый зъ эпохи дружынно-вичевой, русько-литовськой, або козацькой; подія мусыть быты дійсно-исторычною. Характеръ и колорить драмы, трагедіи чы повисты повиненъ видповидаты исторычнымъ и етнографичнымъ умовамъ своего часу. Тенденція мае переходыты черезъ весь твирь выразно, мусыть быты патріотычною, але не образливою для сусидныхъ народивъ.

§ 8. Мова діячивъ драмы, чы трагедии, чы повисты повинна быты чистою украинсько-руською; вона мусыть видповидаты часовы, змистовы, обставынамъ діи и вдачи діячивъ. Въ твори не вильно ужмы ваты жадного трывіялізму. Треба уважаты, щобъ мова видповидала-формамы народному сынтаксысу. За взирци мовы треба взаты: а) Исторычни писни, выдани въ Києви Антоновычемъ и Драгомановымъ, б) Украинськи прыказкы, выдани Номисомъ, в) судови и иныи исторычни документы и д) Шевченкови творы.

§ 9. Письмо творивъ, присланныхъ на конкурсъ, мусыть быты *выразне и чытке*, пысане по змоси *не власною* рукою автора. Змистъ и оцинка творивъ можуть быты оголошени друкомъ доперва по ршешю конкурсу.

§ 10. Творы членивъ конкурсowego суду не будутъ преміовани

§ 11. Преміована драма чы трагедія хотъ и буде авторовою власностью, але авторъ не матыме права забороныты даваты іи на сцени руського театру.

§ 12. Авторъ обовязаный преміовану драму чы трагедію чы повистъ выдруковаты въ протягу року, пысля прысуджениа преміи. Въ протывнымъ рази право першого накладу прыслугуе товариству «Просьвита». Въ друку не вильно авторови робыты ніякыхъ зминъ такъ пидъ оглядомъ змисту, якъ и тенденціи.

Вси творы належыть присылаты пидъ адресою: Товариство «Просьвита» у Львови, Рынокъ, ч. 10.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Акты, издаваемые Виленскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIX. Акты о евреяхъ. Вильна, 1902 г. in 4, стр. I—L+1—539.

По своему содержанию настоящій томъ является продолженіемъ XXVIII тома Актовъ Виленской Коммиссіи и заключаетъ въ себѣ 245 документовъ, съ 1561 по 1795 гг., относящихся къ исторіи евреевъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи. Въ виду однородности историческихъ условій существованія и дѣятельности евреевъ на всемъ пространствѣ бывшаго польско-литовскаго государства, вновь изданные акты могутъ представлять интересъ и для исторіи нашего края.

При всемъ разнообразіи содержания этихъ актовъ, ихъ можно респредѣлить по слѣдующимъ рубрикамъ:

I. Жалованныя королевскія грамоты евреямъ на разныя права и привилегіи. Гонимые и преслѣдуемые во всей западной Европѣ, евреи, какъ извѣстно, нашли въ Польшѣ и Литвѣ какъ-бы новое отечество, что и послужило причиною массоваго ихъ переселенія сюда. Дѣйствительно, польскіе короли и литовскіе великіе князья оказались самими вѣротерпимыми государями: они не только благосклонно приняли новыхъ поселенцевъ, но и сдѣлали ихъ предметомъ своей особенной заботливости, оградивъ неприкосновенность ихъ бытового, религіознаго и общественнаго строя и наградивъ ихъ такими правами и привилегіями, которыя верѣдко шли въ разрѣзъ съ интересами кореннаго населенія. Отсюда—ненависть этого населенія къ пришель-

цамъ, доходившая до взведенія на нихъ самыхъ ужасныхъ противобщественныхъ преступленій. Но польско-литовскіе государи постоянно являлись вѣрными покровителями и защитниками гонимаго Израиля. Особенно замѣчательна грамота Сигизмунда-Августа, выданная въ 1564 г. по слѣдующему поводу: жаловались литовскіе евреи, что велико-княжескіе урядники судятъ, рядятъ, даже осуждаютъ ихъ «на горло», грабятъ имущество и чинятъ другія насилія вопреки дарованнымъ имъ правамъ, поэтому евреи просили уравнивать ихъ въ правахъ съ евреями «коронными», т. е. польскими, и въ особенности оказать имъ защиту въ случаѣ несправедливыхъ, но весьма частыхъ въ то время обвиненій ихъ въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей (для ритуальныхъ цѣлей) и поруганіи «сакрамента» (т. е. даровъ св. причастія). Королю неоднократно приходилось разсматривать дѣла по такимъ обвиненіямъ, и онъ убѣдился «зъ доводовъ святого письма», что евреи, по ихъ закону, «крови христіанской николи не требуютъ» (т. е. не имѣютъ въ ней надобности для своихъ религіозныхъ обрядовъ) и что самъ папа римскій удостовѣрилъ, «ижъ жидове тому не винни и того не требуютъ»; поэтому Сигизмундъ-Августъ издалъ слѣдующій знаменательный для половины XVI в. законъ: а) всѣ дѣла по обвиненію евреевъ «о мордованье дѣтей христіанскихъ або о сакраментъ» навсегда изъемяются изъ компетенціи обыкновенныхъ судовъ и поступаютъ исключительно на судъ королевскій, и то не единоличный, а сеймовый; б) обвинитель долженъ доказать справедливость обвиненія свидѣтельствомъ не менѣе какъ четырехъ благонадежныхъ свидѣтелей изъ христіанъ и трехъ изъ евреевъ, и в) не доказавшій этого преступления «маеть быти каранъ горломъ и маетностью». Разумѣется, при данныхъ условіяхъ судебные процессы о ритуальныхъ убійствахъ евреями христіанскихъ дѣтей становились невозможными; тѣмъ не менѣе попытки къ ихъ возбужденію никогда не прекращались, и еще въ 1766—1767 гг. евреи находили нужнымъ вносить въ актовыя книги эту старинную грамоту Сигизмунда-Августа, очевидно въ видахъ огражденія себя отъ возможности подобныхъ фанатическихъ обвиненій.

II. Ко второй категоріи могутъ быть отнесены разнаго рода документы, рисующіе взаимныя отношенія христіанскаго населенія къ еврейскому и обратно. Документы эти безспорно свидѣтельствуютъ о крайней враждебности этихъ отношеній. Рѣзче всего она проявлялась въ городахъ, гдѣ было больше евреевъ. Мѣщане, ремесленники, иезуитскіе студенты учиняютъ надъ евреями постоянныя насилія, грабятъ

ихъ имущество и устраиваютъ съ ними частыя побоища. Рѣдкій годъ обходился безъ того, чтобы въ томъ или другомъ городѣ поспольство не пыталось учинить форменный еврейскій погромъ. Въ 1682 г. одинъ виленскій шляхтичъ передъ огромною толпою народа держалъ такую рѣчь: «Панове! Знайте, что пока мы не проявимъ отваги, не обращая вниманія ни на какія ихъ (евреевъ) права и дарованныя имъ королевскія привилегіи, до тѣхъ поръ не будетъ съ ними конца; поэтому намъ нужно пораскинуть умомъ, чтобы такъ или иначе ихъ отсюда выкурить: однихъ перетопить, а другихъ перебить; пусть они тогда ищутъ на насъ суда!» Больше всего раздражали мѣщанъ привилегіи евреевъ, освобождавшія ихъ отъ исполненія нѣкоторыхъ общегородскихъ повинностей; поэтому магистраты сплошь и рядомъ знаютъ не хотѣли еврейскихъ привилегій, а цеховые то и дѣло нападали на евреевъ-ремесленниковъ, дѣлавшихъ имъ подрывъ.

Въ свою очередь и евреи не оставались въ долгу передъ христіанами. Въ тѣ времена они, повидимому, вовсе не были робкимъ, запуганнымъ народомъ; имѣя въ лицѣ королей могущественныхъ покровителей, они, напротивъ, высоко держали голову передъ туземнымъ населеніемъ страны и при всякихъ враждебныхъ съ нимъ столкновеніяхъ смѣло давали отпоръ, переходя нерѣдко въ наступательныя дѣйствія. Смѣлость евреевъ простиралась до того, что они оказывали нерѣдко вооруженное сопротивленіе исполненію трибунальскихъ декретовъ. Часто они отказывались платить подымное и другіе налоги, отчего увеличивалась податная тяжесть мѣщанъ, укрывали и переводили краденое, сами обворовывали костелы и даже учинили по дорогамъ, изъ-засады, разбой и убійства.

Но всего чаще евреи привлекались къ суду за неплатежъ по займамъ. По роду своихъ торгово-промышленныхъ занятій, они больше другихъ классовъ населенія нуждались въ кредитѣ и, за отсутствіемъ въ тѣ времена банковъ, искали его у частныхъ лицъ, соблазняя ихъ высокимъ процентомъ: въ то время, какъ христіане-заемщики платили 5, 6 и 7 процентовъ, евреи предлагали 8, 9 и 10%. Въ тѣ вѣка самыя крупныя капиталы скоплялись въ различныхъ духовныхъ учрежденіяхъ—монастыряхъ и коллегіяхъ, преимущественно іезуитскихъ; они-то и были главными заемодавцами, а ихъ заемщиками являлись евреи, и притомъ не отдѣльныя лица, а цѣлыя кагалы. Заемъ обезпечивался такими многочисленными и необыкновенными гарантіями, что, казалось, заемодавецъ могъ оставаться совершенно спокойнымъ

за цѣлость своего капитала и исправное поступленіе процентовъ. Вотъ, для образчика, содержаніе заемной или облигаціонной записи, выданной въ 1678 г. пинскимъ кагаломъ пинскому іезуитскому коллегіуму: въ случаѣ неуплаты въ одинъ изъ условленныхъ сроковъ процента, ректоръ коллегіума «имѣеть право запечатать въ г. Пинскѣ обѣ наши школы и скотобойню, а также всѣ школы и скотобойни во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, принадлежащихъ къ пинскому кагалу, и равно всѣ лавки и дома наши, насъ же самихъ, нашихъ женъ и дѣтей сажать въ тюрьмы, отбирать отъ насъ товары, дома, усадьбы, денежные суммы, и держать все это въ своихъ рукахъ, а насъ самихъ въ тюрьмахъ, до тѣхъ поръ, пока не заплатимъ ему сполна реальной суммы, процентовъ, тройныхъ зарукъ (штрафа), совитости (удвоенной суммы, въ видѣ неустойки) и убытковъ,—и все это онъ имѣеть право сдѣлать безъ суда и формальныхъ доказательствъ, мы же не имѣемъ защищаться нашими еврейскими правами, привилегіями и вообще никакими юридическими способами». Такъ всегда составлялись евреями долговые записи,—и тѣмъ не менѣе долги рѣдко когда уплачивались аккуратно, а если заимодавецъ пытался осуществить какую-либо изъ гарантій, наприм. опечатать школу или лавку, то встрѣчалъ вооруженный отпоръ и, за отсутствіемъ въ Польшѣ исполнительной полицейской силы, вынужденъ былъ смириться и вести съ должниками мирные переговоры, или начинать дорого стоившій процессъ въ высшемъ судебномъ учрежденіи—въ трибуналѣ. Не диво, что трибуналъ, безпрестанно заваливаемый дѣлами о неплатежѣ евреями долговъ, склоненъ былъ разсматривать эти обычные правонарушенія какъ тяжкіе уголовные проступки и сплошь и рядомъ присуждалъ и отдѣльныхъ неплательщиковъ, и старшинъ кагаловъ къ «выволанью» (изгнанію изъ предѣловъ государства), къ «инфаміи» (лишенію покровительства законовъ) и даже къ смертной казни. Не видно только, приводились ли въ исполненіе эти суровые декреты; по крайней мѣрѣ въ разсматриваемомъ томѣ актовъ мы не встрѣтили ни одного положительнаго на это указанія.

III. Намъ остается отмѣтить еще третью категорію документовъ, рисующихъ внутреннюю жизнь еврейскихъ общинъ въ XVII—XVIII вв. Здѣсь мы встрѣчаемъ нѣкоторые любопытныя черты, изображающія пресловутую еврейскую солидарность далеко не въ симпатичномъ видѣ. Такъ оказывается, что еврейскія общины нѣкоторыхъ городовъ по временамъ находились между собою въ крайне враждебныхъ отноше-

ніяхъ. Въ 1680 г. Брестскій кагалъ заявилъ право какого-то старшинства надъ сосѣдними кагалами и потребовалъ, чтобы они подчинились его юрисдикціи. Изъ-за этого возникли такія распри и «тумульты», что вмѣшавшійся въ это дѣло король далъ предписаніе, чтобы на ближайшемъ еврейскомъ сеймѣ¹⁾ эти кагалныя распри непременно были такъ или иначе умиротворены. Слуцкая и другія синагоги какъ-то примирились съ Брестскимъ кагаломъ, но Минская община ни за что не хотѣла ему подчиниться. Тогда брестскіе евреи, подушаемые своими кагалными старшими, объявили минскимъ евреямъ настоящую войну: хватали ихъ на дорогахъ и въ домахъ, не позволяли имъ даже показываться вблизи Бреста, открыто грабили на ярмаркахъ ихъ лавки и товары и производили другія насилія. Цѣлыхъ пять лѣтъ длилось это израильское междуусобіе, и самъ король былъ безсиленъ усмирить его.

Не въ лучшемъ видѣ рисуется и внутренняя жизнь еврейскихъ кагаловъ; въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ документы 1786—1788 гг., заключающіе въ себѣ жалобы самихъ же евреевъ на разнаго рода злоупотребленія и насилія, чинимыя кагалными старшинами. Оказывается, что группа вліятельныхъ евреевъ захвативъ въ свои руки кагалныя должности, до такой степени закабалила остальное еврейское населеніе г. Вильны и обложила его такими тяжкими, произвольными поборами и налогами, что бѣдному люду рѣшительно не стало житья. Кто былъ непріятель старшинамъ или оказывалъ имъ сопротивленіе, того они записывали въ какія-то «черныя книги», и это такъ устрашало непокорныхъ, что они поневолѣ смирялись.

Мы не могли исчерпать содержанія всѣхъ сколько-нибудь интересныхъ документовъ вновь изданнаго тома и старались отмѣтить въ нихъ лишь наиболѣе важное. Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи.

Документамъ предпослано «Предисловіе», составленное редакторомъ настоящаго тома г. Спрогисомъ. Общій недостатокъ всѣхъ изданій Виленской Коммиссіи тотъ, что въ подобныхъ «предисловіяхъ» лишь кратко излагается содержаніе издаваемыхъ документовъ по из-

---

¹⁾ Еврейскіе сеймы въ Литвѣ собирались одинъ разъ въ каждые три года.

вѣстнымъ категоріямъ, безъ указанія и оцѣнки того, какую же научную цѣнность имѣеть этотъ матеріаль въ связи съ другими однородными данными, уже добытыми историческою наукою и вошедшими въ ея оборотъ. Безъ такого широкаго освѣщенія предмета, при передачѣ лишь содержанія новыхъ матеріаловъ, легко впасть въ извѣстную односторонность и незамѣтно перейти черту, отдѣляющую научное разсмотрѣніе вопроса отъ публицистическаго. Намъ кажется, что нѣчто подобное случилось и съ г. Спрогисомъ. Если сравнить его «Предисловіе» съ вступительною статьей проф. В. Б. Антоновича къ 1 тому V части «Архива юго-зап. Россіи», тоже посвященному актамъ и о еврейхъ, то легко сразу увидѣть разницу между научнымъ и публицистическимъ трактованіемъ одного и того же вопроса. Проф. Антоновичъ тоже не скрываетъ и не умаляетъ антиобщественныхъ чертъ еврейскаго населенія въ бывшемъ Польско-Литовскомъ государствѣ и того вреда, какой оно причинило мѣстному, коренному населенію въ нашемъ краѣ; но онъ объективно оцѣниваетъ условія, въ какія были поставлены тогда евреи, и даетъ понять, что эти-то ненормальные условія и породили тотъ вредъ, какой возникъ для мѣстнаго населенія отъ сожительства съ евреями. У г. Спрогиса нѣтъ этой широты взгляда и справедливаго отношенія къ чужой народности. Онъ явно обнаруживаетъ свою нерасположенность къ еврейскому племени и откровенно выражаетъ недовольство тѣмъ, что оно не было въ свое время «поглощено и ассимилировано великимъ, могучимъ, извѣчнымъ организмомъ Русско-Литовскаго государства», «къ великой скорби исторіи». Безпристрастный читатель сразу видитъ, что это языкъ публицистики, а не науки...

Отмѣтимъ въ заключеніе одинъ редакціонный недосмотръ. На стр. 453 находимъ документъ, озаглавленный такъ: «1766 г., іюня 30. Привилегія короля Сигизмунда-Августа, снимающая съ евреевъ подозрѣніе въ убійствѣ христіанскихъ дѣтей»; на стр. 455 тоже: «1767 г. іюня 30. Привилегія кор. Сигизмунда-Августа...» Читателя поражаетъ странная хронологія: какой это Сигизмундъ-Августъ, дающій привилегіи въ 1766—67 годахъ? Оказывается, что обѣ эти привилегіи даны въ 1564 и 1566 гг. и лишь внесены (конечно, не въ первый разъ) въ актовыя книги Лит. трибунала и Виленскаго земскаго суда въ 1766—67 гг.; но въ такомъ случаѣ ихъ и помѣстить слѣдовало между документами XVI, а не XVIII ст.

О. І.

С. А. Енохинъ. На вику, якъ на довгій ныви. *Елмсаестрадъ.*
1903 г. 1—31 стр. Цѣна 20 коп.

«На вику,—якъ на довгій ныви»... Какое громкое, эффектное, заманчивое и многообѣщающее заглавіе!.. За тридцать одну страницу маленькаго формата книжечки—двадцать копеекъ. Вѣроятно, малъ золотникъ, да дорогъ...

Однако, много ли на самомъ дѣлѣ скрывается за этимъ громкимъ названіемъ книжечки г. Енохина, и такъ ли и на самомъ дѣлѣ дорогъ его золотникъ?

Судя по громкому заглавію, можно было думать, что г. Енохинъ очень много видѣлъ, наблюдалъ и самъ лично испыталъ,—можно было ожидать, что въ своей книжечкѣ онъ дастъ интересный итогъ всего имъ видѣннаго, слышаннаго, передуманнаго и пережитаго. Къ сожалѣнію, вмѣсто всего этого въ книжечкѣ нашего автора мы находимъ только нѣсколько довольно грубыхъ, подчасъ совсѣмъ не остроумныхъ, плоскихъ анекдотовъ, рисующихъ передъ нами крестьянина и его быть въ духѣ г.г. Раевского, Лучицкаго et cet... Чтобы не быть голословными, передадимъ вкратцѣ содержаніе первыхъ трехъ рассказовъ. Вотъ передъ нами крестьянинъ, который хочетъ увидѣть вѣдьму и для этого употребляетъ всякія освященныя народнымъ суевѣріемъ средства, а подъ конецъ напивается до безчувствія, во снѣ борется съ вѣдьмами и потомъ вѣритъ, что онъ, дѣйствительно, видѣлъ вѣдьму («Видьма»). Вотъ крестьянка, которой страстно хочется разбогатѣть. Для этого она продаетъ корову, покупаетъ много муки, выпекаетъ «паляницы», передѣлываетъ «паляницы» (п. ч. ихъ никто не покупалъ) въ калачи, а эти послѣдніе въ квашу и, такимъ образомъ, теряетъ всѣ свои деньги («Кваша»). Вотъ паренъ, который поѣхалъ вѣнчаться въ церковь и по какой-то, одному только автору понятной причинѣ не замѣтилъ, какъ съ его невѣстою обвѣнчался другой «парубокъ» («Посунься»). Остальные два рассказа («Пристроивъ гроши» и «Пошлы, Боже, сылки (!)» по своему содержанію нисколько не лучше только что разсмотрѣнныхъ нами. Очевидно г. Енохинъ очень посредственный наблюдатель, если изъ всего видѣннаго имъ «на вику, якъ на довгій ныви» онъ только и смогъ отмѣтить пять совсѣмъ не характерныхъ анекдотовъ. Неужели же, на самомъ дѣлѣ, въ деревенской жизни нѣтъ ничего болѣе интереснаго, болѣе важнаго и болѣе заслуживающаго подробнаго описанія?..

Неважные по своему содержанию, рассказы г. Енохина не блещут и красотой формы. Рассказывает г. Енохинъ довольно скучно, однообразно, безъ всякой живости. Нѣкоторые изъ его рассказовъ положительно напоминаютъ собою газетную корреспонденцію или какой-то протоколъ («Пошли, Боже, сылки!»). Съ современной техникой рассказа нашъ авторъ, очевидно, совершенно не знакомъ. Всѣ его рассказы представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографической, довольно сухой при томъ, записи. Единственнымъ достоинствомъ этихъ рассказовъ является ихъ довольно правильный и чистый въ общемъ украинскій языкъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи г. Енохинъ не вполне безупреченъ («поприкать», «отказавъ» «одмовывъ» «не довольна», «удобнице»...), а странное правописаніе, принятое имъ въ своей книгѣ, часто ставитъ читателя положительно втупикъ («у ранци» «утромъ»...).

Такимъ образомъ, ближайшее знакомство съ книжечкой Енохина показало, что его золотникъ и малъ и не очень то дорогъ. Впрочемъ, мы ничуть не въ претензіи на автора за то, что онъ поставилъ на своей книжкѣ очень дорогую цѣну,—мы даже рады этому, потому что вслѣдствіе дороговизны книжка его не такъ скоро разойдется и не найдетъ такъ много читателей, какъ если бы она была подешевле...

В. Миронецъ

Творы О. Я. Конисскаго-Перебенди, т. IV. Одесса 1903, и. 80 к.

Если мы обратимъ вниманіе на даты, поставленныя почти подъ всѣми 13 «оповіданнями» IV тома «творівъ» покойнаго О. Я. Конисскаго, то увидимъ что половина помѣщенныхъ здѣсь „оповідань“ написана въ 80-хъ г.г. нѣсколько „оповідань“ относится къ 70-мъ и 90-мъ гг., одно написано въ 1862 и одно въ 1900 году. Отсутствие хронологической системы въ группировкѣ литературнаго матеріала—недостатокъ, замѣтный во всѣхъ, вышедшихъ уже, четырехъ томахъ произведеній О. Я. Конисскаго. Вообще, безсистемность и случайная группировка произведеній упомянутаго автора должна быть поставлена въ упрекъ его издателямъ. Правда, у Конисскаго близкое сосѣдство произведеній 60-хъ и напр. 90-хъ годовъ не звучитъ диссонансомъ въ виду того, что всѣ его литературныя произведенія проникнуты однимъ духомъ любви къ меньшему брату и въ основѣ ихъ лежитъ одна идея—представить картину соціального и экономическаго

строю и очертить при этомъ духовно-нравственный обликъ украинскаго общества, преимущественно его низшихъ слоевъ. Но тѣмъ не менѣе хронологическая беспорядочность въ группировкѣ произведеній О. Я. Конисскаго лишаетъ читателя возможности наглядно видѣть картину постепеннаго развитія литературнаго дарованія этого автора.— Лучшими изъ повѣстей, вошедшихъ въ 4-ый томъ, по своей художественной обработкѣ нужно признать слѣдующія: „Чернычка“, „Драма въ тюрьмѣ“, „Судья Гарбузь“, „Сичовыкь“, „Навыпередкы“, „Доля одного лысьменныка“.— Съ внѣшней стороны книга издана удовлетворительно и заключаетъ въ себѣ 284 стр. средняго формата. Корректорскихъ ошибокъ мало. Желательно было бы въ послѣдующихъ томахъ изданія „творів“ Конисскаго видѣть болѣе прочную бумагу.

В. С.

А. Андріевскій. Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни.
Одесса, 1903 г. 1—16 стр.

Прошло уже сорокъ слишкомъ лѣтъ со дня смерти Т. Г. Шевченка. За это время успѣла накопиться цѣлая громадная литература, посвященная его личности и поэтической дѣятельности. Трудно разобратъся во всѣхъ этихъ, разбросанныхъ по всевозможнымъ журналамъ и написанныхъ на различныхъ языкахъ, матеріалахъ. Однако, даже при чисто внѣшнемъ только знакомствѣ съ ними нельзя не отмѣтить одного литературнаго явленія. До сихъ поръ большинство изслѣдователей, писавшихъ о Шевченкѣ, останавливались главнымъ образомъ на его многострадальной біографіи. Благодаря этому (особенно трудамъ покойнаго А. Я. Конисскаго), внѣшняя, такъ сказать, біографія нашего гениальнаго кобзаря болѣе или менѣе удовлетворительно разработана. Къ сожалѣнію, далеко нельзя сказать того же самаго относительно историко-литературнаго и критическаго разбора произведеній Шевченка. Правда, мы имѣемъ цѣлый рядъ небольшихъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ разбору или отдѣльныхъ произведеній или основныхъ идей и мотивовъ произведеній нашего славнаго поэта (особенно ст. О. Партицкаго, проф. О. Огоновскаго, д-ра Франка, проф. Колессы, Зѣнковскаго и друг.), но не было у насъ еще такого человѣка, который бы собралъ всѣ эти матеріалы для внутренней біографіи Шевченка, который бы на основаніи всѣхъ этихъ матеріаловъ

и статей представилъ намъ болѣе или менѣе основательное, обстоятельное и подробное изслѣдованіе относительно собственно произведеній его. Между тѣмъ потребность въ подобномъ изслѣдованіи вѣдъ всякаго сомнѣнія. Безъ подробнаго и обстоятельнаго критико-литературнаго разбора никогда не будетъ для насъ вполне ясна личность нашего гениальнаго Кобзаря, а также главныя мотивы и основныя идеи его безсмертныхъ произведеній. Въ настоящее время, въ виду приближающагося пятидесятилѣтняго юбилея со дня смерти Т. Г. Шевченка, положительно необходимо озаботиться не только составленіемъ его подробной біографіи, но и основательнымъ, критическимъ, строго-научнымъ разборомъ его произведеній. Это послѣднее не такъ то уже и трудно сдѣлать,—нужно, главнымъ образомъ, собрать, объединить и систематизировать многочисленныя, разбросанныя въ различныхъ временныхъ періодическихъ изданіяхъ статьи и изслѣдованія.

Послѣ этого нѣсколько длиннаго вступленія, намъ кажется, понятно то вниманіе, съ какимъ приходится относиться ко всякой попыткѣ освѣтить жизнь Шевченка на основаніи его произведеній, ко всякой попыткѣ подвести итогъ взглядамъ его на то или другое выдающееся жизненное явленіе. Не удивительно поэтому, что мы съ большимъ интересамъ и вниманіемъ перечитали брошюру покойнаго А. Андріевскаго—, „Объ отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни“. Правда, незначительный объемъ книжечки (16 стр.) нѣсколько смутилъ насъ,—намъ казалось страннымъ и почти невозможнымъ затрогивать въ такой маленькой брошюркѣ такую глубокую и серьезную тему... Однако, обратимся уже къ самой книжкѣ г. Андріевскаго.

Отмѣтивши въ началѣ брошюры общее бодрое отношеніе къ жизни, которое характеризуетъ всю вообще лирику Шевченка, въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи почтенный авторъ старается найти отвѣтъ на вполне естественный для всякаго знакомаго съ тяжелыми условіями жизни гениа нашего слова вопросъ: чѣмъ же объяснить этотъ бодрый тонъ произведеній и цѣнность жизни въ глазахъ „гениальнаго горемыки“. На основаніи анализа произведеній Шевченка и критическихъ замѣчаній къ нимъ другихъ изслѣдователей (Франко) г. Андріевскій показываетъ намъ, что общее бодрое настроеніе и цѣнность жизни у нашего поэта зависѣли отъ его любви къ природѣ, къ родинѣ и человѣчеству,—что эта любовь спасала поэта отъ отчаянія въ самыя тяжелыя минуты его жизни и помогала ему сохранить въ себѣ бодрость и силу духа.

Таково вкратцѣ содержаніе брошюры г. Андріевскаго. Конечно, кто возьмется читать брошюру Андріевскаго съ мыслью найти въ ней полный и обстоятельный отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи Шевченка къ жизни, тотъ жестоко ошибется. Благодаря своимъ слишкомъ незначительнымъ размѣрамъ, брошюра эта, собственно говоря, не даетъ ничего новаго и оригинальнаго. Впрочемъ, несмотря на это, она заслуживаетъ быть отмѣченною, какъ и всякая вообще попытка охарактеризовать ту или иную сторону многострадальной внутренней жизни нашего Кобзаря. Большимъ плюсомъ книжечки г. Андріевскаго является также та любовь и благоговѣніе передъ Шевченкомъ, которыя какъ бы проникають всю ее, которыя проглядываютъ въ каждомъ словѣ ея.

В. Мировець.

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1902 г., кн. 3 и 4. С.-Петербургъ, 1902.

Изъ статей и замѣтокъ, имѣющихъ отношеніе къ области нашего изслѣдованія, отмѣтимъ слѣдующія. Въ кн. 3-й *Д. Абрамовичъ. Изслѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ*, (стр. 34—76, 43—65). Болѣе интересенъ анализъ этого памятника со стороны культурно-бытовой исторіи (въ послѣдней части); *Н. П. Некрасовъ. Замѣтка о двухъ статьяхъ въ договорѣ Игоря съ греками 945 г.* (стр. 77—78). Цѣнное объясненіе къ пониманію того мѣста договора, гдѣ идетъ рѣчь о побѣгѣ рабовъ («аще оускочитъ челядинъ отъ Руси»); *М. П—ій. Слово на Рождество Богородицы* (по рукописи музея чешскаго королевства, относимой къ XVI вѣку (стр. 115—126). Текстъ слова повидимому очень древній, судя по упоминанію въ немъ о «Роуси—новомъ твоємъ стадѣ», *В. Н. Щепкинъ. II-й отчетъ отдѣленію русскаго языка и словесности* (стр. 156—218). Для насъ интересны цѣнные свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ о византійской миниатюрѣ и древней русской иконописи, почерпнутыя изъ разсмотрѣнныхъ имъ древнихъ рукописей (XI—XIV в.) въ Римѣ, Болоньи и Венеціи; *Е. Н. Карскій. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени* (стр. 221—234). Очень важно для насъ опредѣленіе южной границы бѣлорусскаго племени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сѣверной малорусской (стр. 224—227); *Н. И.*

Коробка. Къ изученію малорусскихъ колядокъ (тр. 235—276). Авторъ пытается разобраться въ достоинствахъ и недостаткахъ методовъ изученія малорусскихъ колядокъ, созданныхъ А. Веселовскимъ и Потебней. Выступая противъ туманности въ изслѣдованіяхъ, объясняемой въ извѣстной степени «отторженностью отъ социологической почвы, которой страдаютъ въ большей или меньшей степени труды изслѣдователей школы заимствованій», почтенный авторъ, однако, не проясняетъ затрогиваемыхъ имъ вопросовъ, затемняя ихъ, какъ намъ кажется, еще болѣе новыми гипотезами. Тѣмъ не менѣе изслѣдованіе автора содержитъ много цѣнныхъ указаній, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе изслѣдователямъ народной поэзіи. Въ отдѣлѣ библиографіи—*И. А. Лось. Народный элементъ въ польской поэзіи* (рецензія на книгу Stanisław Zdziański: «Pierwiastek ladowy w poezji polskiej XIX wieku. Warszawa, 1901») —указанія на то, въ какой степени малорусская народная словесность отразилась въ польской литературѣ, и общія упоминанія о польско-украинской школѣ; рецензія К. О. Тиандера на работу St. Rożnieck'аго *Perun und Tor* (Arch. für slav. Filologie, т. XXIII).

Въ кн. 4-ой. *О. Ашботъ. Нѣсколько замѣчаній на сочиненія В. И. Явича объ исторіи происхожденія церковно-славянскаго языка. I. Болгарское шт и славянскія, заимствованныя, слова венгерскаго языка. II. Мадьярское angyal „Engel“* (стр. 246—320). Цѣнное филологическое изслѣдованіе, имѣющее немалое значеніе для нашей филологіи. *А. Поодинъ. Къ вопросу о геродотовскихъ Неврахъ* (стр. 346—353). Авторъ приходитъ къ выводу о тождественности Невровъ со славянами, основываясь, между прочимъ, на данныхъ географической номенклатуры, а именно, допуская, что тырь или тырь (Τύρης, Τύρις, Τύρις)=Стырь (какъ Вислочь=Свислочь), отсюда и Днѣстръ=Dona—stris (или ster), значить „въ stris кроется память о прежнемъ названіи Днѣстра Стырю“. Въ отдѣлѣ библиографіи—*Г. Улашинъ. Польскія библиографическія изданія за послѣдніе годы (1898—1901)* (стр. 366—402). Въ обзорѣ этихъ изданій встрѣчаемъ указанія на давнія печатныя и рукописныя (напр. въ покудкомъ музеѣ въ Коломыѣ) произведенія, небезынтересныя для насъ.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Русскій Архивъ, № 3; 2) Русская Старина, № 3; 3) Историческій Вѣстникъ, № 3; 4) Русское богатство, № 1; 5) Миръ Божій, № 3; 6) Русскій Вѣстникъ, № 3; 7) Журналь Мин. Народн. Просвѣщенія, № 3; 8) Университ. (Кіевскія) Извѣстія, № 2; 9) Варшавскія Университ. Извѣстія, № 1; 10) Ученыя записки Казанскаго Университета № 2; 11) Труды Кіев. Духовн. Акад. № 2; 12) Книжки Восхода, № 2; 13) Земск. Сборн. Черниг. губ. № 2; 14) Литер.-Наук. Вистн. № 2 и 3.

Русскій Архивъ, № 3.

Письмо I. Ф. Квитки (*Основьяленка*) къ С. Т. Аксакову (стр. 445—447). Письмо это относится къ 1829 году и касается комедіи «Дворянскіе выборы» и ея постановки на Московской сценѣ.

Русская Старина, № 3.

Изъ письма Н. М. Языкова къ брату его Александру Михайловичу. Сообщилъ В. И. Шенрокъ (стр. 529—539). Въ этихъ отрывкахъ изъ писемъ встрѣчаются краткіе отзывы о М. А. Максимовичѣ, Гоголѣ и О. М. Бодянскомъ. Больше всего отзывовъ, и при томъ самыхъ неблагопріятныхъ, о Максимовичѣ, котораго Н. М. Языковъ считаетъ ничега не понимающимъ въ дѣлѣ литературы. Напр., говоря объ изданіи «Денницы», авторъ писемъ сообщаетъ: «Обозрѣніе русской словесности до 1830 года пишетъ самъ Максимовичъ. Уже мѣсяць, какъ носится онъ съ нимъ по знакомымъ домамъ, собирая кое-какія мнѣнія и изреченія о предметахъ, которыхъ самъ ничуть не понимаетъ, и изъ этого выходитъ такая сумятица, такая гиль, что не дай Богъ злему татарину быть ея авторомъ!»

Историческій Вѣстникъ, № 3.

Въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“ находится отзывъ о книгѣ П. Ф. Павловскаго. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Вып. I. Генераль-Губернаторство Куракина (1802—1808 г.)

Русское Богатство, № 1.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» помѣшенъ отзывъ о книгѣ *Т. Лубенца* «Педагогическія бесѣды», гдѣ между прочимъ идетъ рѣчь о преподаваніи въ школахъ на мѣстномъ языкѣ, при чемъ ставится автору бесѣды въ упрекъ его сбивчивая точка зрѣнія на постановку вопроса о преподаваніи на малорусскомъ языкѣ (стр. 35—37).

Міръ Вожій, № 3.

Н. Рожковъ. Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія (продолженіе: глава 2-ая, стр. 123—150). Здѣсь авторъ трактуетъ о народномъ хозяйствѣ Кіевской Руси (съ VI до к. XII в.). Господствующей отраслью хозяйства была добывающая промышленность (звѣроловство и пчеловодство). Въ менѣ развитомъ сельскомъ хозяйствѣ скотоводство преобладало надъ земледѣліемъ. Обрабатывающая промышленность и торговля (преимущественно внѣшняя) были весьма незначительны. Затѣмъ идетъ разслѣдованіе—о формахъ землевладѣнія:—о семьѣ и верви, какъ хозяйственныхъ единицахъ, о землевладѣніи высшихъ классовъ и смердовъ; о техникахъ или системѣ хозяйства (экстенсивной, хищнической); о распредѣленіи хозяйственныхъ благъ.

Русскій Вѣстникъ, № 3.

Въ отдѣлѣ «Современная лѣтопись» (на стр. 436—439) находимъ двѣ замѣтки. Первая—«Галицко-русское братство»—привѣтствуетъ открытіе этого общества, ожидая отъ него великихъ и богатыхъ милостей для нашихъ закордонныхъ братьевъ. Наше мнѣніе высказано уже во II-ой и III-ей книжкѣ. Въ другой замѣткѣ «Маленькій пунктъ зарубежной программы» журналъ высказываетъ свое сужденіе о задачахъ украинофильской партіи. Украинофильство называется здѣсь поверхностной и ничтожной затѣей нѣсколькихъ пустыхъ интеллигентовъ и т. п. Старая, неумная и непорядочная выходка.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 3.

М. К. Любавскій. Новые труды по исторіи Литовско-русскаго сейма (окончаніе, стр. 121—167).

Въ этой обширной и детальной рецензіи подвергнуты разбору изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго «Спорные вопросы по исторіи литовско-русскаго сейма» и Н. А. Максимейко „Сеймы литовско-русскаго государства до 1569 г.“ Въ послѣднемъ трактатѣ, по мнѣнію рецензента, благодаря неправильному методу рационалистическаго объясненія историческихъ явленій, собственно отрицается исторія сейма, отрицается всякое движеніе, всякія перемѣны въ составѣ и компетенціи этого учрежденія въ зависимости отъ внутреннихъ условій государственной жизни.

Въ этомъ же отдѣлѣ „критики и библиографіи“ помѣщенъ отзывъ *А. И. Соболевскаго* (стр. 182—185) объ изслѣдованіи *Д. Со-вицкаго*. Русскій гомилетъ XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій; и *С. Н. Браиловскимъ* сообщенъ новый документъ къ біографіи св. Димитрія Ростовскаго. См. „Замѣтки по литературѣ переходнаго времени“ (стр. 185—188).

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 2.

М. А. Стельмащенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги (продолженіе отд. VIII, IX, стр. 81—149).

Въ этой части изслѣдованія идетъ рѣчь о Скаргѣ, какъ инициаторѣ и руководителѣ униатскаго движенія въ королевствованіе Баторія; о трудахъ и вліяніи Скарги, какъ писателя (автора произв. «O jedności kościoła»), проповѣдника, организатора и агитатора, вдохновеннаго поборника польскихъ національныхъ и римскихъ религіозныхъ идеаловъ; затѣмъ трактуется о дѣятельности Скарги при Сигизмундѣ III, при чемъ дается общая картина положенія православной церкви въ Польшѣ, изображается почва, на которой выросла религіозная унія 1596 года.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI вв. (стр. I—16). Приложеніе къ сочиненію «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества».

Предположенные къ печатанію здѣсь акты распадаются на 2 группы: 1) акты, относящіеся къ исторіи Пинскаго Полѣсья, за 1471—1566 гг.; 2) акты, обрисовывающіе различныя стороны мѣстнаго быта и жизни, выбранныя изъ книги Пинск. Гор. Суда за 1561—1563 гг. Первыхъ 75 №№, вторыхъ 35 №№. Въ настоящей книгѣ напечатаны только 11-ть первыхъ №№.

Вавшавскія Университетскія Извѣстія, № 1.

Проф. И. П. Филевичъ. Къ исторіи Карпатской Руси (продолженіе, стр. 41—64).

Здѣсь авторъ останавливается на самомъ свѣтломъ событіи Галицкой весны 1848 г.—на октябрьскомъ (съ 19-го по 26-е) собраніи русиновъ, на которомъ они выработывали этнографическое опредѣленіе своей народности и рѣшили вопросъ о своемъ литературномъ языкѣ. Галицкая Русь была объявлена частью 15-милліоннаго народа, т. е. Украинской Руси и умолчано объ остальной Руси. Языкомъ общенароднаго просвѣщенія былъ признанъ малорусскій. Эти факты блестяще опровергаютъ слова и иллюзіи профессора, какими онъ хотѣтъ перетолковать ихъ въ пользу своей позиціи.

Земскій Сборникъ Чернигов. губ., № 2,

«Музей украинскихъ древностей, пожертвованный Черниг. губ. земству В. В. Тарновскимъ» (стр. 50—65).—Здѣсь разсказана исторія перехода музея въ собственность земства и дано описаніе отдѣловъ музея.

Въ *приложеніяхъ* продолжается печатаніемъ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка «1729—30 гг.» подѣ редакціей Н. П. Василенка (стр. 289—320).

Літературно-Науковий Вістникъ, № 2 и 3.

Зміст: Изъ поезій *М. Вороного*: I. I кар; II. До моря і III.—Изъ поезій. *Над. Кибальчич*: I. Уривок; II. Переспів; III. З давнини і IV.—*М. П. Старицький*. Заклятий сварб (подільська легенда).—Целебс, *М-а*.—*Волод. Винниченко*—Народний діяч.—Изъ поезій *Некрасова*—переклад Франка.—*Волод. Короленко*—Оповідання про Фльора-Римлянина і Агріппу-царя.

— Ненастанна деградація енергії, *Юл. Гірняка*.—Новини нашої літератури: 1) Нове укр. оповіданя М. Вовчка, оцінка Франка; 2) Талан чи випадковість, Ів. Личка; 3) М. Чернявський, Зорі, рец. Франка; 4) Народний декляматор, рец. Франка; 5) Про календар «Просвѣти на рік 1903», В. Левицького; 6) Б. Лепкий, Осінь, рец. М. Грушевської.—Руські памятники в Кракові, О. Макарушки.—Мик. Некрасов, М. Грушевського.—Дискусіи: 1) В погоні за новою красою:

а) Принципи і безпринципність, Ів. Франка; б) Для прояснення неясности, В. Коцовського.—Народня освіта в Росії по цифрам, Р. Петлюри.—Надъ сьвіжими могилами: I. Павлові Грабовському—Б. Грінченка, Г. Ков.-Кол. і Ів. Франка; II. Кость Горбаль, Ів. Франка.—Хроніка і бібліографія.

Із поезій *В. Сивенького*: I. Заспивав би я; II. Божий приклад.—Із поезій Вол. Темницького і Осипа Фацієвича.—*М. Вороний*, Іванові Франкові — *М. П. Старицький*, Заклятий Скарб.—*М. Якуів*, Поема долин.—*П. Барвінський*, Титарь.—*М. Степовенко*, З життя гімназістів.—*Н. Дойль*, За кулисами діпломатичної сцени.—Із німецьких народних пісень. 1) Пісня про кравців, перекл. Фр.

Д. Мордовець, Про незабутне.—*Д-р. І. Копач*. На старім шляху.—*Д-р. М. Кордуба*, Біблія в освітленю найновіших вавилонських розкопів.—Гн. Хоткевич, Дрібні Листи з України.—Дискусії. II. Чи повинні ми просьвічати наші діти про полові справи, М. П.—Історичне товариство в Чернівцях.—Хроніка і бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

14 февраля н. г. и. д. доцента С.-Петербургской духовной академіи Д. И. Абрамовичъ защищаль диссертацию. «Ислѣдованіе о Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, какъ историко-литературномъ памятникѣ». Ислѣдуемый авторомъ Патерикъ является,—богатымъ и цѣннымъ источникомъ: здѣсь много данныхъ, касающихся церковной жизни вообще и монашества, въ частности. Въ немъ немало указаній также на политическія, общественныя и бытовыя отношенія того времени. Диссертантъ считаетъ Кіево-Печерскій Патерикъ—однимъ изъ источниковъ для изученія «Несторовой Лѣтописи»: вопросъ же объ этой послѣдней онъ отдѣляетъ отъ вопроса о «Повѣсти временныхъ лѣтъ», въ томъ именно смыслѣ, что «Лѣтопись» есть лишь составная часть «Повѣсти». Въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, мы находимъ указаніе на составъ «Несторовой Лѣтописи, изъ котораго видно, что въ эту послѣднюю входило лишь нѣсколько сказаній: «Слово о первыхъ черноризцахъ Печерскихъ», „Слово объ открытіи и перенесеніи мощей пр. Феодосія Печерскаго“ и нѣсколько мелкихъ церковно-историческихъ извѣстій и замѣтокъ. Остальная часть диссертациі посвящена литературной

исторіи Патерика, и анализу цѣлаго ряда памятниковъ, частью входящихъ въ составъ послѣдняго, частью связанныхъ съ нимъ: Д. И. Абрамовичъ—сынъ священника Волынской епархіи, состоя членомъ-корреспондентомъ общества любителей древней письменности, онъ принималъ дѣятельное участіе въ послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ.

Въ засѣданіи харьковскаго историко-филологическаго Общества 7 марта, было доложено о предложеніи московскаго археологическаго Общества озаботиться составленіемъ указателей статей по исторіи, археологіи и этнографіи, напечатанныхъ въ мѣстныхъ Харьковскихъ изданіяхъ. Проф. Н. О. Сумцовъ по этому поводу замѣтилъ, что *Библиографическій указатель И. А. Устинова* (1887) обнимаетъ собой литературу о харьковской губерніи до 1880 г., въ частности представляетъ полный указатель къ „Харьк. Губ. Вѣд.“ съ 1838 г. по 1880 г. включительно. Устиновъ воспользовался многими библиографическими статьями и указателями, и трудъ его представляется въ настоящее время цѣннымъ пособіемъ. Но съ 1880 г. остается непечатое поле для библиографіи, при чемъ наиболѣе матеріала представляютъ „*Южный Край*“ и „*Харьк. Губ. Вѣд.*“, преимущественно въ отдѣлѣ корреспонденцій, и затѣмъ изданія харьк. губ. статистическаго комитета, въ частности „*Статистическій Листокъ*“ покойнаго проф. И. П. Сокальскаго. Постановлено просить редакціи мѣстныхъ газетъ озаботиться составленіемъ библиографическихъ указателей по исторіи, археологіи и этнографіи съ 1880 года. Прекратившіяся изданія разобраны для пересмотра членами Общества. („Южный Край“, 667).

Харьковскимъ университетомъ предпринимается изданіе «Исторической записки объ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ за 100 лѣтъ его существованія». Трудъ этотъ долженъ вкратцѣ дать понятіе о заслугахъ харьковскаго университета, какъ учебнаго заведенія и учрежденія ученаго и просвѣтительнаго. Планъ «исторической записки» составленъ профессоромъ Д. И. Багалъемъ. Сообразно съ дѣйствовавшими 4 уставами, въ запискѣ будетъ четыре отдѣла. («Южный Край», 7638).

Въ «Новомъ Времени» проф. П. А. Висковатовъ сообщилъ свои воспоминанія о смерти и похоронахъ Т. Г. Шевченка.

Въ 73 № «Полтавскаго Вѣстника», въ 56 № «Волини» и въ 105 № «Биржевыхъ Вѣд.» находимъ обстоятельныя и восторженныя описанія Шевченковскаго вечера въ Петербургѣ (27 февр. н. г.).

Памяти Т. Гр. Шевченка—въ 42-ую годовщину его смерти посвящены статьи въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ: 1) «С.-Петербургск. Вѣд.», № 55, ст. А. Л—каго; 2) «Кіевская газета», № 57, ст. В. Мировця; 3) „Южный Край“, № 7649, ст. Ан. Молдавскаго; 4) Астраханскій листокъ, № 44, В. С—аго; 5) «Кубанскія област. вѣдом.», № 46.

Черниговской ученой архивной комиссіей составлена и рассылается обширная программа для собиранія археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ данныхъ по черниговской губерніи. Программа распадается на 12 отдѣловъ: древности археологическія и историческія, древности юридическія (семейный бытъ, имущественныя отношенія, поземельно-экономическія отношенія, уголовное право), народная словесность, бандуристы (кобзари) и лирники, повѣрія и суевѣрія, училище и дворъ, одежда, пища и напитки, украшенія, народная музыка, занятія, ремесла и промыслы (земледѣліе, скотоводство, овцеводство, птицеводство, рыболовство, охота, сапожничество, пчеловодство, миропшничество, плотничество, токарство, колесничество, бондарство, выдѣлка деревянной посуды, портняжество, торговля, нищенство и проч.). Детально и умѣло составленная программа объщаетъ дать богатый матеріалъ по описанію губерніи. Эта программа небезынтересная и для архивныхъ комиссій другихъ губерній напечатана въ январскомъ № «Сборника черниговской губерніи» за 1903 годъ. („Вѣстникъ Юга“, 367).

Въ 369 № «Вѣстника Юга», находимъ горячо прочувствованную замѣтку «Памяти героя труженика», посвященную А. А. Андріевскому, какъ учителю и писателю.

Въ 7669 № „Южнаго Края“ г. Евг. Альбовскій помѣстилъ оч интересную статью «Когда основанъ г. Харьковъ? (По новымъ архивнымъ документамъ)». Устанавливая годъ основанія города (1654) и личность основателя (Ив. Корчакъ), авторъ даетъ общую картину колонизаціи и существованія Харькова въ первые его годы.

Въ 11 № „Вѣстника Самообразования“ за 1902 г. находимъ довольно обстоятельную статью „Историческій музей имени В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ“.

Въ 54 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» появилась полемическая статья г. Котовича «О племенномъ составѣ гродненской губ. Основное положеніе автора,—что народная масса гродненск. губ. (главн. обр., юго-западной части ея) принадлежитъ къ малорусскому племени, доказывается изслѣдованіемъ Е. О. Карскаго «Къ вопросу объ этнографическ. картѣ бѣлорусскаго племени». Другое положеніе, что мѣстное православное духовенство развитѣ великорусскаго, доказывается историческими судьбами края, давашаго и дающаго многихъ выдающихся общественныхъ дѣятелей и ученыхъ

Въ № 11 Словинскаго журнала „Ljubljanski Zvon“ помѣщена рецензія Ант. Ашкерца (выдающагося современнаго словинскаго поэта) на книжку С. Яричевскаго «Франц Прешерн, наибѣльшій словинскій поет. Його жите і твори. Перемишль 1902». Рецензія весьма сочувственна, и свидѣтельствуетъ о знакомствѣ автора съ нашей литературой.

Въ 1753 № «Приднѣпровскаго Края» находимъ глубоко интересную и поучительную статью «Къ исторіи музея им. А. Н. Поля». Благотворительное Общество проявило выдающуюся заботливость и энергію при созданіи своего музея. Между пожертвованіями особенно интересна коллекція запорожскихъ древностей Д. И. Эварницкаго. Всего въ музеѣ свыше 3650 №№.

Въ 1433 № „Юга“ находимъ оцѣнку новой книжки «На вику,— якъ на довгій ниви», С. Енохина.

Въ № 49 „Кубанскихъ обл. вѣдомостей“ помѣщена обстоятельная статья «Кобзарь Михайло Кравченко».

Въ 2094 «Южного Обзорѣнія» г. Кыслыкъ далъ оч. сочувственную рецензію на важнѣйшія украинскія изданія преимущественно Кіевскія, за 1902 годъ.

Въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона (71 полутомъ, стр. 473—476), напечатана статья А. Крымскаго объ Ів. Франко.

Въ 7649 № (19 февр.) „Южного Края“ находимъ оч. цѣнную статью проф. Н. Θ. Сумцова «Изъ мрака къ свѣту»,—посвященную характеристикѣ крѣпостничества на основаніи печатныхъ данныхъ и устныхъ преданій изъ харьковской старины.

Въ 54 № „Русскихъ Вѣдомостей“ дана сочувственная рецензія на брошюру *Е. Чикаленка*. „Розмова про сельске хазайство 5-та книжка. Садъ“.

Въ 45 № „Волини“ помѣщена самостоятельная и подробная характеристика статьи англійскаго журнала *The Athenaeum* (№ 3924, янв. 10, 1903 г.) объ украинской литературѣ. (см. о ней нашъ журналъ кн. II, стр. 79).

Годичнымъ подписчикамъ «Юга» обѣщана интересная премія— 2-я часть книги «Клады и древности Херсонской губерніи».

Въ Библиографическомъ листкѣ № 7 Волини находимъ сочувственную рецензію на «Литературный Збирныкъ, зложенный на спомынѣ Ол. Коныського. (1836—1900). Кывь, 1903). Авторъ г. К. прихо-

дять къ выводу, что молодая украинская литература замѣтно развивается, что литературный языкъ уже значительно выработался и окрѣпъ; подчеркиваетъ также «почвенность» современныхъ украинскихъ писателей, т. е. тѣсную связь ихъ съ своимъ народомъ.

Въ 5391 № «Кіевского Слова» г. Лисовыкъ далъ оч. обстоятельную оцѣнку того же «Литературнаго Збирныка». Рецензентъ отмѣчаетъ идею и художественныя достоинства каждаго произведенія, вошедшаго въ «Збирныкъ», находитъ что новая, свѣжая струя проходитъ черезъ весь сборникъ и придаетъ ему особый интересъ.

Въ № 2085 «Южнаго Обозрѣнія» находимъ оч. цѣнную, оригинальную статью покойнаго А. А. Андріевского «Степь и море въ произведеніяхъ Т. Гр. Шевченка».—Авторъ исчерпалъ всѣ стихотворенія поэта, въ которыхъ является на сцену степь и море, какъ обстановка дѣйствія, какъ самостоятельный образъ, какъ поэтическое сравненіе; онъ приводитъ массу отрывковъ изъ разнообразныхъ по содержанію и формѣ произведеній Шевченка. И въ личной жизни поэта, и въ настоящемъ и прошломъ Украины оч. часто вспоминаются степь и море. Слово степь встрѣчается въ «Кобзарѣ» 79 разъ.

Къ № 7656 «Южнаго края» проф. Н. .Θ. Сумцовъ помѣстилъ прекрасную статью «О рисункахъ и картинахъ Т. Г. Шевченка (преимущественно харьковскихъ)». Шевченко едва-ли не первый русскій офортистъ; въ его рисункахъ чувствуется художественное настроеніе. Какъ живописецъ, онъ является типичнымъ, лучшимъ ученикомъ Брюлова и Рембрандта. Рисунки его имѣютъ важное авто-біографическое, историческое и этнографическое значеніе. Сумцовъ подробно описываетъ двѣ харьковскія картины Шевченка, написанныя масляными красками; это—«Спаситель»—въ духѣ Брюлова, хранящійся въ коллекціи Б. Г. Филонова, и «Бурлакъ» въ стилѣ Рембрандта изъ музея харьковск. университета. Въ заключеніе, профессоръ высказываетъ пожеланіе, чтобы всѣ рисунки и картины Шевченка были воспроизведены и изданы.

Въ „Сб. Вѣдом.“. (№ 19 и 20) помѣщены были двѣ статейки по вопросу о томъ, кто была мать Н. А. Некрасова. Первая изъ нихъ представляетъ краткое извлеченіе изъ замѣтки, напечатанной г. Оберучевымъ въ нашемъ журналѣ (см. № 1-й), а вторая, принадлежащая перу М. Филиппова, высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы можно было утверждать не польское происхожденіе матери Некрасова. Свои доводы авторъ основываетъ, главнымъ образомъ, на поэмѣ Некрасова «Мать», имѣющей автобіографическій характеръ.

Въ «Вѣстникѣ Юга» (№ 333) напечатана статья *Г. Ков.-Кол.*, посвященная памяти недавно почившаго украинскаго поэта П. А. Грабовскаго.

Въ Вѣнскомъ *Zeitschrift für oesterreichische Volkskunde* (въ посл. кн. 1902 г.) напечатана рецензія на кн. В. Тухевича „Гуцульщина“. Къ статьѣ приложено много рисунковъ.

Въ 3 и 4 кн. *Slovanský Přehled* помѣщена интересная статья д. В. Гнатюка о положеніи украинской литературы въ Россіи.

Новое изданіе. Во Львовѣ недавно появилось новое періодическое изданіе «Искра», подъ редакціей Павла Волосенка, специально предназначенная для украинской молодежи. Изъ вступительной статьи видно, что журналъ издается студентами старшихъ курсовъ для учениковъ и ученицъ среднихъ учебныхъ заведеній, которые, по мнѣнію редакціи,—должны «вчитись, як на свѣті жити»; т. е. приобрѣсть тѣ познанія, какихъ не дають школьные учебники, т. е. слѣдить за всевозможными проявленіями жизни и духа человѣческаго и выработать цѣльное міросозерцаніе, которое дало бы возможность ориентироваться среди различныхъ явленій общественной жизни. Всѣмъ этимъ потребностямъ молодежи будетъ удовлетворять «Искра», при чемъ редакція заявляетъ, что она вовсе не желаетъ ставить китайскую стѣну между воспитанниками среднихъ заведеній и студентами, которые имѣють свой отдѣльный органъ «Молода Україна». Оба эти журнала должны установить болѣе тѣсную связь между старшими и младшими членами

украинской молодежи, чтобы соответственно подготовить ихъ къ полезной работѣ на пользу родного народа.

Вѣнская газета *Die Zeit* начала печатать въ своихъ фельетонахъ разсказъ д-ра Івана Франка «На Дні» (*Der Bodensatz*).

Еженедѣльный журналъ «*Slovanský Obzor*», начавшій выходить съ начала сего года въ Прагѣ подъ редакціей Ярослава Розводы, содержитъ въ № 3 переводъ новеллы Васыля Стефанька «Кленові листки».

Въ № 24 газ. «Руслан» др. Ярослав Окуневскій помѣстилъ интересныя воспоминанія о М. П. Драгомановѣ, относящіяся къ 1891—1893 гг. Въ №№ 45, 46 той же газеты начато печатаніемъ письмо въ редакцію М. Павлика „М. Драгоманов, „високій рівень украинства та «нова ера»,—являющееся возраженіемъ на «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневскаго про Драгоманова», помѣщенную въ №№ 26 и 27 «Руслана».

Въ № 46 газ. «Руслан» помѣщено стихотвореніе Богдана Лепкого „В ХЛІІ річницю смѣрти Тараса Шевченка“ и небольшая статья отъ редакціи «*Тарас Шевченко*»,—о значеніи поэта въ пробужденіи національнаго самосознанія украинскаго народа. Номеръ украшенъ двумя иллюстраціями: «Тарас Шевченко в домовині» і „Шевченкова могила“.

Въ №№ 29, 30, 33—35 «Руслана» помѣщена интересная статья Степана Томашівського «Вражіння з побуту на Україні». Авторъ, извѣстный украинскій историкъ, дѣлится своими наблюденіями, въ большинствѣ случаевъ весьма цѣнными, такъ какъ это не простое изложеніе субъективныхъ впечатлѣній путешественника, а научно, съ исторической точки зрѣнія, обоснованные выводы.

СПИСОКЪ ВНОВЬ ВЫШЕДШИХЪ КНИГЪ.

Андрієвскій А. Обь отношеніи Т. Г. Шевченко къ жизни. Одесса. 1903 г.

Бодяньскій Осип. Наські українські казки запорожця Іська Матирички. Видав і пояснив Франко (Літ-Наук. Бібл. Ч. 49—50). У Львові, 1903. Наклад. укр-руськ. Видавн. Спілки. Ст. 88 ц. 50 сот.

Будзиновскій Вячеслав. Руский страйк в 1902 році. Львів, накладом «Свободи». ст. 104.

Важевичъ Б. А. Западно-русская лѣтопись по списку Румянцевскаго музея. Одесса, 1903 г., ц. 75 к.

Нутне. Український гимн, видання Сидорацькаго. Paris. Українська тискарня у Паріжі. ціна 50 с. ст. 20.

Гостинець чемним діточкам. Видання черновецької філії тов-а „Руска Школа“ Ч. 1. Чернівці, 1903 ст. 16, ціна 6 ст.

Гумористичний—ілюстрований календар «Комара» на 1903 р. З друкані Уділової. стр. 68, ціна 50 сот.

Дубове листе. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. Упорядкувалы: М. Чернявський, М. Коцюбинський, Б. Грінченко. Зъ 4 портретами та зъ малюнками: У Києви, 1903, ц. 1 р. 50 к. стр. 278.

Енохинъ С. А. На вику,—якъ на довгій ныви. Елисаветградъ 1903. г. ц. 20 к.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. т. L., кн. II., Львів. ст. 192, ц. 3 кор.

Збірник математично-природописно-лікарської секції Наукового тов. ім. Шевченка. т. VIII. Випуск II. Часть математично-природописна під редакцією Ів. Верхратского і Волод. Левицкого. Львів. 1902, стор. 190, ціна 3 к.

Золя Еміль. Смерть Олівія Бекайля. Перекл. М. Грушевська (Літ-Наук. Бібл. Ч. 51). У Львові; 1903. Накл. укр-руськ. Вид. Спілки. ст. 56, ц. 50 ст.

Копощенко Андрій. Українськи писни зъ нотами. Друга сстня. Одесса стр. 141—III.

Крушельницький Антін. Герої, драма. Коломия. ціна 70 сот. Стор. 48.

Лебедів Віра. Мамн. Нариси із нашої домашньої педагогії. У Львові, 1902. З друк. Н. Т. ім. Шев. ст. 26, 8^о. (Виданне Руского Товариства Педагогічного, ч. 105). Ц. 20 сх.

Марченко Ярослав. Власна хата. Прольог. написаний на відчине Народного Дому в Бережанах, I—III 1903 р. Коломия, 1903. Накладом редакції «Поступу».

На коляду Руси-Україні оден сніп з гайдамацької ниви. Львів, 1903. Накладом ред. „Гайдамака“. Ст. 80, ц. 20 сот.

Народний декляматор, Коломия, 1903. Ст. XVI+306. Ціна 120 кор.

Народно-церковні пісні. Уложив текст і ноти о. В. Стех. Ч. С. В. В. Ціна 12 сот. Львів, 1903.

Правнична Бібліотека, т. II. Про австрійське право облигаційне. Львів, 1903. Накладом Наук. Т. ім. Шевч.

Пропамятне письмо, предложене Его Святости Льву XII. Папі Римському в імени руского народа провінції Галицької в Австрії в справі руско-католицької церкви в Америці. Львів, 1902 р. ц. 10 сот.

Руська Історична Бібліотека. Т. XXII. Розвідки про селянство на Україні-Руси в XV—XVIII в. Ч. 2. У Львові. Ст. VIII+272. Ц. 3 кор.

Зміст: 1) Вступне слово від редакції, 2) Владимирській-Будановъ. Форма селянського володіння землею в Литовсько-руській державі XVI в; 3) Його жъ: Селянське володіння землею в Західній Русі до 1/2 XVI в; 4) Олександр Лазаревський. Українські посполиті (1648—1783), історико-правничий начерк; 5) Додатки; 6) Показчик імен.

«Світъ» Календарь на годъ 1903. Цѣна 35 цент. Изданіе американской газеты «Світъ». Бриджпорт.

Слюсарчук. Алексій парох. Псалтира розширена въ дусѣ христіянської молитвы и церковного богослуженя, на основѣ выкладѣвъ д-ра Вольтера, Р. Белярмина и д-ра В. Райшля. Печатня о.о. Василян. Жовква, 1903.

Тезляковъ И. Рынки найма сельско-хозяйственныхъ рабочихъ на Югѣ Россіи въ санитарномъ отношеніи и врачебно-продовольственныя пункты. I. Врачебно-продовольственныя пункты для пришлыхъ рабочихъ въ херсонской, екатеринославской, самарской, симбирской и другихъ губерніяхъ. Спб. 1902. Ц. 50 к.

Тобилевичъ Иванъ (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томы III и IV. Одесса. 1903 г. цѣна каждого тома 1 р. 25 к.

Зміст III-го т: 1) По-надъ Дніпромъ, 2) Хазяинь, 3) Лыха искра поле спалить и сама счезне. Зміст IV-го т: 1) Чумаки, 2) Сава Чалый, 3) Підпанкы.

Труды V сельско-хозяйственного съезда юго-западного края о нуждах с.-хоз. промысла. Подъ ред. Т. Локтя. 250 стр. Ц. 1 р. 50 к. Киевъ, ред. «Земледѣліе».

Хлоска політика. Серія I, т. II. Ціна 53 сот. Накладом В. Будзиновского. Львів, 1903.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Р. 1902. Вип. IV. ч. 12 (вересень-грудень). Ст. 26. Ц. 30 сот.

Чи є тепер панщина? Оповідане. (Наука і Розвага. Народня Бібліотека. Додаток до «Приятеля», ч. I, 1903). Чернівці, 1903. Стр. 32. Ц. 10 сот.

Шекспір Уілліям. Міра за міру. Переклад М. А. Куліша. Видав і пояснив др. Ів. Франко. (Белетристична бібліотека. Ч. 48). Львів. Накладом укр.-руської Видавничої Спілки. Ст. XXVI+128, 8°. Ціна 140 кор.

Шематизмъ всего клира греко-католицкои митрополичои архієпархіи Львѣвскои на рѣкъ 1903. Жовква. Печатня о.о. Василянъ.

Schematismus der Bukowinaer Volksschulen u. Lehrer. Redigiert von Moses Fuhrman, lehrer in Sadagóra. Preis 1 k. 20 h.

Яричевскій Сильвестр. Франц. Прешперен, найбільший словинський поет. Його жите і твори. Перемишль. 1902.

Фототрафическій портретъ Т. Г. Шевченка (по портрету Здолбнова), розміромъ 18×24. Ціна 1 р. 20 к. Новое изданіе.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXI.

1903 г.

М А Й.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго университета св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1908.

Дозволено цензурою. Київъ, 1 апрѣля 1903 года.

Къ изученію украинскаго народнаго міро- воззрѣнія ¹⁾.

Економическія отношенія.

Окончаніе.

Въ планъ настоящей статьи не входитъ исторія проведенія крестьянской реформы. Я старался только дать нѣкоторыя указанія, поясняющія народную точку зрѣнія на исторически слагавшіяся земельныя отношенія. При оцѣнкѣ ихъ народной мыслью не дѣлается ни малѣйшаго намека на осложненія жизни, вызываемыя усиливающейся интенсивностью культуры, но для тѣхъ, кто помнитъ общій типъ дореформеннаго помѣщичьяго хозяйства, это вполне понятно. Исторически слагавшійся аграрный строй представлялся какъ результатъ борьбы, не имѣвшей ничего общаго съ прогрессирующей земледѣльческой техникой, борьбы, въ которой крестьянская масса оказалась фактически побѣжденной, но въ глубинѣ своего сознанія не сдавшейся, не отказавшейся и

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1903, № 4.

среди тяжелыхъ условій крѣпостного быта отъ надежды на лучшее будущее. Этими вѣковыми усиліями работы народной мысли объясняется и то ограниченное пониманіе существующаго аграрнаго строя, на которое я указалъ въ началѣ статьи.

Но какъ бы то ни было, освобожденіе крестьянъ съ землею стало дѣйствительностью, крестьяне сами стали свободными владѣльцами земли. Современемъ проведено и надѣленіе чиншеви-ковъ землею, да кромѣ того большее или меньшее количество помѣщичьей земли перешло въ руки крестьянъ путемъ частныхъ сдѣлокъ безъ помощи или же съ помощью крестьянскаго банка. Конечно, эти факты не могли остаться безъ вліянія на развитіе народной мысли. Существующій аграрный строй пересталъ быть исключительно предметомъ отрицанія: онъ принимается за солидную точку опоры текущей хозяйственной жизни съ тою только оговоркою, что на него не смотрять, какъ на послѣдній, какой то абсолютно неподвижный фазисъ ея эволюціи. Такое значеніе, мнѣ кажется, имѣетъ то ограничительное пониманіе даннаго ея момента, о которомъ здѣсь была рѣчь, если только мы постараемся различить общій смыслъ сюда относящагося народнаго міровоззрѣнія отъ нѣсколькихъ наивныхъ формъ его проявленія. Такимъ образомъ этотъ ограничительный взглядъ на данный аграрный строй составляетъ предметъ теоретическаго мышленія, старающагося предугадать общее направленіе сюда относящейся законодательной дѣятельности. Для текущей практической жизни этотъ строй принимается за точку отправления хозяйственной дѣятельности не только въ силу виѣшней необходимости, но и въ силу внутренняго сознанія о необходимости для этой жизни опираться на опредѣленномъ основаніи. Въ виду этого то, что добыто усиліями людскими при данныхъ условіяхъ хозяйственной жизни, т. е. движимая собственность, вообще въ міровоззрѣніи сельскаго люда считается неприкосновенною. Для иллюстраціи этого положенія я хочу обратить вниманіе на явленіе, въ которомъ виѣшнія гарантіи этой неприкосновенности очень слабы и дѣйствительное ея охраненіе опирается почти всегда на правовомъ воззрѣніи крестьянской массы.

Во время сбора хлѣбовъ миллионныя цѣнности спокойно лежать на поляхъ въ формѣ копъ хлѣба, но увозъ чужихъ копъ съ поля никогда почти не случается. Между тѣмъ всякій, сколько-нибудь знакомый съ нашею сельско-хозяйственною жизнью, знаетъ, что никакіе «полевые» не могутъ въ этомъ отношеніи составлять серьезнаго препятствія. Возка хлѣба крестьянскаго и помѣщичьяго идетъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ; одни крестьяне везутъ свой хлѣбъ, другіе помѣщичій, часто хозяинъ, везшій одинъ разъ свой хлѣбъ, другой разъ везетъ чужой по найму; услѣдить за всѣми крестьянскими «обмирками» не въ состояніи никакой «полевой», а при преобладающей въ юго-западномъ краѣ черезполосицѣ крестьянскихъ и частно-владѣльческихъ земель это относится и къ частновладѣльческимъ межамъ; рядомъ съ хозяевами, везущими свой хлѣбъ, везутъ и «законщики» заработанныя копы съ полей болѣе зажиточныхъ крестьянъ и частновладѣльцевъ; возка крестьянскаго хлѣба часто совершается и ночью. Очевидно, контроль полевыхъ сторожей при такихъ условіяхъ сводится почти къ нулю. Очень многимъ своего и заработаннаго хлѣба далеко не хватаетъ до новаго—и тѣмъ не менѣе не только крестьянскія, но и панскія копы достаются ихъ владѣльцамъ. Собственность оберегается здѣсь въ сущности правовымъ возрѣніемъ крестьянской массы. Вообще, во взглядѣ на движимую собственность крестьянское міровозрѣніе сходится съ міровозрѣніемъ болѣе культурныхъ классовъ, и здѣсь по этому поводу можно бы объ этомъ вопросѣ и не говорить, если бы не нѣкоторыя особенности во взглядѣ на извѣстные продукты земли. Но прежде, чѣмъ я перейду къ указанію этихъ особенностей, я долженъ сдѣлать маленькую оговорку.

Оговорка эта необходима потому, что раздражительность, диктуемая классовыми интересами отдѣльныхъ группъ, слишкомъ часто вызываетъ склонность смотрѣть на объективное изложеніе побужденій дѣятельности людей, стоящихъ внѣ данной среды, какъ на идеализацію міровозрѣнія этихъ людей, апологию à tout prix и т. д., а также предвзятый взглядъ на попытки изученія народной среды, конечно, далеко не способствуетъ этому изученію.

Итакъ, я долженъ прибавить: говоря о томъ или иномъ народномъ взглядѣ на тотъ или иной видъ собственности, на то или иное проявленіе хозяйственной дѣятельности, я имѣю въ виду то отношеніе къ даннымъ вопросамъ, которое одобряется или же не одобряется общественной совѣстью, не отрицая единичныхъ нарушеній ея постулатовъ, встрѣчающихся, конечно, въ народной средѣ точно такъ же, какъ и во всякой другой.

Нормы юридическаго міровоззрѣнія являются не какъ нѣчто данное извнѣ, а вырабатываются въ тѣсной связи съ условіями жизни того или иного общества. Въ средѣ, въ которой экономическое благосостояніе тѣсно связано съ условіями труда, принципъ труда естественно является главной санкціей права собственности. Вслѣдствіе этого ненарушимость и видъ собственности на тѣ или иные предметы расходятся по народному міровоззрѣнію въ тѣсной зависимости отъ вопроса, насколько трудъ участвовалъ въ ихъ созданіи. Я только что указывалъ на общую ненарушимость собственности, выражающейся въ хлѣбѣ. Но хлѣбъ и есть главный продуктъ земледѣльческаго труда, и этотъ видъ собственности уважается независимо отъ того, непосредственно ли или посредственно собственникъ участвуетъ въ его производствѣ. Другое дѣло получаемые безъ примѣненія челоѣческой работы дары природы: лѣсъ, естественный лугъ и т. п. Никто своимъ трудомъ не участвовалъ въ ихъ созданіи, а потому и не могутъ они по народному міровоззрѣнію, носить той печати личной собственности, которую сообщаетъ другимъ предметамъ вложенный въ ихъ производство трудъ. Правда, историческія условія сдѣлали и эти предметы объектомъ частной собственности, но это только фактъ, а не принципъ, а потому и нарушенія даннаго вида собственности не представляются, по народному міровоззрѣнію предосудительными.

Вотъ нѣсколько примѣровъ этого взгляда. Когда то въ корчмѣ на кіево-житомирскомъ шоссе я обратился къ встрѣченному тамъ крестьянину съ разспросами о дорогѣ въ одно изъ ближайшихъ селъ.—«Не знаю я добре, я, бачте, не тутешній, я

прыйхавъ сюды трохи казѣннаго лису вкрасты»,—и это разска- зывалось откровенно совѣмъ незнакому человеку.

Въ дни моей ранней молодости у меня былъ значительно старшій меня пріятель, крестьянинъ д. Маковиць (киевского у.). Его задержали съ фурою дровъ, нарубленныхъ въ лѣсу, принадлежавшемъ моему отцу. «Отате несчастья, панычу», говорилъ мнѣ мой пріятель, «и скільки вже я того лису попокрывъ—ничого не було, а теперъ скортило въ недилію рубать—отъ и понався».

Другой разъ съ этимъ же пріятелемъ я отправился на его поле жать. Мы ѣхали «бычками», чтобы къ вечеру какую-нибудь копу и привезти домой. По дорогѣ лежало бревно дерева: «Знаете»,—сказалъ мнѣ мой пріятель, «вашому батькови ця дєревына непотрибна, а въ тимъ у єго єсть чымало лиса, а мени такъ бы то вона здалася затягты окладыну у клуни. Що, якъ бы мы положили їи на визъ и пидъ снопомъ привезлы до-дому». Признаюсь—прошло уже нѣсколько давностей съ того времени—аргументы моего пріятели мнѣ показались убѣдительными и на обратномъ пути съ поля мы привезли въ клуню не одни снопы.

Время шло, и въ свою очередь я сталъ владѣльцемъ куска лѣса въ сквирскомъ уѣздѣ. Моя жена, гуляя въ лѣсу, встрѣтила женщину, собиравшую въ немъ дрова. Она начала говорить ей о томъ, что не слѣдуетъ обламывать вѣтвей, что для того, чтобы собирать дрова, нужно бы имѣть разрѣшеніе владѣльца лѣса и т. п. Баба тѣмъ временемъ укладывала свою «вязку», рассказывала о своихъ недостаткахъ, о томъ, что у нея нѣтъ худобы, чтобы ѣздить въ болѣе далекій лѣсъ покупать дрова и т. п.

Разговаривая на эти темы, онѣ шли рядомъ, при чемъ «баба» несла свою вязку. Баба была «старенька» и перелѣзть черезъ канаву съ вязкой дровъ ей было трудно. Она положила вязку, сама перелѣзла и обратилась къ моей женѣ съ просьбой подать ей ея вязку.

Разъ я обратился въ волостной судъ съ жалобою на порубку лѣса. Отвѣтчикъ старался въ началѣ доказать, что находя-

щеся у него дерево куплено имъ въ другомъ лѣсу, но когда ему была доказана невѣрность его показанія, онъ обратился къ суду: «Ну, нема чого тайть, тутъ сорома не мае, усяке вкраде лись, якъ ёму треба». Это откровенное объясненіе заставило насъ всѣхъ: и судцивъ, и меня, и публику разсмѣяться, тѣмъ болѣе, что мы всѣ чувствовали, что онъ правъ (съ точки зрѣнія обычаевъ и правовыхъ нормъ народнаго міровоззрѣнія). «Це вже треба готувати пасиця»,—говорилъ мнѣ одинъ сосѣдь—«тільки ще на ципыльно и быяка треба буде у васъ вкрасты». Я читалъ записку о нуждахъ крестьянства, составленную однимъ крестьяниномъ сквирскаго уѣзда. Записка была вручена мировому посреднику и предназначалась для представленія ея высшему начальству. По стилю, по приѣмамъ аргументаціи авторъ представляетъ собою мыслящаго, толковаго, довольно грамотнаго крестьянина, нѣсколько ознакомленнаго съ законоположеніями, относящимися къ устройству мѣстнаго крестьянства, такъ сказать звено, связанное во всѣхъ отношеніяхъ съ данной средой. Мысль о томъ, что крестьянство нуждается въ томъ то (потребуе того), онъ формулируетъ обыкновенно словами: крестьянство требуетъ отъ правительства, но при этомъ онъ желаетъ твердо стоять на почвѣ закона. На первомъ планѣ онъ указываетъ на необходимость назначенія для всякой волости человѣка, на обязанности котораго лежало бы ознакомленіе крестьянъ съ ихъ правами и обязанностями на основаніи положительнаго закона. Людей этихъ онъ называетъ законоучителями. Переходя къ занимающему насъ въ данномъ мѣстѣ вопросу, онъ выражаетъ желаніе, чтобы правительство запретило владѣльцамъ лѣсовъ всякую ихъ продажу въ стороннія руки, такъ какъ мѣстные крестьяне нуждаются въ лѣсномъ матеріалѣ для своихъ построекъ и орудій. Въ дальнѣйшія подробности по вопросу объ организаціи этого участія крестьянъ въ лѣсномъ хозяйствѣ онъ не входитъ: онъ ограничивается только подчеркиваніемъ нужды крестьянъ въ лѣсномъ матеріалѣ. Когда нужно устроить или исправить то или иное орудіе, необходимое въ крестьянскомъ хозяйствѣ, то крестьянинъ, конечно, старается добыть нужный матеріалъ порубкою въ панскомъ лѣсу и «самъ

законоучитель»,—добавляетъ авторъ записки,—поступилъ бы при такой нуждѣ не иначе.

Но самородная трава на естественныхъ лугахъ, въ лѣсахъ, стерняхъ произрастаетъ также безъ участія людскаго труда, а потому и къ данному виду произведеній почвы примѣняется тотъ же взглядъ, что и къ лѣсамъ. Когда то я держалъ воловъ на подножномъ корму. Такъ какъ волю выглядѣли хорошо, то я выразилъ благодарность наймиту, пасшему ихъ.—«А то жъ хоба я для васъ не стараюсь,—и сипожать (сосѣдней владѣлицы), думаете, чьи волю спаслы, якъ не наши».

Понятіе о томъ, что потрава естественныхъ пастбищъ не представляетъ сама по себѣ ничего предосудительнаго, выражается при всякомъ случаѣ. Когда то, проѣзжая черезъ Пятыгоры (таращанскаго уѣзда), я остановился въ корчмѣ, гдѣ два словоохотливые «диды» рассказывали разныя «прыгоды» изъ ихъ хозяйской жизни. Одному изъ нихъ пришлось пахать поле, находившееся на далекомъ разстояніи отъ обычнаго мѣста выпаса. Работы оставалось немного, и для того, чтобы ее кончить, онъ «прыпизнявся» съ оранкою. Волю и такъ томлены, гнать ихъ на свое пастбище далеко, а тутъ вблизи «въ панськимъ гаю така то вже славна паша». Бѣда только въ томъ, что небольшой упругъ засѣяннаго поля отдѣлялъ его отъ гаю, и все-таки въ гай нужно гнать черезъ посѣвы. «Що тутъ робить? Чы такъ грихъ, чы такъ? Гей волю!»—и дидъ погналъ ихъ въ гай. Въ этой дилеммѣ «грихъ» состоялъ въ одномъ случаѣ въ томъ, что приходилось гнать часть дороги черезъ посѣвъ, въ другомъ—оставить усталые волю безъ шаши: «А не дбать» про интересы «худобы», конечно грихъ—«воно жъ нимый языкъ».

Конечно, хозяинъ въ своихъ интересахъ можетъ оберегать свое пастбище, но если постороннему удастся «вкрасться»—это дѣло его удачи, и никому не придется въ голову считать это предосудительнымъ. Вотъ почему, несмотря на то, что я, въ качествѣ частнаго владѣльца, заинтересованъ въ охраненіи пастбищъ отъ потравъ, многіе сосѣди-крестьяне рассказывали

мнѣ при случаѣ о томъ, какъ они пасли скотъ на пастбищѣ той или иной сосѣдной экономіи.

Но говоря о данномъ направленіи народнаго міровоззрѣнія, нельзя не упомянуть и о томъ, что въ дѣйствительной жизни замѣчается въ значительной мѣрѣ приспособленіе къ ея текущимъ условіямъ. Такъ, лѣсныя порубки имѣютъ своимъ объектомъ болѣе или менѣе крупное дерево въ зависимости отъ большей или меньшей лѣсистости даннаго мѣста, а большая или меньшая значительность потравъ на естественныхъ пастбищахъ находится въ связи съ большимъ или меньшимъ обиліемъ ихъ въ данной мѣстности. Искусственные луга, если они разводятся безъ нарушенія пастбищныхъ правъ крестьянъ, довольно рѣдко подвергаются потравамъ. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ это въ своемъ личномъ хозяйствѣ.

Эта способность къ приспособленію взглядовъ и обычаевъ къ условіямъ текущей хозяйственной жизни указываетъ косвеннымъ образомъ, съ одной стороны, на историческія условія этой жизни, благопріятствовавшія ихъ укрѣпленію, съ другой—на возможность эволюціи народнаго міровоззрѣнія параллельно съ эволюціей хозяйственной культуры при наличности, впрочемъ, условій, дѣлающихъ полезность ея процесса доступною болѣе широкимъ слоямъ населенія.

Правовое міровоззрѣніе въ данномъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, не является, какъ нѣчто данное извнѣ, законченное само по себѣ; но развивается подъ вліяніемъ дѣйствительной хозяйственной жизни. Чѣмъ больше мы будемъ удаляться отъ даннаго момента въ прошедшее, тѣмъ яснѣе будетъ выступать относительное обиліе лѣсовъ и естественныхъ пастбищъ. Конечно, то и другое составляло уже давнымъ давно предметъ частной собственности, но собственникъ менѣе скупился на какой-нибудь дубокъ или выпасъ.

Одинъ мой пріятель, уроженецъ бѣлорусскаго полѣсья, былъ крайне удивленъ тѣмъ, что мѣстные чиншевики просили у меня разрѣшенія на какую-нибудь фуру-другую хвороста. «Что у васъ разумѣется подъ словомъ хворостъ?»—спрашивалъ онъ меня.

«И для порубки такого матеріала у васъ нужно имѣть разрѣшеніе владѣльца лѣса»? За мою память въ нашей мѣстности (сквирскій уѣздъ) не трудно было «выпросить» у того или иного владѣльца нѣсколько столбовъ на хату, хотя бы владѣлецъ и не отличался особенной мягкостью въ сосѣдскихъ отношеніяхъ. Право сборки валежника принадлежало крестьянамъ во многихъ мѣстахъ, а пастбищный сервитутъ прислуживаетъ еще до сихъ поръ огромному большинству крестьянскихъ обществъ юго-запад. края.

Но съ теченіемъ времени условія хозяйственной жизни осложняются; общественныя пастбища въ открытыхъ мѣстахъ исчезаютъ; въ стерняхъ, при болѣе интенсивной культурѣ, все болѣе и болѣе исчезаетъ самородная растительность; искусственное травосѣяніе является необходимой потребностью сельскаго хозяйства, начинается искусственное лѣсонасажденіе.

При такихъ условіяхъ неизбеженъ конфликтъ между понятіями, выросшими на почвѣ отживающихъ хозяйственныхъ условій и позднѣйшимъ ихъ видоизмѣненіемъ. Указанная здѣсь способность приспособленія народнаго міровозрѣнія указываетъ на возможность устраненія, или по крайней мѣрѣ значительнаго смягченія, этого конфликта, но для этого является необходимымъ такой складъ хозяйственныхъ условій, при которомъ и народная масса могла бы участвовать въ положительныхъ результатахъ земледѣльческаго прогресса въ данномъ отношеніи. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе тѣхъ предварительныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ возможность такого хода дѣлъ, мы должны однако замѣтить, что ожидать полнаго примиренія народнаго міровозрѣнія съ ходомъ дѣлъ, при которомъ на долю народной массы достаются почти исключительно отрицательныя его стороны, невозможно, а къ сожалѣнію таковъ до сихъ поръ ходъ агрикультурнаго прогресса въ данномъ отношеніи. Не удивительно поэтому, что народная масса относится къ нему отрицательно, что традиціонное міровозрѣніе, несмотря на нѣкоторыя его смягченія, держится упорно. Характерны въ этомъ отношеніи слова одного ихъ крестьянскихъ представителей на первомъ львовскомъ

сеймъ (1860 г.). «Згода, кажете панове, згода—а лись де? а де пасовысько?»

«Тисно стало жыть на свити»—говорять крестьяне, и тѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увеличивается эта «тиснота»; «земля людей не здержыть». Очень часто повторяется фраза «теперь куркы не можно выпустыть», такъ какъ кругомъ «все шкода».

Это понятіе тѣсноты имѣеть въ данномъ случаѣ въ виду не только малоземелье, но и систему хозяйства. Въ послѣдніе годы въ сквирскомъ уѣздѣ развилось было довольно сильное переселенческое движеніе въ южно-уссурійскій край, на «зеленый клынь», или на «сирый клынь», какъ стали потомъ говорить. Такъ какъ для того, чтобы получить разрѣшеніе на переселеніе, нужно было представить сравнительно довольно значительную сумму денегъ на переѣздъ, то переселялись главнымъ образомъ хозяева средней зажиточности; болѣе малоземельные и безземельные остались на мѣстѣ, не получая притомъ возможности скупать оставляемые переселенцами земли, которыя переходили въ руки болѣе зажиточныхъ односельчанъ. Такимъ образомъ переселеніе въ крайне слабой степени противодѣйствовало малоземелью и въ значительной мѣрѣ являлось протестомъ противъ той «тисноты», которая обуславливалась усиливающеюся системою болѣе интенсивнаго хозяйства. Довольно зажиточный хозяинъ, собиравшійся на «зеленый клынь», на замѣчаніе, что въ его положеніи можно устроиться довольно удобно и на мѣстѣ, говорилъ мнѣ: «та що зъ того? тутъ тиснота»,—и повторялъ онъ стереотипную фразу о куркѣ, которой здѣсь «не можно выпустыть». Понятно, что никакой трактатъ о земледѣліи не имѣеть той обаятельной силы, какъ мысль о 100 десятинахъ посѣва, да къ тому «лись, пасовысько, вси выгоды». И въ самомъ дѣлѣ, такъ ли ужъ ошибаются переселенцы, какъ нѣкоторые предполагають? Конечно, и здѣсь желательны нѣкоторыя усовершенствованія въ организаци дѣла, но эти вопросы не входятъ въ программу настоящей статьи.

До сихъ поръ я говорилъ, главнымъ образомъ, объ ограниченномъ взглядѣ крестьянъ на право внѣкрестьянской собственности, теперь я хочу указать на тѣ ограничительныя поня-

тія о ней, которыя относятся къ внутреннему быту крестьянства. И здѣсь, конечно, они являются продуктомъ общихъ жизненныхъ условій и данной системы полеводства. Впрочемъ я долженъ прибавить, что въ данномъ отношеніи я имѣю въ виду главнымъ образомъ юго-западный край и, болѣе спеціально, среднюю полосу кіевской губерніи, къ которой преимущественно относятся мои наблюденія.

Начнемъ съ главной основы крестьянскаго хозяйства: крестьянскаго земельного надѣла.

Въ средѣ вѣкскрестьянской выработался подъ вліяніемъ ея жизненныхъ условій взглядъ на главу семейства, какъ на исключительнаго носителя права собственности, при сохраненіи, впрочемъ, правъ имущественной самостоятельности мужа и жены. Законъ, правда, ограничиваетъ право завѣщанія такъ называемыхъ родовыхъ имѣній въ пользу прямыхъ наслѣдниковъ, но не право распоряженія ими при жизни владѣльца. Если при отсутствіи завѣщанія законъ устанавливаетъ право наслѣдованія въ пользу остающихся въ живыхъ членовъ семьи, то мотивируется это предположеніемъ (въ огромномъ большинствѣ случаевъ вѣрнымъ), что эти члены семьи являются наиболѣе близкими сердцу собственника людьми и что признанная закономъ группа наслѣдниковъ совпадаетъ съ невыраженнымъ желаніемъ наслѣдодателя.

Въ крестьянскомъ быту хозяйственныя отношенія и, подъ вліяніемъ ихъ, взглядъ на право собственности внутри семьи слагаются нѣсколько иначе. Независимо отъ узъ родственнаго чувства, крестьянская семья представляетъ собою производительную экономическую ассоціацію, всѣ члены которой участвуютъ посильно въ ея производствѣ. Такъ какъ производительность труда членовъ семьи измѣняется съ теченіемъ времени, менѣе производительныя въ данный моментъ ея силы становятся современемъ болѣе производительными, и наоборотъ—трудоспособность болѣе производительныхъ въ данный моментъ ослабѣваетъ съ теченіемъ времени, то и права всѣхъ членовъ ассоціаціи признаются равными. Эту точку зрѣнія усвоило себѣ и мѣстное положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, признавая

крестьянскій земельный надѣлъ общей собственностью членовъ семьи. Этотъ принципъ глубоко проникаетъ весь строй семейно-экономической жизни крестьянъ. По мѣстному обычаю дочери вообще не участвуютъ въ наслѣдованіи земельного надѣла, хозяйственнаго живого и мертваго инвентаря, и получаютъ только приданое въ видѣ какой-нибудь тельчкы, овецокъ, козуха, подушекъ и т. п., да «весилья» должно быть устроено «коштомъ» семьи. Сообразно съ этимъ и опредѣляется ихъ участие въ семейномъ хозяйствѣ. Онѣ, конечно, помогаютъ матери въ уходѣ за огородомъ, плоды котораго онѣ потребляютъ вмѣстѣ съ другими членами семьи, въ сборѣ хлѣба, когда это нужно, въ уходѣ за младшими дѣтьми и т. п., но заработковъ, добываемыхъ на сторонѣ (на бурякахъ, при молотилкѣ, на разныхъ оплачиваемыхъ деньгами работахъ на чужомъ полѣ) онѣ не отдаютъ въ общую семейную кассу, употребляя ихъ по своему усмотрѣнію на наряды и т. п. Другое дѣло *хлопцы*. Работаютъ ли они въ своемъ хозяйствѣ, зарабатываютъ ли на сторонѣ, работа ихъ должна имѣть въ виду тотъ общій фондъ семейнаго хозяйства, котораго они теперь и въ будущемъ соучастники. При постороннихъ заработкахъ заработанныя деньги поступаютъ въ общую кассу, и только какая-нибудь незначительная доля удерживается ими иногда на чарку, на тютюнъ и т. п., при молчаливомъ согласіи главы семейства. Но отдавая свои заработки въ общую кассу, они чувствуютъ себя въ правѣ и контролировать ходъ общаго хозяйства. Служащіе при моемъ хозяйствѣ сроковые рабочіе—хлопцы—обыкновенно сами получаютъ «до рукъ» заработанныя деньги, иногда поручаютъ выплатить ихъ «до рукъ батька», иногда прямо таки заявляютъ, чтобы «батькови» не давать заработанныхъ ими денегъ. Это случается тогда, когда они замѣчаютъ, что зарабатываемыя ими деньги не идутъ въ хозяйственное дѣло. Такой запретъ имѣетъ обыкновенно значеніе временной понудительной мѣры, и послѣ истеченія нѣкотораго срока сынъ или беретъ для врученія отцу деньги, или поручаетъ выплатить ихъ ему непосредственно. Но случалось иногда и такъ, что недоразумѣнія даннаго рода не улаживались дома, и отецъ въ моемъ присут-

ствіи мотивировалъ сыну расходъ заработанныхъ послѣднимъ денегъ на покупку лѣсного матеріала, для ремонта или постройки клуни, на пріобрѣтеніе лошади или бычковъ и т. п., находя, такимъ образомъ, неправильность не въ желаніи контролировать общій ходъ хозяйства, а въ ошибочности расчета. Случалось и обратное: родители иногда просили нѣсколько затруднять полученіе сыномъ денегъ въ счетъ заработка, находя, что онъ слишкомъ много расходуетъ на личныя потребности и удовольствія, несмотря на насущныя потребности общаго хозяйства, далеко, впрочемъ, не претендуя на полное завладѣніе заработками сына.

Конечно, этими и имъ подобными случаями не исчерпываются проявленія значительной самостоятельности членовъ семьи, идущей рядомъ съ ея экономической солидарностью.

Мнѣ не разъ случалось слышать разсужденія младшаго поколѣнія, порицающаго способъ веденія хозяйственныхъ дѣлъ главою семьи и говорившаго о желаніи выдѣла, при чемъ, настаивая на своемъ правѣ на ту или иную часть хозяйственнаго инвентаря (построекъ, орудій, скота), они подчеркивали участіе своего личнаго труда непосредственно или посредственно въ постройкѣ какой-нибудь «повитки», пріобрѣтеніе лошади за заработанныя сыномъ деньги и т. п.

Въ виду жизненныхъ условий, на которыя опираются данныя экономическія отношенія членовъ семьи, имущественные семейные споры въ крестьянской средѣ имѣютъ значительно иной характеръ, чѣмъ такіе же споры въ семьяхъ, гдѣ случается встрѣчать имущественныя притязанія младшихъ членовъ семьи значительно раньше ихъ участія въ производствѣ. Этимъ объясняется и оправдывается снисходительное отношеніе волостныхъ судовъ къ спорамъ между младшимъ и старшимъ поколѣніемъ. Въ приговорахъ по подобнымъ дѣламъ волостной судъ говоритъ обыкновенно объ уваженіи, которое должно оказывать младшее поколѣніе старшему, напоминая, впрочемъ, въ случаѣ надобности и старшему о желательномъ хозяйственномъ направленіи его поведенія; иногда даже присуждаетъ рѣзко неуважительнаго сына къ какому-нибудь наказанію, но въ концѣ концовъ, при упор-

ствѣ, обязываетъ отца выдѣлить сыну припадающую на него часть земли (полагая на сыновей и на отца по равной части) и помогать ему въ извѣстныхъ предѣлахъ въ первоначальномъ обзаведеніи жильемъ, клунєю и т. п. Вѣдь и онъ участвовалъ своимъ трудомъ въ созиданіи общаго семейнаго хозяйства.

Этотъ трудовой принципъ обнаруживается и при разсмотрѣніи семейно-имущественныхъ отношеній, болѣе выходящихъ изъ рамокъ обыкновеннаго теченія семейной жизни. Случается иногда фактическое расторженіе брака, при чемъ жена переходитъ на жительство или въ свою семью, или входитъ въ новое незаконное сожителство, и на этой почвѣ вырастаетъ судебное дѣло. Мнѣ случалось перелистывать рѣшенія волостного суда въ подобныхъ случаяхъ. Судъ высказываетъ обыкновенно мнѣніе о похвальности и обязательности законнаго сожителства, прибавляетъ, однако, что если оно не состоится, то мужъ обязанъ выдать женѣ движимости, внесенныя ею въ имущество хозяйство, а если дѣло идетъ о спорѣ, выросшемъ на почвѣ незаконнаго сожителства, то сюда же прибавляется обязанность уплаты за трудъ, вложенный въ хозяйство сожителя, оцѣнивая его, примѣняясь къ времени сельско-хозяйственнаго года и принимая во вниманіе общую его продолжительность. Случается иногда, что въ составъ хозяйственной семьи входитъ внѣбрачный сынъ. Это обыкновенно сынъ, прижитый женой до брака съ кѣмъ-нибудь другимъ. Мнѣ случилось видѣть духовное завѣщаніе отца, относящееся къ внѣнадѣльной землѣ. Большую часть земли онъ завѣщалъ своему законному сыну, но и внѣбрачный сынъ его жены не былъ обойденъ земельнымъ надѣломъ, такъ какъ онъ съ малыхъ лѣтъ трудился въ общемъ семейномъ хозяйствѣ. Въ случаяхъ, когда подобнаго рода дѣла доходятъ до волостного суда, онъ рѣшаетъ ихъ въ такомъ же направленіи, признавая за внѣбрачнымъ сыномъ или участокъ земли (меньшій впрочемъ, чѣмъ брачнымъ сыновьямъ) или опредѣленный списокъ правъ, приобрѣтенныхъ его трудомъ, изъ общаго семейнаго имущества.

Имѣя въ виду очертить только общія экономически-правовыя тенденціи украинскаго народнаго міровоззрѣнія, я не буду

здѣсь входить въ болѣе детальную разработку семейно-имущественныхъ отношеній. Но эти общія замѣчанія о данной (семейной) экономически солидарной группѣ приводятъ насъ неизбѣжно къ посильному разсмотрѣнію общаго вопроса, настойчиво выдвигаемаго современнымъ теченіемъ экономической жизни. Я подразумеваю здѣсь вопросъ о томъ: склоненъ ли украинець, въ какой мѣрѣ и при какихъ условіяхъ, подчинять свою индивидуальную независимость организаціи ассоцірованнаго производства?

Есть по этому вопросу нѣсколько противорѣчивыхъ пословиць. Съ одной стороны: «найкраца спилка—чоловикъ та жинка»; «гуртове--чортове» и т. п., съ другой «громада—великій чоловикъ», «у гурти каша йистеся», «якъ жыть у куши, не болыть у пупи», «гуртъ и въ Бога краде» и т. п. Въ этомъ, какъ и во многихъ иныхъ случаяхъ, на пословицы, значить, нельзя смотрѣть какъ на полную формулировку народнаго міровозрѣнія; онѣ обыкновенно освѣщаютъ одну сторону вопроса, и популярность, доставшаяся на долю извѣстныхъ изреченій, объясняется, главнымъ образомъ, ихъ стилистическимъ достоинствомъ. Поэтому я оставляю пока въ сторонѣ этотъ, такъ называемый, кодексъ народной мудрости и постараюсь подойти къ вопросу на основаніи нѣкоторыхъ явленій дѣйствительной жизни. Группа, связанная между прочимъ тѣсной общностью экономическихъ интересовъ—это семья. Въ ней, вслѣдствіе кровныхъ, возрастныхъ и экономическихъ условій, дѣйствуютъ болѣе или менѣе продолжительное время, за исключеніемъ круглыхъ сиротъ, всѣ крестьяне, и потому, мнѣ кажется, наблюденіе надъ условіями ея существованія и распаденія должно лечь въ основаніе разсмотрѣнія поставленнаго выше вопроса.

Семья (здѣсь мы имѣемъ въ виду только экономическую ея сторону) представляетъ собой чрезвычайно тѣсную группу, обнимающую собою и производство, и потребленіе, при томъ группу авторитетно связанную значеніемъ главы семейства.

Чѣмъ обширнѣе хозяйство, тѣмъ болѣе выступаютъ на первый планъ производительныя стороны ассоціаціи, и тѣмъ менѣе

тяжелымъ кажется авторитетъ главы семьи, падъ волею котораго господствуютъ техническія условія хозяйства. Обратнo, по мѣрѣ уменьшенія размѣровъ хозяйства, значеніе производственной общности отстуетъ на болѣе далекій планъ, потребительная общность выдвигается на первый, и распоряженія главы семейства мотивируются болѣе его личными наклонностями и производомъ, а не техническими потребностями хозяйства. Участіе въ производительной дѣятельности, выражающейся въ заработкахъ на сторонѣ, косвеннымъ только образомъ можетъ быть связано съ производственной организаціей семейной группы, а поступленіе заработковъ личнаго труда въ общую кассу дѣлаетъ результаты изолированнаго труда предметомъ солидарнаго потребленія. Конечно, всякая общность обязываетъ ея участниковъ поступиться въ извѣстной мѣрѣ своимъ личнымъ усмотрѣніемъ общимъ потребностямъ, въ виду болѣе полного удовлетворенія и своихъ личныхъ потребностей, но производственная и потребительская общность значительно различны въ этомъ отношеніи. Если даже допустить (въ чемъ можно сомнѣваться), что общность потребленія приписитъ относительно такую же долю экономической пользы, какъ и солидарная организація производства, то мѣра ограниченія личной самостоятельности въ первомъ случаѣ несравненно больше, чѣмъ во второмъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ формахъ экономической солидарности, которыя свойственны крестьянской семьѣ.

Такъ очевидно смотреть на дѣло люди, непосредственно въ немъ заинтересованные. Постниковъ (Южно-русское крестьянство) устанавливаетъ рядомъ цифръ, относящихся къ крестьянамъ та-врической губерніи, что численность семейнаго состава увеличивается параллельно размѣрамъ площади посѣва и уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ этой площади. Иначе говоря, экономическая солидарность семьи усиливается и ослабѣваетъ въ зависимости отъ преобладанія въ семейно-хозяйственной организаціи производственной или потребительской общности,—и потому, при малоземельи семейные раздѣлы чаще, чѣмъ при болѣе обширномъ землепользованіи.

Въ болѣе мнѣ знакомой кіевской губ. рѣдко случаются крестьянскія хозяйства такихъ сравнительно значительныхъ размѣровъ, какъ въ таврической губ., да и данныхъ, аналогичныхъ съ данными Постникова, добытыми земскою статистикою, у меня не имѣется, да ихъ и вовсе, кажется, не имѣется для кіевской губ.

Такимъ образомъ, предметомъ моихъ личныхъ наблюденій является такая группа, въ которой трудоспособность болѣе многочисленной семьи далеко не поглощается самостоятельнымъ ея хозяйствомъ, и потому организованная общность производства отстываетъ на болѣе далекій планъ, на первый же планъ выступаетъ общность потребленія.

Здѣсь уже было замѣчено, что въ такой группѣ сильно проявляется тенденція къ распаденію, и это общее замѣчаніе приходится только дополнить нѣкоторыми данными личнаго наблюденія относительно ближайшихъ причинъ ея. Мнѣ случалось, конечно, слышать со стороны соучастниковъ извѣстной семейной группы заявленія неудовольствія на нерегулярность жизни, недостаточное трудолюбіе, небрежность въ исполненіи хозяйственныхъ работъ и т. п. относительно того или другого члена семьи, но эти нареканія скорѣе носили характеръ временнаго неудовольствія, чѣмъ постоянно дѣйствующей причины. Если семейные раздѣлы и вырастаютъ иногда на этой почвѣ, то это случается относительно очень рѣдко. Значительно чаще причину ихъ является расточительное отношеніе кого-нибудь изъ членовъ семьи къ результатамъ общаго труда, при чемъ старшее, болѣе властное, поколѣніе чаще бываетъ причиною разлада. «Батько» пропиваетъ зерно, деньги, вырученныя за отдачу въ аренду участка земли и т. п. На этой почвѣ вырастаютъ споры, иногда и драки. Если дѣло доходитъ до волостного суда, то онъ, подвергая наказанію непокорнаго сына, обязываетъ обыкновенно отца выдѣлить сына. Но чаще всего случаются и не обращаютъ на себя ничьего особеннаго вниманія—раздѣлы, вызываемые общностью потребленія. Пока сынъ не женатъ, эти

вопросы никогда почти не выдвигаются; онъ рѣдко имѣетъ причину жаловаться на то, что къ нему во время работы въ полѣ «тепла страва не доходитъ»; вопросъ о пользованіи жильемъ для него третъестепенный, семейная общность не стѣсняетъ его общественныхъ отношеній, такъ какъ съ товарищами, друзьями и дѣвчатами онъ встрѣчается, главнымъ образомъ, *на улицы*, въ хатѣ, гдѣ «збыраются досвитки» и т. п., а въ мужской исключительно компаніи—въ былое время въ корчмѣ, а послѣ введенія водочной монополіи—въ разныхъ ея суррогатахъ. Здѣсь его не стѣсняетъ ничей авторитетъ («въ корчми вси ривни»), а веселый «жартъ», свободныя разсужденія, дружная пѣсня замѣняютъ будничные разговоры домашней жизни. Другое дѣло «жоначъ». На улицы, на досвитки уже ему «дорогы не выдно»; корчма, конечно, можетъ пріютить и его, но «не туда вже сердце лежить», онъ уже отсталъ отъ «товарыства» молодежи. «Оженився—зажурывся». Не только «молодыця» зажурылась «и ложкою и мыскою, ще й третью колыскою», но и его мысли сосредоточились на домашней жизни. А жизнь то эта осложнилась. Въ данную семью вошла «невѣстка», у сына образовались новыя общественныя отношенія, отношенія съ родомъ жены, расширился кругъ «кумивъ побратымивъ, и всѣ эти отношенія не могутъ уже ютиться гдѣ-нибудь у «жыдивочки», а нуждаются въ хатнемъ общеніи. А хата то тѣсна, и запасовъ въ ней не Богъ вѣсть сколько. «Старимъ» кажется страннымъ появленіе новыхъ хозяевъ въ домашнихъ распорядкахъ; молодые косятся на стѣсненіе ихъ самостоятельности. Бываютъ, конечно, исключенія, но въ общемъ, неминуемо всплываетъ наружу извѣстный антагонизмъ свекрухи и невѣстки, совмѣстная жизнь становится все труднѣе, дѣло кончается выдѣленіемъ сына «щобъ отступыться одъ гриха». Не общность въ производительной дѣятельности лежитъ обыкновенно въ основѣ этого выдѣленія: случается не разъ, что наканунѣ еще раздѣла вся семья работаетъ дружно съ серпомъ, косою, но именно общность потребленія, стѣсняющая свободное распоряженіе результатами труда.

Придерживаясь принятаго мною метода, по которому общія тенденціи, способствующія экономической ассоціаціи или противодѣйствующія ей, нужно выводить на основаніи наблюденія надъ самой распространенной семейной группой,—я долженъ упомянуть вкратцѣ о нѣкоторыхъ чертахъ семейно-экономическихъ отношеній, о которыхъ здѣсь была уже рѣчь, по скольку эти черты могутъ освѣщать общій вопросъ о степени и условіяхъ склонности украинскаго народа къ экономической ассоціаціи. Раньше мы видѣли принципъ экономической равноправности, широкое право контроля всѣхъ членовъ группы, не оста- навливающееся и передъ родительскимъ авторитетомъ, право свободнаго выхода изъ ассоціонно-связанной группы. Если мы къ этому прибавимъ сравнительно большую легкость подчиненія индивидуальныхъ соображеній техническимъ потребностямъ производства и сильную нерасположенность къ обобщенію потребления, о которомъ только что была рѣчь, то мы, кажется, исчерпаемъ тѣ указанія, которыя по данному вопросу мы можемъ получить изъ наблюденій надъ семейно-экономической группой. Мнѣ кажется, что эти указанія вполне гармонируютъ съ результатами наблюденія надъ тѣми мелкими временными экономическими ассоціаціями, которыя въ значительной мѣрѣ распространены въ народной жизни, и о которыхъ какъ то принято забывать. О нихъ то я и хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ.

Ассоціаціи эти обусловливаются потребностями производительной техники на томъ уровнѣ ея развитія, который присущъ крестьянской производительной дѣятельности въ данное время. 1) Самая распространенная изъ нихъ—это *супрѣа*. Она имѣетъ главнымъ образомъ въ виду оранку поля. Въ моей мѣстности (сквирскій уѣздъ, кіев. губ.) пахутъ обыкновенно Саковскимъ плугомъ при упряжкѣ въ 4 вола или 4 лошади (это послѣднее несравненно чаще). Конечно, лестно «орать своимъ плугомъ», подразумѣвая подъ словомъ плугъ не только орудіе, но и нужное для пахоты количество скота. Но для того, чтобы использовать работоспособность такого плуга, нужно имѣть въ своемъ распоряженіи значительно бѣльшее количество земли, чѣмъ то, кото-

рымъ пользуется огромное большинство нашихъ крестьянъ. При малой площади земельного пользованія и незначительности стороннихъ заработковъ тягломъ, «свой плугъ» былъ бы нецѣлесообразной и разорительной роскошью. Этимъ и обусловливается возникновеніе супруги. «Супрягаются» обыкновенно 2 хозяина, изъ которыхъ каждый даетъ въ супругу пару лошадей; нужные для пахоты *погоничъ* и *плугатьръ* поставляются ими также въ равной мѣрѣ. Такъ они пахутъ свою и, если случится, чужую землю,—последнюю за часть сбора или за деньги. Сборомъ или деньгами, заработанными на чужой землѣ, они дѣлятся поровну. Если у супряжниковъ равный надѣлъ своей земли, то работа на полѣ одного погашается работой на полѣ другого; въ случаѣ неравномѣрности излишняя работа хозяина съ меньшимъ надѣломъ возвращается ему другимъ супряжникомъ натурою, при другихъ полевыхъ работахъ, или же оплачивается деньгами по текущимъ цѣнамъ работы. Чаше случается, что орудіе пахоты—собственный плугъ—имѣется только у одного изъ супряжниковъ (Саковскій плугъ для крестьянскаго хозяйства сравнительно дорогъ). Въ такомъ случаѣ неимѣющій плуга супряжникъ уплачиваетъ его владельцу за каждый свой моргъ ¹⁾ по 20 коп. Оранка—главное дѣло супруги, и этой работой обыкновенно ограничивается ея дѣятельность. Но и при другихъ работахъ ея участіе было бы если и не такъ необходимо, то все же полезно. Такъ, при взрыхленіи поля раломъ потеря почвенной влаги тѣмъ меньше, чѣмъ скорѣе взрыхленное поле будетъ забороновано (заскорожено или заволочено). Въ виду этого, «колы спилка добра», случается, что супряжники раломъ и волочатъ вмѣстѣ. Во время возки хлѣба, когда у одного изъ супряжниковъ некому подавать снопы на возъ, или когда это удобно по другимъ причинамъ (напр. при

---

¹⁾ Моргъ=1317 кв. саж.; десятина почти равна $1\frac{3}{4}$ м. На вспаханье морга требуется одинъ день, также и на „ралиння“; это же и средняя мѣра дня косыбы травы или средняго овса. Вотъ почему, несмотря на то, что покупки и аренды исчисляются обыкновенно подесятинно, въ хозяйственныхъ работахъ счетъ на морги держится твердо въ моей мѣстности.

кладѣ «стижка» на открытомъ воздухѣ), случается, что перевозятъ хлѣбъ прежде одному, потомъ другому. Случается, что это дѣлается при подобныхъ условіяхъ сосѣдями, не находящимися въ супрягѣ. Супряга имѣетъ въ виду обѣ вспашки («на новъ и на зябъ»), иногда только одну, но чаще всего она повторяется между супряжниками изъ года въ годъ довольно продолжительное время.

2) Значительныя преимущества молотбы молотилкою передъ молотьюбою цѣпомъ (большая производительность труда, болѣе полный вымолоть зерна, большая возможность использовать благопріятныя сухіе дни для молотбы) вызвали все усиливающееся въ моей мѣстности среди крестьянъ стремленіе пользоваться молотилками. Держать молотилку для собственной только надобности не подѣ силу и болѣе зажиточнымъ крестьянамъ (подразумѣвая не сословную, а экономическую категорію), такъ какъ они только въ весьма ограниченной мѣрѣ могутъ использовать работоспособность этой сравнительно дорогой машины. Случаевъ покупки молотилки товариществомъ крестьянъ въ моей мѣстности не бываетъ, но работаетъ довольно много молотилокъ, перевозимыхъ съ мѣста на мѣсто къ разнымъ хозяевамъ. Случается, что такія молотилки принадлежатъ крестьянамъ; случается, что и другимъ лицамъ, не ведущимъ сельскаго хозяйства. Въ томъ и другомъ случаѣ владѣлецъ молотилки отдаетъ обыкновенно въ наймы право пользованія его машиною, получая плату отъ копы молотбы. Ни лошадей, нужныхъ для работы, ни рабочихъ онъ не даетъ, все это поставляютъ тѣ, которые молотятъ свой хлѣбъ. Молотилки эти обыкновенно 4-хконныя. Болѣе богатые крестьяне впрягаютъ своихъ лошадей, и рабочія силы семьи дополняются панятами по текущимъ цѣнамъ (практикуемымъ въ экономіяхъ) рабочими. Но большинство среднихъ хозяевъ должны прибѣгать къ *спилкѣ*. Дѣлается это у насъ обыкновенно такимъ образомъ. Ассоціируются 2 хозяина, изъ которыхъ каждый даетъ по парѣ лошадей въ молотилку; рабочія силы ихъ семействъ дополняются наемными рабочими по текущимъ цѣнамъ. Такъ какъ число копъ, вымолачиваемыхъ каждымъ изъ товарищей, а также и число пѣшихъ

рабочихъ въ каждой изъ двухъ семей обыкновенно не одинаково и часто разнится значительно, то здѣсь представляется случай для нѣсколько сложнаго расчета, производимаго однако временными товарищами вполне рационально. Товарищъ, у котораго перемолочено больше копъ хлѣба, платитъ другому за работу его лошадей при молотбѣ даннаго излишка сообразно съ временемъ работы, потребовавшимся на этотъ излишекъ, и текущими цѣнами такой работы. Сторонніе (не принадлежащіе къ семьямъ товарищей) рабочіе получаютъ поденную плату: къ числу дней наемныхъ рабочихъ прибавляется число рабочихъ дней членовъ семьи, считая ихъ по той же цѣнѣ, и на этомъ основаніи исчисляется стоимость обмолотки копы хлѣба, падающая на пѣшую работу. Расчетъ между товарищами производится на основаніи количества копъ, перемолоченныхъ у каждого изъ нихъ, общей стоимости пѣшей работы, падающей на его долю, и стоимости рабочихъ дней, поставленныхъ имъ. При незначительной разницѣ въ количествѣ перемолоченныхъ копъ и рабочихъ силъ ассоциированныхъ семействъ, случается, что «сходятся такъ, по сусидськы», безъ подробнаго расчета за лошадей и за рабочихъ. Случается иногда, что безлошадный сосѣдъ присоединяется къ товариществу для обмолота своего хлѣба, въ такомъ случаѣ онъ составляетъ относительно большее число пѣшихъ рабочихъ. Если количество перемолочиваемаго у него хлѣба незначительно, то случается, что дѣло ведется «по сусидськы» безъ особенно строгаго расчета.

3) Постройка хатъ и другихъ строеній, нуждающаяся въ одновременномъ сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ, вызываетъ обыкновенно ассоціацію на слѣдующихъ основаніяхъ. Два или три «мастри» договариваются съ хозяиномъ оптомъ за постройку. Потомъ они добираютъ себѣ другихъ «мастривъ». Добираются обыкновенно болѣе или менѣе равные въ «мастерствѣ». Платою, получаемую отъ хозяина, дѣлятся все поровну съ тѣмъ, однако, что припѣтые впоследствии плотники уплачиваютъ въ пользу первоначально договорившихся (за те, що згодылись) по 1 рублю. Обыкновенно, первые договорившіеся бываютъ и глав-

ными руководителями работы. На «протяцки», не плотницкія, работы (копка ямъ для столбовъ и т. п.) *спилка* нанимаетъ по-денныхъ.

4) При заготовкѣ дровъ на топливо плата бываетъ обыкновенно отъ кубического сажня (стога). Потребность въ содѣйствіи двоихъ при работѣ пилою вызываетъ и соответствующую ассоціацію. Обыкновенно 2 рабочихъ вмѣстѣ рубятъ, пилятъ и раскалываютъ дрова, на общія средства покупаютъ и «пылку», а заработокъ дѣлятъ поровну. Иногда *спилка* принимаетъ въ свой составъ и 3-го рабочаго; тогда два пилятъ, а третій раскалываетъ и укладываетъ дрова. Платою съ нимъ дѣлятся поровну, если онъ равносильный работникъ.

5) При по-саженной копкѣ новыхъ или ремонтѣ давнихъ рововъ ассоціируются два работника; одинъ копаетъ, другой выбрасываетъ землю изъ канавы. Платою дѣлятся поровну.

Кромѣ указанныхъ здѣсь, встрѣчаются и другія краткосрочныя ассоціаціи труда, напр., при покрываніи построекъ или скирдъ соломою, сооруженіе плетней, при корчовкѣ и т. п., вообще при работахъ, оплачиваемыхъ оптомъ или поштучно, особенно, если нанимателемъ требуется исполненіе работы къ опредѣленному недалекому сроку. Впрочемъ, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ ассоціированіе труда не есть необходимое явленіе.

Я упомянулъ здѣсь о разныхъ видахъ *спилки*, болѣе часто встрѣчающихся въ моей мѣстности; въ разныхъ мѣстностяхъ, въ зависимости отъ техники и объектовъ производства, размѣровъ крестьянскаго землепользованія и т. п., эти типы могутъ варьироваться, нѣкоторые виды *спилки* могутъ исчезать, другіе развиваться болѣе сильно или вновь являться. Такъ напр., въ мѣстностяхъ, гдѣ паханье совершается одной парой рабочаго скота или же наоборотъ тремя парами, — описанный здѣсь видъ супруги можетъ исчезать или же варьироваться; въ мѣстностяхъ, гдѣ болѣе развитъ лѣсной промыселъ, возникаетъ *спилка* при ручной заготовкѣ досокъ и т. п.; въ иныхъ мѣстахъ наемъ молотилокъ крестьянами не въ ходу, съ другой же стороны въ херсонской губерніи встрѣчаются, какъ я слышалъ, покупки молотилокъ това-

риществами или обществами крестьянъ и даже паровыхъ молотилокъ. Впрочемъ, всѣ эти видоизмѣненія не нарушаютъ, кажется, принциповъ, лежащихъ въ основѣ описанныхъ здѣсь самобытныхъ крестьянскихъ ассоціацій. Но прежде чѣмъ перейти къ общей ихъ характеристикѣ, здѣсь, кажется, умѣстно будетъ упомянуть о нѣкоторыхъ видахъ помощи, которые косвеннымъ, впрочемъ, образомъ примыкаютъ къ явленіямъ экономическихъ ассоціацій. Я говорю *косвеннымъ образомъ*—потому, что хотя въ основѣ ихъ лежитъ потребность въ ассоціированіи труда, но въ нихъ отсутствуетъ тотъ элементъ строгаго экономического разчета, который ясно выступаетъ въ описанныхъ здѣсь разныхъ видахъ *спилокъ*. Онъ замѣняется здѣсь элементомъ взаимнаго сосѣдскаго благоволенія.

При постройкѣ хатъ часто практикуется *закладщина*. Дѣло происходитъ такимъ образомъ. *Майстри* готовятъ и обдѣлываютъ столбы, а также верхнюю вязъ и кроквы. Когда все это приготовлено и размѣряно, сосѣди и болѣе близкіе люди приглашаются *на закладщину*. Прибывшіе на *закладщину* устанавливаютъ общими усиліями, подъ руководствомъ *майстра*, столбы, заносятъ верхнюю вязъ и кроквы, иногда «закидаютъ» нѣкоторую часть стѣнъ. Къ вечеру (*закладщина* продолжается одинъ день) остовъ хаты готовъ. Участвующие въ *закладщинѣ* не получаютъ платы, но хозяинъ кормитъ ихъ по возможности сытно и угощаетъ ихъ водкой. Помощь *закладщины* настолько существенна, что плотники требуютъ бѣльшаго или меньшаго вознагражденія за свою работу въ зависимости отъ того, будетъ или не будетъ *закладщина*. Когда плотницкая работа окончена, и требуется облѣпить новую хату глиною, то эта работа тоже часто совершается *толокою*. Приходятъ сосѣдки и болѣе близкія знакомыя (въ противоположность *закладкѣ*, гдѣ работаютъ только мужчины, здѣсь работаютъ только женщины) и, обыкновенно при пѣсняхъ и веселыхъ разговорахъ, совершаютъ за день обмазку хаты, которая, такимъ образомъ, сохнетъ равномерно во всѣхъ своихъ частяхъ. Здѣсь также работницы не получаютъ платы, а только угощеніе *горилкою* и *стравою*.

Встрѣчаются до сихъ поръ, но больше какъ переживаніе, разные виды *толоки* при полевыхъ работахъ, особенно при сборкѣ сѣна и хлѣба; иногда бываютъ и случаи пахоты поля священника прихожанами. При толокахъ плату за трудъ замѣняетъ угощеніе (водка и яства). Въ иныхъ случаяхъ толоки имѣютъ характеръ общій съ закладщиною, т. е. взаимность сосѣдскихъ услугъ. Такъ, въ дни моей молодости я помню у крестьянъ д. Маковищъ (кіевскаго уѣзда) обычай косить траву толокою. Два, три сосѣда сходились и выкашивали поочередно свои сѣнокосы; хозяинъ, сѣнокосъ котораго косили, угощалъ сотоварищей. Получалось такимъ образомъ одновременное высыханіе сѣна. Не знаю, существуетъ ли тамъ до сихъ поръ этотъ обычай. Но за исключеніемъ обычныхъ случаевъ, толоки имѣли обыкновенно характеръ не взаимности услугъ, а услугъ со стороны болѣе зависимыхъ въ пользу болѣе вліятельныхъ и со стороны этихъ послѣднихъ характеръ спекуляціи, эксплуатирующей зависимость и слабость сельскаго населенія. Такой характеръ въ наиболѣе грубой степени имѣли толоки, устраиваемыя экономіями, начиная съ крѣпостного времени вплоть до довольно недавняго. Но толоки этого типа въ моей мѣстности или совсѣмъ исчезли, или очень рѣдко встрѣчаются, о чемъ, конечно, не приходится сожалѣть. Оставляя въ сторонѣ этотъ послѣдній видъ толокъ и имѣя въ виду тѣ, которыя основываются на осуществляемой непосредственно (напр. при сѣнокошеніи) или предполагаемой въ возможномъ будущемъ взаимности услугъ (напр. закладщина), нельзя не замѣтить въ нихъ въ примитивной формѣ принципа взаимнаго страхованія на случай работъ, превосходящихъ единичныя силы хозяина. Но данный принципъ представляется здѣсь въ очертаніяхъ, ускользающихъ по болѣшей части отъ точнаго учета въ то время, когда въ разныхъ *спилкахъ*, о которыхъ здѣсь была рѣчь, расчетъ между *спилыками* ведется очень строго. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что обычные разные виды помощи идутъ скорѣе на убыль, чѣмъ на возрастаніе. При возрастающей сложности хозяйственной жизни и ея трудностей, принципъ «нехай мое переходыть» отодвигается на задній планъ, уступая мѣсто строгому расчету

между сотоварищами, присущему, указаннымъ здѣсь болѣе или менѣе продолжительнымъ ассоціациямъ. Обращаясь къ общей ихъ характеристикѣ, мы должны прежде всего признать, что ходячее мнѣніе о безусловномъ якобы отвращеніи украинца отъ ассоціированнаго труда не выдерживаетъ критики фактовъ. Не только болѣе давніе ихъ виды, при малыхъ измѣненіяхъ производительной техники, продолжаютъ существовать съ соответственными приспособленіями къ ея модификаціямъ (напр. супряга), но вырастаютъ и новые параллельно съ появленіемъ новыхъ приемовъ производства, напр.—ассоціаціи для пользованія молотилками. Дѣло въ томъ, что стремленіе пользоваться ими у крестьянъ среднезажиточныхъ—въ моей мѣстности дѣло совсѣмъ новое, считающее свою исторію единицами, а не десятками лѣтъ, тѣмъ не менѣе уже выработались, какъ мы видѣли, ясныя, точно опредѣленные принципы данной временной ассоціаціи. Далѣе мы видимъ, что возникнувшія, количественныя и временныя границы труда опредѣляются потребностями производительной техники на томъ ея уровнѣ, который считается въ данный моментъ экономическаго развитія необходимымъ и цѣлесообразнымъ крестьянскимъ населеніемъ. Считающееся менѣе необходимымъ скорѣе остается внѣ сферы ассоціированнаго труда, чѣмъ наоборотъ (напр., спорадическое только проявленіе ассоціаціи супряжниковъ при ролянкѣ и боронованіи).

Затѣмъ, въ ассоціаціи ведется строгій расчетъ между сотоварищами соответственно суммѣ услугъ, оказываемыхъ каждымъ изъ нихъ (плата за пользованіе плугомъ въ супрягѣ, счетъ рабочихъ дней при молотьбѣ и т. п.)—или по энергическому формулированію Прудона (*Système des contradictions économiques*) «да, братья—сколько вамъ угодно, но отдайте мнѣ все мое и возьмите все ваше». Полная равноправность сторонъ, отсутствіе авторитетнаго руководства внѣ технической необходимости (значеніе руководящихъ *майстривъ* при постройкахъ), свободный выходъ изъ данной спилки и присоединенія къ новой, продолжительность существованія ея въ зависимости отъ технически необходимаго времени для достиженія даннаго опредѣленнаго результата (сфера

производства, какъ единственная сфера ихъ примѣненія)—дополняютъ характеристическія черты ассоціацій, о которыхъ здѣсь была рѣчь.

Принимая все сказанное во вниманіе, мы должны допустить, что, по мѣрѣ развитія производственной техники, будутъ развиваться и приспособленные къ ней виды ассоціаціи, при чемъ это развитіе (по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ времени) скорѣе выразится въ увеличеніи числа временныхъ ассоціацій *ad hoc*, къ которымъ будутъ примыкать самостоятельные производители, чѣмъ въ развитіи такихъ формъ ассоціаціи, которыя полно, или болѣе полно, поглощаютъ личную инициативу. Свойства земледѣльческаго производства на данномъ его уровнѣ вполне соотвѣтствуютъ такому ходу дѣлъ.

Этотъ общій ходъ дѣлъ состоитъ въ томъ, что индивидуальное производство временно уступаетъ мѣсто ассоціированному въ границахъ *твердо* сознанный полезности этого ассоціированія. Я подчеркиваю слова—твердо сознанный полезности,—полезности, превосходящей удобства индивидуальной независимости.

Простого признанія, что ассоціированіе производства принесло бы нѣкоторую пользу—недостаточно. Довольно долгое время я велъ свое хозяйство, отдавая землю мѣстнымъ крестьянамъ исполу, оставляя за собой только нѣкоторый контроль относительно времени и качества обработки, выбора зерна для посѣва и т. п. Пока велось у меня трехпольное хозяйство, всякій плугъ (обыкновенно супряжный) обрабатывалъ свой участокъ, и дѣло шло относительно недурно. Рѣшившись ввести такъ называемую плодоперемѣнную систему, я составилъ ея планъ при участіи и съ одобренія тѣхъ же половинщиковъ. При переходѣ къ ней, явились участки, нуждавшіеся въ совмѣстной обработкѣ всѣми плугами, и хотя при посѣвѣ всякій половинщикъ выдѣлялъ свою часть, но нѣкоторыя работы приходилось производить совмѣстно. Работа на этихъ участкахъ шла значительно хуже, чѣмъ на остальныхъ: запаздываніе однихъ, непроизводительное ожиданіе другихъ съ лошадьми, привязанными къ возу, небрежность работы, нерѣдкіе взаимные споры по этимъ причинамъ вызывали

замѣчанія участниковъ о томъ, что «гуртове--чортове», и, признаюсь, вызывали во мнѣ одностороннее предположеніе не о томъ, что данныя формы производства не приспособлены къ приѣмамъ, выработаннымъ мѣстнымъ крестьянскимъ хозяйствомъ, но о томъ, что эти крестьяне вообще не способны къ ассоцірованію труда. Можно указать и на многіе другіе случаи, въ которыхъ существующее признаніе полезности извѣстныхъ приѣмовъ обработки, не достигло той интенсивности, которую зарождаетъ ассоцірованное производство. Такъ преимущество запахиванія навоза одновременно съ вывозкою его признается очень многими, но не вызываетъ соотвѣтственной этому признацію ассоціации; то же самое замѣчается съ весьма распространеннымъ признаніемъ преимуществъ посѣва рядовою сѣянкою передъ ручнымъ, и т. д. Съ сѣянкою, вѣроятно, случится то, что случилось съ молотилкою: она явится современнымъ, какъ орудіе нанимаемое, для эксплуатаціи котораго будутъ ассоціироваться отдѣльные хозяева. Если это маленькое уклоненіе въ область вѣроятностей будущаго и не входитъ въ рамки настоящей статьи, то, кажется, оно можетъ служить иллюстраціей общаго впечатлѣнія, производимаго наблюденіемъ надъ разными формами ассоціаций, о которыхъ здѣсь была рѣчь. Онѣ существуютъ и нарождаются, но въ общемъ ходѣ своемъ отстаютъ болѣе или менѣе отъ успѣховъ техники. Практическое усвоеніе успѣховъ техники легче, чѣмъ соотвѣтствующія ему модификаціи міровоззрѣнія: дерево и желѣзо болѣе податливый матеріаль, чѣмъ людскіе нравы. Изъ этого вытекалъ и вытекаетъ, не только у насъ, цѣлый рядъ чувствительныхъ экономическихъ противорѣчій. Правда, есть школы, которыя въ крайнемъ развитіи ассоціаций видятъ залогъ будущей полной гармонизаціи экономической жизни; но едва ли возможенъ прогрессъ, который не имѣлъ бы предпосылкой умѣніе производителя приспособить формы общественной жизни къ сознательному веденію производства соотвѣтственно уровню производительной техники.

Съ этой точки зрѣнія наша общественная жизнь оставляетъ широкое поле для цѣлесознательной инициативы въ данномъ на-

правленіи. Здѣсь нельзя не упомянуть добрымъ словомъ предааннаго служителя кооперативной идеѣ на Украинѣ, Н. В. Левицкаго. Его удачи и неудачи, рожденіе и распаденіе организуемыхъ при его участіи артелей могутъ служить богатымъ матеріаломъ для освѣщенія занимающаго насъ вопроса и указаніемъ практическихъ поправокъ дѣятельности въ томъ направленіи, которымъ онъ прокладываетъ новый путь среди нашихъ мѣстныхъ условій жизни.

Выраженіемъ пожеланія появленія объективнаго очерка исторіи этихъ артелей я и закончу этотъ отдѣлъ настоящей статьи.

Здѣсь я хочу сказать еще нѣсколько словъ о взглядѣ на договоръ. Нескончаемое число договорныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ крестьянами между собою и люльми. инословными, дѣлается въ огромномъ числѣ безъ скрѣпленія какими-либо формальными актами, особенно когда договоръ ограничивается крестьянской средой.—Это достаточно указываетъ на серьезное отношеніе къ правамъ и обязанностямъ, связаннымъ съ данною неизбежною формою житейскихъ отношеній, вырастающихъ на почвѣ современной экономической жизни. Но въ народномъ міровоззрѣніи изъ этого не вытекаетъ то поклоненіе фетишу—договорному праву, которое выработалось въ средѣ, извлекающей обыкновенно изъ него преимущественно полезныя для нея результаты. Общая идея ненарушимости договора пріобрѣтаетъ въ теоріи свою санкцію въ предположеніи равнозначительности услугъ, оказываемыхъ договаривающимися сторонами. Дѣйствительная жизнь, какъ извѣстно, далеко не всегда оправдываетъ это предположеніе: болѣе слабыя экономическія единицы испытываютъ очень часто на себѣ отрицательныя стороны этого уклоненія дѣйствительности отъ идеала. На этой почвѣ и вырастаетъ ограничительное, въ извѣстной мѣрѣ, толкованіе договорнаго права въ народной средѣ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ для иллюстраціи этой мысли.

Мой односельчанинъ А купилъ (какъ у насъ выражаются) на нѣсколько посѣвовъ землю другого крестьянина Б, уплативъ деньги впередъ. Сдѣлка, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ,

была очень выгодна для А. До истеченія срока сдѣлки Б за-сѣялъ приготовленную А землю и собралъ хлѣбъ въ свою пользу. Волостной судъ, къ которому обратился А, присудилъ съ Б въ пользу А плату за совершенныя имъ полевыя работы; что же касается сбора хлѣба въ данномъ году и продолженія сдѣлки до окончательнаго ея срока, то судъ отказалъ въ этомъ А, мотивируя свое рѣшеніе тѣмъ, что онъ уже и такъ получилъ въ предыдущихъ сборахъ достаточное вознагражденіе за данныя имъ впередъ деньги. А, недовольный этимъ рѣшеніемъ, обратился въ сѣздъ мировыхъ посредниковъ, но сѣздъ, не находя достаточныхъ кассационныхъ поводовъ, утвердилъ рѣшеніе волостного суда. Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ объявленія А этого постановленія сѣзда мировыхъ посредниковъ и былъ крайне изумленъ тѣмъ спокойствіемъ, съ которымъ А отнесся къ нему. Въ глубинѣ души онъ очевидно признавалъ цравоту рѣшенія волостного суда и болѣе налегалъ на то, что «нема що казаты», такъ какъ его работу оцѣнили добросовѣстно.

Другой «случай» въ сосѣднемъ селѣ. К. купилъ у М. его полевой надѣлъ на нѣсколько посѣвовъ; до истеченія срока этой сдѣлки сестра М. умираетъ. Онъ обращается къ К. съ просьбой ссудить ему нужныя на погребеніе деньги, но К. отказываетъ въ этомъ М. М. рѣшается отдать свою землю въ наемъ другому односельчанину П. на два, кажется, ближайшіе сбора, не дожидаясь срока истеченія сдѣлки съ К., и такимъ образомъ получить нужныя ему деньги. Возникаетъ дѣло въ волостномъ судѣ по жалобѣ К. Судъ рѣшаетъ, что П., въ удовлетвореніе послѣдней сдѣлки, долженъ приступить къ пользованію землею въ ближайшемъ времени, а К. додержать слѣдующимъ годамъ послѣ П. Рѣшеніе это мотивируется тѣмъ, что К. зналъ стѣсненное положеніе М, зналъ ограниченную его кредитоспособность и, держа его землю въ своихъ рукахъ, все-таки отказался отъ ссуды, такъ что для М. не оставалось другого исхода, какъ нанять свою землю П.

И общественное мнѣніе несомнѣнно одобряетъ рѣшенія такого рода. Точно также оно не осудитъ наймита, плохо оплачи-

ваемаго (въ сравненіи съ текущими цѣнами) или стѣсняемаго инымъ образомъ, за оставленіе хозяина. Впрочемъ, при случаѣ нельзя не замѣтить, что шумъ, поднимаемый нѣкоторыми въ последнее время по поводу этого вопроса, полонъ преувеличеній, диктуемыхъ крайней экзальтаціей узко понимаемыхъ интересовъ и безцеремонныхъ аппетитовъ извѣстной категоріи нанимателей.

Заканчивая этимъ, конечно, далеко не исчерпывающій очеркъ, нельзя не упомянуть о томъ, что среди крестьянства идетъ подъ вліяніемъ общихъ условій хозяйственной жизни процессъ имущественной дифференціаціи. Въ зависимости отъ этого болѣе сильныя экономически группы крестьянъ примыкаютъ въ большей или меньшей мѣрѣ къ экономическому міровоззрѣнію верхнихъ слоевъ общества, но тѣмъ не менѣе понятіе о крестьянскомъ юридически-экономическомъ міровоззрѣніи сохраняетъ свою силу, разъ мы будемъ здѣсь подразумѣвать историческую, а не юридически сословную категорію. Міровоззрѣніе это, конечно, далеко отъ совершенства и законченности; въ немъ мы встрѣчаемся иной разъ съ довольно наивной формулировкой, но не съ точки зрѣнія совершенства и законченности нужно оцѣнивать его значеніе. Мы уже привыкли къ тому, чтобы не смотрѣть на тѣ или иныя юридическія и бытовыя нормы экономической жизни, какъ на нѣчто абсолютное, мы привыкли въ нихъ видѣть видоизмѣняющійся продуктъ исторической жизни племени, но мы склонны еще забывать, что результаты этой жизни не одинаково отражаются на интересахъ отдѣльныхъ слоевъ населенія. Это и вызываетъ различіе въ ихъ міровоззрѣніи на вопросы, сюда относящіеся, и то, что мы привыкли считать наиболѣе совершенною для даннаго времени ихъ формулою,—не больше, какъ формула міровоззрѣнія слоевъ, всплывшихъ къ верху въ извѣстный моментъ исторической эволюціи. Формулы эти достигли относительной степени законченности, какъ извѣстно, не сразу, а постепенно. Такою же способностью къ совершенствованію обладаетъ, конечно, и міровоззрѣніе другихъ слоевъ населенія, и если только мы правы, предполагая въ будущемъ отведеніе болѣе широкаго мѣста ихъ интересамъ (а исторія оправдываетъ, кажется, это предположеніе), то мы должны смотрѣть на ихъ міровоззрѣніе, какъ на серьезное основаніе дальнѣйшей эволюціи понятій, сюда относящихся.

Ф. Рыльскій.

Украинскія колядки.¹⁾

III.

Колядки-вирши.

Колядки-вирши примыкають къ цѣлой особой области украинскаго творчества. Область «вирши» вообще очень обширна и далеко не вполне обследована; даже основные ея вопросы нельзя считать рѣшенными, такъ какъ относительно ихъ не сошлись во мнѣнiяхъ наши специалисты, касавшіеся въ своихъ ученыхъ трудахъ изслѣдованiя украинской виршевой словесности. М. П. Драгомановъ, помѣстивши въ сборникѣ «Ватра» (вышедшемъ въ Галиціи въ 1887 г.), пасхальную виршу изъ журн. Основы, а также имѣя въ виду нѣсколько виршей изъ имѣвшихся у него рукописныхъ сборниковъ, высказалъ предположеніе, что эти и подобныя имъ воскресныя и рождественскія вирши пошли отъ церковныхъ драмъ; ту же мысль высказалъ онъ и въ журналѣ «Жыття и Слово» (1894 г. т. I), помѣщая тамъ рождественскія вирши; такое же мнѣніе поддерживалъ и галицкій ученый Миронъ. Но П. И. Житецкій былъ не согласенъ съ этими мнѣнiями и высказалъ въ своей книгѣ («Энеида Котл.», гл. X) взглядъ, что прототиповъ рождественскихъ виршей нужно искать въ колядкахъ; «когда появилось на Украинѣ просвѣтительное движеніе, создавшее мало-русскую школу, на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться вирши-колядки, которыя тоже шли въ народъ и предназначались для пѣнiя. Изъ нихъ то и выработались вирши-орации, предназначавшіяся для пѣнiя»; оживляясь діалогомъ, «вирши-ора-

¹⁾ См. Киев. Ст. 1903 г., № 4.

ції сближались уже съ драмой и могли служить матеріаломъ для нея. Инымъ путемъ развивались тѣ изъ нихъ, которыя почерпали вдохновеніе въ украинскомъ юморѣ. Такія вирши не могли найти въ книжной рѣчи надлежащей поддержки. Составлялись онѣ на народномъ языкѣ съ большею или меньшею примѣсю книжныхъ элементовъ для стилистическихъ эффектовъ. Обычный художественный приѣмъ въ нихъ—низведеніе религиозныхъ сюжетовъ въ кругъ обыденныхъ представленій и, такъ сказать, реализація духовнаго міра посредствомъ внесенія въ него бытовыхъ подробностей мѣстной жизни. Иногда вирши игриваго, и праздничнаго тона спускались въ народъ и превращались въ вирши-колядки, но никогда не входили онѣ въ составъ серьезной драмы».

Такимъ образомъ получилось большое несходство во мнѣніяхъ, такъ какъ тѣ вирши, которыя Драгомановъ и Миронъ выводили изъ драмъ, были въ добавокъ именно юмористическаго характера и составлены на языкѣ народномъ.

Быть можетъ, сравнительно небольшое количество извѣстныхъ списковъ виршей, подлежащихъ изученію, не даетъ возможности дать вполне вѣрное опредѣленіе ихъ, такъ какъ не достааетъ порванныхъ звеньевъ, соединяющихъ одно съ другимъ. Быть можетъ, со временемъ получится болѣе полная картина въ этой спорной области, при чемъ лучше выяснятся отношенія вирши къ другимъ произведеніямъ украинскимъ, народнымъ и книжнымъ, а также чужимъ (таковымъ же). Каждый годъ, именно въ последнее время, приносятъ находки очень цѣннаго матеріала изъ этой области: его въ обиліи даютъ рукописные сборники, находящіеся въ столичныхъ, кievскихъ, галицкихъ церковныхъ и библиотечныхъ хранилищахъ (а также въ «коморахъ» и другихъ случайныхъ «сховахъ»). На страницахъ Кіевской Стар. не мало появилось интереснѣйшихъ находокъ этого рода, сдѣланныхъ, иногда совершенно неожиданно, г. г. Левицкимъ, Науменкомъ, Франкомъ и многими другими. Драгоценныя вещи открыты также въ самое последнее время г. г. Перетцемъ и Гнатукомъ. Кто знаетъ, что сулятъ слѣдующіе еще болѣе энергичные поиски.

Но если смотрѣть, что будущія находки увеличатъ лишь количественно, а не качественно тѣ данныя, которыя уже и теперь имѣются для сужденія о нашей виршѣ и ея отношеніяхъ ко всякимъ другимъ произведеніямъ нашей и сосѣдней словесности, народной и искусственной, то и по тѣмъ характернымъ образцамъ, какіе теперь извѣстны, можно судить о типичныхъ чертахъ нашей вирши, а въ значительной мѣрѣ и о ея генетическихъ связяхъ.

Если же можетъ возникать несогласіе критическихъ мнѣній,—возможное и при наибольшемъ обиліи матерьяловъ, подлежащихъ критикѣ (чему есть не мало примѣровъ въ наукѣ),—то это не должно останавливать каждаго, положившаго извѣстный трудъ на добываніе новыхъ матеріаловъ и на изученіе даннаго предмета, высказать свое мнѣніе, при полномъ уваженіи авторитетности специалистовъ; тѣмъ болѣе, что можно не соглашаться въ одномъ пунктѣ, но при томъ не только согласиться, а даже поддержать своими наблюденіями чужіе выводы—въ другихъ пунктахъ; съ этой стороны самое скромное мнѣніе, опирающееся на извѣстныхъ фактахъ, можетъ имѣть свое значеніе. Во всякомъ же случаѣ, справедливо сказано, что—*du choc des opinions jaillit la verité!*

Выходя изъ этого положенія и, конечно, ничуть не претендуя на безошибочность моихъ выводовъ,—зная такъ сказать «свое мѣсто» по отношенію къ названнымъ, глубоко уважаемымъ мною ученымъ знатокамъ дѣла,—я рѣшаюсь высказать о предметѣ моего изслѣдованія въ данной части, о виршевомъ творествѣ, поскольку оно имѣетъ отношеніе къ колядкамъ, мнѣніе—въ нѣкоторыхъ существенныхъ пунктахъ расходящееся съ выводами достойныхъ критиковъ, что выяснится при дальнѣйшемъ послѣдовательномъ изложеніи.

При этомъ пусть читатель не посягуетъ на меня, если я начну съ періода, гораздо болѣе ранняго, чѣмъ тотъ, къ которому относится начало и расцвѣтъ собственно «виршей», тѣхъ произведеній, которыя получили свое названіе отъ латинскаго *versus*.

Возвратиться къ болѣе раннему періоду я должна уже и потому, что мнѣ вообще хотѣлось бы высказать не отрывочное мнѣніе о той или другой частности вопроса, а сдѣлать цѣльный очеркъ судьбы колядокъ, въ данной главѣ—колядокъ-виршей.

Отмѣтивъ, уже не разъ, невозможность ставить рѣзкія грани на эволюціонномъ пути пѣсни, я все же скажу, что колядки-вирши довольно существенно отличаются отъ предыдущихъ, какъ произведенія не чисто народныя, а *искусственныя*. Конечно, какъ самыя простонародныя пѣсни могутъ получить искусственную обработку, такъ и произведенія искусственныя могутъ быть въ значительной степени близки по содержанію и формѣ къ произведеніямъ народнымъ; но, если говорить о нашихъ старыхъ рождественскихъ виршахъ, — притомъ неюмористическихъ, а серьезныхъ виршахъ и ораціяхъ, — то приходится признать, что онѣ относятся къ той области творчества, которая не имѣла и даже не желала имѣть общности съ простонародной пѣсней, ни по содержанію, ни, — за очень малыми исключеніями, — по языку, вообще по формѣ. Это мой главный выводъ, къ которому я пришла, познакомившись съ довольно обширнымъ матеріаломъ, имѣющимъ отношеніе къ колядкамъ-виршамъ: выводъ этотъ я надѣюсь подтвердить фактическими данными.

Ставя же вопросъ такъ, считая рождеств. вирши исключительнымъ продуктомъ творчества искусственнаго, исходившаго отъ словесности письменной, интересно оглянуться и хотя бѣгло посмотреть какъ эта словесность письменная (употребляю это слово въ малороссійскомъ значеніи), относилась къ колядкѣ съ самаго начала и въ послѣдующіе періоды, — до нашихъ дней.

Итакъ, какой приѣмъ встрѣтила пѣсня-колядка, вмѣстѣ съ своею обрядностью, отъ сколько-нибудь укрѣпившейся у насъ письменности, въ начальный періодъ, когда христіанство получило на Руси полное право гражданство? чтó получила старая обрядовая пѣсня, примкнувшая ко времени христіанскаго праздника, — отъ своихъ письменниковъ?

Первые лѣтописцы, они же представители просвѣщенія въ новомъ христіанскомъ духѣ, отнесли въ общемъ къ колядкѣ со

страстнымъ протестомъ и ненавистью. Достаточно вспомнить, какія выраженія употребляли они, говоря о колядованьи, которымъ занималась «простая чадь»: по ихъ мнѣнію «кликать коляду» значило «утѣшать дьявола», губить свою душу, «богомерзкія» пѣсни должны были быть только искореняемы. Конечно, такое отношеніе, даже самая страстность обличенія колядокъ первыми письменниками совершенно понятна: колядныя пѣсни слишкомъ шли въ разрѣзъ съ идейно-душевымъ складомъ обличителей, съ ихъ отвлеченной религіозностью и отношеніемъ ко всему мірскому; имъ претило не только содержаніе колядокъ, въ которомъ обличители видѣли прославленіе не умершаго въ представленіяхъ «простой чади» языческаго «бѣса Коляды», но и самое настроеніе, выражавшееся въ колядованіи; аскетическимъ умамъ были противны всѣ вообще проявленія жизнерадости въ обрядностяхъ и забавахъ «простой чади»,— пляски, пѣсни сами по себѣ,—поэтому они говорили съ ненавистью не только о колядованіи, а вообще объ «игрищахъ», «выхляніи хребтомъ», «безчинныхъ кликахъ», имѣвшихъ мѣсто во всякихъ другихъ случаяхъ, во всѣхъ полуобрядовыхъ, полубытовыхъ забавахъ: всѣ эти мірскія утѣхи были «прелестью сатаны» и могли вызывать страстное порицаніе со стороны «письменныхъ».

Если же и они, эти «письменники», чествовали великій христіанскій праздникъ Рождества Христова, въ словѣ и пѣніи, то вѣдь это были славянскіе или даже греческіе тропари, которые совершенно были чужды и по содержанію и по формѣ, т. е. по языку, «простой чади».

Такимъ образомъ рознь между славословіемъ одними и другими Рождества и новолѣтія,—слившихся въ одинъ праздничный циклъ,—была полная. Колядка не давала ничего тропарю, а тропарь колядкѣ. Тропари пѣлись въ церквяхъ и келіяхъ, а колядки по стогнамъ, можетъ быть даже въ предсѣніяхъ княжескихъ свѣтлицъ, если благочестивые господа высокаго дому это позволяли. Возможно предположить нѣкоторое право гражданства колядованья въ тѣ времена, при наличности такого факта, доку-

ментально засвидѣтельствовааннаго «Повѣстью временныхъ лѣтъ», когда въ Кіевѣ, для принесенія клятвы въ вѣрности договора, передъ греческими послами,—*одновременно* «...Игорь приде на холмъ кдѣ стояше Перунъ и покладоша оружье свое и щиты, и золото, а хрестяную Русь водина въ церкви святаго Ильи»,—то возможно предположить, что и позже, когда кіяне оплакали низвергнутыхъ языческихъ боговъ «Перуна, Стрыба, Мокоша, Волоса» и другихъ, (о чемъ подробно вспоминается еще въ житіи св. Владимира, писанномъ въ 16 вѣкѣ),—хвала колядѣ могла раздаваться открыто на стогнахъ даже стольныхъ городовъ

Съ теченіемъ времени, когда двухъ-вѣрные алтары уже не стояли рядомъ, въ представленіи «простой чади»,—Перуна, мѣтающаго грома, вытѣснилъ гремящій колесницею по небу Илья, но вытѣснилъ только замѣною по имени... (Впрочемъ, даже въ XX-мъ столѣтіи не совершенно умерло у насъ и самое имя Перуна: недавно мнѣ пришлось отъ уроженца черниговщины слышать поразившую меня пословицу,—«не бѣ Перунъ съ первой тучи-облачины»).

До «хрестяныхъ» весей доходили имена новыхъ божествъ, отрывки евангельскаго разсказа, главнѣйшіе факты котораго узнавались по поводу важнѣйшихъ праздниковъ и передавались въ праздничной пѣснѣ колядкѣ, съ претвореніемъ однихъ образовъ въ другіе, сходные, понятные, съ прибавленіемъ чертъ реальной, своей обстановки и съ привычнымъ введеніемъ божествъ въ свою повседневную жизнь, съ привязываніемъ своихъ житейскихъ интересовъ къ именамъ божествъ, могущихъ карать и благопріятствовать. На этомъ мы остановились въ послѣднихъ образцахъ колядокъ. Чѣмъ же могла пополнить свои религіозныя пѣсни дальше—толпа, населявшая грады и особенно веси? Кто и что давалъ ей, понятное для нея?..

Духовно-умственная дѣятельность ея, такъ сказать, интеллигенціи—расширялась, но «не про нея», не про «чадь», писались ученые сочиненія «зѣло ученыхъ мужѣй» на языкѣ греческомъ и на языкѣ далекой «словенской» вѣтви, принесенномъ въ добавокъ книжниками, желавшими сколько можно больше подтянуть сло-

восочиненіе и синтаксисъ этого языка къ греческому, съ котораго они переводили и стиль котораго служилъ имъ образцомъ.

Чуждость и тяжесть этого литературнаго языка могла быть причиною, что не только богословскія сочиненія, но и писанія полегче, помѣщавшіяся въ разныхъ «изборникахъ» и болѣе позднихъ хронографахъ, съ трудомъ могли быть понятны простолюдину. Это были рассказы о людяхъ, удаляющихся въ пустыню, «слова» о «горѣ-злосчастьи», о «злой женѣ»... Знаменитое «слово», представляющее собою героическую поэму того времени, списано въ такомъ изложеніи, что оно для человѣка неписьменнаго едва ли и тогда могло представлять что-нибудь другое, кромѣ одного сплошнаго «темнаго мѣста»...

Когда въ заведенныхъ школахъ съ теченіемъ времени явились запросы болѣе свободнаго литературнаго творчества, въ той области, которую мы называемъ изящной словесностью, — поэтическому вдохновенію пѣвцовъ-художниковъ поставлены были рамки тоже греческаго стихосложенія, несмотря на то, что конструкція стиха греческаго совершенно не подходила къ стихосложенію русскому, — такъ какъ самая *природа* языковъ греческаго и русскаго была различна.

Не одно вдохновеніе погубило въ дебряхъ непримѣнимой къ нашему слову прозодіи — «греческа образа мудра»...

Народъ — этихъ вымученныхъ декламацій не слыхалъ, да и не много бы понялъ, еслибы напр. въ рождественскую пѣсню, которую бы онъ могъ слышать, былъ вставленъ слѣдующій «ироелегійскій» стихъ («елегійскій иройскому припряжемый, пятма степенми состоящъ»):

Христе елика просятъ ины даждь имъ пребогате;
Мнѣ тебе сладчайшій даждь мене взайма тебе...

Это образецъ довольно поздній, но еще строго составленный по правиламъ греческаго образа мудра и безъ малѣйшей уступки языку народному.

Въ сферѣ словеснаго творчества народъ былъ предоставленъ самъ себѣ и творилъ на своемъ плебейскомъ языкѣ, который — книжная премудрость совершенно игнорировала.

Среди той жестокой борьбы, которую пришлось Украинѣ-«небози»,—що вывела дитокъ пры бытій дорози»,—вынести съ напиравшими сосѣдями, полудикими ордами, она создавала свои пѣсни. Скорбнымъ, но прекраснымъ памятникомъ борьбы украинскаго народа съ татарско-турецкимъ міромъ явились ея такъ называемыя старшія думы.

Отбывши страшные погромы татарскіе, кое-какъ оправлялась Украина отъ «лыхолиття». Въ XVI вѣкѣ мы видимъ на Украинѣ, при военномъ козацкомъ строѣ, довольно большое развитіе гражданственности: городское устройство, школы, церковныя братства, институціи права. Въ то же время на смѣну греко-славянскому могучей струей приблизилось другое вліяніе,—западно-европейское, латино-польское, которое съ одной стороны приносило культуру, съ другой—грозило стираніемъ національности украинской. Стереть цѣлый народъ трудно, особенно народъ уже окрѣпшій; но поглощеніе его податливой интеллигенціи было возможно. Въ началѣ эта интеллигенція пробуетъ бороться. Выступаютъ въ XVI в. борцы «за вѣру», въ сущности за *традицію*, греко-православную. Выступаютъ извѣстные того времени проповѣдники-богословы. Но они оказались безсильны остановить движеніе, увлекавшее украинскую интеллигенцію въ сторону католической Польши.

Средства борьбы были не равны, на сторонѣ Польши было больше просвѣтительныхъ учрежденій,—которыхъ такъ недоставало сторонѣ другой. Къ тому же, въ то время, какъ въ войнахъ «за вѣру», за обрядовую ¹⁾ православную традицію, народъ проливалъ свою кровь,—ни въ немъ, ни въ его интеллигенціи не было чувства сознательнаго *націонализма*. Это прежде всего сказывалось въ вопросѣ языка: народъ говорилъ на своемъ языкѣ, любилъ свою пѣсню, выражалъ съ помощью ея свои радости и печали, но все, что изъ него выбивалось въ интеллиген-

1) Вѣра была одинаково христіанская и у противниковъ, богословскаго же различія.—«отъ отца», или «отъ отца и сына»—народъ даже не могъ понять...

цію, оставляло свой языкъ, ни чуть не дорожа имъ. Школа украинская не воспитывала любви къ родному языку, этому могущественному элементу національности; напротивъ, школа,—прежде греко-славянская, а теперь воспринимавшая латынь,—по прежнему не снисходила къ народному языку, а чуждою рѣчью преподаванія и чуждыми образцами словеснаго искусства создавала какъ бы стѣну между интеллигенціей и народомъ.

Пастыри духовные,—они же главнымъ образомъ были и представителями просвѣщенія, заправителями школы,—односторонне понимали положеніе дѣлъ, ихъ занималъ только религіозный вопросъ, а потому, когда они говорили къ народу, или о народѣ, то только съ точки зрѣнія проповѣдниковъ-богослововъ.

Въ *этой* области они *чувствовали* разнь, огорчались ею и нападали на нее. Вотъ какъ громить «простоту» Іоанъ Вишенскій, этотъ знаменитый украинскій проповѣдникъ, страстный и грубоватый «Иванъ зъ Вышни», говоря другимъ пастырямъ о воздѣйствіи на народъ:

«Праздничные ярмарки, што вы зовете соборами,—очистите, якъ въ Жидичинѣ и Горахъ въ Святого Спаса. Коляды зъ мѣсть и зъ сель—ученіемъ выженѣте; не хочеть бо Христось, да при его Рождествѣ діавольскіе коляды мѣсце мають, але нехай соби ихъ въ пропасть свою занесеть. Волочѣльное по Въскресеніи, зъ мѣсть и зъ сель выволокши,—утопите! не хочеть бо Христось того смѣху и руганя діавольского имѣти. На Георгія Мученика праздникъ діавольскій на поле изшедшихъ, сатанѣ офѣру танцами и скоками чинити,—разорите. Пироги и яйца надгробные въ Острозѣ, и гдѣ бы ся находили,—упраздните. Купала на Крестителя—утопѣте и огненное скаканя—отсѣчете! Петръ и Павель молять васъ, если хочете отъ нихъ ласку мѣти (!), да потребите и попалите колыски и шибиницѣ, на день ихъ чиненые на Волянню и Подолу, и гдѣ бы ся толко тое находити мѣло,—мерзко бо имъ на зѣмлю съ небеси смотрѣти, на тое діавольское позорище христіанскимъ людямъ збираючися!»

Изъ этой выписки видно, какъ съ одной стороны нетерпимо и деспотично относился Іоанъ Вишенскій къ своему опекаемому

народу, даже къ его въ сущности совершенно невиннымъ обычаемъ и забавамъ («пирогы»... «колыски») и какъ односторонне и недалновидно смотрѣлъ на дѣло!.. Желаніе же упразднить даже «праздничныя ярмарки» показываетъ привычку смотрѣть на народъ именно какъ на «стадо», совершенно игнорируя всѣ его запросы и жизненныя условія, кромѣ вопроса «истинной вѣры». Конечно, это «утопите»! «отсѣчите»! «разгоните»! рекомендовалось «ради спасенія души», но эти возгласы звучатъ такъ грубо... и презрительно.

Что же давали народу, хотя бы взамѣнъ «коляды», эти люди, считавшіе себя солью земли родной, пастырями душъ народныхъ?

Остановимся еще на двухъ цитатахъ изъ области православно-русскаго культурнаго слова того времени; кстати, онѣ конкретнѣе удержатъ наше вниманіе на нашихъ колядахъ: 1)

1. Около того времени, спеціалистъ словесной науки 2) издаетъ: «На Рождество Бога и Спаса нашего Иисуса Христа *Вѣрши*, для утѣхи о. православнымъ христіаномъ». Въ «Прологѣ» къ этимъ вѣршамъ стоитъ:

Христосъ збавителъ нынѣ с Панны нароженный
Отъ Бога отца ведлугъ тѣла оувелбеныи
Нынѣ в вѣрныхъ щасливѣ нехай завитаетъ,
И радосъ въ сердцу каждого з насъ проквитаетъ»...

Таковъ былъ языкъ «вѣршій», предназначавшихся для «утѣхи» православнымъ колядникамъ...

2. Въ городѣ князей Острожскихъ, этихъ знаменитыхъ волинскихъ ревнителей православія и просвѣщенія народнаго въ XVI вѣкѣ, издана была библія, при которой былъ помѣщенъ гербъ князей Острожскихъ, а рядомъ съ гербомъ—вирши. Вотъ двѣ строфы изъ нихъ:

1) При чемъ читатель будетъ имѣть первые образцы собственно вѣрши, съ которой я начала эту главу.

2) П. Беринда.

Зри сія знаменія княжате славнаго,
 Их же сьдръжитьь домъ его от вѣка давнаго
 И разумѣй яко не туне и не безъ причины,
 О чом властнѣи и ширѣи повѣсть ти кто иныи
 Но яко достоитъ дѣлатель своєю заплаты,
 Не щадяще здравія никоея оутраты,
 Крѣпко побѣждалъ различныхъ съпостат полки,
 И разгонялъ с короны драгѣжныа волки.
 И еще можетъ
 Аще богъ поможетъ.

Взсіяла звѣзда ясно от востока,
 Послѣдуя прѣвои възвѣщеней от пророка.
 И приводитъ от Прьсиды трех царей съ дары,
 Поклонитися съ вѣрою цареви над цары.
 Твоя звѣзда нынѣ тому же послѣдуе цареви,
 Хотя всѣхъ створити жители раеви,
 И убываетъ луна ветхаго завѣта,
 Сіяетъ бо солнце неприступнаго свѣта.
 В немже ходя не поткнется,
 Но паче спасется.

—

Г. Перетць, цитируя эти вирши въ своемъ изданіи (Историко-литературныя изслѣдованія и матеріалы), находитъ «генетическую связь» между ними и украинскими народными думами, основывая это родство на томъ, что въ этихъ и подобныхъ имъ виршахъ—«неискуссно составлены, *неравносложныя*» строчки¹⁾; и же генетической связи этихъ вѣршей съ думами совершенно не нахожу: въ нихъ и неравносложность совсѣмъ другого характера, и все изложеніе (тяжелое, напыщенное), и, наконецъ, языкъ—совершенно чуждый думамъ, полный славянизмовъ (тоже совсѣмъ иныхъ, чѣмъ въ думахъ). Думаю, что всѣ эти отличія

---

¹⁾ Отдѣльные стихи (еще не такіе, какъ въ позднѣйшемъ силлабич. стихѣ—съ одинаковымъ числомъ слоговъ).

сдѣлали бы такія «вѣрніѣ» совершенно непонятными пѣвцу думъ, если бы онъ ихъ слышалъ... По моему мнѣнію, такія вирши не только не могутъ поддержать положеніе о вліяніи школьной литературы на думы, а наоборотъ, могутъ показывать, какъ *далеки* была и въ XVI столѣтіи школьная украинская литература (современница «старшихъ думъ»), отъ *народной* музы! Поставьте рядомъ съ приведенными отрывками:

Ой на чорному мори,
 На билому камени,
 Ой тамъ сыдыть ясенъ сокиль билозорець,
 Нызенько голову склоняе,
 Та жалибненько квылыть-проквыляе..

Въ этомъ образцѣ стихи тоже не имѣютъ равнаго числа слоговъ (въ каждомъ отдѣльномъ стихѣ), но *ритмъ* другой, а поэтому уничтожается сходство съ размѣромъ приведенныхъ выше неравносложныхъ виршей.

Школьное стихотвореніе пренебрегло и размѣромъ, и всѣмъ складомъ, и языкомъ—даже самага «возвышеннаго» рода современнаго ему народнаго стихотворства, къ какому принадлежали думы.

Такъ-же точно мнѣ кажется сомнительнымъ мнѣніе, что на почвѣ древнѣйшихъ колядокъ начали развиваться *вирши*-колядки, ораціи, предназначавшіяся для прочтенія. Мнѣніе это сравненіемъ даже ранней виршевой литературы съ колядками, да еще съ колядками древнѣйшаго типа, подтверждаться не можетъ; эта литература ни по складу стиха, ни по содержанію, ни по языку ничего общаго съ народной колядкой стараго типа не имѣетъ. Образцы колядокъ, приведенныхъ мною въ предыдущихъ главахъ, мнѣ кажется, говорятъ сами за себя: эти колядки—сама простота, искренно-наивная, выражаемая чисто народнымъ языкомъ, тогда какъ произведенія виршевой литературы, даже ранняго ея періода,—сама искусственность, по содержанію и языку. Далеко ужалась отъ творчества «простоты» творческая среда виршей, орацій!

Конечно, можно предположить, что даже самъ ученый Константинъ Острожскій, читавшій латинскія сочиненія и самъ пи-

савшій по латыни, охотно слушалъ, если его «посполитые» острожане, пришедши «цвиншуваты зъ роковымъ святомъ» своего «можного Пана», пѣли ему колядку, въ родѣ— «А въ нашего пана остроженный двирь, славенъ-есы»!.. и соединяли, по обычаю, его имя съ героемъ колядки, или, въ видѣ добраго пожеланія, колядовали ему, что самъ Господь, ходя по его двору, умножаетъ всю его «худобу»; м. б. даже, что за колядованье можный «панъ-господарь» отвѣчалъ благодарностью на 'языкѣ «посполитыхъ», но языка этого, въ видѣ преобладающаго элемента, мы въ писаніяхъ князя Константина не находимъ,—онъ пишетъ или по латыни, или на «языкѣ образованнаго класса южно-руссомъ XVI-го столѣтія»; языкъ же этотъ состоялъ изъ смѣси церковно-славянщины и выражений польскихъ. Слова языка народнаго иногда лишь вривались въ него ¹⁾.

Повинуясь обычаю «виншувать» съ Рождествомъ пѣсню, прославляющую «рокове свято» и поздравляемыхъ, поэты-книжники слагаютъ тоже стихотворенія, которыя они даже и называютъ «Вѣршѣ на Рождество Христово», но этимъ показываютъ намъ лишь то, какъ силенъ былъ *обычай* «колядовать», «виншувать» на Рождество; самой же пѣснѣ, народной колядкѣ рождественской интеллигентные поэты подражать не думали,—не брали ни ея элементовъ, ни языка,—напротивъ какъ будто бы сознательно хотѣли дать нѣчто другое «православнымъ христіаномъ», если ужъ таковые хотятъ величать великій праздникъ и другихъ православныхъ христіанъ. Вторая цитированная выше строфа изъ вирши при гербѣ на библии острожской тоже давала образецъ для руководства въ послѣднемъ случаѣ: вспомнивъ о звѣздѣ «отъ востока», которая привела трехъ царей «отъ Персиды съ дары», авторъ вирши, Герасимъ Смотрицкій, говоритъ князю, что его звѣзда и нынѣ «тому-же послѣдуе цареви, хотя всѣхъ сотворити жители раеви». Все это не всякій могъ разобрать; но грамотѣи разбирали... О. И. Левицкій въ 1889 году открылъ въ старомъ

¹⁾ Какъ это мы видимъ въ судебныхъ актахъ того времени, въ показаніяхъ и пр.—какъ бытовой терминъ.

рукописномъ сборникѣ любопытную, довольно уже позднюю виршу, которая была сложена тоже на мотивъ рождественскаго «пови́ншування» и говорила уже настоящій комплиментъ кому-то:

«Вольфы скоро поспѣшала
 Прийти въ городъ Выфълеемъ,
 Когда по звѣздѣ узнала
 Что родылся Месыя въ немъ.
 Такъ и я предсталъ предъ вами
 Не для прочихъ причинъ,
 Какъ что зрю двома глазами,
 Что живетъ въ немъ Божый Сынъ.
 Да живетъ же *неотлучно*
 И въ васъ Богъ и Человѣкъ
 И да вашъ благополучно
 Временной продолжить вѣкъ! Finis».

Указывая на извѣстный историческій интересъ этого стиха въ сборникѣ «подканцеляристы полкового Гадяцкаго», О. И. Левицкій совершенно справедливо указываетъ всю «безцвѣтность формы и содержанія» стиха. Между тѣмъ мотивъ—тоже «рождественскій»!.. Только онъ такъ-же далекъ отъ народной колядки, какъ небо отъ земли!

Да, не взяло украинское виршевое творчество того, что оно могло бы взять отъ творчества своего даровитаго народа и что могло бы обезпечить совсѣмъ другую будущность и самой литературѣ и, пожалуй, народу.

Былъ одинъ моментъ въ украинской культурной исторіи, когда просвѣтительная дѣятельность въ краѣ становилась на народную почву, какъ бы понявъ значеніе не только просвѣтительнаго, но и національно-народнаго начала: въ томъ-же XVI вѣкѣ признана была необходимость преподаванія въ школахъ на своемъ языкѣ, а также было сдѣлано нѣсколько переводовъ книгъ священнаго писанія (евангелія, псалтири) на народный языкъ, «для лѣпшого вырозумѣнія». Наблюдая равнодушіе, даже пренебреженіе къ своему національному языку со стороны украинской интеллиген-

ціи, зная о томъ «запущенности», въ которомъ былъ этотъ языкъ въ болѣе раннемъ и позднемъ періодѣ,—страннымъ кажется появленіе этихъ переводовъ. Было ли оно отраженіемъ рационалистическаго движенія въ религіозныхъ сферахъ запада? Вѣяніе это проникло и къ намъ, въ видѣ «соцініанства», увлекшаго извѣстную часть нашей интеллигенціи, имѣвшей сношенія съ Европой, черезъ Польшу и непосредственно — при поѣздкахъ за границу, для «пвичення» въ наукахъ. О. И. Левицкій, въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «Соцініанство», даетъ блестяще написанную картину этого движенія въ средѣ украинскаго шляхетства, движенія, которое, можно сказать, «отцвѣло, не успѣвши расцвѣсть»... Мимолѣтность его заставляетъ думать, что оно не имѣло глубокихъ корней въ украинской почвѣ; а слѣдовательно и литературную, какъ бы связанную съ этимъ движеніемъ, дѣятельность въ направленіи національномъ, даже простонародномъ, нельзя считать органическимъ проявленіемъ культурной жизни края.—если она была такъ же кратковременна, какъ и рационалистическое религіозное движеніе;—б. м. она была отчаянной попыткой спасти уже *замѣтно убывавшія*, свои культурныя силы. Миѣ кажется съ этой стороны въ высшей степени любопытнымъ предисловіе къ одному изъ упрощенныхъ переводовъ евангелія, нѣкоего Тяпинскаго, напечатавшаго этотъ переводъ въ своей «убогой друкарнѣ». Впрочемъ, что бы ни подтверждалось его работой, интересно какъ самъ переводчикъ думалъ о своемъ трудѣ,—почему и для чего онъ его предпринималъ: «Радъ покажу мою вѣру, которую маю, народу своему русскому», такъ начинается Тяпинскій свое предисловіе къ переводу евангелія и проситъ поправить «въ чомъ блудна» его работа. Желаетъ онъ, «абы сума закону божего» для его людей «зъ словенскаго имъ тежъ ихъ власнымъ языкомъ рускимъ въ друку вышла»; «не смысленымъ, або красомовнымъ выводомъ, не залецаными а ни часу угажалоучими словы, але яко сприязлывий, простый а щирій, зъ зычливости ку моеи отчизне,—поневажъ которымъ бы то властней учинити пристоело, митрополитове, владыки, и нихто зъ учоныхъ черезъ такъ многій часть не хотѣли,—зъ убогое свое маестности народу моему услугую».

Далѣе об'ясняется «*потреба*» такого труда: «хто не мусиль плакати, видечи такъ великихъ княжатъ, такихъ пановъ значныхъ, такъ многихъ детокъ невинныхъ, мужовъ зъ жонами—языка своего славного занедбане, а просто взгарду ¹⁾, съ которой такая оплаканая неуметность пришла, же вже некоторые и писмом се своимъ въ слове божемъ встыдають. А на остатокъ, што можетъ быти жалоснейша, што шкарадша, ижъ и тые, што се межи ними зовуть духовными, и учителя, смеле мовлю памней его не вмють, намней его вырозуменя не знають, а ни се въ немъ цвичат, але и ани школы *коу науце его* никогда не мают, *зачимъ въ полскіе*, або въ иные писма... себе и дети... заправують». Перечисляетъ авторъ разные другіе народы, «же слово боже зъ латинскихъ и иныхъ писъмъ своимъ тежъ языкомъ прирожонимъ перекладати и читати почали». Далѣе авторъ обращается къ людямъ знатнымъ («о зацные панове!») и просить ихъ помочь дѣлу, такъ какъ «простота́ человека бедного посполитого на васъ очи завжды удавала и удает и за вами идет»: просить онъ помочь «прикладомъ своимъ милосерднымъ, если есть што милости братерской у васъ!» Умоляетъ подвинуть къ тому же и духовенство, напомнить ему, что прежніе благодѣтели, («ваши предки»), давали маетности не для его житейскихъ выгодъ и возможности «поседаня столицъ одинъ перед другимъ», «не для марнотрацтва», а «для наукъ», чтобы поэтому заводились школы, въ которыхъ бы процвѣтала наука, не такая, «какъ теперъ», когда на вѣчный свой стыдъ только прочести, и то ледво, въ своемъ езыку учат се». Наконецъ, поручая зацнымъ панамъ «потребу отчизны», авторъ готовъ «если отчизна до конца згинеть,—зъ нею згинуть, або если черезъ вашъ ратунокъ будетъ выдвигнена,—зъ вами выбринуть!»

Не бодрость дѣятеля, который работаетъ на пользу уже сколько-нибудь обезпеченнаго дѣла, слышится въ этомъ предисловіи, а какое-то отчаяніе! Картина, которая сама собой вырисовывается въ строкахъ и между строками этого предисловія, дѣйстви-

---

¹⁾ Презрѣніе.

тельно, способна была вызывать гнетущую боль сердца у человека съ демократическими, просвѣтительными и національными задачами, какія, повидимому, были у автора.

Не удалось усиліямъ единичныхъ людей, — притомъ, очевидно людей «маленькихъ», — удержать своихъ достаточныхъ и вліятельныхъ земляковъ вѣрными «отчизнѣ» и ея «потребѣ»: «великіе княжата», «значные паны» одинъ за другимъ переходятъ на сторону латинства, католичества и польщизны. Вельможные русско-православные роды Вишневецкихъ, Сапѣгъ, измѣняютъ, уходятъ отъ «своихъ», одинъ за другимъ.

Съ теченіемъ времени, потомки «хвалебныхъ предковъ» дѣлаются особенно яркими врагами вѣры и народности своихъ отцовъ. Такъ Іеремія Вишневецкій дѣлается лютымъ противникомъ козачества, а княжна Анна-Алоиза, внучка Константина Острожскаго, знаменитѣйшаго ревнителя православія, любимца волинскаго, похищаетъ даже прахъ своего отца и переноситъ въ католическій костель, чтобы этотъ прахъ не лежалъ въ «схизматичкой» святынѣ; тогда же, на самый свѣтлый праздникъ, она въ томъ же самомъ Острогѣ, наноситъ обиду православному люду, проѣхавши въ каретѣ цугомъ, черезъ толпу, — (которая шла съ хоругвями изъ церкви), — и опрокидывал на своемъ пути всѣхъ и вся. Горожане возмутились, но были жестоко наказаны...

За уходившею знатію уходило меньшее панство, служилый людь и духовенство, — на лучшія, болѣе спокойныя мѣста.

Впрочемъ, преувеличено, мнѣ кажется, мнѣніе, что вообще интеллигенція, духовная и свѣтская, переходила въ унію, или католицизмъ и польщизну — «для лакомства нещаснаго»: немалую роль должно было играть и то, что многихъ влекла большая культурность Польши. Тамъ было большее «цвиченье» и въ наукахъ, и даже въ «дворности»... Тамъ была уже окрѣпшая литература, сбросившая уже иго доминирующаго церковнаго языка, непонятнаго болѣе широкому кругу читателей. Польскіе писатели обратились къ языку своему и создали литературу польскую. Такіе поэты, какъ Рей и Кохановскій, обучившись латинскимъ учебникамъ, пишутъ *по-польски* стихи; Скарга говорить

свои проповѣди по-польски и находить въ этомъ языкѣ достаточно элементовъ для выраженія самыхъ отвлеченныхъ понятій. Созидая зданіе своего литературнаго языка, польскіе писатели не пренебрегаютъ элементами чисто-народными, и въ этомъ отношеніи они б. м. подняли многіе камушки, презрительно отброшенные писателями нашими: такія слова, какъ *ozdoba*, *vahanie*, *zdobycz*, *liczba*, *zaniedbanie* и масса другихъ были *въ нашемъ* языкѣ *народномъ* и могли бы быть взятыми *нашею* литературою... Историкъ польской литературы (Мацѣвскій, «*Piśmiennictwo polskie*»), говоритъ, что польскіе писатели XVI в., ввевши въ польскій языкъ русскія слова, (подобныя приведеннымъ выше), «обогатили его и сдѣлали мягче». Мы же эти слова «забедбали» и забыли настолько, что если встрѣчаемся съ ними теперь въ нашемъ народномъ языкѣ. то намъ кажется, что это полонизмы...

Даже начинапія такихъ людей какъ Васылъ Тяпинскій, которому такъ «болело сердце» отъ забедбання роднаго языка, были *слишкомъ робки*, когда брались за его поднятіе. Читатель не посѣтуетъ, если я приведу маленькій отрывочекъ изъ перевода евангелія, (отъ Матѣ., гл. 24), сдѣланнаго Тяпинскимъ: «И седече ему на горе оливной ¹⁾, приступили къ нему ученики на-одяне, мовечи ²⁾: речи намъ, коли тое будетъ и што есть за знаме ³⁾ твоего прииствья ⁴⁾ и сконченья веку. И отповедаючи ⁵⁾ Исусъ, рекъ имъ: стережитесе ⁶⁾, бы ништо васъ не звель ⁷⁾. Многіе бо приидуть въ имени моемъ, мовечи—я естомъ Христосъ и многихъ зведуть».

Какъ видитъ читатель, радикальной ломк церковно-славянскаго языка въ переводѣ нѣтъ.

Текстъ церковно-славянскій:

1) Елеонствій.

2) Глаголюще.

3) Знаменіе.

4) Прииествіе.

5) Отвѣщавъ.

6) Блюдите.

7) Прельстиль.

Томъ 81.—Май, 1903

1—4

Но даже и такія осторожныя пробы, сдѣлать книжный языкъ болѣе близкимъ къ своему народному,—не привились... Все болѣе даровитое ушло на чужую ниву, пользоваться «уже готовыми» плодами, а отчасти и *помогая своими трудами* воздѣлывать эту чужую ниву.

Оставленный народъ, когда возставалъ и боролся съ попиравшими его народность и вѣру, то долженъ былъ бороться какъ съ родовитыми поляками, такъ и съ *своими* отщепенцами, «недоляшками». — Школа наша и на дальше сохраняла свой прежній характеръ, съ культивированіемъ науки языковъ чуждыхъ и мертвыхъ для народа. Пожалуй, выходило, что «последняя была горше первыхъ»: къ царившей въ школѣ греко-славянщинѣ прибавилась тяжелая наука латыни. Когда познакомишься съ нашими учебниками XVII в.—грамматики и пѣтики, то удивляешься, какъ могло помѣщаться въ головахъ школяровъ столько труднѣйшихъ премудростей словосплетенія. Учебникъ, напр. Мелетія Смотрицкаго, даетъ 12 размѣровъ стихотворныхъ для руководства и множество другихъ для свѣдѣнія, массу риторическихъ правилъ съ образцами на манеръ греческихъ, латинскихъ, все это—на ужасномъ языкѣ, тяжелой славянщинѣ, съ подлинной терминологіей тѣхъ языковъ, откуда правила взяты (греч. и лат.).—Ничуть неудивительно, что эта школа, не дававшая доступа языку своему, языку живому, не дала также ни одного поэта, имя котораго было бы извѣстно—не однимъ только спеціалистамъ словесникамъ; хотя не мало было написано по греко-словенно-латинскимъ «прецептамъ» разныхъ произведеній—у насъ были оды, дифирамбы, ораціи, діалоги, кармѣны, вѣршѣ—но не было произведеній поэтическихъ!..

Въ польскихъ учебникахъ все же отдѣльно приводились образцы на польскомъ языкѣ, на которыхъ ученикъ могъ отдохнуть душою и получить не только умѣнье, но и охоту подражать имъ на томъ же родномъ языкѣ. Иначе стояло дѣло у насъ.

Въ польскомъ учебникѣ напр. при объясненіи, что такое одиннадцатисложный «слагмен *polonicum*», приводится такой образецъ:

O piękna nocy, nadzwyczaj tych czasow
 Patrz na nas jasno pośród tych tu lasow,
 Gdzie, jako pszczoły, koło swego pana
 Straż dzierżąc, palim ogień aż do rana.

Въ современномъ же этому кievскомъ учебникѣ пѣтики, — для рода *басни*, (который, какъ извѣстно, считается самымъ легкимъ по слогу и наиболѣе допускающимъ простую рѣчь), помѣщенъ такой языко-ломательный образецъ:

Fabula de Cicada et Formica.

Въ сицево бѣдство лѣнивый впадаетъ,
 Якъ самъ о себѣ Коникъ извѣщаетъ.
 Какъ, рече, поля вездѣ зеленѣли,
 Якъ древа сѣннимъ листвiемъ шумѣли,
 Ряснымъ тяжели гроздомъ винограды,
 Какъ гобзовала овощъ вертограды,
 На нивахъ сноповъ со множествомъ класовъ
 Болѣе было главныхъ неже власовъ и т. д...

Таковъ былъ образецъ «легчайшаго» жанра!... (въ учебникѣ Кіевской Академіи, предназначенномъ «ad usum Roxolanae juventutis». Бѣдная *juventus!* Не даромъ она предпочитала уходить и отъ такой бездны премудрости, мертвой, формалистической, и — отъ такихъ вѣршѣй)!

А народная муза продолжала творить свои пѣсни. Народъ жилъ, вѣлъ борьбу съ своими врагами, (среди которыхъ было такъ много его перевертнивъ!), и о своихъ удачахъ и неудачахъ слагалъ козацкія пѣсни, — такъ называемыя теперь младшія думы. Должно ли признать хотя бы и въ этихъ думахъ XVII вѣка авторство нашей школы, или хотя бы замѣтное вліяніе ея?

«Гей, не дывуйте добрыи люде»!..

«Ой зажурылась та Хмельныцького старая голова....

Ой Морозе-Морозенку,
 Та ты славный козаче,
 Гей за тобою, да ты Морозенку,
 Вся Украина плаче!..

Слишкомъ это не похоже на приведенныя выше произведенія нашей школы...

Ни подъ одной думой, хотя бы и въ записяхъ современниковъ, не подписано имя кого-нибудь изъ школьныхъ писателей,—охотно подписывавшихъ свое имя подъ стихами другого стиля и языка. «Острожскій ляментъ» писалъ «найныжшый служебныкъ зъ служебныкывъ», и «ляментъ» всё-же далекъ по складу и языку отъ думы, заключаетъ въ себѣ много полонизмовъ.

Лѣтописцы вставляли кусочки думъ изъ *неизвѣстныхъ* источниковъ, именно какъ современную пѣсню *народа*.

Были ли творцами думъ школяры, мандровани дяки, находившіеся подъ вліяніемъ школы и несшіе это вліяніе дальше?.. П. И. Житецкій говоритъ объ этомъ такъ обаятельно, такъ краснорѣчиво, но типы, которые представляются мнѣ при словѣ «пиво-рѣзъ», «дидакаль», «дякъ» и произведенія, которыя они учили въ школѣ, какъ-то не даютъ мнѣ возможности согласиться, что эти люди и эта традиція участвовали въ творествѣ думъ, старшихъ и младшихъ. Такъ и кажется, что козацкія думы были произведеніями самыхъ козаковъ, музы народной,—которую не пускали въ школу и къ которой не спускалась муза школьная съ своего Парнаса. Конечно, я сойду съ П. И. Житецкимъ въ томъ, что бывшіе ученики и руководители школъ становились часто въ ряды козаковъ-воиновъ и тогда вмѣстѣ съ другими могли участвовать въ созданіи думы, но тогда имъ приходилось бы снова «опроститься», совершенно отрѣшиться отъ языка и приемовъ школы.

Любопытно, что первое письменное упоминаніе о «думахъ» находится—у *польскаго* историка, (Сарницкаго, подъ 1506 годомъ): «*elagiae quae dumas Russi vocant*». Первый учебникъ пѣтики, который удостоилъ упомянуть о думахъ, какъ объ особомъ родѣ стихотворства, былъ тоже—*польскій* (*Bicollis Parnassus*): «*sunt*

nonnulli Peanes, dumy Kozackie, non artificio, sed natura laborante.
Значить, думы были чѣмъ-то особеннымъ, если заправскіе риторы, сжившіеся съ признаками поэзіи *искусственной*, не чувствовали въ думахъ этихъ признаковъ, находя, что онѣ—*sed natura laborante*...

Однако, возвращаясь къ колядкамъ, должно признать что этому обычаю, поздравлять «панивъ-господаривъ» на Рождество, соотвѣтствующимъ празднику словомъ,—школяры отдали свою дань. Я именно потому дольше остановилась на характерѣ нашей старой школьной піитики и поэзіи, чтобы само собою опредѣлилось, какого рода могло быть несомнѣнное участіе школяровъ въ обычаѣ «повинлованія» съ Рождествомъ. Я думаю, что ими могли произноситься тѣ короткія вирши (съ бѣглымъ упоминаніемъ обстоятельствъ, касающихся Рождества Христова и благопожеланіемъ въ концѣ), которыя отыскиваются теперь въ разныхъ рукописныхъ сборникахъ,— напр.:

Орація Рождеству Христову:

Христось родися въ Вифлеемѣ нынѣ,
Лежить во яслѣхъ убогихъ на сѣнѣ;
Ангели Слава во вышнихъ спѣвають,
И на колѣна быдята впадаютъ;
Звѣзда посельство тое отправуетъ
И до Египту путь показуетъ.
Мы Христу рожденному хвалу отпадѣмо
И на колѣна предъ нимъ упадѣмо:
Христе рожденный, дай намъ тебе зрѣти
(*И одесную въ день суда сидити*) 1).

---

1) Орація XVII в. найдена О. И. Левицкимъ въ рукописной Миней, находящейся въ Волын. епарх. музеѣ и поступившей туда изъ старинной церкви ровенскаго уѣзда, волын. губ. Стихъ курсивомъ—возстановленъ О. И.—чемъ, съ оговоркой, что въ рукописи этотъ стихъ пропущенъ совсѣмъ.

Того я вашмостямъ оповидаю,
А Рождествомъ Христовымъ поздравляю.

Въ такомъ же родѣ слѣдующая вирша, найденная тоже О. И. Левицкимъ (въ гадяцкомъ уѣздѣ, полт. губ. въ «коморѣ» одного священника, между старинными бумагами).

Антепатовъ синь Иродъ былъ неистовій:
Наситился, якъ хотѣлъ, младенческой крови.
Отъ двою лѣтъ и ныже всѣхъ сущихъ младенцовъ
Въ предѣлахъ Іудейскихъ рубилъ, якъ птенцовъ.
Закричала и Рахиль, сколько мала сили,
Якъ отъ груди на копье младенца схватили.
О, Христе, днесь роженій и въ яслехъ повитій!
Прыйми кровь ихъ ради той вины знаменитой,
Да славимъ и мы твою божественну славу,
Вѣдуще Твою милость крѣпку и державу.
Поздравляю васъ роженіемъ отъ Дѣвы Бога,
Желаю вамъ жить лѣта многа.

Эти двѣ вирши представляютъ типъ орацій, которыя не пѣлись, а произносились въ видѣ поздравленія, замѣняя колядованіе. Были ли онѣ написаны по «рецепту» піитики, по образцу учебника, или въ подражаніе печатнымъ виршамъ, въ родѣ Беринды, или по личному вдохновенію для нарочитаго случая, во всякомъ случаѣ—вдохновеніе это чисто школьное (по складу и по языку виршей ¹⁾). Такое вдохновеніе, хотя и служило обычаю поздравленія съ Рождествомъ, но отъ народныхъ колядокъ ничего не брало и произведенія его въ репертуаръ колядованія поступить не могли (тѣмъ болѣе, что въ такихъ виршахъ-ораціяхъ музыкальнаго мотива не было).

---

¹⁾ По словамъ г. Левицкаго—такъ и по почерку: «вирша была написана по линейкамъ славянскими, печатнаго типа, буквами,—очевидно, рукою школяра».

Сомнѣваясь, такимъ образомъ, въ генетической связи произведеній нашей школы съ колядками, даже съ колядками болѣе серьезнаго типа,—(о юмористическихъ я скажу ниже),—я обращаюсь къ другимъ источникамъ.

Мнѣ кажется, что часть болѣе серьезныхъ, такъ назыв. «божественныхъ» колядокъ пошла отъ церковныхъ псалмъ, или лучше сказать, отъ псалмъ костельныхъ, т. е. католическихъ, польскихъ.

Какъ извѣстно, въ польскихъ костелахъ, кромѣ собственно мессы, отправляемой на латинскомъ языкѣ, многіе канты поются по-польски. Благодаря этому очень старому обычаю ¹⁾, польскія церковныя пѣсни,—или будемъ ихъ называть «псалмы»,—могли проникать и въ украинскую среду; особенно это было возможно съ принятіемъ уніи, которая во всякомъ случаѣ не вполне отрывала прихожанъ-уніатовъ отъ той ближайшей среды, изъ которой они вышли и съ которою они не порывали связей окончательно. Особенно это надо сказать о *мелкихъ* единицахъ: крестьяне уніаты ходили не въ церковь, а въ костѣль, но, конечно, не были, какъ высшее панство, отдѣлены каменной стѣной отъ крестьянъ-православныхъ,—большинство тѣхъ, которые «ходили до костѣла», не умѣли даже хорошо говорить по-польски; и теперь можно встрѣтить напр. на Волыни многихъ изъ мелкой шляхты, настоящихъ *католиковъ*, которые гораздо лучше говорятъ по-малорусски, чѣмъ по-польски, и даже въ своей семьѣ только молятся по-польски. При такомъ отсутствіи отчужденности, конечно, костельная пѣсня легко дѣлалась извѣстной и въ православной средѣ.

Между тѣмъ обычай пѣть въ костелахъ «*kolędy*» очень распространенъ издавна и держится до настоящаго времени: въ немъ получилъ освященіе собственно обычай народный, такъ какъ и въ польскомъ народѣ существуетъ и, конечно, существовало издавна, много колядокъ простыхъ,—похожаго содержанія съ нашими. Я знаю, что это многихъ неспеціалистовъ удивитъ: скажутъ — „какъ? и

---

¹⁾ Пѣснь «*Bogurodzica*», приписываемая св. Войцѣху, исполнялась въ польскихъ костелахъ еще въ XIV ст.

у поляковъ колядуютъ“?.. Не отвлекаясь очень, приведу только первые стихи двухъ польскихъ колядокъ, изъ которыхъ будетъ видно, что «и у нихъ» народныя колядки имѣютъ содержаніе похожее съ нашими: 1) «Dobry wam dzień, gospodarzu nasz mily»! 2) «Hej, hej, kołęda! Nowy Rok nastaje»!—Мотивы польскихъ народныхъ колядокъ—веселые, бравурные и очень красивые.

• Получили kołędy достушь и въ церковь католическую. Конечно, съ принятіемъ церковнымъ обычаемъ kołęd, содержаніе ихъ (тѣхъ kołęd, которыя пѣлись въ костелѣ), должно было измѣниться,—принять характеръ «набожный». Едва ли я ошибусь, если скажу, что одна изъ самыхъ распространенныхъ набожныхъ польскихъ колядокъ есть слѣдующая:

W żłobie leży, któż pobieży
Kołodować małemu?
Jezusowi, Chrystusowi,
Dziś nam narodzonemu... и т. д.

Kołędy поются въ костелѣ всѣмъ хоромъ присутствующихъ. Обычай пѣть «kołędy» встрѣтился съ пѣніемъ чисто религиозныхъ пѣснопѣній, для которыхъ, конечно, первоначально являлись образцами—латинскія псалмы; съ этой стороны, польскія набожныя kołędy тоже не могутъ назваться вполне самостоятельными, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя рождественскія псалмы и до сихъ поръ поются въ костелахъ также по латыни, а въ молитвенникахъ латинскій текстъ ихъ помѣщаются въ цѣломъ составѣ, или хотя одинъ первый стихъ: «Angelus pastoribus dixit», а затѣмъ польскій текстъ:—Anioł Pasterzom mówił и т. д. Здѣсь переводъ буквальный; но бываетъ, что послѣ первыхъ строкъ польскій текстъ значительно измѣняется въ выраженіяхъ, сохраняя лишь общность содержанія.

Вотъ эти-то польскія псалмы, распѣваемые въ костелахъ, вѣроятно, послужили образцами и для нѣкоторыхъ нашихъ колядокъ-виршей, или точнѣе колядокъ-псалмъ. Ихъ заимствовали простые люди, съ голоса, а также и письменные—изъ пѣнія, изъ печатныхъ изданій и рукописныхъ списковъ...

Когда мнѣ приходилось вначалѣ слышать нашу колядку «Нова рада стала», мнѣ всегда казалось страннымъ, чужимъ, одно выраженіе въ ней: «Ой ты Царю, нашъ Царю, ты небескый *шахварю*»... Слово это оказалось польское ¹⁾ и означаетъ въ буквальномъ смыслѣ—ключникъ, завѣдывающій чѣмъ-нибудь ²⁾; въ польскомъ языкѣ, какъ оказалось изъ моихъ разспросовъ, есть даже въ разговорной рѣчи такое выраженіе:—schafarz łask niebieskich. Но одно слово, конечно, еще не можетъ служить доказательствомъ заимствованія (хотя иной разъ одно слово, *слишкомъ исключительное*, можетъ быть болѣе доказательнымъ, чѣмъ общность содержанія, особенно въ данномъ случаѣ, въ колядкахъ богословскаго характера, въ которыхъ содержаніе очень не разнообразно: звѣзда, рожденіе отъ Дѣвы, пастыри, три царя, заключеніе; въ самыхъ краткихъ чертахъ повторяются части того-же евангельскаго рассказа).

Кромѣ этого, сомнѣніе мое возбудила еще одна волинская колядка, которая оказалась лишь фонетически измѣненной противъ польской. Наши люди поютъ её такъ:

1.

Вчора изъ вечора, (2)
 Зъ небесного двора,
 Прыйшла намъ новына,
 Роды Панна Сына.
 Анголь о пивночи
 Свитло зъ неба точе и т. д.

По польски же эту колядку пѣли (совершенно на тотъ-же мотивъ) такъ:

2.

«A wczora z wieczora
 Z niebieskiego dwora

1) Отъ нѣмецкаго—Schaffner.

2) Слѣдовательно, въ переносномъ смыслѣ можетъ означать—промыслитель.

Przyszła nam nowina
 Panna rodzi Syna,
 Gdy Anioł z północy
 Światłość z nieba toczy» и т. д...

Это было уже слишкомъ явно... Дальнѣйшіе стихи показывали, что прототипомъ была колядка—польская, такъ какъ въ нашей дальнѣйшія рѣшмы были еще болѣе натянутыя, чѣмъ въ приведенномъ началѣ.

Странно тоже казалось, что въ колядкѣ «Ой дивнее народженне» иногда поютъ — «народженне»...

Сомнѣнія мои окончательно утвердились открытіями, сдѣланными хотя и не по поводу нашихъ колядокъ, но вообще въ области духовной литературы, польской, малорусской и русской. Работы г-на Перетца, изданныя имъ въ I томѣ его Историко-литературныхъ изслѣдованій и матеріаловъ, въ высшей степени цѣнны. Кромѣ того, что г. Перетць опубликовалъ много совершенно новаго матеріала, лежавшаго въ рукописяхъ, въ разныхъ хранилищахъ (въ Кіевѣ, Вильно, Петерб., Москвѣ), но многія его сопоставленія, подтвержденныя самымъ тщательнымъ сличеніемъ (старого и новаго матерьяла),—требовавшимъ массы кропотливаго труда,—производятъ нообыкновенно яркое впечатлѣніе своею убѣдительностью. Такова въ особенности глава, касающаяся вліянія польскихъ псалмъ на малорусскія вирши и на великорусскіе духовные стихи. Многіе стихи оказываются просто переводами (въ началѣ даже просто переписками), потомъ передѣлками, болѣе или менѣе близкими, или же отдаленными, но связь которыхъ съ оригиналами можно уловить. Болѣе слабымъ приѣмомъ г. Перетца мнѣ кажется способъ доказательства близости стиховъ одинаковымъ размѣромъ; особенно это шаткій признакъ въ стихахъ, которые *поются* (такъ какъ въ пѣніи иногда получаютъ не только неожиданныя ударенія, но даже какъ-бы новые слоги). Но возвращаюсь къ польскимъ псалмамъ и ихъ вліянію.

Чтобы все-таки не утомлять вниманія читателя, передамъ всего два-три примѣра изъ цитатъ г. Перетца.

Псалма польская:

Wesoły nam dziś dzień nastał,
Którego z nas każdy żądał
Tego dnia Chrystus z martwych
wstał,
alleluja ¹⁾.

Въ русскомъ текстѣ:

Веселый нам есть дзѣнь насталь,
Кторого знас кажды жондаль:
Тего дня Христусъ зъ мартвыхъ
всталъ,
аллилуя ²⁾.

Дальше по-русски есть уже болѣе отходящій текстъ той же
вири:

«Веселы намъ днесъ день насталь,
Кторого Христосъ з мертвых встал.
аллилуя».

И наконецъ:

«Светел праздник днес настал
Ибо Христос з мертвых востал» и т. д.

Въ такомъ же родѣ передѣлывались и другія польскія
псалмы, — напр.:

Affect do Pana Jezusa:

A mam że ja mego Jezusa miłego?
Nie czyniłem nic dobrego dla miłości jego!
(Псалма XVII в.).

По русски (текстъ, надписанный на нотахъ):

Имамъ азъ своего Исуса моего?
Не творилъ бо есмь благаго любве ради его!.. и т. д.
(Рукоп. начала XVIII в.).

¹⁾ „Pieśni nabożne“, wyd. w Grodnie...

²⁾ Просто переписанъ польск. текстъ кириллицей.

письменнаго круга ¹⁾, но и люди изъ народа нашего—брали ихъ, эти костельныя *koledy*, для себя, въ свой репертуаръ «набóжнаго» колядованія; только и тѣ и другіе—на разные языки переводили: одни на письменный, другіе на простой. «Рождественская драма» (или «Комедія на Рождество Христово») была представляема и въ Москвѣ. Такимъ образомъ черезъ южно-русскихъ письменниковъ польская псалма шла и въ «Московщину»; любопытны данныя, добытыя г. Перетцомъ, которыя показываютъ, что при этомъ на сѣверѣ заимствовались польскія псалмы не только въ южно-русскихъ переводахъ, но въ самыхъ подлинникахъ: нѣкоторые списки показываютъ, что польскій текстъ иногда списывался даже безъ пониманія его значенія, переходя, вѣроятно, «съ голоса». Это доказываютъ такія искаженія:

Aaronowa *roszczka* zielona
Stała się nam *kwitniąca*...

Ааронова *рожка* зелена
Сталася нам *квитюнца*...

Попадаются и худшія мѣста; вотъ далѣе тотъ же сѣверный, *русскій* переводъ рождественской пѣсни:

Бежали до ветхлѣм щенсливе,
налезли двецъ безлове (sic),
Марію со Юземъ.

Это значило въ подлинникѣ, найденномъ г. Перетцомъ въ другой рукописи, слѣдующее:

Bieżeli do Bethleem szczęśliwie,
naleźli dziecię we żłobie,
Marią z Józefem.

Такимъ образомъ заучивалась и списывалась даже бессмысленница, и все-таки записывалась въ сборники «псалмъ». Вѣроятно, московскіе слушатели и читатели этихъ псалмъ думали,

---

¹⁾ Вставляя ихъ,—какъ мы это сейчасъ видѣли,—въ свои драмат. сочиненія.

что «м. б. оно тамъ такъ и нужно»...—Но когда же это было, такое вліяніе польской пѣсни²—спросить, пожалуй съ отгѣнкомъ недовѣрія, читатель. Пусть же не посѣтуеть онъ за болѣе обширную выдержку изъ упомянутыхъ «Изслѣдованій» г. Перетца (она многое объяснитъ въ вопросахъ заимствованія; а мы какъ разъ на нихъ остановились). Вотъ что говорится въ гл. VIII «Изслѣд.» («малорусское вліяніе въ Москвѣ XVII—XVIII ст.»): «въ Москву начинаютъ проникать изъ южной Россіи и Польши представители искусства, безъ сомнѣнія не чуждые и поэзіи: при дворѣ царя Михаила Ѳеодор. около 1637 г. были музыканты-органисты польскаго или малорусскаго происхожденія. Царю подражали и вельможи, заводя музыкантовъ и пѣвцовъ, обучавшихъ, въ свою очередь, москвичей своему искусству. Одновременно съ этимъ возрастало ихъ вліяніе и на церковное и религіозное пѣніе. Объ искусствѣ малорусскихъ пѣвцовъ и о превосходствѣ ихъ надъ московскими въ XVII в. свидѣтельствуетъ діаконъ Павелъ Алеппскій, спутникъ патріарха антиох. Макарія:—Пѣніе козаковъ, говоритъ онъ, радуеть душу и исцѣляетъ отъ печалей, ибо ихъ напѣвъ пріятенъ, идетъ отъ сердца и исполняется какъ бы изъ однихъ устъ; они страстно любятъ нотное пѣніе, нѣжныя и сладостныя мелодіи. У этихъ же (москвичей) пѣніе идетъ безъ обученія, какъ случится, все равно». Краснорѣчивую вымѣтку дѣлаеть далѣе г. Перетцъ изъ описи книгъ Заиконоспасскаго монастыря: «книга псалтырь полская на виршахъ», «книга псалтырь на виршахъ Іана Кохановскаго», «книга псалтырь на польскомъ языкѣ».

Москва даже заволновалась отъ такого успѣха «новшества». Никона старые законники обвиняли, между прочимъ, въ томъ, что онъ—«кіевское партесное пѣніе начать въ церковъ вводити согласно мирскимъ гласоломательнымъ пѣніямъ». Въ предисловіи къ своей «риюмотворной» псалтири Симеонъ Полоцкій пишетъ: «мнози во всѣхъ странахъ малыя, бѣлыя, и черныя, и червонныя Россіи, паче же во велицѣй Россіи, въ самомъ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ, возлюбше сладкое и согласное пѣніе польскія псалтири стиховно преложенныя, обыкоша тыя

псалмы пѣти, *рѣчей* ¹⁾ *убо мало или ничто же знающе*, и то-чю о сладости пѣнія увеселяющеса духовнѣ». Не имѣя силы бороться съ популярностью польской псалтири, С. Полоцкій приспособляетъ нѣкоторыя изъ своихъ переложеній такъ, чтобы ихъ можно было пѣть на извѣстный уже голосъ польскихъ псалмь. Такъ кончаетъ г. Перетцъ страницу о судьбѣ польской псалмы въ Москвѣ.

С. Полоцкій, прибавимъ мы отъ себя, былъ воспитанъ кievскою школою и въ постановку литературнаго дѣла въ Москвѣ внѣсь все искусство, полученное отъ этой школы; ему помогали многіе украинцы, являвшіеся въ Москву, особенно послѣ Хмельниччины. Извѣстно также усердіе учениковъ этой школы въ Петровскій и слѣдующій періодъ, положенное на созданіе новой литературы. Съ теченіемъ времени «кармѣны» и пѣніе бандуристовъ, (тоже, какъ извѣстно, имѣвшихъ одно время большой успѣхъ въ Москвѣ и Петерб.), были сданы въ лакейскія; когда же кievская виршевая литература умерла на московскихъ и петерб. задворкахъ, а на ея перегноѣ выросла уже новая «россійская литература», то она,—развиваясь дальше уже при помощи своихъ элементовъ,—пожелала быть полною госпожей и заставила кievскихъ ученыхъ учить грамматику и пѣтику «господина Ломоносова». Недавніе учителя-южане принялись учить его сѣверныя оды. Учились усердно... Кievская академія посылаетъ на свой счетъ въ Москву нѣсколькихъ воспитанниковъ собственно для того, чтобы научиться московскому произношенію.

Но народъ украинскій одъ не училъ; его словесностью были, по прежнему, его пѣсни. Мы видѣли, что въ обрядовую пѣсню, въ колядки, вошла церковная, костельная псалма, которая получила значительную поддержку въ такъ называемомъ вертепѣ. Изъ документальнаго доказательства, что переведенная съ польскаго псалма была вставлена въ рождеств. драму Д. Ростовскаго, какъ готовый «номеръ» ²⁾, несомнѣнно является тѣсная

¹⁾ Т. е. содержанія.

²⁾ Выражаясь по теперешнему.

связь польской костельной псалмы, болѣе или менѣе переработанной, съ этимъ своеобразнымъ театромъ,— «вертепною» или вообще религіозною драмою; значить, польская псалма предшествовала ему.

Впрочемъ, вѣдь и самъ «вертепъ» вышелъ изъ польскаго костела, который въ свою очередь получилъ эти представленія отъ церквей западно-европейскихъ. Я не стану передавать подробно исторію вопроса; напомнимъ ее лишь въ самыхъ краткихъ чертахъ: католическая церковь, вообще больше любящая образность и декоративность, еще въ средніе вѣка начала демонстрировать соотвѣтствующими фигурами свои служенія, посвященные важнѣйшимъ праздникамъ: во время мессы «резурекціи» поднимали фигуру Христа (которая въ послѣдніе страстные дни лежала въ гробу, окруженная статуями, или вырѣзными ангелами)¹⁾; также точно въ костелѣ къ Рождеству ставилось изображеніе вертепа,— извѣстнымъ, образомъ декорированнаго мѣста, въ которомъ помѣщались, въ большемъ или меньшемъ видѣ, соотвѣтствующія статуи. Постепенно эти демонстрированія расширялись,—такъ, въ страстные дни, страсти Христовы читались въ лицахъ, причемъ читавшіе какъ бы исполняя роли, тамъ же въ церкви представляли священныхъ и иныхъ лицъ, относящихся къ разсказу о страстяхъ. Это и были «мистеріи», которыя, съ теченіемъ времени, еще болѣе расширившись, вышли изъ церкви въ общественныя зданія, коллегіумы и на площади. Къ священному содержанию прибавились вставки комическаго и современно-бытового характера; мистеріи переходили въ настоящій театръ, превращаясь въ пьесы историческія и т. д. Подобныя же представленія давались и на кукольномъ театрѣ,—который изъ Зап. Европы перешелъ въ Польшу, а оттуда и къ намъ. Такъ какъ на этомъ театрѣ представлялась главнымъ образомъ Рождественская драма, то и самъ онъ назывался у поляковъ «яселки», шопка (сарай, отъ нѣм. Schoppen), а у насъ—«вертепъ».

---

¹⁾ Послѣдній обычай до сихъ поръ живетъ въ нашихъ большихъ польскихъ костелахъ.

Какъ въ Польшѣ такъ и у насъ представленія на темы изъ священнаго писанія особенно привились и культивировались—при школахъ. Возражая на мнѣніе г. Петрова, П. И. Житецкій совершенно вѣрно говоритъ, что собственно мистеріи, *церковныя, религіозныя представленія*, у насъ не могли быть въ ходу. И въ самомъ дѣлѣ, православная церковь, устранившая изъ храмовъ даже статуи, могла бы считать мистеріи лишь профанаціей и не могла бы «связывать ихъ съ богослуженіемъ».

Въ школѣ же нашей представленія на религіозныя темы получили большое развитіе, превратившись потомъ въ полуисторическія, полубытовые пьесы еще въ концѣ XVII стол. (Вопросъ этотъ превосходно разработанъ П. И. Житецкимъ въ его предисловіи къ «Энеидѣ Котл.»).

Содержаніе Рожд. драмы, представляемой на сценкѣ яселокъ и вертепа, было въ общихъ чертахъ одинаково: оно состояло изъ серьезной части,—гдѣ въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ являлись ангелы, поклоняющіеся пастухи, волхвы, Иродъ, смерть,—и комической, по большей части отдѣляемой особо, гдѣ являются разные народныя типы,—говорятъ, поютъ, танцуютъ. Иногда сценки перемѣшивались.—Я не буду говорить о комической части «вертепа», (развѣ только упомяну, что напрасно думаютъ, будто комическій характеръ бытовой части вертепнаго представленія обязанъ именно украинскому юмору: въ бытовой части польскихъ «яселекъ» тоже много забавнаго и остроумнаго; хотя, конечно, есть и тутъ, и тамъ свои особенности). Обращаясь къ серьезной части текста вертепа, мы непосредственно встрѣчаемся съ матерьяломъ, связаннымъ съ колядками. Уже одна и та-же тема должна была вызывать сходный репертуаръ. Выйдя же, по своему началу, изъ костела, вертепъ вынесъ съ собою и то, что пѣлось въ костельныхъ псалмахъ,—можетъ быть, еще тогда, когда вертепъ изображался къ костелѣ. Съ привѣтомъ пастуховъ имѣеть полное соотвѣтствіе псалма «Anioł pasterzom mówił¹⁾». Не да-

¹⁾ Въ старомъ богослуженіи: Anioł trzody pasącym zwiastował czuwającym»,—съ примѣчаніемъ: «stosownie do Lacińskiego Textu—Angelus pastoribus dixit vigilantibus».

ромъ, какъ мы видѣли, кіевскій авторъ большой Рож. драмы, тоже взялъ эту псалмю, въ переводѣ: («Ангель паствырьмъ вѣстиль»). Дальше въ этой же псалмѣ, въ польскомъ текстѣ, есть такая строфа:

O dziwne Narodzenie,
Nigdy nie wysławione:
Poczęła Panna Syna w czystości,
Porodziła w całości
Panieństwa swojego.

Въ той же вставкѣ «Ком. рожд.» Д. Рост. это переведено такъ:

То дивное рождество
Не изрѣчетъ вѣтѣйство:
Зачала Дѣва сына въ чистотѣ
И родила въ цѣлостѣ
Дѣвства своего.

Волинская колядка ¹⁾ начинается такъ:

Ой дывнее нарожденне
Божого Сына,—
Его жъ бо намъ породыла
Дива Марія.
Народывся Исусъ Хрыстось
Изъ Дивы, зъ Панны,
Нихтожь теи не дознае
Божои тайны.

Кромѣ этого, мною записаннаго волинскаго текста, колядка эта есть во многихъ вариантахъ въ сборникахъ Чуб. и Голов. (вездѣ первая строка та-же, «Ой дывнее нар.»).

Въ старомъ богогласникѣ, почаевского изданія, есть еще такая псалма:

¹⁾ Объ ней упоминалось выше; очень распространенная.

- 1) *Radość wielka nam nastała,
Iaka nigdy nie bywała.*

Въ «вертепѣ», по списку Галагана, есть тотъ же номеръ:

- 2) Нова рада стала,
Якъ на неби хмара ¹⁾).

Въ народной колядкѣ, очень распространенной:

- 3) «Нова рада стала,
Що на неби хвала»,
(или «*Яка не бувала*»).

Дальше всѣ тексты расходятся, но большая сходность *начальныхъ* стиховъ не могла явиться случайно. Въ № 2, текстѣ *вертепноу*, стоятъ далѣе слова:—«Просымъ тебе, царю, небесъ-кый *шапарю*» ²⁾, что, какъ мы говорили, тоже показываетъ на связь съ первоначальнымъ текстомъ польскимъ. Въ колядкахъ, принявшихъ болѣе народную отдѣлку, слово это замѣняется—«небесъкый владарю».

Кромѣ этого номера въ текстахъ вертепа (къ сожалѣнію, сохранившагося въ очень короткой редакціи), есть еще стихи, которые то пѣлись, то говорились (хоромъ, объяснявшимъ дѣйствіе, и режиссёромъ—за куколь); языкъ въ этихъ стихахъ обычный «вѣршамъ»; въ содержаніи ихъ видно тоже знакомство съ польскимъ текстомъ, или съ самымъ его прототипомъ:

- 4) «*Ангелъ: Возстаньте, пастыріе, и бдите зло*» ³⁾
Возстаньте и *радуйтесь*, яко се приспѣло

¹⁾ Думаю, что это случайная замѣна, такъ какъ по народной пѣсенной символикѣ хмара къ «радости» не подходитъ,—соотвѣтствуя понятію о чемъ нибудь неприятномъ.

²⁾ Спис. Галагана.

³⁾ *Angelus pastoribus dixit vigilantibus:
Nuntio vobis magnum gaudium,
Salvatorem omnium in terris genitum.*

. . . . .

*Рождество Спасово, міру пророками предреченно,
Который вже родывся отъ Дивы совершенно.*

5) Хоръ: Слава буди въ вышнихъ Богу,
Дающему радость премногу,
Рожденну, явленну
И во яслѣхъ безсловесныхъ положенну и т. д.
(Вертепъ, въ зап. Маркевича)

Интересно сравнить въ *уніатскомъ* почаевскомъ богогласнигѣ 1790 г. Рождественскую пѣсню,—она дословцо сходна съ приведеннымъ псалмомъ хора (№ 5) въ вертепѣ Марк.:

Слава буди во вышнихъ Богу,
Дающему радость премногу,
Рожденну, явленну,
Во яслѣхъ безсловесныхъ положенну. (Богор. № 11).

Далѣе въ томъ самомъ вертепномъ хорѣ (у Маркевича) перестановка строфъ и какое-то искаженіе:

Щобъ даровавъ златыи клиты (sic)
Намъ пожыты въ ныхъ многіи литы,—
Спивайте, играйте,
Вси людіе рожденного выхваляйте.
Ты, вертепе, возвеселыся,
Се-бо въ тоби Хрыстось родыся,
Во струнной псалтыри
Рожденного прославляйте во всемъ міри.
Воль и осель его вытають,
Пастыріе ёго прославляють
И цари государы
Отъ Персѣ и Индіи принесоша дары.—

Quomodo Aaron virga fronduit
Atque „flore floruit“... (рѣчь о пророчески процвѣвшемъ
«жезлѣ Аароновомъ»).

Въ богогласникѣ же псалма продолжаетъ такъ:

Воль и осель Пана познають,
 Пастыріе его витають,
 А цари звѣздари,
 Съ Персиды, поклонъ дають, кладуть дари.

Ты, вертепе, возвеселыся,
 Се бо въ тебѣ свѣтъ намъ явися,
 Спѣваймо, играймо,
 Людіе, рожденного вихваляймо.

Бы золотые дароваль *лѣта*,
 Живущимъ намъ во скорбѣхъ свѣта,
 Во мірѣ, во вѣрѣ,
 Рожденного славити при офѣрѣ,

Даруй тое, преблагій Боже,
 Желаннѣйше намъ есть ничтоже:
 А въ небѣ якъ требѣ
 Со Ангелы возглашати гѣснь тебѣ. (конецъ).

Къ сожалѣнію, самый старый богогласникъ почаевскій, изъ котораго я беру эту выписку для сличенія, есть все-таки довольно поздняя записъ псалма (1790 г.), притомъ завѣдомо передѣланныхъ,—какъ о томъ прямо сказано въ предисловіи иноками-издателями. Вертепъ же Маркевича записанъ еще много позже (изданъ въ 1862 г.). Но во всякомъ случаѣ очень большое сходство хорovýchъ номеровъ въ вертепѣ Маркевича и Галагана («Нова рада») съ уніатскимъ и польскимъ текстомъ, такъ равно какъ и вышеприведенныхъ колядокъ¹⁾ съ тѣми же польскими псалмами несомнѣнно. Дальнѣйшіе розыски должны подробнѣе освѣтить этотъ вопросъ.

1) Ой дывнее нарощенне, Нова рада, Вчора изъ вечора.

Признавая зависимость, какъ нашихъ колядокъ-виршей, или набѣжныхъ, такъ и вертепныхъ псалмъ отъ польскаго *источника*, я не думаю лишать ихъ самобытности, такъ какъ и составители вертепнаго текста всё-же измѣняли его, а колядки, какъ увидимъ ниже, и совершенно переработали полученные вмѣстѣ съ мелодіей основные мотивы пѣсни.

О. Пчизва.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повість.

(Продолженіе ¹⁾).

ЧАСТЫНА ДРУГА:

I.

Сичовыкъ.

Вельке село Писки. Розкынулось, розляглося и вздовшь, и вшырь и впоперекъ, на ривній нызыни, въ балци, а передь самымъ селомъ мовь хто борошна насыпавъ—билого писку середь чорной земли. Такъ—наче хто билый кылымокъ прославъ, щобъ вытерты ноги, вступаючи въ село. Посередь села стоитъ невелычка старенька церковця, трохы перехылылася на одынъ бикъ и вросла въ землю. Не тилькы покривля, де-не-де и ребра порослы зеленымъ мохомъ. Проты церкви, на невысокимъ згирку, велычезный палацъ свитьть дверыма—викнамы... И палацъ уже выдно давній, та ще й запущенный. Стины пооблупувани—де-не-де вывалюется цегла; покривля поржавила; у викнахъ шыбокъ не доличылся. Мабуть нихто не живе въ тимъ палаци, бо и двирь непрочыщенный—зарись густою муравою. Тилькы дви протоптани узеньки стежечкы тягнутя черезъ увесь двирь до двоухъ невелычкыхъ будынкивъ—по одынъ и по другый бикъ палацу. Все те осунулось, опустылося... Такъ выглядалы Писки передь волею.

---

¹⁾ См. Киев. Ст. 1903, № 4.

А литъ за пивторы сотни не тилькы цѣго палацу, а й самыхъ Писокъ и слиду не було. Тамъ стояло невеличке сельце, чы то такъ—невелички хуторци розсыпалысь по балци, якъ стогы сина зимою по степу. Мазанокъ було всѣго, може, хатъ зъ пять, а то все—землянки пры самій земли, якъ могылкы повиддымалыся. Тилькы одынъ дымаръ нагадувавъ, що то не берлога звиряча, а людська оселя, що оберегала людей одъ звира и одъ лыхой годыны.—Землянка була зъ прысинокъ, схожихъ на ривъ, та зъ хаты—лѣху. У хати була пичъ, де можна зварыты йисты та погрityся; однимъ-одно виконечко—мале, якъ оддушына въ бджоляныкахъ выглядало зъ боку на шляхъ. Недалеко видъ землянки стоялы кружкомъ вербы, мовъ зачаровани дивчата, а посередыни—чорнила яма, обставлена очеретомъ. То--копанка для воды. Огорожи—пiякои. То теперъ тилькы стали города обгороджуваты, а тоди—нихто цѣго и у думци не мавъ. Зайвои земли лежало неозорно передъ тобою и за тобою... Прыходъ, заоры, скилькы хочъ—нихто тоби й слова не скаже. Хиба тилькы сусидній панъ полковникъ або сотникъ подума: «Ловысь, мовъ, рыбка, мала й велика!» Шоки тамъ панъ налагодытся сплесты невода, рыбка соби въ затышку плодытся, прыбувае, виростае... Середъ пустыхъ степивъ красуются, якъ квитники, весели хуторы, прысилкы, села; де-не-де вже, посередъ села й церква биліе,—ще здалека горыть хрестъ на сонци.

Такъ уродылося багато селъ и хуторивъ округъ Гетманського. Де бувъ колысь биръ,—стало велике село Биркы; середъ яривъ та байракивъ, мовъ зъ земли вырослы Байраки--мали й велики: тамъ, де колысь на лощини вовкы вылы та лысыци норы рылы,—красуется село Вовча долина. Тоди заснувалыся и Пискы.

Адже, якъ не давно Пискы насталы, що вже почала вывiтрюватись и людська памъять про ихъ основу,—та людська памъять не сховала того, колы и якъ оселився въ ныхъ захожый сичовикъ Мыронъ Гудзь. Заховала тилькы людська спомка, що цей Мыронъ бувъ вже не молодой чоловикъ, коренастый, зъ довгымы усами, зъ закрученымъ за ухо оселедцемъ, та що винъ ще довго пiсля того, якъ оселився, не кыдавъ свого запорож-

сыкого звычайо—воюваня. «Воювавъ, казавъ винъ, зъ ляшнею, воювавъ зъ башею, воювавъ зъ татарвою,—а теперь воюватому зъ звиремъ!» И дывысь: скинувъ рушныцю на плече, та й потягъ подовшь поля—скильки окомъ зглянешъ... Немае день, немае два; иноди и на третій не видно. А тамъ—глянь! и несе шкуръ пьять або шість вовчыхъ. Отакъ Мыронъ доты воювавъ, доты бився, рубався, поky и самъ не набигъ на свого звира, що й ёго звоювавъ. И ниxто другый звиръ той, якъ Марына Зайцивна,—зъ Писчанськихъ такы хуторивъ козака дочка.

Йшовъ якось разъ Мыронъ зъ полювання до-дому. Сонце стояло на вечернёму пружи, а ще якъ огнемъ пекло. Витерь подыхавъ гарячий... «Дохожу я, каже Мыронъ, до Зайцевого хутора—вымореный. змоченый потомъ. Пыты—ажъ душа горыть. Колы—зыркъ!—высочыла ласочка зъ земляной норы зъ видерцемъ въ рукахъ,—та скикъ у кружало вербъ, до копанкы! Якъ забачывъ, я видро, то въ мене ажъ закипило въ седыни... Пиду, думаю, напыюся воды холодной... Иду. А дивчына нахылылася надъ копанкою, бере воду, та стыха спивае... Та такимъ же любимъ голосомъ, такимъ важкымъ спивомъ,—ажъ за сердце хапа! Пидхожу я.—Дивчыно! кажу, дай лышь воды напытыся!—Вона глянула на мене—любесенько такъ... та й спиваты годи. А мени вже тоди и пыты перехотилося... Въ ии чорныхъ блыскучыхъ очахъ втопылася моя згага! Подае вона мени видро, нахылывся я... «А, бодай тебе, кажу, зъ такою водою, яка мутна та нечыста!» Та вже хотивъ бувъ напытыся. Вона—хвить видро.. воды—якъ не було,—тильки калужка на земли стала.—«Стрывайте, стрывайте: я друге вытягну!»—Та за видро, та до копанкы. Прыхылылася, вытягла. Та вже жъ и вода, холодна, та чыста, якъ слёза. Напывся—трохы не цилисеньке видро выдувъ и подякувавъ,—та й пишовъ. Прыхожу до дому. Що за знакъ? зъ ума не сходитъ моя дивчына: такъ передь очыма и вергытса. Що за нечыста маты?—думую. Отъ тоби й напывся воды! Переходыть день,—все одно, що вчора. Мынае другый,—не забуваеця. Пиду на полювання,—вона мени наче мара, зъ-за бурьянивъ прывджуеця!! Разъ на вовка хука давъ; у друге схы-

бывъ; за третимъ разомъ зарядъ у пенёкъ всадывъ... Овва! зовсімъ здуривъ»...

— Такъ воно жъ, бачу, тилькы на Сичы добре козакуваты; а на займанщыни—хлибъ роботы!—Сказавъ самъ соби, та дждавши недили, и нишовъ до Зайця на хутирь. Розкажую ёму свою прыгоду, та разомъ, нибы шуткуючы, и дочку сватаю. Гомонимо соби въ двоохъ... Клыкнувъ Заяць Марыну,—старои не було, за рикъ передъ тымъ вмерла. Отакъ и такъ,—каже дочки: «сватае тебе Мыронъ. Чы пидешъ»? А вона—звисно, молода, соромязна:—Не знаю,—одказуе. «А хто жъ зна»?—пытае батько.—Мовчыть вона. Такъ мы зъ Заяцемъ удвохъ выпылы доброго могорычу,—та й справу зробылы. Узывъ винъ—поблагословывъ насъ. А черезъ тыждень, у недилю, пишлы мы до пона на побыванку, та й повинчалыся. Зъ того часу заржавила сичова рушныця, злигся порохъ, розгубылось креминня. Ставъ Мыронъ Гудзь поле ораты, та хлибъ сіяты, а Марына—сына Ивана колыхаты...

Середь шырокихъ та розлогыхъ степивъ, на вильнимъ простори, вырощувавъ Ивась свою молоду сылу. Кровъ батькивська, сичова, ще змалку обизвалася въ жылахъ малои дытыны. Найлюбищою забавкою було ёму будуваты та руйнуваты землянки, валы, окопы, шаньци. Чуючы оль батька страшни прыповысты про вйны та походы на туреччыну, на татарву, на панивъ ляхивъ,—Ивась перекладавъ усе те въ дытячи играшкы. Оце зробить окипъ, та й давай ёго розвертаты,—буцимъ зъ бою бере. Батько дывытса, сміетса. Любо старому рубаци згадаты на свой дытыни свои молоди лита! Винъ було Ивася и пидохочуе: А ну-ну, сынку! учыся змалу: на старисть—якъ нахидка буде!

За те маты не дуже втишалася тымы страшпымы играшкамы! Ивась у неи бувъ однимъ одынъ. Й тяжко и страшно було подуматы, що, якъ выросте ии одынчыкъ, а тутъ—не дай, Господы, схопытса яка заверюха зъ башею або зъ татарвою, та замчыть ии ясного сокола бо-зна за який край свита,—вона ёго може, бильше и не побачыть. Тамъ десь, въ чужій сторони, середь кри-

вавои вѣйны, зложыть винь свою козацьку головоньку; маты не закрые очей свой риднѣй дытны: ихъ хыжи орлы зъ гракамы повыклѣвуютъ, голодни вовкы—сыроманци порозносять жовти кости. Хиба тилькы зозулька, невтишна вистовныця—принесе звисточку, що ѣи сынъ бидолашний полигъ середь чыстого поля Важко матери, таке згадуючы: гирко та сумно на души, боляче въ серци,—такъ, наче хто шматочокъ одрывае одь ёго. И Марына падала на вколюшкы, молыла Матирь Божу, щобъ велька заступныця паслала мырь на ѣи ридну сторону и захыстыла видь напасть! Жахаючысь той страшнои хуртовыны, яка тоди часто ѣ густо пидѣймалася, матырыне серце боялося, щобъ Ивась у играшкахъ бува не прывчывся до неи. И, колы батько ти играшки пидхвалявавъ, Марына грывала и на батька и на сына, що збывъ таку кептюгу коло землянкы.

А въ вечери, якъ не спытсся Ивасеви, вѣзьме маты ёго русяву головоньку въ свои руки, цилуе, мылуе, и стыха, любымъ голосомъ, малое ёму картину инчого жыття, жыття тыхого, хлиборобського побыту, литнѣи працы на свой добрѣй ныви, зимнѣи лежни въ теплѣй хати, що якъ повна чаша; середь малыхъ дѣтокъ, що одно говоре, друге белькоче, а трете въ колысци мугыче; середь добрыхъ сусидь, що,—не дай, Боже, хворобы,—и одвидаютъ, и провидаютъ, не, то, що сичове товариство, котре всюды несе смерть за собою!

Ивась пѣсля того хыльвсся на матерыну ручь. На другый день уже винь не рывъ ровивъ, не кошавъ шанцивъ; не высыпавъ окопивъ и не бравъ ихъ зъ бою; а ходывъ соби по горѣду або по полю, та весело выпивувавъ.

Таки речи разомъ врывалыся въ Ивасеву голову. Дытна сама не знала: що робыты, кого слухаты. Оце батько розскажепро найзды на Туреччыну. На другый день Ивась и воюе зъ нею. А тутъ маты, у вечери, своимъ пестывымъ голосомъ нашепче дытны про любовь до всѣго жывого. Ивась кыдае свои боища та руйнованна; любуется красою свитовою, квітучымы рослынами, жывлемъ усякымъ,—пестыть козачкивъ, сонечко, коныкивъ; слухае дзвинку жайворонкову пѣсню. Гляне батько на дытну: той

Ивась, та не той!—не высьшае окопивъ, не рые шанцивъ, не бере ихъ боемъ.

— А що жъ ты, Иване, не берешъ свого Берестечка?—пытае батько?

— Не хочу!

— Чому?

— Маты не велять.

— Чому?

— Кажуть: гришка змалечку прывчатись, якъ зъ людьмы бытись. Треба зъ ными въ миру жыты!

— Бреше маты! То зъ добрымы, то й въ миру; а зъ лыхымы,—колы ихъ не вкладешъ, то воны тебе вложить. Отже важчымъ здаеця Ивасеви тыхе, любязне матерыне слово, ніжъ суворе та грубе батькове. Такъ що, якъ повернуло Ивасеви на шіснадцятий рикъ, то винъ зовсімъ покынувъ играшки въ бои—та ставъ ходыты бия валивъ, додывлятыся до плуга, до бороны. Спершу и це все було хлопцеви за играшку; а дали—увійшло въ ёго щоденни звычай, близько прыпало до сердца. Ставъ винъ уже бильше нудгуваты тоди, колы пидласый, або сывый виль захворіе,—нижъ одъ прыповисткы батьковой за татарський набигъ.

Маты радила. Та й батько—не то, щобъ легко було ёго сичовому сердцю дывытыся, якъ замирала въ сынови лыцарьска вдача, а все жъ и батько не дуже горювавъ видъ того. Кругомъ усе старе лыцарство розставало. Не стало ривности,—не стало братства. Козацька старшына, що колысь, выбраючы на іи головы грудямъ кыдалы, щобъ не зазнавалася,—позадерала теперъ головы въ гору, а прости козачи до самой земли понагынала. Дряпжныкы, сутяжныкы, всяки вйсковы товариши, розкынули свои тенеты—и, якъ зайцивъ, ловылы въ ныхъ просту темноту. Не стало вже и гетьмана. Та й на вищо винъ тоди, кому винъ тоди здався? Кругомъ Украину облегло панство, позалазыло въ саме сердце—и, якъ те гайвороння, шматувало іи полумертвый трупъ. Зажурылыся наши левенци—та вже було пизно! Та сама земля, котру воны довгымы списамы скородылы, своими кист-

камы засивалы, обороняючысь одь лютыхъ ворогивъ,—стала для нихъ ворогомъ, одь котрого прыходылось тикаты. Пиднявся струсь, биганына. Зъ одного мисця переходылы люде на друге, шукаючы воли, бажаючы панивъ здыхатысь—не чужыхъ, а своихъ уже кривныхъ панивъ! Одь панивъ тикалы въ козаки, давалы вйськовымъ урядныкамъ басарынкы, щобъ запысалы въ «компутъ козачий»; а козаки не вряды-годы шукалы ласкы въ панивъ—бигалы одь козацькой старшыны, просылыся «пидъ протекцію». А панъ и старшына—якъ браты ридни! Ворогъ ворогу ока не выклое. А часто—самъ панъ, самъ и старшына. Хто самъ соби ворогъ?

Правда, писчане булы ще вильни. Та що зъ того—колы прыходылось дожыдаты, що оть-оть и ихъ злыгають. А кругомъ неволя, кругомъ сумъ людський,—никому порадонькы даты. Пиднялысь булы за Днипромъ гайдамакы, та й ти повернулысь у розбышакы, а не въ справжнихъ лицаривъ. А тутъ уже чутка: Текеля на Сичи попорався». Ростеклося товариство,—хто куды. Одни—въ землю; други—до турка; а трети—на Украину, до плуга. Прыдыбало ихъ щось два чы тры у Пискы,—та незабаромъ и померлы. Тилькы й памьяткы, що церкву почалы будуваты.

Все це переживавъ старый Мыронъ, за плугомъ ходячы; все це переболело ёго гаряче сердце, коло хазайства нудячысь. Зостався Мыронъ самъ соби, якъ палець. Якъ дубъ середь осичокъ въ лиси, такъ винъ середь писчаньской громады. Одытъ одынецемъ! И сынъ—ёго кривная дытына—цурався батькивського духу!! Сумне недоладне прыйшлося сичовикови волочыты жыття на старисть. И скризъ ворогы,—и ворогивъ не мае, бо люде попыдылы: вихто не хоче прямо мирятысь сылою! Всюды тыхо, хочь умырай! А ще козача вдача гучно одкыкалася въ старому серци; рука шукала потягтыся зъ ворогомъ. Такъ же й ворога, окримъ свого хатнёго не мае. Сумно и глухо!

— Пустіе, глухне нашъ край! Незабаромъ и записніе середь такой каламуты!—казавъ иноди Мыронъ, згадуючы давце.

И порядки яки теперь настали!? Що воно за порядки? Свій свого въ неволю правторить. Старшына козацтво въ нывець повернула. Уси земли посила. Не даромъ у писни спивають: «Ой дуки вы, дуки, позабыралы вы наши степы й луки!» А теперь на ныхъ чужымы рукамы роботызну справляють. Ой, не такъ колысь було въ насъ у Сичи—у нашому козацькому край! Уси ривни, уси вильни. Сёгодня ты атаманъ, а завтра—я! А земли—скильки хочъ. Оры, сій, де любищу місцину выберешъ. Сказано: воля... А теперь?.. теперь що?.. Скажить мени: до чого це йдется?! Ни! немає добра, немає,—та вже, мабуть, ёго николи й не буде!—додасть, якъ гвиздомъ прыбье, та й замовкне.

Люде слухають, похнюпывшись. Инчи—потылицю скребуть.

Трохы згодомъ, отдохавшы, Мыронъ знову росчынае. Зъ ляхамы-панамы мы былыся, рубалыся, вставалы якъ одынъ чоловікъ. Навищо? На те хйба, щобъ насъ нашою жъ старшыною побыто, у неволю повернено?! Це на те й вийшло: нашимъ саломъ та по нашій шкури! Ну, и носить ии, здорови, помы ще цила, помы не здеруть. А черезъ вищо все? Усе черезъ те, що коженъ самъ про себе дбае. Братове лыхо—чуже лыхо! Немае едносты,—чортъ мае й воли! А якъ бы гуртомъ забрали косы, та шарконулы всю кропыву. Отъ бы—такъ! Чого дывытысь? Косить, кажу! косить, а то гирше буде!

Отакъ не разъ не два выгукуюе було, распалывшысь, пьяненькый Мыронъ своимъ сусидамъ, якъ посходяться де на гулянку, пидъ неділю, або пидъ свято. Писчане слухають, миркують. Де хто зъ давнишыхъ хлиборобивъ и заспорить зъ Мырономъ: якъ и въ старыну добра та ладу не було, а булы тилькы бучи, колотнеча та сваволя.

— Що мы тоди одъ ляшни та татарвы наругы прыняли! Що мы терпили видъ турка, та видъ москаля! Та часомъ и свій братъ запорожець, якъ було вберется въ хату, то й ладаномъ не выкурышъ. Розоръ бувъ.

— А теперь? а теперь??—крычыть Мыронъ.

— А теперь—що? Теперь, спасыби Богови хочъ тыхо. У насъ и хлибъ йе, и скотынка прыбувае, и захысть безпешный... Жывемо, якъ и люде.

— Жывете?—крычыть Мыронъ.—Ныдіете, а не жывете. Та постойте, постойте, трохы! Буде й вамъ те, що Ведмидивцямъ! Попомнуть и вамъ боки, якъ Подильцямъ! Тоди знатымете: чы жывете, чы ни! Побачыте. Выдно вже—видкиль витерь віе.—Поки хвалько нахвалытсья—будько набудетсья!

— Бевзни! никчемныкы! пеньки головати!!—закрычыть на остатку Мыронъ, та й затыхне. Ти, що недавно выселылысь зъ видкиль-небудь до вильныхъ Писокъ, потягнуть руку за Мырономъ. Почнуть на вси боки костыты теперешни порядкы, а найбильше панивъ. Стануть розсказуваты, якъ у Гетманському не тилькы панъ полковникъ надъ людьми знуцаетсья, а якъ пани полковныця черевыкамы зубы и очи выбывала; якъ по цілому тыжню въ колодкахъ морыла сердешныхъ дивчатъ; якъ имъ косы ризала, голову дѣгтемъ мазала и пирямъ натыкала; якъ нихто ни женывсья, ни замижъ не йшовъ, не заплаытывшы куныци.

— То воно и правду каже дядько Мыронъ,—процидыть хто-небудь кризь зубы,—воно бъ то и выкосыты, та никому!

Мыронъ сыдыть, насупывшы бровы, червоный, якъ жаръ,—мовчыть. Выдно тилькы, якъ у ёго груди то пидіймаются, то опускаются, та якъ иноди, зъ пидъ густывъ бривъ, блискае блискавка.

Отакъ посперечаются, покрычатъ; одни поблагословлять, други прокълнуть тодишни порядкы, та й розійдутсья. А на завтра—и ти и други зноу за що-денну хлиборобську працю.—Хто такы насъ займе? Вже колы за гетьманивъ не ганялы, то теперь байдуже! И порплытсья коженъ соби у господи, якъ курка на гнизди. Вымощуе, пидмощуе, смыче, обсмыкуе, курчатъ высыжуе. Ростуть Пискы—и багатіють. Не вяды годы—дывысь: ни видсылъ, ни видтиль, та й вырветсья який захожый: або зъ Новои Сичи, зъ-пидъ турка (бо тамъ вира турецька земля бусурманська) або зъ-за Днипра, видъ ляхивъ,—та все на вильни степы, все на вильни степы.

Зопне куринь, выкопае землянку, визьме жинку, та й ажыве тыхымъ хлиборобомъ. Глянь: землянка по землянци, мазанка по мазанци— зъ невеличкыхъ хуторцивъ, набралося хатокъ циле село, зъ улыцями, зъ городамы, зъ садкамы, зъ левадамы! Спасыби запорожцямъ и церковъ своя. Не треба вже до чужого попа иты ни дытыны хрестыты, ни шлюбъ браты.

Уже Ивасеви за двадцять рокивъ мынуло. Парубокъ литній,—часъ бы вже й про жинку подуматы. Также батько не хоче про невестку и слухаты. «Молодый ще»—було каже. У сына вже усы позакручувалысь, а Мыронъ, абы згадалы про невестку, каже: «Ще молоко не обсохло коло губивъ»! Усе ще, мовъ чогось дождавъ старый: не раивъ сынови женытысь. Тилькы тоди вже, якъ почувъ Мыронъ, що зруйновалы Очакивъ, кльгнувъ Марыну (сынови старый сичовыкъ соромывся про це нагадуваты), та й каже:

— Ничого вже теперъ дожыдаты. Годи! Не такъ уже поцвило все—хлиборобськымъ ледарствомъ прыпало. Не козакуваты ни намъ, ни дитямъ нашымъ. Не треба насъ!! Мынулося козаچه царство, настало хлиборобське господарство. Пора и сынови хазяиномъ статы. Часъ ёму пошукаты дружныны,—свое кубло звесты!

А маты давно вже й дивчыну наглядяла. У заможнёго козака Кабанця була однимъ одна дочка Мотря. Уродлива, моторпа дивчына; працёвыта й невсыпуца хазяйка. Маты сынови: такъ, и такъ—оте й те казавъ батько. У Ивася ажъ усмихъ пробигъ по лыцю.—Рае маты сынови Мотрю. А въ сына давно вже серце тупається, якъ де зострипется зъ Мотрею.

Порадылысь отакъ; поблагословывъ батько зъ матирью свитымъ хлибомъ Ивана; важко здыхнувъ старый; маты заплакала— и вырядылы старостивъ до Кабанця. Кабанецъ добре знавъ старого Мырона, знавъ Марыну й ридъ Марынынъ. Все люде роботящи; не волоцюгы, не пьяныци. Чого ще?

— Якъ знаешъ, дочко!—каже Мотри.

А Мотря стоить коло печи, та въ запичку колушае. Почервонила, розгорилася,—ще краща стала, ніжъ була.

— Якъ маты скажуть,—одмовляе батькови.

— А що, стара? важе Кабанецъ свой жинци:—кажы ще ты!

— Та що жъ мени казаты? Марына—жинка добра; Мыронъ трошкы крутенькый. Та хйба жъ ій зъ Мырономъ жыты?.. А Иванъ парубокъ—хочъ куды!

— Ну, то й будьмо сватамы!—одказавъ Кабанецъ старостаь.

Повязалы молодымъ руки, поблагословылы ихъ святымъ хлибомъ зъ силью. Вернувся Иванъ зъ велькою радистью: прынеслы старосты обминеный хлибъ въ батькову хату. Черезъ два тыжни повинчалы молодыхъ.

Зажывъ Иванъ Гудзь зъ своею молодою дружиною тыхо та мырно, любязно, спокойнымъ хлиборобьскымъ жыттямъ. Землю оре, добро складае. Мотря порядкуе зъ тещею въ хати. Жывутъ,—якъ медъ пьютъ. А тутъ уже й диткы пустылыся. Породыла Мотря за тры роки трэхъ сынивъ, якъ соколивъ. Йе баби на старисть утиха й забавка! А хлопьята справди вдалыся—нивроку: одынь Максимъ, другый Васыль, а третій Омелько—здорови, червоношоки, повни! Радило серце батькове та матерыне, на ихъ дывлячыся, радила и стара Марына, гойдаючы онукивъ. Одынь тилькы Мыронъ на все чогось понуро дывывся. Одначе й винъ частенько садовывъ на колина до себе старшенького онука, Максима, —и покы дытына забавлялася ёго здоровенными сывымы вусамы, виць ёму розказувавъ гризни прыповисты про давни чвары.

Прыйшылыся цикавому хлопцеву до вподобы дидови переказы, страшни, а иноди й смишни, полюбылыся ёму дидови вычыты—розумни. правдыви, добри. И Максимъ полюбывъ старого дида бильше батька та матери. Уподобавъ и дидъ свого розумного й моторного онука. На крайнимъ порози жыття отдавъ старый свое литамы та негодамы побыте серце малій дытыни. Старисть побраталася зъ малистю; малисть прылышла до старосты. Жылы однимъ жыттямъ; тишылыся однією втихою; сумовалы од-

нымъ сумомъ. Старый сячовыкъ натхнувъ свою душу въ молодисеньку душу онука.

II.

Писки въ неволи.

Та не довго прыйшлося Мыронови втишатысь своимъ малымъ онукомъ, не довго й онукови дослухатысь до дидовыхъ переказивъ! Жыття круто повернуло своимъ важкымъ колесомъ— та й закрутыло Писки въ неволю!

Йихала недоля до ляхивъ у гости, та завернула у Писки. Пронеслася, якъ гримъ грянувъ, чутка: писчань оддалы генералови! Пидь той саме часъ ляхы закуёвдылись. Затипалось розшматоване тило Речи Посполитой, якъ типається индыкъ писля того, якъ голова одрубана. Якъ не рвався, якъ не кыдався гарачый Костюшко, щобъ розбудыты чоловичу душу въ панському тили,—ничого не вдявъ. Винъ проклявъ тоди вельможне шляхетство, що довело отчynu до смерты, натыкався зъ горя на свою смерть, швергонувъ геть видъ себе, якъ бильше непотрибну, гостру шаблю—и закрывавъ не своимъ голосомъ: «Капутъ Польци»!.. Одгукнувся той крыкъ далеко, далеко—ажъ у самыхъ Пискахъ. Досталыся Писки панови Польському.

Що жъ то за панъ? Кто винъ? де винъ узався?

Кажуть бы то, що то бувъ небагатый шляхтычъ—зъ тией «голопузои шляхты», котра въ Польци за панування магнативъ, кышила по ихъ дворахъ, пыла ихъ меды, вына, оковыту, йила хлибъ, надбаный «хлопствомъ», танцювала пидь панську музыку, выбирала вельможного магната—свого патрона—въ урядъ, у сеймови послы, йиздыла зъ нымъ по сеймыкахъ та сеймахъ, крычала, колы хотивъ ии владыка, «згода!» а пидь часъ готова була за своего хлибодара вытягаты зъ пыховъ гостри шабли—и розливаты братерську кровь. Гультяи, свавольныкы, дармойиды, воны иноди зражувалы пана, перебигалы до другого, котрый бильше выкочувавъ имъ пьяного трунку, котрый роскыдавъ имъ зароблени хлопськымы

рукамы, гроши... Магнать лютыся, розсупонювавъ свою калытку, кыдавъ пьяній зграи золоти червинци, переманювавъ нымы щырыхъ прыслужныкывъ видъ третёго магната, заводывся зъ тымъ, що переманывъ ёго слугъ, бажавъ помстытыся, и знову розливалася, шумила ричка братерської крови. Та такъ не разъ, не два.—таке жыття тяглося цили вики шляхетського панування, ажъ погы Польша впала, роспатана рукамы свого безпутного вельможного шляхетства. Магнатамъ же—байдуже! У нихъ було земли немирано: булы хуторы, села, навить цили города—не десятки, а сотни тысячъ людю, зъ здоровымы до працы рукамы, котри, наче самъ Богъ, розгнивавшысь, прысудывъ трудыты на одного вельможного дармойида. Магнатамъ було—байдуже! За те урвалася нитка «голопузымъ». То було въ пана въ двори—и сытый винъ, и пьяный; а теперь—не треба вже панови конныци, пикинеривъ, жовнирства: винъ теперь роскошуе въ Парыжи, въ Рыми, въ Бадени. Що жъ було робыты тымъ голоднымъ ротамъ, котри прызвычаени до гулянокъ, до сваволи, а не до працы? Чымъ ёго й де ёго годуватыся и обуватыся? «Голопузи» сыпнулы по всихъ усюдахъ. Поробылысь окономамы, управытелями, поссесорамы невеличкихъ маеткывъ, а де-яки побралысь на службу до сыльного колысь ворога, а теперь владыкы—москаля! Подрыбзавъ пихтурою и панъ Польскый зъ быстрои Стыри ажъ до самои холодной Невы. Зализъ у якыйсь полкъ, терся по переднихъ у вельможъ, погы такы дотерся до генерала и до Писокъ!

Не вспилы писчане одуматысь, якъ прыйиздыть самъ вельможный у Пискы—та ще й не самъ, а зъ якымсь жыдкомъ—обтипанымъ, обсмыканымъ у довгополому, заложеному балахони, въ ярмульци на голови, въ патынкахъ на ногахъ. Кто зъ роду не бачывъ жыда, не знавъ на кого бильше дывытыся: чы на генерала, чы на ёго жыда, що ходывъ за нымъ слидомъ—мовъ прыщытый до генеральскыхъ хвостыкывъ.

Генераль прочумавъ писчанъ першый!

— Теперь уже вы не козаки,—сказавъ винъ, зибравшы громаду,—годи вамъ гайдамацтво плодыты! Теперь вы мои. За мои щыри послугы, сама царыця пожаловала мени Пискы.

— Якъ це? що це? зъ якои це речи??—загула громада, якъ передь бурею. Мыронъ одризнявся одъ громадянъ. Выступывъ зъ лавы, пидійшовъ до генерала.

— То це, каже, такъ?! Це вже и до насъ руки простягаєте? Уже й на вильни степы пора? Помагай-би! А хиба тамъ забулы, який уговоръ малы? га? забулы??—Генераль трохи подався назадъ и пыльно дывывся на Мырона; зъ-за генеральської спыны выглядала перелякана жывивська пыка, зъ пейсамы. Люде поторопили. Тыхо, ниhto ни пары зъ усть. Генераль чувъ, якъ типалось серце у Мырона.

А Мыронъ проказавъ ото генералови, та до громадянъ:

— А що, люде добри? Не я вамъ казавъ? Не я вамъ про-рокувавъ? Отъ же радьте теперь!

Селяне, якъ жуку, загулы: «не дидже! До вику не дидже! Щобъ мы робылы? Щобъ мы ёму служылы? Не диджешъ, ляше!!»

Генераль не вытерпивъ.—Мовчаты!—закрывава винъ, ще й ногою тупнувъ. Жуку прытыхлы. Посунулысь назадъ трохи. Мырона не выдно.. Мыронъ пидъ шарпаныну десь дився.

А генераль, мовъ по команди, выкрыкуе.—Земля моя! и вы мои! и все мое!!

— Брехалы твого батька сыны, та й ты зъ нымы!—хтось ёму зъ середины.

Якъ хто прыскомъ кынувъ на вельможного! Пидскочывъ до лавы; зацидывъ по уху переднёго, той ажъ стовбура ставъ, закрывавъ на звощыка; пхнувъ у повозку жыда, що вже давно вертився коло повозкы; вскочывъ самъ—и тилькы курява встала.

Крайній пиддився, покректава, пиднява зъ земли шапку, почухавъ за вухомъ и обиззався до товариша:

— Оце такъ! Оце поздоровкався!!

— Чомъ ты ёму зубивъ не поличывъ?—загомонили кругомъ, зъ усихъ бокивъ.

— Эге, чомъ! Колы винъ—бисы ёго батькови,—не вздривъ звидкиля й выхопывся!

— Чому жъ ты ёго хочъ на повозку не пидсадывъ?—жар-туе хтось зъ середины.

— Тому, що за твоею спыною не сховався!—одказавъ зъ серцемъ крайній.

— За те жъ винъ тебе и охрестывъ, що ты напередъ лизешъ?!

— Охрестывъ!! о-го-го... го-о, го-о!.. То справди охрестывъ!!—регоче громада.

Зъ того часу крайнёго прозвали Хрещеныкомъ: Хрещеныкъ, та й Хрещеныкъ.

— Та буде вамъ! годи!—гукнувъ чоловикъ зъ чорнымы вусамы, а зъ сывою головою. Знайшлы, ксли реготатыся! Кажить краще: що робыты?—Регить стыхъ. Громада загомонила:

— Та мы й до Кыва, мы й у столыцю, мы до самой цырыци! Що це за напастъ? Де ця проява вырескалась?

Прыходять до Мырона радытысь: що робыты? якъ бы краще?

— Чы не пойихалы бъ вы, Мыроне, въ столыцю розвидаты? Що це за прычепа така звидтиля вырвалась? Чы не перепросылы бъ тамъ кого?

— Щобъ я йиздывъ? Щобъ я просывъ??—закрычавъ Мыронъ не своимъ голосомъ.—Та краще я всю сямью свою пидъ турка выведу! Легше въ бусурманскій земли зогныты, нижъ у себе дома въ панскій неволи пропасть.

Громада пинла видъ Мырона ни зъ чымъ, миркуючы та сумуючы.

Зажурывся й старый сичовыкъ. Не йистъ, не спыть...—

«Сынъ, онука, своя кровь, свое дило, свое добро, земля, худоба, все, все въ неволи»!.. Такъ шептавъ старый, по двору ходячы. Не знае, де мисце знайти! Колы це одного вечора, пропавъ старый... Немае ночуваты; не прыходыть вранци; не йде обидаты; не вертае и на вечиръ. «Де винъ? де старый сичовыкъ Мыронъ Гудзь? Чы не бачылы? чы не чулы?» Нихто не чувъ, не бачывъ.—Переходыть день, мынае другой,

третій—якъ кризь землю провалывся! Марына плаче. Сынъ сумуе. Невистка якъ зъ хреста знята. Диты й ти прытыхлы, мовъ ихъ и въ хати немае.

А генераль тымъ часомъ не сыдыть, зложывшы руки, не дожыдае, поky пищанська громада самохитъ пидставыть пидъ ярмо шыю: «Оры, мовъ, вельможный пане!» Генераль знае, що вола треба добре прызвычайты, щобъ, колы скажешъ «шыи!»—винъ шыю пидставывъ. А поky то винъ обходытся,—треба ёго сылою неволыты. Генераль свое робыть.

То немочный дбае за сылу, а генералови—що? Покотывъ у Гетманське; розказавъ, який «бунть» пидняли писчане; якъ неуважно прыняли цырыцыну мылость; обизвавъ усихъ за це быдломъ, гадокамы,—нехъ ихъ дзяблы визмутъ! А на другой день знову прыйхавъ у Пискы,—та тилькы вже не вдохъ зъ жыдомъ. Ще ледви зоря займалася, въ Пискы вступала москаливъ рота. Налетела Москва на Пискы, якъ сарана на зелене поле,—та й кынулася усе жерты, все трошчыты.

Писчане такого не сподивалыся. Поторопили,—сами не знали, що початы. Повыходылы зъ хатъ; збылысь у купу, якъ отара пидъ доць, коло церкви; послалы за батюшкою, щобъ одправывъ молебень. Батюшка побоявся,—не пишовъ. Трохы по троху писчане закрычалы, загвалтувалы, що воны ляшкови до вику не покорятыся, що видъ ляхивъ диды та батькы ихъ тикалы сюды на слободы, а теперь ляшкывъ сюды насылають пануваты! Може бъ ще довго гвалтувалы, колыбъ прыкладамы ротивъ имъ не зацпыло...

Порозганялы ихъ по домивкахъ. Якъ схарапужена отара,—кынулысь воны въ ростичъ, хто куды. Де-хто въ други села; инчи въ лисы та болота; а де-яки ажъ на пичъ позалазылы. Такий сумъ наче на село божа кара впала, або татарва найшла. На двори бильше жинокъ выдно; а чоловикоы, яки булы дома, боялыся зъ хаты й носа выткнуты. Коженъ сыдивъ,—якъ той кривъ у норы.

Такий переполохъ—генералови на руку ковинька. Винъ ходывъ зъ хаты въ хату—робывъ усёму своёму добру перепысь.

Лейба на пальчыкахъ тихо слидкувавъ за паномъ, якъ вирный собака за стрильцемъ. На ничъ пойдуть у Гетманське; а на ранокъ знову въ Пискахъ. Пыше, та й пыше.

Поки генераль перепысувавъ свое добро, справывся й Мыронъ.

Тыжнивъ тамъ черезъ два, чы що, вернувся винъ до-дому—засмаленый сонцемъ, увесь прыбытый пыломъ.

— Не журысь, сыну!—скрыкнувъ старый, увійшовшы въ хату, забувъ и поздоровкаться.

— Ось тобі—на! Поки свита сонця, козакомъ будешъ. А ти, що не слухалы мене, дурного,—хай теперь, якъ сами знають!—Та й виддавъ сынови до рукъ бумагу.

Мовъ сонце вступыло въ хату. Таки вси ради весели. И Мыронъ вернувся, и волю прынисъ. Теперь ихъ нихто не прысылуе ни панщыною, ни чыншемъ.

Якъ же довидалысь про бумагу писчане,—давай у-вечори, крадькома, до Мырона бигаты:

— А що? А якъ?

— А такъ—якъ бачыте!—каже Мыронъ.—Хто запысаный «въ компуть», той до вику вильный, и симья ёго, нащадкы ёго на выкы вильни; а хто не запысаный,—тому генераловымъ буты!

Якъ почулы таке писчане, батечкы! Щобъ ёго даты, якъ бы ёго зробыты, щобъ тилькы запысанымъ буты? Якъ такы: одного села люде, однаково жылы, вкupi хлибъ-силъ дилылы, вкupi робылы, а теперь: одни—вильни; други—невильни! Одни запысани въ якыйсь «компуть»; други запысани (не даромъ винъ пысавъ) за генераломъ! Хто жъ туды запысаный? хто сюды? Хто розбере? Беда та й годи!

Генераль розибравъ. Не дурно жъ винъ терся зъ мисяць у Гетманському—обывавъ у старшыны порогы; не даромъ своими ногамы обходывъ кожну хатку въ Пискахъ.

Що це за знакъ: то писчанъ розгонылы, а це вйть по селу бига—загадуе на завтра усимъ хазяинамъ до церкви зби-

ратысь? «Уже впьять якась новына!»—миркують писчане. А про те поскодылысь.

Рано ще. Сонце тилькы ще схопылося, та таке пекуче, сердите, мовь хто не давь ёму выпатысь. Ажь душно писчанамь. Стоять вони на цвынтари, гомонять. Колы трохы згодомь, на шляху щось закурыло, зателенькавь голосный дзвінокь. Серце въ кожного на хвылынку стало, а дали—дужче затипалось. Попрытыхалы вси; послалы очи на шляхь. «Тпру-у!»—кони спынылысь коло брамы. Громада заворушылась, затовпылась. Коженъ знавь, хто прыйхавь, и коженъ посувавсь впередь своїмы очыма побачыты.

Зь повозкы выскочывь генераль, якь слидь генералови: въ мундыри, въ палетахь, срибный поясъ зь кинцями стягувавь тонкий перехватъ. За генераломь вылизь зь повозкы якыйсь панокъ—нызенький, старенький, згорблений трохы; а за панкомъ—Лейба, генеральський жыдь. Москали выстроилысь недалеко за цвынтаремь на выгони. Генераль першь усёго пидійшовь до ныхь, поздоровкався. Дали—послалы Лейбу за батюшкою—молебень служыты. Батюшка,—якь зь земли вырись. Одправылы и молебень. Тоди старенький панокъ, що зь генераломь прыйхавь, давай писчанамь вычитуваты: за яки и за яки послугы «пожалувалы» ихь генералови,—та хто зь ныхь запысаний въ «козачий компуть», а хто въ генеральський «реестрь». Кожного хазяина вычитувавь та выкрыкувавь, и не помылывся! Козакывь—тилькы жменька; а генераловыхь—повнисеньки Пискы!

Якь пиднимуть тоди генералови баталію! Де той и страхъ дився?!

— Мы все, все покидаемо!.. до чыста все!.. грунты, и хаты, и худобу... пидемо шукаты иншого краю... кращой стороны, воли!!

Гвалть, лементъ такой—ажь у дзвынцы гуде.

Козаки тымъ часомъ стали одризнятысь. Повыходылы зь гурту, та й потяглы до-дому, жинкамъ хвалытысь, що ихь теперь ништо не займе, бо вони и диты ихь до выку вильни. Зо-

стались на цвынтари одни генералови. Довго вони гвалтували, кричали, що отъ заразь же такы все покыдають, та й пидуть. Генераль давай ихъ утишаты, що вони теперь ёму не потрибни—що винъ ихъ не буде насыльною роботою морыты,—на панщыну ганяты...

— Вы мени давайте отого й того, по скилькы тамъ, та платить чыншь за землю, а тамъ—жывить соби, якъ сами знаете. Мени зъ вами не жыты: мое мисце вь столыци. Що слидъ, отдавайте Лейби: винъ у мене на хазяйстви зостається.

— Служылемъ, ясневельможному пану,—увирвавъ Лейба, перегынаючысь,—зъ малыхъ лять и бенде служыць до коньца мего жиця.

— Вемъ, Лейбо, вемъ! ты естесь шляхетны жыдъ,—одказавъ генераль.

— Такъ прыстаєте?—обернувся до громады.

— Щобъ мы платылы за свою землю? Щобъ мы давалы? За вищо? Ни зроду вику!—закрычала громада.

— Якъ знаете. Колы не хочете платыты, я васъ пожену на панщыну. Даю вамъ день подуматы: що для васъ зручнше. Чуєте, пислязавтрего щобъ я знавь!

Та й пойихавъ соби. На цвынтари пиднявся гвалть ще бильшый.

Уси выкрыкували, що покыдають. За тымъ и розійшлыся.

И правда, де-яки, гарячиши,—душъ може зъ десять—позабыралы торбы на плечи, тай потяглы шукаты вильной стороны. А решта—зосталася. Куды ёго? якъ ёго? Воно бь то и пійты, пятамы накываты,—та якъ глянуть вони на свои хаткы, садочкамы закрашени, на свои засіяни поля, що зеленіють навкругы села; якъ згадають,—якъ биля ныхъ, мовъ биля дытны, свои руки ходылы; якъ здумають прощатысь зъ старымъ гниздомъ, де,—мовлявь,—и вылупывся и выгодувався, зрись и посывивъ,—зъ батькивьськымы могыламы... Шкода имъ стане ридной стороны; страшно невидомой, темной якъ ничь, будущыны... Та й зосталыся до слушного часу!

Прыйиздыть генераль.

— А що? якъ?

— Та мы вже вамъ, пане, дамо, що тамъ треба,—тільки не зачіпайте насъ!

— Добре, хлопци! добре! Такъ бы давно. Покирлыве телятко дви матки ссе. Отъ вамъ на могорычъ! Вынявъ золотого, подавъ крайнѣму.

Лейба крутився билия пана, не знавъ зъ якого боку пидступыты. Генераль помитывъ.

— Що тоби, Лейбо, треба?—пытае.

— Нехъ ясневельможны панъ бендзе ласкавъ,—жебы хлопи не едней кгуральни не будовали, ни тежъ жадной корчмы не трымалы!

— Та ще, слухайте—ось що. Щобъ нихто зъ васъ бильше ни горилкы не курывъ, ни шынкарувавъ! Вы моц—и шынокъ буде мій. Ось, вамъ Лейба и горилкы накурить.

Писчане почухалы потылыци. Вони догадалися, що це тилькы почалося—ось що!!!

Попрощався генераль зъ ными. Сидаючы въ визокъ, гукнувъ:—«Глядитъ, бережить мени Лейбу»!—Та тилькы писчане ёго бачылы.

Лейба зостався на хазяйствѣ. Черезъ мисяць прыкотыла въ Пискы велька-велька буда,—писчане зроду такои не бачылы, а въ тій буди—Лейбова жинка и жыденять зъ десятеро. Одно одного меньше. Генераль одибравъ Лейби на край села гуляще мисце; за лито зипьявъ Лейба на высокыхъ стовпахъ будынокъ—и ставъ шынкуваты. Пишло все по старому, та по давнѣму. Козакы й генералови жылы соби въ мыру, спокойно, тихо; оралы землю, засивалы, жалы, косылы, молотылы; збиралы добро, худобу; дитокъ плодылы—ридъ шырылы. Прыйшло въ Пискы ще килькы душъ захожыхъ, та й оселылысь мижъ селянамы. Генералови давалы Лейби,—чы то пакъ генералови—одсыпного трохы, платылы невеличкый чыншъ,—та сами соби й порядковалы якъ знали.

Звыклы писчане до Лейбы. Прывыкъ Лейба до писчанъ. Сталы вони до Лейбы въ шынокъ ходыты,—могорычу пыты. Ко-

зачи шынкы обмыналы, бо въ Лейбы горилка дешовша. Ставь Лейба нужный чоловикъ на сели!

И Лейба—нивроку! Зъ довгополого, засмалъцёваного демыкытонового балахону, убрався Лейба въ чорный ластыковый; и Сурка Лейбова ходыла не такую заяложеною, якъ прыйихала; и Лейбови диты—не таки мыршави та шолудыви. Йе въ Лейбы,—не звать де винъ и взявъ ии,—й коза зъ козыняткомъ; била Лейбовой коровы ходыть уже наймычка Гапка; завивъ Лейба и пару шкапокъ. Зажывъ Лейба зъ писчанамы, сказавъ бы, якъ у Хрыста за пазухою,—колы бъ Лейба въ Хрыста вирувавъ. А то Лейба—«невира», Лейбови предкы надъ Хрыстомъ знуцалысь. Було иноди за те Лейби, якъ пидопьютъ писчане! Та не такъ Лейби, якъ Лейбовымъ дитямъ. Не разъ гвалтувавъ Лейба, що хлопци ёго дитямъ повыривалы пейсыкы, понамазувалы саломъ губы, що,—абы не встрилы,—заразъ и насядутъ, якъ шулика курчатъ!

Та силькосъ! Пейсыкы знову одросталы; сало на губахъ обмывала Сурка,—жыденята рослы, гладчалы, стали ажъ вылыскуватысь, якъ сыти поросята, котрымы ихъ дражнылы хлопци. Гараздъ Лейби!

Не погано й писчанамъ. Пискы пиднялыся, розкоренылыся! Весело кыдалысь у вичи середъ широкополого степу цвитучи огороды, зъ вышневымы садочкамы. Чорни, понури землянкы часъ одъ часу все злазылы. Натомистъ, помижъ зеленою гущавыною колючыхъ грушъ, плакучыхъ вербъ, темно-зеленой вышныны, билилы чепурни мазанкы, зъ трёма викнамы, зъ пидведеною червоною глыною прызьбою, въ середини—зъ присинкамы, зъ хыжою, а часомъ и зъ кимнатою. И тыны скризъ калачыкомъ позаплитани, де-не-де и зъ остришкомъ; и ворота тамъ и тамъ дощани; а коло ворить, мовъ сторожа, выглядалы на шляхъ довгошны журавли.

Мыронови ничего того не довелосъ бачыты. Якъ косою, скосыла ёго думка про неволю. Захыривъ старый, згорбывся, скарлючывся, та й умеръ останній сичовыкъ безъ одного року ста лить.

Ш.

Наны Польськи.

Бида, кажуть, не сама ходыть, а зь дитками. Першый разъ вона затесалась у Писки зь генераломъ. А такъ—рокивъ, може, черезъ десятокъ,—якъ зь неба впала середь Пискивъ вѣстка, що генераль умеръ, и генеральша йиде зь сынамы на село жыты.

Писчане спершу не вирылы. Чого вона сюды прыйиде? Що вона тутъ забула? Чого тутъ не бачыла? Та тоди тилькы понялы виры, та й то ще не зовсимъ, якъ понайиздылы въ Писки бородати кацапы. Генеральша, першъ нижъ сама прыйихала, задалегидь понасылала зь батькивычны приказчыкивъ. Лейба тоди, одпасшысь на панському добри, пишовъ на пиднижный кормъ.

Понайиздылы нови приказчыкы, та заразъ кынулысь одбыраты мисце для панськихъ покоивъ. Дывылысь, обдывлялысь, мирялы, розмирялы,—та звелилы Блищенкови та Мотузци выселытысь ажъ на выгинь. Ти, якъ почулы—рукамы й ногамы! Та трохы не наложылы головамы.—Такъ вовы мусилы все свое добро покидыты, кынулы симью, та й змандрувалы.

Якъ побачылы такѣ писчане, та й зажурылыся. Встала передь ихъ очыма ихъ будуща доля—сумна, заплакана, безъ воли, безъ радости, зь батогомъ у рукахъ!

Дожыдаты страшного страшнѣйше, нижъ ёго пережываты. Що буде? Що завтра буде?—кожень думавъ, лягаючи спаты. А тымъ часомъ, на сѣгодні роботы було доволи; кацапы роскыдали Блыщенкову та Мотузчыну хату. На завтра заложылы натомистъ палаць. Десь понабувалы и дерева: такого понаверталы, що писчане ажъ жахалыся. На пиязавтрѣго загадалы чоловикамъ тее дерево обтисуваты. Забралы чоловикы сокыры,—пшлы обтисуваты. Незабаромъ и вродылысь, якъ зь земли вырослы, великы рублени палаты, ажъ у дванадцять горныць, зь лѣхамы пидъ нызомъ, зь бляшаною покривлею. Дывовалысь писчане, що така озія стоить середь села, а навругы ихъ—нызенькы хаточки.

А палаць справди выглядавъ далеко краще, ніжъ писчанська невельчка церковця.

Отже вони ще больше—не то здывувалыся, не то перелякалыся, якъ у вечери бородатый прыказчыкъ ходывъ видъ хаты до хаты—загадувавъ щобъ завтра жинкы булы той палаць мазаты.

— Ой, горенько! що жъ то тенерь буде?—пыталы кризь слёзы чоловикивъ жинкы.

— Не що,—треба иты, щобъ не було, бува, того, що Мотузци,—райлы чоловикы.

На завтра рано-рано, чуть зоря, жинкы, заливаючысь слизымы, прощалыся зъ диткамы, мовъ выходылы въ далеку дорогу—першыи разъ потяглы на панщыну. Швыдко той палаць и обмазаны. А кацапы, тымъ часомъ, будовалы кухни, коморы, сараи, станю. Не тилькы треба панамъ десь жыты,—треба десь челядь мистыты, провызію складаты, коней ставыты. Треба поспишаты, щобъ довгобородому Потаповычу превосходытельна й спасыби сказала!

Та й ганявся Потаповычъ за тымъ спасыби! Кыдався и сюды и туды; самъ бигавъ за тымъ и за другимъ; скрызъ устрявавъ; всюды вештався, прыдывлявся: надъ робитныкамы крючкою высивъ. Здаеця, писчане не дбалы такъ за своимъ добромъ, якъ Потаповычъ за генеральськымъ. Таке ёму смашне те генеральське спасыби!!

Ще генеральша въ дорози, а вже Потаповычъ цили Пискы зганяе: муштруе «хохликовъ», якъ треба «кгаспажу» зустричаты.

Ажъ ось—и сама прыйихала...

Збиглысь писчане,—козакы й генераловы—дывытысь на неи, мовъ на яке дыво. Кацапы порядкувалы. Козакывъ геть попроганылы. А генераловыхъ—чоловикывъ выстроили въ одну лаву, жинокъ—у другу; парубкывъ—у третю; дивчатъ—у четверту, а малыхъ дитокъ—у пяту. Сывыхъ дидивъ выслалы назустричъ зъ хлибомъ-силлю... «Ось, мовъ, вельможна,—усе твое добро

прыпадае»... Потаповыч такъ и вчывъ, шобъ сказаны:—«прыпадае до твоихъ превосходительныхъ нигъ»!

Выйшлы диды сыви безъ шапокъ, зъ хлибомъ-силлю... Такъ батыко та маты стричають молодыхъ, якъ ти вертаются зъ церкви. Генеральша за дорогу дуже втѣмылася;—сказала, що недужа, не прыняла ни хлиба, ни соли, навить не глянула на кумедію... Такъ и пишовъ набій задаромъ!—Писчане тильки побачылы свою «молоду» зъ заду—высоку, суху, якъ вялену тараню,—колы вона вылазыла зъ пышнаго рыдвану, та сунула въ горницы, злягаючы на руки двохъ хороше зодягненыхъ дивокъ...

Диты—два хлопчыкы: старшенькому литъ, може, дванадцять, а меньшому зъ десять,—повыскакувалы зъ матирью зъ рыдвану, та й побиглы мижъ народъ. Не глянули вѣны на дидивъ; мынули чоловикивъ, жинокъ, парубкивъ... Паньски оченята зразу забигалы по роскишному садочку ризныхъ квитокъ, що выглядалы зъ-за чорнявыхъ дивочыхъ голивъ...

Оглядившы дивчатъ, перебиглы вѣны до хлопьячои лавы. Хлопьята стоялы безъ шапокъ, зъ низенько пострыженымы головами, зъ невелычкымы оселедцями. Паньчы запыталы: що то, полапалы рученятамы, поскублы злегенька. Наризно одъ писчанъ, неподалеку, стоялы кацапы—у червоныхъ сорочкахъ, у шырокихъ бородахъ—и сміялыся зъ паньчывськой выгадки.

— Вишь, Афоня,—на што ефти хохлики!.. Знатна, баря, дері!.. А ну, вотъ таво хахлѣнка!

— Какова?—пыта старшенькый, поглядаючы то на хлопьятъ, то на кацапивъ.

— А вотъ таво,—чумазаво!

Паньчъ узявъ за оселедчыкъ чорноголового хлопця, що стоявъ зъ краю. Той, якъ яструбъ вырвався.

— Чого ты скубешся? Дывысь—якый!

— Ты, ты, и! Зарычалы на ёго бородати заступныкы, сципышы кулакы й зубы! Старенька, згорблена бабуся, повязана билою хусткою зъ намиткою, высунулась зъ-за другихъ жинокъ. Блида, якъ крейда, вона кризь слѣзы ледве промовыла:

— За ви-що жъ вы, паньченкы, знуцаетесь зъ хлопьятъ!.. А гришка!

Панычи весело зареготались, та й побиглы въ горныци.

Незабаромъ прыйшовъ прыказъ росходытысь: барыня зъ до-рогы спочываты хочуть! Лавы перемишались.. Потяглы писчане по домивкахъ, носы повисывшы, понесли неодраднi думкы въ похнюпленыхъ головахъ, невеселе **почуваннiя** въ серци. .

Доброго, кажуть, дожыдаты треба, а лыхе—само прыйде.— На другый же такы день прыйшла загадка—зносыты Омелькову и Стецькову хату, що прылягалы городамы до панського двору: нигде було садка заводыты.—Знесли хату Омелькову и Стецькову, насадылы садокъ, ставокъ выкопалы и рыбы напустылы.—Трохы згодомъ—улыця вузька. Треба росшырыты,—треба ври-заты людськихъ городивъ!—Уризалы й городивъ,—розчыстылы не вулицю, а майданъ...—Зновъ велено: позносыты насупроты па-лацу вси хаткы, бо за тымы кривобокымы хаткамы немає нiякого выду зъ панськихъ виконъ!—Позносылы й супротывни хаткы,—насадымы передъ дворомъ высокыхъ та тонкыхъ тополь...

Отакъ що день—усе новый та й новый прыказъ, нова та й нова выгадка. Що для каминець по каминчыку выбывалы зъ людської воли. Коженъ часъ вкорочувався урывокъ, на якимъ булы писчане привязаны до генеральши,—поки не вкоротылы такъ, що вже можна було безпешно за чуба браты!..

Писчане довго не подавалыся, а все такы генеральской сылы не подужалы. Тоди вони кынулысь до того, до чого кы-дается немочный. Вони наляглы на ноги,—давай тикаты! Зни-мется оце чоловикъ майне на вильни степы Катерынославськи або Херсонськи, або й на Динь; оселытся, де знае; а черезъ рикъ жинку зъ диткамы выкраде—переведе туды. Багато тоди накывало пятамы и одынокыхъ и цылымы симьямы... Тоди я по-говирку зложылы: мандривочка—наша титочка! Таки що-денни, безперестанни мандры дуже ображалы генеральшыне серце. Вона всимъ и усюды жалылася на невдячність «хахлацкова мужичья», на ёго грубу, звирячу натуру. Де жъ пакъ? Прокляти «хахлы», гречкосiя, не хотылы ораты ланывъ мылостывой велыкородной, панiи Польської, по батюшци—Дюрыгыной!! У неи, въ Бородаеви, все народъ «руськый»—и той слухавъ; а ци «мазепы»—тикалы!!!

Отъ-же якъ не мандрували «мазепы», а все такы бильше сотни симей zostалося на розвидъ панамъ Польськымъ, на послугу ихъ примхамъ та выгадывымъ примусамъ. Генеральскый приказъ, зъ нагайкою въ рукахъ, зробывъ доладу свое дило. Винъ розимьявъ звирячу натуру; оббилювавъ іи, якъ овечку; причесавъ, прыгладывъ; натворывъ цилу ватагу дворни; а зъ завзятыхъ степовыкивъ поробывъ покирныхъ воливъ, котри вдовшъ и поперекъ переорювали теперъ уже панське нывья, та засивали зерномъ—на прыбутокъ панській кышени...

А и не трохы жъ то треба, щобъ іи наповныты! Симейка въ генеральши,—абы госпóды! Зъ нею прыйихалы два сыны,—опецькувати, швыдки, якъ молошни телята. Черезъ рикъ сынивъ генеральша одвезла въ науку, а зъ науки вернулась старша дочка.

— Эй! Кто тамъ?—гукнула генеральша.

У порога, якъ стовпъ, стоявъ лакей, у чорному сертуци, у манышци зъ брыжамы, пры часахъ.

— Позвать Потапича!—приказала глухымъ голосомъ, зъ протягомъ.

Лакей выйшовъ. Незабаромъ Потаповычъ увійшовъ.

— Слушай, Потапичъ! Вѣрѣ Семеновиѣ нужна кгорнишную.

— Вѣстима, нужна,—прогувъ густымъ басомъ Потаповычъ.

— Выбери красивую дѣвушку.

— Какъ прикажете, ваше превосходительство!

— Молодую, лѣтъ этакъ—шестнадцати, только поскорѣ!

— Слушаю-сь.

— Завтра, что-ли.

— Слушаю-сь.

— Потаповычъ выйшовъ.

А вранци рано—Кырыло Очкуръ, зъ жинкою, зъ малымы диткамы, проводылы до двору, якъ до гробу, старшу дочку Ганну.—вродлыву, хорошу дывчыну.

— На другый рикъ прыйиздыть друга дочка; на третій—третя.

Хто жь буде вычисуваты ихъ, заплитаты ихъ довги, чорни косы? Хто стягатыме дивоцьки корсеты? Хто буде вышиваты спидныци, комърчыкы, рукавци? Не минула панського хлиба Омелькова дочка Олеса; ходыла за менчою барышнею невеличка дивчына,—сырота Уляна, дочка того самого Хрещеныка, що генераль, нехай царствуе, похрестывъ... Въ дивочій за пъяльцями сидила Стеха, Маруся: ткала кылымы Гапка.—На другимъ кинци палацу, у лакейській, нудылы свитомъ безъ роботы Петро, Вареныкивъ сынъ, та Иванъ Шкляръ; а передь самою залою, на стильчыку, у ливреи зъ золотыми позументаы, Степанъ Пугачъ,—молодой, вродливый камердынеръ генеральши. А въ кухняхъ—скільки!! Треба подуматы,—чымъ ту юрбу голодныхъ ротивъ нагодуваты; треба жь ихъ и зодягты чымсь. А своя симья? Тры дочки—якъ голубочки!! Простому чоловікови треба розумомъ роскынуты, щобъ дочки скрыню прыдбаты. А що жь то за дума морочыла генеральшыну голову, щобъ надбаты ажъ трёмъ генеральскымъ дочкамъ? Та чы одна въ матери думка! Не держаты жь дочокъ на высадкы: треба и про зятывъ подуматы. Дивчата—не розсада, щобъ ихъ ховаты геть одъ свиту. Дивчатамъ треба свигу,—багато свигу. Треба, щобъ ихъ побачылы; треба, щобъ и воны бачылы. Треба, щобъ було чымъ згадаты молодой дивоцькый викъ! Заклекотавъ генеральський палаць. Музыка, ажъ струны рве,—грае; у викнахъ свитла—свитла: здалека здається—горыть у середыни палаць! Саме великый найиздь. Циле чорне подвиря каретаы, коляскаы та бричкаы заставлено; пидъ каретаы, позасвичувавши лихтари, грають кучери въ хвылькы, у трылысника, або въ джгута; у стани хрумають кони смашне степове сино.

А въ горныцяхъ гостей—нигде просунутысь! Найихалы зъ Гетьманського гусары; завернувъ старый Крывынський зъ цилою низкою старыхъ дочокъ; не забула й Шведчыха—и вона тутъ, зъ своею дочкою кралею; а коло неи вертытся сотныченко Саенко,—молодой, чорнявый, веселый, танцюрыстый; тутъ же и гетьманського колысь полковныка Кряжа сынъ Павло—похожае зъ сыномъ полковныка Кармазыномъ, що прыйхавъ на бенъкетъ

зъ молодую жинкою ажъ зъ самого Ромна. Не тилькы зъ Гетьманського, найиздылы иноди до генеральшы гости и зъ сусидняхъ повитивъ.

Генеральша — привитча хозяйка кожному скаже ласкаве слово; до одного обернется зъ усмихомъ, до другого — зъ повагою; кожному годыть; коло кожного ходыть. Гостямъ—прывилля! Кто въ карты грае; хто дывытся; инчи балакають то се, то те: тамъ зибралась купка—розказуе, яки теперь ледацюгы крепакы поробылыся; уверне й генеральша свое слово про своихъ мазепъ. А въ гостыниій—панійкы скреготять, якъ ти сорокы: безъ сорома кожного на зубахъ перетырають. У залу дверы рочынены: у нихъ натовпылась цила юрба тежъ паніёкъ,—ніякъ пройты. Пидмичаючи, хто коло якои дивчыны залыцяется, моторни цокотухы шепочуть одна другій свои думкы про любви, надіи—про шлюбы. А въ зали—розвернулысь танци на всь боки,—ажъ помистъ ходоромъ ходыть. Тилькы—круть та верть круть та верть! Гусары не даромъ найихалы.

— По танцяхъ—туды вже къ свиту, якъ прокрычатъ други пивни,—вечеря. Свитомъ тилькы розйизжаются.

Та такъ справляють не одни меныны (а и то жъ то чотыры разы на рикъ), справляють на риздво бенькетъ; бенькетують на масныци; на велькодныхъ святкахъ. Це вельки, прохани бенькеты. А такъ гости—не мынае дня, щобъ за столомъ не сыдило душъ тры або чотыры чужыхъ.

Весело, роскишно жыла генеральша. Не сумувалы й генеральски дочки,—бо николы було. Та й чого ёго журытыся панночци, молодій, не поганій, зъ велькородной симьи, та й не зъ порожними руками?

Правда, чы порожни въ генеральськихъ дочокъ руки, чы не порожни—про те сами воны николы не думалы, не гадалы. За нихъ думала маты, а справджувалы ихъ думку бородаевци, та писчане. Бородаевци привозылы ій по два разы на рикъ «оброky», а писчане, якъ ти воны, робылы на неи по чотыры дни въ тыждень,—та зносылы въ двиръ курей, гусей, яйця. Чому не гуляты!!

Гуло отакъ генеральске подвиря щось, мабуть, рокивъ зъ пять. У старшой дочки почалы вже въ куточкахъ коло очей складатысь ледве прымитни брыжыкы, похмурнишавъ трохы выдъ. Колы це—прыйихавъ здалека, ажъ зъ Бородаева, сусида—панокъ, та й оженився на старшій. Одгулялы весилля. Пискы зъ роду-вику не бачылы такого весилля! Палацъ ажъ ревивъ, стогнавъ. Почынь, кажуть, велькый чоловикъ. Якъ побачылы гусары, що зъ передь носа таке добро выплывае, та ще дужче зачастылы въ Пискы. Черезъ пивъ-року оддалы другу дочку—за старого гусарьского полковника. Осталася на утиху матери сама менча. Такъ же й утихы зъ ней—ніякой! Меньшой дочки генеральша не долиоблювала. Не разъ, було, грымае на ней, сварытсы, и зодягала їи биднице, нижъ старшыхъ. Розказувалы, що менча дочка прогнивала матирь: у себе въ хати разъ переховала горнычну Уляну, котра—капосна дивчына—тильки те й робыла, що сердыла генеральшу. Скаже грубо; гляне якось дуже вильно;—мовъ дывытсы въ вичи свой ривни. «Яка сама,—така въ тебе й горнышна!»—докоряе було, розгнивавшысь на дочку, генеральша. А дочка—на лыхо соби—гаряча вдалася: николы було не змовчыть. Пиде въ ныхъ спирка та змашка. Не разъ материне сердце щымило видъ їи гиркого слова.

Якъ на тежъ: устрявъ за менчою дочкою «чумазый хахоль»,—отой самый хорощый сотныченко Саенко. Устрявъ, та й устрявъ.

— Слушай, Дуня, чого винъ до насъ йиздыть? я вже сёгодня ёму руки не подала,—каже разъ маты, вырядившы Саенка.

— Незвычайно зробылы. Саенко—чоловикъ, якъ слидъ.

— Хто—чумазый хахоль?!

— То що, що хахоль, доказуе дочка:—хиба хахлы не люде?

— Мазепы! облываньци, а не люде!

— Та хто тамъ бувъ: чы ёго купалы, чы облывалы,—заступається дочка.

— Гляды—справди: чы ты бува не вляпалась у того жучка, що такъ заступаешся?

— А хочъ бы й такъ. Чымъ не чоловикъ?

— Що це зъ тобою?! чы винь тоби ривня? Твого батька сама цариця витала, прыймала, Пискамы жалувала! А винь—що? Може, ёго батько въ гайдамакахъ бувъ. Харцыза! дигтярь!! П-ху-у!

— Яке мени дило до ёго батька,—одказувала дочка, вже йдучы до себе въ хатыну.

Черезъ день Саенко знову въ Пискахъ.

«И стыда и сорома не мае, и чёсты! Я ёму спыну показую, а винь що-дня. Сказано:—зъ хама не буде пана!»—каже розгнивана генеральша.

Отже хамъ такы свого дойиздывся. Разъ дочка призналась матери, шо вона хама покохала, а хамъ ии покохавъ, и обое разомъ просяты у матери «благословенія».

— Зъ кымъ? зъ кымъ?—закрычала генеральша, мовъ хто шыломъ шпыгонувъ ии.—Зъ дигтяремъ?! Та рука бь мени одсохла!

— Ну, якъ знаете. Не хочете,—мы й такъ поберемося. Богъ зъ вами: вы не моя маты, я—не ваша дочка!

Якъ почула таке генеральша, якъ залъется слёзамы!

— Чы я жь гадала, чы я дожыдала, щобъ моя ридна дытына такъ мое сердце вразыла?!

Щось зъ мисяць шла баталія. А дали—бачыть генеральша, шо дочки не переможешъ,—ще, не дай господы, всёму роду наробыть сорому,—взяла та й поблагословила.

Весилля не справлялы: генеральша нездужала.

Повизъ Саенко свою молодую жинку до себе въ Кытайку,—та не повизъ посагу...

Зосталася генеральша сама соби на хазяйствы. Недавно була симья велика, було такъ весело, гарно; а теперь—никому ни розважыты, ни розигнаты суму. Старша дочка—десь далеко въ Московщыни; середня—тягається по всихъ усядахъ за полкомъ, а менча хочъ и недалеко, такъ же краще ии не бачыты! Не такъ ии, якъ ии «мазепы», безъ котрого вона ступня не ступыть. Генеральша до вику не простыла дигтяреви того, якъ, винь осмильвся знева-

жыты «честь» іі старыннаго роду, — побратысь зь іі дочкою! Довелоя генеральши на старости лить самотою свитомъ нудыты. А и старисть же іі вподобала! То була суха; а то ще дужче высохла; аж згорбылась, аж мовь поныжчала; голова—сывымъ срибломъ блыщала.

Будынокъ великый, — а никого нема! Идешь на однимъ конци— на другимъ ступни одгукуются. Ажъ сумъ бере! Обнявъ сумъ та нудьга и генеральшину голову. Видь суму й генеральськи головы не заховаются. Сама не знае вельможна—що робыты. Хочь бы чымъ трохы одвесты свою самотню душу, погриты одыноке сердце. Старе сердце завжде шукае,—де бь ёго погритыся, кому бь ёго посвितыты на прощанья своимъ погаслымъ свитомъ. Генеральша до людей давно охолола. Люде сами шукають тепла та свитла. Де свитло, тамъ и тепло. А теперь у старимъ сердци на макове зерно. Кому жь ёго оддаты?

Генеральша не довго задумувалась: взяла тай оддала ёго котамъ. Лакеи и горнышни скрызь ходылы по селу та зносылы въ горныци хвостатыхъ мышодавивъ. Генеральша выбрала, якыхъ сама знала. Завелось у палацу циле котяче царство: коты и кишкы, и кошенята. Для послугы царству, генеральша парошне взяла въ двирь безлитну вдову Мокрыну.

Мокрына за ными дывытсья. Мокрына ихъ завжде годуе, стеле имъ постиль. То воны за Мокрыною слидомъ. Иде якость разь Мокрына, а за нею кошенятко. Вона й не доглядила—прыдавила якость дверыма. Котятко запыщало. Генеральша якъ почувула,—наче ій пальця одрубалы! На другый день котятко здохло. Що жь,—такъ те Мокрыни и мынулося? Такъ ій те й подаруваты? Генеральша була не зь тыхъ, що посердятся та й забудуть. Не подарувала и Мокрыни котячою смерти. На другый день, Мокрына середь села, прылюдно, цилый день мазала панськи кухни зь окола, а на шыи въ Мокрыны за іи щыри послугы— на червоній стёжечци, телицалось здохле котенятко!!

То доставалось тоди не одній Мокрыни, и не за одни котенята. Було всямъ добре! Дочку, кажуть, дай, та й за дочкою

оддай. Повывадала генеральша дочокъ: за старшою далекий Бородаивъ оддала—никому «оброкивъ» теперь платыты; за середнёю уплылы ти «оброки», що наскладала давнище; тильки одна «мазепыха» не поживылася. А все жъ такы, що генеральша прыдбала, те й уплыло за дочкамы. Треба—значыть—знову складаты, свое убожество полататы. Писчане роблять тильки чотыри дни на тыждень. Щобъ уже имъ и пятый день робыты?! Загадалы пятый. Писчане послухалы: пишы на панщыну и пятый день, сподивалыся незабаромъ ще й шостого.

Шостый загаявся. Шостого генеральша не вспила накынуты

Черезъ цю Ульку жыття мени нема! Що не зробыть,—все не по-людскы; и що не скаже,—то збреше!

Такъ не врьды-годы жалылася генеральша своимъ сусидамъ на горнышну Уляну, що зъ малом дивчынкы, на панськимъ хлиби, выкохалась у справжню дивку—билолыцю, чорняву, зъ повнымы очыма, спивуху невсыпущу.

Любылы Уляну въ двори и за дворомъ, старе й мале. Любылы въ Уляни щыру душу, добре серце, а найбильше—веселу натуру. Кто кого покохае,—Уляна перша знае; зажурывся хто,—Уляна розважыть. Уляна не знае горя! Вона -справди николы не журылася; а може й журылася, та ништо того не знавъ, не бачывъ. Бачылы Уляну,—весела; чулы Уляну,—спивае; слухалы,—яки Уляна выгадки выгадуе, квиткы прышывае. Сказано: не журь-дивка! Одно тильки лышенько: немае генеральши жыття черезъ дивку Уляну! Не доспала превосходытельна: «Чы то можна заснуты за тѣю зипакою»? А Уляны цылый ранокъ и въ горныцяхъ не було: въ кухни людей смышыла, помы генеральша спыть.—Не дошыла Стеха прызначенои роботы—рукавчыкывъ,—Уляна вынна. Вона своимы реготамы та теревенямы не дае дивчатамъ дила робыты. Не швыдко прыбигъ лакей на генеральшынь клыкъ,—не де жъ винъ бувъ, якъ не щырывъ зъ Уляною зубы!! Сказано: не мае жыття генеральши черезъ ту Уляну!!

Одного дня,—чүе генеральша,—у дивочій тыхо. «Мабуть, уже кудысь майнула, побигайка!»—подумала генеральша, та й выйшла довидатысь. Уляны въ дивочій не було.

— Де Улька?—пытае дивчать.

— Пишла, кажуть, у кухню воды напытысь.

— Позвать!

Прыходыть Уляна.

— Де ты була?—заглядуючы въ вичи, пытае генеральша и на кожному слови прыдавленное. «Поганный знак!»—подумалы дивчата.

— Въ кухню ходыла, воды пыты,—одказуе Уляна.

— Хиба тутъ тоби воды немае?—показуе на грахвынь зъ водою.

— Це вже давня. Я ходыла свижою напытысь,—каже Уляна.

— Свижою? Брешешъ! Ты зъ бахурамы знюхалась. Ты зъ Стёпкою. Стёпка! Стёпка!—гукнула генеральша.

Черезъ увесь будынокъ, мовъ несамовытый, летивъ камердынеръ Стёпка. (Гемеральша вподобала Стёпку за те, що винъ моторный и красивый зъ себе. На велькдень одногу Стёпку пидпускала до руки похрыстосуватысь. Гапка-ткаля розказувала въ кухни, що очеvyдчкы бачыла, якъ генеральша гладыла Стёпку по пидбориддю своею сухою, костлявою рукою. Чы правду Гапка казала, чы выдумала,—нихто не скаже. Людямъ, а надто горнышнымъ, ротивъ не позавязуешъ).

— Ты де бувъ?—стрила Стёпку генеральша и прямо глянула ёму въ вичи.

— У лакейській.

— Брешешъ! Ты бувъ у кухни. Признавайся: бувъ у кухни?

— Бувъ, каже Стёпка.

— Бачъ, ии! бачъ! Не я жъ казала. Ажъ такъ и йе!! Такъ ты здумала барыню обдурюваты? Такъ ты злыгалась зъ лакеями? зъ Стёпкою?? Такъ ты въ моимъ генеральськимъ доми осмилылась бахуривъ позагодыты??! Постій же!

— Петре! Иване!

Лакеи, якъ опечени, одынь одного штовхаючы, кынулысь на генеральшынь крыкъ.

— Прынесить березкы!—сказала генеральша поважно, тыхо, мовь звелила хустку або воды податы,—тыльки очыма засвityла хыжо.

Лакеи побиглы назадъ. Дивчата ныжче попрыгывалысь до пъяльцивъ. У тій тыхій говирци имъ почувлася гризна буря. Усе прытыхло, прытаилося. Такъ затыхае чорна хмара передъ тымъ, якъ мае гримъ загуркотиты. У хати зробылось душно, важко, мовь стеля въ низъ опустылася и нагничувала дивчатамъ головы. Ни одна зъ ныхъ не ворушылася. Имъ страшно було подуматы: що—не дай боже, якъ стринутся ихъ, мутни видъ страху та жалю, очи зъ ии очима?! Вони боялысь глянуты и на Уляну, щобъ не скрыкнуты!

А Уляна стояла по одынь бикъ хаты, коло одныхъ дверей. Лыця на ній не знать! По другой бикъ хаты, коло другихъ дверей.—Стѣпка. Винъ якось смутно дыввися въ низъ, на помисть,—мовь забувъ: де винъ, що винъ,—забувъ и про генеральшу, и про Уляну: думавъ щось друге, свое. А посередъ хаты, мижъ двома вынуватымы, стояла генеральша. Выпрямылась—высока, суха, мура, ажъ зелена; а очи—якъ и у ии любымчыкывъ—вотивъ—жовти-жовти. Вона нымы гризно поведыла то на Стѣпку, то на Уляну.

Вернулыся лакеи, зъ пучкамы въ рукахъ.

— А нуте провчить ии, щобъ знала, якъ барыню обдурю...

— Панійко! голубонько!! — не дала договорыты Уляна — и кынулася въ ноги.

— Прочь!

— Не буду! Я не бачылася зъ Стѣпкою. Ой, не буду! Я не була въ кухни. Ра-ту-й-те! Я бигала до дядыны. Ой, ра-ту-й-те!! Ра-ту-й-те, хто въ Бога вируе!!!

Дивчата ще ныжче, до самого шывта, понагыналы головы.

На пъяльци закапалы слѣзы.

— Стѣпка—за двери.

На сылу пидвелы Уляну...

До Стёпки — якъ ёго лызь злызавъ. Що вже було Петрови та Иванови, що выпустылы Стёпку! Пропавь Стёпка, якъ у воду впавъ. Нема, та й нема, та й по сей день нема! Перетревожилась генеральша. Де Стёпка? Де винъ дився? Чого винъ утикъ? Чому винъ, дурный, не схотивъ обновыты старои на нову шкуру?! А все не черезъ кого, якъ черезъ неи, черезъ ту дивку Уляну! Сказано: не дасть Уляна генеральши вику дожыты! Знемоглася генеральша. У вечери спать лягла, тревожена, — не попрощалась навить и зъ котамы; у noci посылалы Дмитра кучера въ Гетьманське за ликаремъ; вранци верховый бигавъ у Кытайку до «мазепыхы»! Бида! А на третій день товстопузый Потаповычъ самъ пидтюпцемъ перъ до отця Юхыма, щобъ збиравъ «соборъ» — робыты маслосвятіе. Пособорувалы генеральшу въ обидню годыну, а на ранокъ и по души прозвонылы.

Дойихала такы іи дивка Уляна!

Не вспылы генеральшу поховаты, якъ прыйихавъ зъ полку старшый панычъ — теперь уже якыйсь тамъ поручыкъ, чы що. Тонкый, цыбатый, якъ журавель, зъ рыжуватымъ, шорсткымъ, якъ на ведмеди, волоссямъ, зъ велькымъ лобомъ, — хочъ кошеняты бый, зъ велькымы, розумнымы, сырымы очыма, зъ товстою, у нызь одвыслою, губою. Якъ вылыта маты!

Осився Васыль Семеновычъ на батькивськымъ добри. Першъ усёго звеливъ роспудыты котяче царство. Годи ёму роскошуваты! Старыхъ котивъ зъ кишкамы роздавалы писчанамъ мовъ гостыныци, одъ нового пана; а кошенятамы, якыхъ люде не бралы. велено въ ставку рыбу погодуваты. Сказано — зроблено. — Потимъ того одпустылы за двирь Петра лакея: панычеви буде одного Ивана. — Дивчатъ Васыль Семеновычъ не роспускавъ чомусь. Не ридко було самъ у дивочу зайде, жартуе зъ дивчатамы. Тымъ тилькы було и душу одводыть, що ходыть зъ рушныцею, та колы тамъ зъ дивчатамы побалакае. Наибильше ёму подобалась Уляна. Весела, спивуча, вона не давала журытысь молодому панычеви.

— Десь у тебе, Улинько, соловей въ голоси гнздо зывъ! — хвалыть Васыль Семеновычъ іи голось.

— А може — сыныця, — жартуе Уляна.

— Ты сама—сыныця!—одказуе панычъ и злегенька здавить іі за носа пальцями.

Уляна зачервоніе, якъ макова квитка.

Роскишь дивчатамъ за молодымъ паномъ. То було—страшно лышнёго слова сказаты, боялыся лышній ступень ступыты одъ загаданой роботы. А теперь—робота лежить, а дивчата свое справляють... Реготы, спивы—ажъ будынокъ розглягається! Уляна всимъ верховодыть. Панычеви за носа оддячыла: стала ёго за носа водыты... Що Уляна схоче.—панычъ не встоить!

Отакъ щось тяглося зъ пивроку. Колы це—одного вечера, вельть панычъ Иванови складаты, що нужнице въ чемоданы—завтра кудысь далеко йихаты.

Вранци рано, ще свитова заря тилькы займалася, пиднялась у палацу биганына. То збиралы въ чемоданы збижжя Василя Семеновыча. Покры встало сонце, усе було вже готове.

Прокынувся и Васыль Семеновычъ. Напывся чаю; поклыкавъ до себе дивку Уляну; сказавъ ій, що—може—винъ бильше не вернется; обцявъ за іі щыри послугы никола не забуты; дозволивъ ій покынуты палаць, жыты, де сама знае; давъ на нове хазяйство 50 карбованцивъ грошей; подарувавъ усе іі, яке мала, убрання; поцилувавъ навить на прощання въ лобъ, якъ цилюють мертвого друга, та й бувъ такый!

Выйшла Уляна одъ паныча зъ червонымы, заплаканымы очыма. Того жъ самого дня забрала вона, яки подарувавъ панычъ, манаткы; попрощалася зъ подругамы, котри іі зъ плачемъ провожалы ажъ до іі дядыны, де вона и оселылася. Черезъ мисяць—гулялы весилця. Уляна, йшла замижъ за Петра Вареныка—того самого колысь лакея, що нашывъ ій нову шкуру. А черезъ тры мисяци—пославъ богъ Петрови сына Ивана!

Покры все це діялось, Пискамы правывъ Потаповичъ. Ще никола Писчане не зазналы такого лыха, якъ тоді, колы нымы правыла мицна рука товстопузого Потаповыча. Не одному вона выправыла щелепы; не въ одного вылущыла зубы; не одній молодыци попидсынювала очи... Важкый бувъ на руку Потаповычъ, та дужый!

Черезъ рикъ вернувся Васыль Семеновычъ зъ молодую жинкою. Незабаромъ и братъ ёго, Степанъ, прыйихавъ— тежъ охвыцеръ, и тежъ зъ молодую жинкою. Взялы вони та й подилылы мижъ собою «писчанський ключъ». Одному—по сей бикъ Чортополоху; другому—по той бикъ. Вовча Долина, Байраки, Побыванка—досталыся менчому; а Писки, Гайдамакивка, та Красногорський хутиръ—старшому.

Писчанамъ спершу наче бъ то и поводы попустылы. Панъ навить, на новимъ хазяйствѣ, подарувавъ на симью по дню поля. За те, трохи згодомъ, прыкрутывъ ихъ такъ, що николы було й того поля ораты.

Потаповычъ ставъ уже негодный. Винъ выкупывся на волю и завивъ надъ Ромоданомъ трахтыръ. А молода барыня, замисть старого, выпысала зъ своего села нового прыказчыка—Карпа Дровыченка. Карпо—свій чоловікъ: а писчане ще й доси не можуть безъ проклѣнивъ згадаты Карпа.

— Уже Потаповычъ бувъ!— кажутъ писчане:—зубы тоби по-выбывае, очи поподсынуе, щелепы зверне, а все такы шкоды не зробить! А цей—иржа, а не чоловікъ! Уже якъ у кого встряне, якъ уйистся; точыть-точыть, покы такы наскрызъ не проточыть! Такъ ёго писчане и прозвалы Иржою. И справди—Иржа нато-чывъ и соби не трохи, й панови... Винъ пидбывъ Васыля Семеновыча на шостый день панщыны и поле назадъ одибравъ.

— Роспылысь, зовсимъ розледачылы! Зъ панщыны все такы не пиде въ шынокъ...

Писчане справди роспылысь, розледачылы. Забулы навить въ мандры бигаты. Якъ було хто втече, то це таке диво—на пивроку розмовы! Неволя, якъ той чадь, задурманыла людымъ головы. Уже вони и не сумувалы—наче такъ тому й треба! стали тилькы по шынкахъ кыснуты... Колы не на панщыни, то въ корчми. Иржа не одного вже кулавъ и въ березыни видъ запою, не помагае!

Зубожало село... Обшарпане, обтипане... Тилькы козачи хаткы и биліють...

Сталы прокыдатысь де-не-де и злодіячкы—новына въ Пискахъ! Перше колысь николаы ни въ кого и двери не запиралися; а теперъ—и на засови страшно. Доставалося иноди й панськымъ коморамъ...

Бачыть Васыль Семеновычъ, що въ Пискахъ не перелывкы,—що колы-небудь вберутся прокляти пьянюгы та й зъ душею не выпускають,—та сказавъ будоваты новый палацъ на Красногорськимъ хутори, та й перебрався туды жыты. Сталы тоди велычаты хутирь—Красногоркою.

Хто зъ гетьманцивъ не знае Красногоркы?? Хто не знае «Меккы», куды збиралось зъ цилого повиту пансьтво, якъ на Магометову могылу бусурмане зъ цилого свиту?.. Не въ одному Гетьманському знають Мекку, знають ии й по-за Гетьманськымъ... Та якъ же ии не знаты, колы тамъ живе такой чоловикъ, якъ Васыль Семеновычъ—голова зъ рода панивъ Польськыхъ?

А ридь же то роскоренився—велыкий та дужый! На новимъ хазайстви въ Васыля Семеновыча симейка, якъ кукиль, покотылася. Що року, та й дытынка. Шкода тилькы—всёго одынъ однимъ сынокъ за десять рокивъ, а то все дочкы—ажъ шість дочокъ.

Та вже жъ и сынокъ у Васыля Семеновыча,—сказано: якъ бы такой розумъ—батько, якъ дви капли воды. Такой зъ лица, такой зъ стану, така врода, така и натура. Батько, якъ бувъ ще хлопцемъ, любывъ лапаты за оселедчыкъ чумазого. Сынокъ, якъ зипьявся на ноги, любывъ и соби лапаты... А такъ якъ писчане вже оселедцивъ не носылы,—то й за мняке тило можно по-лапаты...

Васыль Семеновычъ—чоловикъ твердый на слово. Сказавъ Уляни—не забуду—и не забудь! Якъ пидрисъ ии Ивась, Васыль Семеновычъ звеливъ узаты ёго до паныча у горныци. Такъ же и ледащо Улянынъ сынъ, а Чищынъ батько... Ни роботы зъ ёго, ни послугы ниякой—одна шкода! Натерпився видъ ёго сынокъ Васыля Семеновыча, покы запекла душа не потягла въ мандры... Такъ молоденькый панычъ и не долапався: чы тверде, чы мняке

въ ней тило. Правда, незабаромъ кудысь и самого паныча од-
правылы вчытыся.

Не таки дочки въ Васыля Семеновича, якись цыганкы по-
давалыся! Зъ чорнымы очима, зъ довгымы, якъ кендюхы, но-
самы, зъ цыганськымъ кучерявымъ волоссямъ, а чорни жъ то
чорни, якъ у сажу вымазани! Нестеменно—плащувати цыганкы...
За те въ Степана Семеновича дочки—кожну хоть у рямця вправъ!
А проте и плащуватымъ, и въ рямцяхъ—треба женихивъ, ажъ
цільй десятокъ женихивъ!

Бажалы бъ паны Польськы повидаваты своихъ дочокъ за ба-
гатыривъ и зъ роду знатного... Такъ де жъ ты наберешъ стількы
багатыхъ та знатныхъ женихивъ? А въ Гетьманському—якъ на
те! всѣго тилькы тры значныхъ роды на цільй повитъ. Одынъ
ридь—Гетьманськый, никола не живъ у себе дома: въ столыци
родився, хрестився, вырись, тамъ и живъ.

Другый ридъ—багатый ридъ козачкы Шведыхы—Шведо-
выхъ бабы, що зумила провесты онукивъ зъ простого козачого
роду села Свынокъ, ажъ у самый дворець. А третій ридъ—Поль-
ськихъ.

Два коты въ однимъ мишку не помырятся. Не помыры-
лися и Шведовы зъ Польскымы. Васыль Семеновычъ хвастае
було, що ёго батько въ дворци бувъ, якъ свій чоловікъ; а Петро
Степановычъ Шведовъ самъ камергеръ, самъ покоштувавъ того
дыва: то, бывало, хоть ничего и не скаже на ти хвастоци,—
такъ же гляне скоса такъ, мовъ скаже: «А ты що, голубчыку?..»
Васыль Семеновычъ потупыть тилькы очи... Отакъ ни защо,
зъ-за панської пыхы, й ворогуваты стали. А воно бъ и гараздъ:
у Петра Степановыча—сыны, у Васыля Семеновыча—дочки...
Та-ба! Така ворожнеча пиднялась... крый, господы!

Лита идуть... Дочки ростуть, хочъ на базаръ выводъ! Хочъ
бы тоби хто на смихъ здумавъ у себе въ хати завесты плащу-
вату цыганку! А то жъ—никогисенько! Степана Семеновыча
дочки—дарма що молодчи—вже ёму и онукивъ подарувалы; а
цыганкы сыдятъ у батька, якъ пидъ шатромъ... Ничого робыты:
давай Васыль Семеновычъ заклькаты до себе не багатыхъ и не

велькородныхъ паньчивъ, абы тилькы зъ дворянського кодла;— давай на ныхъ накыдаты своихъ плащуватыхъ... Поробылысь зятямы Совынськи, Крывынськи, Березкы, Мытили... Скризь по цілому повиту позаводылысь хутори плащуватыхъ цыганъ. Дійшло до того, що и у Гетьманському й кругомъ Гетьманського паны—родычи та й родычи. Роскоренився и ридъ Саенкивъ— жиноче кодро панивъ Польськихъ—усе такы своя кровь. Усе то булы жывоты, котри прытьмомъ бажалы йсты й пыты,—ажъ роты пороззявлялы. То була здавна, ще за Гетьманщины, голодна, ненажерлива сарана, котра налетила зъ Польци на вильни степы роскишнои Украйны... Жерты, троцты—одна въ неи здавна думка... Звыкшы пидбыраты крыхты зъ панського столу, выльзуваты тарилкы пился смашныхъ панськихъ стравъ,—вона передала и нащадкамъ нахлибныцьки звычай, и страшенну жагу до всёго смашного... Своими руками вона ничого не заробляла,—бо шляхетськи руки здались на що инче—до гострой шабли, до легкой послугы чы королю, чы магнату... Нащадкы «голопузыхъ» усмокталы зъ матерынымъ молокомъ про це думку... Було ихъ у вйську сыла,—найбільше тамъ воны и починали свою службу. А вертаючысь до-дому,—бо вйськова служба, разъ, не легка, а въ друге—и не безпешна,—осидалысь на батькивськихъ грунтахъ—и роззявлялы роты... Хотилося йсты й пыты, и хороше походыты... Зъ чого жъ ёго? Де ёго взаты, щобъ своихъ панськихъ ручокъ не покаляты?

Отъ воны и поробылысь зятямы заможныхъ панивъ... Прямо сказаты: попродалысь, сподиваючысь за те нагороды.

Паны не выпускалы зъ дому своихъ дочокъ голыхъ и босыхъ. Та й тилькы жъ то, що манаткы давалы, та на пивсотни душъ на завидъ. Що ты зъ такою жменькою людей зробишь? Не прыйматыся жъ справди зятямъ панивъ Польськихъ самымъ за плуга:—дворянынови соромно було свои руки коло земли трудыты; не копатыся жъ у грядкахъ и дочкамъ велькихъ панивъ, котри за молоду ихъ кохалы въ багатствы, и роскошахъ... Що жъ ёго казаты?

Зъ половины двадцятыхъ по шестыдесяти роки бувъ у насъ золотый викъ панського панування. Паны не тилькы панували надъ хуторами та селамы, надъ родовыми и неродовыми маєтностями,—не тилькы переорювали шыроки и довги ланы селянамы та хуторянамы, иноди ихъ миняючы на довгоногихъ хортивъ,—панський духъ витавъ скризъ и всюды: и въ города, и въ повити, и въ губерніи. Усимъ и усюды заправлялы паны. Зъ панивъ выбиралы комысаривъ, потимъ того, зъ ныхъ перероблювалы капытанъ-справныкивъ, а дали—просто справныкивъ; панський выборный бувъ суддя и пидсудкы...

А головою цилого повиту бувавъ тежъ такы выборный дворянамы маршалъ, пизнише—предводитель дворянства... Сказано—якъ ѳе, цилый повитовый урядъ, окримъ казначея (скарбника), окружного, почмейстра, стряпчого («царевого ока!»), та становыхъ,—бувъ панський выборный... Лахва була!!

Тоди саме настало царювання и панивъ Польськихъ у Гетьманському. Худоба ростеклась на вси боки, по всѣму повиту. Дочки не прынесуть, а и що ѳе, то рознесуть. Увирвалы трохи добра и у Васыля Семеповыча,—та ни сами не забагатили,—тилькы ёго зубожылы. Що жъ ёго вбогымъ `робыты? Треба на щось жыты... Треба роздебуваты и добра—на поживу, й честы—для пиддержкы славного роду... Нигде дитысь: треба въ службу йты... Треба,—то й треба...

И пишлы!

Заверховодылы паны Польськи въ Гетьманському, якъ у себе на царстви. Васыль Семеновычъ—царѣкъ; ёго родычи—царськи слугы; а цилый повить, зъ панамы и мужыкамы—пиддани. Васыль Семеновычъ у себе и прыѣмы царськи уставывъ. Хто бъ зъ панивъ не прыйхавъ въ повить, кого бъ зъ чыновныкивъ не прыслано,—не йидь на свое добро, не прыймайся за свое дило, не поклонывшысь Красногорському владыци...

И всякъ йиздывъ, кланявся... А що вже й казаты въ установлени дни.. Йиздылы на Риздво; йиздылы поздоровляты «зъ новымъ рокомъ, зъ новымъ счастямъ, и зъ Васыллямъ», у четверь

на масныци тамъ оладкы йшлы; на другый день велькодня—паску... Коженъ знавъ, що въ ци дни ниде бильше не можно буты, якъ у Красногорци. Щобъ тамъ не було,—а буты треба! Жинка въ постилъ злягла, дытынка ледве дыше,—не можна: треба йхаты! На Риздво иноди таке мете, що и свита божого не видно, на масныци, або на велькодныхъ святкахъ така калюка, що ни пройты, ни пройхаты, иноди дощъ, якъ зъ видра лье... У Васыля Семеновыча день, треба буты!!

Цилый повитовый урядъ плився въ Мекку. Коженъ пидслужувався, пиддобрювався, запобигавъ ласкы, доброго слова, хочъ погляду прывитного... Кого було Васыль Семеновычъ «подаруе» ласкою,—той немовъ выросте... Други дывляться, завидують; вырись чоловікъ одъ одного слова! А на кого Васыль Семеновычъ гнивъ положить,—прямо, хочъ въ ополонку... И ти, що буты прыятелямы, одвертаются... За тежъ и правывъ панюга Гетьманськымъ, якъ своєю батькивщиною. Що було скаже,—такъ тому и буты. Якъ згадае,—такъ и станеться. Ёму тилькы одному годылы й службылы,— та ще хйба орандарю ёго, Лейби Оврамовычу—зятєви старого Лейбы, генеральського прыказчыка.

Та якъ же ёго и не службыты? Свой слугы, свой й прыслужныкы! Нехай бы хто сказавъ слово на-сторчъ,—тйлькы бь и мисце бачывъ! Пишло въ Гетьманському такъ, що нихто мисця не знаходывъ въ уряди, безъ воли Васыля Семеновыча...

Самъ—предводитель; родычи—урядныкы: справныкъ, судья, пидсудкы—все те зяти, родычи зятывъ, племинныкы. Якъ квочка курчатъ збирае пидъ крыла, такъ Васыль Семеновычъ прыбравъ до своихъ лапъ цилый повить... И все кругомъ мовчало, терпило, слухало й робыло на кореныстый ридъ панивъ Польськихъ, та все ныжче нагынало голову передъ ёго владыкою...

IV.

Махамедъ.

Писля смерти Мырона й Марыны, лыха доля, зачепывшы крайкомъ слизмы змоченого крыла жыття Иванове та Мотрыне,

майнула на инчи хаты зъ бильшымы недотачама, злыднямы— на крепацьки хаты поризненыхъ людей... Козачи кубла обгорнуло тыхе хлиборобське счастья. Насталы роки кохання въ поли та въ худоби, складання всякого прыбутку, тяжкой господарськой пращи дома й на поли,—та втиха диткамы,—кого благословывъ Господь...

Иванъ,—ще дытыною напямованый по хлиборобськй до-рози,—такъ ии й держався. Оравъ поле, сйавъ, жавъ, молотывъ, складавъ зерно—те на посивъ, те на пожыву, те на продажъ, або въ горлати ямы—на голодни годы. Мотря—жинка хорошого господарського роду,—тежъ допомагала Иванови въ ёго пращи.

Зъ весны Иванъ щодня въ поли—то оре, то засивае ярыною. Зъ-ранку пойиде, пизно въ вечери вертается. Такъ до са-мой паскы. Одсвяткують велыкдень,—косовыця. Тутъ уже й Мотри робота—грамадиння. Дали настають жныва. Циле лито, якъ муха въ окрощи, выкрутятся обое, рано встаючы, пизно лягаючы. Писля жнывъ, Иванови взовыця; дали—оранка на озымыцу; ще дали—сйба; а тамъ уже въ осинь молотиння заробленого хлиба. Мотри на осинь нибы легшае трохы: хатня робота—спочывокъ, а на двори—прыхваткомъ типае плоскинъ, або матирку; скрыпыть терлыця пидъ повиткою. А тамъ уже й зима—заметы наvertsае. Прыходить вона въ село страшною хуртовыною, пыводить за собою своихъ дитокъ,—хызы и охызы, та трискучи морозы. Люде ажъ перелякалыся. Давай маткы плесты; ну, запынаты викна й двери, щобъ не перся морозъ у хату. Одначе и зимою—не сидня, згорнувшы руки. Жинкамъ свое дило, чоловикамъ—тежъ свое. У хати—Мотря обидъ або вечерю варыть, дитей пантруе и годует; а въ вечери, пры каганци, пряде кужиль, або що голкою шые; на двори—ходыть коло коровы; напувае ии сытнымъ пйломъ, зъ высивками або мнякыною; рано й вечеръ—дойить. Иванъ—коло худобы порається: скотови и вивцямъ пидкладае въ ясла просяной або гречаной соломы, двичи на день до водопою гоныть, самъ вычыщае двичи на тыждень загороду. Нема роботы билия товару,—лаштуе пидъ повиткою що по-трибинише до весняной справы. А въ вечери—плете рукавыци,

бавытса зь диткамы,—шуткуе, учыць молатысь, спаты ихъ ложыць, або самъ лежыць на печи въ нызъ черевомъ—парытса. А въ неділю, або въ свято, Иванъ зь Мотрею пидуть до церкви; иноди, якъ не дуже холодно, позабырають и хлопцивъ зь собою. Прыйшовшы зь церкви, обидають ласише, ніжъ у будень; пisleя обиду—спочывокъ. Спочывшы трохы, колы годынка, пидуть воны куды небудь до сусидь у гостыну, або жъ у себе гостей прыймають. А въ вечери треба Иванови коло худибки поратысь,—треба и напуваты, на ничь паши пидкладаты; Мотри—вечерю варыты, дитокъ спаты класты.

Такъ—и зима мыне, на весну красне сонце заграе. И знову въ поле, та въ поле... знову торишня робота... знову торишни клопоты. Та такъ не одынь, не два рокы: такъ циле жыття, цилый викъ. Робышъ, щобъ було йисты; йисы, щобъ здужавъ роботы. Отака-то весела хлиборобська доля!...

Одже хто до неі прызвычаився, тому вона здаеця веселою и красною. Наши хуторы, села, а часомъ повитови города, обложывшысь родючымы полямы та ланамы, другоі доли не знають. А про те—жывуть цили довги-предовги вики, копаются въ сытній земли,—мовъ попрыросталы до неі. Яка земля, таки й люде. Вона сыта, й воны сыти; вона голодна—и воны рота пороззявлялы. Селянынъ безъ поля—старець безъ рукъ и безъ нигъ. Поле ёго годуе; поле ёго втишае; на поли винъ выростае; на поли часомъ и вмирае. Поле мовъ воздухъ: ничымъ бы дыхаты, якъ бы zostався безъ ёго!

Важка хлиборобська праця; а ще важче тому, хто и не знае, або не вподобае. Тымъ до неі ще змалечку прывчають селяне дитей, щобъ вона здавалася ни нудною, ни тяжкою. Диты на сели—помичъ. Абы зипьялось на ногы,—заразъ у поле: хай змалку прывыкае до свого побыту!

У такому побути бажалы Иванъ зь Мотрею своихъ дитокъ зростыты-выгодуваты. Пиднялысь трохы хлопци,—треба ихъ до дила прызвычаиты.—Отъ, и почалось завжденне, на першый разъ для дитей любе, прызвычаювання. Першъ усёго скотынку пасты, товару доглядаты. Тутъ не треба ни сылы, ни умилосты:

дивысь тилькы за худобою, пыльной свого легкого дила! Дали—поганяты. Гей, та добъ, та цабе!—отъ и вся невеличка наука погонуыча...

Хлопци до всёго того кыдались зъ горячымъ запаломъ, а найщырше брався Максимъ. Винъ цилу ничъ не буде спаты, абы ёму найранишь устаты, бративъ побудыты въ поле. За те жъ ёму найскорійше и надокучыло. Двичи, трычи зробывъ що,—уже ёму и не хочется,—уже ёму новынку подавай. Та ни заставыты, ни застрахаты! Таку неспокойну натуру выкохавъ старый дидь, на лыхо Иванови, й загартувавъ ии своими страшными переказамы про невмыруче завзяття, та своими сердытымы закыдамы про те, якъ теперь на свити сталося. Сичови оповисткы про запорозьку вдачу, про запорозьку волю западали въ горяче сердце онукове... Якъ у гнзидечку, такъ у Максимовимъ сердечку, выплодылась воля, про яку дидь переказувавъ; порывала хлопця до сваволи, до невпокою, кыдала одъ одного до другого, пекла ненавистю до всёго, що гнитыло або перечыло, не давало робыты, якъ намъ хочется. Жьвы картыны зъ позадавнёго-давна выступалы въ хлоппячій голови:—Максимови хотилось самому бытысь, рубатысь, розгардияшыты. Зъ кымъ же ёго?.. де ёго?!. Пишла ходоромъ думка за думкою.

Ось зъ-за села пиднялась страшенна кушпела. Выхоръ пидхопывъ ии высоко—и мчавъ прямо на село. Максимъ побачывъ—и згадавъ дидову оповистку про бойище зъ татарвою. То не кушпела кушнотыть, то татарва мчытся на нашыхъ!... Крыкъ, зыкъ, галась несется разомъ зъ кушпелою. «Стійте, братця!—крычыть отаманъ на нашыхъ. Вы, середни, ни зъ мисця, а вы, бокови—у обьйиздъ на Сокильни Байракы. Заляжете тамъ,—мовъ не жывы, а ни чычыркъ...—ажъ поky голосна гакивыныця не промовыть: «пора». Хлопци помчалысь, тилькы хвостамы кони машугъ. А крыкъ та галась все блыжче та блыжче. Ось уже и татарськый баша насампередъ йиде, зъ голою шаблею наблыжається. Наши схытнулысь,—дали татарамъ навздогинь. Крыкъ, галась, шарпанына. Ось блыснула блыскавыця, гуконула гакивыныця,—полетивъ татарськый баша зъ коня сторчака брытою макотырею...

«Бийте! . рубайте»... иде лементъ зъ краю до краю. Ажъ ось, и зъ боку курява мовъ чорна хмара, пиднялася: то наши зъ-пидъ Байракивъ поспишають на выручку. Летать—ажъ земля стогне. У Максима ажъ духъ захопыло: заграла горяча кровь, розбуджена такими думками,—Максымъ помчався и соби за лавою славныхъ лыцаривъ. Ажъ курява встае шляхомъ, ажъ идуть вяляскы одъ бою босыхъ нигъ по твердій земли. Отъ и майданъ. Максымъ, якъ кинь, басуе: то мовъ схарапудившысь, у бикъ шарахне; то, якъ молоде теля, пиде скокомъ та выбрыкомъ. Лясае батогомъ, свыстыть, гукае. Молодой крыкъ розглягається навкругы—и деренчыть по викнахъ генеральського будынку. Бачыть Максымъ—у воротяхъ заманячыла страшенна постать заводського бугая. Немовъ яке страховыще, зъ зложеною въ зморшкы шыею. уставленою въ землю головою зъ рогамы, зъ налытымы кровью очыма,—высунуло воно зъ генеральського двору и пишло повагомъ, хыжо ревучы та завываючы. Пидъ ногамы страховыща двыгтила земля: дыки заводы реву розлягались по околыци. Максымивъ голосъ здавався цвириньканнямъ горобчыка проты страшного бугаёвого реву. Одже Максымъ не злякався. Забувъ и про боище зъ татарвою, кынувся на незбыту дорогу, набравъ груддя повну пазуху—и помчався на супроты бугая; ревучы и передражняючы страшну звирыну. Бугай ставъ, пидвивъ голову, нибы думавъ розглядиты, що воно,—та знову круто повернувъ шыю, и нагнувъ голову до самой земли,—хотивъ копырснуты рогомъ, щобъ страху завдаты,—та видъ жыру не нагнувся. Тилькы зозла гребнувъ страшенно ногою—и геть далеко видкынувъ землю видъ себе. Максымъ пошпурывъ грудку. Метка рука якъ разъ піймала середъ крутого лоба; грудка розбылась—и пылъ засыпавъ бугаеви очи. Зъ нечевья страховыще жажнулося. Залупало червонымы очыма... пидвело голову, глянуло на свого ворога,—та ажъ потемнило. Круто схмылывшы въ нызь голову, воно пишло насупроты Максима. Максымъ не злякався и тутъ; груддя залитало, якъ ти кули—одно передъ другимъ. Воно несло бугаеви гостынци то въ лобъ, то въ нисъ, то въ боки. Страховыще—ничого того не чуло: воно навить не чуло земли пидъ собою. За-

ываючы, воно ішло прама на Максыма—де-дали скорше та скорше.

— Эй, эй!—загукало щось зь генеральскаго двору:—тыкай, хлопце, беда буде! Якъ опеченый, крутнувся Максымъ—и витромъ помчався вповодшъ майдану. Бугай—за нымъ. Страшно было дывытыся, якъ таке страховыще, наставившы рогы, неслось зь усёго свого страшнаго прожогу за невелычкымъ хлопчыкомъ. що, якъ горошынка, котывся попередь ёго. Отъ-отъ бугай настыгне; отъ-отъ простроме рогомъ наскрызъ Максымову спыну. Ажъ ось и тынъ видъ генеральскаго двору—нікуды битты... пропавъ Максымъ!.. Ни, не пропавъ! Винъ, якъ собака, прыгнувъ на тынъ, а зь тыну—въ бурьянъ. Скочывъ и бугай на тынъ,—та на килку й застравъ. Лынула кровь зь побытаго боку. Страховыще заколыхалось, ревнуло не своимъ голосомъ рванулось зь усёи сылы. Тынъ упавъ,—упавъ разомъ зь тыномъ и бугай до долу,—и такъ болизно заревивъ, що ажъ слухаты страшно. Килкоць пройшовъ подовшъ всёго жывота, вымотавъ геть кышкы зь седычы. Пиднявся крыкъ людскый, збиглася дворня.

— Щожъ оце ты наробывъ?!—пытае Максыма одынъ зь дворакивъ, показуючы на бугая, що ледве-ледве дыхавъ—сопъ.

Максымъ сміявся.

— Чого ты зубы шырышь, сучый сыну? ходимъ, я тебе до паніи поведу.

Якъ зь цепу зиррався Максымъ,—такъ помчався до-дому.

Досталося бъ Иванови одъ генеральши за того бугая, якъ бы було крепаки не покрылы Максыма. А то сказалы, що бугай погнався за собакою, та й пробывся. Тилькы всёго—Максыма выбывъ батько. Та що та бійка? Переплакавъ Максымъ,—та й знову за свое. Дупа ёго прохала воли; молоди сылы—простору. Сумно было Максымови середъ шырокаго, пустаго степу, середъ поораной рилли, тисно въ тихій батькивскій хати, тяжко мижъ мовчазною скотыною, котру ёму, якъ старшому, першому довелось пасты. И хлопецъ выдумувавъ шкодлыви игры: то телятъ лякавъ, то прыввязувавъ имъ до хвостивъ дрючкы—и зальвався

залывнымъ реготомъ, якъ телята дровичыся. Часто й густо батько ёго манижывъ за це, одже ничымъ не змигъ переломыты шкодлывого, веселого норову Максимового. Оце, було, выбе ёго батько; а черезъ годуну вже Максимъ на вулицы зъ хлопцями навкулачки бьется, або бративъ за чубы таскае, або запряже ихъ у кгринжолята, якъ зимою, сяде самъ за пана и батогомъ поганяе... поки не вшкварне такъ, що ревы на всю вулицю.

Палкый, якъ порохъ, смилывый, якъ голодный вовкъ,—винъ усихъ побывавъ, надъ усима верховодывъ. А насміятыся надъ кымъ, украсты, одняты що,—ёму дай! Генеральша николы не йила овощу зъ свого молодого садка; винъ усе пообносыть, усе выкраде, не дывлячыся ни на собакъ, ни на стороживъ. Разъ ёго застуканы на яблуні. Що жъ—винъ злякався? Сторожи до ёго, а винъ якъ почавъ на ныхъ шпурляты яблукамы,—такъ ти назадъ. Тоди винъ скочывъ на землю; якъ витерь, помчався садкомъ; якъ собака, перескакувавъ черезъ тыны—и забигъ въ чысте поле. Якъ же дійшовъ до литъ та вбрався въ сылу,—бида зъ нымъ, та й годи. Высокого зросту, стайкый, жвавый, широкоплечый, якъ зъ зализа збытый, а до того ще меткый, якъ заецъ, спивунъ-реготунъ. Хорошый зъ лыця—повновыдый, румянецъ на всю щоку, зъ чорнымы, веселымы очыма, зъ чорнымъ лыскучымы усомъ,—винъ бувъ першый красень на сели. Вся молодежь любыла Максима за ёго вдачу, за веселый, безбоязныи норовъ,—уси ёму корылыся... Хто напереді ставныкъ несе, якъ идуть весною святыты парубоцьку крыныцю? Максимъ несе.—Хто на Гудзевій улыци отамануе, улыцю водыть?—Не кому, якъ не Максимови. Кому насміятыся надъ кымъ?—У Максима языкъ, якъ гофра бритва. Хто занисъ Луценкови ворота и почепывъ на самимъ верси столитнёго дуба? Хто въ Тхорыхы-вдовы вымазавъ дѣгтемъ ворота?.. Не хто,—якъ не Максимъ. Чыхъ рукъ не втекла Хоменкова дочка Хвеса?... Не втекла Максимовыхъ рукъ!—Хто пустывъ погану славу на багатырку Шрамченкову дочку? У кого жъ языкъ довшый, якъ не въ Максима! Самъ устряне, зведе дывчыну,—самъ потимъ першый и насмихається. Не одна ихъ и не дви наробыло стыда-сорому батькови й матери: не одну ма-

тирь, не одного батька, на донинимъ весилли, въ хомутахъ черезъ село водылы. Не одна и не две матиркы плакало на Махамеда, якъ ёго прозвали стари бабы. Не одинъ парубокъ або й чоловікъ, покоштувавши на кулачкахъ Махамедового «безмина», — похыріе-похыріе, та черезъ пивроку и на той свить переступить. А горилку пыты, гуляты—Махамедъ усимъ пьянюгамъ привидь дае! Позалывають очи—та шкоду, капости людямъ роблять.

Сталы люде жалитыся батькови, що Махамедъ сынивъ ихъ роспоюе; сталы радыты, щобъ здержувавъ сына. Та що батько вдіе зъ такимъ велетнемъ? Ни батькова гризба, ни матерына умова—ничого не подіють зъ такимъ гульвисою, шыбеныкомъ.

Дай, одружу!—дума Иванъ и радытся зъ Мотрею. Знайшлы и молоду: умовылы якось Максима—пишовъ зъ старостамы. Такъ що жъ! На заручынахъ Максимъ такъ налызався, що трохы-трохы не побывъ свого нареченого теста.

— Господь зъ вами, зъ вашимъ молодымъ такимъ!—каже тоди батько старостамъ.—Хочъ бы мени прыйшлося голодною смертю помираты та було сказано: якъ виддасы Мелашку за Максимы, то живой будешъ,—то й тоди бъ не згодывся!

Вернулись люде зъ гарбузомъ; розказалы батькови-матери.

— Побыла мене лыха година та нещаслива зъ такою дитыною!—крычть батько.

— Ты насъ, сыну, на старисть у славу ввивъ, нашего недовгого вику не жалуешъ,—плаче маты.

А Максимъ,—якъ ногу вломывъ: зъ хаты та на вулицю, а тамъ—у шынокъ до жыда. Такъ розледачивъ, розибрався, роспывся, що сказано: ни до чого! Ажъ запухъ, якъ той бугай, що-дня очи зальваючы. Зовсимъ пустывся берега: що дома не зарве,—заразъ у шынокъ! Пье, гуляе; зъ жыда насмихається, зъ крепачама панибратається, жалкымы докорама ихъ коле, що роблять на панивъ, навчае не слухатысь ихъ приказивъ, а мандруваты. На капости чоловікъ здався, та й годи.

Сама генеральша знала Махамеда. И такъ ёго зненавидила, що якъ прыходылось пройиздыты або проходыты повзъ ёго, то

вона, завжди одверталася и сплєувала. Якъ же почула, що винъ крепакивъ бунтуе, то жалилася комысарови. Коли бъ бувъ Максимъ на той часъ не постеригся,—не змандрувавъ кудысь зъ Писокъ,—щось на тыждень чы й бильше,—то мабуть бы не мынуты ёму и тюрьмы, а може и самого Сибиру. Та що ёму Сибирь! —ничого!

Мучывсь отакъ зъ нымъ батько, мучывся, та заплакавши— и каже Мотри: Ни, вже—ничого зъ харцызою не вдію! Ни тыхе слово, ни прозьба, ни лайка—нищо не помагае. Немае сылы мени зъ нымъ бытысь. Хай же иде въ москали! Нехай ёго въ служби попомуштрують,—може, вытрутъ ту юшку, що набрався дома!.. Хай ёго други вчать: я зъ нымъ ничого не вдію!..

Мотря въ слєзы. Жалько матери своей дытны. Уже який винъ тамъ не лыхый, який не недобрый,—а все жъ такы своя кровь. Мотря плакала гиркымы; а прохаты Ивана не посмила: вона догадалася, що то останне слово батькового горя. Тутъ уже ніяке прохання не поможе!

А Максимъ якъ почувъ, то ни скрывывся, ни поморщывся. Такъ такы зразу згодывся—та й пишовъ до прыёму, высивуючы та выгукуючы.

Тоди саме въ столыци вельке дило скоилось. Старый царь умеръ, а зосталося два браты. Старшому жъ не можна чомусь було царствомъ правыты,—осився на предкивськимъ столи менчий. Одже це не обійшлося мырно. Багато тоди лягло правыхъ и вынуватыхъ, покы той бунтъ замырылы. Якъ затыхло,—то новый царь, распудывшы стару гвардію, звеливъ нову набираты. Та щобъ бувъ—одынъ у одынъ высокый, станкый, показный. Максимъ якъ разъ пидійшовъ пидъ миру. Якъ выпускалы ёго зъ прыёму, то не крычалы и «лобъ»! А якийсь усатый охвыцеръ закрычавъ: «У гвардію ёго! у гвардію!»—Максимъ якъ почувъ,—ажъ засміявся... та прожогомъ у двери. Тутъ винъ трохы не вда- рывся лобомъ объ якогось бидолашного некрутыка. Не довго думавшы, винъ ёго стусонувъ колиномъ пидъ бикъ,—закрычавъ: «Сторонысь, крупа! гвардіенець идеть!»... Той поточывся, трохы не впавъ.

Не вспивъ Максимъ одягтысь, якъ ёго погнало тры якыхсь москали въ некруцьку хованку, и заперлы на замокъ; хатка не-величка, вькпа зъ зализнымы штыбама, якъ у тюрьмы, а людей—повно. Той сыдыть,—плаче: той хочъ не плаче,—журытся; тамъ купка регочется зъ якоись выгадки.

— Прыймить, братця, й мене!—каже Максимъ до тыхъ, що регочуть.

— Иды... додасы и своего слова.

— За що насъ, братця, позапыралы въ цю тисну хурдыгу?—пытае Максимъ, оглядаючи чорни, якъ сажа, стины некруцькою.

— А щобъ не втикъ!—одказавъ хтось.

— Та якый ёго бисъ думавъ тикаты. И довго вони такъ держатымуть?

— Та хто ёго зна. Кажуть бы то, що тры дни.

— Погано! хочъ бы сюды горилкы,—то воно бъ якось веселише.

— А сыривцю зъдохлымы пацюкамы не хочешъ?

— Пый самъ, колы подобается!

Дали Максимъ уже орудувавъ бесидою: точывъ бялсы та баяндрасы; розказувавъ про свои сельськи походы; смишывъ усихъ и реготався самъ.

Товарыський чоловикъ,—ничого казаты! У ночи тилькы сумно чогось ёму зробылося, якъ ставъ выкрыкувать часовой: «Слушай!»

Черезъ тры дни ихъ справди выпущено и дозволено питы попрощатысь зъ родыною, що поназйизжалась до прыёму, якъ на ярмарокъ. Плачь, голосиння,—мовъ мертвыхъ выражаютъ до гробу. Тамъ стара маты залывается гиркымы слёзama, обнимаючи брыту голову сынову; тутъ молода молодыця, зъ дытункою на рукахъ, голосыть на весь майданъ, однією рукою схопывши за шыю молодого чоловика; а ось сестра зъ братомъ розмовляе, слёзama до-льваючи горе. Отъ и стари диды посхылялы головы; отъ браты розмовляють, похнюпывшысь. А тамъ знову батькы, матери. Мижъ нымы и Мотря, якъ зъ хреста знята, а коло неи сыны—Васыль та Онысько. Ходять вони въ трёхъ одъ воза до воза, роспы-туютъ некрутъ—чы не бачылы де Максима?—Ни, не бачылы.

Выйшли зъ некруцькой разомъ, а де винъ дився—нихто не знае. А Максимъ, якъ тилькы выпустылы зъ некруцькой, заразъ протягъ зъ москалями до шынку. Други прощались зъ родомъ, а винъ водить за собою юрбу москалиць—и побратався вже! та здоровкается зъ шкляннимъ богомъ. Такъ Мотря и пойхала зъ сынамы, не бачившысь зъ Максимомъ.

Незабаромъ некруть погналы кудысь далеко-далеко. Люде знову поназйиздылысь прощатыся, може, вже въ останне зъ своими бидолашными сынамы, чоловикамы, братамы. То не глыбока ричка клекоче, прорвавши греблю, то гудуть селяне, прощаючысь зъ некрутамы. То не ховають мертвыхъ,—то люде, тужать за живыми родычамы. И Мотря мижъ ными. Згорбылась, скривылась, заплакана, стоить вона, опустывшы на груди голову, а коло неи Василь зъ Оныськомъ—и Максимъ. Видно, матерынъ жалъ уразывъ и ёго безжурне серце: стоить винъ билиа матери, похнюпывшысь. Ажъ ось—затуркотивъ барабанъ; москали скомандувалы въ лаву строитысь. Пиднялась шатанына. Скризь затужылы, заголосылы. Сталы прощатыся. Максимъ пидступивъ до матери.

— Прощайте, мамо!.. не згадуйте лыхомъ.

— Прощай, сыну!.. прощай, моя дытыно!.. Ша... ша-нуй... се-бе.

Мотря обхопыла ёго шыю обома рукамы, та такъ и повысла,—за слёзамы свита не бачучы.

-- Та годи вамъ, мамо!.. Не журится: я не пропаду!—Винъ высвободывся зъ заклыкыхъ рукъ старои матери,—давай прощатысь зъ братамы.

Отъ, уже построилы некруть у лавы: одынъ за однимъ, одынъ за однимъ. Знову затуркотавъ барабанъ; старши скомандувалы.

— Прощайте!..

— Оставайтесь здорови!..

— Хай вамъ богъ помогае!..

— Щасливо!..

— Прощайте, мамо!..—казавъ Максимъ, проходячы поузь матеръ.

— Постій, сыну!..

Мотря підскачыла, сунула Максымови въ руку грошей.

— Спасыби, мамо!..—сказавъ Максымъ и гроши, на ходу, заховавъ у кышеню.

Прощайте... подякуйте батькови, що въ москали видавъ!..

— Ша-нуї... ся... про... пай... сы...

Мотря не договорыла. Та й Максымъ не чувъ,—винъ бувъ уже далеко.

Вернулись селяне до-дому. Вернулась и Мотря зъ сынамы—заплакана, убыта горемъ. Иванъ ходывъ по хати, хмурый, якъ осиння темна ничъ. Винъ ни на одного сына не глянувъ, не обизвався. А якъ вони пішли зъ хаты, тоди до Мотри:

— Ну що... пишовъ?..

— Провела... каже Мотря, зальваючысь слёзамы.

— Що жъ винъ?..

— Ничого.

— А оддала?..

— Оддала.

— Що-жъ?..

— Казавъ подякуйте батькови, що въ москали оддавъ!..

— Нехай винъ дякуе своему дурному розумови,—сказавъ Иванъ, та й замовкъ.

Не стало Максыма—затыхла буча та лайка въ Ивановій хати, не чуть ніякои и шкоды въ Пискахъ. Не стало ватажка,—товарышество мовъ роскогылось по свиту. Хочъ воно тутъ же такы и було,—тільки пішло инчымъ шляхомъ, зажыло другимъ жыттямъ. Одни повмиралы, други поженылысь, чазяинамы стали, дитей годують.

Иванъ въ останне згадувавъ Максыма въ той день, якъ Мотря зъ проводивъ вернулася. Зъ того часу—самъ николы не згадае, и сердытся було, якъ хто другый нагадае.

— У мене немає третёго сына—и не було николы! казавъ винъ.—Та вже, писля того, за цилый день або вечиръ, ни до кого и слова не обзывався. Думкы,—выдно,—не одженешъ видъ себе!

Одна Мотря ~~що-медили~~, що-свята, ходыла до церкви та подавала якъ не шага, то копійку на часточку за здоровья Максима. Одавшы свою вбогу лепту, падала Мотря передъ Пречистою на коліна и молыла іи тыхымъ, гарячимъ словомъ, щобъ вона берегла іи дытynu одъ лыхой годны, щобъ направила ёго на добрый розумъ. Браты трохы посумувалы за Максимомъ, а дали и забулы. Жыття пишло соби тыхою ходою, прыносячы то одраду, то тугу, та все стыраючы спомынь про Максима.

А тутъ пишлы въ Ивановій хати клопоты за клопотамы.

Тамъ Васыля женылы и одризнылы; тутъ Мотря переставылась. Иванъ, побачывшы, що и ёму, мабудь, незабаромъ за Мотрею,—одружывъ Оныська, подилывъ сынивъ, зоставывшы свою хату та дви десятины поля—москалеви, колы одклькнется. Швыдко писля того Иванъ и самъ полигъ. Онысько оселывся въ батькивскій хати—доглядаты москалевои худобы.

И стала та худоба кисткою въ горли, якъ въ одного брата, такъ и въ другого. Пиднялыся зъ-за неи спирка та ворожнеча мижъ братамы. Менчый правывъ худобою, якъ хазяинъ, забирывъ усю корысть соби; а старшый, думаючы, що москаля вже на свити не мае, загрызався зъ братомъ.

— Хйба винъ мени братъ?—каже бувало Васыль.—Якый винъ братъ мени? Захопывъ у свои лабеты все добро, та й братъ! Москаля вже и кисточокъ доси немае. Чому жъ винъ не подилые добра?.. Ты мени десятинчу поля дай, та «пывъ-хаты. Або-мени твоеи хаты не треба: у мене своя хата йе. Оддай мени землю,—хай тоби хата! Або заплаты мою половыну. А то-все самъ. Собака винъ, а не братъ! Онысько соби не дякуе Васылеви. Не разъ и за чубы бралыся. Якъ бы люде не розлылы,—то може-бъ обыдва безъ головы осталыся на батькивськимъ добри. Сталы вони тяжкымы ворогамы. Коженъ кожному робывъ перешкоды, коженъ кожного судывъ мижъ людмы. А люде—позвыкалы вже до такои братнёи ворожнечи,—хйба вже дуже счеплятыся,—тоди тилькы розводылы.

Ворогувалы отакъ дома, ворогувалы,—та хтось порайвъ судытысь. Пойихавъ Васыль до секретаря Чыжыка; повизъ тры

мишки пшеници и десять рубливъ грошей. Завивъ тяганыну. Пойхавъ и Онысько до Чыжыка, повизъ и соби тры мишки борошна, та й грошей не меньше. Давай судытыся! Тягалысь воны, тягалысь; вымотувалы зъ ихъ грошенята, вымотувалы! Дійшло до того, що якъ Васыль збиднивъ, такъ и Онысько зныщывъ,—а тилькы и того, що дозналися: Максимъ живый и вже старшымъ якымсь надъ москалямы. Тоди браты пересталы ворогуваты, помырылыся. Васыль заспокоився своею худобою, а Онысько живъ безпешно въ москалевій хати и володивъ ёго землю.

Ланасъ Мырный та Иванъ Вилыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма къ Гр. Петр. Данилевскому.

Окончаніе.

Письма П. П. Сокальскаго.

Одесса 22 сент. 1864.

11.

Любезнѣйшій другъ мой Григорій Петровичъ! Сейчасъ получилъ Ваше письмо и сейчасъ же отвѣчаю. потому что иначе, боюсь, опять затяну отвѣтъ на цѣлый годъ. Только что окончилъ писать политическое обозрѣніе и, не покидая стойки (извѣстной Вамъ), пишу Вамъ. Очень радъ, что Вы, судя по всему, продолжаете пользоваться цвѣтущимъ здоровьемъ и что у Васъ въ деревнѣ выросло такъ много сѣна. Это меня очень радуетъ. Вѣроятно и Вы подъ хорошимъ впечатлѣніемъ принимаетесь за «Дикія мѣста»? Что касается письма Кашперова, то я ничего не могу сказать: писано грамотно. Пишите либретто; отчего-жъ и не писать? До сихъ поръ я слышалъ только его «Марію Тюдоръ». Самобытности и оригинальности никакой, стиля также никакого, къ школѣ никакой тоже нельзя отнести, вдохновенія—всего мнѣе, но изученіе видно, особенно оркестръ работаетъ у него за все и всѣхъ. Можетъ быть онъ хорошій человѣкъ, я ничего не знаю. Рѣшайте, какъ знаете—только по моему мнѣнію, Вы *одни* не можете написать либретто, надо непременно сообщать съ композиторомъ; въ расположеніи плана и сцены и даже содержанія собственно на Вашу долю можетъ прійтись только стихъ и его обработка. Я этой зимой не ѣду въ Питеръ, а на будущую ѣду. Поэтому съ оперой не спѣшу; 2 акта совсѣмъ готовы и выправ-

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. № 4.

лены: партитура оркестра, партитура пѣнія и фортепіано и либретто. Остальные 2 акта обработаю этой зимой. А чтобы не скучать, я основалъ здѣсь хоръ (мужчинъ и дамъ) и Общество любителей музыки при благородномъ собраніи. Въ октябрѣ будетъ первый концертъ этого общества, въ коемъ, между прочимъ, мы исполнимъ: »Славься» Глинки (изъ Жизни за Царя) и балладу «Слушай», которую я нарочно сочинилъ для этого случая. Стихи были въ Современникѣ напечатаны Ив. Г. М. (кажется, Михайловъ)? Музыка мрачная и всѣмъ здѣсь чрезвычайно нравится. Братъ благодаритъ Васъ за память и проситъ передать свой поклонъ Вамъ и Вашей супругѣ. Примите таковой и отъ Вашего пріятеля П. Сокальскаго. Итакъ до свиданья, душенька, желаю Вамъ всякихъ благодатей земныхъ и небесныхъ.

12.

Одесса 28 сент. 1865.

Получивъ Ваше милое письмо, почтениѣйшій Григорій Петровичъ, я спѣшу, во-первыхъ поблагодарить Васъ за корреспонденцію, и пожалѣть, что такъ мало, во-вторыхъ отвѣтить на нѣкоторые пункты. Относительно умственнаго рынка, я не рассчитываю ѣхать туда этою зимою. Хотя у меня дѣло мое оперное близится къ концу—и можно бы уже ѣхать, но я не спѣшу. Одесса доставила мнѣ главное, что я начиналъ уже терять—здоровье, и я рѣшаюсь поэтому побаловаться здѣсь еще годикъ или два. Очень жалѣю, что намъ не придется вмѣстѣ цотолкаться въ Питерѣ, хотя главный интересъ этого толканія—любопытство, и только. Я утратилъ вѣру въ Питеръ. Но безъ него никакъ нельзя обойтись, ни шагу ступить. Нечего дѣлать: надо ѣхать, но только не теперь. А Вы вѣроятно везете уже на этотъ рынокъ новый товаръ. Нельзя ли узнать, въ чемъ дѣло? Литература наша теперь въ хаосѣ: мальчишки балуются, а посолондѣе люди отдыхаютъ или ловятъ рыбу гдѣ съ руки. Единственная надежда на то будущее поколѣніе, которое выйдетъ изъ новыхъ университетовъ. А теперешнее, извращенное нашею журналистскою, играющее въ жмурки—едва ли пойдетъ дальше пустозвонныхъ фразъ.—Замѣтку Вашу мы напечатали и благодаримъ.

Нельзя ли при случаѣ повторить? Изъ вашихъ мѣстъ у насъ мало вѣстей. Когда будете также въ Питерѣ, то въ часъ досуга... впрочемъ, я и забылъ—у Васъ досуга не будетъ: Вы всегда спѣшите. Въ этомъ—я совершенно противоположный Вамъ полюсъ. Что касается свободы печати, то безъ новыхъ судовъ ея нѣтъ, и я въ нее не вѣрю.—Отлично бы Вы сдѣлали, еслибъ переселились поближе къ Одессѣ. Теперь, при Университетѣ, здѣсь собирается нѣкоторый кружокъ, въ коемъ можно иногда развлечься. Я также располагаю примкнуть въ свое время къ Университету, имѣю въ виду кафедру искусствъ, а точнѣе—музыки; объ этомъ мною запущены уже сѣти, и надежды благоприятны. Но само собою разумѣется, что это такъ только, чтобы подѣлиться съ юнымъ поколѣніемъ и публикою тѣми многими замѣчательными открытіями въ музыкѣ и фізіологіи нашихъ чувствъ, которыя рѣшительно дѣлаютъ теперь изъ эстетики—естественную исторію, реальную науку. Я много читалъ за послѣднее время сочиненій фізіологовъ и эстетиковъ: то, что отражается въ нашей журналистикѣ, только слабая волна того, что дѣлается теперь въ Европѣ.—Что же касается композицій музыкальныхъ, то опера—по прежнему вѣроятно навсегда останется любимымъ предметомъ и цѣлью всѣхъ моихъ плановъ. Но я разомъ веду теперь три дѣла: укрѣпляю здоровье, коплю денежку про черный день и старость (вѣдь операми у насъ въ Россіи не проживешь, а только въ пролетаріи попадешь), и кончаю первую оперу. А что значитъ написать *первую* оперу, это знаютъ только тѣ, кто ихъ писалъ. За первую уже, какъ по маслу, идутъ вторая, третья, и т. д. У меня, кстати есть уже и сюжетъ второй оперы, и планъ, и нѣсколько отрывковъ музыки. Но и она будетъ народно-этнографическая. А это еще не исчерпываетъ всего того, что хочетъ выразить душа: я давно уже думаю о третьемъ сюжетѣ изъ образованнаго быта, гдѣ бы ключемъ била драма современной жизни. Хоть бы что нибудь въ родѣ русской Травіаты: бывають минуты, когда я отлично написалъ бы музыку въ такомъ общечеловѣческомъ вкусѣ, не стѣсненномъ рамками національности... и эти минуты пропадаютъ: нѣтъ сюжета. А что и мнѣ хочется временами

дать волю своей личности, своему европеизму, это, я думаю, простительно. Краски, народъ, этнографія—сами собою. Но хочется иной разъ рвануться впередъ, или окунуться прямо въ жизнь, въ современныя страсти... Вѣдь искусство должно идти съ жизнью рука объ руку. Что все писать Россіады, Мессіады и т. п.? а наши теперешнія оперы въ своемъ родѣ Россіады—такъ далеки они отъ жизни. Перебиралъ я много сюжетовъ русскихъ, все не подходитъ. Маскарадъ Лермонтова, Дубровскій Пушкина, Тургенева разсматривалъ, нѣтъ не то, не то. Если Вамъ придетъ что либо въ голову по этой части, очень бы хорошо сдѣлали сообщивъ мнѣ Вашу идею. Кажется, надо *сочинить* такой сюжетъ нарочно, ибо оперныя и музыкальныя требованія довольно капризны. Наконецъ, въ случаѣ чего, можно бы иностранный сюжетъ взять, но это жалко будетъ... Надобно Россіи служить. У Островскаго нѣтъ ничего для музыки: ни Гроза, ни послѣдняя его (забылъ заглавіе—Сонъ на Волгѣ) не идутъ. Впрочемъ, всѣ эти мысли изъ моей мастерской, непереваренныя еще, невыясненныя, можетъ быть Васъ не займутъ. Во всякомъ случаѣ остаюсь неизмѣнно преданный Вамъ П. Сокальскій.

13.

Одесса 1 марта 1866.

Какого Вамъ лучше отвѣта,—почтеннѣйшій Григорій Петровичъ, какъ не исполненіе Вашихъ желаній? Изъ Од. В. Вы видите, что Ваши порученія исполнены, n'est ce pas? Поздравляю Васъ съ утвержденіемъ правительствомъ—проведенія Харьковско-Азовской линіи. Это хорошій подарокъ. Наша Бессарабская канула въ воду. Я Вамъ очень благодаренъ, что Вы меня не забываете; быть можетъ, сведетъ насъ опять судьба гдѣ-нибудь и когда-нибудь, тѣмъ болѣе, что въ будущую зиму я снимаюсь съ обогрѣтаго мѣста, чтобы попржнему бродить. Но, пожалуйста, не претендуйте на меня за рѣдкость писемъ: это неизбѣжная дань рабочаго человѣка, который, подобно мнѣ, усваиваетъ привычку только *по долгу* писать. Les embranchements предоставимъ прекрас

Томъ 81.—Май, 1903.

I—9

ному полу, у него, кстати, мало дѣла. Что это за «Новыя мѣста»? О чемъ собственно рѣчь? Прелюбопытно. Прошу передать мой усерднѣйшій поклонъ Вашей супругѣ, а при случаѣ, и брату Ивану Петровичу, вмѣстѣ съ поздравленіемъ его супружескаго сочетанія. Снабдитесь вѣрою паче Авраама, заклавашаго (т. е. собиравшагося заклать) Исаака, и вѣрьте, что я остаюсь къ Вамъ все тотъ же, что и былъ Петръ Петровичъ Сокальскій. Вѣрьте также, что я ищу всякаго случая не брать въ руки пера и не омочать его въ чернило: до зарѣзу обрыдла ежедневная работа писанья.

14.

14 марта 1866. Одесса.

Считаю нелишнимъ отписать Вамъ слѣдующее, Григорій Петровичъ: нѣсколько фразъ въ прошеніи и статьяхъ Вашихъ (земскихъ) по поводу желѣзной дороги къ Азовск. морю весьма могутъ повредить Вамъ. Вашъ путь ясенъ: хлопотать о Вашей (азовской) дорогѣ и не *трогать* Харьковско-Одесской. На такомъ основаніи Вы встрѣчаете въ новороссійско-бессарабскомъ генераль-губернаторѣ союзника и дѣятельнаго помощника; вѣдь онъ же основалъ и комитеты въ Приазовскихъ портахъ для изслѣдованія вопроса Азовск. жел. дор. и дѣлалъ до сихъ поръ многое, безъ него до сихъ поръ и Харьковъ остался бы въ сторонѣ. Вы же, вашу недипломатическую полемику *противъ* Одесско-Харьковской дороги, поражаете въ самое сердце Вашего естественнаго союзника. Знаете ли вы, что дѣло легко можетъ принять такой оборотъ, что не будетъ ни *той*, ни *другой* Харьковск. дороги. (ни отъ Харьк. на Кременчугъ, ни отъ Харьк. на Азовск. море). Это вещь весьма возможная. Притомъ, выражаясь, что Одесско-Харьк. дорога принесетъ Вамъ *вредъ*, Вы прямо наживаете себѣ сильнаго врага. Вѣдь эту дорогу вырвали съ бою страшнымъ усиленіемъ, безъ котораго Харьковъ долго бы оставался, быть можетъ, безъ сообщеній; Вы знаете усердіе Москвы къ Кіеву и наклон-

ность правительства къ Одесско-Кіевской дорогѣ (для военныхъ цѣлей, которыя теперь *sur le tapis*). И какъ же это Вы забыли, что Харьковско-Кременчугская дорога есть *первый* шагъ къ Харьковско-Азовской и что безъ первой нескоро поднялся бы вопросъ и о послѣдней? Наша оговорка въ Од. В. при помѣщеніи Вашей статьи—оговорка, на которую Вы претендовали совершенно напрасно, имѣла именно цѣлью сгладить Вашу неловкость, помирить двѣ вещи, которыя, въ сущности союзники, а не враги, какъ Вы стараетесь ихъ представить. И какъ же Вы не догадались объ этомъ? Я пишу Вамъ объ этомъ, потому что знаю, что генераль-губернаторъ Новороссіи—*entre-nous*—задѣтъ *за самое живое мѣсто* Вашимъ неодобреніемъ того, что онъ такъ упорно защищалъ. И странно: какъ же послѣ того Вы просите *его же*, чтобъ онъ былъ Вамъ помощникомъ? Дѣло это вообще будетъ испорчено, если Вы не поправите его. А исправить его можно только оговоркою, разясняющею одностороннимъ «увеличеніемъ» то, что Вы говорите о значеніи Одесско-Харьковской дороги. Да вѣдь и само дѣло и цифры не могутъ оправдать Вашего рѣзкаго приговора надъ Харьк.-Одесск. линією. Можетъ быть, она для юговосточныхъ уѣздовъ Харьк. губ. и бесполезна, но никакъ не вредна и послѣдняго удара не нанесетъ. Но, вѣдь кромѣ Харьк. губ. есть еще: Полтавская, Херсонская, Екатериносл., Подольская. Да и Вамъ, по правдѣ говоря, рѣшительно нѣтъ никакой надобности и никакого расчета—ругать Харьк.-Одесс. дорогу. *Не ругайте ее, а защищайте свою*, разясняйте ея пользу, и Вамъ поможетъ Новоросс. сторона; иначе, Вы сами накликаете себѣ врага. Да вѣдь и то сказать: ошибка то вся въ *фразѣ*, въ неловкости оборота, и исправить ее вовсе не трудно. Лишь была бы охота и добрая воля. Пишу Вамъ все сіе совершенно серьезно, и въ видахъ блага для Харькова. Идите рука въ руку съ Новороссіей, не топчите въ грязь того, что Васъ не касается, и Вы найдете здѣсь друзей. Иначе—дѣло испорчено. Кланяйтесь брату Ивану Петровичу и его супругѣ; также Вашей супругѣ. Вообще, въ Вашихъ же пользахъ, совѣтую Вамъ побольше дипломатіи въ такихъ вопросахъ государственныхъ, каковы, напр., желѣзныя

дороги. Тутъ *враги* и *лица* на каждомъ шагу. Осторожность нужна крайняя. Чѣмъ скорѣе исправите дѣло, тѣмъ лучше будетъ для Харькова. Вѣдь иначе вы *заставите* Новор. губ. защищать себя, поймите сіе. Да и Вамъ не только легко, но и естественно въ силу общихъ интересовъ идти съ Новорос. рука объ руку.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

15.

Одесса, 21 янв. 1867 г.

Любезнѣйшій Григорій Петровичъ!

Вы, пожалуй, имѣли бы право упрекнуть меня въ молчаніи, если бы Ваши расчеты надо мною были сдѣланы при моемъ участіи. Но теперь я чувствую себя совершенно правымъ. На оберткѣ Вашего романа написано карандашемъ: «9 ноября находится въ Харьковѣ, 14 ноября пріѣдетъ въ Одессу; просятъ 20 ноября возвратить, 24 ноября пріѣдетъ въ Харьковъ обратно». Получивъ рукопись Вашу, я прежде всего намѣтилъ краснымъ карандашемъ: «Получено въ Одессѣ 12 декабря 1866 г. П. Сокальскій, что Вы и увидите, ибо я сохранилъ оберточную бумагу. Далѣе, письмо Ваше и рукопись пришли въ самое каторжное время по редакціи. Декабрь, январь и, отчасти, февраль—самая усиленная работа у насъ. Время мое рассчитано по часамъ и минутамъ. Я сначала хотѣлъ возвратить Вамъ немедленно рукопись—ибо Ваши даты (числа) сбили меня съ толку, и я боялся, что будетъ задержка, но потомъ, не видя отъ Васъ письма съ запросомъ и надѣясь, что я выберу времячко для пересмотра, я рѣшилъ отложить пересылку на нѣкоторое время. Моему колебанію посодѣйствовало и то, что я навѣрное не зналъ Вашего адреса и боялся, чтобы рукопись Ваша не была затеряна или не погуляла до Харькова, какъ она гуляла до Одессы (*болѣе мѣсяца*, если принять къ свѣдѣнію Ваши даты); кромѣ того я, какъ не-

женатый человекъ, не имѣю подѣ бокомъ кому поручить зашить въ полотно (купить полотно, иглу и проч.), веревкой обмотать и проч., и посему предпочиталъ лучше отложить. Но какъ Ваше письмо къ брату показало мнѣ, что Вы имѣете причину спѣшить, то я рѣшился возвратить Вамъ рукопись, изъ которой прочиталъ только нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Да если бы я и прочелъ весь романъ, то все же на письмѣ неудобно передавать то, что возможно только въ длинномъ разговорѣ, за чашкою чая и сигарой, за полночь...—Не могу также не припомнить, что я Вамъ неоднократно говорилъ, что я не могу и не имѣю природнаго расположенія исполнять какія бы то ни было порученія *срочныя*. Образъ занятій мой, самъ по себѣ *очень срочный* (я завѣдую теперь иностр. извѣст., депешами и политич. отдѣл.), не позволяетъ мнѣ свободно располагать своимъ временемъ, отымаешь цѣлые дни и въ заключеніе утомляетъ на столько и глаза и умъ, что съ радостью бросаешь, въ свободную минуту, всякое бумажное занятіе. Я помню, что говаривалъ Вамъ на этотъ счетъ—и мои личныя антипатіи къ срочности, спѣху и мою невозможность фактическую. Поэтому, полагаю, что расчеты Ваши не надѣ однимъ мною, но и надѣ всякимъ другимъ лицомъ, всегда будутъ оказываться фальшивыми, если въ Ваши расчеты не будетъ введенъ весьма важный факторъ: «расчетъ того лица, къ которому Вы обращаетесь». Надѣюсь, что мои разъясненія вполнѣ удовлетворятъ Васъ, потому что они вполнѣ искренни и что они ни въ чемъ не измѣняютъ нашихъ прежнихъ отношеній. Какъ я не знаю навѣрно Вашего адреса, то я отчасти и рискую выслать рукопись, которая пойдетъ днемъ или двумя позже письма; но боясь, что задержка будетъ для васъ неприятна, я предпочелъ ускорить. Мой нижайшій поклонъ уважаемой Юліи Егоровнѣ. Въ Петербургъ я точно собирался было ѣхать въ *Генваръ*, что и усложнило мои занятія еще болѣе обыкновеннаго,—но теперь, по солиднымъ расчетамъ отложилъ до тѣхъ поръ, пока выяснятся мои переговоры съ Питеромъ. Партитура же оперы (фортепіанная) уже въ Петербургѣ. Находятъ мое личное присутствіе необходимымъ для того, чтобы толкнуть ходъ дѣла впередъ, безъ

меня же, говорятъ, можетъ принять неблагопріятный ходъ. Я же, съ своей стороны, поставилъ вопросъ: пусть безъ меня рѣшатъ, принять къ постановкѣ или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ я ѣду на 4 мѣсяца въ Питеръ, во второмъ,—остаюсь на мѣстѣ, не разстраивая безплодно своихъ дѣлъ и финансовъ. Бросить же совсѣмъ Одессу и переводиться въ Питеръ, по моимъ расчетамъ я могу, начиная съ іюля или августа 1867 г. Но рѣшусь ли я ее оставить или нѣтъ—это зависитъ отъ многихъ другихъ причинъ и соображеній. Вотъ, любезнѣйшій Григорій Петровичъ, въ какомъ видѣ мои оперныя дѣла. *Опера кончена и вполне готова къ постановкѣ* и лежитъ у меня въ бюро. Мое желаніе состоятъ въ томъ, чтобъ ее рассмотрѣли безъ меня постомъ 1867 г. и рѣшили къ постановкѣ въ сезонъ сентябрь—генварь 1867 г. до новаго года 1868 г. Тогда программа моей жизни складывается такъ: я ѣду на 4 мѣсяца (сент.—генв.) въ Питеръ и по постановкѣ возвращусь назадъ въ Одессу. Въ этомъ смыслѣ я и сдѣлалъ кое-какія усилія: написалъ письма Бороздину, Краевскому, Сѣрову, Кондыреву (служить въ Питерѣ директоромъ театра), и еще кое-кому. Главное, чтобъ ее хоть удостоили рассмотреть безъ меня: эти петербуржцы съ такимъ высокоуміемъ смотрятъ на насъ, провинціаловъ, что безъ многихъ просьбъ и пролазничествъ не хотятъ даже утруждать себя рассмотрѣніемъ труда, стоящаго мнѣ 4 года. Тутъ пресса можетъ помочь, чтобы подтолкнуть. Я и просилъ въ Питерѣ кое-кого замолвить словечко въ газетѣ гдѣ-нибудь. Если и Вы окончательно не разсвирѣпѣли на меня и захотѣли бросить нѣсколько словъ отъ себя въ Петербургскую прессу о моей оперѣ,—то, безъ сомнѣнія, этимъ существенно бы подтолкнули дѣло и вмѣстѣ оказали бы мнѣ услугу. Дирекція театровъ, хоть немного, да чувствительна къ заявленіямъ прессы; быть можетъ, это рѣшило бы ее подвергнуть оперу рассмотрѣнію, хотя графъ Борхъ положительно сказалъ Бороздину, чтобы я выслалъ и что ее рассмотреть (вслѣдствіе чего я и выслалъ ее). Сказать же можно о моей оперѣ слѣдующее: она въ 4 актахъ и идетъ за Гоголемъ и его юморомъ рука объ руку; тѣмъ не менѣе народъ и хоръ и чувство мужиковъ не разрабо-

таны каррикатурно, а серьезно; авторъ смотрѣлъ на мужиковъ, какъ на такихъ же людей, какъ оперные графы, герцоги и короли. Народные мотивы составляютъ основную почву всей оперы, но сдѣланы надлежащія уступки практическимъ требованіямъ сцены, оркестра и широко развита оркестровка. Комизмъ и лирика, главные элементы оперы, вмѣстѣ съ эпическими хорами, и комико-лирическая опера—новизна на русской оперной сценѣ. Главная примадонна—контральто, а не сопрано. Пьяному Каленику, являющемуся пьянымъ во всѣхъ актахъ, дана характерная музыка. Декораціи и обстановка просты (крестьяне и крестьянская деревня), и потому постановка ея не можетъ стоить дирекціи никакихъ издержекъ. Какъ текстъ, такъ и музыка, то-есть вся опера, представляетъ *реальную* дѣйствительность, въ отличіе отъ псевдоклассическихъ оперъ умирающаго опернаго репертуара, наполненнаго ходулями, мифами, волшебствомъ и т. п., но лишенаго дѣйствительной правды, реальности. Музыка представляетъ собою оригинальный стиль, никого ненапоминающій и выработанный на южнорусскихъ мотивахъ, что тоже новизна для русской сцены въ Петербургѣ. Отрывки изъ моей оперы исполняли и въ Петербургѣ и въ Одессѣ, всегда съ успѣхомъ. У меня, кромѣ того, начаты уже другія оперы. Впрочемъ, къ чему это я пишу? Если мои усилія не увѣнчаются успѣхомъ, то придется измѣнить планъ жизни и перебраться въ Питеръ на нѣсколько лѣтъ. Я это и сдѣлаю, ради удовольствія своего, но выгоды никакой не приобрѣту, -- ибо опера не вознаграждаетъ нисколько, а утрачу только то, что имѣю здѣсь, въ Одессѣ. Поручаю себя попрежнему Вашему вниманію и расположенію.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

16.

Одесса 10 апр. 1869 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Очень обрадовался, получивъ Ваше милое письмо. Признакъ, что Вы меня не забыли, за что Вамъ душевное спасибо. Мно-

гое бы хотѣлось перемолвить съ Вами—въ отвѣтъ на Ваше письмо—но «не можна». Время мое сосчитано, какъ у англичанина. Послѣ послѣдняго переѣзда моего изъ Питера въ Одессу произошелъ (или, лучше сказать, я произвелъ) крупный переломъ въ моей жизни. Съ тѣхъ поръ прошло 1½ года и чего только не было со мной? Гдѣ я только не понюхалъ пороху? все въ Одессѣ, правда—но въ разныхъ сферахъ. Въ началѣ, мотылькомъ стремился на огонекъ брачной жизни, но во-время очнулся и зигзагомъ улизнулъ въ сторону; далѣе, окунулся въ омутъ торговли и комиссіонерства, вступилъ во 2 компаніи и изъ обѣихъ вышелъ. Результатомъ перваго было сохраненіе личной свободы, результатомъ второго—растрепаніе капиталца, собраннаго съ такими трудами; былъ моментъ, когда онъ висѣлъ на волоскѣ весь,—ужасная была ночь!.. Но я не посѣдѣлъ и не полысѣлъ. Уразумѣвъ пошлость и подлость того міра, къ которому меня влекла любознательность и любопытство болѣе, нежели корысть, я отвернулся отъ него и выскочилъ изъ него съ разумніемъ, но съ общипанными крыльями. Засимъ, не теряя болрости духа, ударилъ на практическую дѣятельность, оставилъ пока въ сторонѣ и музыку и литературу. Я ихъ люблю по прежнему и не теряю ни желанія, ни охоты вернуться къ нимъ, но только *не работъ*, а *свободнымъ*, сирѣчь, не для куска хлѣба, а обеспеченнымъ джентльменомъ, могущимъ на собственный счетъ имѣть квартиру, столъ, одежду, обувь, халатъ, сапоги, сигары; папиросы и творящимъ то, что онъ хочетъ. Вы когда то говорили, что хотите и меня взять какъ частицу «*zu*» въ какой то типъ. Пожалуйста, добрѣйшій Григорій Петровичъ, примите къ свѣдѣнію въ такомъ случаѣ: 1) что я дѣйствительно типиченъ для текущаго поколѣнія и даже для молодого; которое со мною пульсъ имѣетъ одинъ, 2) что преобладающія черты моей природы и убѣжденій, равно какъ и молодого поколѣнія, не наука, и не искусство, и не корысть—а свобода. Прежде чѣмъ ея нѣтъ, мы не люди, а работники; только когда ее достигнешь, тогда видно, что мы за люди. И тогда оказывается: одинъ—дрянь, другой—такъ себѣ, третій—ничего, четвертый—молодчина. Но преобла-

дающая черта современнаго типа—завоевать свободу, т. е. чувство свободы. Я отложилъ въ сторону все, при первомъ давленіи на мою свободу; по мѣрѣ того, какъ я начинаю ее обезпечивать, опять возникаютъ прежніе инстинкты, вкусы и желанія. Въ настоящее время я окружилъ себя цѣлымъ лѣсомъ работы: 1) завѣдую политич. отдѣломъ въ редакціи Од. В.: 3 раза въ недѣлю передовыя обзрѣнія и размѣтка газетъ для переводчика. 2) Директоръ (одинъ изъ 5) Од. Общ. Взаим. Кред. (которое я и толкнулъ къ жизни, за что меня и выбрали). 3) Кассиръ въ ономъ же Общ., ибо довѣряютъ мнѣ всѣ, а обороты уже милліонами черезъ какихъ-нибудь 10—12 мѣс. 4) Секретарь Импер. Общ. Сельск. Хоз. Южн. Рос. 5) Редакторъ записокъ этого же общ., каждый мѣсяць по 1 книжкѣ въ 4 листа. Подпишитесь кстати: 5 р. въ годъ. Впрочемъ, Вы, вѣрно, выругаете меня, но я пришлю 2 перв. книжки, уже вышедшія; можетъ быть, Вы замолвите о нихъ что-нибудь доброе въ Правит. Вѣстн. Старыхъ друзей при случаѣ не забывайте. Пожалуйста, Александру Ѳедоровичу Тюрину—супругъ его мой поклонъ; о немъ у меня самыя чистыя воспоминанія. За это время я сочинилъ двѣ музыкальныя вещи: 2 марша болгарск. (изъ болгарск. мотивовъ) и балладу на слова Гейне: «сегодня приснилась мнѣ царская дочь» для хора мужчинъ и женщинъ съ арфой и оркестромъ. Михайлу Ивановичу Сухомлинову тоже поклонъ; мы съ дядей его, Ѳедоромъ Ивановичемъ Сухомлиновымъ, сослуживцы по Общ. Взаим. Кред., въ коемъ онъ тоже директоръ-предсѣдатель, а равно предсѣдатель земскаго банка. Николая Ивановича Костомарова, если встрѣтите, попросите позволенія облобызать отъ моего имени; я, наконецъ, начинаю раздѣлять его убѣжденія, что оперу «Майскую ночь» слѣдовало бы либретто на малороссійскомъ языкѣ. На этомъ разводѣ либретто съ содержаніемъ и музыкой у меня и вышло душевное противорѣчіе и я отложилъ дѣло на нѣсколько лѣтъ; пусть зрѣетъ мысль. Отчего бы Николаю Ивановичу не пріѣхать на лѣто въ Одессу? Если встрѣтите его, скажите—прямо ко мнѣ, въ городскомъ саду, въ центрѣ города, въ домѣ Общ. Сельск.-Хоз. Южн. Рос. Вотъ квартира моя и адресъ. Просторно. 4 комнаты. Въ саду. Столъ

свой держу; прислуга: кухарка, горничная, служитель по Обществу. Удобства есть. Рояль есть. Пусть прїѣдетъ. Если все еще онъ въ домѣ Караманова, на В. О. въ 9 линіи, то я напишу ему. А бѣдный Даргомыжскій! Незамѣнимая потеря; это былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ. Біографія нужна.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

17.

Окт. 31 1869 г.

Добрѣйшій Григорій Петровичъ!

Не взыщите за поздній отвѣтъ. Я временемъ очень не богатъ, и если Вы это мнѣ не поставите въ вину, то Вы тѣмъ самымъ оправдаете меня. Искренно благодарю Васъ за милое письмо отъ 20 сентября и за оказанное Вами участіе Гоняеву. Я увѣренъ, что онъ оцѣнитъ Ваше вниманіе, такъ же точно, что Вы съ удовольствіемъ ему поможете, если представится къ тому случай или возможность. Ваше желаніе я исполнилъ: въ Од. В. помѣщена желаемая замѣтка о новомъ Вашемъ романѣ. Жду его и съ удовольствіемъ прочту, тѣмъ болѣе, что присутствовалъ у самаго его зародыша. Касательно высылки корректуръ прибавлю только одну просьбу, ту же, что и прежде: будьте добры, не назначайте мнѣ срока, а въ особенности краткаго. Все сдѣлано съ особеннымъ удовольствіемъ—но только досугами, дѣла же мои всѣ почти состоятъ изъ сроковъ, и я едва успѣваю ихъ сводить къ желаемымъ точкамъ. Понятно, что я не владѣю временемъ и потому заранѣе предупреждаю Васъ, чтобы потомъ не сердились на меня и не бранились, что я подружески исполняю Ваше милое желаніе, которымъ я горжусь и которое прїятно, и исполню по возможности скорѣе, но ни на какой срокъ не пойду, ибо не могу исполнить подобнаго ограниченія. Откуда у Васъ такой запасъ воображенія? Романъ—за романомъ, *а вы все еще не высказались*. Да, именно Вы, милостивый государь и современный беллетристъ, что Вы за человѣкъ? Чего Вы хотите? За кого Вы и противъ кого Вы? На это Вы мнѣ превосходно отвѣтите: я художникъ, я ни за кого,

ни противъ кого я улавливаю законы природы, рисую ихъ въ лицахъ, и проч. и проч. Такъ-съ! Это доставляетъ Вамъ удовольствіе, а за романъ платятъ наличныя деньги. Совершенно правы. Какъ пріятель Вашъ, я вполнѣ одобряю, оправдываю и благословляю Вашу дѣятельность, Вы занимаете пріятно досуги—свои и чужіе—и вмѣстѣ полезны себѣ и Вашему семейству. Вы полезный и честный гражданинъ и семьянинъ. Но для писателя-художника этого мало. Художественное произведеніе всегда болѣе или менѣе *протестъ* въ пользу или противъ кого-либо или чего-либо. *Вспомните Жоржъ-Зандъ, Диккена, Гюго, Байрона, Шиллера, даже Шекспира—этого музыканта страстей и характеровъ.* Я всегда это вспоминаю; когда говорю о Вашей литературной дѣятельности. Вы такъ наломали руку, у Васъ столько воображенія, опытности, знанія, упрямства и настойчивости, что придай Вамъ еще *нѣчто*—и изъ Васъ вышелъ бы крупный писатель. И вотъ тщусь каждый разъ это нѣчто уловить, чтобы по-пріятельски подсунуть его Вамъ въ руку—и не могу, не умѣю. Но попробую еще разъ. *Не хитрите съ читателемъ; когда Вы пишете, представляйте себѣ, что Вы завтра умрете и что Вы пишете завѣщаніе для нѣжно любимыхъ Вами дѣтей, значитъ полная откровенность, всякое «себѣ на умъ» прочь, душу всю выворачивайте.* Вотъ тутъ то мы и усмотримъ, что тамъ у Васъ накопилось. Какъ бы ни былъ объективенъ художникъ, но его отношенія къ реальному міру, къ людямъ, всегда кладутъ несмываемый характеръ на всѣ его произведенія. *Не бойтесь увлеченія, но бойтесь лжи и утрировки.* Никакой рядъ живыхъ, ловкихъ сценъ не замѣнитъ отсутствія основной идеи, а она является сама собою, когда въ романѣ есть два живыхъ, не одинаковыхъ лица. Это—*законъ природы: достаточно прикосновенія двухъ металлическихъ пластинокъ одной холодной, другой теплой, чтобы уже потекло электричество.* Но довольно; я люблю Васъ за то, что Вы любите литературу; и можно съ Вами толковать объ этомъ. Но писать лѣнь—ибо надо много. На счетъ музыки, если желаете знать, отчего я оставилъ ее (впрочемъ, не навсегда, если только живъ буду, ибо природа моя,

организація—музыкальна и перестанеть таковою быть только со смертью моею,—скажу вкратцѣ: я не уважаю ее—а только люблю. Она—моя любовница, но не жена. Я гораздо болѣе уважаю литературу, особенно беллетристику—романъ и драму, и если бы былъ человекъ съ обеспеченными средствами, то охотно взялъ бы ее себѣ въ жены. Но въ литературные работники, поденщики—ни за что. Свобода—дороже даже жены. Что Вы тамъ развиваете въ романѣ: «Гдѣ пристань»? Очень радъ, что Вы въ Питерѣ; Вамъ тамъ мѣсто. Надѣюсь и желаю, что супруга Ваша здорова и довольна и что семейство Ваше приноситъ Вамъ тихія радости—конечно рядомъ съ заботами, которыми только и держится семейное начало. Voilà le mot! Пресыщенный Парижъ среди всеобщаго разврата открылъ крестовый походъ противъ избѣгающихъ брака... О, содомъ и гомора; О! О! Га! Га! Впрочемъ чортъ съ ними! Я бы желалъ когда-нибудь вмѣстѣ съ Вами *совмѣстно* написать что-либо, какъ пишутъ французы. Было бы любопытно. Деньги пополамъ. Впрочемъ, теперь это нельзя. Досвиданія, добрѣйшій Григорій Петровичъ! Благодарю Васъ за вѣсти о Тюринѣ и Костомаровѣ. Бѣдный Александръ Федоровичъ; его жена, я догадываюсь, доживаетъ послѣдніе дни. Это—большое испытаніе: мнѣ жаль нашего добраго, милаго Александра Федоровича. А Костомаровъ, говорятъ, хотѣлъ жениться на гувернанткѣ. Мнѣ рассказывала объ этомъ извѣстная *Милорадовичъ*, патриотка. Она была въ Одессѣ и собирается провестъ здѣсь всю зиму. Мы съ ней быстро подружили. Она была красивая женщина, но сильно здоровье ея разстроено. Я не женатъ доселѣ и, надѣюсь, на долго, если не навсегда. Обстоятельства жизни такъ сложились, что я уже не требую отъ жизни жены. Довольно я любовницы. Братъ Nicolas Вамъ кланяется. Еще лѣтъ 4--5—и дѣло въ шляпѣ. Дочь его 16-ти лѣтъ *невеста*, очень миленькая, высокая, стройная, прекрасные глаза. Приданое надо давать скоро. Мои финансы въ прошломъ году были въ полномъ безпорядкѣ. Въ этомъ 1869 г.—я успѣлъ собрать до 6000 р. въ руки. Въ 1870 г. буду собирать еще до 6000 р. (т. е. это быв-

шія мои сбереженія, превратилъ въ векселя—на $\frac{1}{2}$ надежныя, а на $\frac{1}{2}$ кто знаетъ)? Разсчитывая, что если посижу на мѣстѣ 4—5 лѣтъ, то завоюю себѣ свободу отъ поденнаго труда, и тогда... что же тогда? Ноги задрать вверхъ и *dolce farniente*. Право, буду доволенъ, ибо я не жадеиъ.

Весь Вашъ П. Сокальскій.

Сообщ. Д. Вагалѣй.

САНИТАРЪ.

(Оповідання ликаря).

Тяжку годину переживъ нашъ народъ за холеры 1892 та 1893 року. Ликарської помочи було дуже мало, особливо въ тыхъ губерніяхъ, де нема земства: у Кывщини, на Волини та на Подилли, а до того ще бидный, темный народъ не тямывъ, що холера така сама пошисть, якъ и вси инши пошесни хоробы; никому и ніякъ було розъясныты людови, якъ и черезъ що розповсюжується та пошисть, та що треба робыты, щобъ захыстытысь видъ неи.

Народъ думавъ, що це кара Бога за грихы; де-яки балакалы, що ликари трують людей, що ликарямъ за те платять, навить цину говорылы: за чоловика 5 карбованцивъ, за жинку 3 (и тутъ навить жинка меньше цины мае!), а за дитей по 50 копійекъ. Скільки я розпытувавъ людей: яка-жъ прычына ликарямъ труиты народъ и хто мигъ бы имъ платыты за те гроши—нихто не мигъ мени сказаты. Тилькы одинъ полицейський урядныкъ казавъ мени, що чувъ видъ кого-сь, буцимъ то англичане думаютъ воюваты насъ, але, бачывшы, що народу у насъ сыла велька, пидкупылы ликаривъ, щобъ попереду выгубылы трохи народу.

Трудно, тяжко трудно було ликарямъ боротыся зъ пошестью середъ такой темрявы та забубонивъ.

Въ однимъ кутку на Волынському полисьи холера дуже лютувала.

Довелось мени прожыты тамъ трохы не два мисяци у сели Забирьи. Чымале те село розкынулось на писчаному горби надъ невелычкою ричкою, середъ виковичного соснового бору. Дыву-вався я не разъ, чому се холера такъ облюбыла те село, бо власне санитарни умовыны тамъ были гарни: на писчаному грунти болота не бувало николы; село лежало на горби и николы ниякыхъ калюжь не могло буты; хаты стоялы не густо, были й садочки, и города при всякій хати; гній у Полищукывъ ричь дорога и вывозять воны ёго разъ-у-разъ на поле. Вода була гарна, чыста; село було глухе, дуже далеко видъ мистъ та мистечокъ, а навругы ёго, кажу, на скильки миль розлигся старый сосновый бирь.

А про те холера тамъ дуже лютувала; траплялося, що въ одынъ день бувало по 60 слабыхъ и на превельку сылу встыгавъ я зъ фельдшеромъ обійты ихъ всихъ и даты помичъ.

Переляканный пошистью народъ розбигся по «заходахъ».

На Полисьи поля и синожати часто лежать дуже далеко видъ селъ, по 10—15 верстъ, бо здатной земли для оранкы тамъ мало, а бильше лиса та болота — мочары. Отже люде звыклы тамъ на своихъ далекихъ поляхъ та синожатахъ ставыты соби холодни хаткы, або хочъ курини та халабуды, и жыуть по тыхъ «заходахъ» цилымы тыжнямы у робочу пору, тилькы у недилю вертаючысь до села, щобъ довидатысь до хаты.

Холера почалась у Забирьи въ осени, колы вси люде жылы вже у сели. А якъ почала пошисть косыты народъ, то мало не вси, хто бувъ здоровый, повтикалы до заходивъ, полышывшы хворыхъ на волю Божу, безъ догляду.

У заходахъ, звычайно, тежъ занедужувалы де-якы, тай тамъ и помыралы, а мени зъ фельдшеромъ не сыла була довидуватысь до тыхъ заходивъ, бо и у сели мы на превельку сылу встыгалы управлятысь.

Тяжко було намъ, а ще тяжче було бидному народови.

Бувало такъ, що никому було доглянуты хворыхъ, хочъ воды податы, никому було и домовыну, хочъ будь яку, збыты для помершого, яму выкопаты ёму на вичный спочынокъ. Не ставало

и дошокъ на домовыны, и доводилось де-колы збываты труну зо старыхъ ворить або розбыраты для того тынь, а въ одну домовыну клалы часомъ и по двое покійныкивъ, а дитей и по трое. Не доведы Боже, якый сумъ бувъ!

Булы, правда, санитары, котри обходылы хворыхъ, розносылы имъ лыкы, розтыралы ихъ, колы, було, корчи почнуть браты, робылы дезинфекцію и помогалы ховаты помершихъ. Але це бувъ народъ непевный, здебильшого бурлакы, пройдысвиты та пьяницы, бо путящихъ людей, охочыхъ до такой роботы, дуже трудно було знайти, та ще за невелику платню: пять рубливъ на мисяць, якъ тоди було назначено.

Не любылы люде тыхъ санитаривъ. Увійде, було, въ хату, то заразь просыть горилкы, бо, каже, при такой роботы не можна, щобъ не выпыть. Дадуть горилкы, та ще мусыть добре глядиты, щобъ не потягъ чого. А выпье, було, то почне верховодыты у хати, гукать та командувать, наче яке начальство, ховай Боже.

Але бувъ у Забирьи одынь санитаръ не такой, якъ вси инши, и варто про ёго де-що розказаты.

Звався винъ Демьянь Ходорчукъ и бувъ забирський такы хазяинъ-кравецъ—не зъ заможныхъ, але й не дуже бидный, такъ соби, середнёго достатку.

Демьянь бувъ пидстаркуватый чоловикъ, кремезный на вроду, трудящый, тверезый и дуже побожный.

Жыло ихъ тилькы двое старыхъ, бо диты пійшылы по свиту: дочкы виддани, сыны десь у городи на служби, одынь у москаляхъ. Стара, якъ тилькы почалась холера у Забирьи, майнула кудысь до дочкы тай не поверталась. Демьянь не схотивъ тикаты.

— Видь Бога не втечешъ,—говорывъ винъ. И по заграницяхъ хоробы бувають всяки и помырають люде. Що тоби назначено, видь того никуды не сховаешся.

Дывуваясь я не помалу, що Демьянь ставъ за санитаря, колы вси забирьяне цуралысь того дила, якъ нечыстого.

Не могли ёго ти пять рубливъ такъ скортиты, бо не бувъ винъ бидный тай ни для кого було такъ дуже збыраты гроши. Не такой зновъ винъ бувъ, щобъ за-для спасенія души таке

дило робыты, бо, по ёго думци, не конче треба було для души добро творыты: абы лышь лыха не робывъ.

Такъ, найнявся—тай годи; стара забралася, вдома роботы нема—чого жъ безъ дила вештатысь?

Чудный трохы бувъ зъ ёго санитаръ. У наши лыкы винъ не вирывъ, у дезинфекцію—ще меньше, хочъ и робывъ по совисти все, що казавъ ёму я, або фельдшеръ. И лыкы розносывъ, и теръ хворыхъ дуже щыро, и чыстывъ все, що треба було, але до того ще видъ себе дбавъ, щобъ хворый безъ покаяннѣя не померъ и свичечку щобъ дали ёму въ рувы, колы схоче помыраты. Воно не вадыть.

Дывный свитоглядъ ёго бувъ, дывни й розмови.

Оце прынесе до хворого лыкы, почне глядиты вухлыка, щобъ даты ёму запыть ихъ водою. Спытае хто:

-- Дядьку, воно-жъ не гирше буде видъ того?

— А я хйба знаю?

— Може смерть видъ того?

— Дурныцю кажешъ. Видъ Бога смерть, не видъ лывкывъ. У заходы видъ смерти не сховаешся. Онъ, кажуть, пятёхъ вчора поховалы у заходахъ, якъ собакъ закопалы, безъ покаяннѣя. Пый.

— Труять, кажуть.

— Пый. Колы тоби назначено видъ отруты вмерты, то такъ и буде.

— Таки правда: що труять лывкари?

— Мабуть, брехня. Собаци дававъ—не здохла. Тай не таки воны, здается, люде, на душогубывъ не скидаются.

Хвори слухалы Демьяна, хочъ винъ и не дуже ласкаво зъ пымы поводывся: часомъ и налае, було.

Вигъ не вирывъ, що холера—пошесна хороба, що вона входыть у тило зъ ййжою або водою. И не боявся ий.

Було почнешъ ёму розказуваты, якъ розповсюжуется ця хороба, на що потрібна дезинфекція; показувавъ я ёму и малюнкы холерныхъ бациллъ. Не йнявъ выры.

— Воно-бъ то выходыть, що люде мудрїйши стали видь Бога?—оответся було понуро.

— Чого-жь мудрїйши? Мабуть, и розумъ людянь Богъ дае, щобъ дила ёго розумилы.

— На що-жь людянь ти дила розумиты? Не гоже.

— Чому не гоже?

— А такъ. Одно дило треба розумиты: не гришы. А почнуть мудри люде Божи дила розбыраты—ще хто ёго знае, чы розберуть якъ слидь, чы ни, а грихъ тымъ часомъ вже йе: вже ти мудри и скоромъ у писть, не вамъ кажучы, йидять, и у блуди жывуть, у церкву не ходять. Тьху!

— То по вашому, Демьяне, выходыть, що хворобы личыть не треба, зъ пошестью боротысь не слидь, бо це дило Боже?

— А то-жь. Хвороба—кара Божа.

— А пожаръ гасыте, колы займется? Аджежь и пожаръ—кара Божа?

— Тожъ кара. Кто ёго знае?

— То на що-жь вы орете, сіете, збыраете хлибъ, заробляете гроши? Аджежь Богъ сказавъ: воззрїть на пыщи небесни, яко не сість и не жнуть, а Богъ годуе ихъ.

— Ни, не такъ кажете, выбачайте,—озвався Демьянъ. Богъ сказавъ чоловікови: за твій грихъ—въ поти лыця будешъ заробляты хлибъ соби. Отъ и повиненъ винъ заробляты. И вы у поти лыця заробляете соби хлибъ, и я, и всякъ другый. А хто чужый хлибъ йисть—грихъ. Хиба що калива, не може заробыты, ну то такому вже ёго калицтво—кара Божа. А колы заробывъ у поти лыця хлибъ, то й ховай ёго, и шануй, и гасы вогонь, колы горыть твоя праця. Працю шануваты треба. Не пошануешъ своеи—не будешъ шануваты и чужои. Такъ и до злодїйства доходятъ.

Я бачывъ, що Демьяна не переможешъ абы-якъ. Въ тимъ—якъ блискавка промайнула мени одна думка.

— Оце-жь вы кажете, що хворобъ личыты не треба. Але-жь и Исусъ Хрыстось личывъ слабыхъ, и святыи Демьянъ, що вы ёго имення маете, тежь бувъ ликаръ, знаете: Кузьма й Де-

мьянъ? И святой Пантелеймонъ бувъ ликаръ. Отже хочъ хвороба и видъ Бога, а вони личылы іи. Значыть, не грихъ?

Демьянъ здывовано подывывся на мене и задумався.

— Кто ёго знае.—сказавъ винъ, зитхнувшы,—може воно й такъ.

Зъ той поры Демьянъ переминывъ свою думку про непотрибнисть лививъ, и я знаю, що навить хворымъ, говорывъ винъ, що ливы прыймать треба, бо святы ликари давали ихъ.

Але въ потребу дезинфекціи та чистоты винъ все такы не вивывъ и колысь навить сказавъ мени, що такоого и святы ликари певне не велилы робыть. Я не мигъ вже прыгадаты зи святого пысьма доказу для дезинфекціи, бо знавъ певне, що святы Кузьма и Демьянъ жылы передъ Листеромъ и Пастеромъ, не знали ни микроскопа, ни бациллъ, а значыть и дезинфекціи не робылы.

Оце, було. зайду до слабого. Демьянъ тре ёму ноги «шпингаромъ», щиро тре, ажъ упріе самъ, дали покладе ёму прыпарку зъ высивокъ на жывить, вытре свои руки у рядныну, що постелена слабому, выпростыть натружену спыну та вытре рукою мокре чоло.

— Ху! ажъ зогрився.

— Демьяне, скажу я, помыйте руки.

— Та вони чысти.

— Та помыйте бо, кажу. Вони по вашому, чысти, а зараза на нихъ йе. Хлибъ будете браты, до хлиба вона прыстане, тай найистеса лыха.

Демьянъ пры хворыхъ зю мною не сперечався, бо знавъ, що я того не люблю, а мене винъ поважавъ, може трохи й за мой богословскыи видомости, на ёго мирку—велыки.

Винъ хочъ неохоче, але мывъ руки.

А потимъ, у вильну хвылыну, якъ не було работы, зачепыть такы мене.

— А оце, пане, якъ воно выйде: вы мени кажете разъ-у-разъ руки мыты. А безъ васъ, выбачайте, и не мышъ ихъ, и хлибъ йисы, а воно й ничего. Воно, по вашому, скрызъ зараза

йе: и на одежи, и на стинахъ, и на доливци, и на дверяхъ—то выходить: тилькы й роботы людныи, що руки мыть. Увійшовъ у хату—мый, вийшовъ зъ хаты—мый, почухався, выбачайте—мый. А до мене ось, бачите, не прыстае. Що-жъ—то, хйба я у Бога праведныкъ? Такий—саме гришний, якъ и вси.

Подекуды Демьянъ казавъ правду.

Розсказувавъ я ёму, що здоровыхъ, крипкихъ людей, не пытущихъ, зараза не такъ швидко поборе, але знавъ я, що мій доказъ слабкій, що не вдовольнить винъ допытливого, цикавого розуму Демьяна.

— Гай, гай!—казавъ винъ.—А хйба забулы вы Романа Колодія? На що вже здоровенный, якъ бугай, и не пытущий бувъ, хай царстvue. А скрутыло ёго въ одынь день, до вечора не доживъ. Вже-жъ постаралысь коло ёго и вы, и фершалъ та що зъ того? А оте мале, сусидське, выдужуе; яке паршыве, просты Господе, ще й горбате. Що й казаты!.. Кому назначено. Воно такъ сважемъ примирно, якъ на війни: якъ котрый, такъ и пидъ турка, и пидъ поляка и на Кавказъ ходывъ, може въ якихъ двадцаты страженіяхъ перебувъ, а якъ кому другому, такъ тилькы посунувся—аминь тоби.

Туть вже Демьянивъ верхъ бувъ.

Ще труднійше було мени зъ Демьяномъ черезъ ёго практичну, бережливу, навить трохы скупу вдачу. якъ доводилось роботы дезинфекцію писля слабого або помершого. Сважешъ помыты все шмаття—воно добре, чому-жъ не попраты. Але на що ёго попереду мочыты у сулеми? Сулема дорога, гроши коштуе, здалась-бы на що инше, пугаще. Помыты лавы, столы—можна; та нехай бы вже передъ святамы, а не у пистъ. И на що ихъ мыты мыломъ? Хто такы бачывъ, щобъ дерево мыломъ мыты? Ну, нехай-бы пискомъ потерла дивка. А мыло-жъ гроши коштуе, для шмаття воно назначено.

Побилыты хату можно, воно й добре. Але на що-жъ сыпаты вапномъ доливку? Хто таке бачывъ?

Посыпае, було, Демьянъ доливку вапномъ; йидке негашене вапно вийидае очи, пече въ носи, а Демьянъ вже не стерпыть:

тай клене, бубоньты соби про себе: «нехай ёму маму мордуе зь ёго дохторамы, зь ёго фершаламы, зь дурнымы выгадкамы. Апчхы! просты Боже»!

А найгирше було зь теплою, зимовою одежою.

Мени булы дани гроши, щобъ я мигъ платыты людямъ за ти речи, яки доведется попалыты для зныщення заразы.

Отже палылы мы те, чого не можно було вымочыты и выпраты: подушкы, кожухы, якымы вкрывалысь слаби, кылымы, шапкы та валянкы. Поклычу було старосту, понятыхъ чоловіка трое, тай цинуемо, скылько вартъ, напрыкладъ, кожухъ? Опцунують люде, напрыкладъ, стару кожущанку вь карбованцивъ висимъ, а я накыну поверхъ того ще карбованця або й два, щобъ не нарикалы люде на крывду и не ховалы видъ мене одежи.

— Ну, Демьяне, згортайте оту солому, що була пидъ рядномъ, берить кожухъ, таскайте все на городъ тай палить. Та далеченько йдуть, щобъ крый Боже, пожежи не зробыты.

Оце для Демьяна була справжня пеня.

Ну якъ такы палыты працо? Нехай-бы вже солому; що вона тамъ варты, оберемокъ якыйсь,—та и то краще було-бъ у хливець вытрусыты, гній бувъ-бы. А кожухъ же гроши яки вартъ! Хиба жъ не грихъ знущатысь такъ, працо нивечыты, палыты?

Скажу було: Демьяне, вы-жъ заразу палыте, людямъ добро робыте, крывды никому нема: кожухъ вже ничый, за ёго гроши виддани; ще кращый, новый соби куплять.

— Напалылы вже тией заразы, а хоробы не спалылы. Хиба меньше теперь слабують? Грихъ, ий-Богу грихъ!

— Ну палить, Демьяне, палить. Нехай вже це мій грихъ буде.

— Хто ёго зна, чый грихъ?

А пошеть такы косыла людей тай косыла. Ажъ передъ Риздвомъ, якъ взялы морозы, почала вона вгаваты. Хворыхъ стало меньше, меньше й помырало, а вже якось бильше выдужувало. На мою думку, сыла, заразы поменшала видъ морозу, бо холера сама родомъ зь Индіи, земли теплои, и у насъ вона

свое дило робыла добре, покы було тепло. Приборкавъ ии холодъ краще, нижъ наша дезинфекція. Така була моя думка, але того я Демьянови вже не казавъ. Згодомъ я выйихавъ зъ Забирья.

Пописъ тамъ вже була спынылась, але поодыноки люде ще де-не-де занедужувалы, траплялось що й помыралы. И на весну и у литку ще траплялись холерни хвори, не такъ вже у Забирья, якъ по околычныхъ селахъ та мистечкахъ, навить у такихъ мисцяхъ, де торикъ пошести не було. Трудно було зрозумиты, чога се такъ облюбыла холера той глухой закутокъ Полисса.

На другу осинь трапылась прыгода у Забирья: обикрадено почтаря, Кырыла Хвою.

Хвоя бувъ багатырь на все село: и земли, и скотыны мавъ найбильше; державъ волостну почту—шестеро коней, гроши дававъ людамъ пидъ закладъ на процентъ або на видробитокъ, якъ колы—то й киньмы барыщувавъ. Хазяйство було у ёго якъ у пана: хата добра, на помости, рундукъ зъ вытребеньками, свитлыця гарна, вся завипана та застелена кылымамы. Якъ доводилось ночуваты у Забирья якому начальству, то вже не въ кого, якъ у Хвои.

Земли державъ винъ багато, гнойивъ ии добре, то й родыла, якъ ни у кого, а робитныкъ бувъ ёму дешевый, бо видроблялы ёму люде гроши.

Комора була у Хвои, якъ яка добра крамныця, бо и своего добра мавъ чымало и людського, що у заставъ давалы, ще бильше. Комору-жь и обикрадено.

Самъ Хвоя ночувавъ у стайни, бо трусывся за коней, а кони булы у ёго дороги. За комору винъ и не боявся бо, була вона пры хати, двери дубови, добри, виконце зъ залізными кгратамы, якъ у острози, а собаки у двори люты.

Отже ворогъ собакъ ёму потруивъ, кграты у комори высадывъ ломомъ тай выбравъ, що було краще: одежу всяку—и свою, и людську, упряжь нову, яку державъ почтарь для справныка та

мирового, кылымы, полотна,—шкоды на карбованцивъ трыста, колы не бильше.

Репеть знявся у-ранци; зійшлись сусиды, люде, балакалы, выгадували всячыну. Слidy бувъ за тыномъ, що лидйхавъ возомъ; у кропиви знайшли сувий полотна, що згубылы злодii; дали вулицею слidy пропавъ, а зновъ билия ворить Демьяна Ходорчука, санитара, знайдено кылымъ. Признався и хазяинъ того кылыма, що заставывъ ёго недавно почтареви.

Хвоя верхы скочывъ до станового у Рокытну.

Въ обидню пору прыйхавъ становой, роздывываясь, ходывъ за слидомъ, людей розпытуывавъ, чы не думаютъ на кого. Нихто не мигъ сказаты.

— Чого-жь це кылымъ знайшовся билия Ходорчуковыхъ ворить?—Спытавъ становой.

— Згубылы, мабутъ, озвався староста. Полотно ось у бурьяни знайшли, тежь згубылы.

— Полотно не дыво, що згубылы, передаючи черезъ тынъ. А якъ-же зъ воза кылымъ згубыты?

— Чому-жь, хиба не буває таке?—озвався хтось. Дячыха чоловика пьяного згубыла, вертаючысь зъ весилля.

Зареготалысь люде, сміялося й начальство:

— Жартъ жартомъ,—сказавъ становой,—а думка така, чы не знае чого Ходорчукъ у цій справи. Нема ёго тутъ?

— Нема и не бувъ.

— Дывно. Все село тутъ перебуло, а винъ не навидався.

— Мабуть, дома немає, на базаръ поийхавъ

— Винъ разъ-у-разъ по ярмаркахъ всячыну возыть, продае,—озвався хтось.

— У ту недилю кожухъ продаывавъ у Рокытному,—сказавъ другый.

— Эге, продаывав!

— Та-акъ,—сказавъ становой, задумавшысь. Чы не переховуе винъ часомъ краденого, онъ-що? Соцькый, беры двохъ десятичкыхъ, йды зо мною до Ходорчука, а вы розйдитесь, ничего тутъ товктысь. Гайда!

Але люде не розійшлыся; такъ цілою юрбою й посунули оддалі за становымъ.

Ходорчукъ бувъ дома. Якъ увійшовъ становый, зъ понятымы у двирь, винъ вийшовъ зъ хаты, привитавъ здывовано, поглядаючи на юрбу людей биля своихъ ворить.

Становый знавъ Ходорчука ще зъ торишнѣи холерной поры.

— Ось що,—brate, сказавъ винъ, кывнувшы головою на поклінъ Демьяна:—обчыстылы комору у Хвои, чувъ?

— Чувъ.

— А не знаєшь, куды подилася пропажа?

Якъ мени знаты? Хиба я тамъ бувъ, колы кралы?—здывовано видповидавъ Демьянъ.

— Може й не бувъ, видповивъ становый, але коло твоихъ ворить кылымъ знайшовся.

— Такъ що-жъ?

— Думка така, бачышь, чы не знайдется ще де-що у тебе въ хати?

— Демьянъ шырокымы очыма подывывся на станового и видступывъ назадъ.

— Грихъ вамъ буде, ваше благородіе, що таке на мене думаєте. Я вже, хвалыть Бога, до сывого волоса дожився и зроду зъ злодіями не знався. Хиба хто скаже про мене таке?

— Та ніхто не каже,—видповивъ трохы збентежений становый. Та ось, кажуть, ярмаркуешъ одежою, то-що.

— Я-жъ кравецъ, видповивъ Демьянъ.

— Та воно такъ,—видповивъ становый; а все-жъ певнице буде, колы поглядимо у тебе; поговору не буде. Не знайдется ничего, то й тобі краще.

— Про мене, шукайте,—видказавъ Демьянъ.

Увійшли въ хату; перетрусылы все и у скрыняхъ, на печи по всихъ закапелкахъ, у комори—не знайшли ничего.

— А полизьте хлопци на горище, сказавъ становый.

Полизло двое.

— Ие, ваше благородіе!—гукнувъ зъ горища соцькый: и кожухы й кылымы, и свыты.

— А що?—звернувся становый до Демьяна,—честный чоловікъ, зъ роду не знався зъ злодіями!—глумливо говорывъ винъ, лизучы самъ по драбыни на горище.

— Бо й не знався такы зъ роду,—казавъ сьмыливо Демьянъ.

На горищи справди бувъ цилый складъ всякого добра? Найбільше одежи, кожухивъ, та кылымивъ.

— А де ты, честный чоловіче, набравъ такого добра?—пытавъ зверху становый? А покличте сюды Хвою, нехай признае свою пропажу.

— Та це не ёго добро,—озвався Демьянъ.

— А чые-жь, голубе мій сывый?—допытувавъ ядовыто становый.

— Холерне,—видказавъ Демьянъ.

— Яке холерне?

— Торикъ, значить, якъ помыралы люде, то докторъ цинувавъ всяку оцю одежу та веливъ мени палыты. Ну, а я пожаливъ палыты...

Становой страшенно боявся холеры. Мовъ опшареный, прожогомъ винъ спустывся зъ горища черезъ одну, черезъ дви щаблыны, а зъ половыны драбыны зискочывъ на землю, важко дыхаючи и дыкымъ поглядомъ вырочывся на Демьяна. А Демьянъ спокійно казавъ дали.

— Воно ничіе, за ёго гроши выдани людямъ, докторъ платывъ пры старости...

— На.. на що-жь, на що-жь ты ёго ховаешъ?—скрыкнувъ становый.

— Та такъ. Потрѣхы продаю по базару... А щобъ краденого...

— Иродь!.. завыщавъ становый, ты-жь заразу продаешъ!

Иродъ усмихнувся.

— Яка тамъ зараза! Це доктори выдумалы... Хиба воно видъ заразы?

— Та воливъ-бы ты краще десять разъ крадене продаваты, а нижъ таку погань! Анафемо!

— Яка-жъ це погань? Що погане було, старе, дрантыве, те я палывъ. А це не погань. Вапа-жъ пани сами у мене купылы на Покрову кылымъ у Рокытному на базари, гарный кылымъ, дешево видавъ...

М. Левицькый.

Іосифъ Максимовичъ Бодянскій и его заслуги для изученія Малороссіи ¹⁾.

V.

Основаніе кафедры славяновѣдѣнія въ Москвѣ. Приготовленіе О. М. Бодянскаго къ занятію этой кафедры. Критическая статья О. М. Бодянскаго о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика. Магистерская диссертація О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Критическая статья О. М. Бодянскаго объ изданной Ѳ. Буларинымъ книгѣ «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ».

Изъ воспоминаній К. С. Аксакова мы уже знаемъ, что въ университетѣ О. М. Бодянскій былъ однимъ изъ самыхъ дѣльныхъ студентовъ и серьезно занимался исторіей ²⁾. Обстоятельства, впрочемъ, не сдѣлали изъ него спеціалиста-историка, а толкнули его на новый путь—славяновѣдѣнія, гдѣ онъ и приобрѣлъ себѣ крупное, почетное имя въ наукѣ.

Окончаніе О. М. Бодянскимъ университета совпало какъ разъ съ введеніемъ въ русскихъ университетахъ новаго устава 1835 года, по которому учреждалась и новая кафедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій.

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1903, № 3.

²⁾ День, 1862 г. № 40.

Хотя основаніе этой кафедрѣ и не было неожиданной случайностью, потребность въ ней сознавалась давно, но самый фактъ основанія засталъ русскихъ ученыхъ, можно сказать, врасплохъ. Любителей славяновѣдѣнія было немало; специалистовъ же, ученыхъ, годныхъ для занятія кафедрѣ славянскихъ нарѣчій, совсѣмъ не было. Въ Москвѣ кафедру эту занялъ временно извѣстный, но тогда уже сильно постарѣвшій, учитель О. М. Бодянского М. Т. Каченовскій, болѣе другихъ, конечно, имѣвшій правъ на ея занятіе. Сдѣлана была затѣмъ попытка пригласить въ Москву профессоромъ славянскихъ нарѣчій знаменитаго І. Шафарика, на тотъ отклонилъ предложеніе. Тогда остановились на О. М. Бодянскомъ ¹⁾).

Бодянскій былъ учителемъ въ одной изъ московскихъ гимназій. Ходилъ разсказъ, что извѣстный московскій попечитель гр. С. Г. Строгановъ пришелъ однажды въ классъ латыни къ Бодянскому и, нѣсколько пораженный его украинско-семинарскимъ произношеніемъ, замѣтилъ ему: «Какъ дурно вы читаете по-латыни. «А вы почему знаете, что я дурно читаю—отвѣчалъ Бодянскій:—быть можетъ, римляне читали еще хуже меня!» Любителю смѣлыхъ и оригинальныхъ отвѣтовъ этотъ отвѣтъ понравился, и съ этихъ поръ началось ихъ сближеніе ²⁾). Сближеніе это и привело О. М. Бодянского къ кафедрѣ.

Разсказъ, передаваемый А. А. Котляревскимъ, вѣроятноѣ всего, принадлежитъ къ числу тѣхъ своеобразныхъ анекдотовъ, которыхъ не мало, говорятъ, ходило про грубую прямоту О. М. Бодянского. Сближеніе О. М. Бодянского съ С. Г. Строгановымъ могло произойти и другимъ способомъ—черезъ М. Т. Каченовскаго или черезъ М. П. Погодина. Какъ тотъ, такъ и другой, должны были хорошо знать О. М. Бодянского. У М. Т. Каченовскаго О. М. Бодянскій работалъ по русской исторіи, и мы видѣли уже, что первыя работы О. М. Бодянского по исторіи

¹⁾ А. А. *Кочубинскій*. Графъ Строгановъ въ Вѣст. Евр. 1896 г. іюль, стр. 165 и слѣд.

²⁾ Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

носятъ на себѣ всѣ слѣды скептицизма М. Т. Каченовскаго. Такъ естественно было для Каченовскаго, разъ самъ онъ перешелъ на кафедру славянскихъ нарѣчій и литературъ, сосредотить и занятія своего ученика на этомъ предметѣ. Еще большее значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ для О. М. Бодянскаго М. П. Погодинъ. Мы уже знаемъ изъ отзыва самого О. М. Бодянскаго, какую роль сыгралъ М. П. Погодинъ въ его ученой судьбѣ, какъ онъ живо интересовался его занятіями, направлялъ ихъ, помогалъ имъ.

Точныхъ фактовъ у насъ нѣтъ, но мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что Погодинъ съ Каченовскимъ предназначали на кафедру славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ именно О. М. Бодянскаго. При такихъ обстоятельствахъ, гр. С. Г. Строганову совсѣмъ не трудно было «ориентироваться среди новыхъ условий»¹⁾: стоило только съ довѣріемъ отнестись къ людямъ науки. Онъ такъ и сдѣлалъ.

Разъ выяснилось для О. М. Бодянскаго направленіе его ученой карьеры, молодой ученый все свое вниманіе сосредоточилъ на изученіи славянскихъ нарѣчій и литературъ. Въ сентябрѣ 1836 года Бодянскій подалъ въ совѣтъ университета просьбу о допущеніи къ экзамену на степень магистра «преимущественно по предмету исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій». Магистерскій экзаменъ происходилъ въ октябрѣ въ полномъ собраніи перваго отдѣленія философскаго факультета и въ присутствіи двухъ депутатовъ отъ совѣта университета. На экзаменѣ присутствовалъ и попечитель С. Г. Строгановъ. Это показываетъ, что уже тогда онъ относился къ О. М. Бодянскому съ интересомъ.

Экзаменъ, какъ письменный, такъ и устный, сошелъ у О. М. Бодянскаго хорошо: «всѣ гг. испытатели, говорится въ официальномъ донесеніи словеснаго факультета совѣту, изъявили полное свое удовольствіе». Для магистерской диссертациі была предложена тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ», «поелику, говорится въ томъ же донесеніи, кандидатъ Бодянскій

---

¹⁾ А. А. Кочубинскій, гр. С. Г. Строгановъ. Вѣст. Евр. 1896. июль, стр. 185.

заранѣе объявилъ, что славянскія нарѣчія и ихъ литература составляютъ главный предметъ его занятій» 1).

Тема «О народной поэзіи славянскихъ племенъ» была официально предложена факультетомъ, но надъ ней О. М. Бодянский уже раньше работалъ подъ руководствомъ своего учителя Каченовскаго, который то собственно и предложилъ эту тему въ факультетѣ

Въ 1835 году въ 4 книгѣ журнала «Московскій Наблюдатель» появилась первая работа О. М. Бодянскаго, явившаяся результатомъ занятій его славянскими нарѣчїями и литературой. Это была критическая статья о «Народныхъ свѣванкахъ или свѣтскихъ пѣсняхъ словаковъ въ Венгріи», изданныхъ въ 2 частяхъ Яномъ Колларомъ въ 1834 и въ 1835 годахъ.

Статья начинается указаніемъ, какъ мало извѣстно про словаковъ въ Россіи, причемъ выражается увѣренность, что съ основаніемъ славянскихъ кафедръ въ русскихъ университетахъ, знакомство русскихъ съ славянскимъ міромъ станеть на прочную почву. «Придетъ пора—говорить О. М. Бодянский,—и у насъ явятся свои, Дубровскіе, свои Линде, Юнгманы, Копитари, Караджичи и т. п. растолкуютъ намъ, какъ важно, необходимо для насъ узнать покороче славянскія племена, эту кость отъ костей и плоть отъ плоти нашей; какъ неизвинительно, вредно было наше невѣдѣніе объ нихъ, и, напротивъ, сколько пользы можетъ произойти отъ ближайшаго съ ними знакомства» 2).. Пользуясь сочиненіемъ Шафарика «Geschichte der Slavischen Sprache und Litteratur nach allen Mundarten», О. М. Бодянский цѣлую статью посвящаетъ историко-этнографическому очерку словацкаго племени, а затѣмъ уже, во второй статьѣ, переходитъ къ словацкимъ пѣснямъ, стараясь опредѣлять ихъ характеръ и отношеніе ихъ къ пѣснямъ другихъ славянскихъ племенъ. Въ этой второй статьѣ высказана сущность всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя потомъ были подробнѣе развиты въ магистерской диссертациі О. М. Бодянскаго «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Нѣкоторыя страницы изъ

1) Рус. Ст. 1879 г. ноябрь стр. 462—463.

2) «Московскій Наблюдатель», стр. 385.

критической статьи о сборникѣ Коллара, какъ напр., страницы о поэзіи великороссовъ¹⁾, малороссовъ²⁾ и поляковъ³⁾ почти цѣликомъ были перепечатаны въ диссертациі О. М. Бодянскаго. Потому мы и не будемъ болѣе останавливаться на статьѣ О. М. Бодянскаго о сборникѣ Коллара, хотя она, конечно, и интересна въ исторіи постепеннаго развитія научныхъ мнѣній знаменитаго славіста.

Занимаясь славянскими нарѣчіями, О. М. Бодянский скоро приобрѣлъ себѣ извѣстность знатока ихъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ поручилъ ему написать специально для Шафарика статью о малорусскомъ нарѣчій, и Шафарикъ встрѣтилъ ее очень лестнымъ отзывомъ. «Систематическое полное обзорѣніе и характеристика діалектовъ русскихъ, писалъ по этому поводу Шафарикъ Погодину, есть *prim desiderium*, можетъ быть исполнено Бодянскимъ: его письма о малороссійскомъ столь превосходны, что я желаю распространенія его изслѣдованія на бѣлорусское, новгородское»⁴⁾. Когда вышла въ свѣтъ первая тетрадь «Славянскихъ Древностей» Шафарика Погодинъ задумалъ перевести ее на русскій языкъ. «Я убѣдилъ, пишетъ Погодинъ г. Бодянскаго, одного, или лучше сказать, единственнаго знатока славянскихъ нарѣчій въ Москвѣ, принять на себя переводъ этой важной книги»⁵⁾. Шафарикъ, послѣ нѣсколькихъ колебаній, согласился на это, хотя просилъ не спѣшить съ переводомъ и, во всякомъ случаѣ, стараться, чтобы «переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»⁶⁾. О. М. Бодянский съ большою готовностью взялся за это дѣло. Самъ онъ въ своихъ научныхъ занятіяхъ исходилъ отъ

1) Моск. Набл. 1835 г. ч. IV, стр. 581—584, ср. О нар. поэзіи, стр. 114—120.

2) Моск. Наб., стр. 584—592, ср. О нар. поэзіи, стр. 122—134.

3) Моск. Наб., стр. 592 и слѣд. ср. О нар. поэзіи, стр. 80 и слѣд.

4) *Н. П. Барсуковъ. Жизнь и труды М. П. Погодина* т. IV, стр. 427.

5) Тамъ-же, стр. 427—428.

6) Тамъ-же, стр. 428.

Шафарика и былъ убѣжденъ въ необходимости перевода его «Славянскихъ Древностей» не только на русскій, но и на другіе европейскіе языки. Въ 7-й части «Московского Наблюдателя» за 1836-й годъ былъ напечатанъ переводъ историческаго изслѣдованія Шафарика «О народахъ скифскаго племени», сдѣланный О. М. Бодянскимъ, независимо, кажется, отъ инициативы Погодина. Въ 8-й части того же «Московского Наблюдателя» и за тотъ же 1836-й годъ появилась статья Бодянского «Мысли о древности славянъ въ Европѣ». Статья представляетъ собой пересказъ, а въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ прямо таки переводъ работы Шафарика «Мысли о самобытности славянъ въ Европѣ». Въ предисловіи къ этому пересказу О. М. Бодянский дѣлаетъ оцѣнку Шафарика и его трудовъ. Шафарика онъ называетъ «глубокимъ знатокомъ славянскихъ языковъ, славянской словесности, дѣписанія и древностей, основательнымъ цѣнителемъ и неутомимымъ изслѣдователемъ всего относящагося къ славянскому міру»¹⁾. Отъ «Славянскихъ Древностей», которыя тогда начали выходить тетрадами, О. М. Бодянский ожидалъ «рѣшенія многихъ сомнѣній и спорныхъ вопросовъ, объясненія темныхъ мѣстъ какъ вообще исторіи міра и славянскихъ народовъ, такъ и въ частности исторіи нашего отечества, если не вездѣ окончательнаго, по крайней мѣрѣ, способнаго надоумить другихъ изыскателей, навести ихъ на новую тропинку и, такимъ образомъ, значительно споспѣшествовать дальнѣйшему совершенствованію нашихъ историческихъ свѣдѣній». Бодянский выражалъ при этомъ надежду, что «это отличное твореніе не замедлитъ появиться въ переводѣ и на другіе европейскіе языки, равно какъ и на нашемъ родномъ, и, разумѣется, прямо съ подлинника, т. е. съ чешскаго языка»²⁾.

Двѣ первыя книги перваго тома «Славянскихъ Древностей», въ переводѣ О. М. Бодянскаго, вышли въ 1837 году; третья книга, хотя и получила цензурное одобреніе, но вышла въ 1838 году³⁾. Съ изданіемъ книги на русскій языкъ случилось то, чего

1) Московскій Наблюдатель 1836 г. ч. VIII, стр. 49.

2) Тамъ-же.

3) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 93.

особенно боялся Шафарикъ. «Мнѣ будетъ очень пріятно, писать онъ Погодину, когда возникла только мысль о переводѣ, если не будете сѣшнить съ русскимъ переводомъ, потому что все сдѣланное на скорую руку не бываетъ хорошо, а я желалъ бы, чтобы переводъ былъ вѣренъ съ подлиннымъ»¹⁾. Благодаря поспѣшности переводъ былъ изданъ очень небрежно; такъ что въ послѣдствіи, въ 1848 году, Бодянский счелъ нужнымъ переиздать его вновь²⁾. Самый рѣзкій отзывъ о трудѣ Шафарика, о самомъ Шафарикѣ и о переводѣ Бодянскаго былъ сдѣланъ Сенковскимъ въ «Библиотекѣ для чтенія». «Этотъ переводъ, говоритъ Сенковский, сдѣланъ такъ искусно, что нашъ языкъ кажется въ немъ почти богемскимъ»³⁾. О Бодянскомъ Сенковский выражался, что онъ «служитъ въ русской литературѣ по словенской части».

О. М. Бодянский отвѣчалъ Сенковскому на его критику коротенькой замѣткой. «Переводчикъ «Древностей», писалъ онъ, считая дѣломъ вовсе бесполезнымъ вступаться за книгу или за автора, и не отказываясь отъ чести служить въ русской литературѣ по словенской части, какъ угодно провозгласить объ этомъ г. Сенковскому, желалъ бы очень съ своей стороны знать: по какой части въ русской литературѣ служить г. Сенковский?»⁴⁾.

Переводъ «Славянскихъ Древностей» Шафарика шелъ параллельно съ работой О. М. Бодянскаго надъ магистерской диссертацией «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Она была напечатана и защищена въ 1837 году. Основныя мысли, развитыя въ ней, какъ мы уже замѣчали, были высказаны О. М. Бодянскимъ еще въ 1835 году въ отзывѣ его о сборникѣ словацкихъ пѣсенъ Яна Коллара. Нельзя, поэтому, особенно удивляться быстротѣ, съ какой, будто бы, написана эта диссертация въ 154

1) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. IV, стр. 428.

2) Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 439.

3) Библиотека для чтенія 1837 г. XXIII, стр. 62—64. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 95.

4) Жизнь и труды М. П. Погодина, т. V, стр. 98.

страницы небольшого формата ¹⁾). Несомнѣнно, О. М. Бодянский работалъ надъ диссертациею раньше, чѣмъ она была предложена ему оффиціально факультетомъ. Хотя предложилъ ее Каченовскій, но мы врядъ ли ошибемся, если будемъ думать, что тема для диссертации была выбрана, по взаимному соглашенію Каченовскаго съ Бодянскимъ. По крайней мѣрѣ, она прямо вытекала изъ того интереса, который обнаруживалъ Бодянский къ изученію народной литературы и который онъ проявилъ въ цѣломъ рядѣ статей, съ которыми мы уже познакомились выше. Въ диссертации Бодянскаго мы найдемъ только наиболѣе полное обоснованіе тѣхъ мыслей, которыя онъ высказывалъ и раньше, часто мимоходомъ, въ своихъ журнальныхъ статьяхъ.

Для характеристики тогдашнихъ научныхъ взглядовъ Бодянскаго диссертация представляетъ большой интересъ. Мы, поэтому, остановимся довольно подробно на ея содержаніи. Въ настоящее время она, конечно, большой научной цѣны не имѣетъ: много въ ней парадоксальнаго, мало обоснованнаго, отвергнутаго наукой. Но въ свое время диссертация Бодянскаго сыграла крупную роль. «Въ 1837 году, говоритъ А. А. Котляревскій, это былъ живой, исполненный воодушевленія манифестъ о славянскомъ народномъ характерѣ, раскрывающемся въ его поэзіи. Еще больше, чѣмъ у насъ, значеніе имѣла эта книга у западныхъ славянъ: она была переведена на языки сербскій и итальянскій (гр. Медо Вучичемъ) и въ извлеченіи—на чешскій (Штуромъ)» ²⁾.

«Въ наше время всеобщаго стремленія къ самобытности—такъ начинается Бодянский свою книгу—всѣ почти народы, особенно европейцы, хотя и жить жизнию, въ полномъ смыслѣ имъ принадлежащую, вытекающею изъ собственныхъ ихъ нѣдръ, слагающеюся изъ совокупности всѣхъ стихій человѣческаго бытія, коими навсегда устанавливается фizioномія народа, рѣзко и мѣтко отличающая его отъ его сосѣдей и прочихъ народовъ; короче, хотя и быть независимыми, истинно народными». Теперь

1) Вѣстн. Европы, 1886 г. іюль стр. 191.

2) Сочиненія А. А. Котляревскаго т. II, стр. 434.

всѣ твердо убѣждены, что не все чужое—хорошее, а потому и не все чужое слѣдуетъ перенимать, а только «то, что безъ насилія прививается, усвоивается, обращается въ родное». Прошла пора соблазнительныхъ идей космополитизма, когда думали всѣ народы перекроить по одному образцу, признанному безусловно изящнымъ. Всякій народъ хочетъ въ настоящее время оставаться тѣмъ, чѣмъ онъ есть, «жить своей коренной жизнью, мыслить своей головой, чувствовать своимъ сердцемъ, желать своей волей, дѣйствовать самъ собой, непосредственно, и, такимъ образомъ, жить всѣми силами своего бытія, сдѣлаться вполнѣ *народнымъ*». Народность не препятствуетъ совершенствоваться какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и цѣлому народу. Совершенствованіе обуславливается и достигается только при посредствѣ образованія и просвѣщенія, а просвѣщеніе, гдѣ угодно, уживается. Только худо понятое или и вовсе ложное просвѣщеніе тѣснить и давить, гонить и истребляетъ народность. «Неужели просвѣщеніе необходимо требуетъ изглаженія всѣхъ родимыхъ оттѣнковъ, требуетъ уровня безцвѣтности? Кто менѣе образованъ: страстно ли привязанный къ идеализму нѣмецъ, суетливый французъ, или расчетливый англичанинъ? И, однако же, родная фізіономія въ каждомъ изъ нихъ положительно всегда проглядываетъ, какъ въ людяхъ, занимающихъ высшія государственныя должности, отличающихся преимущественно своимъ просвѣщеніемъ, такъ и въ людяхъ, стоящихъ на низшей ступени общества, и ни вельможа, ни поденщикъ, ни лордъ, перъ, герцогъ, ни селянинъ и нищій, не гнушаются собой, не отвергаются себя». Конечно, нѣтъ народа, который собственными бы силами, безъ помощи другихъ, достигъ полного развитія своихъ способностей. Но за то каждый народъ долженъ не только перенимать у сосѣдей, но и стремиться къ тому, чтобы отдѣлить хорошее отъ дурного, «стараться собственное свое, родное, возвести до равной степени и, даже пойти далѣе, возвыситься, стать съ ними на одинакой высотѣ жизненнымъ развитіемъ стихій своенародныхъ». Такая любовь къ своему родному «есть настоящій ключъ къ истинному просвѣщенію, вѣрному самоусовершенствованію, источникъ жизни новой, плодотворной, са-

мостоятельной, своеобразной, своевременной, свѣстихійной, всесторонней, полной, вѣчно юной» ¹⁾).

Каждый народъ имѣетъ свою опредѣленную «физиономію и когда «развиваетъ въ своемъ существованіи свою личность, свою особенность, онъ живетъ самобытно, своеобразно, народно, выражаетъ своимъ бытіемъ идею, какую предопредѣлено ему вѣчнымъ Промысломъ осуществить своею жизнію». Эта идея сказывается во многомъ: въ народной религіи, философіи, обычаяхъ, вѣрованіяхъ, въ языкѣ; но больше всего въ словесности. Последняя, являясь, «отраженіемъ стихій, составляющихъ бытіе народа», должна быть непремѣнно народною. Это не значить, что она должна только рабски списывать народъ, преимущественно простой. Нѣтъ, она должна вездѣ уловить изящество, «провидѣть его сквозь толстую кору, покрывающую его собой. Потому и голая черневая сторона жизни народа, если взглянуть на нее съ этой точки, прошедши чрезъ горнило поэтическаго вдохновенія, можетъ возвыситься до степени изящества. Таковую-то народность, очищенную, переплавленную, облагороженную должна отражать въ себѣ словесность каждаго народа» ²⁾).

Вѣнцомъ словесности народа является поэзія. Она тоже должна быть въ высшей степени народной. Нѣтъ и не можетъ быть народа, у котораго не было бы поэзіи. Какъ «плодъ внутренняго творчества народа, его поэтической способности», поэзія непремѣнно должна быть отпечаткомъ «жизненнаго бытія народа, отголоскомъ всѣхъ его сотрясеній, являясь въ томъ или иномъ видѣ, смотря по ходу судьбы народа, его жизни, положенія, обстоятельствъ—слѣдовательно, безпристрастно отражать внутреннюю и лицевую сторону существованія его, быть своенародною» ³⁾. Поэзія опредѣляется исторіей народа; она поясняетъ, порой даже замѣняетъ ее. Все это не мѣшаетъ, однако, поэзіи оставаться изящной, потому что «изящное никогда неизмѣнно: оно всегда и вездѣ равно самому себѣ, одинаково».

¹⁾ О народной поэзіи славян. племень стр. 1—7.

²⁾ Тамъ-же, стр. 8—9.

³⁾ Тамъ-же, стр. 14—15.

Первоначальной формой всякой поэзіи является *пѣсня*, и нѣтъ народа болѣе богатаго пѣснями, чѣмъ славяне. «Пѣсня— это ихъ дневникъ, ихъ исторія, хранилище всякаго вѣдѣнія, всякаго вѣрованія, ихъ еоогонія, космогонія, память, тризна по своимъ отцахъ и дорогихъ сердцу, надгробный памятникъ священной старины, живая, говорящая лѣтопись временъ, давно пропешшихъ, въ коей, какъ въ прозрачномъ кристаллѣ водѣ, отражается, безъ малѣйшей примѣси, вся ихъ жизнь, съ ея добромъ и зломъ, характеръ каждаго врозь и общее всего цѣлаго, многосложная картина минувшаго вѣка, его духа, вѣрный очеркъ быта и всѣхъ его, неуловимыхъ простымъ глазомъ, мельчайшихъ подробностей. Это исповѣдь души, розоблаченной передъ вами до тончайшихъ изгибовъ своихъ и оттѣнковъ чувствъ, волненій, страданій, надеждъ, веселія и грусти; это чистѣйшее выраженіе славянской народности, нравовъ, обычаевъ, занятій, причудъ и т. п. Въ нихъ, наконецъ, языкъ родной хранится во всей своей чистотѣ, неподдѣльности, свѣжести, силѣ, прелести и богатствѣ» ¹⁾.

Какой же общій характеръ и отличительныя свойства славянской народной поэзіи?

Славяне—народъ земледѣльческій, по преимуществу. Это—народъ осѣдлый, миролюбивый, тихій, спокойный, уживчивый, больше всего на свѣтѣ любившій быть сельскій, домашній. Все это отражается и на ихъ поэзіи. Поэзія славянъ—«плодь простой, неискаженной природы, картина помысловъ, чувствъ, нравовъ и дѣяній людей, не разнакомившихся еще съ питающею ихъ въ дни нѣжнаго младенчества, для коихъ она не мачиха, но мать, *веселящаяся о чадѣхъ своихъ*. Оттого всѣ изліянія ихъ чувствъ, всѣ ихъ пѣсни дышатъ чистѣйшею любовію къ природѣ; оттого въ пѣсняхъ ихъ такое богатство образовъ; оттого они для каждаго движенія сердца своего такъ легко находятъ въ природѣ исполнѣе выражающее его изображеніе; оттого въ поэзіи ихъ все такъ ясно, понятно, естественно, все такъ идетъ къ дѣлу» ²⁾. Сравниваютъ

¹⁾ О народной поэзіи славянъ стр., 24.

²⁾ Тамъ-же, стр. 42.

иногда поэзію славянъ съ поэзією грековъ, но «это рѣшительно ложно». Если между ними и есть сходство, то это сходство общечеловѣческое. Въ существѣ же между той и другой поэзіей заключается глубокое различіе. «Въ поэзіи грековъ, по общему сознанию всѣхъ знатоковъ ея, преобладаетъ форма надъ идеей,—напротивъ, въ поэзіи славянъ форма и идея находятся въ гармоническомъ соотношеніи между собою, соразмѣрномъ слияніи, проникновеніи другъ друга; форма и идея не подавляютъ одна другой, но уравновѣшиваются» ¹⁾).

Конечно, эти общія свойства славянской поэзіи не у всѣхъ славянскихъ народовъ проявляются въ одинаковой степени. О. М. Бодянский старается опредѣлить и выяснить эти особенности. Начинаетъ онъ съ поэзіи *чеховъ* и *моравовъ*. Поэзія ихъ лирическая, по преимуществу. Началась она, правда, эпосомъ, но затѣмъ условія жизни, постоянная борьба чеховъ и моравовъ съ нѣмцами и другими сосѣдями дали преобладаніе лирикѣ. У *словаковъ* поэзія идиллическая. Лишенные политической самостоятельности, словаки на долго сохранили свой патріархально-земледѣльческій характеръ, который и выразился въ ихъ поэзіи. У *поляковъ* почти нѣтъ народныхъ пѣсень. Это удивительное явленіе среди славянъ, «самаго пѣсеннаго народа», О. М. Бодянский объясняетъ ненормальностями польской жизни. „Поэзія необходимо требуетъ досуга, говоритъ онъ, спокойствія, свободныхъ думъ, вдоволь времени, такъ сказать, для разговора съ самимъ собою». Польскій народъ не имѣлъ этого. «Онъ не могъ привольно вздохнуть, не только *поэтизировать*. Гдѣ ему до историческихъ, обрядныхъ, и подобныхъ тому пѣсень, когда онъ не имѣлъ ничего за душой, долженъ былъ всѣ дни и ночи проводить за работой на пана, когда на него смотрѣли не какъ на своего собрата, но какъ на бездушную вещь» ²⁾). У поляковъ есть только коротенькія народные пѣсни—*краковяки*. Отличительную особенность ихъ, кромѣ краткости, составляетъ еще веселость. Появленіе *краковяковъ*

¹⁾ Тамъ-же, стр. 48.

²⁾ Тамъ-же, стр. 86.

съ такимъ характеромъ О. М. Бодянский объясняетъ, какъ результатъ минутнаго веселья среди постояннаго горя, нужды и труда ¹⁾. Нѣкоторые къ краковякамъ приравнивають русинскія *коломийки*, но О. М. Бодянский рѣшительно отвергаетъ это, такъ какъ не находитъ у русиновъ условій, на почвѣ которыхъ могло бы появиться что-нибудь подобное краковякамъ ²⁾.

У *сербовъ* поэзія, преимущественно, эпическая. Вѣчная борьба съ турками естественно выдвигала рядъ личностей, дѣлала отдѣльныя событія особенно памятными въ народѣ. Нѣтъ ничего «страннаго, если поэзія сербовъ вся полна рассказами о доблести, о славныхъ подвигахъ и смерти ихъ витязей—«юнакъ до юнака»—неутомимо пытавшихся въ теченіе дѣльных столѣтій возратить свободу своей отчизнѣ, если ихъ пѣсни преимущественно гомерическаго содержанія» ³⁾. О. М. Бодянский думаетъ, что изъ пѣсень можно было бы даже составить *Славянскую Илиаду*. «Содержаніемъ Сербской Илиады въ этомъ случаѣ была бы борьба сербовъ съ турками за независимость; предметомъ Илиады Украинской—подобая же борьба козаковъ съ ляхами» ⁴⁾.

Отличительнымъ признакомъ *великорусскихъ* пѣсень является «глубокая унылость, величайшее забвеніе, покорность своей судьбѣ, какое-то раздолье и плавная протяженность» ⁵⁾. Опять таки все это обусловлено природой сѣвера, угрюмой, мрачной, унылой, которая и наложила свой оттѣнокъ на все, на всѣ проявленія жизни великоросса, на его исторію, образъ жизни, на его думы и чувства. Поэзія великороссовъ повѣствовательно-описательная, по преимуществу.

Иное дѣло на югѣ Россіи. Малорусская поэзія діаметрально противоположна великорусской, и изъ всѣхъ славянъ «сѣверные и южны руссы самые несходственные между собою»: «туть гео-

1) Тамъ-же, стр. 87 и слѣд.

2) Тамъ-же, стр. 92—93.

3) Тамъ-же, стр. 101.

4) Тамъ-же, стр. 104.

5) Тамъ-же, стр. 114.

графическое имя как нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ». Характеръ мѣстности, ихъ исторія, быть и другія обстоятельства—все имѣло значеніе для этого различія.

«Вспомните, говоритъ Бодяпскій, Югъ русскій за девять и болѣе предъ этимъ вѣковъ: вѣчныя, бессмысленныя ссоры и драки его князей между собою за какой-нибудь пустой участокъ земли и т. п., довели ихъ до крайняго ослабленія и передали первенство на нѣсколько времени Сѣверу, пока и онъ, отъ тѣхъ же причинъ, не разстроился и не потерялъ его и, наконецъ, оба не сдѣлались добычей монголовъ и татаръ». Народъ мало интересовался всѣмъ этимъ. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что «народъ не почитилъ этихъ усобицъ ни одной своей пѣсней, никакимъ почти преданіемъ, ни малѣйшею, хотя бы глухою, темною, отдаленною молвой. Онъ ихъ предалъ забвенію, какъ недостойное имени русскаго, что не могло бы быть, если бы онъ бралъ въ нихъ сердечное участіе; напротивъ, онъ сохранилъ въ своей памяти, передалъ позднѣйшему потомству въ своихъ разказахъ и пѣснопѣніяхъ дѣла предковъ гораздо древнѣйшей эпохи, которыя, почему бы то ни было, занимали его, дороги были ему своего цѣнностью (напр., пѣсня о построеніи Кіева, многія пѣсни о дѣлахъ Владиміра В. и т. п.). Но когда полчища Батыя положили, напоследокъ, конецъ междусобной борьбѣ Сѣвера и Юга Руси, то первый съ покорностію повиновался своей судьбѣ. Князья его, сперва лаской и колѣнопреклоненіемъ задобривали къ себѣ Хановъ; потомъ, когда и ихъ престоль сталъ, колебаться отъ внутреннихъ несогласій и междоусобій, В. Князья Московскіе стали употреблять къ своему освобожденію изъ подъ Азіатскаго ига политику, въ которой они были очень свѣдущи и опытни. Напротивъ Южные Князья, безпрестанно тѣснимые, съ одной стороны, заочевавшими слишкомъ близко къ нимъ Татарами, съ другой Литовцами, двигавшимися изъ среды мрачныхъ Бѣлорусскихъ лѣсовъ, напрасно силились противостоять могучимъ своимъ врагамъ: имъ и политика не помогла, и они должны были безмолвно сносить свою участь—быть данниками, пока мало помалу не перевелись. Но народъ не потер-

пѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась навсегда за *поимыми*: *Melius frangi, quam flecti*, или, говоря его же пословицей: «Або добыть, або дома (въ господѣ) не быть. Лучче въ землѣ тлѣты, нижъ Татарвѣ служыты.»... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ Печенѣгами, Половцами и пр. Азіатскими ордами, непрерывно нападавшими на *Русичей*, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местію въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-Днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и за-сѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ *Сѣчь* на островѣ *Хортицѣ* (кажется первая *Сѣчь*), потомъ противъ Каменнаго затона (недалеко отъ Никополя, на правой сторонѣ Днѣпра: Сѣчь *Никитинская*, *Мыкытына застава*, *ригъ*, *перевизъ*), далѣе *Тышлицькую* Сѣчь (при Днѣпровскомъ протоцѣ, Тышлыкѣ, пониже Хортицы? при Ташлыкѣ, впадающемъ въ Синюху? за р. Саксаганомъ, по сказанію Симоновскаго? или же гдѣ индѣ, по близости Днѣпра), при устьѣ *Бузулука*, и т. д. И тамъ, въ окопахъ (родъ небольшихъ укрѣпленій и т. п., по обоимъ берегамъ Днѣпра по *Лыманъ*, и въ другихъ угодныхъ мѣстахъ), окруженныхъ валомъ, рвомъ, частоколомъ, имѣя передъ ними, когда нужда требовала, *шанцы*, рогатки, или берлоги, западни, потаенные входы и выходы, мины, маяки, пушки, словомъ все, что только могло обезпечить ихъ отъ нечаяннаго нападенія, гдѣ только можно было держаться, равно какъ и въ темныхъ окрестныхъ лугахъ, особенно въ *Велькимъ лугѣ* (лѣсѣ, покрывающемъ низменныя мѣста: собственно занимающемъ собой весь лѣвый берегъ, Днѣпра отъ устья р. Конской воды, впадающей въ Днѣпръ, внизъ къ Черному морю, между Днѣпромъ, Азовскимъ моремъ и его заливомъ Сивашемъ), *Черномъ* (между большимъ Ингулемъ и Телункой), *Мотрыномъ* (подлѣ Чигрина, по Тясмину и Днѣпру вверхъ), *Левбедыномъ*. *Майдановомъ*, *Стебловомъ* (между Днѣпромъ, Ингу-

лемъ, Тясминомъ, Росью, Бугомъ и Тилигуломъ) лѣсѣ; и др., за Днѣпровскими порогами и на нихъ, въ *Дикомъ полѣ*, и т. п., безопасные отъ всѣхъ поисковъ и ярма чужеземнаго, совѣтовались между собой, куда и какъ лучше и вѣрнѣе направлять свои набѣги. Дружина. этихъ *Бурлакъ, Гайдамакъ*, несмотря на ихъ холостую жизнь (женамъ тутъ не было мѣста ни по времени, ни по обстоятельствамъ, ни по мѣсту, ни по образу жизни), не уменьшалась, но день со дня увеличивалась все болѣе и болѣе приходомъ новыхъ смѣльчаковъ, досадовавшихъ на притѣсненія Татаръ, Литовцевъ, Поляковъ, и др. Вѣроятно, также, къ нимъ, по временамъ, присоединялись и разрозненные, бродившіе безъ пристанища, тамъ и сямъ, остатки Половцевъ, Торковъ, Берендѣевъ, и п. и., которые, какъ малочисленнѣйшіе и ниже образованіемъ, *Русичей*, слѣдовали во всемъ примѣру этихъ послѣднихъ: принимали ихъ вѣру, нравы, языкъ, и т. д. и, так. обр., нечувствительно перерождались въ *Русичей*. Окруженные, осаждаемые со всѣхъ сторонъ. *ворогами*: съ Сѣверо-Востока Монголами, Литвой, съ Юга Крымцами и Турками, съ Запада Польшей, они *мужалися*: никогда не зная себѣ покоя, распивая день и ночь кровавое вино на своемъ богатырскомъ пирѣ, *сватовъ поили* и *сами ложились за землю Русскую*, желая *лучшею потягу, неже полонену быти*. Эти *чубатые* всюду являлись, какъ снѣгъ на голову:

По степяхъ, по лугахъ,
По Татарскихъ земляхъ, по Турецкихъ горахъ,
По Черныхъ моряхъ и по Ляцкихъ поляхъ.

Никто не зналъ, гдѣ, когда и какъ покажутся эти страшные:

Козакъ лежить на могылѣ, не думаетъ, не гадаетъ:
Стрепенувся да ѣ полынувъ, вѣтеръ чубомъ граетъ.

Оттого ихъ молодецкая слава:

По всему свѣту дыбомъ стала
По всему свѣту степомъ розляглася, простяглася,
Да по всему свѣту луговымъ гоминомъ роздалася.

Но не всѣхъ же равно могла плѣвить холостая жизнь; природа взяла свое: многіе доставали женъ себѣ въ своихъ походахъ, или просто призывали прежнихъ подругъ; а какъ въ Сѣчь не впускались *обабившіеся*, то имъ дозволялось селиться неподалеку отъ *Ковша* (sic). Изъ соединенія нѣсколькихъ *куреней* и *хатъ* этихъ послѣднихъ образовывался постепенно *хуторъ*, изъ *хуторовъ села*, и т. д.; подвигаясь далѣе и далѣе вверхъ, по Днѣпру, коего оба-пола лежали въ пустоши по милости Монголовъ, они, такъ обр., сблизкались непримѣтно съ своими братьями *горожанами*, сами дѣлились *горожанами*, и образовывали незамѣтно, исподоволь *Козачество городское, полковое и оспдлое*, давая совершенно новый видъ, новую форму *Руссидамъ*, подготовляли новую эпоху жизни, не насильно, но осторожно, черезъ противоположеніе стараго новому быту; черезъ *наглядное* сравненіе преимуществъ одного передъ другимъ. Лишовцы не прекословили расселяться, какъ менѣе непріятные имъ, какъ уже сдѣлавшіеся христіанами, у коихъ языкъ Славянскій былъ *актовымъ, судебнымъ и придворнымъ*, но только съ условіемъ охранять отъ нападений непріятелей Волынь, Подоль, Кіевъ и Черниговъ, особенно для нихъ важные; равно и Поляки въ началѣ той же системѣ слѣдовали, позволяя раздвигать имъ свои *сельбища*, до самаго Кіева (впослѣдствіи *охочекомонные*, Козаки). Наконецъ, за свои услуги, «за мужество великое на бранѣхъ», получили нѣсколько городовъ при Днѣпрѣ и за Днѣпромъ, и систематическое устройство, разныя привиллегіи, права, титулы, и т. д. «Оттолѣ болѣ въ силу Козаки ростяху (Стар. запорож. лѣтоп.)». Этимъ переходомъ ихъ въ гражданское общество, покончился *первый* періодъ ихъ жизни, *Бурлацтво Гайдамацтво*, и начался *новый гражданско-воинственный*, въ которомъ, хотя не было уже столько роздолья и беззапретности, но все же *воля вольная*, широкая, въ полномъ смыслѣ *Козацкая* (здѣсь-то и слово *Козакъ*, прежде бранчивое, коимъ Татары и подобные имъ ругали удалыхъ *Русичей* и оставили за ними навсегда, было облагорожено, возвышено, получило совсѣмъ другое значеніе, *лыцарское* (какъ изъ слова Ritter, первоначально всадникъ, то, что разумѣютъ подѣ

именемъ *Рыцарь*, Кавалеръ). Башорій, прозорливый, Великій Башорій, «*поразумѣвая о казакахъ*», предрекъ имъ блестящую будущность: «будешъ, рече, когда-сь одъ тѣхъ юнакивъ Рѣчь посполитая вольная (Стар. Запор. лѣтоп.)». Онъ всѣми мѣрами старался привязать къ себѣ Козаковъ, «шановавъ и поважавъ, великіи дары даровавъ», прося, чтобы они:

Зъ ёго Дяхамы,
Якъ зъ ридными братамы
Жылы,
А ёму, королю Польщы, якъ боговѣ,
Що живе високо на небѣ,
Вѣрою и правдою служылы»,

зная всю бездонность, всю мощь ихъ воли. И эта широкая, безграничная Козацкая или Рыцарская воля, *пес plus ultra* развернула себя, горячими, огненными буквами вписала время своего полного разлива въ лѣтописи, одушевленную и неодушевленную природу и память людей, особенно въ XVI и XVII в., когда Козакъ на своемъ лихомъ конѣ, далеко превышавшемъ въ быстротѣ самага царя пернатыхъ (по словамъ пѣсни), когда онъ на этомъ *волоцюзѣ, розбышацѣ*, больше имъ *поважаемомъ мамы, тата, сестры, брата*, и не бравшій за него *срибла хочъ повную груду*, съ дугообразною *Дамасскою шаблею, сытавшею зраду по всѣ вѣчны рокы*, парю мѣткихъ *пистоливъ*, съ *сысомъ*, острымъ *якъ голочка*, онъ, повитый войною, закаленный въ *буести, хмарою* налеталъ на *бусурманивъ*, грудью отстойвая свою отчизну и религію отъ ихъ наводненія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и остальную Европу. Это была пора *чести, славы и вѣсковои справы*:

Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля пидъ ноги топтала.

Но эта же исполинская, бездонная, алмазная Козацкая воля, еще больше, еще рѣзче обозначила себя въ войну за *Восточную Церковь*, въ періодъ *престрашныхъ злыднивъ, бездольныхъ годынъ, вѣсковыхъ чваръ*, когда самая трава *ничила жа-*

лощами, а древо съ туюю из земли преклонялось, когда, какъ поють Украинскіе рапсоды, прилетѣли изъ западу гусы, явились поны въ ладивныцяхъ, завязалась ужасная борьба въ Церквѣ и Обществѣ, стала тяжка брань, такъ что

Дывытыся горе:

потому что теперь ополчилась Вѣра противъ Вѣры:

Вѣра Вѣру боре.

Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ было равное: все, что только можетъ выдумать человѣкъ въ такомъ изступленіи самаго страшнаго, смертоноснаго, вѣрнѣйшаго для истребленія себя, все это было выдуманно и исчерпано до дна въ эту религіозную войну. И тщетны, суетны были всѣ усилія Папы, Іезуитовъ и Ляховъ; Козацкая воля устояла на своемъ, охранила Вѣру, родину и свободу:

...Пройшлы, изійшлы злыи незгодыны:
Немае никого, щобъ насъ подолѣлы...

Не смотря на это, Козаки, однако же, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, при всемъ напряженіи силъ умственныхъ и тѣлесныхъ, не могли добыть себѣ у своей судьбы согласія на долговременную, прочную самобытность. Въ эту самую пору провидѣнію угодно было, чтобы Сѣверная Русь, Турція, Швеція и Польша ближе столкнулись между собою, глазъ на глазъ свидѣлись, и рѣшили бы сами великую прю о первенствѣ на Востокѣ и Сѣверѣ Европы и представительствѣ ихъ предъ Западомъ и Югомъ. Сыны Украины должны были войти въ систему Бѣлаго Царя послѣ 8-го Генваря 1654 г., послѣ изъявленной *готовности на соединеніе на вѣчныя времени, какъ годовѣрнымъ, единокровнымъ, чтобы не было разнодумья и шатости съ обѣихъ сторонъ, ежебы защитити и сохранили народъ православный отъ врага и местника, чтобы враги не посмѣвались; и послѣ поступленія подъ Высокую руку, Козаки покорились своей судьбѣ.*

Такая долгая тревоженная жизнь: цѣлые пять вѣковъ не влагать въ ножны меча, день и ночь вести борьбу съ внѣшними и внутренними врагами, отъ *Бурлацко-Гайдамацкаго* быта перейти къ *Козацкому*, а отъ этого, наконецъ, съ слезами на глазахъ, къ *Чумацко-Земледѣльческому* ¹⁾, такая жизнь народа, всею душой своей привязавшагося пламенно, бѣшено къ воинской славѣ, и чѣмъ, долѣе упивавшагося ею, тѣмъ болѣе жаждавшаго, народа, у котораго желѣзная Славянская мощь достигла высшей степени разгара, своего зенита, безъ всякой посторонней помочи и сотрудничества, но при лично-собственныхъ силахъ, такая огненная жизнь, неожиданно, ех *abrupto* прерванная судьбой на пути величайшаго своего расширения, полнаго разлива, *на всемъ ходу*, на всемъ бѣгу корабля, несшагося къ землѣ обѣтованія, что спрашиваемъ, такая жизнь такого народа должна была произвести въ немъ самогъ?

Судя по человѣчески, никакого не могло быть другаго слѣдствія, какъ только одно неудовольствіе, прямо отъ глубины души шедшее и запечатлѣнное всею энергіей ея, одна досада на свою *щербатую долю*.

Потому-то и въ пѣсняхъ ихъ это неудовольствіе, эта досада, этотъ ропотъ на *долю*, вполнѣ отразились, во всѣхъ точкахъ проницаютъ ихъ, стоятъ на первомъ мѣстѣ. Чувствуя свое достоинство и полное право на лучшій жребій, но при всемъ усилии не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться горькія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце. Очень часто слышатся стоны, вопли, крики такіе болѣзненные, свѣжіе, живые, что вчужѣ заплачешь, обольешься го-

---

¹⁾ Указаніе на эти три періода жизни Украинцевъ находимъ въ слѣдующемъ куплетѣ одной изъ ихъ пѣсенъ:

«Ой хвортуно, хвортуныно!

Послужы жъ ще такъ корысно:

Служыла въ Бурлацтвѣ, служыла въ Козацтвѣ,

А послужы жъ ще й въ Чумацтвѣ»...

рючими слезами; безнадежность же нигдѣ такъ болѣзненно, такъ нестерпимо-мрачно, такъ невыносимо-тяжело для сердца, такъ могильно не рисуется, такимъ гробовымъ холодомъ не обдаеть, не пашеть (sic) на васъ. Да, тутъ невольно скажешь и себѣ съ *Палиемъ* «*Дыхо жыты въ свѣтъ!*»!..

Ои пиду жъ я, пиду. да зъ сѣго края пиду:
 Ой покыну я да усимъ край бѣду.
 Ой оглянусь я за крутою горою,—
 Ажъ иде бѣда слѣдочкомъ за мною...
 Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вязалася?
 — Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою вѣнчалася.
 Ой чого жъ ты, бѣда, за мною вчепылася?
 — Я зъ тобою, безталанный, зъ тобою родылася.—

Или въ другой пѣснѣ:

Ой выйду я за ворота—погляну на провалья.
 Чы всѣмъ людямъ таке жыття. а якъ мое безталанья!...
 Да живить, люде добры, ой якъ то вамъ подалося,
 А я буду тулятыся, бо такъ мынѣ довелось!..
 Ой бодай ты, моя доле, на днѣ моря утонула,
 Якъ ты мою головоньку въ неволю втопыла!..

Характеръ женскихъ пѣсенъ--тотъ же самый. Тоска по избранномъ сердцемъ, увлеченномъ долгомъ *боронити* Украину, долгомъ, отъ котораго ничто въ мірѣ не въ силахъ оторвать его, проклятія на виновниковъ одиночества, и отъ того жалобы на Небо, пеня на долю, сѣтованіе, скорбь, грусть, недовольство своимъ жребіемъ, и т. п., рѣдко, весьма рѣдко улыбка, растворенная счастьемъ: вотъ ихъ тема, до безконечности разнообразная. Здѣсь, кромѣ тоскливости, роптанія, часто, также, слышите безнадежное отчаяніе:

Ой хвартуно несчастлива! що ты виробляєшь?
 Дала начась познатися, теперь розлучаешь!
 Охъ вы роки, охъ вы роки, роки неправды!

Вкоротите жыття мнѣ, будьте милостывы!
 Вкоротите жыття мнѣ, покиль въ смутку буду?
 Лучче жь мене умертвите, то всёго забуду!
 Охъ вы роки, охъ вы роки, хочъ не прыбувайте!
 Колы вы насъ розлучылы, дакъ жыття не дайте!
 Летѣвъ орель по-надъ моремъ, да й ставъ голосыты:
 Тяжко важко намъ убогымъ багатыхъ любыты!
 Не такъ счастье, не такъ доля, якъ багаты люде:
 Якъ розлучуть по любви, то й счастья не буде...
 Степь шырокий, воду выдно, мылого не бачу:
 Якъ почую мову ёго, то заразь заплачу.
 Не зхотѣвъ же, мій мыленький, дружиною буты:
 Ой дай мнѣ того зильля, щобъ тебе забуты!
 Е у мене таке зильля, близько перелазу:
 Якъ дамъ тобѣ напытыся—забудешъ одъ разу;
 Буду пыты, выпываты, и капли не впущу:
 Тодижъ тебе я забуду, якъ очи заплющу!...

Даже въ пѣсняхъ веселыхъ, гульливыхъ, въ коихъ дается полная, совершенная свобода разгулу, насмѣшливыхъ, издѣвочныхъ (са-тирическихъ, прониическихъ), шуточныхъ, обрядныхъ, и т. п., тамъ, гдѣ всего менѣе можно было бы встрѣтить, вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, замѣчаете примѣсь грусти, какой-то дальній отголосокъ знакомаго гореванья, извѣстной кручины, слышите *журбу-тугу*.

Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣ-ятельной, бурной, кипучей, полной заботъ и безпокойствъ жизни, вездѣ почти *Драматическое*, что, наоборотъ, говоритъ о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежать такія пѣсни. Гдѣ дѣятельная, разнообразная, исполненная трудностей и борьбы жизнь, тамъ и лично-народныя поэтическія произведенія непре-мѣнно отливаются въ форму *драматическую*, безъ вѣдома ви-новниковъ, ихъ бытія, потому что это ихъ прямой, естественный, единственный путь, а другаго нѣтъ и быть не можетъ. Въ про-тивномъ случаѣ Поэзія эта не была бы собой, тѣмъ, чѣмъ она есть. Поэзіей народа, его свѣтлымъ и вѣрнымъ отраженіемъ, его

чистосердечной, *щирою* исповѣдью, его откровеніемъ; иначе онъ немилосердно, безсовѣстно *малъ бы* самъ на себя; а народы, отколь свѣтъ стоитъ, въ такихъ обстоятельствахъ, по свидѣтельству и мертвыхъ и живыхъ, никогда не притворствуютъ, не *лгутъ*. Если гдѣ, такъ именно здѣсь, и только здѣсь, извѣстная пословица: «гласъ народа—гласъ Божій», имѣетъ свое настоящее предложеніе. свое законное мѣсто. Въ этомъ отношеніи пѣсни Южно-Русскія—единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ Славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни Украинскія столько выше пѣсенъ другихъ Славянъ, сколько Драма выше прочихъ другихъ родовъ Поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой Поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ, описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своею музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только, изъ древнихъ съ Греческимъ, изъ новыхъ съ Итальянскимъ); стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тонику, и риему, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнымъ, разнообразнымъ и богатымъ, своею многочисленностію и разнородностію и т. д. ¹⁾ Поэтому мы не

---

1) Все, сказанное нами теперь, слѣдовало бы подтвердить доводами, но это далеко бы отвлекло насъ за предѣлы нашего разсужденія; тѣмъ не менѣе, однако же, все это справедливо. Кто хорошо знакомъ съ языками Славянскими и ихъ народною и искусственною Литературой, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важный предметъ во всей его обширности, и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ Украинскихъ, то скажемъ, что въ нашемъ собраніи ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатомъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполня-

думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ Славянъ, могъ быть столько *тѣснолюбивымъ, тѣсеннымъ*, какъ Южные Руссы (Украинцы, Малороссіяне): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни. Любовь къ музыкѣ и пляскѣ неразрывно соединяется у нихъ съ любовію къ пѣнію и пѣснямъ, идутъ объ руку: «*Москаль до читання, Ляшокъ до скакання, а нашъ братъ Козакъ до стивання*»,—говоритъ ихъ пословица, вѣрно характеризующая въ этомъ случаѣ три сосѣдственные и одноплеменные между собой народы. Пѣсня—дневникъ Малороссіянина, въ который онъ вноситъ все, что ни мыслить, ни чувствуетъ, ни дѣлаетъ. «Въ этомъ отношеніи»,—справедливо замѣчаетъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей, хорошо постигающій Малороссію (*Н. Гоголь*),—пѣсни для Малороссіи—все: и Поэзія, и Исторія, и отцевская могила (См. ст. о Малоросс. пѣсняхъ, въ его Арабескахъ). Онѣ могутъ вполнѣ назваться историческими, потому что не отрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны тогдашней минутѣ, тогдашнему состоянію чувствъ». Описанія въ нихъ, такъ сказать, мимоходомъ, эпизодическія, при всемъ томъ всегда удивительно согласны съ природою. Въ нихъ, обыкновенно, самыя рѣзкія, характеристическія черты предмета схвачиваются, и то, большею частію, употребляются лишь для точнѣйшаго, сильнѣйшаго выраженія душевныхъ чувствъ, лавою исторгающихся изъ глубины сердца и ни на мгновеніе не охлаждаемыхъ многорѣчіемъ или длиною періода; напротивъ, всюду порывъ страсти, сжатость, твердость, лаконизмъ выраженія, простодушіе, естественность, особенная нѣжность и сила чувствъ. Вообще должно сказать, что эти образы, уподобленія, сравненія и т. д., въ пѣсняхъ Южно-Русскихъ отличаются всею безыскусственностію, непринужденностію, всею ненаянучностію, самобытностію, природнымъ изяществомъ и поразительной точностію, между тѣмъ какъ въ

емомъ пѣснями, собранными только въ одной Полтавской губерніи, то въ немъ теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8,000 пѣсень.

пѣсняхъ Сѣверо-Русскихъ видно, по замѣчанію *Максимовича* «больше искусственности, нѣкотораго рода произволь, желаніе прикрасъ» (См. Предисл. въ Малорос. пѣснямъ). Сравненія послѣднихъ—безпрерывно *отрицательныя*; напротивъ того сравненія первыхъ вездѣ, исключая развѣ кой-какія Думы и Историческія пѣсни, постоянно—*положительныя*. Отъ этой-то любви къ положительному, нѣкоторымъ образомъ, происходитъ положительность даже въ самомъ выраженіи единичныхъ предметовъ, взятыхъ изъ внѣшняго (иногда и внутренняго) міра, и замѣняющихъ собой цѣлое, родъ ихъ, для означенія какого-нибудь обстоятельства, мѣста, времени, бывшихъ свидѣтелями того или другого случая, той или другой были:

Въ недѣлоньку рано розигралося море:
Не одному сыну на чужыиѣ горе!

Шлы коровы изъ дубровы, овечкы изъ поля:
Выплакала кары очи кры Козака стоя.

Черезъ гору орель воду носыть:
Дѣвчынонька Козаченька просыть.

Рыбалочка по бережку да рыбоньку ловыть,
А мылая по мылому бѣлы ручки ломыть.
Рыбалочка по бережку да рыбоньку удыть,
А мылая по мылому бѣлымъ свѣтомъ нудыть.
Рыбалочка по бережку рыбоньку хапае,
А мылая по мылому тяженько вздыхае.
Рыбалочка по бережку якъ ластивка вьецця,
А мылая по мылому якъ орлыця бьецця» 1).

Опредѣленіемъ и объясненіемъ характера малорусскихъ пѣсень О. М. Бодянской и заканчиваетъ собственно характеристику

1) О народной поэзіи славянскихъ племенъ, стр. 122—138.

пѣсенъ отдѣльныхъ славянскихъ пародовъ. О пѣсняхъ остальныхъ славянъ онъ не говоритъ уже потому, что въ его время не существовало ихъ сборниковъ.

Конецъ книги посвященъ опредѣленію отличительныхъ свойствъ, общихъ пѣсенъ всѣхъ славянъ¹⁾. Во всѣхъ ихъ пѣсняхъ О. М. Бодянский находитъ «какую то всеобщую *томность*, меланхолическое, жалостное *тоскливое чувство*, какую то *унылость*, печальность, траурность, какое то *грустное*, скорбное повѣтріе, что то мрачное, замѣтное, даже тамъ, гдѣ, по всему, нельзя было ожидать его, гдѣ самое содержаніе веселое, радостное»²⁾. Всѣ славянскія пѣсни, по его мнѣнію, отличаются простотой и естественностью замысла и изложенія, самостоятельностью исполненія, совершенствомъ отдѣлки, необыкновенною рѣзкостью и энергіей выраженій. «Проникнуты онѣ какой-то братской любовью людей къ природѣ, патриархальной близостью съ предметами видимаго міра. Отсюда участіе въ пѣсняхъ славянъ существъ одушевленныхъ и нѣмыхъ, получающихъ на этотъ разъ душу, умъ, голосъ, языкъ и т. д. преимущественно же птицъ. Кромѣ того пѣсни славянскихъ племенъ особенно отличаются своими уменьшительными, предпочтительно любимыми, нѣсколько разъ повторяющимися, своими подражательными природѣ, словами»³⁾.

Вскорѣ послѣ выхода книги Бодянскаго въ свѣтъ, о ней появилась небольшая критическая замѣтка въ «Библиотекѣ для чтенія». Говорятъ, замѣтка эта принадлежала перу извѣстнаго Сенковскаго.

«Славяне—*первый* народъ въ мірѣ по своему поэтическому характеру, и пѣсни ихъ показываютъ *славу* и *добродѣтели* великаго народа славянскаго. Вотъ тема на которую г. Бодянский написалъ новыя варіаціи—говоритъ Сенковскій.

Казалось бы, спорить тутъ не о чемъ. Первобытная пѣсня вездѣ составляетъ одно изъ основаній всякой народной поэзіи

1) Тамъ же, 149—152 и стр. 154.

2) О народной поэзіи, стр. 147—152.

3) Тамъ же, стр. 146.

но это еще не поэзія, а лепетанье младенца, и оно у каждаго народа отличается особыми достоинствами. Романсъ испанца, пѣсня араба, сага скандинава, легенда германца, всѣ прекрасны въ своемъ мѣстѣ и подъ своею точкою зрѣнія. Потомъ у каждаго народа наступаетъ эпоха заимствованія, учености, и наконецъ, уже изъ нея развиваются начала поэзіи истинно національной, настоящей поэзіи,—сложный результатъ климата, мѣстности, рода жизни и исторіи.

Но западные славяне, г. Венелинъ, г. Бодянский не такъ думаютъ объ этомъ дѣлѣ. Для нихъ все заключено въ первобытной поэзіи: славяне являются на этомъ поприщѣ самымъ славнымъ поэтическимъ народомъ, и, слѣдственно, изъ всѣхъ народовъ въ мірѣ, ни у кого поэзія «не была такъ дома», какъ у славянъ. Съ энтузіастами разсуждать невозможно. Скажемъ, однакожь, что въ диссертациі г. Бодянскаго есть много частныхъ дѣльных замѣчаній и любопытныхъ подробностей, которыя показываютъ большую начитанность и близкое знакомство съ славянскими языками»¹⁾.

При всемъ уваженіи къ трудамъ О. М. Бодянскаго, нужно все-таки сказать, что замѣчанія Сенковскаго заключаютъ въ себѣ очень много вѣрнаго. Правда, проф. А. А. Кочубинскій видитъ въ нихъ ни больше, ни меньше, какъ простую «издѣвку» надъ трудомъ О. М. Бодянскаго²⁾. Но мы считаемъ такое мнѣніе совершенно несправедливымъ. Диссертациія Бодянскаго построена, дѣйствительно таки односторонне, мысли, развитыя въ ней требуютъ большей обоснованности и меньшей парадоксальности, чѣмъ мы это находимъ. На это, въ сущности, и указывалъ Сенковскій.

Въ концѣ мая 1837 года О. М. Бодянский защищалъ диссертацию и получилъ степень магистра. Защита была признана «весьма удовлетворительною»³⁾. Тогда серьезно былъ поставленъ

---

¹⁾ Библиотека для чтенія 1837 г., т. XXIII, отд. VI. Литературная лѣтопись, стр. 16.

²⁾ Вѣст. Европы, 1896 г., іюль, стр. 191—192.

³⁾ Тамъ-же, стр. 191.

вопросъ объ отправленіи его за границу, для приготовленія къ профессурѣ: А. А. Котляревскій на основаніи разсказовъ современниковъ, не отвергаемыхъ и самимъ Бодянскимъ, передаетъ, что въ этомъ отношеніи О. М. Бодянскому много помогла статья, помѣщенная Бодянскимъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ» о книгѣ Булгарина «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ»¹⁾.

«Книга эта, по отзыву покойнаго К. Н. Бестужева-Рюмина, отличающаяся нѣкоторымъ чисто-юношескимъ увлеченіемъ, построена на чрезвычайно—вѣрной мысли: русская исторія должна быть изучаема въ связи съ славянскою и вообще европейскою; большая, хотя неупорядоченная начитанность, ясность мысли и талантъ изложенія выдвигаютъ высоко эту книгу»²⁾. Она была подписана О. Булгаринымъ, но собственно не онъ былъ авторомъ ея, а молодой дерптскій ученый Н. А. Ивановъ, бывшій впоследствии профессоромъ въ Дерптѣ и въ Казани. Нуждаясь въ деньгахъ и не имѣя возможности издать книгу на собственные средства, Ивановъ обратился за содѣйствіемъ къ Оаддею Булгарину. Тотъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы авторомъ книги былъ названъ онъ. Въ такомъ видѣ книга и вышла въ свѣтъ. Вся эта исторія была затѣмъ разоблачена дерптскимъ профессоромъ Крузе въ «Jenaische Allgemeine Litteratur-Zeitung» и надѣлала много шума. Булгаринъ, не докончивъ изданіе «Россія», уѣхалъ за границу и долго оттуда не возвращался»³⁾.

Критическая статья О. М. Бодянского объ этой книгѣ появилась въ печати до разоблаченій Крузе. Подписана она псевдонимомъ «Далиборъ О. Варвинскій» и помѣчена Переяславомъ, конечно, полтавскимъ⁴⁾.

О. М. Бодяскій не зналъ о происхожденіи книги и говоритъ, поэтому о ней, какъ о произведеніи О. Булгарина. Кри-

¹⁾ Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль кн. I.

²⁾ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская исторія, т. I. Введеніе, стр. 232.

³⁾ Заря 1871 г., кн. 4. Изъ воспоминаній петербургскаго старожила. Четверги у Греча, стр. 35—36.

⁴⁾ Московскій Наблюдатель 1837 г., апрѣль, кн. I.

тическая статья его чрезвычайно рѣзка. Эта рѣзкость была вызвана тѣмъ самодовольно-нахальнымъ тономъ, которымъ О. Булгаринъ написалъ свое *Введеніе* къ книгѣ. «Какъ намъ вѣкъ ни недовѣрчивъ, говоритъ Бодянский, какъ ни мало расположенъ онъ вѣрить кому-бы то ни было на слово, но все еще мы не дошли до той степени отчаяннаго скептицизма въ совѣсть человѣка, чтобы сколько-нибудь не повѣрить ему, когда онъ такъ, какъ г. Булгаринъ, станетъ твердить намъ: *«Я составилъ собственную свою систему и методу изложенія;—Я ввелъ въ мою Русскую исторію всѣ важнѣйшія* всемірныя событія;—*Я представилъ полныя очерки Вѣры, законодательства, Правленія, Управленія, нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ, бывшихъ въ прямыхъ или косвенныхъ сношеніяхъ съ нашими предками... Я сдѣлалъ то, что въ моей книгѣ «каждая эпоха представляется въ своемъ подлинномъ характерѣ, причины объясняются сами собою, а послѣдствія ведутъ всякаго къ собственнымъ заключеніямъ. Читатель поневоля долженъ думать, разсуждать и поучаться.—Я открылъ въ историческихъ источникахъ новыя стихи, новыя качества и свойства. Многое, что до меня почиталось истиннымъ, кажется лишь ложнымъ, или сомнительнымъ, многое, что считалось ложнымъ, или сомнительнымъ, не заслуживающимъ вниманія принято мною или за истинное, или за важное вспомогающее или за достойное особеннаго вниманія. Для отысканія истины, я употреблялъ всѣ извѣстныя средства и всѣ системы, призвавъ здравый смыслъ на помощь памяти и науки»... Дальше слѣдуютъ выписки изъ книги Булгарина въ такомъ же родѣ¹⁾... Я устраняю всѣ безхарактерныя событія и избираю только тѣ, которыя имѣли вліяніе на судьбу народа и государства. *Дѣло велъ я совѣстно».**

Хотя въ послѣднемъ никто не сомнѣвается—говоритъ Бо-

---

¹⁾ Подробная выписка изъ статьи О. М. Бодянскаго сдѣлана А. А. Котляревскимъ. См. Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435—539.

дянскій съ прозіей, конечно, но если бы авторъ «Россіи» могъ выполнить и десятую долю того, что обѣщаетъ въ Введеніи, то вся книга его была бы первенствующею между историческими сочиненіями не только въ нашей, не довольно еще богатой самостоятельными трудами литературѣ, но и во всѣхъ древнихъ, новыхъ и допотопныхъ... Теперь вѣковыя задачи ума рѣшены. «Я не хотѣлъ, говоритъ почтенный авторъ, чтобы *мои* читатели, занимаясь *моею* Русскою исторіею, заглядывали въ другія книги, чтобы они припоминали читанное, справлялись или поучались въ другихъ авторахъ». Альфа и омега человѣческаго разумѣнія! Имѣя такую книгу, мы можемъ уже безъ всякой потери оставить въ покоѣ всѣ другія книги и замѣнить ихъ однимъ сочиненіемъ Булгарина; читатели *поневольтъ должны будутъ думать, разсуждать и поучаться*, за что не брались ни логика, ни математика. Такова-то наша ручная книга для русскихъ всѣхъ сословіи!!!

Но оставимъ шутки. Скажите, ради Бога, случилось ли кому-нибудь на Руси читать подобныя объявленія? За кого насъ принимаютъ, думая увѣрить, что мы... но пусть говоритъ самъ г. Булгаринъ: «прежде нежели я принимаю показанія писателей *древнихъ, среднихъ вѣковъ и новаго времени*, я разсматриваю: 1) кто онъ былъ; 2) какъ былъ образованъ; 3) къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи; 4) гдѣ писалъ и подъ какими условіями или вліяніемъ; 5) въ какихъ отношеніяхъ находился къ народу, котораго событія описывалъ; 6) какими источниками пользовался; 7) былъ ли самовидцемъ, или писалъ по слухамъ; 8) въ чьихъ рукахъ хранилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея»... Г. Булгаринъ основывается, напримѣръ, на Геродотѣ, Страбонѣ, Тацитѣ, Птоlemeѣ, Цезарѣ: легко жъ ли это ему было доискаться о каждомъ изъ нихъ: кто онъ былъ? какъ былъ образованъ? къ какой принадлежалъ вѣрѣ, сектѣ или политической и литературной партіи, и въ чьихъ рукахъ находилась рукопись до напечатанія или до обнародованія ея? когда этого не могли привести въ ясность и

всѣ совокупныя усилія европейскихъ филологовъ! Удобно ли ему было заниматься византійскими историками и западными латинскими лѣтописцами, когда въ одно и то же время онъ писалъ и издавалъ Выжигинныхъ, Чухинныхъ и еще кое-что въ этомъ родѣ! Обращаюсь, говоритъ Бодянской, съ этимъ вопросомъ ко всѣмъ 2656 подписчикамъ, выставленнымъ въ концѣ 1-й части. И потому, прежде нежели начать читать Булгарина, пусть они сами послѣдуютъ его благоразумному примѣру и разберутъ его собственные вопросы... Просмотрѣвъ такимъ образомъ сочиненіе, каждый уже будетъ знать, какое мѣсто дать ему въ ряду историческихъ сочиненій»¹⁾.

Въ своей критической статьѣ Бодянской обращаетъ главное вниманіе на исторію славянъ и старается рассмотреть, какими источниками пользовался Булгаринъ и какъ онъ ими пользовался? Выводы получились самыя неблагопріятныя: неправильное толкованіе источниковъ, странныя заключенія, отсутствіе ссылокъ на авторовъ... «Незнакомый съ твореніями писателей, говоритъ Бодянской, подумаетъ, что все, на сказанное въ нихъ О. В. составляетъ его *благопріобрѣтенную* собственность, добытую кровными трудами, честнымъ, и, выражаясь его же словами, *совѣстнымъ* образомъ. Кто такъ *совѣстно ведетъ свое дѣло*», у кого такое «крайнее разумѣніе», тотъ можетъ «не жалѣть времени для сохраненія воспоминаній о подвигахъ *principis terrarum populi*, можетъ надѣяться, что въ толпѣ историковъ имя его *озарится славою*, не мучить себя «блескомъ и величіемъ своихъ счастливыхъ совѣстниковъ». Вѣдь и его подвигъ «*стоимъ ему много труда, времени и терпѣнія*». Какъ не скажешь послѣ этого съ Горациемъ: *Nil hominibus arduum est*»²⁾!

Статья Бодянскаго заканчивается словами: «переходимъ къ разбору *второй* части «Россіи» Г. Булгарина»; но такой статьи не появилось въ печати. Вторая статья писана уже не Бодян-

¹⁾ Московскій Наблюдатель, 1837 г., апрѣль, кн. I. Критика, стр. 398—400.

²⁾ Тамъ-же, стр. 422.

скимъ, а И. Кумеровымъ и посвящена статистикѣ Россіи. Продѣлка Ѳ. Булгарина была въ это время разоблачена, и И. Кумеровъ говоритъ о Булгаринѣ только какъ о *хозяинѣ* книги, авторомъ же называетъ Иванова¹⁾. Отзывъ И. Кумерова, въ общемъ, довольно благопріятенъ для книги Иванова.

Хотя замѣчанія Бодянскаго по существу книги, изданной Булгаринымъ, должны относиться собственно къ Иванову (кромѣ, конечно введенія, которое цѣликомъ написано Булгаринымъ), но такъ какъ авторство его не было извѣстно, то вся статья была направлена противъ Булгарина и произвела очень сильное впечатлѣніе въ обществѣ, особенно послѣ того, какъ Крузе разоблачилъ исторію книги. Мы уже знаемъ, что современники рассказывали, будто бы эта то статья собственно и выдвинула О. М. Бодянскаго и доставила ему кафедру въ университетѣ²⁾. Но это положительно не вѣрно. Факты говорятъ, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ другое.

НИК. ВАСИЛЕНКО.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

¹⁾ Московскій Наблюдатель, 1837 г., ч. XII, июнь. Критика стр. 326 и слѣд.

²⁾ Сочиненія А. А. Котляревскаго, т. II, стр. 435.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Два письма къ Н. И. Костомарову. Н. И. Костомаровъ всегда стремился какъ можно разностороннѣе изучить изслѣдуемыя имъ историческія явленія. Какъ извѣстно, онъ не ограничивался одними лишь письменными матеріалами; онъ обращалъ много вниманія также и на устные сказанія, старался собрать и узнать ихъ, вводилъ ихъ въ свое повѣствованіе. Чтобы добыть ихъ и, главное, чтобы какъ можно живѣе представлять себѣ и потомъ изложить для читателей всѣ условія мѣстности, гдѣ нѣкогда совершались историческія событія, Николай Ивановичъ предпринималъ туда поѣздки, подробно осматривалъ и изучалъ всѣ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи мѣста, всѣ сохранившіяся древности. Такъ поступалъ Костомаровъ смолоду въ 40-выхъ годахъ прошлаго вѣка, когда готовилъ свой трудъ о Богданѣ Хмельницкомъ—онъ объѣхалъ тогда всѣ мѣста, гдѣ разыгрывалась эта великая историческая эпопея; такъ поступалъ онъ и впослѣдствіи: въ концѣ 70-хъ годовъ, уже старикомъ, посредствомъ личнаго посѣщенія изучалъ онъ мѣстности, ознаменованныя дѣятельностью Мазепы, монографію о которомъ онъ тогда готовилъ. Онъ побывалъ въ Кіевѣ, гдѣ списалъ полустертую надпись на могилѣ Искры и Кочубея, тогда еще существовавшей на лаврскомъ дворѣ. Посѣтилъ онъ также Батурино и очень тщательно изучилъ его, а поѣздку свою въ эту столицу Мазепы онъ описалъ въ газетѣ «Порядокъ» (1881 г., № 87). По поводу этой статьи ему замѣтили, что онъ назвалъ мѣсто жительства Мазепы въ Батурино «Гончаровкой», тогда какъ оно называлось «Городокъ». Кромѣ того, по напечатаніи монографіи о Мазепѣ, протоіерей П. Г. Лебединцевъ въ письмѣ указалъ Николаю Ивановичу,

что онъ неправильно скопировалъ надгробную надпись на могилѣ Искры и Кочубея; неправильность эта вполне понятна, если вспомнить слабое зрѣніе историка и истертость самой надписи. Эти указанія покойный историкъ, повидимому, рѣшилъ имѣть въ виду при слѣдующемъ изданіи изслѣдованія о Мазепѣ. Для этой цѣли онъ вложилъ въ оставленный имъ для собственной библіотеки томъ своей монографіи о Мазепѣ письмо П. Г. Лебединцева о надгробной надписи, а также письмо А. М. Лазаревскаго, въ которомъ послѣдній между прочимъ касается и вопроса о Гончаровкѣ, подтверждая правильность указанія Николая Ивановича.

Просматривая этотъ томъ по поводу предпринятаго Обществомъ Пособія Литераторамъ и Ученымъ (Литературный фондъ) изданія «Собранія сочиненій Н. И. Костомарова», вдова покойнаго, Алина Леонтьевна, нашла эти два письма и любезно предложила ихъ для напечатанія въ нашемъ журналѣ.

Вотъ эти письма:

І. Письмо А. М. Лазаревскаго.

Глубокоуважаемый Николай Ивановичъ! Кое-какія свѣдѣнія о женѣ Мазепы у меня найдутся, но сообщить эти свѣдѣнія я могу Вамъ не раньше октября, такъ какъ теперь у насъ горячее время, по случаю каникулъ, когда судъ работаетъ только въ половинномъ составѣ.

Повидимому, Мазепа женатъ былъ на вдовѣ какого-то поляка Фридрикевича, такъ какъ не разъ встрѣчается въ показаніяхъ разныхъ свидѣтелей нач. XVІІІ в. «пасынокъ Мазепы Криштофъ Фридрикевичъ».

Очень жалѣю, что не видѣлъ Васъ въ нашихъ мѣстахъ. Въ Батуриѣ Вы, конечно, ничего не нашли послѣ Меншиковской Руины. Лѣтъ пятнадцать назадъ я нарочно поселился было въ Батуриѣ, чтобы порыться въ людской памяти но ничего не добылъ... Мазепа жилъ въ Батуриѣ, на Гончаровкѣ, которая составляетъ предмѣстье около такъ называемой Тепловки; а передъ измѣной, онъ укрѣпилъ такъ называемый Городокъ, гдѣ теперь пасѣка извѣстнаго нашего пчеловода Велигдана.

Замѣтили-ли Вы въ «Пчелѣ» 1876 г., кажется, рисунокъ Шевченка «Остатки дома Мазепы въ Батуриѣ». Откуда взялъ Ш. этотъ рисунокъ—трудно угадать, такъ какъ объ оригиналѣ людская память

и пятнадцать лѣтъ назадъ ничего не сохранила. Притомъ же, по преданію, послѣ разоренія Батурина въ 1708 г., въ немъ осталось только три дома, въ томъ числѣ и Кочубеевскій домикъ, который теперь обезображенъ неумѣлымъ реставраторомъ. (Но подвалы въ этомъ домикѣ и теперь хороши, съ тѣми кольцами, на которыхъ висѣли бочки со всякимъ питіемъ).

Есть у меня и о Мазепѣ кой-какія частныя свѣдѣнія, напр. о тѣхъ взяткахъ, которыя онъ бралъ у старшинъ за уряды и за универсалы; о его хозяйствѣ, пока онъ былъ еще «дворяниномъ» Самойловича. — Все это сообщу Вамъ, буде понадобится, со всякою охотою. Въ Москвѣ Вы, разумѣется, найдете не мало малоизвѣстныхъ свѣдѣній въ Архивѣ М. И. Д.; но кое-что, вѣроятно, есть и въ бывшемъ архивѣ Ник. Маркевича, въ Румянцевскомъ музеѣ; архивъ Маркевича набранъ изъ дѣлъ Генеральной канцеляріи, сохранившейся, впрочемъ, лишь съ 1709 г., такъ какъ прежній архивъ сгорѣлъ при взятіи Батурина. — Лучшія архивныя свѣдѣнія о Батуринѣ въ томъ видѣ, какъ онъ взятъ былъ Меншиковымъ въ свое владѣніе въ 1727 г., кажется, имѣются у Никол. Бѣлозерскаго (младшій братъ Василія Мих-ча), зарывшаго не мало добытыхъ имъ шпаргаловъ въ его хуторѣ, подъ Борзною. О сподвижникахъ Мазепы также многое у меня есть; но желательно бы знать о комъ и что Вамъ нужно. Ближайшими людьми къ Мазепѣ были Дмитрій Горленко, Ломиковскій и Апостоль. О первомъ, что зналъ, я напечаталъ въ Русск. Арх. 1875 г. Апостола Вы знаете, вѣроятно, лучше меня, изъ Московск. архива, а о Ломиковскомъ свѣдѣнія въ его завѣщаніи, въ Харьковскомъ Молодикѣ 1844 г.

Будьте здоровы! Искренно уважающій Васъ Ал. Лазаревскій.

1 сентября 1878 г. Нѣжинъ.

II. Письмо прот. II. Г. Лебединцева.

Пречестнѣйшій Господине Николай Петровичъ! Дочитавшись въ Вашей книжкѣ о Мазепѣ до казни Искры и Кочубея, встрѣтилъ я тамъ надгробіе имъ, скопированное въ неpravильномъ видѣ. Не желая, чтобы эти эррары повторялись при новомъ изданіи Вашей прекрасной книги, сообщаю Вамъ на оборотѣ сего сіе надгробіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно восстановлено М. А. Максимовичемъ и напечатано мною въ «Кіев. Еп. Вѣдомостяхъ» за 1866 годъ.

Къ сему считаю не излишнимъ присовокупить, что по мѣстному преданію они, по доставленіи въ Борщаговку, содержались въ хатѣ, на нынѣшней священнической усадьбѣ, а потомъ ведены для казни за мѣстечко, на гору, по дорогѣ въ с. Кашевъ, и казнь ихъ совершена тамъ на мѣстѣ, на которомъ близъ дороги видѣется и теперь довольно большая могила. Вѣроятно, по этой возвышенности, на правомъ берегу р. Роси, стоялъ обозъ Мазепы.

Пожелавъ при семъ случаѣ Вамъ добраго здоровья и душевнаго спасенія въ наступившіе дни В. Поста, остаюсь съ глубокимъ уваженіемъ Вамъ преданный Петръ Лебединцевъ.

2 марта 1883 г. Кіевъ.

Кто еси мимо грядый о насъ невѣдущій,
 Елицы здѣ естесмо положени суици?
 Понеже намъ страсть и смерть повелѣтъ молчати,
 Сей камень возопіеть о насъ ти вѣщати: .
 Ижъ за правду и вѣрность ку Монарсѣ нашу
 Страданія смерти испилисмо чашу.
 За уданемъ Мазепы, о Всевѣдче правый,
 Посѣчени оставше топоромъ во главы,
 Почиваемъ въ семъ мѣстѣ Матери Владычны,
 Подающей всѣмъ своимъ рабомъ животь вѣчный.

Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. Въ Софійскомъ соборѣ, на хорахъ, находится очень древній чудотворный образъ св. Николая, именуемаго *Монраго*. Это наименованіе дано иконѣ въ память чудеснаго спасенія младенца, котораго уронили въ Днѣпръ родители, ѣхавшіе лодкой изъ Вышгорода въ Кіевъ, и который на другое утро былъ найденъ живымъ и невредимымъ въ Софійскомъ храмѣ, предъ этой иконой. По преданію, событіе это произошло въ концѣ XI вѣка.

Подъ колокольной собора, на стѣнѣ, прибита старинная картина, изображающая это самое событіе. Писана она на холстѣ, въ черныхъ деревянныхъ рамахъ, около $2\frac{1}{4}$ аршинъ длины и $1\frac{3}{4}$ высоты. На ней изображены два момента: въ лѣвой части картины виденъ широкій разливъ Днѣпра съ неясными очертаніями отдаленнаго Вышгорода; на срединѣ рѣки лодка съ двумя фигурами въ ней, изъ коихъ

одна въ ужасѣ подняла вверхъ руки надъ упавшимъ въ воду спеленаннымъ ребенкомъ. Остальныя двѣ трети полотна заняты изображеніемъ другого момента: представлена внутренность храма, вправо кіотъ съ образомъ св. Николая, по обѣимъ сторонамъ его иноки въ мантіяхъ, а внизу лежитъ спеленанный цвѣтнымъ «повивачомъ» младенецъ. Слева къ нему приближаются изумленные родители, а за ними видны фигуры какихъ-то молодыхъ женщинъ. Все это изображено довольно живо и искусно, но манерно, совершенно въ стилѣ южнорусской живописи XVIII ст. Въ изображеніи родителей спасеннаго ребенка замѣтна даже попытка художника воспроизвести мѣстный типъ и костюмъ. Внизу подъ картиной, на бѣломъ полѣ, идутъ силлабическія вирши:

За князя Всеволода и митрополита
Ефрема, бывшаго здѣ на престолѣ лѣта
Тысяща девяностыя втораго, святитель
Чудотворецъ Николай въ Софійску обитель
Призрѣвъ свыше, гдѣ его Икона святая,
Возлюбилъ мѣсто сіе и въ даръ себѣ в . . . ая ¹⁾
Съ вѣрою приходящихъ, началъ здѣ отгомъ
Различная чудеса творити по волѣ
Бога всеблагаго. Межъ тыми чудесами
Въ первыхъ есть знаменито се, что предъ очами:
Пловущимъ съ Вышгорода кievлянамъ, мало
Дитя ввсегда . . . . . въ Днѣпръ упало,
И абіе утопе; но какъ въ домъ прибили
И къ сему святителю горько возопили,
Услышалъ ихъ: ноцію взявъ зъ воды ихъ сына,
Внеслъ въ церковь предъ свой образъ жива. Се причина,
Что сего чудотворца Мокримъ называютъ.
При сей Иконѣ и днесъ цѣлбы многи получаютъ.

Здѣлано 1768 году, генваря 30 дня.

Такимъ образомъ предъ нами точно датированная картина кievскаго письма половины XVIII вѣка. Уже по этому одному, не говоря о ея художественномъ достоинствѣ, картина эта заслуживаетъ самаго

¹⁾ Точками означены буквы и цѣлыя слова, которыхъ нельзя уже прочесть вслѣдствіе того, что краска совсѣмъ облѣзла.

тщательнаго храненія, ибо много ли сохранилось у насъ памятниковъ мѣстной живописи половины позапрошлаго столѣтія? И болѣе чѣмъ странно видѣть, что такая художественная древность хранится не въ храмѣ и не въ музеѣ, а въ воротахъ подъ колокольнею, гдѣ ее заноситъ пылью, дождемъ и снѣгомъ. Когда и кому пришла странная мысль помѣстить ее здѣсь—не знаемъ; въ извѣстномъ «Описаніи Кіева» Н. Закревскаго, составленномъ въ 1865 г., эта картина отмѣчена тамъ же, гдѣ и нынѣ. Очевидно, она находится здѣсь около 40 лѣтъ, если не больше. И нужно только удивляться тому, что, подвергаясь такъ долго разрушительному дѣйствию влаги и пыли, она все еще хорошо сохранилась; только нижнія строки виршей нѣсколько испортились. Пора, давно пора убрать отсюда эту драгоценность и помѣстить ее туда, гдѣ всего приличнѣе находится ей,—въ Церковно-археологическій музей при Дух. Академіи.

О. І.

Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ“ (кладахъ). Нахожденіе кладовъ было исконнымъ явленіемъ на территоріи Южной Руси. Въ огромномъ количествѣ они остались здѣсь еще отъ древнихъ кочевниковъ и затѣмъ съ великокняжеской эпохи. Статутъ Литовскій 1566 года уже трактуетъ «о найденю скарбу, захованого въ земли або у якомъ поклаженю», какъ о фактѣ обычномъ: «Уставуемъ, коли бы ся трафило кому налѣзти (найти) въ земли який скарбъ: гроши, золото, серебро або иншое, яко се трафляеть находити... (Розд 9, артыкуль 20). Въ томъ же XVI в. на пустынныхъ степяхъ нынѣшней Полтавщины, въ тогдашнихъ «Сиверскихъ уходахъ», мы встрѣчаемъ кладискательство, какъ специальный промыселъ; такихъ промышленниковъ называли тогда «копачами». Въ 1552 г. каневскіе мѣщане жаловались королевскимъ люстраторамъ, что имъ много вредятъ («переказуютъ») въ пользованіи тѣми «уходами» «копачи зъ драбовъ¹⁾, которые по городищамъ и селищамъ ходячи, могилы (курганы) роскопываютъ, ищущи тамъ обручей а перстеней, моци погребенныхъ выкидываютъ, на помѣсту за то живымъ и цвиннымъ»²⁾.

¹⁾ Драбами назывались жолнеры-пѣхотинцы; въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о мѣстномъ замковомъ гарнизонѣ.

²⁾ Архивъ Юго-зап. Россіи, часть VII, т. I, стр. 103.

Между тѣмъ условія тогдашней жизни—частыя войны, безпрестанныя вторженія татаръ постоянно способствовали новому накопленію кладовъ въ нѣдрахъ земли: во время подобныхъ тревогъ жители разбѣгались по лѣсамъ и болотамъ, а болѣе цѣнное имущество—деньги, утварь и т. под. зарывали въ землю. Не всѣ владѣльцы зарытаго добра благополучно возвращались въ покинутые дома; многіе погибали отъ враговъ, другіе попадали въ плѣнъ, а припрятанный ими «скарбъ» становился нерѣдко цѣлью нарочитыхъ розысковъ со стороны сосѣдей¹⁾.

Такимъ образомъ вполне естественно, что въ малорусскомъ народѣ съ древнихъ временъ возникла и укрѣпилась увѣренность въ существованіи въ нѣдрахъ земли многочисленныхъ кладовъ, а затѣмъ уже народная фантазія создала цѣлый рядъ поэтическихъ повѣрій, связанныхъ съ этимъ предметомъ. Однимъ изъ такихъ вымысловъ, и нынѣ широко распространенныхъ въ народной средѣ, является вѣрованье, что на мѣстѣ зарытаго клада при извѣстныхъ условіяхъ появляются горящія свѣчи и вообще огни. Оказывается, что это повѣрье существовало уже въ половинѣ XVII ст. Вотъ документальное свидѣтельство объ этомъ.

Въ актовой книгѣ Полтавскаго полковаго суда, находившейся въ библіотекѣ В. В. Тарновскаго (нынѣ принадлежащей Черниг. губ. земству), имѣется судебный актъ 31 іюля 1671 г. по дѣлу объ отрытомъ въ землѣ кладѣ гдѣ-то близъ Полтавы, именно допросъ пастуха Васька, служившаго у какого-то Гринца. На судѣ, въ присутствіи полковника Ѳедора Жученка, этотъ Васько далъ слѣдующее показаніе: «Панове! Ведле повинности моеи, выгналемъ рано пасти товаръ (скотъ) по святой недели, съ понеделка на вовторокъ, и такъ обачилемъ—огонь горитъ розними матеріями, и домислилемся, же (что) то скарбъ мѣбетъ бити, и сталема копати ножемъ и докопалема казанъ, прикритий глиною. Ознаймилемъ то заразы господареви моему Гринцу. Теди (тогда) Гринецъ, господарь мой, дождавши вечера, открылъ той казанъ грошѣй и зась тое срѣбро мѣхомъ носилъ въ лѣсъ, а мене отпавиль: «пойди ти къ дому, товаръ гляди, будетъ и тобѣ тихъ грошей». Теди-мъ (тогда я), ведле его розказаня, и пошоль, нѣчого собѣ не взявши. Теди напотомъ, кгда южь вибралъ Гринецъ той скарбъ, сталь мнѣ говорити, кгда люди того мѣли бы довѣдатися, бо мѣсце

¹⁾ См. подобный случай въ нашихъ „Очеркахъ народной жизни въ Малороссіи во 2-й половинѣ XVII ст.“, стр. 196—200.

значеніе и трудно его закрити: «Ты кажи на Сѣдаковъ на Стефана, на Моисѣя и на Процика». Теди-мъ мусѣль ведле мови Гринцевой, господаря моего, на тихъ людей невиннихъ неправдиве говорити, а Гринецъ самъ той скарбъ, винявши, затаилъ».

Судьи, «вслухавши тои мови», не повѣрили свидѣтелю «и казали того Васка потрикотне, безъ жадного милосердя, сродзе, публѣце, на рынѣку нагайками бити», т. е. подвергли его пыткамъ. «За першимъ битемъ, за вторимъ и за третимъ все той Васко едно твердилъ: «хочь мя панове, на смерть вбійте, тилко самъ Гринецъ той скарбъ винялъ, а мнѣ и одного таляра не далъ». Протоколь заключается такимъ опредѣленіемъ: «Ми, по томъ немилостивомъ караню Васка до вязеня (подъ арестъ) давши, отложили тую справу на далшій часъ и до книгъ мѣскихъ Пултавскихъ велѣли вписати, року и дня вишменованого».

Этотъ отрывочный документъ заставляетъ лишь догадываться о сущности дѣла. По всѣй вѣроятности, кладъ былъ откопанъ на чужой землѣ, а въ Лит. Статутѣ на этотъ счетъ существовалъ такой законъ: если находка скарба будетъ сдѣлана на собственной землѣ, то скарбъ долженъ принадлежать тому, чья земля; а если на чужой землѣ, то нашедшій обязанъ дать половину тому, на чьей землѣ нашель; «а хто бы умыслѣне (съ умысломъ, намѣренно) на чужой земли кладу искалъ и нашоль, тогды маеть, што будетъ найдено, все тое одати, чій грунтъ есть». (Лит. Ст. 1566 г., разд. 9, арт. 20; Лит. Ст. 1588 г., разд. 9, арт. 30). Очевидно, на основаніи этого закона, владѣлецъ земли и претендовалъ къ Гринцу о выдѣлѣ половины клада, а Гринецъ отвергалъ самый фактъ находки «скарбу». Доказчикомъ и уличителемъ Гринца выступилъ его пастухъ Васько, якобы участвовавшій въ открытіи «скарба»; но мы видѣли, что судъ не далъ вѣры его показаніямъ, и хотя Васько, подвергнутой тоекратному истязанію, продолжалъ стоять на своемъ, судьи, отложивъ дѣло, все-таки подвергли его заключенію.

Самая любопытная черта въ этомъ документѣ—упоминаніе о горящемъ огнѣ, какъ примѣтѣ скарба; но столь же любопытно и то обстоятельство, что благоразумные люди (въ данномъ случаѣ члены полковаго суда) и въ то время не придавали вѣры этимъ суевѣрнымъ рассказамъ.

О. Л.

Школа чистописцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. Пользуясь архивнымъ матеріаломъ, можемъ сообщить исторію этой рѣдкой школы, въ которой получили образованіе многіе изъ нынѣ здравствующихихъ чиновныхъ лицъ. Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ баронъ Компенгаузенъ въ іюль 1823 года сообщилъ малороссійскому генераль-губернатору Н. Г. Репнину о необходимости, на основаніи представленія комитету министровъ министра вн. дѣлъ В. П. Кочубея, устроить въ Малороссіи, подъ вѣдомствомъ Приказа Общ. Призрѣнія, школу для приготовленія писцовъ. Такихъ школъ на первое время предполагалось устроить двѣ: одну въ Ярославѣ, гдѣ Приказъ имѣлъ большія средства, а другую въ Полтавѣ. Нельзя не обратить вниманія на мотивъ учрежденія этихъ школъ. «Въ домахъ воспитательныхъ (писалъ В. П. Кочубей) призрѣваются незаконнорожденные (подкидыши), которые тожъ воспитываются или въ домахъ сихъ или внѣ оныхъ; воспитанники таковые увольняемы были изъ вѣдомства приказовъ по собственному ихъ распоряженію и терялись изъ виду, такъ что ни правительство за попеченіе свое о призрѣніи ихъ -никѣмъ не вознаграждалось, ни общество не получало никакой пользы. Въ семъ уваженіи государь императоръ въ 1820 году, обративъ вниманіе на участь воспитанниковъ, Приказами призрѣваемыхъ, высочайше утвердить изволилъ представленіе мое объ опредѣленіи ихъ на нижеслѣдующихъ основаніяхъ: 1) чтобы воспитанники были увольняемы изъ Приказа съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ не иначе, какъ по засвидѣтельствованіи мѣстнаго начальства о соответственномъ устроеніи ихъ участи, и 2) чтобы воспитанники обрацаемы были въ общепользныя заведенія по вѣдомству министерства внутреннихъ дѣлъ». Этихъ воспитанниковъ министерство опредѣляло въ С.-Петербургскую аптекарскую школу, въ школы садоводства, существовавшія тогда въ губерніяхъ полт. и пензенской, въ сады—екатеринославскій, одесскій, крымскій; въ наборщики казенныхъ типографій и т. под. Изъ этихъ же питомцевъ должна была состоять и проектируемая школа въ Полтавѣ, цѣль которой—«приготовить молодыхъ людей на службу для тѣхъ губерній, кои, по отдаленности или другимъ причинамъ, имѣютъ въ канцелярскихъ служителяхъ большой недостатокъ». Въ школу эту принимались мальчики не моложе 10 лѣтъ. Они ходили учиться или въ гимназію, или въ уѣздное училище; но для уроковъ чистописанія должны быть положены особые часы, такъ какъ воспитанники должны были писать хорошимъ почеркомъ, правильно и скоро. Тѣхъ изъ

воспитанниковъ «школы чистописцевъ», которые проходили гимназическій курсъ, опредѣляли на службу писцами, а болѣе способные изъ нихъ могли получить мѣсто помощника столоначальника. Смотри по успѣхамъ, окончившіе получали званіе старшихъ и младшихъ писцовъ. Образцы письма окончившихъ представлялись въ министерство, которое и опредѣляло ихъ на службу. За полученное образованіе надо было прослужить отъ 8 до 10 лѣтъ; а по выслугѣ можно было получить оберъ-офицерскій чинъ. Если позволялъ возрастъ, то разрѣшалось опредѣлять воспитанниковъ на службу и до окончанія курса ученія. Неуспѣвавшихъ или дурного поведенія учениковъ обращали въ ремесленниковъ, работниковъ въ заведенія, содержимыя приказами; опредѣленные же на службу писцами, въ случаѣ дурного поведенія или неспособностей, обращаемы были въ податное состояніе. На такихъ основаніяхъ была открыта «Школа чистописцевъ» въ Полтавѣ. Содержалась она на счетъ Приказа. По штату въ ней положено было имѣть 50 воспитанниковъ. Первоначальное обзаведеніе ея обошлось 9996 р. 55-к., а ежегодное содержаніе стоило 12136 р. 3¹/₂ к. Для помѣщенія былъ нанятъ домъ Руденка (гдѣ раньше помѣщался «домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», а нынѣ здѣсь губернская земская Управа), для приспособленія котораго было истрачено 16683 р. 90 к. Первые питомцы «Школы чистописцевъ» въ Полтавѣ по распоряженію министерства внутр. дѣлъ были присланы изъ воспитательныхъ домовъ: смоленскаго, тульскаго, калужскаго и воронежскаго. Завѣдующимъ этой школой былъ назначенъ депутатъ полтавскаго генеральнаго Суда 1 департамента Ѳеодоръ Константиновичъ. Точной программы обученія въ школѣ не существовало. Въ нее поступали нерѣдко совершенно неграмотные, которыхъ и обучали здѣсь; иные учились ариметикѣ и грамматикѣ, а всѣ безъ исключенія чистописанію. Введено было рисованіе, и директоръ училищъ полт. губерніи Огневъ увѣдомивъ въ августѣ 1825 г. начальника училища, что «воспитанники Школы чистописцевъ могутъ не ходить въ уѣздное училище по средамъ и субботамъ, чтобы заниматься рисованіемъ». Школа эта существовала въ Полтавѣ до начала 1860-хъ годовъ, когда была закрыта. При этой школѣ, добавимъ, существовалъ прекрасный церковный хоръ, пѣвній въ церкви богоугоднаго заведенія. (Арх. Полт. Губ. Земства. Дѣла Приказа по описи № 317).

И. Ф. Павловскій.

Пастырская увѣщательная грамота Кіевск. Митроп. Гавріила. Въ мартѣ 1802 года въ типографіи кіево-печерской лавры «съ Оуказнаго дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода» напечатана «Пастырская Оувѣщательная Грамота» Митрополита Кіевскаго Гавріила «къ Духовенству Кіевской Епархіи, и Благочинническая Инструкція». Въ своей увѣщательной грамотѣ митрополитъ Гавріиль отмѣчаетъ нѣсколько весьма любопытныхъ явленій въ жизни подвѣдомственнаго ему духовенства.

«По входящимъ къ Намъ и въ Дикастерію Нашу доносамъ, жалобамъ и прозбамъ, съ великимъ удивленіемъ, и крайнимъ сожалѣніемъ видимъ Мы. а) Что многіе изъ нихъ» («Пастырей словеснаго стада»), разными способами вступивши въ Духовный чинъ:—говоритъ Высокопреосвященный Гавріиль,—не ищутъ пользы церкви, не стараются по долгу присяги о спасеніи вѣрнной имъ паствы, и о благолѣпіи храмовъ Божіихъ: но или съ великимъ роптаніемъ жалуясь на скудость того прихода. каковъ сами добровольно избрали, или на недоброхотство своихъ прихожанъ, безпрестанно просятъ о переводѣ ихъ въ другіе лучшіе приходы, въ противность обязательства ихъ и правилъ Святыхъ Отецъ: но такіе приходы свои стараются прикрыть разными сторонними причинами, в) Нѣкоторые нарушая свою совѣсть, стараются клеветами, ласкательствомъ къ прихожанамъ своимъ и помѣщикамъ, и другими проництвами вытѣснить законно опредѣленнаго Пастыремъ Священника изъ прихода, и занять оной сами: и такъ по слову Христову, не входятъ дверми но прелазягъ инудѣ, г) Другіе имѣя по видимому въ предметѣ одно стяжаніе богатства, вступаютъ въ несвойственныя Священническому сану торги и промыслы, и дѣлая связи даже съ Евреями заимодавствомъ имъ денегъ, для одной лихвы, порокомъ скверностяжательства себя безобразяютъ, простираются на обманы, обиды и другіе неправды во вредъ ближняго, отъ чего безпрерывно умножаются жалобы, и они подвергаются сужденіямъ и штрафамъ. И такъ, по Апостолу, яко хотящій богатитися впадаютъ въ напасти и сѣти, и въ похоти многіи, несмысленны, и враждующія, яже погружаютъ человѣка во всегубительство и гибель. Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть: егоже нѣпци желающе, заблудиша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ, д) Иные до нынѣ не отстаютъ отъ піянства, и не только въ домѣхъ, въ гостяхъ, но и входя въ корчмы напиваются до піяна, и не живутъ мирно, тихо и любовно: но съ разными людьми входятъ

въ ссоры, и не только съ низшими и равными себѣ, но и съ вышшими обходятся сурово, угрюмо, строптиво и предприимчиво: другіе, забывъ страхъ божій, руками, коими приносятъ безкровную жертву, дерзають причинять по злости и необузданной ярости своей, тяжкіе людямъ побои даже до крови, и тѣмъ кромѣ того, что не подаютъ паствѣ своей добраго примѣра, служатъ къ разврату, и наводятъ на себя справедливое отъ прихожанъ нарѣканіе: а самы подвергаются несчастному жребію. Изъ числа таковыхъ держкихъ людей, нѣкоторый Священникъ въ недавнемъ времени, за побои причиненные прихожанину, отъ коихъ онъ чрезъ нѣсколько дней умеръ, подиалъ оуголовному суду: а за тѣмъ строгому оштрафованію, съ отрѣшеніемъ отъ прихода, е) Нѣкоторые священники или самы между собою, или съ свѣтскими людьми собравшись, вмѣсто того, чтобы, яко учителямъ ввѣренной имъ паствы и строителямъ таинъ Святыхъ, продолжать бесѣды полезныя, и къ назиданію душъ человѣческихъ служащія, даютъ полную волю языку своему: и не только гнилыя, смрадные и бусловныя рѣчи произносятъ, безъ всякаго разсужденія въ соблазнъ другимъ: но еще заводятъ разговоры нелѣпыя, неосновательныя, и по легкомыслію своему, разглашенія дѣлають о такихъ дѣлахъ кои до нихъ вовсе не принадлежать и тѣмъ и другихъ повреждаютъ, и самы подпадаютъ несчастіямъ».

Всѣ эти и «подобныя имъ неурюстройства и бунства» происходили, по мнѣнію Митрополита, отъ невниманія священниковъ «званію своему, и тому спасительному предмету, для коего они въ Священный санъ поступили: ибо многіе изъ нихъ не только Священныхъ полезныхъ книгъ, но и ставленныхъ своихъ грамотъ, сокращенаго катихизиса и книги о должности пресвитеровъ не читають, и поведенія своего съ евангельскимъ ученіемъ и правилами Святыхъ Отець соображать не стараются». Кромѣ того—«отъ слабаго смотренія за поведеніемъ ихъ Благочинныхъ, и Духовныхъ Правленій: ибо довольно примѣчено нами,—говоритъ Митрополитъ Гавріиль,—что, гдѣ оуѣздныя Протоіереи и Благочинныя къ своей должности ревностны, отправляють оную рачительно, и ни какихъ безчинствъ, и неурюствъ подчиненныхъ своихъ безъ должнаго вниманія не оставляють, въ тѣхъ оуѣздахъ Духовенство исправнѣе и спокойнѣе, напротиву того по дѣламъ довольно извѣстно, что нѣкоторые Духовныя Правленія и Благочинныя, по доходящимъ къ Намъ свидѣніямъ, жалобамъ и доносамъ о піянствѣ, ссорахъ, о дракахъ и другихъ разныхъ престу-

пленіяхъ и оупущеніяхъ должностей Священно и церковнослужителями, или въ закрытіе ихъ преступленій, не входятъ въ испытаніе и обнаруженіе дѣла, и не предають виновныхъ сужденію, или же оканчиваютъ дѣла тѣ примиреніемъ: и такъ оставляють виновныхъ въ прямомъ преступленіи должности своей являющихся, безъ всякаго суда и заслуживаемаго ими по мѣрѣ преступленій оштрафованія, чемъ подаютъ поводъ простираться и впредь на вящшыя дерзости и буянства».

«Имѣя попеченіе о приведеніи епархіи въ надлежащее благоустройство», митрополитъ Григорій, отмѣтивъ выше указанные неурядица и буянства» въ средѣ духовенства, завѣщаетъ «именемъ Божиимъ» и «властію Пастырскою» повелѣваетъ «Протоіереамъ, Іереамъ, Діаконамъ и причетникамъ вообще: Въ званіи своемъ свято и непорочно пребывать: поступаая во всемъ по ставленнымъ грамотамъ: и прилѣжая прямо, своей должности; скверноствяжательства удаляться, довольствуясь положенными по Оуказамъ оброками и добротнымъ подаваніемъ: держась ученія Святого Апостола Павла». Особенно же предписываетъ Благочиннымъ: «за поведеніемъ Священно и церковнослужителей имѣть неослабное наблюденіе, чего ради какъ при посѣщеніи церквей, такъ и при всякомъ случаѣ не упущать изъ виду ничего по Инструкціи имъ предписаннаго: а дабы Священно и церковнослужители съ своей стороны извѣстны были, чего Благочинные смотрѣть и наблюдать за ними обязаны, а тѣмъ бы въ порядкѣ и добротнравіи образовались», митрополитъ повелѣваетъ «напечатать оныя Инструкціи церковными литеррами на щетъ заплаты изъ церковныхъ денегъ, раздать во всѣ церкви ко всегдашнему прочитыванію: а за симъ Благочиннымъ печатные вручить, къ непремѣнному исполненію, за подписомъ Дикастеріи»...

Духовнымъ Правленіямъ митрополитъ предписываетъ «смотрѣть неослабно за Благочинными, дабы они должность свою исправляли неопустительно, и были бы примѣромъ всякаго благонравія своимъ подчиненнымъ... Въ недоумѣніяхъ ихъ Благочинныхъ, наставлять, и къ исправному прохожденію должностей руководствовать».

Предложивъ цѣлый рядъ болѣе частныхъ указаній касательно того, какъ должны поступать священно и церковнослужители, благочинные и духовныя Правленія, митрополитъ, въ заключеніе своей пастырской увѣщательной грамоты высказываетъ слѣдующее: «За всѣмъ таковымъ Нашимъ распоряженіемъ надѣмся, что оубѣдные Прото-

іереи присутствующіе въ Духовныхъ Правленіяхъ, и Благочинные потщатся проходить должности свои прилѣжно, усердно, вѣрно: а симъ самимъ пресѣкутъ не только развратъ священно и церковнослужителей: но и всякія къ тому поползновенія. И тѣмъ содѣлають себя достойными Нашего Пастырскаго особливаго объ нихъ вниманія, и за ревностные труды ихъ награжденія: объявляя при томъ всѣмъ и каждому изъ нихъ, что нерадивые, и возложеннаго на ихъ званія по долгу присяги неисполняющіе, и о благѣ общемъ непекущіеся, не только отрѣшены будутъ отъ должностей своихъ: но подвергнутся и неизбѣжному сужденію. И притомъ, ни прозбы ихъ, ни прежнія заслуги, ни извиненія не вѣдѣіемъ порядка, и ни какія сторонныя объ нихъ ходатайства, не будутъ имѣть мѣста къ облегченію судьбы ихъ».

Въ концѣ увѣщательной грамоты поставлена дата: «дана въ Богоспасаемомъ Градѣ Киевѣ. Августа 12 дня. 1801 года». А на главномъ листѣ значится: «Печатана съ Оуказнаго дозволенія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, въ типографіи Киевопечерской Лавры, 1802 года. Марта   дня.

В. С

Народныя повѣрія, суевѣрія и примѣты, приуроченныя къ „Благовищеню“. (Записаны въ волинск. губ., въ уѣздахъ: заслав., староконстант. и ковельскомъ и подольской губ. каменецкій уѣздъ). Послѣ «Великодня» и «Риздвяныхъ святъ» въ понятіи и вѣрованіи нашего народа однимъ изъ главнѣйшихъ праздниковъ считается «Благовищеня». Насколько этотъ праздникъ считается важнымъ въ понятіи народа,—свидѣтельствуетъ та масса повѣрій, суевѣрій и примѣтъ, какая существуетъ у него въ связи съ этимъ праздникомъ. Мы раньше сообщали уже въ «Кіев. Стар.» повѣрія, суевѣрія и примѣты, приуроченныя къ «Великодню», «Риздвянимъ Святамъ» и «Спасу», теперь предлагаемъ читателямъ подобныя-же повѣрія, приуроченныя къ «Благовищеню».

По понятію народа «Благовищеня» такой же важный и большой праздникъ, какъ и Пасха, и въ этотъ день, какъ и на Пасху, можно ѣсть скоромное,—«але-жъ на йиденъ день не вартъ паскудытысь и скоромытысь»,—прибавляютъ крестьяне.

На Благовѣщеніе, какъ и на Пасху—даже грѣшниковъ въ аду не мучать. Всякая, даже малѣйшая работа на Благовѣщеніе безусловно грѣшна и воспрещена: такъ, на примѣръ, если на Благовѣщеніе взять въ руки или только прикоснуться къ огородамъ, цвѣточнымъ или хлѣбнымъ сѣменамъ для посѣва и посадки, то онѣ отъ этого сейчасъ потеряютъ всхожесть и не взойдутъ. Яйца домашней птицы: куръ, утокъ, нельзя подсыпать подъ насѣдку, ибо изъ этихъ яицъ или ничего не выйдетъ, и яйца будутъ «бовтуны», или изъ такихъ яицъ цыплята выйдутъ уроды и калѣки.

На Благовѣщеніе даже ни одна птица не вьетъ гнѣзда; кукушка давнымъ давно вздумала было въ этотъ день вить гнѣздо,—но ее Господь за это проклялъ, воспретилъ навсегда вить себѣ гнѣздо. (Каменецкій уѣздъ, подол. губ.).

Къ Благовѣщенію «боцюнъ» (аистъ) успѣваетъ уже или сѣсть на яйца, или во всякомъ случаѣ снести первое яйцо. Народъ по «боцюнамъ» примѣчаетъ: если боцюны на Благовѣщеніе сидятъ уже на яйцахъ,—весна будетъ теплая и весеннихъ морозовъ не будетъ, если къ Благовѣщенію они чуть лишь начинаютъ нестись,—весна будетъ холодная. (Заславл. и староконстант. уѣзды, волын. губ.). По аисту народъ также предвидитъ и ожидающійся урожай: народъ вѣритъ, что аистъ ежегодно что-нибудь выбрасываетъ изъ гнѣзда—яйцо или птенца-дѣтеныша; если аистъ выброситъ яйцо,—на хлѣбъ будетъ урожай и онъ будетъ дешевле; если выброситъ птенца, дѣтеныша,—будетъ неурожай хлѣба и онъ будетъ такъ дорогъ, что его не купить и за дитя (ковельск. уѣздъ, волын. губ.).

Если благовѣщенскую просфору положить въ «засикъ» (закромъ) или мѣшокъ съ хлѣбнымъ зерномъ для посѣва,—то зерно это дастъ хорошій урожай, мыши его не будутъ ѣсть, а градъ на полѣ не побьетъ его. (Каменец. уѣздъ, подольск. губ.).

На Благовѣщеніе просыпаются отъ зимней спячки и вылазятъ на свѣтъ Божій: гадюки, ужи.

На Благовѣщеніе „весна зиму вже зовсімъ поборе“; и съ Благовѣщенія наступаетъ «уже правдыва (т. е. настоящая) весна“.

Если весна поздняя,—то на Благовѣщеніе пчеловоды выставляютъ пчелъ изъ зимовниковъ и омшанниковъ и первый разъ кормятъ ихъ сытою съ благовѣщенскою просфорою и артосомъ

Если на Благовѣщеніе родится что либо изъ скота—теленокъ или лошенокъ, то будетъ или калѣкою, или недолговѣчнымъ; родив-

шійся въ этотъ день ребенокъ тоже будетъ недолговѣченъ и скоро умретъ,—а если и будетъ живъ, то будетъ злой, нехорошій человекъ или какой-нибудь преступникъ.

Если на Благовѣщеніе дождь,—будетъ урѣжай на грибы,—если гроза—ожидать теплаго лѣта и урожая орѣховъ.—Въ этотъ день недѣли въ который припадаетъ Благовѣщеніе въ данномъ году, до конца года ничего нельзя начинать или предпринимать, т. к. будетъ неудача и неуспѣхъ въ дѣлѣ или предпріятіи.

Воры, напротивъ, на Благовѣщеніе стараются что-либо украсть, чтобы цѣлый годъ имѣть успѣхъ

Равнымъ образомъ по народному вѣрованію, вѣдьмы тоже на Благовѣщеніе стараются подоить чужихъ коровъ, чтобы цѣлый годъ имѣть успѣхъ въ кражѣ у чужихъ коровъ молока.

Горохъ, посѣянный подъ Благовѣщеніе, будетъ очень урожайный и не будетъ червивый (староконст. уѣздъ).

Ив. Вѣньковскій.

Легенда о горохѣ. 1) Въ староконстантиновскомъ уѣздѣ, волин. губ., горохъ крестьяне называютъ «слезами Адама» и о происхожденіи гороха рассказываютъ слѣдующую легенду: «То, якъ Господь выгнавъ Адама зъ рай, то винъ мусивъ взятися за роботу, обробляты землю,—щобъ прокормити себе зъ Эвою. Трудно було Адамови прывыкаты до тяжкой праці, и отъ, якъ винъ першый разъ взявся обробляты землю и першый разъ ходывъ за плугомъ,—то дуже плакавъ; и де падали на землю ёго слёзы,—тамъ вырись горохъ». (С. Молчаны, баба Прокопыха).

Ив. Вѣньковскій.

Текущая извѣстія.

Юбилей А. Н. Пыпина. 25 марта состоялось въ Петербургѣ чествованіе извѣстнаго ученаго академика А. Н. Пыпина по поводу 50-лѣтія его учено-литературной дѣятельности. Въ исходѣ 2-го часа дня, небольшая квартира юбиляра была переполнена его знакомыми, почитателями и членами депутацій. Въ 2½ часа началось чтеніе адресовъ. Первыми привѣтствовали А. Н. Пыпина отъ Императорской

Академіи Наукъ академики Ал-ръ Н. Веселовскій и Н. Θ. Дубровинъ; проф. И. А. Шляпкинь произнесъ привѣтствіе отъ историко-филологич. факультета Петербургскаго университета, проф. Гельсингфорскаго университета г. Мандельштамъ прочелъ адресъ отъ историко-филологич. факультета и отъ профессорской корпораціи этого университета (на латинскомъ языкѣ); затѣмъ читали адреса: отъ общества любителей россійской словесности проф. Алексѣй Н. Веселовскій, отъ Московскаго Археологическаго Общества, Московскаго Общества исторіи и древностей. Отъ литературнаго фонда привѣтствовали П. И. Вейнбергъ и Н. Θ. Аненскій, отъ историческаго общества при Спб. университетѣ—проф. Н. И. Карѣвъ и В. И. Семевскій, отъ этнографическаго отдѣла музея имп. Александра III—Д. А. Клеменць, отъ украинцевъ Д. Л. Мордовцевъ и А. А. Русовъ (текстъ послѣдняго адреса, помѣщаемый ниже, былъ покрытъ въ Петербургѣ болѣе чѣмъ 80 подписями), отъ Лицейскаго Пушкинскаго Общества—нѣсколько бывшихъ лицействова, съ директоромъ Имп. Публичной Библиотеки Д. Θ. Кобеко во главѣ, отъ редакціи «Міра Божія», отъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго Музея, избравшаго юбиляра почетнымъ членомъ и др., Чтеніе адресовъ сопровождалось шумными рукоплесканіями. Потомъ началось чтеніе нѣкоторыхъ изъ многочисленныхъ полученныхъ телеграммъ, а именно: отъ управляющаго Музеемъ Имп. Александра III Е. И. В. Вел. князя Георгія Михайловича, отъ Казанскаго университета, избравшаго А. Н. почетнымъ членомъ, отъ историко-филологическихъ факультетовъ университетовъ Кіевскаго, Харьковскаго и Варшавскаго, отъ Историч. Общества Нестора Лѣтописца, съ извѣщеніемъ объ избраніи въ почетные члены, отъ Сибирикова, отъ редакціи «Русскаго Богатства», Томскихъ общеобразовательныхъ вечернихъ курсовъ, И. Е. Забѣлина и др.

Во всѣхъ адресахъ и телеграммахъ были отмѣчены выдающіяся научныя заслуги юбиляра, его неуклонное стремленіе къ правдивому изображенію прошлой жизни славянскихъ народовъ и русской общности, благородное отстаиваніе правъ на уваженіе и самобытное развитіе, какъ всѣхъ славянскихъ народностей, такъ и всего разноплеменнаго состава Русскаго государства. Особенно сильно подчеркнуты были заслуги юбиляра въ дѣлѣ защиты народной самобытности въ привѣтствіяхъ изъ Сибири.

Взволнованный и растроганный юбиляръ, отвѣчая кратко, благодарилъ всѣхъ за необыкновенное вниманіе къ его трудамъ, ощути-

Томъ 81.—Май, 1908. П—2

тельно напоминающее, что его жизнь прошла не безслѣдно и что работаль онъ не даромъ.

Послѣ чтенія привѣтствій, продолжавшагося болѣе часа, въ 6 ч. вечера состоялся обѣдъ въ ресторанѣ Донона съ многочисленными искренними и задушевными рѣчами и тостами.

Текстъ адреса, поднесеннаго украинцами, проживающими въ Петербургъ.

Высокошановный Олександръ Мыколаёвичъ!

Помежы прывитаннямы, яки пидносять вамъ зъ поводу Вашои 50-литнѣи литературной праці, дозволяемо соби й мы, украинци, выголосыты щыру подяку Вамъ за спивчуття Ваше бажаннямъ розвою нашои ридной мовы и литературы.

Справди, 50 годъ назадъ, колы Вы ступылы на шляхъ ученои и публицистычной діяльности середъ интеллигенціи не тилькы повитовыхъ и губернськихъ мисть, але й у столицяхъ нашего царства багато зустричалося людей, що здвигалы плечыма, колы передъ ими згадувано про Украинську літературу й мову. «Де жъ той народъ, пыталы вони, якый говорыть цѣю мовою? Ни у Кыиви, ни въ Одесси, а ни въ Харькови — не чуты тѣи мовы, нигде по кныгарняхъ не знайдешъ кныжокъ, такъ званои, «Украинськой» литературы, а газетъ, або другихъ выданъ періодычной пресы—и не шукайте! Яка жъ то литература?!»

Своею кныжкою про «Исторію Славянськихъ литературъ» за-для молодого покоління 60-хъ рокывъ Вы подалы доказъ, що той народъ, якому зъ-за часивъ Кырылла та Меодія Солунськихъ и Володымера Святого викивъ 8 приходилося пысаты й чытаты на чужыхъ мовахъ, здобувъ, накинѣць, помежы своими сынамы—пысателивъ и заснувавъ свою литературу.

Колы сами етнографы украинськи безнадійно сумувалы и журылыся, що пидъ гоминь и брязкитъ поступового розвою милитаризму гыне мова украинська й скоро може и зовсимъ переведется нинавищо, Вылингу зброи наукъ исторіи, молвистыкы и етнологіи, пидтрымувалы ихъ виру у правдывий прогресъ всихъ народивъ и въ своѣму труди про етнографію называлы марными и непидставными таки погляды, яки высловлювавъ зъ цѣго powodu, напр., Метлинський у 30—40 рогахъ минулого вику, бо колы мова Украинська, казалы Вы, выражае особлыви напрямкы духовного жыття великого народа, то

тилькы, не вмѣючи дошукатыся у тому жытти чого слидъ, можна прыйты до такихъ думокъ!

Не разъ, якъ ученый публицистъ, пиднималы Вы голосъ въ оброну Украинської идеи проты нападивъ на неи Угрюмъ-Бурчевыхъ, ризныхъ верствъ и котерій.

Звисно, «разъ добромъ налите сердце въ вѣкъ не прохолоне!»— и мы певни, що колы Вамъ доведеться дожиты до часу дозволу друкувати по-украинськы вичну книгу усихъ народивъ про Христа-Спасытеля и вси инши книжки, журналы и газеты за-для 90% народу Полудневои Россіи,—то й Ваше сердце озвется на цей актъ политычного зросту нашого царства зъ такимъ же щырымъ почуттямъ, яке огорне и всихъ землякивъ нашихъ.

Прыймигъ же, Высокошановный Добродію, видъ насъ щыре бажаня ще не разъ чуты зъ Вашыхъ компетентныхъ вустъ прыхыльни и пидкрепляючи слова про неодминнисть розвою духовного благобыту усихъ славянськыхъ народивъ, помежъ якими Ваше имя стало славнымъ, черезъ Ваши невпынни праці на поли розповсюднення гуманыхъ поглядивъ и думокъ.

На перешлетѣ изящнаго, покрытаго свѣтлою обложкой адреса выбито: Великому заступныкови народиго слова Олександрю Мыколаевычу Пыпину видъ украинцивъ. 1853—1903.

Археологическій музей въ г. Глуховѣ. Въ самомъ недалекомъ будущемъ Приднѣпровскому краю предстоитъ обогатиться новымъ археологическимъ музеемъ, открываемымъ въ г. Глуховѣ, черниг. губ., по мысли одного изъ мѣстныхъ археологовъ, нынѣ уже покойнаго Н. В. Шугурова. Всю жизнь посвятивъ собираюу книгъ и художественныхъ изданій, относящихся къ Малороссіи, Н. В. Шугуровъ не разъ высказывалъ пожеланіе, чтобы Глуховъ устремилъ у себя музей древностей по примѣру Конотопа, гдѣ музей возникъ по идеѣ А. М. Лазаревскаго. Желаніе покойнаго осуществляется только теперь. Въ очередную сессію 1902 г. глуховского земск. собранія предсѣдатель управы В. М. Аммосовъ внесъ предложеніе, поддержанное гласнымъ П. Я. Дорошенкомъ, объ учрежденіи въ Глуховѣ, при земской управѣ, «Собранія предметовъ мѣстной старины»; цѣль учрежденія этого «Собранія»—сохранить, насколько возможно, быстро исчезающіе вещественные и письменные памятники исторіи и культуры данной мѣстности, что для

Глухова, какъ города, игравшаго въ свое время видную роль въ политической жизни Малороссіи, является прямой необходимостью.

Предложеніе г.г. Аммосова и Дорошенка было принято собраніемъ, и затѣмъ особой комиссіей были выработаны «Основные правила собранія предметовъ мѣстной старины:» 1. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ уничтоженія различнаго рода памятники мѣстной старины, какъ вещественные, такъ и письменные, глух. уѣздн. земск. собр. учреждаетъ «Собраніе предметовъ мѣстной старины». 2. Въ составъ собранія входятъ: старинныя иконы и кресты, всевозможныя археологическія находки, всякаго рода старинное оружіе, предметы стар. домашняго обихода, портреты мѣстныхъ дѣятелей, картины, гравюры и т. д.; всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: Высочайшія грамоты на имѣнія, гетманскіе универсалы, официальная и частная переписка, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Желательно при «Собраніи» имѣть библіотеку печатныхъ источниковъ для изученія мѣстной старины и искусствъ, и кромѣ того, собрать по возможности всѣ тѣ сочиненія, которыя касаются собственно исторіи г. Глухова и мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ глуховскимъ и соедѣнными съ нимъ уѣздами. 3. «Собраніе предм. мѣстн. ст.» глуховск. земства должно находиться при глух. земск. управѣ и быть въ ея вѣдѣніи. Всѣ поступающіе въ «Собраніе» предметы должны вноситься въ особый инвентарь съ краткимъ обозначеніемъ свѣдѣній о нихъ, а также съ указаніемъ, кѣмъ они пожертвованы. Земская управа должна ознакомить населеніе съ цѣлью и задачами учрежденія «Собранія», а также принимать мѣры къ его пополненію. 4. Правиль внутренняго порядка «Собранія», какъ-то: размѣщеніе вещей, обзоръ ихъ публикою и т. п., земское собраніе не устанавливаетъ, поручая это усмотрѣнію земской управы, съ той лишь оговоркою, что выдача предметовъ и документовъ на домъ ни подъ какимъ видомъ не должна быть допущаема».

Управление музеемъ будетъ находиться въ рукахъ особаго комитета, состоящаго изъ членовъ управы и 3 лицъ отъ земства.

Для помѣщенія музея предположено отвести комнату во вновь строящемся зданіи публичной библіотеки. Мѣсто выбрано очень удачно— въ центрѣ города, на базарной площади, вблизи учебныхъ заведеній; къ сожалѣнію, помѣщеніе отведено для музея слишкомъ тѣсное. Немѣшало бы теперь же позаботиться о расширеніи его.

Для новаго музея уже обѣщаны довольно щедрыя пожертвованія книгъ и вещей. Такъ Н. А. Шугурова, согласно высказанной покойнымъ ея мужемъ волѣ—пожертвовать свою довольно цѣнную коллекцію г. Глухову, рѣшила всю бібліотеку Николая Васильевича передать въ глуховскій музей; П. П. Скоропадскій обѣщаль дать большіе старинные портреты гетмана и гетманши Скоропадскихъ и образцы фарфоровыхъ издѣлій бывшей фабрики Миклашевскихъ; поступили обѣщанія и отъ другихъ, менѣе крупныхъ жертвователей. („Кіевская Газ. № 97“).

Музей имени А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Музей находится въ настоящее время въ Потемкинскомъ дворцѣ, гдѣ занимаетъ двѣ комнаты. Въ музей производится разборка и систематизація коллекцій. Такъ какъ витрины еще не закончены отдѣлкой, то всѣ коллекціи размѣщаются на столахъ, но съ соблюденіемъ предполагаемаго въ будущемъ порядка классификаціи. На первомъ планѣ здѣсь выдвигается отдѣлъ каменнаго вѣка. Всѣ коллекціи этого отдѣла относятся къ неолитическому періоду. Между интереснѣйшими предметами этого періода отмѣтимъ фрагментъ мельничнаго жернова, живого свидѣтеля того, что уже въ ту эпоху существовало земледѣліе; мельницы существовали исключительно ручныя, самой примитивной формы; цѣлый рядъ молотковъ, характерныхъ тѣмъ, что одновременно они служили и топорами (*hâche-marteau*); при помощи ихъ воздвигались всѣ постройки и, въ особенности—свайныя; точильные камни, на которыхъ оттачивались орудія каменнаго вѣка, и къ нимъ полировочные камни для болѣе тонкой отдѣлки и т. д., и т. д. Изъ украшеній отмѣтимъ буссы изъ какого то слюистаго вещества; тѣ-же буссы служили точильнымъ камнемъ для мелкихъ вещей, какъ, на примѣръ, наконечниковъ стрѣлъ.

Наиболѣе замѣчательны между этими коллекціями образцы знаменитой на югѣ мастерской (стоянки) каменныхъ, костяныхъ и гончарныхъ издѣлій—фрагменты съ довольно грубой орнаментаціей. Въ этомъ отдѣлѣ свыше 30 отдѣльныхъ коллекцій.

Отдѣлъ бронзоваго вѣка содержитъ, приблизительно, такое же число коллекцій, изъ которыхъ обращаютъ на себя вниманіе бронзовые браслеты и фибулы, найденные на мѣстѣ древняго Танаиса. Весьма богатой является коллекція наконечниковъ стрѣлъ разныхъ типовъ и временъ.

Отдѣлъ древней керамики насчитываетъ до 20 коллекцій. Особенно интересны между ними орнаментированные пунктиромъ горшки бронзоваго вѣка и погребальная урна каменнаго вѣка.

Центромъ музея долженъ быть признанъ отдѣлъ козацкихъ древностей. Не говоря уже о такихъ уникахъ, какъ булава сотника Поповича, здѣсь можно найти живыхъ свидѣтелей славнаго прошлаго. Здѣсь имѣются предметы, относящіеся къ козацкому обиходу, и образцы козацкихъ вооруженій; довольно богатъ также отдѣлъ козацкой керамики.

Живопись представлена въ музеѣ классическими картинами, описаніе которыхъ можно найти въ сочиненіяхъ Скальковскаго, Эварницкаго и друг. Здѣсь играющій на бандурѣ козакъ, окруженный атрибутами козацкой жизни—горялкой, люлькой и двумя повѣшенными «жидами», а тамъ изображена цѣлая сцена въ корчмѣ.

Естественно-историческій отдѣлъ также начать разборкой и приведеніемъ въ порядокъ. Повидимому, здѣсь является богатымъ отдѣлъ палеонтологіи; главное, что имѣетъ значеніе въ смыслѣ изученія края, это—извѣстныя коллекціи профессора Гурова полезныхъ ископаемыхъ екатеринославской губерніи, а равно почвъ и горныхъ породъ, которыя имѣютъ быть систематизированы по районамъ мѣстонахожденія.

Нумизматическій отдѣлъ музея можетъ уже конкурировать и съ болѣе старыми музеями. Здѣсь имѣются цѣнныя коллекціи монетъ: римскихъ и греческихъ колоній; довольно обширна коллекція русскихъ монетъ и медалей.

Научная бібліотека музея насчитываетъ до 200 томовъ, а вмѣстѣ съ документами и старинными актами въ этомъ отдѣлѣ насчитывается до 1,000 номеровъ.

Недавно въ этотъ музей поступили пожертвованія: отъ В. І. Стромовка коллекція «украинскихъ писанокъ», собранныхъ въ екатеринославскомъ уѣздѣ. Коллекція запорожскихъ люлекъ и серебряныхъ монетъ изъ Подпиленской сичи (екатеинославскій у.). Отъ г. Красицкаго—наконечникъ гадѣмацкаго конья, найденный въ лѣсу между Смѣлой и Жаботинымъ (кіевской губ.). Музеемъ приобрѣтены за пятьдесятъ руб. двѣ запорожскія иконы и два портрета запорожцевъ Шынянивъ (всѣ копии). («Приднѣпровскій Кр.», 1765 и 1778).

Кобзарь Пархоменко въ Екатеринославѣ. 24-го марта, въ Екатеринославскомъ коммерческомъ училищѣ состоялся вечеръ въ пользу архивной комиссіи, при участіи еще молодого слѣпого кобзаря Терешка Пархоменка. Присутствовали члены архивной комиссіи; начальницы гимназій, и довольно много публики. Программа вечера была разнообразна, но центромъ всеобщаго вниманія былъ, конечно, кобзарь Терешко Пархоменко, онъ спѣлъ слѣд. псалмы, думы и пѣсни. Отдѣлъ религиозный (псалмы): «Ангелы душу пробуждаютъ»; „Плачь душе моя всегда“; «Про Почаивську Божу матеръ»; «Що въ мыри является». Отдѣлъ историческій (думы): «Про Савву Чалого», «Невольничій плачь»; «Про трѣхъ братьевъ Азовскихъ»; «Про Хведора Безридного»; «Про смерть Хмельницкого»; «Про оборону Почаивської Лавры»; «Про бурю на Чорнимъ моріи и Олексу Поповича». Отдѣлъ бытовой (пѣсни): «Побратався сокиль съ орломъ сызозкрылымъ»; «Про Морозенка»; «Оженывъ мене батько». Наибольшій успѣхъ имѣла „Дума про Морозенка“. («Приднѣпров. Кр.», 1772).

29-го марта въ помѣщеніи желѣзнодорожнаго училища состоялся «вечеръ народной музыки». Передъ концертнымъ отдѣленіемъ г. Любченко прочелъ историческій очеркъ о малорусскихъ народныхъ думахъ, составленный А. Лисовскимъ. Затѣмъ кобзарь Т. М. Пархоменко исполнилъ своимъ мягкимъ пріятнымъ баритономъ нѣсколько народныхъ думъ и историческихъ пѣсень. Пѣніе кобзаря вызвало бурныя одобренія публики, его заставляли повторять свои №№ по нѣсколько разъ. («Вѣстникъ Юга», 387).

Къ предстоящему открытію памятника И. П. Котляревскому. Недавно состоялось засѣданіе комиссіи по устройству памятника И. П. Котляревскому.

Городской голова В. П. Трегубовъ, сообщивъ объ окончаніи вчернѣ памятника, предложилъ на обсужденіе комиссіи вопросъ о расположеніи на памятникѣ горельефовъ и надписи, не измѣняя по существу редакціи ея, какъ уже утвержденной правительствомъ.

Членъ комиссіи Л. В. Падалка, исходя изъ того соображенія, что памятникъ есть оцѣнка поэта, предложилъ на лицевой сторонѣ памятника въ верхней части пирамиды помѣстить выдержку изъ кобзаря Шевченка, какъ первую, достойную и самую вѣрную оцѣнку

поэта Котляревскаго, а въ нижней части пирамиды—горельефъ изъ «Энеиды», какъ самаго лучшаго, по его мнѣнію, произведенія Котляревскаго, показавшаго впервые возможность передѣлки классическаго произведенія на родной языкъ.

Городской голова и большинство членовъ комиссіи, признавая «Наталку Полтавку» образцовымъ бессмертнымъ произведеніемъ автора, находили лучшимъ на лицевой сторонѣ помѣстить горельефъ и поддержку изъ «Наталки».

Послѣ обмѣна мнѣній, комиссія постановила: 1) на лицевой сторонѣ памятника, обращенной къ Александровской улицѣ, расположить: а) вверху пирамиды, въ полированномъ медальонѣ, годы столѣтія «Энеиды» (1798—1898), изъ бронзовыхъ накладныхъ цифръ, б) ниже бюста въ верхней части пирамиды—«Котляревскій», годы рожденія и смерти его (1769—1838) и четверостишіе изъ „Наталки-Полтавки“: «Де згода... сторона» и в) внизу пирамиды—горельефъ съ изображеніемъ сцены изъ «Наталки». 2) на противоположной сторонѣ: а) въ верхней части пирамиды надпись изъ «кобзаря» Шевченка: «На вічну память Котляревскому». А подъ ней фамилію автора, б) затѣмъ въ нижней части пирамиды помѣстить дѣловую надпись на бронзовой, темнаго цвѣта, доскѣ, одинаковой по размѣру съ горельефами, обѣ отливкѣ которой просить П. М. Певнаго вести переговоры въ Харьковѣ и о результатахъ переговоровъ сообщить управѣ. По предложенію Г. И. Маркевича, комиссія рѣшила измѣнить редакцію второй половины дѣловой надписи, а именно: послѣ словъ... «скульпторъ Л. В. Позень», сдѣлать слѣдующее добавленіе: «Пьедесталь, по проекту архитектора, класснаго художника 1-й степени, А. И. Ширинова изготовленъ изъ днѣпровскаго гранита и поскавленъ П. М. Певнымъ». 3) на правой боковой сторонѣ памятника, обращенной на юго-востокъ, по направленію къ старому городу, комиссія рѣшила поставить горельефъ изъ «Энеиды»—походъ Троянцевъ.

Г. И. Маркевичъ доложилъ, что средства особаго фонда на устройство памятника И. П. Котляревскому ко дню засѣданія составляли 13.868 руб. 97 к.; расходъ же къ этому времени выразился въ суммѣ 14.268 руб. 68 коп.; кромѣ того предстоитъ расходъ по-уплатѣ за исполненныя работы до 400 р., на устройство ограды, вѣнка и другія болѣе мелкія потребности. Комиссія рѣшила просить городского голову доложить думѣ, чтобы устройство бульвара и рѣшетки было принято за счетъ города, въ виду недостатка средствъ, а также

и въ виду того, что городская дума, кромѣ отвода мѣста, до сихъ поръ никакихъ денежныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника Котляревскому не дѣлала. Относительно же увеличенія фонда—просить членовъ комиссіи позаботиться о притокаѣ новыхъ пожертвованій. Съ цѣлью усиленія средствъ фонда, Г. И. Маркевичъ предложилъ заказать фотографическіе снимки съ горельефовъ памятника и открытыя письма для продажи въ пользу фонда на сооруженіе памятника: снимки по 1 р., а открытки по 4—5 к. за штуку.

Въ заключеніе комиссія постановила: просить г. Хмѣлевскаго изготовить фотографіи съ горельефовъ, съ cadaго въ количествѣ 100 штукъ, по цѣнѣ 50 к. экземпляръ, и если будутъ требованія—увеличить до 1000 штукъ, при чемъ просить Л. В. Надалку и Н. А. Дмитріева составить для фотографіи надлежащія пояснительныя надписи. Разослать потребное количество экземпляровъ фотографій почетнымъ лицамъ. Относительно открытыхъ писемъ, комиссія большинствомъ голосовъ высказалась, что до открытія памятника пускать въ продажу открытокъ не слѣдуетъ, но нужно заблаговременно заказать.

М. И. Сосновскій предложилъ комиссіи выразить благодарность Л. В. Позену за живое участіе и дѣятельное содѣйствіе, которое онъ безвозмездно оказалъ исполненіемъ для памятника Котляревскому бюста и горельефовъ и вообще всѣмъ лицамъ, оказавшимъ весьма сочувственное отношеніе по устройству памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Предложеніе это единодушно было принято. („Полтавскій Вѣстникъ“, № 90).

Предполагаемыя украинскія изданія. Среди петербургскихъ украинцевъ возникла мысль издать сборники сочиненій слѣдующихъ малорусскихъ писателей: Леси Украинки, Василя Стефанька и Михайла Старицкаго, послѣдняго—лирическія произведенія; къ составленію этихъ сборниковъ уже приступлено. Нельзя не привѣтствовать эту мысль нашихъ петербургскихъ земляковъ, во первыхъ, потому, что широкая публика россійской Украины почти не знакома до сихъ поръ съ произведеніями этихъ авторовъ, по той причинѣ что всѣ они изданы за границей (въ Галиціи изданы слѣдующіе сборники Леси Украинки: «Думи і мрії», «На крилахъ пісень» и „Відгуки“ и В. Стефанька; „Синя книжечка“, „Дорога“ (новелі) и „Камінний хрест“), а во вторыхъ, въ виду высокой цѣнности многихъ изъ предполагаемыхъ къ изданію произведеній: несомнѣнно, что украинской интеллигенціи важно

познакомиться съ этими авторами, чего въ данное время она лишена по весьма понятнымъ причинамъ.

Тамъ же, въ Петербургѣ, „Благотворительное общество изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ“ для малорусскаго народа предполагаетъ издать иллюстрированныя поэмы Т. Шевченка и байки Глибова. Это изданіе является несомнѣнно желательнымъ въ интересахъ народа. („Вѣстникъ Юга“, 390).

Литературный фондъ и украинскіе писатели. Вдовѣ недавно скончавшагося украинскаго поэта-гражданина Павла Арсеньевича Грабовскаго литературный фондъ русскихъ писателей предполагаетъ назначить ежегодную пенсію въ 300 руб. Это не первый случай проявленія высокогуманнаго отношенія литературнаго фонда къ заслугамъ безкорыстныхъ тружениковъ на украинской литературной нивѣ. Мы знаемъ, что фондъ постановилъ выдавать и уже выдаетъ ежемѣсячно по 50 руб. вдовѣ покойнаго украинскаго писателя П. А. Кулиша—извѣстной также украинской писательницѣ Ганнѣ Барвинокъ; выдаетъ онъ, если не ошибаемся, пенсію и престарѣлому украинскому драматургу М. П. Старицкому и, наконецъ, теперь предполагаетъ выдавать вдовѣ Грабовскаго, которая, къ слову сказать, осталась съ малолѣтнимъ сыномъ. («Вѣстникъ Юга», № 390).

Новое изданіе сочиненій Н. И. Костомарова. Обществомъ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (литературнымъ фондомъ) задумано новое изданіе: «Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова. Все изданіе составитъ 21 томъ (около 375 печатныхъ листовъ) и въ него войдутъ всѣ историчекія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій Н. И. Костомарова въ предполагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ. («Кіевская Газ.», № 105) ¹⁾.

Поѣздка гр. П. С. Уваровой въ Екатеринославъ.—Предсѣдательница Императорскаго московскаго археологическаго общества графиня П. С. Уварова,—отправляется въ скоромъ времени въ Екатеринославъ для выработки, совмѣстно съ организационнымъ комите-

¹⁾ См. объявленіе въ концѣ книги.

томъ по устройству въ Екатеринославѣ въ 1905 г. XIII археологическаго сѣзда, программы дѣятельности предварительнаго комитета на лѣтнее время. («С.-Петербургск. Вѣд.», № 87).

Сектанты и раскольники въ херсонской губ. По отчету, составленному противосектантскимъ миссіонеромъ М. Кальневымъ, въ 1902 г. въ херсонской епархіи насчитывалось: штундистовъ до 5500 чел., хлыстовъ до 500 чел., штундо-хлыстовъ до 180 чел. пашковцевъ до 100 чел. и скопцовъ до 30 чел. Въ этомъ году, говорится въ отчетѣ, пропаганда штундизма велась съ большей интенсивностью, чѣмъ прежде. Авторомъ отчета за это время было произведено до 40 судебныхъ экспертизъ по дѣламъ о штундистахъ. Что касается секты хлыстовъ, то въ послѣднее время наблюдается весьма замѣтный ея упадокъ, въ виду того, что она постепенно поддается влиянію другихъ сектъ напр., пашковщины и по мѣстамъ—толстовства. Иногда, подъ влияніемъ сектантства, на бесѣдахъ православные задаютъ миссіонерамъ вопросы въ чисто сектантскомъ духѣ и тонѣ. Въ отчетѣ, составленномъ М. Кальневымъ, указывается на то, что, кромѣ штундизма, нѣтъ совращеній ни въ одну секту за весь отчетный годъ. Совратилось изъ православія въ штунду 139 чел., считая, впрочемъ, и дѣтей; возвратилось изъ штундизма въ православіе 151 чел. Раскольниковъ-старообрядцевъ въ епархіи насчитывалось въ прошломъ году 25 тыс., изъ этого числа безпоповцевъ—1000 чел. («Югъ», № 1440).

Совѣщаніе объ отмѣнѣ сервитутовъ.—При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовано особое совѣщаніе по вопросу объ отмѣнѣ сервитутовъ въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ изъ представителей всѣхъ министерствъ и особо приглашенныхъ въ качествѣ экспертовъ крупныхъ землевладѣльцевъ западнаго края. («Русск. Вѣд.» № 100).

Выселеніе нѣмцевъ изъ Волыни. Эмиграціонное движеніе нѣмецкихъ колонистовъ изъ волынской губерніи съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней начинаетъ усиливаться. Кромѣ житомирскаго уѣзда, гдѣ значительно пустѣютъ колоніи по Новоградволинскому шоссе и вблизи Фасовой, эмиграція обнимаетъ также значи-

тельнѣю часть нѣмецкихъ колоній дубенскаго уѣзда, особенно расположенныхъ на сѣверо-восточной его части, такъ называемыхъ, «лѣсныхъ нѣмцевъ», живущихъ по линіи селъ Сатыевъ, Косарево, Новинки, Надчицы и пр. Есть также свѣдѣнія, что нѣмецкіе колонисты сѣверо-западной части луцкаго уѣзда также имѣютъ въ виду переселеніе изъ Россіи.

Въ послѣдніе два года нѣмецкія переселенія въ дубенскомъ и прочихъ сѣверныхъ уѣздахъ волинской губерніи уже имѣли мѣсто, но прежде нѣмцы выселялись отдѣльными семействами; теперь же переселеніе имѣетъ болѣе или менѣе общій характеръ. Куда именно переселяются нѣмецкіе колонисты, опредѣлить весьма затруднительно. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ въ виду переселеніе сначала въ Привислинскій и Западный край, а потомъ переселеніе въ познанскія провинціи и въ восточную Пруссію, другіе же прямо имѣютъ въ виду переселиться въ юго-западную часть Познани. («Виржив. Вѣд.» № 171).

Въ обществѣ изслѣдователей Волини. 26 марта состоялось засѣданіе общества.—Этнографическая секція представила на разсмотрѣніе членовъ *программу для собиранія этнографическаго матеріала на Волини*; эту программу постановлено отпечатать въ 2000 экз. и разослать ее учителямъ, священникамъ и др. лицамъ. Затѣмъ секція рѣшила собирать свѣдѣнія о монетныхъ находкахъ, кладахъ, составить каталогъ бібліотеки и описаніе музея общества. («Волинь», № 71).

Научная командировка. Харьковскій юридическій факультетъ въ засѣданіи своемъ постановилъ ходатайствовать о командированіи съ научной цѣлью профессора Н. А. Максимейко въ тѣ заграничные и російскіе города, гдѣ находятся матеріалы по исторіи литовско-русскаго права. («Южный Край», № 7676).

Новое научное Общество въ Харьковѣ. Среди профессоровъ харьковскаго университета возникла мысль организовать научное антропологическое Общество, которое не носило бы спеціальнаго характера и было бы доступно для каждаго образованнаго человѣка—не спеціалиста. Инициаторами и учредителями этого Общества яв-

ляются представители различныхъ кафедръ университета. На дняхъ было собраніе учредителей этого Общества, въ которомъ выработывался проектъ устава. По проекту устава, членами Общества могутъ быть, кромѣ лицъ, занимающихся научной дѣятельностью при университетѣ, всѣ образованные люди, при чемъ первые принимаются безъ баллотировки, вторые по баллотировкѣ. Предметами занятій Общества будутъ: антропология, психология и этнографія. Уставъ Общества въ скоромъ времени поступитъ на утверженіе въ обычномъ порядкѣ, и надо надѣяться, что съ осени это интересное Общество вступитъ въ жизнь. («Южный Край», № 7693).

Естественно-историческое изученіе Южной Руси.—Новоросійское общество естествоиспытателей предприняло по особо выработанной программѣ рядъ интересныхъ научныхъ изслѣдованій по изученію природы трехъ южно-русскихъ губерній: херсонской, бессарабской и таврической, предназначенныхъ для докладовъ на будущемъ одесскомъ съѣздѣ естествоиспытателей и врачей. Часть намѣченной задачи—уже осуществлена обществомъ. Начатыя въ прошломъ году работы продолжаются и въ нынѣшнемъ 1903 году. («С.-Петербургскія Вѣдом.» № 83).

Годовое общее собраніе С.-Петербургскаго „Благотворительнаго Общества“. 16 марта состоялось въ помѣщеніи городской думы годовое общее собраніе «Благотворительнаго общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ» на малорусскомъ языкѣ. Изъ отчета, прочитаннаго секретаремъ г. Стебницкимъ, видно, что издательская дѣятельность общества выразилась въ выпускѣ 8-ми брошюръ, изъ которыхъ шесть появились на свѣтъ впервые, а двѣ—переизданы. Всего появилось на свѣтъ въ отчетномъ году 85 тыс. экземпляровъ, обошедшихся въ 2195 р. 55 к.; продажа ихъ даетъ 50 проц. чистой прибыли. Въ общество поступило въ 1902 году 14 рукописей и брошюръ, достойными же напечатанія оказались лишь 4. Въ отчетномъ году поступили три брошюры по сельскому хозяйству и пять по медицинѣ и гигиенѣ. Комиссія, въ составъ которой вошли: В. И. Филиповъ, В. Г. Котельниковъ, В. В. Пашкевичъ, проф. П. П. Пелехинъ, д-ръ В. И. Долинскій и д-ръ В. В. Пасажный, не присудила первой преміи по сельскому хозяйству никому, а по медицинѣ и ги-

гіенѣ г-ну Задѣрѣ за брошюру: «Якъ годуваты малыхъ дитей». Дѣйствіе конкурса на лучшую брошюру по сельскому хозяйству продолжено еще на одинъ годъ, т. е. до 1-го января 1904 г. Въ отчетномъ же году была учреждена комиссія для выработки общей программы издательства. Въ виду желательности содѣйствія поднятію образовательнаго уровня сельскаго населенія южно-русскихъ губерній правленіемъ возбуждено ходатайство о допущеніи въ читальни и народныя бібліотеки книгъ на малорусскомъ языкѣ на одинаковомъ основаніи съ русскими: это—лучшее средство популяризаціи знаній въ народѣ. Правленіе ходатайствовало также о пособіи изъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ на дальнѣйшее изданіе книгъ по сельскому хозяйству. Ходатайство это уважено, и общество получило отъ министерства 200 р. Изъ денежнаго отчета видно, что весь приходъ равняется 3673 р. 41 к. въ томъ числѣ отъ продажи изданій 695 р. 74 к. расходъ—2,713 р. 44 к. Въ заключеніе состоялись выборы. («С.-Петербургскія Вѣд.», № 74).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 1070 рублямъ (см. № 4-й, стр. 41) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-тилѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) В. Ф. Симиренкомъ—1000 руб.; 2) свящ. Ант. Г.—8 руб.; 3) К—имъ—5 руб.,—что, вмѣстѣ съ прежними, составитъ 2083 *рубл.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Нужды Лемкивщини. Лемкивщина—съ большими или меньшими поселками, разбросанными всюду по Мазурщинѣ, одинъ изъ самыхъ глухихъ угловъ Галичины. Совершенно почти отрѣзанная отъ центровъ Галицкой народной жизни, она цѣлые вѣка жила своей собственной жизнью, предоставленная волѣ судьбы, почти забытая русинскимъ обществомъ. И нужно удивляться чрезвычайной стойкости и отпорной энергіи населенія ея: лишенное въ теченіе ряда вѣковъ всякаго духовнаго руководства, залитое со всѣхъ сторонъ мазурскимъ моремъ, оно сохранило свое національное бытіе. Еще самое сердце Лемкивщини—Карпатское подгорье—находится въ

лучшихъ условіяхъ, тамъ, по крайней мѣрѣ, широкія пространства заселены сплошь русинами. Но много «русскихъ» острововъ въ долинахъ, отрѣзанные десятками миль отъ родного корня, словно тонуть въ мазурскомъ морѣ. И при такихъ условіяхъ Лемки не денационализировались, напротивъ, сохранили не только праѣдовскую вѣру, но и національное самосознаніе и чистый родной языкъ. По правительственной переписи населенія за 1900 г. въ западной Галичинѣ живеть 153.850 человекъ греко-кат. обряда, изъ нихъ «призналось дорусской народности 139,208», не считая смѣшанных „повітів“ надъ Сяномъ, на пограничьи. Такая масса народа при лучшихъ обстоятельствахъ принесла бы очень большую пользу народному дѣлу, а такъ едва прозябаетъ. Духовныхъ руководителей Лемки никогда не имѣли и не имѣютъ. Духовенство, за единичными исключениями, не чувствуетъ другихъ обязанностей относительно своей паствы, кромѣ совершенія богослуженія да—крайне рѣдко—произнесенія проповѣди на такомъ темномъ «язычи», котораго народъ совсѣмъ не понимаетъ. Про какія-нибудь читальни «Просвѣти», или хоть бы даже Качковскаго въ лемкивскихъ селахъ ничего не слышно. И, несмотря на эту вѣковую тьму кромѣшную, лемкивский народъ—замѣчательный матеріаль, если бы было кому добросовѣстно заняться имъ. Лемки очень подвижны, любознательны, предприимчивы, далеко практичѣе своего брата-русина изъ восточной Галичины, особенно подоляка. Земля въ Лемкивщинѣ и вездѣ въ Мазурщинѣ, гдѣ живутъ русины, очень плоха, неплодородна. Земельные участки крайне раздроблены; въ среднемъ на одного хозяина едва выпадаетъ 5 морговъ гористаго поля. И однако Лемки не эмигрируютъ въ Бразилію или Канаду. Матеріальное благосостояніе ихъ стоитъ значительно выше, чѣмъ у подолянина—владѣльца самой плодородной земли. Единственнымъ побочнымъ источникомъ дохода для Лемковъ—служать заработки въ Америкѣ, въ Пруссіи и въ Угорщинѣ. Тысячи Лемковъ уѣзжаютъ на заработки (не на поселеніе) въ Америку, работаютъ тамъ на фабрикахъ стали, въ рудокопняхъ; хорошій работникъ получаетъ ежедневно 2—3 доллара, за годъ въ среднемъ сберегаетъ до 700 злр. Черезъ годъ-два онъ возвращается въ родное село, выплачиваетъ долги, ставитъ новую хату; не станетъ денегъ, ѣдетъ въ другой—третій разъ и опять вскорѣ возвращается съ деньгами. Вслѣдствіе этого цѣна на землю очень поднялась, всюду на нее большой спросъ: за моргъ плохой земли тутъ платятъ 300—400 злр. и больше.

На Лемкивщинѣ настоящее перенаселеніе. Удивительно, что до сихъ поръ никто не постарался, чтобы при парцелляціи имѣній въ восточной Галичинѣ, приглашать Лемковъ, которые на Мазурахъ съ трудомъ и очень дорого покупаютъ землю, а о продажѣ земли въ Восточной Галичинѣ ничего не знаютъ. Тогда земля русинская переходила бы въ свои, а не въ мазурскія руки.—Въ послѣднее время начало разсвѣтать и на глухой Лемкивщинѣ благодаря неутомимымъ трудамъ новосандецкихъ дѣятелей. Необходимо расширить Новосандецкую бурсу, чтобы она дала пріютъ сотнямъ молодыхъ лемковъ, стараться основать бурсы и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ Краковѣ и Ясли, чтобы поскорѣе воспитать молодое сознательное поколѣніе Лемковъ. До сихъ поръ отъ окончившихъ школы Лемковъ не было помощи народному дѣлу. Изъ нихъ выходили или заскоружные москвофилы, или деморализованные прислужники польской гакаты. И неудивительно. Въ польскихъ гимназіяхъ они не слышали родного языка, тамъ некому привить въ нихъ любовь и охоту трудиться для своего родного дѣла.

Среди Лемковъ есть много состоятельныхъ людей, которые могутъ посылать своихъ сыновей въ школы, нужно только заохотить ихъ. Есть на Лемкивщинѣ и народныя школы съ русинскимъ преподавательскимъ языкомъ и учителями русинскими. Только эти учителя, при всѣхъ благихъ желаніяхъ, не въ состояніи много сдѣлать въ такомъ заходустьи. Лемкивщинѣ нужны какъ можно скорѣе просвѣтителі съ національнымъ самосознаніемъ—и прежде всего молодые, идейные священники. Имъ должны помочь въ народной работѣ свѣтскіе интеллигенты заточники на мазурахъ, основывая бурсы, въ мѣстечкахъ, читальни и лавки въ селахъ. Такой работой они поразятъ гакату въ самомъ ея сердцѣ и покажутъ, что перемѣщеніе русиновъ на мазура можетъ принести лишь пользу русинскому національному дѣлу («Діло, 7280»).

Интерпелляціи русинскихъ пословъ. 18-го декабря 1902 г. русинскіе послы обратились къ Вѣнскому правительству съ интерпелляціей, въ которой указывали на перемѣщенія русиновъ-чиновниковъ и учителей изъ восточной Галичины въ западную, «на Мазури», и на вредныя послѣдствія, какія происходятъ отъ этого и для перемѣщенныхъ русиновъ и для всего русинскаго населенія. На эту интерпелляцію отвѣта и до сихъ поръ не послѣдовало, а перемѣщенія продолжаютъ дальше. Такое поведеніе галицкихъ краевыхъ властей нужно

считать просто—преслѣдованіемъ и терроризированіемъ русинскихъ чиновниковъ и учителей, которые—особенно въ глухихъ мѣстностяхъ—часто являются единственной русинской интеллигенціей; у нихъ хотятъ отнять возможность публичной дѣятельности на пользу культурнаго и экономическаго развитія роднаго народа.—На чужбинѣ, далеко отъ родной стороны, «заточники» не слышатъ своего богослуженія, не могутъ удовлетворять своихъ религіозныхъ потребностей, дѣтей своихъ принуждены крестить по латинскому обряду, а за этимъ обыкновенно наступаетъ ихъ денационализація. На мѣсто ихъ переселяются въ восточную Галичину совсѣмъ незнакомые съ русинскимъ языкомъ. Указавъ на всѣ эти несправедливости, въ интерпелляціи къ вѣнскому правительству отъ 31 марта 1903 г. посолъ Романчукъ съ товарищами спрашиваетъ: 1) «Какое положеніе занимаетъ ц. к. центральное правительство относительно этого тенденціознаго и систематическаго поведенія ц. к. галицкихъ властей»? 2) Готово ли оно (т. е. президентъ, министровъ, министръ финансовъ и министръ просвѣщенія), позволить перемѣщеннымъ противъ собственной воли чиновникамъ и учителямъ—вернуться на родину, въ восточную Галичину»? 3) «Захочетъ ли ц. к. правительство допустить дальнѣйшія принудительныя перемѣщенія русинскихъ чиновниковъ и учителей изъ восточной Галичины въ западную»? («Діло», 72).

21 марта пос. Романчукъ съ товарищами внесли центральному правительству интерпелляцію «о незаконномъ ограниченіи свободы выхода изъ края и отниманіи возможности заработка со стороны галицкихъ властей». Приведя относящіеся сюда факты (см. IV кн. «Кіев. Стар.», стр. 44—45) и констатировавъ, что поведеніе галицкихъ властей противорѣчитъ 4-ой статьѣ основного закона (21/хп—1867), интерпелляція оканчивается слѣдующими требованіями: 1) «Немедленно приказать ц. к. галицкимъ властямъ, чтобы тамошнимъ крестьянамъ и рабочимъ, которые хотятъ эмигрировать изъ края или искать за предѣлами края временнаго заработка, не ставили никакихъ затрудненій, не основанныхъ на законѣ, и безпрепятственно выдавали паспорта и рабочія книжки». 2) Дать выходцамъ необходимую охрану какъ во время дороги, такъ и на мѣстѣ ихъ будущаго пребыванія.» 2) „Безпроволочно приступить къ урегулированію дѣла эмиграціи и облегченія въ отысканіи заработковъ въ краѣ и за границей, что было обѣщано въ тронной рѣчи 4/дл 1901 г.».

На эту интерпелляцію д-ръ Керберъ обѣщаль дать отвѣтъ сейчасъ послѣ пасхальныхъ праздниковъ («Діло, 67).

Францъ Вол. Ригеръ о русинахъ. Покойный (ум. 18 февр. с. г.) великій вождь чеховъ Фр. Ригеръ относился съ большой симпатіей къ русинскому народу. Особенно благоприятное положеніе относительно русиновъ занималь Ригеръ въ кромержскомъ сеймѣ 1848 г., когда въ дебатахъ надъ пропозиціей русинскихъ пословъ о раздѣлѣ Галичины высказаль слѣдующія памятные слова. «Я признаю русиновъ самостоятельнымъ народомъ. По собственнымъ наблюденіямъ знаю Галичину и говорю здѣсь вполне объективно. Три милліона русиновъ живутъ въ Галичинѣ и 13 милліоновъ въ Россіи, и этотъ 16-милліонный народъ не пропадетъ, согласитесь вы на раздѣлъ Галичины или нѣтъ. Такого народа не затаите, одвимъ почеркомъ не вымажете съ карты Европы. Свобода слова придасть теперь силы русинскому элементу. Его литература, проникнутая свободой, растопитъ твердый ледъ рабства. Она станетъ Архимедовымъ рычагомъ, который разрушитъ то темное царство, оторвавъ отъ него милліоны закрѣпощенныхъ русиновъ. Уважайте національныя стремленія этого народа, призваннаго къ самостоятельной жизни и до сихъ поръ подвергающагося преслѣдованіямъ, какъ бы ни было это непріятно для васъ, поляковъ. Уступки, какія вы дѣлаете русинамъ, очень малы. Если русины ничего не добьются отъ васъ, они сумѣютъ найти себѣ помощь; но помните, господа, что это принесетъ вредъ не только польскому элементу, не только Австріи, а и всему дѣлу свободы». (Protokolle des Verfassungsausschusses im Österr. Reichstage im J. 1848--1849. («Діло», 40).

Народное просвѣщеніе въ Галичинѣ. Главной организаціей въ Галичинѣ, имѣющей широкія просвѣтительныя задачи и огромное значеніе для края, является основанное въ 1868 году общество «Просвѣта» съ его філіями и читальнями. Это общество въ настоящее время имѣетъ около 8000 дѣйствительныхъ членовъ, 21 філіальное отдѣленіе и 1193 читальни съ 60.000 дѣйствительныхъ членовъ и 100.000 библіотечныхъ томовъ; кромѣ того оно распространило до сихъ поръ въ народѣ болѣе 1½ милліона популярныхъ книжекъ. Въ сред-

немъ каждый повѣтъ съ украинскимъ населеніемъ имѣетъ по 21 читальнѣ «Просвѣти». Если къ упомянутымъ 1193 читальнямъ «Просвѣти» прибавимъ около 50 читаленъ «самостійнихъ» да около 20 «Народнихъ спілокъ» (на Покутьи) и столько же сельскихъ «Січей» і «Соколів»,—то вся просвѣтительная организація украинская на селахъ можетъ быть выражена въ количествѣ 1200 читаленъ. Если принять во вниманіе, что на всей украинской территоріи Галичины насчитывается до 4000 «громадъ», то оказывается «что около 2800 мѣстностей, т. е. болѣе $\frac{2}{3}$ края остается безъ всякой просвѣтительной организаціи. („Діло“, ч. 20).

Конкурсъ. Виділ «Українсько-руського драматичного товариства ім. Івана Котляревського у Львови» объявилъ конкурсъ на два сценическія произведенія изъ области драмы, трагедіи или комедіи въ одномъ или двухъ актахъ (дїях). Срокъ конкурса полугоди́чный, именно—произведенія должны быть присланы до послѣдняго числа сентября мѣсяца сего 1903 г. первая премія 100 кор., вторая—70 кор.

Почетное избраніе русина. Narodopisna Společnost Československa избрала своимъ членомъ корреспондентомъ проф. Волод. Шухевича за «заслуги въ области славянской этнографіи». Главной наиболѣе замѣчательной научной работой Шухевича является его работа про Гуцульщину.

„Клуб Русинок“ во Львовѣ. На общемъ собраніи «Клуба Русинок» 4 марта с. г. принятъ проектъ перемѣны устава этого общества. Основанное 10 лѣтъ тому назадъ товариство «Клуб Русинок» поставило себѣ такую цѣль: создать очагъ интеллектуальной жизни, оживить умственное движеніе среди русинокъ, укрѣпить и поднять въ нихъ народный духъ и пробудить товарищескую жизнь. Соответственно этой цѣли былъ составленъ и статутъ Товариства. Теперь рѣшено въ область дѣятельности «Клуба» включить—«заохочуване» Русинокъ къ труду надъ распространеніемъ образованія и экономическаго прогресса народа. Для приобрѣтенія матеріальныхъ средствъ «Клуб Русинок» принимаетъ членскіе взносы, добровольные дары, наслѣдства, призываетъ къ пожертвованіямъ.—Въ общемъ собраніи „Клуба“ участвовало 36 членовъ. Согласно отчету за послѣднее время прибавилось—

20 съ лишнимъ новыхъ членовъ, засѣданій было 14, на нихъ обстоятельно обсуждался вопросъ объ основаніи «дівочої бурси» во Львовѣ.

Съѣздъ „русскихъ женщинъ“ во Львовѣ. 12 (25) марта во Львовѣ, въ залѣ «народнаго дома», происходило засѣданіе «съѣзда русскихъ женщинъ» изъ Галиціи и Буковины, подъ предсѣдательствомъ г-жи Геровской; всего собралось до 168 женщинъ. На съѣздѣ были, въ качествѣ гостей, и мужчины. Былъ прочитанъ рядъ докладовъ: «По вопросу о положеніи червоно-русской женщины»—г-жей Лѣсковацкой, «Объ организаціи червоно-русскихъ женщинъ»—г-жею Дудкевичъ, «По вопросу о женскомъ образованіи»—г-жею Яновской и «По вопросу о женскомъ образованіи»—г-жею Ясиницкою. (С.-Петербург. Вѣдом., № 76).

БИБЛЮГРАФІЯ.

Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. Упорядкувалы: М. Чернявскый, М. Коцюбинскый, Б. Гримченко. 278 стр. К. 1903 г. ц. 1 р. 50 к.

Въ послѣднее время вошло въ обычай чествовать память выдающихся литературныхъ дѣятелей особыми, посвященными имъ сборниками. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ отраднѣйшій фактъ, что этотъ симпатичный обычай прививается и въ нашей украинской литературѣ. Недавно вышелъ литературный сборникъ, посвященный памяти А. Я. Конисскаго, а вотъ передъ нами и другой сборникъ—«альманахъ на згадку про П. О. Кулиша».

Заслуги покойнаго П. А. Кулиша предъ украинской литературой извѣстны не только спеціальнымъ знатокамъ ея, но и всѣмъ вообще интересующимся исторіею этой литературы. Всю свою жизнь, не выпуская пера изъ рукъ, работалъ П. А. Кулишъ для горячо любимой родной литературы. И труды его были далеко не безрезультатны: своею дѣятельностью въ качествѣ поэта, беллетриста, переводчика, критика и ученаго онъ оставилъ въ украинской литературѣ прочные, неизгладимые слѣды.

Всякое напомианіе о подобныхъ труженикахъ слова имѣетъ большое значеніе не только какъ выраженіе почтенія къ ихъ памяти, но и какъ средство моральнаго воздѣйствія на современное поколѣніе. Нашему времени и нашему поколѣнію такъ недостаетъ энергіи и бодрости, такъ свойственна апатія, бездѣятельность и вялость, что нужно пользоваться

всякимъ средствомъ для его пробужденія и возбужденія. Напоминаніе о дѣятеляхъ, подобныхъ Кулишѣ, можетъ имѣть въ этомъ отношеніи не маловажное значеніе.

Въ виду всего этого нельзя не радоваться появленію въ свѣтъ сборника, посвященнаго памяти П. А. Кулиша.

Предъ редакторами настоящаго сборника была очень интересная и почтенная, но въ то же время и далеко не легкая задача: составить такой сборникъ, который бы соотвѣтствовалъ заслугамъ Кулиша и явился, дѣйствительно, чествованіемъ его памяти.

Обратимся, однако, къ самому сборнику и посмотримъ, насколько удачно выполнена редакціею эта трудная задача.

Сборникъ, какъ и слѣдовало ожидать, открывается краткимъ, живымъ, довольно полнымъ очеркомъ жизни и литературной дѣятельности покойнаго Кулиша, составленнымъ Б. Д. Гринченкомъ.

Далѣе въ сборникѣ помѣщена талантливая композиція Н. В. Лисенка на одно изъ лучшихъ стихотвореній Кулиша—«У досвита вставъ я»... Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ рассказовъ, очерковъ и стихотвореній многихъ изъ лучшихъ современныхъ украинскихъ писателей.

Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ прекрасный очеркъ П. Мырного—«Середъ степивъ». Давно уже намъ не приходилось читать въ украинской литературѣ такъ сочно, такъ красиво, такъ художественно написаннаго произведенія. Собственно въ этомъ очеркѣ нѣтъ какого либо опредѣленнаго содержанія. Весь очеркъ представляетъ изъ себя не что иное, какъ рядъ художественно описанныхъ картинъ природы, какія пришлось наблюдать автору во время одного изъ его путешествій по степи. Только сильная рука такого художника, какъ Мырный, можетъ дать такія яркія, и подробныя, такія блестящія и пластичныя картины восхода солнца, утра, полдня, захода солнца, вечера и наступленія ночи. Всѣ эти картины какъ будто оживаютъ и проносятся передъ читателемъ. Читатель чувствуетъ себя такъ, какъ будто онъ самъ перенесся въ степь и самъ лично наблюдаетъ все то, что описываетъ своею мастерскою рукою художникъ авторъ. Однако, увлекаясь самъ и увлекая читателей прелестью степи, нашъ авторъ не забываетъ, что жизнь полна страшныхъ контрастовъ, что эти контрасты не даютъ возможности человѣку съ чуткою душою вполне отдаться наслажденію красотами природы, что эти контрасты способны отравить человѣку самое сильное наслажденіе, способны пробудить

его отъ самаго сильнаго очарованія... Взшло солнце, и подь его благодатными лучами все живое какъ-то усиленно ощущаетъ прелесть жизни, еще выше цѣнитъ ее, всѣми силами стремится къ этой жизни. Но вотъ появляется маленькій хищникъ ястребокъ—и вмѣстѣ съ нимъ смерть и насиліе. Вся картина, прежде такъ ласкавшая, радовавшая взоръ, теряетъ вдругъ все свое очарованіе. «Смерть... розбій!.. тѣхнуло у вашому сердци. Середь сіей красы свитовои, де заклѣвуется радистъ та счастья, де прокыдається любовь до всѣго,—ыха смерть та розбій появилися!.. На що то? За-що?.. Видразу помутылася у вашихъ очахъ краса свитова, тихая радистъ почала зныкаты, щось васъ злегка вщипнуло за сердце,—не болисть—а якесь недобре почування окрыло вашу душу» (23 стр.)... Солнце поднялось выше, щедро обливаешь оно всю природу своими теплыми, животворными лучами. «Вы дивытесь и дивуетесь; вамъ здається, що вы йдете не по вбѣгій дорози зеленого степу, а якымсь невидомымъ краемъ красы та чару, та вильного повітря. Вамъ легко дышеться, легко живеться. Все, що васъ колысь давило та смутокъ будыло,—зныкло; знову люби та мылы почування почалы васъ огортаты, сны якись душу колышуть; зь самого глыбу сердца вырынають думкы непримитни, гадкы легкокрылы,—самы мчатся и васъ мчатъ за собою... Куды?.. Не пытайте! Не шукайте!».. (25 стр.). Но вотъ показались скрипучіе возы переселенцевъ, отправляющихся на Амуръ,—возы, наполненные жалкими пожитками крестьянской нищеты, и «голова ваша похылылася, смутокъ облягае душу, нерадисни думкы почалы за сердце щыпаты»... (26 стр.). Спустилась ночь, небо покрылось мириадами звѣздъ, этихъ отдаленныхъ, таинственныхъ, необъятныхъ міровъ. Величіе картины наводитъ автора на грустныя мысли о человѣкѣ, его мѣстѣ и значеніи на землѣ, его настоящемъ и прошломъ, въ которомъ такъ много жестокости, борьбы, насилія, зла... Подъ вліяніемъ всего этого авторъ сомнѣвается въ томъ, что онъ будетъ въ силахъ вмѣстѣ съ остальною природою забыться ночью въ благодатномъ освѣжающемъ снѣ. «Чы зійде жъ сонъ на вашу заклопотану душу? Чы заспокое винъ ваше розражене сердце розьятрену душу?»—(43 стр.) спрашиваетъ въ заключеніе авторъ.

Несомнѣнно крупный художественный интересъ представляетъ также и небольшой рассказъ г. Грыгоренка—«Вона пысьменна». Рассказъ, помимо своихъ художественныхъ достоинствъ, интересенъ новизною своей темы. Г. Грыгоренко въ своемъ рассказѣ касается вопроса о тяжеломъ положеніи даровитой, выдающейся дѣвушки въ

крестьянской средѣ. Тяжело положеніе даровитаго мальчика, но онъ имѣетъ хоть какую-нибудь, хоть слабую надежду выбиться изъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, увидѣть тотъ свѣтъ, къ которому онъ такъ рвется. Положеніе выдающейся дѣвушки въ крестьянской средѣ почти безнадежно,—она должна забыть всѣ свои лучшія желанія, лучшія надежды и мечты,—для нея у насъ пока еще нѣтъ пути къ свѣту. Вотъ такую то богато одаренную отъ природы дѣвушку, тонкую, поэтичную, художественную натуру и выводитъ въ своемъ разсказѣ Г. Грыгоренко въ лицѣ молодой крестьянки Оксаны. Оксана рѣзко выдѣляется изъ среды своихъ сверстницъ и подругъ,—она жаждетъ знанія, стремится къ свѣту знанія. Но окружающая ее среда не можетъ понять ея желаній и стремленій; сверстницы и парни смѣются надъ нею, а старшее поколѣніе идетъ еще далѣе—награждаетъ своими насмѣшками не только Оксану, но и ея родителей. Родители любятъ Оксану, имъ даже нравится, что она умѣетъ читать, но имъ больно выслушивать насмѣшки по ея адресу и видѣть ее всегда какою то грустною, убитою. Хотя родители и снисходятъ къ слабостямъ своей дочки, однако и они явно не понимаютъ ея: они были бы гораздо болѣе довольны, если бы ихъ дочка была такая же, какъ и всѣ остальные ея подруги. Вышедши замужъ за Ивана Недопеченого, Оксана силится передѣлать себя, забыть всѣ свои прежнія мечты и думы, распротиться навсегда съ книгами. На время это ей какъ будто удается. Но одинъ разъ, въ воскресенье, когда никого не было въ хатѣ, Оксанѣ такъ сильно захотѣлось почитать, что она не удержалась,—вынула книгу и начала читать, сиди около постельки своего маленькаго сына. Входитъ Иванъ и удивляется. Оксана страшно смущена и перепугана,—она ожидаетъ отъ мужа, если не ругательства, то, по крайней мѣрѣ, острыхъ, злыхъ насмѣшекъ. И вдругъ, совершенно неожиданно она встрѣчаетъ со стороны мужа сочувствіе: мужъ одобряетъ ее и радъ, что она сможетъ сама выучить грамотѣ своего сына. Прекрасно передаетъ авторъ радость и смущеніе Оксаны послѣ этихъ столь неожиданныхъ для нея словъ мужа... Оксанѣ на минуту улыбнулось счастье. Однако эта минутка счастья не въ силахъ поборотъ тяжелыхъ, безответныхъ думъ читателя, разбуженныхъ грустною исторіею Оксаны. До какихъ поръ тьма и невѣжество будутъ царить среди нашего крестьянства,—долго ли еще истинно талантливые, выдающіеся элементы крестьянства будутъ гибнуть, не встрѣчая себѣ сочувствія и не находя себѣ выхода,—

вотъ вопросы, которые мучительно, болѣзненно стоятъ въ мозгу и требуютъ себѣ отвѣта...

Разсказъ г-жи Яновской «Рукавички» производитъ какое то неопредѣленное впечатлѣніе. Съ одной стороны, разсказъ этотъ, безусловно, недурно задуманъ и мѣстами хорошо написанъ, съ другой стороны—центральное мѣсто всего разсказа—самоубійство Мыкыты является какъ то очень слабо мотивированнымъ. Въмѣсто настоящей подробной мотивировки авторъ даетъ только отдѣльные намеки. Въ результатѣ: прочитаешь этотъ симпатичный разсказъ, и дѣлается какъ то положительно досадно на автора, что онъ не далъ себѣ труда обработать болѣе тщательно столь интересную тему.

Сильное впечатлѣніе производитъ на читателя небольшой талантливо написанный очеркъ І. Франка «Мій злочынь». Авторъ разсказываетъ о томъ, какъ въ раннемъ дѣтствѣ онъ замучилъ маленькую невинную птичку. Почему то воспоминаніе объ этомъ проступкѣ сохранилось у автора на всю жизнь. Находясь черезъ двадцать лѣтъ послѣ этого убійства въ тюрьмѣ, онъ невольно вспомнилъ о невинно замученной имъ птичкѣ. И съ этого времени написъ авторъ не можетъ избавиться отъ этого мучительнаго воспоминанія. «Мени здається,—говорить онъ,—що все дурне, безцильне, жорстоке и погане, що я тильки зробивъ у своїмъ жыттю, скрысталізовалося въ конкретный образъ отсѣго малого, невинно замордованого пташка, щобы тымъ докучливище мучыты мене» (80 стр.).

Въ этюдѣ г. Коцюбинскаго «Лялечка» разсказывается о томъ, какъ тридцатилѣтняя земская учительница Раиса, переведенная на новое мѣсто въ другое село, вначалѣ недовѣрчиво и даже враждебно относится къ мѣстному вдовцу священнику о. Василю, а затѣмъ постепенно подчиняется его влiянiю и влюбляется въ него.—Настоящее произведеніе г. Коцюбинскаго далеко не можетъ идти въ сравненіе съ прежними работами этого талантливаго автора. Трудно понять прежде всего цѣль и задачу автора,—что хотѣлъ сказать своимъ произведеніемъ г. Коцюбинскій?.. Затѣмъ, приходится отмѣтить не вполне ясную и отчетливую характеристику главныхъ персонажей (Раиса и о. Василій) и общую какую то сухость и вялость разсказа. Впрочемъ, и въ настоящемъ произведеніи есть нѣсколько поистинѣ прекрасныхъ мѣстъ, которыя ярко свидѣтельствуютъ о сильномъ талантѣ автора. Достаточно вспомнить здѣсь хотя бы интересное, оригинальное, въ

духъ Чеховскихъ «мужиковъ» описаніе села, куда ѣхала Раиса, (104 стр.) и художественное описаніе грозы (111 стр.).

Разказу г. Чернявскаго «Змій» недостаєть простоты и естественности: слишкомъ сгущены въ немъ краски и слишкомъ много ненужной, хотя и очень красивой лирики.

На глубокія размышленія наводитъ талантливый разказъ г. Гринченка «Якъ я вмеръ», въ которомъ авторъ коснулся тяжелаго, ненормальнаго положенія украинскихъ писателей. «У поэта,—говоритъ авторъ,—въ голови ѣе мозокъ, а въ грудяхъ почування... Си дви речы призначено на те, щобъ служыты поэзіи во имья счастья ридного краю й народу. Але поэзія у насъ має зъ усѣго тилькы недогрызкы: той мозокъ зйидає канцелярія чы контора, а почування вытрачуєтся на эквилибрыстыку мижъ мріямы про вильный свить шырокий и порозуминнямъ зъ слугама запаморочення. На поэзію має поэтъ килькы сонныхъ видъ утомы хвылынъ, якъ що ихъ не забере ёму хатній клопоть... Середь пустыни живе у насъ поэтъ. Ёго слово—гласъ вопіющаго въ пустыни...» (156 стр.). Разказу г. Гринченка нѣсколько недостаєть выдержанности тона: то въ немъ беретъ верхъ сатирикъ, то публицистъ.

«Бытва» г-жи Кобылянской представляєть поэтическую картину рубки стараго, вѣковаго лѣса. Если бы не тяжелый мѣстами языкъ, не неправильная конструкція рѣчи и не рискованныя подчасъ выраженія въ декадентскомъ вкусѣ, то это произведеніе г-жи Кобылянской можно было бы признать вполне художественнымъ.

Недурной поэтъ, сатирикъ и литературный критикъ, г. Маковей въ своемъ очеркѣ «Самота», кажется, дѣлаєть попытку написать нѣчто въ современномъ модномъ духѣ и стилѣ. Герой очерка г. Маковея—безусловно какой то маленькій *Übermensch*: онъ ничѣмъ не доволенъ, онъ презираєть толпу, онъ всѣхъ и все безпощадно анализируетъ. Имѣя въ виду изобразить современнаго моднаго героя, г. Маковей прибѣгаєть и къ модному способу письма: пишетъ коротенькими, отдѣльными строчками, употребляетъ предложенія безъ подлежащихъ и т. д. Кажется, однако, г. Маковею не вполне удалось написать нѣчто модное: въ его произведеніи слишкомъ много яснаго смысла и очень мало философскаго тумана...

«Мали люде,—мале й горе», разказъ г. Ефремова, читается съ интересомъ, хотя и страдаєть растянутостью.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Съ интересомъ же читается и разсказъ г. Гринченка «Болотяна квитка».

Кромѣ прозаическихъ произведеній въ разсматриваемомъ нами сборникѣ есть не мало и стихотвореній. Здѣсь помѣщены талантливые стихотворенія г-жи Леси Украинки—«Египетські фантази» и ея-же прекрасная поэма «Робертъ Брюсъ». По обыкновенію красивы, но не блестящи, стихотворенія г. Крымскаго—«На темы зъ Хейяма» и «Зъ Абуль-Аля». Заслуживаютъ вниманія также стихотворенія г.г. Самійленка, Чернявскаго, Грабовскаго и Вороного.

Значительную цѣнность сборнику придаетъ тщательно составленный г. Баликою бібліографическій указатель произведенія П. А. Кулиша.

Мы обозрѣли, насколько возможно было подробно въ бібліографической замѣткѣ, все содержаніе сборника, посвященнаго памяти П. А. Кулиша. Въ общемъ, сборникъ составленъ очень тщательно и умѣло,—выше мы видѣли, какъ много интересныхъ произведеній помѣщено на его страницахъ. Очевидно, редакторы сборника вполне прониклись важностью предстоявшей имъ задачи и съ любовью взялись за ея осуществленіе. Результатомъ такого серьезнаго и любовнаго отношенія къ дѣлу со стороны редакціи и явилась настоящая книга, вполне достойная имени П. А. Кулиша.

Что касается внѣшности сборника, то ее нужно признать вполне безукоризненною: сборникъ отпечатанъ четкимъ шрифтомъ на плотной бѣлой бумагѣ и кромѣ того снабженъ четырьмя портретами П. А. Кулиша, видомъ его дома, погребенія и могилы.

Сборникъ «Дубове лыста» является цѣннымъ приобрѣтеніемъ на сравнительно небогатомъ украинскомъ книжномъ рынкѣ.

Принимая во вниманіе внутреннія и внѣшнія достоинства настоящаго изданія, а также и его не высокую цѣну (1 р. 50 к.), отъ души желаемъ ему самаго широкаго распространенія и смѣло рекомендуемъ его вниманію всѣхъ любителей украинской литературы.

В. Миронецъ.

Ганна Варвинокъ (О. М. Кулишева). *Оповідання зъ народнихъ устъ.* I—XXV+544 стр. Київ 1902 г. ц. 1 р. 75 к.

Давно уже признано, что, идя впередъ, необходимо всегда осматриваться назадъ. Это общее житейское правило примѣнимо въ значи-

тельной степени и къ литературѣ. Прошлое даетъ много уроковъ для настоящаго, помогаетъ ориентироваться въ сложныхъ, разнообразныхъ литературныхъ направленіяхъ, даетъ возможность хоть сколько-нибудь приподнять темную завѣсу будущаго. Вообще полезно не забывать прошлаго. Но бываютъ и особенныя, исключительныя обстоятельства, когда дѣлается положительно необходимымъ заглянуть въ прошлое, провѣрить имъ настоящее и опредѣлить путь для будущаго. Современная намъ украинская литература переживаетъ именно подобное состояніе. Въ настоящее время почти всѣ молодые представители ея, не удовлетворяясь старыми, по ихъ мнѣнію, уже отжившими формами и содержаниемъ литературныхъ произведеній, ищутъ чего то новаго, какихъ то новыхъ путей, новыми вліяніями стараются оживить старое. Въ виду такого положенія современной украинской литературы, намъ далеко не бесполезно оглянуться назадъ.

Исходя изъ этого положенія, нельзя не признать благовременнымъ изданіе произведеній маститой украинской писательницы Ганны Барвинокъ—А. М. Кулицъ, жены извѣстнаго украинскаго писателя П. А. Кулиша. Сорокъ уже слишкомъ лѣтъ служитъ родной литературѣ А. М. Кулишъ. Недавно вся украинская читающая публика праздновала сорокалѣтній юбилей ея писательской дѣятельности. Появившееся въ прошломъ году собраніе ея сочиненій можно считать поэтому въ нѣкоторомъ родѣ юбилейнымъ. Въ громадномъ томѣ, заключающемъ въ себѣ свыше 500 страницъ текста, помѣщено тридцать рассказовъ почтенной писательницы. Какъ показываетъ самое заглавіе книги, рассказы г-жи Кулишъ всѣ взяты изъ народной жизни. Мало того, рассказы эти, по замѣчанію автора, записаны изъ «народныхъ устъ», т. е. представляютъ изъ себя нѣчто въ родѣ этнографической записи. Однако, между простою этнографическою записью и произведеніями г-жи Кулишъ существуетъ громадная разница. Въ то время, какъ этнографъ записываетъ все характерное для извѣстной мѣстности, записываетъ, мало обращая вниманія на художественность или нехудожественность матеріала, записываетъ съ буквальною точностью,—г-жа Кулишъ, обладая несомнѣннымъ художественно развитымъ вкусомъ, изъ всего громаднаго количества встрѣчавшагося ей въ жизни, при постоянномъ сношеніи съ крестьянами, матеріала, записывала у себя только наиболѣе яркое, наиболѣе поэтичное и художественное. Трудно предположить при томъ же, чтобы самъ авторъ только буквально записывалъ изъ устъ народа и чтобы ему

всегда случались столь краснорѣчивыя, такъ богато одаренныя рассказы. Естественноѣе, кажется, полагать, что г-жа Кулишъ, дѣйствительно, имѣла нѣсколько такихъ исключительно одаренныхъ знакомыхъ крестьянокъ, а отъ нихъ уже и сама переняла до мельчайшихъ подробностей крестьянскій складъ рѣчи, крестьянскій способъ разсказа и вообще все тѣ мелкія, мало замѣтныя черточки, которыя роднятъ ея произведенія съ народными, чисто этнографическимъ способомъ записанными разсказами. Прекрасно изучивши бытъ народа и его языкъ, г-жа Кулишъ въ своихъ произведеніяхъ не рабски слѣдуетъ народному разсказу, а пользуется имъ нерѣдко какъ только подходящимъ матеріаломъ, измѣняя его сообразно съ требованіемъ своего художественнаго вкуса. Народный разсказъ въ ея обработкѣ является чѣмъ то въ родѣ канвы, на которой она своею искусною рукою вышиваетъ разнообразныя узоры. Близость къ народнымъ произведеніямъ, дѣлающая разсказы г-жи Кулишъ вполне понятными и доступными для народа, сообщающая имъ высшую степень реализма и объективности, въ то же время отчасти и вредитъ имъ: даетъ имъ слишкомъ однообразную, подчасъ утомительную форму, заставляетъ автора дѣлать много отступленій въ сторону, благодаря чему сильно запутывается и затемняется самый разсказъ. Вообще, въ смыслѣ техники произведеній нашего автора многого недостаетъ.—современная техника выработала гораздо болѣе изящную, удобную и совершенную форму разсказа, чѣмъ та однообразная форма, какою пользуется г-жа Кулишъ.

Одинъ изъ критиковъ (Б. Д. Гринченко) назвалъ Ганну Барвинокъ «поэтомъ жиночого горя». И дѣйствительно, почти всѣ произведенія почтенной писательницы посвящены изображенію тяжелаго положенія женщины въ крестьянской средѣ. Читая подрядъ всѣ разсказы г-жи Кулишъ, приходишь къ убѣжденію, что она прямо поставила себѣ цѣлью въ своихъ разсказахъ изобразить тяжелую долю женщины-крестьянки. И сколько самыхъ разнообразныхъ женскихъ натуръ мы встрѣчаемъ при чтеніи этихъ разсказовъ: тутъ и веселыя и грустныя, и счастливыя и несчастныя, и кроткія, терпѣливыя, выносливыя и болѣе самостоятельныя, протестующія, энергичныя, смѣлыя, и среднія, не возвышающіяся надъ уровнемъ посредственности и богато одаренныя, выдающіяся. Но всѣхъ этихъ женщинъ объединяетъ и, такъ сказать, сближаетъ одна общая всѣмъ имъ тяжелая, горькая доля. Вникая въ жизнь крестьянки, нашъ авторъ своимъ любящимъ взоромъ находитъ въ ней много такого, что не доступно обычному ментѣ вни-

матерному взору: онъ открываетъ въ нашей невзрачной съ виду, запуганной, загнанной, забитой крестьянкѣ много ума, воли, настойчивости, терпѣнія, любви и преданности. Однако, при всемъ этомъ, г-жа Кулишъ отнюдь не идеализируетъ своихъ героинь: на ряду съ симпатичными женщинами она рисуетъ передъ нами и не мало совѣмъ не симпатичныхъ («Вирна пара», «Половынщыкъ» и др.). Благодаря строгой реальности, объективности и отсутствію идеализаціи, рассказы почтенной писательницы, обнимающіе собою почти сорокалѣтній періодъ, могутъ служить очень цѣннымъ историческимъ матеріаломъ, при изученіи вопроса о положеніи женщины у нашихъ крестьянъ.

Не всѣ рассказы г-жи Кулишъ одинаково обработаны. Есть между ними и такіе, что по своимъ художественнымъ достоинствамъ могутъ служить украшеніемъ любой литературы («Русалка», «Перемогла»...); но есть не мало и такихъ, что почти ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенной этнографической записи.

Великимъ незамѣнимымъ достоинствомъ произведеній г-жи Кулишъ является ихъ прекрасный, вполне народный, богатый, колоритный, образный языкъ.

Хорошо было бы, если бы и современные намъ молодые писатели позаботились такъ изучить народъ, его бытъ и народный языкъ, какъ изучила ихъ г-жа Кулишъ. Тогда, безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ нашли бы интересныя, богатые и благодарныя темы для своихъ произведеній изъ народной жизни,—тогда они не говорили бы, что нечего уже писать изъ жизни народа, что всѣ темы использованы,—тогда они не терзали бы и себя и читателей напрасными потугами сказать что-то новое, особенное, оригинальное,—тогда они не залазили бы въ непроходимыя дебри символистической метафизики,—тогда они писали бы для всѣхъ интересно и ясно,—писали бы чистымъ, народнымъ, правильнымъ украинскимъ языкомъ.

Книгѣ рассказовъ г-жи Кулишъ предпослана обстоятельная интересная статья о ней г. Гривченка.

В. Миронецъ.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львові. Вип. I. Р. 1903 (ч. 13). Львів, 1903, стр. 1—86.

Наукове Товариство імени Шевченка, для ознайомлення публіки со своєю широкою діяльністю, съ 1900 года начало издавать «Хроніку», ежегодно по 4 выпуска, на украинскомъ языкѣ, и одновременно, для тѣхъ, кто не понимаетъ нашего языка, на нѣмецкомъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ издано было 12 выпусковъ, и сейчасъ передъ нами лежитъ 1-ый выпускъ за 1903 годъ по счету 13-ый.

Считаемъ небезынтереснымъ для нашихъ читателей пересказать вкратцѣ главнѣйшіе факты діяльности почтеннаго научнаго общества, заканчивающаго въ настоящемъ году 30-лѣтіе своего существованія (первоначально, до 1892 года—носившаго характеръ литературнаго), а также отмѣтити то духовное и матеріальное достоиніе, какимъ обладаетъ оно въ данное время.

По статуту, которымъ до сихъ поръ руководствовалось общество (въ минувшемъ мѣсяцѣ предположено было его нѣсколько видоизмѣнить), Наукове Товариство, имѣющее цѣлью «плекати та розвивати науку і штуку в українсько-руській мові, збирати та зберегати всякі наукові предмети і памятки старовини України-Руси» (а по вновь предложенному проекту: «взагали дбати про поступ українсько-руської нації на всіхъ поляхъ людського знання»), состоитъ изъ членовъ: 1) «звичайнихъ»—имъ можетъ быть каждый, принадлежащій къ украинско-русской нації, кто будетъ принять «виділомъ» (правленіемъ Общества); 2) «дійснихъ»—избранныхъ одной изъ секцій общества за самостоятельные научные труды, и прежде всего—за выдающееся участіе въ изданіяхъ Общества. 3) «основателівъ»—тѣ, кто былъ именованъ на основаніи давняго статута; 4) «почеснихъ»—людей, избранныхъ на общемъ собраніи, оказавшихъ крупныя заслуги въ области науки, искусства, литературы или по отношенію къ самому Обществу.

Къ началу 1903 г. во всѣхъ 3-хъ секціяхъ Общества: історично-філософичній, фізіологічній і математично-природописно-лікарській, — состояло 37 дѣйствительныхъ членовъ. Всѣ же «наукові комісії», составляемыя секціями, а именно: археографическая, юридическая, этнографическая, языковая, медицинская, а также административныя: для завѣдыванія типографіей, для выдачи пособій изъ фонда литераторовъ—насчитывали 94 члена.

Въ теченіе минуваго года всѣ секціи имѣли 34 засѣданія, на которыхъ было доложено 46 рефератовъ, — почти вдвое болѣе сравнительно съ предыдущимъ годомъ.

Археографическая и этнографическая коммиссія имѣли по 3 засѣданія, на которыхъ обсуждался планъ предстоящихъ изданій, а въ послѣдней еще планъ этнографической экспедиціи, на которую этнографическая коммиссія получила специальное пособіе отъ мѣстнаго правительства.

Языковая коммиссія имѣла два засѣданія, на которыхъ главнымъ предметомъ обсуждения явился вопросъ урегулированія правописанія и изданіе пособія, въ которомъ должны быть отмѣчены всѣ отклоненія отъ обычнаго правописанія. Юридическая коммиссія также имѣла нѣсколько засѣданій, лишь медицинская коммиссія не собралась ни разу. Въ послѣднее время явился проектъ основанія новой коммиссіи—технической. Проектъ принять и Виділомъ і секціями, но пока еще коммиссія эта не начала функціонировать.

Издательская дѣятельность секцій и коммиссій возросла въ минувшемъ году до солидной цифры 39 томовъ (не считая оттисковъ). Сравнительно со средствами, располагаемыми Товариством, это весьма значительная цифра, которая, съ увеличеніемъ ихъ безъ сомнѣнія, возрастетъ еще болѣе. Къ прежнимъ изданіямъ: Записки Наукового Товариства (т. т. XLV—L), Збірників секції: історично-філософічної (т. V), фіольологічної (т. V), математично-природописно-лікарської (т. VIII), Часопись правнича і економічна (т.т. IV и V), Правнича Бібліотека (III выпускъ), Руська Історична Бібліотека (т. 22), Жерела до історії України-Руси (т. VII), Памятки українсько-руської мови і літератури (т. III), Етнографічний Збірник (т. XI—XIII), Матеріали до українсько-руської етнології (т. V), Хроніка товариства—на українскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, Літературно-Науковий Вістник (5 годъ изданія),—прибавилось новое изданіе фіольологічної секції «Українсько-Руська Бібліотека, которой вышло уже 3 тома (писанія Осипа Юрія Федьковича).

Распорядительная и административная власть товариства находится въ рукахъ «Виділа», состоящаго изъ «голови», 6 членовъ и 3 кандидатовъ. «Головою», какъ и въ прежніе годы, состоялъ проф. М. Грушевський.

Главнѣйшей заботой Виділа было финансовое хозяйство Товариства. Онъ прилагалъ всяческія старанія, къ увеличенію доходовъ

его, такъ какъ расходы съ каждымъ годомъ непрестанно возрастаютъ въ особенности на научныя изданія. Изъ сравнительной таблицы расходовъ на послѣднія, за послѣдніе три года, видно, что цифра 1900 года 40.810 коронъ возросла въ 1902 году до 54.800 кор. Между тѣмъ субсидія, назначаемая Товариству мѣстнымъ правительствомъ (краем) и государствомъ, не увеличилась совершенно, хотя Виділ и старался объ этомъ; какъ и въ 1901 г. она равнялась 16 000 кор. (6.000 государственныхъ и 10.000 краевыхъ). Такимъ образомъ бюджетъ научныхъ изданій Товариства превышаетъ болѣе чѣмъ втрое получаемую субсидію. Что въ неувеличеніи Товариству субсидіи играли роль не причины финансоваго характера, а совершенно инныя, видно ясно изъ того, что аналогичныя съ нашимъ Товариствомъ научныя институціи Академіи въ Краковѣ и Прагѣ получили просимое увеличеніе.

Главнѣйшимъ источникомъ доходовъ Товариства является его типографія, на которую и обращено Виділомъ особое вниманіе. Общая же цифра бюджета Товариства въ минувшемъ году выразилась въ 144.289 кор. Въ это число вошли и слѣдующіе фонды, находящіеся въ оборотѣ Науковаго Товариства: запасной академичный—10.285 кор., стипендія им. Мих. Грушевскаго—3.640 кор., фондъ доцентовъ—3.135 кор., фондъ памятника Т. Шевченку—2.350 кор., литературный им. Д. Мордовцева—2.266 кор., литературный им. Котляревскаго—1.496 кор., фондъ для пособій—1 959 кор., фондъ художниковъ—25 кор.

Библиотека Товариства содержитъ 6470 названій въ 12361 томахъ. Периодическихъ изданій 862, изъ числа которыхъ въ настоящее время получается 358. Библиотекой пользовались въ мин. году 574 душъ (въ количествѣ 2459 разъ) которые потребовали 3118 назв. (въ 1901 г. 189 душъ и 1566 назв.). За деньги куплено книгъ не много,—преимущественно пополнялся отдѣлъ «Ruthenica», который современнымъ будетъ выдающимся по полнотѣ. Отдѣлъ рукописей возросъ до 80 (въ мин. году 53). Важнымъ шагомъ въ развитіи библиотеки и Товариства слѣдуетъ признать присоединеніе его въ минувшемъ году къ международному союзу библиотекъ академій и научныхъ Обществъ для взаимнаго одолженія рукописей, архивныхъ дѣлъ и рѣдкихъ книгъ. Такимъ образомъ для нашихъ научныхъ дѣятелей является возможность пользоваться иностранными архивами при условіи исполненія правилъ выработанныхъ Берлинскою академіей наукъ и принятыхъ съѣздомъ академій въ Парижѣ 16—18 апрѣля 1901 г.

(Правила эти помѣщены на стр. 51 «Хроники»). Главнымъ источникомъ пополненія библіотеки, не считая даровъ, является обмѣнъ изданіями Товариства съ изданіями другихъ институцій. Число послѣднихъ возросло въ мин. году до 202 (въ 1901 г. 143), которыя снабжаютъ Товариство 358 періодическими изданіями. Здѣсь мы встрѣчаемъ литературно-научныя изданія всего міра. Болѣе всего приходится на долю Россіи (80), затѣмъ идутъ Чехи, Поляки Сѣверная и Южная Америка (30), Германія (25), Австрія (25 украинскихъ и 13 вѣмецкихъ и русскихъ), Сербы и Хорваты (18), Румынія и Швейцарія (9), Англія, Голландія, Норвегія, Венгрія (8), Болгарія (6), Славонія, Італія (4), Финляндія и Австралія (3), Греція и Испанія (2), Бельгія и Португалія (1).

При Товариствѣ существуетъ музей, еще не очень многочисленный, но содержащій не мало цѣнныхъ предметовъ. Болѣе широкое развитіе музея можетъ начаться лишь тогда, когда онъ будетъ имѣть отдѣльное собственное помѣщеніе и хоть небольшой, но постоянный фондъ на приобрѣтеніе предметовъ.

Уже изъ этого краткаго обзора состоянія и дѣятельности Наукового Товариства явствуетъ, что оно упрочило вполнѣ свое положеніе, и если бы встрѣчало больше сочувствія со стороны своего правительства, развивало бы свою дѣятельность еще плодотворнѣе. Но пока—надо еще удивляться той настойчивости и энергіи, съ какою руководители Товариства въ теченіе послѣдняго десятка лѣтъ, несмотря на не совсѣмъ благопріятныя условія, достигли такихъ поразительно крупныхъ результатовъ. *Gutta cavat lapidem nonvi, sed saepe cadendol*

В. Д.

Что робить, той и мае. *Оповіданне про Джемса Гарфилда. За модьмы переказавъ Б. Гринченко. Спб. 1—71 стр. Цина 6 коп.*

Нельзя не привѣтствовать отъ всей души стремленія С.-Петербургскаго благотворительнаго общества изданія общепользныхъ и дешевыхъ книгъ знакомить нашъ народъ съ біографіями выдающихся писателей (Шевченко, Котляревскій, Гребинка) и общественныхъ дѣятелей (Антонъ Головатый, Богданъ Хмельницкій, Выговскій) родной стороны. Брошюры, знакомящія народъ съ жизнью и дѣятельностью

выдающихся людей родины не только безусловно полезны, но даже и необходимы, особенно если принять во вниманіе, что въ нашихъ школахъ совершенно игнорируется все родное—и языкъ, и литература, и исторія. Подобныя брошюры могутъ хотя отчасти замѣнить народу недостающее ему знаніе родного прошлаго. Однако, на ряду съ знаніемъ родной исторіи народу необходимо знакомство и съ жизнью другихъ народовъ. Сознвая хорошо все это, Петербургское общество и издало настоящую брошюру о Джемсѣ Гарфилдѣ, жизнь котораго представляетъ много интереснаго и поучительнаго для народа.

Разсматриваемая нами, прекрасно изданная брошюра принадлежитъ перу извѣстнаго украинскаго писателя Б. Д. Гринченка, неоднократно уже заявившаго себя опытнымъ и талантливымъ популяризаторомъ. Въ своей тщательно и обстоятельно составленной книжечкѣ уважаемый авторъ въ живой, доступной и интересной формѣ рассказываетъ поучительную повѣсть о жизни и дѣятельности Гарфилда, изъ простаго рабочаго постепенно возвысившагося до званія президента Сѣверо-Американскихъ соединенныхъ Штатовъ. Каждый фактъ изъ жизни этого выдающагося дѣятеля свидѣтельствуетъ о его любви къ знанію; необыкновенной энергіи, выносливости, стойкости, работѣ и трудолюбіи. Благодаря этому и вся вообще брошюра г. Гринченка является чѣмъ то въ родѣ призыва къ свѣту, къ знанію, къ энергичному, настойчивому труду, къ надеждѣ на себя, на свои силы. Всякій внимательный наблюдатель согласится съ авторомъ, что этого то именно и нужно народу для улучшенія его въ настоящее время довольно тяжкаго соціально экономическаго положенія.

Интересная, полезная и строго проведенная идея, чистый, прекрасный языкъ, живое и легкое изложеніе,—все это является несомнѣннымъ плюсомъ книжки г. Гринченка. Кажется только, что мѣстами авторъ впадаетъ въ излишнія подробности, а мѣстами пишетъ въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ. Впрочемъ, это—уже мелочи...

Если принять во вниманіе указанныя выше достоинства брошюры о Гарфилдѣ, а также ея безукоризненное изданіе и полезную доступность по цѣнѣ, то нельзя не пожелать этой книжечкѣ самаго широкаго распространенія среди народа.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ по поводу этой брошюры. Выше мы сказали, что народу необходимо знакомство съ родной исторіей и исторіей другихъ народовъ. Если мы примемъ во вниманіе всю необходимость такого знакомства и сопо-

ставимъ съ нею то, что нами уже сдѣлано въ этомъ направленіи, то увидимъ, какъ много намъ еще предстоитъ работы. Хорошо было бы, если бы и мы—интеллигенція, подобно Гарфильду, бодро и энергично взялись за работу. Тогда, быть можетъ, и мы скоро бы достигли утѣшительныхъ, положительныхъ результатовъ: «Хто дбае, той и мае»...

В. Миронецъ.

Линевичъ Д. М. О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. *Винница, 1901 г. Изданіе Подольск. Общества сельск. хоз.*

Хоть наша рецензія на настоящее изданіе 1901 года нѣсколько запоздала, но это произошло потому, что мы только теперь случайно узнали о существованіи вышеназванной брошюры, что лишній разъ указываетъ, на сколько бы желательно было, чтобы авторы и издатели, а тѣмъ болѣе являющіяся въ роли издателей мѣстные сельскохозяйственныя и всякія другія «Общества», въ видахъ распространенія въ публикѣ свѣдѣній объ ихъ же изданіяхъ, доставляли въ редакцію по одному экземпляру своихъ изданій—для отзыва и опубликованія въ списокѣ нововышедшихъ книгъ за каждый мѣсяць. Данная брошюра, несмѣтра на изданіе ея въ 1901 г., имѣетъ вполнѣ современное значеніе, потому что трактуетъ о вопросѣ, интересующемъ землевладѣльческіе классы въ настоящее время, что съ особенною яркостью выяснилось на засѣданіяхъ уѣздныхъ и губернскихъ Комитетовъ края по вопросамъ сельскохозяйственной промышленности. Брошюра довольно подробно знакомитъ съ положеніемъ хуторского вопроса въ крестьянскихъ селеніяхъ житомирскаго уѣзда, гдѣ мѣстное населеніе добровольно перешло на хутора, и потому фактическія данныя, въ ней приводимыя, имѣютъ несомнѣнный интересъ, который былъ бы еще выше, еслибы авторъ не ограничивался относительно нѣкоторыхъ селеній приведеніемъ лишь краткихъ официальныхъ справокъ, выдержекъ изъ общественныхъ приговоровъ и т. п. и приводилъ бы, рядомъ съ фактами, свидѣтельствующими о выгодахъ перехода на хутора, также и факты обратнаго свойства, существованіе которыхъ по собраннымъ свѣдѣніямъ, не подлежитъ сомнѣнію. Было бы также очень полезно для лучшаго выясненія даннаго вопроса, если-бы авторъ располагалъ данными объ экономическомъ положеніи добровольныхъ хуторянъ до переселенія на хутора и теперь, чтобы,

сравненіємъ тѣхъ и другихъ данныхъ между собою, выяснить, къ ка-кимъ экономическимъ результатамъ приводитъ расселеніе по хуторамъ крестьянскія хозяйства разныхъ типовъ: богатія, среднія, бѣдныя, мало- и многорабочія, мало- и многоскотныя и т. п.

Увлекаясь теоретическими соображеніями о пользѣ хуторского хозяйства, а также и двумя фактами добровольныхъ разверстаній крестьянъ съ помѣщиками ради перехода на хутора, авторъ настойчиво рекомендуетъ принятіе всевозможныхъ мѣръ къ переходу крестьянъ на хутора съ цѣлю скорѣйшаго разрѣшенія сервитутнаго вопроса безъ выдачи крестьянамъ вознагражденія за теряемые сервитуты. Разумѣется, такое пожеланіе, не разъ высказывавшееся нѣкоторыми аграріями и въ засѣданіяхъ комитетовъ о нуждахъ сельскохоз. промышленности, воплѣ естественно въ устахъ лица, желающаго скорѣйшаго уничтоженія сервитутовъ во чтобы то ни стало, но можно очень сомнѣваться, чтобы такое разрѣшеніе вопроса, кромѣ одноличныхъ исключительныхъ случаевъ, оказалось выгоднымъ для крестьянъ.

Л. С. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки рассмотрѣны слѣдующіе журналы текущаго года: 1) Журн. Мин. Народнаго Просвѣщенія, № 4; 2) Кіевскія Университетскія Извѣстія, № 3; 3) Варшав. Университ. Извѣстія. № 2; 4) Записки Импер. Харьковскаго Университета, № 1; 4) Труды Кіевск. Дух. Академіи, № 3; 6) Всемирный Вѣстникъ, № 2; 7) Вѣстникъ Европы, № 3; 8) Этнографич. Обзорніе, № 1; 9) Літерат.-Науков. Вѣстникъ, № 4; 10) Научное Обзорніе, № 2 и 3; 11) Русскій Вѣстникъ, № 4; 12) Книжки Восхода, № 3.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 4.

И. В. Якубовскій. Земскіе привилеи Великаго княжества Литовскаго (стр. 239—279).—Здѣсь помѣщено начало—введеніе и 1-ая часть работы. Авторъ подвергаетъ критическому анализу только формальную сторону привилеевъ, устанавливаетъ правильный текстъ этихъ важнѣйшихъ для изученія государственнаго права Литвы документовъ. Въ 1-ой части данъ разборъ текстовъ общеземскихъ привилеевъ; въ концѣ приложена таблица всѣхъ разобранныхъ 16 привилеевъ (1-ый

отъ 20/II 1387, XVI-ый 1/VI 1568) съ обозначеніемъ, кѣмъ, когда, гдѣ выданъ, привилей, и гдѣ онъ напечатанъ. Въ этомъ трудѣ молодой ученый обнаруживаетъ рѣдкую начитанность и приемы строго-научнаго критическаго мышленія.

Въ отдѣлѣ Критики помѣщенъ сочувственный отзывъ *А. Куртичкинова* о книгѣ проф. *А. С. Лебедева*. Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности. Критикъ признаетъ это изслѣдованіе очень цѣннымъ вкладомъ въ культурную исторію Россіи вообще, въ извлеченіи приводитъ самыя характерныя черты изъ исторіи Бѣлогородской епархіи и ея іерархіи.

Киѣвскія Университетскія Извѣстія, № 3.

М. А. Стельмашенко. Политическая дѣятельность Петра Скарги (окончаніе, 151—210). Здѣсь рѣчь идетъ о взаимной полемикѣ между католиками и православными, о значеніи Скарги, какъ полемиста; о вліяніи Скарги на внѣшнія политическія отношенія Польши—враждебныя къ протестантскимъ государствамъ и Москвѣ—и на внутреннюю политику; цѣлью той и другой было—подавить разновѣсіе и усилить католицизмъ.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI в.в. Приложение къ сочинен. «Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества» (продолженіе, стр. 17—64). Здѣсь напечатаны дальнѣйшіе 34 документа (№ XII—XLVI).

Варшавскія Университетскія Извѣстія, № 2.

«Къ исторіи Карпатской Руси». Проф. *И. П. Филевича* (продолженіе, стр. 65—80). Здѣсь разсматриваются событія послѣ 15 окт. 1848 г., при губернаторѣ В. Залескомъ, затѣмъ шефѣ, вскорѣ намѣстникѣ Голуховскомъ. По минист. распоряженію 29 октября преподаваніе въ гимназіяхъ и Львовскомъ университетѣ вводилось на польскомъ языкѣ: «Руска Рада» добилась распоряженія—о нѣмецкомъ преподавательскомъ языкѣ. 29 марта 1849 г. она же подала петицію о раздѣлѣ Галичины; (проектъ Палацкаго—о федераціи этнографическихъ группъ Австріи—также требовалъ объединенія всей Карпатской Руси). Вопросъ о раздѣлѣ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны представителей политическихъ націй въ парламентѣ, бюрократіи и особенно Голуховскаго.

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, № 1:

Въ «Приложеніяхъ» продолжаются печатаніемъ «Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ» (стр. 1—64). Въ настоящей книжкѣ помѣщены протоколы 5-ти засѣданій (18—22-го) и въ видѣ приложеній къ нимъ доклады Данилевича (2), Алякритскаго, Ветухова (матеріалы Комитета о кобзаряхъ и лирникахъ), Дринова, Халанскаго, сообщеніе Спѣсивцева, замѣтка Еленева.

Труды Кіевской Духовной Академіи, № 3.

Ө. Т. Критико-библиографическая замѣтка (о книгѣ) проф. А. С. Лебедева: Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности (стр. 472—494). Давъ общую сочувственную характеристику настоящаго изслѣдованія и указавъ архивы (духовнаго вѣдомства Харьковской и Курской губ.), матеріалъ которыхъ авторъ разработалъ, рецензентъ въ детальномъ, обширномъ разборѣ указываетъ неправильности и пробѣлы изслѣдованія. Послѣдніе произошли отъ того, что авторъ не использовалъ матеріала архивовъ московскихъ, петербургскихъ и кіевскихъ. Разборъ еще не законченъ.

Всемирный Вѣстникъ, № 2.

Въ отдѣлѣ журнальное обозрѣніе помѣщенъ сочувственный отзывъ о январской книжкѣ нашего журнала, именно о статьяхъ—г. *Василенька* «Гос. Макс. Бодянский», Б. Гринченка «А. Е. Крымскій» и Л. С. Личкова «Къ вопросу объ экономическомъ изслѣдованіи юго-западнаго края».

Вѣстникъ Европы, № 3.

А. Романовичъ-Славатинскій. „Моя жизнь и академическая дѣятельность 1832—1884 г.г.“. *Воспоминанія и замѣтки*. (стр. 168—214). Въ этой книжкѣ помѣщены 6-ая и 7-ая главы воспоминаній, при чемъ 7-ая глава посвящена краткому описанію заграничнаго путешествія автора въ 1860 году и потому не представляетъ для насъ интереса; въ главѣ-же 6-й идетъ рѣчь о жизни автора въ Кіевѣ, въ качествѣ молодого ученаго, готовящагося къ занятію профессорской кафедры, затѣмъ преподавателя въ университетѣ и наконецъ адъюнкта. Въ этой

главъ встрѣчается много интересныхъ характеристикъ университетскихъ профессоровъ и другихъ общественныхъ дѣятелей г. Кіева конца 50-хъ годовъ.

Этнографическое Обзорѣніе 1902 г. № 1.

Письма про Морозенка. Н. Д-винъ. (стр. 115—116). Въ коротенькомъ предисловіи авторъ передаетъ впечатлѣнія отъ засѣданія этнографическаго отдѣленія 19-го августа 1902 г. во время Харьковскаго археологическаго съѣзда, гдѣ приняли участіе кобзари и лирники, и говоритъ, что исполненіе пѣсенъ ими «заровило въ душу слушателей новую искру любви къ народной поэзіи и ея носителю—народу». Во время этого засѣданія бандуристомъ Терентіемъ Пархоменкомъ исполнена была дума о Морозенкѣ, текстъ которой авторъ и помѣщаетъ цѣликомъ.

Въ отдѣлѣ „Критика и библиографія“ помѣщены отзывы о книгахъ: 1) *Б. Д. Гринченка* «Литература украинскаго фальклора» и 2) *В. Гнатюка* «Угроруски духовни вирши» (стр. 133—134).

Літературно-Науковий Вістник, № 4-й.

Зміст: Неначе з Енеїди (про селянські розрухи).—*Галина-Комарівна*, Поезіи въ прозі: I. Дві. II. То був сон.—*Сергій Ефремов*, Нерви. оповідане.—*Арсен Рушченко*, Сестри, оповідане (конецъ буде). Дрібні малюнки: VI. Зелена сукня, *Ів. Липи*. VII. Чоботи, *Жаб...* VIII. Жерело, *М. І. Вдовиченка*. IX Дві стрічі. *А. Чайківського* Юлій, *Зайеръ*, Jnultus, переклав *М. Мочульскій*.

Д. Мордовецъ, Про незабутне (докінчене)—*Др. І. Луценко*, Роля високої температури въ хворобах і чи треба її понижати?—*М. Вороний*, *Сергій Васильківський*, артист-маляр. Из чужих літератур: II. Словінська література в 1902 році.—*К. Квітка*, Дещо про вірменську нар. музику. М. П., *Фр. Рігер*,—*П. Грабовський*, Автобіографія.—Наукові листки: IV. Найновіші видання Бібліографічного Інституту у Липску й Відні, д-ра *Ів. Копача*. V. З королівської бібліотеки старого Вавилону—Дискусіи: III. Критика Sui generis, *С. Ефремова*. Хроніка й бібліографія.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ 83 № «Приазовскаго Края» находимъ прекрасную статью г. Н. Яшенка «М. И. Глинка подъ вліяніемъ малорусской пѣсни». Въ 1838 г. для набора пѣвчихъ въ придворный хоръ Глинка совершилъ поѣздку въ Малороссію. Украинскія пѣсни и думы послужили матеріаломъ и вмѣстѣ съ украинской природою были источникомъ вдохновенія при созданіи оперы «Русланъ и Людмила». Своимъ характеромъ пѣсенное украинское творчество напоминало Глинкѣ сочиненія Бетховена: малорусскія пѣсни по своему строенію имѣютъ болѣе сходства съ нѣмецкимъ пѣсеннымъ складомъ, нежели съ великорусскимъ.

Въ 86 № «Полтавскаго Вѣстника» напечатана большая статья г. Василя Федоровича. «Театръ въ деревнѣ». Авторъ призываетъ искреннихъ доброжелателей народа къ организаціи сельской молодежи для участія въ народныхъ спектакляхъ; отмѣчаетъ затрудненія, какія тормозятъ развитіе народнаго театра. Въ нашей деревнѣ! театръ, въ которомъ принимала бы участіе сельская молодежь, возможенъ только на украинскомъ языкѣ. «Между тѣмъ, именно малорусскіе спектакли представляютъ наибольшія затрудненія для разрѣшенія ихъ». Затѣмъ рѣчь идетъ о помѣщеніяхъ, театральной обстановкѣ и репертуарѣ народнаго сельскаго театра.

Въ 100 № «Кіевской газеты» напечатанъ докладъ С. А. И. общему собранію Кіевскаго Общества грамотности «О народныхъ развлеченіяхъ». Докладчикъ рекомендуетъ смѣшанныя развлеченія, по нѣмецкому образцу, указываетъ настоятельную необходимость правильной и болѣе широкой организаціи обществъ хорового украинскаго пѣнія.

Статьи объ Александрѣ Николаевичѣ *Пыпинѣ*—по поводу пятидесятилѣтія его научной дѣятельности—находимъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ 7683 № «Южнаго края»—ст. проф. Н. Θ. Сумцова—здѣсь отмѣчены съ глубокой признательностью и труды А. Н. по изученію Малороссіи—въ 71 № «Волыни», въ 82 № «С-Петербургскихъ вѣдомостей», въ 2115 № «Южнаго Обозрѣнія», въ 1776 № «Приднѣпровскаго Края».

Въ 7692 № «Южнаго Края» помѣщена статья о Н. А. Сергѣевѣ—Харьковскомъ уроженцѣ—художникѣ украинской природы, попутно упоминаются и другіе знаменитые земляки—художники Г. И. Семирадскій, И. Е. Рѣпинъ, С. И. Васильковскій.

Замѣтки, болѣе или менѣе обширныя, о предстоящемъ юбилеѣ Н. В. Лисенка появились въ слѣдующихъ періодическихъ изданіяхъ:— «Волинь», № 71, В. Мировца, «Кубанскія Областныя вѣдомости», № 67, Влад. Страшкевича, «Биржевыя вѣдомости», № 175, «Полтавскій вѣстникъ», № 94, г. Л. П.

Одинъ изъ членовъ международнаго конгресса историковъ въ Римѣ польскій историкъ Александръ Яблоновскій представилъ секціи исторической географіи свой историческій атласъ украинскихъ провинцій, принадлежавшихъ въ XVI ст. польскому государству. Атласъ, пользующійся заслуженною извѣстностью въ польскомъ научномъ мірѣ, возбудилъ интересъ среди членовъ секціи оригинальностью метода и техникой исполненія. Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся къ атласу парижскій ученый Галлуа. («Кіевск. газ.», № 95).

Въ 379 № «Вѣстника Юга» помѣщена замѣтка «Роковыны Т. Г. Шевченка», излагающая впечатлѣніе отъ бывшаго въ г. Екатеринославѣ 16 марта литерат.-муз. вечера.

Въ 399 № «Вѣстника Юга» напечатана замѣтка «Къ исторіи открытія Екатеринославской ученой архивной комиссіи».

Въ 83 № «Кіевской Газеты» помѣщена замѣтка «Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка».

Въ 383 № «Вѣстника Юга» помѣщена рецензія о брошюрѣ Е. Чикаленка. Розмова про сельске хазайство. 5-та книжка. Садъ. О той же книжкѣ находимъ отзывъ въ 77 № «Волини» и въ 83 № «Кіевской газеты».

Въ 1765 № «Приднѣпровскаго Края» находимъ статью «Музей имени А. Н. Поля», въ которой данъ обзоръ всѣхъ отдѣловъ и болѣе интересныхъ коллекцій этого музея.

Въ 77 № «Волыни» находимъ сочувственный отзывъ г. М. К. о недавно вышедшемъ сборникѣ «Дубове листе. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша». Авторъ характеризуетъ литературную дѣятельность Кулиша; дѣлитъ содержаніе альманаха на 5 отдѣловъ, отмѣчаетъ лучшія произведенія въ немъ, приводитъ въ подлинникѣ стихотвореніе М. Чернявського «Після похорону», подчеркиваетъ и выѣшнія достоинства сборника.

Въ 377 № «Вѣстника Юга» г. А. Петрищевъ помѣстилъ прекрасную статью «По поводу одного недоразумѣнія». Разрѣшено издавать въ Тифлисѣ газету «Шаркы Русь» на азербейджанскомъ нарѣчій—языкѣ кавказскихъ татаръ, составляющихъ всего 1% населенія имперіи. Газета грузинская, армянская, татарская и т. д. есть та лабораторія, гдѣ общеимперское принимаетъ форму, удобопонятную для каждаго отдѣльнаго племени, и потому является необходимой даже изъ чистогосударственныхъ соображеній. Между тѣмъ, народность, составляющая почти $\frac{1}{4}$ всего населенія имперіи, какъ бы исключена изъ государственнаго обихода. «Хотѣлось бы надѣяться, что вопросъ о малорусской печати будетъ разрѣшенъ скоро, разрѣшенъ такъ, какъ это подсказывается исторіей, интересами общегосударственной солидарности,—наконецъ, просто здравымъ смысломъ».

Въ № 67 «Кубанскихъ областныхъ вѣдом.» изложено содержаніе рѣчи г. Хаханова о роли кавказовѣдѣнія въ развитіи исторической, лингвистической и этнологической наукъ.

Въ 379 № «Вѣстника Юга» помѣщена обширная статья г. Ков.-Кол. «Малорусскій Университетъ», сокращенное изложеніе статьи г. Славинскаго «Малорусскій Университетъ во Львовѣ» (см. «Міръ Божій», кн. 2, стр. 69—78).

Въ 77 № «Волини» данъ отзывъ о брошюрѣ Б. Гринченка «Хто робить, той и має. Оповідання про Джемса Гарфільда».

Въ 2109 № „Южнаго Обозрѣнія“, въ замѣткѣ «Памяти А. А. Андриѣвскаго» сдѣланъ призывъ къ одесскому обществу—почтить память А. А. А-го участіемъ въ постановкѣ памятника ему и учрежденіи стипендіи его имени.

Въ 382 № «Вѣстника Юга» помѣщена біографія и характеристика Кобзаря Т. М. Пархоменка.

Въ 97 № «С.-Петербургскихъ вѣдомостей» напечатана замѣтка г. Влад. Котовича «Пока лѣсъ шумить». Авторъ дѣлаетъ краткій обзоръ исторіи волинскаго Полѣсья, доказываетъ, что жители его—самые чистые въ этнографическомъ отношеніи представители русскаго племени, и призываетъ къ этнографическому изслѣдованію Полѣсья.

Въ 79 № «Волини» помѣщенъ переводъ съ украинскаго разсказа Ивана Франка «Исторія одного тулупа».

Въ 90-мъ № «Полтавскаго Вѣстника», въ замѣткѣ «Къ лекціи Эварницкаго» дана характеристика научной дѣятельности и перечень трудовъ лектора.

Въ 89 № «Полтавскаго Вѣстника» помѣщенъ интересный разсказъ свящ. М. Ко—нова «Дідь Петро». Рѣчь идетъ о чтецѣ псалтири надъ покойными и вмѣстѣ, такъ сказать, благочестивомъ сельскомъ знахарѣ.

Грамотность этого убѣжденнаго до фанатизма знахаря сказалась въ его складныхъ заговорахъ «молитовкахъ на церковный ладъ».

Въ 395 № „Вѣстника Юга“ помѣщена статья Г. Ков.-Кол. «Изъ новостей малорусской литературы». Авторъ даетъ сочувственную ре-

цензію о беллетристическихъ произведеніяхъ и отмѣчаетъ историко-литературныя статьи, напечатанныя въ I—III кн. нашего журнала за 1903 г., констатируя неотложную необходимость періодической украинской прессы.

Въ 93 № „Полтавскаго Вѣстника“ находимъ въ отдѣлѣ «Литературное Обзорѣніе» подробный; съ массой обстоятельныхъ выдержекъ. пересказъ беллетристическихъ произведеній, помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ нашего журнала.

Новыя украинскія изданія. „Nova reforma“ сообщаетъ, что во Львовѣ съ апрѣля будетъ издаваться новый украинскій еженедѣльникъ съ примирительной программой по отношенію къ полякамъ.

Въ Вѣнѣ вскорѣ появится первая книжка двухнедѣльнаго русинскаго журнала на нѣмецкомъ языкѣ «Ruthentische Revue». Основатели журнала-депутаты Романчукъ и Яворскій, редакторъ д-ръ Кось. («Кіевская Газ.», № 105).

Предполагаемый альманахъ. Украинская „академічна“ молодежь, сгруппированная въ товарищество „Січ“ въ Вѣнѣ, задумала издать альманахъ, или сборникъ беллетристическихъ произведеній самаго младшаго поколѣнія нашихъ писателей. Приводимъ въ сокращеніи ея возваніе. „Каждому хорошо извѣстно, какое благодатное вліяніе на молодого автора долженъ имѣть моментъ, когда произведенія его являються предъ широкой публикой, ждуть отъ нея отвѣта, оцѣнки. Чувствуя эту необходимость, мы хотимъ дать нашимъ товарищамъ возможность стать предъ forum publicum съ тѣмъ, что они желѣли въ своемъ умѣ, воспитали въ сердцѣ. Съ другой стороны, мы хотимъ дать нашему обществу характеристичную картину того, что думаетъ, что чувствуетъ, чѣмъ живетъ, чѣмъ хочетъ жить самое младшее поколѣніе литераторовъ... Что касается программы или содержанія сборника, мы то думаемъ помѣстить въ немъ самый богатый, наилучшій матеріалъ, дать слово какъ можно большому кругу нашихъ молодыхъ литераторовъ. Хотимъ посвятить сборникъ исключительно „красній літературі“: стихотворе-

віямъ рифмованнымъ и бѣлымъ, розказамъ, очеркамъ, эскизамъ и т. д., краткимъ драматическимъ произведеніямъ—въ цѣломъ видѣ или въ отрывкахъ. Просимъ молодыхъ, начинающихъ авторовъ прислать свои лучшія еще ненапечатанныя произведенія.

Подписная цѣна нашего сборника 2 кор. 30 сот. Чистый доходъ отъ изданія поступить частью на „запомоговий фонд“ тов-а „Січ“, частью на «фондъ издавничий». Срокъ присылки рукописей — до 1 іюня 1903 г. Рукописи адресовать: Johann Bгyn, Wien, XVIII. Staugasse 54. Деньги: Johann Borusowski, Wien, VIII. Lerchenfelderstrasse 58.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бартошевський Іван. Проповіди недільні. 2-е видане У Львові, 1903. Ціна 4 кор.

Бура на мори. Оповідане. № 28. У Къиві, 1903. Стор. 72, ціна 7 коп.

Всегорев. Варвара, історично-релігійна драма в 4 актахъ з прологомъ епильогомъ Стор. 270. Випуск 37-й «Бібліотеки для рускої молодежи» під редакцію Ю. Насальского в Коломиі.

Гостинець чемним діточкам. Видане черновецкої філії тов. «Руска школа», 26 ст. Ціна 5 сот.

Гринченко Б. Хто робить, той и має. Оповідання про Джемса Гафільда. Вид. благотворительного общества и зданія общепольныхъ и дешевыхъ книгъ. У Петербурги, 1903. Ц. 6 коп.

Е. А. Про касы задаткови системи Шульце Деліча и Райфайзена для ремѣсниковъ и селянъ и про організацію селянъ на подставѣ тыхъ касъ, написав А. Д. Жовква, 1903. Ст. 46. Ц. 60 сот.

Етнографічний Збірник, видає етнографічна комісія Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XIII. Галицько-руські народні легенды, зібрав Володимир Гнатюк, У Львові, 1902, стор. 290.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка 1903, кн. I, (Рік XII, т. LI). Львів. стор. 174.

Зміст: Острозька трагедія, розвідка Павла Житецького, ст. 1—24. Кілька грамотъ Володислава Опольского, подав М. Грушевський, ст. 1—8. з історії вашої фільології. Три галицькі граматики (Могиль-

ницький, Левицький, Лозинський), написав др. Осип Маковей ст. 1—5. *Miscellanea*. Наукова хроніка. Бібліографія. Показчик до т.т. XLV—L записок.

Збірник історично-філософичної секції Наукового Товариства імени Шевченка, том V. Матеріали до культурної історії Галицької Русі XVIII і XIX віку, Зібрані Мих. Зубрицьким, Юр. Кмітом, Ів. Кобилецьким, Ів. Е. Левіцьким і Ів. Франком, видані під редакц. Ів. Франка. У Львові 1902, стор. 334.

В. П. Карповъ. Харьковская старина. Изъ воспоминаній старожила. Съ портретомъ автора (1830—1860 г.г.). Цѣна 1 руб. 25 коп.

Карскій Е. О. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени. Спб. 1903. 16 стр.

Кузьменко Петро. Не такъ ждалося, да такъ скалося. Оповідання. № 31. У Києви, 1903. Стор. 26, ціна 2 к.

Левицький М. За колівпцѣны. Оповідання. (За Падалыцею). № 27. У Києви, 1903. Стор. 60, ціна 5 к.

Левицький Иванъ. Рыбалка Панасъ Круть. Оповідання. У Києви, 1903. № 30. Ціна 5 коп.

Матушевскій Ф. Посѣтителі могили Т. Г. Шевченка. Оттискъ изъ журн. «Кіевская Старина». Кієвъ, 1903. Стр. 27.

Мырний Панасъ. Книжка перша творивъ. Оповідання, прыповисти та инша дрибнѣця. У Києви, 1903. Стор. 445.

Мырний Панасъ. Лыхый попутавъ. Оповідання. У Києви, 1903. Стор. 49, ціна 5 коп.

Д-ръ Олесницький Ярослав. Австрійске право прасове і его реформа. (Відбірок з «Час. правн. і екон.» т. IV і V), ст. 39.

Памятки українсько-руської мови і літератури, видає Археологічна Комісія Наук. Тов-а ім. Шевченка, том III. У Львові, 1902. Апокріфи і легенди з українських рукописів зібрав, упорядкував, і пояснив д-р. Іван Франко. Апокріфи новозавітні. Б. Апокріфічні діяння апостолів. Стор 428.

Про українських козаків, татар та турків. (Наука і Розвага. Народна Бібліотека. Ч. 2. Додаток до «Приятеля» ч. 4, 1903 р.). Видавництво української молодіжи. Чернівці, 1903. З друкарні тов. „Австрія“ ст. 32. Ціна 10 сот.

Перетцъ В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великаго. Спб. 1903. XXIV—570 стр. цѣна 3 р. 50 к. Изданіе Императорской академіи наукъ.

Росія, полное географическое описание нашего отечества. Издание А. Ф. Девриена въ С.-Петербургѣ. Томъ VII-й. Малороссія. (Описание губерній: харьковской, черниговской и полтавской). Со 100 политипажами, 40 діагр., картогр., схемат. профил., 1 большой и 10 мал. картами. Составили: В. Г. Карповъ, А. Я. Пора-Леоновичъ, Ф. А. Виноградовъ, Я. Ф. Ставровскій, Е. К. Замысловская, В. В. Морачевскій, И. М. Малышева.

Цѣна 2 руб. 50 коп., въ мягкой папкѣ 2 руб. 75 коп., въ переплетѣ 3 руб.

Тихий Стефан. Як робити тестамент? Коломия, 1903. Накладом редакц. „Поступу“. Стр. 34.

Уайт Андрю. Розвій астрономічних поглядів. З англійского переказав Иван Петрушевич. Стор. 94, ціна 45 сот.

Франко Ів. Абу-Касимові канці. Накладом руского товариства педагогічного. Львів, 1902. Ціна 60 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка, у Львові, рік 1903, вип. I, ч. 13.

Часопись правнича і економічна. Т. т. IV і V під редакц. д-ра Станислава Дністрянского Накладом Тов-а ім. Шевченка. Стор. 294.

Зміст: 1) д-рЪ Зобків. Емфітев За греко-римского права; 2) д-рЪ Стан. Дністрянский: звичаєве право а соціальні звязки; 3) д-рЪ Юл. Заяць: *usus fructus nominis*; 4) Мих. Новаковский: сплата ратами в обороті торговельнім; 5) д-рЪ Олесницький: Австрійське право прасове і его реформа; 6) Вол. Старосольский. Причинки до теорії соціології; 7) Задерковний. Причинки до правничої терминології; 8) Ів. Чорнявский. З судейскої практики. Хроніка, оцінки і реферати.

Щурат В.— Гімназіяльна пропедевтика філософії. Замітка по поводу анкети краєвої ради шкільної. Львів. 1903 Стор. 20.

Ляновська Л. Дзвинъ до церкви склыкає, та самъ у ій не буває. (Лисова квитка). Комедія на 4 діи. Присвячується М. К. Заньковецькій. У Кьиві, 190. Стор. 90, ціна 15 коп.

Ярошинська Е. Повістка для молодіжи. Накл. Рус. Тов. педагогічного. Львів, 1902. Стр. 56. Ціна 24 сот.

ОБЪЯВЛЕНИЕ О ПОДПИСКѢ

НА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИИ

Н. И. КОСТОМАРОВА,

издаваемое Обществомъ для пособія нуждающимся литерато-
рамъ и ученымъ (Литературнымъ Фондомъ).

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (Литературный Фондъ), приступая, по соглашенію съ Ал. Л. Костомаровой, къ изданію **Собранія сочиненій Н. И. Костомарова**, объявляетъ, что въ предпринимаемое нынѣ изданіе войдутъ историческія монографіи и изслѣдованія покойнаго историка, въ числѣ 21 тома. Монографіи эти будутъ сгруппированы въ 8 книгъ, въ общемъ объемѣ около 375 печатныхъ листовъ. Цѣна на это изданіе по подпискѣ назначается, безъ пересылки, *20 рублей*, уплачиваемыхъ въ такомъ порядкѣ: при подпискѣ вносится *4 рубля* и подписчику выдается билетъ на полученіе всѣхъ 8 книгъ; затѣмъ уплачивается по *3 рубля* при выдачѣ I и II книгъ; по *2 рубля* при выдачѣ III, IV, V, VI и VII книгъ, а VIII книга будетъ выдана бесплатно подписавшимся на изданіе лицамъ.

По выходѣ въ свѣтъ всего изданія, которое предположено окончить не позже, какъ черезъ два года (къ маю 1905 года), цѣна будетъ повышена, а именно: за всѣ восемь книгъ *25 руб* и при покупкѣ отдѣльными книгами: 1-я и 7-я книги по *3 руб. 50 к.*, 2-я, 4-я, 5-я и 6-я книги по *4 рубля*, 3-я книга *2 р. 50 к.* и 8-я *4 р. 50 к.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Книжномъ складѣ типографіи **М. М. Стасюлевича** въ С.-Петербурѣ, В. О., 5 линія, домъ № 28.

Плата за пересылку взимается, по почтовой стоимости, при доставкѣ книгъ.

Всѣ двадцать одинъ томъ историческихъ монографій и изслѣдованій **Н. И. Костомарова** въ предлагаемомъ изданіи будутъ размѣщены въ восьми книгахъ такъ:

ВЪ ПЕРВУЮ КНИГУ войдутъ томы *I-й, II-й и III-й*, содержащіе въ себѣ: *I-й томъ*: Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси.—Двѣ русскія народности.—Черты народной южнорусской исторіи.—Мистическая повѣсть о Нифонтѣ.—Легенда о кровосмѣсителѣ.—О значеніи Великаго Новгорода.—Должно ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостного права?—Великорусскіе религиозные вольнодумцы въ XVI вѣкѣ: Матвѣй Башкииъ и его соучастники. Θεодосій Косой.—Иванъ Сусанинъ. *II-й томъ*: Иванъ Свирговскій; украинскій казацкій гетманъ XVI вѣка.—Гетманство Выговскаго.—Бунтъ Стеньки Разина.—По поводу мыслей свѣтскаго человѣка о книгѣ «Сельское духовенство». *III-й томъ*: Куликовская битва.—Ливонская война.—Южная Русь въ концѣ XVI вѣка. (Подготовка церковной уніи.—Бунтъ Косинскаго и Наливайки.—Унія).—Литовская народная поэзія.—Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи.

ВО ВТОРУЮ КНИГУ войдутъ томы *IV-й, V-й и VI-й*, составляющіе монографію «Смутное Время Московскаго Государства въ началѣ XVII столѣтія».

ВЪ ТРЕТЬЮ КНИГУ войдутъ томы *VII-й и VIII-й*, составляющіе монографію «Сѣверно-русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада. (Исторія Новгорода, Пскова и Вятки).

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ КНИГУ войдутъ томы *IX-й, X-й и XI-й* составляющіе монографію «Богданъ Хмельницкій».

ВЪ ПЯТУЮ КНИГУ войдутъ томы *XII-й, XIII-й и XIV-й*, содержащіе въ себѣ: *XII-й томъ*: Начало единодержавія въ древней Руси.—Гетманство Юрія Хмельницкаго.—Церковно-историческая критика въ XVII вѣкѣ.—Исторія раскола у раскольниковъ.—Воспоминаніе о молоканахъ. *XIII-й томъ*: Преданія первоначальной русской лѣтописи въ соображеніяхъ съ русскими народными преданіями въ пѣсняхъ, сказкахъ и обычаяхъ.—Личность царя Ивана Васильевича Грознаго.—О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убіенія царевича Дмитрія.—Личности Смутнаго Времени.—Кто виноватъ въ Смутномъ Времени?—Великорусская народная пѣсенная поэзія. *XIV-й томъ*: Аѳанасій Филипповичъ.—Петръ Могила передъ судомъ изслѣдователей нашего времени.—Богданъ Хмельницкій—данникъ Оттоманской Порты.—

О казакахъ. — Царевичъ Алексѣй Петровичъ. — Павелъ Полуботокъ. — Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица. — Самодержавный отрокъ.

ВЪ ШЕСТУЮ КНИГУ войдутъ томы *XV-й* и *XVI-й*, содержащія въ себѣ: *XV-й томъ*: «Руина». Историческая монографія. 1663—1687 г.г (Гетманство Бруховецкаго, Многогрѣшнаго и Самойловича). *XVI-й томъ*: Мазепа и Мазепинцы.

ВЪ СЕДЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы *XVII-й* и *XVIII-й*, составляющіе монографію подъ заглавіемъ «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» и

ВЪ ВОСЬМУЮ КНИГУ войдутъ томы *XIX-й*, *XX-й* и *XXI-й*, содержащія въ себѣ: *XIX-й томъ*: Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ. — Старинные Земскіе Соборы. *XX-й томъ*: Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. *XXI-й томъ*: Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ НОВОЕ ИЗДАНИЕ:

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ,

выпускъ первый.

ПРОФ. А. ДЕВИДУРЪ. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ XIX ВѢКА. (Виѣшнія сношенія европейскихъ государствъ съ 1814 по 1878 г.). Томъ I (изъ двухъ): Священный Союзъ. СПБ., 1903 г.

Переводъ студентовъ Императорскаго Спб. Университета, подъ редакціей приватъ-доцента того же Университета, Ал. Пиленка.

(Вся выручка отъ продажи изданія, за вычетомъ только комиссіонныхъ, будетъ обращена на организацію трудовой помощи среди студентовъ).

Цѣна 1 р. 50 коп.

(Имѣется нѣсколько вѣленевыхъ экземпляровъ по 5 рублей).

*Выписывающіе отъ редактора (Вас. Остр., 14 л., д. 33)
за пересылку не платятъ.*

Изданіе помѣщается въ книжномъ складѣ типографіи М. М. Стасюлевича. (С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 л., 28).

Г.г. учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ приглашаются содѣйствовать распространенію настоящаго изданія. Тѣхъ изъ нихъ, которые пожелали бы взять на себя продажу «Библиотеки» на комиссіонныхъ началахъ (за высокое вознагражденіе), просятъ обращаться, лично или письменно, къ редактору, прив.-доц. Александру Александровичу Пиленку (Вас. Остр., 14 лин., д. 33, ежедневно отъ 6—7 ч. вечера).

Книгопродавцамъ обычная уступка.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

ТОМЪ LXXXI.

1903 г.

І Ю Н Ъ.

К І Е В Ъ

Типографія Императорскаго университета св. Владимира
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.

1903.

Дозволено цензурою. Київъ, 16 мая 1903 года.

Украинскія колядки.¹⁾

Богогласникъ же отцовъ-базиліанъ является, до самаго послѣдняго времени,—въ нѣкоторомъ отношеніи вдохновителемъ нашихъ колядниковъ. Мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ лично, въ моей, такъ сказать, этнографической практикѣ, при чемъ фактъ руководства со стороны колядниковъ богогласникомъ подтвердился именно документально.

Мнѣ пришлось, вскорѣ послѣ того какъ я поселилась на Волыни, проводить первые дни Рождества въ м. Полонномъ²⁾ Тамъ я услышала, между прочимъ, колядки, которыя мнѣ показались очень странными, какъ будто книжными (съ выраженіями «тріе цари», «Хрысте добротливый» и пр.); я стала спрашивать компанію колядниковъ, хлопцевъ мѣщанъ, что это у нихъ за колядки? откуда такихъ научились? Они съ гордостью отвѣчали мнѣ, что у нихъ «така кныжка есть»; на мое желаніе посмотреть книжку и на просьбу принести её въ домъ, гдѣ я гостила, отвѣчали уклончиво... Однако, благодаря мѣстному жителю Е. И. Щербицкому-Мыкыташу, мнѣ удалось получить на нѣсколько дней интересовавшую меня книгу. Это и былъ «богогласникъ», котораго я до того времени еще никогда не видала и о которомъ, признаюсь, въ то время вовсе даже не слыхала... Къ сожалѣнію, я не помню, какое это было изданіе, но книга была «на видъ» очень старинная и похожа была на молитвенникъ, продолговатый, толстый. Богогласникъ почаевскій, который есть

1) См. Кіев. Ст. 1903 г., № 4.

2) Старомъ, телеръ огромномъ гнѣздѣ, упоминаемомъ въ думѣ времени Хмельницкаго.

теперь въ моемъ пользованіи (1790 г.), формою своею на тотъ не похожъ, но содержаніе въ немъ, кажется, такое же, по крайней мѣрѣ тѣ, правда не многія выписки, которыя я успѣла тогда сдѣлать изъ полонской «книги», совпадаютъ съ текстомъ богогласн. 1790 г. Когда я сличила свои полонскія записи колядокъ¹⁾ съ полонскою же «книгою», то увидѣла что онѣ очень близко изъ нея заимствованы, но содержать и отклоненія отъ «книги»,—фонетическія измѣненія, пропуски цѣлыхъ строфъ и даже сочетанія двухъ колядокъ-псалмъ въ одну (начало одной и конецъ другой). Почему пѣвцы поступали такъ, я не знаю... Можетъ быть, они пропускали то, что труднѣе:—такъ, изъ моей записи того, *что тьлось*, выходитъ, что полонскіе колядники, въ колядкѣ «Предвичный родывся», пропустили слѣд. строфы:

Гдѣ Сына породила Панна,
 Падаеть въ Ефесѣ Діанна,
 Познай бога, храмино,
 Веселыся, дружино,
 Христова.

Иродіане вси смутятся,
 Въ Египтѣ балваны крушатся,
 Ангель во снѣ сказуеть,
 Же ся Иродъ готуетъ,
 На Христа²⁾.

Много мнѣ пришлось послѣ того слышать колядокъ «божественного» типа,—очевидно, происходящихъ изъ того же источника: «кныга» больше не попадалась, но отголосокъ ея узнавала я всегда, какъ бы ни былъ измѣненъ текстъ ..

1) Трехъ помѣщаемыхъ ниже колядокъ.

2) Эти строфы находятся во всѣхъ изданіяхъ богогласника. Упомянутіемъ о паденіи «Діанны въ Ефесѣ» и «балвановъ въ Египтѣ» издатели-иноки желали напомнить книжное преданіе о томъ древнемъ пророчествѣ Сивиллы, по которому при рожденіи Христа падуть—храмъ Діаны и статуи языческихъ божествъ. Гдѣ объ этомъ знать колядникамъ-селянамъ!..

Въ виду этого, Богогласникъ (не въ новѣйшихъ сокращенныхъ изданіяхъ, а въ старыхъ, отъ 1790 г.) кажется мнѣ памятникомъ въ высшей степени интереснымъ. Онъ содержитъ въ себѣ собраніе набожныхъ пѣсенъ на всѣ главнѣйшіе праздники года, а также правоучительныя пѣсни и пр. Любопытно, что несмотря на изданіе этого сборника въ Почаевѣ монахами-«базыліанами» и «Towarzystwa Jezusa», когда монастырь былъ еще униатскимъ, въ книгѣ совсѣмъ нѣтъ преобладанія «латинства» и «польщизны», напротивъ: въ сборникѣ всего три псалмы по латыни, 27 по польски и 114 псалмъ на славянскомъ языкѣ, съ примѣсю не польскихъ, а малорусскихъ словъ. Псалмы всякаго рода, ходившія въ спискахъ, были собраны и поправлены, о чемъ прямо и говорится въ предисловіи: «егда писменемъ отъ единого другому пѣвцу предаватися начаша, тако повредишася, яко не удобна разумѣнія своего возъмѣха». Къ инымъ сочинена мелодія, другія совсѣмъ на-ново сочинены, при чемъ выставлено имя автора («творецъ»—такой-то). Такимъ образомъ, весь поданный матерьялъ псалмъ вышелъ, по словамъ предисловія, «аки снѣдъ иными смаками утвореная, аки потемненное сребро искушено же огнемъ». (Жаль, что отцы не оставили хоть нѣсколько образцовъ еще не «искушенныхъ»!). Впрочемъ, по сравненію съ нѣкоторыми псалмами въ другихъ сборникахъ, главнымъ образомъ подправлялся языкъ, а не самое соедержаніе; конецъ псалмы измѣнялся больше, (съ придаваніемъ ему болѣе богословскаго характера), начало же оставлялось,—должно быть, для того, чтобъ напоминать музыкальный мотивъ, къ которому привыкли. Въ смыслѣ виршевого искусства, псалмы отдѣланы очень искусно: разнообразныя размѣры, хорошія рѣзмы, есть даже акростихи (изъ которыхъ выходятъ имена авторовъ). Не смотря на передѣлки согласно «инымъ смакамъ», все таки нѣкоторыя псалмы Богогласника сохраняютъ большую простоту и наивность;—напр. въ одной рожд. пѣснѣ Богогласника поется:

Слава наша лежитъ днесъ на сини, во яскиви,
... Богъ Агнѣць и Юнѣць всѣмъ пожаданный.

Радость многа! Мусикия—ра! ра! ра!
Свирѣль красна—тра! тра! тра!

Малому, вѣчному

Рожденну Царю.

Веселятся голубицы: охъ! охъ! охъ!

Ины птицы: тіохъ! тіохъ! тіохъ!

Радость всѣмъ, и миръ Тѣмъ

На многа лѣта!

Но за то есть въ Бог., по выраженію одного колядника, «дуже круто» сочиненныя псалмы, какъ объ этомъ можно судить изъ отрывковъ, приведенныхъ выше. Повидимому, искусная версификація часто была въ ущербъ простотѣ, понятности и чувству. Въ болѣе простыхъ стихахъ Богогл. встрѣчаются слова малорусскія:—«зори, зрада, спивы, смутный, прытуляты, выхваляты, ягната, немовлята», но въ общемъ языкъ—церковно-славянскій, довольно строго выдержанный. Есть слова рѣдкія, какъ звѣздарь¹⁾, владарь²⁾, моцарство³⁾. Однимъ словомъ, это языкъ «вѣршей», который лишь иногда какъ бы обмолвится своимъ народнымъ словомъ... Выписываю еще одну «чернечу» колядку,—почаевскихъ отцовъ-базиліанъ: (Богогл. 1790 г.), при чемъ напомнимъ о предположеніи, что буква ѣ произносилась по малорусски, за и; многія рѣшмы стиховъ богогласника это доказываютъ: «ангеловъ лики»—«на вѣки», «ланиты»—«совѣты», «знаменить»—«завѣтъ» и т. п. Поэтому въ слѣдующей виршѣ изъ Богогл. (впрочемъ, только въ одной этой) измѣняю транскрипцію ѣ на и:

Пѣснь на Рождество Христово.

Стань, Давиде, съ гусями,

Бряцай писни со нами!

1) Это слово есть въ словарѣ Беринды, 17-го в., служитъ тамъ для перевода славянскаго слова «звѣздочетецъ».

2) Въ Пересопч. еванг., и у Беринды.

3) «Перло многоцѣнное», Транкв.

Припѣвъ:

Христу Рожденному играймо
 И весело спиваймо,
 Играймо, спиваймо,
 Спиваймо, играймо,
 Днесь во Рождестви его,
 Яко Творца нашего,—
 Выхваляймо!

Солнце, луна и зори,
 Свитаще съ высшей горы,
 Христу Рожденному играймо...

Воды превыше небесъ,
 Шумяще вмисто словесъ,—
 Христу Рожденному играймо!

Огнь, градъ, бурніе духи,
 Гласяще всимъ во слухи,—
 Христу Рожденному играймо...

Горы, земля и холмы,
 Скачуще со юдольми.—
 Христу Рожденному играймо...

Князи людей, царіе,
 Скоты, гады, звиріе,—
 Христу Рожденному играймо...

Юноши, старцы литни,
 Дивыци младо-цвитни,—
 Христу Рожденному играймо...

И весело спиваймо!...
 Днесь во Рождесви его,
 Яко Творца нашего,—
 Выхваляймо!

Въ отдѣлѣ псалмъ, названныхъ «покаянными» и «умилительными», есть нѣсколько очень теплыхъ. Это все размышленія о смерти... Все на тему—«земля еси и въ землю отыдешь». Старая и вѣчно новая тема! Въ какое бы время ни жилъ человекъ,

на какой бы степени культуры ни стоялъ,—съ трепетомъ глядѣть онъ въ раскрытую, уже близкую могилу и съ «жалемъ» оглядывается на прожитую жизнь, сколько ни увѣряетъ себя, что все на этомъ свѣтѣ—одна только «марность», *vanitas vanitatum*... Все это есть въ послѣднемъ отдѣлѣ почаевскихъ псалмь, одна изъ которыхъ такъ и названа:—не «пѣснь», а «жалъ»; этотъ «жалъ» («Ахъ ушли-жь мои лита»...) и другой—(«Кажуть люде, же я умру, а я хочу жыты») — принадлежать къ лучшимъ въ сборникѣ и приводятъ на память слова П. И. Житецкаго, открывшаго, что и въ «мертвой», — какъ говорили, совершенно «бездушной» виршевой литературѣ— была душа¹⁾; онъ реабилитировалъ съ этой стороны виршу; открытыхъ имъ строкъ, такихъ какъ «Годи вамъ шумиты, зеленыи лугы, годи млиты серцю моему зъ несносной тугы» и т. д. нельзя забыть, такъ онъ трогательны и своеобразно красивы. Но эти прекрасныя вирши— тоже передсмертный жалъ... Замѣчательно, что въ серьезной литературѣ виршей²⁾— именно въ этихъ, «покаянныхъ» виршахъ получалъ наибольшее право гражданства народный языкъ. Зачѣмъ по преимуществу въ келейныхъ элегіяхъ о смерти!..

Псалмы о «марности свѣта», помѣщенные въ богогласникѣ, поютъ волинскіе лирники³⁾; а молодежь поетъ его колядки-вирши. Мнѣ кажется, что всякому записывающему колядки непременно слѣдуетъ подробнѣе познакомиться съ богогласникомъ; это устранить въ его работѣ нѣкоторыя недоразумѣнія: такъ напр. ктонибудь изъ этнографовъ-записывателей встрѣтитъ въ колядкѣ спутанный обрывокъ о «Діанѣ» или «Гехвесѣ»⁴⁾ и подумаетъ, что это отраженіе «классическаго вліянія», — «календнаго», — или какогонибудь «апокрифа», средневѣковаго сказанія, стараго книж-

1) «Мысли о думахъ».

2) Комическую я ставлю особо, — тамъ народный языкъ считался иногда подходящимъ для содержанія «смѣшного»...

3) Недавно г. Гнатюкъ опубликовалъ въ Зап. Тов. Им. Шевч. довольно много псалмь на ту же тему, записанныхъ вообще отъ народа.

4) Стихъ, кот. я цитировала («Падаеть въ Ефесѣ Діана»)

наго памятника; между тѣмъ, это' будетъ если и *классическое*, или *книжное* вліяніе, то самое новѣйшее, воспринятое м. б. въ тотъ же годъ (какъ пѣлась колядка)—изъ холмскаго богогласника, (напечатаннаго въ типогр. Кіево-Печ. Лавры, въ 1885 г.), купленнаго, напр. въ бытность на богомольѣ въ Кіевѣ, въ лаврской книжной лавочкѣ¹⁾... А что эта книжка, вмѣщающая въ себѣ и колядки, имѣетъ ходъ, доказывается тѣмъ, что она выходитъ уже 2-мъ изданіемъ. Это очень сокращенная (и потому дешевая) перепечатка стараго почаевского Богогласника, съ соблюденіемъ того же языка: («Иродъ лютый тое чуетъ, приказъ даетъ, декретуетъ». Или: «И принесши во храмину, на колѣна падоша»)... Тотъ же неуклюжій и мало понятный для простолюдина нашего языкъ, изъ котораго если что и выброшено, то именно—нѣкоторыя слова малорусскія; въ этомъ отношеніи оказывается, что даже «ополяченные» уніаты и «заядлые» езуиты, издатели старыхъ богогласниковъ, были терпимѣе и милостивѣе къ народному языку, чѣмъ холмское православное Братство, которое въ своемъ новомъ изданіи уніатскаго богогласника выбрасываетъ такія слова: «для зрады», «умерты», «створитель», «вельми»²⁾; вмѣсто же этихъ словъ поставлено—«для смерти», «умрѣти», «Творецъ», «весьма», («Діаны» же, «египетскіе балваны»—остались).

Но не смотря на неуклюжій и странный языкъ, книжка раскупается и колядки «богогласниковъ» имѣютъ большое распространеніе въ народѣ. Этому есть много причинъ и я остановлюсь на нихъ подробнѣе, такъ какъ онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ нашему предмету. Прежде всего нашихъ колядниковъ манитъ нѣкоторая примѣсь простыхъ словъ и выра-

1) Не называю именъ, но подобныя недоразумѣнія уже и случались, поэтому думаю, что предупрежденіе не лишне.

2) Любопытна участь этого слова: почему-то нѣкоторые засчитали его польскимъ, между тѣмъ какъ именно *этого* слова польская рѣчь не употребляетъ; «вельми»—есть старинное *южно-русское* слово. Почему его должно замѣнить «весьма»—не понятно.

женій («мати дитя притуляєть», «сердце умлѣваетъ» и т. п.) которыхъ еще не вытравили даже и новѣйшіе издатели. За тѣмъ очень большое значеніе имѣеть то, что текстъ старыхъ и новыхъ богогласниковъ укрѣпляется старинными музыкальными мотивами, очень красивыми; развѣ не случается и намъ запоминать слова самаго неуклюжаго текста, изъ романа, или опернаго либретто, если намъ нравится музыкальный мотивъ, на который эти слова поются?

Очень большое значеніе имѣеть еще и то, что только пѣніе «божественныхъ» колядокъ еще кое-какъ терпимо особами, имущими власть надъ колядниками и гонящими самый обычай колядованія. А этихъ лицъ, враждующихъ съ колядкою, много: прежде всего сельскіе священники. Хотя съ 11-го вѣка прошло довольно времени, но призракъ «бѣса Коляды» по видимому еще не исчезъ—въ ихъ глазахъ... Съ нимъ же борются и другія лица, включительно до урядника, который борется не только вѣсь имѣющимъ словомъ, но въ добавокъ и дѣйствіемъ,—тоже очень вѣскимъ и внушительнымъ!.. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ получается соизволеніе на хожденіе колядовать «на церкву»,—тогда ужъ колядники ходятъ «не крыючысь», но, разумѣется, поютъ «божественныхъ». А собственно говоря, чтѣ такое ужасное и не христіанское можно видѣть въ томъ, если колядники пропоютъ въ домѣ добрыхъ сосѣдей хотя бы и старинную колядку,—если напр. они пропоютъ дѣвущкѣ, будто передъ ея красою «паны шапки знимають», если пожелаютъ «господарю» удачи, урожая, провести святки въ добромъ здоровьи,—«изъ мылымъ богомъ, изъ усимъ родомъ»?.. Но это—«не порядокъ»; при томъ, многимъ претить само это «мужицкое», малорусское слово въ колядкахъ.

Такимъ врагомъ малорусскаго слова въ колядкѣ является и школа. О положеніи этого дѣла въ сельской школѣ можно судить по тому, какъ оно стоитъ въ большихъ центрахъ,—дающихъ тонъ «медвѣжьимъ угламъ». Въ г. Кіевѣ, устроители школьныхъ рождественскихъ «утръ» и «живыхъ ёлокъ» вотъ ужъ года три какъ завели обычай, чтобы дѣтскій хоръ колядовалъ: (очевидно, обычай колядокъ у насъ слишкомъ могучъ и поистинѣ—«невми-

рущій!»). Казалось бы, если ужъ такъ, то чего проще: дать дѣтямъ разучить народную колядку,—кстати есть прекрасное изданіе колядокъ, положенныхъ Н. В. Лисенкомъ на ноты, съ выборомъ лучшихъ мотивовъ и даже раскладкою на голоса; но г.г. кіевскіе педагоги берутъ текстъ—«новѣйшаго» духовнаго пѣсенника, богогласника ¹⁾, въ которомъ есть даже такіе перлы: «Иродъ весьма засмутился» ²⁾ (вмѣсто стараго—Иродъ съ того засмут.). Еще и этого показалось мало и—кіевскіе руководители юныхъ колядниковъ еще ревностиѣ пріуготовляютъ текстъ «иными смаками», въ сторону его «благопотребности» или обрусѣнія; изгоняютъ даже слово «якъ»,—(допускаемое въ Холмѣ),—замѣняютъ его словомъ «какъ».. Въ результатѣ дѣти (ученики и ученицы кіевскихъ народныхъ училищъ и даже гимназій) «колядуютъ»: «Нова радость стала, кака не бывала», или «какъ на небѣ хвала»... «ангелы спѣвають»... «какъ человѣкъ передъ Богомъ убогоповился»... «Иродъ весьма засмутился» и т. п.

Конечно, если даютъ пѣть такой текстъ, то это дѣлается «ad animam salvandam» учащихся кіевскихъ дѣтей; но удивительно все-таки одно: вѣдь руководителями участвующихъ въ школьныхъ «утрахъ» и «ѣлкахъ» бываютъ обыкновенно учащіе, б. м. учителя русскаго языка и словесности, у которыхъ художественный вкусъ долженъ бы быть особенно развитъ;—неужели же имъ не претитъ та безвкусица и комично-пестрая мѣшанина, которую они даютъ пѣть дѣтямъ? Вѣдь это даже не по-русски,—это только уродливо! «Спѣвають», «весьма засмутился»—такъ говорятъ теперь только лакеи «изъ малороссовъ».

Я даже думаю, что это уже—ревность не по Бозѣ... Такого ужъ никто и не требуетъ.—Можетъ показаться, что я захожу въ постороннюю область, педагогію; но въ данномъ случаѣ педагогическая практика имѣетъ непосредственное отношеніе къ моему предмету, такъ какъ вліяетъ на эволюцію колядокъ; поэтому я и заносу относящіеся къ дѣлу факты на страницы исто-

¹⁾ О которомъ сказано выше, или м. б. еще какой-ниб. болѣе новый.

²⁾ Богогласникъ, изданія Холм. Брат. стран. 11.

рическаго журнала: они многое разъясняют будущему (да и настоящему) историку въ судьбѣ колядокъ.

Такъ колядуютъ на школьныхъ торжествахъ въ Кіевѣ; а что поютъ въ подобныхъ случаяхъ наши сельскіе школяры,—легко угадать, зная съ какою ревностью (достойною лучшаго примѣненія) ведется сраженіе въ нашихъ сельскихъ школахъ съ народнымъ языкомъ.

Текстъ богогласниковъ порождаетъ массу искаженій. Любопытно для этнографа и даже для филолога наблюдать ту отчаянную борьбу, которую ведетъ малорусская фонетика и народная мысль съ чуждыми элементами слова и мало понятнымъ содержаніемъ, съ затѣйливыми формами, оборотами церковно-славянскаго языка и виршевого искусства. Очень часто усилія колядующихъ, перенимающихъ текстъ одинъ отъ другого, «съ голосу», и старающихся проникнуть въ смыслъ его—бываютъ безуспѣшны; получаются такіа искаженія, что съ трудомъ можно записать то, что поютъ... Получается иногда просто бессмысленница. Это явленіе случалось наблюдать не только мнѣ:—на страницахъ К. Ст. не разъ помѣщались указанія на это обстоятельство (замѣтки г.г. Бѣньковскаго, Милорадовича и др.), такъ какъ этнографъ, уважающій свою науку, не станетъ скрывать такихъ фактовъ.

Искажаются имена, отдѣльные слова, цѣлыя выраженія,—по созвучію ихъ съ знакомыми словами: вмѣсто ливанъ—Иванъ, главанъ, вмѣсто дадоша—ноша, вмѣсто кринь—хринъ и т. д. Иногда поющіе селятся придать какой-нибудь смыслъ непонятному набору словъ и потому выходятъ наур. такіа странности: вмѣсто:--«Во утробу Дѣвья Слово вселися» (Богогл.)—утромъ у дѣвы вси веселымся»...

Или

«Цари даютъ дары, злото,

Иванъ смиренный—срибло»... (ливанъ, смирну, злото)...

Есть въ Богогласникахъ (во всѣхъ) злополучное выраженіе: о младенцахъ, убитыхъ Иродомъ, говорится ¹⁾:

¹⁾ Въ колядкѣ «Видѣ Богъ, видѣ твоець»...

«Праведныи, якъ финики, (sic)
Прощають на вѣки» (будуть жить въ небѣ).

Имѣю смѣлость предположить, что многіе изъ моихъ читателей, не узнавая давно знакомаго слова въ фонетикѣ базилянъ, будутъ недоумѣвать, что это за „финики“, чего они сюда попали?.. Я думаю, что финики означаютъ—фениксы: должно быть, отцы-базыліяне хотѣли символически выразить ту мысль, что убитыя дѣти—какъ *фениксъ* возродятся для новой жизни въ небесахъ. Не будучи знакомы ни съ фениксомъ, ни съ финиками,—въ какомъ бы то ни было смыслѣ,—колядники селяне поютъ: «фигурныкы», «ехвандрыкы» и т. д. Одинъ разъ мнѣ попалось такое искаженіе этого слова, изъ котораго вышелъ даже подходящій смыслъ:

Праведныи мученыкы
Будуть за насъ «*офирныкы*».

(Т. е. принесутъ себя въ жертву за насъ). Вышло даже какъ будто лучше...

Чтобы не показалось, что именно *мнѣ* попадались такія странныя искаженія, я сдѣлаю слѣдующія выдержки, на примѣръ, изъ сборн. Чуб., (стр. 365. т. III):

Благовистный ¹⁾ въ Назарети!
... Владыко въ Вехлеми...
Тверды вразтай иды ²⁾
Нызько ходыть Боже сонце
Въ дивыченськіи лози ³⁾.
Рада-бъ она осіяты,
Весь свить просвичаты...
... И прынисшы *орнамент* ⁴⁾,
На колинця впадають.

¹⁾ Благовѣстуй.

²⁾ Отверзи врата Эдема.

³⁾ Незаходимое солнце имѣло возсіяти отъ Дѣвы.

⁴⁾ И принесше во храмину.

Тамъ же, на страницѣ 359:

Исусу Хрысту дары:

Лымонъ, смырну ище й злато и т. ц.

Тамъ же, на стр. 333:

Выплакала за насъ гришныхъ въ Каменци-Подольску,
Тры-красна панна зъ высокого маку (sic).

Такъ бьется мысль колядниковъ, желая добраться до смысла непонятнаго текста. Пожалуй, скажутъ:—Но какъ можетъ народъ пѣть такую бессмыслицу? и развѣ ужъ такъ непонятенъ славянскій текстъ?—Значить, непонятенъ. По «корнямъ» народъ не умѣетъ разбираться и потому не узнаетъ напр. въ словахъ «класъ», «млатъ»—колосъ, молотъ; сбиваетъ его и звуковая чуждость флексій, приставокъ: *отверзи*, *дадоша*, *произниче* и т. д. А то обстоятельство, что народъ поетъ искаженный текстъ,—тоже не удивительно: этотъ текстъ, этотъ жанръ,—единственный дозволяемый и даже иногда рекомендуемый; если что и кажется странно, то колядники, пожалуй, тоже думаютъ: «можетъ быть, оно тамъ такъ и нужно!»... Вѣдь это «божественно», въ родѣ молитвы,—а развѣ текстъ молитвъ такъ ужъ понятенъ? Развѣ не говорятъ съ умиленіемъ:—«блажы, дытя, Богородыцю»?.. (вмѣсто «блажити тя»)...

Народъ желаетъ пѣть колядки иного тона, чѣмъ старыя веснянки, у него явились уже запросы иные, онъ желаетъ почитать Рождество *Христа*—«*набѣжною*» пѣсню ¹⁾). Сколько можетъ, народъ приспособляетъ прежнія колядки; какъ новый «благотребный» текстъ рождественскій, ему даютъ—то, что мы видѣли, т. е. вмѣсто хлѣба—камень, да еще какой твердый!

Но обычай колядовать слишкомъ силенъ, а пѣсенное творчество нашего народа тожъ сильно, настолько сильно, что оно и камни перевариваетъ, перетворяетъ ихъ все-таки въ пѣсню,—въ которой вы узнаете все ту-же малорусскую пѣсню, какою мы ее знаемъ въ ея неспорченныхъ образцахъ.

¹⁾ Г. Сумцовъ и другіе совершенно вѣрно указываютъ, что это—преобладающая теперь тенденція колядованья.

Среди многих искаженных «набожных» колядок находим все-таки много прекрасных образцов, которые, будучи соединяемы съ величественными и красивыми мелодіями, — (совершенно въ малорусскомъ духѣ), — являются достойнымъ выраженіемъ приподнятаго душевнаго настроенія колядующихъ. И, конечно, нельзя не пожалѣть, что бѣдная колядка встрѣчаетъ столько препятствій, гоненій и такихъ деспотически услужливыхъ — друзей!

Какія прекрасныя произведенія (даже «въ настоящее время»), могло бы дать, и въ этой области, пѣсенное творчество нашего народа, еслибы оно развивалось свободно, еслибы не приучали народъ смотрѣть съ презрѣніемъ на его слово.

Конечно, на языкѣ чуждомъ творить трудно (на языкѣ латинскомъ тоже еще небыло создано поэтическихъ произведеній даже и въ болѣе интеллигентныхъ сферахъ); но когда народъ отбрасываетъ стѣсняющіе его элементы слова, онъ творитъ.

Предлагаемые ниже образцы представляютъ именно результаты усилій колядующихъ создать осмысленныя «набожныя» пѣсни Риздву.

Я уже говорила, какіе способы онъ для этого употребляетъ: одни элементы выбрасываются, другіе берутся; подставляются, какъ мозаиковыя камушки, мѣста изъ старыхъ пѣсенъ, добавляются новыя вставки, пожеланія и т. д.

Можно было бы дать и больше образцовъ въ этомъ отдѣлѣ, но я не сборникъ колядокъ издаю, а лишь даю для каждаго ихъ типа характерныя образцы.

Эта глава, касающаяся колядокъ-виршей (т. е. колядокъ все же болѣе искусственнаго типа, чѣмъ другія), или «набожныхъ», вышла длиннѣе, чѣмъ прежнія главы; это потому, что колядки послѣдняго типа относятся къ періоду болѣе новому, связи ихъ съ разными другими элементами все-же виднѣе и осязательнѣе, поэтому о нихъ и приходится говорить много. Къ тому-же послѣднія, «набожныя» колядки представляютъ тотъ разрядъ, къ которому теперь преимущественно направляется народный обычай и народная мысль, — тѣмъ болѣе слѣдовало удѣлить вниманія именно этому отдѣлу.

Вотъ самые образцы. Они всѣ—волынскіе и записаны мною лично въ уѣздахъ новоградволынскомъ, луцкомъ и ковельскомъ.

№ 1.

Добрый вечеръ тоби,
 Пане господарю,
     Радуйся!
 Ой радуйся, земле,
 Сынъ Божый народывся!
 Чы чувъ-еси тую
 Веселу новыну,—
     Радуйся...
 Що у Бетлеми
 Хрыстось народывся,—
     Радуйся...
 Пречыстая Дива
 Его породыла,—
     Радуйся...
 Его породыла
 Весь мырь звеселыла,—
     Радуйся...
 Земля процвитае,
 Сыне море грае,—
     Радуйся...
 Сыне море грае,
 Хвалу повидае!
     Радуйся!
 Ой радуйся, земле,
 Сынъ Божый народывся!

№ 2.

Ой на Ордани, въ недилю рано,
 У вси дзяоны дзвонено,
 Дзвонено.
 Грай, море, грай

Въ недилію рано,
Раненько!

Идїть мыряне, вси Ордїяне.
Витать Хрыста Господа,
Господа.

Грай, море, грай
Въ недилію рано ..
Хто грихы чуе, хай спокутуе
Ласкавому Богови,
Богови.

Грай, море, грай...
Богъ грихы возьме, на себе прыйме,
Буде душа чыстая,
Чыстая.

Грай, море, грай,
Въ недилію рано...
Одчынить тому небесну браму
До раю пресвитлого,
Свитлого!
Грай, море, грай,
Въ недилію рано,
Раненько!

№ 3.

Ой дывнее нарожденне Божого Сына,
Его-жъ бо намъ породыла Дива Марїя.
Народывся Исусъ Хрыстосъ у Дивы Панны,
Нихто жъ теи не дознався Божой тайны.
Дозналися два анголы зъ неба летючы,
Въ ясну зорю оповывшы, Хрыста несучы.
Ой спивалы жъ два анголы, Хрыста несучы,
Въ яселечка убогїи ёго кладучы.
Надъ тымъ мистомъ, надъ вертепомъ, тамъ дыво стало:
Мале дытя нарожденне свить осяяло.
Осяяло небо й землю, урадувало
И дыво всимъ предывнее воно зъявло:

Що на Риздво Хрыстовее ричкы розлылысь,
 Що на Риздво Хрыстовее садкы розцвилысь.
 Дывуются тому люде й малыи диты,
 Що розцвилысь на Рожество рожевыи квиты.
 Мали диткы-пастушата витаты прыйшылы,
 Ягняточко биленькее Хрысту принесли;
 И тры цари приходылы, поклонъ даючы,
 Рожденному безсмертному дары несучы.
 Одынъ дае срибло, злото, другый мыруе,
 А третій царь зъ рожы квитку у ручку дае.
 Дай намъ, Хрысте добротлывый, тее здарыты,
 Щобъ зъ тобою въ царстви твоимъ на вики жыты! (Звяг.).

Кромѣ первыхъ четырехъ строчекъ, очень сходныхъ съ текстомъ польскимъ, въ дальнѣйшемъ содержаніи колядки сходства этого нѣтъ: дальше она представляетъ народную обработку сюжета, гдѣ старые образы и представленія переплелись съ новыми.

 № 4.

Нова рада стала,
 Що на неби хвала,
 Надъ вертепомъ звизда ясна
 Увесь свить осіяла.
 Тамъ Хрыстосъ явився,
 Въ Дивы народывся,
 Сотворытель всѣго свита—
 Въ яслахъ положывся:
 Не въ гарныхъ палатахъ,
 Не въ дорогыхъ патахъ,
 А у стайни, на синечку,
 Помежы быдлята.
 А пречыста Маты
 Его пыльнувала,
 Всѣму мыру щастя-доли
 У Его благала.

Пастушкы зъ ягняткомъ
 Передь тымъ дятяткомъ
 На колинця упадають,
 Хрыста-Бога выхваляють.
 Просымъ тебе, Царю,
 Небесный владарю,
 Даруй лита щаслывыи
 Сёго дому господарю,
 Пану господарю
 Й пани господини,
 И старому, и малому,
 Всій ёго родыни.

№ 5.

Даръ ныни пребогатый изъ неба прыйде,
 Яко капля каплющая на землю впаде.
 Богъ одъ Дивы чыстой на свить народывсь,
 Яко сонцемъ праведнымъ весь мыръ освитывсь.
 Яко небо яснее вертепъ явывся,
 Де въ яслахъ убогихъ Богъ положывся.
 Анголы на крылахъ тамъ ся зблыжають,
 На облаци веселыи песни спивають:
 «Слава въ вышнихъ Богу», «слава Господу»...
 Даруй, Боже, многи лита, хто въ дому сёму.

№ 6.

Ангелы на землю зъ неба злитають,
 Голосомъ прекраснымъ песни спивають:
 «Слава въ вышнихъ Едыному,
 Богу зъ Дивы рожденному,
 И на земли мыръ»!
 А Ёсыпъ старенькый пры яслахъ стоить,
 Малому дятяти пелены строить,

Маты Божая спивае,
 Къ серцю сына прыпадае,
     Радосте моя!
 Ой Сыну мій, Сыну, райскій мій квите!
 Даруй, Сыну мылый, щобъ тіи диты,
 Що за тебе постраждали,
 Вично въ неби царствовали,
     Утихо моя»!
 Иродъ соби пекло вичне зготувавъ,
 А Хрыстось младенцямъ винаць дарувавъ,
 Же невынно постраждали,
 А зъ Нымъ радисть миру дали
     На вика виковъ!

 № 7.

Предвичный Богъ на земли вродывся,
 Хотячы землю просвитыты,
 Одъ темности одведе
 И до свитла приведе
     Гришныхъ насъ.

Прывыкай, Панно, сповываты,
 Прывыкай Сына цыльнуваты;
 Цилу ничку свитыла,
 Волю ёго чыныла,
     Мусила.

А волы надъ нымъ поставалы,
 Дышучы, Его зогривалы,
 Створытеля своего,
 Знають Пана нашого
     Й быдлята.

Прыбулы цари изъ дарамы,
Виталы Хрыста зъ пастухамы,
Бо всіхъ звизда прывела,
Всімъ дорогу вказала
Къ Царю всіхъ.

Новыи лита зачынае,
Новый Царь царя подолае,
Убого ся народывъ,
Богатого засмутывъ,
Ирода.

Ой Иродъ зъ того засмутывся,
Що Хрыстось на свить народывся,—
Казавъ его шукаты,
По всіхъ свитахъ пытаты
Для зрады.

Йосыпе, беры-жъ ты Марію,
Избранну чыстую лелію,
Треба Хрыста сховаты,
На поталу не даты
Ироду.

Ничъ тоди мисячна прыпала,
Якъ Панна зъ сыномъ мандрувала,
Вона-жъ Его завезла,
Вона-жъ Его занесла,
Сховала.

Ироде, ты царю злостывый,
Ироде, ты жъ немьлостывый,
Дармо диты стынаешъ.
Уже Хрыста не знайдешъ
Во вики.

Ироду не уподобимся,
 А Хрысту уси поклонимся,
 Щобъ одъ гряхивъ одвертавъ,
 Свое царство дарувавъ
 На вики!

(Полонное).

№ 8.

Выдыть Богъ, выдыть Створытель, що весь мыръ погыбае,
 Архангела Гавріила изъ небесъ посылае:
 Возвистыты всимъ новыну,
 И щасливую годуу,
 Що родывся Вызвольтель,
 Всёго мыру Спасытель.

Триє цари зъ пастушками до ёго прыхожають,
 Дары несуть, поклонъ дають, на колина впадають.
 А злый Иродъ засмутывся,
 Що царь добрый народывся,—
 Свои слугы посылае,
 Его смерти шукае.

Идутъ слугы, чынять волю, диточокъ выдырають,
 Немовлятокъ гострымъ мечемъ на очахъ посикають.
 Лежать сыны—соколочки
 Лежать ныни якъ снопочки,
 Вы жъ, матери, не вбывайтесь,
 И слизьми не вмывайтесь!

За своимы диточкамы перестаньте рыдаты!
 — Ой якъ маю перестаты, я жалибная маты!
 Иродъ диты убывае,
 Мени сердце умливае,
 Я жалибная маты,—
 Якъ мени не рыдаты!—

Не плачь, маты печальная, не вбывайся ты ныни,
 Не розношуй смутни гласы по глыбокій пустыни.
 Твои диты царство мають,
 Немовлята въ винцяхъ сяють,
 Вони въ Бога пробувають,
 Тоби доли благають.

— Ой щожъ мени по тій доли, —я нещасная маты!
 Буду плакаты, рыдаты, буду Бога благаты:
 Приймы, Боже, душу й тило,
 Щобъ серденько не болило;
 На щожъ мени въ свити жыты,
 Якъ дитокъ не выдиты!—

(Зап. отъ лирника, въ г. Звягль).

№ 9.

Цвить змысленный ныни розцвивсь,
 Богъ на земли народывсь,
 А пречыстая Марія, прекрасна лелія,
 Нарождае и кохае
 Сына годуе, ёго пыльнуе
 У пустыни, у яскыни,
 Преславно ныни.

Пастушкы тамъ прыспили
 Бога въ яслахъ узрили,
 Хрыста Бога витають, щырымъ сердцемъ благають:
 Приймы виру за офиру,
 Преблагый Боже, бильше не можемъ
 Даривъ даты зъ бидной хаты,
 Опречь ягняты.

Триє цари тежъ прыйшлы,
 За звиздою слидомъ ишлы.
 Дороги дары складають, на колина упадають,

Рожденному, безсмертному,
 Богу владарю, высшому Царю
 Свои троны и короны
 Одають вони,
 До вертепу вси ходимо,
 Зъ ангелами прославимо,
 Въ людській вроди явленного, одъ Маріі рожденного,
 Бога свята, мижъ быдлята,
 Выдымо ныни, въ яслахъ на сини,
 Бо зъ-предвика—чоловика
 Возлюбивъ Господь.

(Полонное).

 № 10-а.

Новая рада свиту ся зъявила,
 Пречыста Панна сына породыла.
 У Бетлеми мисти вельмы рано
 Витаты Пана пастырямъ казано.
 Ясная звизда зъ вечора сіяла,
 Царямъ звиздарямъ шляхъ показувала.
 Принесли ёму дары, срибло-злато,
 Достануть плату небесную за-то.
 Иродь злослывый зъ того засмутывся,
 Що Царь предвичный на свить народывся;
 Наказавъ слугамъ Хрыста одшукаты,
 Дволитни диты у-пень постыналы.
 Малыхъ немовлять усихъ постыналы,
 А межы нымы Хрыста не досталы.
 Нехай же Иродь вично погыбае,
 Нашъ Пань рожденный всихъ насъ потишае.
 А мы изъ того уси веселимся,
 Хрысту Рожеству нызенько вклонимся.

(Полонное).

№ 10-6.

Новая рада свиту заявила,
 Де чыста Панна сына породыла.
 Наказавъ Гыродъ землю руйнуваты,
 Нарожденного дытятка шукаты.
 Найшлы дытятко у поли вповыте,
 Въ ясельцяхъ лежыть, щей синцемъ прыкрыте.
 А съвятый Йосыпъ дрибныи лысты пыше,
 Лысты пышучы, дытятко колыше:
 — «Ой люляй, люляй, маленьке дытятко,
 Ой люляй, люляй, небесне пахольятко!—
 Беры, Йосыпе, Марію за жону,
 Втикай, Марію, въ чужую сторону.
 Въ чужій сторони нашъ Царь погыбае,
 Гыродъ проклятый на огни погарае.
 А мы изъ того уси веселимся,
 Хрысту--Рожеству нызейко поклонимся!
 (С. Запрудье, ковельск. уѣздъ).

Кромѣ этихъ десяти образцовъ, помѣщаю еще одну волын. колядку-виршу; она навѣрное не народная,—пожалуй, даже «полуинтеллигентъ» изъ народа такой псалмы не могъ-бы сложить; но я все-таки её помѣщаю, такъ какъ считаю её интересной, хотя бы въ томъ отношеніи, что она показываетъ, какъ даже довольно «возвышенную» мысль (какая лежитъ въ основѣ этой псалмы) можно выразить, не прибѣгая къ напыщенному, изломанному языку, а самыми простыми словами простого народа. Знатоки же нашей пѣсни и вирши пусть рѣшатъ, кто и когда могъ сложить эту рождественскую пѣснь:

Пречистая Маты,—
 Якъ зоря свитыла,—
 Надъ Сыномъ седила,
 Дытятко глядила, (2)
 Писни Ему пила,—
 Пречыстая маты!

Пречыстая маты!
 Колыбъ ты то знала,
 Яку долю дала,
 Сынови, що мала,—(2)
 То ты-бъ заплакала,
 Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты,
 Дознаешъ розлуку:
 Визьмутъ Его дуку, ¹⁾
 Пробьютъ Ему руки,
 И завдадутъ муку, (2)
 Пречыстая маты!..

—

Пречыстая маты,
 Колыбъ ты дозналась,
 На що мука здалась,
 За що кровь проллялась,—(2)
 То ты-бъ усмихалась,
 Пречыстая маты!

—

Пречыстая маты
 Усе тее знала,—
 Слизонькы втырала,
 Дытя забавляла, (2)
 Себе розважала,
 Пречыстая маты!

 IV.

Намъ остается сказать о колядкахъ юмористическихъ. Споры о томъ, откуда пошли юмористическія вирши-колядки и вирши воскресенскія, а также пародіи,—отъ драмъ, отъ школы, или народа,—упрощается, если не соединять ихъ всѣ, или хотя-

---

¹⁾ Этотъ мотивъ есть и въ народн. колядкахъ.

бы только юморист. вирши-колядки, *въ одинъ разрядъ*. Юмористическія колядки очень разнообразны по своему составу и когда ближе и подробнѣе присмотрѣться къ нимъ, тогда видно, что однѣ несомнѣнно чисто народныя, сочиненныя простѣйшими колядниками, другія могли быть произведеніями школьниковъ, а третьи м. б. и совсѣмъ ужъ «письменныхъ» людей. Хотя, конечно, это будутъ *типы*; но совершенно неподвижныхъ границъ нѣтъ и между ними.

Образчиками народной юмористической колядки могутъ служить слѣдующія (тоже записанныя, мною же, на Воляни):

1.

Мы колядували,
Мы васъ виншували,—
Намъ ни перижечка,
Намъ ни шеляжечка,
Ничого не дѣлы;
Посунемо дали,—
Де перигъ почуемъ,
Тамъ заколядуемъ.

2.

Господыненко,
Наша матинка,
Дайте-жь бо вы намъ
Хоть два перижка,
А ковбасочки
Для закусочки...

3.

Чи вы жыдове
Чы вы туркове,
Чи въ васъ печене
Ще не готове?
Дарить, не дарить,
Та насъ не барить:

Холодни святкы,
Короткы свыткы,
Померзлы лыткы...

Очевидно, что это просто веселыя шутки, (которые ни для кого не обидны), вызванныя тѣмъ, что время праздничное, молодежь ходить гурьбой и болѣе чѣмъ когда либо склонна къ шуткѣ.

Къ тому роду чисто народной невинной шутки я отношу и слѣдующія пародіи на извѣстныя серьезныя колядки:

4.

Нова рада стала,
Що хлиба не стало,
А вы тее, люде, знайте,
Перижечкивъ намъ давайте.
Якъ буде ще й кнышыкъ
И повная чара,
То скажемо—«спасы боже,
Сѣго дому господара»!

5.

Ой на ричци на Ордани,
Нема хлиба, ходимъ дали,
Нема хлиба ни кавалка,
Ходимъ, ходимъ до Мыхалка;
Нема хлиба ни скорынкы,
Ходимъ, ходимъ до Марынкы.

6.

Китъ змысленный десь ся зявивъ,
На полыци горщыкъ розбывъ;
Треба ёго уловыты,
Треба добре набыты,
Нехай знае, памъятае,
Мыши най ловыть, мыши най гоныть,

Не въ пустыни, не въ яскыни,
А въ насъ въ комори и т. д.

7.

Нещасный' на свить я вродѣвся,
Пишовъ на лидь, та й лидь завалывся,
И сокырку загубывъ,
И свыточку замочывъ,—
Що до крышкы!

И такъ далѣе, цѣлая комич. эпопея,—къ рождественскимъ сюжетамъ никакого отношенія не имѣющая.

Было бы невѣрно видѣть въ этихъ послѣднихъ номерахъ, представляющихъ пародіи на серьезныя колядки, профанацію послѣднихъ; эти пародіи—выражаютъ тоже лишь невинный юморъ; дѣйствительно, забавнымъ выходитъ, когда серьезно-размѣреннымъ голосомъ поютъ шутливую вещицу,—но этимъ, да повтореніемъ перваго стиха колядки, (или половины его), все пародированіе ограничивается. При томъ эти пародійки никогда не исполняются вмѣстѣ съ серьезными колядками, гдѣ нибудь у чужихъ людей, при хожденіи съ колядою; онѣ поются дома, (и не только на Рожд., а когда придется), какъ дѣтская или домашняя шутка. Серьезной колядки онѣ не профанируютъ; каждый родъ остается на своемъ мѣстѣ и при своемъ значеніи.—Сочинить пѣсенку-пародійку можетъ каждый, кто помнитъ мотивъ колядки и желаетъ пробовать свои способности къ юмористическому творчеству. Нѣсколько иного характера слѣдующія юмористическія вирши, имѣющія отношеніе къ рождественскому циклу и его темамъ. Это уже произведенія, требующія нѣкоторыхъ книжныхъ знаній,—правда, не особенно большихъ,—но все же знаній, которыми масса народа не обладаетъ. Вѣроятно, эти вирши сочинены «полу-интеллигентами» изъ народа: «подканцеляристами», или-же духовными лицами низшаго ранга.

Впрочемъ, такъ какъ это жанръ юмористическій, то можетъ быть въ сочиненіи нижепомѣщаемыхъ виршей принималъ участіе

и кто-нибудь болѣе письменный и значный. Здѣсь я какъ разъ хочу сказать, что область «смѣшного» была именно такою, куда у насъ охотно допускался народный языкъ и въ старое время. Это можно видѣть на текстѣ старинныхъ драмъ, между прочимъ рождественскихъ, включительно до кукольнаго вертепа: для хора, для рѣчей лицъ сколько-нибудь важныхъ, употреблялся языкъ церковно-славянскій, — лица эти говорили всё серьёзные рѣчи, — но если на сценѣ происходило что нибудь «смѣшное», то ужъ тамъ имѣлъ право гражданства — малорусскій языкъ. Такое его употребленіе наши старые авторы различали даже въ своемъ домашнемъ обиходѣ; въ этомъ отношеніи очень любопытны два отрывка изъ писаній о. Нарушевича ¹⁾: когда Нарушевичъ посылаетъ шутливое приглашительное письмо пріятелю, онъ пишетъ такъ:

Отець Иванъ, Петро й Степанъ
 Зъ своїми жѣнками,
 Просимъ до насъ хотя на часъ
 Приѣхать святками.
 Будемъ гулять и зухвалять
 Рожденного Бога,
 Уже до насъ просто одъ васъ
 Зроблена дорога.

Складъ и даже отдѣльныя выраженія чрезвычайно похожи на тѣ же въ юмор. виршѣ, приводимой ниже. Тотъ же Нарушевичъ, посылая благодарность одному изъ духовныхъ лицъ за какое-то «особливое благодѣяніе», пишетъ такъ:

«О неисчетни судьбы! о благодать премного!» и т. д.

Поэтому возможно, что *комическую* виршу въ народномъ духѣ могъ сочинить и какой-нибудь настоящій интеллигентъ того времени.

Я имѣю въ виду ту пасхальную виршу, которую, будто бы говорили запорожцы Потёмкину и главное содержаніе которой

¹⁾ П. И. Житецкій, Энеида, — предисловіе.

касается выхода Адама и прочих праотцевъ изъ адскаго плѣна. Любопытно, что совершенно то-же содержаніе вставляется и въ *рождественскую* виршу (почему я и говорю объ этой виршѣ). Такое пользованіе мотивомъ избавленія отъ ада совершенно возможно и въ рождественской виршѣ, потому что въ нѣкоторыхъ священннхъ текстахъ уже самое Рождество Христа побѣждаетъ дьявола и сокрушаетъ «врата адовы». Я позволю себѣ сдѣлать краткую выдержку изъ обѣихъ опубликованныхъ уже виршей, пасхальной и рожд.—одного содержанія:

Рождест. вирша 1).

Хрыстось родывся,
Мырь звеселывся,
Сегодняшними часы
Для сыхъ родынъ
Всякъ христіянннъ
Уменае ковбасы.

(пропускаю 2 строфы)

Бо вже на свить,
Якъ рожи цвить
Хрыстось народывся,—
Винъ адъ стребыть,
Чорта смырыть,
Щобъ той не гордывся.

Пасхальная вирша:

Хрыстось воскресъ,
Радъ мырь увесь,
Диждалысь мы божой ласкы,
Теперь вже всякъ
Найдется въ-смакъ
Свяченой паскы.

Вси гуляють,
Прославляють
Воскресшого бога,
Бо вже тая
Всімъ до рая
Протерта дорога.

Пропавъ той страхъ, теперь той шляхъ до раю протертый,
Безъ сторожей вси навстежей ворота одперти.
Пропавъ той страхъ, зарись той шляхъ купьямъ та болотомъ,
Де той злый духъ глытавъ якъ мухъ ненасытнмъ ротомъ.
Кать бы ихъ ма, у ихъ нема никому и спуску:
Хоть бы чернець, або святець,—осмалыть якъ гуску.
Бидна Ева одну зъ древа вырвала кыслычку,—

1) Напечатана по записи К. В. Болсуновскаго, со словъ Ан. Ал. Порохонской. Варіантъ ея сообщ. С. И. Пономаревымъ, въ Кіев. Ст. 1882 г. дек.

Збула власти, треба прясты на гребени мычку.
 За ту йиду Ева биду заслужыла сію,
 Нечесть Адаму, що ажъ за браму выбылы у шыю и т. д.

Стихи, идущіе по серединѣ страницы, совершенно одинаковы въ виршахъ—рождественской и воскресенской (какъ это можно видѣть и по другимъ опубликованнымъ записямъ). Дальше въ обоихъ виршахъ одинаково говорится о пораженіи,—съ приходомъ Христа,—Вельзевула и о радостномъ выходѣ заключенныхъ, изъ ада. Слѣдовательно, главное содержаніе вставлялось въ виршу, смотря по времени, то въ одно привѣтствіе съ праздникомъ (Рождества), то въ другое (Пасхи); измѣнялся текстъ въ началѣ, а также и въ концѣ: въ одной редакціи вирши пасхальной въ концѣ высказывается извиненіе, что вирша говорится (одному духовному лицу)—безъ поднесенія писанки; а только что цитированная *рождественская* вирша кончается такъ:

Сю виршу, папове, що празныка чытаю
 И святымъ Рожествомъ васъ поздоровляю.

Какъ рѣшить теперь, куда *прежде* попало главное содержаніе вирши?

Я не буду останавливаться теперь на этомъ вопросѣ, возвращусь къ связи вообще юмористическаго виршевого творчества съ народнымъ матерьяломъ. Думаю, читатель согласился, что выдержка изъ письма о. Нарушевича имѣетъ чрезвычайное сходство съ началомъ пасхальной вирши («протерта дорога»), а также и рождественской. Весьма вѣроятно, что подобный же авторъ, изъ старинной интеллигенціи, могъ и цѣлую праздничную виршу написать; но откуда взять источникъ для нея?

Въ вариантѣ рождественской вирши, сообщенной г. Пономаревымъ, рисуется далѣе картина веселья праотцевъ послѣ освобожденія изъ пекла:

Беруть жинокъ, ведутъ въ танокъ, затыкавши полы...
 Пророкъ Давыдъ тамъ же сыдыть и въ кобзу играе...

Чорнявий Хамъ сыдыть тежъ тамъ и рижѣ въ сопилку,
Самъ добре пѣе и всимъ дае квартою горилку и т. д.

Такіе *мотивы* находятся также и въ шутивныхъ колядкахъ, они не составляютъ непременно принадлежности виршей-ораций, равно какъ и перемѣна тона изъ серьезнаго на шуточный, не составляетъ, по моему, кореннаго отличія виршей отъ колядокъ, а также не можетъ быть признана «рѣшительнымъ признакомъ преобладающаго вліянія виршей-ораций на вирши-колядки», а скорѣе наоборотъ. И простонародная колядка часто освобождалась отъ «условныхъ формъ церковной лирики» (колядокъ набѣжныхъ). Да и вирша-орация, рождественская, не всегда была юмористической, напротивъ, какъ мы видѣли въ типичныхъ образцахъ, даже короткая вирша-орация, рождественская—поздравительная, брала очень серьезный тонъ (по содержанію и языку); если же спускалась до юмористическаго трактованія сюжета, притомъ—народнымъ языкомъ, то это было, конечно исключеніемъ для тяжелой ораціи, а не типическою чертою.

Собственно говоря,—то-же, что и въ колядкахъ; но для вирши-орации, т. е. вирши письменной,—конечно, болѣе исключительна юмористическая окраска сюжета, съ коренной перемѣной языка, чѣмъ для народной колядки.

Можетъ быть, дальнѣйшіе розыски дадутъ больше образцовъ юмористической вирши, тогда можно будетъ лучше видѣть генетическія связи народной колядки и вирши. Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что юмористич. элементъ въ народныхъ колядкахъ-шуткахъ существовалъ въ нихъ независимо отъ орацій.

Конечно, авторъ такой вирши, какъ приведенная выше, (рожд. или пасх.—можно считать какъ угодно, вообще *праздничная*) могъ, какъ человекъ письменный и владѣющій стихомъ, несравненно шире разработать ходячій мотивъ, а юморъ обнаружить еще болѣе тонкій. Цитированная вирша, въ своихъ полныхъ текстахъ, представляетъ замѣчательно остроумное произведеніе.

Какъ жаль, что наши старинные писатели виршъ такъ рѣдко спускались со своего силлабическаго Парнаса къ народнымъ мо-

тивамъ и народной рѣчи,—въ сущности такъ еще имъ близкимъ и извѣстнымъ! Могли бы создать въ области юмора цѣлую литературу (если ужъ не считали народный языкъ достойнымъ и умѣстнымъ въ *серьезныхъ* областяхъ),—«та ба!»..

Въ дополненіе къ мысли о необходимости большихъ поисковъ виршевого матерьяла, думаю, что слѣдовало бы не пренебрегать архивнымъ «хламомъ» старыхъ польскихъ коллегіумовъ на Волыни; возможно, что тамъ найдутся интересныя работы учениковъ-волынцевъ.

На это предположеніе наводятъ сцены Гаватовича, давшего въ своемъ текстѣ (противъ другихъ извѣстныхъ текстовъ «вертепа») наибольшій доступъ малорусскому языку,—допустивши его даже въ *серьезной* части драматическаго текста! А Гаватовичъ какъ разъ принадлежалъ школѣ—польской.

Такъ какъ сюжетъ объ освобожденіи пекельныхъ плѣнниковъ является общимъ для воскресенской и рождественской драмы, то слѣдуетъ напомнить о томъ, что этотъ сюжетъ выводятъ (М. П. Драгомановъ, а потомъ И. Франко) изъ вертепной драмы, западно-европейской, давшей начало и нашей. Дѣйствительно, тотъ отрывокъ, который М. П. Драг. приводитъ ¹⁾ изъ нѣмецкой драмы 14-го в. (разговоръ Вельзевула съ ангелами и пр.—сцена въ пеклѣ) очень напоминаетъ, какъ мотивъ, содержаніе нашей вирши. М. П. Драгомановъ говоритъ, что и вообще въ этой области было такъ: «Рождественска драма вкочувалась зъ вертепу до звизды и дали до вирши и колядки» ²⁾. Впрочемъ, *какая* колядка имѣлась въ виду? Есть несомнѣнно и *такія*, которыя сохранились отъ вертепа ³⁾, какъ подставленныя къ его содержанію. Во всякомъ случаѣ, какъ *одинъ изъ путей*, указаніе М. П. Драгоманова на тексты западныхъ драмъ—драгоценно: это цѣлая новая область, открытая для интересующихся предметомъ. Содер-

¹⁾ Въ сборникѣ Ватра.

²⁾ Жыття и слово. Т. I, стр. 48.

³⁾ Такова можетъ быть «Нова рада стала»,—сильно измѣненная народомъ впоследствии.

жаніе же того, что представлялось въ верт. драмѣ, конечно, могло быть сюжетомъ и для иной юмористич. ораціи и для нѣкоторыхъ колядокъ, близкихъ польскимъ «пасторалкамъ». Такъ, или иначе, слѣдуетъ обратить вниманіе на польскія *народныя* колядки (вообще очень любопытныя). Онѣ не только не меньше, а гораздо больше нашихъ реализуютъ священныя темы, лица и подробности сюжета (хоть это и кажется страннымъ для людей, незнакомыхъ съ народными колядками «фанатическихъ католиковъ»). Реализація эта обнаруживается во множествѣ веселыхъ польскихъ народныхъ колядокъ; передо мною сборникъ «*pastorałek i koled*» ¹⁾ и въ немъ ²⁾ болѣе ста колядокъ самаго веселаго содержания, съ комическими подробностями: одна колядка говорить о комическихъ препятствіяхъ въ путешествіи пастуховъ (когда они шли поклониться Христу), другая о томъ, какъ «*Józef staruszek*» подпираетъ колкомъ стайню, *Aniołki* подаютъ св. младенцу «*pie-luszcзки*» и т. д. И вездѣ превеселая музыка и танцы.

Вотъ, напр., являются пастухи:

«*Wojtek z budy bieży z dudy,
A mój Łuka bębna szuka,
Andrys z Jackiem na wioli,
Smyczkiem sobie wąsy goli.
«Józef» chwali:—grajcie dali!
Nuż, bandura, różnij mazura! Hej nam hej!*»..

Танцы продолжались такъ долго, что «*staruszek*», наконецъ, взялъ «*batoga*» и прогналъ «пастырей». Но въ иныхъ колядкахъ и *Józef*, видя необыкновенно живые танцы «въ стайнѣ», самъ пускается танцевать и—веселье идетъ общее.

Реальныя и даже комическія подробности ничуть не устраняютъ, иногда въ тѣхъ же колядкахъ, самаго умиленнаго отношенія къ Дѣвѣ Маріи и «*malutkiemu*» Иисусу. Пастыри приносятъ все, что могутъ: «*masła garnuszek*», «*koszyk gruszek*» и

1) Варшавское изданіе 1897 г.

2) конечно, кромѣ колядокъ костельныхъ и вообще серьезныхъ
Томъ 81.—Іюнь, 1903.

т. д., жаляць укрывь, согрѣть «Dziecko», терпящее «zimno», вмѣстѣ съ ангелами приготавлиють ему каpiel, и т. д. Но событие радостное, рождение Христа принесло «wyzwolenie z mocy czarta» и потому—снова «skoczna» музыка и танцы...

Dali Mu ofiary, a drudzy bez miary
 Płasali hoc, hoc, hoc mazurka.
 A z tej się ochoty Dziecina śmiała,
 Na dudki paluszkiem skazowała;
 A w tem Maciek porwawszy dudy wielkośne,
 Dzieciątku piosneczki grał rozkoszne;
 Jedni tańcowali, w podkòwki krzesali,
 A drudzy hola! hola! śpiewali...

По случаю «вызволенья» вспоминають и о праотцахъ:

Z raju pięknego miasta
 Wygnana jest niewiasta,
 Dla jabłka skuszona.
 Wędrujże, Ewo, z raju,
 Już cię tu dobrze znają...

А вотъ другая колядка говоритъ очень сходно съ нашей виршей:

... «Bóg się narodził, aby odkupił
 Człowieka mizernego
 Od czarta przekłętego.
 Ten wąż sprawił, iż zaraził
 Adama, ojca naszego.
 O nędzna Ewo, o mizerna Ewo!
 Cożes ty uczyniła!
 Jabłko skusiła, raj opuściła...
 ... Zdejm manele, pójdz do kądziele, ¹⁾
 Weźmij motyczkę, także przesliczkę,
 Zarabiaj sobie chleba»... и т. д.

¹⁾ «Кудель»—пряжа.

Въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о радости всѣхъ и всего по случаю пришествія Христа и освобожденія изъ ада.

Я не хочу сказать, что наши вирши, или нѣкоторыя наши колядки заимствовали свои мотивы изъ польскихъ колядокъ; но послѣднія даютъ доказательство тому, что въ народной колядкѣ также могутъ быть такіе мотивы ¹⁾; а если они есть въ родственномъ и сосѣднемъ творествѣ народномъ, то вполнѣ возможны и натуральны также въ нашей колядкѣ. Поэтому встрѣчая такія колядки, какъ слѣдующія, не обязательно считать ихъ отраженіемъ вліянія вирши, или ораціи, а можно признать ихъ чисто народными. Очень вѣроятно, что и юмористическія вирши съ рождественскими мотивами и такія же колядки (польскія и наши) имѣютъ общимъ источникомъ вертепныя и всякаго рода иныя дѣйства, для которыхъ послужили образцомъ западноевропейскія средневѣковыя мистеріи и другія представленія (между прочимъ *Paradiesspiele*). Мотивы этихъ дѣйствъ, какъ серьезные, такъ и комическіе, переходили и въ виршу и въ простонародную колядку.

Во всякомъ случаѣ слѣдующія колядки записаны мною (на Волыни-же) отъ пѣвцевъ изъ народа:

1.

Вставай-но, Мыкыто,
 Бери кобенякъ,
 Иды виншуваты,
 Говорывъ намъ дякъ.
 Взялы бубна, взялы скрыбку,
 На дорогу хлиба й рыбку,
 Хутко подальсь.
 Прыйшли мы до стайни,
 Ажъ тамъ панятко,—
 Марія и Йосыпъ
 Глядятъ дытятко.
 Мы-жъ не знали, кому граты,

---

¹⁾ Какъ въ приведенной юмор. праздничной виршѣ.

Кого саме выхваляты,—
 Утялы для всихъ!
 Гей! утялы для всихъ!

(Поется на мотивъ очень веселый, въ родѣ плясового).

2.

Хрыстось народывсь,
 Весь мырѣ звеселывсь,—
 Ну-мо граймо, та спиваймо,
 Рожденного выхваляймо,
     У Бетлеему, у Юдейському!
     Гей, у Юдейському!
 Визьмимъ барана,
 Несимъ до Пана;
 Пишовъ Сава по переду,
 Сколотывъ винъ всю череду
     У Бетлеему, у Юдейському!
 Барана взялы,
 Дуду забулы,
 На которій писню граты,
 Рожденного выхваляты,
     У Бетлеему, у Юдейському!
 Взялы цымбалы,
 До стайни прийшли;
 Коло ясель старый Йосыпъ,
 Оберемкомъ сино носыть,
     У Бетлеему, у Юдейському.
 Радистъ же намъ, радистъ,
 Радистъ не мала,
 Якъ загралы у цымбалы,
 Стайня двыжала!
 Танцювали по всій стайни,
 Ще й хотили на Ордани,—
 Не позволено, заборонено!

3.

На высокій гóри,
Пры святимъ собори,
Святи собиралысь,
Сей день празнува́лы,—
День Рожество!

Со духамы невыдыми,
Съ ангеламы херувымы,
День Рожество!

Съ того свиту батько,
Охотныкъ порядкомъ,
Засивъ одъ востоку,
А пророкы збоку,—
День Рожество!

По за столомъ священныкы,
Передъ столомъ мученыкы,
По прыпиччу молодыци,
Коло ихъ сыдятъ дивыци,—
День Рожество!

Мыколай нашъ чесный
Взявся до почесты,
Перехылывъ жбана,
Перепывъ до Йвана,
Гукнувъ вельми на Параску:
— Подай мени зъ медомъ пляшку!
Клыче Грыцько Гната,—
Здоровъ пане брате!—
Онохрій Пахнума:
— Пый до мене, куме!—
Клыче Грыцько Василя:
— Пыйте добре, буду й я!—
Мыхаиль у трубу
Загравъ на всю губу,
На цымбалы Илько,

А на бась Гаврылко.
 Сіонскія дочки
 Заграйте въ скрыбочкы!
 Музыкы загралы,
 На то зготувалы.
 — Святыи боже, святыи крипкый,
 Вы въ цымбалы, а мы въ скрыбки!—
 Гукае Мыкыта:
 — Добра оковыта,
 Дуже смаковыта!
 Пыйте, гости, вси горилку,
 Ты, Матвійку, грай у дудку!—
 А дали Мыкыта
 Вже ставъ выгонныты:
 — Годи гомониты,
 На вечерню йдите!—
 День Рожество!

(Полонное).

Варианты этихъ юмористическихъ колядокъ есть въ сборникахъ Чубинскаго и Головацкаго.

4.

Калядувать я не вмю,
 Просыть дармо не насмію,
 Скажу вамъ казку,
 А вы укыньте въ торбу ковбаску.

Якъ Сусь-Хрыстось народывся,
 Зозуля кувала,
 Вона ему трыдцять рокивъ
 Жыття вищувала.
 — Бреше пташка,—мало вику!...
 Господь такъ сказавъ,
 А якъ поживъ бильше въ свити,

То й самъ угадавъ...
 Не вспивъ же винъ родытыся,
 Вже Иродъ шукае;—
 Та на мудрій тій ослыци
 Дытятко втикае.
 Край Ордани, у пустыни,
 Хрыстосъ жыты ставъ;
 Ишли къ Ему цилытыся,
 Ишли къ Ему хрестытыся,
 Ишли къ Ему учытыся,—
 Усимъ догожавъ.
 Якъ за добро жъ обынылы,
 И на муки засудылы,
 То хтожъ ратувавъ?
 Той за ёго сторгувався,
 Той прылюдно одцурався,
 Третій нышкомъ заховався,—
 А все вченикы,
 Перви друзьякы!...
 Зажурывсь тоди Спасытель
 И заломывъ руки:
 — Охъ, вы жъ люды, охъ вы люды,
 Гирши видъ ослюки!
 На що жъ для васъ я рождавсь?
 На що для васъ я страждавсь?—
 Таки-жъ вы падлюкы!..
 —
 Люде добри, чи дасте жъ вы
 Ковбаску у руки?

Послѣднюю виршу считаю не народною и позднѣйшаго происхождения. Она напоминает такія стихотворенія, какъ Руданскаго, — въ которыхъ обработанъ въ стихотворной формѣ народный анекдотъ, рассказываемый въ прозѣ. Есть въ народѣ прозаическіе рассказы и о святыхъ (изъ хожденія Христа по землѣ).

Можетъ быть, и здѣсь темою послужилъ какой-нибудь разсказъ, въ которомъ была сопоставлена услуга ослицы и недоброе поведеніе людей. Во всякомъ случаѣ обработка темы—искусственная. Начало и конецъ о «ковбаскѣ», очевидно, придѣланы для большаго юмора, (какъ и въ той рождественской виршѣ объ освобожденіи изъ ада). Вирша эта, «казка», дошла ко мнѣ въ рукописномъ сборничкѣ, гдѣ было нѣсколько незначительныхъ бытовыхъ пѣсень, «сонъ Богородицы» и эта вирша; г. Савкевичъ, давшій мнѣ списать эту виршу, увѣрялъ, что она народная: но письменный складъ ея—очевиденъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется. Сборникъ былъ данъ мнѣ въ мѣст. Любарѣ, новоградв. уѣзда.

Мы прослѣдили главнѣйшіе типы колядокъ, по сколько ихъ можно обособить изъ общей длинной цѣпи, указывая связывающія ихъ черты. Отдѣленные типы явились довольно разнообразными и, какъ мнѣ кажется, достаточно доказываютъ своей разнообразностью, насколько ошибочно давать общее, огульное опредѣленіе «колядкѣ». Эволюціонный путь, пройденный колядками, длиненъ и широкъ, поэтому такъ многообразны и формы, которыя онѣ принимали; по сколько мѣнялись поэтическія представленія и религіозныя возрѣнія народа, по столько измѣнялись и эти пѣсни культа, не разрывавшія и съ реальной обстановкой жизни, а также отражавшія въ себѣ различныя настроенія. Все это и запечатлѣлось въ томъ обширномъ и разнообразномъ циклѣ пѣсень, сохранившихся до нашихъ дней въ различныхъ стадіяхъ своего развитія.

Реюмируя все сказанное о колядкахъ, я снова позволю себѣ прежде всего усумниться въ непреложности мнѣнія о самомъ происхожденіи колядокъ и всего ритуала колядованія отъ классическихъ календъ, перешедшихъ къ намъ изъ Византіи; мнѣніе это едва ли можно высказывать такъ рѣшительно, какъ это дѣлается и въ самое послѣднее время,—напр. г. Коробкою, который, подробно разбирая и сопоставляя изслѣдованія г.г. Веселовскаго и Потебни о колядкахъ, говорить ¹⁾, что не ясно то содер-

¹⁾ Изв. Имп. Ак. Н. 1902 г. томъ VII, кн. 3.

жаніе, съ которымъ заимствована была «коляда», но что самое это названіе «несомнѣнно заимствовано», отъ календѣ. Мнѣ же и это положеніе вовсе не кажется несомнѣннымъ, а тоже лишь гипотезой; конечно, трудно доказать заимствованность содержанія колядокъ отъ календѣ, при полной утратѣ для насъ объекта сравненія съ одной стороны,—такъ какъ неизвѣстно, какія пѣсни пѣлись во время византійскихъ календѣ (приводится лишь обычай новогодняго хожденія по улицамъ съ шумнымъ весельемъ и ряженіемъ); но и звуковой близости *названій* коляды и календѣ, которая будто-бы доказываетъ несомнѣнность заимствованія, можетъ съ одинаковымъ правомъ быть противопоставлена звуковая близость названія *коляды* съ славянскими же словами, такими какъ *коло* (вругъ),—образъ, имѣющій непосредственное отношеніе къ солнечному мѣсу и празднику новаго года, новаго «лѣта».

Этотъ вопросъ и съ филологической стороны еще требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія, во всякомъ случаѣ болѣе осторожности при его рѣшеніи; настоящее положеніе его не даетъ возможности рѣшать его такъ категорически.

Что же касается самаго содержанія колядокъ, то несомнѣнно, что какъ самый народъ не былъ изолированъ отъ постороннихъ культурныхъ воздѣйствій, такъ и пѣсни его, относившіяся къ одной изъ главнѣйшихъ обрядностей, могли и даже должны были отражать эти воздѣйствія; но когда рѣчь идетъ о вліяніяхъ, отодвинутыхъ вглубь вѣковъ, чрезвычайно трудно судить, при скудости данныхъ, о самой степени извѣстнаго культурнаго вліянія на *народъ*, на его обрядности и творчество. Не только нельзя уловить, какъ происходило съ одной стороны воздѣйствіе, съ другой стороны заимствованіе и ассимиляція, комбинація старыхъ элементовъ съ новыми,—что представляетъ такой интересъ,—но и самые факты заимствованія являются лишь гадательными.

Вообще древнія культурныя теченія, особенно въ области мѣса,—область крайне трудная для изслѣдованія, факты ея неясны и сбивчивы; новыя данныя, добытыя наукою сравнительнаго изслѣдованія, расширяють область изслѣдованія, но и въ этомъ

случаѣ не всегда даютъ ключъ для уясненія самихъ теченій культурныхъ. Мы говорили вначалѣ,—такъ какъ это относилось непосредственно къ нашему вопросу,—что общность названій новгороднаго праздника оказывается не у однихъ только славянъ и даже не у однихъ лишь народовъ, «подлежавшихъ классическому вліянію», теперь укажемъ еще на слѣдующіе факты: обыкновенно, находя въ нашихъ пѣсняхъ, или прозаическихъ легендахъ рассказъ о сотвореніи міра и отдѣльныхъ предметовъ въ немъ, о борьбѣ при этомъ творествѣ двухъ противоположныхъ силъ, Бога и дьявола, видѣли въ этихъ пѣсняхъ и сказкахъ съ дуалистическимъ началомъ—богумильское вліяніе. Но теперь находятъ легенды съ дуалистическимъ содержаніемъ, чрезвычайно близкимъ къ такому же содержанію нашихъ сказокъ, у отдаленнѣйшихъ азіатскихъ инородцевъ,—совершенно чуждыхъ богумильскому вліянію... Очевидно, что представленіе о борьбѣ добраго и злаго начала болѣе обще; да и почему ему не быть такимъ, когда это понятіе по своей сущности исходитъ изъ первичнаго космогоническаго представленія о борьбѣ и взаимодействіи свѣта и тьмы въ природѣ,—представленія, конечно, присущаго людямъ, стоящимъ хотя бы на самой первичной степени культуры.

Легенду о хлѣбѣ, распространенную у европ. народовъ, нашли недавно въ Китаѣ: населеніе, живущее на вост. отрогахъ Тарбагатая, рассказываетъ, совершенно сходно наприм. съ нашей малорусской легендой, какъ Богъ за непочтительное обращеніе съ хлѣбомъ лишилъ людеи этой пици и только собака выпросила зерно. (Сообщеніе г. Ивановскаго въ Этн. Обзор.).

Такихъ примѣровъ общности легендъ у самыхъ разобщенныхъ народовъ можно указать много, я ограничиваюсь лишь болѣе яркими.

Такъ загадочны направленія и соотношенія культурныхъ теченій. При знакомствѣ съ ними, съ полнымъ правомъ можемъ повторить сказанное вначалѣ очерка, что сходство этнографическаго матерьяла еще не доказываетъ непосредственнаго заимствованія, а часто можетъ указывать лишь на общее болѣе отдаленное родство (въ иныхъ же случаяхъ и случайное совпаденіе).

Въ настоящее время задача изученія колядокъ по сравнительному методу была бы выполнена съ тѣмъ болѣе несомнѣнными и вѣскими результатами, чѣмъ конкретнѣе бы её брали въ области сравненія. Съ этой стороны слѣдовало бы подробнѣе изучить и сопоставить прежде ближайшія между собою, славянскія коляды,—тексты которыхъ не гадательны, а составляютъ точное достояніе науки.

Въ колядкахъ болгарскихъ, сербскихъ и др. есть, также какъ и въ нашихъ, свои градаціи, свои соотношенія элемента книжнаго, болѣе новаго, съ чисто народнымъ, болѣе старымъ. При такомъ разсмотрѣніи сравнительнаго ближайшаго матерьяла колядокъ могли бы получиться и болѣе конкретныя данныя, могущія быть очень интересными также по сравненію этого ближайшаго матерьяла съ нашимъ,—какъ это мы видѣли, коснувшись близости польскихъ колядокъ къ нашимъ (къ этому предмету я надѣюсь еще возвратиться въ особомъ очеркѣ). Въ этихъ случаяхъ, конечно, имѣеть особое значеніе указаніе также тѣхъ характерныхъ народныхъ чертъ, которыя все-же обнаруживаются хотя бы и при извѣстной родственности, вообще близости пѣсенъ.

Но даже, если и не задаваться разыскиваніемъ родственныхъ элементовъ и постороннихъ вліявшихъ источниковъ, колядки наши отлившись,—въ силу какихъ бы то ни было жизненныхъ условій,—въ извѣстныя опредѣленныя формы, въ какихъ мы находимъ ихъ въ данный моментъ,—представляютъ сами по себѣ большой интересъ и значеніе, являясь, какъ пѣсни особой, болѣе важной для самого народа, священно-обрядовой области, съ отпечаткомъ его языка, его поэтической фантазіи, представленій, психологіи и моральныхъ началъ.

Въ какой семьѣ, въ какой сферѣ вліяній былъ нашъ народъ, когда началъ пѣть тѣ колядки, которыя мы обособили въ первую группу, для насъ неясно, но тѣмъ не менѣе для насъ представляютъ значеніе тѣ космогоническіе мотивы, первобытно-идиллическія или героическія картинки, которые мы видимъ въ колядкахъ этого типа. (Перейдя къ колядкамъ болѣе серьезнаго характера, народъ все же не забылъ до сихъ поръ и этихъ,—да

мотивы, образцы ихъ продолжаютъ быть для него близкими и въ другихъ областяхъ обрядовыхъ пѣсенъ, свадебныхъ и обыкновенныхъ веснянокъ).

Далѣе, мы не можемъ сказать, въ какомъ вѣкѣ примѣшалось къ первообразной колядкѣ упоминаніе христіанскихъ божествъ и мотивовъ священной исторіи, но это наивное смѣшеніе элементовъ христіанскихъ съ языческими представленіями—передъ нами на лицо въ колядкахъ слѣдующаго типа и не можетъ не привлекать нашего вниманія, представляя собою очень яркіе факты въ психической жизни народа.

Интересъ еще усиливается, когда мы рассматриваемъ колячки послѣдняго типа, *виршевого*, такъ какъ кромѣ интереснаго содержанія, которое онѣ имѣютъ въ данный моментъ, въ видѣ амальгамы послѣдовавшихъ новыхъ культурныхъ вліяній и старыхъ элементовъ, мы можемъ въ значительной мѣрѣ изучать исторію этой послѣдней формации нашей колячки въ опредѣленномъ историческомъ періодѣ такъ сказать документально.

Въ данномъ случаѣ, какъ показано выше, мы явственно видимъ вліяніе западно-европейское, черезъ посредство польскаго. Въ такихъ обнаруженіяхъ вовсе не должно чувствоваться какое-то «развѣнчиваніе» нашей народной пѣсни: конечно, колядка наиболѣе сложнаго типа тѣмъ паче не могла явиться какъ Аѳина изъ головы Зевса,—отчего ей не быть въ зависимости отъ культурныхъ вліяній,—которыя въ свою очередь имѣли извѣстную преемственность и развитіе.

Говоря въ своемъ мѣстѣ о латинско-польскихъ вліяніяхъ у насъ, мы должны были отбѣнить то, что наши интеллигентныя сферы, прежде всего воспринимавшія эти вліянія, не въ одинаковой степени были близки къ народному творчеству. Конечно, народъ, какъ говорилъ Тяпинскій еще въ 16-мъ столѣтіи, «возводитъ очи къ интеллигенціи» и желаетъ подражать ей,—но при этомъ онъ воспринимаетъ болѣе доступное для него; наша же школьная поэзія была въ общемъ мало доступной для народа, слишкомъ искусственной, далекой по языку и складу отъ народнаго творчества; поэтому, возвращаясь въ частности къ колядкамъ, можно

думать, что не отъ виршей-ораций (за немногими отголосками «виршування» въ комическомъ праздничномъ репертуарѣ), произошли колядки; ближе подошла къ нимъ пѣсня церковная, точнѣе сказать костельная «kołęda», претворившая въ себѣ латинскіе образцы: какъ религіозная псалма, она исполнена была бѣльшого чувства и, что весьма важно, вмѣстѣ съ *музыкальной мелодіей* больше говорила народной лирикѣ, ближе была къ *тѣснѣ*. Тѣсно связанныя съ этой областью сценическія представленія рождественскихъ «яселекъ», тоже соединенныя съ пѣніемъ, дѣйствовали въ томъ же направленіи, вліяя и на серьезный и на комическій репертуаръ колядокъ. Много еще надо положить труда, чтобы разбраться во всемъ этомъ матерьялѣ, но и теперь уже зависимость болѣе новыхъ колядокъ отъ этого вліянія можетъ быть указываема наглядно.

Конечно, народъ *претворялъ* взятые мотивы, измѣняя языкъ и содержаніе пѣсни, добавляя къ ней старыя и новыя частности. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что напр. такая польская «kołęda» какъ «A wczora z wieszora, z niebieskiego dwora, przyszła nam powinna, rodzi Panna Syna» была, пожалуй, и по фонетикѣ и по складу болѣе легкой для усвоенія народомъ, чѣмъ иная наша школьная орація, сочиненная на тогдашнемъ языкѣ «рускаго образованнаго сословія» и по всѣмъ правиламъ пѣитики.

Претворенные, ассимилированные образцы, въ которыхъ иногда можно лишь *уловить* источникъ заимствованія, составили разрядъ совершенно *своеобразныхъ* народныхъ пѣсень, колядокъ «божественныхъ». Поясимъ для примѣра образецъ такой колядки въ нашей 3-ей главѣ, № 4: «Ой дывнее нарожденне»; здѣсь мы видимъ вставку старыхъ образовъ—«въ рожи квитку», которую цари даютъ Христу, и другой, въ высшей степени поэтической, образъ поющихъ ангеловъ,—«въ ясну зорю оповывшы, Хрыста несучы»; въ той же колядкѣ говорится—о разливающимся рѣкахъ и расцвѣтающихъ на Рождество Христа садахъ. Хотя «божественна» колядка вполне смогла усвоить и по своему выразить отвлеченныя, такъ сказать богословскія понятія, напр. о воплощеніи Христа («страждається чоловича врода»), о неземномъ царствѣ

(«щобъ зъ Тобою въ царстві твоімъ на вики жыты»), не говоря уже о часто упоминаемомъ мотивѣ, что народился Царь убогій («не въ пышныхъ палатахъ, не въ дорогихъ шатахъ»), Царь добрый и милостивый, который «засмутывъ» Ирода «злостывого» и «немилостывого»; хотя все это есть въ «божественныхъ» колядкахъ и не мало возвышаетъ ихъ достоинство, но нѣкоторыми прибавками народная передача придаетъ имъ,—среди иныхъ простодушныхъ выраженій,—особенную жизненность и значеніе: такъ, въ лирничкой колядкѣ № 8 совершенно измѣнена (противъ текста богогласника) 2-ая половина колядки, при чемъ такъ ярко выступаетъ образъ «жалібной» матери («на шо мени въ свити жыты, якъ дитокъ не выдиты...»¹⁾); въ другихъ колядкахъ—прибавлено, что Пречыста Маты «къ серцю сына прыпадае» и у него «всему миру щастя-доли благае (см. №№ 4 и 6, въ виду которыхъ я помѣстила и послѣднюю рождественскую псалму, въ 3-ей главѣ,—«Преч. Маты»,—хотя и считаю эту псалму искусственной); устраняя уже въ божественныхъ колядкахъ слишкомъ реалистическія пожеланія, колядка № 4 («Нова рада») все же измѣняетъ обычный конецъ этого типа колядокъ (о царствѣ *небесномъ*) и въ очень распространенныхъ вариантахъ желаетъ «щаслывыхъ литъ» господарю, его «дружини», «и старому и малому, всій ёго родыни». Все это въ связи съ радикальной перемѣной языка воспринятыхъ рождественскихъ псалмъ придаетъ и колядкамъ божественнымъ, виршевого типа, характеръ своеобразныхъ памятниковъ народнаго пѣсеннаго творчества²⁾.

1) Эта пѣсня служитъ еще одной прекрасной иллюстраціей къ тому, что сказано П. И. Житецкимъ (Мысли о думахъ) объ этомъ образѣ въ малор. пѣсняхъ, образѣ любящей матери. Къ сожалѣнію въ колядкѣ № 8 случайно пропущена послѣдняя строфа, въ которой высказывается хозяевамъ пожеланіе быть всегда со своими дѣтьми.

2) Въ параллель этому идутъ и тѣ наши церковно-монастырскія вирши-псалмы (т. е. имѣвшія *музыкальную мелодію*),—о смерти, о тщетѣ міра,—которыя, повидимому, имѣли первообразомъ лат. текстъ: иногда онѣ были, вмѣстѣ съ польскими текстами, лишь переводами, или очень близкими передѣлками лат. текстовъ (какъ все это и помѣщалось *рядомъ* въ старыхъ богогласникахъ). Лирничкая, вообще на-

Колядки комическія, быть можетъ, въ извѣстной части своей носящія европейско-польское вліяніе, послужившее источникомъ для ихъ созданія, въ то же время могутъ служить образцами народнаго украинскаго юмора. Здѣсь какъ и въ другихъ областяхъ, поставить *рѣзкую* границу между народнымъ и «не народнымъ» — нельзя.

Всѣ эти разнообразныя виды колядокъ, съ большею или меньшею интенсивностью продолжаютъ жить въ нашемъ народѣ. Любовь къ пѣснѣ вообще слишкомъ сильна въ немъ, а обычай колядованія слишкомъ могучъ. Сознательное или случайное уродованіе народныхъ текстовъ колядокъ не можетъ имѣть огромнаго значенія. Искаженія, шероховатости стираются, шлифуются народною редакціей—и снова является все та же наша народная пѣсня.

Во всякомъ случаѣ, до сихъ поръ цѣлыя вѣка преслѣдованія не могли убить колядки. Въ послѣднее время народныя колядки вошли въ значительномъ числѣ въ малорусскій сценическій репертуаръ,—что много способствуетъ ихъ популяризаціи въ кругахъ интеллигентныхъ и полуинтеллигентныхъ (склонныхъ пренебрегать своей пѣсней изъ ложнаго мнѣнія, что она уже не достойна ихъ вниманія). Въ поднятіи престижа вообще народной украинской пѣсни лежитъ огромная заслуга нашей сцены.

Нерѣдко услышать теперь колядки и вообще въ исполненіи интеллигентной молодой компаніи «колядниковъ», при чемъ хорошо выбранныя и умѣло исполняемыя колядки производятъ прекрасное впечатлѣніе. Любителю же народной пѣсни—наши колядки даютъ такъ много матерьяла: отъ древней граціозной идилической картинки, до простодушно-художественной—(какъ несовершенныя, но имѣющія свою наивную прелесть, изображенія христіанскихъ сюжетовъ старыми мастерами живописи)—колядки-легенды и кончая величественной колядкой-псалмьей.

родная редакція еще болѣе упростила языкъ и складъ этихъ лирическихъ псалмь, въ которыхъ наши ушедшіе отъ міра иноки давали наибольшій просторъ задушевности чувства и выраженной *родного* языка.

Исполнители, а также поэты и музыканты, желающіе творить въ народномъ духѣ, найдутъ въ нашихъ колядкахъ много сокровищъ слова и мелодіи,—различныхъ стилей богатаго народного творчества.

Въ заключеніе, такъ какъ я иллюстрировала свой очеркъ украинскимъ матерьяломъ волынскимъ, то пожелаю успѣха начинанію Общества. Изслѣд. Волыни, которое намѣрено издать обширный сборникъ волынскихъ колядокъ. Это будетъ дорогимъ приобрѣтеніемъ и для науки, и для всѣхъ любителей этой важной области украинской пѣсни.

Олена Пчилка.

ПРОПАЩА СЫЛА.

Повість.

(Продолженіе ¹⁾).

V.

У м о с к а л я х ъ.

Погналы некруть зъ ридного краю ажъ у Московщину. Гналы ихъ цілою юрбою. И якый же невеселый здався имъ той довгый перегины! Щобъ хочъ трохи скоротыты часъ, вони то казкы казали, то рижни прыгоды зъ жыття прыгадували, то про давни бои переказували, сподиваючысь незабаромъ соби стрытысь у чыстому поли зъ ворожою сылою. Максимови спали на думку дидови прыповисткы; винъ подилявся ными зъ товариствомъ, а въ самого ажъ душа закъшала.

— Ой, та й знатымуть же мене вражи ворогы!—думавъ винъ самъ соби, качаючысь у ночи на доливци коло своихъ товаришывъ, котри, выморывшысь, мертвымъ сномъ спали. И выплитали ёго думкы въ темній темряви страшну картуны сичи. Гукъ, крыкъ, бій; дымъ застылае все поле—ажъ очи риже; огонь, якъ зъ пекла, то зъ того, то зъ другого боку; бряжчатъ шабли; гуркають гарматы; палять гакивніци; брязкають спысы; тупотять кони. Татарва мчытся, якъ скажена. «Ага, ворожи татарюгы!» крычыть винъ слидь имъ—и пускается навздогынъ своимъ баскымъ, бы-

---

¹⁾ См. Кіев. Ст. 1903, № 5.

Томъ 81.—Іюнь, 1903.

строногимъ воронькомъ. Шабля заблыщала—голова татарська покотылася; кинь настоптавъ копытомъ—голова луснула, якъ стыглый кавунъ. У Максима ажъ духъ у грудяхъ сперло.—Господы! колы бь швидче!... Тилькы ще на свить заблагословытся, якъ знову вже ихъ женуть. И знову вони йшли, то писень співаючы, то задывляючысь на невидоми мисця, котри прыходылось переходыты. Багато вони тыхъ мисть уже помынули, а ще бильше,—кажуть,—напереди зосталося!

Довго вони йшли все своимъ краемъ, мижъ своимъ людомъ,—вже имъ ажъ обрыдло. Чы далеко ще та Московщина?—пыталы вони одинъ одного.

Та ще пидтопчемъ ноги,—одказувалы други, догадуючысь: не близько, мовь!

Помынувши свои степы, зъ невеличкымы хуторами, що якъ квитнычкы весело кыдались у вичи, свои велыки села, зъ крывымы вулицымы, зъ билымы хаточкамы, зъ вышневымы садочкамы, свои городы, схожи на села,—увійшли вони въ лисный край. Передъ нымы й за нымы стоялы страшни боры сосны, ялыны та осычныны. Ишли вони день, ишли другой... лись, та й лись!

— Оце й Московщина почынается, сказавъ хтось.

— Оце?! Та й не весела жь яка вона!.. все лисы та боры, куды окомъ не скынь... тилькы небо кризь вѣрховыну мріе.

Сумпо стало Максимови середъ лису; жаль ёму стало своихъ степивъ безкраихъ, свого неба високого: тутъ за лисомъ було тисно, душно, а небо здавалось низькымъ, похмурымъ. И справди воно було низьке й похмуре: йшлося вже до осени,—темни хмары, ажъ чорнувати, снувалы по небу; перепадалы части дощи.

Проійшы верстовъ зъ пятьдесятъ чы зъ шістьдесятъ лисомъ—ни хатынкы, ни людынкы?..

— Де жь тутъ хуторы, села, городы? Хиба тутъ и людей немає?..—толкуются сами мижъ собою.

— Та тутъ лыбонь одинъ тилькы городъ Москва и йе, та й той ажъ на самому край Московщины,—одказавъ хтось.

Уси похмурилы, зажурылыся: йшли мовчкы, повисывшы головы. Проійшы ще верстовъ зъ десять або й бильше: выйшли

на узлился. Зъ пидь тесовой стрихы якоись чорной будивли показався дымокъ... Очи напярмылысь на ёго.

— Що то? Кузни?—пыта Максымъ.

— Село!—одказавъ ёму старшый москаль, що вивъ ихъ.

— То це кузни у царыни?

— Нѣтъ, то—избы?

— Що то за избы?

— Хаты, по твоему, хахоль!

Максымъ зареготовався...

— Побый васъ лыха годына, бисови люде, зъ вашымы хатамы!—каже винъ, регочучись, до своихъ.—У насъ кузни чыстищи, нижъ у ихъ хаты. А ще выхваляются своею стороною?! Ну, вже й сторона!.. Не прыводъ, Господы, бачыты никола такон другои!

Увійшлы въ село, або краще въ одну довжелезну вулицю, котра й була циле село. Ажъ дивно! Однимъ одна вулиця, парканама одгорожена зъ одного й зъ другого боку; а на вулицю выглядады безъ виконъ хаты—чорни, якъ коморы, закурени дымомъ. Де-де забованилы й люде—въ лычакахъ, у довгополыхъ балахонахъ, зъ бородамы.

— То це кацапы!—скрыкнувъ Максымъ, почувшы ихъ мову.

— Та кацапы жъ. Оце й ѡе тоби справжня кацапычна!—одказувалы други, и соби дывуючысь на ии прѡхвалену красу.

Отъ, розвели ихъ по кватыряхъ. Максымъ—ажъ сплѣвувавъ. Тараканы, прусаки, стоногы—снувалы скрызъ по столахъ, та було ихъ и въ страви, и въ кваси. У хати—невывметено; смитныкъ по колина; несло одъ нѣго чымъ-сь смердючымъ; пидь сволокомъ, де на ёго сторони зайви горшкы ховають,—туть булы замистъ лижка лавы. Свитылы въ хати не смальцемъ або олією, а якымысь тонкымы лучынамы. Дымъ зъ печи валывъ прямо въ хату,—бо хата безъ дымаря;—давывъ у горли, ризавъ очи. Максымъ не полизъ на «палати»; страшно ёму було прылягты и въ тій багнюци, що на доливци.—Винъ за цилу ничъ не прылягавъ: зъ хаты ходывъ на двиръ, зъ надвору—въ хату; смоктавъ люльку (бо хазяинъ

прохавъ, щобъ не курывъ у хати), та лаявъ кацапивъ й кацапщину. Тутъ винъ уперше побачывъ, який кацапъ у себе дома.

— Черезъ те жъ воны, бисови ведмеди, и йдуть до насъ хлеба заробляты, що имъ тутъ не медяно середь оцихъ боривъ та пущь сосновыхъ!—думавъ винъ.

Ранкомъ знову погналы ихъ дали.

Чымъ дали йшли, тымъ не краще, а гирше. Поминалы воны ще такихъ же сель, може, зъ десятокъ; мынули й городъ одынъ. Церковъ билило ажъ шість, чы симъ, а то все чорнило сиро-чорнымъ цвитомъ. За городомъ тилькы якась хвабрыка мурила, бо до цеглы не такъ дымъ пристававъ, а, може, ще була недавно вымурована. Засумувалы наши некрутыкы! А до того попидбывалыся такъ, що мрлылы Бога, колы бъ уже швидче доставытысь на мисце,—хай воно вдесятеро буде гирше того, що бачылы:—абы спочыты. Ишли вже два тыжни й два дни.

Ажъ ось, пройшовшы ще днівъ зъ пять, сказано имъ, що вже не далеко те мисце, куды ихъ гналы. Лисы, що дали, все ридчали та ридчали; почалося нывья—не нывья, а такъ, поле зъ пеньками (выдно, не дуже давно и тамъ лисъ бувъ); а далеко заманячыло имъ щось високе—то тамъ, то тамъ... Пидійшы бльжче—побачылы верховыны церковъ, и зъ золотымы банямы, й зъ блакитнымы, а найчастище—по зеленому полю золоти зирочки. «Ще трохы—витеръ доносывъ до ныхъ заводы дзвонивъ, гвалть, крькь. Серце въ кожного радисно забылося. Ось-ось такы спочынуть!

Вельке мисце зъ своїмы церквамы высокымы, зъ своїмы палацамы довгымы та шырокымы, зъ камьянымы крамныцямы, роскынулось на невеличкымъ згирку. Внызу, посередь города, текла ричка—шырока й глыбока; багато по ній снувало барокъ, плотивъ, пароходивъ; коло ричкы й на вулицяхъ—гармыдерь, крькь, тиснота, якъ на ярмарку. Багатство миске некрутивъ зжывувало. Тамъ—цила вулиця камяныхъ крамныць, де выдымоневыдымо понапыхано всякого краму. У крымныцяхъ, за прылавками, сыдили бородати кацапы—кунци й заклькалы прохожыхъ, разомъ выкрыкуючы, яки въ ныхъ товары. Отъ—базары

зъ усякымы найидкамы, напыткамы. «Отъ бы це въ Пискы перенесты!»—не втерпивъ Максимъ. А це—велычезни хоромы зъ такымы викнамы, що всёго тебе зъ нигъ до головы выдно, якъ у дзеркали. Улыци шыроки, ривни, каменемъ убыти.

— Бачъ, бисови кацапы!—подумавъ Максимъ; яки въ себе города позагодылы, а села бильше на загороды схожи, нижъ на людське жытво?! Все, що було на селахъ найкращого, мабуть, постягали сюды.

Прывели ихъ до камьяныци—довгой-довгой, облупаной, чорпой. Построили въ лаву передъ камьяныцею. А зъ неи повыходыло панства-панства—и въ палетахъ, и безъ палетивъ. Ходыло те панство помижъ ихъ рядамы, обдывлялося.

— А й да маладецъ какой!—промовывъ одынь до Максима.

— Соби такой вдався!—одрубавъ Максимъ.

Уси зареготались. Панокъ гризно глянувъ на Максима й пишовъ дали.

— Въ казармы!—хтось гукнувъ зпереду.

Повелы ихъ у казармы.

Хаты были вельки, простори, тилькы темни та чорни, по стинахъ цвила плиснявка; потёкы збигали до долу. Посередъ хаты стоялы довги столы въ тры ряды: то нары, для спання. На доливици—смиття по боки. У хати стоявъ мовъ чадъ; смердило, якъ зъ помыйныци.

— Тутъ, выдно, чорты жылы, а не люде!—промовывъ Максимъ, увійшовшы. Уси сумувалы, журылыся, повкладавшыся спаты на довгыхъ столахъ. Одъ натомы ни рукъ, ни нигъ не чулы, а спаты—довго не спалы. Усе имъ здавалося, що це вони въ тюрми, въ неволи. Що, якъ-бы побачылы родычи, де вони ночують? Мабуть бы одцуралыся на вики. Булы таки, що плакалы, згадавшы про домивку. Не легко було й Максимови; одже винъ не плакавъ, а насмихався надъ усимъ:... и надъ кацапамы, и надъ своимы, и надъ собою.

Йе таки люде, що найважчу тугу вылывають смихомъ, жартамы. Про ныхъ завжде кажуть, що вони николы горя не зна-

ють; зовуть ихъ за те щасливимы. Отакимъ щасливимъ и Максимъ удався.

Ранкомъ вывели ихъ зъ казармы на двирь; розставылы лавами; выщый зъ выщымъ, ныжчый зъ ныжчымъ. Знову ихъ обдывлялыся, розставлялы, переставлялы, якъ було треба, наказуючы, щобъ не забували хто бия кого стоить. Попорядкувавшы, одпустылы ихъ передыхнуты, бо завтра вже на учення.

Замість передышки, некруты одпрохалыся въ старшихъ москаливъ—городъ подывытыся. Ти одпустылы. Проблукалы наши новобранци цилисенькый день по городу; набродылыся и надывылыся до утомы,—такъ що, вернувшысь, заразы же полягалы спаты, та й поснулы, якъ побыты. Нови дыва, котри воны бачылы въ городи, прогналы вчорашню думку про домивку.

Тилькы що стало на свить благословлятыся, затуркотивъ барабанъ, пиднялася шатанына. Коженъ схоплювався зъ постели; на швыдку вмывався; натягавъ одежынку й выходивъ на широке дворыще—заразы же за казармою. На «плапу» розставылы ихъ невеличкымы купкамы, прыставылы до кожной по старшому,—та й давай учыты: якъ ходыты, стояты, якъ руки держаты, колы й що казаты. Неслухняныхъ былы, а все такы вчылы: учылы, щобъ быты, былы, щобъ учыты. Такъ день у день, день у день. «И на що жъ це воно? кому вона здалася оця муштра?... для чого?»—думалы воны, вертаючысь зъ учення. Здавалася вона имъ гирше каторжной роботы.

Одже Максимови було все це за играшку. Скоро винъ ввчывся добре «носки» вытягуваты, маршрууваты, стрыбаты, по московскый выкрыкуваты. Такъ мовъ старый москаль! Стари москали дывувалыся ёго дотепности, та выхвалювалы передъ молодчымы некрутамы.

Трохы згодомъ напялы на ёго мундырь, муныцю—ранецъ, каску, прытупею,—далы шенелю и рупныцю. Якъ убрався Максимъ,—москаль москалемъ. Ридна бъ маты не пизнала! Меткый, поворотній, — на вси боки москаль! Вранци рано пиде на учення; промуштруютъ ихъ—геть уже сонечко пидобьется. Ведуть снитаты кашы зъ саломъ; а того сала—й духу нема. Пе-

репочнуть трохи,—знову на збирь: обидаты. Пообидають. Сонце вже повернуло зь полудня. Барабанъ туркоче,—знову на учення. Муштруються вже ажъ до пизнёго вечора. Мынають мисяци, рикъ. Одно та й одно.

— А, бый тебе сыла Божа!—думае Максимъ. Хоть-бы вже повелы куды инде... або ворогъ вырескався! А то—муштра, та й муштра! Та хоть бы ризна; а то: якъ сёгодня, такъ и завтра, й позавтрёму. Вытягай ногу, крычы: «разъ!... два!»... Скъдай ружжо на плече; скъдай зь плеча; прыциляйся разивъ сто на день... а хоть бы тоби разъ сказаны выстрелыты!... Я думавъ: що въ тыхъ москаляхъ? ажъ воно—одна тоби муштра... на ученни и на смотру, и на паради пидъ перквою. Уже такъ затвердывъ,—якъ свои пять пальцивъ. Ну, муштруйся! Доведеться одъ нудьгы пропасты

Отъ, и давай Максимъ свою нудьгу розгоныты: ставъ горилку, якъ воду, дудлыты. Москали пидхваляювалы ёго за те, що «чысто» пье; иноди й у шынокъ водылы,—бо въ самого Максима не було й шеляга за душею. Ти гроши, що маты передала, давно пропывъ.

Разъ побывся Максимъ на-взакладъ, що выпбе кварту и не буде пьяный. Закладъ на пять карбованцивъ. Товарыши розняли руки. Дали кварту горилкы. Максимъ якъ прыложывъ до губивъ,—тилькы на тры ковтки й стало. И хоть-бы скрывывся, поморщывся! Тилькы, мовъ, очи заблыщалы, та повеселищавъ трохи. Супротивныкъ выйнявъ пять карбованцивъ,—дае ёму.

— На биса мени гроши крыкяувъ Максимъ.—Катай, братця, на вси!!

Пропылы ти пять карбованцивъ, попылыся пьяни, якъ земля,—на сылу рачкы до казармы попрылазылы. А тутъ—якъ на те—була перевирка. Не доличылыся щось пяты чы що. Выходять ранкомъ на двирь,—ажъ вони рачкують по дворыщу. Забрали ихъ, позачыняли въ темну. Сумують вони.

— Не сумуйте, братця!—утишае Максимъ.—Симъ бидь—одынъ одвить! Я васъ вызволю.

-- Якъ же ты насъ вызволышь?

— А такъ: кажить, що я напоивъ.

— Ну, то що?

— Ну, то й ничего. Тамъ уже мое дило.

Колы це—кльчуть ихъ до ротного. Ротный такъ и накынувся на ныхъ звиромъ. Стоять москали, та одно твердятъ: «вынувати!» «вынувати!» А Максимъ стоявъ-стоявъ, слухавъ-слухавъ, та й выступивъ упередъ. Его ротный уподобавъ за моторність.

— Я, каже винъ, усѣму выною, ваше б—родіе! Я ихъ напоивъ. Отъ, уже скильки тутъ, а не зибрався подякувати имъ за науку. А це—выбравъ ничку, та й то не гараздъ. Бийте мене, ваше б—родіе, скильки хочете: я всѣму выною. Не наказуйте тильки моихъ товарышивъ, учительивъ!

Це ротному сподобалось. Помнякшавъ зразу, ще полаявъ, побатькувавъ трохи, та й прогнавъ: «Не смѣть мнѣ! другой разъ... засѣку!»

Выйшли одъ ротного, сміються; дякують Максимови, що, колы бъ не винъ, дуже бъ солоно прыйшлося.

Після того, Максимъ ставъ душею москаливъ. Моторный, смилывый, винъ скрызъ дававъ усѣму прывидъ; оступався за товарышивъ, колы ти де на гулянкахъ заводылы сварку; говирый—винъ завжде выбрихувався передъ начальствомъ, якъ де попадалось товариство. Бувшы на всѣму казенному, не маючи великой недостачи въ одежи,—винъ не жалувавъ ничего своего. Лучалось що-небудь роздобути,—все те йшло на гуртъ, на товариськи пропой.

Товарыши души въ ёму не чулы. Колы лучалось ёму яке лыхо,—воны завжде гуртомъ ёго выручали. Чы згубыть бува люльку въ сварци, а грошей на нову кать-ма,—воны складались по шагу тамъ, чы по копійци—и купувалы; чы порвалось що зъ одежи, пры бійци, до останку,—воны ёму выслужену й залежану въ якого бережливого бралы й давалы. Повага й шаноба Максимови!

Прывыкъ Максымъ до такого жыття. Ни, думавъ винъ: Московщина далеко краща, ніжъ ридна сторона! Що тамъ? степъ та й степъ, плугы, та бороны, та витерь по степу; а люде—коженъ самъ соби. А тутъ,—чого душа забажала, все йе; а товариши—братья ридни: за нумы, якъ у Бога за дверыма—и поможуть, й выручатъ... зъ нумы краще, ніжъ зъ батькомъ та матирью!»

Максымъ, якъ тамъ кажуть, и горенько покотывъ! Одно тилькы ёго мучыло, одно здавалося гирше печенои редькы, становылося руба въ горли. Це—жыття въ казарми вонючій та вонюча йижа. Хлибъ той—чорнишый земли, зъ остюкамы,—та ще до того, якъ згадае Максымъ, глядючи на ёго, що винъ у шапльу ногами мишаний,—то ажъ занудыть. Капуста—до носа не прыводъ, каша—зъ рота верне.

— За все у васъ добре, хвалытся Максымъ кацапамъ-товарышамъ,—одно пагано: йисты ничего.

— Пидожды!—одказують,—дидедемъ недили—будемо прохатысь на «пракармленіе». Коны бъ тилькы намъ хвидхвебеля задобрыты, а то бъ—усе було гараздъ!

— Куды на прокормленіе?—пыта Максымъ.

— Да по міру прайтись. Авось атыщится добрый челаекъ, дасть свои заплаты солдатскія дыры заплатать!

Максымови стало ніяково. Одначе винъ на те ничего не одказавъ.

Диддалы недили. Тилькы що почало на свить благословлятыся,—прыбигають товариши.

— Братъ! а братъ!—будяць.

— Ну?

— Вставай, падёмъ къ ротному.

— Чого?

— Какъ чаво? развѣ забыль?

Максымъ уставъ. За нымъ провынулысь де-яки други; почалась товаришьска розмова.

— Ну, что фельдфебель?—пыта одынъ.

— Собака!

— Какъ?

— Да такъ, двадцать пять содраль! Звѣрь, братъ, настоящій звѣрь! Гаварить: вали дадите, братцы, четвертную,—скажу ротному; а не дадите,—не смѣй и рта разинуть...

— Старава, братъ, воробья на мякинѣ не изловишь! Онъ, братцы, знаетъ досканальна всю ефту механику,—выяснявъ одынь зъ наръ, посмоктуючы люльку и сплѣвуючы на стелю.

— Да вѣдь пайми ты, Митричъ: такъ вѣдь безбожно драть! Это вѣдь съ сваво брата, а не съ чужова.

Пади... Станетъ онъ разбирать: гдѣ свой, гдѣ чужой... Ему—дай!

— Ну, и не звѣрь ли?.. Звѣрь и есть.

Отакъ розмовлялы москали, помы Максимъ умывся, убрався. Пишли вони въ трѣхъ до хвидхвебеля. Той заразь же повивъ ихъ до ротного.

— Ну, што, Федосейчъ?—пыта ротный. Всѣ благополучно?

— Всѣ, ваше б-родіе? Толька адно худо...

— Што?

— Ребятамъ, ваше б-родіе, худо...

— Чѣмъ?

— Ёсть нечево, ваше б-родіе. Просятся на пракармленіе!

— Куда?.. зачѣмъ?—скрыкнувъ ротный.—Я имъ дамъ пракармленіе!

— Ёсть нечево, ваше б-родіе,—одно ёму хвидхвебель.—Гаварять: памрѣмъ съ голоду...

— Што ты врѣшь, старый хрѣнъ? Какъ ёсть нечево?.. Вѣрно ужъ успѣлъ содрать?

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше б-родіе! Гаварять: четвертую часть за позволеніе!

Ротный замовкъ; крутывъ вуса.

— Кто идѣтъ?—спытавъ, помовчавшы трохы.

— Да вотъ: Ивановъ, Евпракseeвъ, да хахоль—Максимъ.—Поди сюда, ребята!—гукнувъ винъ кризь двери въ синны!

Ребята увійшли въ хату, стали, вытяглыся въ струночку,—якъ версты на шляху.

Ротный заразь до Максима (любывъ такы «хохлыка»).

— Што, братъ, Максимъ--худа жить?
 — Худо, ваше благородіе: йисты ничего!..
 — На пракармленіе хатите?
 — Точно такъ, ваше б-родіе,—забелькоталы разомъ москали.
 — Развѣ пазволить, Федосейчъ?.. пытае ротный, скоса по-
 глядаючи на хвидхвебеля.—Пазволить легко... Ну, а какъ по-
 падѣтесь?

— Никакъ нѣтъ, ваше б-родіе,---знову забелькоталы вси въ
 одынь голось.

Ротный подумавъ ще.

— Ну, пазваляю... Только сматрите: попадѣтесь,—засѣку!
 Слышь?..

— Слушаемъ, ваше б-родіе!

— Ну, съ Богомъ, братцы, маршь!

— Благодаримъ пакорно, ваше б-родіе!—выкрыкнулы мо-
 скали на прощання, и выйшлы за двери.

Скоро вся рота заворушылася. Оступылы кругомъ заробит-
 чанъ; роспытуютъ, куды илуть, одни раять—въ одно мисце, други—
 въ друге. Гудуть, мовъ бджолы въ улику... А заробитчане ради
 таки! Думка: хочъ тыждень у смакъ поживляться: попойидять
 мяса, а не гнылу капусту та хлибъ зъ остюкамы; побудуть на
 воли, а не въ казарми вонючій.

— Не худо бы, братцы,—каже хтось,—пійты по купцамъ
 съ образкамы.

— А што?... Право, братцы, не худо!—промовылы заро-
 битчане.

Побалакалы отакъ, порадылысь, зибралысь,—пишлы. Надъ
 вечеръ зъ пивсотни рубливъ несуть! Рота радіе, юртуется... Пры-
 судылы заразъ виддаты двадцять пять Федосейчу, а останни—
 виддалы до схову старому унтерови.

Швыдко заробитчане знову пишлы, а рота, сподиваючиьсь
 на добру поживу, загуляла. У кого zostалася яка копійка про
 чорный день,—той и ту вытрушувавъ. Зложылысь гуртомъ, ку-
 пылы горилкы; набражылысь, якъ квачи;—спиваютъ, лаются,
 згадуютъ тогоришни прыгоды, свои заробиткы, утраты... Горилка

порозв'язувала языки. Той журытся въ голосъ за своиы: якъ тамъ жинка, диты? Той розказуе про зрадлыву дивчыну,—якъ винъ іа пацёрки обирвавъ; той хвалытся коханнямъ своеи... Коженъ—своимъ!

Сонце вже спускалося, якъ выйшли заробитчане зъ города въ чысте поле. Пройшли верстовъ зъ пять... Передъ нымы со-сновый биръ стоявъ, якъ чорна стина, за нымы мисто гвалтувало,—невгавучый крыкъ та гоминъ доносывся до ныхъ... Заробитчане все ийшли, та ийшли... Уже й захидъ сонця ставъ жовтиты та блідниты, ничъ насовувала на землю; ясни зори выблискували въ темному неби; морозъ дужчавъ; дорога рыпила пидъ ступнямы...

Заробитчане йшли мовчки. Не доходячы до лису, почулы вони жалибный скрипъ полозкивъ объ мерзлу дорогу; важку ступню кинську и цмокання людського голосу; незабаромъ показалыся й сани, повно навантажени. Зверху сыдивъ здоровенный чоловикъ, у бороди, зодягнений по кацапському.

— Стой!—крыкнувъ одинъ зъ москаливъ.—Ивановъ перебигъ шляхъ и вхопывъ коня за удила. Кинъ ставъ.

У Максима морозъ побигъ по-за спыною... «Що жъ це воно буде?»—думавъ винъ,—та й одійшовъ у бикъ, подывытыся. Другый москаль, Евпраксеєвъ, пидступивъ до купця.

— Здравово, купецъ! А што, братъ, за товаръ везешъ?

— А ты—што? Што ты, што я тебѣ стану отвѣтъ давать?.. Пади прочь!.. Та и устае зъ саней.

Глаза имѣешъ,—самъ видишь!—одказавъ Евпраксеєвъ.

— Да вижу, что солдатъ... Но чаво тебѣ нужна?

— А вотъ чево, купецъ: вотъ ты товаръ везешъ; а у тебя ево и безъ ефтава многа...

— Ну-у?

— Да ты лошадь понукай, а не меня!.. Такъ вотъ видишь-ли: у тебя товару многа, а у салдата ничево... у салдата,—самъ знаешъ,—и душа казѣнная... Пажертвуй, што твоя милость, на солдатское житье-бытье!

— А ты откелева—такой?

— Да ужь откелева—не тебе знать... Мы просямъ... Дашь,— за тваё здаровье выпьеть братъ-салдатъ, а не дашь,—не надо, праваливай!

— Праваливай? Ишь ты какой вострый! А ты бы тақъ и сказаль, а то вишь, лошадь астанавливаеть, словно воръ какой...

— Да вѣдь тебя, барада, не астанави,—обизвався спередь коня Ивановъ,—ты нашево брата и слушать не станешь, вотъ что!

— Дашь?—спрашиваю,—прыстававъ Евпраксеевъ.

— Во—на!—одмовывъ купецъ, показуючы кулака.

— Ну, Богъ съ табой! Пусти ево, братъ,—промовывъ до Иванова Евпраксеевъ.

Той пустывъ коня. Пидійшовъ до ныхъ и Максимъ, та разомъ и потяглы лисомъ.

Купецъ пыльно дывывся въ слидъ имъ и щось думавъ. А це якъ скрыкне!

— Е-ей, ты? слышь?.. какъ тебя?..

— А што?—пытае Евпраксеевъ, повернувшысь до купця.

— Вазвратись!

— Да чаво? поѣзжай себѣ!

— Вазвратись, гаварю!

Москали гуртомъ вернулись.

— Вотъ вамъ, братцы, красненькая, вспомните раба Божія Парамонта,—промовывъ купецъ, подаючы до рукъ десятирублёву бумажку.

— Спасибо, купецъ. Не забудемъ, Парамонта, гаварись?

— Парамонта, братцы! Парамонта!

— Ну, пращай. Счастливаго пути!

— Пращайте, братцы. А далече идёте?

— Да на сѣла.

— На пабывку?

— На пабывку.

— Памаги вамъ Богъ!

— Спасибо. Пращай, батюшка!

Розійшлыся. Купецъ поихавъ у городъ; москали ишлы дали шляхомъ.

Максымъ дывувався. «Узявъ бы ты въ нашій сторони!—думавъ винъ.—Мабуть бы, чорта спиеъ»...

— А добрый, братця, купецъ,—обернувся винъ зъ словомъ до товаришивъ.

— Што, братъ!.. Купецъ, братъ—свой челаекъ. Онъ самъ знаетъ нужду солдатскую,—всегда пособить... Во—баринъ, братъ! О, то вострый шельма! У таво просьбой не вазьмешъ: духъ развѣ вышиби, ну, тогда закъ.

Отакъ, розмовляючи мижъ собою, ишлы заробитчане боромъ. Уже до пивночи добиралося, якъ вони входылы въ село, та прямо до шынку. Тамъ ще свитылося. Чутно було:—пьяными голосами тоненько бородачи выводылы «лучынушку».

Заробитчане ввійшлы въ шынокъ: поскыдали зъ плечей клункы, посадалы въ рядъ на лави.

— А дай-ка, хазяинъ, три касупки служиламу брату, ево косточки разагрѣть!—промовывъ Ивановъ до шынкаря.

— А на што я дамъ?

— Какъ на што?

— А на то: деньги есть?

— На што те деньги? Развѣ ты съ міру не надраль? Небось—никаво въ кабакѣ не было!

— Ну, дакъ што?.. были... спасиба, заходятъ добрые люди!

— А то: ани вотъ и внесли сваю капеечку на салдатскую долю,—обизався Евпраксеовъ.

— Какъ бы не такъ? Держи карманъ!

— Да ужъ вѣрна.

— Да, вѣрна. Только вотъ теперъ народъ что-то забаловался: водки мало пьеть.

— Ну, не ври!

— Какъ же? Стану те врать.

— Ну-у! давай, полна те!

— Да што ты? Давай деньги,—вотъ те и сказъ; у меня, вишь, водка не своя—купленая.

— А мнѣ то што за дѣло, что купленная. Ты съ миру надерёшь. А салдату гдѣ взять? Ты знаешь: салдаты—казенный челаекъ.

— Филипичъ! а, Филипичъ!—крычыть на шынкаря одынь зъ пьяныхъ кацапивъ:—дай ушь имъ, право-дѣло,—дай! Люблю салдата. Салдаты, брать, казённый челаекъ. Не ровень часть, завтра всѣ пайдёмъ. Вонъ, сказываютъ Турка шельма царя батюшки не слушаетъ. Дай!

— А ты што ли мнѣ заплотишь?

— Будеть,—заплачу. Дай!

— Какъ же? Съ тебя твоихъ не выдерешь, а ты еще и за другихъ!

— Да што ты—не вѣришь на слово доброму челаеку? барада ты казлина!—крыкнувъ Евпраксievъ и еунувся до бароды.

— Да ты барады не тронь!—одказавъ, одныхаючы ёго руку, шынкаръ. Самъ бы насиль, да небось сбрили.

— Сталь бы я твоимъ казлинымъ атродьемъ сваё благородное лицо марать?!

— Да ты то што такое?

— Развѣ не видишь? мирафдъ ты етакой! Развѣ не видишь, кто я?

— Да видно, что салдаты. Ну, а што?

— Какъ, ну? Ты знаешь, что такое салдаты? Салдаты за тебя, дурака, грудь сваю подъ непріятельскія пули подставляетъ, крофъ свою праливаетъ. Вотъ што—салдаты!—Таки слова розжалобылы всю пьяну бесиду.

— Терѣха? а, Терѣха! А правду, вѣдь, салдаты гаварить У-ухъ! какую правду. Салдаты—ето, брать,—бѣда! Салдаты—ето, брать, казённый челаекъ, слуга царскій. Ето не то, что мы съ тобой! Онъ, брать, свою грудь подъ непріятельскія пули подставляетъ, кровь за насъ проливаетъ!

Терѣха, якъ видно, лызнувъ уже и геть то, бо посоловилимы очыма мутно тилькы дывывся на своего товариша, хытаючы зъ боку на бикъ головою, а слова не здужавъ вымовыты.

Други кацапы й соби пидняли голосъ за москаливъ: давай шынкаря лаяты, ганьбыты; страхалы, що бильше въ ёго й чаркы не выпьютъ. Шынкаръ стоявъ за стойкою, мовъ не до ёго ричъ,— тилькы-почервонивъ, та знай оддувався, та гладывъ рукою свою шыроку та густу бороду.

— Да што, братцы, на ево сматрѣть?—крыкнувъ Евпраксіевъ до пьяницы.—Тащи, кали такъ, пѣлое ведро!—Та й кынувся за перегородку до бочки.

— Толька тронь, убую!—зарывавъ сципывши зубы шынкаръ,— и вхопывъ здоровенный обрубокъ у руки, замахнувся. Пьяници пидскочылы, выхопылы зъ рукъ обрубокъ.

— Дакъ ты ещо на жизнь маю посягаешь, барада ты казлиная?!—закрычавъ Евпраксеевъ, ушлутавшы пятерню въ шынкарську бороду. Шынкаръ у крыкъ.

— Вали, братцы, ево! вали! Вотъ я ему задамъ салдатскихъ тесаковъ, чтобы онъ зналъ мираждъ едакой, какъ васъ, братцы, абдирать, да какъ съ салдатомъ абходиться! Вали! Кацапы разомъ кынулысь. Та й шынкаръ, видно, пры сыли бувъ, бо тилькы струхнувся,—такъ уси и одскочылы, якъ груши. Шынкаръ кынувся на москаля, збывъ зъ нигъ и насивъ, якъ шулика курча.

Жаль пронявъ Максима, якъ винъ побачывъ, що свого бьютъ.

Однымъ замахомъ кулака повалывъ винъ шынкаря на землю, взявшы мижъ ноги ёго голову. Тымъ часомъ пидскочывъ другой москаль—и давай почищаты тесакомъ. Шынкаръ не крычавъ, не пручався, а тилькы стогнавъ.—Попобывшы добре, пустылы. Шынкаръ плакавъ, лаявся.

— А чо—теперь дашь по касушкѣ?—пыта знову москаль.

— Бери, пусть те удавить!—кризь слѣзы промовывъ шынкаръ и пишовъ соби въ другу хату.

Пьяници сміялыся. Москали выпылы по косушци, зайилы хлибомъ.

— Ну, теперь намъ не время. Нада на работу поспѣшать. Прощайте чесная кампанія! Прощай и ты, дядя. Не сердись, да впередъ умнѣ будь!—промовылы москали до шынкаря, покло-

нылися чесній компаніи—и выйшли зъ хаты. За ными де-яки зъ пьяныиъ. Одного москаля завербували зъ собою и потягли на ничъ до ёго, роспытуючы, хто тутъ на сели багатырь и якъ хто поводится зъ людьмы. На ранокъ, чутно, то того, то другого обикрадено. Шынкарь, чухаючысь, и свою прыгоду розказавъ. Поклыкалы старосту, кынулысь за москалямы, та ихъ уже й слидъ замело! У другому сели спродувалы те, що добулы въ сёму.

Провшендялы заробитчане цилый тыждень. Вернулися въ городъ, несучы зъ собою чымалу сылу грошей. Що слидъ, оддали ротному, а на останни загулялы. Таки походы хоча спершу и будылы якось сумъ и острахъ у души **Максымовій** неправдою, крадижкою, рабункомъ, а не чеснымъ заробиткомъ, але-жъ пры такому товаристви, пры гульни та выхвалкахъ одного передъ другимъ своею сылою, своею вдатністю, стыралы ту чорну думку. **Максымъ** швидко забувъ про неи. Усе жъ такы для ёго непосыдячои натуры се була робота, зъ котрой одному выходыла корысть, другому—школа. Не те, що нудна що денна муштра, котра—якъ думавъ **Максымъ**—никого ни знобыть, ни гріе. И винъ цилкомъ отдався тій роботы. Ни одынъ случай не обходывся безъ ёго. Тутъ винъ выказувавъ свою сылу и свій розумъ. Иноди и геть-то круто прыйшлося бъ, якъ бы не винъ.

За те ёго ривни любылы, якъ товариша, котрый, никому не попустыть своего брата въ образу; старши любылы, якъ добру дійну корову, а начальство любыло, якъ на все здатного, моторного москаля, котрого не встыдъ послаты въ ордынарци и на смотрь, передъ ще выщымъ начальствомъ показаты. Незабаромъ **Максыма** зробылы унтеръ-офицеромъ.

VI.

Максымъ-старшымъ.

Що можна ляли, того не можна мами. Що можна простому москалеви, того,—бороны Боже,—старшому. Теперь **Максымови**

не можна вже ни гуляты, якъ колысь, бо начальство старшыхъ частише бачыть; ни на «прокормленіе» попрохатысь, бо старшыхъ не пускалы. Старши держалы себе геть-далеко одъ простыхъ москаливъ, щобъ ти не зазнавалыся; докорялы ихъ за всяки провны; былы, нехтувалы. За те ихъ прости москалы ненавыдылы. Не жылы старши въ мыру и мижъ собою: кожному бажалося выскочыты передъ начальствомъ, показаты себе за найкращого. Черезъ це коженъ на кожного клепавъ, наговорювавъ, всякъ пидставлявъ ногу другому. Не стало братерства, не стало товариства—и коженъ думавъ тилькы про себе, норовивъ тилькы для себе,—абы самому добре!

Перевернуло старшынування й Максыма. Спершу винъ бувъ запышався, почавъ гордуваты ныжчымы себе, а найбыльше—своими землякамы; ставъ ихъ ганыты, а часомъ и по зубахъ даваты, щобъ похнющій «хахоль» державъ ривнише голову; иноди по руци або по нози тесакомъ увирве, що не такъ ружжомъ кыдае, не такъ носкы вытягае. Учні терпылы. Хочъ у души й прокыналы Максыма, а про те—слухалы,—духу ёго боялыся. На те служба!

Отже ни похвальба старшыхъ, ни покора ныжчыхъ не вдовольнялы Максыма. Стало ёму те старшынування гирчійшь полынню, ни съ кымъ души одвесты; ни до кого по братерськы забалакаты: ни на чому свои сылы показаты. А вона такъ и рвется на волю... та воли ни въ чому не було!

Наткнувся якось разъ Максымъ на граматку. Накнувся винъ на ней, якъ на свого ворога; прыгорнувся, якъ до матинкы,—почавъ учытысь. Нудно й трудно було заучуваты азы та буквы. Та що жъ робыты?—учывъ. Якъ пройшовъ усю азбуку,—ажъ повеселивъ: дило пишло спирнише. Винъ бачывъ, якъ зъ литеръ складалыся слова; и дывувався дуже. Почавъ уже чытаты! И тутъ беда! Ниде ни запопаде такой кныжки, щобъ по души прыпала. Перечытавъ винъ псалтырь, часловець, перечытавъ жытіе якогось святого. Разъ—уторопавъ тилькы черезъ девяте-пяте, а въ друге—таки кныжки ёго не вдовольнылы. Мѣлода душа, гаряче серце, выкоханы на живыхъ гризныхъ дидовыхъ перека-

захъ про Сичъ, про бои, про чвары, прохалы такого жъ палкого живого слова про таки сами бои та чвары, а не чернечого смыреномудрія. Максимъ ёго не розумивъ—и куды зъ більшою охотою слухавъ иноди побрехеньку якого-небудь сидоусого москаля про походы зъ «свитлишымъ княземъ Суворовымъ», або про давни московськи выходеньки! Надокучыла ёму й граматка, якъ никчемна ричъ. Ёму хотилося гуляты, бытыся, рубатыся. Якъ на те жъ: кругомъ було тихо, ни де ни що ни шерхне.

Що ёго робыты? Приходьлося смырытыся зъ своею долею, зъ такимъ нуднымъ жыттямъ. Максимъ помырывся, почавъ тилькы про одного себе думаты, за одного й для одного себе дбаты. Якъ грамотный, винъ усихъ ривныхъ пидвертавъ пидъ себе,—першымъ личывся въ начальства. А зъ простыми москалями недобре поводьвся: не тилькы зобижавъ ихъ, якъ други, а также, якъ и вси старши, почавъ обризуваты та обкраюваты ти злыденни московськи достачи, яки давалься. А щобъ чымъ-небудь хочъ трохы одводыты душу, обзавився якокъсь повійныцею, та й гулявъ иноди зъ нею.

Ишовъ 1848 рикъ. Заворушылыся итальянцы, хранцузы; за нымы пиднялыся нимци. Обхопывъ вильнолюбывый духъ чехивъ, цесарцивъ зъ ляхамы. Скризь червонила пожежа вольного духу. Поки жъ те зарево було здалека выдно,—силькись! Ажъ—ось палае огонь у сусида на самій границы, не дай Боже, вихоть перекрыне й на нашу сторону! Що тоди? «До зброи! до зброи!» загукалы наши. «До зброи,—бороныты Цисаря одъ ёго бунтовлыхъ пидданныхъ!» Узброилыся наши и—погналы полкы за полкы обороняты австріяка одъ венгра,—гасыты пожежу, котра то тамъ, то тамъ прокыдалася по Цисарщыни. Пишовъ и Максимъ, повивъ свого звода. Тутъ ёму вперше довелося побачыты боёву смерть своїмы очыма. Разъ, середъ кривавого бою, де крыкъ, гамъ, дымъ, рикы крови, де те, що йшло въ гору, мишалося зъ тымъ, що ховалося въ землю,—Максымови трохы не довелося свою голову зложыты. Напалы на ихъ трёхъ—цыхыхъ десять; сивлы, рубалы. Воны не подавалься. Колы це—де не возьмысь,—пидскочыло зъ заду тры своихъ, якъ рубонуть вен-

герцивъ,—то одинъ тилькы втикъ, а девять на капусту посижы
Подякувавъ Максимъ незнаёмимъ москалямъ-товарышамъ. що
выручылы зъ выдымой смерты, та й знову побигъ рубатыся.

А то впруге, винъ выручывъ трѣхъ москаливъ и знамено.
День бувъ палкый-горячий, а до того соняшного жару пиддавали
ще й гарматы свого—то зъ одного, то зъ другого боку. Наши
стоялы на однимъ згирку, а венгеры навпроты, на другимъ. Па-
лылы зъ гармать, палылы—ничого не бере! Тоди сказали нашимъ
«батарею взяти»... Пихота кинулась бигомъ. Ворогъ обсыпавъ ии
картечнымъ градомъ—отже пихота добигла. Узялы наши бата-
рею, та вже хотилы назадъ вертатыся. Колы—зыркь! гонъ, може
зъ двое, въ бикъ сцепылася купка, рубається. А посередь
купкы,—видно,—знамено: то опускається въ нызъ корогава, то
знову пиднимається въ гору. Максимъ стоявъ зъ краю. Якъ по-
бачывъ,—та не дожыдаючысь прыказу, якъ крыкне:—Зводъ, за
мною!—Повіявся звидъ за Максимомъ. Пидбигають зъ близька—
ажъ то наши зъ венграмы за знамено ризаныну справляють. Якъ
кынется Максимъ на ворогивъ. Такъ хиба левъ кыдається на
охотника! Ти бачуть—не перелывкы—та въ-ростичь. А Максимъ
тоди: «Пали!» Москали прыложылыся: бухъ! бухъ! бѹ-ухъ! Одинъ
поточывся, два стовбура стало. Максимъ прицильвся: бухъ!—
вергерськый охвыщерь заоравъ носомъ—и не скрыкнувъ, и
не типнувся. Ни душечкы не зоставылы ворогивъ. Тоди до
своихъ. Посередь калюжи свижой крови, лежало чоловика
зъ пьять: а оборонылы тилькы трѣхъ, та знамено. Максимъ
глянувъ на живыхъ—порубани, покарбовани; тоди глянувъ на
мертвыхъ, й затрусывся. Посередь купы лежавъ, объюшенный
кровью, той самый чорненькый москаль, що оборонывъ Максима
одъ смерти,—лежавъ, тинався, ще живой. «Ой лышенько!»—про-
мовлявъ недобытокъ: «Ой, ратуйте! Мотре! Хивре! Ой, ратуйте...
Простить мене!» И, захарчавшы, замовкъ на выкы.

— Хто то?—пытае Максимъ недорубкивъ, що одинъ бувъ
безъ вуха, другый безъ пальцивъ, а въ третёго зъ плеча кровь
юшыла.

— Знамяносець, хохоль Хруцовъ,—одказавъ безпалько.

— Ну, пушай ево! Брось, Захаричъ! Панесёмъ знамя,— каже безухый.

— Панесёмъ.

И вси пишлы.—Повивъ й Максимъ назадъ своего звода. Оглянутся—ажъ не мае Федосіевыча, хвидхвебеля. Де винъ? Тамъ, мабутъ. де й други... Сказалы ротному; той полковныкови. Не можна пидъ такий горячий часъ роти безъ хвидхвебеля буты! Кого жъ ёго? Хто бильше зарубавъ, хто кыдався въ саме пекло? А хто жъ, якъ не Максимъ! Винъ й знамено одборонывъ. Буть Максимови хвидхвебелёмъ!—Ставъ винъ хвидхвебелемъ. Незабаромъ ему за знамено Георгія почепылы. А тутъ и війни—шабашъ! Вертаймося до-дому!

Вернулыся.

Бильше старшынування ще дужче гнитыло Максима. Теперъ уже треба буты кожну годыну готовымъ, сподиватыся, що ось-ось клыкнуть до ротного, або й до полковныка. Треба стерэгтыся, щобъ не чутно часомъ гориллы.

Покынувъ Максимъ зовсимъ пыты; розпливався зъ своею дивчыною; ставъ тилькы ще дужче про себе дбаты. Воно й добре. Теперъ зручніше глыбче пятерню запустыты въ московскыи достачы: не зводъ який тамъ, а цила рота на рукахъ! Зъ мыру по нитци—голому сорочка. Максимъ зарубавъ соби на уми, що це мудрише правыло на свити,—та й ставъ по ёму жыты. Нищо не проходило мимо ёго рукъ, щобъ винъ не одколупнувъ хочъ трошкы на свою долю; нищо не перепускалось черезъ ёго руки, щобъ винъ не выгадавъ остачы для себе.

Назбиравъ винъ и грошей, и одежи. Навищо? Самъ не знае, де ёго подиты, куды прыткнуты. Хóчь бы симья, тоди инча ричъ! А то—самъ, якъ палець. Симья? подумавъ Максимъ:— добре бъ теперъ дило симью маты: знавъ бы на кого працюю, було бъ кому покынуты. Та й душу бъ можна одвесты.

Часто Максимъ, загадуючысь надъ своимъ бурлацкымъ жыттямъ, отакъ думавъ. Одно лыхо: ніякъ соби пары не знайде.

Кацапки ему не сподобалысь. Биляви, хочь иноди й хороши, воны завжде здавалыся Максимови немоторнымы неповоротнымы: сказано—якъ колода—ни прыгорнуты, ни поцилуваты, незугарна! Жалкувавъ винъ теперь за своимы Марусямы, Горпынамы, Приськамы, Малашкамы—часомъ и геть-то чорнымы, та палкымы дивчатамы, котрыхъ винъ за-молоду такъ безжалисно зъ ума зводывъ.

— Проклята сторона! думавъ винъ. Хочь бы швидче врыватысь до-дому,—щобъ хочь пару знайти, а то доведетця тутъ и посывити!

На его втиху, пара себе довго не заставыла ждаты.

На самому краи того самого городу, де воны жылы казармамы, на велькому роспутти, куды завжде звозылы гній, нечысть, выкыдалы всяку падалъ,—стояла однимъ одна хатка, якъ кажуть, на курячій нижци. Стины попрогнывалы, вывалювалысь,—порохня сыпалася зъ голыхъ колодъ; а по весни текла всяка нечысть—слызотила й пиныла; викна побыти, ганчиркамы позатыкани; верха зовсимъ не було; оселя наполовину геть—чысто зогныла. Руина, а не хата! Кругомъ пустыръ, гноище. Одынъ Богъ знае, скільки та хата переховала всякого темного й лыхого люду, що ховався у цій берлози самъ и переховувавъ легкой праці зароблене добро.

Жывъ теперь у тій хати якыйсь москаль зъ своею невинчаною половиною. Москаль та его половина тилькы й зналы, що лаялысь та былысь, пылы та гулялы, переховувалы всякихъ блудягъ, переводылы крадижку.

Чы на добро, чы на лыхо, росло въ тій хатци невеличке дивчатко—Явдошка, що найшлася черезъ ривъ пился того, якъ косоока Маланія зійшлася зъ кривоногымъ Терехою. Росло воно само собі, безъ усякого прызору, безъ турботъ та влопоту батькаматери, немовъ воно було не ихъ дытына. Чы йило воно, чы голодне й холодне, було,—байдуже имъ! Покры жъ Явдошка була малою, то знай голосыла на всю хату, колы хотила, а пиднялася на ноги,—стала по дворахъ ходыты, прохаты Хрыста-рады. Що, рады души спасенія, клалы люде въ протягнуу дытячу руку,—все воно несло до себе въ нору. Гроши заразы же про-

пывалыся, пройидалыся, а одежынка надягадася на старе рамья и носылася безъ переминкы, помы сама не опадала стряпьямъ та гноттямъ.

Швендяння зъ-малу по дворахъ, простягання Хрыста-рады руки по пидъ виконню,—прывчылы дивчыну не до праці, а до биганыны, до неповагы на чуже добро, часомъ тяжкою працею чесно зароблене. А до того—й прымирь передъ очима! Дивка що noci бачыла якыхсь людей, котри прыносялы до батька-матери всяке добро, та отдавалы скрытно до схову. Воно й само прывчалася до того, стало пидниматы все, що тилькы лежало не прыглянене.

Разъ якось, протягаючы одъ хаты до хаты Хрыста-рады руку, помитыла Явдошка въ одному двори на веревци развшани два здоровенныхъ платкы. Не довго думавшы, вона потягла ихъ, сховала пидъ юпочку, та й однесла до-дому. Батько та маты й не спыталы: де вона взяла ихъ, а почалы іи по головци гладыты, зваты «умныцею»—й дали трошкы горилкы выпыты. Явдошци вона подобалась. Писля неи стало тепло й весело. Зъ того часу дивчынка не пропускала вже николы такого случая: черезъ ёго вона прыймала ласку одъ батька-матери, й горилку.

Зъ року па рикъ, пидрастаючы та розумнишаючы, робылася Явдошка все хыжише та хыжише; до горилкы прывчылася, якъ до воды. Батько-маты теперь уже не цуралыся дочкы, якъ спершу: вони іи прыхылялы до послуху то сымъ, то тымъ, а найбильше горилкою. Вони бачылы въ своій дочци добру помешныцю—и радилы, що знайшылы такую помичъ.

Якъ мынуло іи пятнадцять лить, вони ще щось запримитылы. Кынулысь имъ у вичи тонки на шиурочку бровы, блискучи, хочъ и сирі, очі, й волосся, якъ лёнь, лычко билаве и якъ рожа румьяне. Запала имъ у памьятку іи краса, урода дивоча. Вони порадылысь—не пропустыты даремно, не взявшы своего.

Пораылысь. Вымылы, вычесалы іи, одяглы въ нову одежынку, якъ панночку, и одніей темной noci, одвела іи сама маты въ мисто, до великого будынку.

Пустылася дивчына, якъ собака зъ ожереду: що-дня, що-ночи гуляла! Тутъ знайшовся охвыцеръ якийсь; узявъ іі зъ сирой холоднои хаты перевивъ у свій теплій, яоный будынокъ. Прожыла тамъ Явдоха зъ пивроку, въ тепли. та на добри, та въ роскошахъ купалася; та жыва іі натура недовольнылася тымъ: цокрала вона срибло та золото въ охвыцера. Прогнавъ іі охвыцеръ, обидравшы якъ билочку. Одначе вона не довго тужыла: незабаромъ знайшовся другый. Обикравшы й того, вона вже сама втекла.—Потимъ того, ни до кого вже не переходыла жыты, а стала сама до себе прыйматы—хто бильшу плату дававъ. Знаючы краси свойй цину, вона торгувала нею, якъ жыдъ крамомъ, не пропускаючы случаю зирваты найбильше, а то—й пидголыты. Слава про злодійкувату Явдошку одбыла хить у панства та охвыцерства зайиздыты до неі. Грошыкы, що прыдбала, пишлы на роскошни убory, на дороги найдкыт а напыткы. А тутъ—лыхо! почала вже й краса осуватись, спадаты. Треба щось гадаты зъ собою! Треба задедегидь десь захысту шукаты, прытулку для себе. Про батька-матиръ вона давно забула:—не знала—чы й жылы воны на свити. Жывучы сама зъ собою, вона розгадала, що черезъ ныхъ втеряла.

На той часъ зустривъ іі Максимъ. Зъ своимъ норовомъ веселымъ, та безжурнымъ, пры свойй, хочъ уже и помьятій, а ще хорошій краси,—Явдошка запала ему въ око, вразыла въ сердце. Максимъ почавъ лабузнытысь. Явдошка помитывшы це, та роспытавшы, що Максимъ мижъ москалямы не остання спыця въ колеси,—давай на его ще дужче налягаты. То дывысь: еловомъ ўкольне; то мовчаннямъ дойме; то прыголубыть его коло себе. то знову одипхне его—гулянкамы зъ другымы.

Максимъ биснувався, а про те ще дужче закохувався. Часомъ вона розжалоблювала ёго розмовою про свое безталання, про свои педостачи. Максимъ несе ій на другу ничъ того й другого; даруе й жалуе.

Не обійшлося безъ того, щобъ и вона не задумувалась про Максима. Кари его очи заглянулы и ій въ сердце; чорный вусъ

здавався такимъ хорошимъ; постать—бравою, дужою; та Максимъ чоловікъ и не безъ достаткивъ, не безъ копійчыны.

Зійшлися вони, прожили рікъ, другий; звыкли мижъ собою, якъ чоловікъ та жинка. Дитей не було. Журбы й турботы не знали. Тилькы те й робылы, що пылы та гулялы, пышкомъ та тышкомъ, щобъ бува начальство Максимове не дозналося.

Тоди саме перегналы ихъ полкъ зъ одного миста въ друге. Пишовъ Максимъ—та й засумувавъ. Зосталась Явдоха—и тежъ сумувала. Черезъ мисяць подае Максимъ пызенькый поклонъ, цилуе ии «въ сахарни уста» та «въ билоснижну грудь», посылае грошей, просыть, щобъ прыйхала: колы хоче, то вони й повинчаются. Тоди вже розлучыть ихъ «мать сыра земля».

Явдоха зибрала свои манаткы, пойхала. Швыдко вони й побрались.

Выйшла зъ Явдохы справжня московка. Не страшни ии ни походы, ни переходы; завжде моторна, весела, до гулянокъ удатна. Щобъ не даромъ жыты, не марно тратыты часъ, вона взялась то сымъ, то тымъ перепродуваты. Накупыть рубливъ на десятокъ усякого краму, та й перепродуе москалямъ. А часомъ який небудь молоденькый москалыкъ пиднине що й чуже, односе до титкы Явдохы. Явдоха прыймае москалыка й подарунокъ. Правда, иноди й доставалося ии одъ Максима за ти подарункы: не разъ и не два ходыла вона зъ пидсынынымы очима. Та—байдуже! Москалы це добре знали, а все-такы лабузнылысь до Явдохы, а Явдоха справляла зъ ными смихы та реготы. Московка-московкою: ии побьють, а вона ни гадкы!

Отакъ прожилы вони щось рокивъ зъ десятокъ. Максимъ постаривъ; постарила й Явдоха—краса ии спала, помаршила, одцила. Уже теперь не такъ и молоди москалыкы горнулыся. Рада-не рада, треба було схаменутыся. До всего того, десять литъ безпутнёго життя вытягилы вси грошенята, що Максимъ наскладавъ до парування. Треба було на-дали подуматы. Схаменулась Явдоха, а черезъ рікъ—гойдала невеличку дивчынку Галю.

Галя сразу все переложила. Гулянки одлетели; жарты—те жъ: выступылы впередъ хлопоты та жалъ за марно потраченымъ добромъ. Маленька Галя спарувала Максима зъ Явдохой вже на вику, звязала мицно ихъ думы до купы, пидбывала на одно дило. Максимъ, бажавъ дочку выростыты въ багатствы та роскоши; бажала й Явдоха того самого. Вона думала, що багатство та роскошь заховають дытя и видъ такой олыхой доли, яка ий судылася. И обое вони хлопоталыся объ однимъ—надъ поживою, та наживою. Чы сакъ, чы такъ, а нажитысь треба!

Знову Максимъ зъ Явдохой, хочъ й инакше, прынялыся за дило молодыхъ литъ. Максимъ—за «прокормленіе», Явдоха—за крадижку. Максимъ, докладаючи ротному, що москали просятъ «на побывку»—бравъ зъ ныхъ свое такъ, якъ и покойный Федосіевычъ. А якъ верталыся москали «зъ прокормленія»,—вони зносиы до Явдохы накрадене, награблене добро, а вона вже сама знаходыла ёму ярмись. За те титци Явдоси, якъ сховачу й переводчыку, доставалася половина всёго.

Такъ ихъ захопыла «чыста». Та ба! Чыстой Максимови не дали. У той саме рикъ почалася Крымська війна зъ туркамы. Погналы Максима нидъ Силистрію, а потимъ перевелы въ Крымъ. Явдоха зъ маленькою Галею й соби повіялася за полкомъ, все-таки не кыдаючи свого краму. Тутъ вона такы добре заробыла, бо не одни прости москали купувалы въ неи всячыну; купувалы й небогаты охвыцеры. Зовсимъ бы добре, колы бъ не страшно, що отъ-отъ Максимъ зложе свою голову, одтынаючи другимъ. Отже страхъ ии не справдыся. Максимъ теперь уже знавъ цину жыттю,—не кыдався такъ, якъ за-молоду, въ саме, мовлявъ, пекло. Тилькы всёго, що ёго въ руку штыкомъ кольнувъ якийсь хранцузъ. Максимъ зрадивъ, та заразы у лазаретъ. Пошептався тамъ зъ ликаремъ:—Не годытся, кажуть, у службу: въ чысту его!—Максимъ полежавъ ще зъ мисяць; дали ёму «чысту», поченылы ще нову медаль, та й выпустилы на вси чотыры стороны. Максимъ забравъ жинку зъ дочкою, та й потягъ на ридну сторону видшукваты батькивщыны.

Вертаючысь до-дому черезъ тридцять литъ, винъ думавъ за-статы Писки такымы жъ самымы Пискамы, якымы кынувъ. Черезъ те й райвся зъ жинкою, прыбувшы до-дому, спродаты батькившыну, оселытысь де въ багатому, людному мисци, та прыстроитысь до торгу на ти гроши, що прыдбала Явдоха. Колы прыйхавъ—и здывуався. Не ти Писки, та й годи! Ни де ни одной землянky,—скризь мазанкы; село велыке, шыроке, довге, а кругомъ край веселый, людный, хочъ и не багатый. «Значыть, билыше пожывы для грошовытого!» подумавъ—Максымъ.

— Ни, жинко, каже Явдоси: мабуть уже кисткы зложымо на мой стороны. Бачъ, якый гарный край!

Явдоха й сама те бачыла. Оселывся Максымъ у батькивськй хати.

Явдоха крамарувала дома. Максымъ по ярмаркахъ йиздывъ, купывшы коняку. Жылы соби тыхо та мырно, вырощувалы—пестылы дочку Галю, та въ торгу кохалыся. Черезъ рикъ батькивську хату перекинули, збудувалы нову,—простору и ясну, зъ свитлыцею, зъ кимнатою пидъ пройизжыхъ.

Дывуютыся писчане, що московська служба зъ людмы дйе, якымы ихъ робыть! Ишовъ Максымъ у москали розбышакою, волоцюгою, сказано,—Махамедомъ; а повернувся поважнымъ чоловікомъ, зъ багатствомъ, зъ заслугамы. Прости люде зъ заздристо дывлятыся на Максыма Ивановыча, поважають, шанують, хочъ Максымъ Ивановычъ геть—высоко дере голову проты «нетесаного мужычья». Батюшка, волосни завертають до ёго «чайку» попыты, та пропустыты чарочку-другу тйеи «жывыци-водици»; самъ становый Ларченко, колы не йиде черезъ Писки, завжде завертае до Максыма въ двиръ.

Отакъ прожывъ винъ щось рокивъ тры, чы чотыри въ Пискахъ. А це зразу—спродавъ двoryще, будынокъ, зибрався тай выселывся на хутиръ, на батькивську землю.

Пипъ, волосни такъ жалкують:—Не кыдайте насъ, Максымъ Ивановычъ,—не сыротить нашихъ Писокъ!

— Тамъ мени, отказуе, буде краще. вильнише. Тутъ на сели багато заздрыхъ! Нихто не пройде повзъ двoryще, щобъ не позавыдувавъ.

На хутори заразъ же на перше лито двинувъ будынокъ, мовъ панськи хоромы, а не мужыча або москалева хата. На друге лито—обзавився трояномъ коней; выбудувавъ стайню, коморы рублени; обплився высочезною густою лисою зъ остришкомъ и зъ такымы, якъ по трахтырахъ, воритьмы. Колы чутка,—буцимъ хоче постоялый одкрыты.

Писчане зовсимъ роты пороззявлялы. Одни догадувалысь що Максимъ, выдно, въ служби грошей заслужывъ; други казала, що, мабуть, чы не въ Туреччыни де пожывывся,—може уклавъ якого багатого, та гроши соби забравъ; а трети мовылы, що за жинкою взявъ.

Отже ниhto не знавъ, не бачывъ, якъ Максимъ жывъ на хутори. Якъ веселывся зъ Писокъ, то ни до ёго ниhto, ни винъ ни до кого: такъ, мовъ умеръ! Якъ бы не доводилось писчанамъ бачыты ёго по ярмаркахъ, то певне бъ ниhto не знавъ, чы йе винъ на свити, чы вже немае. А то зъ ярмаркивъ було прывозять новыну про Максима: выбудувавъ, мовъ, оте й те, а намиряется—кажуть—будуваты ще й те! Отакъ переказувала люде те, що чулы, а сами, на свои очи, ниhto не бачывъ. Знали тилькы, що въ ёго все було на запори—позапиране, позамыкане.

— Москаль хвортецю соби выбудувавъ!—сміются иноди писчане.

Панасъ Мырный та Иванъ Вилыкъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ галереи отжившихъ типовъ: Дмитриевосвал- скій протопопъ Гапоновъ.

(Этюдъ къ характеристикѣ церковнаго управленія конца XVIII
и начала XIX в.).

Когда мы просматривали кипы старинныхъ—конца XVIII и начала XIX в.—документовъ, относящихся къ интересующему насъ предмету, эти пожелтѣвшіе листы, исписанные мудренымъ, неразборчивымъ, полууставнымъ-полускоросписнымъ почеркомъ, содержащіе въ себѣ характерныя и яркія картины прошлаго, невольно возникалъ въ умѣ вопросъ: что же скрывалось въ тѣ времена за этими *оффициальными* документами? Насколько должны быть краснорѣчивы тѣ фактическія подробности, которыя не уложились въ рамки формальныхъ «репортовъ», «ордеровъ» и другихъ подобныхъ бумагъ?

Предлагаемый очеркъ основанъ почти исключительно на подлинныхъ архивныхъ документахъ¹⁾; и въ этомъ то, по на-

---

¹⁾ У насъ подъ руками было болѣе 40 подлинныхъ указовъ, рапортовъ, «ордеровъ» и т. п., относящихся къ дѣлу о Гапоновѣ. Кромѣ того: преданія о Гапоновѣ сохранились до сихъ поръ въ той обширной мѣстности, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ. То, что было для насъ не совсѣмъ ясно въ официальныхъ бумагахъ, пополнялось и объяснялось преданіями. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ для насъ большую

шему мнѣнію, и заключается особенный интересъ сообщаемыхъ свѣдѣній, которыя, вслѣдствіе этого, получаютъ вполне историческій характеръ и особую, если такъ можно выразиться, архивную свѣжестъ. И было бы поистинѣ жаль, если бы эти документы навѣки остались подъ спудомъ, и еслибы «потомки правовославныхъ» не увидѣли тотъ маленькій уголокъ исторической картины, который они открываютъ.

I.

Въ 1794 году помѣщица села К., «коллежская ассесорша» Нелидова, подала Θεоктисту, епископу (впослѣдствіи архіепископу) Бѣлоградскому и курскому, прошеніе, въ которомъ ходатайствовала о томъ, чтобы преосвященный принялъ въ Бѣлоградскую епархію сѣвской семинаріи богословія ученика М. Гапонова и посвятилъ его къ приходской церкви означеннаго села во священника. Ходатайство это было удовлетворено, и подпись молодого священника Гапонова уже со второй половины 1794 года фигурируетъ въ ряду другихъ подписей, помѣщаемыхъ подъ циркулярными предписаніями благочиннаго. Вѣроятно, Гапоновъ чѣмъ-нибудь понравился помѣщицѣ, и она принимаетъ въ судьбѣ его дѣятельное участіе. Чуждый для Бѣлоградской епархіи пришлецъ, уроженецъ города Трубчевска¹⁾ (сынъ діакона соборной церкви), онъ сразу возвышается изъ среды мѣстнаго духовенства. Уже въ 1795 году онъ назначается на почетную должность депутата отъ духовенства (въ свѣтскомъ судѣ), вскорѣ послѣ этого—на должность благочиннаго (22—23 лѣтъ отъ роду), въ срединѣ 1797 г.,

---

услугу оказалъ одинъ достопочтенный священникъ, убѣленный сѣдинами старецъ,—живая лѣтопись мѣстныхъ событій чуть не всего XIX вѣка, человекъ, очень хорошо освѣдомленный по всѣмъ вопросамъ мѣстной исторіи.

1) Нужно, впрочемъ, имѣть въ виду, что до 1788 года нынѣшній г. Дмитріевъ, вмѣстѣ съ окрестными селами, находился въ составѣ сѣвской епархіи.

т. е. всего черезъ три года послѣ поступления въ село К., получаетъ онъ санъ протоіерея и подписывается: «дмитріевосвапскій протопопъ» (или: «протоіерей») Гапоновъ», а потомъ и должность главнаго благочиннаго».

Этому-то лицу и суждено было играть видную и значительную роль въ средѣ духовенства дмитріево-свапской «округи». Періодъ наиболѣе видной дѣятельности Гапонова начинается собственно съ того времени, когда онъ былъ назначенъ присутствующимъ сначала въ львовское духовное правленіе, а потомъ, когда центръ управленія дмитріево-свапской округой былъ перенесенъ въ Фатежъ,—въ фатежское духовное правленіе. Въ концѣ 1815 г. Гапоновъ назначается «первоприсутствующимъ» въ фатежское духовное правленіе ¹⁾, и такимъ образомъ достигаетъ высшей ступени церковно-іерархической лѣстницы, открытой для провинціального блага духовенства.

Вотъ краткая схема служебной карьеры Гапонова. Перечисленные должности давали почти неограниченныя (конечно, въ извѣстной, опредѣленной сферѣ) полномочія Гапонову. Должность «главнаго благочиннаго» сама по себѣ уже была почетна и отдавала подъ руководство Гапонова всѣхъ благочинныхъ округи, благодаря чему онъ являлся «благочиннымъ благочинныхъ», какъ тогда говорили. Должность «присутствующаго» увеличивала область его полномочій, а званіе «первоприсутствующаго» дѣлало его главнымъ руководителемъ въ томъ административномъ центрѣ, который представляло собою духовное правленіе. Всѣ эти должности были крайне необходимы въ то время и получали особенное значеніе, въ зависимости отъ условій времени. Нужно имѣть въ виду, что сообщеніе епархіальнаго центра съ различными отдаленными пунктами обширной бѣлоградско-курской епархіи было чрезвычайно затруднительно; поэтому, бывали, напр., священники, которые за 20—30 лѣтъ служенія не видѣли ни разу своего ар-

---

¹⁾ Кандидаты въ духовное правленіе избирались мѣстнымъ духовенствомъ и утверждались архіереемъ. См. соотв. отдѣлы «Исторіи Московск. епарх. управленія» Розанова.

хіерея (фактъ извѣстный). Кромѣ того: между архіереемъ и духовенствомъ были двѣ посредствующихъ инстанціи, которыя очень отдаляли ихъ другъ отъ друга; это—консисторія и духовное правленіе. Благодаря этому, архіерей представлялся для духовенства какимъ то далекимъ и мало извѣстнымъ властителемъ. Всѣ указы преосвященнаго шли чрезъ то же самое духовное правленіе, гдѣ предсѣдательствовалъ Гапоновъ, и отсюда же, послѣ соответствующаго опредѣленія правленія, разсылались причтамъ къ свѣдѣнію и исполненію. Притомъ же личные указы преосвященнаго были сравнительно рѣдкими и касались лишь такихъ фактовъ пастырской дѣятельности, которые имѣли общее значеніе. Между тѣмъ, уже при примѣненіи этихъ и другихъ указовъ къ жизни, встрѣчались различныя препятствія и возникали нерѣдко осложненія, которыя нужно было улаживать на мѣстѣ, сообразно мѣстнымъ потребностямъ. Въ пастырской дѣятельности, несомнѣнно, было множество недоразумѣній, множество частныхъ чисто мѣстнаго характера; въ отношеніяхъ членовъ причтовъ между собою бывало множество столкновеній и споровъ личнаго свойства. Многіе изъ этихъ фактовъ были случайными въ извѣстномъ отношеніи, и многіе изъ нихъ не могли быть предусмотрѣны ни въ общихъ узаконеніяхъ, ни въ распоряженіяхъ архіерея. При объясненіи ихъ рѣшающее значеніе имѣло духовное правленіе, которое дѣйствовало, не освѣдомляясь каждый разъ съ волею преосвященнаго, а лишь на основаніи общихъ распоряженій его и подходящихъ статей закона. Слѣдовательно, духовныя правленія стояли гораздо ближе къ дѣйствительной жизни, чѣмъ архіерей. Поэтому то и выходило, что фактически духовныя правленія, въ лицѣ своихъ членовъ, имѣли гораздо больше значенія и гораздо болѣе страшны были для мѣстнаго духовенства, чѣмъ архіерей.

Разумѣется, все то, что относится въ этихъ разсужденіяхъ къ духовнымъ правленіямъ, больше всего должно относиться къ «первоприсутствующимъ» духовныхъ правленій. По отзывамъ историковъ, всѣ дѣла въ правленіи окончательно рѣшались первоприсутствующимъ; онъ имѣлъ право даже арестовать и посадить на цѣпь при правленіи каждаго провинившагося члена причта, а

въ нѣкоторыхъ случаяхъ могъ подвергнуть и тѣлесному наказанію. Исторія столѣтняго существованія духовныхъ правленій (съ половины XVIII до половины XIX в.) представляетъ много фактовъ подобнаго рода ¹⁾. Неудивительно поэтому, что бывали случаи, когда первоприсутствующаго встрѣчали и провожали въ селахъ колокольнымъ звономъ—какъ архіерея.

Такова сама по себѣ была роль, предоставленная судьбою Гапонову.

Но были и особыя условія, которыя придавали еще больше значенія этой роли. Помимо авторитета власти, усиленію вліянія Гапонова способствовали его личныя качества. Какъ можно судить по сохранившимся документамъ и по преданіямъ, Гапоновъ былъ человѣкъ замѣчательный по силѣ воли, уму и энергіи, человѣкъ вообще даровитый, съ горячимъ темпераментомъ, способный къ широкимъ размахамъ своей богатой натуры и преподнесившій своимъ современникамъ интересные и всегда чрезвычайно неожиданные сюрпризы. Оригинальность, своеобразный складъ ума проявляются во всей дѣятельности Гапонова и доказываютъ, что это былъ положительно незаурядный человѣкъ.

Несомнѣнно, Гапоновъ былъ энергичнымъ и умнымъ дѣльцомъ. Онъ не уклонялся отъ дѣлъ, а напротивъ—самъ стремился къ нимъ и все расширялъ область своихъ полномочій. Это вполне соответствовало его честолюбію, стремленію къ самовластію, его гордому и независимому характеру. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ счастливое совпаденіе внѣшнихъ благоприятныхъ обстоятельствъ и его душевныхъ потребностей. И, благодаря этому, дѣятельность Гапонова поистинѣ изумительна. Отправляя свои сложныя обязанности по духовному правленію и по благочинію, Гапоновъ въ то же время состоитъ мѣстнымъ цензоромъ, членомъ оспеннаго комитета, директоромъ «дмитріев-

---

¹⁾ См. напр., интересный подборъ ихъ у Г. Пясецкаго, въ его «Исторіи орловской епархіи». Много фактовъ подобнаго рода указано и въ «Приложеніяхъ», къ цитов. выше книгѣ Розанова. Духовныя правленія въ настоящее время существуютъ лишь въ 3—4 епархіяхъ.

скаго «библейскаго сотоварищества» (т. е. отдѣленія библейскаго общества). Не говоря уже о другихъ должностяхъ, послѣдніи двѣ также должны были доставлять ему много трудовъ и хлопотъ. Не забудемъ, что вопросъ объ обязательномъ привитіи оспы въ то время только начиналъ свою исторію. На епархіальное духовенство была возложена обязанность побуждать жителей всѣми возможными мѣрами къ тому, чтобы они прививали оспу; и мы видимъ нѣсколько указовъ епархіальнаго начальства, очень настойчиво рекомендующихъ духовенству такую дѣятельность. Что же касается библейскаго общества, то извѣстно, что, благодаря ясно выразившимся симпатіямъ императора Александра I и министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Голицына, библейское общество получило большую популяриность въ Россіи, и покровительство ему считалось дѣломъ чуть ли не государственной важности. Даже въ такомъ незначительномъ городкѣ, какъ Дмитріевъ, было отдѣленіе общества, которое имѣло своего «президента», вело обширную переписку и распоряжалось довольно значительными денежными суммами.

Въ отношеніи къ образованію дѣтей духовенства Гапоновъ является однимъ изъ передовыхъ людей того времени и играетъ такую же первенствующую роль. Онъ, напр., открылъ «сиротское» духовное училище въ г. Дмитріевѣ. Въ одномъ указѣ духовной консисторіи (1806 года) говорится слѣдующее: «Города Дмитріева, что на Свапѣ, благочинный прот. Гапоновъ учредилъ духовное училище и собралъ священно-церковнослужительскихъ дѣтей изъ всей дмитріевосвапской округи. Таковому достохвальному примѣру могутъ по возможности подражать и другіе благочинные. Притвердить и нынѣ о обученіи духовныхъ дѣтей, а особливо, сиротъ, по примѣру благочиннаго Гапонова». Этою дѣятельностью Гапоновъ заслужилъ благодарность преосв. Θεоктиста. На донесеніи Гапонова объ открытіи этого училища преосв. Θεоктистъ положилъ такую резолюцію: «Такъ. Ежели бы въ каждомъ благочиніи по городамъ... таково стараніе было»¹⁾. Весьма замѣча-

¹⁾ См. «Къ исторіи рыльскаго духовнаго училища». Курскія Епархіальныя Вѣдомости, 1880, № 12.

тельно то обстоятельство, что Гапоновъ давалъ даже собственныя средства на содержаніе въ училищѣ сиротъ и дѣтей «малоимущественныхъ» отцовъ. Такъ, напр., въ одинъ годъ изъ 56 учениковъ на полномъ «коштѣ» Гапонова обучалось 16 человекъ, въ другой—изъ 45 учениковъ 9 и т. д. ¹⁾). Это свидѣтельствуешь о томъ, что Гапоновъ принималъ очень близкое участіе въ жизни мѣстнаго духовенства.

Своими дарованіями Гапоновъ обратилъ на себя вниманіе преосв. Θεоктиста. Изъ всѣхъ дѣлъ о Гапоновѣ видно, что преосв. Θεоктистъ благоволилъ къ нему,—можетъ быть потому, что видѣлъ въ немъ умнаго и энергичнаго администратора. Все время, пока живъ былъ преосв. Θεоктистъ, Гапоновъ неизмѣнно пользовался его расположеніемъ. Нерѣдко въ своихъ «ордерахъ» Гапоновъ упоминаетъ о томъ, что онъ былъ у преосвященнаго, что онъ получилъ лично отъ него инструкціи, на основаніи которыхъ и дѣлаетъ свои распоряженія. Эта личная близость къ преосвященному, конечно, еще болѣе возвышала его авторитетъ въ глазахъ духовенства.

II.

Изъ всѣхъ должностей протоіерею Гапонову доставляла больше всего хлопотъ должность присутствующаго въ духовномъ правленіи, отправленіе которой требовало и много времени, и большихъ трудовъ. Гапоновъ, состоя на приходѣ въ Дмитріевѣ, гдѣ онъ освобождался отъ обязанности отправлять мірскія требы, разъ въ недѣлю ѣздилъ въ Фатежъ для того, чтобы присутствовать при рѣшеніи дѣлъ въ духовномъ правленіи. По разсказамъ старожиловъ, Гапоновъ выѣзжалъ изъ Дмитріева обыкновенно во вторникъ, въ своемъ экипажѣ, но почти всегда на обывательскихъ лошадяхъ, и на другой день утромъ пріѣзжалъ въ Фатежъ (разстояніе отъ Дмитріева до Фатежа—около 70 в.) По окончаніи засѣданія въ Фатежѣ онъ возвращался обратно

¹⁾ Тамъ же. Кромѣ того: Курскія Епарх. Вѣдом., 1900, № 10.

въ Дмитріевъ, только другимъ трактомъ, по другимъ селамъ. Несомнѣнно, эти еженедѣльные путешествія—во всякое время года и при всякой погодѣ—были очень тягостны и обременительны сами по себѣ, въ особенности потому, что это было вначалѣ прошлаго столѣтія, когда въ официальныхъ сферахъ и рѣчи еще не было о дорожномъ вопросѣ во всемъ его объемѣ, и когда сплошные лѣса покрывали почти всю территорію нынѣшней курской губерніи. И теперь лѣса занимаютъ въ дмитріевскомъ и смежныхъ уѣздахъ громадную площадь, а тогда здѣсь были едва проходимыя трущобы, по которымъ проѣздъ былъ и затруднителенъ и опасенъ. Но протопопъ Гапоновъ не тяготился этими поѣздками и, какъ видно, съ удовольствіемъ исполнялъ свои обязанности присутствующаго. По крайней мѣрѣ, когда, при возобновленіи г. Дмитріева въ 1802 году, консисторія предложила ему благочинническую должность въ этомъ городѣ, то онъ от нея отказался, предполагая, вѣроятно, что принятіе этой должности отвлечетъ его отъ исполненія обязанностей присутствующаго. И дѣйствительно, неудобства путешествій съ избыткомъ искупались тѣми удовольствіями, которыя Гапоновъ получалъ по пути.

Въ поясненіе этого замѣтимъ слѣдующее. Нельзя сказать, чтобы вліяніе Гапонова опиралось только на авторитетъ власти. Съ большимъ искусствомъ онъ умѣлъ свое значеніе, какъ благочиннаго и присутствующаго въ духовномъ правленіи, поддержать многими и прочными связями съ наиболѣе вліятельными лицами мѣстнаго дворянства и духовенства. Гапоновъ любилъ общество, любилъ веселье. Его никакъ нельзя было назвать «канцелярской крысой» или «судейскимъ крючкомъ»; не былъ онъ и скопидомомъ, скрягой. И всего меньше онъ былъ похожъ на зауряднаго сельскаго священника того времени. Это былъ «развеселый малый», *bon vivant*, какъ говорятъ въ наше время; онъ любилъ и умѣлъ пожить въ свое удовольствіе. Онъ очень любилъ карты, умѣлъ хорошо выпить, былъ, наконецъ, большимъ хлѣбосоломъ, и собиралъ въ своемъ домѣ въ Дмитріевѣ большія компаніи, которыя, по старинному, по цѣлымъ недѣлямъ проживали у него.

Онъ велъ обширное знакомство съ мѣстными помѣщиками, которые тогда весьма нерѣдко проводили праздную и веселую жизнь, пользуясь плодами дарового труда своихъ крѣпостныхъ. А изъ духовенства онъ выбиралъ богатыхъ священниковъ-землевладельцевъ, благочинныхъ, и изъ нихъ—тѣхъ, которые, такъ же какъ онъ, могли широко пожить и повеселиться. Всѣ эти люди любили весельчака-протопопа, умѣвшаго и дѣло дѣлать, и пользоваться земными благами, которыя въ изобиліи предоставляла ему жизнь; всѣ они съ удовольствіемъ поддерживали съ нимъ знакомство. Поэтому Гапоновъ, совсѣмъ не интересуясь приходскими требамы и охотно уступая доходы отъ нихъ своимъ сослуживцамъ священникамъ, лишь бы извлечь для себя свободное время, при всякомъ удобномъ случаѣ выѣзжалъ къ своимъ знакомымъ. Выѣзды эти совершались съ большимъ комфортомъ и торжественностью: обыкновенно Гапоновъ ѣздилъ «въ гости» въ собственной каретѣ, на четверкѣ собственныхъ лошадей, захвативъ съ собою дьячка въ качествѣ кучера или выѣздного слуги.

Пользуясь своею властью и своими связями, Гапоновъ почти безконтрольно распоряжался въ округѣ. Онъ былъ полнымъ хозяиномъ ея. Это былъ своего рода викарный архіерей; и несомнѣнно, онъ имѣлъ для мѣстнаго духовенства даже больше значенія, чѣмъ епископъ. Онъ дѣйствуетъ, вообще говоря, совершенно самостоятельно и независимо, какъ ему вздумается,—самостоятельно иной разъ до произвола. Такой типъ могъ создаться только на почвѣ самовластия древнихъ временъ, при условіи приниженности и забитости духовнаго сословія, когда всякій маломальски выдающійся человѣкъ изъ «начальства» могъ стать неограниченнымъ властелиномъ и могъ давить своей тираниею обширную «округу», въ составъ которой входила территория нынѣшнихъ почти двухъ уѣздовъ.

Всѣ дѣла, которыя состояли въ вѣдѣніи духовнаго правленія, были, конечно, разграничены между отдѣльными лицами, входившими въ составъ правленія,—подобно тому, какъ это дѣлается въ консисторіи. Но несомнѣнно, что тогда это разграни-

ченіе не проводилось достаточно строго, и потому первоприсутствующій могъ лично вмѣшиваться во всѣ отрасли управленія, особенно, когда онъ хотѣлъ этого. Гапоновъ, дѣйствительно, такъ и дѣлаетъ. Онъ лично издаетъ предписанія, «ордеры», и «предложенія» рѣшительно по всѣмъ отраслямъ церковнаго управленія, и самые разнообразныя указы правленія подписываются только его именемъ. Онъ своею особою олицетворяетъ какъ бы все правленіе, и за его личностью мы почти не замѣчаемъ существованія другихъ членовъ духовнаго правленія; коллегіальный составъ правленія ступшевувается подъ его властной рукою. Онъ даже выражалъ свое недовольство, когда благочинные почему либо свои донесенія направляли мимо него, прямо въ правленіе. «Прошлаго февраля 5-го—пишетъ онъ одному благочинному—послано отъ меня къ вамъ предложеніе, дабы вы по всѣмъ дѣламъ и жалобамъ отъ священно-церковнослужителей относились ко мнѣ; но вы, въ противность указовъ, для единого только затрудненія и *умноженія переписокъ* относитесь репортами недѣльными въ духовное правленіе; рекомендую вамъ впредь отъ сего воздержаться». Можно было бы на основаніи этого заключить, что къ Гапонову собственно шли дѣла, возникавшія по поводу различныхъ недоразумѣній между членами причта; но такое заключеніе рѣшительно опровергается всѣмъ матеріаломъ, находящимся въ нашихъ рукахъ; дѣятельность Гапонова направлена на всѣ сферы церковной жизни.

Иногда Гапоновъ имѣлъ обыкновеніе объѣзжать всѣ села подвѣдомственной ему округи для личныхъ распоряженій относительно церквей и причтовъ или «для свидѣтельствованія качествъ священно-церковнослужителей», церковнаго имущества и т. п. Недѣли за двѣ до этихъ путешествій Гапоновъ обыкновенно «предлагалъ» духовному правленію «настрожайше предписать» членамъ причта и церковнымъ старостамъ, «дабы они находились при церквахъ своихъ безотлучно, поелику онъ, протоіерей Гапоновъ, имѣетъ отправиться» и т. д. Какими подробностями сопровождались эти поѣздки, изъ документовъ не видно, но о нихъ можно судить съ достаточной вѣроятностью, имѣя въ виду нравы

того времени, а также все то, что было сказано о Гапоновѣ выше.

Въ какихъ именно фактахъ выражалось самовластіе Гапонова, объ этомъ будетъ сказано ниже; здѣсь же только замѣтимъ, что вся дѣятельность Гапонова и вся жизнь его носитъ печать произвола и самовластія.

Въ своей канцелярской дѣятельности Гапоновъ является такимъ же оригинальнымъ, самобытнымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и передовымъ человѣкомъ, какъ и въ обычной жизни. Вотъ, для примѣра, нѣсколько его «ордеровъ». «Ежели—пишетъ онъ благочинному—села Р. священникъ Илія К. продолжаетъ бить масло (рѣчь идетъ о «маслянкѣ»), то рекомендую вамъ тотчасъ сіе остановить, дабы сослужители его не могли приносить начальству жалобы». Или: «Вѣдомства вашего въ селѣ Г. есть течь въ церковной крышѣ; настойте по должности вашей, чтобы оной не было, и меня о послѣдствіяхъ увѣдомьте». Или, напр., онъ шлетъ приказъ дьячку села Л.: «съ полученія сего тотчасъ отправиться тебѣ въ слоб. М., гдѣ объявить благочинному, дабы онъ всенепремѣнно прислалъ бы съ нарочнымъ чертежи о питейныхъ домахъ въ правленіе, а то имѣетъ быть представленъ къ Его Преосвященству». Мы могли бы сдѣлать много подобныхъ выписокъ; всѣ предписанія Гапонова похожи на эти со стороны формы; добавимъ, притомъ, что такой же характеръ носятъ и указы правленія, подписанные Гапоновымъ и имъ редактированные.

Въ этихъ предписаніяхъ все заслуживаетъ нашего вниманія—и тонъ властный, строгій (голосъ Гапонова звучитъ въ нихъ твердо и самоувѣренно—видно, что онъ не привыкъ къ противорѣчію), и въ особенности форма ихъ: оригинальный стиль, манера сжато и лаконично излагать свои мысли. Канцелярскія произведенія того времени слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было много говорить. Они отличаются своеобразнымъ складомъ рѣчи, содержатъ много повтореній, ненужныхъ ссылокъ и подробностей, и всѣ испещрены длинными титулами и цифровыми датами времени, поэтому они слишкомъ утомительно дѣйствуютъ

на современнаго читателя. За сложными и неточными оборотами, за витіеватыми длиннѣйшими періодами часто очень трудно бывает уловить истинный смысл указовъ. Гапоновъ отрѣшается отъ современной ему канцелярщины, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ цѣлой головой выше своихъ современниковъ. Онъ кратокъ и точенъ. Въ своихъ предписаніяхъ онъ пикогда не ссылается на какіе-нибудь указы или распоряженія епархіальной власти (эти ссылки непременно помѣщались въ канцелярскихъ произведеніяхъ), а просто предписываетъ. Безъ всякихъ предисловіи и вступленій онъ приступаетъ прямо къ изложенію дѣла, безъ всякихъ излишнихъ поясненій и оговорокъ онъ ведетъ рѣчь о немъ и требуетъ неукоснительнаго исполненія. Видно, что онъ не привыкъ попусту тратить время на канцелярщину—«дабы чрезъ прихотливы волокиты и разбродничества, совсѣмъ безпорядочныя, въ дѣлахъ не послѣдовало остановки», а еще больше и потому, что его увлекала дѣйствительная жизнь: все время у него было распредѣлено и употреблялось на болѣе пріятныя, чѣмъ канцелярская работа, дѣла.

III.

Преобладающія въ характерѣ Гапонова черты—стремленіе къ самовластію, необузданность и страстность и любовь къ «широкой» веселой жизни—опредѣляли общее направленіе его дѣятельности и были нерѣдко причиною того, что Гапоновъ попадалъ въ очень непріятное положеніе.

Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, протопопъ Гапоновъ очень любилъ карты. Это былъ страстный игрокъ, любившій по преимуществу азартныя игры—и любившій до самозабвенія. Повытчикъ духовнаго правленія, нѣкто Г—ій, рассказывалъ, что, когда онъ привозилъ изъ Фатежа въ Дмитріевъ къ Гапонову бумаги правленія для подписи, ему приходилось иногда ждать Гапонова по нѣсколько сутокъ, такъ какъ Гапоновъ бывалъ занятъ въ это время карточной игрой, а беспокоить его онъ не смѣлъ. Одинъ разъ онъ пріѣхалъ на Страстной недѣлѣ въ четвергъ, и

Гапоновъ будто бы игралъ въ карты съ своими пріятелями-помѣщиками три дня и опомнился лишь тогда, когда заблаговѣстили къ пасхальной заутренѣ; все это время Г—ій долженъ былъ безропотно ждать.

Больше всего приходилось Гапонову играть въ карты и пировать во время путешествій изъ Дмитріева въ Фатежъ. Гапоновъ обыкновенно останавливался почевать у своего закадычнаго друга, священника села Р., Б—ва. Этотъ Б—въ по своему характеру и склонностямъ вполне подходилъ къ Гапонову; поэтому у нихъ было много общаго. Такимъ образомъ между ними установилась тѣсная дружба, которую современники ихъ и ближайшее поколѣніе характеризовали извѣстнымъ стихотвореніемъ, приписывавшимся (конечно, совершенно неосновательно) Гапонову:

Б—въ, буйный забіяка
Собесѣдникъ дорогой!
Ради рома и арака,
Посѣти домишко мой.

Пріятели прекрасно проводили время за виномъ и картами. Гапоновъ еженедѣльно бывалъ у Б—ва, а Б—въ наѣзжалъ иногда къ нему въ Дмитріевъ. Обратный путь изъ Фатежа въ Дмитріевъ Гапоновъ совершалъ обыкновенно другимъ трактомъ, заѣзжая въ орловскую губернію къ одному знакомому помѣщику, у котораго также находилъ радушный пріемъ, угощеніе и доступныя въ деревнѣ удовольствія, опять таки съ неизбѣжной карточной игрой. Да и вообще, во всѣхъ селахъ, гдѣ онъ останавливался, онъ находилъ хорошій пріемъ, благодаря своему значенію для мѣстнаго духовенства; всякій священникъ считалъ за честь принять у себя такое вліятельное лицо, какъ Гапоновъ.

Нерѣдко Гапонову приходилось проигрывать всѣ деньги, которыя онъ имѣлъ при себѣ, и, кромѣ того, даже лошадей и экипажъ. Такія случайности, можетъ быть, и причиняли ему неприятныя ощущенія, но вообще не оставляли глубокаго слѣда въ его жизни. Былъ, впрочемъ, одинъ случай, который чуть было не надѣлалъ хлопотъ Гапонову. Одинъ разъ Гапоновъ поѣхалъ

къ знакомымъ помѣщикамъ, жившимъ недалеко отъ Дмитріева, въ селѣ М. Засѣли въ карты, по обыкновенію. Игра прерывалась обильными возліяніями; всѣ увлеклись и провели незамѣтно почти цѣлую ночь. Гапонову страшно не везло. Онъ проигралъ уже хозяину всѣ свои деньги, экипажъ и собственныхъ лошадей, на которыхъ пріѣхалъ. Наконецъ, онъ предлагаетъ поставить на карту своего кучера, съ которымъ онъ пріѣхалъ. Хозяинъ согласился, и кучеръ также былъ проигранъ. Утромъ Гапоновъ попросилъ себѣ лошадь—доѣхать до Дмитріева, а кучеру приказалъ остаться, увѣривъ его, что за нимъ послѣ будетъ прислана изъ Дмитріева подвода. По отъѣздѣ Гапонова помѣщикъ захотѣлъ посмотрѣть, какого рода собственность онъ пріобрѣлъ себѣ у Гапонова, что за человекъ выигранный имъ кучеръ. Позвали кучера. Уже одна наружность его обращала на себя вниманіе: это былъ худощавый юркій старичокъ, одѣтый въ какое-то полукафтаные совсѣмъ некучерского покроя и меньше всего похожій на типичнаго «кучера».—«Ты что умѣешь дѣлать?» спрашиваетъ баринъ: «знаешь какое-нибудь мастерство? мнѣ мастера нужны».—«Да какое-жъ мое мастерство, ваше в—іе! только и знаю, что «тили-бомъ, тили-бомъ»; умѣю протянуть «Всемірную славу», прочитатъ»...—«Какъ! да кто-же ты?!»—«Дьячокъ N—ской церкви, ваше в—іе!»..—«Такъ вотъ какъ?! Хорошъ отецъ протопопъ!».. Дѣло оказалось очень простымъ: Гапоновъ поставилъ на карту и проигралъ дьячка, съ которымъ обыкновенно выѣзжалъ. Разумѣется, Гапонову не поздоровилось отъ партнера, и едва удалось замаять эту исторію. Въ другой разъ возникло дѣло по обвиненію Гапонова въ томъ, что онъ «подъ видомъ выигрыша въ карты» забралъ самовольно у однодворца села Гостомли Василя Творогова «разные фрукты и закуски». Дѣло это, хотя и не имѣло особенно дурныхъ послѣдствій для Гапонова, но надѣлало скандальнаго шума, такъ какъ было въ производствѣ у дмитріевскаго городничаго; а несчастные «фрукты и закуски», сыгравшіе роль своего рода *casus belli*, увѣковѣчены исторіей.

Открытая веселая жизнь и карточная игра требовали значительныхъ средствъ, которыя у Гапонова не всегда были. Его

значеніе въ округѣ само по себѣ обезпечивало ему извѣстный доходъ—и гласный, и не гласный. Извѣстно, что духовныя правленія не упускали удобныхъ случаевъ, когда можно было получить приличную мзду; напр., при представленіи годовыхъ вѣдомостей о церквахъ со всѣхъ церквей брали по 6 рублей въ пользу канцеляріи и членовъ правленія, брали также и при представленіи «вѣдомостей о качествахъ священнослужителей». Мы не говоримъ уже о томъ, что тяжбы между членами причтовъ были неизсякаемымъ источникомъ доходовъ. Но всего этого было слишкомъ недостаточно для широкихъ инстинктовъ Гапонова; приходилось нерѣдко добывать деньги и другими способами. Гапоновъ, напр., иногда бралъ «заимообразно» изъ церковныхъ денегъ (церквей своего благочинія) довольно крупныя суммы—даже до 250 рублей, для чего входилъ въ соглашеніе съ тѣми-же своими пріятелями благочинными. Врядъ-ли когда-нибудь эти «займы» оплачивались. Въ 1808 году возникло дѣло о томъ, что Гапоновъ бралъ церковныя деньги у церковныхъ старостъ соборной дмитріевской церкви; очевидно, Гапоновъ бралъ изъ своей церкви деньги не одинъ разъ, такъ какъ пришлось вызывать двухъ церковныхъ старостъ, и такъ какъ предписано было провѣрить приходо-расходныя церковныя книги за періодъ съ 1799 года по 1808-й. Конечно, и благочинные, и церковныя старосты не имѣли возможности входить въ пререканія съ Гапоновымъ и безпрекословно исполняли его требованія: церковныя сокровищницы любезно открывались для своеобразныхъ «займовъ». Нужно еще удивляться тому, что по поводу этихъ займовъ возникали «дѣла»... Затѣмъ: Гапоновъ собиралъ деньги въ кассу «библейскаго сотоварищества», а также и на покупку разныхъ рекомендованныхъ начальствомъ книгъ, которыя иногда высылались цѣлыми транспортами изъ Петербурга, и т. д.; какъ видно изъ документовъ, эти деньги далеко не всегда доходили полностью по назначенію. Да и мало-ли, вообщемъ, могло представиться случаевъ для Гапонова къ тому, чтобы поживиться!..

Стремленіе къ самовластію, необузданность характера и недисциплинированность натуры нерѣдко вызывали непріятности

болѣе серьезнаго свойства,—непріятности, благодаря которымъ Гапоновъ становился притчей во языцѣхъ, что было большимъ ударомъ для его самолюбія.

Такъ, напр., въ 1801 году возникло дѣло по обвиненію Гапонова въ томъ, что онъ вымогаетъ подводы у духовенства и, злоупотребляя своимъ вліяніемъ, останавливается для ночлеговъ у священниковъ, чѣмъ причиняетъ имъ хлопоты и вводитъ ихъ въ непосильные расходы. Несомнѣнно, что это обвиненіе вполне согласуется съ тѣми представленіями о Гапоновѣ, которыя мы имѣемъ: вполне возможно, что Гапоновъ требовалъ своею властію лошадей и людей для своихъ путешествій, когда ему хотѣлось и сколько хотѣлось, и останавливался для ночлеговъ по пути, гдѣ ему было угодно. За это дѣло взялись энергично въ духовномъ правленіи; но ничего опредѣленнаго выяснить не удалось—Гапоновъ сумѣлъ вывернуться и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ. Два раза посылался изъ духовнаго правленія ордеръ, которымъ благочинному предписывалось спросить у священноцерковнослужителей, жившихъ по тракту отъ г. Дмитріева до Фатежа: «дѣйствительно-ли присутствующій сего правленія прот. Гапоновъ, переѣзжая изъ Фатежа въ Дмитріевъ и изъ Дмитріева въ Фатежъ, вымогаетъ у нихъ подводы»? Любопытно, что вторичный ордеръ былъ подписанъ самимъ-же обвиняемымъ, Гапоновымъ. На указанномъ «трактѣ» благочиннымъ былъ большой пріятель Гапонова, священникъ М. О—скій, въ которому, такимъ образомъ, и перешло означенное дѣло. Неудивительно, что оно было окончено полнымъ оправданіемъ Гапонова. Самъ же Гапоновъ написалъ для О—скаго начерно «репортъ» въ духовное правленіе, въ которомъ значится слѣдующее: «спрошенные священнослужители единогласно показали, что прот. Гапоновъ переѣзжалъ по тракту на своихъ лошадяхъ и останавливался иногда въ ихъ домахъ, чѣмъ, однако, никакого убытка имъ не причинилъ; только два раза бралъ онъ у священника села Л. трехъ лошадей, но въ оба раза заплатилъ за нихъ законные прогоны» ¹⁾.

¹⁾ Этотъ «репортъ», писанный собственноручно Г—вымъ, хранится въ дѣлахъ архива.

Особенно громкая исторія вышла у Гапонова, благодаря его необузданности, съ священникомъ Б—вымъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ одно время между пріятелями возникло недоразумѣніе,— какъ говорить преданіе, изъ-за картъ. Они основательно поссорились. И вотъ однажды, когда Б—въ пріѣхалъ въ Дмитріевъ, Гапоновъ приказалъ своимъ крѣпостнымъ разложить Б—ва и выпоротъ — фактъ, вполне возможный для того времени и понятный, такъ какъ крѣпостные, за неисполненіе приказаній своего господина, могли поплатиться собственной шкурою. Какъ громомъ сразило бѣднаго Б—ва, совершенно невинно потерпѣвшаго такое страшное—въ особенности для духовнаго лица—оскорбленіе. Неясныя слухи о расправѣ Гапонова разнеслись по округѣ и дошли даже до преосв. Феофиста, который, однако, не напелъ возможнымъ возбудить это скандальное дѣло. Б—въ глубоко затаилъ въ сердцѣ страшную обиду и лелѣялъ надежду отомстить когда-нибудь своему бывшему пріятелю. Прошло нѣсколько лѣтъ. Разумѣется, всякія отношенія между Гапоновымъ и Б—вымъ прекратились. Одинъ разъ, однако, имъ пришлось встрѣтиться въ домѣ общаго знакомаго на вечеринкѣ. Можетъ быть, подъ влияніемъ винныхъ паровъ, на Гапонова нашло благодушное и примирительное настроеніе, тѣмъ болѣе, что уже нѣсколько лѣтъ прошло послѣ ссоры. Милостиво онъ обратился къ Б—ву и началъ съ нимъ бесѣдовать. Выпили, помирились за чаркой вина и стали повидимому опять друзьями. Вспомнилось Гапонову, какіе пріятные часы онъ проводилъ у Б—ва въ былое время, и захотѣлось ему возобновить прежнія отношенія. Поэтому онъ пригласилъ Б—ва къ себѣ въ Д. Тотъ согласился; и вотъ чрезъ нѣсколько времени въ «домишкѣ» Гапонова состоялось полное примиреніе враговъ, при многочисленныхъ свидѣтеляхъ, радовавшихся этому. Съ тѣхъ поръ Гапоновъ опять сталъ ѣздить въ Фатежъ чрезъ село, въ которомъ жилъ Б—въ, и опять стали повторяться прежнія вечеринки въ домѣ Б—ва. Повидимому, было ясно на горизонтѣ, и ничто не омрачало отношеній пріятелей. Но между тѣмъ собиралась грозная туча, которая вдругъ разразилась

надъ Гапоновымъ. Послѣ одной ночи, пріятно проведенной въ обществѣ Б—ва, Гапоновъ, въ самомъ благодушномъ настроеніи, завтракалъ, собираясь ѣхать далѣе.—У крыльца уже стоялъ экипажъ, поданный для Гапонова. Случайно— а можетъ быть и не случайно—зашла рѣчь о лошадяхъ. Б—въ похвалился, что у него на конюшнѣ стоитъ въ настоящее время, хорошій жеребецъ, котораго онъ готовитъ къ продажѣ. Гапоновъ, большой любитель лошадей, заинтересовался этимъ и попросилъ показать ему жеребца, который и Гапонову очень понравился. На порогѣ конюшни вдругъ, по знаку Б—ва, на Гапонова накинудись конюхи и челядь и схватили его. «Выпороть его!» крикнулъ Б—въ. Гапоновъ, блѣдный, растерянный, съ выраженіемъ нѣмого ужаса на лицѣ смотрѣлъ на Б—ва. Прерывающимся дрожащимъ голосомъ онъ умолялъ Б—ва: «что-жь ты, братъ, дѣлаешь?!» — «А помнишь, отецъ протопопъ?».— По окончаніи экзекуціи Гапонову сейчасъ же былъ поданъ экипажъ, и онъ уѣхалъ—въ какомъ состояніи, предоставляемъ судить читателямъ. Слухъ объ этомъ распространился по благочинію и поразилъ всѣхъ: еще до нѣкоторой степени была понятна расправа съ Б—вымъ, который былъ все-таки простымъ священникомъ; но въ умѣ обывателей рѣшительно не укладывалось представленіе о солидномъ протопопѣ, «благочинномъ благочинныхъ», и о жестокой экзекуціи, учиненной надъ нимъ.

Сейчасъ-же по пріѣздѣ изъ Фатежа въ Дмитріевъ, Гапоновъ оправился въ Бѣлгородъ къ преосв. Θεоктисту съ жалобой на Б—ва. Подаетъ прошеніе преосвященному. Тотъ принялъ его сухо и сдержанно.—«Ну, что жъ? надѣешься доказать то, о чемъ пишешь? были свидѣтели?»—Какъ же, ваше преосвященство, тамъ было много народу изъ крестьянъ Б—ва.—«Тѣмъ хуже для тебя. Крестьяне развѣ покажутъ за тебя? стануть-ли они говорить противъ своего владѣльца?»—«Я не знаю».—«Если надѣешься доказать, то принимаю прошеніе; а лучше, совѣтую оставить дѣло».—«Да какъ же такъ, владыка? какъ же стерпѣть такую тяжелую обиду!»— «А такъ. Теперь о твоёмъ позорѣ еще немногіе знаютъ,—ходятъ только неясныя слухи; а когда оффи-

ціально начнется судебное дѣло, то узнаеть объ этомъ вся епархія, и мнѣ придется поставить какое-нибудь рѣшеніе. Къ тому же, я слышалъ, будто и ты продѣлалъ съ Б— вымъ то же самое; было это»?.. Гапоновъ замаялся, помолчалъ и съ поклономъ удалился. Разумѣется, совѣтъ преосвященнаго не возбуждать дѣла было очень разумнымъ, и Гапоновъ не могъ не сознавать этого.

Такъ окончилось это дѣло, единственное въ своемъ родѣ въ лѣтописяхъ духовенства курской еперхіи. Гапоновъ съ этихъ поръ не пользуется такимъ благоволеніемъ епархіальнаго начальства, какъ раньше

IV.

Какъ и слѣдовало ожидать, прот. Гапоновъ кончилъ очень плохо. Слишкомъ ужъ расходилась его широкая натура; а окружающая среда не представляла никакого противодѣйствія его произволу, напротивъ, всѣ потворствовали его прихотямъ, все было къ его услугамъ, и нужны были особыя чрезвычайныя мѣры, чтобы покончить съ гнетомъ могущественнаго протопопа. Сообразно естественному ходу вещей, жажда дѣятельности и стремленіе къ самовластію развивались въ Гапоновѣ все болѣе и болѣе. Но, вѣдь, не могли жъ они развиваться безъ конца; когда-нибудь долженъ былъ наступить моментъ, когда дѣйствія Гапонова превысятъ всѣ возможныя нормы, когда область возможнаго и терпимаго будетъ исчерпана. И такой моментъ наступилъ... Впрочемъ, нужно сказать, что Гапоновъ попался не въ той сферѣ, гдѣ онъ совершилъ наиболѣе злоупотребленій и гдѣ именно и нужно было возмездіе за совершенное имъ, а въ чуждой—гражданской области, и притомъ лишь благодаря случайному «увлеченію» Гапонова.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣятельности Гапонова были люди, завидовавшіе ему и съ неудовольствіемъ смотрѣвшіе на усиленіе его вліянія въ мѣстной средѣ. Это были почти всегда соперники его въ административно-церковной сферѣ: члены духовнаго правленія, вліятельные благочинные и т. д. Вначалѣ они не имѣли

возможности бороться съ Гапоновымъ—они терялись въ массѣ сочувствовавшихъ ему лицъ. Если же они и пробовали бороться, то по большей части терпѣли неудачу и сходили со сцены въ число заурядныхъ дѣятелей. Такова напр., поучительная исторія одного благочиннаго (Сергѣя Ѳедотова), который вздумалъ было раскрыть злоупотребленія Гапонова и его пріятелей; пользуясь своимъ вліяніемъ, Гапоновъ едва не добился того, чтобы Ѳедотовъ былъ устраненъ отъ должности (это было въ 1817 году)¹). Но съ теченіемъ времени число недовольныхъ росло, благодаря необузданности и неосторожности Гапонова; обаяніе авторитета власти Гапонова и его личности уменьшалось. Обыватели стали возмущаться выходками и беззаконіями Гапонова и стали все громче и громче выражать свой протестъ. Это стало особенно замѣтно съ тѣхъ поръ, какъ умеръ преосв. Ѳеохистъ (въ 1818 году), благоволившій къ Гапонову. Значеніе Гапонова съ этого времени начинаетъ замѣтно падать. Теперь на него ополчились всѣ враги, до сихъ поръ скрывавшіеся въ разныхъ закоулкахъ; выступаетъ на сцену—и уже съ бѣльшимъ успѣхомъ—его прежній недоброжелатель, свящ. С. Ѳедотовъ. Такимъ образомъ, начиная съ 1821 года возникаютъ одно за другимъ нѣсколько дѣлъ, въ которыхъ обвиняемымъ лицомъ является протоіерей Гапоновъ. Дѣла эти, какъ значится въ одной изъ мѣсячныхъ вѣдомостей духовнаго правленія, были слѣдующія.

Апрѣля 1-го, 1821 года священнослужители и церковный староста соборной г. Дмитріева церкви (т. е., сослуживцы Гапонова) подали въ духовное правленіе репортъ о томъ, что Гапоновъ взялъ 914 рублей церковныхъ свѣчныхъ денегъ, предназначенныхъ къ отсылкѣ «въ казенныя мѣста» для храненія, и изъ нихъ представилъ только 386 р. съ копейками²). 15 апрѣля благоч.

¹) Ѳедотовъ подавалъ, между прочимъ, доносъ на благоч. О—скаго, пріятеля Гапонова; но рапортъ его найденъ не заслуживающимъ довѣрія (совершенно безъ всякихъ основаній); въ отвѣтъ на этотъ рапортъ духовное правленіе, во главѣ съ Гапоновымъ, сдѣлало уже постановленіе объ устраненіи Ѳедотова отъ благочиннической должности.

²) Вспомнимъ, что подобное дѣло возникало въ 1808 г. (см. выше); очевидно, эти заимствованія изъ церковныхъ суммъ практико-

Сергѣй Ѳедотовъ донесъ, что Гапоновъ совершилъ по греко-россійскому обряду погребеніе *скоропостижно* умершаго *матеранина*—помѣщика, тайнаго совѣтника Брискорна, и похоронилъ его подъ новопостроенной церковію (конечно, православною) въ селѣ П—ахъ, куда также было перенесено и тѣло ранѣ умершаго трехлѣтняго сына Брискорна; причемъ, по словамъ Ѳедотова, священнослужители, участвовавшіе въ этомъ незаконномъ дѣлѣ вмѣстѣ съ Гапоновымъ, дѣйствовали по личному приказанію и подъ давленіемъ Гапонова. 13 іюня того-же года свящ. соборной г. Дмитріева церкви Алексѣй В—въ подалъ прошеніе на Гапонова, обвиняя его въ томъ, что онъ причинилъ ему, В—ву, во время всенощнаго бдѣнія *въ алтарь* «обиды поносительными словами». 11-го августа того-же года тотъ-же С. Ѳедотовъ донесъ, что прот. Гапоновъ «въ разныя времена» собиралъ съ нѣкоторыхъ церквей дмитріевскаго уѣзда изъ кошелековыхъ суммъ пожертвованія на россійское библейское общество, каковыя деньги не были доставляемы имъ, Гапоновымъ, полностью въ кассу общества.

По этимъ 4 дѣламъ въ духовномъ правленіи началось разслѣдованіе, которое производилось съ удивительною—даже и для того времени—медленностію, удивительною тѣмъ болѣе, что обвиненія, предъявленныя къ Гапонову, были серьезнаго характера. При преемникѣ преосв. Ѳеоктиста, Евгении (Казанцевѣ), дѣло нисколько не подвинулось впередъ—видно, все еще боялись взяться за протопопа безъ особенно сильныхъ побужденій. Но когда на курскую кафедру былъ назначенъ умный, энергичный и строгій Владимиръ (Ужинскій, въ апрѣлѣ 1822 г.), то дѣло приняло нѣсколько другой оборотъ. 2 ноября 1822 г. состоялось постановленіе консисторіи объ увольненіи Гапонова отъ благочиннической должности, которая была временно поручена благочинному слоб. М. Евдокиму Ѳедотову, о чемъ къ Гапонову былъ посланъ указъ. Само собою разумѣется, что Гапоновъ былъ устраненъ и отъ должности первоприсутствующаго въ духовномъ правленіи.

вались Гапоновымъ систематически; теперь его сослуживцы потеряли всякое терпѣніе.

Но привыкшій къ самовластію и къ исключительному привилегированному положенію въ средѣ мѣстнаго духовенства, протоіерей Гапоновъ никакъ не могъ помириться съ указаннымъ постановленіемъ консисторіи—вѣрно, ему ужь очень обидно было отказаться отъ прерогативъ «главнаго благочиннаго» и соединенныхъ съ этимъ званіемъ житейскихъ удобствъ; онъ рѣшительно не могъ согласиться удовлетвориться скромнымъ положеніемъ простаго уѣзднаго протоіерея. И вотъ онъ, можетъ быть, питая смутныя надежды вернуть какъ-нибудь благоволеніе епархіальнаго начальства, всѣми мѣрами старается отсрочить моментъ окончательнаго отчета по благочинію. Онъ придумываетъ разныя увертки, пускается на разныя хитрости: то сказывается больнымъ, то по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ дома и т. д. Сильныя связи въ консисторіи, а можетъ быть и денежныя подачки вліятельнымъ лицамъ помогали ему въ этомъ случаѣ.

Какъ мы уже замѣтили, 2 ноября 1822 года, Гапоновъ былъ устраненъ отъ должности благочиннаго. Его временному преемнику, Е. Ѳедотову, поручено было «учинить исполненіе по всѣмъ указамъ, кои были посланы къ бывшему благочинному прот. Гапонову, но имъ не исполнены», и принять отъ Гапонова всѣ дѣла по должности. Но прошелъ уже почти мѣсяць послѣ этого указа, а Гапоновъ и не думалъ сдавать должности. Прот. Евдокимъ Ѳедотовъ рапортуетъ духовному правленію, что онъ два раза ѣздилъ въ Дмитріевъ къ Гапонову для принятія отъ него дѣлъ—16-го и 24-го ноября, но, по пріѣздѣ туда, «онаго протоіерея Гапонова въ его домѣ не заставалъ, а потому по благочинію дѣлъ никакихъ отъ него не могъ принять, да и *впредь не надѣется*, за его частою отлучкою, принять». Въ виду этого репорта правленіе опредѣлило: «послать вторичный къ показанному прот. Гапонову указъ съ тѣмъ, чтобы онъ безъ всякаго уклоненія сдать всѣ письменныя дѣла, до благочиннической должности касающіяся, по описи, съ роспискою, а священнослужителямъ г. Дмитріева соборной церкви предписать, что какъ скоро прот. Гапоновъ возвратится въ свой домъ, то они того жъ числа увѣдомили бы прот.

Е. Θ—ва съ нарочнымъ письменно о такомъ его, Гапонова, возвращеніи въ свой домъ».

Изъ документовъ не видно, когда и при какихъ именно обстоятельствахъ было исполнено это предписаніе. Но нельзя не признать, что эта крайняя мѣра—полицейскій надзоръ за Гапоновымъ его сослуживцевъ—является довольно остроумнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое было поставлено духовное правленіе.

Устраненіе прот. Гапонова отъ должности благочиннаго, конечно, было только началомъ дѣла. Эта мѣра сама по себѣ не могла служить наказаніемъ; она лишь отчасти предупреждала возможность злоупотребленій по должности со стороны Гапонова. Но на этомъ началѣ епархіальная власть пока и остановилась. До самаго конца 1823 года мы не находимъ въ архивѣ никакихъ слѣдовъ начатаго о Гапоновѣ дѣла: что именно за этотъ годъ сдѣлало фатежское правленіе для разслѣдованія, отбирало ли оно отъ Гапонова какія-нибудь показанія, требовало ли оно вообще его къ допросу—ничего неизвѣстно; а дальнѣйшій ходъ событій доказываетъ, что сдѣлано было во всякомъ случаѣ очень мало или даже и совсѣмъ ничего.

Для дальнѣйшаго движенія дѣла имѣли большое значеніе «вѣдомости о дѣлахъ, производящихся относительно духовныхъ лицъ», которыя ежемѣсячно представлялись духовными правленіями преосв. Владиміру, по его требованію. Преосв. Владиміръ внимательно прочитывалъ эти вѣдомости и слѣдилъ за дѣлами. Изъ дѣлъ о Гапоновѣ особенное вниманіе преосвященнаго обратило на себя дѣло о недоставленіи въ кассу библейскаго товарищества собранныхъ денегъ. Это дѣло признавалось и духовнымъ правленіемъ и епископомъ, какъ видно, особенно важнымъ. Изъ духовнаго правленія къ Гапонову были посланы три указа о доставленіи объясненія относительно этого дѣла: отъ 3 ноября, отъ 24 ноября 1823 года и отъ 10 января 1824 года. Когда же отъ Гапонова не получено было никакого отвѣта на эти указы,—послѣдовала такая резолюція преосвященнаго: «по означенному дѣлу велѣть духовному правленію чрезъ нарочнаго вызвать прот.

Гапонова и на законномъ основаніи настоятельно требовать отъ него показаннаго объясненія». Во исполненіе этой резолюціи, послѣдовавшей во второй половинѣ января 1824 года, духовное правленіе послало къ Гапонову указы о явкѣ въ правленіе для отвѣта какъ по этому дѣлу, такъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и по другимъ вышеупомянутымъ: отъ 27 февраля, отъ 7 марта и отъ 28 апрѣля; а 13 іюня былъ посланъ за Гапоновымъ нарочный «съ инструкціей».

Гапоновъ, для отвѣта по касающимся до него дѣламъ, въ духовное правленіе не явился и объясненій никакихъ не представилъ даже послѣ этихъ распоряженій правленія и резолюціи преосвященнаго. Преприятно онъ проживалъ въ Дмитріевѣ, пользуясь все еще протоіерейскими доходами и попрежнему собирая у себя веселыя компаніи. Очевидно, въ своемъ «домишкѣ» онъ чувствовалъ себя прекрасно и въ полной безопасности. Онъ и не думалъ оставлять своего прежняго образа жизни и попрежнему развѣждалъ по окрестнымъ помѣстьямъ.

Духовное правленіе очутилось въ очень затруднительномъ положеніи. Что пужно было дѣлать? какъ исполнить резолюцію преосвященнаго и притянуть Гапонова къ отвѣту?...

Духовное правленіе дѣлаетъ запросъ въ консисторію: какъ ему поступить съ Гапоновымъ?—рѣшить-ли его дѣла, не взирая на его отсутствіе, или же переслать ихъ въ консисторію? Это «отношеніе» духовнаго правленія въ консисторію является документомъ довольно любопытнымъ: видно, что канцелярія правленія призвала на помощь всѣ свои свѣдѣнія по юридической части, употребила въ дѣло всѣ канцелярскія увертки, извѣстныя ей,—лишь-бы только не ударить лицомъ въ грязь предъ консисторіей и показать во всемъ блескѣ свою дѣятельность. Между прочимъ, правленію слѣдовало сдѣлать въ «отношеніи» такъ называемую «справку», т. е., нужно было сослаться на какой-нибудь (подходящій) законъ, которымъ можно было бы мотивировать постановленіе по дѣлу. Но въ распоряженіи правленія не оказалось вполнѣ удовлетворительныхъ и удобопримѣнимыхъ постановленій, которыя могли бы служить для руководства. Самый

подходящій, но значительно уже устарѣвшій (1723 года) и не вполне пригодный законъ гласилъ слѣдующее: «ежели отвѣтчикъ или истецъ къ суду не станетъ на положенный срокъ и не объявить о себѣ, для чего не сталъ, то его сыскивать такимъ образомъ: первый день съ барабаннымъ боемъ и указъ публиковать, чтобъ явился къ суду въ недѣлю, а когда по прошествіи недѣли не явится, того обвинить». Духовное правленіе и ссылается на этотъ законъ. Но чувствуя, что онъ какъ будто-бы и не совсѣмъ идетъ къ дѣлу и всего меньше можетъ быть приложимъ на практикѣ, авторъ отношенія здѣсь же рядомъ приводитъ совсѣмъ ужъ неюридическую справку: «а въ посланіи св. ап. Павла къ ефесеянамъ, главы 13-й, въ стихахъ 1-мъ и 2-мъ, говорится: всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется» и т. д. (слѣдуетъ выписка извѣстныхъ словъ посланія о повиновеніи властямъ).

Въ отвѣтъ на запросъ правленія консисторія шлетъ длиннѣйшій и изложенный чрезвычайно запутанно и сбивчиво указъ. Въ основаніи этого указа лежитъ новый, еще не дошедшій до правленія, законъ: высочайше утвержденное 29 января 1824 года мнѣніе государственнаго совѣта «о пресѣченіи подсудимымъ способовъ уклоняться отъ явки въ уголовный судъ». Въ этомъ «мнѣніи» подробно трактуется о томъ, «какъ привлекать къ отвѣту уклоняющихся отъ него преступниковъ», какъ поступать, когда они кажутся больными и т. д., т. е., какъ разъ именно при мнѣнительно къ дѣлу о Гапоновѣ.

Можно было бы заключить, что послѣ этой переписки, послѣ столькихъ хлопотъ и огорченій консисторія, наконецъ,шла способъ уладить затрудненіе и пришла къ какому-нибудь вполне определенному и имѣющему жизненное значеніе выводу. Но... гора родила мышь. Внушительный съ внѣшней стороны и юридически обоснованный указъ заканчивается опредѣленіемъ довольно таки плачевнаго характера: «предписать мѣстному, по г. Дмитріеву, благочинному, чтобы онъ, объявя сей законъ (вышеупомянутое «мнѣніе») протоіерею Гапонову, обязалъ его на основаніи онаго подпискою о явкѣ въ правленіе по касающимся до

него дѣламъ» и подписку эту доставилъ въ правленіе немедленно ¹⁾).

Очевидно, эта мѣра не только не могла привести къ какимъ-нибудь дѣйствительнымъ и существеннымъ результатамъ, но даже являлась въ судебной процедурѣ «шагомъ назадъ»: сколько ужъ разъ посылали къ Гапонову—и «ордеры» и нарочныхъ! Духовное правленіе ужъ и счетъ потеряло своимъ посламъ...

Кажется, что, такимъ образомъ, начальствомъ были испытаны всѣ мѣры, находившіяся въ его распоряженіи къ тому, чтобы вызвать прот. Гапонова. Не доставало только «барабаннаго боя». И дѣйствительно, если-бы, какъ разъ къ этому случаю, не было ошибликовано указанное «миѣніе» государственнаго совѣта, то прот. Гапонову, пожалуй, предстояла бы перспектива сыска «съ барабаннымъ боемъ» и опубликованіемъ указа.

Гапоновъ, и послѣ упомянутаго указа консисторіи продолжалъ отсиживаться въ Дмитріевѣ, сославшись на упорную болѣзнь. Такимъ образомъ прошло еще 4—5 мѣсяцевъ. Въ ноябрѣ Гапоновъ прислалъ благочинному рапортъ, въ которомъ сказывался больнымъ и обязывался по выздоровленіи явиться къ отвѣту. Но и до феврала мѣсяца, какъ и слѣдовало ожидать, онъ не явился; поэтому духовное правленіе предписываетъ благоч. Е. Ѳедотову отправиться на мѣсто (въ Дмитріевъ) и «совершенно узнавъ, боленъ-ли оный прот. Гапоновъ или здоровъ», донести правленію о результатахъ своей поѣздки (указъ правленія отъ 28 февраля 1825 года). 26 марта духовное правленіе вынуждено опять послать благочинному предписаніе, чтобы онъ «не медля, при надлежащемъ посредствѣ и чрезъ кого слѣдуетъ, освидѣтельствовалъ Гапонова: подпишно ли онъ боленъ до невозможности явиться (въ правленіе) и какою именно болѣзнію; а затѣмъ доставить безпристрастныя свѣдѣнія, не занимается ли онъ, Гапоновъ, съ того времени, какъ сталъ отзываться больнымъ, отправленіемъ своей должности по церкви и приходу, и часто ли и въ пол-

---

¹⁾ Указъ курской духовной консисторіи отъ 4 августа 1824 года за № 2809.

номъ ли порядкѣ, также не отлучался ли онъ куда-либо, и буде отлучался, то куда именно, надолго ли, сколько разъ и по какимъ причинамъ».

Мы потому такъ долго останавливаемся на подробностяхъ этого дѣла, что онѣ очень ярко характеризуютъ намъ судебную процедуру того времени. Въ 1821 году началось судебное дѣло. Но вотъ наступилъ уже 1825 годъ, а оно не двинулось ни на шагъ. За 4 года, при всѣхъ стараніяхъ, не могли даже снять вопроса съ Гапонова или, можетъ быть, и могли, да не хотѣли...

Чрезвычайно курьезное, а подчасъ и трагикомическое, впечатлѣніе производитъ вся эта исторія. Съ одной стороны—«начальство», вооруженное «ордерами», «предложеніями» и т. д., имѣющее въ своемъ распоряженіи всѣ возможныя средства—до грубой полицейской силы включительно; съ другой—обыкновенный уѣздный протопопъ, прежде, можетъ быть, и сильный, и вліятельный, но теперь, во всякомъ случаѣ, сошедшій со сцены, обвиняемый въ разныхъ преступленіяхъ и потому лишенный не только почета, но и расположенія своихъ знакомыхъ и друзей. И при всѣхъ своихъ усиліяхъ начальство ничего не могло сдѣлать съ этимъ протопопомъ; а онъ все оттягивалъ и оттягивалъ развязку...

И трудно сказать, чѣмъ окончилась бы эта неравная (Гапоновъ, несомнѣнно, былъ фактически сильнѣйшей до сихъ поръ стороною) борьба, если бы не случилось происшествіе, которое подвинуло дѣло впередъ и привело его къ роковому для Гапонова исходу.

V.

Въ окрестностяхъ Дмитріева жила въ своемъ имѣніи вдова, помѣщица Брискорнъ. Это была очень богатая землевладѣлица; нѣсколько сель подъ-рядъ принадлежали ей; въ главномъ имѣніи, въ селѣ С., былъ у нея прекрасный «дворецъ», въ которомъ она и проживала. Прот. Гапоновъ, какимъ-то образомъ приобрѣлъ ея

довѣріе и сдѣлался главнымъ управляющимъ ея имѣній, удачно совмѣщая свои сложныя обязанности съ этою частною должностію. Для повѣрки отчетовъ и для общаго наблюденія за хозяйствомъ Гапоновъ перѣдко пріѣзжалъ въ имѣніе. Въ эти наѣзды Гапоновъ чинилъ судъ и расправу надъ провинившимися «подданными» (какъ тогда называли себя крѣпостные) ея превосходительства и давалъ порядки, при чемъ дѣйствовалъ, конечно, вполнѣ самостоятельно и независимо. И вообще, Гапоновъ былъ полнымъ хозяиномъ у Брискорнъ; у него были какія то тѣсныя связи съ ея семействомъ: мы уже видѣли выше, что онъ хоронилъ ея мужа, о чемъ и возникло дѣло. Какъ онъ расправлялся съ крестьянами—объ этомъ можно судить уже по тому, что мы знаемъ о его характерѣ и склонностяхъ.

Одинъ разъ онъ жестоко наказалъ крестьянъ Брискорнъ—и притомъ, нужно думать, незаслуженно и несправедливо, такъ какъ крестьяне подали жалобу на него «свѣтской командѣ». Это было въ 1823 или 1824 году. Вскорѣ послѣ этого Гапоновъ еще рѣзче проявилъ свой произволь. Онъ жестоко выпоролъ какого то «иностранца Франкъ». Какое положеніе въ домѣ Брискорнъ занималъ этотъ Франкъ, былъ ли онъ гувернеромъ или же управлялъ какимъ-либо изъ имѣній Брискорнъ, изъ документовъ не видно; но несомнѣнно, что онъ былъ лицомъ привилегированнымъ. Всего вѣроятнѣе, онъ навлекъ на себя неудовольствіе Гапонова тѣмъ, что не потворствовалъ его прихотямъ, не одобрялъ его дѣйствій по управленію имѣніями; во всякомъ случаѣ, если онъ игралъ значительную роль въ имѣніи, то поводы для столкновенія съ Гапоновымъ всегда могли найтись, тѣмъ болѣе, что Гапоновъ не привыкъ улаживать ссоры мирнымъ путемъ. Почти одновременно съ потерпѣвшими крестьянами подалъ жалобу на Гапонова и Франкъ.

Такимъ образомъ возникли два новыхъ дѣла о прот. Гапоновѣ—уже въ судѣ свѣтскомъ. Къ первому дѣлу—о крестьянахъ—была привлечена и госпожа ихъ Брискорнъ, очевидно, принимавшая самое живое и дѣятельное участіе въ расправѣ; вмѣстѣ съ Гапоновымъ она обвинялась въ «безпорядочномъ обращеніи» съ крестьянами.

Однако, и въ этомъ случаѣ Гапоновъ на первый разъ сумѣлъ уклониться отъ отвѣта; дѣла затянулись: «свѣтская команда» отнеслась къ начальству Гапонова, это послѣднее дало отвѣтъ «командѣ», нужно было назначить депутата для присутствованія при дѣлѣ и т. д., и т. д. Но такъ какъ дѣла были серьезнаго характера и возникли въ свѣтскомъ судѣ, и такъ какъ въ судьбѣ потерпѣвшихъ приняли участие высшія лица администраціи, то и велись эти дѣла нѣсколько иначе, чѣмъ тѣ, которыя были въ судѣ церковномъ. Вѣсть о дикой расправѣ, благодаря этому, дошла до Петербурга, и изъ святѣйшаго синода послѣдовало грозное предписаніе: нарядить надъ прот. Гапоновымъ строжайшее слѣдствіе по жалобамъ Франка и крестьянъ Брискорнъ; назначить для этого трехъ протопоповъ—по одному изъ епархій: курской, орловской и черниговской, которые должны поѣхать въ имѣніе Брискорнъ и, не выѣзжая съ мѣста, разобрать все дѣло и донести о результатахъ святѣйшему синоду.

Назначенные синодомъ слѣдователи прибыли на мѣсто, въ имѣніе Брискорнъ, для производства слѣдствія. Разумѣется, они были тамъ не желанными гостями. Понятно, поэтому, что ихъ приняли очень плохо и всѣми мѣрами старались выжить изъ имѣнія. Такъ, напр., содержанія отъ Брискорнъ имъ никакого не выдавалось, какъ и слѣдовало, впрочемъ, ожидать, и они должны были сами изыскивать себѣ средства пропитанія—въ буквальномъ смыслѣ слова; приходилось просто бѣдствовать, такъ какъ на пути къ достиженію этой цѣли имъ ставились всевозможныя препятствія со стороны экономіи, и положеніе протопоповъ, принужденныхъ отыскивать себѣ хлѣбъ, провизію, «приварокъ» и т. п., становилось нерѣдко просто комическимъ. При допросѣ свидѣтелей и потерпѣвшихъ, вообще, при веденіи слѣдствія мѣстные власти уклонялись, по возможности, отъ всякаго содѣйствія слѣдователямъ.

Поработавъ недѣлю-другую, слѣдователи отсылали протоколы о дѣлѣ чрезъ мѣстную почту въ Петербургъ, при чемъ испрашивали обыкновенно дальнѣйшихъ руководственныхъ для себя указаній. Такимъ образомъ прожили они нѣсколько мѣсяцевъ, ото-

слали много бумагъ въ синодъ и ждали отвѣта. Не получивъ его, они продолжали разслѣдовать дѣло по собственнымъ соображеніямъ, на свой страхъ. Прошло еще нѣсколько времени. Дѣло было окончено, вся переписка отослана въ Петербургъ, и слѣдователи только ждали разрѣшенія возвратиться по домамъ. Отвѣта опять таки не получалось никакого. Оставалось ждать. Преданіе говоритъ, что протопопы просидѣли такимъ образомъ въ имѣніи Брискорнъ больше года. Наконецъ, былъ полученъ изъ синода запросъ: почему они затягиваютъ слѣдствіе и *не представляютъ* о немъ никакого *отчета*? Нужно представить себѣ изумленіе слѣдователей!... Недоразумѣніе объяснилось очень просто: мѣстные почтовые чиновники были подкуплены, они жгли всѣ бумаги, которыя отсылались въ синодъ, такъ что ни одна изъ нихъ не достигла по назначенію, и самый этотъ запросъ былъ полученъ лишь потому, что онъ былъ паправленъ чрезъ консисторію, которая и доставила его чрезъ нарочнаго по адресу. Пришлось опять повторять всю процедуру сначала: собирать и допрашивать толпы свидѣтелей, отбирать подписи наводить разные оффиціальныя справки и т. д. и т. д. Близкаго конца дѣлу не предвидѣлось.

Между тѣмъ одинъ изъ пострадавшихъ — Франкъ — уже терялъ терпѣніе, ожидая возмездія Гапонову за обиду. Живя въ имѣніи, наблюдая всю эту судебную волокиту и не видя конца ей, онъ хотѣлъ добиться чего-нибудь самъ, своими собственными силами. Онъ хотѣлъ отправиться лично въ Петербургъ. Но Брискорнъ не разрѣшила ему отпуска, а подкупленная полиція не выдавала вида на проѣздъ; мало того: приняты были всѣ мѣры къ тому, чтобы не выпустить его изъ усадьбы. Франкъ долженъ былъ такимъ образомъ оставаться на мѣстѣ и быть невольнымъ свидѣтелемъ происходившаго. Наконецъ, кто то внушилъ Франку счастливую мысль: перерядить жену въ платье нищей и въ такомъ видѣ попытаться вывести ее изъ усадьбы. Этотъ планъ удался; жена Франка, переряженная, незамѣтно выбралась изъ усадьбы и отправилась въ Петербургъ. Она благополучно добралась до столицы, нашла доступъ къ одной изъ высокопоставленныхъ при-

дворныхъ дамъ, которая была одной національности съ Франкомъ, рассказала ей о всемъ, что происходило въ усадьбѣ Брискорнъ, представила яркую характеристику прот. Гапонова. Та съ участіемъ выслушала ее и общала свое содѣйствіе. Благодаря этому, о дѣлѣ было доведено до свѣдѣнія Государя Николая Павловича. Это было въ срединѣ 1826 года.

Государь былъ возмущенъ, услышавши о дикой расправѣ прот. Гапонова надъ крестьянами и Франкомъ¹⁾, о судебной волокитѣ и о прочемъ, и отдалъ строжайшій приказъ рѣшить дѣло какъ можно скорѣе. Вотъ почему дѣло выходитъ изъ области специальныхъ полномочій епископа и синода и переходитъ въ комитетъ министровъ. Результатомъ этого распоряженія былъ указъ, которымъ судьба прот. Гапонова рѣшается безповоротно и навсегда²⁾.

Въ этомъ указѣ между прочимъ значится слѣдующее. «Святѣйшему правительствующему синоду г. оберъ-прокуроръ онаго князь П. С. Мещерскій предлагалъ *во-первыхъ*: выписку изъ журнала комитета г.г. министровъ отъ 26 октября 1826 года для надлежащаго исполненія содержащейся въ оной высочайшей воли о заключеніи курской епархіи протоіерея М. Гапонова, участво-

---

1) Извѣстно, каковы были взгляды имп. Николая I на крѣпостное право въ началѣ его царствованія. «Я не понимаю,—говорилъ Государь—какимъ образомъ человекъ сдѣлался вещью, и не могу объяснить себѣ этого иначе, какъ хитростью, обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой». Двумя рескриптами на имя управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Государь предписалъ дворянству христіанское и сообразное съ законами обращеніе съ крестьянами, явно высказывая свое желаніе оградить крестьянъ, «отъ помѣщичьяго произвола. (См. Джаншіевъ, «Эпоха великихъ реформъ», изд. 7-е, стр. 12 и др. и очеркъ. Шильдера, «50 лѣтъ русской исторіи» въ сборникѣ «XIX вѣкъ», изд. Маркса, стр. 101).

Имѣя въ виду эти взгляды государя, мы поймемъ, почему онъ принялъ такое живое участіе въ дѣлѣ о Гапоновѣ, не говоря уже о томъ, что ходатайство близкихъ къ государю лицъ, возбужденное женою Франка, могло имѣть значеніе и само по себѣ.

2) Указъ святѣйшаго синода отъ 27 марта 1827 года.

вавшіаго съ помѣщицей Брискорнъ въ безпорядочномъ обращеніи съ ея крестьянами, въ монастырь на покаяніе, пока, въ правственности исправится; *во-вторыхъ*, что Государь императоръ, разсмотрѣвъ отношеніе къ статсъ-секретарю Муравьеву сенатора князя Долгорукова отъ 16 ноября того-жъ года, о причиненныхъ Гапоновымъ безчеловѣчныхъ побояхъ иностранцу Франку, высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ протоіерей Гапоновъ лишень былъ священническаго сана, какъ недостойный онаго по его поступкамъ». Кромѣ того Государю угодно было спросить: «почему поведеніе Гапонова *до сихъ поръ неизвѣстно духовному начальству*»?

«Духовному начальству» пришлось употребить большія усилія, чтобы снять съ себя обвиненіе, скрытое въ этомъ вопросѣ Государя. Объясненіе вышло натянутое и искусственное, хотя повидимому и снимало отчасти съ епархіальной власти упрекъ въ потворствѣ Гапонову и смягчало обвиненіе въ небрежности и нерадѣніи. «Поведеніе Гапонова—отвѣчаетъ св. синодъ,—какъ по справкѣ съ послужнымъ его спискомъ оказалось, *давно обращаетъ вниманіе* епархіальнаго начальства по нехорошимъ дѣламъ, изъ коихъ по нѣкоторымъ учиненъ отъ суда свободнымъ по недоказательству, а по другимъ и теперь состоятъ подъ судомъ и только за неокончаніемъ оныхъ не воспріялъ донинѣ должнаго наказанія» (вспомнимъ, что дѣло о Гапоновѣ началось въ 1821 году, а это писалось въ декабрѣ 1826 г.). На этомъ докладѣ св. синода послѣдовала 9 января 1827 года высочайшая резолюція та-того содержанія: «не должно было оставлять его при должности, когда совершенно неблагонадеженъ».

Во исполненіе высочайшей воли св. синодъ съ своей стороны опредѣлилъ: «лишить прот. Гапонова протоіерейскаго—священническаго сана вовсе, яко недостойнаго носить оный по таковымъ поступкамъ и, *исключивъ* его изъ духовнаго званія и вѣдомства, отослать въ губернское правленіе для поступленія съ нимъ по точной силѣ указа сената отъ 20 ноября 1806 года». Въ «реэстрѣ бывшимъ священно-церковнослужителямъ, кои лишены духовнаго званія и отосланы въ гражданское вѣдомство на

разсмотрѣніе», который былъ составленъ въ 1830 году по распоряженію преосв. Владиміра, и въ которомъ указаны также и причины лишенія сана, значится на первомъ мѣстѣ: «протоіерей Михайлъ Гапоновъ, бывшій благочиннымъ и присутствующимъ въ духовномъ правленіи—за бой иностранца Франка».

Такъ печально окончилъ свою дѣятельность на духовномъ поприщѣ этотъ несомнѣнно незаурядный и талантливый человѣкъ, стоявшій цѣлою головою выше своихъ современниковъ и имѣвшій на нихъ сильное вліяніе. Полный силъ, энергіи, страстно желавшій практической дѣятельности, онъ не зналъ, куда приложить свои силы, и растратилъ ихъ по-мелочамъ. Зброшенный судьбою въ маленькій захолустный городокъ, въ невѣжественную и грубую среду, онъ съ головою окунулся въ это болото и погрязъ въ немъ, проводя развеселую и беззаботную жизнь. Не встрѣчая противодѣйствія своимъ, не всегда чистымъ и безупречнымъ, стремленіямъ, онъ, естественно, увлекся далѣе, чѣмъ слѣдуетъ и сталъ считать все для себя возможнымъ и позволительнымъ.

Д. Булгаковъ.

Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа ¹⁾.

I.

Черты изъ прошлаго Геленджика и вообще побережья.

Вступленіе. Геленджикъ въ прошломъ и настоящемъ. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи Геленджика. Первые попытки заселенія побережья. Колонизація его кубанскими козаками. Вольная колонизація. Недочеты обоихъ видовъ колонизаціи. Обращеніе козаковъ въ крестьянъ. Общинные порядки. Экономическое положеніе мѣстнаго населенія нынѣ.

Черноморское побережье Кавказа привлекаетъ въ послѣдніе годы общее вниманіе. Притокъ временныхъ посѣтителей его, ѣдущихъ на побережье, частію съ цѣлью полѣчиться купаньемъ въ морѣ, частію ради лѣченія чистымъ горнымъ воздухомъ, а частію и для

---

¹⁾ Предлежащіе очерки кавказскаго побережья, какъ и ожидаетъ читатель, неизбѣжно и съ возможною подробностью коснутся исторіи заселенія побережья тѣми самыми кубанскими козаками, происшедшими изъ запорожцевъ, которые тамъ—на Кубани, на второй своей родинѣ, „сохранили до настоящаго времени малороссійскій говоръ и обычаи“ (Энциклоп. слов. Брокгауза, стр. 838), а здѣсь, на третьей своей родинѣ, въ громадномъ большинствѣ безропотно слагали свои буйныя головы въ борьбѣ съ лихорадками, незнакомыми условіями жизни и чуждой природой. Эти же очерки по возможности знакомятъ читателя и съ

того, чтобы провести тамъ лѣто на дачѣ, или же просто повидать вошедшую въ моду кавказскую Ривьеру,—увеличивается съ каждымъ годомъ. Даровая, или почти даровая, раздача, такъ наз., культурныхъ участковъ и мѣстъ подъ дачи, устройство новыхъ курортовъ, организація новыхъ городовъ, надежда на скорое обогащеніе перепродажей земель и дачъ—все это только увеличиваетъ вниманіе и интересъ къ побережью. Слухи о богатствѣ природы и возможности разнообразнѣйшихъ культуръ привлекаютъ отчасти и людей, желающихъ устроиться тамъ на постоянное занятіе собственнымъ хозяйствомъ. Наконецъ, слухи о вольныхъ плодородныхъ земляхъ влекутъ сюда также и засельщиковъ изъ крестьянъ юга, а частью и центра Россіи. Понятно, что весь этотъ разнообразный людъ, стремящійся лѣчиться, жаждущій отдохнуть, либо только покойфовать, какъ и желающій нажить, разбогатѣть на чужой счетъ, или стремящійся только устроиться собственнымъ трудомъ безбѣдно и скромно, интересуется побережьемъ и при томъ съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія.

Помимо того, одно уже прошлое кавказскаго побережья Чернаго моря, этой колыбели древней Колхиды, куда въ свое время ѣздили отважные Аргонавты и гдѣ Язонъ искалъ золотое руно, должно привлекать къ нему наше вниманіе. На памяти нашей, или по крайней мѣрѣ нашихъ отцовъ, тамъ еще кипѣла многолѣтняя упорная и кровавая борьба горцевъ съ русскими, во время которой незамѣтно, но безвозвратно погибла создававшаяся многими вѣками интенсивная горская культура. На той же

положеніемъ выжившихъ на побережьѣ кубанцевъ и ихъ потомковъ въ настоящее время. Но говоря о кавказскомъ побережьѣ, о нынѣшнемъ положеніи его населенія, объ исторіи его заселенія, о колонизаціонной политикѣ края, его будущемъ, а слѣдовательно и будущемъ его населенія, нельзя забывать, что нынѣшнее побережье—это край курортовъ и что условія жизни его населенія и условія развитія въ немъ культуры тѣсно связаны съ этой чисто курортной стороной его жизни, на которой неизбѣжно приходится поэтому останавливаться съ извѣстною подробностью. Пусть не посѣтуетъ поэтому на эти подробности читатель, интересующійся получить только свѣдѣнія о жизни бывшихъ кубанцевъ, тѣмъ болѣе, что и свѣдѣнія о нашей „кавказской Ривьерѣ“ тоже имѣютъ свой интересъ и къ чему-нибудь могутъ когда-нибудь пригодиться.

памяти роскошная Колхида стала и кладбищем большинства кубанских козаков — исконных степняков, волею судеб заброшенных в чуждые горы и долженствовавших насадить, на мѣстѣ погибшей, во время войны, новую еще болѣе прочную культуру, но «полегшихъ костыми» въ борьбѣ съ чуждыми условіями въ незнакомой странѣ...

Одна культура исчезла, первая попытка созданія новой потребовали массы жертвъ и окончились почти полною неудачею, но на мѣсто первыхъ пионеровъ явились новыя наслоенія, новыя попытки колонизаціи и культуры — и край сталъ понемногу заселяться и оживляться. Богатство и разнообразіе природы, разнообразіе климатовъ, почвъ, растительности, дающее возможность введенія всевозможныхъ культуръ отъ простой ржи до винограда и маслинъ, лимона и чая включительно, изобиліе свободныхъ «впустѣ лежащихъ» земель, никому лично не принадлежавшихъ, — все это привлекало къ себѣ новыхъ засельщиковъ и способствовало созданію новыхъ условій жизни въ завоеванномъ краѣ. Узнать, какимъ путемъ создавались эти новыя условія, во что они вылились, какъ сложилась культура края, какое направленіе ей дается и каково оно должно быть — все это вопросы, заслуживающіе вниманія и возбуждающіе также несомнѣнный интересъ къ побережью.

Литература этого края уже довольно богата, но она далеко еще не обнимаетъ всѣхъ тѣхъ сторонъ жизни побережья, которыя возбуждаютъ къ нему интересъ въ читающемъ обществѣ, и не дала еще болѣе или менѣе подробнаго описанія всѣхъ наиболѣе выдающихся мѣстъ побережья. Лучшія, по моему мнѣнію, изъ наиболѣе современныхъ изслѣдованій побережья — это работа П. Н. Клингена: «Основы хозяйства въ Сочинскомъ округѣ», а изслѣдованіе профессоровъ А. И. Воейкова, Ѳ. И. Пастернацкаго и горнаго инженера М. В. Сергѣева «Черноморское побережье» и статьи проф. Краснова. Къ сожалѣнію, послѣднія два изданія мало распространены, мало доступны для публики и уже вызвали нѣкоторыя возраженія со стороны лицъ, изслѣдовавшихъ побережье (напр. проф. Краснова) ¹⁾.

¹⁾ Первое — изданіе департамента земледѣлія, которое, какъ знаю по личному опыту, достать довольно трудно. Второе — оттискъ изъ «Трудовъ перваго всероссійскаго съѣзда дѣятелей по климатологіи,

Въ виду этого, вѣроятно, бесполезно будетъ и то небольшое, что добыто мною частію путемъ личныхъ наблюденій, частію путемъ подробныхъ разспросовъ заслуживающихъ довѣрія и компетентныхъ лицъ, отчасти и ознакомленіемъ съ литературой края и изложено въ подлежащихъ очеркахъ, отнюдь однако не претендующихъ на полное описаніе побережья. И это тѣмъ болѣе, что нѣкоторые уже вошедшіе въ славу пункты побережья завѣдомо будутъ пропущены въ моемъ описаніи, какъ вслѣдствіе недостаточнаго съ ними знакомства, такъ отчасти и потому, что о нихъ писалось уже съ большею подробностію, чѣмъ могу сообщить я.

Настоящіе очерки черноморскаго побережья Кавказа надлежало бы, слѣдуя географическому порядку, начать съ описанія Новороссійска 1). Но при наличности извѣстной связи между жизнью этого города и жизнью тяготѣвшаго и тяготѣющаго къ нему сельскаго района, жизнь перваго, какъ города и порта, шла все-таки своей особой колеей и сложилась, конечно, нѣсколько иначе, чѣмъ вообще на побережьѣ и, въ частности, въ прилегающемъ къ Новороссійску районѣ. Поэтому удобнѣе будетъ начать эти очерки именно съ описанія прилегающаго къ Новороссійску района, чтобы предварительно дать читателю общее понятіе о его исторіи, условіяхъ колонизаціи и современномъ состояніи. По окончаніи описанія этого района послѣдуетъ глава о Новороссійскѣ, а затѣмъ и описаніе нѣкоторыхъ мѣстъ побережья на югъ отъ Геленджика и Новороссійска.

гидрологіи и бальнеологіи». (т. I, цѣна 3 р., 1899 г.)—изданіе тоже малораспространенное. Первое касается при томъ же, къ сожалѣнію, одного лишь сочинскаго района. Второе представляетъ результатъ изслѣдованія, принаровленнаго главнымъ образомъ къ выясненію вопроса о постановкѣ курортнаго дѣла на побережьѣ и произведеннаго въ довольно короткій періодъ времени (что впрочемъ частію искупается тѣмъ обстоятельствомъ, что участниками изслѣдованія были компетентные специалисты). Во всякомъ случаѣ при пользованіи этими 2 изданіями полезно сопоставить ихъ выводы съ нѣкоторыми другими печатными источниками послѣдняго, времени и прежде всего съ работами проф. Краснова («Книжки недѣли» 1900 г. №№ 1 и 2 и слѣд. и «Кавказскій Вѣстникъ» 1901 г. № 1).

1) Сѣвернѣе я не былъ.

До войны русскихъ съ кавказскими горцами Геленджикъ, благодаря своей удобной бухтѣ, имѣлъ большое торговое значеніе. Въ 1811 г. командиръ фрегата «Іоаннъ Златоустъ» Скуртули доносилъ о бухтѣ Геленджикъ-Кале, что она «довольно выгодна своимъ закрытіемъ отъ вѣтровъ и глубиною для купеческихъ и малыхъ военныхъ судовъ»... «Владѣтель оной бухты есть черкесскій князь Калобать-Оглу, котораго поддерживаетъ Анапскій паша и сія бухта есть единственная отъ Суджука до Сухума, которая доставляетъ всѣ жизненные и другіе припасы для черкесъ».

По собраннѣмъ мною на мѣстѣ разсказамъ старожиловъ, Геленджикъ «на памяти стариковъ» (людей, бывавшихъ здѣсь ради торговыхъ и другихъ цѣлей задолго до конца войны съ горцами) былъ такимъ оживленнымъ торговымъ центромъ, о которомъ нынѣшніе его жители пока даже и мечтать не смѣютъ. Въ бухтѣ его постоянно стояло множество торговыхъ фелюгъ и турецкихъ кораблей (тогда какъ теперь изрѣдка зайдетъ въ бухту на день-два пароходъ къ цементному заводу или въ теченіе двухъ-трехъ дней покачаются на легкихъ волнахъ бухты одна или двѣ парусныя шкуны)¹⁾. Черезъ Геленджикъ сбывались въ изобиліи рогатый скотъ, овцы, домашняя птица, медъ, воскъ, въ большомъ количествѣ яйца. Это—все такіе товары, о сбытѣ которыхъ черезъ Геленджикъ теперь уже и помина нѣтъ. Надо сказать, впрочемъ, по этому поводу, что и сама прилегающая страна, не въ примѣръ нынѣшнему времени, была ²⁾ въ то время «обильна млекою и медомъ». Въ концѣ, напр., тридцатыхъ годовъ, когда русскіе начинали приступать къ сооруженію береговыхъ укрѣпленій, все побережье съ прилегающей къ нему горной полосой представляло тщательно разработанный культурный оазисъ, гдѣ о-бокъ съ дикими неприступными скалами и вѣковыми (теперь безпощадно вырубленными на всѣхъ наиболѣе доступныхъ мѣстахъ) лѣсами ютились прекрасные виноградники, зеленѣли роскошныя нивы, расположенныя мѣстами даже на искусственныхъ террасахъ, снабжаемыя водою изъ нарочито устроенныхъ оросительныхъ каналовъ, оберегаемыя отъ ливней искусственными во-

¹⁾ А крейсирующіе пароходы (одного только) Русскаго Общества заходятъ сюда не болѣе какъ на $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ часа.

²⁾ Какъ видно, напр., изъ изслѣдованій г. Клингена.

доотливѣми. По побережью пестрѣли густые сады, въ которыхъ зрѣли разнообразныя фрукты, составлявшіе для мѣстнаго горскаго населенія одинъ изъ важныхъ предметовъ сбыта, какъ и медь и воскъ, получавшіеся ими съ обширныхъ пчельниковъ. На поляхъ береговой полосы росли кукуруза, ячмень, просо, пшеница и др. хлѣбныя злаки, убираемые въ извѣстное время спускавшимися съ горъ горцами, которые изъ опасенія лихорадокъ въ низинахъ, всегда жили въ горахъ и только въ извѣстное время дня въ опредѣленное время года спускались для работъ на береговой низинѣ. Близкое знакомство съ климатомъ и природой страны, полученное вѣковымъ опытомъ умѣнье приспособляться къ неблагоприятнымъ климатическимъ особенностямъ края, извѣстный уровень культурности, котораго они уже успѣли достигнуть ко времени начала кровавой боръбы съ русскими—все это дало имъ возможность насадить высокую культуру въ такихъ мѣстахъ, которыя русскій и теперь еще считаетъ непригодными для какой бы то ни было культуры. Умѣло пользуясь дарами богатой природы, горцы сумѣли воспользоваться и близостью моря для расширенія своихъ торговыхъ сношеній и увеличенія размѣровъ сбыта разнообразныхъ продуктовъ своего хозяйства. Естественно, что во всѣхъ приморскихъ пунктахъ, гдѣ морскіе суда могли найти хоть какую нибуть защиту отъ морскихъ вѣтровъ, шла оживленная торговля, потому что было что сбывать и было кому приобрести: естественно, что Геленджикъ съ его почти наилучшей на побережьи бухтой былъ однимъ изъ главныхъ такихъ торговыхъ центровъ.

Но кровавая война изгнала и уничтожила горцевъ¹⁾, въ корень разрушила ихъ культуру, искусственные каналы заросли и засорились, стоившія много труда искусственныя террасы осыпались, обширныя сады и прекрасныя виноградники частью вырублены во время войны и въ періодъ заселенія страны русскими, частью одичали и такъ обросли другими породами деревьевъ, что теперь уже «трудно опредѣлить, гдѣ кончается перевитая дикою виноградной лозой лѣсная чаща и гдѣ начинается бывшее культурное насажденіе».

---

¹⁾ Поистинѣ потрясающая душу исторія выселенія горцевъ подробно изложена у Берже: «Русск. Старина» 1882 г. № 5.

По преданіямъ, такіе же роскошные сады, защищенные отъ холоднаго нордъ-оста могучими густыми лѣсами, окружали Геленджикъ въ былыя времена такою стѣною, что весною онъ утопалъ въ цвѣтахъ, какъ богато убранная невѣста. Отсюда и производять нѣкоторые его названіе «Геленджикъ», которое, по ихъ толкованію, означаетъ «Бѣлая невѣста». Справедливость требуетъ, однако, сказать, что другіе, производя его отъ иныхъ словъ и нарѣчій, переводять это названіе нѣсколько иначе: «Красавица-невѣста», «Городокъ-невѣста», а нѣкоторые и просто «Бухта». Кубанцы-малороссы, поселившіеся тутъ впервые, дали ему названіе «Зеленчукъ», которое за нимъ осталось въ народной средѣ и понынѣ. Являясь, повидимому, производнымъ отъ «Геленджикъ», оно въ то же время, надо думать, характеризовало все таки это мѣсто съ точки зрѣнія дѣйствительно бывшаго тогда изобилія зелени.

Въ 1831 г., на мѣстѣ черкесскаго городка Геленджикъ, заложено было русскими, подъ начальствомъ генерала Вельяминова, Геленджикское укрѣпленіе, уничтоженное и оставленное русскими въ 1853 г., при началѣ крымской войны, и затѣмъ въ 1857 г. вновь занятое русскими. За это время, если не считать довольно частыхъ стычекъ съ горцами, произошло только одно событіе, которое можетъ быть особо отмѣчено въ исторіи Геленджика, это—посѣщеніе его Императоромъ Николаемъ I въ 1837 г. Генераль Филипсонъ былъ въ это время въ Геленджикѣ и говорить о немъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что нашелъ Геленджикъ мало измѣнившимся съ 1831 года. «Безъ сухопутнаго сообщенія гарнизонъ Геленджика нерѣдко нуждался въ самомъ необходимомъ. Непривычный климатъ, безпрестанныя тревоги и лишенія произвели общую апатію и развили болѣзни, преимущественно перемежающіяся лихорадки и цингу. Первымъ комендантомъ былъ полковникъ Чайковскій, отъ котораго я слышалъ много рассказовъ объ этой тяжелой порѣ: на первый день Пасхи офицеры всего гарнизона собирались къ нему разговляться, и при этомъ закуска состояла изъ рюмки водки и нѣсколькихъ селедокъ, составлявшихъ неслыханную роскошь». Описаніе посѣщенія Геленджика Николаемъ I, сдѣланное Филипсономъ и Берже¹⁾, оче-

¹⁾ «Воспоминанія» и «Императоръ Николай I на Кавказѣ въ 1837 г.—Русская Старина 1884 г. № 8.

интересно и въ особенности въ отношеніи характеристики... климата Геленджика.

Наканунѣ прїѣзда государя задула сильная бора¹⁾, такъ усилившаяся къ вечеру, что не только разметала солдатскія палатки, но и опрокинула поставленныя въ козлы ружья и прекратила всякую возможность разводять въ кухняхъ огонь и варить пищу. Впрочемъ бора была еще «не изъ самыхъ сильныхъ», такъ что государь, прїѣхавшій со свитою на 2 пароходахъ, могъ все таки, «хотя и съ большимъ трудомъ и не безъ опасности» выйти на берегъ, гдѣ ему приготовлена была квартира въ домѣ комадира, «мало отличавшаяся отъ остальныхъ жалкихъ мазанокъ». Войска были построены на широкой площадкѣ, заранѣе очищенной отъ покрывавшаго ее мелкоколѣсья, въ одну лишю развернутымъ фронтомъ въ боевой амуниціи и фуражкахъ, и фронтъ, по недогадливости начальства, былъ прямо противъ вѣтра. Когда государь подѣзжалъ къ правому флангу, почти всѣ фуражки были унесены вѣтромъ: несмотря на строгую дисциплину николаевскихъ временъ, солдаты держа ружья «на караулъ», должны были отставить лѣвую ногу впередъ, чтобы удержаться на мѣстѣ и все-таки едва стояли на ногахъ, а при крикахъ «ура!»—невольно отворачивались въ сторону. Весь фронтъ кричалъ ура, а вѣтеръ забивалъ открытые рты пескомъ, пылью и мелкими камешками, такъ что многіе нижніе чины закашливались и строили гримасы. Имѣвшіе еще «головные уборы» держали ружья на караулъ одною только лѣвою рукою, а правую придерживали фуражки. Убѣдившись, что ѣхать при такомъ вѣтрѣ верхомъ по фронту невозможно, государь сошелъ съ коня; его примѣру, конечно, послѣдовала и свита. До лѣваго фланга государь со свитой дошли пѣшкомъ «постоянно набрасываемые вѣтромъ на фронтъ». Обойдя войска, государь направился къ палаткѣ, которую, кромѣ обыкновенныхъ укрѣповъ, съ величайшими усилиями удерживала еще «цѣлая сотня казаковъ»!...

---

¹⁾ Мѣстный вѣтеръ, дующій изъ Кубанскихъ степей, по мѣстному называется нордъ-остъ.

Побережная полоса, прилегающая къ Геленджикѣ съ обѣихъ сторонъ, составляетъ часть знаменитой нѣкогда «Черноморской береговой линіи», о прошломъ которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Подъ этимъ именемъ въ періодъ кавказской войны подразумевался, на оффиціальному языку того времени, въ узкомъ смыслѣ слова, «рядъ укрѣпленій и занятыхъ войсками неукрѣпленныхъ пунктовъ вдоль сѣв.-вост. и вост. береговъ Чернаго моря до турецкой границы» 1). Берже 2) относитъ начало устройства береговой линіи къ 1837 году, — къ тому именно времени, когда корпусный командиръ бар. Розенъ послѣ покоренія Цебельды занялъ на восточномъ берегу Чернаго моря мысъ Адлеръ (гдѣ погибъ писатель Марлинскій) и возвелъ на этомъ мѣстѣ первое береговое «укрѣпленіе св. Духа». Оффиціальный же конецъ ея существованія Берже приурочиваетъ къ началу войны Россіи съ союзными державами — къ 1853 году, когда всѣ гарнизоны были увезены, а укрѣпленія взорваны. Главная цѣль устройства этого ряда укрѣпленій, къ которымъ принадлежали и нынѣшніе Геленджикъ, и Новороссійскъ 3) заключалось въ желаніи прекратить свободное сообщеніе горцевъ съ помогавшими имъ турками и уничтожить вѣками установившіеся между ними торговые отношенія, поставивъ такимъ образомъ горцевъ въ необходимость завести мирныя торговые сношенія съ русскими. Устройство береговой линіи стоило «много милліоновъ» и хотя оффиціальная береговая линія просуществовала всего 16 лѣтъ, однако успѣла сдѣлаться могилою «многихъ десятковъ тысячъ людей, сдѣлавшихся жертвою губительнаго климата» и дала «взамѣнъ всего этого самые ничтожные результаты» 4). Со-

1) Карльгофъ. Военно-статист. обзоръ вост. берега Черн. моря.

2) Живописная Россія, т. IX, 1886.

3) По Карльгофу, береговая линія дѣлилась на 3 отдѣла. Въ 1-й входили Новороссійское и Кабардинское укрѣпленія. Геленджикомъ начинался второй, въ которомъ были еще укр. Новотроицкое, Генгинское, Вельяминовское, фортъ Лазаревъ и Головинскій. Третій состоялъ изъ форта Новачинскаго, укр. Святого Духа, Гагръ, Пицунды, Бомбаръ, поста Исыртскаго, крѣпости Сухумъ-Кале, Дранды и друг.

4) Филипсонъ. Воспоминанія.

временникъ береговой линіи генераль Филипонъ рисуеть ее положеніе въ сороковыхъ годахъ весьма мрачными чертами: «вездѣ гарнизоны были ослаблены жестокими болѣзнями и неестественнымъ порядкомъ жизни и службы. Всѣ ночи гарнизонъ проводилъ подъ ружьемъ, ежеминутно ожидая нападенія, и ложился спать, только когда совсѣмъ ободнѣетъ и обходы осмотрять ближайшія окрестности. Если къ этому прибавить томительную скуку, отсутствіе женщинъ, недостатокъ движенія, рѣдкость свѣжаго мяса и овощей, лихорадочный климатъ, то станетъ понятно, что роты доходили до половины своего состава и даже менѣе. Надобно еще удивляться, что войска при такомъ страшномъ положеніи нигдѣ и никогда не теряли бодрости и нравственныхъ силъ. Дисциплина вездѣ соблюдалась строго, но *побѣги къ горцамъ* были, къ сожалѣнію, не рѣдки» ¹⁾).

И далѣе: «Страшная болѣзненность въ войскахъ поразила меня. Особенно свирѣпствовали перемежающіяся лихорадки, которыя послѣ 2—3 пароксизмовъ, оканчивались нерѣдко спячкой, столбнякомъ или ударомъ. Если же продолжались долго, то обращались въ цингу и оканчивались смертельнымъ кровавымъ поносомъ. Особенно страшно свирѣпствовали болѣзни въ Сухумѣ и Гаграхъ» ²⁾). Отъ лихорадокъ страдали не только люди, но и животныя; Филипонъ видалъ даже куръ, ежедневно трясшихся въ лихорадкѣ.

Таковы были климатическія условія, при наличности которыхъ начались затѣмъ первыя попытки заселенія побережья русскими.

Такъ какъ исторія заселенія Геленджика русскими тѣсно связана съ общею исторіею заселенія побережья, то необходимо теперь же сказать о ней нѣсколько подробнѣе, что въ дальнѣйшемъ изъавить кстати отъ необходимости повторять эту исторію при описаніи нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ побережья.

---

¹⁾ Стр. 129 и 215 «Воспоминаній».

²⁾ Стр. 204—205 «Воспоминаній».

Вопросъ о насажденіи поселеній на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря при Суджукской (нынѣ Новороссійской) и Геленджикской бухтахъ впервые обсуждался въ правительственныхъ сферахъ въ 1832 г. Тогда комитетъ министровъ рѣшилъ «на первый разъ» разрѣшить козакамъ «селиться при Анапѣ, Геленджикѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ будутъ укрѣпленія наши», хотя и «безъ всякихъ особенныхъ вспоможеній отъ казны», но съ освобожденіемъ отъ податей, повинностей и «воинскихъ обязанностей, кромѣ защиты отъ горцевъ».

Но такія льготы были, конечно, совершенно недостаточны для привлеченія поселенцевъ извнѣ, тѣмъ болѣе, что война была въ самомъ разгарѣ, горцы производили постоянные набѣги на побережье и потому селиться тамъ было крайне рискованно. При такихъ условіяхъ заселеніе побережья, пока не изгнаны были горцы, могло быть достигнуто единственно путемъ принудительнаго поселенія и при томъ такихъ людей, которые способны бы были отражать постоянные набѣги враговъ. Къ этому и пришлось дѣйствительно прибѣгнуть впоследствии, такъ какъ до изгнанія горцевъ никакія льготы не привлекали въ край вольныхъ засельщиковъ, а между тѣмъ правительство считало необходимымъ возможно скорѣйшее заселеніе побережья. И такими подневольными засельщиками были избраны кубанскіе козаки, отважные потомки лихихъ запорожцевъ. Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ только что минувшаго столѣтія произведено было принудительное переселеніе части кубанскихъ козаковъ на побережье съ разселеніемъ ихъ въ 12 заранѣе намѣченныхъ пунктахъ, названныхъ станицами ¹⁾, куда приселены были кромѣ того немного азовскихъ козаковъ и—почему то—матросы и разночинцы г. Николаева. Сначала въ козацкихъ станицахъ былъ сдѣланъ вызовъ охотниковъ, желающихъ переселиться на побережье. Каждому обща-

---

¹⁾ Геленджикская, Азербійская, Пшадская, Береговая, Вуланская, Джубга, Дефановская, Новомихайловская, Ольгинская, Небугская, Вельяминовская и Георгіевская, населеніе которыхъ и составило такъ наз. Шапсугскій береговой баталіонъ.

лось право на участіе въ общинномъ надѣлѣ въ размѣрѣ тридцати десятинъ на каждую семью и кромѣ того по 10 десятинъ лучшей земли въ полную личную собственность. Но такихъ охотниковъ нашлось мало, да и находились они преимущественно изъ неимѣвшихъ своего хозяйства голыхъ бѣдняковъ, или лѣнтыевъ, лодырей, непосѣдовъ, не дорожившихъ ничѣмъ на родинѣ. Тогда пришлось приступить къ принудительному выселенію, и начальство велѣло бросать жребій,—кому идти, кому оставаться. Жеребьевые имѣли право только на 30 дес. надѣла, но 10 дес. въ собственность уже не получали. Жеребьевымъ позволялось нанимать за себя охотниковъ, которыхъ оказалось еще меньше и тоже только изъ среды голыхъ бѣдняковъ или «разныхъ лодырей, которымъ гдѣ бы ни жить, лишь бы деньги получить за наемку». Азовскіе козаки, матросы и разночинцы изъ Новороссійска получили право на такой же 30-десятинный надѣлъ, какъ и принудительно-выселенные кубанцы ¹⁾).

Когда набрали намѣченный комплектъ козацкихъ семей, сдѣлано было распоряженіе о срокахъ отправленія въ путь партіи.

— Мы йшли зъ усією худобою—разсказывали мнѣ геленджикцы изъ бывшихъ кубанцевъ:—тільки залышылы на якій-сь часъ дома скотыну, а потимъ вже зновъ ходылы за ею. Тільки це все пишло на-дарма, бо тутъ уся скотына до однисенькой пропала,—мабуть видъ якої-сь пошести, черезъ трупы.

— Отъ какихъ же труповъ?

— Звычайно видъ якихъ,—видъ черкеса. Тоди жъ це часъ такой бувъ, що ораты доводылось зъ рушныцею за плечыма,—орешъ та й оглядаешся, а рушныцю держы наготови. Тилькы трошкы заглавывся,—туть тоби й гакъ! такъ не сповидавшысь и

---

¹⁾ Нечего, конечно, и говорить, что матросы и въ особенности разночинцы оказались людьми наименѣ приспособленными къ новымъ условіямъ жизни; не умѣли ни пахать, ни косить и никогда еще не живали внѣ города.

згынешь, якъ собака... А якъ пійдешъ у лись по дрова, або деревину зрубаты на хату,—зновъ такы беры зъ собою рушныцю; колы жъ куды дали видъ дому треба одлучытыся, то самотою не йды, а хйба въ гурти, бо небезпешно! Ну, а якъ тилькы заглядивъ ёго, то вже кгавъ не ловы: хто перный поспивывся, той и панъ, а хто запизнывся—пропавъ, бо черкесь народъ бидовый, сказано—еройскій народъ!

— Опасный?

— А то жъ! Кажу—самый еройскій народъ! Тай меткый же!.. И середь насъ булы не абы-яки, бо и мы жъ такы козаки,—ну, а супроты черкеса куды тоби! Бидовый народъ! Такъ тоби прямисенько на смерть и лизе!.. Тай то треба сказать—на одчай ишовъ, бо свою ридну землю, свое ридне гниздечко оборонявъ. Якъ що по правди говорыты, то ёго тутъ правда була, а не наша,—бо це жъ не наши кубаньскы степы, де вся земля була зъ дйда-прадйда наша.

— Ну, а вы съ ними какъ?

— А то жъ якъ? Такъ само и мы! Усякому своен головы жалко: встыгнешъ ранійше застрелыты ёго—то й панъ; до завтрёго, значытся, ще жывый будешъ, якъ що сёгодня жъ такы не наскочышь на другого... Бидовый народъ!

— Родину свою, значить, они крѣпко защищали?

— Авже жъ! Такы вже воны! Кохалысь воны дуже въ своій земли,—не хтылы дурно видаваты. Тай то сказать: отъ же и мы зъ ридныхъ вильныхъ стещивъ своихъ зирвани булы началствомъ, а тамъ то жъ земля—не ци нетри,—то намъ бы за ридною стороною ще бильше треба побыватысь,—патетически восклицаетъ разсказчикъ.—А винъ отъ за ци косогоры та оврагы стилькы годъ боровся,—выдыма ричь, що дуже кохався въ цихъ нетряхъ.

— Скыльки вже годъ оттуть жыву,—замѣчаетъ другой изъ старыхъ козаковъ,—а все, правду кажучы, дывуюсь, якъ воны вмылы на цій земли такъ гарно хазяйнуваты... Мы тутъ давно жывемо, а все гараздъ прыладнатыся не можемо.

— Какъ же все-таки, я не понимаю, коровы отъ труповъ заражались?—недоумѣвалъ я.

— Бо багато трупу скризь валялось; якъ що мы находылы де свого, забытого ими, то, звычайно, заразь же до станицы неслы тай ховалы якъ слидъ, по-християнськи. а ёго хйба бь мы стали таскаты! сказано—нехрысть,—ну, то й лежы соби, поки згнынешь! Черезъ це багато трупу и зоставалось на поли, а скотына видъ цёго, якъ пасется на поли, то й слабуе и здыхае. Тай дохлой скотыны тежъ ниhto не закопувавъ, бо й не доглядышь, та й не до того намъ було! Оттакъ воно одно до одного, тай скоилось лыхо! ¹⁾

Кромъ того геленджикскій житель, козакъ Пимень Алексъевичъ Пономаренко разсказывалъ мнѣ подробно и о самомъ переселеніи изъ родныхъ станицъ въ Черноморье.

— Мы йшли партіямы. Такъ ось же сталоь таке, що въ станицы Абинскій, мало не напивъ-дорогы до моря, першіи партіи несподивано булы затримани, бо дорога на Чорноморію не була ще вся выкинчена, черезъ що и не можно було пройты туды. Довгенько таки простоялы ци першіи партіи,—мабуть такъ недиль зъ дви, або й уси тры; черезъ це выхарчувалы все чысто, що зъ собою понабиралы. А вже що постраждали дорогою, то й сказаты не можно: тутъ тоби грязюка страшенна, ніякои дорогы нема,—а до того ще й ци горы проклятуци, та недостача харчывъ; зновъ же жъ таки и черкесы давалыся въ знакы... Оселю жъ прыйшлося выбираты, не бачучы ии та ничого не видаючы, яки таки мисця достанутся намъ. Де-якимъ партіямъ ще въ Абыни, колы робылы тамъ передышку, сказалы назвыська станицъ та й спыталы, хто куды хоче подаватись,—выбирайте—значыть—по свой воли! Ну, а якъ ёго выберешъ, колы для тебе однаковисенько, чы Геленджикская станицы, чы Адерба, чы Джубга! Сказано—выбиралы тилькы навдачу: ~~же~~ назвысько кому вподобалось,—туды той и подавався.

— Тай справди, що все йидно було, куды йты,—добавляли мнѣ разсказчики:—всимв досталыся однаковисенькы нетри, и хто

---

¹⁾ На самомъ дѣлѣ скотъ, повидимому, падалъ не отъ этого, а благодаря рѣзкой перемѣнѣ въ условіяхъ жизни и пищи.

только прибывая на свои новые места, то аж за голову брався,— чисто за какой-то грех покарать Господь Бог!

«Поселенцы—говорить по этому поводу исследователь Черноморья И. Н. Клинген¹⁾—выбирались не по свободной воле, а по жребью; они с тоской взирали на окружающую их горы и только и мечтали воротиться домой. Хозяйство у них положительно не шло, они сильно страдали от лихорадки, и смертность между ними была очень значительна. Взятый ими из своих низовых станиц черноморский скот тоже не выдерживал местного климата, а хлеба, посеянные по низинам под плуг, на большую глубину, родили жалко и невнятно»...

Недаром же простой и неграмотный, но почтенный геленджикский козак Пименъ Алексѣвич Пономаренко, знавший, что я собираю свѣдѣнія о прошломъ Геленджика для печати, кончилъ послѣдній рассказъ о быломъ крайне неожиданно для меня просьбой не забыть напечатать «какъ мы страдали!»²⁾

— Отецъ же я вамъ розсказавъ усе, шо мигъ прыгадаты про те, якъ воно було. Теперечкы вже можете описаты усе безъ помылкы, бо кажу жъ вамъ—такъ воно все було, усе—самисинька правда; хйба може де-що позабувавъ, бо старый вже ставъ,—то то вже не мій грехъ. Пышитъ же теперенькы про все, якъ тамъ вже сами знаете... Про одно только прохаю: не забудьте, мій голубе, напышитъ про те, якъ мы страждали, та якъ намъ тяжко було и въ дорози, та й тутъ; нехай уси люде знаютъ про наши страданья!

Вскорѣ же по прибытіи на мѣсто, новоселы стали слезно просить о возвращеніи на родину, но получили отказъ. Три года сряду они получали пособіе отъ казны: ежемѣсячно паекъ по 1 п.

¹⁾ Основы хозяйства въ Сочинск. округѣ, стр. 70; изданіе деп. землед.

²⁾ Чтобы читатель повѣрилъ полной искренности этой просьбы, приведу слова того же И. Н. Клингена (Основы хоз. въ Сочинск. окр., стр. 88): „страданія этихъ несчастныхъ въ первые годы послѣ переселенія неисчислимы“...

32 ф. муки на взрослую мужскую душу, а до 7-лѣтняго возраста полупаекъ; кромѣ того говядину, капусту, цибулю, хрѣнь, водку и деньги на покупку соли ¹⁾).

— Бувало й таке, що дурно присылали намъ цили гурты, колы наша скотына чы дохла, чы черкесы забиралы... Скильки разъ такъ бувало, що мы наздоганялы черкесивъ та скоть свій назадъ одбиралы... Та все жъ такы теперь, якъ згадаешъ про минуле, колы вже все видъ сердца одлягло,—то треба сказать правду, що начальство дуже такы тоди пиклувалось про насъ... Ничого путнѣго зъ цѣго не выходило, бо наши не дуже то розумилы, що діється, тай виры мало давалы. Отъ хочъ бы сказать про худобу,—безъ грошей їи давалы, а у насъ було такъ: хто не боявся, той бравъ їи, а найбільшъ було, що не хотилы їи браты, бо все боялсы, що потимъ за неї видвертатъ гроши будуть...

А якъ прыходылось, що люде одъ пропасныци мерлы, та одъ водянкы,—то ликари вѣ та хвершали вѣ присылали до насъ; хвершалъ що-дня було обйиздыть уси хаты... Пыльно дывылыся за цимъ... Тилькы не помогалось!..—

— Це вже такъ, що пиклувалысь про насъ дуже,—добавилъ другой.—Оце жъ и пшеницю дурно выдавалы на насиння,—абы сїялы тилькы... Такъ щожъ,—никому й сїяты не хотилось: коженъ тилькы про те й гадавъ, якъ бы зовсимъ утыкты.

— И уходили?

— Та тилькы одъ насъ, зъ Зеленчука, мало не половины повтикала; а зъ Адербіевки 23 симы зъ 28 втикло, бо тамъ дуже вже важко жылось: земля зовсимъ плоха, навкругы самисинькы

---

¹⁾ Любопытно, что выдача этого пайка, служившаго для новоселовъ серіозной поддержкою въ первое время, привела ихъ къ убѣжденію въ обязательности его выдачи въ теченіе всей ихъ жизни въ этой странѣ («если выселили насильно, то обязаны и кормить»), вселила мысль о томъ, что этотъ даровой казенный прокормъ освобождаетъ отъ всякой обязанности работать («если казна насъ обязана содержать, то зачѣмъ и работать!») и повела вполсѣдствіи къ неудовольствію на «отнявшее паекъ начальство».

горы,—нема тоби нікуды ходу. У насъ то хочъ море йсть, а тамъ то й того бигъ-ма.—

Меня очень интересовалъ вопросъ, вѣрны ли весьма распространённые рассказы о томъ, будто-бы засельщики, чтобы доказать начальству непригодность здѣшнихъ мѣстъ для сельскохозяйственной культуры, передъ посѣвомъ варили выдаваемые имъ сѣмена и уже вареными засѣвали землю. Я нарочно спросилъ объ этомъ Пимена Алексѣевича, рассказы котораго дышали такою неподкупною искренностью.

Онъ улыбнулся какою то неопредѣленною, какъ-будто конфузливою улыбкою.

— Та чувавъ и я про це... Багато про це й теперъ балачки усякою ходять... Та тилькы самъ я цѣго не робывъ, та не бачывъ, щобъ и други робылы; а чого самъ не бачывъ, про те й казаты не буду... А такъ мени здається, що це все выгадки,—поговирь тилькы на нашего брата...

Принудительное переселеніе это (1864—1865 г.) не было единственною мѣрой по заселенію Побережья. Вслѣдъ за нимъ—именно 10 марта 1866 г. издавъ былъ законъ «о заселеніи Черноморскаго округа и управленіи онымъ», по которому пространство между р. р. Бзыбью и Туапсе отъ морского берега и до вершинъ главнаго кавказскаго хребта предназначено было для «сельскихъ прибережныхъ поселеній» ¹⁾. Допуская свободный доступъ лицамъ всѣхъ сословій и національностей для поселенія на Побережь, законъ этотъ предоставлялъ засельщикамъ разнообразныя льготы, каковы—освобожденіе на 15 лѣтъ отъ платежа податей, рекрутской повинности, воинскаго поста, гербовыхъ и канцелярскихъ пошлинъ, предоставленіе права безошлиннаго и безпатентнаго производства торговли, промысловъ и рыбной ловли

---

¹⁾ Изъ этого видно, что законъ 1866 г. собственно на Геленджикъ съ его ближайшими окрестностями не распространялся; но съ 1870 г. на жителей этого района, при перечисленіи козаковъ въ крестьяне, распространено положеніе кавказскаго комитета 6 іюня 1867 г. для государственныхъ крестьянъ ставропольской губ.

въ морѣ. Переселенцы изъ крестьянъ получали сверхъ того денежныя пособія на обзаведеніе хозяйствомъ,—впрочемъ только до 50 р. на семью, что было очень недостаточно при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, съ которыми приходилось считаться каждому засельщику и при той дороговизнѣ труда и рабочихъ рукъ, которая въ то время существовала на побережьи, благодаря отсутствію путей сообщенія и крайне рѣдкому (и еще тоже не устроившемуся) населенію. Въ силу названнаго закона, новопоселенцы должны были «безотлагательно» надѣлаться «осмотрѣнною и избранною ими предварительно приписки» землею. Какъ и принудительно выселеннымъ на Черноморье кубанцамъ, надѣлы эти полагалось отводить въ размѣрѣ не свыше 30 дес. удобной земли на каждую поселявшуюся семью по возможности на общинномъ правѣ, а гдѣ этого было нельзя по мѣстнымъ условіямъ—въ подворное владѣніе. Но никакого отвода надѣловъ «въ натурѣ» не было,—начальство ограничивалось только припиской засельщика по его желанію къ той или иной общинѣ и указаніемъ ему его права на 30-десятинный надѣлъ на его землю. А уже онъ самъ, придя на мѣсто, въ свою новую общину, долженъ былъ добывать себѣ это право, сводившееся фактически къ обязанности самому потрудиться надъ разработкою подъ культуру «впустѣ лежащей»; заросшей лѣсомъ земли, самому же отыскавъ таковую въ удобныхъ для культуры мѣстахъ, еще не занятыхъ общинниками, поселившимися до него.

Такъ какъ нѣкоторыя станицы находились сравнительно близко другъ отъ друга, то при пользованіи землями могли впоследствии войти изъ-за нихъ въ столкновеніе.—нужно было вообще установить районъ пользованія каждой станицы, въ предѣлахъ котораго каждый имѣлъ право на соответственный надѣлъ удобной земли. Межеванія въ то время не было, а обошлось дѣло, по рассказамъ, приблизительно такъ:

— Полковникъ Росковскій зибравъ насъ тай каже: «ребяте, оце-жъ вы зъ сусиднихъ станыць, нывы ваши сумижни,—то щобъ потимъ не було суперечокъ, покажить по згоди, до якого мѣста хочете взять земли для кожнои станыци: одній нехай буде

по той яръ, другій—по ту ричку. Якъ що може де-яки не згодні на це, то побалакайте мижъ собою,—може сусиды поступлять зъ своимы межами; тильки вы не дуже вже роскыдайтесь, бо все одно земли на всехъ выстачыть. Такъ ось-же и зробить згоду, кому по яку межу браты землю». Такъ и прыйшли до згоды; а потимъ вже, далеко пизнійшь, прыйхалы землемиры, поличылы, скильки въ якій станыци душъ, та такъ на око ци горы намъ и одмирялы; поставылы гряннови стовпы, въ гряннови межи поклялы угля, а яка земля залышылася, ту въ казну запысалы. Та це й не одынъ разъ було: потимъ ще килька разъ найиздыла межова комиссія, зновъ щось перемиряла и мало не що-разу щось у казну одпысувала. Въ кожній станыци земли булы не подилени мижъ семействамы, то ото кожний и почавъ выбираты для себе, де краща земля, щобъ заразы-же ии выораты и засіяты: усякому хотилося захопыты нызыны, де ривнійше та де лись меньшый, тильки-жъ, звычайно, не усякому такъ прыпадало, бо найкращій миста коло моря заразомъ одмиряни булы «охотныкамъ», по 10 десятынъ на сямью, то вже другимъ такой земли и не выстачыло: довелось иншому довгенько шукаты соби пидходящои земли, та вже самому ии розробляты.

Такъ какъ готовыхъ разработанныхъ земель почти не оказалось—все разработанное когда то горцами успѣло во время войны уже обратиться въ дикое состояніе, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ прибрежныхъ сѣнокосныхъ долинъ, и то порядочно позаросшихъ,—то каждому общиннику приходилось начинать съ начала. Каждый засельщикъ могъ получить только то, что разрабатывалъ собственными руками.

Въ большинствѣ новопоселенныхъ общинъ, напр. въ Геленжикѣ и его окрестностяхъ, засельщики рѣшили, что каждый долженъ самъ выискывать и разрабатывать пригодныя въ предѣлахъ границъ отведеннаго «юрта» (надѣла всей общины) земли, «гдѣ что кому понравится». Въ нѣкоторыхъ же изъ окрестныхъ общинъ, напр., въ Береговой, Пшадѣ, Архипоосиповкѣ первые засельщики подѣлили свой неразработанный юртъ сплошными участками по числу пришедшихъ семей приблизительно поровну. При та-

комъ дѣлежѣ всей неразработанной земли гуртомъ, каждой семьѣ пришлось, конечно, даже болѣе установленной закономъ нормы 30 дес. на семью, и вскорѣ это привело къ недоразумѣніямъ съ новоприселяемыми къ общинамъ. Начальство знало, что по расчету числа десятинъ къ юрту можно еще причислять новыя семьи, а между тѣмъ новоселы встрѣчали со стороны старожиловъ отказъ въ разрѣшеніи разрабатывать земли въ юртѣ.

— У насъ вже все чысто подилено: це мое, а оце—ёго, а оце—другого сусиды; а про чужыхъ у насъ нема вже земли. Иды соби кудысь у други станыци, отъ хочь-бы въ Зеленчукъ; тамъ ще не дилылысь, тай земли багато.—

Но официально причисленный уже къ Береговой, напр., или къ Пшадѣ не имѣлъ правъ на земли геленджикскаго юрта и тамъ его не пускали, а отсюда гнали; приходилось жаловаться начальству или просить о перечисленіи въ другую общину. Хлопоты эти, особенно при почти полномъ отсутствіи дорогъ, обыкновенно тянулись подолгу, такъ что новосель проѣдалъ послѣднее и иногда, потерявъ всякую надежду, уходилъ съ Кавказа навсегда.

Наоборотъ, въ Галенджикѣ, сосѣдней Адербіевкѣ и нѣкоторыхъ другихъ окрестныхъ общинахъ, гдѣ юрты были обширныя и предварительнаго раздѣленія ихъ между общинниками первоо-селящики не сдѣлали, пріисканіе и разработка годныхъ къ культурѣ земель дѣлались каждымъ свободно.

Общинамъ въ первое время довольно трудно было добиться какого-нибудь ладу между своими сочленами по части установленія порядка пользованія землею, потому что составъ общинниковъ былъ крайне разношерстный. Хотя почти половину его составляли кубанскіе козаки ¹⁾, но и они были изъ разныхъ станицъ и потому до пріѣзда на мѣсто мало знали или даже и совсѣмъ не знали другъ друга. А кромѣ кубанцевъ, какъ уже было

---

¹⁾ Хатисовъ и Ротиньянцъ: Обзоръ мѣстности с. в. берега Черн. моря между Новороссійскомъ и постомъ Вельяминовскимъ на р. Туапсе—Записки Кавк. О. С. X. 1867 г. № 3—4.

сказано выше, въ составъ общинъ входили еще матросы, азовцы, разночинцы изъ Николаева—исконные горожане, наконецъ вольнопоселенцы (по законамъ 1866 г. и 1867 г.), изъ разныхъ губерній, число которыхъ постепенно увеличивалось. Эту разнообразностью состава общинниковъ уже заранѣе предопредѣлялось—по крайней мѣрѣ на первое, а слѣдовательно и на самое важное время—отсутствіе солидарности и единства среди членовъ новосозданныхъ общинъ, которымъ предстояло между тѣмъ бороться съ крайне тяжелыми условіями въ совершенно имъ незнакомой и даже враждебной странѣ.

Но главная бѣда была въ томъ, что одновременно надо было и строиться и спѣшно разрабатывать землю и отбиваться отъ горцевъ и приспособляться къ новымъ условіямъ. Условія же эти были совершенно незнакомы засельщикамъ, не имѣвшимъ понятія о тѣхъ культурахъ, которыя только и могли имѣть успѣхъ въ заселяемой ими странѣ, о тѣхъ орудіяхъ, приемахъ и способахъ хозяйства, которые только и примѣнимы были при данныхъ условіяхъ. Ничего этого не зная, они поступали во всемъ такъ, какъ привыкли вести хозяйство въ степяхъ Прикубанья и въ равнинной черноземной Россіи. Неумѣлая разработка неумѣло подысканныхъ для разработки участковъ велась единичными силами отдѣльныхъ засельщиковъ поневолѣ, конечно, очень медленно и эта медленность усугублялась еще быстрымъ заростаніемъ медленно разрабатываемыхъ пространствъ лѣсомъ и сорными травами. Между тѣмъ до перваго достаточнаго на годовое прокормленіе урожая нужно было чѣмъ нибудь жить; заработковъ же не было, а припасы были дороги.

Ровной знакомой степи, гдѣ каждое мѣсто, кромѣ развѣ солончаковъ или голыхъ песковъ, годно подъ пахоту, не было, конечно, и въ поминѣ. А были горы, гдѣ удобные для культуры участки нужно было искать среди овраговъ и по косогорамъ, по уступамъ горъ, заросшимъ вѣковымъ лѣсомъ, и по непривычной для глазъ крутизнѣ своей казавшимся недоступными для какой бы то ни было разработки. И были сырыя, малярійныя низины въ ущельяхъ горъ, да прибрежная, тоже малярійная, мѣстами

сильно заболоченная, но за то привлекавшая взоръ богатою растительностью прибрежная полоса между горами и моремъ,—та самая «степь», на которой съ радостью отдыхалъ взоръ исконныхъ степняковъ и гдѣ они спѣшили устраивать себѣ поселки, даже и не догадываясь о предстоящей гибели отъ малярии. Не соображаясь съ тѣмъ, что при недостаткѣ пригодныхъ къ культурѣ земель подѣ постройки слѣдуетъ занимать здѣсь (какъ это дѣлалось горцами) мѣста негодныя для культуры и селиться по возможности вблизи разбросанныхъ по горамъ и ущельямъ культурныхъ клочковъ, чтобы быть къ нимъ возможно ближе и не тратить массу времени на лишніе дальніе переѣзды, засельщики, напротивъ, спѣшили селиться въ равнинахъ. Такимъ образомъ подѣ обширныя поселки съ огородами, телятниками и приусадебными выгонами они занимали лучшія прибрежныя земли, почта уже готовыя къ культурѣ безъ всякихъ разработокъ (отличные естественные покосы и т. п.), лишая себя этимъ возможности утилизировать эти сравнительно большія площади ровныхъ мѣстъ подѣ посѣвы и луга. Это поневолѣ вынуждало ихъ къ усиленной разработкѣ мало-мальски удобныхъ мѣстъ подѣ культуру въ горахъ, гдѣ, и разработка и доступъ къ удобнымъ мѣстамъ были гораздо труднѣе и всѣ эти разработки оказывались обыкновенно очень удаленными отъ поселка.

Не зная мѣстныхъ условій, не зная, какъ надо вести здѣсь хозяйство, засельщики могли вести его только такъ, какъ вели у себя на родинѣ. Легкія почвы, требующія слабаго взрыхленія, они пахали тяжелыми плугами; тамъ, гдѣ нужна была для вспашки лошадь или даже ручная обработка, нѣкоторые, по старому обычаю, пробовали утилизировать воловъ. Отъ глубокой задѣлки сѣмянъ поля, благодаря изобилію дождей, заболачивались, сѣмена вымокали и урожай пропадалъ. На землѣ, пригодной только для винограда или для табака, засельщики сѣяли хлѣбъ; сады устраивали на открытыхъ мѣстахъ, внѣ защиты отъ губительнаго нордъ-оста и на почвѣ болѣе пригодной для какихъ-либо иныхъ культуръ. Вырубая лѣса для сбыта ради полученія хоть какого-нибудь заработка, они рубили ихъ тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, гдѣ

они защищали посадки или отъ пордь-оста или отъ вѣтровъ съ моря и пр. и проч. Словомъ, дѣлали почти все какъ разъ не такъ, какъ было нужно: наперекоръ природѣ и наоборотъ тому, какъ поступали горцы. Хозяйство не шло, новоселы «проѣдались», разорялись и, убѣждаясь въ невозможности вести хозяйство въ этой «трущобѣ», приходили въ полное отчаяніе.

Прибавьте къ этому донимавшія засельщиковъ упорныя лихорадки, съ которыми они бессильны были бороться, отъ которыхъ не умѣли оберегаться, да и не могли уберечься уже потому, что устроили поселки на малярійныхъ низинахъ. Малярія съ перваго же дня поселенія выхватывала жертву за жертвою, лишая людей возможности работать и унося иногда въ могилу цѣлыя семьи. Даже въ Галенджикѣ, извѣстномъ теперь отсутствіемъ маляріи, тогда при большемъ количествѣ мѣстной растительности, неразработанности окрестныхъ земель и чрезмѣрной заболоченности не осушенныхъ еще окрестностей, малярія тоже похищала не мало жертвъ.

Законъ 1866 г. имѣлъ то несомнѣнное преимущество передъ послѣдующими законами о заселеніи Побережья, что представлялъ переселенцамъ право свободнаго выбора мѣсть для поселенія, по ихъ собственному усмотрѣнію. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ это право не дало ожидаемыхъ результатовъ какъ вслѣдствіе того, что переселенцы не могли ориентироваться въ совершенно чуждыхъ имъ условіяхъ, такъ и потому, что имъ негдѣ и не отъ кого было получить въ этомъ отношеніи какихъ бы то ни было указаній или совѣтовъ. Пришедшіе до нихъ знали столько же, или почти столько же, сколько и они; мѣстное начальство состоявшее изъ людей также пришлыхъ со стороны также не знало мѣстныхъ условій. Кромѣ того для разоренной и заброшенной страны пришлыми чуждыми ей людьми недостаточно было издать только законъ, дозволяющій поселеніе въ ней съ правомъ имѣть столько то земли и съ правомъ получить пособіе всего лишь до 50 р. на семью,—надо было принять хотя какія-нибудь предварительныя мѣры къ облегченію положенія засельщиковъ на первыхъ порахъ. Нѣкоторыя предвари-

тельные мѣры по оздоровленію мѣстности, напр., дренажированіе, возможное въ большинствѣ мѣстностей при значительномъ склонѣ къ морю, могли бы, напр., быть приняты уже передъ поселеніемъ козаковъ и первыхъ вольныхъ засельщиковъ¹⁾. Но ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не было сдѣлано и засельщики осѣдали прямо на малярійные участки. Говоря словами доктора Пантюхова, «главнымъ вопросомъ» для засельщиковъ являлось прежде всего «побороть малярію», но независимо отъ незнанія причинъ ея происхожденія и мѣръ борьбы съ нею, если иногда въ отдѣльныхъ случаяхъ это могли сдѣлать такіа объединенныя общины, какъ напр., сектанты ленкоранскаго уѣзда, то это почти невозможно было для «составленныхъ изъ разнообразныхъ элементовъ общинъ православнымъ». Засельщики не были даже предупреждены о вредѣ такого поселенія въ заболоченныхъ мѣстностяхъ. Они работали на низинахъ (вопреки обычаю горцевъ) во всякое время дня и года, спали на землѣ, пили какую попало воду—и малярія дѣлала свое дѣло.

Удивительно ли послѣ всего этого, что отливъ переселенцевъ съ побережья начался вскорѣ же послѣ прихода туда первыхъ вольныхъ засельщиковъ его, привлеченныхъ на побережье слухами о вольныхъ земляхъ и богатой природѣ? Разоренные и убитые горемъ вольные засельщики стали уходить кто домой, кто на заработки, кто по паспортамъ на Кубань или прямо «въ безвѣстную отлучку», а одновременно съ ними пошли на утекъ и кубанцы, находившіеся въ совершенно тѣхъ же условіяхъ, за исключеніемъ только полученія пайка въ первые три года и отсутствія формальнаго права на обратное переселеніе на родину.

---

¹⁾ «Береговая полоса, говоритъ д-ръ П. И. Пантюховъ въ брошюрѣ своей: «Вліяніе маляріи на колонизацію Кавказа», (изд. ред. газ. «Кавказъ», Тифлисъ, 1899 г.), какъ имѣющая (обыкновенно) значительный склонъ къ морю, можетъ быть оздоровлена дренажированіемъ гдѣ надо, почвы, обезпеченіемъ населенія здоровою водою, насажденіемъ хорошо растущихъ здѣсь эвкалиптовыхъ рощъ, уничтоженіемъ папоротниковъ и вообще правильною интензивною культурою».

«Несмотря на всевозможныя субсидіи и заботы правительства (о заселеніи края), поселенцы—говорить В. Я. Бабилашвили ¹⁾—при первой возможности уходили»... «Поселенцы разбѣгались или вымирали отъ лихорадки»...

Разорѣніе пришло къ козакамъ еще въ періодъ получения ими казеннаго пайка. Гг. Хатисовъ и Ротиньянцъ ²⁾, посѣтившіе побережье еще въ этотъ первый періодъ ихъ поселенія, нашли козацкія станицы въ крайне печальномъ положеніи. Слѣдующій изслѣдователь побережья Я. К. Васильевъ ³⁾, изучавшій положеніе сельскохозяйственной промышленности въ краѣ чрезъ 14 лѣтъ послѣ изданія закона 10 марта 1866 г. нашель, что и вольные засельщики побережья и козаки не только не оказали благотворнаго вліянія на развитіе въ немъ сельскохозяйственной производительности, но скорѣе вносятъ вліяніе отрицательное, такъ какъ расчищенные въ былое время горцами плодороднѣйшіе участки на ихъ нынѣшнихъ надѣлахъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе зарастаютъ лѣсомъ, а почва полевыхъ земель все болѣе истощается постоянной обработкой безъ отдыха и удобренія. «Только небольшая часть этого населенія примѣняетъ, по его наблюденію, трудъ къ извлеченію на мѣстѣ продуктовъ потребленія, остальная же работаетъ на хлѣбородныхъ земляхъ Кубанской области»...

Этотъ уходъ изъ Побережья его засельщиковъ еще болѣе увеличился съ опубликованіемъ закона 1870 г. о расформированіи Шапсугскаго берегового баталіона съ обращеніемъ козаковъ въ крестьянъ, которымъ, однако, предоставлялось этимъ закономъ право на 20-десятинный надѣлъ на каждую мужскую душу, вмѣсто прежняго 30-десятиннаго на цѣлую семью. По этому поводу надо замѣтить теперь же, что къ 1870 г. для засельщиковъ вполнѣ

¹⁾ Труды виногр. съѣзда 1899 г. въ Новороссійскѣ.

²⁾ См. уже цитированный выше трудъ ихъ въ Зап. Кавк. О. С. X. 1867 г. № 3 и 4.

³⁾ «Очеркъ развитія с. хоз. въ Черном.-округѣ». Зап. Кавк. О. С. X. 1879 г., вып. 2-й.

уже выяснился фактическій недостатокъ въ ихъ «юртахъ» земель удобныхъ для обращенія подъ культуру.

Горькій опытъ выяснилъ уже имъ къ этому времени, что даже и разработка всего того, что было бы сколько-нибудь годно подъ тѣ или другія знакомыя и доступныя имъ культуры, не можетъ дать того количества культурныхъ земель, на которое они имѣютъ право по закону 1866 г., т. е. 30 дес. на семью, — не говоря уже о 20 дес. на душу по закону 1870 года! «Начальство» же, не зная этого и желая утѣшить козаковъ за переводъ ихъ изъ козачьяго сословія въ мужики, обѣщало имъ право на эту новую значительно увеличенную, но для нихъ завѣдомо фиктивную норму налѣла. На сколько далеко была она отъ дѣйствительности, можно судить по тому, что напр., въ Геленджикской общинѣ ¹⁾ при 153 «дымахъ» ²⁾ фактически имѣлось къ 1899 году только 600 дес. разработанной земли, т. е. въ среднемъ только по 3 дес. на дворъ или менѣе чѣмъ по 1½ дес. на мужскую душу, вмѣсто нормированныхъ 30 и 20 десятины! — Недоразумѣніе, выражаясь языкомъ Глѣба Успенскаго, вышло въ полномъ смыслѣ «взаимобразное»...

«Прошлое козачества—писалъ по этому поводу г. Новомарьинскій ³⁾—еще слишкомъ въ памяти у всѣхъ козаковъ, чтобы они рѣшились изъ воиновъ—джигитовъ и рыцарей обратиться въ «мужика» или солдата: и то и другое слово у козаковъ употребляется, какъ бранное; а козачки и слышать не хотятъ, чтобы онѣ когда-либо были обращены въ «мужичекъ». Перенести, ради необходимости, ради, можетъ быть, тѣхъ же военныхъ цѣлей, переселеніе съ родины въ причерноморскія горы, они еще могли; если это было и тяжело, то по крайней мѣрѣ не позорно и не обидно... Но стать «на мужичье положеніе»—это иное дѣло!...

Разсказывавшіе мнѣ о своемъ прошломъ казаки изобразили мнѣ очень образно, какъ еще до изданія закона о расформиро-

1) По даннымъ «справочной книги черн. губ. за 1899 г.».

2) Платежныхъ дворахъ.

3) «Живописная Россія», т. IX, стр. 156.

ваніи прїѣзжалъ къ нимъ намѣстникъ, собралъ всю станицу и сообщилъ, что въ виду прекращенія войны и для облегченія станичниковъ отъ службы предполагается оказать имъ «милость»: «переводъ на крестьянское положеніе» съ дарованіемъ надѣла по 20 дес. на душу.

— Ни, не згодни мы на це!—загомонили вси гуртомъ.— А вы помиркуйте, говорыть винь, бо не можно жъ такъ видразу... А самъ дывытся на насъ та такъ неначе всмихається; а вси генералы та охвыцеры навкругы его стоять, та вси тилькы дывляться на насъ, а де-яки зъ ихъ пидходять нышкомъ до насъ тай кажуть: «дякуйте швидче за ласку, дурни вы!» Отъ мы пишлы, потолкувались мижъ собою, та вси крычимо: «не згодни мы йты въ мужыкы!» Довгенько такъ балакалы мижъ собою, а дали вернулись назадъ тай говорымо: «Ни не хочемо мы такой ласкы, щобъ мужыкамы статы!»—Не, хочете?²—пытае винь, а самъ зновъ наче усмихається.—Ни, не хочемо! нема на це нашої згоды!— А винь зновъ такы каже: «пидить вы та гарненько помиркуйте, та тоди вже мени и скажете, бо--говорыть—памьятайте, що якъ вы навить вси гуртомъ не дасте свои згоды, то все жъ таки законъ цей буде, и вы таки повернытесь на мужыкивъ, себъ-то ця ласка васъ все йидно не мыне.—Тоци мы зновъ пишлы; порадылысь ще трохи, тай зновъ, повернувшысь назадъ, говорымо: «Ни, не хочемо! не буде на це нашої згоды!»—

Переводъ «на крестьянское положеніе», самъ по себѣ неизбѣжный въ силу прекращенія войны съ горцами, имѣлъ тѣмъ не менѣе въ исторіи и Геленджика и прочихъ станицъ отрицательное значеніе: много козацкихъ семей, недовольныхъ реформой, выселилось отсюда,—одни перечислились обратно въ Кубанскую область, другіе постоянно живутъ тамъ на заработкахъ по паспортамъ. Но уменьшеніе населенія отъ этихъ уходовъ отчасти пополнялось притокомъ новоселовъ извнѣ: приходили переселенцы изъ Евр. Россіи и приселялись къ тѣмъ или инымъ общинамъ. Принимая новосела, община говорила: «иди и ищи годную землю самъ и разрабатывай своими силами сколько можешь».

По закону, новосель имѣлъ право на 30 дес. на семью, а старожиль изъ козаковъ (уже по закону 1870 г.) по 20 дес. на душу. Этимъ, конечно, устанавливалась неуравнительность и неравноправность владѣнія внутри общины¹⁾. Но такъ какъ община и общинные распоряжки продолжали еще существовать, то мѣръ скоро додумался до благополучнаго выхода изъ этого ненормальнаго положенія, устанавливавшего неуравнительность правъ владѣнія между членами общины. Сама жизнь указала общинѣ этотъ выходъ. Видя недостатокъ земли, доступный для разработокъ, мѣстныя общины, игнорируя законодательныя нормы, сами стали устанавливать свои нормы, единообразныя для всѣхъ членовъ каждой данной общины и обыкновенно далеко не достигающія размѣровъ нормъ, опредѣленныхъ закономъ.

Въ Геленджикѣ, напр., община постановила, что каждый дымъ, т. е. податной дворъ, будь онъ старосель или новосель— все равно, имѣеть право на 10 дес. разработанной земли въ юртѣ (кромя плановой, т. е. усадебной); кто имѣеть фактически меньше—можетъ разрабатывать до этой нормы; кто имѣлъ больше, у того отобрали излишки въ пользу остальныхъ. Старались разверстать такъ, чтобы при имѣющемся у каждаго количествѣ разработанной земли каждому достать 2 десятины по возможности подъ самой станицей, и чтобы каждому досталася одинаковая съ

---

¹⁾ Эта неуравнительность внутри общинъ еще болѣе увеличилась благодаря тому, что, по закону 1870 г., штабъ-офицеры, оберъ-офицеры, нижніе чины изъ козаковъ, ихъ вдовы и дѣти получили изъ общинныхъ земель въ полную потомственную собственность всѣ тѣ усадьбы изъ общаго надѣла (и въ тѣхъ размѣрахъ) какими каждая семья пользовалась въ моментъ изданія закона (а офицерамъ сверхъ того отведено по 200—400 дес. на семью въ полную собственность «порядкомъ указаннымъ въ § 69 положенія 10 мая 1862 г. о заселеніи предгорій западной части кавказскаго хребта»). Этимъ въ сферу общинно-поземельныхъ порядковъ и отношеній введена была не только новая неуравнительность, но и нарушеніе самого принципа общиннаго владѣнія. Этому вопросу объ образованіи личной собственности въ краѣ придется еще коснуться въ послѣдующемъ изложеніи.

другими пропорція и худой и хорошей земли; нѣкоторыя исключенія сдѣлали для тѣхъ у кого были очень тяжелыя раскорчевки— въ вознагражденіе за потраченный на нихъ трудъ имъ оставили побольше земли хорошей.

Такимъ образомъ приходившіе сюда новоселы, вмѣсто полученія воображаемыхъ 30 дес. на семью, которыя при томъ многіе изъ нихъ предполагали найти уже болѣе или менѣе разработанною землею, на первыхъ же порахъ убѣждались въ фиктивности этихъ цифръ и слишкомъ большой разницѣ ихъ дѣйствительностью. Рядомъ съ этимъ, они, конечно, встрѣчали тѣ же чуждыя имъ условія, которыя такъ неблагоприятно вліяли на бытъ первыхъ засельщиковъ. Правда, съ теченіемъ времени горцы были изгнаны и набѣги ихъ прекратились; благодаря уничтоженію лѣсовъ, распространенію культуры на все большее количество земель, а мѣстами и осушенію отдѣльныхъ участковъ, кое-гдѣ начала ослабѣвать и малярія. Но во всемъ почти остальномъ новосель попадали въ условія почти однородныя съ тѣми, въ какія попали и первые засельщики страны. Природа, климатъ, мѣстныя условія были ему чужды, а научиться, посоветоваться было не съ кѣмъ и не у кого, потому что оставленные на произволь, безъ указаній людей знающихъ мѣстныя условія и руководимые только собственнымъ умомъ да горькимъ опытомъ большею частію непонятныхъ имъ неудачъ въ собственномъ хозяйствѣ, староселы и понынѣ сравнительно мало чему научились. Въ результатѣ, конечно, опять многочисленные уходы обратно въ Россію послѣ неудачной траты силъ и расходовъ на обзаведеніе хозяйствомъ.

Понятно, что благодаря всему этому экономическій ростъ Геленджика и окрестныхъ селеній двигался очень медленными стопами и что «благосостояніе» его мѣстнаго населенія (входящаго въ составъ общины) характеризуется въ настоящее время далеко не блестящими статистическими цифрами.

Всѣхъ домохозяевъ считалось за 1900 годъ 191. У нихъ подъ виноградниками было всего въ юртѣ только 2 дес., а подъ садами 5. Разработки подъ культуру произведены довольно не-

равномѣрно, что обусловливаетъ, конечно, неравномѣрность въ обеспеченности домохозяйствъ культурною землею, при чемъ большинство хозяйствъ далеко еще не успѣло расширить свои разработки до предѣльной нормы 10 дес. на семью. Последнихъ только около 3% общаго числа хозяйствъ, тогда какъ совсѣмъ не имѣющихъ своихъ разработокъ, т. е. безземельныхъ, 22%; имѣющихъ до 3 дес. на хозяйство 35%, отъ 3—6 дес.—32%, а отъ 6—9 дес. только 8%, между тѣмъ какъ главное занятіе населенія и составляетъ земледѣліе. Изъ общаго количества хозяйствъ 34% не имѣютъ никакого скота; въ среднемъ на каждые 2 хозяйства приходится менѣе 1 лошади, въ среднемъ на одно хозяйство приходится прочаго скота: 0,8 вола, 0,8 коровы, 0,6 свиньи и 0,8 козы.

Правда, среди Геленджикцевъ нѣтъ особенно бѣдствующихъ (какъ нѣтъ и особенно богатыхъ, кромѣ развѣ единичныхъ семей, отчасти разжившихся торговлей во время проведенія здѣсь «голоднаго» поссе)¹⁾. Наилучше живутъ многорабочія семьи; малорабочія и не имѣющія рабочаго скота, вмѣсто воздѣлыванія земли наймомъ, что они считаютъ невыгоднымъ при дороговизнѣ рабочихъ рукъ, сдаютъ свою землю исполу (при своихъ сѣменахъ), занимаясь сами пилкой и рубкой дровъ, поденщиною, рыболовствомъ, заработками при цементномъ заводѣ. Однолошадники занимаются ломовымъ извозомъ («дрягили»).

Размѣръ всего юрта (надѣла) опредѣляется для Геленджика въ 5400 дес.²⁾ Но изъ нихъ ровныхъ, удобныхъ для хлѣбопашества мѣстъ считается только около 2000 дес. (отсюда при 191 хозяйствѣ помянутая 10—десятичная норма разработокъ на cadaго домохозяина), а 2100 дес. тоже подъ сравнительно ровными,

---

1) Большимъ подспорьемъ геленджикцамъ является возможность нерасходовать на уплату податей, которыя покрываются доходами отъ оброчныхъ статей (на 1901 г., напр., по смѣтѣ ожидалось отъ цементнаго завода, сдачи усадебъ подъ дачи, каменоломень, пароходной пристани и пр. свыше 8000 р.).

2) По свѣдѣніямъ мѣстнаго сельскаго управленія, а по даннымъ помянутой «Справочной книги»—въ 6470 дес.

но негодными для хлѣбопашества пространствами, поросшими колючимъ «держи-деревомъ» на почвѣ изъ известково-глинистыхъ сланцевъ и песчанниковъ. Дровяной лѣсъ находится только въ горахъ и по оврагамъ на разстояніи 9 верстъ отъ Геленджика. Въ юртѣ замѣчается крайнѣ неудобный для скотоводства недостатокъ воды, горные ручьи послѣ дождливаго времени года быстро пересыхаютъ и водопоевъ для скота почти нѣтъ, такъ какъ р. Адерба протекаетъ преимущественно среди частновладѣльческихъ (бывшихъ потомственныхъ 10-десятинныхъ) участковъ. Сѣнокосныхъ участковъ мало, вслѣдствіе чего приходится косить траву около полей, на прогалинкахъ между кустами. Вслѣдствіе недостатка сѣна, скотъ круглый почти годъ пасется на подножномъ корму, а въ случаѣ нерѣдкаго недостатка его подкармливается преимущественно соломою. Вслѣдствіе этихъ причинъ мѣстное скотоводство не увеличивается, а повидимому сокращается.

Л. С. Личковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Грыцько Грыгоренко.

Первые восемь рассказов Грыцька Грыгоренка появились в 1898 г. в трех отдельных выпусках и одновременно в одном томѣ подъ общимъ заглавіемъ «Наши люде на сели». Послѣ этого литературная дѣятельность г. Грыгоренка нѣсколько ослабѣваетъ количественно, такъ-что съ того времени вышло всего пять новыхъ его рассказовъ: «Не такъ, якъ люде» (Літер.-Наук. Вістн. 1899 г. ч. 8), «Пересельци» (Кіевск. Старица 1900 г. № 11), «Такъ краще» (Літ.-Наук. Віст. 1901 г. ч. 2), «Чомъ чомъ чорнобровъ, чомъ до мене не прыйшовъ» (Сборникъ на пам'ять Коныського 1902 г.) и «Вона пысьменна» (Альманахъ «Дубовелыстя» 1903 г.). Украинская публика встрѣтила первыя произведенія г. Грыгоренка не то недоброжелательно, не то съ недоумѣніемъ. Общѣе впечатлѣніе, быть можетъ не вполнѣ сознательное, было, а отчасти и до сихъ поръ остается, такимъ: появились вещи, которымъ нельзя отказать въ литературныхъ достоинствахъ, которыя вносятъ въ нашу литературу нѣчто новое, но какъ онѣ странны и какъ онѣ намъ не нравятся. и притомъ за то именно и не нравятся, что въ нихъ является новымъ.

Многіе въ то время склонны были упрекать г. Грыгоренка въ чрезмѣрно пессимистическомъ взглядѣ на народъ, даже въ недоброжелательствѣ, чуть ли не въ клеветѣ на него. Нельзя, однако, признать справедливымъ это обвиненіе. Несомнѣнно, г. Грыгоренко не принадлежитъ къ числу идеализаторовъ деревни. Взглядъ

его на нравственный уровень крестьянства довольно мраченъ, но во 1-хъ—въ немъ нѣтъ и тѣни безнадежности относительно будущаго, а во 2-хъ—въ произведеніяхъ Грыгоренка явственно видны его глубокое сочувствіе къ народнымъ массамъ и искренняя скорбь о ихъ судьбѣ и ихъ деморализаціи. Осужденіе Грыгоренка не похоже ни на бесплодное хныканіе моралиста, ни на злобное шипѣніе народного врага,—это исполненный сочувствія къ больному діагнозъ врача-друга, который, не закрывая глазъ на болѣзнь, вмѣстѣ указываетъ и путь къ ея исцѣленію. И кто станетъ спорить, что такое отношеніе къ народу для него безусловно полезнѣе, чѣмъ замалчиваніе его недостатковъ.

На нашъ взглядъ, предубѣжденіе, которымъ на первыхъ порахъ встрѣтили у насъ произведенія Грыгоренка, объясняется тѣмъ, что во время ихъ появленія въ украинской литературѣ было еще сильно вліяніе того крайняго народничества, которое въ 70--80 годахъ было распространено и въ нашей, и въ русской литературѣ. Народничество этого оттѣнка не ограничивалось призывомъ къ работѣ на пользу обездоленной части населенія, но еще хотѣло увѣрить интеллигенцію, что народъ нравственно выше и умнѣе ея, что спасеніе не въ принципахъ, выработанныхъ образованною частью человѣчества, а въ народныхъ идеалахъ, что интеллигенціи слѣдуетъ не учить народъ, а учиться у него и т. д. и т. д. Параллельно съ этими взглядами и въ нѣкоторой духовной связи съ ними, у представителей этого направленія замѣчалась исключительная заинтересованность экономическими вопросами въ ущербъ вопросамъ, затрагивающимъ другія, ничуть не менѣе важныя стороны общественной жизни, выдвиганіе на первую очередь вопросовъ отдаленнаго будущаго и забвеніе тѣхъ, которые слѣдовало-бы ставить на дневномъ порядкѣ. Правда, въ украинской литературѣ направленіе это, быть можетъ, ни однимъ писателемъ не было выражено столь опредѣленно и рѣзко, какъ въ русской литературѣ, но за то романтическая идеализація народа господствовала у насъ безраздѣльнѣе. Украинскіе беллетристы 80-хъ годовъ почти не знаютъ другихъ обездоленныхъ, кромѣ кре-

стьянипа-земледѣльца, и все разцѣпываютъ съ точки зрѣнія интелесовъ этого класса. Они идеализируютъ крестьянъ, съ любовью ищутъ въ ихъ средѣ положительныхъ типовъ и часто ихъ прикрашиваютъ, надъ недостатками же народными остапавливаются неохотно, стараясь смягчить вызываемое ими отрицательное впечатлѣніе. Всѣ надежды свои на общественное обновленіе украинскіе писатели возлагали на крестьянъ, а нѣкоторые до того пропикались крестьянскимъ міровоззрѣніемъ, что съ симпатіей относились и къ крестьянскому ритуалу и даже къ нѣкоторымъ предразсудкамъ крестьянъ, или же почти цѣликомъ принимали взглядъ народа на общественныя отношенія и не только народную оцѣнку наличныхъ отношеній съ точки зрѣнія справедливости, но и мысли народа о томъ, какимъ путемъ и какими средствами можно достичь и нужно достигать ихъ улучшенія. А между тѣмъ, едва ли нужно и говорить объ этомъ, если народъ, неся на себѣ тяготы общественнаго строя, можетъ вѣрно указать на нѣкоторыя противорѣчія даннаго порядка съ справедливостью, то онъ, конечно, не въ силахъ безъ указанія интеллигенціи найти вѣрный путь къ раціональному рѣшенію сложныхъ общественныхъ задачъ. Такое настроеніе началось въ украинской литературѣ еще раньше, чѣмъ въ русской, и продержалось дольше. У насъ оно было еще очень сильно и въ 90-хъ годахъ. Правда, среди украинскихъ писателей, выступившихъ въ концѣ 80-хъ, въ 90-хъ годахъ, у многихъ замѣтно болѣе трезвое отношеніе, и все же никто изъ нихъ не высказался опредѣленно и твердо противъ прежнихъ увлеченій, на которыхъ продолжали настаивать писатели старшей генерации. Молодые писатели, кто сразу, кто постепенно, сами освобождались отъ чрезмѣрной идеализации народа и упомянутыхъ крайностей народничества, но одни изъ нихъ занялись изображеніемъ другой—не крестьянской среды, другихъ старыя традиціи еще настолько подавляли своимъ авторитетомъ, что они лишь изрѣдка и несмѣло рѣшались рисовать отдѣльные эскизы и штрихи, противорѣчащіе установившейся догмѣ.

Украинская литература—литература народа, состоящаго почти исключительно изъ крестьянства; она и писала преимущественно

о немъ, для него и въ защиту его интересовъ, и это вполне объясняетъ, почему въ ней такъ долго продержались именно отъмѣченныя выше увлеченія.

Но вслѣдствіе тѣхъ-же условій въ ней не нашло себѣ почвы то крайнее разочарованіе въ крестьянинѣ-земледѣльцѣ, какое охватило значительную часть русской литературы въ 90-хъ годахъ, отчасти какъ реакція противъ крайностей народничества. Въ то время широкіе круги русской интеллигенціи какъ бы вовсе отвернулись отъ деревни и махнули на нее рукой, не ожидая ничего положительнаго въ общественномъ смыслѣ отъ этой косной и фатально-инертной, по взглядамъ того времени, массы. Но исключительное преобладаніе крестьянства среди украинскаго народа не позволило украинскимъ писателямъ зайти въ разочарованіи крестьянствомъ такъ далеко. Извѣриться въ немъ значило-бы для украинцевъ извѣриться въ самихъ себѣ, и, конечно, живой народъ и живые люди не могли пойти на такое самоотрицаніе.

Очень характернымъ признакомъ этой разницы, обозначившейся въ данный періодъ развитія двухъ смежныхъ литературъ, можетъ служить, между прочимъ, самое появленіе въ украинской литературѣ въ концѣ 90-хъ годовъ г. Грыгоренка. Въ то время, когда въ великорусской литературѣ, какъ справедливо указываетъ г. Подарскій, «послѣ Успенскаго изученіе крестьянства совершенно остановилось» и она «остановилась на беллетристикѣ» изъ народнаго быта «80-хъ годовъ», въ нашей сравнительно бѣдной литературѣ появляется новый столь вдумчивый и талантливый изобразитель народной жизни, какъ г. Грыгоренко.

Однако и украинская литература не могла остановиться на прежней точкѣ зрѣнія. Критическое отношеніе къ прежнимъ увлеченіямъ и отказъ отъ нихъ неизбежно должны были появиться и у насъ, и дѣйствительно появились. Изъ украинскихъ беллетристовъ раньше всѣхъ Грыцько Грыгоренко выступилъ вполне определенно и ясно въ означенномъ направленіи. Этимъ определяется его мѣсто въ исторіи украинской литературы, а вмѣстѣ и объясняется первоначальное предубѣжденіе противъ него; а то обстоятельство, что, вслѣдствіе особенности украинскихъ

условій, онъ не могъ дойти до крайностей своихъ русскихъ товарищей, дѣлаеть его изображеніе крестьянской жизни особенно реальнымъ и вѣрнымъ. Къ этой основной причинѣ того, почему нашъ талантивый авторъ былъ встрѣченъ несоответственно своимъ дѣйствительнымъ достоинствамъ, нужно присоединить и другую—склонность къ рутинѣ, къ традиціи, въ сильной степени свойственной нашей, какъ и всѣмъ еще слабо развитымъ, литературамъ. У насъ не сложился пока тотъ широкій кругъ образованныхъ читателей, который, внося въ оцѣнку наличной литературы все разнообразіе вкусовъ и взглядовъ очень большого числа людей, подготавливаетъ почву для возникновенія новыхъ литературныхъ школъ и теченій. Цѣпкость, съ какою украинская литература придерживается уже отжившихъ приемовъ, сказывается между прочимъ во вкусѣ къ этнографіи въ беллетристикѣ, которая со временъ Квитки, а въ особенности Кулиша, вкоренилась въ украинской беллетристикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не давая ничего ни для развитія общей идеи произведенія, ни для обрисовки типовъ или окружающихъ ихъ условий и среды. Я указалъ здѣсь на частный примѣръ, относящійся къ художественной техникѣ, примѣромъ-же рутинности въ направленіи можетъ служить отмѣченное выше отношеніе къ Грыгоренку.

Основными чертами творчества Грыгоренка нужно признать удивительную трезвость и чувство мѣры, придающіе его рассказамъ столь жизненный характеръ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ г. Грыгоренко для изображенія не ищетъ красивыхъ, исключительныхъ положеній. Напротивъ, онъ именно любитъ рисовать положенія самыя повседневныя и обыденныя, и оттого-то рассказы его такъ точно воспроизводятъ украинскую деревню. Но и въ повседневной обстановкѣ авторъ умѣеть отмѣтить такое разнообразіе типовъ, освѣтить такія стороны жизни украинскаго крестьянина, которыя ускользали отъ далеко не заурядныхъ наблюдателей. Въ своемъ небольшомъ сборникѣ онъ сумѣлъ обрисовать много новыхъ, до него не отмѣченныхъ деревенскихъ типовъ,

---

1) Рус. Бог. 1903 г. № 3.

такъ что весьма немногіе изъ его предшественниковъ дали намъ такое разнообразіе ихъ, и, кажется, никто не сдѣлалъ этого въ столь небольшой книгѣ. Правда, вслѣдствіе краткости, свойственной г. Грыгоренку, страдаютъ иногда техника разсказовъ и отдѣлка типовъ, иногда можно было-бы желать болѣе подробной ихъ обрисовки, но это несомнѣнно портреты, если и не тщательно отдѣланные, то съ поразительно вѣрно схваченнымъ сходствомъ.

Избѣгая эффектовъ, Грыгоренко не ищетъ драматическихъ положеній, не беретъ матеріаловъ для своихъ разсказовъ изъ уголовной хроники и не выискиваетъ столь рѣдкихъ въ дѣйствительной жизни деревни случаевъ борьбы за общественный или мірской интересъ. Его герои не преступные тишны и не борцы за правду—это рядовые крестьяне; но вѣдь они то, благодаря своей подавляющей численности, и создаютъ характеръ деревенской жизни, а потому наблюденія Грыгоренка и имѣютъ особенное значеніе для читателя, который хочетъ изучать нашу деревню и основать свои на нее надежды на трезвой оцѣнкѣ фактовъ.

Въ изображеніи экономическаго положенія деревни нашъ авторъ также чуждъ стремленію искать случаевъ исключительной бѣдности, чтобы сценами голода и нищеты вызвать въ читателѣ сочувствіе къ положенію изображаемой среды. Чутье подсказываетъ автору, что всѣ такіе ужасы, какъ бы ни было сильно первое впечатлѣніе, созданное ими, будутъ потомъ оцѣнены читателемъ, какъ случаи исключительные, какъ бѣдствіе отдѣльныхъ немногихъ лицъ, а задача г. Грыгоренка поставить вопросъ принципиально и дать картину жизни широкихъ круговъ населенія.

Крестьяне г. Грыгоренка не нищіе, не голодаютъ, но они рисуетъ ихъ экономическое положеніе какъ разъ такимъ, каково оно есть на самомъ дѣлѣ. Ихъ относительная сытость достигается повседневной работой и неуныннымъ разчетомъ и бережливостью надъ каждой самой незначительной тратой; она какъ бы вѣчно находится подъ угрозой. Благосостояніе ихъ таково, что ежеминутно можетъ разрушиться вслѣдствіе самой незначительной хозяйственной неудачи или кратковременнаго только отвлеченія

работника отъ труда и бережливости. Для того лишь, чтобы не погибнуть, а кое-какъ поддерживать существованіе, имъ ни на минуту нельзя забыть объ опасности истратить лишнюю копѣйку, нельзя даже въ горѣ или при увлеченіи оторваться отъ дѣла, и въ добавокъ къ этому бремени бѣдности на ихъ долю выпадаетъ приниженное положеніе и неравенство правъ. Казалось бы, такое положеніе достаточно тягостно, чтобы нужно было искать эффектовъ для возбужденія къ нему сочувствія. Но оно такъ обычно, къ нему всѣ присмотрѣлись настолько, что большинство не видитъ его ненормальности, смотря равнодушными глазами на окружающую насъ юдоль скорби. Тѣмъ большій талантъ и тѣмъ высшую заслугу нужно признать за г. Грыгоренко въ томъ, что онъ умѣетъ простыми изображеніями обыденной жизни средняго крестьянина всколыхнуть задремавшую впечатлительность читателя и вызвать въ немъ раздуміе надъ фактами, къ которымъ онъ привыкъ и съ которыми сжился.

Тяжелыя экономическія условія разлагающимъ образомъ вліяютъ на нравственный обликъ деревенскаго населенія. Невесело смотритъ Грыгоренко на умственный и нравственный его уровень. Страшно становится отъ той бездны эгоизма, несправедливости, корыстолюбія, жестокости, какую раскрываетъ предъ нами нашъ авторъ. Семейныя отношенія таковы, что жена, вспоминая о смерти мужа, говоритъ: Ну то ще ничего, якъ-бы бувъ мене пидъ той шапець изъ малымы дитьмы не покинуувъ» (Стр. 4. Сватанія). Она-же «просыла» Бога, «щобъ прыбравъ хочь двоохъ зъ моихъ сыригъ»... «Не давъ Богъ—уси жыви (стр. 4. Ibid). Постоянное обычное пожеланіе дѣтямъ: «А щобъ-же зъ тебе душа выйшла, якъ ты мени вже остыгло» (стр. 21. Ось яка сторія). Старикъ Мыкыта хотя и чувствуетъ, что поступаетъ несправедливо, все-жъ обдѣляетъ своего неудачника сына въ пользу другого, не будучи въ состояніи противостоять клеветѣ, угощеніямъ, и тутъ же выговаривая, чтобы сынъ, получающій все имущество, ему за это «добру домовину зробывъ» (Ibid, стр. 24). Чтобы завладѣть частью огорода, которая должна была достаться брату, Мыкола (Ibid) не останавливается ни передъ клеветой, ни

передъ спаиваніемъ отца, а когда достигаетъ своей цѣли, въ пень не замѣтно и тѣни угрызеній совѣсти. Истомленная чрезмѣрнымъ трудомъ, чтобы избавиться отъ него, Хрыстя (Божевильна) прикидывается сумасшедшей, и для лучшаго выполненія принятой на себя роли, не останавливается предъ тѣмъ, что отказывается кормить своего грудного ребенка.

Если таковы отношенія къ своимъ близкимъ, то чего можно ожидать въ отношеніи къ постороннимъ? Права ихъ въ сущности не пользуются никакимъ уваженіемъ. Огромное большинство героевъ Грыгоренка относится къ этимъ правамъ съ нескрываемымъ вождельніемъ и всегда готово нарушить ихъ, если можно сдѣлать это безнаказанно. Ни чужія права, ни чужіе интересы въ глазахъ ихъ не имѣютъ никакой цѣны. Крестьянинъ, ушедшій на переселеніе и тамъ разорившійся, въ письмахъ на родину къ односельцамъ и родственникамъ, рисуетъ въ соблазнительныхъ краскахъ жизнь на новыхъ мѣстахъ, чтобы и другихъ завлечь въ ту же бѣду: «Самому трудно бидуваты, то нехай и другый спробуе» (Пересельци К. С. 1900 г., № 11, стр. 318). Чужая собственность, особенно если она плохо ограждена, не въ твердыхъ рукахъ, является объектомъ постоянныхъ покушеній. И, что всего хуже въ нравственномъ отношеніи, дѣлается это далеко не потому, чтобы у нарушителя чужой собственности было какое нибудь сомнѣніе въ справедливости этого института; такого сомнѣнія нѣтъ, въ принципѣ ему отдается полное уваженіе, а своя собственность цѣнится дороже и охраняется ожесточеніемъ жизни,—просто—нѣтъ стимула, способнаго противостоятъ соблазну увеличить свое благосостояніе какими бы то ни было средствами. «Боитесь може, що скрыня іі буде?... Ни, дежъ таки... Ваша дочка попереносить усе, поки вона підніметься» (Сватання стр. 17)—говорить дѣдъ о скрынѣ, доставшейся его внучкѣ послѣ смерти ея матери, его первой невѣстки, чтобы склонить бабу Секлиту выдать замужъ свою дочь за его сына. «Не вкрасы—не маты»—заявляетъ авторитетно баба Секлита (стр. 5).

Не лучше и отношеніе къ правдѣ. Ложь не только не осуждается, часто напротивъ осуждается правда. «Максымъ... за

чарку горилки зробіть чоловіка и святымъ и багатымъ, а якъ схоче, то чорнишымъ видъ сажы» (стр. 12). «А ну тебе къ чортовій матери зъ твоею правдою! ось втерявъ черезъ тебе два рубля» — сердится на Хиврю отецъ (Хивря языката стр. 93). Общественное мнѣніе деревни, при общемъ низкомъ нравственномъ уровнѣ, вырождается въ травлю слабыхъ и въ лицемѣрное сплетничаніе. «Нышкомъ люде такы судылы Мыколу за брата, въ голосъ-же нихто не обсмилывся ничего сказаты, бо Мыкола бувъ чоловікъ строгый и багатый; якъ бы хто й роззявивъ рота, винъ бы знавъ, що ему зробіты (Ось яка сторія» стр. 45). Много подобныхъ фактовъ можно было бы найти еще въ разсказахъ Грыгоренка, но довольно и этихъ; обратимся теперь къ его положительнымъ типамъ. Къ сожалѣнію исторія ихъ жизни способна только усилить мрачное впечатлѣніе, создаваемое деревенской жизнью въ описаніи нашего автора. Это или исторія постепеннаго нравственнаго паденія, или исторія гибели въ борьбѣ за существованіе, при чемъ причиной этой гибели послужила какъ бы сама ихъ нравственная порядочность. Трогательно-грустныя, горькія чувства будить въ читателяхъ описаніе жизни бѣдной «языкатой Хиври», правдивой и чистой по природѣ натуры, которая не умѣетъ лгать и за это именно не любима всѣми окружающими. Благодаря своей правдивости, она не могла помочь тѣмъ, кому хотѣла; ея правдивостью пользуются, чтобы оклеветать челоуѣка и устроить свои грязныя дѣлишки; за правдивость ее обвиняють въ искательствѣ у пановъ и въ доносахъ на товарищей, за правдивость ей мстятъ поджогомъ, разоряють и доводятъ ее до слѣдующаго ужаснаго состоянія: «Хивря одъ тихъ поръ якъ замовкла тай замовкла... Вона все тилькы зъ дитьмы порается: то прыгортае, то цилуе ихъ,—одного тилькы вопа для ихъ боялася, щобъ не булы дуже говирки и все було Натальцю зупынае: «не кажы», «помовчъ», «скажы: а хто ёго знае»!... «Цыгъте, диточки, сидить соби тихо въ свой порци. Вы никого не чыпайте—вась нихто не чыпатыме!» (Стр. 111—112 Хивря языката). А вотъ еще замѣчательныя характерныя сомнѣнія Степана Зануды. Степанъ по натурѣ исключительно

справедливый человекъ. Во всѣхъ житейскихъ столкновеніяхъ онъ прежде всего становится на точку зрѣнія правъ не своихъ, а того, съ кѣмъ сталкиваются его интересы. Но вотъ Степану угрожаетъ въ самомъ дѣлѣ большая бѣда. Отецъ его, овдовѣвъ, собирается жениться, во второй разъ. Степанъ знаетъ, что въ деревнѣ это почти всегда влечетъ за собой изгнаніе отцомъ сына и его семьи изъ своей хаты. Такимъ образомъ ему угрожаетъ полный хозяйственный крахъ, опасность остаться съ семьей на рукахъ безъ крова и безъ всякихъ средствъ существованія. Замѣчательно справедливый по природѣ, онъ и здѣсь не можетъ не войти въ положеніе отца, не стать на его точку зрѣнія, но въ виду бѣдъ, предстоящихъ ему самому, не въ силахъ и остаться безпристрастнымъ. Дума Степана по этому поводу настолько характерный примѣръ того, какъ тяжелое экономическое положеніе является бѣсомъ искусителемъ и надламываетъ чувство справедливости даже въ такихъ хорошихъ людяхъ, что я позволю себѣ занять вниманіе читателя довольно длинной выпиской.

«А Степанъ ставъ и почавъ розбираты: «Жинкы треба. Мени жинкы треба, значыть—и батькови треба. Чого-жь мы зъ Наталкою не позволялы ёму оженытысь? Значыть, не мигъ я упретыты. Бо винъ старый? Дакъ що? А якъ бы маты жыва, то у ёго була-бъ жинкы, значыть, ёму треба жинкы, значыть, добре, що оженывся... Тилькы для насъ не дорбе, бо хочъ поки що ничего, а, може, скоро вони изъ своею жинкою и ии дитьми (може, ще й свои будутъ) насъ зъ Наталкою вытурять. Якъ же це? Коны батькови, якъ и всякому чоловикови, треба жинкы, а старой вже не стало, то винъ повиненъ бувъ взяты соби нову, а якъ взявъ жинку, то выходыть дило такъ, що насъ выжене... Хиба жъ непременно мене выгнаты, бо тисно скоро стане вкупи жыты... А я, якъ бы бувъ на ёго мисци, чы выгнавъ бы сына? Не знаю. Може, якъ бы сынъ бувъ на мене похожий, то ни. Чому? Тому, що кождый чоловикъ дума про себе, що винъ одъ усихъ кращый. Хиба що такъ? А якъ бы мени було тиспо въ хати, то и я повиненъ бы бувъ кого небудь выганяты... Охъ, хо, и чого-то маты вмерла? Треба жъ имъ було вмираты, що

паробылы! Молодша була, а вмерла равійше одъ батька, чога такъ? Краще-бъ....»

«Степанъ передумавсь: «що це я батькови смерти выкликаю? Ни! Я тилькы такъ, я тилькы кажу: на що молодши попередъ старійшыхъ умырають? А якъ бы вопы жылы, а батько... тоди бъ все инакше було... Щобъ тоди було?»... Степанъ пилювъ до дому разомъ зъ своимы думкамы». (Стр. 74, Старый молодой).

На примѣрахъ языкатой Хиври и Степана Запуды авторъ какъ бы хочетъ показать причинную зависимость нравственнаго разложенія деревни отъ тяжелаго экономического ея положенія,—объяснить первую послѣднимъ. Такая зависимость несомнѣнно можетъ существовать. У людей, находящихся подъ гнетомъ постоянныхъ бѣдности и труда, часто не достаетъ времени для развитія собственнаго я, а строгое согласованіе своихъ дѣйствій съ нравственными требованіями, обходится въ такихъ условіяхъ иногда слишкомъ дорого. Въ жизни бѣдняковъ бывають такія положенія, и въ этомъ самая ужасная сторона бѣдности, при которыхъ сохраненіе своего нравственнаго достоинства равносильно рѣшимости на чрезвычайно суровыя испытанія.

При всемъ томъ, еслибы авторъ такъ безусловно высказывалъ мысль о деморализующемъ вліянніи бѣдности, съ нимъ едва-ли можно было бы согласиться. Въ дѣйствительности жизнь даетъ не мало примѣровъ, когда самая вопіющая нищета не только не подавляетъ въ людяхъ нравственнаго чувства, а какъ бы еще придаетъ нравственнымъ запросамъ бѣдныхъ классовъ особенную яркость и остроту. Не будь этого, будущее общество представлялось бы въ гораздо болѣе мрачныхъ краскахъ, такъ какъ бывали эпохи, когда только самые бѣдные классы и возрождали его изъ состоянія полного нравственнаго упадка. Очевидно, есть еще какое то другое условіе, которому принадлежитъ рѣшающее значеніе и которое опредѣляетъ, положительно или отрицательно подѣйствуетъ бѣдность на нравственный уровень бѣдныхъ классовъ. Этого фактора г. Грыгоренко не указываетъ прямо. Повидимому, онь считаетъ, что въ жизни нашей деревни этотъ факторъ еще не проявился. Есть, однакоже, въ произведеніяхъ нашего автора

косвенныя указанія, выясняющія его взглядъ на этотъ вопросъ. Почти у всѣхъ героевъ своихъ г. Грыгоренко наблюдаетъ одну черту, общую какъ лучшимъ, такъ и худшимъ деревенскимъ людямъ, постоянно окрашивающую всѣ ихъ побужденія, какъ дурныя такъ и хорошія.—Это какая то стихійность, непосредственность чувствъ и стремленій. Постоянно отмѣчая ее, г. Грыгоренко какъ бы подчеркиваетъ, что именно эта стихійность и дѣлаетъ нашихъ крестьянъ столь неустойчивыми нравственно и создаетъ то, что тяжелыя экономическія условія воздѣйствуютъ отрицательно на нравственный уровень деревни. Крестьяне въ изображеніи Грыгоренка—это дѣти; они идутъ туда, куда толкаетъ ихъ первое побужденіе, вызванное окружающей обстановкой; ничто не сдерживаетъ ихъ, у нихъ нѣтъ ни твердо выработанныхъ нравственныхъ правилъ, ни сознательнаго пониманія общественныхъ отношеній; захватить ихъ какое-нибудь чувство, хорошее ли, дурное ли,—они подчинились ему; встанетъ предъ ними какая-нибудь бѣда, даже просто неприятность,—они всецѣло поглощены желаніемъ избавиться отъ нея и ничѣмъ не контролируютъ своихъ дѣйствій, направленныхъ къ достиженію этой цѣли. Вотъ, напр., Христинина кума Мелашка, у которой своего дѣла по горло и четверо дѣтей, когда заболѣла Христа, взяла на себя вести ея хозяйство и кормить ея ребенка. Она самоотверженно отдаетъ свой трудъ несчастной семьѣ, но когда сосѣди убѣждаютъ ее, что ей не стоитъ такъ заботиться о чужихъ дѣлахъ, она терялась и «не вмила добре розсказаты, що їй пхало помогаты Христи. Сказать бы, що вона кума їй, дакъ и другимъ вона було пособля, якъ треба. Чы то їй було жалько, чы то їй свого дила ще мало було? Такъ и бигала, якъ галушка въ окропи, то сюды, то туды». (Божевильна, стр. 207). А вотъ, напр., старикъ Миропъ (Батько), и хорошій старикъ, когда зять его хочеть обмапутъ громаду и ищеть его содѣйствія, начинается съ того, что съ негодованіемъ бранить и зятя, и свою любимицу дочь; онъ хочеть даже изобличить зятя, но тутъ же, боясь, чтобы зять не побилъ его дочери, безъ всякой почти борьбы идетъ въ зборню и выручаетъ зятя, помогая ему своимъ вплиніемъ об-

мануть громаду. Правда, послѣ «Мыронъ строго наказувавъ Андрію вернуты громадськи гроши, тильки Андрій забувси якось. Мыронъ не забувся та думавъ: «Добре, що с... с... для Оксаны (дочери) хочъ корову купивъ: буде молоко для дытны, а то вона все бидкается» (Батько, стр. 259).

А вотъ сцена у качели (Вона пысьменна). Одна изъ дивчатъ, Катря, сообщаетъ подругамъ о другой, что та чытаеть книги. Но прислушайтесь, съ какой насмѣшкой говоритъ объ этомъ Катря: «Ось їй Богу, ха—ха—ха, що вона у кныжкахъ чыта, ха—ха—ха! Ось їй Богу, що чыта, хрестъ мене побый». Дивчата бѣгутъ къ огороду обвиняемой Оксаны, чтобы удостовѣриться, вѣрно ли сообщеніе Катри, и, когда застають подругу за чтеніемъ, относятся къ ней съ насмѣшкой, даже враждебно.

«Га, хоче розумнійшою одъ насъ буты!—якъ пожемъ ризонула Мокрына».

— «И яка нудна ця Оксана, наче въ неи крови нема... Тутъ весна на двори, тутъ писци, тутъ парубкы ха—ха—ха!, а вона кныжки, тьху на тебе!»

Чѣмъ же объясняется эта веселая жестокость, съ какою дивчата издѣваются надъ читающей подругой. Въ поступкѣ ихъ нѣтъ ни заранѣе обдуманнаго намѣренія, ни сознательной злости. Имъ просто, какъ и всякому неразвитому человѣку, стихійно подчиняющемуся своему первому побужденію, кажется смѣшнымъ, страннымъ и неприятнымъ все непохожее на нихъ.

Прислушайтесь теперь къ общественнымъ взглядамъ героевъ Грыгоренка. Вотъ Мыкыта (Ось яка сторія, стр. 21), и Мыронъ (Батько, стр. 224) разсуждаютъ о преимуществахъ крѣпостного состоянія надъ свободнымъ. Грыцько (Старый—молодой) также жалѣеть о крѣпостномъ правѣ потому, что «панъ бы заразы звеливъ самій найкрацій дивци за мене йты» (Стр. 71). Вотъ разсужденія Васыля (Хивря языката, стр. 102) о томъ, что «якъ бы чоловікови ще й жинкы не вильно було побыты, то бувъ бы винъ вже зовсимъ нещасливый, бо въ зборни ёму одвичай. гроши въ казну платы, або зборщыкомъ, або чимъ поставлять—служы, въ москали йды, якъ время прыйде,—треба хочъ вдома душу од-

весты»; или прислушайтесь къ сбивчивымъ разсужденіямъ Мирона о деньгахъ. (Батько, стр. 227).

Среди героевъ г. Грыгоренко, человекъ съ наибольшимъ общественнымъ настроеніемъ, наиболее критически относящійся къ неустройствамъ общественной жизни, Карипонъ (Такъ краще, (Л. Н. В. 1901 г. ч. 2.) въ сущности—злбный психопать, не способный ни связать своихъ мыслей, ни тѣмъ менѣе выставить какую-нибудь программу. Чувство личной обиды, правда, создало въ немъ лѣкоторое смутное пониманіе неправды, царящей въ обществѣ, но его не волнуетъ желаніе найти путь къ исправленію этого общаго зла, да онъ и не въ силахъ разобраться въ сложныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Онъ только весь преисполненъ сознаниемъ своей обиды, раздраженіемъ и ненавистью ко всѣмъ и на все. Руководимый ими, онъ держитъ въ страхѣ и пана, и своихъ односельцевъ-крестьянъ и оканчиваетъ личѣмъ въ сущности немотивированнымъ преступленіемъ—поджогомъ. Послѣ ссылки его, и его собственная семья, и односельцы облегченно вздыхаютъ. «Безъ него кращенько, ій Богу, що кращенько»—говоритъ его жена сосѣдкамъ (Лит.-Науков. В. 91 г. ч. 2, стр. 185). «Ради булы и люде, що позбудыся того камня зъ шыи, якъ той Карипонъ, що й самъ не знавъ, чоґо ёму треба и инчихъ баламутывъ»... «Ну, теперъ уже скоро не побачимось.—казалы. Винъ свою дорогу пробывъ, отсе пожежа, а писля душогубство буде (Л.-Н. В.. 1901, № 2, стр. 185).

А между тѣмъ, проявленіе критики и общественнаго настроенія такъ рѣдки въ деревнѣ, что у автора невольно пробуждается сожалѣніе о гибели Карипона, хотя онъ ясно видитъ и отрицательныя стороны Карипона, и его бесполезность для деревни.

Такимъ образомъ Грыгоренко указываетъ на темноту народную какъ на второе добавочное къ бѣдности и виѣстѣ рѣшающее условіе нравственнаго разложенія нашей деревни. Выясненіемъ этой причины въ значительной степени ослабляется мрачное впечатлѣніе, созданное картинами Грыгоренка, такъ какъ тѣмъ самымъ намѣчается выходъ изъ даннаготяжелаго положенія, и надежды на обновленіе деревни получаютъ вполне опредѣленное

обоснованіе. Несомнѣнно, здравыя понятія объ обществѣ и его жизни, широко распространенныя въ народныхъ массахъ, и умственный подъемъ этихъ массъ способны поднять нравственный уровень ихъ, а вмѣстѣ сдѣлаютъ невозможными и эту гнетущую бѣдность, и много другихъ скорбныхъ сторонъ деревенской жизни. Не преодолевъ же этого основного зла, едва ли можно рассчитывать на какія-либо прочныя улучшенія въ ней.

Въ ряду другихъ особенностей Грыгоренка, какъ писателя, нужно отмѣтить особенную, свойственную ему, манеру писать, особенную архитектуру его рассказовъ, отъ которой онъ начинаетъ отступать только въ двухъ послѣднихъ своихъ вещахъ («Чомъ, чомъ не прыйшовъ» и «Вона цысьменна»), и то, часто возвращаясь къ своей прежней обычной манерѣ. Во всѣхъ рассказахъ, составляющихъ его сборникъ, и въ невошедшихъ въ него «Пересельцяхъ» и «Такъ краще» авторъ пользовался все тѣмъ же приѣмомъ. Всѣ они ведутся отъ автора, и даже разговоры дѣйствующихъ лицъ какъ бы цитируются имъ. Часто онъ даже приводитъ ихъ для того, чтобы подкрѣпить сдѣланную имъ характеристику дѣйствующихъ лицъ или какъ примѣръ другихъ однохарактерныхъ разговоровъ. Этотъ приѣмъ не вызывается у Грыгоренка, какъ то случается иногда у другихъ писателей, неумѣніемъ воспроизводить живые разговоры. Напротивъ, онъ обладаетъ удивительно богатымъ запасомъ наблюденій надъ жизнью и удивительнымъ умѣніемъ схватывать характерныя особенности разговоровъ своихъ героевъ. А между тѣмъ нельзя признать удачной эту манеру автора; она въ большинствѣ случаевъ уменьшаетъ живость рассказа и приближаетъ его къ публицистикѣ или литературной характеристикѣ. Къ тому же, послѣдовательно проведенная въ цѣломъ рядѣ рассказовъ, она придаетъ имъ нѣкоторое однообразіе. Повидимому, то, что г. Грыгоренко такъ часто пользовался этимъ приѣмомъ, является послѣдствіемъ нѣкоторой спѣшности работы, а можетъ быть и желанія автора скорѣе ознакомить читателя съ своими наблюденіями. Такое объясненіе тѣмъ правдоподобнѣе, что у нашего талантливаго автора можно отмѣтить и другіе

признаки снѣшности въ работѣ. Къ числу ихъ нужно отнести обиліе у Грыгоренка вводныхъ предложеній, иногда удивительно длинныхъ и слишкомъ часто прерывающихъ нить разсказа. Авторъ пользуется ими, чтобы сказать вскользь то, что было-бы лучше развить подробнѣе и самостоятельно, или для того, чтобы добавить какую-нибудь опущенную подробность въ сдѣланной раньше характеристикѣ лица или положенія. Онъ не хочетъ, по-видимому, исправить разъ написанное и довольствуется вставкой при случаѣ добавочнаго поясненія въ видѣ вводнаго предложенія. Нечего и говорить, что пріемъ этотъ нельзя признать художественнымъ, и, только благодаря жизненности темъ и живости таланта г. Грыгоренка, онъ не производитъ того непріятнаго впечатлѣнія, какое, несомнѣнно, долженъ былъ бы производить у другого менѣе талантливаго автора. Какъ на примѣръ вводныхъ предложеній г. Грыгоренка, укажу наугадъ на одно изъ многихъ на стр. 96—97, занимающее собой десять строчекъ—ни больше, ни меньше!

Есть еще одинъ признакъ снѣшной работы нашего автора—это обиліе руссизмовъ, отъ времени до времени какъ бы эпидемически поражающее языкъ Грыгоренка. Приписать это недостаточному знакомству Грыгоренка съ украинскимъ языкомъ нельзя. Онъ бесспорно прекрасно владѣетъ украинской рѣчью, языкъ его богатъ, чисто-народный, удивительно образный. Я не знаю другого современнаго малорусскаго писателя, обладающаго въ такой мѣрѣ, какъ Грыгоренко, способностью пользоваться выхваченными прямо изъ народной среды образами и такимъ ихъ богатствомъ. И не смотря на это, Грыгоренко, къ крайней досадѣ читателя, иногда переполняетъ свою рѣчь руссизмами. И это случается именно какъ будто эпидемически. Иногда на десяткахъ страницъ лишь изрѣдка встрѣтишь у Грыгоренка немалорусское слово или оборотъ, и вдругъ на одной страницѣ онъ засыплетъ ими читателя.—Очевидно, это страница, которая, не обсохнувъ, изъ-подъ пера автора попала прямо на типографскій станокъ. Вотъ, напр. (стр. 147). «А все жъ такы Захарко *стоявъ на своёму* и завірявъ, що ёго набыто,

и, щобъ забыты бакы Опанасу, *предложывъ* ёму йты огиркы на баштанъ красты. Опанасъ, шо перше мало не побывъ зъ досады Захарка, теперь вже *согласався* (бо Захарко такъ умивъ чоловіка умисыты, якъ тисто) и, сказавши «отъ ловко *прыдумавъ*», йшовъ за Захаромъ и зновъ *попадавъ у биду* и самъ *одвичавъ* за все, бо Захара никола тоди не було, якъ ёго було треба. Такъ довго *попадався* Опанасъ, якъ птыця въ ситку, *въ руки Захара*, покъ не *переставъ* ёму зовсімъ *вырыты*, покъ не порозумнійшавъ, хочъ и тоди *случалось* Захару ёго *пидманыты*, якъ почне було выхваляты Опанаса, цо той *розумный*».

Объяснить эти руссизмы желаніемъ Грыгоренка передать точно рѣчь тѣхъ крестьянъ, которые стараются руссить, нельзя, какъ потому, что они попадаютъ и въ словахъ самого автора, такъ и потому, что между ними встрѣчаются слова, навѣрно неизвѣстныя малорусскимъ крестьянамъ, напр. «сквалыка» (на стр. 161).

Рѣже, но все же иногда, спѣшность работы сказывается у Грыгоренка не только на формѣ, но и на содержаніи, создавая въ такихъ случаяхъ нѣкоторую непослѣдовательность въ обрисовкѣ типовъ и противорѣчія между характеромъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ отдѣльными поступками. Это замѣчаніе относится главнымъ образомъ къ слабѣйшему, на мой взглядъ, по выполненію разсказу Грыгоренка «Хто кого», гдѣ намѣчены два очень интересные типа двухъ братьевъ, но гдѣ, къ сожалѣнію, такъ много путаницы и противорѣчій, что и типы эти, и разсказъ нужно признать неудавшимися. Здѣсь на стр. 145, напр., Опанасъ—Захару «ни копійкы не давъ одъ того времяя, якъ батько померъ», а на стр. 147 «—Слухаючи таки слова, Опанасъ якъ вискъ на вогни топывся и помагавъ братови то роботою, то гришьмы». Опанасъ выставляется то корыстолюбцемъ, женящимся изъ-за денегъ, раздающимъ деньги на ростовщическіе проценты, то добрякомъ, который, прійдя требовать проценты и увидя нужду своего должника, подбрасываетъ ему деньги. Одно и то же дѣйствіе Захара—лжесвидѣтельство—объясняется авторомъ разъ ложными по-

нїтїями Захара о долгѣ и грѣхѣ, а черезъ нѣскольکو строкѣ расчетомъ. Вслѣдствїе той-же спѣшности работы въ разсказѣ «Хто кого» кое-гдѣ замѣчается сбивчивость изложенїя, такъ напр.: дѣтство и зрѣлый возрастъ Захара описаны какъ-то въ перемежку, и авторъ много разъ переходитъ отъ одного къ другому.

Отмѣтимъ еще одну маленькую особенность Грыгоренка. Тонъ его разсказовъ вообще удивительно объективенъ. Авторъ описываетъ людей и факты, какъ они есть, нигдѣ не обнаруживая своего сочувствїя или несочувствїя къ нимъ, нигдѣ онъ не отрывается отъ описанїя, чтобы высказать свои огорченїя, негодованїе, жалость и т. д. Но есть одинъ вопросъ, составляющїй исключенїе—это вопросъ женскїй; онъ очевидно особенно дорогъ нашему автору. И каждый разъ, когда ему приходится коснуться этого вопроса (а Грыгоренко любитъ его затрогивать), онъ не можетъ уже сохранить свою всегдашнюю объективность и у него вырываются горячія лирическія отступленїя (напр. въ разсказѣ «Языката Хивра» 95—99 стр.); проникнутыя искреннимъ чувствомъ, они вполне удаются автору и производятъ сильное впечатлѣнїе.

Въ самое послѣднее время у Грыгоренка замѣчается нѣкоторый поворотъ въ характерѣ работы и въ выборѣ темъ. Грыгоренко теперь какъ будто больше заботится объ отдѣлкѣ и красотѣ формы своихъ разсказовъ. (И этого, конечно, нельзя не привѣтствовать!). А на ряду съ тѣмъ ищетъ и болѣе красивыхъ темъ. Онъ оставляетъ прежде занимавшїя его картины будничной, дѣловой жизни и начинаетъ изображать поэтическія, праздничныя настроенїя, въ ряду которыхъ прежде всего заинтересовывается чувствомъ любви.

Погоня за красотой, за красивыми положенїями можетъ однакоже представлять нѣкоторую опасность для писателя. Увлекаемая созданїемъ красивыхъ картинъ, писатель можетъ незамѣтно для самого себя погрѣшить противъ правды. Было-бы глубоко жаль, если бы нѣчто подобное захватило г. Грыгоренка и ослабило то, что составляетъ его наибольшее достоинство, реализмъ, трезвость и чувство мѣры. А между тѣмъ въ послѣднемъ, въ об-

щемъ прекрасномъ, разсказъ Грыгоренка «Вона пысьменна» есть одна небольшая подробность, свидѣтельствующая о томъ, что и этотъ замѣчательно реальный писатель, не устоялъ противъ соблазна отступить отъ правды ради созданія эффектной сцены. Оксана ходитъ и читаетъ среди цвѣтущихъ вишенъ. «На тымъ боци, де сонце ховалось, все держалося червоне сяево и въ тому сяеви помалу-помалу ходыла по садочку вся середъ квитокъ одъ вышениа, паче обведена ими якъ каблучкою, дивчина зъ сухенькымъ, довгообразымъ облыччемъ, нахыленнымъ до кшыжкы... Облычче нахылылось такъ нызко, що яснилы тилькы їи товсти косы, завязаны кругомъ чола. Били вышневи лысточкы сыпалыся їй разъ у разъ на голову, вона того не помичала. Вона въ голось читала зъ кныжкы «земля наша не ривна якъ стиль, а ссарообразна»... Вона все збывалася на цѣму слови «ссарообразна якъ»... (Дубове лыстя стр. 46).

Красиво! что и говорить. Но читать прогуливаясь могла-бы барышня, много-много читавшая, а не дивчына еще не вполне разбирающая прочитанное. Хождение мѣшало бы ей и читать и понимать, да на сколько я знаю крестьянскую жизнь, я положительно не въ силахъ представить себѣ крестьянку, читающую прогуливаясь. Это, конечно, только мелочь, незначительная подробность, и я указалъ на нее только какъ на примѣръ, иллюстрирующій общее положеніе, что погоня за красотой можетъ заставить писателя согрѣшить противъ правды. Такимъ образомъ, если можно вполне привѣтствовать замѣтное въ послѣднее время у г. Грыгоренка стремленіе къ красотѣ формы и къ болѣе тщательной отдѣлкѣ своихъ вещей, то было-бы въ высшей степени желательно, чтобы эти новыя достоинства развивались у него не въ ущербъ прежнему, еще большему, его достоинству—реализму.

Въ заключеніе нашей характеристики г. Грыгоренка, какъ писателя, мы должны сказать, что онъ не принадлежитъ къ числу «счастливыхъ» писателей, которые «мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближаются къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство

человѣка» и «изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ» избирають «одни немногія исключенія». Скорбное чувство сопровождаетъ все изображаемое имъ. Отъ него не скроются отрицательныя стороны жизни. вездѣ на каждомъ шагу онѣ преслѣдуютъ его, и сознаніе ихъ придаетъ грустный отпечатокъ его картинамъ. Но онъ замѣчательно вдумчивый, правдивый и умный писатель.

В. Леонтовичъ.

Малороссы въ Петербургѣ.

Статистическое отдѣленіе с.-петербургской городской управы недавно выпустило въ свѣтъ, въ качествѣ своего рода юбилейнаго подарка сѣверной столицѣ, весьма любопытное изданіе «С.-Петербургъ по переписи 15 декабря 1900 г.», представляющее первый выпускъ подробной разработки матеріала по послѣдней однедневной переписи петербургскаго населенія. Сведенный въ многочисленныя статистическія таблицы, матеріаль этотъ даетъ возможность составить довольно полное представленіе о составѣ столичнаго населенія и его распредѣленія по званіямъ, возрастамъ родному языку, религіи, образованію. Та крупная роль, которую Петербургъ играетъ въ судьбахъ нашего отечества, естественно, вызываетъ особый интересъ ко всему, что можетъ сколько-нибудь освѣтить пынѣшнюю фізіономію прорубленнаго двѣсти лѣтъ назадъ «окна въ Европу». Мы не предполагаемъ останавливаться на всѣхъ тѣхъ вопросахъ, на которые даютъ отвѣтъ результаты переписи 1900 г., имѣя въ виду, въ соотвѣтствіе съ задачами «Кіевской Старины», выдѣлить, главнымъ образомъ, тотъ статистическій матеріаль, который касается малорусскаго элемента въ населеніи Петербурга,—но попутно будемъ приводить и другія въ томъ или другомъ отношеніи характерныя данныя.

Общій итогъ населенія С.-Петербурга и его пригородовъ въ день переписи составлялъ 1.439.613 человекъ, такъ что въ настоящее время, при быстромъ ростѣ петербургскаго населенія въ

послѣдніе годы, общее число жителей Петербурга, павѣрное, уже значительно превышаетъ $1\frac{1}{2}$ милліона. За Петербургомъ, какъ извѣстно, установилась репутация «чиновничьяго города», которая твердо держится до сихъ поръ, несмотря на то, что она уже разрушена предыдущими переписями. На самомъ дѣлѣ, Петербургъ—городъ крестьянскій: 63,1% общаго числа жителей (908.786 человекъ)—крестьяне; затѣмъ 19,1% (275.122 человекъ)—мѣщане и только 8,2% (275.122 чел.) относится къ категоріи дворянъ личныхъ и потомственныхъ.

Другая общеизвѣстная особенность Петербурга,—что онъ преимущественно городъ пріѣзжихъ,—вполнѣ подтверждается статистикою. Изъ общаго числа жителей отъ 16 лѣтъ и выше, значительно большая половина—884.720—родилось внѣ С.-Петербурга, тогда какъ въ С.-Петербургѣ—родилось всего 523.394 чел.

По религіи—петербуржець преимущественно православный: 86,2% всего населенія (1.230.265 чел.) исповѣдуютъ православную вѣру. Изъ иновѣрцевъ больше всего насчитывается протестантовъ (101.278), затѣмъ—католиковъ (69.329) и евреевъ (20.385). Родной языкъ у подавляющаго большинства—88,3% (1.260.541 чел.)—русскій. Такимъ образомъ, послѣдняя перепись констатируетъ намъ несомнѣнное преобладаніе въ населеніи Петербурга основныхъ элементовъ государства: русскихъ и православныхъ людей, преимущественно крестьянскаго происхожденія, прибывшихъ въ Петербургъ изъ провинціи.

Перейдемъ къ интересующимъ насъ даннымъ о малорусскомъ элементѣ въ общей массѣ петербургскаго населенія. Къ сожалѣнію, примѣняемая въ нашихъ переписяхъ форма вопросовъ листковъ, составленная, правда, примѣнительно къ постановленіямъ международныхъ статистическихъ конгрессовъ, не заключаетъ особаго вопроса о національности и, такимъ образомъ, вообще говоря, заранее исключаетъ возможность яснаго представленія о національномъ составѣ данной территоріальной единицы. Приходится, слѣдовательно, довольствоваться косвенными признаками, опредѣляющими принадлежность къ той или другой

національности. Такимъ признакомъ, весьма существеннымъ, но, какъ извѣстно, далеко не безусловно точнымъ, является родной (материнскій) языкъ. Въ данномъ случаѣ этотъ признакъ оказывается особенно шаткимъ, въ виду того, что въ пояснительныхъ примѣчаніяхъ къ вопроснымъ пунктамъ, при перечисленіи подлежащихъ отмѣткѣ языковъ, не былъ строго проведенъ этнографическій принципъ, и малороссійскій языкъ, вмѣстѣ съ бѣлорусскимъ, были противопоставлены не *велико-русскому*, а *просторусскому* языку. Такимъ образомъ, уже тогда можно было предвидѣть, что значительное число малороссовъ и бѣлоруссовъ войдетъ въ графу «русскаго языка», и притомъ не только тѣ, кто дѣйствительно своимъ материнскимъ языкомъ считаетъ русскую литературную рѣчь, но и тѣ, кто вообще игнорируетъ различіе трехъ этнографическихъ группъ, связанныхъ попятіемъ «Руси».

Дѣйствительно, мы видѣли уже, что число жителей Петербурга обозначившихъ въ графѣ о родномъ языкѣ—«русскій»,—опредѣлилось огромною цифрою 1.260.541. Малороссійскій языкъ отмѣтило, въ качествѣ материнскаго, только 1.513 человекъ, т. е. $\frac{1}{10}\%$ всего населенія Петербурга, а бѣлорусскій и того меньше,—857 челов. Приводимъ тѣ языки и нарѣчія, статистика которыхъ дала болѣе высокія цифры, чѣмъ для малороссійскаго языка: нѣмецкій—48.465, польскій—45.033, финскій—18.315, эстонскій—15.444, еврейскій—12.535, латышскій—8.221, литовскій—6.951 татарскій—5.825, шведскій—4.203, французскій—3.677, англійскій—2.282. Болѣе низкія цифры, чѣмъ малорусскій языкъ, дали слѣдующіе языки и нарѣчія: армянскій, бѣлорусскій, итальянскій, корельскій, чешскій, грузинскій, греческій, болгарскій, датскій и т. д.

Приведенная цифра малорусскаго населенія въ С.-Петербурѣ поражала бы своею незначительностью тѣхъ, кто привыкъ думать, что Петербургъ привлекаетъ къ себѣ множество южанъ изъ самыхъ различныхъ общественныхъ слоевъ; но мы увидимъ далѣе, что высказанныя нами выше соображенія подтверждаются отчасти и опубликованными статистическими данными. Предварительно, однако, мы остановимся нѣсколько подробнѣе на сооб-

щаемыхъ статистикою свѣдѣніяхъ о тѣхъ 1513 жителяхъ Петербурга, которые считаютъ своимъ роднымъ языкомъ—малороссійскій.

Распредѣленіе населенія по возрасту указываетъ, что обладающее большинство этихъ малороссовъ, а именно 903 челоѡка относится къ возрасту 21—30 лѣтъ, принадлежа, вѣроятно, въ значительной степени, къ учащемуся юношеству. Не мало, однако, должно быть отнесено изъ общаго числа и къ низшимъ классамъ населенія, судя по тому, что начиная съ 6-ти-лѣтняго возраста—грамотныхъ къ этой группѣ насчитывается всего 1.205, а 266—неграмотны. Распредѣленіе по вѣроисповѣданіямъ указываетъ на весьма любопытные факты: при огромномъ большинствѣ православныхъ, въ числѣ малороссовъ находимъ, однако, 108 римско-католиковъ, 2 раскольниковъ, 1 протестанта и 1 еврейку. Кстати о евреяхъ: заслуживаетъ вниманія сопоставленіе общаго числа лицъ еврейскаго вѣроисповѣданія (20.385) съ числомъ лицъ, считающихъ еврейскій языкъ материнскимъ (12.535). Какъ видно изъ этого сопоставленія, 38,5 проц. петербургскихъ евреевъ уже отрѣшилось отъ своего національнаго нарѣчія, преимущественно въ пользу русскаго языка (7379).

Насколько приведенныя нами цифры въ дѣйствительности мало выражаютъ численность малорусскаго населенія Петербурга, легко видѣть изъ таблицъ, посвященныхъ статистикѣ крестьянскаго элемента. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, обозначеніе мѣста приписки крестьянъ по губерніямъ, которое даетъ намъ возможность опредѣлить съ достаточною достовѣрностью, число лицъ несомнѣннаго кореннаго малороссійскаго происхожденія и несомнѣнно, въ качествѣ материнскаго языка, пользовавшихся малорусскою рѣчью. Крестьянъ, приписанныхъ къ губерніямъ съ чистымъ малорусскимъ населеніемъ, насчитывается:

Губерніи:	Число душъ:
Полтавская.	2.216
Кіевская	1.852
Подольская.	1.736
Харьковская	1.725

Черниговская	1.221
Екатеринославская	1.059
Волынская	774
Херсонская	650
<hr/>	
Итого	11.333

Такимъ образомъ, малорусская колонія въ Петербургѣ имѣеть въ своей средѣ однихъ крестьянъ свыше 11 тысячъ; очевидно, приведенная выше цифра—1513 ч.—вовсе не выражаетъ дѣйствительнаго числа лицъ, для которыхъ малороссійскій языкъ былъ материнскимъ. Намъ могутъ возразить, что въ перечисленныхъ губерніяхъ не все крестьянское населеніе можно относить къ малорусской народности, такъ какъ на сѣверѣ черниговской губерніи есть достаточно крестьянъ-великороссовъ, на западѣ подольской губ. встрѣчаются молдаване и т. п. Но за то нами не приняты въ расчетъ такія губерніи, какъ воронежская, курская, донская обл., гдѣ малороссы составляютъ значительную часть населенія, такъ что во всякомъ случаѣ выведенная нами цифра скорѣе меньше дѣйствительнаго числа находящихся въ Петербургѣ крестьянъ-малороссовъ. Правда, не всѣ живущіе въ Петербургѣ крестьяне малорусскаго происхожденія представляютъ пришлый элементъ; часть изъ нихъ—и даже довольно значительная—родились въ самомъ Петербургѣ и, слѣдовательно, лишь номинально числятся крестьянами южныхъ губерній, на самомъ дѣлѣ являясь уже коренными петербуржцами. Для этой части, быть можетъ, дѣйствительно, малороссійскій языкъ пересталъ быть роднымъ, но если мы и исключимъ петербургскихъ уроженцевъ изъ общаго числа крестьянъ, приписанныхъ къ малорусскимъ губерніямъ, то все же этимъ не приведемъ въ соотвѣтствіе статистики родного языка съ статистикою происхожденія. Всего, по восьми указаннымъ выше губерніямъ, крестьянъ, родившихся въ Петербургѣ, насчитывается 2.172, а слѣдовательно—прибыло въ Петербургъ изъ малорусскихъ губерній—9.161. Но едва ли будетъ ошибочно предположеніе, что родившіеся въ Петербургѣ крестьяне представляютъ собою членовъ семействъ крестьянъ,

прибывшихъ сюда изъ другихъ губерній, и, слѣдовательно, далеко не безспорно утверждение, что для этой части крестьянъ-малороссовъ роднымъ языкомъ сдѣлался русскій.

Менѣ несомнѣнный этнографическій элементъ представляютъ малорусскіе мѣщане, которые даже на своей родинѣ являются уже довольно смѣшаннымъ населеніемъ, включая въ себя представителей разнообразныхъ національностей и, главнымъ образомъ, евреевъ. Не причисляя, поэтому, всѣхъ, отмѣченныхъ переписью, мѣщанъ изъ малороссійскихъ губерній къ малорусской колоніи Петербурга, мы думаемъ, однако, что и изъ этой группы не малая часть могла бы отмѣтить въ графѣ о родномъ языкѣ— «малороссійскій». Всего въ С.-Петербургѣ и пригородахъ, какъ мы упоминали, мѣщанъ числится 275.122. Изъ этого числа приписано къ малороссійскимъ губерніямъ: Кіевской 724, Херсонской 653, Харьковской 604, Черниговской 521, Полтавской 402, Волынской 266, Екатеринославской 216, Подольской 208, а всего— 3.594. Изъ этого числа 673 родилось въ С.-Петербургѣ, а остальные 2921 представляютъ пришлый элементъ.

Какой же характеръ носить пребываніе уроженцевъ малорусскихъ губерній въ Петербургѣ? Являются-ли они элементомъ непрочнымъ, временнымъ, каковы, напр., чернорабочіе, ежегодно массами приливающіе въ столицу въ строительный періодъ, съ тѣмъ, чтобы опять откlynуть по окончаніи работъ, — или они осѣдаютъ въ Петербургѣ болѣе прочно, превращаясь мало по малу въ петербургскихъ старожиловъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ распредѣленіе родившихся внѣ Петербурга крестьянъ и мѣщанъ по возрастнымъ группамъ. Оказывается, что изъ общаго числа—9.161 крестьянъ-малороссовъ 2.643 лица или около 29%, прибыло въ С.-Петербургъ въ 1900 г., остальные же 71% поселились въ немъ ранѣе года переписи, при чемъ 4.383 человекъ или около 48%, общаго числа прибыли въ Петербургъ въ теченіе промежутка времени съ 1891 г. Если къ нимъ присоединить и прибывшихъ въ 1900 году, то число прибывшихъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія превыситъ 76% общаго числа переселившихся въ Петербургъ крестьянъ малороссовъ. Такимъ образомъ,

приливъ крестьянскаго элемента изъ малорусскихъ губерній носитъ особенно интенсивный характеръ за послѣднее десятилѣтіе, при чемъ въ большинствѣ случаевъ переселяющіеся въ Петербургъ крестьяне-малороссы остаются на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе. Если мы сопоставимъ приведенныя цифры съ общими итогами, относящимися ко всему крестьянскому населенію Петербурга, то усиленіе прилива малорусскаго крестьянства въ сѣверную столицу за послѣдніе годы выступить еще ярче. Изъ общаго числа—718.410 крестьянъ, родившихся внѣ Петербурга, на десятилѣтіе 1890—1900 г. приходится 435.156 человекъ или всего около 62%, слѣдовательно—передвиженіе крестьянъ изъ малорусскихъ губерній въ Петербургъ происходило гораздо равномернѣе. Явленіе это станетъ совершенно понятно, если принять во вниманіе, что главную массу прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ составляютъ уроженцы губерній сѣверной полосы Россіи и что со второй половины разсматриваемаго десятилѣтняго періода началъ дѣйствовать нынѣшній желѣзнодорожный тарифъ, значительно удешевившій передвиженіе пассажировъ на далекихъ разстояніяхъ и, слѣдовательно, облегчившій переселеніе въ Петербургъ именно уроженцамъ дальнихъ губерній. Не остались, вѣроятно, безъ вліянія и постепенное усиленіе тѣсноты въ малорусской деревнѣ и тѣ экономическіе факторы, которые изъ года въ годъ увеличиваютъ передвиженіе крестьянъ-малороссовъ и въ болѣе отдаленныя окраины, чѣмъ Петербургъ.

Что касается мѣщанъ, то ихъ передвиженіе въ Петербургъ изъ южныхъ губерній также значительно усилилось въ послѣднее десятилѣтіе передъ переписью, но происходило оно съ гораздо большею постепенностью, чѣмъ передвиженіе крестьянъ. Изъ общаго числа 2.921 мѣщанъ, приписанныхъ къ малороссійскимъ губерніямъ и родившихся внѣ Петербурга, въ теченіе 1890—1900 г. прибыло въ Петербургъ 2.039 или около 70%, при чемъ на 1900-й годъ приходится всего 729 или около 25% общаго числа. Въ этомъ, болѣе раннемъ по сравненію съ крестьянами, тиготѣніи къ столицѣ сказывается бѣльшая подвижность мѣщанскаго сословія, не связаннаго съ землей, какъ крестьяне. Сопоставленіе

же съ общимъ числомъ проживающихъ въ Петербургѣ мѣщанъ приводитъ къ тому же заключенію, которое изложено выше по отношенію къ крестьянамъ,—что мѣщане изъ немалороссійскихъ губерній переселялись въ Петербургъ на жительство гораздо болѣе равномѣрно, нежели мѣщане-малороссы. Число прибывшихъ въ Петербургъ въ теченіе 1890—1900 г. мѣщанъ составляетъ 58.403 или всего около 45% общаго числа проживающихъ въ Петербургѣ, но родившихся внѣ его, мѣщанъ (131082).

Въ заключеніе остановимся еще на одномъ любопытномъ вопросѣ, по которому въ разсматриваемомъ изданіи имѣются статистическія данныя; это—вопросъ о степени распространенія грамотности въ тѣхъ слояхъ пришлаго крестьянства, изъ которыхъ преимущественно приходитъ отливъ къ Петербургу. Въ примѣненіи къ крестьянамъ малороссамъ, вопросъ этотъ, какъ увидимъ ниже, приобретаетъ спеціальныи интересъ. Для ясности, сопоставимъ свѣдѣнія о грамотности крестьянъ малорусскихъ губерній въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи: Число грамотныхъ: % къ общему числу:

Полтавская	1.501	67,7
Кіевская	1.181	63,7
Харьковская	1.114	64,5
Подольская	1.110	63,9
Черниговская	780	63,9
Екатеринославская	676	63,9
Волынская	505	65,2
Херсонская	430	66,1

Итого 7.297 64,1

Всего по всѣмъ

губерніямъ 491.263

54,0

Изъ этого сопоставленія вытекають слѣдующіе любопытные выводы. Грамотность въ средѣ прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ-малороссовъ распространена гораздо шире, нежели среди крестьянъ немалороссійскихъ губерній, что и понятно,

такъ какъ самый фактъ переселенія въ Петербургъ предполагаетъ гораздо болѣе высокій уровень общаго развитія и болѣе широкій кругозоръ у крестьянъ, прибывающихъ изъ южной окраины, нежели у крестьянъ сосѣднихъ губерній, для которыхъ Петербургъ является обычнымъ центромъ притяженія и источникомъ заработка. Далѣе, изъ всѣхъ малороссійскихъ губерній, выселяющихъ своихъ крестьянъ въ Петербургъ, наиболѣе высокій процентъ грамотныхъ поставляютъ губерніи Полтавская и Херсонская, что нельзя не поставить въ связь съ энергичною просвѣтительною дѣятельностью мѣстныхъ земствъ; наименѣе грамотны крестьяне изъ Кіевской губерніи, что можно объяснить какъ общимъ низкимъ уровнемъ грамотности въ этой губерніи, какъ и тѣмъ, что кіевскіе крестьяне представляютъ болѣе подвижной элементъ, независимо отъ вліянія школы, а просто въ силу сравнительно бойкаго темпа промышленной жизни въ ихъ районѣ и благодаря относительно большому удобству сообщенія.

Абсолютныя числа прибывающихъ въ Петербургъ крестьянъ-малороссовъ, какъ мы видѣли выше, располагаются приблизительно въ такомъ же порядкѣ, какъ и число грамотныхъ. Первое мѣсто занимаютъ губерніи, больше всего выселяющія рабочихъ на отхожіе промыслы: Полтавская, Кіевская, Подольская, Харьковская. На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ губерніи южной степной полосы, экономическіе интересы которыхъ тяготеютъ болѣе къ югу.

Не останавливаясь подробно на распредѣленіи грамотныхъ мѣщанъ, приписанныхъ къ малороссійскимъ губерніямъ, приведемъ лишь общіе итоги. Всего въ Петербургѣ числится такихъ мѣщанъ, какъ мы уже упоминали, 3.594; изъ этого числа грамотныхъ насчитывается 2.746, т. е. 76,4%, тогда какъ число всѣхъ грамотныхъ мѣщанъ въ Петербургѣ составляетъ 188.080 человекъ или всего 68% общаго числа мѣщанъ (275.122). Такимъ образомъ, и по отношенію къ мѣщанамъ малороссійскихъ губерній наблюдается тотъ же фактъ, который мы отмѣтили выше по отношенію къ крестьянѣмъ: переселяющіеся въ Петербургъ изъ малороссійскихъ губерній мѣщане находятся на болѣе высокомъ

уровнѣ по образованію, чѣмъ представители сословія мѣщанъ изъ другихъ, не малороссійскихъ губерній.

Этимъ мы заканчиваемъ нашъ краткій очеркъ главнѣйшихъ выводовъ, которые вытекають изъ результатовъ переписи 1900 г. по отношенію къ малорусскому элементу въ населеніи Петербурга. Послѣдующіе выпуски разсматриваемаго изданія, которыхъ ожидается еще три, по всей вѣроятности, будутъ заключать въ себѣ не менѣе интересный матеріалъ для характеристики населенія сѣверной столицы. Разсматривая это изданіе лишь съ опредѣленной точки зрѣнія, мы не коснулись множества любопытныхъ вопросовъ и выводовъ, для которыхъ статистика петербургскаго населенія даетъ матеріалъ, — но не можемъ не выразить удовольствія по поводу успѣшнаго хода разработки этого матеріала статистическимъ отдѣленіемъ петербургской городской управы. Остается пожелать, чтобы и данныя всероссійской однодневной переписи 1878 г., если только имъ суждено когда нибудь появиться на свѣтъ во всей полнотѣ, были разработаны съ подобною же тщательностью. Но даже и при этомъ условіи, какъ мы показали въ настоящей статьѣ, изслѣдованіе вопросовъ, спеціально относящихся къ малорусской народности, представляетъ рядъ немаловажныхъ трудностей, въ которыхъ приходится винить недостаточную ясность и опредѣленность положенныхъ въ основу переписи вопросовъ и листковъ.

А. Ирпенскій.

Документы, известія и замѣтки.

Штунда въ Волынской губерніи. Вопросъ о современномъ положеніи штундизма въ нашемъ краѣ представляетъ, конечно, громадный интересъ. Къ сожалѣнію, изученіемъ этого важнаго народно-общественнаго явленія изъ людей, оффиціально въ немъ не заинтересованныхъ, никто почти не занимается, и если въ печать проникаютъ о немъ какія либо свѣдѣнія, то единственно благодаря печатнымъ отчетамъ епархіальныхъ миссіонеровъ. Пользуясь такимъ отчетомъ за 1902 г., помѣщеннымъ въ одномъ изъ №№ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» текущ. года (№ 10), извлекаемъ изъ него краткія свѣдѣнія о современномъ состояніи штунды въ Волынской губ.

Штунда появилась въ Волынской губ. въ 1870-хъ—80-хъ гг. подъ вліяніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, а позднѣе, въ 90-хъ гг., руководство ею приняли главы кievскихъ штундистовъ. Распространяется штунда здѣсь медленно и не прививается вовсе въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прихожане находятся въ добрыхъ и мирныхъ отношеніяхъ со своими священниками.

Пунктами распространенія штунды считаются 11 приходовъ: Въ Житомирскомъ у. — м. Горошки, с. Малые Горошки, с. Дашеңка, с. Миньковцы, д. Пекарщина, с. Райки, м. Черняховъ и приписная дер. Плехова, въ Заславскомъ у. — с. Конотопы, въ Луцкомъ—колонія Копче Романовскаго прихода, и въ Новоградъ-Волынскомъ—села Смолдыревъ и Суемцы. Всѣхъ штундистовъ въ Волынской епархіи 171 (86 мужч. и 85 женщ.). Опредѣленныхъ мѣстъ для молитвенныхъ собраній у штундистовъ нѣтъ, но тамъ, гдѣ ихъ больше, напр. въ с. Суемцахъ и д. Пекарщинѣ, они собираются въ своихъ домахъ по очереди, осо-

Томъ 81.—Іюнь, 1903. II—1

бенно у своихъ вожаковъ, при чемъ собранія посѣщаютъ и православные.

По мнѣнію г. миссіонера, штунда, какъ по происхожденію, такъ и по существу вѣроученія—секта иновѣрная, протестантская, развившаяся подъ вліяніемъ баптизма и сектантскихъ идей нѣмецкихъ братствъ—«штунде». Въ основѣ вѣроученія штунды лежитъ догматъ объ оправданіи одною личною вѣрою въ искупительныя заслуги Христа, ибо смертью Христа искуплены грѣхи всѣхъ людей, и кто вѣруетъ въ это, тотъ не имѣетъ грѣха въ себѣ, Спаситель держитъ его въ своей рукѣ, въ немъ дѣйствуетъ непосредственно Св. Духъ, а потому церковъ со своими таинствами излишня. Отсюда вытекаетъ отрицаніе крещенія младенцевъ, таинствъ, какъ благодатныхъ средствъ, почитанія и призванія Божіей Матери, угодниковъ, иконъ, храма, креста, молитвъ за умершихъ и всѣхъ церковныхъ обрядовъ. Штундизмъ, по мнѣнію о. миссіонера, дѣйствуетъ на крестьянъ тѣмъ, что предлагаетъ легкій путь къ спасенію, освобождая отъ обязанностей, налагаемыхъ на нихъ церковью: не нужны ни аскетическіе подвиги, ни обязательства по отношенію къ священнослужителямъ. Крестьяне увлекаются какъ простотою штундистскихъ молитвъ и пѣснопѣній, такъ и толкованіемъ по собственному разумѣнію Слова Божія. Изъ св. Писанія штундисты стараются извлечь то, въ чемъ надѣются найти опору своему ученію, отвергаютъ св. Преданіе и церковныя обряды; молитвы и пѣснопѣнія для своихъ собраній составляютъ сами, заимствуя часто у лютеранъ и нѣмцевъ-баптистовъ. Держась ученія о спасеніи вѣрой, штундисты отрицаютъ значеніе добрыхъ дѣлъ, хотя миссіонеръ и признаетъ, что трезвостью и братскою взаимопомощью они превосходятъ православныхъ, чѣмъ и привлекаютъ сочувствіе къ себѣ православныхъ. О. миссіонеръ отмѣчаетъ также и отрицательныя качества штундистовъ, напр. гордость, своеволие, непочтительность къ властямъ и т. п.

Руководителями и требоисправителями штундисты избираютъ изъ своей среды болѣе способныхъ и грамотныхъ и именуютъ ихъ пресвитерами. Пресвитеры управляютъ общинами и особенно заботятся объ устройствѣ собраній, въ которыхъ отражается религіозная жизнь штундистовъ. Собранія у нихъ— время молитвы, «преломленія хлѣба», пѣнія, толкованія Слова Божія. Собираются они наканунѣ праздниковъ и воскресеній и въ самые праздничные и воскресные дни, хотя собранія бывають и въ другіе дни, даже по нѣсколько разъ. Руководить

собраніями «пресвитеръ», замѣняющій для штундистовъ всю іерархію православной церкви. Онъ привлекаетъ новыхъ членовъ изъ православныхъ, открываетъ собранія, преимущественно толкуетъ слово Божіе, совершаетъ «преломленіе хлѣба», избираетъ пѣсни для пѣнія во время собраній, наблюдаетъ за порядкомъ, креститъ обращающихся въ штунду, вѣнчаетъ, погребаетъ и т. п. Главнымъ руководителемъ волинскихъ штундистовъ является одинъ изъ кievскихъ штундистовъ, который не только посѣщаетъ ихъ на Волини, но и является въ судѣ ихъ защитникомъ. Нѣкоторые изъ волинскихъ «пресвитеровъ» также пользуются особымъ вліяніемъ на своихъ единовѣрцевъ. Одинъ изъ нихъ съ дѣтства былъ въ услуженіи у нѣмцевъ, говоритъ по нѣмецки и женился на баптисткѣ; удаленный за распространеніе штунды изъ своего села, онъ поселился въ 5 верстахъ отъ другого села въ глухой лѣсистой и болотистой мѣстности. Другой, состоящій въ штундѣ болѣе 20 лѣтъ, приобрѣлъ много послѣдователей.

Штундисты, развиваясь подъ вліяніемъ баптизма и идей нѣмецкихъ братствъ «штунде», составляютъ дружныя общины, въ которыхъ члены называютъ другъ друга «братомъ» и «сестрой». Каждая штундистская община представляетъ изъ себѣ нѣчто цѣлое, сплоченное; всѣ члены ея находятся въ постоянномъ взаимномъ общеніи другъ съ другомъ, взаимно поддерживаютъ другъ друга и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Эта сплоченность и взаимопомощь въ сектантскихъ общинахъ и составляетъ ту притягательную силу, которая привлекаетъ православныхъ въ штунду, а штундистовъ удерживаетъ отъ обращенія въ православіе. Православный идетъ въ штунду потому, что тамъ обѣщаютъ ему помощь въ нуждѣ, а штундистъ, хотя и убѣжденъ въ ложности штундизма, боится уйти въ православіе, такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ будетъ лишиться матеріальной помощи своихъ единовѣрцевъ.—Для утвержденія въ сектѣ не вполне утвердившихся въ ней, равно и для успѣшнаго совращенія православныхъ, появляются иногда среди мѣстныхъ штундистовъ пропагандисты сектанства изъ другихъ мѣстъ, какъ, напр., вышеупомянутый житель гор. Кіева.

Составляя общины и находясь въ самыхъ близкихъ и почтительныхъ отношеніяхъ къ своимъ вожакамъ, а также считая себя однихъ святыми и спасенными, штундисты къ православію и къ православнымъ относятся съ пренебреженіемъ и враждою, а особенно питаютъ они непримиримую ненависть къ духовенству. Въ большинствѣ слу-

чаевъ пропаганда между православными начинается съ униженія пастырей, которыхъ штундисты стараются какъ можно болѣе опорочить и обезславить въ глазахъ слушателей. Осуждая и понося пастырей церкви, штундисты, при бесѣдѣ съ православными, стараются постѣять въ нихъ сомнѣнія относительно чистоты православной вѣры и церкви.

Впрочемъ штундисты, въ виду необходимаго и частаго столкновенія съ епархіальнымъ миссіонеромъ и другими лицами, высылаемыми въ зараженные сектантствомъ приходы по распоряженію духовной власти, по необходимости свыкаются съ ними и являются для слушанія бесѣдъ. Бывали случаи, что миссіонеръ, совершая литургію въ приходскихъ храмахъ, приглашалъ и штундистовъ для присутствованія при богослуженіяхъ и для слушанія наставленій и бесѣдъ, и сектанты приходили въ храмы, хотя иногда и не въ полномъ составѣ, слушали православное богослуженіе съ пастырскими бесѣдами и не тяготились 3-хъ или 4-хъ часовымъ стояніемъ въ церкви, при чемъ нѣкоторые изъ штундистовъ выражали даже чувства благодарности за разумленіе и наставленіе, а тѣ, которые своими возраженіями испытывали терпѣніе проповѣдниковъ евангельской истины, часто извинялись въ концѣ бесѣдъ и просили прощенія, разставаясь по большей части въ мирѣ.

Кромѣ бесѣдъ нарочитаго миссіонера, въ отчетномъ году вели бесѣды съ штундистами и частныя лица, ревнующія о православіи, именно: въ дер. Пекарщинѣ житель гор. Житомира Викторъ Семеновъ Михайловъ и въ селѣ Суемцахъ воспитанникъ VI-класса Волынской духовной семинаріи Николай Варжанскій. По наблюденіямъ миссіи, штундисты избѣгаютъ общераспространеннаго и давно усвоеннаго этой сектѣ правительствомъ названія штунды и, гдѣ слѣдуетъ—въ судахъ, на миссіонерскихъ собесѣдованіяхъ, при столкновеніи съ властями и въ житейскомъ быту—называютъ себя «евангельскими христианами», «евангеликами», а чаще всего «баптистами». Это стремленіе сектантовъ начало особенно проявляться послѣ изданія въ 1894 г. закона, по которому штунда признается сектою особо вредною по своему направленію не только въ церковномъ, но и въ государственномъ отношеніи, при чемъ ограничены ея права въ отправленіи общественныхъ молитвенныхъ собраній; баптизмъ же, подъ которымъ разумѣется сектантство среди нѣмецкихъ колонистовъ,—секта дозволенная по закону 1879 года и даже уравненная въ правахъ, относительно

устройства своего церковнаго быта, съ инославными исповѣданіями, въ виду чего штундисты, наученные совѣтами и указаніями своихъ вожаковъ, теперь всегда вездѣ, и особенно въ судахъ, отрицаютъ всякую связь со штундой, называя себя баптистами.

Въ другомъ номерѣ тѣхъ же Вѣдомостей (9) помѣщена небольшая замѣтка одного изъ свѣтскихъ миссіонеровъ-добровольцевъ, В. С. Михайлова, о его собесѣдованіяхъ съ штундистами въ д. Пекарщицѣ, житом. у., гдѣ онъ прожилъ около мѣсяца. Вначалѣ сектанты относились къ нему немного подозрительно, но скоро вполне освоились съ нимъ, и едва онъ заходилъ въ какую-либо избу, какъ вокругъ него собирался довольно значительный кружокъ, и бесѣда иногда затягивалась до поздней ночи, а при прощаньи сектанты проводили миссіонера совершенно дружески, иные даже со слезами. Вотъ какъ мало чуждаются штундисты общенія съ православными миссіонерами, если только послѣдніе приходятъ къ нимъ безъ атрибутовъ власти, съ любовью и искреннимъ желаніемъ просвѣтить ихъ словомъ истины! Очень интересны мысли и чувства самого В. С. Михайлова, съ какими онъ разставался съ сектантами. «Уѣзжая изъ Пекарщины,—пишетъ онъ,—я уѣзжалъ съ болью, потому что этотъ бѣдный народъ оставленъ почти на произволъ судьбы, и не объ однихъ жителяхъ Пекарщины я скорбѣлъ, но вообще о всѣхъ нашихъ малороссахъ. Нѣтъ у него ни друзей, ни руководителей; видитъ онъ вокругъ себя однихъ лишь чиновниковъ и повелѣвателей, и нѣтъ ничего удивительнаго, если онъ всякаго хитраго проходимца принимаетъ за друга. Не находитъ онъ даже настоящаго утѣшенія и въ церкви; идетъ онъ туда въ большинствѣ случаевъ только по привычкѣ, но не получаетъ тамъ того настроенія, какое бы долженъ получить. Не слышитъ онъ живнятаго чтенія, ни хорошаго пѣнія, не слышитъ онъ живого, прочувствованнаго слова; не знаетъ онъ ни значенія священнодѣйствій, ни того, что онъ слышитъ въ церкви. И вотъ подвернется какой-нибудь сектантъ, начнетъ свою бесѣду о всѣхъ этихъ недостаткахъ, укажетъ на священника, какъ на наемника, служащаго для своей корысти,—и соблазнъ произведенъ. Или придетъ къ человѣку, чувствующему за собою какой-нибудь тяжелый грѣхъ, укажетъ ему на покаяніе, какъ на единственное средство для облегченія души, разъяснитъ ему значеніе покаянія—и тотъ на его сторонѣ. У священника онъ этого не слыхалъ; онъ прежде смотрѣлъ на покаяніе, какъ на извѣстную форму, необходимую для того, чтобы причаститься, но что такое при-

частіе, какой смысл имѣеть исповѣдь—объ этомъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе. И вотъ, не имѣя никакого понятія о православіи, не находи и въ церкви ничего такого, что бы его привязывало къ ней, онъ идетъ въ штундизмъ и идетъ исключительно для того, чтобы избавиться отъ священника, отъ матушки, отъ псаломщика и отъ всѣхъ тѣхъ требъ, исполненіе которыхъ для него сопряжено со всякаго рода неудобствами и неприятностями. Что же дѣлать, чтобы предупредить надвигающуюся грозу и чтобы возвратить церкви, если не всѣхъ, то хотя нѣкоторыхъ отпадшихъ? Прежде всего нужно, чтобы священники были друзьями народа, чтобы церковныя службы совершались истово; чтобы и въ псаломщики назначались лица благонадежныя, хорошей жизни; еще лучше было бъ, еслибы они выбирались изъ крестьянъ же. Миссіонеру больше всего нужно имѣть искреннюю любовь къ народу, такъ какъ ни ученость, ни краснорѣчіе безъ любви не расположатъ къ нему сердце сектанта. Надо такъ дѣйствовать, кромѣ того, чтобы ни малѣйшаго повода не дать сектанту заподозрить миссіонера въ желаніи отличиться передъ начальствомъ».

Къ этимъ справедливымъ словамъ можно бы прибавить только одно: чтобы пастырское слово было живымъ и дѣйственнымъ, чтобы оно проникало къ сердцу пасомыхъ—оно должно произноситься на языкѣ народномъ, ибо только родная рѣчь можетъ найти дорогу къ сердцу человѣка. Когда пастырь поучаетъ прихожанъ на государственномъ языкѣ, онъ этимъ самымъ выдѣляетъ себя изъ народной среды и ставитъ себя въ разрядъ какъ бы чиновныхъ лицъ, обычно говорящихъ съ народомъ тѣмъ же официальнымъ языкомъ. Последнимъ, какъ представителямъ государственной власти, можетъ быть, это и къ лицу—придаетъ имъ больше внушительности; но духовному отцу презирать родную рѣчь своихъ чадъ совсѣмъ уже не приходится.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края 1) *Къ исторіи Немировской гимназіи*. Въ августѣ 1838 года въ принадлежащемъ графу Болеславу Потоцкому мѣстечкѣ *Немировкѣ* должно было воспослѣдовать открытіе гимназіи. Директоромъ ея молва называла смотрителя Немировскаго уѣзднаго училища, поляка Миладовскаго.

Подольскій губернаторъ, въ донесеніи главному начальнику края, замѣчаетъ: нѣтъ сомнѣнія, что сіе послѣднее обстоятельство, съ одной

стороны, а съ другой—ласковое вниманіе, графомъ Потоцкимъ оказываемое дѣтямъ, привлечетъ туда большое количество учащихся, которыхъ и теперь уже въ уѣздномъ и приходскомъ училищахъ до 430.

Губернаторъ предвидитъ, что населеніе мѣстечка, превышающее нынѣ 4000 душъ, сильно умножится; явятся въ немъ ученическія квартиры, мастерскія, «наконецъ, будутъ являться и такія, коихъ дѣль можетъ состоять въ развращеніи нравовъ и самыхъ умовъ обучающихся, и кои, при всемъ наблюденіи училищнаго надзора, могутъ имѣть въ томъ успѣхъ». Становому приставу справиться съ многосложными обязанностями не подь силу, а потому испрашивается разрѣшеніе представить соображенія объ изыятіи мѣстечка изъ вѣдѣнія земской полиціи, съ учрежденіемъ особаго для него полицейскаго управленія въ такомъ порядкѣ: городничій, два квартальныхъ надзирателя; письмоводитель, писецъ, унтеръ-офицеровъ двое (изъ нихъ одинъ—исп. об. брантмейстера) и двадцать будочниковъ.

Генералъ губернаторъ, одобривъ предложенія подольскаго губернатора, представилъ о томъ въ Министерство, затребовавъ въ то же время свѣдѣнія отъ начальника волынской губерніи о положеніи дѣль въ м. *Клевани*, гдѣ гимназія уже существовала.

Въ донесеніи находимъ объ этомъ мѣстечкѣ слѣдующія свѣдѣнія: принадлежитъ оно князю Чарторыйскому; домовъ въ немъ 133, на половину еврейскихъ (75.); жителей обоюга пола 2584 души. Гимназія помѣщается въ княжескомъ замкѣ. Состоитъ изъ директора, тринадцати учителей, четырехъ чиновниковъ и 333 учащихся въ семи классахъ. На квартирахъ у учителей размѣщены дѣти помѣщиковъ и болѣе достаточныхъ людей, прочіе учащіеся, по 8 и 10 человекъ вмѣстѣ, расквартированы у обывателей. Въ распоряженіи становога пристава состоятъ: особый для мѣстечка смотритель, на жалованьи вотчинника, 1 тысяцкій, двое сотскихъ и четверо полицейскихъ служителей. Въ виду принятаго на себя княземъ Фридрихомъ Любомирскимъ обязательства построить къ 29 іюня 1840 г. зданіе для гимназіи въ г. Ровно, куда и будетъ переведено клеванское заведеніе, губернаторъ находитъ преобразование клеванской полиціи излишнимъ.

Между тѣмъ министерство, по поводу представленія подольскаго губернатора, отвѣтило, что, буде съ возникновеніемъ въ Немировѣ гимназіи явится дѣйствительная необходимость въ реорганизаціи полиціи, то пусть владѣлецъ на ея содержаніе изыщетъ средства, въ

ожиданіи чего становому приставу, по отношенію къ мѣстечку, предоставить права городничаго.

2) *Христіанинъ въ роли Гамана на еврейскихъ „святкахъ“, пуримъ именуемыхъ.* Въ августѣ 1830 года изъ могилевской римско-католической духовной консисторіи пришло къ кіевскому генераль-губернатору сообщеніе о томъ, что, проживающій въ с. Рейментарцизнѣ (Антоновка тожъ) дворянинъ Оома Я—скій уже нѣсколько лѣтъ какъ состоитъ корчемнымъ музыкантомъ и, невзирая на неоднократные уговоры приходского пастыря не играть въ *постные* дни, а въ святые дни воздерживаться отъ игры по крайней мѣрѣ во время богомоленій, не только продолжаетъ музицировать, но въ послѣднее празднованіе евреями ихъ святокъ, пуримъ именуемыхъ, въ память погубленія Гамана (24—25 февраля), договорился изображать самаго Гамана. Въ шинкѣ онъ принялъ въ задатокъ серебряный рубль, а затѣмъ, явсь на собраніе, по выпитіи водки, дозволилъ приправить себѣ пейсы и бороду, надѣтъ на себя покрывало, употребляемое евреями при богомоленіяхъ, затѣмъ всталъ среди хаты. Первоначально женатые и замужнія, затѣмъ холостые, дѣвицы и подростки, поочередно, стегали его приготовленными на сей случай плетенками (у простолюдиновъ именуемыми фитилями), толкали, «толкли головой объ стѣну» и, затѣмъ, сорвавъ уборъ, вытолкали «въ потылицу за двери».

Разслѣдованіемъ обнаружено явное несоблюденіе Я—скимъ приличій и публичное играніе на инструментѣ въ неуказанное время, но фактъ исполненія имъ роли Гамана какъ въ семь, такъ и въ два предыдущіе года,—остался неустановленнымъ, а потому дѣло производствомъ прекращено и музыкантъ оставленъ въ Антоновкѣ на свободѣ.

3) *Благородное похищеніе денегъ.* Проскуровскій уѣздный судъ 30 октября 1847 года доносилъ генераль-губернатору Вибикову о неприличномъ званіи поведеніи кандидата при подольскомъ губернскомъ правленіи Т-аго, который, пользуясь болѣзною и слѣпотою довѣрившагося ему дворянина Воленцаго, владѣльца с. Кагуринецъ, присвоилъ себѣ банковые его билеты, на сумму до 19000 р. сер., заботясь «всѣми силами сдѣлать какъ бы *благородное похищеніе денегъ*».

4) *Уважительная причина къ опредѣленію въ одну изъ придворныхъ конторъ.* Въ бытность Императора Николая Павловича въ г. Кіевѣ въ 1847 г. нѣкій Михалевичь, бывшій учитель кіево-печерскаго уѣзднаго дворянскаго училища, подалъ Его Величеству прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, изыяснялъ: «Пріѣздъ въ г. Кіевъ Вашего Императорскаго Величества очень облегчилъ снѣдающую меня чрезвычайную грусть и скуку, но отъѣздъ усугубилъ оныя, подобно, или еще гораздо болѣе, какъ отъѣздъ изъ Кіева Вашего Императорскаго Величества въ 1840, 1843 и 1845 годахъ»... На семь основаній. М. просить помочь ему добраться до С.-Петербурга, для помѣщенія «въ одной изъ придворныхъ конторъ»...

Высочайшаго соизволенія не послѣдовало.

5) *Тревога среди Дунаевскихъ колонистовъ.* Въ 1831 году генераль-адъютантъ графъ Красинскій вызвалъ изъ Царства Польскаго въ принадлежавшее ему мѣстечко Дунаевцы ¹⁾ до 100 семей нѣмцевъ ремесленниковъ, которые не замедлили завести нѣсколько суконныхъ, чулочныхъ, экипажныхъ и другихъ фабрикъ.

Дѣла переселенцевъ на первыхъ же шагахъ пошли превосходно, но, побывавъ въ 1839 году на Нижегородской ярмаркѣ для сдачи законтракованныхъ у нихъ суконъ, нѣмцы вернулись смущенные толками злонамѣренныхъ людей, увѣрявшихъ ихъ, будто по истеченіи десяти лѣтъ они будутъ обращены въ состояніе казенныхъ (государственныхъ) или помѣщичьихъ крестьянъ, подчинены рекрутской повинности натурою, обложены поголовно податями и лишены права выѣзда за предѣлы уѣзда, въ коемъ водворены.

Крайне встревоженные этими слухами, нѣмцы стали подумывать и поговаривать объ уходѣ изъ Имперіи.

Объ этомъ узнали въ столицѣ, и въ 1840 г. министръ финансовъ просилъ генераль-губернатора принять съ своей стороны мѣры къ предупреденію выселенія и къ успокоенію умовъ, къ чему де, —существующіе законы, по надлежащемъ ихъ разъясненіи, совершенно достаточны.

Бросивъ помышленіе объ уходѣ, колонисты усердно принялись за работу, не соображаясь съ россійскимъ календаремъ. Бдительная полиція потребовала прекращенія занятій въ мастерскихъ въ табельные дни и церковные праздники, каковыхъ оказалось, по счету нѣм-

¹⁾ Мѣст. подольской губ. ушицкаго у.

цевъ, 37 дней, независимо отъ недѣль страстной и пасхальной; это побудило суконныхъ мастеровъ Андріяна, Захерта, Маге, Миттельштандта, Шебеля и каретника Маевского въ 1841 году жаловаться въ министерство финансовъ на притѣсненія.

По сему поводу графъ Канкринъ писалъ главному начальнику края, что, казалось бы, самимъ хозяевамъ, внутри домовъ, не слѣдуетъ воспрещать работать и въ праздники, если въ работу не употребляются посторонніе люди и *«работа не производится съ оласкою»*.

6) *Дворяне татарскаго происхожденія въ юго-западномъ краѣ въ 1840-хъ годахъ.* Въ 1844 году, по приказанію главнаго начальника края, изъ губерній доставлены въ Кіевъ слѣдующія свѣдѣнія о мѣстныхъ дворянахъ изъ татаръ. Въ губерніи кіевской татаръ, претендующихъ на дворянство, не оказалось вовсе. Въ Подоліи—въ с. Ковалевкѣ, брацлавскаго уѣзда, указано на 42 души, изъ коихъ потомственныхъ дворянъ двадцать два и двадцать однодворцевъ. Фамиліи первыхъ: *Бодановичъ* Мустафа, *Кънскій* Иванъ, *Ловчицкій* Самуиль, *Смульскій* Салій, *Томкевичъ* Али и *Юзефовичъ* Стефанъ. На Волини двадцать три семьи, изъ коихъ десять владѣютъ населенными имѣніями. Распределены по уѣздамъ: въ новогродволинскомъ одна: *Лебедзь* Яковъ, въ острожскомъ, въ с. Тудоровѣ двадцать одна семья: *Ассановичъ* Мезимъ, *Асановичъ* Самуиль Белялла, *Асановичъ* Самуиль Мустафовъ, *Бодановичъ* Александръ, *Бодановичъ* Мустафа, *Дашкевичъ* Іосифъ, *Ждановичъ* Авелій, *Казимовичъ* Ив., *Козакевичъ* Ал-ндръ, *Лебедзь* Абрамъ, *Лебедзь* Самуиль, *Лебедзь* Солиманъ, *Ломинскій* Ал-ндръ, *Мулла Имамъ Ахмуловичъ* Есманъ, *Муравскій* Самуиль, *Солтыкъ* Ал-ндръ, *Солтыкъ* Іомеръ, *Солтыкъ* Яковъ, *Шахманцеръ* Самуиль, *Янкевичъ* Леонтій, *Янкевичъ* Мустафа Стефанъ, и въ староконстантиновскомъ уѣздѣ одно—*Хуромовичъ* Юлій.

7) *Жестокая расправа съ заподозрѣннымъ въ конокрадствѣ.* Въ заславскій земскій судъ 10 мая 1848 года приставомъ представлены были при рапортѣ: однодворецъ Закржевскій и казенный крестьянинъ Пасынчукъ.

З. на допросѣ показалъ, что тому другой годъ, какъ у братьевъ его, неизвѣстно кѣмъ уведены съ подножнаго корма 6 лошадей, да у самого—одна лошадь. Крайне симъ огорченный, З. рѣшился вора

подкараулить. Истекшимъ великимъ постомъ его вниманіе привлекъ и подозрѣнія возбудилъ нищій, часто появлявшійся близъ двора, въ лѣсу. Съ 17 на 18 мая, ночью съ мальчиками у костра, въ полѣ, онъ поутру увидѣлъ этого нищаго выходящаго изъ лѣса и, задержавъ его, сталъ спрашивать:—отчего безъ дѣла шатается? Увѣреніямъ, что единственная цѣль—сборъ подаяній, З. не повѣрилъ и рѣшилъ плѣннику залить глаза кипящимъ саломъ. Задержанному связаны были руки, а одинъ изъ мальчиковъ посланъ къ «бабѣ», за саломъ, но баба такого не отпустила. Тогда плѣнникъ былъ положенъ къ костру, а однодворецъ разгорѣвшимся бревномъ принялся жечь глаза своей жертвѣ... Провидѣніе, однако же, хранило Пасынчука: принятый на излѣченіе въ городскую больницу, онъ не лишился зрѣнія.

8) *Дѣйствительная мѣра къ ускоренію производства дѣлъ въ дореформенныхъ судахъ.* Въ 1830-хъ годахъ въ кievской уголовной палатѣ образовалось значительное скопленіе неоконченныхъ дѣлъ. Комитетъ министровъ, обративъ на сіе обстоятельство вниманіе, 6 февраля 1834 года назначилъ двѣнадцатимѣсячный срокъ для рѣшенія тѣхъ дѣлъ. Къ 6 февраля 1835 г. число нерѣшенныхъ дѣлъ все еще было значительно. Тогда комитетъ продолжилъ срокъ еще на 4¹/₂ мѣсяца, но съ оставленіемъ всѣхъ членовъ палаты и служащихъ безъ отпуска имъ положеннаго отъ казны денежнаго довольствія. Мѣра оказалась дѣйствительною и цѣль была достигнута.

Сообщ. Алексѣй Мѣрдеръ.

Реестръ вѣнковой 1774 г. Прилагаемый ниже «реестръ вѣнковой» (подлинникъ) представляетъ собою документъ, сохранившій въ себѣ любопытныя подробности относительно того, какое и въ чемъ состояло приданное, которымъ въ XVIII в. надѣляли своихъ дочерей, при выходѣ ихъ въ замужество, наши предки. Упоминаемая въ прилагаемомъ документѣ, Марія Яковлева Зарудновна, судя по «реестру», невѣста была состоятельная и принесла своему мужу, войсковому товарищу Андрею Александровичу ¹⁾, приданаго на двѣ тысячи рублей, что представляетъ собою сумму немалую, принимая въ расчетъ цѣн-

¹⁾ Предокъ Александровичей, имѣющихъ осѣдлость и до сихъ поръ въ мѣстечкѣ Воронежѣ, глуховского уѣзда, черниговской губерніи.

ность рубля въ XVIII в. сравнительно съ настоящимъ. Любопытенъ этотъ «реестръ» еще и въ томъ отношеніи, что въ немъ, помимо подробностей при описаніи костюмовъ и домашняго обихода, противъ всѣхъ предметовъ, составлявшихъ приданое, проставлены цѣны, дающія возможность судить о стоимости различныхъ предметовъ въ XVIII в.

Реестръ вѣнновной, данній от мене ниже подписавшагося господину тестю моему, подсудку земскому повѣта осталовскаго, ¹⁾ Якову Мойсѣевичу Зарудному, сколько мною принято, чего и на коликую сумму в приданное за дочерю его господина Зарудного, а мою женю, Марію Яковлевню дочерю Зарудновню разными часы до сего 1774 года іюня по десятое число:

Коляску критую новую вибитую зеленимъ сукномъ съ новою оковкою съ окошко, цена	70 р.
Четверню лошадей съ новыми хамутами, уздами, недоуздкамы, лѣвнямы и другимъ конскимъ уборомъ, цена	100 р.
Четверо воловъ, с коихъ и всякой продаль по десяти рублей, итого	40 р.
Готовихъ денегъ получилъ я	200 р.
Приехавши первой разъ в гостѣ получилъ сто овець зъ ягнятамы и десять барановъ, которіе и проданы мною в Хоролѣ за	130 р.
Принялъ тогда жъ десять коровъ и двохъ бугаевъ, которіе мною и проданы	60 р.
Принялъ тогдажъ десять кобылицъ съ четири стригунами и одного жеребця, которіе мною и проданы за	120 р.
Вдобавокъ того прислано в Воронѣжъ четверо ло- шадей въ	50 р.
Да тогожъ года прислано четиры корови	20 р.
Какъ била жена моя сама в гостяхъ, приняла го- товихъ денегъ пятьдесятъ рублей да пару ло- шадей в цену двадцать рублей	70 р.
В прошломъ 1772 годе въ февралѣ мѣсяцѣ чрезъ швагга моего Федора Яковлевича господина Зарудного прислано трое лошадей	30 р.

¹⁾ Нынѣ м. Остапье, хорольскаго у.

Да сего 1774 года июня 10 принялъ семеро лошадей, двѣ кобылицъ да пять лошаковъ молодыхъ	110 р.
Да тогожь года на покупку грунтовъ получилъ	90 р.

Съ фантей принялъ:

Кунтушь штофу французкого новой, подбитой блакитною тафтою съ золотою круговою сѣткою и усами	70 р.
Кунтушь красной грезетной новой, обложенной круговою золотою сѣткою и усами	40 р.
Ребровъ перепелной съ юпкою жъ перепелною и съ окладкою серебряною круговою	60 р.
Юпка люстровая черная, новая съ гасомъ	20 р.
Запaska штофовая голубая новая	7 р.
Юпка голевая (sic!) красная новая	8 р.
Юпка ситцевая черная	6 р.
Карсетъ перепеловой новой з гасомъ золотимъ	10 р.
Карсетъ люстровой красной съ сребною сѣткою	6 р.
Шнуровка раптовая по желтому канавачу	3 р.
Шалочка маленькая парчевая новая	5 р.
Кофта грезетная зеленая	12 р.
Кофта тафтяная	7 р.
Кофта полситцева алая	5 р.
Постѣль тахтяная зеленая новая, кагъ-то: шесть наволочокъ, простира круговая, павилѣнь и ковра на бавелнѣ	50 р.
Мантилія оберова по белому цветамъ	6 р.
Другая мантилія грезетная белая подъ . . . ¹⁾ хуторцемъ (х. вм. ф.?)	6 р.
Платковъ четиры	10 р.
Кунтушь суконной тонкой с позументомъ	15 р.
Юпка, зшита по полотнѣ разною синѣлью	4 р.
Шапка парчевая новая футерная	6 р.
Шуба футерная новая блакитной гразеты под самими запонками	60 р.

¹⁾ Слово не разобрано.

Другая шуба новая красного полутабенку под шля- мамы	30 р.
Третья шуба новая алого камлоту водянистого под чорными смушамы	12 р.
Килимовъ три большихъ: еденъ жолтой въ десять аршинъ, другой блакитной, а третьей чорной	35 р.
Другая шапка зимняя чорного бархату с куницею	3 р. 50 к.
Коверецъ еденъ	5 р.
Рубашекъ женскихъ сорокъ	50 р.
Мужескихъ рубашекъ паръ десять	8 р.
Скатертей семь	7 р.
Скатерть одна шленская болшая	3 р.
Салфетъ сорокъ	8 р.
Утиралниковъ семь	4 р.
Простиръ двѣ	2 р. 50 к.
Да двѣ простиры шленскіе	6 р.
Павиліонъ паспетою (sic!) полотняной	2 р.
Перель низокъ десять	160 р.
Лянцюжокъ золотой въ пятнадцать червонихъ	40 р.
Перстней золотихъ два: еденъ с камушкомъ, а другой гладкой	15 р.
Серебрянихъ чарокъ двенадцать	14 р.
Подносъ сребной	18 р.
Цѣнъ разной посуды пудовъ два	25 р.
Чайникъ жолтой мѣди	1 р. 50 к.
Чайникъ красной мѣди	1 р.
Чашекъ паръ четиры фалфурнихъ	3 р.
Шесть наволочокъ швабскихъ	8 р.
Восемъ подушокъ с кужѣльными наволочкамы	6 р.
Пуховикъ болшой	2 р.
Ковдра виболваная новая	5 р.
Сундуковъ деревянихъ большихъ малеванихъ съ оковкою	8 р.
Погребецъ съ фляшкамы фрусталными	1 р. 50 к.

Итого всего мною принято по сему реестру на сумму двѣ ты-
сячы рублей. Сей вѣнковой реестръ своеручно писалъ и подписался
при своей печати войсковой товарищъ Андрей Александровичъ. Къ

сему вѣновному реестру по персональному прошенію господина войскового товарища Александровича съ приложеніемъ печатей своеручно подписались: войсковою товаришъ..., войсковою товаришъ Лука... (фамиліи разобрать нельзя).

Въ концѣ «реестра» есть записъ, что онъ былъ представляемъ въ земскій судъ повѣта миргородскаго, а оттуда перенесенъ былъ въ земскій судъ повѣта остаповскаго, въ коемъ и записанъ былъ въ урядовую книгу на листахъ 75, 76 и 77 въ 1784 г. октября 28-го.

А. Шр—во.

Баку. 1903 г. 7-го марта.

Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. Вечеромъ 24 іюня 1902 года, въ селѣ Пархомовкѣ, сквирскаго уѣзда, кievской губерніи, я наблюдалъ такую картину. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви, на бугоркѣ, собралась кучка дѣвочекъ и мальчиковъ. Они стали о чемъ-то хлопотать. Черезъ нѣкоторое время притащили вѣтку вербы. Эту вѣтку закопали въ землю. Дѣвочки стали украшать вѣточки вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ. Окончивъ уборку, дѣвочки затянули пѣсни и хотѣли было сѣсть подъ вербою, но днемъ былъ дождь,—требовалось подостлать. Бросились въ дворы, принесли соломы. Усаживаясь, дѣвочки выталкивали мальчиковъ, но тѣ упорно лѣзли въ кругъ; дѣвочки уступили, а челядь ребятъ размѣстилась подъ вѣткой. Начались пѣсни. Пропѣвъ нѣсколько пѣсень, дѣти вставали, брались за руки и цѣлымъ сомкнутымъ кружкомъ ходили вокругъ вѣтки съ пѣсней, кланяясь вербѣ. Обойдя раза три, дѣти опять садились. Гулянье подъ вербой продолжалось больше часа; дѣти, видимо, были очень довольны своимъ праздникомъ Купайломъ. Пѣсень пѣлось много. Мальчики сидѣли не долго чинно, толкали дѣвочекъ, передразнивали ихъ, бѣгали одинъ за другимъ вокругъ «купайлыци» (такъ называли они вѣтку): гуляющіе становились все рѣзвѣй, рѣзвѣй... Когда рѣзвость дошла до высшаго напряженія, то мальчики съ пронзительнымъ крикомъ бросились къ вѣткѣ, чтобъ сломать. Дѣвочки хотѣли защитить дорожку для нихъ «купайлыцю», но куда!.. Среди визга, крика, смѣха, брани затрещала верба. Съ вербы всякъ хваталъ себѣ хоть что-нибудь, въ томъ числѣ и дѣвочки; еще минута, и площадка опустѣла.

Изъ своего дѣтства я помню, что этотъ вечеръ былъ самымъ отраднымъ. Мы гуляли, бывало, съ сверстниками у той «купайлыци»,

пока уже темно станетъ, тогда и вѣтки, по совѣту родныхъ, несли на огородъ въ огурцы, «щобъ рясни уродылы». Въ то время я еще видалъ, какъ взрослые парни шли чуть не съ цѣлою вербою изъ одного конца села на другой къ своимъ любимымъ «дивчатамъ на улыцю». А теперь большіе уже не носятъ вербъ своимъ «дивчатамъ», хотя поютъ «купальни» и взрослые дѣвушки, обзывая въ нихъ своихъ «хлопцивъ» «недбайлыцями».

Помѣщаю нѣсколько пѣсенъ Купайла.

1) Ой на Ивана,
На купайла,
Выйшла (имя дѣвушки),
Якъ та панна.
На неи хлопци
Заглядалися,
Ии займаты
Стыдалися.
Одынъ (имя парня)
Не стыдався,
Взявъ за рученьку—
Прывитався.

2) Ой пливала дощычка ¹⁾
Пидь млыномъ
Ой давала (имя дѣвушки)
Ручку двомъ,
Ой на тоби (имя парня)
Ручку мою,
А я тебе другою—
Обійму.
А я тебе другою
Обійму,
До свого серденька
Прыгорну.

До свого серденька
Прыгорну,
Щыру правдоньку
Розскажу.
Щыру правдоньку
Розскажу,
Черезъ кого на улыцю
Не хожу.
Не ходыла на улыцю,
Не пиду
Не любыла поганого —
Не буду.

3) Ой скакавъ коныкъ
Пидь гречкою,
За нымъ (имя парня)
Зъ гнуздечкою.
Ой зажды коню
Загнуздаю,
Та поидымо
До Дунаю.
Ой до Дунаю
Воды пыты
А до (фамилія того, чья дочь)
Дивкы любыты.

¹⁾ Нѣкоторыя поютъ вмѣсто „дощычка“ „утоныка“ пидь млыномъ.

Ой на городи
Крокись порись...
Забравъ чортъ хлопдивъ,
Та й въ лись, понись.
Ой й на городи
Крокосытця,
Забравъ чортъ хлопщивъ,
Та й носытця.
Ходимъ дивчата
Дывытыся,
Якъ будуть хлопци
Казытыся.

Ой наши хлопци
Недбайлыци
Не вырубалы
Купайлыци.
Ой якъ бы вони
Про насъ дбалы,
Намъ купайлыцю
Вырубалы.
Намъ кунайлыцю
Вырубалы,
Насъ на улыцю
Выкыгалы.

Ой молодая
Молодыце,
Выйды зъ вечора
На улыцю.
Выйды зъ вечора
На улыцю,
Поставъ дивчатамъ
Купайлыцю.
Ой на городи
Катрапъ родыть,
А до (имя дѣвушки)
(Имя парня) ходыть.

Ой, роды, роды
Катрапочку,
Ходы (имя парня),
Мій паночку.
Ой роды, роды
Жолудывый,
Ходы (имя парня),
Чернобрывый.
Ой Петре, Павле,
Иване!
Уже жъ твоя петривонька
Мынае.

Уже жъ твоя петривонька
Мынае,
Половина вербоньки
Всыхае.
Половина вербоньки
Всыхае.
Половины литечка
Немае.
Ой мала ничка
Петривочка,
Не выпалася
Невисточка.

До череды гнала,
То дримала,
На шпычкы очи
Повыймала.
На шпычкы очи
Повыймала,
На грудкы пальци
Позбывала.
Ой мала ничка
Петривонька,
Не выпалася
Невистонька.

Вставай, невестко,
 Годи спаты,
 Вже черыдонькы
 Не выдаты.
 Вже черыдонька
 Въ чыстимъ поли,
 А косарыкы
 Въ зеленій диброви.
 Сяяла зиронька,
 Летила:
 За кого ты (имя дѣвушки)
 Хотила?

Ой за того, дивчата,
 За того,
 Ой за того (имя хлопця)
 Молодого.
 Сяяла зиронька,
 Сяяла:
 Съ кимъ ты (имя дѣвушки)
 Стояла?
 — А съ тобою (имя парня),
 Съ тобою.
 Якъ ясный мисяць
 Зъ зорою.

— «Ой по чому ты мене
 Пизнала;
 Що ты мене мисяченькомъ
 Назвала?
 — А по тоби, (имя парня),
 По тоби,
 Сывая шапочка
 На тоби.
 Сывая шапочка
 На тоби,
 Чорніи чобиточки
 На нози.

—
 Чорніи чобиточки
 На нози,
 Золотый перстынь
 На руди.
 Золотый перстынь
 На руди,
 А самъ биленькый
 На лыци.

(Вариантъ записанъ со словъ
 А. Лот., поющійся въ с. Лобочевѣ,
 таращанскаго уѣзда).

Сообщ. Л. К.

Потомокъ Семена Палія на службѣ въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи. Съ 1833-го по 1859 г.г. столоначальникомъ въ Павловскомъ депутатскомъ собраніи служилъ нѣкто Иванъ Петровичъ Палѣй, называвшій себя потомкомъ извѣстнаго Семена Палія. Занималъ онъ штатную должность до 1848 года, а затѣмъ занимался частнымъ образомъ въ канцеляріи того же депутатскаго собранія. Лишился опъ штатнаго мѣста въ силу Высочайшаго повелѣнія о лишеніи его чиновъ коллежскаго регистратора и губернскаго секретаря, что случилось по настоянію управлявшаго государственными имуществами Арандаренка, которому сдѣлалось извѣстнымъ, что Палѣй, по ревизіи

1835 года, записанъ былъ въ число податныхъ, а потому и не имѣлъ права поступить на государственную службу и получать чины. Нудаясь въ средствахъ къ жизни, онъ подалъ въ сентябрѣ 1859 г. слѣдующее прошеніе испр. должность губернскаго предводителя дворянства С. Н. Кованьку: «До двадцати шести лѣтъ продолжая службу въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи, былъ я награжденъ чинами коллежскаго регистратора и губернскаго секретаря, но къ тяжкому несчастью, по неправильному вписанію меня въ ревизію 1835 года, а также по настоянію бывшаго управляющаго полтавскою палатою государственныхъ имуществъ Арандаренка, по Высочайшему повелѣнію, отъ 2 іюня 1848 года, сняты съ меня чины. Со времени совершенія надо мною этихъ несчастныхъ послѣдствій, я остаюсь безъ службы, занимаясь частно отпискою дѣлъ въ полтавскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи съ 1848 г. по настоящее время, получаю весьма ограниченное за труды мои вознагражденіе, изъ котораго имѣю скудное содержаніе семейства моего. Въ такомъ горестномъ положеніи, стѣсняясь жизнью, не имѣя средствъ содержать и пропитать семью, я вынуждаюсь предстательствовать у вашего превосходительства: обратите вниманіе на тяжкую участь состоящаго въ покровительствѣ вашемъ и не оставьте предложить на благоуваженіе общаго собранія г. г. предводителей дворянства и депутатовъ при выборахъ, имѣющихъ быть въ настоящемъ сентябрѣ мѣсяцѣ о вознагражденіи меня за труды мои, понесенныя въ полтавскомъ дворянскомъ депутатскомъ собраніи. Къ сему прошенію подписался потомокъ полковника Семена Палія, Иванъ Петровъ Палій»... Собраніе предводителей вмѣстѣ съ депутатами опредѣлило выдать Палію двѣсти рублей „за усердную службу въ дворянскомъ депутатскомъ собраніи». Впослѣдствіи Палію были возвращены чины и онъ былъ утвержденъ даже въ правахъ потомственнаго дворянства. Въ 1860 г. онъ вторично ходатайствовалъ о пособіи и о прибавкѣ жалованья въ видѣ вознагражденія за «безвинное страданіе въ теченіе 12-ти лѣтъ», но полтавское дворянство не вняло его просьбѣ. Впрочемъ, спустя нѣсколько лѣтъ ему была назначена пенсія 150 р. въ годъ. Въ 1866 г., въ виду появленія холеры въ Харьковѣ и Кременчугѣ, Полтава была раздѣлена на 9 участковъ; подчиненныхъ завѣдыванію избраннымъ губернскимъ предводителемъ дворянъ, и въ число завѣдующихъ однимъ изъ участковъ былъ и И. П. Палій. На какомъ основаніи онъ именовалъ себя потомкомъ Семена Палія, у котораго, какъ извѣстно, не было сыновей—этотъ во-

прось не подвергался изслѣдованію. Очевидно, продолжительная канцелярская служба въ депутатскомъ собраніи привела Палгя къ убѣжденію, какъ нетрудно было въ то время сочинить для себя какое угодно родословіе и безъ всякаго основанія выдавать себя за потомка любого гетмана или, если угодно, польскаго графа. (Двор. Архивъ, дѣло 1859 г., по описи № 53).

И. Ф. Павловскій.

Вирши о смерти въ синодикѣ XVШ ст. Въ архивѣ Николаевской церкви с. Куреня, конотопскаго у., черниг. губ., хранится Синодикъ, писанный съ 1734 по 1816 г. На первомъ листѣ его изображена смерть въ видѣ человѣческаго скелета, съ косою и заступомъ въ рукахъ, а внизу—люди разнаго пола и возраста. Всѣхъ фигуръ пять. На оборотѣ этого листа замѣтка: «Сія книга, глаголемая Синодикъ, создася въ селѣ Куренѣ, стараниемъ же и коштомъ освященного пресвитера Афанасія Кибальчича, отъ него же дарствіемъ и нагородою изволися мнѣ Иоану Максимовичу, на тотъ часъ боудучому подъячому курѣискому. Писана сія книга в Коуренѣ, при церквѣ святаго Христового Николая, 1734 году, м-ця апрѣля 10 дня.

Далѣ слѣдуютъ вирши:

О смерти, смерти! Ти еси страшная.
 Вижду, же в тебе коса замашная.
 Безъ желѣза и безъ всякаго оружія
 Творишь людей немощныхъ и недолужныхъ.
 На кого очима своими позришь,
 То воскорѣ его и мертва сотворишь,
 Ни в малое не попускаешъ вщадѣнне,
 Но вскорѣ берешъ во свое владѣнне.
 Но ти и малихъ отрочагъ
 Приводишь до небесныхъ оградъ;
 Не единыхъ молодиковъ и дѣвиць,
 Не срамляешся и всякихъ лицъ.
 Святителей и патриарховъ
 И всякихъ иерарховъ;
 Священническаго и дияконскаго чина не минаешъ,
 Такожде и иноческаго велми не оставляешъ;

Яко же превысочайшихъ императоровъ і императрицъ,
 Такожде и зѣло славныхъ царей и царицъ;
 Необходимо великихъ князей
 И всякихъ пресловутихъ государей.
 Славныхъ и храбрихъ гетмановъ,
 Якоже и прочихъ становъ.
 Славные рицаре зѣло бывають,
 Но и тие на Марсовомъ пляцу полѣгають;
 Но и всякого воиньского чина
 Смертная постизаетъ вскорѣ година;
 Премудрихъ риторовъ и философовъ,
 Такожде теологовъ и острономовъ,
 Яко и купеческихъ зѣло богатырей,
 Но и всякого стану господарей;
 И старихъ, лѣтами, но и тихъ не оставляешъ,
 Больныхъ, калѣкъ, сиротъ, вдовъ, странными не пе-
 ребѣраешъ,
 Всякий возрастъ и чинъ аки траву косишъ,
 Найбарзе часто чловѣческой родъ ко гробу носишъ.
 Здѣ и мы, смерти, на тя зриаемъ,
 Того жеде и себѣ ожидаемъ
 В сіи временние лѣта
 Скоро преселитися отъ сего свѣта
 Имѣеть ты, смерти, острогу,
 Же мѣемъ отъсемъ прейти ко Богу,
 Во землю вселитися
 И во гробъ положитися,
 И тамо вѣчне пребывати,
 А лице Господа Бога нашего во вѣки вѣкомъ
 Сподоби насъ всѣхъ оглядати.

Амынь.

Сообщ. І. Егоровъ.

Текуція извѣстія.

Управление земскимъ хозяйствомъ въ юго-западныхъ губерніяхъ. Опубликовано о преобразованіи учреждений, вѣдающихъ дѣло земскаго хозяйства въ 9-ти западныхъ губерніяхъ.

Управление земским хозяйством въ губерніяхъ Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской вѣдаетъ дѣла о мѣстныхъ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ названныхъ губерній и ихъ уѣздовъ. Управление земскимъ хозяйствомъ въ каждой губерніи образуется изъ губернскаго и уѣзднаго комитетовъ по дѣламъ земскаго хозяйства, изъ губернской и уѣздной управы по дѣламъ земскаго хозяйства. Губернскимъ комитетамъ по дѣламъ земскаго хозяйства присваивается распорядительная власть по дѣламъ управления. Уѣздные комитеты созываются для подготовительнаго обсуждения важнѣйшихъ дѣлъ земскаго хозяйства. Исполнительныя дѣйствія по земскому хозяйству возлагаются въ губерніяхъ на губернскую, а въ уѣздахъ—на уѣздную управы.

Преобразование повелѣно ввести въ дѣйствіе въ губерніяхъ Витебской, Минской, Могилевской въ теченіе 1903 г., предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ относительно времени введенія въ дѣйствіе этихъ преобразованій, въ губерніяхъ Виленской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской и Подольской испрашивать установленнымъ порядкомъ законодательное разрѣшеніе. Съ преобразованиемъ новыхъ учрежденій управления земскимъ хозяйствомъ мѣстные приказы общественнаго призрѣнія, а также должности дѣлопроизводителя при губернскихъ распорядительныхъ комитетахъ упраздняются. Вновь образуемымъ учрежденіямъ передаются дѣла, подвѣдомственные приказамъ общественнаго призрѣнія, дѣла по губернскимъ земскимъ повинностямъ, дѣла по управленію врачебно-ветеринарной частью въ уѣздахъ и дѣла по взаимному губернскому страхованію имущества («Южн. Кр.», 772).

Новыя губерніи на Волыни. Есть слухъ, что рѣшено Волынскую губернію, состоящую изъ 12-ти уѣздовъ, раздѣлить на 2 губерніи: одну—съ губернскимъ городомъ Житомиромъ, другую—съ Луцкомъ. При новой житомирской губерніи останется 8-мь юго-восточныхъ уѣздовъ нынѣшней губ. Волынской, именно: Житомиръ, Овручъ, Староконстантиновъ, Звягель, Острогъ, Заславъ, Кременецъ и Дубно. Новая Луцкая губернія будетъ состоять изъ уѣздовъ нын. Волынской губ.: Луцкъ, Ровно, Ковель и Владимиръ-Волынской; сверхъ того, къ ней будутъ присоединены изъ Люблинской губ.—Грубешовъ, Томашовъ, Яновъ, Холмъ и Бѣлградъ и изъ Сѣдлецкой губ.—Влодава.

Съѣздъ славистовъ. 10—15 апрѣля въ С.-Петербургѣ происходили засѣданія членовъ предварительнаго съѣзда русскихъ славистовъ для обсужденія важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся предстоящаго съѣзда представителей славяновѣдѣнія. Инициатива будущаго съѣзда принадлежитъ второму отдѣленію русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ. Сообщаемъ важнѣйшія для насъ свѣдѣнія о состоявшемся предварительномъ съѣздѣ. Съѣздъ былъ раздѣленъ на шесть секцій по вопросамъ: 1) объ организаціи съѣзда представителей славяновѣдѣнія 2),—о славянской энциклопедіи, 3)—объ изданіи церковно-славянскаго словаря, 4)—о славянской библіографіи, 5)—объ изданіи церковно-славянскихъ памятниковъ, 6)—о книжномъ дѣлѣ.— Въ засѣданіи 1-ой секціи 10 апрѣля было рѣшено созвать съѣздъ представителей славяновѣдѣнія въ августъ или сентябръ будущаго 1904 года, созвать не только русскихъ и иностранныхъ ученыхъ, но пригласить и частныхъ лицъ, а также русскія и иностранныя ученыя и правительственныя учрежденія, имѣющія отношеніе и соприкасающіяся съ славяновѣдѣніемъ.

Будущій съѣздъ разобьется на слѣдующіе 7 отдѣловъ: языкъ, этнографія, литература (и искусство), исторія, археологія, право, общіе вопросы.—По вопросу о языкѣ, на которомъ будутъ дѣлаться доклады съѣзду, поставлено: *допустить къ чтенію на съѣздѣ доклады на всѣхъ славянскихъ языкахъ.* 2-ая секція высказалась за изданіе славянской энциклопедіи на русскомъ языкѣ; кромѣ того, рѣшено было, что желающіе, вмѣсто гонорара, могутъ получать оригинальные тексты своихъ трудовъ, въ видѣ отдѣльныхъ оттисковъ, на ихъ родномъ языкѣ. Программа славянской энциклопедіи, по проекту втораго отдѣленія академіи, очень обширна: въ нее войдутъ очерки исторіи славянъ, языка, въ его прошломъ и настоящемъ, литературы, искусства, исторіи культуры, этнографіи, діалектологіи, бытовой и художественной археологіи и юридическо-соціальныхъ отношеній. 4-ая секція рѣшила, что необходимо въ славянской библіографіи каждому народу дать отдѣльное мѣсто, придерживаться въ библіографіи принципа національнаго, какъ болѣе цѣлесообразнаго и практичнаго. Въ 6-ой секціи проф. Сумцовъ выразилъ желаніе, чтобы было возбуждено ходатайство объ устраненіи или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніи внѣшнихъ препятствій, которыя встрѣчаютъ иностранныя книги при выпискѣ ихъ въ Россію. Препятствіемъ является часто даже не содержаніе книги, а мѣсто ея изданія; напримѣръ, нельзя получить книгъ,

издаваемыхъ во Львовѣ. Было указано также и на то, что слѣдовало бы ходатайствовать объ облегченіи или снятіи цензуры книгъ по славяновѣдѣнію, такъ какъ часто даже профессора университетовъ не могутъ получать того, что хотятъ, а если и получаютъ заграничныя изданія, то въ совершенно испорченномъ видѣ. Находя, что послѣдній вопросъ внѣ компетенціи членовъ съѣзда, рѣшено было хлопотать объ облегченіи обмѣна изданіями, вообще. («С.-Петербургск. Вѣдом.», № 96—101).

Въ 425 № «Вѣстникѣ Юга» находимъ «Письмо въ редакцію» г. Ков.-Кол. по поводу постановленія предварительнаго съѣзда славистовъ: «допустить къ чтенію на съѣздѣ доклады на всѣхъ славянскихъ языкахъ». «Дѣйствительно ли на съѣздѣ будутъ пользоваться правомъ гражданства всѣ славянскіе языки и нарѣчія, на которыхъ существуетъ наука?.. Горькій опытъ послѣднихъ двухъ археологическихъ съѣздовъ Киевскаго и Харьковскаго, когда на нихъ отсутствовали представители украинскаго «Науковаго Товариства ім. Шевченка» (во Львовѣ), по причинѣ недопущенія на этихъ съѣздахъ украинской рѣчи, невольно заставляетъ остановиться на данномъ вопросѣ.

Хотѣлось бы надѣяться, что въ интересахъ чистой науки, далекой отъ всякаго политиканства, которымъ занимаются нѣкоторые ученые, этотъ «горькій опытъ» не повторится на предстоящемъ съѣздѣ славистовъ».

Запросъ о кобзаряхъ и лирникахъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ обратилось къ начальникамъ губерній съ просьбой сдѣлать распоряженіе о приведеніи въ извѣстность проживающихъ въ губерніяхъ кобзарей и лирниковъ. Вотъ программа, по которой желательно собрать нужныя свѣдѣнія: 1) села, въ которыхъ кобзари и лирники имѣютъ осѣдлость, села, посѣщаемыя ими временно; 2) главнѣйшія біографическія черты тѣхъ и другихъ, какъ-то: когда кобзарь и лирникъ ослѣпъ, бывалъ ли въ городѣ, у кого учился кобзарскому искусству и на какихъ условіяхъ и пр.; 3) отношеніе крестьянъ къ кобзарямъ и лирникамъ, ихъ матеріальное житье-бытье, свойство и степень вліянія на окружающихъ; 4) адреса кобзарей и лирниковъ и ихъ портреты, если таковыя имѣются, а также свѣдѣнія о томъ, существуютъ ли еще и гдѣ кобзарскія школы. («Кіевская Газета», № 123).

Забота Полтавской губернской земской управы о развитіи кустарныхъ промысловъ. Полтавская губернская земская управа въ настоящее время озабочена изысканіемъ средствъ и способовъ къ поднятію и развитію кустарныхъ промысловъ полтавской губерніи. Полагая, между прочимъ, что примѣненіе ко всякаго рода кустарнымъ издѣліямъ мѣстнаго малорусскаго стиля и орнамента, придавъ этимъ издѣліямъ опредѣленный своеобразный колоритъ, должно поднять мѣстный спросъ и содѣйствовать спросу за предѣлы губерніи, управа во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей губернскихъ земскихъ мастерскихъ и школахъ съ начала нынѣшняго года, вводитъ, насколько и гдѣ это окажется возможнымъ, въ работы учениковъ мѣстный стиль, пользуясь старинными образцами.

Въ высшей степени желательнымъ представлялось бы вліяніе въ этомъ направленіи и на производства кустарей, хотя бы въ районахъ находенія уѣздныхъ земскихъ мастерскихъ при помощи послѣднихъ, что могло бы быть достигнуто какъ путемъ выполненія такихъ работъ самими мастерскими, такъ и путемъ заказовъ кустарямъ. Попытка такого рода, осуществленная 15-ю уѣздами губерніи, къ концу года могла бы дать, съ одной стороны, чрезвычайно любопытную картину порайонныхъ особенностей мѣстнаго творчества, а съ другой— богатый матеріалъ для дальнѣйшаго примѣненія стиля къ кустарному производству. Кромѣ того, концентрація подобнаго рода издѣлій на выставкѣ для продажи могла бы имѣть громадное значеніе какъ въ смыслѣ опредѣленія спроса, такъ и сбыта.

Съ этой цѣлью губернская управа предполагаетъ ко времени предстоящаго очереднаго губернскаго земскаго собранія въ концѣ 1903-го года устроить выставку-базаръ кустарныхъ произведеній полтавской губерніи со включеніемъ издѣлій всѣхъ земскихъ мастерскихъ какъ губернскихъ, такъ и уѣздныхъ. По окончаніи этой выставки такую же выставку-базаръ кустарныхъ издѣлій Полтавской губернской управой предполагено устроить въ Кіевѣ во время контрактовъ въ началѣ 1904-го года.

Въ виду изложеннаго губернская управа обратилась съ просьбою къ уѣзднымъ управамъ не отказать въ своемъ содѣйствіи и вліяніи на производство работъ въ указанномъ смыслѣ земскими уѣздными учебными мастерскими, а также путемъ заказовъ на производство издѣлій мѣстными кустарями, начавъ свою дѣятельность въ этомъ направленіи немедленно съ полученія настоящаго отношенія, а затѣмъ,

къ концу ноябрю мѣсяца, по особому извѣщенію губернской управы, накопившіяся такимъ образомъ издѣлія прислать въ губернскую управу для устройства выставки.

Если бы исполненіе уѣздными мастерскими для выставки работъ по разнымъ отраслямъ кустарнаго производства встрѣтило затрудненіе въ недостаткѣ образцовъ, губернская управа, имѣя въ своемъ распоряженіи при естественно историческомъ музеѣ губернскаго земства нѣкоторые предметы стариннаго производства, главнымъ образомъ по ткачеству, могла бы, по заявленію уѣздной управы, представить, если окажутся на лицо, необходимые образцы.

При исполненіи работъ ткацкаго производства, уѣздныя ткацкія мастерскія могутъ пользоваться услугами ткацкаго инструктора, находящагося при губернской мастерской въ с. Дегтяряхъ, прилуцкаго уѣзда, слѣдуетъ адресовать ему приглашенія.

Походъ на украинофильство. Въ Петербургѣ, въ помѣщеніи «Русскаго Собранія» состоялось 16 апрѣля собраніе членовъ галицко-русскаго благотворительнаго общества, въ которомъ проф. варш. унив. Филевичъ сдѣлалъ сообщеніе о Галицкой Руси въ связи съ малорусскимъ вопросомъ. Проф. Филевичъ разобралъ исторію украинофильства, которое, зародившись въ Россіи, переселилось затѣмъ въ гор. Львовъ. Въ преніяхъ приняли участіе: проф. кіевск. унив. Флоринскій, профессора варш. унив. Смирновъ и Францевъ, а также профессора К. Я. Грогъ и пред. А. С. Будилевичъ. Всѣ участвующіе съ непонятнымъ ожесточеніемъ «уничтожали» украинофильство. («Волянъ», № 89 и «С.-Петербург. Вѣд.». № 103).

Въ собраніи того же общества 3-го мая редакторъ издатель «Славянскаго Вѣка» г. Вергунъ сдѣлалъ сообщеніе о галицко-русскомъ вопросѣ въ связи съ вопросомъ славянскимъ въ Австро-Венгріи. («С.-Петербургск. Вѣдом.»).

Литературно-музыкальные вечера въ память Т. Г. Шевченка. 17-го апрѣля въ Ставрополѣ Кавказскомъ состоялся концертъ подъ управленіемъ А. Кошица, съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ («Сѣверный Кавказъ», № 46).

3-го мая черниговцы, послѣ многолѣтнихъ тщетныхъ попытокъ, чествовали память великаго Тараса.

Нѣсколько лѣтъ подрядъ здѣсь добивались разрѣшенія устроить шевченковскій вечеръ, однако это, на видъ простое дѣло, представляло большія трудности. Тамъ далеко, въ столицахъ, концерты и вечера, посвященные памяти великаго поэта Украины—заурядное дѣло, а здѣсь, гдѣ неподалеку пѣлъ чудныя пѣсни старый Тарасъ, въ теченіе ряда лѣтъ не только не разрѣшались вечера, посвященные памяти Шевченка, но не слышно было ни малороссійской думки, ни малороссійской пѣсни.

Новый представитель высшей власти не раздѣлилъ мнѣніе прежняго, и Черниговъ получилъ возможность собраться на вечеръ въ память пѣвца Украины только въ настоящемъ году.

Инициатива устройства вечера принадлежитъ черниговскому музыкально-драматическому кружку.

На сценѣ красовался портретъ Тараса Шевченка, обвитый и украшенный живыми цвѣтами съ кобзой, плахтами и рушниками у подножія портрета. Портреты, декорированные живыми цвѣтами, украшали также входъ и хоры. («Кіевская Газ»).

Къ открытію памятника И. П. Котляревскому. Намъ сообщаютъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что талантливый украинскій композиторъ Н. В. Лысенко, въ виду предстоящаго открытія у насъ памятника И. П. Котляревскому, положилъ на музыку для хора и оркестра—кантату въ честь поэта и что эта кантата уже печатается и вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ. Конечно, было бы въ высшей степени желательно, чтобы это новое произведеніе композитора было бы публично исполнено впервые у насъ, подъ управленіемъ самого композитора. Но нужно, чтобы медлительная комиссія по устройству памятника оживила бы свою дѣятельность и безотлагательно вошла бы въ сношеніе какъ съ композиторомъ такъ и съ туземными вокально-музыкальными представителями, въ томъ числѣ съ представителемъ лириковъ и кобзарей, г. Хоткевичемъ. Въ противномъ случаѣ празднованіе открытія памятника народному поэту—при отсутствіи туземной народной музыки и пѣнія на родномъ языкѣ—можетъ представить нѣчто безпримѣрное, и едва ли комиссія и городское управленіе могутъ тогда рассчитывать на признательность современниковъ и потомства. («Полт. Вѣстн.», № 127).

Подготовительныя работы къ 13-му археологическому съезду въ Екатеринославѣ. 1) 28 апрѣля, въ г. Екатеринославѣ состоялось засѣданіе подготовительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съезда, подъ предсѣдательствомъ граф. П. С. Уваровой.

Главное вниманіе предположено обратить на районъ по рѣкамъ Дону и Кальміусу до Азовскаго моря. Въ этомъ районѣ будутъ работать командированные археологическимъ обществомъ ученые Большаковъ и Городковъ и студентъ Харламовъ. «Городища» въ харьковской губерніи изслѣдуетъ г. Покровский. Для раскопокъ въ Таврической губерніи, въ имѣніи графа Канкринна, гдѣ главное мѣстонахожденіе остатковъ готской культуры, командированъ проф. Эварницкій.

Изслѣдованіе же Самарскаго района уѣздовъ новомосковского и верхнеднѣпровскаго и береговъ Днѣпра въ его порожистой части принимаетъ на себя мѣстный Екатеринославскій комитетъ, и работы будутъ производиться подъ руководствомъ, наблюденіемъ и при личномъ участіи проф. Д. И. Эварницкаго. Комитетъ постановилъ: во исполненіе намѣченной программы, произвести съ помощью мѣстныхъ дѣятелей, въ особенности учителей народныхъ школъ изслѣдованіе мѣстонахожденій каменныхъ бабъ, кургановъ, пещеръ и древнихъ памятниковъ. составить имъ описаніе и снять фотографическіе снимки. Рѣшено также произвести этнографическое изслѣдованіе губерніи и устроить при съѣздѣ этнографическую выставку съ помощью спеціалистовъ, для чего просить губернское и уѣздныя земства ассигновать пособіе въ распоряженіе комитета. Гр. П. С. Уварова заявила, что къ открытію съѣздъ надѣется положить начало серьезному труду по изученію Херсонеса Таврическаго, гдѣ начало раскопокъ положено покойнымъ супругомъ графини. Всѣ добытые матеріалы будутъ представлены на разсмотрѣніе екатеринославскаго съезда.

Для соображеній при работахъ комитета и съезда представлено ходатайство въ центральный статистическій комитетъ о сообщеніи статистическихъ свѣдѣній по губерніи, добытыхъ изслѣдованіемъ, произведеннымъ въ 1872 году. Дубликатъ этихъ свѣдѣній погибъ въ Екатеринославѣ, во время наводненія, вызваннаго ливнями. Въ число работъ съезда и комитета войдетъ изслѣдованіе о кобзаряхъ и лирикахъ, которыхъ, согласно ходатайству харьковскаго съезда, г. министръ внутреннихъ дѣлъ согласился принять подъ особую защиту и

покровительство администраціи. Изъ сообщенія гр. Ѳ. Э. Келлера выяснилось, что лирники существуютъ и въ екатеринославской губерніи, такъ какъ графу нѣсколько разъ приходилось выдавать имъ разрѣшенія на игру на ихъ инструментахъ на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ. Предварительные комитеты по устройству екатеринославскаго съѣзда открыты и въ нѣкоторыхъ др. городахъ края, а гр. Ѳ. Э. Келлеръ предложилъ привлечь къ работамъ и дѣятелей екатеринодарскихъ,—области, близко связанной съ екатеринославскимъ козачествомъ, такъ какъ въ составъ тамошняго козачества несомнѣнно вошли потомки запорожцевъ. По предложенію Ѳ. А. Духовецкаго, въ виду изслѣдованія болгарскихъ древностей мѣстнаго района, черезъ который слѣдовали болгары при переселеніи съ Волги на Дунай, рѣшено привлечь къ работамъ съѣзда занимающагося изслѣдованіемъ болгарскихъ древностей директора археологическаго музея въ Константинополѣ, академика Ѳ. И. Успенскаго, а черезъ него—и болгарскихъ археологовъ. Что касается церковныхъ древностей, то до свѣдѣнія комитета гр. П. С. Уваровой доведено, что преосвященный епископомъ Сумеонъ рѣшилъ устроить епархіальное хранилище церковныхъ древностей. М. В. Родзянко заявилъ, что губернскае земство приняло на свой счетъ печатаніе трудовъ мѣстнаго комитета по устройству съѣзда. („Придн. Край“, № 1801).

29 апр. происходило совѣщаніе Екатеринославскаго археологическаго комитета съ представителями дворянства. Засѣданіе открылъ рѣчью губернской предводитель дворянства М. И. Миклашевскій, въ своей рѣчи М. И. отмѣтилъ важное значеніе избранія мѣстомъ будущаго съѣзда г. Екатеринослава, благодаря чему Екатеринославъ приравнивается къ университетскимъ городамъ; далѣе М. И. отмѣтилъ въ общихъ чертахъ задачи съѣзда, а также тѣ благіе результаты, которые можетъ имѣть съѣздъ для культурнаго подъема города и губерніи. Графиня Уварова въ обстоятельной запискѣ познакомила собраніе съ организаціей съѣздовъ и отмѣтила важное значеніе общественнаго сочувствія, впервые съ особой силой проявившагося на съѣздѣ въ Прибалтійскомъ краѣ. Графиня познакомила детально собраніе съ тѣми вопросами, которые подлежатъ разрѣшенію съѣзда и указала въ чемъ могло выразиться содѣйствіе мѣстнаго общества и въ частности дворянства въ устройствѣ съѣзда. Д. И. Эварницкій отмѣтилъ весьма важное значеніе въ археологическомъ и историческомъ

отношеніяхъ нынѣшняго района съѣзда—Новороссійскаго края и въ частности екатеринославской губерніи. П. В. Каменскій обратился съ запросомъ, будутъ ли отпечатаны программы съѣзда, изъ которыхъ можно было бы болѣе подробно ознакомиться съ задачами, а равно выяснитъ въ чемъ могло бы выразиться участіе дворянства въ устройствѣ съѣзда. Послѣ обсужденія нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ, возбужденныхъ членами комитета, засѣданіе было закрыто. («Вѣстн. Юга», 417).

2) 25-го апрѣля состоялось 1-е засѣданіе Харьковской подготовит. комиссіи. Проф. М. Г. Халанскій отмѣтилъ, что одной изъ важнѣйшихъ задачъ современной науки о русскомъ языкѣ является изученіе мѣстныхъ говоровъ. Говоры харьковской губерніи изучены еще въ слабой степени, и онъ желалъ бы совершить нѣсколько поѣздокъ по харьковской губерніи къ предстоящему XIII археологическому съѣзду, чтобы собрать матеріалы о мѣстныхъ говорахъ.

Комиссія вполне присоединилась къ мнѣнію проф. М. Г. Халанскаго и постановила ходатайствовать передъ московскимъ предварительнымъ комитетомъ объ отпускѣ средствъ на эту экспедицію. Въмѣстѣ съ тѣмъ комиссія постановила передавать проф. М. Г. Халанскому пѣсенные и другіе матеріалы по народной словесности харьковской губерніи, которые будутъ поступать на ея разсмотрѣніе, такъ какъ онъ выразилъ готовность заниматься изученіемъ и обработкой ихъ. Кромѣ того, М. Г. Халанскій изъявилъ желаніе составлять описаніе старинныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, если таковыя будутъ поступать въ комиссію.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ, что въ бумагахъ бывшаго предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ осталось много весьма интересныхъ матеріаловъ, которые не могли быть использованы тогда надлежащимъ образомъ. Между этими матеріалами имѣется не мало такихъ, которые отличаются поэтическимъ характеромъ и собраны въ предѣлахъ харьковской губерніи. Краткій обзоръ матеріаловъ послѣдняго вида и былъ сдѣланъ докладчикомъ.

Проф. Д. И. Багалъйи сообщилъ, что изъ рукописныхъ замѣтокъ покойнаго проф. Ю. И. Морозова имъ извлечено много матеріаловъ по археологіи харьковской губерніи. Затѣмъ проф. Д. И. Багалъйи отмѣтилъ, что въ портфеляхъ харьковскаго историко-филологическаго

общества накопилось много интересныхъ въ научномъ отношеніи матеріаловъ по исторіи, археологіи и этнографіи, которые остаются непечатанными по недостатку средствъ.

Проф. Е. К. Рѣдинъ сообщилъ, что, кромѣ тѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, о которыхъ онъ доложилъ раньше, онъ имѣетъ еще много рукописныхъ замѣтокъ и сообщеній по археологіи и этнографіи екатеринославской, полтавской, курской и воронежской губерній и области Войска Донского.

Проф. Д. И. Багалъй сообщилъ комиссіи составленную имъ программу раскопокъ и другихъ археологическихъ изслѣдованій къ предстоящему XIII археологическому съѣзду. Программа эта была доложена имъ въ январѣ текущаго года въ засѣданіяхъ московскаго предварительнаго комитета и имѣетъ цѣлью связать изысканія, произведенныя къ XII археологическому съѣзду въ г. Харьковѣ, съ тѣми раскопками и изслѣдованіями, которыя будутъ производиться къ предстоящему въ г. Екатеринославѣ съѣзду. Какъ извѣстно, мысль созвать предстоящій съѣздъ въ г. Екатеринославѣ возникла подъ вліяніемъ того соображенія, что необходимо продолжить изысканія, начатыя передъ бывшимъ въ Харьковѣ съѣздомъ, такъ какъ они намѣтили много интересныхъ вопросовъ, да и вообще юго-восточный уголъ Европейской Россіи слабо изученъ въ археологическомъ отношеніи. Поэтому проф. Д. И. Багалъй предлагаетъ закончить нѣкоторыя раскопки въ предѣлахъ харьковской губерніи и продолжить ихъ затѣмъ въ предѣлы екатеринославской губерніи по рр. Бахмуткѣ и С. Донцу, а также по р. Калміусу до его устья. Если вѣрно предположеніе нѣкоторыхъ ученыхъ, что р. Калміусъ тождественна съ той р. Калкой, на которой произошла въ 1224 г. несчастная битва русскихъ съ татарами, то раскопки на ней представляютъ особенный интересъ для русско-славянской археологіи до-монгольскаго періода. Но раскопки на берегахъ этой рѣки важны и по той причинѣ, что она, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, служила съ самыхъ отдаленныхъ временъ важнымъ воднымъ путемъ отъ Днѣпра къ Дону, и по ней совершалось обширное торговое движеніе. Значитъ эти раскопки интересны не только съ точки зрѣнія русскихъ древностей до-монгольскаго періода, но онѣ могутъ еще доставить много цѣнныхъ данныхъ для топографіи Половецкой степи. Далѣе, по мнѣнію докладчика, эти раскопки интересны для изученія древностей болѣе поздняго времени, такъ какъ и знаменитый описатель Украины Гильомъ Бопланъ ука-

зывается на р. Калміусь, какъ на составную часть пути изъ Подніпровья въ область р. Дона и Азовскаго моря. Конечно, раскопки по р. Калміусу не должны ограничиваться однимъ правымъ берегомъ его, ихъ слѣдуетъ перенести и на лѣвую сторону рѣки, въ предѣлы области Войска Донскаго. Въ харьковской губерніи было бы весьма желательно продолжить раскопки въ сѣверо-западномъ углу губерніи, въ ахтырскомъ, богодуховскомъ и сумскомъ уѣздахъ, гдѣ извѣстно много неизслѣдованныхъ кургановъ и городищъ; на примѣръ, обширная группа кургановъ находится около г. Сумъ, въ имѣніяхъ П. И. Харитоненка. Кроме того, необходимо продолжить изслѣдованія могильника и городища около В. Салтова, волчанскаго уѣзда. Верхне-Салтовское городище интересно, между прочимъ, и потому, что оно представляетъ остатки единственнаго каменнаго города въ предѣлахъ харьковской губ. Довольно значительные остатки укрѣпленій существовали тамъ еще въ XVII столѣтіи, и камень ихъ служилъ не только для мѣстныхъ построекъ, но возился даже въ Харьковъ, гдѣ изъ него сдѣлали первыя мостовыя. Поэтому, необходимо произвести правильное изслѣдованіе Салтовскаго городища и изучить при помощи пробныхъ раскопокъ топографію салтовскаго могильника, такъ какъ онъ далъ послѣ сѣзда въ Харьковѣ нѣкоторыя совершенно новыя открытія. Затѣмъ надлежитъ окончить изслѣдованіе Донецкаго городища и произвести изысканія на Хорошевскомъ городищѣ и въ его окрестностяхъ, гдѣ извѣстенъ могильникъ. Кроме того, необходимо изслѣдовать еще одно городище въ лебединскомъ уѣздѣ, такъ какъ оно представляетъ ту рѣдкую особенностъ, что могильникъ расположенъ на самомъ городищѣ. Наконецъ, желательно произвести раскопку кургановъ около с. Деркачей, въ имѣніи г. Любарскаго, и закончить изслѣдованіе могильника въ имѣніи г. Духовскаго, около с. Мерчина.

Заслушавъ сообщеніе проф. Д. И. Багалѣя комиссія постановила просить московскій предварительный комитетъ объ отпускѣ средствъ, необходимыхъ для производства археологическихъ изысканій къ предстоящему сѣзду, при чемъ таковыя должны производиться по программѣ, составленной проф. Д. И. Багалѣемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ комиссія рѣшила обратиться къ мѣстнымъ землевладѣльцамъ съ просьбой разрѣшить производство раскопокъ и другихъ изысканій на принадлежащихъ имъ земляхъ и оказать работамъ комиссіи матеріальную поддержку.

Прив.-доц. Е. П. Трифильевъ заявилъ, что слѣдовало-бы продолжить раскопки въ купянскомъ уѣздѣ, гдѣ имѣется еще нѣсколько кургановъ съ каменными бабами.

Проф. Д. И. Багалѣй отмѣтилъ, что къ предстоящему съѣзду надлежитъ закончить изученіе архивовъ харьковской и сосѣднихъ съ нею губерній. Кромѣ того предложилъ посвятить XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ тѣ изданія историко-филологическаго общества, которыя это общество будетъ печатать къ съѣзду, такъ какъ археологическая коммиссія состоитъ при обществѣ и тѣсно связана съ нимъ. («Южный Край», № 7715).

Засѣданіе Екатеринославской архивной коммисіи состоялось 23-го апрѣля. А. С. Синявскій доложилъ собранію, что въ теченіе перваго мѣсяца своей дѣятельности коммиссія предприняла слѣдующее: она обратилась во всѣ архивныя коммисіи другихъ родовъ имперіи съ просьбой прислать свои ученые труды, на что весьма многія коммисіи уже и откликнулись. Между прочимъ весьма цѣнное сочиненіе въ видѣ прекрасно исполненной фототипіи получено отъ Черниговской архивной коммисіи.

На приглашеніе къ разнымъ официальнымъ лицамъ и учрежденіямъ въ губерніи оказать содѣйствіе увѣдомленіемъ объ архивномъ матеріалѣ тоже откликнулись очень многіе. Получены отвѣты, напр. отъ Мариупольскаго исправника о томъ, что за многіе годы дѣла въ его учрежденіи проданы, а за нѣкоторые—хранятся въ полицейскомъ управленіи. Аналогичные отвѣты получены изъ Бахмута, Павлограда, гдѣ хранятся дѣла за 1795 годъ, изъ Славяносербска и др.

Между прочимъ Павлоградскій исправникъ прислалъ очень старый деревянный небольшой крестъ, съ желѣзнымъ на немъ распятіемъ. По поводу этого креста Я. П. Новицкій сообщилъ, что, по его личнымъ справкамъ, къ этому кресту приводили колодниковъ въ старыя времена при отобраніи показаній при полиціи.

Затѣмъ получено отъ г. Токмакова описаніе жизнедѣятельности 24 историческихъ лицъ нашей губерніи для помѣщенія въ трудахъ коммисіи.

Постановлено просить губернскія и уѣздныя учрежденія прислать описи всѣхъ старыхъ дѣлъ, чтобы коммиссія могла рѣшить, какія изъ нихъ можно рѣшить подвергнуть уничтоженію и какія оставить.

Постановлено также для усиленія средствъ комиссіи просить профессора Новороссійскаго университета г. Маркевича прочесть публичную лекцію по исторіи въ Екатеринославѣ осенью, на что предварительно уже и получено согласіе этого лица.

Профессоръ Д. И. Эварницкій заявилъ, что онъ предполагаетъ прочесть нѣсколько лекцій въ уѣздныхъ городахъ, чтобы, возбудить интересъ къ археологіи въ краѣ.

Поручено С. А. Бродницкому навести справки о томъ, чтобы получить разрѣшеніе на изданіе сочиненій Елагина, писавшаго романы и очерки, относящіеся къ бытовой сторонѣ Екатеринослава середины прошлаго столѣтія. («Вѣстникъ Юга», 411).

Археологическія раскопки кургановъ. Текущимъ лѣтомъ завѣдующимъ спб. артиллерійскимъ музеемъ археологомъ ген.-лейт. Н. Е. Бранденбургомъ, съ разрѣшенія Императорской археологической комиссіи, будутъ совершены раскопки кургановъ въ кіевской и полтавской губ. Всѣ вещи, найденныя при раскопкахъ, поступаютъ въ спб. артиллерійскій археологическій музей и въ хранилища историческихъ вещей Эрмитажа. («Биржев. Вѣд.», 189).

Музей А. Н. Поля въ Екатеринославѣ. Согласно докладу Правленія Екатеринославскаго Научнаго Общества (въ общемъ собраніи 6/у 1903), въ организациі музея приняли участіе: 1) Екатеринославское губернское земство, ассигновавшее на постройку зданія музея 20000 руб.; 2) городъ Екатеринославъ, ассигновавшій 10000 руб. и отведшій мѣсто для постройки зданія; 3) губернское дворянство, ассигновавшее 5000 руб. 4) А. П. Струковъ 2000 руб. Постройка зданія ведется губернской земской управой.

Уставъ музея выработанъ и отосланъ на утвержденіе высшей власти. Общія основанія устава слѣдующія: а) музей есть самостоятельное учрежденіе, б) управляется представителями учреждений—дворянства, земства, города и научнаго общества. Представители избираются этими учреждениями. Основанія частныя: Въ музеѣ имѣется залъ засѣданій научнаго общества, в) отчетъ о дѣятельности музея отсылается на разсмотрѣніе вышеуказанныхъ учреждений, а слѣдовательно и научнаго общества. («Вѣстникъ Юга», 425).

2-го мая въ засѣданіи комитета музея обсуждалась смѣта музея на 1903 годъ. Въ распоряженіи Екатеринославскаго научнаго общества для цѣлей музея имѣется 1298 руб. и ожидается еще къ получению отъ уѣздныхъ земскихъ управъ 600 рублей. Вообще, какъ выяснилось въ засѣданіи, средства музея для пріобрѣтенія вещей и изученія мѣстнаго края крайне незначительны. Остается надѣяться на сочувственное отношеніе и посильную помощь интеллигентнаго населенія, на то, что музей будетъ пополняться добровольными пожертвованіями предметовъ, имѣющихъ значеніе историческое, археологическое, этнографическое и пр. («В. Ю.», 421).

Научная командировка. Хранитель Екатеринославск. музея им. А. Н. Поля г. Стромѣнко командированъ совѣтомъ музея въ Никополь для осмотра находящихся тамъ, по свѣдѣніямъ профессора Эварницкаго, въ частныхъ рукахъ запорожскихъ древностей. («Приднѣпровск. Кр.», 1812).

Открытіе древнихъ каменныхъ сооружений въ г. Чигиринѣ.

Въ Императорской археологической комиссіи было получено изъ Чигирина сообщеніе о томъ, что тамъ на горѣ открыты остатки какого-то древняго каменнаго сооруженія. Комиссія командировала для осмотра хранителя кіевскаго музея древностей и искусствъ В. В. Хвойко, который и совершилъ экскурсію въ Чигиринъ.

Чигиринская гора возвышается надъ городомъ саженой на 20. Ближе къ ея крайнему выступу со стороны, обращенной къ городу, В. В. Хвойко замѣтилъ каменную кладку, по расчисткѣ которой обозначились двѣ параллельныя каменные стѣны, отстоящія одна отъ другой на 8 арш. Сооруженіе имѣло сводъ, провалившійся, какъ полагаютъ, во время бомбардированія въ 1675 или 1678 году. Г. Хвойко относитъ зданіе къ XV—XVI вѣкамъ. Въ нижней части той же горы, у подошвы ея, на берегу р. Тясмина, г. Хвойко нашелъ остатки другого каменнаго сооруженія, еще болѣе обширнаго. Кладка его, какъ и перваго, относится, судя по кирпичамъ, къ литовской эпохѣ. Въ народѣ есть преданіе, что тутъ «ще до турокъ» былъ монастырь съ большими подземными ходами, въ которые Дорошенко спряталъ свою казну, множество книгъ, бумагъ и проч. Въ верхней части горы, на плато, по сосѣдству съ остатками земляныхъ укрѣпленій, замѣчены

слѣды какихъ то деревянныхъ сооружений, отъ которыхъ въ землѣ сохранились даже бревна. Мѣстами, внутри такихъ сооружений, найдены большія полосы культурнаго слоя, а также полосы выжженной глины (повидимому, остатки очаговъ и развалившихся печей). Быть можетъ, это были казармы гарнизона чигиринской крѣпости. Систематическія раскопки чигиринской горы весьма желательны, такъ какъ онѣ могли бы обогатить науку цѣнными находками. Нужно помнить, что Чигиринъ— столица Б. Хмельницкаго и П. Дорошенка, много разъ подвергавшаяся осадамъ. Во время этихъ осадъ многое могло быть въ этомъ многострадальномъ городѣ спрятано въ землю и тамъ оставаться до сихъ поръ. На сѣверъ отъ города, по направленію къ Днѣпру, г. Хвойко нашелъ слѣды доисторической культуры: желѣзные и бронзовые наконечники стрѣлъ, кремневые орудія и даже слѣды «трипольской» культуры. Еще ближе къ Днѣпру идутъ правильными рядами древніе курганы, въ томъ числѣ и такъ-называемые скинскіе. («С.-Петербургскія Вѣдом.», № 120.

Раскопки въ имѣніи Петрены. Директоръ одес. музея общества исторіи и древностей проф. Э. Р. фонъ-Штернъ возвратился, изъ поѣздки съ научной цѣлью въ имѣнье Петрены, бѣлецкаго у., гдѣ подъ его руководствомъ были произведены раскопки съ цѣлью отысканія древностей. На глубинѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ поверхности земли обнаружена масса предметовъ древности, относящихся къ самому отдаленному періоду исторіи человѣчества, именно—къ каменному вѣку. Въ Одессу прибудетъ цѣлый транспортъ добытыхъ при раскопкахъ археологическихъ древностей. Раскопки производились на землѣ, принадлежащей владѣльцамъ имѣнія Петрены гг. Бузни. Въ виду успѣха раскопокъ, онѣ будутъ продолжены. («С.-Петербургск. Вѣд.», 119).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 2083 руб. (см. № 5-й, стр. 116) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день предстоящаго празднованія его 35-лѣтняго юбилея, вновь прислано: 1) Изъ *Екатеринослава* отъ почитателей таланта—150 р.; 2) симья Лисака—15 р.; 3) изъ *Черкассъ*—11 р.; 4) *Л. Д.*—10 р.; 5) изъ *Херсона*: И. Коз.—5 р.,

А. Кош.—5 р., И. Зуб.—5 р., Г. Ков.-Кол.—3 р., Н. Черн.—2 р., Ф. Вас.—2 р., Манж.—2 р., А. Охр.—1 р., В. Сен.—1 р., Лон.—1 р., Е. Петр.—1 р., А. М. Ш.—1 р., Мар. Ков.—1 р., Никол.—50 к., А. Ш.—50 к., Х. Ив.—50 к., Бач.—20 к., Егор.—20 к. Макс.—15 к., всего—32 р. 5 к.; 6) черезъ г. *Н-скаго*: Лисовскій—5 р., Михалевиць—5 р., Немоловскій—5 р., Нейманъ—5 р., Соболевскій—5 р., Амбражевиць—5 р., Рошко—1 р., Здановиць—1 р., Струменскій—1 р., Дибольдь—1 р., Пшиборовскій—1 р., Кириакъ—1 р., Алексинскій—1 р., NN—1 р., Яблоновскій—2 р., всего—40 р.; 7) изъ *Мачухи* (полт. губ.): Ив. Фисунъ—1 р., Ст. Кузьменко—1 р., Хар. Гарькавенко—1 р., Ал. Замковый—1 р., Андр. Геращенко—3 р., Свяц. Θ. Будовскій—1 р. 50 к., Ол. Булдовская—1 р. 50 к., всего 10 р.; 8) Г.—5 р. Всего съ прежде поступившими—2356 р. 50 к.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

Въ вопросу объ „Академічній Домі“ во Львовѣ. Въ то время какъ русины-студенты покинули Львовскій университетъ, изъ общенародныхъ пожертвованій составилъ так. назыв. «академічний фондъ» для помощи сецессионистамъ. По возвращеніи сецессионистовъ комитетъ, распорядившійся «академічнимъ фондомъ» обратился къ галицкому обществу съ запросомъ, что дѣлать съ остатками фонда (около 18.000 кор.). Молодежь на митингъ въ 1902 г.—отвѣтила на этотъ вопросъ такъ: она обратилась къ комитету съ своимъ заявленіемъ—употребить остатки фонда на поддержку крестьянъ-стачечниковъ и передать ихъ спеціальному, междупартійному комитету. Это благородное, самоотверженное постановленіе было встрѣчено, конечно, восторженнымъ одобреніемъ. Но часть общества, отнесшись къ дѣлу болѣе вдумчиво и спокойно, высказалась за то, чтобы «академічний фондъ» расходовался на нужды самихъ же студентовъ. Въ X книгѣ 1902 г. «Літер.-Науков. Вістника» проф. Грушевскій въ замѣткѣ «Що зробити з академічнимъ фондомъ?» подаль проектъ—употребить остатки фонда на постройку общежитія—«Академічного Дому» для студентовъ-русиновъ. Мотивировано это было предложеніе слѣдующимъ образомъ. Начатая народомъ экономическая борьба потребуетъ *своихъ* фондовъ, и они будутъ созданы самими участниками стачекъ и русинскимъ обществомъ. Но «академічний фондъ» былъ собранъ на

нужды высшаго національнаго образованія; къ этому дѣлу общество не скоро вернется съ прежнимъ вѣчно памятнымъ одушевленіемъ; по-сему собранныя деньги нужно употребить соотвѣтственно ихъ первоначальному предназначенію.

Деньги вносились подъ лозунгомъ борьбы за «українсько-руський» университетъ. Борьба эта продолжится до тѣхъ поръ, пока не осуществится мысль объ основаніи украинскаго университета. Деньгами, собранными для этой цѣли, нужно укрѣпить студенческую молодежь, облегчить ея численный ростъ и научныя занятія. Остатки фонда и поступающія обратно ссуды и должны быть употреблены на самую основную нужду студенческой молодежи—на улучшеніе матеріальной обстановки ея жизни. Въ Галичинѣ мало заботились о студентахъ. Укоренился взглядъ, что юноша, получившій аттестатъ зрѣлости, сумѣетъ и сможетъ самъ пробиться, безъ посторонней помощи. Межъ тѣмъ борьба за существованіе, забота о кускѣ хлѣба во время университетскихъ занятій и экзаменовъ не разъ истощала послѣднія силы студентовъ, такъ что они вступали въ жизнь изнуренными инвалидами, жаждущими покоя и доходнаго мѣста, а не дѣятельности, не говоря уже о томъ, что поиски средствъ существованія отрывали молодежь отъ научныхъ занятій. Беззаботность, небрежность или бережливость общества въ этомъ дѣлѣ приносили тяжелый ущербъ ему самому: вмѣсто свѣжихъ, энергичныхъ дѣятелей—больныхъ, утомленныхъ, измученныхъ «недобитківъ» съ смутными остатками вытверженныхъ къ экзамену дисциплинъ въ головѣ вмѣсто научнаго образованія. Такъ было до сихъ поръ. Въ будущемъ положеніе дѣлъ представляется еще печальнѣе, если не позаботиться о немъ заблаговременно. Въ послѣдніе годы, благодаря стараніямъ провинціальныхъ дѣятелей, въ гимназіи двинулись значительныя массы крестьянскихъ и мѣщанскихъ сыновей. Черезъ нѣсколько лѣтъ выйдутъ первые, очень численные выпуски изъ новыхъ украинскихъ гимназій. Что будетъ дѣлать бѣдная студенческая молодежь во Львовѣ, когда число ея увеличится въ полтора, въ два раза, если и теперь такъ трудно найти заработокъ, который бы оставлялъ возможность научной работы?

Остатки «академічнаго» фонду наилучше употребить на устраненіе этого вопіющаго зла, необходимо немедленно приступить къ постройкѣ «Академічнаго дому» во Львовѣ. Съ восемнадцатью тысячами корочъ, оставшихся въ рукахъ комитета (17806 кор. наличными и

500 к. ссуды народному комитету) можно начать постройку. Къ нимъ будутъ прибавляться возвращенныя сецессіонистами ссуды; за 5 лѣтъ такихъ возвратовъ поступитъ тысячъ на 30. Не будетъ недостатка, конечно, и въ новыхъ пожертвованіяхъ на это въ высшей степени симпатичное и важное дѣло, когда оно войдетъ въ жизнь. Наконецъ, очень большихъ фондовъ оно и не требуетъ для начала.—Проф. Грушевскій предлагаетъ и нѣкоторыя детальныя соображенія по принципиальному вопросу о постройкѣ «Академичного дому». Нуженъ особый комитетъ, составленный наполовину изъ представителей отъ товариществъ студенческой молодежи, и наполовину изъ делегатовъ отъ болѣе близкихъ къ этому дѣлу «українсько-руських» обществъ (каковы Наукове Товариство імени Шѣвченка, Просвѣта, тов Педагогічне). Этотъ комитетъ долженъ приступить къ основанію академичного дома, а потомъ занять относительно него положеніе надзирающаго совѣта.—Землю для постройки дома долженъ бы дать магистратъ гор. Львова. Если же онъ, ослѣпленный шовинизмомъ, откажетъ, можно купить подходящее мѣсто въ какой-нибудь болѣе отдаленной части Львова, но въ близкомъ сосѣдствѣ съ университетомъ. Лучше построить новый домъ, по специальному плану, чѣмъ нанимать какое-нибудь давнее, мало пригодное зданіе.—За 60 тыс. кор. можно построить двухэтажное зданіе, правда, безъ большихъ прихотей, но солидное, специально приспособленное, гдѣ бы могли имѣть помѣщеніе 80 студентовъ. На первый разъ достаточно этого числа; съ дальнѣйшимъ ростомъ средствъ и усиленіемъ общественнаго интереса къ академичному дому можно будетъ основать другой и третій такой домъ.—Организація академическаго дома должна быть основана на принципѣ: *все какъ можно дешевле, ничего даромъ*. На *minimum* своего содержанія студентъ долженъ заработать, долженъ оплатить его сейчасъ, или—въ крайности—позже. *Minimum* долженъ быть очень невеликъ. Помѣщеніе (квартированіе въ комнатѣ, предназначенной для 4-хъ студентовъ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ) обойдется не дороже 7 кор. въ мѣсяць, *столъ* -- не дороже 15 кор. Жизнь, конечно, не роскошная; но здѣсь рѣчь идетъ о недостаточныхъ, которыхъ желательно охранить отъ голода и чрезмѣрной нужды.

Кромѣ матеріальной выгоды, получалась бы и нравственная польза. Общая жизнь въ Академичномъ домѣ способствовала бы солидарности, отучала бы отъ хожденія по ресторанамъ и кофейнямъ; (правда, львовскую молодежь и теперь нельзя сильно упрекать въ

этомъ); мѣсто послѣднихъ заняли бы студенческая столовая и читальня. Уменьшилось бы отсутствіе изъ города, сидѣнье по селамъ, и поднялся бы уровень научной работы.

Что касается содержанія Академ. дома, то хозяева его—изъ той же студенческой молодежи—будутъ знать матеріальныя и всѣ другія обстоятельства своихъ квартирантовъ-товарищей и охранять фонды отъ злоупотребленій. Каждый долженъ оплачивать свое содержаніе. Лишь въ исключительномъ случаѣ,—когда студентъ дѣйствительно не можетъ заработать и не имѣетъ откуда заплатить, ему кредитуютъ и записываютъ въ его счетъ. Этотъ счетъ, долженъ быть выплаченъ въ самомъ скоромъ времени; только преждевременная смерть, увѣчые или политическія преслѣдованія могутъ освободить отъ него. Извѣстно изъ горькаго опыта, что по окончаніи университета, добившись приличнаго содержанія, люди не выплачиваютъ своихъ студенческихъ долговъ, но это уже дѣло общественнаго контроля, общественной совѣсти. Студенческое общество, обнаружившее въ послѣднее время такую удивительную способность къ организаціи, можетъ привить своимъ членамъ добросовѣстное и честное отношеніе къ академичному фонду, къ этому «грошу бѣдныхъ».

Наконецъ, окажутъ поддержку и отдѣльные благотворители, и бывшіе воспитанники «Академичного Дому» и жертволюбивое украинское общество, — нужно только не оттягивать дѣла, а сразу поставить его на ноги, хоть и въ очень скромныхъ размѣрахъ для начала.— Двадцать тысячъ коронъ фонда—это самое благоприятное для начала условіе; стоитъ упустить его, и оно не скоро повторится. Имѣя 20 т. въ рукахъ, и обезпечивъ себѣ въ украинскихъ финансовыхъ учрежденіяхъ столько же ссуды, можно немедленно приступать къ постройкѣ, и черезъ годъ праздновать открытіе «Академичного Дому». Съ нимъ прибавилась бы новая твердыня народной силы, соціального и культурнаго прогресса. Таковъ былъ проектъ и призывъ проф. Грушевскаго.

Дальнѣйшая судьба остатковъ «Академичного фонда» сложилась слѣдующ. образомъ. Такъ назыв. «Львівська громада» рѣшила употребить эти остатки на нужды студенческой молодежи и для распоряженія ими учредить особое товарищество. Проектъ устава такого Товарищества былъ предложенъ представителямъ львовскихъ Обществъ. Молодежь запротестовала противъ этого рѣшенія и проекта, (обиженная главн. образомъ тѣмъ, что проектъ почти исключалъ еѣ изъ пред-

полагаемаго товарищества), постановила даже извѣстнаго рода бойкотъ противъ субсидій проектированнаго товарищества изъ суммъ академичнаго фонда. Послѣ этого «Львівська Громада» постановила—передать рѣшеніе вопроса объ академ. фондѣ собранію національно-демократической партіи. Въ декабрѣ состоялось собраніе представителей этой партіи—такъ назыв. «Народний з'їзд»; на немъ окончательно постановлено употребить «академічний фондъ» на пособія стачечникамъ и лишь остатки—на нужды самой молодежи.

Что же сталося съ проектомъ «Академічнаго Дома»? Комитетъ академ. фонда сдѣлалъ противъ него нѣкоторыя возраженія и высказался за раздачу стипендій, какъ за лучшую форму употребленія фондовъ. Въ проектѣ устава Общества «Академічна Поміч», предложенномъ тѣмъ же комитетомъ, между разными формами помощи молодежи основаніе Академічнаго Дома было поставлено въ концѣ съ примѣткой—«коли буде можна»; въ такой комбинаці проектъ терялъ всякое реальное значеніе. Студенческая молодежь, рѣшивъ передать остатки фонда стачечникамъ, также не дала ближайшей оцѣнки плану «Академічнаго Дома».

Общество украинское межъ тѣмъ оцѣнило проектъ и стало выражать ему свое сочувствіе: изъ Львова и изъ провинціи шли заявленія, что постройка Академічнаго Дома—очень важное и необходимое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ дѣло. Украинцы изъ Россіи также изъявляли желаніе жертвовать извѣстныя суммы на Акад. домъ, выговаривая, конечно, право пользоваться такимъ домомъ студентамъ изъ російской Украины.

Съ другой стороны, нужда въ академичномъ домѣ среди студенческой молодежи сдѣлалась еще болѣе неотложной. Число студентовъ на свѣтскихъ факультетахъ, вынужденныхъ добывать себѣ средства на прожитіе, возросло. Тѣмъ временемъ обостреніе національной борьбы стало отражаться на заработкахъ: при поискахъ уроковъ у студента спрашиваютъ, какой онъ національности, и узнавши, что онъ русинъ, отсылаютъ ни съ чѣмъ. Такой же успѣхъ имѣютъ и поиски другихъ заработковъ. Фонды «запомоги академічної громади» исчерпались въ часы сецессіи. Когда студенческимъ крейцерамъ, привезеннымъ съ каникулъ или сбереженнымъ тяжкимъ трудомъ въ гимназіи, приходитъ конецъ,—начинается голодовка—«обѣдаютъ черезъ день или два, ужинаютъ еще рѣже». Въ такой нуждѣ молодежь те-

рять здоровье, энергию и часто всякія идеальныя стремленія на вѣки.

Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ проф. Грушевскій снова выступилъ съ своимъ проектомъ въ замѣткѣ «В справѣ Академічнаго Дому» (Літерат.-Наук. Вістник, XII). Теперь онъ отстаиваетъ свой проектъ уже независимо отъ судьбы академичнаго фонда, употребленнаго на другую цѣль. Профессоръ обращается къ украинскому обществу съ призывомъ. Людей, сердцу которыхъ близко стоить жизненное и необходимое дѣло, какъ академичный домъ, и которые могутъ оказать ему извѣстную матеріальную помощь, М. С. Грушевскій приглашаетъ заявлять о своемъ намѣреніи пожертвовать на академичный домъ извѣстную сумму—въ печати или другимъ способомъ.—Свое отношеніе къ изложенному проекту мы уже высказали въ I-ой кн. за 1903 («Къ положенію дѣла въ Галиціи», стр. 118).

Народная организація въ Галичинѣ. Въ виду новыхъ требованій жизни послѣдній народный з'їзд постановилъ—провести общенародную организацію всѣхъ русинскихъ силъ на всѣхъ поприщахъ общественной жизни во всемъ краѣ. Эта организація русиновъ должна охватить не только политическую (какъ было доселѣ), но и просвѣтельную дѣятельность народа.

Обязанность провести такую коренную реорганизацію возложена на народный Комитет.

Нынѣшняя народная организація имѣетъ слѣдующій видъ:

1) Всѣ сторонники народнаго дома объединяются въ одну національно-демократическую партію.

2) Основами народной организаціи служатъ: а) краевое политическое общество «Народна Рада» во Львовѣ, б) сѣзды и комитеты партіи, в) повитовые организаторы и организаторы помощники.

3) «Народна Рада» во Львовѣ проводитъ въ жизнь народную организацію, обсуждаетъ на общихъ собраніяхъ и собраніяхъ членовъ народныя дѣла и является представительницей народной партіи тамъ, гдѣ нужно представительство общества, опирающагося на статуы.

4) «Народный з'їзд» является верховной рѣшающей властью, рѣшеніямъ которой всѣ члены партіи обязаны подчиняться. Исполнительную власть имѣетъ «Народный Комитет».

5) Въ «Народному з'їзди» участвуютъ: а) всѣ члены «народного комитета»; б) всѣ организаторы и ихъ помощники; в) выбранные на «повітових з'їздахъ» «повітові делегати» (не больше 10-ти изъ 1-го повіта).

6) «Народный Комитетъ» — двоякій: «тїснійший» і «ширший». Въ составъ «тїснійшого» Комитета входятъ: а) голова «Народної Ради», какъ предсѣдатель; б) 6 членовъ «Народної ради»; 6 членовъ выбранные въ него «народним з'їздомъ». — Въ составъ «Ширшого» входятъ: а) весь Комитетъ тїснійший; б) сеймовые и парламентные послы партіи; в) редакторы органовъ партіи; г) болѣе выдающіеся и дѣятельные члены, выбранные въ него «Народним з'їздомъ».

7) Въ каждомъ политическомъ повіті организація проводится на «повітових з'їздахъ».

8) Въ каждый повіт назначается одинъ организаторъ, ему даются помощники, по 1-му на каждый „судовий повіт“. Каждый организаторъ или его помощникъ обязанъ провести въ отдѣльныхъ громадахъ своего повіта „громадські збори“, на которыхъ должно выбрать „мужів довір'я“ для проведенія организація въ громадахъ. „Мужі довір'я“ вмѣстѣ съ повітовыми организаторами и ихъ помощниками составляютъ „Повітовий з'їзд партіи“. „Мужі довір'я“ ведутъ всѣ народныя дѣла въ громадахъ и подчиняются повітовому организатору.

9) Организаторовъ и ихъ помощниковъ выбираютъ „Повітові з'їзди“ (для каждого повіта отдѣльно) и утверждаетъ тїснійший народн. Комитетъ.

10) „Народный з'їзд“ созывается minimum 1 разъ въ годъ Народным Комитетомъ. — Также и „повітові з'їзди“ созываются minimum 1 разъ въ годъ организаторами для выбора делегатовъ на „Народн. з'їзд“.

11) Постановленія Народн. з'їзду обязательны для Народн. Комитета; постановленія ширшого Комитета обязательны для тїснійшого.

12) Ширший Народный Комитетъ является Краевымъ избирательнымъ комитетомъ для проведенія выборовъ въ сеймъ и парламентъ во всей Галичинѣ.

Голосъ русскаго о галицкихъ дѣлахъ. Въ 102 № «С.-Петербургск. Вѣдомостей» корреспондентъ изъ Вѣны пишетъ о галицкихъ дѣлахъ слѣдующее. Къ серьезнымъ вопросамъ, которые, будучи разъ

затронуты, не сходятъ больше съ очереди, принадлежить также вопросъ о полной политической независимости Галиціи.

Польскіе вожди знаютъ, что съ того момента, какъ Галиція получить самостоятельность, она займетъ въ имперіи второе и даже третьестепенное мѣсто. Они знаютъ также, что Галиція въ экономическомъ отношеніи представляетъ пассивную страну и что, лишь будучи недѣлимой частью большого государства, она кое-какъ сводить концы съ концами... Слѣдуетъ считаться и съ тѣмъ, что русины требуютъ раздѣленія Галиціи на двѣ области: западную, до Пшемышля—польскую и русинскую—на востокъ отъ этого города съ особымъ русинскимъ сеймомъ, русинскимъ училищнымъ совѣтомъ и пр. Несомнѣнно, что пока національныя и политическія требованія русиновъ не будутъ удовлетворены, до тѣхъ поръ поляки не могутъ выставлять требованій относительно Галиціи, такъ какъ поляки не могутъ говорить отъ имени всего ея населенія. Въ этомъ году при уборкѣ хлѣба стачка русинскихъ сельскихъ рабочихъ грозитъ принять грандіозные размѣры. Польскіе помѣщики очень обезпокоены: они выписываютъ рабочихъ изъ Славоніи и опасаются, чтобы между ними и русинами не произошли серьезныя столкновенія. Нѣкоторые помѣщики дредпочитають поэтому продать теперь же все свое имущество, чѣмъ пережить лѣтомъ тревожные дни. Польскіе вожди могутъ, конечно, предотвратить это опасное столкновеніе посредствомъ исполненія наиважнѣйшихъ требованій русиновъ,—тѣмъ болѣе, что имъ лучше чѣмъ кому-либо извѣстно, что русины до тѣхъ поръ не успокоятся, пока имъ не будутъ даны конституціонныя права, пока они не будутъ имѣть въ галицкомъ сеймѣ и въ парламентѣ депутатовъ соответственно своей численности. Это требованіе желательно исполнить, и конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше, потому что иначе ожесточеніе народныхъ массъ и расовая ненависть съ обѣихъ сторонъ можетъ принять уродливыя формы.

Русины—о назначеніи новаго намѣстника Галиціи. Назначеніе новаго намѣстника Галиціи должно состояться въ іюнѣ. Русинскій клубъ принялъ резолюцію, которая всѣ упоминавшіяся до настоящаго времени кандидатуры на постъ намѣстника признаетъ совершенно неподходящими и требуетъ назначенія на эту должность или эрцгерцога, или генерала съ гражданскимъ помощникомъ. Въ край-

немъ случаетъ, намѣстникомъ могъ бы стать гр. Станиславъ Бадени, назначеніе котораго, по сравненію съ другими кандидатами, представлялось бы «наименѣ провокаціоннымъ». («Волинь», № 91).

Польская газета о русинскомъ университетѣ. «Dziennik Polski» обмолвился слѣдующимъ знаменательнымъ замѣчаніемъ. Самый многочисленный элементъ въ населеніи Буковины—русины (42 проц.). Если вспомнить, что къ Буковинѣ прилегаютъ русинскіе уѣзды Галиціи, то слѣдуетъ признать, что въ Черновцахъ долженъ быть учрежденъ «русинскій» университетъ. Русины должны требовать преобразованія черновицкаго университета,—въ русинскій университетъ». («С.-Петербургск. Вѣдом.», 102).

Дѣятельность русинскихъ пословъ въ вѣнскомъ парламентѣ. Для характеристики угнетеній, какія терпятъ русины, со стороны поляковъ, весьма поучительны итоги дѣятельности русинскихъ пословъ за два послѣдніе періода парламентскихъ засѣданій—отъ 16/x по 13/xп 1902 г. (22 засѣд.) и отъ 15/1 по 3/iv (21 засѣд.).—Работа въ полномъ собраніи палаты, за исключеніемъ работы въ комиссіяхъ складывается изъ 1) произнесенія рѣчей, 2) изъ «ставленія внесенъ», 3) изъ внесенія интерпелляцій. Рѣчей за указанное время русинскіе послы сказали 11 большихъ и 4 меньшихъ; «внесенъ» поставили 7; интерпелляцій внесли 73.

Отчетъ показываетъ, что русинскіе послы стараются добросовѣстно исполнять свою миссію. Если успѣхъ ихъ дѣятельности незначителенъ, въ этомъ не ихъ вина. Малый успѣхъ объясняется бездѣятельностью или противодѣйствіемъ оппозиціи тѣхъ пословъ, которые были выбраны помимо воли народа, «административнымъ порядкомъ» и зависимы въ своемъ парламентскомъ поведеніи отъ администраціи, ихъ избравшей. («Діло», 83).

Къ гоненіямъ на русинскій языкъ въ Галичинѣ. «Діло» пишетъ слѣдующее о порядкахъ, господствующихъ въ львовскомъ университетѣ: «когда послѣ окончанія соцессіи наша (русинская) молодежь возвратилась въ львовскій университетъ, университетскія власти, боясь новыхъ вспышекъ, сдѣлали въ началѣ осенняго семестра нѣко-

торыя отступленія отъ своей «польской системы», допустили, напри- мѣръ, для студентовъ русиновъ «рутенскіе кодексы». Теперь, къ началу лѣтняго семестра, начинается старая исторія: всѣ бумаги, пода- ваемыя студентами на русинскомъ языкѣ, возвращаются имъ обратно, а въ бумагахъ, написанныхъ на двухъ языкахъ, русинскій текстъ пере- черкивается».

Вотъ еще оч. характерный фактъ пренебреженія къ русинскому языку. 20-го явн. священникъ м-ка Копичинець о. Струминскій получилъ отъ гусятинскаго староства повѣстку—явиться туда, напи- санную на польскомъ языкѣ. О. Струминскій отослалъ повѣстку об- ратно, выразивъ желаніе, чтобы ему, какъ русину и русскому священ- нику, повѣстка была изготовлена по-русински. 18-го февр. была при- слана вторичная повѣстка опять по-польски, и снова возвращена съ тѣмъ же пожеланіемъ. 16-го апр.—въ страстной четвергъ—прибыли жандармы, чтобы представить о. Стр—ого въ Гусятинъ; по обязанно- стямъ службы о. Стр—ій не могъ поѣхать. 19-го цѣлый день жандармы поджидали о. Стр—ого, но онъ цѣлый день былъ занятъ по приходу. 22-го послѣдовалъ третій визитъ жандармовъ; на этотъ разъ они не забрали священника только потому, что онъ былъ тяжело боленъ. 23-го о. Стр—ій послалъ телеграмму—жалобу президенту министровъ д-ру Керберу. 28-го пос. Романчукъ съ товарищами внесли въ интерпелля- цію по дѣлу о самоволіи повитоваго комиссара Ягосинскаго изъ Гуса- тина. Констатировавъ, что поведеніе комиссара рѣзко противорѣчитьъ министерскимъ распоряженіямъ, послы дѣлають запросъ: захотите ли, Ваше Прев-о, привлечь ком. Ягосинскаго къ строгой отвѣтственности и показать разъ навсегда примѣръ, чтобы и другіе галицкіе административные чиновники обуздали свое самоволіе и противузаконное поведе- ніе? 2. Захотите ли, В. Прев-о, припомнить галицкимъ властямъ рас- поряженія и предписанія, обезпечивающія русинамъ ихъ языковыя права и предписать точное ихъ исполненіе подъ угрозой наказанія? 3. Готовы ли, В. Прев-о, издать строгій приказъ галицкимъ властямъ и правительственнымъ органамъ, чтобы разъ навсегда перестали угне- тать русинское населеніе самоволіемъ и преслѣдованьями?

Вотъ еще болѣе крупное своеволіе польскихъ властей. Ц. к. староство въ Старимъ Самбори своимъ распоряженіемъ отъ 17/хІ 1902 г. возвратило русинскимъ приходскимъ управленіямъ списки рекрутовъ, сдѣланные на русинскомъ языкѣ, и потребовало, подъ угрозой строгой отвѣтствен- ности новыхъ списковъ на языкѣ... латинскомъ. Многіе священники,

страха ради, послали латинскіе списки. Священники же, вторично отославшіе русинскіе списки, получили предписаніе староства отъ 27/ш представить свидѣтельства о рожденіи и крещеніи для каждаго ре-крута въ отдѣльности—въ видѣ дословной метрической выписи. Оба эти распоряженія являются грубымъ нарушеніемъ правъ русинскаго языка. Статья XIX основн. законовъ опредѣленно говоритъ: «Госу-дарство признаетъ равноправность всѣхъ краевыхъ языковъ въ школахъ, администраціи и публичной жизни». Постановленіе цес. Франца Іосифа отъ 10/ІV 1861 ясно приказываетъ: «ц. к. власти и управленія обя-заны принимать «рускіе письма» и исполнять по нимъ такъ, какъ за-конъ велитъ». Распоряженіе министерства отъ 20/ЖІ 1869 г., ч. 12.466 гласитъ: «автономнымъ управленіямъ предоставляется выборъ языка, какой слѣдуетъ употреблять въ ихъ перепискѣ».

Приходскія управленія—автономны, слѣдовательно, имъ предо-ставлена свобода употреблять русинскій языкъ. Распоряженіе мин-ства внутр. дѣлъ отъ 5/VI 1869 г., ч. 2.354 - § 5 опредѣленно говоритъ: «всѣ существующія предписанія относительно корреспонденціи властей, управленій и судовъ съ сторонами, съ властями негосударственными, съ корпораціями и громадами—обязательны и на далѣе и настоящимъ распоряженіемъ не нарушаются».—Полит. Товариство Народна Рада въ Старім Самборі обратилось съ просьбой къ посламъ, чтобы они побудили центральное правительство разслѣдовать дѣло и привлечь староство къ отвѣтственности («Діло», №№ 82 и 90).

О новомъ зданіи для львовскаго университета. Сенатъ львовскаго университета рѣшилъ ходатайствовать у министерства на-родн. просвѣщенія о постройкѣ новаго зданія университета, вмѣсто перестройки стараго. Къ прошенію приложены планъ и смѣта къ по-стройкѣ новаго зданія. («Кіевс. Газ.», № 117).

Эмиграція на заработки изъ Западной Галиціи. Выѣзжать на заработки въ Пруссію, Данію, Сѣв.-Америк. Соединенные Штаты является въ Западной Галиціи—въ коренной Мазурчинѣ—дѣломъ столь же обыкновеннымъ, какъ у насъ—выѣзжать на торгъ или яр-марокъ. Нѣтъ ни одного села, откуда бы не выходили люди за гра-ницу—группами или въ одиночку. Въ эмиграціонномъ дѣлѣ посредни-ками служатъ частныя бюро посредничества труда, или крестьяне

уговариваются непосредственно. Такое бюро въ Зап. Галичинѣ легко устроить, только въ Восточной—концессіи даются съ большими затрудненіями. Эмиграція на заработки самымъ своимъ появленіемъ подняла высоту заработной платы во всей Зап. Галичѣ. Безъ страйковъ, безъ штыковъ, безъ интерпелляцій и предложеній въ парламентѣ, безъ арестовъ и процессовъ страйковыхъ произошло почти незамѣтно повышение платы. Мѣстный работникъ отъ этого вдвойнѣ выигрываетъ: съ одной стороны, онъ имѣетъ недурной заработокъ у себя дома, съ другой стороны, еще больше денегъ привозитъ изъ-за границы. Выкупъ задолженныхъ земель, парцелляція на заработанные деньги у зап. галицкихъ крестьянъ естественное, обычное явленіе. Въ Восточной Галиціи почти не бываетъ случая, чтобы крестьяне отдавали свои сбереженные капиталы въ банки или вкладывали въ какой-ниб. промыслъ. На Мазурщинѣ—много такихъ кассъ, въ которыхъ большую половину членовъ составляютъ крестьяне, и они не одолжаютъ, какъ на Востокѣ, а вкладываютъ въ кассы деньги. Справедливо говорятъ здѣсь въ Галиціи, что гаката больше боится заработной эмиграціи, чѣмъ страйковъ. Нужно только хорошо сьорганизовать эту эмиграцію и крестьяне-русины выиграютъ половину битвы съ поляками эксплуататорами. Кромѣ отсутствія работы или низкой платы на мѣстѣ и спроса на рабочихъ за границей, третьимъ условіемъ эмиграціи—является способность къ конкуренціи у ищущаго работы. И этой способностью зап. галицкій крестьянинъ владѣетъ вполнѣ. Прирейнскіе рабочіе вытѣсняють американскихъ, познанскіе—прирейнскіе, западно-галицкіе—познанскихъ; все это потому, что рабочій съ меньшими требованіями безусловно вытѣсняетъ того, кто привыкъ къ лучшей жизни. А восточно-галицкій рабочій питается несравненно хуже, чѣмъ западный; слѣдовательно, русины имѣють всѣ данныя, чтобы выдержать конкуренцію чужихъ рабочихъ. Нужно только восточнымъ галичанамъ завести бюро посредничества труда, и они вытѣснятъ мазурскихъ рабочихъ изъ всей Германіи. («Діло», 83).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Иванъ Тобилевичъ (Карпенко-Барый). Драммы и комедіи. Томъ III. Змість: 1) По-надъ Дніпромъ.—2) Хазяинь.—3) Лыха искра поле спалыть и сама счезне. Одесса, 1903, стр. 434, цина 1 р 25 к.

Ив. Тобилевичъ безспорно занимаетъ первое мѣсто среди нашихъ драматическихъ писателей; онъ, по выраженію Ів. Франка, «першій, нині майстер на полі української драматичної літератури». (См. «Русько-українська література», Чернівці, 1899).

Главная заслуга нашего талантливаго драматурга состоитъ въ томъ, что онъ въ своихъ произведеніяхъ далъ галерею артистически исполненныхъ образовъ, яркихъ, законченныхъ типовъ. Въ своей замѣткѣ мы и остановимся преимущественно на характеристикѣ центральныхъ фигуръ, главныхъ дѣйствующихъ лицъ каждой пьесы.

«По-надъ Дніпромъ». Драматични картыны. — Главное дѣйствующее лицо этой пьесы—сынъ крестьянина Мыронъ Серпокрыль. Благодаря земству, онъ получилъ высшее агрономическое образованіе. Полный пѣзін земледѣльческій трудъ, свободное, независимое положеніе крестьянина—были наиболѣе сродни здоровой, цѣльной, крестьянской натурѣ Мырона. «Кращого жыття, якъ жыття хлибороба, немає въ свити» (31)—вотъ его убѣжденіе. Понятно, что для Мырона—при его органической, непосредственной любви къ крестьянскому труду—чиновничья карьера, панская жизнь—оказалась бы несносной, скучной, узкой, давила бы его духъ, жаждавшій простора въ дѣятельности. Чиновничество не имѣетъ своей «громады», каждый живетъ въ одиночку, самъ по себѣ. Но Мыронъ по своимъ симпатіямъ и воспи-

танію—всецѣло общественный человѣкъ. И общественныя стремленія влекутъ его къ крестьянской громадѣ. Онъ глубоко убѣжденъ въ мощи коопераціи, непоколебимо вѣрить, что «спилка»—(артель)—самое надежное средство спасенія для бѣднаго, экономически-разореннаго крестьянства. «Громада—великій чоловікъ; спильна думка, спильни интересы багатѣхъ—поменьшать миждь людьмы биднисть, хворобы, нудьгу, тьму—дадутъ бильше задовольненія и счастья людьямъ на земли» (26)—такъ думаетъ Мыронъ. Но главная движущая сила, заставившая Мырона жить въ селѣ, сдѣлаться организаторомъ земледѣльческихъ «спилокъ»—это его *любовь* къ родному, темному, безпомощному крестьянину. Совѣсть не позволяетъ ему быть паномъ. Всѣмъ существомъ, дѣятельно, самоотверженно любя меньшаго брата, Мыронъ не можетъ жить иначе, какъ вмѣстѣ съ нимъ, одной общей съ нимъ жизнью. Съорганизовавъ спилку, Мыронъ работаетъ наравнѣ со всѣми артельщиками. Какъ интеллигентъ, онъ свѣтомъ, добытымъ на общественныя средства, просвѣщаетъ своихъ братьевъ: учить ихъ грамотѣ, заботится о нравственномъ подъемѣ ихъ; къ больнымъ приглашаетъ товарища—доктора. Вѣра Мырона въ свою идею, въ свое дѣло и организаторскій талантъ помогаютъ ему успѣшно выполнить свою жизненную задачу. Онъ завоевываетъ сочувствіе и довѣріе болѣе воспримчивыхъ къ новому дѣлу односельчанъ. Столкновения съ сельскими кулаками и враждебныя насмѣшки скептиковъ не ослабляютъ его энергіи. Онъ добивается того, что крестьяне сознають пользу и спасительность «спилки». Въ личной жизни Мыронъ—вовсе не аскетъ. Онъ женится на крестьянкѣ Маріи. И женитьба не мѣшаетъ его дѣлу, не отрываетъ его отъ труда для ближнихъ; напротивъ, личное счастье только усугубляетъ его силы. Самоотверженно работая руками и умомъ, работая безъ усталы, ночью и днемъ, Мыронъ надрываетъ свои силы. Ранняя смерть уноситъ отца и душу артели.

Идеалистъ Мыронъ изображенъ нашимъ драматургомъ ярко, правдиво, реально. Образованный, развитой интеллигентъ, работающій въ селѣ надъ воплощеніемъ своего идеала въ жизни, надъ осуществленіемъ его въ конкретной дѣйствительности; богато одаренная личность, ограничившаяся скромнымъ трудомъ въ будничной обстановкѣ, скромной задачей дѣлать, что можно, что позволяютъ обстоятельства—въ такомъ типѣ все естественно, нѣтъ ни зерна фальши. Мыронъ въ крестьянской одеждѣ, за черной мужицкой работой—живая личность,

не схема, не формула литературная, начерченная для обозначенія известной идеи.

Оч. жизненны, типичны и другія лица пьесы: Павло Серпокрыль, отецъ Мырона, глытай—дидь Мыкола, Куперьнянь—«Цехмейстеръ надъ соломою», писарь. Особенно хороша Марія, привлекательная своей простотой, наивностью и добротой. Изъ отдѣльныхъ сценъ наиболѣе художественны: картина въ Оренбургской степи, объясненіе Мырона съ Маріей и вся заключительная сцена смерти Мырона. Во второмъ вариантѣ 5-го дѣйствія авторъ, къ сожалѣнію, увлекся проповѣдью, публицистикой въ ущербъ художественности. Но вообще нужно признать, что каждая картина драмы обработана въ совершенствѣ, и всѣ вмѣстѣ онѣ сливаются въ одно гармоническое, пластическое цѣлое. Мы не видимъ здѣсь никакого подтягиванья къ априорному тезису, не слышимъ провозглашенія доктринъ и теорій, нѣтъ, теоріи сами вытекають изъ поступковъ и дѣлъ героя.

Въ драмѣ вдумчиво, проникновенно, съ полной объективностью затронуты жгучіе общественные вопросы—объ артели, о переселеніи, круговой порука. Но не въ этихъ вопросахъ, а въ высоко-художественномъ типѣ Мырона,—въ этомъ образѣ дѣятельной любви къ ближнимъ—общественное значеніе пьесы.

Центральной фигурой комедіи «Хазяинъ» является богатый землевладѣлец Терентій Пузырь. Словомъ «хазяинъ» наиболѣе полно и мѣтко характеризуется этотъ типъ. Всѣ помыслы, вся энергія Пузыря поглощены хозяйствомъ, наживой. «Хазяйство, або смерть» (327) — вотъ его жизненный девизъ. «Земля, скоть, вивци, хлибъ, комерція, барыши,—отсе жыття! Для чого жъ и жыть, на свити, колы не мать сѣго ничего? Та краще гробакомъ нечувственнымъ родытсья, нижъ такою людыною, шо про хазяйство не дбае» (328). Дѣйствительно, любовь Пузыря къ хозяйству безгранична; она подкупаетъ своей беззавѣтностью. Предсмертный смотръ овецъ, трогательное обращеніе къ нимъ хозяина: «быри, мои, быри! У, вы слави быречкы мои!... Быри, бырюшечкы» (332)—способны, пожалуй, вызвать въ зрителѣ лучшія, нѣжныя чувства. Какъ видимъ, Пузырь—не сухая, не черствая, не безсердечная натура. И дочь свою онъ любитъ сильно, глубоко, но, конечно, по своему, по-хазяйски; желаетъ ей богатаго, а не близкаго сердцу жениха. Но этимъ и исчерпываются лучшія стороны въ личности хозяина. Людей вообще онъ не любитъ; бѣдныхъ—терпѣть не можетъ. «Якъ побачу старця, то здається, тикавъ бы видъ нѣго скільки

сылы»—признается Пузырь. И дѣйствительно, хозяйская бережливость, скупость, доходящая до скряжничества, несомнѣстимы съ дѣятельной любовью къ бѣднымъ. Неразлучная спутница скупости—жадность также властвуетъ надъ Пузыремъ. Имѣя земли больше, чѣмъ въ нѣмецкомъ княжествѣ или герцогствѣ, Пузырь всё ищетъ, гдѣ-бы еще прикупить ея, ему все мало, «все бракуе» земли. Поставивъ цѣлью жизни наживу, Пузырь никогда не знаетъ—«що можна, а чога не можна». «Абы барышъ, то все можна»—вотъ его нравственный кодексъ. Онъ съ легкимъ сердцемъ разоряетъ цѣлыя села, лишь бы имѣть дешеваго рабочаго; и этому рабочему не доплачиваетъ, кормить его такимъ хлѣбомъ, которымъ «можно зъ пушки-маркелы стрелять у неприятеля».—Хозяйство—та же война. Хозяйская отвага ни передъ чѣмъ не останавливается, лишь бы побольше сорвать. Никому нѣтъ пощады,—и горе побѣжденнымъ! Въ ожесточенной погонѣ за барышемъ, хозяинъ, какъ воинъ, рубить направо и налево, плюетъ на все, и знать не хочетъ «людського поговору». Къ общественнымъ дѣламъ онъ, конечно, вполне равнодушенъ, до земства ему нѣтъ дѣла, лучшихъ людей своего края онъ не цѣнитъ и знать не хочетъ. Безполезность, бесплодность такихъ людей для родного края и народа—прекрасно выражена въ словахъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ Золотницкого: «Ахъ ты несчастна, безводна хмара! И прожене тебе витерь надъ ридною землею и розвіе. не прольвишы и крапли цилющои воды на ридни нывы, де пры такихъ хазяинахъ засохне наука, поезія и благо народа»!!! (225).

Въ образѣ Пузыря драматургъ далъ вполне безупречно-художественный типъ. Предъ нами живое лицо съ своимъ добромъ и зломъ, съ своими достоинствами и пороками. Изъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ каждое имѣетъ свои характерныя черты, свою оригинальную фizioномію. Наиболѣе типичны—экономъ Лихтаренко, «права рука хазяина» Феногень, шафмейстеръ Куртцъ.

Пьеса производитъ оч. мрачное впечатлѣніе. Авторъ изображаетъ въ ней хозяйственную машину на полномъ ходу. Колеса капиталистическаго хозяйства выжимаютъ послѣдніе соки съ рабочихъ, иныхъ на смерть давятъ. Успѣхъ хозяйства основывается на неправдѣ, на эксплуатаціи. Между интересами капитала и труда, хазяина и рабочихъ непримиримая противоположность, непроходимая пропасть. И никакого исхода не видно. Просвѣтительная дѣятельность Калиновича, воспитывающаго въ гуманномъ духѣ молодое поколѣніе, имѣетъ слишкомъ ужъ отдаленную связь съ капиталистическою эксплуатаціей.

«Лыха искра поле спалыть и сама счезне», драматычна поэма. Въ этой пьесѣ изъ историческаго прошлаго наиболѣе рельефно, опредѣленно, ярко—обрисованъ главный герой—Юліанъ. Сильная натура Юліана была воспитана, выработана, закалена суровой школой жизни. Отець его—молдавскій господарь—былъ прогнанъ съ престола турецкими пашами и убитъ; сестра взята въ султанскій гаремъ; мать умерла отъ горя. Все имущество отца было заграблено турецкимъ дворомъ. Ободраннмъ, голоднымъ нищимъ Юліанъ пришелъ въ Царьградъ искать правды и защиты у султана. Онъ убѣдился, конечно, что здѣсь все продажно, что только съ помощью золота можетъ вернуть себѣ отцовскій престоль. Кровь и мозгъ Юліана горѣли жаждой мести. Познакомившись съ запорожцами, дѣлавшими набѣги на Туреччину, онъ присоединился къ нимъ, чтобы грозно мстить врагамъ. Какъ истый сичовыкъ, онъ бился съ турками, и запорожское товариство прославляло его молодецкую отвагу. Но одна козацкая слава не могла удовлетворить Юліана. «Родывся я на свить господаремъ и княземъ жыть повынен!» (386)—съ этимъ желаніемъ и надеждой не разстается онъ и на Запорожьи. Онъ мечтаетъ о славѣ и почетѣ, богатствѣ и роскоши княжеской. Мечтаетъ—собственной рукой править дорогимъ сердцу народомъ, отдать всѣ силы, всю жизнь на пользу родины, показать врагамъ доблесть своего народа. Жизнь безъ власти не имѣетъ для Юліана никакой цѣны. Онъ не остановится ни передъ какимъ преступленіемъ, онъ на все готовъ, только бы исполнить свою завѣтную мечту достигъ власти. Для трона «вартъ пролыты ричку крови» (388). На крови многихъ создается счастье единицъ—таково воспитанное жизнью убѣжденіе Юліана. И онъ, рискуя жизнью, совершаетъ рядъ убійствъ и грабежей. Наконецъ, онъ избираетъ своей жертвой богатаго полковника Платона, поселяется у него и увлекаетъ его сестру Ялыну. Созданная повелѣвать, властная натура Юліана покоряетъ, подчиняетъ своему вліянію окружающихъ. Онъ увлекаетъ всѣхъ трогательной теплотой и задушевностью въ отношеніяхъ, искренностью и откровенностью. Своимъ трагическимъ прошлымъ, доблестями веселаго, жизнерадостнаго запорожца, умомъ, краснорѣчіемъ, красотой, а главное—полной поэзіи, карающей, опьяняющей мощью и богатствомъ натуры Юліанъ покоряетъ сердце Ялыны. Нѣжныя чувства къ Ялынѣ не поколебали однако его рѣшенія—отравить Платона, чтобы овладѣть его богатствами. Планъ не удался. У Юліана, какъ истиннаго героя, нашлось мужество—откровенно признаться въ своемъ за-

мыслѣ и покончить съ собою.—Натура злая, безчеловѣчная, Юліанъ однако привлекаетъ къ себѣ симпатіи читателя и зрителя своей демонической силой, своей волей титана.—Очень симпатичны и правдивы образы Платона, Ялыны и Марты. Жизненными, типичными чертами изображены и эпизодическія лица пьесы: Кузьма «прыбичыкъ» Юліана, запорожець Максимъ.

Въ пьесѣ много красивыхъ образныхъ выраженій, мѣткихъ оригинальныхъ сравненій и эпитетовъ. Двѣ первыя пьесы, помѣщенные въ настоящемъ томѣ, уже были изданы отдѣльно, при чемъ «По-надъ Днипромъ» первоначально напечатано было въ нашемъ журналѣ, и получили широкое распространеніе даже среди простого народа. Впервые появляется теперь въ печати только третья пьеса—«Лыха искра».

Напечатанъ 3-й томъ «Драмъ и комедій» по такому же типу, какъ и два предыдущіе, на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ; къ сожалѣнію, корректура довольно небрежна. При значительномъ объемѣ книги—434 страницы цѣна ей назначена оч. недорогая—1 р. 25 к.

О 4-мъ томѣ, вышедшемъ одновременно съ третьимъ, мы скажемъ въ слѣдующей книгѣ.

И. Г.

Панасъ Мырный. Книжка перша творивъ. Оповідання, приповісти та инша дрибныця. У Києви, 1903.

Читающая украинская публика давно съ нетерпѣніемъ ожидала изданія полного собранія сочиненій П. Мырного. Наконецъ, первый томъ такого изданія появился. П. Мырный, по своему литературному дарованію, по литературному направленію и по особенностямъ своего творчества, одна изъ крупныхъ величинъ въ украинской литературѣ. Начавши писать съ 1872 года, онъ обогатилъ украинскую литературу цѣлымъ рядомъ цѣльныхъ и значительныхъ художественныхъ произведеній, отличающихся глубиною содержанія, красотой формы, силой и пластичностію образовъ.

Направленіе своей литературной дѣятельности самъ авторъ ясно опредѣляетъ въ предисловіи («Въ дорогу!») къ первому тому своихъ произведеній. Онъ намѣренъ рассказывать людямъ «просто и правдиво про буденне жыття» родного «краю». Въ этомъ «безталанномъ» краѣ авторъ видитъ «заздрість нелюдську людей, хыжистъ та мукы

голодного брата, беспомощни слёзы вдовы, плачь малых диточокъ, зраду свойхъ и чужыхъ, муку пропащихъ надій, лыхой доли замиры».

Освѣщенію этихъ именно явленій неприглядной стороны жизни авторъ и посвящаетъ свои литературныя силы. Въ разсказѣ «Лыхый попутавъ» онъ изображаетъ горькую судьбу крестьянки-наймычки, которой тяжело живется и въ домѣ родственниковъ, гдѣ она безкорыстно трудится, получая за это лишь упреки въ лѣни и дармоѣдствѣ, и въ городѣ, гдѣ ея довѣремъ злоупотребляетъ красавецъ-мастеровой Василь, обезславившій ее и выманувшій у нея заработанныя ею деньги. Въ разсказѣ «Морозенко» авторъ рисуетъ образъ покрытки Катри, которая изъ панскихъ горницъ попала въ городъ въ наймычки и возвратилась оттуда съ сыномъ Пымыкомъ. Она жвеить въ крайней бѣдности и только ея сынъ служить ей утѣшеніемъ. Но вскорѣ она лишается и сына, который замерзъ въ лѣсу, отправившись въ сильный морозъ наканунѣ Новаго года къ крестному отцу «посыпать».

Въ разсказѣ „Лыхо давне й сѣгочасне“ авторъ описываетъ жизнь цѣлаго украинскаго села Одрады, страдающаго подъ гнетомъ экономической нужды. Освободившись отъ давняго «Лыха»—крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, «одрадяне», вслѣдствіе малоземелья очутились въ полной экономической зависимости отъ тѣхъ-же помѣщиковъ и ихъ управляющихъ, которые, по своему усмотрѣнію, понижаютъ плату „одрадянамъ“ и могутъ совѣмъ лишить ихъ заработковъ. Въ этомъ «сѣгочасне лыхо“ одрадянь, и не только одрадянь, а каждого украинскаго села, гдѣ предложеніе всегда превышаетъ спросъ на рабочія руки, а новый способъ обработки земли при помощи новѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ орудій въ помѣщичьихъ экономіяхъ еще болѣе понижаетъ спросъ на эти руки. И вотъ получается то грустное явленіе, что крестьяне, не будучи въ состояніи прокормиться съ своихъ уже дѣленныхъ и передѣленныхъ земельныхъ надѣловъ, не имѣя заработковъ на родинѣ, покидаютъ родную Украину и изъ этой, повидимому, богатой страны, гдѣ все такъ поражаетъ наблюдателя своей красотой и своимъ кажущимся довольствомъ («Середь степивъ»), массами переселяются на далекій Амуръ. Помимо экономического гнета панскіе «дворы» съ ихъ особымъ укладомъ жизни и съ особымъ кодексомъ нравственности, оказываютъ деморализующее вліяніе на крестьянское населеніе. Жертвы такого вліянія изображены П. Мырнымъ въ лицѣ Хведора и Марыны Проценковъ, «стрічнихъ кумивъ» пана Башкыря («Лыхо») и «ключницы—Орышки» съ ея

дочерью Параской («Якъ ведется, такъ и живется»). Параска родилась и провела дѣтство въ экономіи пана Батіева; въ послѣдствіи она ходила на заработки въ эту экономію и тамъ близко сошлась съ какимъ то «панычемъ». Выйдя замужъ за сына богатаго казака Оныска Грыца—Йосыпа, Параска принесла лишь неурядицу въ семью своихъ новыхъ родственниковъ и отравила всю жизнь своему мужу.

Сюжетъ для двухъ слѣдующихъ разсказовъ—«Пьяныця» и «Ловы»—заимствованъ авторомъ не изъ крестьянской жизни. Въ первомъ изъ нихъ авторъ даетъ намъ психологическую картину, какъ даровитый молодой чиновникъ Иванъ Лывадный сталъ пьяницей и посмѣшищемъ въ средѣ своихъ сослуживцевъ. Причиной, такъ изуродовавшей жизнь Ивана Лываднаго, явился безшабашный братъ его Петро, легкомысленно насмѣявшійся надъ лучшими чувствами брата къ дочери его квартирной хозяйки. Во второмъ изъ названныхъ нами разсказовъ приподнята авторомъ завѣса надъ недоступной для посторонняго наблюдателя семейной жизнью полицейскаго чиновника—карьериста, молодая жена котораго измѣняетъ ему, спустя не болѣе недѣли послѣ ихъ свадьбы.

Въ сказкѣ «Правда и Кривда» авторъ въ поэтической формѣ коснулся вопроса о томъ, почему Кривда овладѣла всѣмъ міромъ, и какъ «чымъ дали, то все та Кривда роскориняется та шырытся, старшынуе та пануе на земли, а Правда голодна та холодна сневыкгае по свиту, горемъ сыта, слѣзамы полыга... Нихто їи знати не хоче. Часомъ тільки стари слипци, божи люде, згадують їи въ своихъ важкихъ писняхъ».

Таково содержаніе «оповиданъ, прыповистей та иншой дрибниці», помѣщенныхъ въ первомъ томѣ произведеній П. Мырного. Съ внѣшней стороны всѣ они болѣе или менѣе цѣльны и закончены. Лучшими по художественной цѣльности и законченности являются, по нашему мнѣнію, разсказы «Лыхый попутавъ», «Пьяныця», «Ловы», «Морозенко» «Середь степивъ». Сказка «Правда и кривда» очень растянута; этимъ же отличается вторая часть разсказа «Якъ ведется такъ и живется», а вторая половина «Лыха», какъ намъ кажется, написана эскизно.

Какъ писатель, П. Мырный обнаруживаетъ глубокое знаніе народнаго быта, тонкое пониманіе психологіи человѣка и богатую способность къ сильному, пластическому изображенію описываемыхъ явленій. Благодаря этому, въ произведеніяхъ П. Мырного мы находимъ дѣйствительную жизнь и живыхъ людей въ собственной имъ обстановкѣ.

Достаточно будетъ припомнить здѣсь мощную фигуру пана Башкыря, Ивана Лывадного, Катрю, Марыну или же трехъ пастушковъ изъ разсказа «якъ ведется такъ и живется» («День на пастивныку»). Авторъ съ большимъ искусствомъ изображаетъ бытовыя сцены. Укажемъ какъ на болѣе удачныя, на полную трогательной простоты и невинности сцену „жартивъ“ Ивана Лывадного съ Наталею, на цѣлый рядъ идиллическихъ сценокъ на „пастивныку“ между пастушкамы Ивасемъ, Грыцемъ и Васылемъ („Якъ ведется“...), на цѣлый рядъ необыкновенно сильно написанныхъ сценъ въ первой главѣ „Лыха“ вообще достойной кисти первокласснаго художника.

Не менѣе удачно изображаетъ П. Мырный картины природы. Его описаніе картинъ природы чаруютъ насъ сочностью и свѣжестью красокъ; одухотворенная природа подъ его перомъ живетъ полной и всесторонней жизнью. Цѣлый рядъ такихъ прелестныхъ картинъ мы находимъ въ разсказѣ автора „Середь степивъ“, и между ними лучшая—картина разсвѣта.

Тонъ всѣхъ произведеній автора помѣщенныхъ въ первомъ томѣ, вообще весьма простой и задушевный; нѣсколько приподнять онъ, какъ намъ кажется, только во второй главѣ разсказа „Морозенко“. Языкъ произведеній П. Мырнаго—вообще чистонародный, плавный и звучный. Въ вину автору можна было бы поставить нѣкоторые русизмы, ихъ, впрочемъ, немного: „*прытворялась*“ „*бовтався*“ („*теліпався*“), „*дернувъ*“ „*свиркнувши*“, „*дизнавшій*“. Встрѣчаются въ языкѣ автора и нѣкоторые провинціализмы, напр. „*пры плямку*“ (87 стр.) и малопонятныя выраженія, напр. „дворище з доливкой у три хаты“ (82 стр.) впрочемъ, языковыхъ дефектовъ у Мырнаго замѣчается очень немного: мы выписали здѣсь почти все, что казалось намъ неудобнымъ въ языкѣ, вообще безукоризненно-правильномъ.

Книга издана тщательно; корректурныхъ ошибокъ на 445 стр. книги не много. Цѣна книги вполне доступная 1 р. 25 к.

Изданіе полнаго собранія произведеній П. Мырнаго—это назрѣвшая потребность времени; отъ души можно пожелать этому изданію совершеннаго успѣха, на какой произведенія П. Мырнаго имѣютъ, по своимъ художественнымъ достоинствамъ, несомнѣнное право.

В. С.

Л. Яновська. „Дзвінъ до церкви скликае, та самъ у ії не буває. (Лисова квітка)“. *Комедія на 4 діи. Къивъ, 1903.*

Извѣстна всѣмъ та истина, что знаменемъ высокихъ идей часто прикрываются низкія личности съ сильными аппетитами къ общественному пирогу. Такой мелкой, подленькой личностью является герой пьесы г-жи Яновской — Андрій. Въ студенческіе годы онъ нахвтался «великихъ словъ»; можетъ быть, и искренно увлекался народническими идеями. По крайней мѣрѣ, своимъ вліяніемъ и убѣжденіями онъ научилъ отзывчивую дѣвушку Орыскъ—непосредственно служить народу, кормить голодныхъ и лѣчить больныхъ. Но, сбросивъ студенческій мундиръ, Андрій оставилъ и свои юношескія, идеальныя стремленія. Служебная карьера, правда, не соблазнила его, не отвѣчала—его лѣности, барскимъ замашкамъ и желанію быстро разбогатѣть. Андрій выбралъ путь болѣе легкій и скорый—увлечь притворной любовью скупающую богачку Людмылу и жениться на ея миллионѣ. Андрій привозитъ Людмылу въ свою деревню—въ голодный годъ. Здѣсь вся его дѣятельность сводится къ охранѣ денегъ Людмылы... отъ раздачи ихъ нуждающимся. Видъ страданій голодныхъ и больныхъ крестьянъ нисколько не трогаеть Андрія. Хвататься за ту работу, какая подъ рукой—это дѣло маленькихъ людей. Накормятъ они десятокъ голодныхъ, научатъ грамотѣ десятокъ пастуховъ—и довольны. Андрій «повыненъ выше литаты, шырше сягаты». Онъ понимаетъ, что «кандѣромъ голоду не переведешъ, пластыремъ усихъ болячокъ не загоишъ» (48). Андрій поставилъ себѣ цѣлью—всеобщее счастье людей, онъ хочетъ оздоровить весь край, спасти миллионы страдающихъ. Свое безсердечное бездѣйствіе онъ оправдываетъ тѣмъ, что молъ нужно сперва выработать «программу» и «организацію» для спасенія края. Въ дѣйствительности Андрій мечтаетъ лишь о томъ, какъ бы на деньги Людмылы купить для себя имѣніе. И эту мечту онъ прикрываетъ идейными соображеніями—«треба жъ маты грунтъ, де працювати; и земли треба не мало, щобъ було де розпростертысь».—Людмыла и Орыскъ (жертва весеняго студенческаго романа Андрія) преклоняются передъ Андріемъ, вѣрятъ ему безусловно. Учитель Сергій—истинный дѣятель народный—представляетъ имъ Андрія въ надлежащемъ свѣтѣ; но тѣ не хотять видѣть. Андрей уклоняется отъ дуэли съ Сергіемъ, по трусости, конечно; но показываетъ видъ, что онъ бережетъ жизнь ради своихъ обязанностей передъ народомъ, ради своихъ великихъ плановъ все-

общаго счастья. И Орыся вѣрить и принимаетъ трусость за необычайную силу воли, за геройство. Все удавалось Андрію, онъ былъ близокъ къ своей цѣли, и не достигъ ея только изъ-за неосторожности, по неопытности. За спиной постылой невѣсты Андрій приставалъ съ любовью къ служанкѣ—Зинькѣ. Его застали на нѣжной сценѣ—и на этомъ сорвалась вся тонкая сѣть его лицемѣрія и обмана. Такъ понимаемъ мы личность Андрія. Въ пьесѣ эта центральная фигура обрисована оч. неясно. Непонятно, кто же такой въ сущности Андрій,—карьеристъ ли только, или безхарактерный, безвольный идеалистъ. Неясны отсюда и отношенія Орыси къ Андрію. За что собственно она любитъ Андрія? Невѣроятно и ея слѣпое довѣріе къ лицемѣру.—Пьеса вообще страдаетъ недостаткомъ мотивировки въ взаимныхъ отношеніяхъ Андрія и Орыси.

Характеристики Орыси, Людмылы и Сергія также блѣдны и схематичны. Наиболѣе яркой и жизненной является фигура Зиньки. Этотъ образъ непосредственной, близкой къ природѣ дикарки наиболѣе удался автору. Зинька—простосердечна, сострадательна, наивна, и вмѣстѣ съ тѣмъ проникательна, наблюдательна, подчасъ хитра. Все въ ней—(въ особенности рѣчь) своеобразно и естественно. Отъ этой «Лисовой квітки» дѣйствительно какъ бы вѣетъ запахомъ лѣса, земли.

Пьеса посвящена вопросу объ отношеніяхъ нашей интеллигентной молодежи къ народу. Вся она—серьезна, идейна, будить мысль, и потому, несмотря на указанные художественные недочеты, комедія г. Яновской заслуживаетъ широкаго распространенія. Смѣло рекомендуемъ ее вниманію читателей.

Издана книжка прекрасно—на хорошей бумагѣ, четкимъ шрифтомъ, корректура тщательная. Принимая во вниманіе значительный объемъ (80 стр.) и небольшое количество экземпляровъ, нужно признать, что цѣна книжки назначена оч. недорогая—15 коп.

Ц. Г

С. А. Вѣлокуровъ: Юрій Крижаничъ въ Россіи (по новымъ документамъ). М., 1903 г.

Во II книгѣ „Чт. въ Обществ. Ист. и Древ. при Московск. университетѣ“ за 1903 г. былъ напечатанъ, вышедшій затѣмъ и отдѣльнымъ оттискомъ, прекрасный трудъ С. А. Вѣлокурова о Кри-

жаничѣ: поводомъ для его появленія было отысканіе и опубликованіе какъ г. Бѣлокуровымъ, такъ и другими лицами (М. И. Соколовымъ, О. Пирмингомъ) новыхъ документовъ о знаменитомъ хорватѣ. Документы эти освѣщаютъ многіе неясные до сихъ поръ факты изъ его жизни; тѣмъ не менѣе не мало остается и теперь еще темнымъ, и обстоятельный трудъ Бѣлокурова чуть ли не на каждой страницѣ пестритъ фразами: „это неизвѣстно“, «этого я не знаю» и т. п. Разумѣется, такую неполноту нельзя поставить въ вину изслѣдователю; но, миѣ кажется, онъ могъ бы гораздо полнѣе обрисовать личность Крижанича, для чего его произведенія даютъ совершенно достаточный матерьялъ. Авторъ же совершенно отклонилъ отъ себя эту задачу, придавъ своему изслѣдованію внѣшне-біографическій характеръ. Конечно, это его право; но—давно уже сказано, что плохую книгу судятъ по тому, что въ ней есть, а хорошую—чего въ ней нѣтъ.

Сочиненіе С. А. Бѣлокурова о Крижаничѣ состоитъ изъ шести главъ. Въ первой изложенъ обзоръ литературѣ о Юріѣ Крижаничѣ, полный, но недостаточно систематичный. Трудъ Бѣлокурова лишаетъ значенія всѣ бывшія до него работы по біографіи Крижанича, но не касается его, какъ политика, экономиста, литератора, грамматика и пр., относительно чего сдѣлано уже немало въ прежнихъ о немъ сочиненіяхъ. Вторая глава—Юріѣ Крижаничъ до пріѣзда въ Москву въ 1659 г.—сообщаетъ, между прочимъ, свѣдѣнія, не безынтересныя и для исторіи юго-западной Руси. Таковы страницы о пребываніи Крижанича въ Смоленскѣ, о жизни у пана Голынского (въ 1647 г.) о сношеніяхъ его съ Ад. Киселемъ. Еще интереснѣе поѣздка Крижанича въ 1659 г. въ Малороссію и пребываніе въ Нѣжинѣ, гдѣ онъ сыгралъ и политическую роль: когда послѣ Конотопской битвы въ Москвѣ считали Малую Россію потерянною, Крижаничъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновымъ повліялъ на то, что Нѣжинъ снова присягнулъ Москвѣ; а это имѣло немаловажное значеніе: примѣру Нѣжина послѣдовали другіе города, и результаты Конотопскаго пораженія оказались сглаженными. Имѣются еще кое-какія мелкія свѣдѣнія о положеніи южной Руси въ то время.

Третья глава—Юріѣ Крижаничъ въ Москвѣ въ 1659—1661 гг.; четвертая—онъ въ Сибири (1661—1676 г. г.);—въ этой главѣ есть указанія на литовскихъ людей и черкесъ, сосланныхъ въ Сибирь; пятая—Крижаничъ въ Москвѣ въ 1676—1677 гг. и шестая—годы

жизни ёго послѣ выѣзда изъ Россіи. Здѣсь довольно любопытныя свѣдѣнія о доминиканскихъ монахахъ въ Вильно.

Трудъ С. А. Бѣлокурова получилъ, по рецензії извѣстнаго знатока исторіи западной Руси Любавскаго, премію Г. Ѳ. Карпова.

Ал. Маркевичъ.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующія книжки журналовъ: 1) Журналъ Мин. Народн. Просвѣщенія, № 5; 2) Киевскія Университетскія Извѣстія, № 4; 3) Ученыя Записки Импер. Казанскаго Университета, № 3; 4) Варшавскія Университетск. Извѣстія, № 9 1902 г.; 5) Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2; 6) Труды Киевск. Дух. Академіи, № 4; 7) Земскій Сборникъ Черниговск. Губ., №№ 3 и 4; 8) Всемирный Вѣстникъ, № 3; 9) Научное Обзоріе, № 4; 10) Міръ Божій, №№ 4 и 5; 11) Русская Мысль, №№ 1, 2, 3, 4; 12) Русское Богатство, №№ 3 и 4; 13) Русскій Вѣстникъ, № 5; 14) Книжки Восхода, № 4; 15) Лит.-Наук. Вѣстн. № 5; 16) Русск. Арх. №№ 4 и 5; 17) Русск. Стар., № 4 и 5; 18) Вѣстн. Евр., № 4.

Журналъ Минист. Нар. Просв., № 5.

Н. М. Каринскій. «Остромирово Евангеліе какъ памятникъ древнерусскаго языка (стр. 94—110)». Въ этой вступительной лекціи разсказана исторія изученія даннаго памятника русскими филологами, начинающая съ Востокова, въ связи съ разработкой древне-русской письменности вообще и привлеченіемъ новаго сравнительнаго церк.-слав. матеріала.

П. В. Голубовскій. «Гдѣ находились существовавшіе въ домонгольскій періодъ города: Ворголь, Зартый, Оргушь, Сновскъ, Уненѣжъ, Хороборъ» (стр. 111—136). Данное изслѣдованіе представляетъ отвѣтъ на запросъ г. Бунина на XII-мъ археологич. съѣздѣ въ Харьковѣ. При рѣшеніи поставленнаго вопроса авторъ исчерпываетъ всѣ указанія лѣтописей и др. историч. источниковъ, приводитъ соображенія историковъ и даетъ массу своихъ положеній.

Университетскія Киевскія Извѣстія, № 4.

А. С. Грушевскій. Пинскіе акты XV—XVI вв. Приложение къ сочин. «Очеркъ исторіи Турово-Пинск. княжества» (продолженіе, стр. 65—96).

Здѣсь помѣщены дальнѣйшіе 17 документовъ (№№ 47—64), извлеченные изъ Литовск. метрики записей, кн. №№ 32 и 33.

На стр. 1—2. «Извѣстій» напечатанъ отчетъ о состояніи Кіевскаго Центрального Архива въ 1902 г.

Варшавскія университетскія извѣстія, № 9, 1902 г.

Проф. *И. П. Филевичъ*. *Къ исторіи Карпатской Руси*. (Продолженіе; стр. 33—40). Въ этой части очерка говорится о памятной дѣятельности Галицкой «Руской Рады» лѣтомъ 1848 г. Главнѣйшими фактами ея, сохранившими не только историческое, но и жизненное значеніе, были: успѣшная агитація передъ выборами въ Парламентъ (изъ 96 депутат. отъ Галиціи русиновъ было 35); петиція къ парламенту о раздѣлѣ Галичины—на русинскую и польскую части; ходатайство о преподаваніи на украинскомъ языкѣ въ народн. школахъ и о распространеніи этого языка въ друг. учебн. заведеніяхъ края.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, № 1 и 2.

В. Шенрокъ. Къ вопросу о вліяніи Гоголя на послѣдующихъ писателей (стр. 179—192). Подражаніе Гоголю выражалось, кромѣ усвоенія реализма, въ выборѣ и обработкѣ сюжетовъ, въ подражаніи юмору, манерѣ и приѣмамъ повѣствованія, даже въ перифразѣ и заимствованіи отдѣльныхъ выраженій. Подъ сильнымъ вліяніемъ Гоголя, и въ особенности его петербургскихъ разсказовъ, находился Григоровичъ.

А. Ветуховъ. Заговоры, заклинанія, обереги и друг. виды народнаго врачеванія. Часть II. Гл. I-ая. Заговоры отъ лихорадки (стр. 250—296). Здѣсь сведенъ богатый матеріалъ по данному вопросу изъ этнографіи славянской, преимущественно малорусской и германской; приводятся также греческіе и латинскіе заговоры.

Труды Кіевск. Духовн. Академіи, № 4.

Ө. Т. Критико-библіографическая замѣтка (окончаніе, стр. 665—680). Здѣсь продолженъ детальный разборъ книги проф. А. С. Лебедева «Бѣлгородскіе архіереи и среда ихъ дѣятельности»; рѣчь идетъ объ архипастыряхъ Досіеѣвѣ Богдановичѣ, Петрѣ Смѣличѣ, Іосафѣ Горленкѣ и Θεоктистѣ Мочульскомъ.

Земскій Сборникъ Черниговск. Губ. № 3 и 4.

А. Н. Малинка. Кобзари и лирники (№ 4, стр. 60—93). Послѣ общей характеристики и историческихъ справокъ о кобзаряхъ вообще, авторъ даетъ біографіи и перечисляетъ репертуаръ трехъ современниковъ—бандуриста Т. Пархоменка, лирниковъ Н. Дудки и Ал. Побегайла; затѣмъ приводитъ текстъ 7 №№ кобзарскаго репертуара съ бібліографическими и историко-литературными примѣчаніями. Языкъ и обстановка дѣйствія въ старинныхъ думахъ про Олексія Поповича и Васыля Удовыченка значительно обрусѣли: украинизовалась дума чисто-великорусскаго происхожденія «Похыленіе Второго Александра». Въ концѣ приложены образцы тайнаго языка лирниковъ. «Народъ съ глубокимъ интересомъ слушаетъ думы, разспрашиваетъ пѣвца о разныхъ событіяхъ и лицахъ, упоминаемыхъ въ нихъ, но, къ сожалѣнію, самъ пѣвецъ не можетъ давать надлежащихъ комментаріевъ. Желательно поэтому изданіе для народа сборника думъ съ поясненіями, необходимыми для пониманія его содержанія простымъ народомъ.

Въ приложеніяхъ продолжается печатаніемъ «Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка, 1729—30 гг.» подъ редакціей Н. П. Василенка (стр. 321—384).

Всемирный Вѣстникъ, № 3.

В. В. Святловскій пр.-доц. Очерки по экономической исторіи древней Руси (стр. 1—39).—Авторъ изслѣдуетъ, главн. образ., экономическое положеніе, социальную дифференціацію и нравы жителей Кіевской Руси. Въ древней Руси господствовали тѣ же экономическіе факторы, какъ и въ западной Европѣ, и наблюдался аналогичный процессъ—распаденія древняго натурально-хозяйственнаго уклада и переходъ къ денежному строю.

Міръ Вожій, №№ 4 и 5.

Н. Рожковъ. *Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.* Часть I-я Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Продолженіе). Гл. 3-я. Устройство общества въ Кіевск. Руси (стр. 74—96). Въ этой главѣ рѣчь идетъ объ общественныхъ классахъ—о смердахъ (свободныхъ людяхъ) и княжеской дружинѣ—болярахъ и отрокахъ, о составѣ этихъ классовъ и ихъ правахъ—гражданскихъ и политическихъ, личныхъ и корпоративныхъ, о положеніи свободныхъ

женщинъ, о закупахъ и залогахъ и ихъ обязанностяхъ.—Въ *IV-ой главѣ* (стр. 72—106) авторъ трактуеть о до-государственномъ бытѣ предъ приходомъ варяговъ—о верви и племени, и о политическомъ государственномъ строѣ: объ организаціи верховнаго управленія—въче, князь и боярская дума; объ управленіи, подчиненномъ-центральному и областному, затѣмъ, о цѣли государства—частные интересы—и о субъектѣ власти—личное государство. Въ социологическихъ обобщеніяхъ политическій и социальный строй сводится, гл. обр., къ экономической основѣ.

Въ *библиограф. отдѣлѣ* помѣщены рецензіи *М. Славинскаго*: 1—о всѣхъ брошюрахъ С.-Петербургск. «*Блаотворит. Общ-ва* изд. общепол. и деш. книгъ» (№ 4, стр. 113—116); 2—о книгѣ *Д. Бантъшицъ-Каменскаго*.—*Исторія Малой Россіи*. Изд. 4-е (№ 5, стр. 102—104); рецензіи сжаты и дѣльны.

Русская Мысль, №№ 1, 2, 3 и 4.

Н. Лебедевъ. *Бытъ крестьянъ и рабочихъ въ мѣстахъ посѣва свеклы*. (№ 1 стр. 101—121). Авторъ трактуеть о положеніи сельско-хозяйств. рабочихъ-украинцевъ харьковск. губ. въ экономіяхъ при сахарныхъ заводахъ; о заработной платѣ при посѣвѣ, прорывкѣ и копкѣ свеклы, о вліяніи работъ на здоровье, о болѣзняхъ и медицинской помощи, о жилищахъ и питаніи рабочихъ; въ заключеніе—о необходимыхъ улучшеніяхъ въ горькомъ положеніи рабочихъ. При обилии статистическ. данныхъ изслѣдованіе имѣеть строго-научный характеръ.

В. В. Каллашъ. Къ 50-лѣтію научно-литерат. дѣятельности *А. Н. Пыпина* (№ 4, стр. 175—179).—Эта замѣтка выясняетъ великое общественное значеніе научныхъ трудовъ *А. Н. П.*—по исторіи славянскихъ литературъ, русской литературы и этнографіи; въ особен. подчеркнута отношеніе *А. Н.* къ національной самобытности славянскихъ народностей.

Въ журнальномъ обзорѣнн № 3-яго (стр. 257—260) данъ обстоятельный разборъ очерка *С. Елпатьевского* «*Чужая красота*», гдѣ нарисованъ образъ украинской дѣвушки *Одарки*—погибшей горничной въ богатомъ домѣ. (Очеркъ помѣщенъ во II кн. *Міра Божьяго*).

Вл. Каллашъ. *Страничка изъ исторіи русск. народн. театра* (№ 2 стр. 100—115). Во 2-ой гл. этой статьи дана характеристика.

«мандрованихъ дякивъ—пыворизивъ» по изслѣдованію П. И. Жятецкаго «Мысли о нар. мал. дум.».

Въ библиографическомъ отдѣлѣ помѣщены отзывы о слѣдующихъ изданіяхъ: въ № 1—о книгѣ *Соколова и Хитрова*. Старина русской земли (стр. 24), объ альбомѣ *Хмьлевскаго* (въ Полтавѣ). Гоголь на родинѣ, (стр. 28—29) о «*Трудахъ XI-го Археологич. съезда въ Кіевѣ*», (стр. 30) во 2-мъ № дана рецензія объ изданіи «*Матеріалы для исторіи*» экономич. и обществ. быта *Старой Малороссіи*», под. ред. *Н. П. Василенка*. Вып. I и II. (Стр. 65—66); въ № 3—о кн. *А. С. Лебедева*. Бѣлгородскіе архіереи. (Стр. 103) и о сборникѣ—*Викъ* (1798—1898), тт. I—III 3-е изд.» (стр. 105—106); въ № 4—о кн. *В. А. Бертенсона*. По Югу Россіи. Сельско-хозяйств. очерки Вып. IV. (Стр. 153).

Русское Богатство, №№ 3 и 4.

Н. Карышевъ. Къ началу весенняго отхода. (№ 3, стр. 103—109). Въ этой замѣткѣ говорится о бѣдственномъ положеніи отхожихъ рабочихъ въ херсонской и друг. южн. губ.; фактическ. данныя заимствованны изъ работы г. Тезякова, въ заключеніе, подчеркивается необходимость законодательной охраны, здоровья и жизни рабочихъ.

Въ отдѣлѣ «Новыя книги» данъ отзывъ о трудѣ *Н. И. Тезякова*. «Рынки найма сел.-хоз. рабочихъ на Югѣ» вып. 2-ой (№ 4, стр. 65—67).

Літературно-Науковий Вістник, № 5-й.

Зміст: Изъ поезій *Сергія Павленка*: I. Не судилось, II. З поєми: «На батьківщину», III. Епіграф.—Изъ поезій *Уляни Кравченко*: Спогад.—Изъ поезій *Θ Дафненка*: Вродини хліборобського сина.—Изъ поезій *Θ. Д—ки*.—*Арсен Рушенко*: Сестри, оповидане (кинець).—*Андрій Веретельник*: По черзі, оповидане.—*Г. Коваленко-Коломацкій*:—Фотографіи з життя новобранця: I. На словесности, II. На гимнастиці, III. По обіді й до ночі.—*А. М. Варшавський*: Божевільні, фантазія.—*Анатоль Франс*: Під новий рік, нариси: I. Новорічна казка, II. Кренкебиль.—Изъ поезій *Іог. В. Гете*, пер. *П. О. Куліша*: III. Рибалка.

Олександра Ефименко. Національне роздвоєне в творчости Гоголя, нарис. — *Стефан Пятка*. Продукція нафти (скального олію) в

Бориславі.—*И. Ван т'Гоф*. Розвій природних наук у XIX віці—*В. Яич*. Александр Николаевич Пипін.—Дискусіи: IV. До питання про ество і ціну штуки, д-ра *Ивана Копача*. V. А може ще не все пропало?—*В. Доманицького*—Хроніка і бібліографія.

Русская Старина, № 4 и 5.

Н. Дубровинъ. Графъ А. Х. Бенкендорфъ и В. Н. Каразинъ (№ 4 стр. 5—27). Здѣсь розказана, на основаніи писемъ В. Н. Каразина, исторія его столкновения съ А. Х. Бенкендорфомъ въ періодъ опального состоянія перваго. Любопытно видѣть, какъ этотъ, обласканный было судьбою, человекъ попалъ въ немилость и, начиная съ 1804 года до конца своей жизни (въ 1842 г.), не могъ окончательно стать на ноги, несмотря на то, что писалъ постоянно письма разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ и даже самому государю.

Цензура въ царствованіе императора Николая I (№ 4). Въ главѣ 7-ой настоящаго изслѣдованія находимъ преинтересныхъ нѣсколько страницъ (177—181), касающихся вопросовъ о взглядахъ правительства на малорусскій языкъ въ 1843 году. Въ этомъ году кievскій генераль-губернаторъ Бибииковъ жаловался министру внутреннихъ дѣлъ и министру народнаго просвѣщенія, на нѣсколько статей, помѣщенныхъ въ русскихъ журналахъ въ пользу Польши. Изъ нихъ особенно отмѣчены были Бибииковымъ статьи Сенковского въ «Библиотекѣ для чтенія» по поводу «Исторіи Малороссіи» Н. Маркевича и «Михайло Чарнышенко» Кулиша. Бибииковъ возмущенъ былъ тѣмъ взглядомъ на исторію южной Руси, который характеризовалъ эту страну, какъ совершенно наново заселенную съ 13 ст. пустыню, благодаря чему въ Малороссіи и образовался языкъ, извѣстный нынѣ подъ названіемъ *малороссійскаго*. Глядя съ своей точки зрѣнія, генераль-губернаторъ Бибииковъ сталъ на защиту малорусскаго народа и языка и добивался, помимо всякихъ взысканій за напечатаніе этихъ статей, еще и опроверженія ихъ въ той-же «Библиотекѣ для чтенія». Въ концѣ концовъ статья эта была, по распоряженію Бибиикова, сочинена въ Кіевѣ и направлена къ министру народн. просвѣщенія для напечатанія въ «Библиот. для чтенія», что тогда-же и было исполнено. Любопытно отмѣтить здѣсь, что въ 1843 году власть усмотрѣла въ такой точкѣ зрѣнія на малорусскую народность чуть-ли не преступленіе, а пишущему эти строки пришлось лично выслушивать въ 1887 году,

тоже отъ большой власти, да еще и ученой, что-то въ родѣ вразумленія, что «въдъ малороссійскаго языка нѣтъ совсѣмъ, что это только испорченный русскій языкъ подѣ вліяніемъ польскаго» и пр.

В. В. Тимошукъ. Россія и папскій престолъ 1580—1601 гг. Въ этой статьѣ начало 8-ой главы посвящено характеристикѣ отношеній кв. Константина Острожскаго къ Поссевину по вопросу о соединеніи церквей и о введеніи въ русскихъ областяхъ новаго календаря (стр. 214—217).

Вѣстникъ Европы, № 4.

А. В. Романовичъ-Словагинскій. Моя жизнь и академическая дѣятельность (стр. 527—566). Въ настоящей книжкѣ напечатаны 8-я и 9-я главы, описывающія пребываніе молодого профессора за границей, и только въ концѣ 9-ой главы рассказано кратко о возвращеніи въ Кіевъ въ 1862 г.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

«Россія», т. VII. Малороссія, ц. 2 р. 50 к., изд. Девріена. Фирма Девріена продолжаетъ свое громадное предпріятіе, изданіе полнаго географическаго описанія Россіи. Въ VII-ой томѣ, названный „Малороссіей“, вошло описаніе, собственно говоря, только лѣво-бережной Украины: губерній Черниговской, Полтавской и Харьковской, т. е. не всей Малороссіи. Цѣль, преслѣдуемая изданіемъ—двоякая: съ одной стороны, дать научную географію нашего отечества по образцу географіи Реклю, съ другой, дать нѣчто въ родѣ рус. Бедекера.

Стремленіе сдѣлать изъ своей книги кромѣ ученой географіи, и доступный путеводитель, побудило редакторовъ описывать населенные пункты по ходу желѣзнодорожныхъ линій. Мы считаемъ это ошибкой и думаемъ, что школьное описаніе по уѣздамъ и губерніямъ было бы цѣлесообразнѣе особенно въ виду того, что къ изданію приложенъ очень подробный указатель именъ.

Къ изданію приложены прекрасная карта трехъ малороссійскихъ губерній и масса рисунковъ и фотографій, изъ которыхъ большинство очень удачны. («Южное Обозрѣніе», № 2133).

Въ 7726 № «Южнаго Края» напечатана замѣтка проф. Сумцова «Географическія неудачи г. Харькова»; здѣсь указаны болѣе характерныя изъ многочисленныхъ, мѣстами смѣхотворныхъ, ошибокъ въ описаніи Харькова въ VII т. изданія Девриена. «Россія. Полв. геогр. опис. н. отеч-а».

Г-жей Л. Д. Левитонъ переведена на украинскій языкъ извѣстная драма Гауптмана «Извозчикъ Геншель», разрѣшенная на дняхъ драматической цензурой къ представленію подъ названіемъ «Друга жинка». Другой переводъ г-жи Левитонъ на малорусскій языкъ, пьесы «Власть тьмы», съ личнаго разрѣшенія автора пьесы, къ сожалѣнію, не допущенъ къ представленію той же цензурой. („Югъ“, 1481).

На дняхъ выйдетъ изъ печати въ Одессѣ украинскій альманахъ подъ названіемъ „Зъ надъ хмаръ и зъ долынь“, подъ редакціей Миколи Вороного; кромѣ того, здѣсь же готовится къ печати другой альманахъ на украинскомъ же языкѣ, редакторомъ котораго называютъ молодого украинскаго писателя Липу. («С.-Петербургск. Вѣд.»), № 117.

Въ 1791 № „Приднѣпровскаго Края“ находимъ замѣтку „Какъ образовалось малорусское племя?“ — пересказъ замѣтки Котовича „Пока лѣсъ шумить“ (см. „С.-Петербург. В.“, № 97). Здѣсь представлена схема образованія двухъ русскихъ народностей, по изслѣдованіямъ проф. Ключевского. Выводъ: ни великорусское, ни малорусское племя—не чистославянское. Чистаго славянина надо искать въ Волынскомъ Полѣсьѣ, которое осталось чуждымъ западно-европейскаго вліянія.

Въ 419 № «Вѣстника Юга» находимъ статью Т. Романченка «Памяти И. И. Манжуры (По поводу 10-лѣтія со дня смерти, 3/у 1893—3/у 1903 гг.)». Авторъ даетъ характеристику Манжуры, какъ этнографа, поэта и литератора, подчеркиваетъ невзгоды и лишенія его страдальческой жизни; въ заключеніе—дѣлаетъ призывъ, чтобы знакомые и почитатели наши затерянную могилу Манжуры и замѣнили бы сгнившій крестъ хорошимъ, новымъ крестомъ, также, чтобы кто-либо изъ лицъ близко стоявшихъ къ покойному писателю, почтилъ память его болѣе обширной статьей или біографическимъ очеркомъ.

Въ 7722 № «Южнаго Края» помѣщена статья В. Кривенко «Галицкая Русь»; авторъ ополчается противъ литературныхъ и политическихъ стремленій галицкихъ украинцевъ, впрочемъ, точка зрѣнія его крайне сбивчива и неопредѣленна.

Въ газ. «Сѣверный Кавказъ» находимъ обстоятельную статью Ал. Гавриша о Н. В. Лысенко, посвященную характеристикѣ его музыкальнаго творчества.

Въ «Полтав. Вѣстн.» (№ 75) напечатана статья В. Василенка «Еще къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка». Здѣсь авторъ дѣлаетъ предложенія о характерѣ подарка юбиляру и между прочимъ высказываетъ мысль о покупкѣ для подарка усадьбы надъ Днѣпромъ.

Въ 50 № „Сѣвернаго Кавказа“ помѣщена обширная статья Ал. Гавриша «М. Л. Кропивницкій». Въ виду предстоящаго 35-лѣтняго юбилея литературно-артистической дѣятельности Кропивницкаго, авторъ подробно перечисляетъ заслуги почтеннаго юбиляра для украинскаго театра, полутно приводитъ историческія справки о тяжеломъ административномъ гнетѣ лежавшемъ на нашей сценѣ.

Въ № 44 „Сѣвернаго Кавказа“ напечатанъ разсказъ В. Д. Марковича „Шматокъ“ въ переводѣ Ал. Гавриша.

Въ „Горнозаводскомъ Листкѣ“ помѣщена статья инженера Фоякова о промышленности южной Руси. Промышленность у насъ создается и направляется исключительно иностранцами, преимущественно бельгійцами. Изъ 18-ти доменныхъ заводовъ, перечисленныхъ авторомъ, нѣтъ ни одного русскаго („Южн. Край“, № 7720).

Въ 88 № «Волини» помѣщенъ очеркъ „Уголокъ старой Волини“, посвященный характеристикѣ дворянъ земледѣльцевъ с. Березовки съ громкими фамиліями Тышкевичей, Чаплинскихъ и др.; эти дворяне-крестьяне представляютъ значительный этнографическій и историческій интересъ.

Въ 118 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», въ 92 № «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдом.», въ «Курьеръ» и въ 7711 № «Южнаго Края» находимъ извѣстіе о предстоящемъ открытіи памятника И. П. Котляревскому.

Въ 121 № «Кіевской Газеты» находимъ сообщеніе о кобзарѣ Терентіи Пархоменка; здѣсь же высказывается пожеланіе, чтобы кіевскіе хранители украинской старины постарались будущей осенью устроить концертъ лирниковъ, пѣсенниковъ и бандуристовъ.

Въ 1800 № «Приднѣпровскаго Края» помѣщена статья А. С—ого «XIII археологическій сѣздъ въ Екатеринославѣ», излагающая задачи и программу сѣзда.

«Клады и древности Херсонской губерніи». Книга первая, съ 157 рисунками. (Бесплатная премія для подписчиковъ «Юга» на 1902 г.). Херсонъ, 1903 года.

Въ предисловіи авторъ объясняетъ цѣль своей книги: дать возможность всему грамотному населенію ознакомиться съ богатствами, вѣками накопившимися у насъ въ землѣ: денежными кладами и памятниками старины. При этомъ приводятся результаты поисковъ кладовъ, свѣдѣнія о кладахъ, дѣйствительно найденныхъ, и о народахъ, которымъ они принадлежали. Авторъ подробно описываетъ древнія монеты, находимыя въ почвѣ Херсонской губерніи и даетъ точныя ихъ изображенія.

Во второмъ отдѣлѣ книги изложены свѣдѣнія о древностяхъ, которыя хранятся въ могилахъ прежнихъ обитателей нашего края, указаны правила научной раскопки кургановъ и затѣмъ подробно описаны древности «киммерійской эпохи» по VII вѣку до Рождества Христова. Всѣ предметы, о которыхъ говорится въ этой части книги, показаны на рисункахъ. («Югъ», 1472).

Въ 1801 № «Приднѣпровск. Края» и въ 1480 № «Юга» напечатана статья „О Днѣпровскихъ лопманахъ“—историческій очеркъ правового и экономическаго положенія этихъ потомковъ запорожцевъ, обитателей с.с. Старые Кайдаки и Камянка.

Въ „Вѣдом. Сельск. хоз. и Пром.“ находимъ обстоятельную статью г. П. Федоренка «О чехахъ колонистахъ дубенскаго у. Волыжск. губ.», выясняющую вліяніе этихъ иноземцевъ на мѣстное населеніе, какъ учителей сельск. хозяйства.

О составленіи исторіи Кубанскаго казачьяго войска.

Въ высшемъ центральномъ войсковомъ учрежденіи возникъ вопросъ относительно составленія исторіи казачьихъ войскъ. Военный Министръ приказалъ «поспѣшить составленіемъ подробныхъ историческихъ трудовъ по каждому изъ казачьихъ войскъ, по опредѣленной программѣ о его прошломъ и затѣмъ составить по общей программѣ описаніе о настоящемъ казачьихъ войскъ».

По порученію, г-на начальника Кубанск. обл., начальникомъ войскового штаба—сдѣлаю предложеніе принять на себя трудъ по составленію исторіи Кубанскаго казачьяго войска, послѣ отказа проф. Эварницкаго, принадлежащему къ сословію Кубанскаго войска, почетному члену Кубанскаго обл. статистическаго комитета и завѣдующему статистическимъ отдѣленіемъ воронежской губ. земской управы Федору Андреевичу Щербинѣ, который изъявилъ согласіе принять на себя этотъ трудъ. Г. Щербина представилъ уже докладную записку Г-ну Начальнику области, въ которой изложены: во 1-хъ, организація труда по составленію исторіи войска; во 2-хъ, разработана программа этой исторіи и въ 3-хъ, опредѣленъ срокъ окончанія этого труда и смѣта расходовъ на это. Для составленія исторіи войска потребуется два года; расходовъ на составленіе и изданіе исторіи исчислено всего 26,900 руб. (Кубанск. обл. вѣд., № 101).

Въ 76 № «Волины» напечатана историческая замѣтка «Житомиръ въ 1825 году», на основаніи описанія Ант. Гатонія, бывшаго тогда президентомъ житом. город. магистрата.

Stolyhwo, K. Czaszka z Gadamki.— Въ изданіи *Wszechświat*, (1903, № 15, pp. 225—227, 1 рис.) напечатана статейка; въ ней описанъ черепъ, выкопанный зъ 1888 году у деревни Гадомки или Воли, каневскаго уѣзда кіевской губерніи г. Хойновскимъ. Черепъ принадлежалъ скелету, лежавшему въ скорченномъ положеніи, безъ всякихъ

предметовъ, на глубинѣ 472 футовъ ниже основанія кургана, въ которомъ (надъ вышеупомянутымъ скелетомъ) найдено погребеніе двухъ полянъ (?) съ осѣданными конями и съ оружіемъ. Подробныя измѣренія автора приводятъ къ выводу, что описываемый имъ черепъ принадлежитъ къ долихоцефалическимъ, низкимъ и узконосымъ (по Брока). Черепъ этотъ мужской, съ очень покатымъ лбомъ и сильно развитыми подборвными дугами; относится къ Неандертальскому типу.

Кружокъ вѣнскихъ русиновъ вмѣстѣ съ русинскимъ парламентарнымъ клубомъ и „Народнымъ Комитетомъ“ основали русинскій журналъ на нѣмецкомъ языкѣ—*Ruthenische Revue*. Журналъ будетъ трактовать только объ украинскіихъ дѣлахъ, будетъ помѣщать статьи политическія, научныя и историческія,—давать біографіи виднѣйшихъ нашихъ дѣятелей и т. п. Первый номеръ вышелъ въ началѣ мая. Во второмъ № будетъ данъ краткій обзоръ украинской исторіи, и—приложена карта Украины-Руси. Важнѣйшія статьи будутъ печататься также въ переводѣ на французскій и англійскій языки. Въ журналѣ обѣщали принимать участіе всѣ виднѣйшіе писатели «украинской партіи», депутаты и учителя гимназій. Подписная цѣна—4 кор. Нужно надѣяться, что русинское общество, понимая всю важность этого изданія, окажетъ ему сильную матеріальную и нравственную поддержку, чтобы *Ruthenische Revue* дѣйствительно стать публицистическою трибуной предъ форумомъ Европы («Діло», 89).

Уполномоченный по екатеринославской губерніи попечительства государыни императрицы Маріи Фѣдоровны о глухонѣмыхъ, въ цѣляхъ усиленія средствъ на обученіе и призрѣніе глухонѣмыхъ въ екатеринославской губерніи (для устройства школъ-хуторовъ, мастерскихъ, рабочихъ домовъ и проч.) предполагаетъ выпустить сборникъ произведеній и статей на русскомъ и украинскомъ языкахъ съ такимъ расчетомъ, чтобы вырученныя отъ продажи сборника деньги употребить на организацію вышеуказанныхъ учрежденій для глухонѣмыхъ. Съ этой цѣлью уполномоченный обратился уже къ извѣстнымъ украинскимъ и русскимъ писателямъ, приглашая ихъ принять участіе въ предполагаемомъ изданіи. Несомнѣнно, что дѣло это встрѣтитъ полное сочувствіе, какъ со стороны литераторовъ, такъ и со стороны русской и

української інтелігенції, и сборникъ зтого вскорѣ разоидеться. («Вѣстникъ Юга», № 401).

Въ № 24 газ. «Русланъ» др. Ярославъ Окуневскій помѣстивъ интересныя воспоминанія о М. П. Драгомановѣ, относящіяся къ 1891—1893 гг. Въ №№ 45 и 46 той же газеты начато печатаніемъ письмо въ редакцію М. Павлика, „М. Драгомановъ“, високій рівень українства, та «нова ера»,—являющееся возраженіемъ на «Замітку до згадки д-ра Я. Окуневскаго про Драгоманова», помѣщенную въ №№ 26 и 27 «Руслана».

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бертенсонъ В. А. По Югу Россіи. Сельско-Хозяйств. очерки наблюденія и замѣтки. Вып. IV. Одесса.

Бодревичъ Данило, свящ. *Стежечка* в рай або майске богослужене. Львів, 1903. стор. 144 ц. 1 кор.

Гребенка. Е. П. Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ. Изд. Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1903 г.

Деде В. Солдатики! Малюнок з селянскихъ розрухів. 5-й вип. «Науки і Розвага». Чернівці, 1903, стор. 16.

Жерела до історіи України-Руси. Вид. археографічн. Коміс. Наук. Тов. ім. Шевченка. Том VII. Люстрація королівщин в руськихъ земляхъ корони з р. 1570. У Львові, 1903. П+362 стор.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. 1903, кн. II (Рік XII, т. LI). Львів. Зміст: 1) Прешбурський з'їзд в справі спадщини по Бабенбергахъ (причинок до історіи великого австрійского безкоролівя), написав Богдан Барвінський.—2) «До справи хронологічної звязи в Галицько-волинській літописи», нап. Михайло Грушевський.—3) Галицько-руська бібліографія за роки 1772—1800, подав Іван Ем. Левицький.—4) Пісенні новотвори в українсько-руській народній словесности, подав. Волод. Гнатюкъ (конець). Miscellanea. Наукова хроніка. Бібліографія.

И. П. Котляревскій. „Наталка-Полтавка“—малороссійская оперетта. Провѣренный текстъ (по изданію 1838 г. и по открытому списку 1820 г.)—подъ ред. И. Стешенка. Кіевъ, 1903 г., стр. 46, ц. 15 коп.

Карольковъ К. Златоустовская (желѣзная) церковь въ Кіевѣ. Кіевъ, 1892 г., 46 стр. Цѣна 10 коп.

Левицкій Иванъ Ем. Галицько-руська бібліографія за р.р. 1772—1800. Відбитка з «Записокъ Наук. Тов. ім. Шевченка том III. У Львові, 1903, стор. 44.

Левицкій Иванъ Ем. Погляд на розвій низшого і висшого шкільництва в Галичині в р.р. 1772—1800 і розвій руско-народного шкільництва въ р.р. 1801—1820. Передрукъ з «Збірн. істор-філософ. секцій», том V. Львів, 1903. Стор. 71.

О. И. Левицкій. Отчетъ объ осмотрѣ старинныхъ храмовъ въ г. Полтавѣ и въ мм. Багачкѣ и Шишакахъ, миргор. у. (Оттискъ изъ «Чтеній Историч. Общ. Нестора-Лѣтописца»), Кіевъ, 1903 г., 29 стр.

О. И. Левицкій. Исторія одного древняго Волынскаго храма. (Оттискъ изъ журнала «Кіев. Старина»). Кіевъ, 1903 г., 21 стр., ц. 15 к.

Миклашевскій И. Н. Древне-руськіе поземельные кадастры. Спб. 1903, стр. 34, ц. 40 к. (Оттискъ изъ Записокъ Импер. Акад. Наук, т. VI, № 1).

Ой, не намъ в кайданахъ ходити. міщаний хор і мужеский «а сарелла». Слова Підгірянки, муз. Кишакевича. Видан. Станислав. Бояна, ч. 10, ц. 60 сот.

Памяти Гоголя. Научно-литературный Сборникъ, изданный Историческимъ Обществомъ Нестора-Лѣтописца, подъ редакціею Н. П. Дашкевича, Кіевъ, 1902 г., 579 стр., съ 6 портретами и 5 рисунками. Цѣна 4 р. 50 коп.

Русско-Еврейскій Архивъ. Документы и матеріалы для исторіи евреевъ въ Россіи. Томъ III. Документы къ исторіи польскихъ и литовскихъ евреевъ (1364—1569). С.-Петербург., 1903 г. Стр., 284. Цѣна 1 р. 50 коп.

В. Соколовъ и Хитровъ. Старина русской земли. 1. Древняя Русь. 1-я книга для чтенія по отечеств. исторіи. Изд. Думнова. Москва, 1903 г.

Сборникъ Императорскаго русскаго историческаго Общества. Томъ 114. Юрьевъ, стр. 750, ц. 3 р. Томъ 115. С.-Петербургъ, стр. 567, ц. 3 р. Томъ 116. С.-Петербургъ, стр. 602, ц. 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ ТОМА 81-го:

апрѣль, май, іюнь, 1903 г.

Книга первая—апрѣль.

О т д ѣ л ь I.

- I. КЪ ИЗУЧЕНІЮ УКРАИНСКАГО НАРОДНАГО МІРО-ВОЗЗРѢНІЯ. Экономическія отношенія. *Ф. Рыльского* . . . . . 1—23
- II. ПРОПАЩА СЫЛА. Повесть (Продолженіе). *Панаса Мырнаго та Івана Билька* . . . . . 24—54
- III. ПИСЬМА КЪ ГР. ПЕТР. ДАНИЛЕВСКОМУ. (Продолженіе). Сообщ. *Д. Вагалъй* . . . . . 55—78
- IV. ТИМОФЕЙ БОРДУЛЯКЪ. *Е. К.* . . . . . 79—96
- V. ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ МѢСТНОСТИ, СОСТАВЛЯВШЕЙ ПОЛТАВСКІЙ ПОЛКЪ. (Неоконченная рукопись А. М. Лазаревского). . . . . 97—107
- VI. СВЯТЫЙ ГОРОДЪ. Повесть. Присвячуется вѣчной памяти любого моего дядька Хведора Хведоровича Лашинського). *Б. Лазаревського* . . . . . 103—123
- VII. УКРАИНСКІЯ КОЛЯДКИ. (Продолженіе). *О. Пчилкы*. . . . . 124—160

О т д ѣ л ь II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Розыски волшебниковъ и отравителей въ Нѣжинскомъ полку въ 1767—1777 г.г. *О. Л.* б) Къ вопросу о происхожденіи названія Полтавы *Н. В—ка*; в) Къ біографіи кievскаго митрополита Серапіона Александровскаго. Сообщ. *Л. М.*; г) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *А. Мёрдеръ*; д) Къ біографіи украинскаго философа Григорія Савича Сковороды. *Н. Петрова* . . . . . 1—18

П

ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ	18—56
II. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Акты, издаваемые Виленскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXIX. Акты о евреяхъ. <i>О. Л.</i> ; б) С. А. Енохинъ. На вику, якъ на довгій ныви. <i>В. Мирвоця</i> ; в) Творы О. Я Конискаго-Перебенди т. IV. <i>В. С.</i> ; г) А. Андриевскій. Обь отношеніи Т. Г. Шевченка къ жизни. <i>В. Мирвоця</i> ; д) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ 1902 г., кн. 3 и 4. <i>В. Д.</i> ; е) Обзоръ журналовъ текущаго года; ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.	57—85

Книга вторая—май.

О т д ѣ л ь I.

• I. КЪ ИЗУЧЕНІЮ УКРАИНСКАГО НАРОДНАГО МИРОВОЗРѢНІЯ. Экономическія отношенія. (Окончаніе). <i>Ө. Рыльскаго</i>	161—191
• II. УКРАИНСКІЯ КОЛЯДКИ. Глава III. (Продолженіе). <i>О. Пчилки</i>	192—230
III. ПРОПАЩА СЫЛА. Частына друга. <i>Панаса Мырного та Ивана Билыка</i>	231—285
IV. ПИСЬМА КЪ ГР. ПЕТР. ДАНИЛЕВСКОМУ. (Окончаніе). Сообщ. <i>Д. Багалъй.</i>	286—301
• V. САНИТАРЪ. Оповиданія ликаря. <i>М. Левицького.</i>	302—314
• VI. I. М. БОДЯНСКІЙ И ЕГО ЗАСЛУГИ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ МАЛОРОССІИ. (Продолженіе). <i>Н. Василенка.</i>	315—346

О т д ѣ л ь II.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Два письма къ Н. И. Костомарову; б) Старинная картина не на своемъ мѣстѣ. <i>О. Л.</i> ; в) Къ исторіи народнаго повѣрья о „скарбахъ“ (кладахъ). <i>О. Л.</i> ; г) Школа чиstopисцевъ, существовавшая въ Полтавѣ. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; д) Пастырская увѣщательная грамота Кіевскаго митрополита Гавриила. Сообщ. <i>В. С.</i> ; е) Народныя повѣрья, суевѣрія и примѣты, приуроченныя къ „Благовищеню“. Сообщ. <i>Ив. Бгньковскій</i> ; ж) Легенда о горохѣ. Сообщ. <i>Ив. Бгньковскій</i>	85—100
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ.	100—122
• II. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Дубове лыстя. Альманахъ на згадку про П. О. Кулиша. <i>В. Мирвоця</i> ; б) Ганна Барвинокъ (О. М. Кулишева). Оповиданія зъ народнихъ устѣ. <i>В. Ми-</i>	

III

- ровця; в) Хроніка українсько-руського Наукового Товариства імени Шевченка у Львови. Вип. I. Р. 1903. В. Д.; г) Б. Гринченко. Хто робить, той і має. Оповідання про Джемса Гарфільда. В. *Мировця*; д) Линевиць Д. О разверстаніи и хуторскомъ хозяйствѣ. Л. С. Л.; е) Обзоръ журналовъ текущаго года: ж) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ . . . . . 123—143

Книга третья — июнь.

О т д ѣ л ь I.

- I. УКРАИНСКІЯ КОЛЯДКИ. (Окончаніе). О. *Пчилки*. . . 347—394
• II. ПРОПАЩА СЫЛА. Повесть (Продолженіе). *Панаса Мырного та Ивана Бильжа*. . . . . 395—422
III. ИЗЪ ГАЛЛЕРЕИ ОТЖИВШИХЪ ТИПОВЪ: Дмитріево-свалскій протопопъ Гапоновъ. (Этюдъ къ характеристикѣ церковнаго управленія конца XVIII и начала XIX в). Д. *Булгакова*. . . . . 423—455
IV. ОЧЕРКИ ИЗЪ ПРОШЛАГО И НАСТОЯЩАГО ЧЕРНОМОРСКАГО ПОВЕРЕЖЬЯ КАВКАЗА. Гл. I. Л. С. *Личкова*. . . . . 456—486
• V. ГРЫЦЬКО ГРЫГОРЕНКО. В. *Леонтовича*. . . . . 487—506
• VI. МАЛОРОССЫ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. А. *Ирпенскаго*. . . . . 507—516

О т д ѣ л ь II.

- I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Штунда въ Волынской губерніи; б) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. А. *Мёрдеръ*; в) Реестръ вѣновной 1774 г. Сообщ. А. *Шр—ко*; г) Купальскіе обряды въ сквирскомъ уѣздѣ. Сообщ. Л. К.; д) Потомокъ Семена Палія на службѣ въ полтавскомъ депутатскомъ собраніи. Сообщ. И. Ф. *Павловскій*; е) Вирши о смерти въ синодикѣ XVIII ст. Сообщ. I. *Егоровъ*. . . . . 149—169
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 169—196
• II. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Иванъ Тобилезиць (Карпенко-Карый). Драмы и комедіи. Томъ III. П. Г.; б) Панась Мырный. Книжка перша творивъ. В. С.; в) Л. Яновська. Дзвинъ до церкви склыкае, та самъ у ій не буває. (Лисова квитка). П. Г.; г) С. А. Бѣлокуровъ: Юрій Крижаниць въ Россіи (по новымъ документамъ). Ал. *Маркевичъ*; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . 197—222